
НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
1878
ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ
НИВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
На Большой Морской
улицѣ, д. Росмана № 9.
П. МАРКОВ. рис.
К. ВЕЙЕРМАНЪ.

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1878 годъ.

Стр.

I. Стихотворенія.

II. Романы, повѣсти, разсказы и проч

III. Біографіи и Характеристики.

IV. Историко-археологическіе очерки.

V. Этнографическія картинки и культурно-историческіе очерки.

VI. Естествознаніе.

Стр.

VII. Астрономія.

VIII. Живопись.

I Отдѣлъ.

II Отдѣлъ. **Литературный альбомъ.**

IX. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

X. Архитектура и скульптура

XI Иллюстрированная хроника войны

XII Всемірная выставка въ Парижѣ

XIII. Современности.

XIV. Тиражъ выигрыш. Госуд. банка.

Рисунки и портреты.

Дозволено цензурою 16 Декабря 1878 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ СПБ. Больш. Морская, № 9. Тип. [illegible], Англійскій пр., № 10

№ 1 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 2 Января 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ЯНВАРЬ съ 26 рисунками и тдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 32 рисунками рукодѣльныхъ работъ и 22 вензелей для мѣтки бѣлья.

Өедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Өедоръ Михайловичъ Достоевскій безспорно принадлежитъ къ самымъ талантливымъ и популярнымъ русскимъ писателямъ настоящаго времени. Но прежде чѣмъ говорить о его значеніи въ современной русской художественной литературѣ, приведемъ здѣсь нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ самомъ.

Өедоръ Михайловичъ родился въ 1822 году, въ Москвѣ. Отецъ его былъ докторъ и имѣлъ большое семейство. Очень рано у Өедора Михайловича оказалась неудержимая страсть къ художественной литературѣ и исторіи. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ ужь прочелъ почти всего Вальтеръ-Скотта, а исторію Карамзина училъ наизустъ. Пятнадцати лѣтъ Өедора Михайловича и его старшаго брата отецъ перевезъ изъ Москвы въ Петербургъ, для опредѣленія въ главное Инженерное училище. Здѣсь для юноши началась совершенно новая жизнь. Говоря объ этомъ времени, Өедоръ Михайловичъ постоянно вспоминаетъ свою

Өедоръ Михайловичъ Достоевскій. С фотографіи рис. и грав. А. Нейманъ.

встрѣчу съ Иваномъ Николаевичемъ Шидловскимъ и благотворное вліяніе на него этого человѣка. Не смотря на большое образованіе и талантливость, Шидловскій не оставилъ по себѣ памяти въ нашей литературѣ, но онъ оказалъ ей весьма большую услугу, подготовивъ такого писателя какъ Достоевскій, а потому его имя, особенно въ этой статьѣ, стоитъ упоминанія.

Черезъ годъ по опредѣленіи въ училище, братья Достоевскіе лишились родителей, и это обстоятельство много способствовало ихъ сближенію. Съ этого времени между ними началась горячая дружба, которая продолжалась неизмѣнно до самой смерти старшаго — Михайла Михайловича.

Өедоръ Михайловичъ прекрасно учился, но ученію все же нѣсколько вредила страсть его къ литературѣ и исторіи. Не смотря на это, онъ окончилъ курсъ *третьимъ* изъ 30 человѣкъ. Выйдя изъ офицерскаго класса, служилъ онъ годъ въ Петербургѣ, въ Инженерномъ департа-

ментѣ, но служилъ спустя рукава, и подалъ въ отставку безъ опредѣленныхъ цѣлей. Онъ только ясно видѣлъ, что эта служба не по немъ, что нужно начать что нибудь, но что начать—еще не зналъ. Однако призваніе его скоро выяснилось. Неожиданно для друзей своихъ, и можетъ быть для самаго себя, онъ вдругъ написалъ свою первую повѣсть „Бѣдные люди", которая появилась въ январѣ 1846 года, въ „Петербургскомъ Сборникѣ". Эта повѣсть сразу произвела впечатлѣніе. Бѣлинскій, самое авторитетное лицо того времени въ области литературы, расхвалилъ ее. Но черезъ годъ у Ѳедора Михайловича начались всевозможныя литературныя непріятности и ссоры. Ко всему этому присоединилась болѣзнь — какое-то странное нервное раздраженіе, продолжавшееся два года. Этотъ тяжелый періодъ кончился для Достоевскаго его арестомъ: онъ оказался замѣшаннымъ въ дѣло Петрашевскаго. Сидя подъ слѣдствіемъ, написалъ онъ свой прелестный разсказъ „Маленькій герой". Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, но потомъ срокъ этотъ былъ сокращенъ на 4 года. Четыре года и три мѣсяца провелъ Ѳедоръ Михайловичъ въ Сибири, затѣмъ поступилъ въ рядовые и черезъ два года, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра Николаевича, былъ произведенъ въ офицеры.

Вліяніе этой ссылки на нашего писателя было самое благотворное и отрезвляющее. Онъ самъ не разъ, даже печатно, говорилъ объ этомъ.

Въ 1856 году Ѳедоръ Михайловичъ въ Сибири женился. Къ этому времени относятся его произведенія: „Дядюшкинъ сонъ" и „Село Степанчиково".

Какъ ни полезно было вліяніе новой жизни, въ которую обстоятельства бросили Ѳедора Михайловича, но все же эта жизнь, уничтоживъ его нравственныя волненія, произвела въ немъ болѣзнь, отъ которой онъ не можетъ до сихъ поръ избавиться. Болѣзнь эта мѣшала ему служить и онъ получилъ разрѣшеніе жить въ Твери, гдѣ и прожилъ четыре мѣсяца, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ всѣми своими старыми друзьями, сразу занялъ видное мѣсто въ литературѣ и скоро выпустилъ въ свѣтъ свой chef d'oeuvre: „Записки изъ мертваго дома". Сначала книга эта была запрещена, но ее разрѣшили весьма скоро. Это прекрасное произведеніе было прочтено всей Россіей и упрочило Ѳедору Михайловичу имя первоклассного писателя.

Черезъ годъ онъ сталъ участвовать въ издаваемомъ братомъ его Михайломъ Михайловичемъ журналѣ „Время". Въ 1863 г. умерла его жена, а затѣмъ и братъ: журналъ остался на его рукахъ. Дѣла стали разстраиваться—очень многіе считали умершимъ не Михайла Михайловича, а Ѳедора Михайловича и этотъ слухъ повредилъ распространенію журнала, такъ что скоро прекратилось его изданіе. Это время Ѳедоръ Михайловичъ считаетъ очень тяжелымъ для себя временемъ. Кромѣ всякихъ невзгодъ матеріальныхъ, были и другія невзгоды: пришлось разочароваться во многихъ друзьяхъ. При такихъ то обстоятельствахъ ушелъ онъ окончательно въ себя, работалъ неутомимо надъ новымъ художественнымъ произведеніемъ, которому скоро суждено было стать на ряду съ образцовыми произведеніями русской литературы. Этотъ трудъ былъ романъ „Преступленіе и наказаніе", появившійся въ 1865 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Въ 1867 году Достоевскій вторично женился и жилъ за границей четыре года. Въ это время онъ написалъ романъ „Идіотъ" и началъ романъ „Бѣсы".

Не смотря на то, что „Записки изъ мертваго дома" и „Преступленіе и наказаніе" признаны первоклассными произведеніями и высоко цѣнятся даже литературными врагами Достоевскаго, все же до послѣдняго времени, какъ художникъ, Ѳедоръ Михайловичъ былъ оцѣниваемъ далеко не по достоинству. Его популярность, въ особенности между молодымъ русскимъ поколѣніемъ, началась только съ самаго послѣдняго времени—съ изданія „Дневника писателя", гдѣ онъ является гораздо болѣе публицистомъ, чѣмъ художникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ концѣ концовъ и вся его художественная дѣятельность и ея значеніе въ нашей литературѣ будутъ наконецъ поняты, но читателей все же нельзя особенно винить за то, что эта оцѣнка замедлилась—причину этого нужно искать въ самихъ произведеніяхъ Достоевскаго.

Намъ часто приходилось слышать такія сужденія по поводу послѣднихъ романовъ Ѳедора Михайловича: „Хорошо то оно хорошо и талантъ виденъ огромный, а все же трудно до конца дочитать". Что-жь это значитъ? А значитъ это то, что многіе изъ читающей публики просто на просто боятся его романовъ. Читатель, принимаясь за романъ, очень часто ищетъ въ немъ исключительно легкаго и занимательнаго чтенія, иногда извѣстнаго рода тенденцій, развитія какой нибудь модной идейки, пожалуй не прочь отъ драматическаго содержанія, только бы драмы было въ мѣру и не слишкомъ разстраивала бы она нервы—человѣкъ вѣдь усталъ отъ ежедневныхъ дѣлъ и заботъ, ему хочется отдохнуть, развлечься, стряхнуть съ себя хоть минутно пыль своей дѣйствительности, часто не особенно красивой, и онъ требуетъ отъ писателя развлеченія, а не тяжелой работы для мысли, требуетъ впечатлѣній болѣе или менѣе легкихъ, скользящихъ.

Такимъ требованіямъ Достоевскій удовлетворять не можетъ: съ первой страницы схватываетъ онъ читателя и увлекаетъ противъ воли въ свое мрачное царство, гдѣ собрано все, что только есть темнаго, больного, мучительнаго, безобразнаго въ нашей общественной и личной жизни, гдѣ свѣтлые, здоровые образы являются какъ исключенія. Онъ вскрываетъ такую глубину человѣческаго *я* и освѣщаетъ въ ней такія явленія, что иногда, дѣйствительно, морозъ подираетъ по кожѣ. Онъ находитъ выраженіе самымъ неуловимѣйшимъ ощущеніямъ и мыслямъ. Въ этомъ удивительномъ схватываніи и выраженіи не уловимыхъ, но тѣмъ не менѣе безспорно существующихъ явленій внутренняго міра человѣка и заключается вся сила таланта Достоевскаго; въ направленіи этого тончайшаго анализа, имѣющаго дѣло почти исключительно съ темными и болѣзненными проявленіями человѣческой и общественной жизни и выражается односторонность его таланта. Впечатлѣніе, оставляемое многими изъ его повѣстей и романовъ, можно сравнить съ тяжелымъ сновидѣніемъ, обусловленнымъ какимъ-нибудь особеннымъ состояніемъ организма. Грезится что-то огромное, сложное, иногда съ несмѣтнымъ количествомъ лицъ или событій. Все перепутано, все кружится, несется въ какомъ-то вихрѣ, и надъ всѣмъ этимъ царитъ одно мучительное, давящее и необычайно сильное ощущеніе. Проснешься—даже не помнишь подробностей этого сна, но испытанное въ немъ ощущеніе сохранилось всецѣло и никогда его не забудешь.

Такія впечатлѣнія, разумѣется помимо мыслей ими вызванныхъ, составляютъ, главнымъ образомъ, послѣднія произведенія Достоевскаго, всего же болѣе романы: „Бѣсы" и „Подростокъ". Здѣсь авторъ нѣсколько отходитъ отъ своего исключительно субъективнаго взгляда въ анализѣ внутренняго міра отдѣльнаго человѣка и подвергаетъ анализу тѣ явленія современной общественной жизни, которыя представляются ему странными и безобразными. Что не выдуманы имъ эти явленія, а дѣйствительно существуютъ, въ этомъ долженъ убѣдиться каждый зрячій человѣкъ, не ограничивающій своего кругозора тѣсными рамками той сферы, въ которой онъ постоянно вращается.

Въ послѣднихъ романахъ Достоевскаго много неяснаго и безпорядочнаго: они напоминаютъ, какъ мы уже сказали, впечатлѣніе тяжелаго сна. Но всѣ эти недостатки порождаются сущностью той задачи, которую взялъ на себя авторъ. Человѣкъ, окруженный атмосферой, въ которую медленно проникаютъ міазмы, не замѣчаетъ существованія этихъ міазмовъ и если даже оно ему доказано, то нужно необыкновенное развитіе обонянія и много усилій, чтобы уловить ихъ,—авторъ „Бѣсовъ" и „Подростка" живетъ въ нашей атмосферѣ и только необычайная чуткость его таланта позволяетъ ему замѣчать окружающіе насъ міазмы. Сумѣвъ уловить ихъ и подвергать анализу, онъ весь отдается этой работѣ и вотъ почему не всегда можетъ удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ, требуемымъ отъ романиста. Только спокойный взоръ человѣка, находящагося внѣ нашей атмосферы, въ извѣстномъ отдаленіи отъ нашей эпохи, увидитъ итогъ современныхъ явленій, ихъ результаты и найдетъ въ твореніяхъ Достоевскаго богатый матеріалъ для уразумѣнія этихъ явленій. Поэтому вполнѣ безпристрастная оцѣнка „Бѣсовъ" и „Подростка" возможна только въ будущемъ, да и самъ Достоевскій хорошо понимаетъ это. Вотъ нѣсколько словъ изъ письма, которымъ оканчивается романъ „Подростокъ": „Да, Аркадій Макарычъ, вы членъ *случайнаго семейства*, въ противоположность еще недавнимъ родовымъ нашимъ типамъ, имѣвшимъ столь различныя отъ вашихъ дѣтство и отрочество. Признаюсь, не желалъ бы я быть романистомъ героя изъ случайнаго семейства—работа неблагодарная, безъ красивыхъ формъ. Да и типы эти, во всякомъ случаѣ, еще дѣло текущаго, а потому и не могутъ быть художественно-законченными. Возможны важныя ошибки, возможны преувеличенія, недосмотры, во всякомъ случаѣ предстояло бы слишкомъ много угадывать. Но что дѣлать, однакожь, писателю, не желающему писать лишь въ одномъ историческомъ родѣ и одержимому тоской по текущемъ? Угадывать и... ошибаться".

Но въ томъ-то и дѣло, что удивительнаго предугадыванія у Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, гораздо больше, чѣмъ ошибокъ. Это пониманіе окружающаго, всѣхъ болѣзненныхъ особенностей не только настоящей, но иногда даже слѣдующей, едва начинающейся минуты и составляетъ высшую силу и оригинальность его произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда многое, теперь столь неясное и тяжелое, замѣчаемое въ нашей общественной жизни, выяснится, тогда будетъ видно, какую глубокую картину нашей эпохи представляютъ произведенія Достоевскаго. Тогда они окажутся драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ, изъ котораго долго будутъ черпать и поэтъ и историкъ.

Въ послѣдніе два года Ѳедоръ Михайловичъ занятъ былъ исключительно своимъ „Дневникомъ писателя", который представляетъ собою до сихъ поръ еще невиданное явленіе въ нашей литературѣ. Эти ежемѣсячныя бесѣды писателя о самыхъ интересныхъ и жгучихъ вопросахъ текущей жизни сумѣли сильно подѣйствовать, въ особенности на наше молодое поколѣніе, которое съ каждымъ днемъ больше и больше начинаетъ цѣнить Достоевскаго, какъ публициста. Многія изъ высказанныхъ имъ мыслей получаютъ огромное вліяніе на иныя молодые умы и приносятъ большую пользу. Никто не умѣетъ такъ

говорить съ нашей молодежью, какъ Достоевскій; онъ относится къ ея ошибкамъ, и нравственнымъ болѣзнямъ не тономъ строгаго учителя и карателя, а тономъ любящаго отца, страдающаго страданіями дѣтей своихъ. Только такое отношеніе къ молодости, ея ошибкамъ и заблужденіямъ и можетъ принести пользу,—и эта заслуга Достоевскаго такъ велика, что поспоритъ съ его заслугами какъ художника-романиста. Къ сожалѣнію, состояніе здоровья Ѳедора Михайловича не позволяетъ ему продолжать изданіе „Дневника писателя" и онъ нашелъ необходимымъ временно прекратить его.

Теперь, какъ намъ извѣстно, онъ приступаетъ къ новому, задуманному имъ уже давно роману.

Пожелаемъ же нашему уважаемому писателю побольше силъ и здоровья для его труда, а нашимъ критикамъ побольше вѣрности въ сужденіяхъ и безпристрастія при будущихъ оцѣнкахъ этого произведенія.

Вс. Соловьевъ.

Стихотворенія.

I.

Когда звѣздистой пеленою
Ночь разукраситъ небосклонъ—
Ко мнѣ слетаетъ вѣчно юный
Всегда прекрасный Аполлонъ.
Онъ на звучащей тихо лирѣ
Мнѣ пѣсни чудные поетъ,
И пѣньемъ бога очарованъ
Всю ночь сижу я напролетъ.
Умолкнетъ богъ, и звуковъ полный
На лиру руки я кладу:
Дрожитъ еще напѣвъ надъ ухомъ,
Да словъ и словъ-то не найду.

II.

Давно альбомовъ я не трогалъ,
Давно посланій не писалъ;
Но я случайно васъ узналъ,
И внемля просьбы вашей строгой,
Пишу вамъ этотъ мадригалъ.
Что вамъ сказать? Обыкновенно
Поэты пишутъ: „я влюбленъ,
Мой идеалъ осуществленъ!
Вы Ангелъ!" (Ангелъ непремѣнно!)
Ихъ мадригалъ всегда смѣшонъ.
Но я иной поэтъ. Не стану
Вамъ льстить: вы очень хороши,
Развились чудно вы въ тиши,
Но... матерьальны стали рано:
У васъ, простите... нѣтъ души.

Нико-Ники.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка *).

«.... И было тогда такое лютое время гнѣва Божія, что люди не чаяли впредь себѣ спасенія и прозвали старики это лютое время—лихолѣтье ибо тогда была на русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра«...

Изъ современной лѣтописи

I.

„...Обширная, безконечная равнина, поросшая лѣсами. Текутъ по ней во всѣ стороны большія рыбныя, судоходныя рѣки. Весною, когда стаютъ снѣга, и съ веселымъ говоромъ побѣгутъ съ пригорковъ потоки, трескается ледъ и на этихъ рѣкахъ, онѣ пухнутъ, вздуваются и широкимъ, безпредѣльнымъ разливомъ затопляютъ луговины. Всѣ дороги тогда дѣлаются непроѣзжими, превращаясь въ какія-то трясины болотныя, и даже жгучее іюльское солнце не всегда можетъ высушить ихъ,—только морозъ трескучій и можетъ сковать мосты надъ этою топью. Но въ общемъ—край благодатный. Земля родитъ всего изобильно—и хлѣба, и меда, и лѣса, и мѣховъ. Шумятъ густые, колоссальные дубы въ столѣтнихъ лѣсахъ, клены, сосны и липы. Въ пущахъ таятся соболи, песцы, бобры, рыси и туры. Соколы, кречеты водятся въ горахъ. Все въ запустѣніи — дико. Пчелы безъ призора разводятъ свои дивные соты на деревьяхъ. До того тамъ меду много, что разъ провалился мужикъ въ дупло, и увязъ въ меду по самое горло. И погибнуть бы тамъ ему безъ слѣда и безъ вѣсти, кабы не случай счастливый. Сталъ въ тоже дупло медвѣдь пробираться, задкомъ, потихоньку. Схватилъ мужикъ его за ноги. Испугался медвѣдь, рванулся кверху и вытащилъ его на свѣтъ божій. Такъ онъ и спасся, два дня въ меду просидѣвъ, медомъ питаясь.—Чудный край! Какъ нивы тамъ тучны: пшеница, просо, всякіе хлѣба, такъ наливаются высоко, что коли ѣдетъ узкой тропинкой всадникъ, такъ еле шапка его мелькаетъ изъ зыбучаго моря колосьевъ. А въ рязанскомъ краѣ—даже не проѣхать на лошади черезъ хлѣба, до того они густы. Ближе къ Москвѣ поплоше: пески, холода ранніе,—за то вокругъ раздолье"...

Въ такихъ выраженіяхъ описывали Русь иностранцы. Да,—хоть и дикій то былъ край, но край обѣтованный—медомъ и млекомъ рѣки текли. Тишь да гладь царила вокругъ;—татарскій погромъ давно покончился, а со взятіемъ Грознымъ Казани и совсѣмъ орда примолкла. Русь отдыхала, усиливалась, крѣпла. Росла она, казалось, не по днямъ, а по часамъ, и конца не предвидѣлось этому богатырскому росту, да помѣшало ему, затормозило его дивное дѣло,—рядъ явленій необыкновенныхъ.

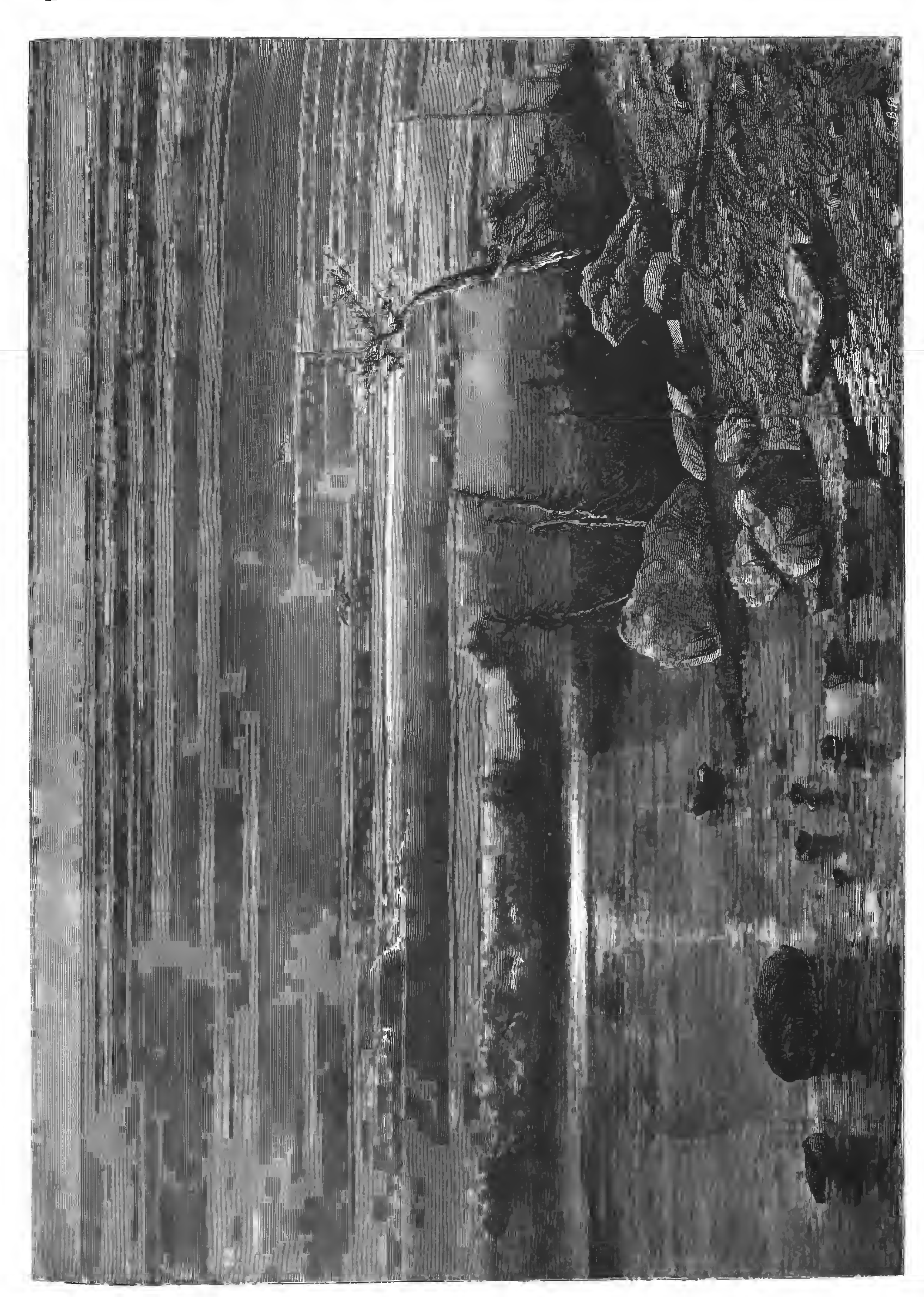
Въ Бѣломъ морѣ, на крайнемъ сѣверѣ, вдругъ появилась рыба-китъ и вздумала перевернуть хвостомъ своимъ Соловецкую обитель, что пріютилась на островкахъ, какъ разъ по-середъ моря. Но по молитвамъ ли иноковъ, по божьему-ли милосердію,—только этого не случилось. Но за то случилось нѣчто, гораздо болѣе худшее на Волгѣ, близь Нижняго-Новгорода, гдѣ стоялъ Печорскій монастырь. Стоялъ онъ не годъ и не два, иноки жили въ немъ мирно и беззаботно, какъ вдругъ подъ нимъ гора обсыпалась и придвинулась къ рѣкѣ; кельи, церкви рухнули, монахи въ страхѣ разбѣжались, а народъ притаился—видитъ, Господь знаменія посылаетъ, бѣдствіемъ грозитъ въ грядущемъ. Въ Москвѣ тоже творилось что-то недоброе: дьячиха, что на Срѣтенкѣ жила, двухголоваго младенца родила, и ручки у него на груди крестомъ были сложены. У приказнаго дьяка, на Неглинной, корова такою мерзостью отелилась, что и распознать нельзя было—въ чемъ дѣло. Вокругъ города волки и собаки одичалыя забѣгали и стали пожирать другъ друга. Потомъ и въ Москву самую стали забѣгать и кидаться на прохожихъ. Лисицы, да не обыкновенныя, а сибирскія, стали сновать по улицамъ и къ самому Кремлю забѣгали. Въ воздухѣ носились ураганы и вихри, срывали церковные кресты, крыши, теремныя вышки; два солнца, два мѣсяца, звѣзда съ хвостомъ засіяли на небѣ,—послѣдняя лѣтомъ, въ Петровъ постъ явилась. „Быть бѣдамъ,—говорили всѣ,—быть бѣдамъ".

И еще было дивное видѣнье. Ночью, въ Кремлѣ,

*) Историческая сторона этой повѣсти разработана главнѣйшимъ образомъ по слѣдующимъ матеріяламъ: Н. Костомаровъ—Историческія монографіи и изслѣдованія, т. IV—VI. С. Соловьевъ—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. VII и VIII. Карамзинъ—Исторія Государства Россійскаго, т. VIII. Бутурлинъ—Исторія смутнаго времени, 3 кн. Забѣлинъ.—Домашній бытъ русскаго народа, т. I II. Костомаровъ.—Бытъ русскаго народа XVII ст., 1 кн. Второстепенными источниками служили статьи: Водовозова, Мордовцева, Щебальскаго, Кельсіева, Петрушевскаго и мн. другія.—Лѣтописи памятники и пр.

Золотыя ворота Ярослава I, въ Кіевѣ. Съ фотогр. рис. и грав. Мукаровскій.

Вечеръ на озерѣ въ Финляндіи. Картина Е. В. Принца Н. П. Ольденбургскаго. Рис. на деревѣ Добровольскій, грав. Гейерманъ.

держали стрѣльцы обычную стражу; тихо такъ было все вокругъ, Москва спала. На Фроловской башнѣ, гдѣ часомѣрье находилось самозвонное, самодвижное, не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, страннолѣпно нѣкако, мѣрно пробило полночь, и стрѣльцы, по обыкновенію, ужь вздремнуть собирались, какъ вдругъ видятъ они чудо: по воздуху, надъ Москвой, прямо на Кремль, несется карета шестерикомъ,—кони рьяные, вихорь такъ и бьетъ изъ-подъ ихъ копытъ. На козлахъ сидитъ возница, одѣтъ по польски, шапка на бекрень заломана, откидные рукавчики по вѣтру бьются, бичъ длинный въ рукѣ мелькаетъ. Примчался онъ къ Кремлю, гикнулъ, хватилъ бичемъ по стѣнѣ кремлевской и пропалъ. Стража въ ужасѣ разбѣжалась, и всѣ, узнавъ про это, говорили—„не къ добру“.

Добра было, въ самомъ дѣлѣ, мало: рюриковская вѣтвь на престолѣ пресѣклась, возсѣлъ на ея мѣсто мурза крещеный, но самъ себя ядомъ отравилъ, а на его мѣсто явился царевичъ Димитрій, что давно когда-то, по слухамъ, въ Угличѣ былъ зарѣзанъ. Но и года не прошло, какъ узналъ народъ, что это не тотъ царевичъ, а самозванецъ, полякъ и чернокнижникъ, по точнымъ же свѣдѣніямъ даже не чернокнижникъ,—а антихристъ. Не выдержалъ народъ русскій поруганія святыни—убилъ самозванца. Зарыли въ землю его, а его тѣло невидимою силою опять внаружу вышло, и на порожнемъ мѣстѣ легло. И странно такъ: коли издали посмотрѣть—два голубка надъ тѣломъ сидятъ, а какъ ближе подойти—нѣтъ ничего. Зарыли тѣло поглубже, а оно въ недѣлю на четверть версты ушло и опять внаружѣ. Навели справки: оказалось что онъ еще въ Польшѣ продалъ бѣсамъ душу, и условіе кровью написалъ: бѣсы даютъ ему престолъ московскій, а онъ имъ душу свою басурманскую. Опять тѣло зарыли, но не лежится ему, да и только. Тогда рѣшились на послѣднее средство: выкопали его, костеръ разожгли и туда его бросили; обгорѣли его руки и ноги, а тѣло, не смотря на всѣ усилія, не горитъ да только! Вытащили его, изрубили, и опять въ огонь кинули. Сгорѣло тѣло. Собрали пепелъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили по той дорогѣ, по которой пришелъ къ нимъ антихристъ. Разстрѣляли они бѣду свою, прахъ ея разсѣяли.

Но бѣда-то начиналась только. На престолѣ былъ Шуйскій, бояринъ родовдовитый, рюриковичъ,—и думалъ онъ, что тишь да миръ будутъ царитъ подъ его державой, а на дѣлѣ вышло что-то ужасное... Димитрій опять ожилъ, проявился гдѣ-то на югѣ, собралъ войско изъ всякаго сброда и сволочи, и двинулся къ Москвѣ. Разлилась голытьба по великому лицу Руси и настала настоящая бѣда—*великое раззореніе*.

II.

Осень въ ту пору стояла прекрасная—вещь довольно обыкновенная въ средней полосѣ Россіи. Стояли тѣ чудные, прозрачные сентябрскіе дни, которые всегда начинаются рѣзкимъ предразсвѣтнымъ морозомъ, затягивающимъ тонкою пеленкой лужи и воду у берега. До того тонка она, что даже воробей не рѣшится ступить на нее. Взойдетъ солнце, и она вмѣстѣ съ туманомъ исчезнетъ. Заструятся потоки яркаго, негрѣющаго свѣта. Все заалѣетъ, начнетъ золотиться вокругъ.

Въ такую-то осень въ сентябрѣ 1608 года, и голытьба, слонявшаяся по окрестностямъ Москвы, чувствовала это отлично. Сознаніе свободы и воли охватывало ихъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго гультая: свѣжая, осенняя природа вливала въ нихъ струю этихъ силъ.

Гультаи были все народъ разношерстный, безформенный, одѣтый какъ кому Богъ на душу положитъ—смотря по вкусу и національности: кто въ колпасахъ, кто въ шишакахъ съ сѣткой, кто съ копьемъ, кто съ лукомъ, кто съ самопаломъ. Тутъ были и великорусы, и малорусы, и казацкая вольница, и вольное шляхетство, и запорожцы, и татары,—всѣ они бѣжали подъ знамена... подъ чьи знамена—Богъ его вѣдаетъ, того никто не зналъ: не то его царскаго величества, Димитрія Ивановича, не то шатуна-проходимца... Суть была не въ немъ,—а въ томъ было дѣло, что казацкая вольница издавна къ разбою привычна.

Но кромѣ этихъ подонковъ были и сливки воровского лагеря—богатые добровольцы-поляки, въ силу принципа явившіеся мстить русскимъ за пролитую въ Москвѣ при Лжедимитріѣ I польскую кровь. Соскучились они постояннымъ бездѣйствіемъ дома, захотѣли освѣжиться въ пороховомъ дыму, порубиться, пожить веселѣе, и ради послѣдней цѣли даже дамъ себѣ изъ Польши выписали. Это была воровская аристократія, взиравшая съ чувствомъ собственнаго презрительнаго достоинства на всю остальную голь—украинцевъ, запорожцевъ. А въ этой-то голи и сила была: она собралась изъ украинскихъ земель, гдѣ народъ былъ закаленъ въ битвахъ съ порубежными сосѣдями, крымскими татарами. Бѣглые холопи, посадскіе, крестьяне желавшіе, а,—можетъ быть и немогшіе платить поборовъ, боярскія дѣти, ускользнувшія отъ воинской повинности, — все устремлялось подъ стяги будущаго царя, чтобы имѣть законный предлогъ грабить и насильничать. И все это скопище постоянно... постоянно вопило, кричало на всевозможныхъ языкахъ, играло въ кости, дралось, развратничало, убивало въ пылу ссоръ другъ друга, и не признавало ни чьей власти, а пуще всего царя Димитрія Ивановича.

Дмитрій Ивановичъ передъ осенью крѣпко засѣлъ таборомъ въ Тушинѣ, не подалеку отъ Москвы. Онъ достигъ апогея своей власти: подъ его рукой было сильное, храброе войско, обиліе всякихъ запасовъ, а главное—вся чернь, голь и сбродъ со всей земли Русской. Что нужды, что его, какъ онъ засѣлъ въ Тушинѣ, такъ сейчасъ и окрестили тушинскимъ воромъ... Не въ томъ дѣло было...

Но въ началѣ сентября его авторитетъ вдругъ пошатнулся, да такъ пошатнулся, что еще бы немножко, и тогда пѣсенка его была бы спѣта. Вышла пренепріятная исторія. Выписалъ онъ къ себѣ въ лагерь „супругу“, ех-царицу всея Руси, Марину Юрьевну, урожденную Мнишекъ. Та, проживавшая на Волгѣ въ изгнаніи, послѣ паденія Лжедимитрія, сначала обрадовалась ужасно: вдругъ ея мужъ, котораго она считала убитымъ, оказывается живымъ. Она съ неописаннымъ восторгомъ поскакала къ нему въ лагерь, и вдругъ ей на дорогѣ шепнулъ кто-то,—что это, молъ, совсѣмъ не Дмитрій Ивановичъ, прежній ея супругъ, а проходимецъ какой-то. Марина Юрьевна вспыхнула, объявила что въ лагерь къ „проходимцу“ не поѣдетъ, мужемъ его не признаетъ, остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тушина въ лагерѣ Яна Сапѣги, и уперлась на своемъ. Переполохъ ужасный вышелъ, да и было изъ чего. Еще бы: царь ѣдетъ на свиданье съ дорогой супругой, хочетъ наверстать лаской и любовью утраченные два года разлуки, а супруга кричитъ: „онъ воръ, а не царь—я его не знаю!“

Сначала уговаривалъ Марину Юрьевну ея отецъ, коротенькій пухлый человѣчекъ, съ небольшой круглой бородкой и сѣроватыми, нахальными глазками, ходившій въ подбитомъ соболемъ кафтанчикѣ, и съ подагрой въ правой ногѣ. Но его уговоры остались положительно тщетными. Дочь кричала: „не хочу, не хочу! знать ничего не хочу!“ и даже напомнила въ порывѣ гнѣва отцу, что дескать ему нечего много разговаривать объ обязанностяхъ и чести,—вспомнилъ бы онъ, какую онъ должность занималъ у покойнаго короля Сигизмунда-Августа...

Стрѣла должно быть попала ловко: отецъ на свою вѣнчанную дочь разсердился,—должность-то его, точно, хотя была и выгодна, да и гнусна вмѣстѣ съ тѣмъ

ужасно,—разсердился и объявилъ всѣмъ, что слова его не дѣйствуютъ. А рѣшиться на что-нибудь надо было: царь Дмитрій Ивановичъ самъ обѣщался пріѣхать въ лагерь Сапѣги, и ждали его съ часа на часъ. Тогда взялся уговорить Марину pater, человѣкъ понимающій, тонкій, обходительный, обладавшій круглымъ животикомъ и громадными дипломатическими способностями.

III.

Въ лагерѣ пана Сапѣги, передъ ставкой Марины Юрьевны царствовало оживленіе. Брякали сабли, звякали шпоры, мелькали поминутно шляхтичи въ цвѣтныхъ кафтанахъ, порою прокатывались грузныя фигуры, очевидно московскаго происхожденія, апатично поводившія глазами, и покусывающія свои бороды, а порою шныряло что-то юркое, маленькое, должно быть іудейской породы, пробиравшейся всюду куда было „можно и не можно". Всѣ посматривали по направленію къ Тушину, ясно до мельчайшихъ подробностей выдѣлявшемуся въ ясной осенней атмосферѣ, говорили въ полголоса и косились на ставку, съ такимъ видомъ, точно тамъ заключалась не то неприкосновенная святыня, не то какой нибудь дикій звѣрь. Всѣхъ охватывала легкая дрожь нетерпѣнія, усиленная утренникомъ, весьма свѣжимъ, не смотря на высокое солнце, которое ярко играло и на узорной ставкѣ царицы и на желтѣющей травѣ, и на оружіи, и на голубой лентѣ Москвы-рѣки, скромно вьющейся неподалеку. Всѣ ждали рокового свиданія и не могли себѣ представить, что будетъ если царица публично откажется отъ своего мужа. Многіе при этомъ сильно побаивались за свою шкуру... Что дѣлать—время-то такое было...

— Что-же это онъ не ѣдетъ, а? спрашивалъ усатый ротмистръ съ сизымъ носомъ, поглядывая на дорогу.

— Да, не ѣдетъ, глубокомысленно отвѣчалъ его сосѣдъ.

— А вѣдь пора бы, говорилъ ротмистръ.

— Давно пора, отвѣчалъ сосѣдъ.

И оба на минуту умолкали.

— А вонъ тамъ пыль виднѣется, раздавался сиплый голосъ, и рука вооруженная хлыстикомъ, у котораго вмѣсто ручки была придѣлана серебрянная конская морда, показывала на какую-то точку.

Всѣ устремляли туда взоры.—А вѣдь это дѣйствительно пыль,—поддакивалъ кто-то. Всѣ пріободрялись, покашливали,—точно съ царемъ разговаривать собирались, подтягивали сабли, пока наконецъ самый дальнозоркій не открывалъ въ отдаленной группѣ какой-нибудь обозъ, воловъ или даже одинъ разъ стадо гусей.

— Куда же это ихъ гонятъ изъ Тушина? недоумѣвалъ ротмистръ, послѣ всеобщаго разочарованія.

— Должно быть къ намъ по приказу пана Сапѣги, догадался одинъ.

— Должно быть къ намъ, рѣшили остальные.

— Эхъ, нашъ-то гусь не ѣдетъ,—раздался снова сиплый голосъ,—надоѣло уже его ждать-то.

На него глянули съ удивленіемъ, и на этотъ разъ никто ничего не сказалъ, только кучка порѣдѣла: одинъ въ одну сторону отошелъ, другой—въ другую.

— Pater тамъ? спросилъ одинъ шляхтичъ часового, стоявшаго у входа въ ставку.

Тотъ кивнулъ утвердительно головой.

— Эге, — уламывать не легко видно, замѣтилъ онъ своему товарищу, стоявшему возлѣ: съ ранняго утра засѣдаетъ.

— Только высидитъ-ли онъ что, скептически замѣтилъ ему собесѣдникъ.—Я характеръ Марины Юрьевны знаю: не очень-то она на іезуитскіе афоризмы податлива.

— Да вѣдь дѣлать то ей больше нечего, какъ признать царя мужемъ, и принять его согласиться. Въ концѣ концовъ все уладится—иначе и быть не можетъ.

— А любопытно, что онъ тамъ ей проповѣдуетъ, полюбопытствовалъ шляхтичъ, подбираясь къ открытой маркизѣ бокового окна и силясь уловить неясные голоса, раздававшіеся въ ставкѣ. Часовой предложилъ ему отойти, объяснивъ, что самимъ паномъ Сапѣгой „не велѣно". Шляхтичъ презрительно глянулъ на него, но все-таки отошелъ.

Въ ставкѣ шла бесѣда весьма интересная. Впрочемъ разглагольствовалъ одинъ pater — Марина Юрьевна только слушала.

— Вы изволите говорить, ваше величество,—умильно-воркующимъ голосомъ говорилъ онъ,—что тотъ, кто сидитъ въ Тушинѣ и называетъ себя Димитріемъ Ивановичемъ,—отнюдь не Димитрій Ивановичъ, не вашъ супругъ. Очень можетъ быть, я ничего противъ этого не имѣю. Даже, если хотите, я больше скажу,—вашъ прежній супругъ, настоящій Димитрій, сынъ Іоанна, непобѣдимый цезарь, великій вождь всея Россіи, убитъ 17-го мая, я это знаю навѣрное. Говорили, что онъ спасся бѣгствомъ. А я вамъ говорю, что нѣтъ, ибо на трупѣ его была двадцать одна рана—это я узналъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Онъ сдѣлалъ легкую передышку и скрестилъ свои руки на животикѣ.

— Такъ вотъ я и докладываю вамъ,—продолжалъ онъ,—что не смотря на все это, вы, если осмѣлюсь такъ выразиться, *должны* поступить такъ, а не иначе. Вы сами изволите видѣть, что *онъ* пользуется успѣхомъ, счастіемъ, что тронъ Шуйскаго, вашего общаго врага, колеблется, шатается, падетъ не сегодня-завтра. На престолъ этотъ вы, какъ супруга покойнаго царя Димитрія, притомъ коронованная, имѣете полное, неотъемлемое право. Тотъ, кто сидитъ въ Тушинѣ, добивается того же престола: за него войско, народъ, казачество, шляхетство. Отдѣльно, лично, вы ничего не достигнете, и въ тоже время, не признавши супругомъ *его*, вы и его ослабите болѣе или менѣе—онъ потеряетъ нѣсколько (не говорю совсѣмъ) свою популярность. Соединившись же—вы усилите другъ друга. Вы знаете нашу латинскую поговорку: concordia pes parvae crescunt, dilcordia—maximae dilabuntur *)...

Онъ опять остановился и искоса взглянулъ на Марину Юрьевну: лицо ея было холодно и безжизненно. Она смотрѣла совершенно безучастно вверхъ на уголъ ставки, гдѣ сходились въ полутьмѣ рѣзныя перекладины верхней основы, полуприкрытыя зубчатымъ полотнищемъ обивки. Ея лицо казалось говорило: ахъ, Боже мой, я все это хорошо знаю, слышала сотни разъ, скажите что нибудь иное, поновѣе...

— Если первое супружество вашего величества было несчастливо,—нисколько не смущаясь продолжалъ онъ,—второе можетъ вознаградить васъ за все. Я не о счастьи супружескомъ говорю. Когда выходятъ замужъ за королей, о подобныхъ мелочахъ не думаютъ: думаютъ о власти, первенствѣ, почетѣ. Женщина, если захочетъ, можетъ и нелюбимаго мужа заставить сдѣлать то, что она хочетъ,—у французовъ даже пословица на этотъ счетъ есть, очень остроумная, но въ нѣкоторой дозой богохульства... А вы можете сдѣлать очень многое: вы можете оказать услуги церкви, вы можете дѣйствовать на великомъ поприщѣ соединенія церквей. Несомнѣнно, что самимъ Господомъ ниспосланъ вамъ этотъ крестъ, и вы должны нести его со смиреніемъ. Если вы совершите тотъ подвигъ, что ожидаютъ отъ васъ, и римская церковь сольется съ восточной,— вы стяжаете великія награды и въ этой жизни, и въ будущей. Я знаю, что ваше величество имѣли счастіе получать отъ его святѣйшества, главы

*) Согласіемъ и ничтожныя дѣла возрастаютъ, раздоромъ—и великія рушатся.

нашей церкви, письма. Мнѣ не безъизвѣстно, что въ нихъ выражалась полная надежда, что религія и наука святой апостольской церкви Рима съ помощью вашей незыблемо водворятся въ Россіи, и я увѣренъ, что вы оправдаете надежды его святѣйшества. Мы преобразимъ эту страну—заведемъ здѣсь школы, семинаріи, способнѣйшихъ отправимъ въ Римъ доканчивать образованіе. Посмотрите,—съ жаромъ говорилъ онъ, дѣлая въ воздухѣ энергическіе жесты маленькой ручкой,—посмотрите въ какомъ ужасномъ положеніи находится теперь эта дѣвственная страна! Невѣжество, грубость, предразсудки... Чернь не знаетъ даже десяти заповѣдей, не знаетъ понятія словъ грѣхъ, вѣра. Пастыри—полныя невѣжды не поучаютъ народа, даже не умѣютъ его исповѣдывать... Но погодите: пройдетъ нѣсколько лѣтъ—вы Руси не узнаете: появятся богословы, доктора, юристы....

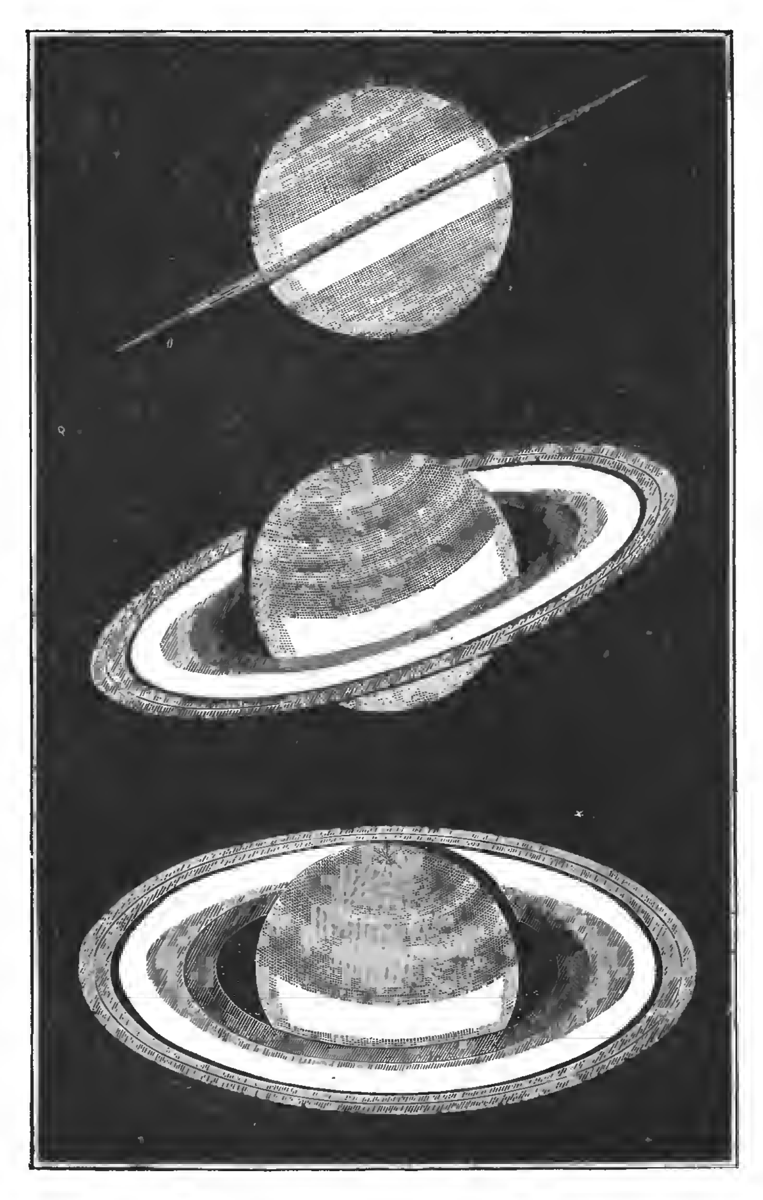
Онъ неосторожнымъ жестомъ сдернулъ до половины узорную бѣлую скатерть, покрывавшую небольшой складной походный столикъ, который отдѣлялъ его отъ Марины, и началъ ее поправлять, выказывая длинные, бережно хранимые ногти. А Марина по прежнему сидѣла, слегка поигрывая оторванной откуда-то кистью тонкой басонной работы.

— Не бойтесь, что повторится 17-е мая, раздалось снова его покойное воркованье, (ненужный жаръ онъ умѣлъ скоро устранять). Теперь не то время, теперь все пойдетъ иначе. Мы самую столицу перенесемъ ближе къ польской границѣ—это подѣйствуетъ на народъ. Еще большимъ ореоломъ таинственности окружится личность властелина, еще съ большимъ благоговѣніемъ будутъ относится къ нему. Даже въ случаѣ,—чего впрочемъ не можетъ быть,—повторится подобный переворотъ,—вамъ стоитъ проѣхать нѣсколько миль и вы въ безопасности. Наконецъ войска союзниковъ могутъ охранять васъ... Все будетъ иначе, не какъ прежде... Да и вамъ-ли говорить о страхѣ: вы женщина съ крѣпкимъ, сильнымъ духомъ, отважная, истинная дочь польской націи,—и это вы доказали майскими событіями...

Pater вдругъ оборвался: онъ замѣтилъ, что по щекамъ Марины Юрьевны внезапно разлился румянецъ, и она нервно стала пощипывать кисточку. Она приняла за насмѣшку слова іезуита. Когда 17-го мая толпа мятежниковъ ворвалась во дворецъ, она отъ страха не помня себя, кинулась подъ юбки своей гофмейстрины, и тамъ маленькая, дрожащая притаилась, пока разъяренная толпа искала ее. Но это былъ минутный порывъ страха: въ сущности она была женщина энергичная, смѣлая, и тѣмъ непріятнѣе подѣйствовали на нее слова pater'а.

— Вы, ваше величество,—старался онъ поправить свою неловкость,—если возьметесь сильно и смѣло за дѣло соединенія, стяжаете себѣ безсмертную славу и во всемірной исторіи и въ исторіи церкви, на ряду съ величайшими просвѣтительницами.

— Я знаю,—прибавилъ онъ помолчавъ,—что вы все еще питаете себя надеждою, что Димитрій живъ. Повторяю, я наводилъ справки самыя вѣрныя, точныя. Онъ былъ тогда убитъ, и именно *его* прахомъ стрѣляли тогда изъ пушки на западъ. Его дѣло покончено, онъ уже лицо легендарное. Здѣшній, не лишенный нѣкоторой дозы фантазіи народъ, увѣряетъ, что онъ былъ мертвецъ, давно когда-то жившій, оживленный нечистой силой на гибель православія.

Движенія планеты „Сатурнъ" и видоизмѣненія ея колецъ.
Грав. Рашевскій

Марина Юрьевна слегка вздрогнула и повела плечами.

— Въ заключеніе повторяю: единственный для васъ исходъ, который даетъ вамъ широкое и славное поле дѣятельности — признать тушинскаго царя супругомъ.

— Мнѣ кажется, — въ первый разъ нарушила молчаніе Марина,—никто изъ васъ, ни даже самъ его святѣйшество, не хотятъ понять, что я женщина, и женщина честная...

Pater съ изумленіемъ поднялъ глаза къ небу.

—Мы это очень хорошо знаемъ. Только на честнѣйшую изъ женщинъ мы можемъ возлагать такую великую миссію.

— Да неужели вы не понимаете, — Марина встала и выпрямилась.—Неужели не понимаете, что порядочная женщина не станетъ кидаться на шею каждаго встрѣчнаго, которому вздумается назваться ея мужемъ. Хороши у васъ понятія о нравственности!

— О, ваше величество, — смиренно-строгимъ тономъ перебилъ онъ. Въ такой великой общей задачѣ нѣтъ мелкихъ, личныхъ интересовъ. Великая цѣль оправдываетъ всѣ средства... Вы *должны* поступить такъ, а не иначе... Я не забываюсь,—смѣло отвѣтилъ онъ на гнѣвный ея жестъ,—знаю хорошо и помню съ кѣмъ говорю: я представитель католической церкви, пастырь, а вы моя духовная дочь...

Глаза патера такъ и прыгали подъ упорнымъ взглядомъ Марины, но лицо казалось спокойнымъ. Наступило минутное молчаніе.

Безцеремонные друзья. Картина Моньино. Рисов. Пелисье, грав. Е. Молль.

IV.

Снаружи послышался шумъ и голосъ пана Сапѣги.

— Сейчасъ его величество будетъ сюда.—сказалъ онъ входя и стараясь по взглядамъ pater'а и Марины опредѣлить, къ чему привелъ ихъ разговоръ. Лицо Марины было разсержено; pater смиренно стоялъ. опустивъ глаза.

— Вы примете, ваше величество? какъ-то нервно спросилъ Сапѣга, изъ-подлобья глянувъ на нее.

Она молчала, слегка барабаня по столу пальцами.

— Императрица приметъ,—сказалъ за нее не совсѣмъ твердымъ голосомъ pater. Она не возразила.

Панъ щелкнулъ шпорами и вышелъ.

— Хорошо, я его приму, — отчетливо выговаривая каждое слово сказала Марина,—но знайте: если это не тотъ—я съ нимъ говорить не буду... я уйду тотчасъ при его входѣ, такъ вы и знайте.

— Но это невозможно, ваше величество. сказалъ іезуитъ. стараясь изобразить на своемъ лицѣ ужасъ.— Невозможно! Вы знаете. что вашъ отецъ получилъ уже запись отъ него...

— А-а! оживленно воскликнула Марина.—Я такъ и знала... Вы не слыхали сумму?

— Полмилліона денегъ и четырнадцать городовъ въ сѣверской землѣ.

Марина Юрьевна усмѣхнулась.—Цѣну знаетъ,—злобно сказала она,—кого продать за сколько... въ прокъ пошло служенье Августу...

Она взялась за спинку кресла.

— Я устала, сказала она,—мнѣ тяжело: оставьте меня.

Патеръ благословилъ ее и вышелъ.

Она посмотрѣла ему въ слѣдъ и тихо опустилась на стулъ. Она положила руки на столъ и оперлась на нихъ головою.

Она думала, думала. Ей было о чемъ думать. Какимъ-то горячечнымъ сномъ неслась вся ея жизнь съ самаго дѣтства. Сперва—простая дѣвочка шляхетка, потомъ—дѣвушка-красавица. дочь ясновельможнаго владѣтеля высокаго самборскаго замка, затонувшаго въ густыхъ садахъ, царица баловъ, красавица, умница и наконецъ,— невѣста московскаго царя. И вдругъ, весь этотъ волшебный угаръ сновидѣній смѣняется страшною голой дѣйствительностью. Ея Дмитрій искалѣченный, обезображенный валяется на площади въ маскѣ съ дудкой. Потомъ его сожгли, пепломъ заряжали пушку, стрѣляли по той дорогѣ, по которой онъ пришелъ въ Москву. Но вскорѣ поднимается слухъ, что онъ живъ и Марина вѣритъ этому слуху... И вдругъ вотъ сейчасъ іезуитъ ей прямо говоритъ, что Димитрій убитъ, а именемъ его называется этотъ воръ, обманщикъ.—Зачѣмъ же *я должна* его признать, говорила она,—зачѣмъ?

Она прислушивалась къ отдаленнымъ кликамъ.—Это онъ ѣдетъ... Онъ, или не онъ? все еще боролось въ ней сомнѣніе. Роковая минута наступала; ея положеніе. честь, судьба,—все висѣло на волоскѣ...

Вотъ топотъ ближе, ближе. У ней сердце забилось порывисто, учащенно. Слышно, что остановились у самой ставки; одна лошадь заржала, другая кашлянула. Пола входной занавѣси зашаталась, зашевелилась; Марина поднялась съ мѣста.

Вошелъ ея отецъ. Суетливымъ, молящимъ взоромъ глянулъ онъ на нее и, быстро откинувъ полу палатки, сказалъ что-то... Опять звяканье шпоръ. Блеснулъ яркій костюмъ;—на порогѣ стоялъ царь.

Марина взглянула на него, повернулась и гордо, прямо пошла черезъ противуположную дверь въ другую половину палатки, только шлейфъ слегка зашуршалъ по узорному персидскому ковру, на который узкой полоской упали золотистые проблески солнца...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Золотыя Ворота въ Кіевѣ.

Чтобы понять положеніе Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ, надобно знать состояніе этого города въ древнее время, ибо ворота, называвшіяся Золотыми, находились въ немъ лишь до татарскаго погрома на настоящемъ мѣстѣ и въ настоящемъ видѣ. Бывшая „матерь городовъ Россійскихъ“, по укрѣпленіямъ своимъ распадалась на двѣ неравныя части: меньшую—восточную и большую—западную, Эта меньшая часть, имѣющая въ себѣ какихъ-нибудь полверсты наибольшей длины, при вдвое меньшей ширинѣ, была городомъ, гдѣ жили и задумывали обширные планы исполины сумрака: Вѣщій Олегъ, Мудрая Ольга, Храбрый Святославъ и Владиміръ Красное Солнышко; здѣсь были: 1) Далтинная церковь; 2) дворъ Деместниковъ, или придворныхъ пѣвчихъ, введенныхъ Ярославомъ въ Россіи по примѣру Греціи; 3) церковь св. Василія, построенная св. Владиміромъ по христіанскому своему имени, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ главный кумиръ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами; 4) дворы Воротислава и Гордятина, гдѣ прежде былъ городской дворецъ св. Ольги, и 5) дворецъ Ярослава Мудраго, или перваго. Въ этомъ небольшомъ городѣ были одни только ворота съ южной стороны. Другія же ворота съ сѣверной стороны, носившія названіе Софійскихъ, или Батыевыхъ въ позднѣйшее время, возникли тогда, когда къ старой, восточной чертѣ города присоединилась большая западная. Эта западная часть построена Ярославомъ I, Мудрымъ. Въ лѣто 6545 отъ сотворенія міра, какъ сказано въ лѣтописи, или 1037 года, какъ считаемъ мы теперь, „Заложи Ярославъ городъ великій Кіевъ“, то есть стѣну, или крѣпость вокругъ города, „у него же града суть Златыя Врата, заложи же церковь святыя Софіи, митрополію и по семъ церковь на Золотыхъ Воротахъ святыя Богородицы Благовѣщенья“. Городъ, помѣченный Ярославовою стѣною, болѣе чѣмъ въ три раза превосходилъ величиною своею прежній акрополь, или Кремль, въ которомъ проживали св. Ольга и Владиміръ. Въ этомъ второмъ городѣ былъ между прочими, храмъ Св. Софіи, древнѣйшій въ Россіи, и трое воротъ, кромѣ показанныхъ выше Софійскихъ: Сѣверныя, носившія названіе Жидовскихъ, южныя, называвшіяся Лядскими или польскими, и наконецъ Золотыя, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь.

Золотыя Ворота, какъ сказано выше, построены Ярославомъ; они составляли часть стѣнъ, заложенныхъ въ 1037 году. Есть преданіе, что образцомъ для этихъ воротъ послужили ворота Константинопольскія, воздвигнутыя императоромъ Ѳеодосіемъ Великимъ въ память побѣды его надъ узурпаторомъ Максимомъ и называвшіяся также Золотыми. На этихъ послѣднихъ воротахъ, думаютъ, повѣсилъ Олегъ свой щитъ въ знакъ побѣды надъ Греками въ 907 году, когда совершилъ свой блистательный набѣгъ на Византію. Если преданіе о позаимствованіи образца для Золотыхъ воротъ изъ Константинополя вѣрно, то и названіе Кіевскихъ воротъ по всей вѣроятности произошло тоже отъ образца. Константинопольскія ворота назывались золотыми, и наши ворота, построенныя въ подражаніе Константинопольскимъ, стали называться Золотыми же. Впрочемъ, относительно этого пункта есть и другое объясненіе. Говорятъ, что на воротахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, прежде, когда они еще красовались въ своемъ настоящемъ видѣ, данномъ имъ Ярославомъ, была металлическая мѣдная обшивка, которая была позолочена. Говорятъ, что и куполъ церкви, стоявшей на воротахъ, былъ также вызолоченъ и отъ этихъ-то позолоченыхъ обшивки и купола производятъ нѣкоторые наименованіе воротъ Золотыми. Какъ бы то ни было, названіе Золотыхъ усвоено было воротами, устроенными Ярославомъ Мудрымъ въ западной сторонѣ новыхъ кіевскихъ укрѣпленій.

Надъ воротами былъ устроенъ храмъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; подъ храмомъ, между его поломъ и аркою для проѣзда, были, какъ кажется, еще сдѣланы помѣщенія для людей, или для склада матеріаловъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ теперешняго вида воротъ. Теперешнее впрочемъ состояніе воротъ далеко не таково, чтобы по нему можно было судить о прежнемъ ихъ видѣ и устройствѣ. Въ настоящее время ворота представляютъ два обломка стѣнъ, сѣверной и южной, сводъ надъ которыми совершенно обвалился. Южная сторона или лѣвая, если смотрѣть отъ города, имѣетъ въ длину 30 арш., сѣверная, еще болѣе пострадавшая, гораздо менѣе, слишкомъ вдвое менѣе южной. Стѣны эти въ настоящее время соединены желѣзными связями, чтобы предохранить ихъ отъ паденія, и подперты контрфасами, вершины ихъ залиты известью и покрыты дерномъ, Вышина стѣнъ 14 аршинъ, толщина около 2 аршинъ, пространство между стѣнами (для проѣзда) 10¼ аршинъ. Стѣны были построены изъ кирпичей и сѣраго камня, такъ что въ нихъ пять рядовъ кирпичей пооче-

редно смѣняются камнемъ сѣровикомъ. Кирпичъ старинной формы, длиною 8, шириною 7 и толщиною 6 вершковъ; цементъ для кладки употребленъ греческій, составленный изъ раковистой извести и толченаго камня, чрезвычайно окрѣпшій. Къ стѣнамъ, послѣ разгрома, сдѣланы были пристройки изъ сѣрыхъ камней и кирпича, аршинъ надесять вышины. Пристройки эти частію потомъ обвалились.

Въ стѣнахъ по обѣимъ сторонамъ видны два ряда мѣстъ, или гнѣздъ для балокъ, нижній рядъ на 5 аршинъ отъ земли, и верхній на 7 арш., изъ чего и заключаютъ, что тутъ было какое нибудь помѣщеніе. Это именно то помѣщеніе, о которомъ выше сказано, что оно находилось надъ аркою подъ ноломъ церкви. Въ той и другой стѣнѣ есть фальшивыя двери, а на лѣвой, кромѣ того и фальшивыя окна.

Золотыя ворота со времени своей постройки существовали 200 лѣтъ до нашествія татаръ; татары ихъ разрушили, но не совсѣмъ, такъ что и послѣ татарскаго погрома ворота продолжали существовать и относить свою службу, причемъ подвергались переправкѣ: такъ, напримѣръ, сѣрые камни были положены на нихъ въ позднѣйшее время; были также облицованы они и извнутри кирпичною стѣною, но эта кирпичная подшивка, въ то время когда ворота отрывали изъ земли, отвалилась отъ нихъ; лишь нѣкоторая ея часть держится по мѣстамъ.

Въ половинѣ XVII стол. сводъ надъ воротами еще былъ цѣлъ, а равно сохранялись еще и слѣды Благовѣщенскаго храма: входныя двери, окна и высокія стѣны. Въ 1682 году ворота были укрѣплены желѣзною рѣшеткою, съ устройствомъ при нихъ подъемнаго моста и бастіоновъ. Но затѣмъ они такъ стали разрушаться, что въ 1745 году бывшій Кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ представилъ Сенату о необходимости принять какія либо по этому предмету мѣры. Вслѣдствіе чего Сенатомъ было повелѣно: „Золотыя ворота, для сохраненія и вида древности, засыпать землею, какъ внутри, такъ и по сторонамъ, и оставить въ валу, а вмѣсто нхъ устроить другія каменныя ворота“. Въ 1750 году это распоряженіе Сената и было исполнено. Съ тѣхъ поръ и до 1832 года Золотыя Ворота находились подъ землею, а въ 1832 году открылъ ихъ изъ подъ земли Кондратъ Андреевичъ Лохвицкій. Въ сентябрѣ того же года ворота осматривалъ покойный императоръ Николай Павловичъ и по приказанію Его ихъ открыли для публики. На воротахъ доска съ надписью: „По соизволенію Государя Императора Николая I открыты изъ вала въ 1832 г. Сооружены при Великомъ Князѣ Ярославѣ I, около 1037 года“.

Въ настоящее время около воротъ нѣтъ и слѣда прежняго вала и ворота находятся уже не на краю, а въ центрѣ города.

И. Зверевъ.

Вечеръ на озерѣ въ Финляндіи.

(Картина принца Ольденбургскаго).

Сѣверный день тихо и уныло догараетъ. Прозрачная, зеркальная масса водъ безмолвнаго озера, подернулась сѣроватой, холодной дымкой. Небо блѣдное—сѣроватозеленое, непривѣтное. Какія-то жалкія подобія деревьевъ торчатъ у самаго берега; гранитные обломки разбросаны тамъ и тутъ,—иной цѣликомъ, во всей своей дикой красѣ, лежитъ на берегу, другой попалъ въ воду, на половину высунулся изъ нея. Солнце почти уже сѣло за длинную гряду облаковъ, фіолетовымъ пологомъ тянущуюся на горизонтѣ: послѣдвій лучъ его пробился сквозь эту завѣсу маленькимъ просвѣтомъ и узкой золотистой полоской перерѣзавъ поперекъ водную гладь, слегка горя красноватыми тонами на камняхъ и деревьяхъ. Тишь вокругъ—нѣтъ признака, ни человѣка, ни его жилья, однѣ только птицы рѣютъ надъ мертвеннымъ побережьемъ. Вечерняя сырость поднимается отъ воды,—еще нѣсколько мгновеній, и она охватитъ своимъ негостепріимнымъ пологомъ всю окрестность, и будетъ царить до утренней зари, пока теплые лучи не положатъ предѣла ея царству.

Этотъ небольшой уголокъ сѣверной природы кажется резюмируетъ общее впечатлѣніе, производимое Финляндіей. Кто жилъ тамъ, въ этой суровой странѣ, тотъ знаетъ, что какіе бы теплые, свѣтлые дни ни пережилъ онъ,—въ концѣ концовъ общимъ мотивомъ природы останется мотивъ подобный прилагаемой картинѣ. Пустота, безлюдность—главные отличительные признаки страны. Ѣдете вы по лѣсу,—лѣсъ словно замеръ,—побрякиваетъ колокольчикъ и бубенчикъ, звонко отдаваясь между двумя стѣнами гигантскихъ сосенъ,—ни человѣка, ни звѣря, ни птицы. Остановитесь,—замретъ колокольчикъ, замретъ его эхо,—и тишь воцарится кругомъ, травы нѣтъ—одинъ мохъ, твердый, хрупкій, напоминающій формой подводныя караловыя постройки, разноцвѣтный—синеватый, розовый, зеленый... Кустовъ нѣтъ, только мѣстами, сърѣетъ между обнаженнымъ строемъ сосновыхъ стволовъ круглый, расколовшійся камень, словно сказочное животное, свернувшееся въ комокъ, спящее мертвымъ сномъ, какъ и все вокругъ него... Мелькнетъ поселокъ—два три двора.

Но порою и мрачная природа въ своихъ величавыхъ проявленіяхъ дѣлается грандіозной—каковы кручи горныхъ хребтовъ Мансельке, какова грохочущая Иматра. На рѣкѣ Кюмени есть даже одинъ веселый уголокъ кипящій жизнію—это тамъ, гдѣ она образуетъ въ теченіи своемъ водопадъ Гехфорсъ, говорливый, игриво горящій радугами. Вода здѣсь, въ своемъ паденіи омываетъ три, четыре, брошенныя ей на дорогѣ скалы, и сбѣжавъ съ высоты нѣсколькихъ футовъ, еще веселѣе струится между рощъ и селеній. Но такихъ веселыхъ видовъ здѣсь немного.

За послѣднее время художники весьма и весьма часто стали посѣщать Финляндію, значительно оживившуюся съ проведеніемъ желѣзной дороги. На академическихъ выставкахъ можно встрѣтить цѣлыя серіи мѣстныхъ видовъ,—и въ этихъ серіяхъ картина принца Ольденбургскаго занимаетъ весьма видное мѣсто.

П. Г—ъ.

Интересныя явленія въ астрономіи.

(Статья К. Фламмаріона).

На небѣ есть звѣзда яркаго, нѣсколько красноватаго цвѣта: она является предъ нами на южной сторонѣ неба.—Эта планета „Марсъ“, — цѣлый отдѣльный міръ, аналогичный, по своей географіи, съ нашимъ земнымъ міромъ. Времена года, и распредѣленіе климатовъ, и развитіе животныхъ на этой планетѣ, безъ сомнѣнія, сходны съ нашей землей.

Недавно американскіе астрономы, съ Вашингтонской абсерваторіи, съ помощью колоссальнаго увеличительнаго стекла, объективъ котораго равняется почти 2-мъ футамъ въ діаметрѣ и длина котораго простирается до 15 арш.—открыли *двухъ* спутниковъ Марса или *двѣ* луны, правда, гораздо меньшія, чѣмъ луна освѣщающая нашу землю, но которыя тѣмъ не менѣе замѣняютъ солнце, отсутствующее во время ночей, этой сосѣдней намъ планеты.

Не найдется наблюдателя, который бы, разсматривая эту блестяще-красноватую звѣзду, какою представляется Марсъ, не замѣтилъ, что повыше ея влѣво, находится другая звѣзда, правда, менѣе блестящая, но все таки первостепенной величины. Эта звѣзда имѣетъ нѣсколько голубоватый цвѣтъ, что происходитъ отъ контраста ея съ Марсомъ, она является рядомъ съ Марсомъ, нѣсколько повыше его, въ прекрасные лѣтніе вечера. Это планета Сатурнъ, представляющая удивительнѣйшій міръ изо всей нашей планетной системы.

Это самая отдаленная изъ планетъ, которыя мы еще можемъ видѣть простыми глазами. Разстояніе ея отъ насъ до 1420 милліоновъ верстъ, въ окружности она 400,000 верстъ, поверхность въ 90 разъ больше нашей планеты, а объемъ больше въ 864 раза. Но вѣсъ ея только въ 92 раза больше вѣса земли, и это, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что Сатурнъ состоитъ изъ матеріи менѣе плотной и грубой, чѣмъ наша земля. Относительную тяжесть массы Сатурна можно уподобить тяжести кленоваго дерева. Подобно куску этого дерева Сатурнъ плаваетъ въ безпредѣльномъ міровомъ океанѣ.

Въ концѣ прошлаго вѣка, Гершель, изслѣдуя перемѣщеніе пятенъ на Сатурнѣ нашелъ, что эта планета вращается вокругъ своей собственной оси, въ 10 час. 16 мин. Такъ, напримѣръ, день *Сатурна* подобно дню *Юпитера*, въ два раза короче, чѣмъ нашъ земной день. Климаты здѣсь расположены точно такимъ же образомъ, какъ на землѣ, и именно раздѣляются на поясы: *жаркій, умѣренный* и *холодный*.

Что касается количества тепла и свѣта, получаемыхъ этою планетою отъ солнца, то такъ какъ она почти въ 10 разъ болѣе удалена отъ этого центральнаго свѣтила, чѣмъ наша земля, то съ нея солнце кажется въ 10-ть разъ меньшимъ въ своемъ діаметрѣ, 90 разъ меньшимъ относительно протяженія поверхности, а вслѣдствіе этого получаетъ и 90 разъ менѣе теплоты и свѣта. Засимъ всѣ другія условія существованія этой планеты, очевидно, тѣже, что и у земли.

Но мы еще не говорили о совершенно особомъ характерѣ населенія Сатурна.

Когда въ первый разъ астрономы открыли эту планету, то вѣроятно, были до крайности изумлены, такъ что съ трудомъ вѣрили своимъ глазамъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы въ первый разъ увидѣли рисунокъ Сатурна въ астрономическихъ сочиненіяхъ, то въ насъ еще оставалось нѣкотораго рода сомнѣніе, въ которомъ мы сами еще не можемъ дать отчета о дѣйствительной подлинности этихъ фигуръ и мы готовы были даже предположить, что астрономы преувеличиваютъ дѣло. (Какъ будто можно что либо преувеличивать въ наукѣ, имѣющей дѣло съ областью безконечнаго!) Но лишь только мы навели нашъ глазъ на астрономическое стекло, какъ совершенно удобно и спокойно могли замѣтить, постепенно раскрывавшееся предъ нами величественное твореніе, окруженное своимъ кортежемъ. Тогда нужно было сознать, что это явленіе реальное, нужно было, такъ сказать, *чувствовать* эту *реальность*, если вообще мы способны къ этому, что касается лично меня, то изъ моихъ первыхъ астрономическихъ наблюденій были *три*, которыя оставили въ моей душѣ неизгладимое восноминаніе: это наблюденіе кольца Сатурна, Луны и тройной звѣзды Андромеды (тройной относительно цвѣтовъ: оранжевый, зеленый и голубой). Когда я все это разсматривалъ въ телескопъ, то пришелъ въ восторгъ и изумленіе...

Въ самомъ дѣлѣ, Сатурнъ представляетъ феноменъ единственный въ солнечной системѣ. Этотъ шаръ, образующій планету въ собственномъ смыслѣ, окруженъ на значительномъ разстояніи почти плоскимъ и весьма широкимъ *кольцомъ*, кото-

Изобиліе и нищета. Картина Д. Зюса, грав. Лоранъ.

Зимнія забавы дѣтей. Картина К. Кронбергеръ. грав. Кнезингъ.

рое мы видимъ въ косвенномъ положенiи и которое вмѣсто того, что-бы казаться намъ круглымъ, представляется въ элиптической формѣ. Поперечный размѣръ этого кольца разнообразевъ; но, при этомъ разнообразiи, наименьшiй его дiаметръ никогда не превосходитъ половины наибольшаго дiаметра

Часть кольца, видимая съ земли, кажется проходящею поверхъ планеты, тогда какъ другая, противоположная, часть проходитъ позади планеты. Вблизи той области, гдѣ кольцо выставляется на планету, видна на его поверхности тѣнь, очевидно указывающая ту часть, въ которую, по причинѣ вставки (или врѣзыванiя) здѣсь кольца, солнечный свѣтъ не проникаетъ. Планета эта *не самосвѣтящаяся*; подобно другимъ своимъ сестрамъ, она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

Само кольцо не сплошное или цѣльное; оно весьма замѣтно раздѣляется на *два* кольца. Линiя дѣленiя находится ближе къ внѣшнему краю, чѣмъ къ краю внутреннему. Можетъ быть и самая эта кольцевая система раздѣляется, въ свою очередь, на огромное множество концентрическихъ *) колецъ, потому что въ сильные инструменты иногда можно бываетъ замѣтить слѣды большаго числа дѣленiй.

Удивительная эта система! Она представляетъ единственный какой только мы знаемъ, примѣръ поверхности уровня кольца, наибольшiй дiаметръ котораго не менѣе 68,000 верстъ и 47,200 верстъ въ ширину—это самое кольцо имѣетъ не болѣе 60—78 верстъ въ толщину! Оно съ обѣихъ сторонъ плоско и представляетъ нашимъ глазамъ, попеременно, каждую изъ своихъ сторонъ—и это происходитъ отъ комбинацiй движенiя Сатурна съ движенiемъ земли. Весьма вѣроятно, что эта простая система сложена изъ значительнаго числа *отдѣльныхъ частичекъ, вращающихся около планеты съ различными скоростями, сообразно ихъ взаимнымъ разстоянiямъ*.

По моимъ вычисленiямъ, частицы, образующiя прозрачное кольцо, должны вращаться около планеты въ перiодъ времени отъ 5 час. 50 мин. до 7 час. 11 мин., и это сообразуясь съ ихъ разстоянiемъ отъ Сатурна. Наиболѣе приближенный къ Сатурну рядъ этихъ частицъ вращается гораздо быстрѣе. Частицы же, составляющiя широкое свѣтлое кольцо, должны вращаться въ перiодъ времени отъ 7 час. 11 мин. по 11 час. 9 мин., опять-таки соотвѣтственно ихъ разстоянiямъ. Наконецъ, послѣднiй предѣлъ этой странной системы долженъ совершать свое вращенiе въ 12 час. 5 мин. Но 8 спутниковъ, имѣющихъ тяготѣнiе къ внѣшней сторонѣ кольца, должны производить значительныя пертурбацiи въ этихъ движенiяхъ—пертурбацiи до такой степени значительныя,—что, можетъ быть, нужно приписать непостоянству равновѣсiя—которое онѣ непрерывно производятъ,—существованiе у Сатурна особаго придатка. Этотъ придатокъ долженъ составлять внѣшнюю опору, и безъ этой опоры неизбѣжныя здѣсь тренiя и толчки ежеминутно разрушали бы какого-либо изъ спутниковъ этого страннаго вѣнца, или кольца, какъ принято называть...

Отъ времени до времени, кольцо исчезаетъ на нашихъ глазахъ, вслѣдствiе комбинацiй движенiя *земли* съ движенiемъ *Сатурна*. Объяснить это весьма легко. Замѣтимъ сначала, что если бы мы находились въ продолженiи оси вращенiя Сатурна, т. е. на верху того или другого изъ его полюсовъ, мы увидѣли бы переднюю поверхность колецъ, которыя намъ тогда представились бы совершенно круглыми, какъ это и есть въ дѣйствительности. Напротивъ, если мы предположимъ, что находимся въ плоскости экватора Сатурна, въ продолженiи экваторiальныхъ колецъ—мы тогда увидѣли бы ихъ только черезъ разрѣзъ,—мы увидѣли бы ихъ въ видѣ линiи, перерѣзывающей планету и выходящей съ каждой стороны. Внѣ этихъ крайнихъ положенiй, кольца представятся намъ болѣе или менѣе овальными, потому что мы видимъ ихъ въ болѣе или менѣе косвенномъ положенiи.

Верхняя фигура нашего рисунка представляетъ именно эти вышеуказанныя нами главныя фазы. Въ сентябрѣ 1877 г. мы находились почти безусловно въ самой плоскости кольца, такъ что уже въ мое обыкновенное зрительное стекло Сатурнъ казался оторваннымъ отъ своей системы. Нужно имѣть довольно сильный инструментъ, что бы различить дуги разорваннаго кольца.

Окончанiе въ слѣдующемъ нумерѣ.

Безцеремонные друзья.

(Картина Моньино).

Дѣвочка, очевидно, ведетъ большую дружбу съ животными, представленными на этой картинѣ. Друзья ея оказываются замѣтно безцеремонными: пользуясь удобнымъ случаемъ, они успѣли забраться въ непрошенное блюдо и уписываютъ его, какъ говорится, за обѣ щеки. Таковы въ большинствѣ случаевъ друзья даже и не изъ царства животныхъ. Пушкинъ о друзьяхъ говоритъ:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья:
О нихъ не даромъ вспомнилъ я!

И не одинъ Пушкинъ такъ отзывается о друзьяхъ и не такъ молодо мнѣнiе о измѣнчивости дружбы. Извѣстны отзывы о ней древнихъ, напримѣръ:

„Друзья мои! Нѣтъ друзей въ мiрѣ!

Или: „Друзья мои! Обнимите меня, но только пожалуйста не укусите".

Словомъ, объ измѣнчивости дружбы можно привести тысячи примѣровъ—и кто же ихъ не знаетъ?

Дѣвочка, изображенная на нашей картинкѣ, конечно, еще не достигла настоящаго понятiя о дружбѣ и безполезно проливаетъ слезы при видѣ безцеремонности ея друзей. Самое-бы лучшее взять хорошую палку и разъ-другой угостить непрошенныхъ нахаловъ: какъ бы они сразу присмирѣли, поджали бы хвосты, и было бы имъ это преполезно.

Изобилие и нищета.

И впрямь, что „сытый голоднаго не разумѣетъ". Ну посмотрите на эту утку, что представлена на рисункѣ—вѣдь ужь сыта по горло, не смотря на то, что утки отличаются необыкновеннымъ обжорствомъ, и ужь разумѣется, вслѣдствiе развитiя этого чувства, наша утка тоже ѣла столько, сколько, какъ говорится, влѣзало въ горло—вѣдь ужь сыта, а ни зачто не хочетъ уступить своего корма бѣднымъ птичкамъ, съ такой грустiю и завистью посматривающимъ на богатый обѣдъ, отъ котораго онѣ-бы во множествѣ могли насытиться. А утка одна, да и удовольствовалась вдоволь;—казалось чего же еще надо? Такъ вотъ же нѣтъ. Прiятно ей, что возлѣ нея такое довольство, а до другихъ ей дѣла нѣтъ, она ихъ знать не хочетъ и не понятно ей ихъ мучительное желанiе. Аппетитъ раздраженъ, въ маленькихъ головкахъ идетъ дѣятельная работа—какже бы, какже бы подобраться, поѣсть; безпокойные глазки перебѣгаютъ съ утки на лакомое блюдо и обратно—бѣдныя маленькiя птички!—И какъ немного бы нужно каждой изъ васъ..... Нѣтъ, должно быть и въ нѣкоторыхъ птицахъ тоже очень сильно развитъ эгоизмъ, когда онѣ такъ жестоко относятся къ другимъ..

Да въ однѣхъ ли птицахъ? Не случается-ли и между людьми нѣчто подобное изображенному на прилагаемомъ рисункѣ. При взглядѣ на него вспоминаются стихи покойнаго поэта А. Толстого, изъ которыхъ и помѣщаемъ здѣсь нѣсколько строкъ, а именно:

„У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо.
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
Дураки! сказалъ дьякъ,—изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ Думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли."

Оказывается такимъ образомъ, что дьякъ считаетъ всѣхъ сытыми, потому что самъ онъ съѣлъ въ Думѣ осетра. Не этого-ли самаго дьяка изображаетъ наша сытая утка?

Зимния удовольствия дѣтей.

Счастливая пора дѣтства, беззаботная, шумливая... Полные веселья, смѣха, забавъ, незамѣтно летятъ для ребенка за днями дни; набѣжитъ порою горе, и оросятъ слезы свѣтлые глазки, но это горе,—легкое облачко на ясномъ синемъ небѣ, но эти слезы,—какъ дождикъ въ лѣтнiй день. И отъ нихъ еще живѣе веселье и еще свѣжѣе дѣлается молодое личико, омытое слезками ребенка. Чудная пора! Прелестное дѣтство! Ничто не помѣшаетъ его веселью: его все занимаетъ; все влечетъ юное чувство, во всемъ ребенокъ отыскиваетъ себѣ удовольствiе, не думая о послѣдствiяхъ, не тревожась какими либо мрачными представленiями. Наступитъ лѣто. Привольно на воздухѣ, и ребенокъ пируетъ подъ жаркими лучами солнца, среди букашекъ, мушекъ, птицъ, тихiй вѣтерокъ ласкаетъ его разгоряченное тѣльце, укуситъ его порою и докучливая злая муха, но все нипочемъ... Такъ нипочемъ и суровый холодъ зимы—и не удержитъ онъ ребенка, онъ найдетъ и среди него новыя удовольствiя. Рисунокъ, приложенный въ этомъ №, представляетъ наглядно, сколько радостей даетъ собою зима дѣтямъ. При этомъ нельзя не вспомнить и стихи нашего безсмертнаго поэта Пушкина, который описывая зиму, приводитъ такую картину:

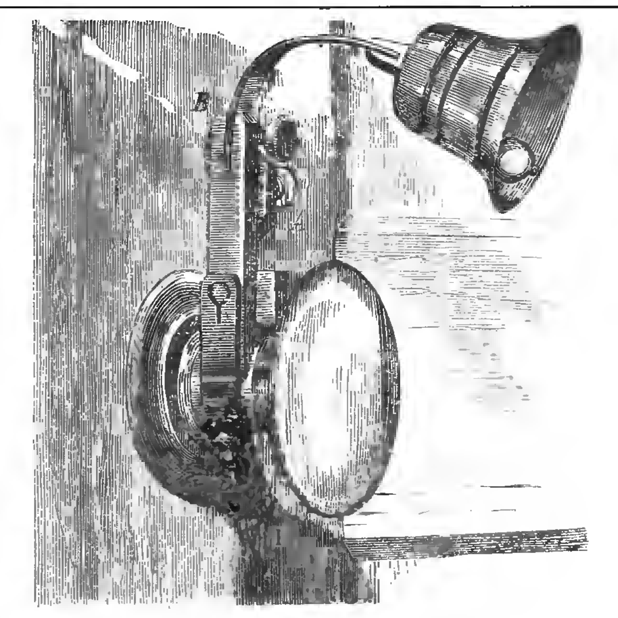
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *Жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужь заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
И мать грозитъ ему въ окно...

Положимъ, нашимъ шалунамъ никто ни откуда ни грозитъ и они вволю кидаютъ другъ въ друга комьями снѣга, но едва ли будетъ лишнимъ, если внимательный взглядъ остановитъ ихъ во время, чтобы не дать имъ пробыть на холодѣ болѣе того времени, сколько возможно допустить, не рискуя здоровьемъ.

*) Т. е совпадающихъ въ одну линiю.

Усовершенствованный переносный звонокъ.

Этотъ колокольчикъ всякій путешествующій можетъ удобно вѣшать па дверной ручкѣ нумера гостиницы, въ которой онъ остановится, и при этомъ путешественникъ можетъ спать спокойно, такъ какъ никто не можетъ проникнуть въ его комнату безъ сильнаго звона привѣшеннаго па дверную ручку колокольчика. Самый колокольчикъ этотъ обыкновенно прикрѣпляется къ стальной пружинѣ, которая, въ свою очередь, защемляется въ разрѣзы Б и А вертикально стоящаго столбика (См. рисунокъ) и завинчивается винтомъ. Ножка этого столбика округлена и снабжена поперечно идущею выемкою, для того, чтобы она не соскальзывала съ дверной ручки. Для прикрѣпленія же всего этого аппарата къ ручкѣ двери служитъ крѣпкая и толстая резиновая полоска, обнимающая ручку и прикрѣпляющаяся къ столбику посредствомъ особой пуговки. Какъ скоро ктонибудь принимается вертѣть дверную ручку снаружи, колокольчикъ принимается звонить. Весьма понятно, что, съ небольшимъ конечно видоизмѣненіемъ, этотъ колокольчикъ можетъ замѣнить собою и постоянный дверной звонокъ. Для этого только стоитъ придѣлать къ нему рукоятку.

Усовершенствованный переносный звонокъ.

Общее политическое состояніе Европы наканунѣ 1878 года.

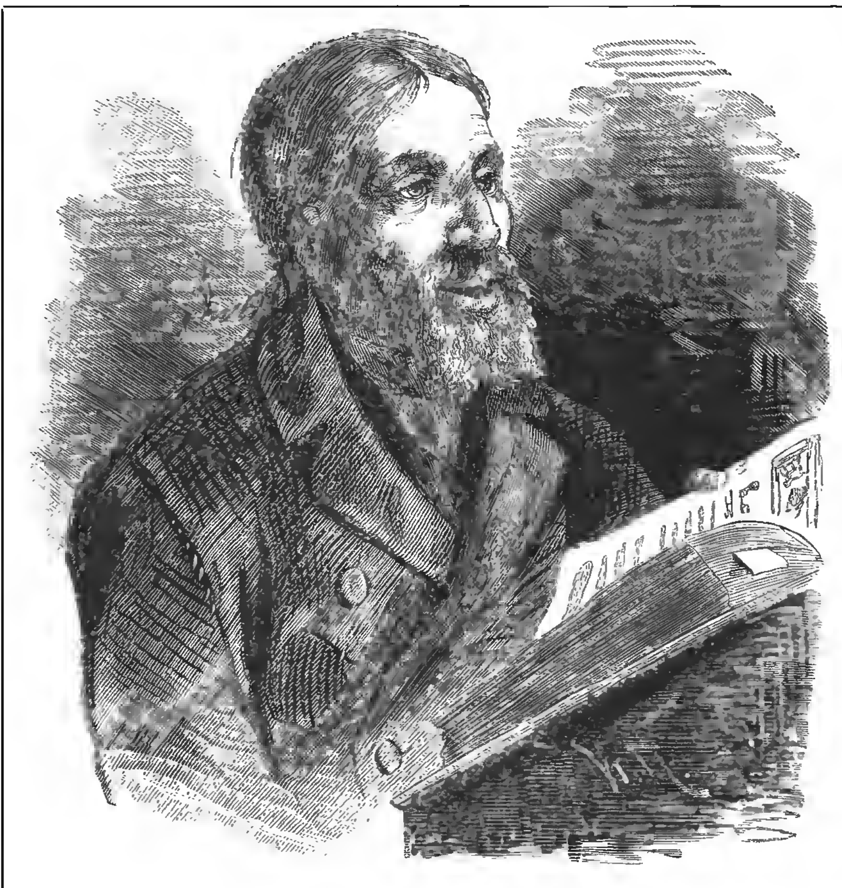
Истекшій годъ свелъ свои счеты. Послѣ многочисленныхъ исполненныхъ истаго „русскаго“ самоотверженія подвиговъ, мы удержали наше оружіе на высотѣ его всегдашней славы и на Дунайскомъ и на Закавказскомъ театрахъ войны. Мы, послѣ геройскаго взятія Плевны, очистили западную часть Болгаріи отъ турокъ и проникли къ Софійской дорогѣ, движеніе, съ которымъ связано и движеніе за Балканы. За симъ и восточная турецкая армія отступила. Большая часть арміи Сулеймана-паши находится теперь уже за Балканами. Пространство между *Разградомъ* и *Рущукомъ* занято теперь только ничтожными непріятельскими силами. За симъ на Закавказскомъ театрѣ войны, мы, нѣтъ сомнѣнія, удержимъ пріобрѣтенныя съ такимъ героизмомъ, важные пункты въ Турецкой Арменіи. Если бы Порта не обольщалась надеждой на помощь Англіи, она въ виду будущаго своего истощенія и, быть можетъ гибели—смиренно попросила бы у побѣдоносной Россіи мира и подчинилась бы суровымъ, но справедливымъ условіямъ этого мира. Тогда истекшій годъ со славою закончилъ бы нашу кампанію и съ новаго года началась бы новая жизнь для Болгаріи, Сербіи и пр. Случилось не такъ. Турція выразила намѣреніе продолжать борьбу до конца, и въ то же время она обратилась къ европейскимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ и заступничествѣ (разумѣется, надѣясь на помощь Англіи). Послѣдняя дѣйствительно подняла голосъ и произвела на политическомъ горизонтѣ такую же пертурбацію, какую произвела она непринятіемъ Берлинскаго меморандума весною прошлаго года. Отношенія политическія къ дѣламъ востока, на будущій годъ, со стороны различныхъ державъ, слѣдовательно, усложняются.

Представляется вопросъ: въ какомъ смыслѣ возможно посредничество Англіи? Объ этомъ краснорѣчиво говорягъ совершившіеся до сихъ поръ факты. Вопервыхъ, Англія сначала изъявила желаніе купить турецкій флотъ (конечно, построенный на ея деньги), затѣмъ обнаружила намѣреніе занять или, точнѣе, купить Египетъ, чтобы обезпечить за собою прямой и безпрепятственный путь въ Калькутту. Но затѣмъ въ Англіи же стараніями лорда Биконсфильда преждевременно и, такъ сказать, экстраординарно, созывается парламентъ, для обсужденія дѣлъ „не терпящихъ отлагательства“ (это поведеніе Англіи составляетъ то, что на дипломатическомъ языкѣ называется „звучаніемъ сабли“). Противъ этого созыва протестуетъ народонаселеніе Англіи, рабочія корпораціи; даже англійскіе аристократы, какъ лордъ *Шефтсбюри*, герцогъ *Уэстминстеръ*, *Мундель* и друг., протестуютъ противъ неразумнаго и разорительнаго для производительныхъ силъ страны заступничества за дряхлую и умирающую Турцію. До какой степени въ Англіи страшно раздражены другъ противъ друга партіи анти-турецкая и туркофильская, видно изъ того, что двѣ сходки рабочихъ противоположныхъ партій въ Трофсльгорсквер҇ѣ вступили въ ожесточенную драку и ихъ должна была разнимать полиція. Многіе недавніе факты доказываютъ, что лордъ Биконсфильдъ искусственно поджигаетъ и раздражаетъ общественное мнѣніе своей страны и, насколько хватаетъ у него силъ, и вообще Европы, противъ Россіи. Представитель Англіи въ Константинополѣ, г. Лейярдъ уже заявилъ, въ свою очередь, что если русская армія перейдетъ Балканы, то Англія займетъ Константинополь своими войсками численностью въ 60,000 человѣкъ, но что за эту помощь Англія требуетъ отъ Турціи о—ва Крита. Вообще же при появленіи на политическую сцену вопроса о посредничествѣ, понимающихъ дѣло людей поразило то обстоятельство, что, по принципу международнаго права, посредничество (meditation) возможно лишь тогда, если желаютъ его *обѣ* воюющія державы. Если же этого условія не существуетъ, то дѣйствіе „посредничествующей“ державы дѣлается уже вмѣшательствомъ (intervention). Англія, слѣдовательно, презирая этотъ принципъ права, вмѣшивается въ наши дѣла съ Турціей, и только смягчаетъ это вмѣшательство эластическимъ названіемъ. Уже изъ этого становится яснымъ, что подобное посредничество не будетъ нами принято и не можетъ быть нами принято. Это подкрѣпляется еще и тѣмъ соображеніемъ, что въ теченіе всей войны съ Турціей до настоящаго времени, мы не нарушили ни одного изъ англійскихъ интерссовъ, неприкосновенность которыхъ лордъ Дерби въ началѣ войны выставилъ условіемъ нейтралитета Англіи...

Въ Германіи за послѣднее время поднялъ голову такъ называемый партикуляризмъ, противившійся объединенію Германіи, не любящій главенства или гегемоніи Пруссіи. Вотъ этотъ-то партикуляризмъ и собирается сокрушить Бисмаркъ. Германія рѣшается затѣмъ исправить ошибки, которыя она допустила въ своихъ войнахъ съ Австріею въ 1866 и съ Франціею въ 1870 годахъ. Эта ошибка состоитъ въ предоставленіи самостоятельности Саксоніи и въ еще большемъ униженіи Австріи. Отнятіемъ самостоятельности у Саксоніи Пруссія нанесетъ ударъ партикуляризму и прочно обезпечитъ себѣ гегемонію единой Германіи. Что касается восточнаго вопроса, то можно сказать заранѣе, что и на будущій годъ Германія будетъ вѣрною и неизмѣнною нашею сторонницей въ этомъ дѣлѣ. Только туркофильская часть германской печати (весьма, впрочемъ, незначительная) сокрушается о томъ, что результатомъ побѣдъ Россіи надъ Турціей принизится могущество Англіи на востокѣ и преобладаніе ея на Средиземномъ морѣ.

Во Франціи за истекшій годъ совершилось множество кризисовъ, о которыхъ знаютъ читатели изъ нашихъ еженедѣльныхъ политическихъ обозрѣній.

Что касается Италіи, то, въ отношеніи своей внѣшней политики вообще и восточнаго вопроса въ особенности, она ревнуетъ Англію преобладающую на Средиземномъ морѣ и теперь стремящуюся еще болѣе расширить это преобладаніе пріобрѣтеніемъ Египта, а также захватомъ острововъ *Крита* и *Кипра* и полуострова *Галлиполи*. При этомъ случаѣ Италія увидитъ себя окруженною на Средиземномъ морѣ англійскими колоніями, гарнизонами и эскадрами. Въ виду предупрежденія этой опасности, Италія ищетъ союза съ Греціей. Соединивъ свой флотъ съ греческимъ, Италія думаетъ парализовать захваты Британіей Крита, Кипра и Галлиполи. Въ такомъ направленіи была внѣшняя политика Италіи за послѣднее время. Что касается ея внутреннихъ дѣлъ, то продолжавшійся въ ней значительное время министерскій кризисъ окончился и образованъ новый кабинетъ Депретиса. Въ числѣ министровъ новаго кабинета фигурируетъ имя *Криспи*, недавно ѣздившаго съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Германію. Пока ходили только слухи объ англійскомъ вмѣшательствѣ, Италія еще чувствовала себя спокойно, но когда Англія приняла турецкую просьбу о посредничествѣ и объявила объ экстренномъ созывѣ парламента, Италія сильно встревожилась, и вотъ съ этихъ то поръ итальянское правительство твердо рѣшилось обратиться къ европейскимъ державамъ, съ объясненіемъ, что не можетъ допустить осуществленія притязаній Англіи на Средиземномъ морѣ и постарается воспрепятствовать этимъ пріобрѣтеніямъ новыхъ ко-

Русскіе типы. Пономарь.
Ориг. рис. И. Панова, грав. Шмидтъ.
– Отъ юности моея не стяжалъ есмь разума остра. И велиmковозврастну сущу, необрѣтеся ми мѣста иного точію пономари—еже въ било звонити и кадило разжигати, имже образомъ пребываю и до сего дне.

лоній, и вотъ почему становится весьма вѣроятнымъ въ наступающемъ году и можетъ быть, въ близко грядущей борьбѣ, союзъ Италіи съ Греціею, о которомъ сказано выше. Король Викторъ Эммануилъ, по какимъ то соображеніямъ, высказалъ намѣреніе отказаться отъ престола, въ случаѣ смерти своей жены.

Упомянемъ вкратцѣ объ Австро-Венгріи. Не смотря на туркофильство своей венгерской половины, она, подобно другимъ державамъ, дала отклоняющій отвѣтъ на просьбу Порты о посредничествѣ. Графъ Андраши остался вѣренъ своей политикѣ, къ которой обязываетъ его самое уваженіе принципа союза трехъ императоровъ. Порта, повидимому, не ожидала такого отвѣта отъ Австро-Венгріи, и устами генерала Клапки заявила, что отказъ Австро-Венгріи, составляетъ отступленіе отъ парижскаго трактата и посягательство на права Турціи. Дѣло все впрочемъ, будетъ зависѣть для Австро-Венгріи отъ политики Германіи.

Сербія и Черногорія вступаютъ за рубежъ стараго года съ оружіемъ въ рукахъ и побѣдоносным знаменемъ. Сербы, начавъ недавно войну, уже успѣли взять нѣсколько важныхъ пунктовъ, напримѣръ: *Акъ-Паланку* и *Пиротъ* (по Софійской дорогѣ) и энергически блокировали Нишъ. Уже давно они прошли на Пиротскую дорогу, путями изъ Бѣлградчика въ Берковацъ и Чупрену, а наши вошли съ ними въ связь по дорогѣ къ Пироту. Черногорцы продолжаютъ энергическую борьбу у Скутарійскаго озера, и недавно взяли крѣпость *Дульциньо* откуда турки бѣжали къ Скутари.

Расположеніе и дѣйствія нашихъ войскъ представляются теперь въ слѣдующемъ видѣ: Отрядъ генерала Гурко послѣ неутомимаго движенія съ сѣверо-запада на югъ, перешелъ наконецъ, Балканскій перевалъ. Авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ горъ, занялъ позицію между *Арабъ-Конака* и *Софіей*. Большая часть нашей кавалеріи расположилась на Софійскомъ шоссе.

Засимъ мы знаемъ, что уже давно восточная турецкая армія отступила къ югу предоставивъ отдѣльнымъ отрядамъ арміи Цесаревича относительно свободныя рекогносцировки. 11-го декабря разъѣзды арміи Цесаревича переправились черезъ Черный Ломъ и дошли до Бѣлаго Лома. У Разграда, за прошлыя недѣли, происходили незначительныя стычки. Однако, естественныя препятствія, напримѣръ наступившіе морозы, все-таки затрудняютъ въ послѣднее время, движеніе отрядовъ лѣваго фланга нашей арміи. Въ послѣднее время совершается движеніе противъ Рущука, съ цѣлію обложенія его, и изолированія его отъ Разграда и Шумлы. Кромѣ этихъ сейчасъ охарактеризованныхъ движеній, по обстоятельствамъ весьма труднаго въ горахъ зимняго времени, на театрѣ войны не происходитъ рѣшительныхъ дѣйствій. Армія Циммермана въ Добруджѣ занята прежнею задачей: сохранять неприкосновенными сообщенія съ центральною арміей.

На азіатскомъ театрѣ войны зимняя природа сковываетъ и парализируетъ рѣшительныя дѣйствія. Отрядъ генерала Геймана находится подъ Эрзерумомъ. За то на этомъ театрѣ войны произошли недавно молодецкія дѣла нашихъ миноносныхъ катеровъ противъ турецкихъ мониторовъ у Батума.

РЕБУСЪ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

При этомъ № для гг. иногороднихъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ".

Дозволено цензурою. СПБ. 30 Декабря 1877 г. [illegible] № 10.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 2 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ

Выданъ 9 Января 1878 г. — Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Ѳедоръ Петровичъ Комисаржевскій.

Ѳ. П. Комисаржевскій, сынъ чиновника, родился въ Кіевской губерніи. На десятомъ году отъ роду онъ былъ привезенъ въ Варшаву, въ домъ отчима своего, тоже чиновника, и здѣсь воспитывался. Въ первый разъ слышанная имъ опера въ этомъ городѣ, произвела на будущаго пѣвца сильное впечатлѣніе и заронила въ его душу страстную любовь къ музыкѣ и сценическому искусству. Съ 1857 г., при содѣйствіи своего брата, Комисаржевскій изъ Варшавы переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу чиновникомъ въ Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ Петербургѣ онъ сошелся съ А. П. Вильбоа, подъ руководствомъ котораго познакомился съ произведеніями Глинки и Даргомыжскаго. Чувствуя полную неудовлетворительность своихъ стремленій и сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность найти хорошаго руководителя въ Петербургѣ, Комисаржевскій съ 400 рублей, добытыми съ большими усиліями, отправился за

Ѳедоръ Петровичъ Комисаржевскій. Теноръ Имп. Русс. Оперы въ СПБ.
Съ фотог. грав. Нейманъ.

границу. Въ Дрезденѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ скрипачемъ Липинскимъ, подъ руководствомъ котораго изучилъ теорію музыки. Посѣщеніе Дрезденской оперы, а равно и классовъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ пѣнія, убѣдили молодого пѣвца въ невозможности ограничиться ихъ уроками: онъ оставилъ Дрезденъ и отправился въ Италію. По пріѣздѣ въ Миланъ, отыскивая въ консерваторіи земляковъ, онъ встрѣтилъ г. Кашперова, по совѣту котораго обратился къ извѣстному учителю Репетто, у котораго и занимался до 1859 г. Сознавая слабость своихъ голосовыхъ средствъ, Комисаржевскій пересталъ думать о сценическомъ поприщѣ и отказался отъ ангажемента, предложеннаго ему однимъ антрепренеромъ, а готовился быть учителемъ пѣнія, вслѣдствіе чего, продолжая заниматься у Репетто, онъ бралъ уроки и у другихъ учителей. Изъ Милана онъ отправился во Флоренцію, гдѣ подъ руководствомъ знаменитаго маэстро Романи сталъ

изучать нѣкоторыя оперы. Не смотря на то, что подъ руководствомъ этого человѣка музыкальныя познанія его увеличились, онъ все таки остался при прежнемъ сознаніи своего безсилія. Къ этому тяжелому сознанію присоединилось еще полнѣйшее безденежье, что въ особенности тяжело чувствуется въ незнакомомъ городѣ. Въ эту критическую минуту, побуждаемый самыми вопіющими нуждами, Комисаржевскій рѣшился подать записку извѣстному богачу Демидову (теперь умершему) съ просьбою о пособіи. Получивъ отказъ, онъ былъ такъ сказать на краю пропасти и спасся только благодаря неожиданному приглашенію отъ одного агента, приславшаго ему 40 франковъ на проѣздъ въ Миланъ для свиданія съ антрепренеромъ Одесскаго театра, искавшимъ пѣвца на зимній сезонъ. Антрепренеръ остался вполнѣ доволенъ голосомъ новаго пѣвца и заключилъ съ нимъ контрактъ на 6 мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ Комисаржевскій, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ пѣлъ въ Одесской итальянской оперѣ. По окончаніи сезона, Комисаржевскій снова пріѣхалъ въ Миланъ и возобновилъ свои занятія у своего прежняго учителя Репетто. Въ 1862 г. онъ приглашенъ былъ въ Римъ, гдѣ дебютировалъ въ оперѣ „Italiana in Algieri“ и сразу пріобрѣлъ симпатіи публики. По окончаніи сезона въ Римѣ, г. Комисаржевскій получилъ ангажементъ во Флоренцію, Туринъ, Кремону и Миланъ, гдѣ пользовался большимъ успѣхомъ въ теченіи послѣдующихъ 4-хъ мѣсяцевъ. При этомъ не мѣшаетъ сказать, что Миланъ есть центръ театральной дѣятельности; тамъ существуютъ агентства, въ которыхъ ангажируютъ пѣвцовъ не только для Италіи, но и для всей Европы; вслѣдствіе этого тамъ лучшіе преподаватели музыки и туда стекаются всѣ пѣвцы, желающіе добиться ангажемента и сдѣлать карьеру, добиваются дебюта и за это нерѣдко платятъ деньги. Благодаря успѣху въ Римѣ, Комисаржевскій приглашенъ былъ и на Миланскій театръ, гдѣ дебютировалъ въ оперѣ „Линда“; передъ этимъ дебютомъ нашего пѣвца потерпѣли фіаско въ той же оперѣ шесть теноровъ: не смотря на то, что зала театра была переполнена музыкальными агентами, знаменитыми преподавателями и пѣвцами, успѣхъ былъ до того блистательный, что на другой же день Комисаржевскій получилъ ангажементъ на всю зиму въ Португалію, въ Опорто, съ платою 1,200 франковъ въ мѣсяцъ и бенефисъ. Изъ Португаліи счастливый пѣвецъ приглашенъ былъ въ Испанію въ городъ Валенцію съ 2,000 р. жалованья въ мѣсяцъ и бенефисомъ.

Въ 1863 г. вызванный въ Петербургъ семейными обстоятельствами, Комисаржевскій приглашенъ былъ Дирекціею Императорскихъ театровъ въ русскую оперу на Маріинскій театръ, гдѣ и остается до сихъ поръ (за исключеніемъ 1867 и 1868 г.). Говорить о значеніи Комисаржевскаго какъ пѣвца и артиста много не приходится: дѣятельность его на Маріинской сценѣ слишкомъ многимъ извѣстна. Голосъ его, какъ извѣстно, теноръ di grazia, небольшого объема, но отлично поставленъ и обработанъ; вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, г. Комисаржевскій превосходно владѣетъ имъ, безукоризненно фразируетъ исполняемую вещь; въ особенности онъ хорошъ въ мѣстахъ нѣжныхъ и въ роляхъ, требующихъ отчетливой декламаціи; въ этихъ свойствахъ его таланта лежитъ причина того обаятельнаго впечатлѣнія, которое онъ производитъ на слушателей. Какъ актеръ, онъ стоитъ на ряду съ самыми лучшими оперными пѣвцами; у него есть роли, въ которыхъ онъ незамѣнимъ, таковы: князь въ „Русалкѣ“ Даргомыжскаго и Донъ-Жуана въ „Каменномъ гостѣ“, того же композитора. Въ теченіи своей многолѣтней дѣятельности на Маріинской сценѣ Комисаржевскій участвовалъ въ слѣдующихъ операхъ: „Лукреціи“, „Мартѣ“, „Фавориткѣ“, „Лючіи“, „Сонамбулѣ“, „Трубадурѣ“, „Фенелѣ“, Проданной невѣстѣ“, „Виндзорскихъ кумушкахъ“, „Паидѣ“, „Сарданапалѣ“, „Фаустѣ“, „Галькѣ“, „Русалкѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“, „Фрадіаволѣ“, „Каменномъ гостѣ“, „Демонѣ“ и „Вакулѣ“. **Б.**

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

V.

Рѣчка Шошь маленькая, мелководная. Сперва течетъ она по гладкой луговинѣ, изворачиваясь легкими дугами, но потомъ, встрѣтивъ на пути два холма, крутыми изливами продирается между ними, и обѣжавъ одинъ изъ нихъ, опять мчится на просторъ, къ востоку. На откосѣ одного изъ холмовъ, какъ разъ противъ луговой стороны, стояла въ описываемую эпоху небольшая деревенская церковка, выставляла изъ за густыхъ купъ зелени свою неуклюжую макушку съ золоченымъ крестомъ. Возлѣ, подъ деревьями, виднѣлись домики причта, а села съ луговой стороны не видно было,—оно разбросалось по другому склону холма. Домики причта были не важные, даромъ что хата священника и блистала новымъ срубомъ. Избенка дьячка, что стояла по сосѣдству, совсѣмъ покривилась, почернѣла, какъ почернѣлъ и покривился боярскій домъ, давно не жилой, стоявшій тоже не подалеку. Звалось село это Юринымъ, въ честь своего основателя, боярина Юрина, современника Ивана Даниловича московскаго, Калиты.

Въ теплый августовскій день, раннимъ утромъ, передъ крылечкомъ поповскаго дома происходилъ оживленный разговоръ: на крылечкѣ стояла Наташа, дочь попа, а передъ ней худенькая, трепаная мозглявая бабенка съ младенцемъ на рукахъ, и лысый тощій старикъ въ рваномъ зипунишкѣ.

— Рыщутъ, рыщутъ, дьяволы,—звонкимъ такъ и рѣжущимъ ухо голосомъ, нопила баба.—Изъ Спасскаго трехъ дѣвокъ скрали, отца ихняго такъ по голвѣ долбанули, что еле ноги уволокъ, на погребѣ заперся, и въ мозжечкѣ затмился; съ хрестьянъ требуютъ, что-бъ вино курили, пиво варили, а гдѣ деньги-то хрестьянскіе? Ужъ я тѣ вѣрно говорю, наѣдутъ къ намъ,—помяни мое слово,—совсѣмъ въ раззоръ придемъ. Вотъ и дѣдушка тоже пророчитъ... Человѣкъ знающій.

Дѣдушка что-то шамкнулъ беззубой челюстью и повелъ глазами.

— А ты, дѣдушка, изъ какихъ? спросила поповна.

— Я, милая, изъ странниковъ... Хожденія свершаю, со сборомъ монастырскимъ... Теперь съ Волги.

— И тамъ спокою нѣтъ?

— Тамъ хорошо!.. Отчего не быть спокою, тишь, да гладь—благодать божья... Только вотъ эта вольница.—оно точно,—грабятъ, не безъ того... Только это не тѣ, что здѣсь,—это иное совсѣмъ...

— А кто же здѣсь-то грабитъ и увозитъ?

— Эти самые, про которыхъ я тѣ говорю, и грабятъ, пояснила бабенка.

— Да кто они такіе?

— А песъ ихъ знаетъ. Извѣстно голытьба: отъ господъ сбѣжавшіе, пропоицы всякіе, — ножъ достали и давай рѣзать.

— Это, родная, поляки,—возразилъ старикъ,—поляки, да казаки донскіе и запорожскіе—вотъ кто. А служатъ они царю Димитрію Ивановичу,—который померъ давно, а потомъ на Москвѣ царилъ, а потомъ убитъ былъ—и пушки имъ заряжали и стрѣляли, а теперь вотъ онъ ихъ и ведетъ на царя Василія Ивановича, что на Москвѣ сидитъ. Такъ-то... И что быдто убитъ онъ былъ—это невѣрно, и изъ пушки не имъ стрѣляли, а другимъ. А что мощи его есть—это вѣрно—и исцѣленія творятъ и чудеса всякія. Ему точно, что при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ анафему пѣли, да потомъ патріархъ Ермогенъ разрѣшилъ его отъ анафемы-то. Теперь онъ царя Василія Ивановича свести хочетъ и на престолъ возсѣсть. Потому и грабятъ. А ты говоришь—голытьба! Какая-жь то голытьба, коли тутъ самъ царь Димитрій Ивановичъ...

Бабенка нѣсколько опѣшила отъ такого монолога, у нея тоже мозжечекъ затмился, какъ у того отца несчастнаго, про котораго она говорила.

— А мощи-то какъ-же? съ недоумѣніемъ спросила она.

— А ты не грѣши! Самъ былъ, прикладывался. Его еще младенцемъ. Димитрія Ивановича-то зарѣзали, невиннымъ былъ, аки агнецъ, потому душа у него ангельская,—ну и чудеса творитъ. Я еще живымъ его видѣлъ,—знаю.

Наташа посмотрѣла на старика внимательно,—онъ ей украдкой улыбался во весь ротъ, выказывая гладкія десны.

— А ты къ батюшкѣ зачѣмъ? спросила она у бабенки.

— Да вотъ кричитъ все, — отвѣтила та, показывая головой на ребенка. Соснуть не даетъ. Може какъ батюшка-попъ страшную молитву прочитаетъ и пройдетъ... Что онъ спитъ у васъ долго?

— Только къ утру вернулся—на свадьбѣ былъ.

— У кого?

— У Колтаева, за рѣкой: дочь онъ замужъ выдавалъ— три попа были: каждому попу по тридцати алтынъ дали.

— Ну! богатая свадьба... Въ рабочее время коли... Они богатеи: сказываютъ, когда ребенка хоронятъ—по два алтына даютъ.

— Богатеи! поддакнулъ старикъ, покрутивъ головой. По нашимъ мѣстамъ за такое дѣло—деньга, много двѣ.

— Хотѣла попу рыбки принести, — говорила бабенка,—да Ванька все мелочь такую наловилъ, нести срамъ... Такъ вотъ ужь я каравайчикъ спекла,—они у меня скусные...

— Ты, дѣдушка, можетъ быть яблоковъ хочешь,— предложила Наташа,—вишь у насъ сколько... кушай.

— Спасибо, родная,—не буду—крѣпко, не по зубамъ,—мнѣ бы хлѣбца мяконькаго...

— Я сейчасъ принесу, да узнаю батюшка встаетъли, сказала дѣвушка и пошла въ домъ.

— Ядреная какая, замѣтилъ старикъ, когда она скрылась.

— Пава! отвѣтила бабенка. Теперь она еще похудѣла, а прежде что твоя рѣпа была. Невѣста!

— А—а! удивился старикъ.

— Только женихъ отъ нея ушедши. На Москвѣ. Тоже парень видный, красивый: голосъ у него удивительный—на крилосахъ поетъ—ровно въ раю стоишь. Онъ также по духовному ходитъ положенію, не въ нарядѣ, а по линіи духовной—на посылкахъ. Алексѣемъ Ивановичемъ зовутъ.

— Тихоновымъ, подсказалъ старикъ.

— А ты нѣшто знаешь его?

— Сродственники: племянникомъ доводится. Только я по бѣдности при монастырѣ за сборомъ, а онъ клирошанинъ,—по монастырямъ пѣнью обучаетъ. Парень важный, извѣстный... Ермогену патріарху извѣстенъ. Хоры важно устрояетъ и борзописенъ зѣло...

— Лѣтомъ до Петрова-дня здѣсь былъ... Тута и снюхались они съ Наташкой... Онъ, онъ! А у попа еще другая дочка есть—Катькой зовутъ; бой-дѣвка, и худѣе этой не въ примѣръ. А тоже косица здоровенная, и на слова люта.

— Попъ-отъ, слышно, богатый?

— Сказываютъ быдто денегъ много, кто его знаетъ. Извѣстно, достатки его пе велики, а только скупъ онъ и деньгу любитъ. Теперь кароваемъ и не отдѣлаешься: еще на приплату деньгу потребуетъ.

— Може на монастырь что дастъ.

— Не дастъ. Покормитъ,—покормитъ, а не дастъ. Смотри, вотъ меньшая-то скачетъ.

На крыльцо выбѣжала дѣвушка лѣтъ шестнадцати, черноглазая, съ русой косой чуть не до полу, въ цвѣтномъ старенькомъ лѣтникѣ, съ краюшкой хлѣба въ рукахъ.

— На, подала она старику. Батюшка молится, выйдетъ сейчасъ, обратилась она къ бабенкѣ. Да про какихъ ты тутъ разбойниковъ врала сестрѣ, она понять ничего пе можетъ.

— Глупа, оттого и не понимаетъ, обидѣлась бабенка, отмахиваясь отъ большой черной собаки, чутко нюхавшей торчавшій изъ-подъ платка каравай. Вру я нѣшто—спроси у кого хочешь, хоть у попа своего... Всѣ знаютъ, воры проявились, дѣвокъ таскаютъ, и тебя стащутъ—погоди!

VI.

— Ты бы, Наталья, съ погреба пива ковшичекъ принесла, раздался голосъ въ домѣ. Оно послѣ вчерашняго препользительно.

Дверь растворилась, и на порогѣ показалась тощая маленькая фигура попа Алфея, въ подрясникѣ, подвязанномъ цвѣтнымъ платкомъ, съ жиденькой бородкой клиномъ, и мокрыми косицами слипшихся волосъ. Видно, что онъ только помылся, смочивъ себѣ всю голову, и нарочно не вытерся, чтобъ такъ просохла. Народъ его звалъ по просту—попъ-сорока, и точно: во всей его фигурѣ, особенно въ куцомъ подрясникѣ, было что-то сорочье. Носикъ у него маленькій былъ, какъ пуговка, но въ бородѣ было что-то напоминавшее сорочій клювъ, особенно когда бокомъ онъ стоялъ. И ходилъ онъ какъ-то сорокою, и говорилъ по сорочьи, скороговоркой, такъ что даже дьячекъ Устильянъ,—недѣлю назадъ неизвѣстно куда пропавшій,—человѣкъ привычный, и тотъ увѣрялъ, что служить съ нимъ затруднительно, ибо понять ничего невозможно. Вышелъ онъ на крыльцо бочкомъ, взглянулъ на небо, зѣвнулъ, ротъ перекрестилъ, и на гостей глянулъ.

— Ты, тетка, что? спросилъ онъ у бабенки.

— За молитвой, отецъ, за молитвой, кланяясь заговорила она. Молитву страшную надъ сынишкой прочти: скулитъ все.

— Молитву можно, сказалъ онъ и опять зѣвнулъ.

— Не побрезгай родной, опять съ поклономъ затрещала она. Прими каравайчикъ—тепленькій.

— Чтожь и съ платочкомъ? лукаво улыбаясь спросилъ попъ, развязывая узелъ. Ну, благодарствуй...

Онъ посмотрѣлъ на боязливо-смутившуюся бабу, выложилъ каравай на чистый подоконникъ поднятаго окна, и встряхнувъ отъ крошекъ, отдалъ ей платокъ.

— Деньги есть? сурово нахмурившись, спросилъ онъ.

— Нѣту, отецъ, нѣту,—завопила баба,—чтобы глаза мои лопнули, коли есть... Чтобъ лицо мнѣ на затылокъ перевернуло...

— Гм... Ну, такъ вымой мнѣ избу за это.

— Смилуйся, родной! Въ праздникъ вымою. Теперь у меня работа въ полѣ, и такъ чуть не все утро толкусь здѣсь, пока ты дрыхнулъ.

— Дрыхнулъ! А ты бы, дура, знала да вѣдала, какое угощеніе намъ преподнесли вчера, за рѣкой-отъ. И пиво пили, и вино пили, и рыбу ѣли, и курятину, и пироги одиннадцати сортовъ, и грибки соленые: только не хороши еще—недавно сдѣланы... Всѣмъ по тридцати алтынъ дали, а попу Вавилѣ, что вѣнчалъ, двухъ поросятъ въ придачу. Только зазорно, что въ церковь ихъ младшій Колтаевъ во время вѣнчанья притащилъ: спрашиваетъ—„этихъ, батька, попу отдавать„—тѣ визжатъ... А попъ Микола смѣется: „ишь, говоритъ, своего хозяина будущаго признали“, потѣха. Потчивали насъ, потчивали, до того употчивали, что еле доѣхали. Я съ отцемъ Миколой въ одной телѣгѣ ѣхалъ: версты три отъѣхали: гляжу—нѣтъ шапки на немъ, потерялъ. Назадъ вернулись, шарили, шарили вездѣ—нѣтъ нигдѣ... Что за шутъ! Нашли потомъ у самыхъ воротъ Колтаевскихъ. Опять поѣхали. Полверсты отъѣхали, анъ опять шапки нѣтъ. Ахъ, ты мать честная! Мы опять взадъ. Шарили, шарили—не нашли, такъ и поѣхали,— должно попользовался кто.

Отецъ Алфей сладко улыбался при воспоминаніи о минувшемъ блаженствѣ. Такъ вотъ какъ, заключилъ онъ: а ты каравай суешь мнѣ, да еще мыть не хочешь...

Онъ взялъ отъ дочери большую кружку съ пивомъ, расправилъ усы, и съ наслажденіемъ отпилъ половину. Потомъ утерся полой, отломилъ кусокъ каравая и въ ротъ положилъ.

— Ну поди ты сюда, поманилъ онъ бабу. Та подошла. Онъ ребенка перекрестилъ, самъ перекрестился, и началъ что-то скоро-скоро нашептывать. Про Алфея такая репутація ходила, что онъ кого хочешь своей молитвой зашепчетъ, потому у него была своя „страш-

Черноморское прибрежье послѣ бури. Картина Тавернье, грав. Меасонъ.

ная"... Баба даже со страху ротъ разинула, стараясь въ его слова вслушаться.

Попъ въ минуту покончилъ дѣло, опять перекрестился, допилъ кружку и сказалъ: У! Славно. Теперь бы мыльню истопить, да выпариться...

— Я отъ Егора Васильева съ поклономъ,—заговорила баба снова. Колодезь новый открыли, молитву дать.

— А трапеза будетъ?...

— Надо полагать будетъ.

— А деньгами меньше алтына не возьму—такъ и скажи. За четыре версты ѣхать, да даромъ. Фу, ты—спину ломитъ,—слышь, баба,—помогай дочерямъ воду въ баню таскать,—мыть избу не надо. Богъ съ тобой, ты баню стопи...

— Ишь, сорока проклятая, — бормотала про себя баба, отходя въ сторону:—скаредъ, отъ работы только отбиваетъ.

— А ты что, кощей, пришелъ? обратился тотъ къ старику.

— Въ монастырь, батюшка, сбираю. Вотъ съ бабой у рощи встрѣлся, узналъ что къ тебѣ идетъ, дай, думаю, пойду тоже.

— Да тебѣ что нужно отъ меня? нахмурившись спросилъ онъ.

— Вздохнуть, отецъ, хотѣлъ денекъ-другой,—измаялся... Сродственники вѣдь мы може будемъ... Черезъ Тихонова, Алешку... Дядя я ему.

— Алешкѣ? встрепенулась Наташа.

— Ишь ты, родство Богъ далъ, — удивленно возразилъ Алфей... Кощей какой... Гдѣ онъ Алешка-то: былъ да и нѣтъ.

— Къ Покрову обѣщалъ быть, замѣтила дочь.

— Онъ въ Москвѣ теперь? спросилъ старикъ.

— Въ Москвѣ,—попъ значительно приподнялъ брови. У Палицына теперь, у Авраамія, въ подворьѣ... Въ гору пошелъ. Слыхалъ про Палицына-то?

— Слава тѣ Господи, человѣкъ знаменитый... Можно даже сказать такой, что и нѣтъ другого, рѣчей про него много, еще бы не знать... Что-жь Алешка-то у него?

— На послугахъ... Къ Покрову сюда будетъ на свадьбу.

— Нынѣ проѣздъ-то прямой того... воровъ вокругъ васъ много: кишмя кишатъ.

— У насъ не слышно, Богъ миловалъ...

— Я уже думалъ,—продолжалъ старикъ,—что и мошенки не донесу своей... съ деньгами монастырскими.

— А много?

— Насбиралъ, ништо себѣ... Одинъ рубъ, девять алтынъ и двѣ деньги,—вотъ какъ.

— Деньги хорошіе, — потряхивая головой сказалъ Алфей.

— А ты послушай, батька, что онъ говоритъ тутъ,—промолвила Катя,—будто эти воры ѣздятъ, да дѣвокъ увозятъ.

— Слышалъ вчера, говорили,—отвѣтилъ попъ. Вы въ лѣсъ-то съ Наташкой того—не очень бѣгайте: кто ихъ знаетъ, можетъ и не далеко они гдѣ рыскаютъ. Вы только приманите ихъ сюда разгуливаньями-то вашими. А я не воинъ, защищать васъ не смогу. Кабы Алешка былъ—иное дѣло.

Наташа отвернулась въ сторону.

— Коли они наѣдутъ,—заговорила Катя,—я живая въ руки не дамся.

— Да чтожь ты сдѣлаешь?

— Порѣшу съ собой,—возьму ножъ, да и рѣзну по горлу.

— Эва что надумала! Не бойсь не наѣдутъ: далеко! что имъ за невидаль у насъ. И въ церкви-то золота всего—одинъ крестъ серебряный.

— Они больше на дѣвокъ, да на вино люты,—заговорилъ старикъ,—церкви они не трогаютъ.

— Не трогаютъ! Нѣшто вчера я не слышалъ какую они мерзость въ Спасскомъ сдѣлали.

— А что? полюбопытствовала Катя.

— Сказать зазорно,—при дѣвкахъ даже совсѣмъ нѣтъ возможности... Хуже станичниковъ.

— А ты, отецъ Алфей,—спросилъ старикъ, къ кому тянешь: къ Шуйскому, али Димитрію Ивановичу?

Попъ прищурился.—Да кто ихъ знаетъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: Богъ ихъ вѣдаетъ къ кому тянуть-то. Я за владыкой: куда онъ, туда и я. Онъ на Москвѣ,—и мы за Шуйскаго,—онъ къ Дмитрію Ивановичу и мы туда.—потому все одно что стадо за пастыремъ мудрымъ,—куда хощетъ, туда и гонитъ... Тяжелое время теперь,—послѣдніе дни, по всему видно: теперь хоть бы погода: Успеньевъ день помнишь?

— При Борисѣ Ѳеодоровичѣ?

— Да... съ него и пошло: гдѣ-жь это видано, чтобъ на Успеньевъ день да морозъ. Вѣдь голодуха-то какая съ него пошла.

— На что хуже... Добро бы къ мѣсту гдѣ, а то кругомъ,—по всѣмъ городамъ такъ и прокатило. Только что воръ подъ Курскомъ...

— Голодуха-то какая,—человѣчину жрали, дѣтей... Въ Москвѣ на Красной-то—у Фроловскихъ—съ человѣчьимъ мясомъ пироги продавали...

— Слышалъ... Да не въ одной Москвѣ,—не подѣлать ничего.

— Ну, съ этого и пошло: сколько холопей тогда сбѣжало, въ станичники пошло да въ казаки. Вѣдь эта голытьба, что грабитъ, больше изъ тѣхъ. Сволочь, эфіопы, одно слово, хуже вольницы волжской.

— Да что вольница,—возразилъ старикъ.—Вольница ничего... Вольница нѣшто такія пакости дѣлала? Вольница-то вонъ царю Ивану Васильевичу Сибирь завоевала.

— Тятенька, что-жь баню топить? перебила его Наталья.

— Топи, топи! Силъ моихъ нѣтъ—ломаетъ... Вотъ баба вамъ воды натаскать поможетъ... Куда она дѣвалась, проклятая? Ушла... погоди-жь ты,—я те попомню!

— А ты не лайся,—здѣсь! донесся изъ кустовъ ея голосъ.—Младенца грудкой кормлю,—все хныкетъ, напрасно таскала къ тебѣ,—пользы-то нѣтъ.

— Ну-ну—ладно! Ты воду наноси... Ишь солнце-то кверху преть... Натаха, ты у дьячихи ведеръ попроси, чтобъ на всѣхъ хватило, скорѣй будетъ.

— Я его здѣсь положу.—сказала баба, кладя ребенка на крыльцо, возлѣ присѣвшаго на ступеньку попа.—Присмотри чтобъ не скатился.

— А ты бъ на травку его...

— Песъ тутъ все ходитъ—лизнетъ—опоганитъ. У меня и то старшенькой-то лизаный.

— Ну, проваливай, проваливай.—А ты ѣшь каравай-то—обратился онъ къ старику.

Тотъ ухмыльнулся, палочку свою бережно къ бережкѣ приставилъ, и тоже отломилъ кусочекъ.

VII.

— Чудное дѣло! заговорилъ отецъ Алфей, когда дочери съ бабой скрылись, слегка громыхая ведрами за садомъ.—Дьячекъ у насъ пропалъ.

— Чего-жь это онъ? спросилъ, жуя, старикъ.

— Шутъ его знаетъ! Всегда былъ путаникомъ, а тутъ, на послѣдяхъ, совсѣмъ отбился. Съ бабой своей ругается, выпивать началъ ежедневно, я его усовѣщевалъ: молъ, негоже творишь, дьячекъ,—а онъ и сгинулъ... Утромъ жена хвать-похвать,—и слѣдъ простылъ.—А уморный дьячекъ былъ: плясать, колесомъ вертѣться, пѣсни пѣть—мастакъ. Опять-же курица—страсть его. Столько курицы развелъ, что не повернуться,—весь дворъ кишитъ ею... Утромъ жена хвать-похвать. Тю-тю! въ узелокъ одежи набралъ, деньгами два алтына и утекъ. И куда понесло его?.

— Надо быть къ Митрію Иванычу, догадался старикъ.

— Да ему-то тамъ что? грабить?

— Нѣтъ, ты не говори! Гультаи эти самые весело живутъ: ѣшь-пей,—не хочу! Кто придетъ—примаютъ всякаго, особливо коли на языкъ остеръ, кто его знаетъ—скоморохъ-ли, дьячекъ-ли. А съ нашей жизни, да къ нимъ въ станъ,—и. боже мой, какъ хорошо! Теперь вотъ ты молвилъ вольница. Ты ее не хай. Между вольницы такой порядокъ, что и въ Москвѣ такого нѣтъ. Всѣ атаману покоряются, и всякъ самъ себѣ голова ни тебѣ податей, ни тебѣ повинностей,—ровно воевода какой! Бывалъ я на Волгѣ,—знаю. Они другъ за друга стоятъ крѣпко—душа одна... Потому вольница и Сибирь покорила, и Крымъ покоритъ—дай срокъ... А мы что?

— Воеводъ нѣтъ—вотъ что! возразилъ Алфей.—Скопинъ какой-то сказываютъ—да вѣдь мальчишка еще... При Иванѣ Васильевичѣ небось всѣхъ били: и ливонцевъ, и шведовъ, и поляковъ, и татаръ... а теперь что?... Что ни годъ либо моръ, либо голодъ, повѣтрія всякія... Къ концу все идетъ, къ концу...

Оба замолчали на минуту. Алфей осмотрѣлся—день свѣтлый такой: птицы щебечутъ, солнце сквозь листву бьетъ и кружечками перебѣгающими по землѣ отдается. Воздухъ теплый, пахучій,—пчелки жужжа мимо проносятся.

— Э-эхъ! крехтя приподнялся Алфей съ крыльца, и взглянувъ на ребенка, задернулъ ему личико пеленкой.—Пойти на пчельникъ.—пойдемъ кощей... хошь на мое хозяйство взглянуть.

Они пошли по узкой заглохшей тропинкѣ, межь кустовъ шиповника, мимо безпорядочно разросшихся кленовъ и липъ. Легкая паутина приставала къ лицу и платью. Стрекотанье, жужжанье, звѣнящимъ, непрерывнымъ гуломъ стояло въ воздухѣ. Все жило, билось полною, роскошною жизнью.

— А славно вчера выпито было! невыдержалъ опять отецъ Алфей.—Найдетъ ли попъ Микола шапку, аль нѣтъ?—хорошая шапка—двадцать алтынъ стоила. Еще новая совсѣмъ, только въ одномъ мѣстѣ медомъ залита. Какъ на столъ бывало положитъ—сейчасъ на это мѣсто мухи,—и не согнать ихъ ни боже мой...

Они подошли къ ульямъ. Пчельникъ былъ не большой, но почти единственный въ околоткѣ, и потому составлявшій предметъ гордости и хвастовства для попа Алфея. Здѣсь уже совсѣмъ запущено было: это мѣсто когда-то часть помѣщицьяго сада составляло, да слишкомъ ужь давно это было—отъ частокола и слѣда не осталось, только канавка поросшая крапивой показывала что здѣсь какая-то межа проходила.

— Пчелки-то божіи,—пчелки! умильно заговорилъ попъ, поглядывая кругомъ.—За что люблю ихъ—умны! Тварь маленькая, чистая—и какъ свое дѣло разумѣетъ: во всемъ порядокъ, дружба,—все одно что онѣ, что муравьи. Каждый дѣло свое знаетъ, не путается въ чужое... Примѣръ черезъ нихъ Господь человѣкамъ показуетъ...

— Батюшка! вдругъ прозвѣнѣлъ чистый голосокъ, и кудрявая дѣтская головка показалась надъ невысокимъ заборчикомъ.—Мотри, тамъ на рѣкѣ наѣхали—дѣвокъ хватаютъ твоихъ...

А вдалекѣ перекатнымъ эхомъ прокатился какой-то за душу щемящій крикъ.

— Кто? Кого?.. спросилъ Алфей, и кинулся къ выходу.

На встрѣчу ему бѣжала бабенка.

— Охъ, охъ! запыхавшись еле выговорила она.—Охъ! твоихъ-то дѣвочекъ на рѣкѣ...

Она повалилась на траву.

Попъ выбѣжалъ на тропинку и началъ спускаться подъ гору. Два мальчика—одинъ постарше, что на заборѣ сидѣлъ, другой поменьше—засеменили за нимъ. У плота никого небыло, только коромысло лежало, да ведро одно какъ-то сиротливо стояло на самомъ краю. Въ далекѣ что-то за пылью видѣлось, да разобрать нельзя было. Алфей осмотрѣлся. Пыль у плота не совсѣмъ еще улеглась. Ведро лежитъ на дорогѣ пролитое, и лужа во всѣ стороны змѣей расползлась. На водѣ ведро плаваетъ бокомъ, опрокинутое. Лоскутокъ лежитъ какой-то,—и нѣтъ больше ничего...

— Какъ-же это, какъ-же! растерянно заговорилъ онъ, какимъ-то чужимъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, какимъ минуту назадъ пчелокъ хвалилъ.—Какъ-же это... вотъ какъ! У него губа дрожала, глаза смотрѣли не то удивленно не то испуганно, подрясникъ распахнулся, просыхавшія косицы слабо шевелились отъ вѣтра, бородка нервически дергалась. Такимъ онъ казался маленькимъ, безпомощнымъ и еще больше сталъ на сороку похожъ...

— Мы только къ плоту подошли,—завизжала подвернувшаяся бабенка, а они, аспиды, по дорогѣ скокомъ. Я кричу—охъ, дѣвки—бѣда,—не голытьба-ли ѣдетъ. Только вымолвила, а они съ коней, да къ намъ... Я его коромысломъ, а онъ Катькѣ горло зажалъ, да къ себѣ... Натаху другой сграбасталъ... А меня вотъ какъ...

По ея лицу бѣжала кровь—со лба былъ сорванъ кусокъ кожи, точно ее тупой стороной сабли ударили,—и всю ее колотило.

Попъ ничего не отвѣтилъ. Еще разъ вдаль посмотрѣлъ и поплелся тихо въ гору, на каждомъ шагу спотыкаясь. На дорогѣ старикъ стоялъ и смотрѣлъ на него, отъ солнца рукой закрывшись. Онъ тоже ничего не сказалъ, пропустилъ попа впередъ, и пошелъ за нимъ тоже.

Пришелъ Алфей въ садикъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, на крылечкѣ, лицо его было совсѣмъ какъ у покойника: недвижное, побѣлѣвшее. Старикъ на лавочку сѣлъ, весь сощурился отъ бокового свѣта и сталъ смотрѣть куда-то въ пространство. Оба они ни слова такъ и не сказали, словно замерли.

Долго молчали они. Изъ за сосѣднихъ срубовъ доносились энергическіе возгласы бабенки, сообщавшей дьячихѣ о случившемся.—„Я его коромысломъ, а онъ"... звонко отдавалось въ воздухѣ.

— Каравай-то,—сказалъ наконецъ Алфей, показывая на него пальцемъ: какъ былъ, такъ и есть... и кусокъ недоѣденый лежитъ...

Старикъ кашлянулъ и перевелъ глаза на болѣе опредѣленный пунктъ—на сапогъ поповскій.

Замолчали они, и молчали вплоть до полудня. Алфей какъ-то косо усмѣхался порой, и все въ карманахъ руками копошился.

(Продолженіе будетъ).

П. Гнѣдичъ.

Интересныя явленія въ астрономіи.

(Окончаніе).

Въ ближайшій годъ не будетъ замѣтно никакихъ слѣдовъ кольца Сатурна, а только одна его линія. На каждыя 15 лѣтъ приходится такое расположеніе. Въ 8 лѣтъ кольца возвратятся къ ихъ наибольшему отверстію, въ какомъ положеніи они были въ 1869 г.—Наблюдая со вниманіемъ Сатурна, я замѣтилъ, что планета эта не занимаетъ центра системы въ точномъ смыслѣ этого слова, но что западная дуга кольца болѣе длинна и утолщена, чѣмъ восточная.

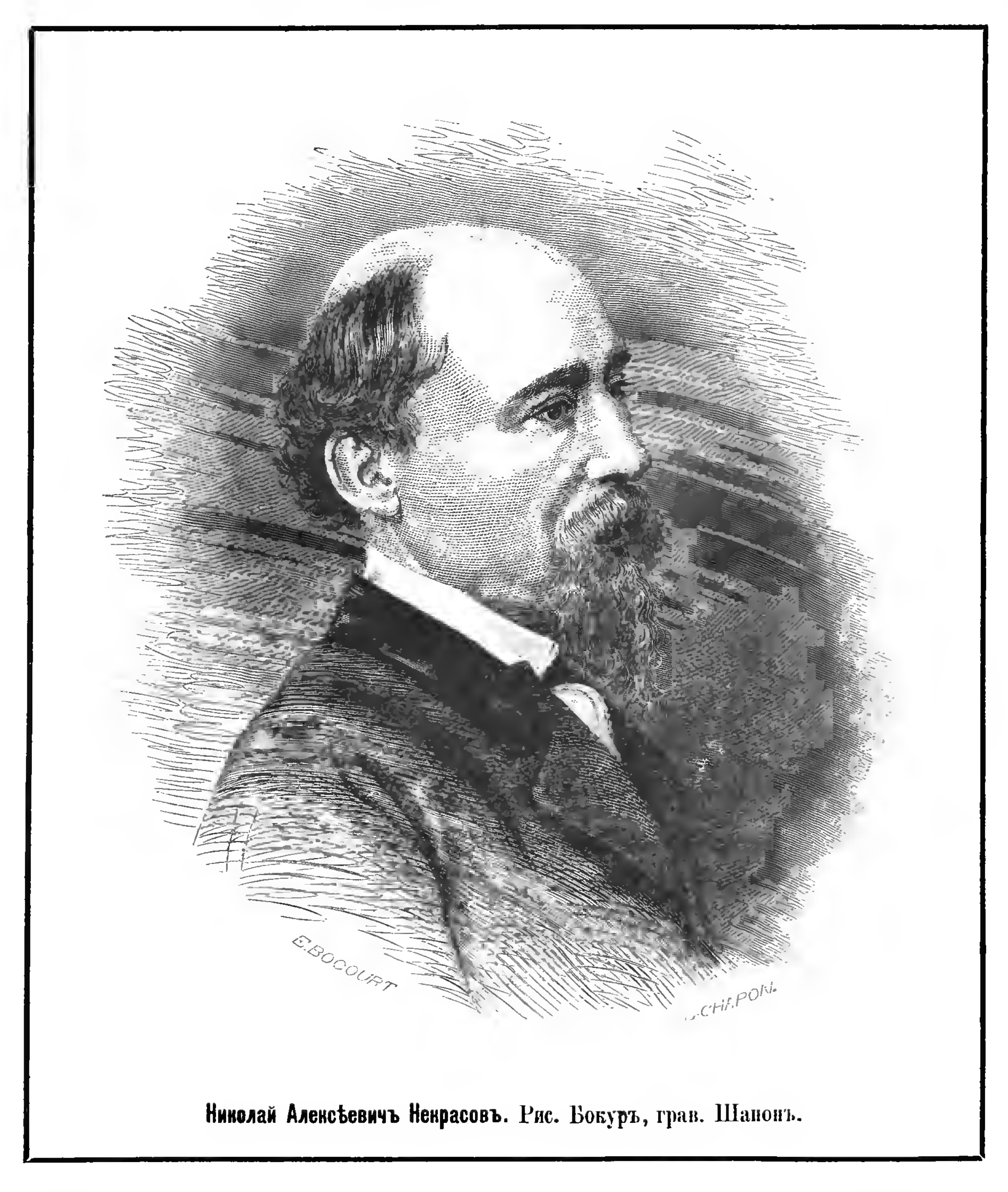
Но удивительная система колецъ, о которой мы сейчасъ говорили, еще не удовлетворяетъ самолюбія Сатурна. Онъ, сверхъ этого, получилъ въ даръ отъ неба самый богатый кортежъ спутниковъ, какой только существуетъ во всей солнечной системѣ. *Восемь* міровъ раздѣляютъ его судьбу. И эти восемь міровъ образуютъ область въ 8 милліоновъ верстъ ширины!

Какія же существуютъ условія обитаемости во всей этой республикѣ міровъ? Какія аналогіи и какія различія представляетъ этотъ центральный шаръ и его сотоварищи, относительно земли? Подъ какою формою должна являться жизнь на Сатурнѣ и въ его системѣ?

Сатурнъ окруженъ атмосферою, напоминающею атмосферу Юпитера, если принимать въ разсчетъ общее расположеніе: но онъ представляетъ и существенное различіе отъ послѣдняго своимъ экваторіальнымъ постояннымъ поясомъ, существованіе котораго обусловливается протяженіемъ кольца. Спектральный анализъ подтверждаетъ эту аналогію.

Впрочемъ, атмосфера Сатурна такъ плотна и такъ насыщена облаками, что мы не можемъ никогда видѣть поверхности его казываетъ, что какъ на Юпитерѣ, такъ и на Землѣ, эта интенсивность возрастаетъ въ направленіи отъ поверхности къ центру, такъ что верхніе слои вещества обладаютъ легкостью невообразимою. Съ другой стороны, если эта атмосфера такъ же глубока, какъ она представляется,—то она должна обладать, при своемъ основаніи, огромной плотностью и производить безмѣрное давленіе,—болѣе тяжелое, чѣмъ самые предметы, находящіеся на поверхности. Это состояніе весьма странное.

Такимъ образомъ обитатели Сатурна не суть ли аэротическія существа, не способныя обитать на почвѣ, и не плаваютъ ли они въ атмосферѣ, подобно нашимъ искусственнымъ фигурамъ, сдѣланнымъ изъ кишечной оболочки и наполненнымъ водородомъ—этимъ игрушкамъ, увеселяющимъ простой народъ

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

почвы,—еще болѣе чѣмъ на Юпитерѣ,—исключая, можетъ быть, полярныхъ областей, по обыкновенію имѣющихъ болѣе бѣлый цвѣтъ, чѣмъ умѣренные и тропическіе поясы, можетъ быть потому, что они тамъ также покрыты снѣгомъ, и они представляются на каждомъ полюсѣ тѣмъ болѣе бѣлыми, что зима здѣсь приходитъ скорѣе. Но мы, однако, здѣсь не различаемъ, какъ на Марсѣ географической почвы, континентовъ, морей и различныхъ образованій, долженствующихъ разнообразить эту почву.

Интенсивность тяжести на поверхности Сатурна превосходитъ приблизительно на $^1/_{10}$ интенсивность тяжести, существующую у насъ на землѣ; но сгущеніе матеріи въ 7 разъ слабѣе, чѣмъ у насъ, и кромѣ того, сфероидальная форма планеты до- на нашихъ публичныхъ гуляньяхъ? Не есть ли Сатурнъ—воздушный міръ, обитатели котораго возсѣдаютъ на облачныхъ тронахъ, какъ это было въ миѳологическія времена, на Олимпѣ, гдѣ въ стары-годы обитали: самъ Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и весь божественный дворъ?

Неоспоримымъ фактомъ представляется тотъ, что міръ Сатурна болѣе *воздушенъ*, чѣмъ нашъ земной міръ и что атмосфера Сатурна играетъ значительную роль, между тѣмъ какъ собственно плотность твердыхъ тѣлъ тамъ чрезвычайно слаба. Это атмосферическое давленіе было бы даже ужасающимъ, если бы этотъ міръ былъ такъ же охлажденъ, какъ на это, повидимому, указываетъ его отдаленность отъ солнца; но, можетъ быть, это охлажденіе весьма значительно уменьшается

Египтянка мать. Картина Бонната, грав. Куа.

теплотою?.. Телескопическія наблюденія заставляютъ насъ вѣрить въ самомъ дѣлѣ, что на Сатурнѣ существуетъ гораздо большее количество тепла, чѣмъ бы это слѣдовало, судя по разстоянію этой планеты отъ солнца.

Конечно, обитатели подобнаго міра должны страннымъ образомъ отличаться отъ насъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія. Относительная легкость матеріи на Сатурнѣ съ одной стороны, и атмосферическая густота съ другой, должны производить животную организацію въ направленіи чуждомъ нашему земному. Самыя обнаруженія или манифестаціи жизни должны здѣсь производиться и развиваться въ формахъ невообразимыхъ для насъ.

Прибавимъ, въ-заключеніе, что для жителей Сатурна, земля наша представляется маленькою блестящею точкою, не удаляющеюся отъ Солнца на пространство болѣе 6-ти градусовъ, т. е., приблизительно, на кажущуюся намъ ширину его, взятую 12-ть разъ. Землю съ Сатурна открыть еще труднѣе, чѣмъ съ Юпитера, потому что она представляется оттуда не болѣе какъ едва замѣтною точкою, и весьма сомнительно, чтобы ее можно было *замѣтить оттуда*, когда она проходитъ чрезъ дискъ солнца, что происходитъ каждыя 15 лѣтъ; въ такомъ случаѣ уже надо допустить (что, впрочемъ, возможно), что жители Сатурна обладаютъ чрезвычайною способностью зрѣнія. Какъ бы то ни было, *Сатурнъ—послѣдняя планета*, съ которой еще можно различать маленькій обитаемый нами мірокъ; а для остальной части универсума, для безконечнаго множества другихъ міровъ, взятыхъ въ цѣломъ, мы, бѣдные, какъ будто не существуемъ. Очевидно, впрочемъ, что если бы на Сатурнѣ открыли нашъ шаръ, то астрономы Сатурна и не подумали бы, что мы живемъ на этомъ шарѣ, потому что нашъ маленькій шарикъ показался бы тамошнимъ академикамъ весьма посредственнымъ, сожженымъ, пустыннымъ и необитаемымъ.

Сатурнъ имѣетъ шарообразную форму, какъ и другія планеты; но кольцо не имѣетъ съ этою планетою связи, а только общій центръ вращенія. Кольцо имѣетъ форму круга; но такъ какъ оно наклонено относительно земной плоскости на 28 градусовъ, то фигура его представляетъ земнымъ наблюдателямъ видъ эллипсоида. При вращеніи Сатурна вокругъ солнца, кольцо движется параллельно самому себѣ, и при каждомъ вращеніи много разъ является такое положеніе кольца, при которомъ его длина совпадаетъ съ плоскостью земного вращенія, такъ что земному наблюдателю тогда бываетъ виденъ верхній край кольца. Такъ какъ толщина кольца простирается только до 30 нѣмецкихъ миль (что по наблюденію съ земли представляетъ 1/30 секунды дуги)—то край кольца представляетъ весьма тонкую свѣтящуюся линію, которая, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ ускользнуть даже отъ самыхъ сильныхъ телескоповъ. Благодаря перемѣнамъ положенія Земли и самаго Сатурна, кольцо постепенно представляется намъ все шире и шире; но при томъ всегда бываетъ такъ, что часть кольца бываетъ закрыта планетою, а часть планеты—кольцомъ.

Затѣмъ, такъ какъ Сатурнъ совершаетъ свое движеніе вокругъ солнца приблизительно въ 30 лѣтъ, то почти въ теченіе 15-ти лѣтъ мы видимъ *одну* половину кольца Сатурна, а въ другія 15 лѣтъ *другую*. Кольцо имѣетъ наибольшее отверстіе тогда, когда Сатурнъ находится въ самой западной части созвѣздія *Тельца*, или же между созвѣздіями *Скорпіона* и *Стрѣльца*; если же, напротивъ того, Сатурнъ находится въ самой восточной части созвѣздія *Льва* или таковой же части созвѣздія *Водолея*, то въ это время можно видѣть только край кольца.

Различаютъ обыкновенно на Сатурнѣ два главныхъ кольца, величина которыхъ уже измѣрена астрономами; но дѣло въ томъ, что каждое изъ этихъ колецъ распадается на множество другихъ концентрическихъ колецъ. Сверхъ того, между внутреннимъ кольцомъ и шаромъ Сатурна замѣчается еще темнаго-цвѣта кольцо. Разстояніе внутренняго свѣтлаго главнаго кольца отъ поверхности Сатурна простирается до 3.190 миль. Ширина же всей свѣтлой системы колецъ составляетъ 6.200 миль; поперечникъ же самаго наружнаго кольца—36,900 миль.

Изъ прилагаемыхъ нами рисунковъ Сатурна видны главныя изъ вышеописанныхъ видоизмѣненій положенія Сатурна. Между кольцомъ и планетою (на нижнемъ рисункѣ) читатель замѣчаетъ отверстіе, которое дѣлается потомъ меньше (средній рисунокъ) и потомъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ что остается весьма тонкая, свѣтлая прямая линія, весьма правильно перерѣзывающая планету. Въ эту именно фазу войдетъ Сатурнъ въ настоящемъ 1878 году.

Къ рисункамъ.

Черное море послѣ бури.

(По поводу рисунка).

Море не разъ вдохновляло нашихъ поэтовъ. У Жуковскаго напримѣръ, есть превосходное стихотвореніе, предметомъ котораго, послужило море. Въ этомъ стихотвореніи полномъ, глубокаго чувства и поэтическихъ красотъ, поэтъ, обращаясь къ морю, задается такими вопросами:

Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое свѣтлое небо къ себѣ?

Почти эти же мысли зарождались въ головѣ другого поэта (А. И. Полежаева) при видѣ моря. Оба они, описывая море и обращаясь звучными стихами къ нему, не могли, разумѣется, разрѣшить тѣхъ вопросовъ, которыми задавались. Подобно Жуковскому, Полежаевъ также спрашивалъ:

Что ты, откуда, изъ чего,
Игра-ль случайная природы,
Или орудіе свободы
Воззвавшей все изъ ничего?

Эти вопросы, оставаясь неразрѣшимыми, весьма ясно въ то же время характеризуютъ обоихъ помянутыхъ поэтовъ, стремившихся къ таинственному и неизвѣстному и, конечно, не имѣвшихъ возможности проникнуть за недоступную для человѣческой мысли грань, за которою скрывается все таинственное и неизвѣстное.

Совсѣмъ другого характера обращеніе къ морю А. Пушкина. Не тратя тщетно силъ въ погонѣ за таинственностію, поэтъ, увлекаясь прелестью моря, остался, такъ сказать, на реальной почвѣ и не уносится въ заоблачныя мечтанія, хотя въ то же время думы его, навѣваемыя моремъ, значительно глубже и содержательнѣе думъ Жуковскаго и Полежаева.

Приводимъ здѣсь нѣсколько строфъ изъ замѣчательнаго его стихотворенія „Къ морю“, глубоко сожалѣя, что по недостатку мѣста не можемъ здѣсь привести всего стихотворенія.

Обращаясь къ морю, поэтъ между прочимъ говоритъ:

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы!

Далѣе море наводитъ поэта на воспоминанія о Наполеонѣ, окончившемъ свои дни въ невольномъ уединеніи на островѣ Св. Елены, а вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ, воскресаетъ въ его мысли другой не менѣе колоссальный образъ поэта Байрона:

...И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ не укротимъ.

Такъ поэтъ, характеризуя личность Байрона, опредѣляетъ сильными глубокими чертами свойства моря, и въ этомъ оживотворенномъ изображеніи море рисуется предъ нами во всемъ своемъ поразительномъ величіи. Въ-заключеніе поэтъ, обращаясь къ морю, говоритъ:

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ и тѣнь и говоръ волнъ.

Нужно ли еще что либо добавлять къ такому описанію, въ которомъ подъ вліяніемъ могучаго таланта поэта, море получило такіе живыя черты, такую одушевленную прелесть.

О.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

27 числа декабря 1877 г. въ 8 час. вечера послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался на 56 году жизни Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Помѣщая на страницахъ „Нивы“ его портретъ, сообщаемъ тѣ свѣдѣнія изъ его біографіи, которыя были лично имъ самимъ подтверждены и провѣрены, будучи предназначенными для напечатанія въ изданномъ въ истекшемъ 1877 году VII т. Русской Библіотеки.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22 ноября 1821 г. въ одномъ изъ мѣстечекъ Подольской губ. Отецъ его, оставивъ службу съ чиномъ маіора, поселился въ своемъ имѣніи Ярославской губ. и отдалъ Николая Алексѣевича на 11 году отъ роду въ Ярославскую гимназію. Каникулярное время, пасху и святки Николай Алексѣевичъ проводилъ у своихъ родителей въ деревнѣ и зачастую въ эти посѣщенія отправлялся съ от-

цемъ, бывшимъ тогда исправникомъ, въ разъѣзды по дѣламъ его службы. Эти разъѣзды, познакомили ребенка еще болѣе съ жизнью народа, а различныя слѣдствія при вскрытіи труповъ, расправы во вкусѣ прежняго времени произвели глубокое впечатлѣніе на юную душу будущаго поэта.

Отцу Некрасова хотѣлось, чтобы сынъ его наслѣдовалъ его званіе и поступилъ въ военную службу и въ 1839 г. онъ отправилъ сына въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній Дворянскій полкъ. Николай Алексѣевичъ встрѣтился въ Петербургѣ съ однимъ изъ своихъ ярославскихъ товарищей, поступившимъ въ университетъ, и случайно познакомился съ профессоромъ Духовной Семинаріи Успенскимъ,—эти два лица возбудили въ немъ такую охоту учиться, что Николай Алексѣевичъ рѣшительно изъявилъ намѣреніе поступить въ университетъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ, страшно разгнѣвался и отказалъ сыну въ своей помощи; однакожь ни гнѣвъ отца, ни неимѣніе средствъ къ жизни не остановили молодого человѣка и онъ началъ подготовляться къ вступительному экзамену съ помощію своихъ новыхъ друзей. Успенскій съ такимъ успѣхомъ занимался съ нимъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ Некрасову на пріемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 съ плюсомъ; но Успенскій былъ слабъ по физикѣ и это роковымъ образомъ отразилось на ученикѣ. Некрасовъ сознаалъ самъ, что ему неполучить больше единицы, а такъ какъ одна единица у него уже была изъ географіи, то онъ прямо рѣшился обратиться къ ректору П. А. Плетневу и разсказать ему откровенно о своемъ положеніи. Въ случаѣ непоступленія въ университетъ Николай Алексѣевичъ попалъ бы въ самое отчаянное безъ-исходное состояніе. Плетневъ, справившись о прочихъ отмѣткахъ, далъ обѣщаніе поговорить о Некрасовѣ въ совѣтѣ, но среди дѣлъ позабылъ данное слово и только, снова увидя Некрасова, началъ настаивать, чтобы онъ подалъ прошеніе о принятіи его вольнослушателемъ. Такимъ образомъ началась университетская жизнь Некрасова, именно съ 1839 г. по 1841 г. Средства Николай Алексѣевичъ добывалъ уроками, корректурой и литературными попытками, впрочемъ, надобно сказать, что еще до поступленія въ Университетъ онъ писалъ стихи, и первое его стихотвореніе: „Мысль“ было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ за 1838 г.

Но то было время товарищества—и университетскіе студенты тѣсно сближались между собою; бѣдный Некрасовъ съ бюджетомъ нѣсколькихъ копѣекъ въ день сошелся съ дѣтьми богачей и сановниковъ. Здѣсь новыя впечатлѣнія столкнулись съ воспоминаніями деревенской жизни; онъ ознакомился съ нравами другихъ классовъ общества, ему представилась впервые достаточная, беззаботная жизнь веселыхъ, разгульныхъ товарищей. Тѣмъ не менѣе недостатокъ къ существованію сильно давалъ себя знать и нечего было думать серьезно о правильномъ окончаніи университетскаго курса, а литературныя наклонности и способности давали полную возможность выступить на арену общественной жизни. Въ 1840 г. Некрасовъ рѣшился издать сборникъ своихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ въ литературной газетѣ, издаваемой Краевскимъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Бѣлинскій строго отозвался объ этомъ сборникѣ, но Жуковскій и Полевой одобрили юнаго поэта своими отзывами въ Библіотекѣ для чтенія. Съ оставленіемъ Университета въ 1841 г. для Некрасова открылась новая школа въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, но гнетъ нужды заставлялъ себя по прежнему чувствовать, и Николай Алексѣевичъ пробовалъ свои силы всячески, онъ писалъ даже водевили для Александринскаго театра подъ псевдонимомъ Перепельскаго, предпринималъ различныя изданія напр. „Физіологія Петербурга, Петербургскій Сборникъ“. Съ 1847 г. начинается періодъ журнальной дѣятельности, продолжавшійся съ небольшимъ перерывомъ въ теченіи 30 лѣтъ. Онъ редактировалъ и издавалъ „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“, труды его раздѣляли сотрудники журнала, а въ этихъ журналахъ помѣщались и всѣ его стихотворенія, написанныя имъ за это время.

Послѣднее полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова вышло въ 1873—74 годахъ и составило 6 частей въ 3 томахъ: въ 1877 г. къ этому собранію присоединилась въ видѣ дополненія особая книга подъ заглавіемъ: „Послѣднія пѣсни Н Некрасова 1874—77 годовъ“.

О характерѣ своей музы покойный Некрасовъ говорилъ слѣдующими стихами:

„Нѣтъ музы ласковой поющей и прекрасной.
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной...
..Рано надо мной отяготѣли узы
Другой неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ.
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческой мой сонъ
Разгульной пѣснью...

Такъ говорилъ Некрасовъ о характерѣ той музы, подъ давленіемъ которой онъ когда-то находился. Послѣдующая его жизнь, какъ всѣмъ извѣстно, была поставлена совершенно въ иныя условія, при которыхъ не могло быть и помина ни „объ убогой хижинѣ“, ни „о дымной лучинѣ“. И нужно замѣтить, что не смотря на такую поразительную перемѣну, поэтъ, обладая значительными денежными средствами, оставался въ своихъ произведеніяхъ все на одномъ и томъ же тонѣ—сочувствія къ бѣднякамъ крестьянамъ. Тонъ этотъ по временамъ не лишенъ былъ даже нѣкотораго жара и искренности; но нельзя не замѣтить, что большая часть произведеній покойнаго поэта отличались не столько простотою и откровенностію рѣчи, сколько ея искусственною страстностію. Почитатели его таланта не обращали на это вниманія и цѣнили въ его произведеніяхъ главнымъ образомъ *направленіе*.

Нельзя также не упомянуть здѣсь, что о покойномъ поэтѣ еще при жизни его существовали два совершенно одно другому противоположныя мнѣнія. Одни признавали за нимъ громадныя заслуги, другіе ихъ совершенно отрицали, находя что стихи его всегда страдали отсутствіемъ истиннаго чувства. Такъ въ послѣдніе годы на произведенія его нападалъ въ особенности сильно „Русскій Вѣстникъ“. Здѣсь и тѣмъ болѣе теперь, въ виду свѣжей его могилы, не мѣсто останавливаться на этой послѣдней сторонѣ мнѣній, и каковыми-бы ни были признаны въ концѣ концовъ произведенія умершаго поэта, слѣдуетъ всё-таки признать за нимъ извѣстную долю заслугъ, оказанныхъ имъ своей родинѣ на поприщѣ литературной и журнальной дѣятельности.

Н. А. Некрасовъ похороненъ 30-го декабря на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Д. Стахѣевъ.

Египтянка-мать.

Жители современнаго Египта раздѣляются на 4 главныя расы: а) *копты*, считаемые настоящими потомками древнихъ египтянъ; б) *кенну* или *барабра*, ведущіе свое происхожденіе изъ Нубіи; в) *арабы*, составляющіе большинство населенія современнаго Египта и г) *турки*. Остальной элементъ населенія составляютъ греки, армяне и евреи. Въ арабской расѣ съ значительной рѣзкостью различаются арабы-феллахи (земледѣльцы и вообще осѣдлые) и арабы-бедуины (или кочевые), затѣмъ отъ смѣшенія арабовъ съ греками произошли греко-аравитяне или аравійскіе греки, въ которыхъ нельзя узнать, гдѣ кончается грекъ и начинается аравитянинъ и наоборотъ.

Тѣ авторы, которые считаютъ коптовъ ближайшими по крови потомками древнихъ египтянъ, приводятъ въ доказательство самое названіе Египта. Эту страну современные туземцы называютъ *Kypt* или *Kept*, что, конечно, родственно съ словомъ *коптъ*.

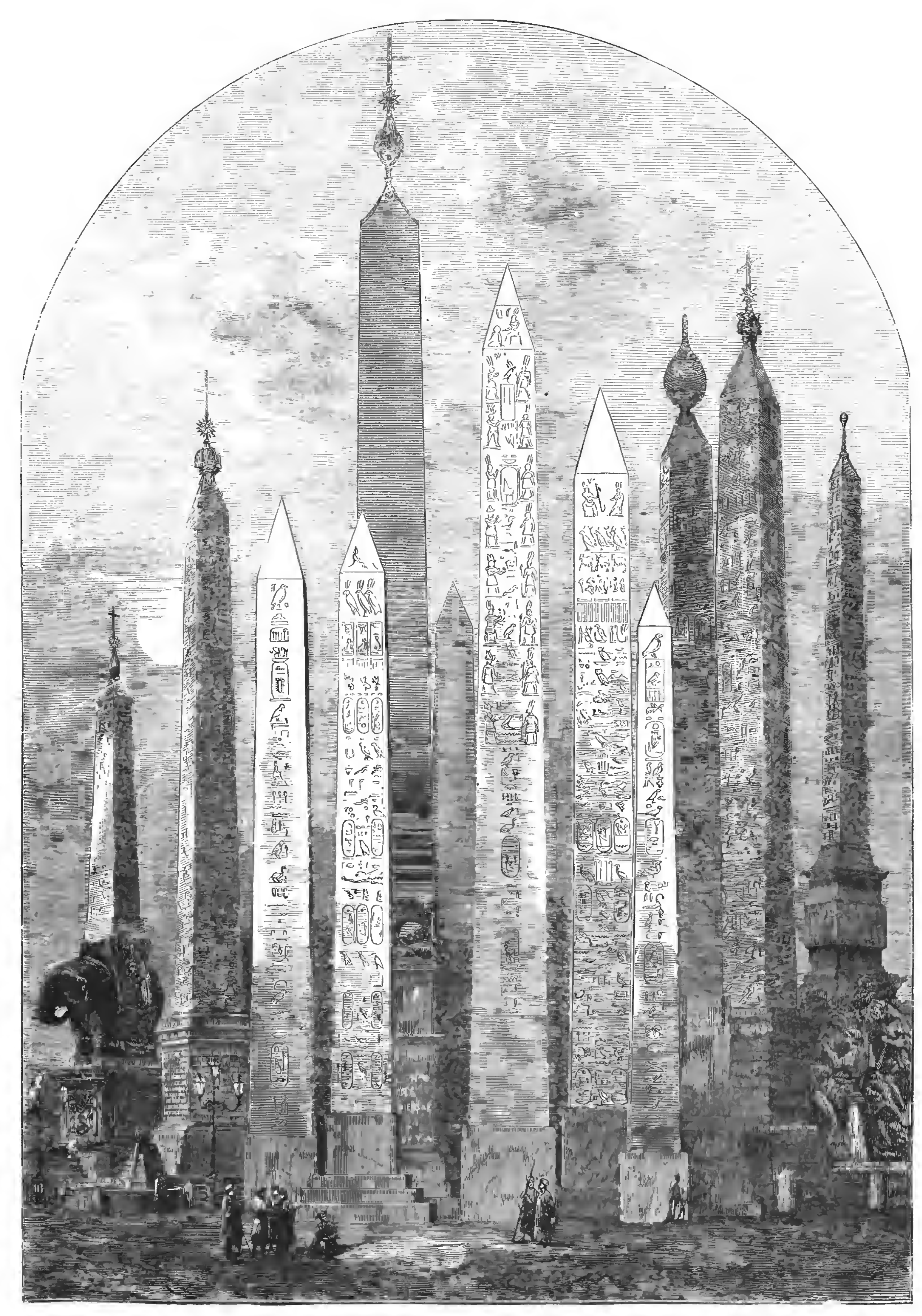
Что касается внѣшнихъ физическихъ признаковъ, напримѣръ, цвѣта кожи, фигуры черепа и особенно лица, то по этому пункту современные египтяне копты и ихъ арабская помѣсь совершенно согласуются съ изображеніями на древнихъ памятникахъ. Современные копты и другія смѣшанныя племена желтовато-темною кожей своей напоминаютъ мулатовъ Но въ раскрашенныхъ картинахъ памятниковъ древняго Египта мы видимъ въ большей части случаевъ цвѣтъ кожи черный и затѣмъ орлиный носъ,—черты, которыя и теперь еще отличаютъ истаго абиссинца отъ кенну. Огромному числу нынѣшнихъ обитателей Египта досталось въ наслѣдство именно эѳіопское или негритянское строеніе черепа. Въ самой же Эѳіопіи, вслѣдствіе смѣшенія, явилась другая раса, хотя удержавшая черный цвѣтъ кожи, но получившая отъ семитовъ правильное строеніе и красивую форму черепа и лица.

Такова египтянка-мать, изображенная на приложенномъ рисункѣ. Это не женщина Нижняго Египта, не обитательница, напримѣръ, Каира, гдѣ женщины наряжаются на полутурецкій, полуарабскій манеръ, нося длинный плащъ и чепецъ на головѣ, сплошь покрывающій лице только съ отверстіемъ для глазъ. Нѣтъ, это женщина смѣшанно-семитской расы въ томъ же костюмѣ, какой существовалъ во времена Моисея. Это длинная или шафранно-желтая или же бѣлая одежда съ широкими рукавами и имѣющая длинный разрѣзъ на груди. На шеѣ у ней янтарныя украшенія, въ ушахъ огромной величины серебряныя серьги, по формѣ напоминающія украшенія женщинъ эпохи свайныхъ построекъ. Такое же впечатлѣніе производятъ и надѣтые на рукахъ массивные браслеты. Да и самая манера, съ которою она несетъ голаго ребенка, закрытаго кускомъ плаща, храбро и увѣренно заснувшаго у ней на шеѣ, напоминаетъ нѣчто крайне патріархальное и первобытное.

Эта египтянка-мать, конечно, гражданка Египта, и именно той части его, которая прилегаетъ къ Ассуанскимъ катароктамъ Нила, гдѣ мусульманская и европейская моды не испортили древняго традиціоннаго костюма. Но собственно эѳіопскихъ женщинъ, унаслѣдовавшихъ правильный типъ семитовъ,

Критическій моментъ. Съ наброска К. Л. рис. М. Ш. грав. Вейерманъ.

Е. Ж. Г. А. Д. Б. В. Г. З. И. І.

Конгрессъ обелисковъ. Рис. Ш. К., грав. Вейерманъ.

привозятъ въ Египетъ для продажи въ турецкіе гаремы. Эти женщины, правда, чернаго цвѣта, но чрезвычайно красивы. Черты ихъ лица совершенно правильны, а глаза полны огня. По извѣстіямъ прежнихъ путешественниковъ, цѣна этимъ женщинамъ была слишкомъ высока сравнительно съ женщинами арабскими. Тогда какъ арабская женщина продавалась за 10 долларовъ, эѳіопка стоила на рынкѣ 60 и 100 долларовъ. Одѣты были эти женщины часто весьма фешенебельно, на парижскій манеръ, но иногда въ мужскихъ платьяхъ. Истыя египтянки съ презрительнымъ сожалѣніемъ смотрѣли на эту продажу. И въ настоящее время, при смягченіи нравовъ, когда торговля женщинами для гаремовъ приняла болѣе смягченную форму, въ Египтѣ весьма рѣзко отличается женщина-мусульманка отъ коптки-христіанки или женщины расы Кенну. Насколько египтянка-мусульманка кокетлива и скрываетъ свои прелести покрывалами, на столько женщины упомянутыхъ двухъ расъ небрежно нескромны въ обнаженіи тѣла. Широкій разрѣзъ платья оставляетъ грудь и часть живота голыми. Понятіе этихъ женщинъ о стыдѣ и скромности мало похожи на таковыя же понятія европейскихъ и даже мусульманскихъ женщинъ того же Египта.

Критическій моментъ.

Убьетъ или ранитъ? вотъ вопросъ являющійся при взглядѣ на рисунокъ, изображающій сцену въ траншеяхъ, куда упала дымящаяся граната. Солдаты легли, все вниманіе ихъ обращено на этотъ страшный шаръ, они глазъ отвести отъ него не могутъ, ужасъ, отчаяніе на ихъ лицахъ, и ждутъ они момента, когда огонекъ достигнетъ средины, и разорвется этотъ шаръ. Въ головѣ каждаго проносятся сотни различныхъ соображеній, одно другое перегоняя, одно съ другимъ путаясь...

Огонекъ фитиля все ближе и ближе къ концу: вотъ вотъ послѣдуетъ взрывъ...

Какое отчаянное положеніе!.. Мучительно замираетъ сердце, судорожно сжимаются пальцы рукъ и въ головѣ нѣтъ другой мысли, какъ только мысль о томъ, что вотъ сейчасъ, сейчасъ это страшное ядро разорвется.

Конгрессъ обелисковъ.

Мы сообщали въ минувшемъ году особою статьею, какъ помнятъ читатели, объ обелискѣ, называемомъ „Игла Клеопатры“, перевезенномъ изъ Египта, именно изъ Александріи, въ Англію. Этотъ фактъ обратилъ на себя вниманіе европейскаго общества. Пробудилась общая любознательность относительно обелисковъ, вообще ихъ происхожденія, мѣстоположенія, древности и значенія. Такая же точно любознательность замѣчалась въ европейскомъ обществѣ въ 1833 году, когда французы перевезли такой же памятникъ древняго Египта изъ Луксора въ Парижъ. Надо замѣтить, что эта перевозка обелисковъ съ мѣста ихъ родины въ другую страну, всегда сопряженная съ громадными издержками и усиліями, не есть что либо новое въ исторіи, такъ какъ уже римскіе императоры перевезли многіе изъ обелисковъ, украшавшихъ входы въ храмы на берегахъ Нила, въ главнѣйшіе города Римской Имперіи, что-бы придать этимъ городамъ болѣе пышности и великолѣпія. Въ самомъ Римѣ находится наибольшая часть перевезенныхъ обелисковъ, именно 12-ть, 2 находятся въ Константинополѣ и 1 въ Арлѣ, городѣ южной Франціи. Какъ слышно, и приморскій городъ Тріестъ намѣренъ украситься этими памятниками египетскаго искусства. Не можемъ не привести здѣсь по этому случаю мнѣніе Шопенгауэра о перевозкѣ изъ Египта обелисковъ. Шопенгауэръ говоритъ: „Назначеніе построенныхъ въ Египтѣ обелисковъ не было эфемернымъ и незначительнымъ. Дѣйствительная цѣль ихъ сооруженія очевидно состояла въ томъ, чтобы говорить понятнымъ языкомъ позднѣйшему потомству, вступить съ этимъ потомствомъ въ сношеніе и возстановить единство человѣческаго сознанія. По этому представляется весьма позорнымъ для человѣчества разрушеніе и обезображиваніе египетскихъ обелисковъ“. Затѣмъ, надо сознаться, что самая перевозка стоитъ весьма большихъ трудовъ и опасностей на морѣ. Достаточно припомнить, что при недавней перевозкѣ „Иглы Клеопатры“ обелискъ этотъ едва не погибъ, независимо отъ того, какая опасность представлялась самому экипажу, участвовавшему при перевозкѣ. Но далеко не такъ счастливо обходятся другія операціи этого рода. У Картогены близъ испанскихъ береговъ, до сихъ поръ лежитъ на днѣ моря почтенный Саркофагъ третьяго изъ строителей египетскихъ пирамидъ; а близь устья Эльбы, тоже на днѣ моря, лежитъ цѣлая масса цѣнныхъ древностей вмѣстѣ съ везшимъ ихъ кораблемъ. Эти древности послалъ генералъ Минутоли изъ Египта въ свое германское отечество—и имъ не суждено было достигнуть цѣли путешествія.

Но, и кромѣ того, даже если предположить счастливое плаваніе египетскихъ памятниковъ по морю,—имъ предстоитъ уже опасность отъ самаго климата сѣверныхъ странъ. Неразрушимые и прочные на своей родинѣ, въ сухой Нильской долинѣ, эти памятники сильно измѣняются отъ атмосферныхъ вліяній въ странахъ европейскихъ. Беремъ примѣръ. Французамъ удалось благополучно перевезти изъ Египта въ Парижъ Луксорскій обелискъ и поставить его на „Площадь Согласія“ (Place de la Concorde). Но вотъ уже теперь въ превосходномъ сіенскомъ гранитѣ памятника показались трещины и щели. Это все надѣлала среднеевропейская зима съ своею сыростью и перемѣнами погоды. А какъ вы думаете—что сулитъ „Иглѣ Клеопатры“ вѣчный туманъ Лондона, его пронизывающій сырой воздухъ и постоянно дующіе морскіе вѣтры?.. Дай Богъ, чтобы драгоцѣнныя и поучительныя іероглифическія надписи обелиска сохранились бы на берегахъ Темзы хотя столько-же десятковъ лѣтъ, сколько столѣтій онѣ неразрушимо прожили въ Египтѣ!.. Правда, что касается, напримѣръ, Тріеста, то тамъ климатическихъ опасностей для обелисковъ гораздо меньше. По въ тоже время вѣрно и то, что перевозимый въ Тріестъ Александрійскій обелискъ ничего не дастъ городу, кромѣ уличной декораціи и обыденной достопримѣчательности. Едва-ли даже поставленный обелискъ будетъ имѣть архитектоническое значеніе, т. е. поставленъ будетъ въ связь съ какою либо монументальною постройкою, какъ это всегда было въ древнемъ Египтѣ (ибо обелиски всегда ставились передъ входомъ въ храмы), какъ это было и въ древнемъ Римѣ. Такое архитектоническое значеніе имѣетъ и Александрійскій обелискъ, о которомъ идетъ рѣчь (представляющій 2-й экземпляръ „Иглы Клеопатры“). Онъ стоитъ теперь на мѣстѣ, важномъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, гдѣ былъ прежде Бpухіумъ, гдѣ красовались дворецъ Птоломеевъ и Цезареумъ (т. е. храмъ въ честь Цезаря) съ своею великолѣпною галлереею... Обелискъ стоитъ здѣсь на своей могучей базѣ весьма кстати, дѣйствуя на наше чувство и воображеніе и пробуждая рой воспоминаній. Пусть англичане, увезя одну изъ „Иголъ“, разлучили близнецовъ, но англичане увезли лежавшій и погребенный уже въ пескѣ обелискъ... Тріестъ же намѣревается увезти къ себѣ другого близнеца, стоящаго во всей славѣ и великолѣпіи... Едва ли Александрія допуститъ, что-бы у нея отняли одно изъ великолѣпнѣйшихъ знаменій ея прежняго величія. Что у Александріи останется послѣ этого? Только колонна Помпея, памятникъ гораздо позднѣйшаго происхожденія, воздвигнутый, какъ извѣстно, при Діоклетіанѣ.

Вопросъ этотъ въ настоящее время близокъ къ разрѣшенію; въ ожиданіи же покамѣстъ онъ такъ или иначе рѣшится, мы познакомимся съ знаменитѣйшими обелисками, относящимися ко временамъ египетскихъ фараоновъ. Для этой цѣли на нашемъ рисункѣ эти обелиски собраны въ тѣсную толпу, какъ-бы на выставку для удобства ознакомленія съ ними при взаимномъ ихъ сравненіи.

Въ весьма раннее время культурнаго развитія Египта, еще въ эпоху постройки пирамидъ (это самый древній періодъ развитія египетскихъ построекъ, періодъ Менеса) были сооружаемы на берегахъ Нила гранитные заостренные къ верху столбы. Но самые древніе изъ нихъ ставились вовсе не такъ, какъ ставились обелиски позднѣйшихъ періодовъ. Древній обелискъ—это та же пирамида, только усѣченная, и на ея усѣченной поверхности воздвигался гранитный монолитъ четвероугольной формы съ пирамидальной заостренною вершиной. По уже передъ концомъ стараго египетскаго царства (въ послѣднемъ столѣтіи 2-го тысячелѣтія передъ Рождествомъ Христовымъ) построеніе обелисковъ приняло ту форму, въ которой мы знаемъ ихъ теперь,—т. е. они стали воздвигаться парами, и только парами, передъ входомъ въ храмы, по обѣимъ сторонамъ входа, и на маленькихъ подножіяхъ или цоколяхъ, что сообщило имъ особый характеръ стройности и той силы впечатлѣнія, какую оставляютъ въ нашей душѣ эти изящныя произведенія египетской цивилизаціи.

Древнѣйшій изъ всѣхъ сохранившихся въ Египтѣ обелисковъ стоитъ среди едва уцѣлѣвшихъ развалинъ древняго *Геліополиса*. Этотъ славный городъ египтяне считали жилищемъ или мѣстопребываніемъ Бога солнца (отъ этого же получилъ свое названіе находящійся въ настоящее время въ Римѣ обелискъ, перевезенный изъ Геліополя). Этотъ городъ, наполненный великолѣпными обелисками, теперь исчезъ съ лица земли. Однакоже, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли ворота, ведущія въ храмъ Солнца, еще и теперь возносится къ небу стройная, величественная игла. На нашемъ рисункѣ этотъ обелискъ стоитъ какъ разъ противъ буквы Г. Этотъ обелискъ воздвигъ *Узертезенъ I*, первый царь 12-й египетской династіи. По этому, разумѣется, одинъ изъ *пары* обелисковъ, воздвигнутой Узертезеномъ. Другой товарищъ разсматриваемаго нами обелиска давно исчезъ, но его упоминаютъ видѣвшіе его арабскіе писатели. Тотъ же Узертезенъ I, воздвигшій эту пару обелисковъ, соорудилъ еще другой обелискъ или другую пару, изъ которой одинъ обелискъ въ разрушенномъ состояніи, лежитъ теперь въ Файнумѣ, близъ Эвенціи; но вмѣсто заостренной вершины,—обелискъ этотъ увѣнчанъ округленною фигурой. Въ самую блестящую эпоху фараоновъ, послѣ изгнанія Гиксовъ, или такъ называемыхъ *царей-пастырей*, всѣ великіе египетскіе цари 18-й и 19-й династій, воздвигли много обелисковъ, а именно предъ пилонами колоссальнаго царскаго святилища въ Ѳивахъ, а также предъ пилонами храма Бога *Таки* или Санъ, воздвигнутаго Рамзесомъ II, Великимъ. Въ нынѣшнемъ арабскомъ селеніи Карнака, между святилищемъ храма и между большою позднѣе воздвигнутою коллонадою возвышаются двѣ пары обелисковъ. Древнѣйшая изъ этихъ паръ воздвигнута фараономъ Тутмозисомъ I (царемъ

18-й династіи). Одинъ изъ обелисковъ этой пары лежитъ разрушеннымъ на землѣ; но его видѣлъ въ стоячемъ положеніи еще ученый англійскій путешественникъ *Пококъ*. Другая пара обелисковъ болѣе новаго происхожденія, воздвигнута въ честь *Гатасу*, старшей дочери Тутмозиса I. На рельефѣ обелиска Гатасу изображена съ бородою, въ видѣ мужчины. На нашемъ рисункѣ эти обелиски означены буквами *ББ*. Изъ нихъ одинъ уже лежитъ полузанесенный пескомъ, другой же продолжаетъ стоять, и своей грандіозностью и вышиною превосходитъ всѣхъ своихъ товарищей. Читатель легко отличитъ его на рисункѣ по стоящимъ противъ него двумъ арабамъ.

Вышина его простирается до 33-хъ метровъ или 16½ нашихъ саженъ. По своей величавости и художественности рѣзца, которымъ изображены надписи, покрывающія его гладкополированную поверхность, обелискъ этотъ есть лучшій изъ художественныхъ созданій этого рода въ цѣломъ свѣтѣ. И однакоже изъ надписи, находящейся на его пьедесталѣ, мы узнаемъ что на сооруженіе этого колосса потребовалось всего только 7 мѣсяцевъ. Какъ для всѣхъ обелисковъ, такъ и для него послужили матеріаломъ гранитныя каменоломни, находящіяся у перваго нильскаго катаракта (или порога). Мѣстность этого катаракта носитъ названіе *Сіэны* или *Ассуана*. Отсюда происходитъ названіе Ассуанскаго катаракта, а также названіе *Сіенита*, усвоенное въ геологіи особой породѣ гранита, сходной съ ассуанскою породою. Вершина этого обелиска, а также его глубоковырѣзанныя надписи, покрыты особымъ блестящимъ металомъ (Asem-Electrum) и на самомъ-же обелискѣ находится надпись, что металлъ этотъ можетъ поспорить своимъ блескомъ съ лучами солнца. Весьма многіе обелиски, въ томъ числѣ и обѣ иглы Клеопатры, (*А*), а также второй по колоссальной вышинѣ, стоящіи теперь предъ Лютеранскимъ соборомъ въ Римѣ (*И*) были сооружены *Гатасу*, старшимъ братомъ Тутмозиса III, передъ воротами храма Солнца въ Геліополѣ. *Сетій I*, и его знаменитый сынъ *Рамзесъ* или *Рамессу II* (Сезострисъ древнихъ грековъ), также соорудили много обелисковъ. Произведеніе Сетія I представляетъ обелискъ, стоящій теперь на площади Piazza-del-Popolo въ Римѣ. На нашемъ рисункѣ онъ означенъ буквою *Ж*. Надпись его, переведенную извѣстнымъ Герматономъ, сообщаетъ Амміанъ Марцеллинъ. Великій царь Ромессу II, соорудилъ Луксорскіе обелиски, изъ которыхъ одинъ стоитъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, а другой (В нашего рисунка) находится теперь въ Парижѣ на площади Согласія (Place de la Concorde).

Изъ обелисковъ, воздвигнутыхъ Рамзесомъ передъ воротами Танисскаго храма, ни одинъ не остался въ цѣлости; среди въ высшей степени живописныхъ руинъ храмового святилища лежатъ въ настоящее время не менѣе 11-ти разрушенныхъ обелисковъ. Сынъ Рамзеса Великаго, *Меръ-ен-Пта*, котораго не безъ основанія считаютъ современникомъ исхода израильтянъ изъ Египта—повелѣлъ соорудить въ Геліополѣ тотъ самый обелискъ, который стоитъ теперь на площади Св. Петра въ Римѣ (Д нашего рисунка). Отъ 26-й династіи фараоновъ (*Гофра* по Библіи) происходитъ обелискъ, стоящій теперь на площади Piazza-della-Mineva въ Римѣ, поставленный по плану архитектора Бернини на спинѣ фигуры слона (фиг. Е). Обелискъ же, находящійся теперь на Piazza-di-monte Citorio, (фиг. *З*) обязанъ своимъ происхожденіемъ Псамтику II.

Позднѣйшій изъ всѣхъ обелисковъ есть такъ называемый *Барберинійскій*, поставленный въ Римѣ на Monte-Pincio,—позднѣйшій потому, что на немъ находятся имена *Адріана*, царицы *Сибины* и *Антиноя*. Изъ надписей часто бываетъ весьма трудно опредѣлить съ достовѣрностью, какому именно царю различные обелиски обязаны своимъ происхожденіемъ, такъ какъ фараоны не стѣснялись приписывать себѣ дѣла своихъ предшественниковъ, и ставили свои собственныя имена рядомъ съ именами послѣднихъ. Весьма естественно, что часть сооруженія приписывается, при этомъ затрудненіи, властителямъ болѣе раннимъ.

Египтяне называли свои обелиски словомъ „techen“, а позднѣе начали называть словомъ „шен“, что значитъ твердо или прямо стоящіе. Собственно же названіе „обелискъ“ (Οβελίσχος) придумано въ первый разъ александрійскими греками. Обелискъ собственно уменьшительное названіе копья и на русскій языкъ это названіе слѣдуетъ перевесть словомъ *Копьецо*. Древній греческій историкъ V-го вѣка до Р. Х. Геродотъ еще называетъ обелиски „каменными копьями“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ обелиски были посвящены богу Солнца, и именно богу какъ олицетворяющему производительную и возраждающую силу солнечнаго свѣта. Въ Геліополѣ обелиски посвящены были богу *Ра*, оживляющему міръ своими лучами: въ Өивахъ они посвящались богу *Амуну* (котораго представляли въ видѣ юноши). По изгнаніи же Гиксовъ греческій пантеонъ принимаетъ все болѣе и болѣе господствующую форму въ смыслѣ пріоритета бога *Амуна*. Слово Амунъ (или Амонъ) значитъ „сокрытый“. Природу этого бога объясняютъ различно. Какъ „возродителю“ жизни и производителю, ему посвящались обелиски. Если однако послѣдніе служили также цѣлямъ искусства и украшали собою входы въ храмы; если они своею фигурою, блескомъ своей полировки и своимъ металломъ представляли осязательные символы лучей Солнца,—то, все-таки извѣстныя изображенія и надписи съ неопровержимою достовѣрностью убѣждаютъ насъ, что въ основаніи происхожденія обелисковъ лежитъ еще и другая идея. Для развитія этой идеи—хотя это было-бы и очень интересно,—по обширности предмета, у насъ не хватило бы ни мѣста, ни времени. Припомнимъ только, что на обелиски древніе египтяне смотрѣли не только съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, но самое приближеніе къ нимъ соединено было съ жертвоприношеніями и молитвами. Подобные-же каменные столбы служатъ предметомъ почитанія и въ другихъ странахъ Востока. Но на этихъ послѣднихъ можно яснѣе видѣть изображеніе фаллуса (или мужского производящаго органа) чѣмъ на обелискахъ Египта. Уже размѣры однихъ сохранившихся до насъ обелисковъ приводятъ въ изумленіе; но въ іероглифическихъ текстахъ упоминается цѣлая масса другихъ обелисковъ, которые значительно должны превосходить сохранившіеся до насъ.

На прилагаемомъ нами рисункѣ, представляющемъ, какъ сказано выше, сборище знаменитѣйшихъ обелисковъ, изображены слѣдующіе:

А. „Игла Клеопатры“, лежавшая въ пескѣ и недавно перевезенная, какъ извѣстно, въ Англію. Обелискъ сооруженъ Тутмозисомъ III въ Геліополисѣ.

Б Б. Обелиски карнакскіе изъ которыхъ большій (Гатасу) стоитъ и до сихъ поръ среди руинъ арабской деревни Карнака.

В. Луксорскій обелискъ, сооруженный Рамзесомъ II. Съ 1833 г. стоитъ въ Парижѣ на площади Согласія.

Г. Обелискъ Узертезена I. Старшій изъ всѣхъ. Сооруженъ около 2,300 лѣтъ предъ Р. Х. Стоитъ до сихъ поръ на мѣстѣ древняго храма Солнца въ Геліополѣ.

Д. Обелискъ, стоящій на площади Св. Петра (предъ соборомъ Св. Петра). Сооруженъ въ царствов. Маръ-енъ-Пта фараона, современника выхода Израильтянъ изъ Египта. На немъ нѣтъ никакихъ надписей. По преданію изъ Геліополя въ Римъ перенесли его по повелѣнію императора Калигулы, и онъ поставленъ былъ тогда у Ватиканскаго цирка.

Е. Обелискъ такъ назыв. *Элефантскій*. Сооруженъ для царя *Уа-аб-Ра* (или *Гофры* по Библіи). Поставленъ въ 1667 г. на фигурѣ слона архитекторомъ Бернини на Piazza-della Minerva.

Ж. Обелискъ на Piazza-del-Popolo. Сооруженъ Сетіемъ I отцемъ Рамзеса II; перевезенъ при Августѣ въ Римъ и поставленъ въ Большомъ циркѣ. Важенъ по переводу надписи Герметономъ.

З. Обелискъ Piazza di Monte Citorio, изъ временъ Псамтика II. Привезенъ въ Римъ при Августѣ.

И. Лютеранскій обелискъ, долгое время считавшійся самымъ высокимъ изъ всѣхъ обелисковъ (на нашемъ рисункѣ онъ изображенъ нѣсколько ниже сравнительно съ взятою пропорціей величинъ). Сооруженъ Тутмозисомъ III, Константиномъ Великимъ перенесенъ изъ Геліополиса въ Александрію, а сыномъ его Констанціемъ въ Римъ и поставленъ въ Большомъ циркѣ.

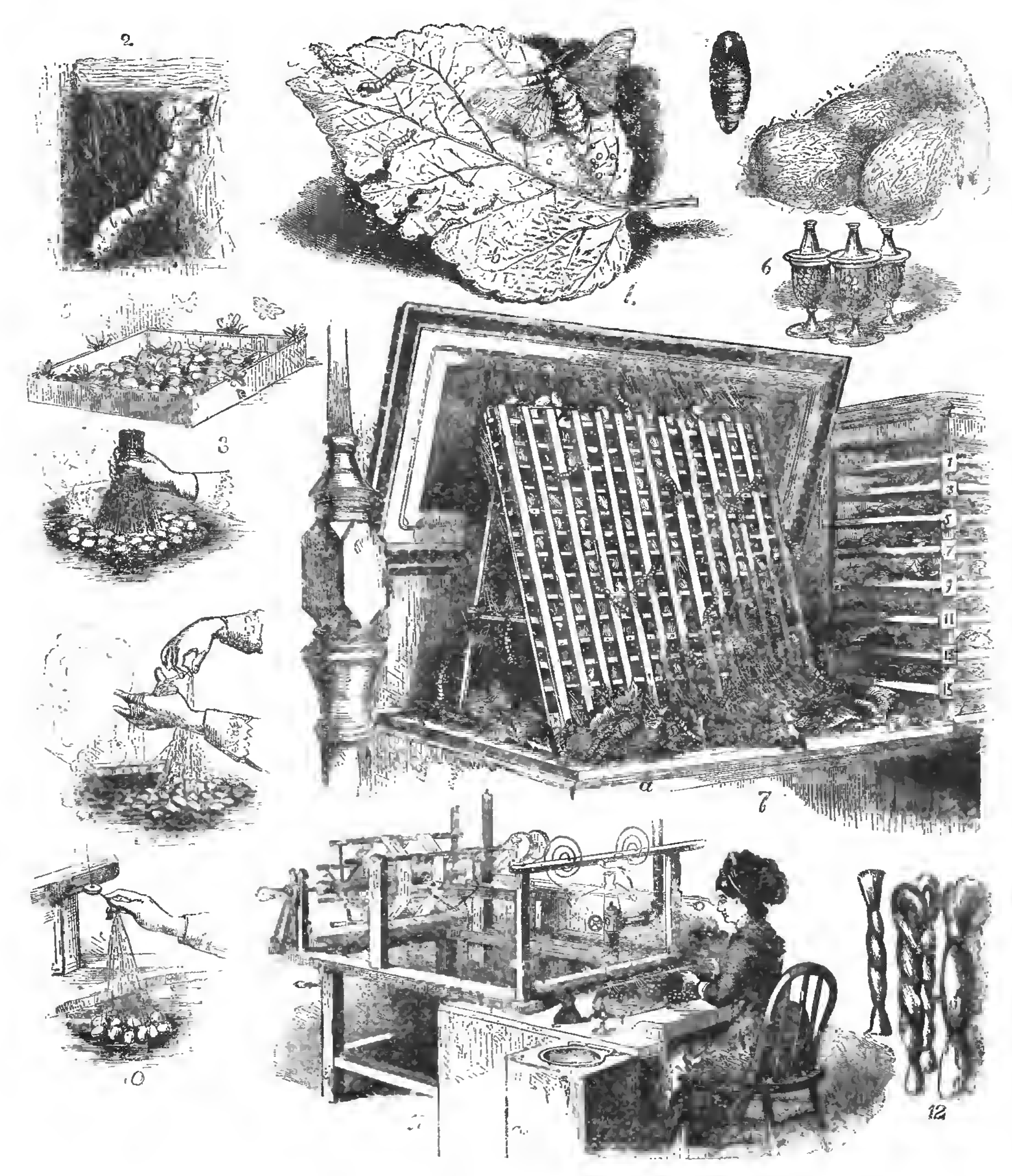
І. Такъ называемый *Помфилійскій обелискъ*, стоящій на Piazza Ravona.

Шелковичныя бабочки и производство шелка.

Хотя положительно неизвѣстно, но полагаютъ, что отечество шелковичныхъ бабочекъ, такъ называемыхъ шелковичныхъ червей—Китай и Индія. По китайскимъ источникамъ фабрикація шелку въ Китаѣ началась въ царствованіе Императора Гоангъ-Ти и супруги его Си-Лингъ-Ши, жившихъ за 2,650 л. до Р. Х. До времени ихъ царствованія народъ одѣвался кожами, но такъ какъ кожи оказывалось не достаточно для всѣхъ, то и придумали заняться выработкою различныхъ тканей. Императрица Си-Лингъ-Ши обратила вниманіе на коконы шелковичныхъ бабочекъ и вздумала попробовать, нельзя-ли воспользоваться ихъ нитями. Результаты изслѣдованія были блестящи: качество нитей коконовъ оказалось прекраснымъ, а разматываніе ихъ возможнымъ. Тогда Си-Лингъ-Ши занялась разведеніемъ и воспитаніемъ шелковичныхъ бабочекъ, а въ императорскомъ саду приказала устроить особый отдѣлъ для культуры тутоваго дерева, составляющаго ихъ пищу, и такимъ образомъ положила начало развитію шелководства. Въ ознаменованіе столь важнаго открытія при императорскомъ дворѣ учредился праздникъ, въ день котораго Императрица приходила съ своею свитою въ садъ и собирала листья съ вѣтокъ тутоваго дерева, которые нагибали передъ нею ея придворныя. Цѣна на шелкъ въ первое время его выработки была однакожъ чрезвычайно высокой, а законъ, составленный на этотъ случай, запрещалъ подъ страхомъ смертной казни вывозку изъ Китая яичекъ шелковичной бабочки; только готовый продуктъ могъ продаваться за границу.

Не смотря на строгость запрещенія, яички все таки были похищены. Этими похитителями явились два монаха, изъ ордена Св. Василія, посѣщавшіе Китай съ религіозною цѣлію распространенія христіанства. Запрятавъ запретное сокровище въ свои посохи, они вывезли его въ Константинополь къ Императору Юстиніану, въ 555 г. по Р. Х. Здѣсь въ свою очередь Юстиніанъ устроивъ шелковыя фабрики, наложилъ запрещеніе: не открывать иностранцамъ способа выдѣлки шелка. Тѣмъ не ме-

нѣе, какъ не укрывались, а изъ Греціи шелководство перешло въ Испанію, Италію, за тѣмъ во Францію. Сначала оно очень медленно прививалось во Франціи, но потомъ начало распространяться все быстрѣе и быстрѣе. Въ настоящее время Ліонскія шелковыя издѣлія считаются лучшими въ свѣтѣ. Сѣверная Италія представляетъ теперь собою почти непрерывный садъ изъ шелковичныхъ деревьевъ. Дѣти, старики, бѣдные, всѣ занимаются шелководствомъ. Въ Германіи шелководство начало распространяться съ XVI стол. Въ Россіи появилось въ царствованіе Алексѣя Михайловича подъ Москвою и въ Астрахани. Въ царствованіе Петра Великаго шелководство началось въ Малороссіи, а также на Терекѣ. Благодаря стараніямъ правительства и многихъ частныхъ лицъ и обществъ, въ Малороссіи, Крыму и на Кавказѣ теперь разведены въ большомъ количествѣ тутовыя деревья, безъ которыхъ немыслимо разведеніе шелковичныхъ бабочекъ, червей.

Шелковичныя бабочки и производство шелка.

1. Тутовый листокъ и шелковичная бабочка. 2. Гусеница, начинающая вить коконъ. 3. Коконъ. 4. Куколка. 5. Бабочки, появляющіяся изъ коконовъ. 6. Сосуды для храненія яичекъ. 7. Рѣшетка и полка для гусеницъ. 8. Сбиваніе коконовъ метелкой. 10. Волочильная доска и соединеніе нитей коконовъ. 11. Станокъ для разматыванія шелка. 12. Мотки шелка.

Распложеніе шелковичныхъ бабочекъ совершается чрезвычайно быстро. Обыкновенно бабочка по выходѣ изъ кокона сейчасъ-же начинаетъ класть яички и кладетъ ихъ каждая до 500. Изъ яичекъ весною выходятъ личинки, называемыя также *гусеницами*. Прежде чѣмъ гусеница достигнетъ полнаго роста—болѣе вершка длины—она четыре раза линяетъ, т. е. сбрасываетъ старую кожу и появляется въ новой и болѣе просторной.

Первое линяніе происходитъ чрезъ 6—7 дней послѣ появленія гусеницы изъ яичекъ на свѣтъ; въ это время онѣ перестаютъ ѣсть и лежатъ неподвижно съ распухшей и приподнятой головкой, это называется сномъ гусеницы. Сонъ продолжается сутки; потомъ онѣ вылѣзаютъ изъ своей кожи и начинаютъ съ жадностію ѣсть. Второе линяніе совершается чрезъ 5—6 дней послѣ перваго, третье чрезъ столько же дней послѣ второго; къ этому времени гусеницы достигаютъ уже значительнаго роста и тогда ихъ раскладываютъ на плетняхъ или рѣшеткахъ (см. № 7 на рисункѣ), устроенныхъ въ особыхъ домахъ или сараяхъ, куда имъ нѣсколько разъ въ день подкладываютъ свѣжіе листья тутоваго дерева. Здѣсь они чрезъ 5 или 6 дней снова засыпаютъ дня на два, послѣ чего уже въ послѣдній разъ сбрасываютъ кожу и потомъ ѣдятъ отъ 4 до 10 дней. Съ этого же времени они начинаютъ сквозить и выпускать изъ 2 отверстій подъ ртомъ шелковую нить, которая и тянется за ними. Тогда имъ кладутъ сухія вѣтви деревъ или верескъ, въ которомъ они сплетаютъ паутинку (шелкъ), закидывая ее въ разныхъ направленіяхъ, и начинаютъ вить *коконъ*. При этомъ гусеница сгибается спиною внутрь, а ножками наружу и наматываютъ нить вокругъ своего тѣла, описывая головою овальные круги. Говорятъ, что въ минуту она дѣлаетъ 69 оборотовъ головою. Длина нити доходитъ до 700 саженей. Коконъ получаетъ видъ яичка, округленнаго съ обѣихъ сторонъ одинаково. Сверху коконъ покрытъ пушистымъ шелкомъ, а далѣе состоитъ изъ одной нити. Свивъ свой коконъ, гусеница внутри его превращается въ *куколку* (№ 4). Если дать кокону спокойно полежать, то чрезъ нѣсколько времени изъ куколки выходитъ бабочка (№ 5). При выходѣ своемъ бабочка выпускаетъ ѣдкую жидкость, разъѣдающую шелковую нить, составляющую коконъ, поэтому то желающіе получить шелкъ и не доводятъ куколку до превращенія въ бабочку, а берутъ коконы и замариваютъ въ горячей печи, или же убиваютъ паромъ, нагрѣтымъ до 100°

(Продолженіе на стр. 33, 34, 35 и 36).

Реомюра, отъ кипящей въ котлѣ воды и проходящимъ чрезъ плетеныя корзины съ коконами. Далѣе коконы мочатъ, варятъ въ мыльной водѣ, чтобы удалить изъ нихъ клейкое вещество, потомъ треплютъ метелочкой (№ 8) изъ прутьевъ, для отысканія концовъ коконовъ.

Отысканные концы шелковинъ соединяютъ, — сырцовая нить дой, придѣланную къ станку, и постоянно подпрыгиваютъ въ водѣ во время размотки. Если во время размотки порвется одна шелковина, надобно тотчасъ же подкинуть въ ванночку новый коконъ и захлестнуть въ нить шелковину.

Смотанный шелкъ просушивается на воздухѣ и въ моткахъ долженъ быть сберегаемъ въ сухомъ мѣстѣ. Для сообщенія

Гонимый Агасферъ. Вѣчный жидъ. Съ картины Каульбаха, грав. Е. Кюнъ.

состоитъ изъ 3 до 10 нитей, т. е. сразу берутъ до 10 коконовъ и шелковины соединяютъ, — вкладываютъ въ отверстіе волочильной доски (№ 10), перекручиваютъ въ одну нить и прикрѣпляютъ къ мотовилу шелкоразмотнаго станка (№ 11). Мотовило станка приводится въ вращательное движеніе; разматываемые же коконы помѣщаются въ ванночку съ горячей во- шелку бѣлизны и блеска прибавляютъ въ ванночку съ водой яичные бѣлки. Главное условіе составляетъ чистота воды.

Остатки отъ размотанныхъ коконовъ, обрывки нитей и пухъ коконовъ, пристающій къ метелкѣ, откладываются и сберегаются.

Изъ паутины, шелковой ваты, покрывающей коконъ, при-

Открыть на этомъ рисункѣ фигуру Фридриха Великаго.

Открыть на этомъ рисункѣ два портрета: Людовика XVI и его супруги.

готовляется глянцовитая и прочная пряжа. Для этого вату кладутъ въ кадку, поливаютъ чистой водой, оставляютъ стоять сутки, затѣмъ промываютъ еще до чиста, варятъ въ котлахъ, опять промываютъ, отжимаютъ, сушатъ, расчесываютъ на желѣзныхъ гребняхъ и прядутъ въ нить. Ручная пряжа изъ шелковой ваты идетъ на кушаки, вожжи, на выдѣлку швейнаго шелка и т. д.

Впрочемъ, разматываніе шелка не совсѣмъ одинаково и есть еще одинъ очень старый, азіатскій способъ; но вообще надобно сказать, что разматываніе коконовъ дѣло не легкое и требуетъ много вниманія и большого навыка.

Бабочки, оставленныя на распложеніе, по выходѣ изъ коконовъ, какъ уже сказано выше, вскорѣ начинаютъ класть яйца (№ 1), а затѣмъ сами умираютъ. При отборѣ лучшихъ коконовъ на племя, надобно имѣть въ виду, что женскіе коконы крупнѣе и тяжелѣе мужскихъ. И тѣхъ и другихъ отбираютъ поровну. Чтобы облегчить бабочкамъ выходъ изъ коконовъ — послѣдніе (коконы) раскладываютъ рядами на бумагу, смазанную крахмальнымъ клейстеромъ, или яичнымъ бѣлкомъ, чтобы коконы приклеились. Яички шелковичныхъ бабочекъ можно сохранять, оставляя до весны въ прохладномъ мѣстѣ. Для ускоренія развитія бабочекъ занимающіеся шелководствомъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, такъ, напримѣръ, къ увеличеніямъ температуры питомниковъ, въ которыхъ воспитываются бабочки, но эти мѣры, какъ отступленіе отъ нормы, производятъ только различныя болѣзни. Надобно замѣтить, что шелковичныя бабочки (черви) вообще подвержены многимъ болѣзнямъ. Болѣзни имѣютъ свои отличительные признаки и развиваются во всѣхъ возрастахъ; самыя губительныя въ 5 и 4 возрастѣ. Многія болѣзни наслѣдственны. Наслѣдственныя, впрочемъ, не развиваются при хорошемъ кормѣ и чистомъ воздухѣ, между тѣмъ, какъ отъ другихъ болѣзней черви рѣдко оправляются, а если и выздоравливаютъ, то не свиваютъ хорошихъ коконовъ, поэтому заболѣвающихъ почти всегда выбрасываютъ.

Изъ болѣзней между шелковичными червями укажемъ на тифъ, сухотку, ожирѣніе, свѣтлую немочь, водянку.

Для предохраненія отъ заболѣванія требуется хорошій уходъ и здоровый питательный кормъ, для полученія котораго необходимо правильно подрѣзывать вѣтки на тутовыхъ деревьяхъ, въ засуху деревья поливать, разрыхлять подъ ними и удобрять землю, подчищать стволы, корни, замазывать раны на стволахъ, удалять заболѣвшія вѣтви и листья. Собирать листья для корма лучше утромъ и по вечерамъ, когда они влажны. Бодрствующихъ червей необходимо отдѣлять отъ спящихъ для того, чтобы не заставить голодать не спящихъ. Такимъ образомъ, блестящій шелкъ, служащій намъ украшеніемъ, изъ котораго составляются нами лучшія одежды—требуетъ съ нашей стороны и много стараній и труда для его выработки. **Ор.**

Гонимый Агасферъ (Вѣчный жидъ).

(Рисунокъ съ картины Каульбаха).

Въ № 40 „Нивы“ 1877 года мы помѣстили одно изъ произведеній германскаго художника В. Каульбаха, „Крестовые походы“. Читателю безъ сомнѣнія понятна особенность художественнаго творчества Каульбаха—совмѣщать на одномъ полотнѣ разнообразные моменты цѣлой, величественной эпопеи. Помѣщаемый здѣсь рисунокъ, составляя часть картины „Разрушеніе Іерусалима“, изображаетъ Агасфера (Вѣчнаго жида), гонимаго тремя демонами и терзающаго въ отчаяніи одѣжды. Но кто такой былъ Агасферъ?

Агасферъ не былъ дѣйствительно существовавшимъ лицомъ. Народная средневѣковая фантазія обрисовываетъ его слѣдующими чертами. Когда Божественный Страдалецъ шелъ на Голгоѳу, то онъ изнемогъ отъ тяжелой ноши и остановился отдохнуть у сапожнаго заведенія Агасфера. Но послѣдній грубо оттолкнулъ изнуреннаго Крестоносца и даже ударилъ Его палкою. На это Христосъ сказалъ Агасферу: „Я непремѣнно отдохну въ другой разъ на этомъ мѣстѣ, а ты... ты безъ отдыха будешь скитаться по всей вселенной, пока Я не возвращусь сюда“... Очевидно, по смыслу легенды, что Христосъ подъ „возвращеніемъ“ разумѣлъ Свое второе пришествіе судить живыхъ и мертвыхъ. По легендѣ, страшный судъ долженъ будетъ произойдти въ Іерусалимѣ, на мѣстѣ Распятія Христова. И Агасферъ, утверждаетъ легенда, дѣйствительно съ тѣхъ поръ, въ наказаніе, безъ отдыха блуждаетъ по землѣ. Народная фантазія олицетворила въ немъ *весь еврейскій народъ, не принявшій Христа-Искупителя и распявшій Его.*

Великій германскій поэтъ Гете сильно интересовался легендою объ Агасферѣ. По объясненію Гете, въ легендѣ о „вѣчномъ жидѣ“ изображена трагическая судьба самаго человѣческаго разума, блуждающаго около эдема вѣчной истины, жаждущаго и неспособнаго постигать небеснаго. Такая участь суждена человѣческому разуму на всегда—и безъ надежды достигнуть полнаго и совершеннаго знанія. Гете создалъ типъ Агасфера какъ опредѣленную личность. Въ смыслѣ Гете, Агасферъ составляетъ низшую ступень, ведущую къ такимъ типамъ, какъ Прометей, Фаустъ, Манфредъ и проч. Для насъ интересно это въ томъ отношеніи, что Агасферъ какъ у Гете, такъ и у Каульбаха—концепція чисто германская, и Каульбахъ былъ постояннымъ носителемъ идей Гете и передалъ кистью лучшія изъ его поэтическихъ созданій. Легенда о „вѣчномъ жидѣ“ начала рано тревожить умъ Гете, еще тогда, когда онъ былъ очень молодъ. Разъ въ полночь молодой поэтъ почувствовалъ сильное вдохновеніе.

„Какъ разъ съ полночи началъ я,—
Вскочилъ съ постели, какъ безумный.
Въ душѣ моей, тревоги полной,
Сложились звуки пѣсни новой
О жизни странника-еврея“...

говоритъ самъ Гете объ этомъ интересномъ моментѣ своего творчества.

Идея безусловнаго сепаратизма и одиночества странника выдержана у Гете, какъ и у Каульбаха. Читатель видитъ это изъ прилагаемаго рисунка, составляющаго, какъ сказано выше, часть (лѣвую сторону) знаменитой его картины „Разрушеніе Іерусалима“. Агасферъ и у Каульбаха бѣжитъ *одинокимъ*, терзаемый лютымъ отчаяніемъ и раздираетъ свои одежды. Три страшные и могучіе демона гонятъ несчастнаго бичами, составленными изъ змѣй. Смотря и на эту картину Каульбаха, нельзя не признать, что реформаціонныя идеи Германіи и здѣсь имѣли свое вліяніе, какъ и во всѣхъ другихъ концепціяхъ Каульбаха. **С.**

Полититескія, военныя и внутреннія извѣстія

Въ послѣднемъ прошлогоднемъ обозрѣніи военныхъ событій мы имѣли возможность сообщить только о движеніи нашихъ войскъ по Софійской дорогѣ. Истекшая недѣля, составляющая рубежъ между старымъ годомъ и новымъ, является крайне богатою въ высшей степени счастливыми для насъ военными событіями и пріобрѣтенными результатами. Старый годъ сдѣлалъ геройскія усилія передать новому болѣе богатое наслѣдство, чѣмъ это можно было предполагать сначала. Наша армія *перешла* Балканы и заняла Софію. Это такой громадной важности событіе и по плану, и по исполненію, и по послѣдствіямъ, что мы должны въ настоящемъ обозрѣніи подробнѣе остановиться на немъ. Переходомъ Балканъ начинается *второй* періодъ теперешней нашей войны съ Турціею. По великому значенію, но трудностямъ, которыя нужно было преодолѣть нашимъ войскамъ въ борьбѣ съ природою — это славное дѣло, безъ сомнѣнія, должно быть поставлено на ряду со взятіемъ Плевны или Карса и защитою Шипки. Чтобы надлежащимъ образомъ охарактеризовать этотъ подвигъ нашей арміи, мы должны сказать, что недавно совершенный переходъ Балканъ отличается отъ перехода Балканъ же нашими войсками минувшимъ лѣтомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Тогда черезъ Балканы перешелъ только нашъ летучій отрядъ, предводимый храбрымъ генераломъ Гурко и перешелъ притомъ обходнымъ движеніемъ черезъ Ханкіойскій проходъ. Въ настоящемъ же случаѣ нашею западною арміею перейденъ *Великій* или *Софійскій Балканъ*. Былъ сдѣланъ знаменитый *обходъ Шандорника отрядомъ генерала Дандевиля*. Обходъ сдѣланъ черезъ *Баба-гору*, возвышающуюся надъ поверхностью моря на *5,600 футовъ*, при 15-ти и болѣе градусахъ мороза, при страшномъ горномъ ураганѣ и мятели!. Турецкія позиціи Шандорника, укрѣпленныя самою природою, можно было назвать неприступными; защищались эти позиціи 32 таборами (или, по нашему, батальонами) авангарда турецкой арміи, расположенной около *Татаръ-Базарджика* (гораздо далѣе къ юго-востоку отъ Софіи). Часть этихъ 32-хъ таборовъ защищала Балканскій выходъ у *Златицы* (южнѣе Этрополя, почти на одной широтѣ съ Софіей). *Обходныхъ* нашихъ движеній было *два*: одно вправо, другое влѣво отъ Арабъ-Конака. Правая колонна отряда пошла *тремя* эшелонами отъ *Врачеша* (къ югу отъ Орханіэ). Стойкость и энергія нашихъ героевъ были при этомъ неимовѣрны при борьбѣ и одолѣніи всѣхъ естественныхъ препятствій *).

Общимъ результатомъ нашего перехода было взятіе нами Арабъ-Конака и Ташкисена, множество трофей, между прочимъ стальныя крупповскія орудія. Засимъ занятъ городъ Софія.

Двигаясь далѣе, наши войска (съ 25-го на 26-е декабря) сдѣлали обходъ турецкихъ укрѣпленій, замыкающихъ путь съ Троянскаго перевала. Уже наканунѣ (24-го декабря) здѣсь былъ занятъ сильный, турецкій редутъ, называемый „Гнѣздо“, расположенный на одной изъ высочайшихъ вершинъ Балканъ. И этотъ редутъ взятъ. Турки бѣжали. Но вѣнцомъ всѣхъ этихъ успѣховъ слѣдуетъ считать взятіе генераломъ Радецкимъ, 28-го декабря, *послѣ упорнаго боя всей Шипкинской арміи*, состоявшей изъ 41 батальона (табора), 10 баттарей и 1 полка кавалеріи, подъ начальствомъ Вессель-паши. Вслѣдъ затѣмъ князь Святополкъ-Мирскій занялъ Казанлыкъ, а генералъ Скобелевъ самую деревню Шипку. Знаменательно, что это блестящее дѣло случилось ровно черезъ мѣсяцъ послѣ взятія Плевны (случившагося 28-го ноября).

Касаясь результата всего, нами сдѣланнаго до сихъ поръ на Балканахъ, мы должны сказать, что въ настоящее время вся *линія Балканъ, отъ Софіи до Казанлыка*, находится въ нашихъ рукахъ.

Въ прошломъ обозрѣніи мы упоминали о посредничествѣ, которое предложила намъ Англія вслѣдствіе просьбы Турціи. Само собою разумѣется, что Россія не могла смотрѣть на непрошенное англійское посредничество иначе, какъ на *вмѣшательство Англіи*. Порта въ принципѣ уже теперь твердо рѣшилась на *перемиріе* и по слухамъ, притомъ такое, которое повело бы къ настоящему миру. Турецкій военный министръ уже готовится къ поѣздкѣ въ Русскую главную квартиру для переговоровъ по этому пункту. Перемиріе, какъ слышно, будетъ имѣть *чисто-военный* характеръ.

Въ числѣ важныхъ фактовъ прошлой недѣли, нужно поставить совершенно неожиданно для всѣхъ послѣдовавшую смерть итальянскаго короля *Виктора-Эммануила*, послѣдовавшую 28-го декабря (9-го января) вечеромъ.

*) Наши саперы (Преображенцы) при этомъ должны были разрабатывать дорогу по почамъ. Вслѣдствіе оттепели и наступившихъ морозовъ, дорога вскорѣ *обледенѣла* и нужно было вырубать на ней ступени, чтобы ноги людей, тащившихъ артиллерію, имѣли хоть какую нибудь опору. *Спускъ* былъ еще тяжелѣе подъема и такъ крутъ, что орудія и ящики привязывали къ деревьямъ и на канатахъ спускали отъ одного дерева до другого. Зарядные ящики скатывались пустые, а заряды переносились на рукахъ.

По войскамъ дѣйствующей арміи, отъ 22-го ноября, объявлено, что Его Императорское Высочество Великій Князь Главнокомандующій „изволилъ разрѣшить Московскому купцу Морозову и представителямъ нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ русскихъ купеческихъ фирмъ учредить „Московское товарищество временной Задунайской торговли для снабженія чиновъ арміи нѣкоторыми необходимыми предметами: чаемъ, сахаромъ, табакомъ, свѣчами, одеждою и проч.“.

Засимъ считаемъ нужнымъ сообщить, что золота добыто въ 1877 г. 3,430 пудовъ, на сумму по нынѣшнему курсу не менѣе 40 милліоновъ рублей.

Казеннаго золота было добыто только 13 пудовъ, менѣе противъ 1876 г. на 50 пуд., золота пріисковъ кабинета Его Величества 142 пуда, остальные 2,275 пудовъ добыты на частныхъ золотыхъ пріискахъ, при чемъ производительность послѣднихъ была въ 1877 году на 437 пудовъ болѣе противъ 1876 г. Добыча частнаго золота распредѣлялась такимъ образомъ: въ Восточной Сибири 1,793 пуда, на Уралѣ 353 пуда, въ Западной Сибири 129 пудовъ. Кромѣ того, небольшое количество золота добывается еще въ Финляндіи.

Не можемъ не обратить вниманія на убытки отъ истребленія домашняго скота волками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Они чрезвычайно велики. Такъ „Пермск. Губ. Вѣдомости“ указываютъ на Зміевскую волость, Охавскаго уѣзда. Эта волость состоитъ изъ 14 селеній; въ нихъ 433 дворовъ и жителей 1,140 мужскаго пола и 1,349 женскаго. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, въ ней было зарѣзано волками 564 головы скота. Чтобы избавиться отъ этихъ хищныхъ животныхъ, крестьяне дѣлаютъ время отъ времени облавы. Въ назначенный день почти всѣ жители селенія собираются въ лѣсъ: кто имѣетъ ружье —съ ружьемъ, остальные съ различною металлическою посудою и домашними орудіями, разсчитывая по меньшей мѣрѣ шумомъ отогнать звѣря отъ селенія. Другихъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ не предпринимается. Охотниковъ на волковъ почти вовсе нѣтъ; хотя нѣкоторыми крестьянами и разставляются въ зимнее время капкавы, однако въ нихъ весьма рѣдко удается заманить хитраго звѣря.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 1 „Нивы“. „Наша русская драматическая сцена въ Петербургѣ замѣчательна долголѣтіемъ актеровъ“.

Рѣшеніе ариѳметич. задачи, помѣщенной въ № 52 „Нивы:“

$$90+8\ {}^{3}/_{6}+1\ {}^{27}/_{54}=100$$

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Москва. И. И. Клуг—ъ** Присланный переводъ не будетъ помѣщенъ. Владѣя стихомъ, будьте болѣе строги къ тому, что выбираете для перевода.

2. **Елабуга. Ѳедору Ермол. Березк—у.** Ваше краснорѣчивое порученіе на дняхъ только дошло до насъ чрезъ профессора Ш. Конечно вы сами согласитесь, по свойствамъ вашего личнаго благородства, что «лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольною свиньей.»

3. **Тула. Ф. Г—ву.** Ваша муза очень печальна. Вы жалуетесь:

Для другихъ Зефиръ пріятный—
Для меня-жъ поетъ Борей,
Несетъ холодъ свой ужасный
Измученной душѣ моей...

Какъ жалостно! Этакая, подумаешь, вамъ неудача въ вѣтрахъ. Не перемѣнятъ ли они своего направленія, если бы перестанете кропать стихи? Попробуйте-ка.

1-й заемъ 1864 года. 26-й тиражъ 2-го января 1878 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 13-го ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ, 2-го января 1878 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи надлежащихъ членовъ и депутатовъ, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 г. Выигрыши пали на слѣдующіе билеты.

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыш.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыш.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыш.	№№ серій.	№№ билет.	С ммв выигрыш.
4	6	25000	5112	23	500	9950	21	500	15040	34	500
41	23	1000	5223	9	500	10064	33	1000	15044	25	500
77	1	500	5257	9	500	10108	46	500	15154	49	1000
134	27	8000	5417	36	500	10134	49	500	15217	35	500
254	8	500	5426	38	500	10179	22	500	15219	34	500
654	40	500	5546	38	500	10187	48	500	15280	4	500
682	8	500	5526	10	500	10425	40	500	15280	32	500
700	2	500	5558	49	500	10427	34	500	15337	4	500
708	34	5000	5561	14	500	10434	8	500	15353	30	500
784	7	500	5596	35	500	10449	8	500	15493	32	1000
856	37	500	5684	17	500	10595	24	500	15502	22	500
871	49	500	5696	9	500	10600	7	500	15717	31	500
1144	21	500	5823	49	500	10629	14	500	15848	33	1000
1257	1	500	5905	15	500	10674	15	500	15972	36	500
1294	49	500	5906	18	500	10680	24	500	16043	5	500
1488	17	500	5923	16	1000	10880	27	500	16078	12	500
1546	37	500	5944	29	500	10844	13	500	16094	46	500
1558	29	500	5948	26	500	10853	5	500	16222	4	1000
1604	29	500	5960	48	500	10954	36	500	16374	40	500
1664	1	500	6024	7	500	10967	16	500	16397	5	5000
1684	4	500	6027	5	500	10975	26	1000	16430	2	500
1713	20	200000	6062	5	500	11011	17	5000	16558	42	1000
1851	24	500	6069	8	500	11085	37	500	16584	40	500
1924	17	500	6152	6	500	11182	20	500	16598	5	500
2000	3	500	6187	1	500	11188	5	500	16626	27	500
2007	29	500	6207	47	500	11206	10	500	16732	12	500
2056	2	500	6426	26	8000	11231	9	8000	16745	4	500
2064	13	500	6579	26	500	11233	46	500	16799	37	530
2104	20	500	6667	24	500	11347	13	500	16820	38	500
2197	27	1000	6796	10	500	11419	48	1000	16854	39	500
2231	40	500	6864	50	500	11483	31	500	16867	23	500
2235	4	500	6947	7	500	11502	47	500	16878	21	500
2235	15	500	7054	39	500	11806	46	500	16887	24	500
2416	6	500	7091	1	500	11835	16	500	17031	26	500
2420	10	500	7133	44	500	11989	27	500	17042	8	500
2547	37	500	7248	9	500	12073	46	500	17078	17	500
2585	41	500	7292	17	5000	12114	19	500	17281	2	75000
2638	35	500	7547	21	500	12190	32	500	17290	11	500
2691	19	500	7640	2	5000	12122	47	500	17409	33	500
2701	21	500	7828	13	500	12261	49	500	17502	30	500
2761	22	500	7988	49	500	12331	44	500	17513	21	500
2828	22	500	8021	14	500	12354	5	500	17526	21	500
2920	27	500	8227	20	500	12382	17	5000	17570	24	500
3206	34	500	8245	25	500	12432	21	500	17773	24	500
3259	47	8000	8330	25	500	12499	30	500	17782	15	500
3265	15	500	8403	8	530	12535	29	500	17861	5	500
3324	17	500	8403	37	1000	12597	18	500	18035	43	500
3454	13	500	8407	34	500	12615	16	10000	18080	32	500
3514	39	1000	8577	43	500	12690	34	500	18109	40	500
3524	20	500	8709	10	500	12694	16	500	18211	2	500
3565	21	500	8730	42	500	12772	45	500	18278	32	500
3651	48	500	8746	38	500	12750	38	500	18317	40	500
3699	50	500	8782	39	500	12760	33	500	18360	23	500
3706	30	500	8845	10	500	12882	32	500	18428	31	500
3786	44	500	8869	21	500	12923	45	10000	18576	11	500
3803	4	500	8905	3	500	12933	28	500	18610	40	500
3807	45	500	8914	16	1030	12980	39	500	18652	31	500
3862	20	500	8962	31	500	13019	36	500	18763	13	500
3893	47	500	9006	15	500	13020	13	500	18775	14	500
4084	2	500	9258	48	500	13106	35	500	18869	27	500
4098	3	500	9458	39	500	13225	27	500	18919	45	500
4192	14	500	9460	6	5000	13284	30	5000	18972	27	500
4425	37	500	9499	16	500	13411	4	500	18998	10	500
4497	21	500	9510	43	500	13543	41	1000	19115	32	500
4562	47	500	9574	3	500	13547	8	500	19306	46	500
4569	5	500	9582	28	500	13714	19	500	19396	15	500
4728	6	500	9601	19	500	13898	25	500	19433	24	500
4660	15	10000	9631	26	500	14124	35	500	19436	19	500
4860	23	500	9700	41	1000	14206	32	500	19548	47	1000
4935	8	40000	9707	23	500	14387	3	1000	19584	31	500
4995	12	8000	9710	35	500	14430	9	500	19588	34	1000
5042	18	500	9719	30	500	14477	45	500	19636	35	500
5065	24	500	9863	11	500	14617	17	500	19832	5	500
5069	13	1000	9896	45	500	14637	17	500	19880	12	500
5107	32	500	9914	29	500	14672	42	500	19953	47	500

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій бил. 1-го внутр. 5% съ выигр. займа 1864 г., вышедш. въ тир. погаш.

НУМЕРА СЕРІЙ.

463, 2307, 2795, 3098, 3502, 3952, 4099, 4349, 4431, 4466, 4601, 4716 4753, 4977, 5356, 5414, 5710, 6350, 6955, 7114, 7356, 7500, 8014, 8187, 8599, 8744, 8796, 9466, 9543, 9841, 10299, 10,564, 11148, 11287, 11292, 11516, 12356, 12933, 12992, 13040, 13102, 13250, 13379, 13647, 13765, 14234, 14605, 14637, 14975, 15857, 16075, 16918, 17554, 18437, 18738, 18804, 19304, 19757.

Всего 58 серій, составляющія 2,900 билетовъ.

Уплата капитала по вышедш. въ тиражъ билет., по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апр. 1878 г. въ Госуд. Банкѣ, его Контор. и Отдѣлен.

Издатель **А. Ф МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 5 Января 1877 г. Тип. [illegible] Англ. пр. № 10.

№ 3 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 16 Января 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Викторъ Эммануилъ, король Италіи.

28 декабря 1877 г. въ 2 часа пополудни скончался въ Римѣ король Викторъ Эммануилъ на 57 году своей жизни. Викторъ Эммануилъ, сынъ короля Савойскаго, Карла-Альберта, былъ первымъ королемъ объединенной и возрожденной Италіи.

Онъ получилъ образованіе у іезуитовъ, но не заимствовалъ правилъ своихъ наставниковъ и былъ замѣчательно мужественной и высокоправдивой души человѣкъ. По смерти супруги, Эрцгерцогини австрійской, Викторъ Эммануилъ заключилъ морганатическій бракъ съ дѣвушкой изъ простого званія, которую возвелъ въ графское достоинство. На итальянскій престолъ онъ вступилъ 11 марта, 1849 года. Положеніе молодого короля сначала было тяжелое: итальянцы встрѣтили его далеко несочувственно, но Викторъ Эммануилъ своимъ умомъ, и добротою скоро расположилъ къ себѣ народъ, который впослѣдствіи оцѣнилъ своего государя и открыто высказывалъ къ нему свои симпатіи; „re galantuomo“, король—честный человѣкъ, вотъ названіе, данное народомъ королю и утвердившееся за нимъ навсегда. Съ вступленіемъ на престолъ, Викторъ Эммануилъ принялся за внутреннее преобразованіе своего сначала очень ограниченнаго государства, уничтожилъ вліянія іезуитовъ и духовенства на народное образованіе и отобралъ у нихъ недвижимыя имѣнія. Кавуръ, въ должности министра президента, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ратацци, начали очень дѣятельно подготовлять объ-

Викторъ Эммануилъ, король Италіи. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

единеніе Италіи. Французы отнеслись весьма сочувственно къ національному движенію итальянцевъ. Кавуръ съумѣлъ расположить къ себѣ и самого гонителя французской свободы, Наполеона III, принявъ участіе въ Крымской войнѣ въ качествѣ союзника Франціи и Англіи, такъ что на парижскомъ конгрессѣ Викторъ Эммануилъ уже настоятельно требовалъ реформъ въ итальянскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи, и въ Папской области. Его требованія были поддержаны не только Англіей, но и Россіей и вызвали войну Франціи и Пьемонта противъ Австріи. Когда 11 апрѣля 1859 г. австрійскія войска вступили въ Пьемонтъ, всѣ итальянцы съ необычайнымъ энтузіазмомъ откликнулись на призывъ короля.

Народный герой, Гарибальди, присоединившій свои усилія къ дѣлу объединенія Италіи, получилъ отъ Виктора-Эммануила войска на помощь своей экспедиціи въ королевство Обѣихъ Сицилій. Сраженіе при Кастельфидардо, какъ извѣстно, объединило всѣ итальянскія области, за исключеніемъ Папской и Венеціи, подъ скипетромъ Виктора-Эммануила, провозглашеннаго 23-го апрѣля 1861 г. королемъ Италіи. Въ 1862 г. Гарибальди предпринялъ новую экспедицію противъ Рима, но въ это время Викторъ-Эммануилъ не присталъ къ народному движенію и даже двинулъ войска противъ Гарибальди. Въ сраженіи при Аспромонте, 16-го августа, Гарибальди былъ разбитъ войсками Виктора-Эммануила и взятъ въ плѣнъ. Какъ извѣстно, вслѣдствіе амнистіи, Гарибальди потомъ удалился на островъ Капреру. За симъ король дѣйствуя дипломатическимъ путемъ склонилъ Наполеона вывести французскія войска изъ Папской области. Во время войны Пруссіи съ Австріей Викторъ-Эммануилъ получилъ Венецію изъ рукъ Наполеона, однако все еще недоставало Рима и Неаполя.. Гарибальди снова попытался возвратить Римъ, но потерпѣлъ опять пораженіе отъ папскихъ зуавовъ и французскихъ войскъ. Наконецъ уже въ 1870 г., въ франко-прусскую войну, удалось Виктору-Эммануилу докончить объединеніе Италіи и сдѣлать Римъ своей столицею.

Все время Викторъ-Эммануилъ хранилъ дружественныя отношенія къ Гарибальди, который принялъ избраніе въ Римскую Палату Депутатовъ и признавалъ Виктора-Эммануила королемъ. Съ 1871 года дѣятельность Виктора-Эммануила была болѣе покойная и проявлялась въ примиреніи и соглашеніи парламентскихъ партій.

Викторъ-Эммануилъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, сильнаго сложенія; надобно сказать, что онъ былъ страстный наѣздникъ и превосходнѣйшій стрѣлокъ, черты лица имѣлъ правильныя, но чрезвычайно оригинальныя: энергическій взглядъ, огромные, торчащіе двумя остріями усы, длинная узкая борода придавали его наружности воинственный видъ.

Нужно замѣтить, что Викторъ-Эммануилъ былъ отлученъ папою отъ церкви и только за нѣсколько часовъ до смерти былъ снова возвращенъ въ ея лоно: „Узникъ Ватикана", тронутый положеніемъ умирающаго, а можетъ быть и чувствуя раскаяніе, снялъ съ него отлученіе. Король, причастившись, умеръ въ присутствіи старшаго сына своего и наслѣдника, нынѣ короля Гумберта I, и другого сына, графа Мирафіори, рожденнаго отъ вышеупомянутаго морганатическаго брака.

Замѣчательно, что законная, хотя и не равная, или морганатическая супруга Виктора-Эммануила, которой самъ папа давалъ имя королевы, находится также при смерти. Ей даже не смѣли сказать о болѣзни короля, ея супруга, и она одна, во всей Италіи, не знаетъ о своемъ несчастіи.

Ор.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка)

(Продолженіе).

— Выкупать надо, сказалъ подъ вечеръ старикъ, когда попъ нѣсколько пришелъ въ себя. При его словахъ онъ встрепенулся.

— Выкупать?

— Только денегъ надо много...

— Нѣшто можно выкупать,—отдаютъ?..

— За деньги, да не отдать—отца родного отдадутъ.

— А много надо?

— Кто ихъ знаетъ...

— Деньги есть у меня, задумчиво сказалъ попъ, есть... но отдадутъ-ли...

— Коли имъ рублевъ пять посулить, такъ они можетъ на придачу и сваво Дмитрія Ивановича дадутъ.

— Такъ ѣхать? спросилъ черезъ нѣсколько времени попъ.

— Ѣхать,—подтвердилъ старикъ. Вотъ завтра утречкомъ, по холодку.

— Сегодня можно...

— Да куда-тѣ на ночь глядя?

— Сегодня... Только куда?.. гдѣ они... Станъ-отъ?..

— Доберешься.—языкъ до Кіева доведетъ, а до кабака и подавно.

— Щемитъ подъ сердцемъ: чувствую, что все напрасно будетъ... Да и дочурки... нѣшто онѣ тѣ будутъ послѣ рукъ то воровскихъ? Небось своего не упустятъ... А кто потомъ замужъ возьметъ.

— Ишь о чемъ загадываетъ! А ты не грустуй! Развѣ это по ихъ нинѣ дѣлается—это силкомъ. Такъ-то! Извѣстное дѣло, на нихъ не узоры расписаны, чтобы любоваться на нихъ да пальцемъ не трогать—молъ позолота сойдетъ. Дѣвка—дѣвка и есть.

— А Алешка-то теперь какъ-же?

— Ну Алешка... Алешка что-жь,- перстъ тутъ Божій!

— Небось первый лыжи навостритъ.

— Коли больно ужь ему она люба—не навостритъ, я его знаю, онъ парень добрый, покладный...

— Легковѣренъ онъ, вотъ что... Такъ ѣхать? Я запрягать пойду.

Алфей пошелъ къ своимъ сараямъ. А старикъ сталъ исправно каравай доѣдать, обмахиваясь отъ мухъ, и изрѣдка бормоча: „а чтобъ васъ!"...

И запряжка какъ-то не ладилась у Алфея—хоть и была самая первобытная: все разлѣзалось во всѣ стороны. Наконецъ дьячиха выручила—запрячь взялась. Попъ на дорогу вышелъ и опять задумался.

— Слушай, сказалъ онъ черезъ рѣшетку старику въ садъ. Я поѣду, а ты останься здѣсь до пріѣзда моего. Можетъ дня три, можетъ и недѣля пройдетъ. Вѣдь тебѣ некуда торопиться...

— Мнѣ что-жь, я пожалуй... ладно, прошамкалъ онъ, видимо довольный предложеніемъ.

— Коли что сварить, дьячиха сваритъ: кашу нужно, али что... Толокна у насъ много.

— Да ладно, мнѣ что...

— Смотри-ка, ѣдетъ кто-то, сказалъ Алфей, оживленно глядя на дорогу. Какіе-то два бородача тряслись въ телѣгѣ; попъ съ досадой отвернулся.

— Алфей, слышь, раздался голосъ изъ телѣги, когда она поравнялась съ нимъ. Чего носомъ клюешь, дѣло скажу.

Попъ глянулъ. Толстоносое, красное, знакомое лицо попа Николы смотрѣло на него сверху.

— Я по дѣлу одному въ Знаменское ѣду, да для тебя крюкъ сдѣлалъ нарочно, чтобы сказать... Да ты посмотри на меня—видишь...

Онъ показалъ на голову.—Шапка-то нашлась: знаешь гдѣ - въ моей телѣгѣ: а мы то вчера шарили. Сегодня утромъ жена пошла на дворъ—вотъ, говоритъ, шапка, да такъ и покатилась... „Эхъ, говоритъ, попы! шапку въ телѣгу обронили, а на дорогѣ ищутъ"...

Попъ Никола засмѣялся. Засмѣялся и мужикъ, что съ нимъ сидѣлъ рядомъ.

— Трогай, сказалъ Никола... Ишь онъ насупился: со вчерашняго очнуться не можетъ.

Мужичекъ хлестнулъ кнутомъ. Дряблая, вислюгавая лошаденка тронулась съ мѣста, и телѣга покатилась дальше. Никола еще разъ оглянулся: Алфей сидѣлъ согнувшись подъ заборомъ, на бревнѣ. Да, онъ не могъ очнуться...

VIII.

Изъ ставки Марины Юрьевны тушинскій царь вышелъ не въ особенно-пріятномъ настроеніи, и всю дорогу вплоть до своего табора былъ задумчивъ, нахмуренъ. Правда, іезуитъ увѣрялъ его: не безпокойтесь, все уладится, обойдется, тоже ему говорилъ и вельможный

Мнишекъ,—но все таки онъ чувствовалъ, что авторитетъ его въ этотъ день сильно пошатнулся.

Отъ лагеря Сапѣги до Тушина было не далеко: всего версты двѣ, дорога уѣзжанная, гладкая, не такая какъ во всей остальной Россіи, гдѣ коровы и лошади буквально тонули въ грязи осенью и весною. Да что и говорить про Русь, когда за границей только за девять лѣтъ передъ этимъ было устроено первое шоссе во Франціи! Но на тушинскую дорогу было любо дорого посмотрѣть,—такъ ее укатали безпрерывно тянувшіеся туда и сюда обозы. Ѣзды здѣсь очень много было. Чтобы прокормить голодную ораву воровъ надо было не мало запасовъ: бараны, быки, гуси, подводы со всякимъ хлѣбомъ, бахарами, калачами, возы съ сѣномъ, овсомъ, все это цугомъ входило въ лагерь и поглощалось гигантскою бочкой данаидъ безъ слѣда и остатка. Ротмистры шныряли по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, забирая съѣстное, приказывая варить пиво, курить вино и конвоировали запасы боченковъ. Мимо двигались „полоны“ дѣвокъ и бабъ, захваченныхъ ради „утѣхи“ и выкупа. Всѣ эти обозы, подводы, стада, пугливо жались къ бокамъ дороги, давая мѣсто блестящей свитѣ царя, сурово кивавшаго направо и налѣво въ отвѣтъ на летѣвшія съ головъ шапки, и даже земные поклоны.

Подъѣзжая къ Тушину, Дмитрій Ивановичъ пріободрился, подтянулся, что-то въ родѣ улыбки появилось на его лицѣ. Даже вздумалъ онъ пошутить съ однимъ паномъ, ѣхавшимъ возлѣ него, но тотъ либо шутки не понялъ, либо понять не хотѣлъ, только покачнулся на сѣдлѣ, да сѣдломъ новымъ скрипнулъ. Дескать, ужъ если тебя царица не признаётъ, такъ ужъ намъ-то чего...

Въѣхали въ главную улицу: здѣсь еще чаще стали шапки съ головъ летать, да въ ноги бухаться, и милостивѣе царь закивалъ. Тушино принаряживалось, обстраивалось на зиму, совсѣмъ обращалось въ городъ. Рыли землянки, ставили коновязи, находились такіе затѣйники, что перетаскивали изъ сосѣднихъ деревень цѣлыя избы для своей особы. Новый дворецъ для царя, со всѣми хитро-затѣйными русскими орнаментами, воздвигался на площади. Работа такъ и кипѣла: набѣжавшіе изъ Москвы плотники, маляры, столяры торопились окончить внутреннюю отдѣлку покоевъ къ пріѣзду царицы, отворяли всѣ окна настежъ, чтобы скорѣе „духъ“ вышелъ отъ только что разрисованныхъ удивительными узорами печей. Въ Тушинѣ должно быть ужъ знали, что царь вернется одинъ, и никакихъ встрѣчъ подготовлено не было,—все смотрѣло по домашнему, по будничному. Таскали бревна, доски, всюду стружки валялись, въ воздухѣ пахло свѣжимъ, сроевымъ, смолистымъ лѣсомъ. На базарѣ давка и толкотня была необыкновенная.

На одномъ поворотѣ царь вдругъ остановилъ лошадь, такъ что свита чуть на него ненаѣхала. Онъ нахмуренно и недовольно смотрѣлъ на открывшуюся его глазамъ сцену. Все пространство было занято громадными сворами собакъ и псарями въ цвѣтныхъ кафтанахъ съ чепраками изъ волчьихъ шкуръ. По срединѣ улицѣ на степномъ аргамакѣ вертѣлся рослый красивый полякъ, громко ругаясь то по русски, то по польски, уснащая свою ругань ударами арапника, которые звонко шлепались о вытертую спину кафтана маленькаго человѣчка, сидѣвшаго изогнувшись въ убогой телѣжонкѣ.

Этотъ человѣчекъ не кричалъ, даже боли не выражалось на его лицѣ, онъ только ротъ раскрылъ да вздрагивалъ при каждомъ ударѣ. Увидѣвъ царя, полякъ остановился, слегка кивнулъ ему головой и на вопросительный его взглядъ отвѣтилъ: „на свору, собачій сынъ, наѣхалъ, лапу кобелю отдавилъ“—и онъ показалъ на кобеля, съ визгомъ поджимавшаго подъ себя ногу. „Точно не видитъ, куда претъ“,—прибавилъ онъ, погрозивъ еще разъ нагайкой битому имъ маленькому человѣчку. Псари вытянулись въ линію и вмѣстѣ съ паномъ проѣхали мимо свиты. Царь слегка пожалъ плечами, тронулъ лошадь и обогналъ побитаго, даже шапки не снявшаго передъ нимъ, пока одинъ изъ свитскихъ не сдернулъ ее съ него не совсѣмъ вѣжливымъ движеніемъ.

Свита скрылась вдали: царь жилъ пока не въ новомъ дворцѣ, а на концѣ села, въ большой довольно чистой хатѣ. Телѣга и ея битый хозяинъ еще оставались по срединѣ дороги. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ на тощіе бока своей лошади, распустивъ вожжи, все ещё держа въ рукахъ сбитую шапку. Вокругъ шли люди, не обращая на него вниманія. Большой возъ зацѣпилъ за его телѣжку, встряхнулъ ее, раздалось ругательство сверху, и возъ проѣхалъ, а онъ все думалъ о чемъ-то. Вдругъ по его плечу раздался ударъ и чей-то голосъ сказалъ:

— Отецъ Алфей?!

Попъ оглянулся. Устильянъ! съ полуулыбкой заговорилъ онъ. Ишь ты гдѣ... старикъ-то правду сказалъ...

— Ты какъ попалъ сюда?

— На угадъ ѣду... Тушино это?

— Тушино.

— Дочурокъ у меня покрали... Може и здѣсь гдѣ... выкупить бы...

— Ни-у! Неужто Натаху съ Катькой?

Попъ трясъ головой ничего не отвѣчая.

— Вотъ грѣхи,—удивлялся дьячекъ.—Ишь ты, какъ у тебя образъ-то измѣнился,—глаза ровно изъ ямы смотрятъ, да и самъ-то осунувшись...

— Не ѣлъ три дни,—вяло и равнодушно сказалъ Алфей.

— Такъ ѣдемъ ко мнѣ,—у меня всего много, потому и товариство тутъ и все. Можетъ вздохнуть хочешь...

— Меня на ѣду не тянетъ, сказалъ Алфей, передавая Устильяну вожжи и подвигаясь къ боку.—Вымочило меня третьяго дня зѣло подъ дождемъ, а потомъ ночью морозить стало, такъ мнѣ ровно недужится.

— Я тѣ такого вина дамъ, что всякій недугъ какъ рукой сниметъ. Увидишь! А дѣвочки твои, коли тутъ—найдемъ, только выкупъ надо!

— Выкупъ есть,—слабѣющимъ голосомъ проговорилъ попъ, и покачнувшись, чуть не вывалился на землю.

По подобіямъ какихъ-то ступеней они спустились внизъ и очутились въ маленькомъ продолговатомъ помѣщеніи, гдѣ хрюкалъ поросенокъ, ходила курица, отдавалось запахомъ гнили, сырости и т. п. Здѣсь стояло что-то напоминающее столъ, а возлѣ — нѣчто вродѣ кровати, съ грязнымъ войлокомъ на ней.—Ишь, какъ я устроился важно, сказалъ Устильянъ, показывая вокругъ: все некупленное, дареное. Я здѣсь сразу на хорошій счетъ попалъ. Ну ты сиди здѣсь, а я лошадь справлю, да съѣстного принесу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ и лошадь справилъ и съѣстного принесъ. Обрубокъ притащилъ откуда-то и сѣлъ противъ Алфея за столомъ.

— Ты, можетъ, попъ, дивишься, сказалъ онъ, что я убѣгъ изъ нашего Юрина: силъ не стало въ скукѣ жить, погулять захотѣлось. Нравъ у меня легкій, праздничный, никакого пристрастія къ духовному званью я не чувствую, да и дьячиха моя больно па слова люта. Что свѣтъ-заря встанетъ—только ругань; ребятъ у насъ нѣтъ,—къ дому и не тянетъ. Тутъ я на полной волюшкѣ обитаю: самъ себѣ хозяинъ, никому не кланяюсь, а пьянъ хоть каждый день. Ты знаешь, я на пѣсни мастакъ, плясать гораздъ—ну по нраву здѣшнимъ и пришелся. Оно точно, къ моему оно званью можетъ и нейдетъ, да вѣдь и то сказать, нѣшто мой санъ высокій: добро бы іерей былъ, или діаконъ, а то что? все одно

Царица Тамара. Картина М. Дюбюфе. Грав. Паннемакеръ сынъ.

можно сказать, что ничто. Вчера я такую выпляску задалъ, что поляки, и тѣ ахнули: такого, говоритъ, перебора ногами и не видывали... Да ты ѣшь, отецъ...

— Нѣтъ, я не хочу, — держась за голову промолвилъ Алфей.—вотъ я выпью...

— А что на счетъ царя здѣшняго, Митрія Ивановича, такъ я въ большую догадку пришелъ. Ты дьячка Ивашку помнишь, что въ Преображенскомъ былъ? Ну вотъ двѣ капли—ей Богу! И голосъ тотъ и служенье дьячковское знаетъ. Намедни встрѣтился я съ нимъ, кланяюсь: смотрю на него, и онъ смотритъ, ровно бы не узнаетъ, аль въ первый разъ видитъ. Хотѣлъ толкнуться къ нему, не пожалуетъ ли, молъ, меня по старой памяти въ патріархи. Да думаю, лѣшій его дери-то совсѣмъ, пожалуй вмѣсто патріаршаго престола на висилицу угодишь. А ты слышь, что у нихъ недавно съ паномъ Рожинскимъ вышло... Да что съ тобой: али взаправду разнедужился...

— Разнедужился,—повторилъ попъ, поводя воспаленными глазами, слыша звуки дьячковскаго голоса, понимая отдѣльно каждое слово и усиливаясь понять, о чемъ онъ говоритъ. Все кружилось вокругъ него. Въ полутемной землянкѣ вертѣлись, прыгали стоящія вещи. Ведро то подымалось кверху, то опускалось. У дьячка носъ то пропадалъ, то дѣлался ясно виднымъ. Въ спинѣ чувствовалась боль, больно было шевельнуть плечами. Голова горѣла, вкуса не было во рту, по всему тѣлу разливался жаръ, руки не двигались, глазамъ было тяжело и больно смотрѣть. Онъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ, и что онъ?

— Ты ложись, Алфей, говорилъ хозяинъ. Усни, можетъ, легче будетъ. Проснешься завтра—все пройдетъ.

Попъ прилегъ на грязный войлокъ и закрылъ глаза. Виски бились, онъ чувствовалъ полный упадокъ силъ, онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ, а по тѣлу пробѣгала дрожь.

Потомъ онъ заговорилъ,—но это что-то было несвязное, непонятное. Тутъ былъ и попъ Никола, и пчелки, и каравай, и Тушино... Дьячекъ постоялъ, постоялъ, почесалъ въ затылкѣ и проговорилъ.—Жаль что не въ Юринѣ: тамъ старуха Ивановна эти дѣла лечитъ, всякую травку, вѣдьма, знаетъ. А здѣсь и подобія сего не найдешь.

У попа Алфея горячка была.

IX.

Тяжелой, смутной чередою летѣли дни за днями для попа Алфея. Онъ весь былъ погруженъ въ свой тѣсный міръ видѣній, кошмаромъ давившихъ его, и оставался чуждъ всему остальному. Онъ не слыхалъ, не чувствовалъ, какъ возился вокругъ него Устильянъ съ какимъ-то знахаремъ, Богъ вѣсть откуда выисканнымъ, не слышалъ ни его нашептываній, ни того, что отъ него ужасно несло чеснокомъ. Онъ машинально проглатывалъ вливаемое ему въ ротъ каплей по каплѣ вино, ничего не видя, не сознавая. Усиленныя ли заботы дьячка, сильная ли натура помогли ему,—но только въ живыхъ попъ остался.

Первый предметъ, на который упалъ его первый сознательный взглядъ, было что-то маленькое, живое, копошившееся въ одномъ изъ угловъ землянки. Въ полутьмѣ трудно было ему разобрать, въ чемъ тутъ дѣло, особенно когда на полу стали кататься какіе-то шарики, и что-то непонятное, большое, стало смотрѣть на него, недвижно стоя въ ногахъ его кровати. Онъ долго смотрѣлъ на эту мертвенную фигуру, и все спрашивалъ себя, что это: продолжается сонъ, или нѣтъ. Онъ видѣлъ, что изъ угла тянется что-то длинное, безобразное, надвигается на него, закрывалъ глаза, но и закрывши все продолжалъ видѣть. Потомъ опять онъ очнулся. Темно было вокругъ, кто-то храпѣлъ подлѣ него, громко, съ присвистомъ, снаружи слышался непрерывный шумъ, точно дождь съ силою лился наземлю. „Ночь, должно быть“, сообразилъ онъ,—и опять путаться стали мысли, узоры забѣгали передъ глазами. Наконецъ въ третій разъ онъ очнулся. Опять свѣтло, на сколько могло быть свѣтло въ этой преисподней. Опять шевелится что-то въ углу, опять маленькіе шарики катаются. Вотъ изъ тьмы въ свѣтлую полосу двигается что-то: обрисовался силуэтъ курицы, кургузой, трепаной. „Ноги какія у нея безобразныя“, подумалъ Алфей, глядя на ея растопыренные пальцы и вдругъ вспомнилъ: „эге, да это Устильянъ—онъ до куръ великій охотникъ, въ Юринѣ ихъ цѣлое стадо держалъ, вотъ и здѣсь завелъ“. А шарики тоже къ свѣту подвинулись: это цыплята, маленькіе, пушистые. Курица порывисто двигалась, цыплята ковыляли за ней. Долго смотрѣлъ на нихъ Алфей, такъ что голова закружилась и глазамъ стало больно. Перевелъ онъ ихъ на ту фигуру, что смущала его, въ ногахъ стоя,—видитъ онъ теперь ясно, что это кафтанъ виситъ старый, который когда-то дьячекъ къ Рождеству себѣ дѣлалъ; и рукава растопырены, и колпакъ старый на колышкѣ торчитъ, только рожи не хватаетъ, что ему прежде воображеніе придѣлывало.

Курица ходитъ, свѣтъ слабый льется, снаружи голоса доносятся, то громче, то слабѣе; лежитъ попъ и думаетъ: „Ясный день такой былъ, теплый, лѣтній, жуки летали, медомъ въ воздухѣ пахло, и до этого все такіе же дни были: какіе-то теперь? Такіе же теплые, или нѣтъ?“ И некому отвѣта дать—слышно, что ходятъ около, да вѣдь не зайдетъ никто. Какое кому дѣло, что тутъ въ землянкѣ лежитъ больной попъ-сорока.

— Ну, попъ, дѣвочки твои тутъ, говорилъ въ тотъ же день Устильянъ, присѣвъ къ нему на войлокъ.— Узналъ я доподлинно, гдѣ и у кого онѣ. И еще я тѣ скажу одно дѣло, дѣло важное: ихъ мы можетъ и безъ выкупа добудемъ. Прежде времени я не скажу какъ и что, а какъ узнаю навѣрное, тогда. Ты поправляйся только. Мы ихъ добудемъ.

— Не ждалъ я, дьячекъ, отъ тебя такого добра и ласки, сказалъ попъ. На всю жизнь одолженъ тобою.

Устильянъ улыбнулся, и широко поползла по его рябоватому, простодушному лицу улыбка. Я, что-жь —всегда отъ тебя добро видѣлъ, сказалъ онъ. Оно точно, что доставалось иногда, да вѣдь за дѣло. Нѣшто я этого не понимаю.

Попъ смотрѣлъ на него и думалъ. А вѣдь онъ славный; кто бы ожидалъ, чтобы дьячекъ Устильянъ такимъ былъ. Вотъ поди-жь ты, узнай человѣка! Они оба молчали и улыбались.

— Курица у тебя? спросилъ Алфей.

— Курица, отвѣтилъ Устильянъ. Завелъ хохлушку, не выдержалъ, любовь обуяла. Какъ-то тамъ дьячиха за моими ходитъ. Пожалуй у ней косоглазой куры-то всѣ яйцы растеряютъ.

— А что баня есть тутъ? спросилъ Алфей.

— Найдется; а тебѣ выпариться охота. Это дѣло. Здѣсь бань много: любители все. Самъ Митрій Иванычъ почитай изъ бани не вылѣзаетъ.

— А что царь-то, каково?

Дьячекъ потеръ себѣ колѣна съ какимъ-то недоумѣніемъ. Ужь не знаю, что и сказать, проговорилъ онъ. Намедни Рожинскій ему какую-то пакость учинилъ. Царь кричитъ: негоже, пане, я разсержусь. А Рожинскій кричитъ: молчи, а то тѣ голову сверну. Такъ нѣшто это царь—такъ царекъ паршивый, съ царемъ-то природнымъ такъ не обращаются. Да вотъ посмотришь, увидишь, самъ скажешь.—я тебѣ его безпремѣнно покажу.

X.

Вылѣзъ первый разъ Алфей на свѣтъ божій, вылѣзъ

и ахнулъ. Думалъ что на деревьяхъ еще листья держатся, а они совсѣмъ голымъ стояли, и мокрый снѣгъ равномѣрной массой валился нѣсколько на-косъ, устилая своимъ покровомъ землянки, пасыки, избы. Въ воздухѣ холодно было, зимой попахивало. — „Эхъ долго я провалялся,“ подумалъ попъ, и пошелъ съ дьячкомъ лошадь свою посмотрѣть. Выровнялась она, бока вздулись отъ ѣды, и уцѣлѣла она словно чудомъ какимъ-то отъ воровскихъ рукъ: должно самъ дьячекъ сберегъ ее хорошо. Потрепалъ ее попъ по шеѣ, она ему плечо понюхала.

— Совсѣмъ, попъ, послѣдній конецъ начинается, сокрушительно замѣтилъ дьячекъ, когда они покинули коновязь. Здѣшніи-то подъ Сергіевскую лавру пошли, грабить хотятъ.

— На святыню? съ изумленіемъ спросилъ Алфей, и даже пріостановился.

— Да имъ что: они ни въ Бога, ни въ черта. Говорятъ иноки засѣли плотно. А знаешь кто въ станѣ у насъ теперь?.. Патріархъ.

— Гермогенъ? еще болѣе удивился Алфей.

— Нѣтъ новый. Гермогенъ по прежнему у Шуйскаго на Москвѣ, а здѣсь Филаретъ, что въ Ростовѣ митрополитомъ былъ.

— Зачѣмъ-же онъ сюда-то?

— Да Ростовъ-то фью!—дьячекъ свиснулъ... Взяли. Може отъ него теперь только колышки горѣлые остались. Филарета сперва сюда увѣщаніемъ звали. Увѣщанія сего онъ не принялъ. Его—силкомъ. Соборъ ограбили; его въ сермягу, въ татарской шапкѣ, и на возу съ бабой, посрамленія ради и повезли. А здѣсь ему почетъ: въ патріархи произведенъ. И знаешь, отецъ Алфей, къ чему я своимъ разсудкомъ склонился: надо тебѣ почиститься, выбрать денекъ, да владыкѣ въ ноги. Ты пастырь, тебя допустятъ. Изложи ему все какъ по писанному, и защиты проси, чтобы молъ черезъ царя приказъ вышелъ—возвратить дочерей тебѣ вспять, безо всякой мзды... Ты какъ на счетъ этого?

— Такъ-то такъ, да боязно...

— Чего боязно—не съѣдятъ.

— Знаю, что не съѣдятъ. Только когда-же?..

— Что бы послѣ службы не уставши былъ самъ-то. Лучше въ будній день—скорѣй допустятъ. По праздникамъ-то онъ у царя бываетъ. Да вотъ я узнаю тамъ... Надо полагать это самое вѣрное дѣло будетъ.

— Дай-то Богъ—проговорилъ попъ Алфей, набожно перекрестившись.

— Экъ размокропогодило-то, — замѣтилъ Устильянъ, вытаскивая грязную ногу изъ жидкой кучи чего-то. Къ забору лѣпись, отецъ, какъ бы не наѣхали, ишь конники хлибаютъ; они не больно-то людей разбираютъ.

Они прижались къ плетню, что обрамлялъ дорогу и дали мѣсто ѣхавшимъ мимо всадникамъ. „Кланяйся!“ шепнулъ дьячекъ: „онъ ѣдетъ.“

Група всадниковъ подвигалась мелкой рысцой; впередъ, неловко сидя на сѣдлѣ съ чепракомъ изъ тигровой кожи, перекидываясь фразами съ сосѣдомъ, отставшимъ отъ него на голову лошади, ѣхалъ тощій человѣкъ съ жиденькой бородкой. На поклонъ ихъ кивнулъ машинально головой, остановивъ на минуту равнодушный взглядъ на Алфеѣ.

— Узнаешь? спросилъ дьячекъ, когда тотъ проѣхалъ.

— Похожъ-то похожъ, возразилъ Алфей, да онъ-ли?

— Весь обиходъ дьячковскій знаетъ и уставъ церковный, значительно проговорилъ Устиньянъ, кому же и быть, какъ не ему.

— Только смѣлость какая...

— Смѣлости много... Помнишь, какъ онъ верхотурьевскаго попа обошелъ?

— Плутъ былъ...

— Ну, вотъ онъ и царитъ здѣсь.

— Сумнительно все какъ-то, сказалъ Алфей.

Патріархъ Филаретъ принималъ челобитчиковъ только по праздникамъ послѣ обѣдни. Жилъ онъ въ одной изъ пристроекъ главнаго дворцоваго строенія на площади въ небольшомъ новомъ срубѣ, довольно скромномъ и внутри и снаружи. Отецъ Алфей, подходя съ дьячкомъ къ крыльцу, чувствовалъ невольный трепетъ и отъ страха встрѣчи съ патріархомъ, и отъ страха результата просьбы. Дьячекъ велъ себя смѣлѣе: ужь онъ успѣлъ себѣ добиться какого-то мѣста среди челядинцевъ патріарха. Онъ все ободрялъ: „полно,—смѣлость города беретъ,—патріархъ у насъ добрый“...

Когда они вошли въ сѣни, и стало вытирать о половикъ ноги, на нихъ слегка пахнула запахомъ ладона. Служка подскочилъ къ нимъ и грубо спросилъ — что надо?

— Мнѣ-бы владыку самого, проговорилъ Алфей, стараясь придать внушительность своей сорочьей фигуркѣ.— У меня дѣло есть—я священникъ.

— Намъ не приказано васъ принимать,—оборвалъ его служка, взглядываясь въ истасканный костюмъ.— Нашли время—владыка обѣдаетъ теперь.

И служка повернулся было спиной къ просителю, да вдругъ ощутилъ въ рукѣ серебрянную монету, и изумленно посмотрѣлъ на попа. Потомъ косо усмѣхнулся, покрутилъ головой, и сказалъ: „я доложу—пожди здѣсь“. Дверь скрипнула, обнаружила на мгновеніе бѣлый полъ, ковры висѣвшіе по стѣнамъ, и опять затворилась.

— Ну давай тебѣ Богъ, сказалъ Устильянъ, я пойду мнѣ нужда есть... Ты только говори складнѣй: —первое дѣло... и все устроится какъ слѣдуетъ быть. Вонъ, вишь, зовутъ тебя.

Служка высунулся изъ за двери, вызвалъ его въ сосѣднюю комнату и велѣлъ дожидаться тутъ. Алфей, ногъ подъ собой нечувствуя, вступилъ въ свѣтлую горницу, гдѣ все блестѣло новымъ деревомъ и полы и потолки и стѣны, украшенныя вычурной рѣзьбой. Въ углу образа висѣли въ другихъ окладахъ, передъ ними массивная лампадка теплилась. Здѣсь еще сильнѣе пахло ладономъ, и было очень натоплено. Отъ печи, что стояло сбоку, такъ и пышало. Печь была большая, и сильно напоминала собою крѣпостную башню, даже зубцы узорные наверху были. Росписана она была очень хитро разноцвѣтными кружками и ромбами, изъ которыхъ каждый сидѣлъ въ большомъ квадратѣ; а въ каждомъ кружкѣ и ромбѣ былъ намалеванъ цвѣточекъ, красный съ желтой середкой и синими листьями.—„Экое дѣло важнецкое“, думалъ попъ, переводя взглядъ съ печи на ковры, что по стѣнамъ висѣли, съ ковромъ на бѣлый полъ безъ соринки.—Ноги я плохо вытеръ, вотъ грѣхато,—разсуждалъ онъ, и все силился въ головѣ ту рѣчь сложить складнѣе, что передъ владыкой онъ говорить будетъ. Но въ головѣ у него все ходуномъ ходило.— „И вдругъ владыка спроситъ, какое сегодня евангеліе читать подобаетъ“,—приходило ему на умъ, А я и у обѣдни сегодня не былъ. Вотъ она—суета житейская что дѣлаетъ,—какъ человѣка отъ Бога отдаляетъ“...

Прождать ему приходилось порядкомъ: патріархъ кушалъ долго. Когда позвали его наконецъ, и онъ вошелъ въ заповѣдный покой, владыко все еще чмокалъ, и пожевывалъ губами. При входѣ его, онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, какимъ всегда смотрятъ плотно покушавшіе, довольные собою люди. Попъ принялъ благословеніе, земной поклонъ положилъ, руку облобызалъ, и тогда только взглянуть на него осмѣлился.

Передъ нимъ былъ красавецъ-мущина, далеко еще не старый, съ здоровымъ красноватымъ лицомъ чисто русскаго типа, въ черной, щегольской, бархатной рясѣ, поверхъ которой ярко горѣлъ и сверкалъ драгоцѣнный крестъ. Еще прежде въ мірѣ, живши на Москвѣ, Филаретъ,—тогда еще не Филаретъ, а Ѳедоръ Никитичъ,

слылъ за перваго красавца и щеголя, первымъ женихомъ считался въ столицѣ. Человѣкъ онъ былъ умный, образованный, даже съ латынью знакомый, отличался ловкостью, первый ѣздокъ былъ на цѣлыя сотни верстъ и снискалъ себѣ популярность идеальнаго образца московскаго боярина. Даже портные, примѣряя новое платье своимъ заказчикамъ, и поворачивая ихъ на всѣ стороны, говорили: „вотъ сидитъ платье на тебѣ, такъ ужь сидитъ: ни дать ни взять ты теперь Ѳедоръ Никитычъ"! И вдругъ этого завиднаго жениха, насильно женили при царѣ Ѳедорѣ на бѣдной дѣвушкѣ-сироткѣ, къ счастію оказавшейся прекраснѣйшею женой и хозяйкой. Потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя ихъ насильно постригли въ иночество и разослали по разнымъ монастырямъ. Но и разлученный съ семьею, и какъ въ тюрьмѣ, и подъ надзоромъ, Ѳедоръ Никитичъ вѣрилъ въ свою судьбу: онъ зналъ, что рано-ли поздно-ли, а вывезетъ его славный родъ. И точно—родъ его вывезъ. Борисъ, гонитель его, умеръ, а онъ сталъ митрополитомъ ростовскимъ, и вотъ теперь, въ полчищѣ Димитрія—патріархомъ всея Руси.

Онъ молча смотрѣлъ на кланяющагося попа.

— Къ тебѣ, святый владыко, прибѣгаю и помощи прошу,— пролепеталъ Алфей.

— Ты что-же?

Алфей, путаясь въ словахъ, изложилъ свою просьбу.

— Дочерей у тебя украли и въ стану держатъ?..

— Такъ, такъ, отче... Заставь вѣчно Богу молить: заступись.

— Да чтожь я тутъ могу? Владыко развелъ руками и вопросительно посмотрѣлъ на него.—Чего ты ко мнѣ, человѣче, лѣзешь: вѣдь это дѣла церкви не касается, дѣло мірское. Ты кто будешь?

— Я священникъ изъ Юрина.

— Священникъ,—съ удивленіемъ повторилъ владыко. Что ты ровно непохожъ на попа-то?

— Священникъ,—кого хошь спроси, всякій скажетъ... Помоги отче...

— Таскаютъ, таскаютъ, многихъ,—проговорилъ Филаретъ.—Только я опять тутъ не причемъ, да и тебѣ, попъ, найти ихъ затруднительно: вѣдь ихъ здѣсь можетъ тысячи. Всякой дряни сюда нагнали; наши-то неволей, а изъ Польши волей дѣвки всякія наѣхали и безчинство творятъ. Сильно я противъ этого негодую,—прибавилъ онъ, обращаясь къ кому-то въ уголъ. Алфей посмотрѣлъ туда, и тутъ только замѣтилъ сухого тощаго монаха, всего заросшаго черными волосами, такъ что только глаза сверкали, да носъ выходя далеко впередъ бѣлѣлъ.—Сильно негодую я, а ничего не могу предпринять...

Его губы слегка дрогнули улыбкой, презрительной, желчной.

— И по сему, отецъ-какъ тебя по имени звать не знаю, я тутъ сдѣлать ничего не могу. Коли хочешь—челобитную царю подавай, тогда и я словцо закину. Выйдетъ-ли изъ этого какой путь—не знаю. А лучше всего, коли деньги есть—выкупи. Потому здѣшнее воинство на деньгу падко, ибо отъ царя Димитрія Ивановича жалованья имъ не полагается. На счетъ денегъ, коли не хватитъ, заходи ко мнѣ, можетъ и дамъ,—это могу. А что сожалѣю я тебя, такъ ты тому повѣрь: я самъ въ такомъ-же положеніи былъ—съ дѣтками въ разлукѣ...

— Сійскій монастырь, владыко, припоминаешь, сухимъ отчетливымъ голосомъ сказалъ тощій монахъ.

— Помнишь? какъ-то знаменательно спросилъ Филаретъ. Сколько я въ немъ крови попортилъ, сидя въ заключеніи, да о дѣткахъ вспоминая. Сидишь-сидишь, какъ о нихъ вспомнишь—ровно тебя рогатиной въ грудь кольнетъ: гдѣ моя жена—можетъ не-вѣсть гдѣ, плачетъ разливается, и слуха до нея никакого не доходитъ...

— Однако доходили, замѣтилъ монахъ.

— Раздумаешься о нихъ, продолжалъ Филаретъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе собесѣдника,—и до того додумаешься, что съ молитвой къ Богу обратишься: Господи—прибери ты ихъ загодя,—стану одинъ, своей душой промышлять, а то только обуза лишняя.

Филаретъ набожно посмотрѣлъ на образъ, и слегка перекрестилъ грудь, погремливая четками.

— Вѣришь-ли, одна отрада у меня была въ заключеніи: о сабакахъ, да о птицахъ разговаривать. Во дни юности—охота страсть моя была. Не корми—только въ поле пусти. Заберешь, бывало, беркутовъ, да на недѣлю и закатишься. Такъ въ заключеніи-то я одними мыслями объ охотѣ жилъ, да разговорами. Притѣсняли меня зѣло за это, много я раздоровъ имѣлъ. Помнишь, какъ разъ я старца-то Иринарха въ сердцахъ изъ келіи палкой выгналъ. Борису жаловались тогда... Хе-хе-хе!..

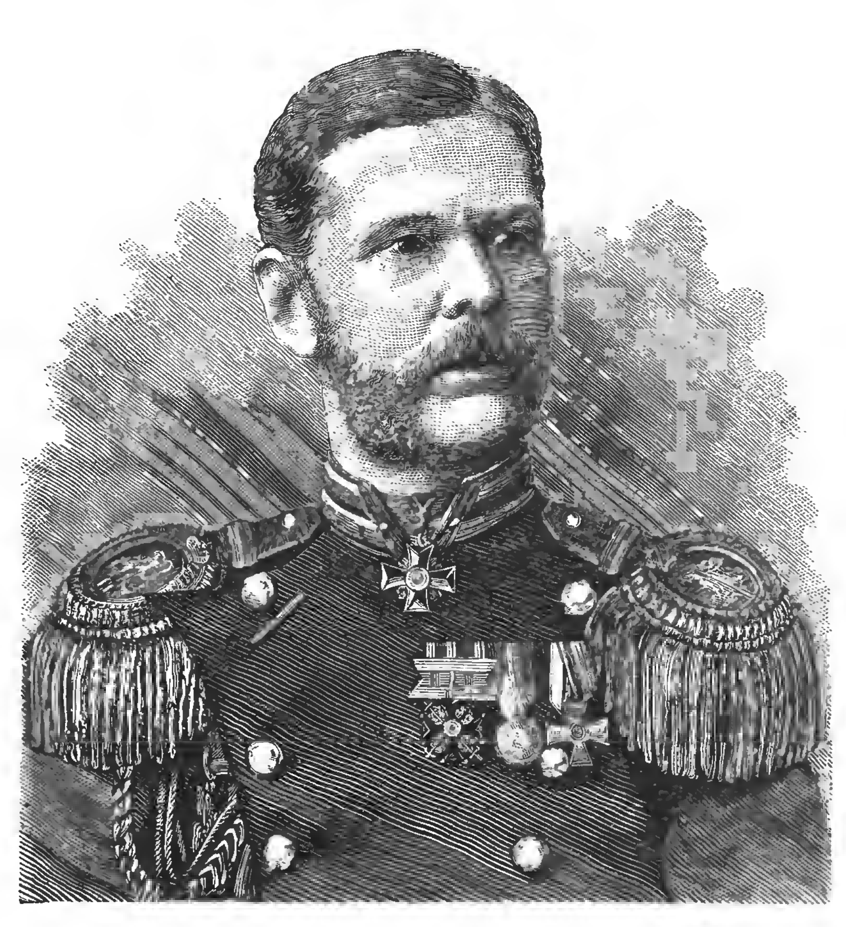
Онъ посмѣивался, вспоминая свое минувшее житье заключенника, и невольно сравнивая его съ теперешнимъ положеніемъ.

— Видѣлъ ты поясъ, что мнѣ въ даръ великій государь прислалъ? спросилъ онъ монаха.

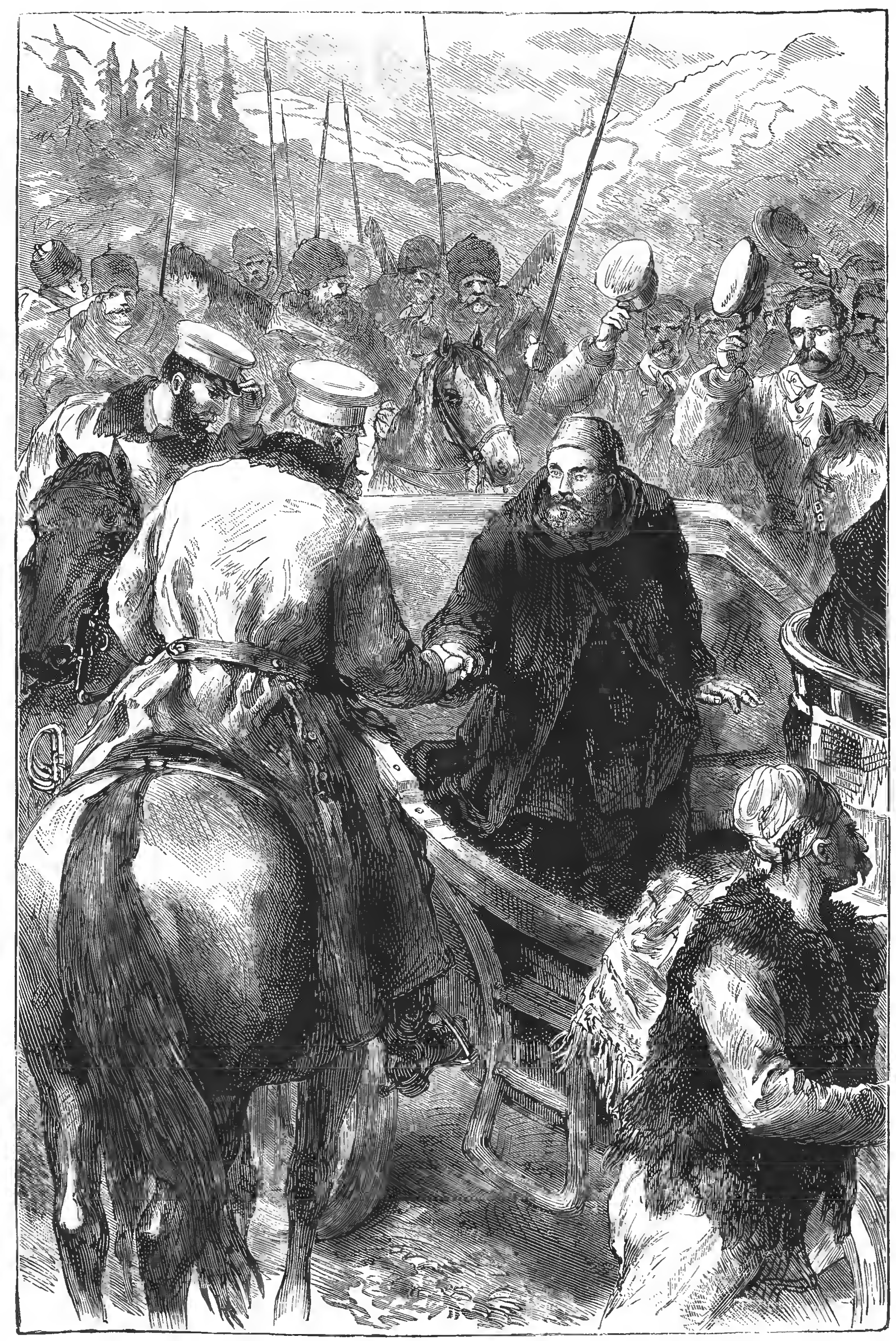
Тотъ покачалъ отрицательно головой. Филаретъ слегка улыбнулся какой-то загадочной улыбкой, и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ служка.

— Принеси-ко ларецъ изъ почивальни, сказалъ онъ. —А я вѣдь тоже государю подарокъ сдѣлалъ: яхонтъ изъ жезла своего подарилъ ему. Хорошій яхонтъ, старинный.

— Поясъ-то каковъ,—а? спросилъ онъ, потрясая имъ

Флигель-Адъютантъ, полковникъ Н. А. Руновъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Османъ паша на пути изъ Плевны. Съ рисунка К. Л. въ „Monde illustré“, грав. Вейерманъ.

въ воздухѣ, и торопливо суя руку для поцѣлуя подававшему ларецъ служкѣ.—Золото, камни...

— Ну поясъ! сказалъ монахъ.—Только цари такіе дарятъ...

— Задариваютъ,—какъ будто про себя сказалъ Филаретъ, любуясь игрою камней. Немного всѣ помолчали.

— Такъ какъ-же, старче? спросилъ онъ Алфея, укладывая поясъ въ ларецъ.—Думаешь челобитную царю подавать?..

— Я не знаю... Какъ совѣтъ твой будетъ...

— Мой совѣтъ... Да пѣтъ, ужь лучше не подавай: ну какъ вдругъ и государь тутъ не поможетъ? Только понапрасну его царское величество обезпокоишь, и неріятностей ему надѣлаешь... Ты лучше предложи воинамъ нашимъ всѣ динаріи, что у тебя въ калитѣ обрѣтаются,—и имъ пріятнѣе будетъ, да и государю, что ты его войско обогатишь...

Филаретъ говорилъ это совсѣмъ серьезно, только глаза его смѣялись, да въ голосѣ какіе-то особенныя нотки слышались.

— Я тебѣ уже говорилъ; что государь своихъ войскъ не жалуетъ, то есть деньгами; милостью своею духовной онъ жалуетъ ихъ зѣло, только тѣ, аки скоты неразумные, сего не понимаютъ, и вотъ посему-то воинство дабы съ голода не помереть разбоемъ живетъ. Коли имъ всѣ свои деньги отдашь—доброе дѣло сдѣлаешь, и на томъ свѣтѣ тебѣ за это зачтется.

Монахъ невыдержалъ: улыбнулся.

Попъ опять поклонился въ ноги, къ рукѣ опять подошелъ, и побрелъ домой растерянный.

„Филаретъ прежде всего человѣкъ разумный", говаривалъ про него его знаменитый современникъ, Авраамій Палицынъ:—„ни направо, ни налѣво не склоняется, оттого и въ истинной вѣрѣ твердъ". И точно Филаретъ въ смутное время велъ себя сдержанно—и всегда во всѣхъ случаяхъ выигрывалъ. Онъ не признавалъ ни ту, ни другую сторону, но открыто не возставалъ противъ нихъ, зная, что это ни къ чему не приведетъ. Когда Ростовъ, гдѣ онъ митрополитомъ былъ, гультаи приступомъ брали, онъ надѣлъ облаченіе и сталъ народъ къ „суду божію" готовить, отпуская грѣхи, причащая. Когда враги на площадь ворвались, онъ и тутъ хотѣлъ какъ нибудь миромъ покончить: велѣлъ настежь двери соборныя растворить, и началъ мятежниковъ уговаривать. Они на него кинулись, облаченье сорвали, и „безчестно въ Тушино доставили. Здѣсь Дмитрій Ивановичъ принялъ его со страхомъ: Филаретъ зналъ въ лицо перваго самозванца. Но онъ и вида не показалъ, знаетъ-ли его, нѣтъ-ли: встрѣча такъ чинно, мирно сошла, что авторитетъ царя, поколебленный выходками Марины, опять значительно возвысился.

Понялъ Филаретъ своимъ чуткимъ умомъ, что только держась другъ за друга, они могутъ достигнуть желаемаго. Только патріархъ игралъ гораздо чище, оттого въ концѣ концовъ и остался выигрышъ на его сторонѣ...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Царица Тамара

Прекрасная фигура, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ, носитъ названіе Тамары. Конечно, это не портретъ той знаменитой грузинской царицы, которая жила въ XII вѣкѣ, но это нѣчто болѣе: это воспроизведеніе въ художественной формѣ того лица, какое создалось вѣками изъ преданій и разнообразныхъ разсказовъ объ этой замѣчательной личности. Тамара славилась необычайною красотою и въ свое 27-лѣтнее царствованіе такъ привлекла къ себѣ народъ, что на Кавказѣ до нынѣ чтутъ ея имя. Тамара была дочь и наслѣдница царя Георгія III. Она вступила на престолъ въ 1171 г. по Р. Х. Исторія передаетъ, что сынъ русскаго князя Андрея Боголюбскаго, Георгій былъ женатъ на этой царицѣ. Пороки и слабости этого князя Георгія привлекли его къ суду, и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но благодаря Тамарѣ, этотъ приговоръ замѣнили ссылкою въ Константинополь. Затѣмъ Тамара вступила въ новое супружество съ Осетинскимъ княземъ изъ фамиліи Багратіоновъ. Сосланный мужъ ея, князь Георгій, бѣжалъ изъ Константинополя, сдѣлалъ нападеніе на ея владѣнія, но былъ разбитъ и опять помилованный, снова удаленъ заграницу. Онъ не унимался однакоже и чрезъ нѣсколько времени еще попытался дѣйствовать противъ Тамары, но также не успѣшно.

Тамара вела войны съ Турками и Персами, каждый разъ оканчивавшіяся пораженіемъ ея враговъ. Нѣкоторыя войны были блестящими побѣдами Тамары и доставляли ей множество плѣнныхъ и золота и серебра. Преданія говорятъ о необычайной дѣятельности этой царицы. Такъ ей приписываютъ много построекъ и храмовъ, развалины которыхъ до сихъ поръ еще встрѣчаются въ Грузіи. Эти преданія о царицѣ Тамарѣ весьма разнообразны и выставляютъ ее то необычайно кроткою, то, на оборотъ, коварною и злою женщиною. Приводимъ здѣсь одну изъ легендъ, разсказывающихъ о постройкѣ того замка, въ которомъ Тамара окончила свою жизнь.

Однажды царица Тамара, такъ повѣствуетъ народное преданіе, охотилась съ своимъ любимымъ соколомъ. Она подъѣхала къ озеру, по срединѣ котораго возвышалась гора. Царица пустила сокола за голубемъ, но соколъ не поймалъ добычи и полетѣлъ чрезъ озеро. Какъ Тамара ни звала его назадъ, онъ не слушалъ ее и опустился на гору. Тогда царица обѣщала тому, кто возвратитъ ея сокола, дать половину своего царства. Одинъ храбрый молодой рыцарь пустился на лошади вплавь по озеру и счастливо достигъ горы; онъ взялъ сокола, но на обратномъ пути и всадникъ, и лошадь, и соколъ потонули. Тамара въ ознаменованіе такого событія приказала отвести изъ озера воду въ рѣку Куру, а на горѣ построить замокъ, въ который она удалилась и уединенно окончила тамъ дни свои.

Нашъ поэтъ Лермонтовъ, вдохновился тоже однимъ изъ преданій о царицѣ Тамарѣ и воспроизвелъ его въ стихахъ. Въ этомъ преданіи о Тамарѣ говорится, что она привлекала къ себѣ въ таинственный замокъ и воина, и купца, и пастуха, т. е. говоря короче: „всякаго чина и званія людей" и каждый изъ нихъ, послѣ весело проведенной ночи, оканчивалъ жизнь свою въ волнахъ Терека. Въ этой легендѣ о замкѣ и его обитательницѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на темной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила:
Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла.

Таковою, по нашему мнѣнію, желалъ изобразить Тамару и художникъ, и нельзя незамѣтить, что именно „прекрасною" и въ тоже время „коварною" является она въ этомъ художественномъ изображеніи, рисунокъ съ котораго помѣщается въ настоящемъ номерѣ.

Флигель-адъютантъ полковникъ К. А. Руновъ.

12 октября прошлаго года подъ Горнымъ Дубнякомъ палъ сраженный пулей одинъ изъ героевъ этого дѣла – Константинъ Алексѣевичъ Руновъ. Онъ окончилъ свою карьеру на 38 г. жизни, будучи командиромъ 1 батальона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, флигель-адъютантомъ и начальникомъ почетнаго конвоя Государя Императора.

Покойный въ 1863 г. принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ, бывъ еще въ то время молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Отличившись въ дѣлѣ при селеніи Гедройцы, гдѣ уничтожена была шайка Альбертуса, онъ получилъ орденъ Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ. Неутомимая жажда дѣятельности влекла его къ занятіямъ, онъ не удовлетворялся только строго опредѣленными обязанностями строевой службы, а всегда готовъ былъ на всякій полезный трудъ.

Общество офицеровъ Павловскаго полка выбрало его библіотекаремъ и въ этомъ дѣлѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память. Находясь подъ его вѣдѣніемъ, библіотека обогатилась новыми капитальными произведеніями по части наукъ; введено было правило всѣмъ офицерамъ принимать участіе въ управленіи ею и записывать всѣ мнѣнія относительно порядка, пріобрѣтенія сочиненій, устройства помѣщенія и т. д.

Въ началѣ 1864 года Константинъ Алексѣевичъ былъ назначенъ начальникомъ школы солдатскихъ дѣтей и дѣтскаго пріюта, состоящихъ при лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Для лучшаго изученія дѣла по преподаванію Константинъ Алексѣевичъ посѣщалъ Крюковскія казармы, гдѣ въ то время обученіемъ

нижнихъ чиновъ завѣдывалъ подобный же ему неутомимый труженикъ, молодой лейтенантъ морской службы.

Константинъ Алексѣевичъ относился къ дѣтямъ совершенно отечески и дѣлилъ съ ними всѣ ихъ интересы: онъ же былъ и главнымъ учителемъ школы. Много заботъ и изобрѣтательности вносилъ онъ, что-бы разнообразить монотонность казарменной жизни и облагородить нѣкоторую грубость, имѣющую мѣсто въ ея правахъ. Явился волшебный фонарь, организовались чтенія, музыкальные вечера, домашніе спектакли. Константинъ Алексѣевичъ привлекъ къ себѣ всѣхъ молодыхъ офицеровъ и сдѣлался центромъ въ кружкѣ, котораго главный интересъ заключался въ горячихъ спорахъ о книгахъ, музыкѣ, школѣ.

Константинъ Алексѣевичъ состоялъ въ различныхъ коммисіяхъ по преобразованію войскъ: большинство преобразованій по части хозяйства, внутренней службы и обученія войскъ введены при его содѣйствіи.

За участіе въ дѣлѣ подъ Ловчею, К. А. Руновъ командовавшій въ этомъ дѣлѣ стрѣлками, награжденъ былъ золотой саблею, съ надписью „за храбрость“.

Эривань и ея старинныя укрѣпленія.

Эривань до 1440 года принадлежала армянамъ, а съ этого времени до 1827 года попеременно персамъ, туркамъ и грузинамъ. Крѣпость ея основана была еще въ 1582 году турками. Эриванскій округъ нѣкогда составлялъ часть Великой Арменіи, столицею которой былъ городъ Эривань, именуемый Птоломеемъ „Гервою“, а турецкими историками „Эридзе“. Крѣпость Эривани расположена между озеромъ *Себанга* или *Сенга* и теченіемъ рѣки Аракса. Само озеро Себанга составляетъ не болѣе какъ рукавъ другого большого озера, извѣстнаго подъ именемъ Гокчайскаго. Обильныя воды Себанги необыкновенно чисты и прозрачны, и въ нихъ отражается вся величавость окружающаго ландшафта. Благодаря изобилію воды, Эривань окружена какъ бы вѣнцомъ роскошныхъ зеленѣющихъ садовъ. Этимъ обусловливается тотъ рѣзкій, поражающій контрастъ, какой представляетъ Эривань, въ сравненіи съ печальною пустынею Арменіи. Безотрадна эта пустыня: голая, безплодная, раскаленная почва, состоящая изъ известняка, представляетъ однообразныя террасы, убѣгающія въ безконечную даль...

Лѣто здѣсь по самому характеру мѣстоположенія весьма знойно. Заслѣпляющая глаза пыль заставляетъ жителей удаляться на лѣтніе мѣсяцы въ болѣе глубокія и прохладныя горныя долины; но, разумѣется, это могутъ дѣлать только люди достаточные. Для дачнаго лѣтняго сезона въ тѣнистыхъ горныхъ долинахъ понастроено много прекрасныхъ виллъ, красиво рисующихся на фонѣ горъ.

Зданія Эривани имѣютъ преимущественно персидскій характеръ. Значительная часть города, впрочемъ, занята зданіями въ европейскомъ вкусѣ. Эти постройки сдѣланы русскими, со времени завоеванія Эривани. Улицы города узки и угловаты; даже видъ жилыхъ зданій теряется. Идешь-идешь, словно по какому-то лабиринту, между высокими, смазанными желтою глиною стѣнами.

Главная эриванская достопримѣчательность—это укрѣпленіе, которое взялъ графъ Паскевичъ штурмомъ въ 1828 году и за взятіе котораго нашъ герой получилъ названіе *Эриванскаго*. На этомъ укрѣпленіи остаются почти свѣжими и слѣды войны 1828 года. И теперь какъ будто чувствуешь, что здѣсь дымятся раны павшихъ, раздаются стоны... Съ этимъ воспоминаніемъ совершенно гармонируютъ обозы скрипучихъ арбъ съ нашими ранеными; арбы эти, въ теченіе всего минувшаго лѣта, тянулись то въ Эривань, то изъ Эривани, для препровожденія въ другіе пункты, такъ какъ въ самой Эривани, въ теченіе всего лѣта, всѣ зданія были заняты русскими больными и ранеными. Въ просторномъ и немноголюдномъ въ мирное время городѣ, имѣющемъ не болѣе 15,000 жителей, нынче лѣтомъ путешественнику едва можно было отыскать жалкую лачужку для пріюта и ночлега.

Знаменитое штурмомъ Паскевича укрѣпленіе, о которомъ сказано было выше, стоитъ отвѣсно на скалистомъ берегу озера Сенги. Влѣво расположенъ большой домъ, единственный сохранившійся памятникъ эриванской древности. Подобно тому, какъ упомянутое укрѣпленіе составляетъ важнѣйшую достопримѣчательность Эривани, самый домъ составляетъ въ свою очередь важнѣйшую достопримѣчательность въ укрѣпленіи, а „Зало Сердаря“ составляетъ важнѣйшую достопримѣчательность во всей Эривани.

Зало это представляетъ продолговатый четыреугольникъ, снабженный столактитовыми нишами. Всё оно убрано въ строго персидскомъ вкусѣ: обильно снабжено зеркалами, на рамкахъ которыхъ красуются чрезвычайно ярко нарисованные цвѣты и фигуры животныхъ. Стѣны зала расписаны сценами изъ охоты и портретами древнихъ сердарей, имѣвшихъ въ Эривани свою резиденцію. Поражающая особенность описываемаго зала—это его широкое и высокое, имѣющее форму воротъ, окно, украшенное прекрасною живописью по стеклу. Изъ окна открывается видъ на гору Араратъ. Планъ раскидывающагося здѣсь передъ зрителемъ пейзажа громадно широкъ и передаетъ всю величавую поэзію знаменитой горы Арменіи съ ея окрестностями. Великолѣпіе раскрывающагося изъ окна зрѣлища происходитъ отъ выбора самой выгодной точки зрѣнія на Араратъ, какую только можно отыскать. Разстояніе отсюда до Арарата составляетъ 49 верстъ. Передъ зрителемъ, во первыхъ, представляется скалистая пропасть озера Сенги, обрамленная роскошными зелеными садами. За симъ, позади этого плана, открывается плодоносная, усѣянная многочисленными деревеньками, долина рѣки Аракса — и затѣмъ уже почти никакое возвышеніе не заслоняетъ двойного конуса Арарата, стройно и величественно возносящагося къ небу. Величественное очертаніе горы производитъ громадное впечатлѣніе.

Словомъ—видъ изъ „Зала Сердаря“ въ колоссальное окно—почти единственный въ мірѣ, и съ нимъ можно сравнить только одинъ пунктъ въ Италіи, именно въ театрѣ г. Таормины, гдѣ представляется видъ на гору Этну. Только этотъ видъ можетъ поспорить съ величественною панорамою, развертывающеюся изъ окна „Зала Сердаря“.

До настоящей войны, ради этого высокаго наслажденія и посѣщали Эривань европейскіе путешественники — ради этого довольно немноголюдная Эривань оживлялась пріѣзжими. Теперь же, какъ мы сказали выше, вся Эривань превратилась въ лазаретъ и перевязочный пунктъ и для праздныхъ европейскихъ туристовъ въ ней нѣтъ болѣе мѣста.

Нашъ зимній переходъ чрезъ Балканы.

13-го декабря прошлаго года, наши войска двинулись къ Балканамъ *двумя* колоннами. 1-я колонна подъ начальствомъ генерала Рауха двинулась отъ Орханіэ на селеніе *Чурьякъ*. 2-я колонна подъ начальствомъ генерала Вельяминова двинулась отъ Врачеша на селенія *Умургачъ* и *Жиляву*. Колонна, двинувшаяся отъ Орханіэ, шла *тремя* эшелонами. При этомъ пришлось прокладывать новую дорогу. Работа началась 9 декабря втайнѣ отъ турокъ, и для этой цѣли наши войска заняли селеніе Чурьякъ. Наши преображенцы и саперы только по ночамъ работали надъ прокладкой дороги, а днемъ они скрывались по квартирамъ въ Чурьякѣ. Въ три дня съ 9 по 13 декабря, съ величайшими и истинно героическими усиліями, была устроена дорога такой ширины, по которой могло двигаться 9 фунтовое орудіе; въ неудобныхъ мѣстахъ сдѣланы гати, а черезъ пропасти переброшены мосты. Все это было сдѣлано съ такою осторожностью, что турки ничего не замѣчали и не подозрѣвали. 12 декабря началась страшная горная вьюга съ морозами. Къ 13 проложенная дорога обледенѣла, какъ зеркало. Тогда авангардъ Орханійской колонны, которою начальствовалъ Раухъ, разбитъ былъ на роты. Каждой ротѣ были переданы орудіе и зарядный ящикъ, чтобы удобнѣе втащить орудія на перевалъ. Работа была страшно опасная. Кругомъ зіяли пропасти. Тогда впереди авангарда начали вырубать ступени въ обледенѣвшей дорогѣ, чтобы люди, тащившіе артиллерію, имѣли при подъемѣ какую нибудь опору. Авангардъ взбирался на перевалъ шагъ за шагомъ, таща на себѣ артиллерію. Къ этой работѣ приступилъ авангардъ 13 декабря, и только утромъ, 14 декабря, артиллерія втащена была на перевалъ, слѣдовательно 24 часа продолжался подъемъ на перевалъ на разстояніи всего 8 верстъ. Уже изъ этого одного можно понять громадность труда!.. За симъ, съ наступленіемъ темноты, 14 декабря, начался спускъ съ перевала. Этотъ спускъ былъ гораздо тяжелѣе подъема. Спускались опять таки среди страшныхъ пропастей, и по такой крутизнѣ, что нужно было привязывать орудія и ящики къ деревьямъ и спускать ихъ на канатахъ отъ одного дерева до другого. Зарядные ящики при этомъ спускались пустые, заряды переносились на рукахъ; ружья же оставляли на перевалѣ. Люди возвращались за этими ружьями по мѣрѣ спуска артиллеріи съ горъ.

Въ продолженіе всего этого перехода авангарда, за нимъ наблюдалъ самъ генералъ Гурко. Но это спустился только 5-й эшелонъ Орханійской колонны; 2-й и 3-й эшелоны перешли Балканы только 19 декабря. Выходитъ, слѣдовательно, что Орханійская колонна генерала Рауха употребила на переходъ черезъ Балканы на разстояніи 12—15 верстъ слишкомъ шесть сутокъ!.. Какія громадныя невѣроятныя трудности перенесли въ эти 6-ть сутокъ наши воины!..

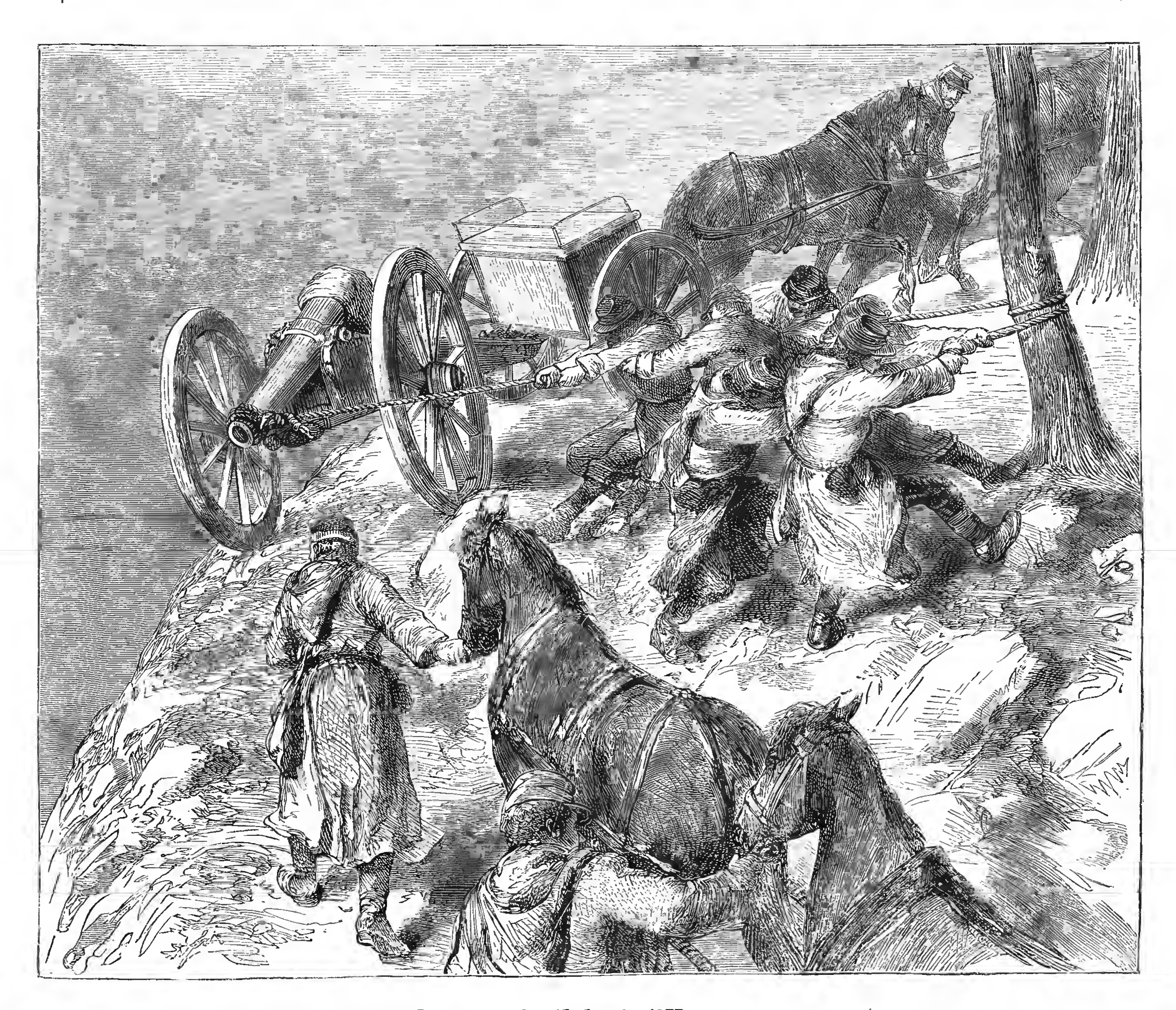
Колонна генерала Вельяминова, двинувшись отъ Врачеша чрезъ Умургашь, должна была бороться еще съ большими трудностями, такъ какъ она должна была идти по совершенно неразработанной тропинкѣ. Въ людяхъ этой колонны по временамъ являлось отчаяніе въ возможности перехода. Нужно было снимать орудія съ лафетовъ и везти ихъ на санкахъ. Вообще нужно сказать, что турки не замѣтили во время нашего движенія чрезъ Балканы и не успѣли ему помѣшать. Они приготовились встрѣтить насъ только въ укрѣпленной позиціи *Ташкисенъ*, гдѣ и разыгрался знаменитый бой, кончившійся пораженіемъ турокъ. Послѣ этого пораженія турки, какъ извѣстно, принялись очищать *Арабъ-Конакъ* и *Шандорникъ* и ночью (18 декабря) ушли. Уже 20 декабря, авангардъ турокъ, состоящій изъ 34 таборовъ, охватываемый нашими войсками, двинувшимися со всѣхъ сторонъ, бросился было бѣжать врассыпную, но былъ весь по одиночкѣ переловленъ.

Крѣпость Эривань. Съ фотог. грав. Рашевскій.

Внутренній видъ аудіенцъ зала въ Эриванской цитадели. Съ фотог. грав. Рашевскій.

За симъ колоннѣ генерала Дандевиля нужно было сдѣлать обходъ Шандорникъ (нужно было обойдти правый флангъ турецкой позиціи на Арабъ-Конакѣ). Путь лежалъ черезъ Бабу-Гору. Мы знаемъ уже, что ночью, при 15 градусовъ мороза, колонна Дандевиля была застигнута, на высотѣ 5,600 футовъ снѣжнымъ бураномъ и заметена снѣгомъ. Только на третій день ящики, орудія и повозки были откопаны и освобождены отъ снѣга болгарами. При этомъ пострадало около 1000 нашихъ солдатъ.

Мы должны прибавить здѣсь, что послѣдній переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы, по энергическимъ усиліямъ, смѣлости и самоотверженію, превосходилъ переходъ Дибича-Забалканскаго, совершенный въ 1828 году, какъ извѣстно, лѣтомъ.

Перевозка русской артиллеріи чрезъ Балканы, съ 9 по 15 Декабря 1877 г. Съ рисунка въ I. L. N. грав. Вейерманъ.

Новые опыты воздухоплаванія.

Преслонутая побѣда надъ небеснымъ пространствомъ, которою такъ гордились первые воздухоплаватели конца прошлаго столѣтія не возбуждаютъ уже нынѣ такого энтузіазма и такихъ громадныхъ надеждъ, какъ въ эту минувшую, знаменательную эпоху. Немудрено, что знаменитый Бланшаръ украсилъ тогда свой шаръ надменной надписью: „Такъ достигаютъ звѣздъ“, а дряхлая старушка, вдова Маршала Виллеруа, присутствуя при первомъ опытѣ воздухоплаванія, такъ была поражена этимъ новымъ, необычайнымъ успѣхомъ науки, что съ горестью воскликнула: „Да это несомнѣнно, что скоро откроютъ способъ быть безсмертнымъ, но увы, я не доживу до этого времени!“ Дѣйствительно, вновь открытое средство подниматься въ заоблачныя пространства обѣщало разоблаченіе многихъ великихъ тайнъ природы. Но послѣ первыхъ упоительныхъ успѣховъ и побѣдъ, воздухоплаватели какъ то успокоились на лаврахъ и аэронавтика, не смотря на труды многихъ отдѣльныхъ ученыхъ и даже цѣлыхъ Академій, какъ напримѣръ Дижонской, потратившей много денегъ на опыты, все таки не достигла степени точной и опредѣленной науки.

Недавно появился въ Англіи новый проектъ летательной машины, рисунокъ которой мы и представляемъ нашимъ читателямъ. По описанію изобрѣтателя главная задача ея состоитъ въ томъ, чтобы уравновѣсить сравнительно громадный удѣльный вѣсъ человѣческаго тѣла съ такимъ же вѣсомъ летающей птицы равной величины, и по его словамъ, первымъ условіемъ удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи будетъ приведеніе тѣла въ равновѣсіе съ воздухомъ, т. е. въ томъ, чтобы дать ему возможность держаться на воздухѣ безъ всякаго усилія мускуловъ, сохраняя ихъ силу для дальнѣйшаго, болѣе труднаго прогрессивнаго движенія. Вся машина, какъ легко можно замѣтить при взглядѣ на рисунокъ, прикрѣпляется къ широкому поясу воздухоплавателя и состоитъ, во первыхъ, изъ плотно надутыхъ шаровъ, имѣющихъ достаточную силу, чтобы точно уравновѣшивать тяжесть человѣка и, во вторыхъ, изъ пары крыльевъ, двигающихся на крѣпкихъ шальнерахъ и устроенныхъ изъ легчайшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтственно крѣпкаго матеріала. Крылья эти приводятся въ движеніе но-

гами, которыя можно по произволу человѣка или поднимать вверхъ или опускать внизъ; но не слѣдуетъ забывать, что шаръ и другія приспособленія играютъ здѣсь главную и существенную роль въ успѣхѣ летанія по воздуху. Машина довершается рулемъ или хвостомъ, сдѣланнымъ изъ того же легкаго и вмѣстѣ крѣпкаго матеріала, которымъ, по мнѣнію автора проекта, удобно можетъ служить папье-маше, и управляемымъ руками съ помощью бичевочныхъ возжей. При всей замысловатости такого аппарата нужно помнить, что замѣнить подъемную силу аэростата крыльями—мысль не новая. Такъ еще въ 66-мъ году христіанской эры, въ царствованіе Нерона, нѣкій Симонъ чародѣй и механикъ дѣлалъ опыты летанія, но такъ неудачно, что, упавъ на форумъ, размозжилъ себѣ голову. Тоже самое произошло и въ Константинополѣ при Императорѣ Эммануилѣ Комнинѣ съ однимъ сарациномъ, вздумавшимъ подняться въ облака съ помощью подвязанныхъ крыльевъ и также убившимся до смерти. Въ 13-мъ столѣтіи монахъ Рожеръ Баконъ въ своемъ сочиненіи объ удивительномъ могуществѣ искусства и натуры высказываетъ ту мысль, что можно устроить летательную машину, въ центрѣ которой помѣстить человѣка, приводящаго въ движеніе ея крылья посредствомъ особой рукоятки. Почти въ тоже время Жанъ Баптистъ Данте, математикъ Перузы, устроилъ себѣ искусственныя крылья, которыя будучи прикрѣплены къ его тѣлу дозволяли ему подниматься на воздухъ. На одномъ народномъ праздникѣ, онъ хотѣлъ подняться выше чѣмъ обыкновенно, но одно изъ крыльевъ сломалось и злополучный воздухоплаватель упалъ на башню собора и при этомъ сломалъ себѣ бедро.

Всѣ эти аппараты конечно не достигали желаемой цѣли и прошли незамѣченными, исключая курьезнаго аппарата аббата Дефорга, возбудившаго всеобщія насмѣшки и вызвавшаго щекотливыя эпиграммы. Дѣло въ томъ, что почтенный аббатъ, въ концѣ прошлаго столѣтія устроилъ особаго рода ладью снабженную крыльями и оповѣстилъ повсюду, что въ ней онъ понесется подъ облака, но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иначе и когда въ назначенный день и часъ изобрѣтатель сѣлъ въ аппаратъ, то не смотря на всѣ его усилія, онъ не могъ въ немъ подняться ни на одинъ вершокъ. Что же касается до того замысловатаго аппарата, который изображенъ на нашемъ рисункѣ, то всѣ его достоинства могутъ быть подтверждены лишь путемъ опыта, безъ котораго вся эта грандіозная фигура человѣка, летящаго на крыльяхъ надъ шпицами церквей въ заоблачномъ пространствѣ, можетъ лишь служить прекрасной иллюстраціей фантастическихъ воздушныхъ путешествій Мюнхгаузена, Гулливера или Жюля Верна.

Н.

Османъ-паша на пути изъ Плевны.

Плевненскій герой, Османъ-паша, сдался русскимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда разнеслась вѣсть о готовности его арміи сдаться, онъ былъ уже раненъ. Посланный къ нему парламентеромъ генералъ Струковъ засталъ Османа въ весьма грустномъ состояніи духа. Основываясь на сообщеніяхъ „Правит. Вѣст.“ и „Рус. Инв.“, передаемъ здѣсь объ этомъ свиданіи слѣдующее:

Османъ-паша сидѣлъ въ тѣсной, прокоптѣлой отъ дыма караулкѣ. Крошечныя окошечки едва пропускали свѣтъ и освѣщали фигуру храбраго полководца, на лицѣ котораго сказывалось сильное нравственное и физическое утомленіе. Подъ нимъ была деревянная скамья, вбитая въ землю, а раненая нога Османа лежала на пустой жестяной коробкѣ изъ-подъ патроновъ. Врачъ, Хасибъ-бей, осматривалъ рану, склонившись на одно колѣно и окруженный бинтами и инструментами. Вдоль стѣнъ горенки безмолвно стоялъ рядъ пашей, съ почтительно и грустно опущенными головами. На видъ ему лѣтъ за сорокъ; одѣтъ онъ въ этотъ разъ былъ въ черный сюртукъ тонкаго сукна, съ расшитыми галуномъ рукавами; ни на шеѣ, ни въ петлицѣ ни одного ордена. На плечи небрежно накинуто было пальто, сбоку висѣла кривая сабля, та самая, что была прислана въ подарокъ отъ Султана. При входѣ Струкова Османъ не безъ усилія поднялся со скамьи, по восточному обычаю сдѣлалъ привѣтственный знакъ вошедшему и протянулъ свою руку.

— Вы ранены, прошу васъ сѣсть, генералъ! предупредительно поспѣшилъ сказать Струковъ, помогая ему опуститься на скамью.

Османъ пригласилъ его знакомъ садиться, но генералъ Струковъ въ силу военнаго этикета, продолжалъ объясненіе стоя, отдавая дань пашѣ, какъ главнокомандующему.

— Я сюда явился,—сказалъ Струковъ,—по приказанію генерала Ганецкаго, привѣтствовать ваше высокопревосходительство съ блестящей аттакой и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ, что генералъ Ганецкій, не имѣя никакихъ приказаній отъ Его Высочества Главнокомандующаго, можетъ предложить вамъ только полную, безусловную сдачу, какъ васъ самихъ, такъ и всей вашей арміи.

Османъ выслушалъ внимательно эти слова и глубоко задумался. Чрезъ минуту онъ тихо поднялъ голову и обращаясь къ своему врачу, съ какимъ-то покорно фаталистическимъ выраженіемъ въ лицѣ медленно проговорилъ:

— Дни не равны: день за днемъ слѣдуетъ, но нѣтъ двухъ сходныхъ: одинъ—счастливый, другой—несчастливый...

Затѣмъ, поднявъ спокойный взоръ на Струкова, Османъ прибавилъ съ подавленнымъ вздохомъ и слегка склоняя голову: я вполнѣ покоряюсь желаніямъ главнокомандующаго вашей арміи.

Эти тихо произнесенныя слова, очевидно стоившія Осману немало внутренней борьбы, сопровождались нервнымъ подергиваніемъ его лица, внушавшаго невольное сочувствіе къ злополучному полководцу.

Замѣтно по всему, что Османъ-паша вполнѣ вѣрилъ въ свое умѣнье и счастіе и дѣйствительно былъ убѣжденъ въ удачѣ прорыва.

Въ глубокомъ раздумьѣ продолжалъ онъ оставаться молча и серьезно, по прежнему стоялъ около стѣнъ рядъ пашей; Хасибъ-бей докончилъ перевязку. Въ это время въ горенку вошелъ начальникъ Завидскаго отряда, генералъ Ганецкій, за которымъ посылалъ генералъ Струковъ.

— Поздравляю васъ,—сказалъ генералъ Ганецкій Осману.—поздравляю! Вы чудно вели аттаку! Прикажите класть оружіе.

Проговоривъ это, онъ сѣлъ на скамью рядомъ съ Османомъ. Прошло съ минуту въ полномъ молчаніи, никто не рѣшался произнесть послѣднее роковое слово, наконецъ Струковъ, взглянувъ на часы, обратился къ генералу Ганецкому и просилъ его подтвердить приказаніе, такъ какъ былъ уже 5-й часъ. Драгоманъ повторилъ требованіе русскаго генерала и тогда только Османъ сдѣлалъ знакъ рукою къ одному изъ пашей, который почтительно поклонился и, сложивъ на груди ладони, въ сопровожденіи Струкова вышелъ изъ караулки для приказанія по сдачѣ оружія. Затѣмъ Османъ-паша быстрымъ движеніемъ снялъ съ себя саблю, раздумчиво поглядѣлъ на нее, какъ бы прощаясь, и молча подалъ завѣтное оружіе генералу Ганецкому.

Турецкимъ войскамъ было отдано приказаніе снимать и класть на землю свое оружіе. Каждый слышалъ распоряженіе, но на всѣхъ точно столбнякъ нашелъ, никто изъ солдатъ не думалъ исполнять приказаніе. Потребовалось энергическое вмѣшательство офицеровъ, изъ которыхъ ближайшіе къ караулкѣ первыми побросали въ общую кучу свои сабли и револьверы, а затѣмъ направились къ своимъ таборамъ поторопить солдатъ. Съ явной досадою, грустію кидали свои ружья истощенныя долгими трудами и голодомъ турецкія войска, тяжело имъ было разставаться съ своимъ вооруженіемъ. Но наши войска смыкались все ближе и ближе, турки были оцѣплены полнымъ кольцомъ и не было никакого выхода изъ круга. Вскорѣ къ караулкѣ подъѣхали генералы Скобелевы, отецъ и сынъ, чтобы принять въ свое распоряженіе городъ и сдавшуюся армію. Оба они вошли къ Осману-пашѣ и младшій Скобелевъ просилъ черезъ переводчика передать Осману слѣдующія слова: „Каждый человѣкъ болѣе или менѣе завистливъ, и я, какъ военный, завидую Осману въ томъ, что онъ имѣлъ случай оказать своему отечеству важную услугу, задержавъ насъ четыре мѣсяца подъ Плевной. Османъ благодарилъ и съ скромною улыбкою отвѣтилъ:

— Генералъ еще такъ молодъ годами и между тѣмъ успѣлъ уже такъ много и хорошо заявить себя на военномъ поприщѣ, что я не сомнѣваюсь, если и не я, то можетъ быть мои дѣти отдадутъ ему почтеніе, какъ фельдмаршалу русской арміи.

Пробывъ съ полчаса, генералы Скобелевъ и Ганецкій простились съ Османомъ и отправились къ войскамъ гренадерскаго корпуса за Видъ, а генералъ Струковъ предложилъ Осману поѣхать въ Плевну, предполагая, что Великій Князь поѣдетъ изъ города къ Виду и на шоссе они встрѣтятся. Турецкіе офицеры на рукахъ вынесли своего раненаго предводителя и усадили его въ его собственный экипажъ запряженный парой прекрасныхъ блѣдно-буланыхъ лошадей въ англійскихъ шорахъ, съ чалмоноснымъ кучеромъ арнаутомъ на козлахъ. Врачъ помѣстился на переднемъ сидѣньѣ. Османъ отдалъ прощальный поклонъ и кони тронулись. Струковъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ экипажемъ, турецкая свита тоже слѣдовала верхомъ вокругъ коляски. Увидя впереди себя конныхъ румынскихъ каларашей, Османъ остался недоволенъ и замѣтилъ Струкову, что такъ какъ онъ сдался русскимъ, то ему было бы пріятнѣе, еслибъ его конвоировали только русскіе. Струковъ отвѣтилъ, что такое распоряженіе зависитъ не отъ него, но что, впрочемъ, въ конвоѣ позади слѣдуютъ русскіе уланы.

Поѣздъ прошелъ по шоссе уже порядочное разстояніе, какъ вдругъ послышалось громкое побѣдное ура. Августѣйшій Главнокомандующій примчался верхомъ изъ-за Вида къ русскимъ колоннамъ и поздравлялъ войска съ побѣдой. Коляску Османа повернули назадъ и повезли на встрѣчу Великому Князю. Подъѣхавъ, коляска остановилась. Великій Князь протянулъ руку своему плѣннику и обмѣнился съ нимъ привѣтствіями. Затѣмъ подъѣхали принцъ Карлъ Румынскій и генералъ Тотлебенъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ именно эту послѣднюю сцену.

Греческій экс-министръ президентъ Деметріусъ Булгарисъ.

Возродившаяся страна, въ которой въ глубокой древности встрѣчалась геройская доблесть, непоколебимая честность Аристида или Кимона, на ряду съ продажностью и деморализированностью Критіаса или геніальнаго Алкивіада — она и теперь, въ періодъ возрожденія, остается въ существенныхъ чертахъ такою же. Та-же сангвиническая подвижность въ дѣятельности даровитыхъ личностей, та-же противоположность явленій и характеровъ. Почти постоянные министерскіе кризисы въ Греціи, ссоры и препирательства министровъ, наивно разглашаемые греческой печатью факты взятокъ и подкуповъ при занятіи высшихъ мѣстъ и особенно епископскихъ каѳедръ, теперь уже не удивляютъ никого—такъ всѣ привыкли къ этимъ явленіямъ. Но что свидѣтельствуетъ о живучести и внутренней силѣ современной Греціи—это обиліе на ея теперешней почвѣ великихъ и честныхъ характеровъ, каковымъ былъ, напримѣръ, умершій въ прошломъ году адмиралъ Канарисъ, остальной изъ стаи славной „борцовъ за свободу отечества“.

Если Канариса можно поставить на ряду съ великимъ Аристидомъ древней Греціи, то недавно умершаго Булгариса нужно причислить къ тѣмъ даровитымъ государственнымъ людямъ, которые превосходно угадываютъ потребности данной минуты и каковыми была богата древняя Греція въ эпоху, напримѣръ, Пелопоннезской войны.

По мѣсту родины, Булгарисъ принадлежитъ къ тому счастливому уголку Греціи, который съумѣлъ всегда отстаивать свою свободу отъ турокъ. Къ югу отъ древней Арголиды, въ группѣ нынѣшнихъ Спирадскихъ островковъ, лежитъ маленькій островокъ „Гидра“ (древняя Гидрея). Окружность всего островка простирается до 30-ти миль. Здѣсь, въ XV вѣкѣ нашли убѣжище отъ турокъ албанскіе христіане, такъ называемые „Скипетары“. Это была единственная кучка населенія балканскаго полуострова, не подчинившаяся игу турокъ. Сначала эта кучка занималась рыбной ловлей, потомъ морскими разбоями, наконецъ, разбогатѣвъ, принялась за торговлю. Купцы-гидріоты получали денежное вспомоществованіе отъ нашей великой императрицы Екатерины II, и, благодаря этому, гидріоты сдѣлались самыми богатыми коммерсантами во всемъ Левантѣ, и городъ Гидра, построенный на островѣ сдѣлался однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Востока. Сами гидріоты—народъ желѣзнаго, но стройнаго тѣлосложенія, съ прекрасными чертами лица, съ пылкими порывистыми страстями, непостоянствомъ, легкомысліемъ и распущенностію нравовъ. Всѣ эти черты вызваны изнѣженностью и богатствомъ гидріотовъ. Самая одежда ихъ до сихъ поръ удержала древне-восточный характеръ. Длинные плащи, широкорукавные балахоны въ родѣ рясъ, драпируются на гидріотахъ широкими складками.

Теперь взгляните на портретъ Булгариса и вы увидите въ немъ истый типъ гидріота съ мужественной красивой наружностью, въ неразлучной широкополой одеждѣ.

Обстоятельства юности и рожденія Булгариса недостаточно извѣстны. Умеръ онъ 75 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно родился въ 1803 году. До 50-хъ годовъ Булгарисъ жилъ скромною частной жизнью, съ 50-хъ годовъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ политикѣ своей страны. По характеръ гидріота, горячій неустойчивый, склонный къ интригѣ, далъ себя знать вскорѣ. Оттого преимущественно на Булгариса взводились обвиненія, что онъ внесъ въ государственную жизнь Греціи, духъ интриги и раздора и личное предубѣжденіе противъ своихъ соплеменниковъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ свысока. Этотъ упрекъ несправедливъ: въ склонности къ интригамъ, счетамъ, раздорамъ, не уступаютъ Булгарису и другіе греческіе министры, и причина этому лежитъ въ молодости и неустойчивости современнаго греческаго государства.

Не смотря на то, что Булгарисъ, вскорѣ послѣ вступленія въ государственную дѣятельность нажилъ себѣ много враговъ, онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ странѣ,—человѣкомъ, котораго не могли не уважать даже враги. Это видно изъ того, что Булгарисъ, въ теченіи всего своего поприща былъ до 10-ти разъ премьеръ-министромъ. Въ 1863 году правительство короля Оттона, какъ извѣстно пало. Тогда Булгарисъ подалъ мысль учредить временное правительство. Затѣмъ королемъ былъ провозглашенъ только что достигшій 17-ти лѣтняго возраста, датскій принцъ *Георгъ*, второй сынъ короля Христіана IX. Молодой король, на первыхъ порахъ, избралъ себѣ совѣтникомъ вывезеннаго изъ Копенгагена графа Шпонека. Но тутъ во всей силѣ проявилось національное недовольство грековъ, не могшихъ примириться съ чужеземнымъ вліяніемъ на молодаго короля. Во главѣ недовольныхъ первымъ сталъ Булгарисъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, *Комундуросомъ* и *Делигеоргисомъ*. Король поручилъ имъ составить министерство. Булгарисъ выставилъ непремѣннымъ условіемъ для этого *немедленное удаленіе* королевскаго фаворита Шпонека, о которомъ мы говорили выше. Король сначала не уступалъ, Булгарисъ удвоилъ настойчивость и побудилъ къ настойчивости и другихъ своихъ товарищей. Произошолъ громадный уличный скандалъ, при которомъ толпы разгоряченнаго народа въ Аѳинахъ, начали безтолково стрѣлять другъ въ друга, къ счастью, безъ особенно важныхъ послѣдствій, такъ какъ толпу скоро уняли. Тогда представители великихъ державъ въ Аѳинахъ посовѣтовали королю уступить настойчивости Булгариса и другихъ патріотовъ. Король согласился—и ненавистный грекамъ Шпонекъ долженъ былъ вскорѣ оставить Грецію. Тогда король рѣшился всѣ министерскія должности раздать природнымъ Эллинамъ. Вслѣдъ затѣмъ примиреніе партій возложено было на того же Булгариса, вмѣстѣ съ *Руфосомъ* и Комундуросомъ. Въ 1864 году окончено было составленіе новой конституціи, въ каковой работѣ Булгарисъ принималъ дѣятельное участіе.

До 1866 года министерства чередовались.

Въ 1874 г. кабинетъ Делигеоргиса замѣненъ былъ министерствомъ Булгариса. Булгарисъ въ это время дѣйствовалъ крайне ошибочно, осуществивъ на практикѣ принципъ управленія безъ бюджета, т. е. безъ отчетности въ издержкахъ. Но въ тоже время, опытъ Булгариса доказалъ всѣмъ и на всегда, что «управлять безъ бюджета» не значитъ обходится безъ займовъ.

Дѣйствительно министерство Булгариса ни съ того, ни съ сего утвердило заемъ *въ 26 милл. драхмъ*. Палата не имѣла права на такое важное финансовое рѣшеніе, хотя президентъ и объявилъ полнѣйшую ея компетенцію, внеся въ общую сумму вотировавшихъ заемъ голосовъ даже отсутствующихъ членовъ!

Вотъ эта-то фальшивость и подтасовка въ голосахъ еще болѣе уронила популярность Булгариса: ему была дана отставка.

Вскорѣ послѣ отставки, противъ него возбуждено судебное преслѣдованіе.

Процессъ, состоявшійся по этому дѣлу, весьма интересенъ, но такъ какъ онъ не касается характеристики Булгариса, то мы и не останавливаемся на немъ.

Булгарисъ скончался, какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго декабря, не дождавшись новаго премьерства, которое было уже опять близко! Не смотря на свои почти 75 лѣтъ, онъ былъ еще твердъ и свѣжъ умомъ и полонъ пламенной энергіи, какъ истый „гидріотъ“.

Городъ Красноярскъ.

Красноярскъ—это одинъ изъ сибирскихъ городовъ, котораго развитіе и процвѣтаніе можно назвать обезпеченнымъ, благодаря его счастливому положенію на торговомъ пути, ведущемъ изъ Европы въ глубь Азіи. Онъ расположенъ, на лѣвомъ берегу Енисея. Равнина, на которой высится городъ, имѣетъ видъ мыса, омываемаго съ трехъ сторонъ водою, или точнѣе сказать, треугольника, основаніемъ котораго служитъ такъ называемая Афонтова гора. Здѣсь же на Енисеѣ лежатъ поросшіе кустарниками обрывы: Конные, Телячь и Татищевъ, а самая рѣка достигаетъ въ этомъ мѣстѣ значительной ширины и ея зеленоватыя волны довольно красиво обрисовываютъ крутые и отвѣсные берега. Тутъ же впадаетъ въ Енисей небольшая рѣчка Кача, протекающая ручьями по широкому рву и безпрерывно мѣняющая свое русло. Окрестности Красноярска изобилуютъ краснымъ мергелемъ, отчего и городъ получилъ названіе *краснаго яра*; песокъ же съ обнаженныхъ гористыхъ береговъ Енисея, при вѣтрѣ носится тончайшею пылью по всѣмъ улицамъ Красноярска и проникаетъ даже въ верхніе этажи домовъ черезъ плотно затворенныя окна.

Исторія Красноярска, какъ и другихъ сибирскихъ городовъ не изобилуетъ замѣчательными событіями, и памятниковъ сѣдой старины въ немъ очень немного. Изъ его древней исторіи достовѣрно лишь то, что онъ до прихода русскихъ въ Сибирь принадлежалъ качинскимъ татарамъ, и что въ 1628 году здѣсь, нѣсколько выше настоящаго положенія города, былъ основанъ воеводой Дубенскимъ острогъ и названъ Краснымъ Яромъ. Много разъ мирное существованіе этого пограничнаго укрѣпленія возмущалось неожиданными набѣгами различныхъ обитателей тогдашней Сибири: Хоринцевъ, Качинцевъ, Киргизовъ и Калмыковъ, пока край не умиротворился окончательно. Въ 1797 году Красноярскъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Тобольской губерніи, а въ 1804 г. причисленъ къ Томской. При образованіи-же Енисейской губерніи, онъ сталъ губернскимъ городомъ послѣдней, и съ тѣхъ поръ его внѣшность безпрерывно улучшается, не смотря на то, что онъ составляетъ одинъ изъ дальнихъ уголковъ нашего обширнаго отечества.

Такъ на главныхъ его улицахъ среди деревянныхъ домовъ встрѣчается уже много каменныхъ зданій весьма красивой архитектуры, улицы имѣютъ прекрасную, натуральную мостовую, состоящую изъ песку, смѣшаннаго съ камнемъ и мелкимъ булыжникомъ. Изъ древнихъ зданій особенно замѣчательно нѣсколько церквей, изъ которыхъ самая старинная—соборная во имя Обновленія Храма Воскресенія Христова, находящаяся на мысѣ при самомъ впаденіи Качи въ Енисей. Время постройки этой церкви одни относятъ къ 1678 году, а другіе къ 1759; но точныхъ свѣдѣній добыть трудно, такъ какъ всѣ подлинные документы, касавшіеся ея сооруженія, сгорѣли во время пожара енисейскаго архива въ 1773 году. На колокольнѣ этого храма еще хранится вѣстовой колоколъ съ слѣдующей надписью, указывающей на его происхожденіе „189 года іюля 1 дня по указу Великаго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича данъ сей вѣстовой колоколъ съ Москвы

изъ сибирскаго приказу на Красный Яръ а вѣсу въ немъ 19 пудъ 32 фунта". Мысль построить въ Красноярскѣ новый соборный храмъ возникла между жителями города въ 1843 году въ память рожденія Наслѣдника престола, нынѣ въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Николая Александровича. Заложенный въ 1845 году по проэкту проф. Тона храмъ быстро сооружался и былъ почти оконченъ, когда 29 сентября 1849 года его верхніе своды съ куполомъ обрушились, а стѣны его треснули такъ что все зданіе пришлось созидать сызнова.

Жителей въ Красноярскѣ нынѣ болѣе 11,000 такъ какъ по свѣдѣніямъ собраннымъ Лингомъ въ его описаніи города, въ 1835 году ихъ было всего лишь 6792. Народонаселеніе здѣсь состоитъ изъ весьма различныхъ слоевъ общества; его составляютъ золотопромышленники, многочисленное купечество, торгующее скотомъ, хлѣбомъ и звѣриными шкурами, которыя они закупаютъ преимущественно въ ноябрѣ, а въ декабрѣ отправляютъ на Ирбитскую ярмарку и въ Москву, и немалаго числа чиновнаго и служащаго люда, такъ какъ кромѣ присутственныхъ мѣстъ здѣсь существуетъ семинарія а съ 1867 года и гимназія, въ которой обучается до 200 учениковъ. **Н.**

Смѣсь.

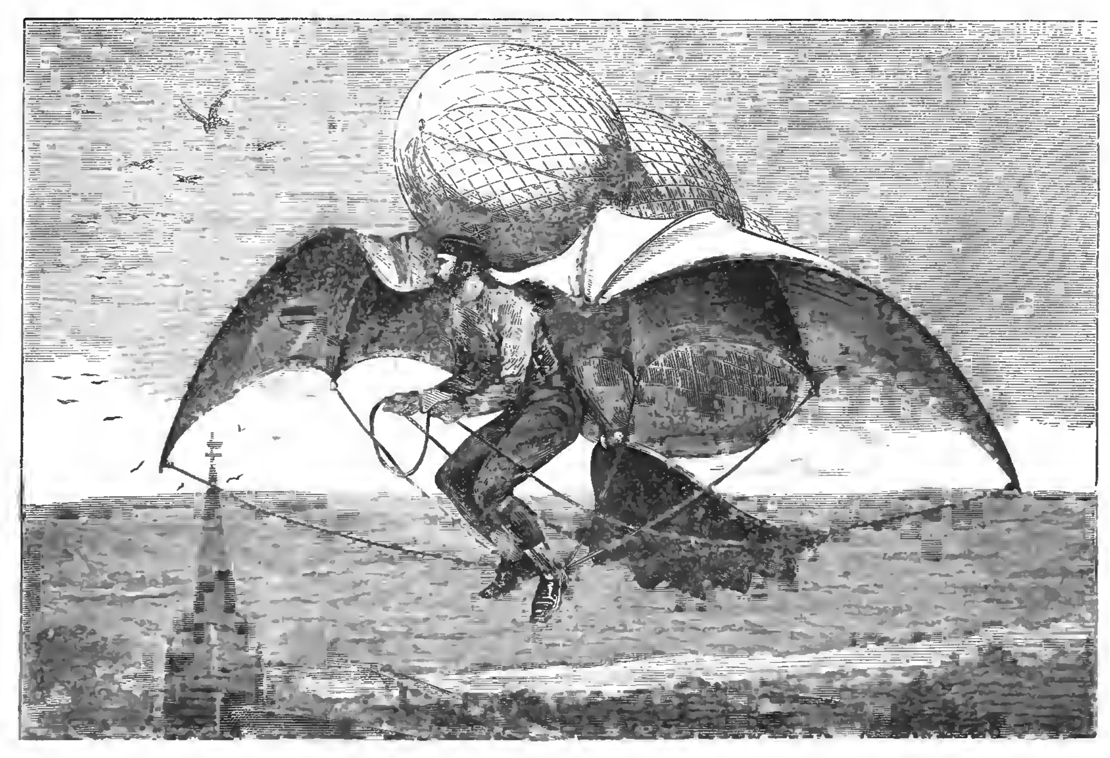
Неизвѣстный донынѣ благотворительный поступокъ Генералиссимуса Суворова *).

Въ проѣздъ изъ Турціи въ С.-Петербургъ черезъ Малороссію графъ Александръ Васильевичъ (тогда еще онъ не былъ княз мъ) остановился, въ одномъ селеніи, для перемѣны лошадей. Это случилось въ день Архистратига Михаила. Въ селеніи былъ праздникъ. Графъ, пріѣхавшій подъ именемъ своего адъютанта, послалъ состоявшаго при немъ подполковника Куриса, сыскать старосту, а самъ остался у сборной избы, при повозкѣ. Тутъ подходитъ къ нему жившій въ томъ селеніи небогатый, малороссійскій дворянинъ, отставной старыхъ гусарскихъ полковъ корнетъ.—«Богъ помочь, старинушка!»—говоритъ онъ графу. Суворовъ отвѣчалъ: «Спаси Богъ, добрый человѣкъ!»—Корнетъ спрашиваетъ: «Кто это ѣдетъ?»—«Передовой, графа Суворова адъютантъ.»—«А гдѣ же онъ?»—«Пошолъ искать старосту, добывать лошадей.—Корнетъ продолжаетъ: «Здѣсь, старинушка, всѣ мужики пьяницы; у нихъ не скоро толку добьешься, да къ тому-жъ у нихъ сегодня праздникъ, такъ и пуще пьютъ... Ты, видно, старинушка, находишься при адъютантѣ изъ служивыхъ?»—«Изъ служивыхъ, добрый человѣкъ».—«А котораго полка и чѣмъ служишь?» спросилъ корнетъ.—«Фанагорійскаго гренадерскаго полка сержантомъ», отвѣчаетъ графъ.—«Какой же ты старенькій», говоритъ корнетъ,—«и въ какую дальнюю дорогу ѣдешь!»—Графъ возразилъ, что командиръ его добрый человѣкъ и часто сажаетъ его съ собой въ кибитку.—Корнетъ, полюбя графа, говоритъ ему»: Старичекъ любезный, служивый! лошадей вамъ не скоро еще приведутъ, а мнѣ право жаль смотрѣть на тебя, старинушка, что ты стоишь на открытомъ воздухѣ при такой дурной погодѣ: видишь какая мгла и ненастье, пожалуй лучше ко мнѣ обогрѣться; я живу близко отсюда.»—Графъ отвѣчаетъ, что онъ благодаритъ за его предложеніе, но безъ командира не смѣетъ отлучиться отъ повозки.—«Правда твоя, старинушка», говоритъ корнетъ»: я самъ служилъ болѣе сорока лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета. Вѣрно и ты, старинушка, служишь довольно?»—Графъ отвѣчалъ, что на четвертый десятокъ перевалило.—«Смотри пожалуй!»—говоритъ корнетъ.—«А изъ какихъ ты отданъ, любезный служивый?»—«Изъ однодворцевъ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, откуда и командиръ мой», отвѣчалъ графъ.—«Знаю, знаю!» сказалъ корнетъ, «я тамъ стоялъ съ полкомъ, назадъ тому лѣтъ съ тридцать.

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ подполковника Куриса. Указавъ на него, графъ сказалъ корнету: «Вотъ и командиръ мой!»—Г. Курисъ подходитъ къ повозкѣ, а графъ, снявъ фуражку, спрашиваетъ его: «Что, ваше высокоблагородіе, изволили-ль отыскать старосту?»—«Нѣтъ!» отвѣчаетъ г. Курисъ.—«Во всемъ селѣ нѣтъ ни одной души трезвой, такъ что и толку не найдешь!»—Тутъ старый корнетъ, снявъ шапку, говоритъ г-ну Курису: «Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, ко мнѣ въ домъ; я живу отсюда недалеко. Вы у меня обогрѣетесь и старичекъ бѣдный (корнетъ указалъ на графа), сами изволите видѣть, весь перезябъ.—Въ это же время, какъ побудете у меня, изготовятъ вамъ и лошадей».—«Но мнѣ, какъ онъ хочетъ!» говоритъ г. Курисъ, указывая на графа «съ моей стороны, пожалуй, зайдемъ.«—«Почему-же не такъ?» промолвилъ графъ «когда добрый человѣкъ приглашаетъ. Лучше у него погрѣться, чѣмъ по напрасному дрогнуть, стоя на дождѣ: плеть обуха не перешибетъ!»

— Г. Курисъ сказалъ, что онъ нашелъ пьянаго десятника, котораго, постращавъ, послалъ собирать лошадей, а потому, можетъ быть, лошади и скоро будутъ.—Корнетъ, сильно желая имѣть у себя такихъ гостей, а особливо, подобнаго ему, заслуженнаго старика (то есть графа), котораго полюбилъ душевно, говоритъ г. Курису: «Ваше высокоблагородіе! мы накажемъ въ сборной избѣ сторожу, чтобъ онъ приказалъ, когда лошади будутъ готовы, привесть ихъ къ моему дому, извощику, который васъ сюда привезъ, велимъ караулить; лошадей же его до привода другихъ не отпускать, и такъ онъ будетъ самъ для себя стараться собрать скорѣе лошадей. Графъ и Курисъ согласились на это предложеніе и пошли въ домъ корнета, который, принедя ихъ къ себѣ, проситъ г. Куриса садиться, а графа раздѣваетъ и сажаетъ на печь, говоря: «Сядь, сядь, служивый! обогрѣй-

(Продолженіе на стр. 53, 54, 55 и 56).

Новые опыты воздухоплаванія. По рисунку въ „Graphic", грав. Рашевскій.

*) Статья эта сообщена почтеннымъ, семидесятитрехлѣтнимъ старцемъ, Ѳ. А. фонъ Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ этотъ разсказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ.

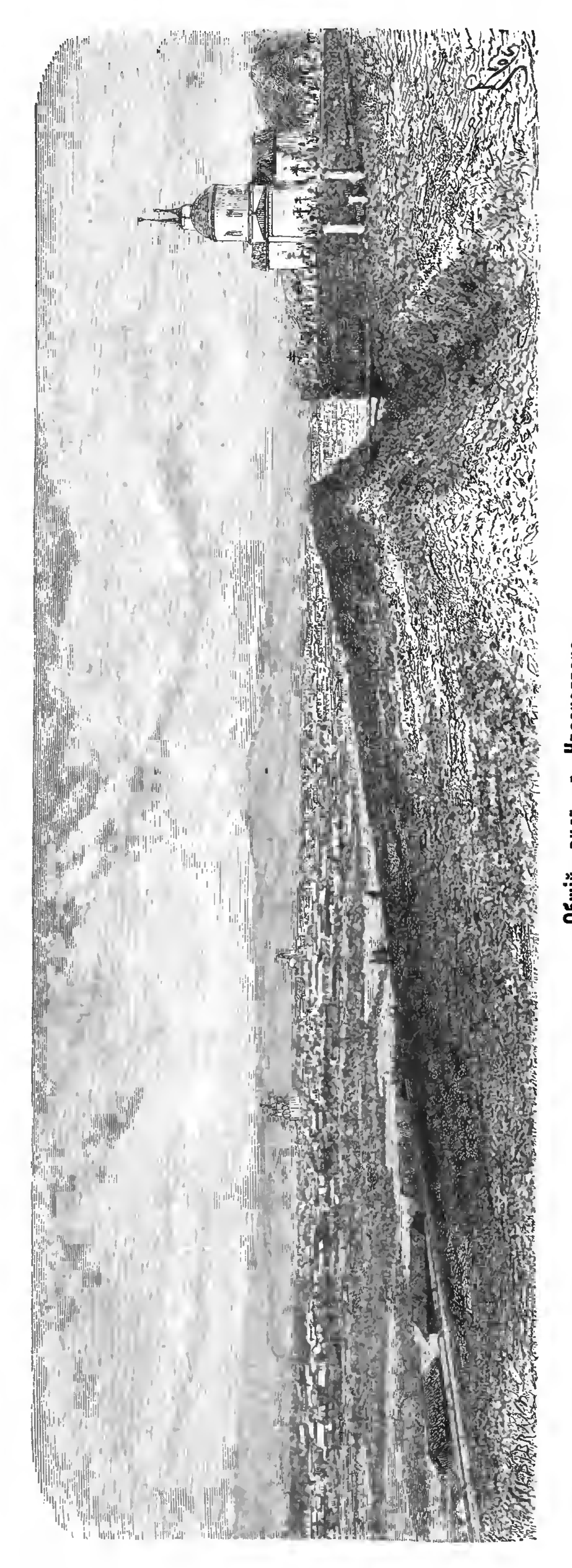
ся: его высокоблагородіе не прогнѣвается на тебя, старинушка.»— Курисъ отвѣчаетъ: «Для меня, пожалуй, какъ ему угодно!»— Видишь, какой у тебя добрый командиръ», продолжаетъ корнетъ, относясь къ графу. И посадя его на печь, самъ садится подлѣ него и говоритъ женѣ своей: «Старуха, дай-ка намъ, старичкамъ, чего нибудь выпить.» Хозяйка подала имъ на печь бутылку наливки, да домашней закуски. Корнетъ, наливъ рюмку, подчиваетъ графа «выпей-ка, любезный старичекъ, и закуси, да лягъ, погрѣйся.»—Г. Курисъ, сидя въ переднемъ углу за столомъ, отказался отъ питья, сказавъ, будто наливокъ не употребляетъ.— Пожалуй, когда тебѣ угодно!»—Хозяинъ сводитъ съ печи, подъ руку, графа и посадя за столъ подлѣ себя, подчиваетъ его со всѣмъ усердіемъ. Однимъ словомъ, два старика угостились препорядочно. Имъ прислуживали у стола два сына корнетовы, изъ которыхъ старшему было 14, а меньшему 12 лѣтъ. Графъ спрашиваетъ, что это за мальчики!—«Дѣтки мои, дорогой служивый»,—отвѣчаетъ корнетъ.—«Да для чего же ты не записываешь ихъ въ службу?»— продолжаетъ графъ. «И, батюшка, служивый!» отвѣчаетъ опять корнетъ—«чтобъ записать ихъ въ полевые полки, такъ они еще молоды, да и знакомаго-то у меня нѣтъ, кто бы мнѣ постарался

Деметріусъ Булгарисъ, бывшій Министръ-Президентъ въ Греціи. † 30 Декабря 1877 г. / 11 Января 1878 г. въ Аѳинѣ.

Корнетъ же, сидя на печи, и понравившійся ему гость выпили по три рюмки. Послѣ того онъ кричитъ женѣ своей: «Хозяйка! изготовь ка ты, чѣмъ Богъ послалъ для дорогихъ гостей поужинать.» Добродушная старуха также рада была гостямъ; тотчасъ побѣжала въ курятникъ и сняла съ насѣста двухъ куръ, сварила одну въ борщѣ со свинымъ саломъ, а другую изжарила; сверхъ того сварила яицъ въ смятку, сдѣлала яичницу да кашу молочную, и все это поставила на столъ. Корнетъ проситъ г. Куриса покушать. «Да позволите ли, ваше высокоблагородіе», продолжаетъ онъ, «сѣсть тутъ же и сержанту?»—Курисъ отвѣчаетъ: «Пообъ нихъ. Сверхъ того, хоть бы ихъ и приняли, то они должны будутъ прослужить до офицерскаго чина лѣтъ двадцать. А записать ихъ въ гвардію, хотя я могъ бы, потому что я природный дворянинъ, но состояніе мое не позволяетъ не только содержать ихъ тамъ, но и довезти до Петербурга нечѣмъ. Такъ пускай же они подростутъ: тогда, какъ Богъ опредѣлитъ; его святая воля надъ ними! У насъ со старухой все и богатство въ нихъ.»—Графъ, выслушавъ эти слова, обратился къ Г. Курису и сказалъ: «Ваше высокоблагородіе! потрудитесь записать добраго этого человѣка и его дѣтей: авось я, при удобномъ случаѣ,

доложу объ нихъ графу Суворову, не сдѣлаетъ ли онъ имъ для меня какой милости. - Г. Курисъ записываетъ въ памятную книгу городъ, уѣздъ, селеніе, имя и фамилію корнета съ дѣтьми.— Корнетъ, по простотѣ своей, не догадываясь, какъ можетъ сер-

Общій видъ г. Красноярска.

жантъ приказывать своему командиру записывать, продолжалъ принимать графа за сержанта и говоритъ: «И, батюшка, служивый! гдѣ тому статься, чтобъ такой великій человѣкъ, какъ графъ Суворовъ, сдѣлалъ что нибудь для насъ бѣдныхъ людей!—«Не правда»—отвѣчалъ графъ: «его сіятельство человѣкъ добрый и меня любитъ; я часто разговариваю съ нимъ и шучу; онъ ко мнѣ милостивъ, потому-что я служу при немъ лѣтъ съ тринадцать и нахожусь при его конюшнѣ. Онъ давно уже хотѣлъ произвесть меня въ офицеры, но я самъ того не хочу, для того, что отъ фрунтовой службы отсталъ. Но я увѣренъ, что графъ, при отставкѣ моей, непремѣнно сдѣлаетъ меня офицеромъ, и я буду благодаренъ ему по смерть свою. При всемъ томъ долженъ признаться, что не безъ тягости мнѣ будетъ офицерское званіе: грамотѣ я не умѣю, родственники всѣ померли, и у меня нѣтъ никакого пристанища, и такъ рѣшился, покуда Богъ даетъ здоровье графу, оставаться при немъ. Если же я умру прежде его, то онъ, по милости своей не оставитъ, похоронитъ меня.»—Корнетъ, выслушавъ это со вниманіемъ, сказалъ: «правда, и мы слышали о графѣ, что онъ добрый человѣкъ.»—Въ это время, когда корнетъ продолжалъ угощать графа, сколько могъ, привели лошадей, запрягли въ повозку, и графъ, поблагодаривъ вмѣстѣ съ Г. Курисомъ корнета и жену его за угощенье, уѣхалъ съ своимъ адъютантомъ.

Корнетъ остался въ убѣжденіи, что у него былъ проѣзжающій офицеръ съ сержантомъ, а чтобъ этотъ сержантъ былъ графъ Суворовъ, ему и въ голову не приходило. Такимъ образомъ прошло не мало времени, какъ къ удивленію его случилось слѣдующее.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ нашелъ случай доложить объ этомъ происшествіи Императрицѣ и записать обоихъ сыновей корнета лейбъ-гвардіи къ преображенскій полкъ сержантами. Онъ послалъ въ Погарскій нижній земскій судъ два паспорта на имена тѣхъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ чрезъ мѣсяцъ явились они въ Молдавію, въ мѣстечко Галацъ, въ главную квартиру графа Суворова. На дорогу прислано имъ, вмѣстѣ съ паспортами, денегъ двѣ тысячи рублей. Когда въ Погарѣ получены были эти паспорты и деньги, то весь городъ удивился, всѣ знали, что корнетъ человѣкъ бѣдный и безъ всякой протекціи, а потому никто не могъ понять, откуда и кто исходатайствовалъ ему такое счастіе. Съ тѣхъ поръ всѣ стали думать, что корнетъ—человѣкъ случайный. Тотчасъ капитанъ-исправникъ прискакалъ самъ къ нему въ селеніе, съ паспортами и деньгами. Нѣтъ нужды говорить, въ какое изумленіе приведены были бѣдный старикъ и жена его: имъ казалось чудомъ, что сыновья ихъ гвардіи сержанты, и что сверхъ того прислана еще такая значительная сумма, какой они отроду не только не имѣли, но и не видали. Исправникъ спрашиваетъ корнета: не имѣетъ ли онъ кого-нибудь знакомаго изъ большихъ бояръ и не просилъ ли его? Корнетъ увѣряетъ, что никого не знаетъ. Наконецъ старухѣ пришло на память, что былъ у нихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, проѣздомъ, старичекъ, сержантъ, который находится у графа Суворова при конюшнѣ, и что бывшій съ нимъ командиръ его записалъ ихъ и дѣтей ихъ имена въ памятную книжку. Исправникъ, разспросивъ, каковъ былъ этотъ старичекъ, догадался, что это былъ самъ графъ, въ чемъ еще болѣе увѣрился, когда вспомнилъ, что графъ дѣйствительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ чрезъ ввѣренный ему уѣздъ, какъ у него и въ книгѣ было записано. Сказавъ о томъ, исправникъ привелъ въ несказанную радость этихъ людей. Они со слезами благодарили милосердаго Бога, что онъ столь чудесно призрѣлъ ихъ своею благодатью, послалъ имъ, вовсе неожиданно, такого знаменитаго благодѣтеля. Вскорѣ потомъ, родители, снарядивъ обоихъ своихъ сыновей, отправили ихъ на службу въ Молдавію, въ главную квартиру графа.

Когда корнетъ разсказывалъ объ этомъ случаѣ, то не могъ удерживаться отъ радостныхъ слезъ и возсылалъ теплыя молитвы о здравіи своего благотворителя. Сыновья его были хорошіе слуги Государыни и оба находились въ штатѣ графа Суворова. Старшій изъ нихъ при взятіи Праги и Варшавы былъ уже секундъ-маіоромъ. *(Орл. Г. В. 1848).*

Анекдоты изъ древней жизни.

Разъ древній греческій философъ Платонъ, бесѣдуя съ своими учениками въ академической школѣ, опредѣлилъ между прочимъ человѣка слѣдующимъ образомъ: „*Человѣкъ есть животное двуногое, лишенное перьевъ и крыльевъ!*“ Тогда присутствовавшій въ числѣ слушателей Платона насмѣшникъ и циникъ Діогенъ немедленно вышелъ и, спустя нѣсколько времени, возвратился съ живымъ пѣтухомъ, у котораго были ощипаны перья и крылья. „Ну, любезный Платонъ, произнесъ съ насмѣшливымъ торжествомъ Діогенъ, я принесъ къ тебѣ человѣка, приготовленнаго какъ разъ по твоему рецепту.“

Діогенъ недолюбливалъ идеалиста Платона. Разъ въ своемъ обычномъ грязномъ рубищѣ онъ пришелъ къ Платону въ домъ, въ то время, когда у того сидѣло много гостей—пришелъ и небрежно сѣлъ на богатомъ коврѣ.—„Что ты дѣлаешь, Діогенъ?“ спросилъ его хозяинъ-философъ.—Попираю твою гордость, Платонъ.—Да, попираешь, но только гордостью другого рода! отвѣчалъ ему хозяинъ.

Въ Греціи царю Агису младшему сильно надоѣдалъ одинъ тщеславный болтунъ, постоянно приставая съ вопросомъ: „Кто въ Греціи самый лучшій человѣкъ?“—„Тотъ, отвѣчалъ Агисъ, кто наименѣе похожъ на тебя.“

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Наша армія, успѣвшая перешагнуть за Балканы, и притомъ въ самое затруднительное время года, теперь стала на широкой дорогѣ къ Константинополю. За прошедшую недѣлю выяснилось, что западный отрядъ генерала Гурко стоитъ уже на полдорогѣ къ тому, чтобы окружить армію Сулеймана-паши и приготовить ей туже участь, какая не задолго передъ симъ постигла двѣ турецкія арміи. Послѣ занятія нами Софіи и послѣдовавшаго за симъ движенія впередъ, турки составляющіе Румелійскую армію Сулеймана-паши, сосредоточивались въ Ихтиманской позиціи; но за симъ, по согласнымъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, генералъ Гурко выбилъ турокъ изъ этой позиціи и, вслѣдъ затѣмъ, занялъ путь къ Филиппополю. Цѣль движенія отряда генерала Гурко состояла въ томъ, чтобы отрѣзать турецкой арміи отступленіе къ Филиппополю и Адріанополю. 2-го (14-го) января между Филиппополемъ и Татаръ-Базарджикомъ происходило большое сраженіе, возобновившееся на другой день 3-го (15-го) января. Тогда Сулейманъ-паша занялъ позиціи ближе къ Филиппополю и предписалъ мѣстнымъ жителямъ очистить этотъ городъ. Въ тоже время наши войска направились на *Чирканъ* и *Эни-Махале*. Таковъ общій абрисъ нашихъ послѣднихъ успѣховъ послѣ перехода за Балканы. Перейдемъ къ частностямъ.

Теперь мы должны коснуться болѣе подробнымъ образомъ славнаго Шипкинскаго дѣла, имѣвшаго результатомъ взятіе всей Шипкинской арміи и бывшаго 28-го декабря (объ этомъ дѣлѣ мы въ прошломъ нашемъ обозрѣніи упомянули только въ общихъ чертахъ). Еще давно, вскорѣ послѣ взятія Плевны, генералу Гурко была послана на подкрѣпленіе 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 6-й корпусъ, для удобнѣйшаго перехода черезъ Балканы. Приказано было готовиться Карцеву и Радецкому. Лишь только генералъ Гурко перешагнулъ Балканы, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ 24-го декабря, Радецкому и Карцеву проложить себѣ путь: Карцеву—по направленію черезъ Трояновъ валъ, а Радецкому—по направленію къ Шипкѣ. Карцевъ успѣшно спустился съ горъ у Троянова вала съ 5-ю батальонами своей дивизіи. Результатомъ чего было извѣстное дѣло при Ахмедли, о которомъ въ свое время мы уже упоминали. Къ Шипкѣ были направлены 2 обходныя колонны, *правая* и *лѣвая*; правая колонна генерала Скобелева 2-го, состоящая изъ 16-й дивизіи, 9-го, 11-го и 12-го стрѣлковыхъ батальоновъ, 2-хъ ротъ саперного батальона и 9-го Донскаго полка; затѣмъ лѣвая колонна князя Святополкъ-Мірскаго, состояла изъ 9-й и 30-й дивизій, 4-й стрѣлковой бригады и частей 21-го и 23-го Донскихъ полковъ. Радецкій въ это время оставался на укрѣпленіи Св. Николая. Войскамъ былъ данъ 8-ми дневный запасъ провіанта. 25-го, слѣдовательно въ первый день праздника Рождества Христова, при сильномъ 20 градусномъ морозѣ, князь *Святополкъ-Мірскій* дошелъ до Сельца, а генералъ *Скобелевъ* 2-й до Карадли. Затрудненія при этомъ, вслѣдствіе большихъ снѣжныхъ заносовъ, были громадны. 26-го князь Мірскій перешелъ отъ сельца къ селенію Гузово, а Скобелевъ занялъ Имегли. 27-го же оба военачальника двинулись къ Шипкѣ, и затѣмъ оба подошли каждый на разстояніе 3-хъ верстъ. И вотъ 28-го декабря, въ 6 часовъ утра, Скобелевъ и Мірскій завязали бой, при сильномъ туманѣ, снѣгѣ и вѣтрѣ. Въ этотъ же день съ высотъ Св. Николая двинулся въ аттаку и Радецкій, предводительствуя 14-ю дивизіей. Къ 6-ти часамъ вечера произошла уже извѣстная намъ сдача Шипкинской арміи въ плѣнъ. Касаясь болѣе частныхъ подробностей этого дѣла, нужно упомянуть, что генералъ Скобелевъ началъ свою аттаку въ 7 часовъ утра. Наши стрѣлки-Владимірцы, дружно ударивши въ лѣвый турецкій флангъ у селенія Шейнова, были встрѣчены убійственнымъ огнемъ съ отчаяніемъ защищавшихся турокъ. Но наша аттака была ведена такъ блестяще, что все таки кончилась взятіемъ Шейновскихъ высотъ, около самой деревни Шипки, которая вся была укрѣплена редутами. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Скобелевъ приказалъ ударить въ правый флангъ турокъ. Наши полки ворвались въ редутъ и выбили турокъ изъ 12-ти линій траншей, заняли всѣ укрѣпленія. Наши шли на приступъ въ стройномъ порядкѣ и сметали все встрѣчавшееся на пути. Таковы отдѣльныя интересныя детали славнаго дня 28-го декабря!

Теперь вкратцѣ очертимъ прогрессъ нашихъ блестящихъ послѣдовательныхъ успѣховъ со времени взятія Шипкинской арміи. 30-го декабря генералъ Вельяминовъ послѣ упорнаго боя взялъ *Самаково* (гораздо южнѣе Софіи, по р. Искеру); въ тотъ же день авангардъ колонны графа Шувалова *занялъ послѣднюю* естественную преграду на пути отъ Ихтимана къ Татаръ-Базарджику, т. е. знаменитыя Траяновы ворота, а кавалерійскій отрядъ графа де-Бальмена занялъ укрѣпленіе *Ветреново*, въ 15 верстахъ не доходя до Татаръ-Базарджика, а 31-го декабря графъ де-Бальменъ двинулся къ самому Татаръ-Базарджику. 2-го же января 1878 г. нашъ передовой отрядъ занялъ *Эски-Загру*, далѣе къ востоку отъ Базарджика и даже отъ Филиппополя. Словомъ—движенія наши къ Адріанополю за прошлую недѣлю были необыкновенно быстры и энергичны. Замѣтимъ, что если наши отряды заняли Эски-Загру, то, очевидно, въ скоромъ времени произойдетъ диверсія въ обходъ Филиппополя, чтобы отрѣзать туркамъ путь къ Адріанополю. Турки сознаютъ рѣшающее значеніе такого пункта, какъ Филиппополь. Здѣсь въ послѣднее время находится турецкій генеральный штабъ и сосредоточиваются главныя военныя силы. Теперь уже скоро можно ждать самыхъ рѣшающихъ дѣлъ событій.

Въ западной части Дунайскаго театра войны наши войска, въ числѣ 9000 человѣкъ, въ концѣ прошлой недѣли уже шли на Виддинъ. Не задолго передъ симъ. въ виду безсилія Виддина держаться, уже начаты были переговоры о его капитуляціи; но эти переговоры были потомъ прерваны, въ виду того, что комендантъ Виддина потребовалъ начатія переговоровъ только съ русскими войсками (осаждали Виддинъ румынскія войска и отчасти сербскія) или же предоставленія гарнизону крѣпости свободнаго выхода.

Отъ 5 и 6 января оффиціальныя телеграммы изъ Казанлыка извѣстили о взятіи нашими войсками подъ начальствомъ генерала Гурко, города Филипполя. Турки очистили: Котелъ, Сливно и Ямболи и стягиваются къ Адріанополю. Нашъ разъѣздъ пошелъ на Карнабадъ. Извѣстіе, что Сулейманъ-паша приказалъ все жечь, уничтожать и рѣзать при отступленіи—подтверждается: Татаръ-Базарджикъ совершенно разграбленъ, разоренъ и наполовину сожженъ; села между Базарджикомъ и Филиппополемъ почти всѣ разрушены. Филипполь наши успѣли спасти.

Отъ 7-го же—извѣщаютъ, что турки послѣ боя 5 января, окончательно отрѣзаны отъ Адріанополя, потерявъ при томъ 49 орудій 4,000 убитыми и болѣе 3,000 плѣнныхъ. Подробности объ этомъ славномъ дѣлѣ сообщимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Крѣпость Нишъ на южной границѣ Сербіи, какъ извѣстно, занята Сербами. Сюда вступилъ уже князь Миланъ.

Черногорцы съ новою энергіей начали бороться съ турками у извѣстнаго намъ Скутарійскаго озера. Уже 2-го января (по нашему стилю) князь Черногорскій двинулся на Скутари со всею своею арміей. Въ виду общаго ослабленія турецкихъ силъ, на общемъ театрѣ войны, можно предвидѣть торжество черногорцевъ надъ турками у Скутари...

Прошлая недѣля принесла намъ также вѣсти о попыткахъ турокъ къ морскимъ операціямъ. Турки пытались бомбардировать наши прибрежные укрѣпленные черноморскіе порты въ Крымскомъ полуостровѣ, именно Ѳеодосію и Евпаторію въ западной части Крыма. 30-го декабря довольно настойчивая бомбардировка Евпаторіи прекращена. Послѣ отступленія непріятеля въ Евпаторіи оказались поврежденными: казармы пограничной стражи, цейхгаузъ карантина и нѣсколько частныхъ домовъ. Непріятель пытался завладѣть нашими купеческими судами, но неудачно, и долженъ былъ отступить къ сѣверо-западу, вслѣдствіе энергическихъ выстрѣловъ нашихъ баттарей!

На малоазіатскомъ театрѣ войны новаго пока ничего не произошло. Идутъ переговоры о сдачѣ Эрзерума. Турки желаютъ выйдти съ оружіемъ, но на это, конечно, согласія съ нашей стороны дано не будетъ.

Общая цифра нашихъ потерь съ начала войны на обоихъ театрахъ войны къ 1-му января сего года исчисляется въ 82,195 человѣка.

Въ виду безъисходности положенія, Турція рѣшилась на переговоры съ русскою главною квартирою о мирѣ и назначила для этого хитрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ своихъ дипломатовъ, каковымъ является Серверъ-паша. Австрія, по примѣру Англіи, заявила Портѣ, что Россія не можетъ заключить мира съ Портою, безъ ея (Австріи) согласія, какъ державы подписавшей Парижскій трактатъ. Пѣсни старыя!

За симъ мы должны сказать нѣсколько словъ объ открывшемся на прошлой недѣлѣ „экстраординарномъ" англійскомъ парламентѣ. Парламентъ открытъ 5-го (17-го) января, въ 2 часа по полудни. Въ тронной рѣчи Англійской Королевы, прочитанной передъ открытіемъ парламента, сказано, что такой „*ранній*" созывъ парламента объясняется желаніемъ правительства „*сообщить странѣ о сдѣланныхъ имъ* (правительствомъ) *усиліяхъ* (?), чтобы затѣмъ достигнуть *окончанія войны и заручиться совѣтомъ и содѣйствіемъ Парламента*. Затѣмъ тронная рѣчь указываетъ *на миры*, которыя приняты Портою и Англіей *относительно Россіи*. „Пока нейтралитетъ нашъ не нарушенъ", говорится между прочимъ въ рѣчи, образъ дѣйствій Англіи остается прежній; но, въ случаѣ продленія военныхъ дѣйствій, какое-нибудь *неожиданное событіе можетъ сдѣлать необходимымъ принятіе мѣръ предосторожности, что было бы не возможно безъ приготовленій*".

Изъ новыхъ извѣстій, полученныхъ за прошлую недѣлю изъ Франціи, нужно поставить на первый планъ избраніе президентомъ Палаты Депутатовъ умѣреннаго и благоразумнаго Греви (уже прежде занимавшаго этотъ постъ). Греви въ своей рѣчи благодарилъ Палату за свое избраніе и высказалъ ей похвалу, что она такъ хорошо умѣла предотвратить угрожавшія-было разразиться надъ Франціею столкновенія. Нужно замѣтить, что одинъ уже выборъ въ президенты Палаты Греви представляется утѣшительнымъ симптомомъ для Франціи.

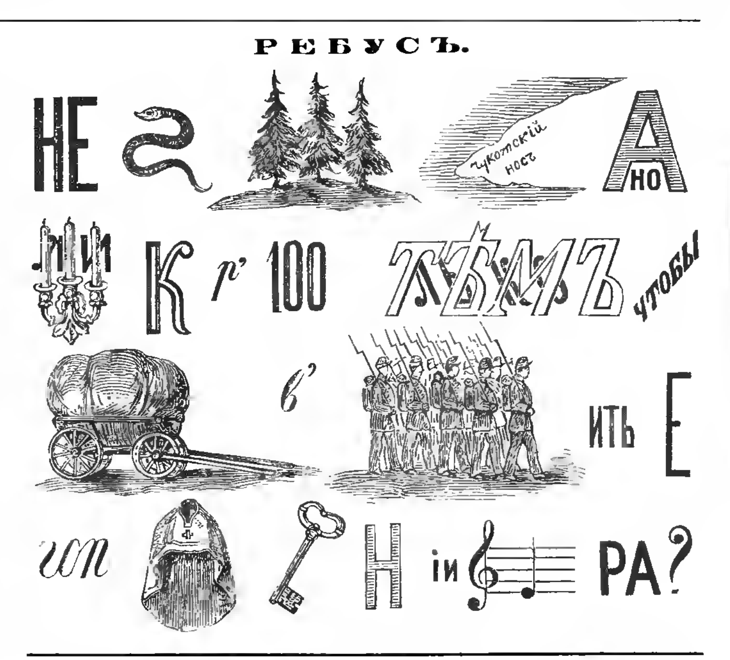
Мы уже сообщали въ свое время о трудномъ положеніи Вятской губерніи вслѣдствіе неурожаевъ. Въ настоящее время оффиціальныя изслѣдованія показали: 1) часть Малмыжскаго и Уржумскаго уѣздовъ нынѣшнимъ лѣтомъ поражены были полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ; 2) озимые родились посредственно; 3) мѣстность эту неурожаи постигаютъ нѣсколько лѣтъ сряду, отчего населеніе. живущее только земледѣльческимъ трудомъ, пришло въ крайность, а жители (татары) Янгуловской и Арбырской волостей, Малмыжскаго уѣзда, въ полное раззореніе, такъ какъ у нихъ не существуетъ никакихъ заработковъ. Однако въ общемъ изслѣдованія доказываютъ, что населеніе нуждающихся волостей поименованныхъ двухъ уѣздовъ далеко отъ голода, хотя и будетъ терпѣть нужду въ хлѣбѣ. На Малмыжскій уѣздъ ссуда оказывается необходимою въ 250,000 р., а по Уржумскому уѣзду, для котораго ссуда была первоначально исчислена въ суммѣ около милліона, теперь почему-то признается совершенно излишнею, причемъ указывается на прежнюю зажиточность крестьянъ этой мѣстности Особенная нужда въ хлѣбѣ признается только въ трехъ волостяхъ Малмыжскаго уѣзда въ Янгуловской, Арбарской и Кошкинской, населенныхъ татарами.

За симъ упоминаемъ о слухахъ изъ Казани. Передаютъ, что близь Малмыжа ушедшая изъ Казани партія плѣнныхъ турокъ на отрѣзъ отказалась повиноваться распоряженіямъ и требованіямъ начальника конвоя. Это повело къ схваткѣ турокъ съ конвойными солдатами, при чемъ ранено 6 человѣкъ конвойныхъ и болѣе 30 турокъ. Слухъ этотъ подтвердился разсказами лицъ, пріѣхавшихъ въ Казань изъ Малмыжа.

— Предложеніе *объ устройствѣ сибирскихъ каналовъ* встрѣтило въ средѣ петербургскаго и московскаго купечества живѣйшимъ сочувствіемъ. Есть предположеніе ходатайствовать предъ правительствомъ объ осуществленіи этой мысли, при матеріальномъ содѣйствіи самаго купечества.

— Передаютъ, что въ настоящее время въ Министерствѣ Финансовъ вырабатывается положеніе *объ акціонерныхъ обществахъ*, а въ Министерствѣ Юстиціи образована особая коммисія для опредѣленія мѣръ къ предупрежденію и *преслѣдованію злоупотребленій учредителей и правленій желѣзнодорожныхъ обществъ*.

РЕБУСЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Викторъ Эммануилъ, король Италіи** (съ портретомъ) **Ор.—Призрачный царекъ.** (Повѣсть изъ русской жизни XVII вѣка). Продолженіе **П. Гнѣдича.—Царица Тамара** (съ рисункомъ).—**Флигель-адъютантъ полковникъ К. А. Руновъ** (съ портретомъ).—**Эривань и ея старинныя укрѣпленія** (съ 2-мя рисунками).— **Нашъ зимній переходъ чрезъ Балканы** (съ рисункомъ).—**Новые опыты воздухоплаванія** (съ рисункомъ) **Н.—Османъ-паша на пути изъ Плевны** (съ рисункомъ). **Греческій экс-министръ президентъ Деметріусъ Булгарисъ** (съ портретомъ).—**Городъ Красноярскъ** (съ рисункомъ(Н Смѣсь.—Анекдоты изъ древней жизни.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Ребусъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф МАРКСЪ** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 12 Января 1877 г. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10

№ 4 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 23 Января 1878 г.

Паденіе Плевны.

Въ настоящей войнѣ Плевна, какъ извѣстно, сосредоточивала на себѣ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ вниманіе не только всего русскаго общества, но и всего образованнаго міра. Кому не извѣстно, что паденіе Плевны составляетъ въ военномъ отношеніи фактъ первостепенной важности, имѣющій огромное историческое значеніе. Но до сихъ поръ мы имѣли возможность сообщить нашимъ читателямъ лишь тѣ свѣдѣнія о паденіи Плевны, которыя составляли только общія главныя черты этого знаменательнаго событія. Теперь, получивъ возможность передать здѣсь въ рисункахъ главнѣйшіе моменты изъ событій

Взятіе Плевны 28 Ноября 1877 г. Турецкій Парламентеръ, выкидывающій бѣлый флагъ предъ генераломъ Струковымъ на мосту чрезъ р. Видъ.
По рис. Gr., грав. Вейерманъ.

рокового для турокъ дня, 28-го ноября 1877 года, бывшаго днемъ паденія Плевны, мы помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о тѣхъ подробностяхъ, при которыхъ совершилось это паденіе, основываясь на оффиціальныхъ сообщеніяхъ „Прав. Вѣстн.“.

Случилось это такъ:

Обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью огонь изъ турецкихъ траншей противъ позицій генерала Скобелева, вечеромъ 27-го ноября вдругъ пріостановился. Наставшая тишина невольно возбудила различныя предположенія, и генералъ Скобелевъ рѣшился командировать особый секретъ, приказавъ ему высмотрѣть, что дѣлается у противника. Заложивъ ружья за спину, подползаетъ секретъ къ турецкой траншеѣ—не слышно ни голоса людского, ни шаговъ, никакого звука вообще, который бы служилъ признакомъ присутствія людей. Соскочили наши во внутрь траншеи, заглянули въ одну, другую землянку нигдѣ ни души. Идутъ къ Кришинскому редуту—тамъ люди еще копошатся, но уже повидимому покидаютъ укрѣпленіе. Секретъ возвратился и донесъ генералу о своихъ наблюденіяхъ. Генералъ извѣстилъ по телеграфу Великаго Князя Главнокомандующаго и генерала Тотлебена. Послѣдній не замедлилъ дать знать обо всемъ генералу Ганецкому.

Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду быть на готовѣ. Ночь была темная и туманная, тѣмъ не менѣе сторожевые посты исполняли свою обязанность вполнѣ исправно: они слѣдили за непріятелемъ на слухъ. Время отъ времени получаемыя генераломъ Ганецкимъ донесенія сводились къ тому, что на непріятельскомъ берегу Вида, около моста, слышенъ скрипъ громадныхъ обозовъ, глухой шумъ отъ скопляющихся массъ людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не было замѣтно. Но туманъ мало по малу началъ разсѣеваться, вскорѣ небо слабо заалѣло на востокѣ... Предъ нашими сторожевыми постами раскрылась картина движенія турецкой арміи Османа-паши. Взвилась въ небо сигнальная ракета, и по всему широкому пространству нашей тыловой позиціи зарокотали барабаны тревогу, строились войска въ стройныя колонны, и генералъ Ганецкій мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день по очереди Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ. Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной за-Видской равнинѣ и стремительно бросились въ наступленіе. Изъ нашихъ траншей осыпали ихъ ружейнымъ огнемъ, губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ головами турокъ, но они неистово шли на насъ безъ выстрѣловъ. Османъ-паша велъ самъ аттаку. Съ криками *алла* кинулись они въ штыки на окопы и въ мгновеніе смѣшались въ окопахъ съ сибирцами. Ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не оставилъ передовой траншеи—всѣ полегли подъ турецкими штыками. Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу земляную баттарею, гдѣ стояло нѣсколько полевыхъ орудій. Большая часть прислуги была переколота. Непріятель уже достигъ второго ряда нашихъ траншей, но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, онъ поддержалъ сибирцевъ и тогда началось горячее стрѣлковое, а вскорѣ затѣмъ и штыковое дѣло.

Генералъ Ганецкій замѣтилъ, что турки хотятъ пробиться къ Дунаю. Османъ-паша наибольшія усилія направилъ на лѣвый флангъ сибирцевъ, который наконецъ и сталъ подаваться назадъ; на помощь флангу должна была подойти 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, но до ея прихода генералъ Лошкаревъ съ 9-й кавалер. дивизіей выстроилъ свои полки и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лошкаревымъ была убита лошадь и въ тоже время нѣсколько коней и всадниковъ выбыли изъ строя. Турки же все ломили на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 4-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи. Полки этой бригады, Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, приведенные сюда на смѣну румынъ дня за три до 28-го числа, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ, что турки сразу оставили нападенія на лѣвый флангъ, но за то всѣ усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи. Генералъ Ганецкій все время разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать, и не смѣй думать объ этомъ, съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ сибирскимъ ротамъ, предъ которыми растилалось въ одномъ мѣстѣ кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли всѣ патроны, кричали ему изъ ложементовъ солдаты.

— Ну, наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнутъ непріятеля, да и баттарею свою отберутъ.

— Рады стараться! Прикажите впередъ идти!

— Не торопись, братцы, будетъ время—прикажу. Не бойсь, назади не останетесь. А патроны вотъ уже подвозятъ.

Въ это время турки уже успѣли переправить за Видъ семь орудій, которыя приблизились къ намъ на столько, что гранаты ихъ летѣли чрезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и лопались около резервовъ. Генералъ Ганецкій отправилъ находящагося въ его распоряженіи генералъ-маіора Струкова къ начальнику 2-й гренадерской дивизіи генералъ-лейтенанту Свѣчину, приказавъ Струкову вести эту дивизію по направленію того пункта, гдѣ турки сосредоточивали наибольшія свои усилія.

А раненые у насъ все прибывали и прибывали. Но всѣ сознавали рѣшительность боя, отъ котораго зависѣла чуть ли не участь цѣлой войны и никто не жаловался: было уже не до личныхъ страданій того или другого.

Спѣшнымъ шагомъ прошелъ мимо корпуснаго командира Астраханскій гренадерскій, Наслѣдника Цесаревича полкъ.

— Помните, Астраханцы, чье имя вы носите! крикнулъ имъ Ганецкій послѣ привѣтствія.

Рядомъ съ Астраханцами двигались Самогитскіе гренадеры, и оба эти полка, воодушевясь примѣромъ своихъ суворовскихъ дѣдовъ, дружно ударили въ штыки на врага. Они вышвырнули турокъ изъ траншеи, отбили захваченныя ими русскія пушки и сами взяли семь турецкихъ орудій съ ящиками, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ взялъ съ бою турецкое знамя. Съ отбитіемъ траншеи успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Турки отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла и оттуда открыли огонь по нашимъ ложементамъ. Завязался оживленный бой. Въ это время подъ Османомъ-пашей была убита его рыжая лошадь, подарокъ султана, и онъ самъ раненъ пулею въ лѣвую икру на вылетъ. Вѣсть о ранѣ главнокомандующаго пронеслась по рядамъ его арміи и тотчасъ же тѣ самые батальоны, которые полчаса назадъ бились съ такою отчаянною рѣшимостію, теперь шарахнулись назадъ въ крайнемъ безпорядкѣ. Фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что все дѣло держалось не на собственныхъ нравственныхъ боевыхъ качествахъ, а единственно на авторитетѣ военачальника. Наши гренадеры перешли въ общее наступленіе. Турки разстраивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень вся армія бѣжала уже въ разбродъ отовсюду и сплошными темными массами толпилась у обоихъ мостовъ на Видѣ, а наши гранаты то и дѣло разрывались посреди ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Артиллерійская бригада флигель-адъютанта полковника Щеголева (памятнаго Россіи еще по Крымской войнѣ своей геройской обороной Одессы) вынеслась далеко впередъ и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля. Наконецъ сквозь пороховой дымъ замѣтили въ свитѣ генерала Ганецкаго, что на мосту среди всей сумятицы и толчеи кто-то машетъ бѣлымъ флагомъ. Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи привезли къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами. Но Ганецкій, зная уже испытанное вѣроломство турокъ, отказался принять парламентера и приказалъ трубачу проводить его обратно къ мосту. Перестрѣлка между тѣмъ шла своимъ чередомъ: не прошло и получаса, какъ пріѣхалъ новый парламентеръ. Этотъ послѣдній также не былъ допущенъ къ переговорамъ нашимъ генераломъ, который подозвавъ къ себѣ Струкова, просилъ его написать на французскомъ языкѣ записку къ самому Осману.

„Ваше превосходительство,—писалъ генералъ Струковъ карандашемъ на клочкѣ бумажки,—командующій отрядомъ генералъ Ганецкій поручилъ передать вамъ, что онъ приметъ для переговоровъ только лицо, замѣняющее вашу особу, такъ какъ генералу извѣстно, что сами вы ранены“.

Вручивъ эту записку турецкому посланцу, Ганецкій приказалъ Струкову ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ мосту и тамъ ожидать отвѣта. Въ недоумѣніи многія тысячи турокъ толпились на правомъ берегу Вида, томясь неизвѣстностію о своей участи, тогда какъ на нашей сторонѣ уже гремѣло могучими раскатами отъ батальона къ батальону побѣдное „ура“, во славу Русскаго Государя.

О сдачѣ Османа-паши и всей его арміи мы имѣли уже случай разсказать въ предъидущемъ № „Нивы“; здѣсь же помѣщаемъ рисунокъ, изображающій сдачу всей арміи Османа-паши. За симъ, для полноты нашего описанія укажемъ еще на то, въ какомъ состояніи оказалась Плевна послѣ 28-го ноября. Объ этомъ корресп. „Нов. Вр.“ передаетъ между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія:

Юго-западная окраина города Плевны вся въ развалинахъ. Черные остовы домовъ, стѣны, пробитыя ядрами, продырявленныя крыши. Только бѣлая мечеть уцѣлѣла, гордо подымая свой красивый минаретъ надъ массою руинъ. За мечетью начинается часть города, мало потерпѣвшая отъ нашего огня. Пустынныя улицы, безлюдные дома, длинный рядъ забитыхъ лавокъ, въ жилищахъ заперты ставни. Чѣмъ идешь далѣе, тѣмъ становится все сильнѣе, гнетущѣе впечатлѣніе мертваго города. На камняхъ мостовой, въ грязи валяются сотни труповъ. Одинъ вотъ шелъ—не осилилъ, упалъ лицомъ внизъ и умеръ такъ. Другой въ послѣднюю минуту, видимо, хотѣлъ закрыть лицо отъ чего-то ужаснаго. Руки такъ и закостенѣли... Третій распростерся какъ разъ посреди улицы. У него рана во лбу. Дверь одной лавки отперта. Человѣкъ почти голый лежитъ на полу, привалясь головою и протянувъ руку къ погасшему костру. Вотъ цѣлое семейство болгаръ, укрывшихся въ землянкѣ отъ убійственнаго огня, но не спасшихся отъ голода. Цѣлая семья скучилась; въ углу сидитъ точно живой старикъ и остеклѣвшими глазами смотритъ въ упоръ. Умершій ребенокъ лежитъ у высохшей груди мертвой матери. Говорятъ, что въ Плевнѣ во время осады бѣдняки умирали съ голода цѣлыми сотнями и только богатые не испытывали такихъ мученій. Вотъ въ одномъ

болгарскомъ домѣ помѣщается турецкая больница. Пахнетъ свѣже-раскопанной могилой; полъ балкона покрытъ органическими остатками самаго отвратительнаго свойства и клочьями прогнившихъ тряпокъ. Въ комнатахъ на полу всюду лежатъ мертвые. Въ ранахъ копошатся черви. Оставшіеся въ живыхъ полупомѣшаны отъ страданій и голода. Въ другихъ больницахъ тѣже сцены, и среди труповъ встрѣчаются еще дышащіе; въ массѣ тѣлъ нѣкоторыя еще шевелятся. Турецкіе врачи кажется и не думали подавать помощь своимъ раненымъ: турецкіе санитары нисколько о нихъ не заботились. И только вездѣ закрыты двери и забиты окна. Больные разсказывали, что когда они выходили изъ больницъ и ловили на улицахъ своихъ врачей, прося ихъ оказать помощь—тѣ били ихъ палками и загоняли назадъ въ отравленныя больницы. Высшее начальство не обращало на больныхъ вниманія. Одинъ паша ударилъ палкою раненаго за то, что тотъ попросилъ у него хлѣба. Ударъ былъ такъ силенъ, что бѣднякъ тутъ же умеръ. Не смотря на холодное время, многіе больные были раздѣты, потому что ихъ платья понадобились обносившимся здоровымъ, которые могли драться. Нечего и говорить, что лекарствъ не полагалось, а перевязки мѣнялись разъ въ недѣлю и то въ тѣхъ случаяхъ, когда докторовъ насильно приводили и заставляли работать. Массы больныхъ были такъ велики, что лежали и въ мечетяхъ и даже на папертяхъ на открытомъ воздухѣ. На нѣкоторыхъ улицахъ между трупами также попадались раненые. Разсказываютъ, что одинъ на глазахъ нашихъ солдатъ разбилъ себѣ голову о камень, когда тѣ, захвативъ его товарищей, чтобы нести въ больницу, оставили страдальца, обѣщаясь сейчасъ же за нимъ вернуться. Но онъ не понялъ ихъ и вѣроятно думалъ, что его бросили на произволъ судьбы.

Плевненскіе болгары во все время осады находились въ самомъ мучительномъ положеніи. Они ожидали со дня на день смерти и только желѣзная воля Османа удерживала таборы отъ кровавыхъ оргій грабежа и убійствъ. Когда мы начали громить Плевну артиллерійскимъ огнемъ—жители вырыли землянки и цѣлые дни прятались тамъ. Вслѣдствіе этого у нихъ умерло множество простуженныхъ дѣтей. Множество болгаръ умерло отъ истомы на работахъ, къ которымъ ихъ принудили турки. Всѣ грозные редуты вокругъ Плевны, всѣ глубокія траншеи, вырытыя на Зеленыхъ, Гривицкихъ и Опанецкихъ горахъ, созданы болгарскими руками. Ихъ каждое утро сгоняли на намѣченные пункты. Четверо отказавшихся отъ этой каторжной работы были казнены на городской площади. Могилы въ Плевнѣ найдены общія, въ семьдесятъ шаговъ длины и аршина три ширины.

Одинъ изъ четырехъ, дополняющихъ эту статью рисунковъ, изображаетъ очищеніе госпиталей Плевны отъ турецкихъ труповъ, оказавшихся въ громадномъ количествѣ и, какъ сказано выше, не только въ госпиталяхъ и частныхъ домахъ, но и на дворахъ домовъ и даже просто среди улицъ.

Стихотвореніе.

Предъ ницъ упавшею толпою
Воздвигнутъ обрѣтенный крестъ,
Страданьемъ Бога осѣненный,
Посредникъ праха и небесъ...

И весь народъ единогласно,
„Господь! помилуй насъ!“ молилъ,
„*За насъ* Ты умеръ, Непорочный,
„*Нашъ* грѣхъ страданьемъ искупилъ.

„И мы за крестъ страдать готовы,
„Мы всѣ гоненія снесемъ,
„Лишь подкрѣпи Своей насъ силой—
„И мы за крестъ святой умремъ“.

И умирали... Духомъ тверды,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
Своею смертью разбивая
Кумиры временные въ прахъ.

Твой часъ насталъ, о полумѣсяцъ,
Магометанъ символъ златой...
Сильна въ насъ вѣра въ Всеблагого —
И мы встаемъ за крестъ святой;

Встаемъ, съ благословеньемъ неба,
Встаемъ — карающимъ судьей,
Чтобы воздвигнуть крестъ Господень
Надъ всей поруганной землей.

В...

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

XI.

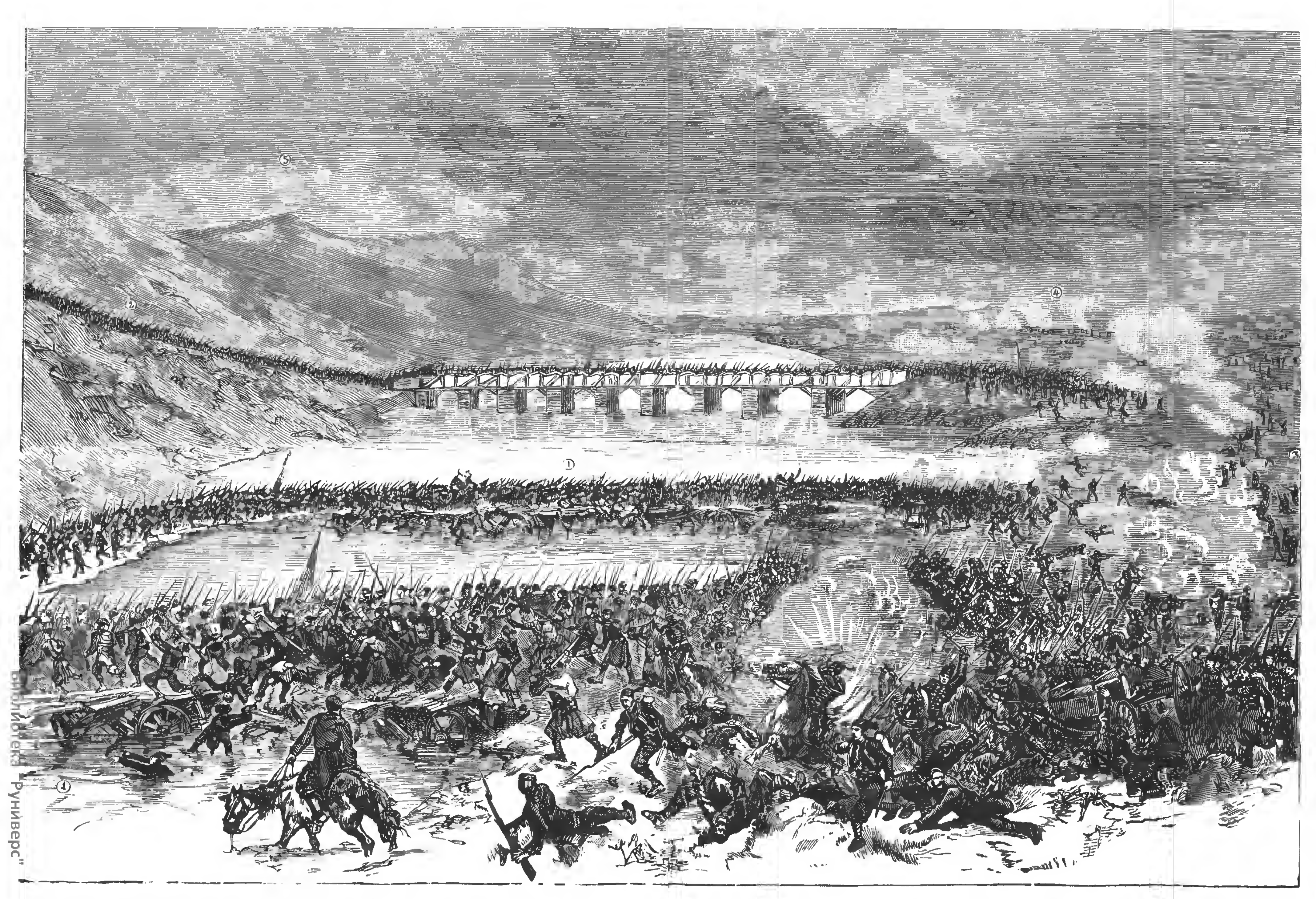
Возвратился попъ отъ Филарета, и повѣдалъ свое горе дьячку.

— Значитъ выкупать,—сказалъ тотъ—больше ничего не остается. Вотъ вечеромъ и отправимся въ вертепъ здѣшній. Видишь-ли казусъ-то въ чемъ, — нерѣшительно прибавилъ онъ:—дочурки-то твои ужь больно по нраву здѣшнимъ пришлись, выкупъ большой сдерутъ...

— У меня денегъ много,—хмуро сказалъ Алфей:— можетъ и выкупимъ. Лишь бы отдали...

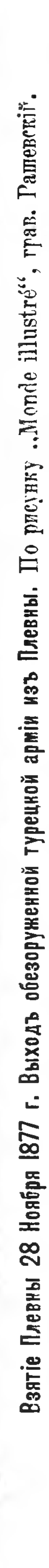
Алфей никогда не любилъ своихъ дѣтей особенно сильно. Натура у него была жестковатая, холодная. Когда Наташа съ Катей были маленькими, онъ на нихъ почти не обращалъ вниманія: съ ними постоянно возилась мать. Началъ онъ было ихъ учить грамотѣ—да бросилъ,—скучно показалось. Но потомъ, когда умерла у него жена, ему волей неволей приходилось всматриваться въ нихъ внимательнѣе, хотя онѣ уже выходили изъ возраста дѣвочекъ, особенно Наташа. Но и тутъ особенной, тѣсной дружественной связи между отцомъ и дочерьми не образовалось, хотя рѣзкую разницу въ характерѣ обѣихъ ему и тогда приходилось подмѣчать. Наташа была какъ то степеннѣе Кати, и двигалась, и говорила, и дѣлала все такъ плавно, была хозяйкой хорошей, никогда почти съ отцомъ не ссорилась, слыла за „добрую дѣвку“. Катя тоже была добрая дѣвка только совсѣмъ иная. Она что ни дѣлала—все срыву, даже ходить не умѣла съ самаго дѣтства,—больше все прыгала. Говорила она какъ-то не думавши, и языкъ за зубами не умѣла держать. Хозяйство она не то что не любила, а знала, что сестра любитъ хозяйничать больше ея, потому въ домашній обиходъ и не вмѣшивалась. Съ отцомъ она и спорила и бранилась не рѣдко, только сердце ея скоро проходило. Трудно сказать, которую попъ любилъ больше,—онъ, кажется, ни той, ни другой не любилъ, покрайней мѣрѣ не думалъ никогда объ этомъ. Когда ихъ внезапно увезли отъ него, онъ поддался неожиданно охватившему его чувству и поѣхалъ ихъ выкупать. Это былъ отцовскій инстинктъ, гораздо болѣе инстинктъ, чѣмъ сознательное, искреннее чувство.—Болѣзнь сообщила всѣмъ его дѣйствіямъ какую-то машинальность: онъ и выкупалъ ихъ потому только что *надо-же* отцу выкупить его дочерей. Но теперь, когда успѣхъ на ихъ выкупъ сдѣлался сомнителенъ, онъ вдругъ почувствовалъ къ нимъ любовь, да такую горячую, отцовскую, непреодолимую, что кажется цѣлый міръ не промѣнялъ бы на эти два дорогія, милыя существа.

Съ страннымъ чувствомъ слѣдовалъ онъ за дьячкомъ по извилистымъ, непроходимымъ закоулкамъ Тушина. Ему все казалось, что онъ спитъ, что и похищеніе дочерей, и его болѣзнь, и патріархъ, и дьячекъ, и даже та темнота, въ которой они брели,—все это сонъ, тяжелый, давящій ему грудь; что какъ только дочери возвратятся къ нему, такъ и кончится этотъ сонъ, онъ проснется, и опять все пойдетъ по старому, и лѣто опять наступитъ, и медомъ запахнетъ, и мирно они по прежнему въ Юринѣ заживутъ. Онъ чувствуетъ, что близокъ этотъ сонъ къ концу, что можетъ быть до полуночи онъ изъ стана уѣдетъ... Сердце его съ болью сжималось, точно рвалось изъ груди.

Взятіе Плевны 28 Ноября 1877 г. Поспѣшное отступленіе турокъ обратно за р. Видъ, послѣ неудачной попытки прорваться изъ Плевны. По рисунку „Monde illustré", грав. Вейерманъ.

1) Мостъ черезъ р. Видъ, составленный изъ телѣгъ. 2) Турки, бѣгущіе обратно за р. Видъ къ Плевнѣ. 3) Русскіе авангарды 4) Русскіе баттареи 5) Горы, за которыми—Плевна.

Взятіе Плевны 28 Ноября 1877 г. Выходъ обезоруженной турецкой арміи изъ Плевны. По рисунку „Monde illustré“, грав. Рашевскій.

Наконецъ привелъ его дьячекъ послѣ долгихъ исканій и распросовъ въ какую-то избу. Тамъ скучившись на небольшомъ пространствѣ между печью и окномъ, сидѣло, стояло и лежало человѣкъ двадцать, порядкомъ подвыпившихъ молодцевъ,—по избѣ дымъ ходилъ коромысломъ, воняло всякою гадостью, и грязь была непомовѣрная. Посреди компаніи, на полу, шевелилось какое-то безобразное, слюнявое существо съ балалайкой, и тоненькимъ фальцетомъ тянуло пѣсню. Ему иные подтягивали, иные свое тянули, а большинство или ругалось, или цѣловалось. Попа такъ и отшатнуло, когда онъ переступивъ порогъ, попалъ въ этотъ чадъ, въ этотъ прокислый воздухъ, гдѣ нескончаемымъ гуломъ стоялъ пьяный говоръ. Онъ прислонился къ притолкѣ,—у него послѣ болѣзни все еще слабость большая чувствовалась, да вдобавокъ его утренній визитъ къ патріарху сильно утомилъ.

Дьячка нѣкоторые сейчасъ признали, и зазвали въ кругъ.—„Плясунъ пришелъ". обрадованно крикнулъ какой то пузатенькій, бѣлявый, растопыривая руки, что-бы принять его въ объятія. Дьячекъ перецѣловался со всѣми и началъ излагать серьезнымъ тономъ причину посѣщенія. Компанія долго не могла разобрать въ чемъ дѣло, и при чемъ тутъ попъ Алфей. Наконецъ догадались. Бѣлявый вдругъ съ-пьяна въ слезы ударился.

— Бери! съ чувствомъ заговорилъ онъ:—все бери другъ любезный, не токмо что Катьку—душу возьми,—ту отдамъ для тебя... Мнѣ Катька что—тьфу! Только нюнитъ, да кукситcя. Ты выпей съ нами, и попа зови... А дочурку мы ему отдадимъ...

— А Наташку-то какъ-же?.. спросилъ Алфей.

— Да Наташка-то не моя,—радостно улыбнулся бѣлявый.—На счетъ ее я не могу... Катьку отдамъ—чертъ съ ней! А Наташка это дѣло Петры...

— А гдѣ Петра?

— А Петра вонъ въ углу.

Петра оказался черноусымъ, черноглазымъ южнаго типа красавцемъ. Онъ подперевъ руки въ боки, важно выслушалъ попа и лаконически отвѣтилъ:

— Не отдамъ.

— Отдай,—закланялся попъ:—я те денегъ, сколько хошь...

— Не отдамъ... Сжился съ ней, привыкъ. Да и она не пойдетъ.

— Какъ не пойдетъ—пойдетъ.

— А я тѣ говорю, что не пойдетъ. Вотъ увидишь...

— Ты что, чортъ, денегъ не берешь,—раздался сиплый голосъ.—Намедни въ зернь проигрался, самъ въ долгу, какъ въ шелку, а туда-же, кочевряжится.

— Молчи, крыса! огрызнулся Петръ.

— Молчи! А знаешь, что съ вашимъ братомъ надувальщикомъ дѣлаютъ, которые проигрыша не отдаютъ: на осину вѣшаютъ.

— Такъ и повѣсили! презрительно замѣтилъ Петръ.

— Кто-жь послѣ этого съ тобой играть будетъ,—подзадоривалъ Крыса, когда ты надувательствомъ живешь.

— А у тебя много денегъ? вдругъ отрывисто спросилъ попа Петръ.

— А тебѣ много ли надо? возразилъ тотъ.

— Вали всѣ, что есть на столъ,—тамъ посмотримъ.

Алфей вытрясъ изъ кошеля все, что тамъ было; кривыя, не ровно обрѣзанныя, монеты со звономъ легли на закорузлый столъ.

— Эге-ге,—проворчалъ Петръ, и сталъ считать.

— Ты такъ и знай,—предупредилъ его Крыса,—коли сегодня ты мнѣ не отдашь долга,—вздуемъ.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, все считалъ. Счелъ и на попа посмотрѣлъ.

— Ты это гдѣ награбилъ столько? усмѣхнувшись спросилъ онъ.

Не торопливо пересыпалъ онъ деньги въ кошель, и сказавъ попу—„Пожди, вернусь скоро",—вышелъ.

— И Катьку зови.—крикнулъ ему вслѣдъ бѣлявый.

— Теперь смотри онъ съ деньгами удеретъ,—замѣтилъ кто-то.

— Не удеретъ, самоувѣренно возразилъ Крыса.—Не такой человѣкъ.

— Слышь, попъ! раздался еще болѣе охмѣлѣвшій голосъ бѣляваго,—а я раздумалъ: даромъ Катьки тебѣ не отдамъ.

Попъ растерялся.—Да у меня нѣтъ больше денегъ,—залепеталъ онъ...

— Не нужно мнѣ денегъ... Ты мнѣ, другъ мой любезный, пропляши! Ужь очень я смотрѣть люблю, когда пляшутъ. Вотъ Устильянъ примѣрно,—(онъ хлопнулъ дьячка по плечу),—первый плясунъ во всемъ станѣ. и люблю я его за то д смерти.– Пропляши ты, а Фроська на балалайкѣ сыграетъ. Фроська,—закатывай! Алтыномъ жалую!

— Бра-атцы. помогите! вдругъ раздался вопль и кто-то по заячьи крикнулъ... Убилъ... ой, смерть моя!..

Всѣ кинулись въ уголъ. Поваленный ударомъ ножа въ низкую лоханку, копошился раненый, и страшно стоналъ.

— Ты что,—убійство здѣсь чинить, раздалось нѣсколько голосовъ и дюжія руки протянулись къ какому-то парню, что пырнулъ въ бокъ сосѣда.

Алфей зажмурился, и забился у печки...

XII.

По прежнему въ избѣ было шумно и гадко, только къ остальнымъ міазмамъ примѣшался еще острый, норкотическій запахъ крови.

Наконецъ дверь отворилась, пахнуло струею сыраго, холоднаго надворнаго воздуха, и Катя съ разбѣгу кинулась на шею отцу.

Она охватила его руками, прижалась лицомъ къ его груди, и разразилась судорожными, порывистыми рыданіями. Попъ совсѣмъ растерялся, обнялъ ее, тоже сырую, холодную, какъ и этотъ пахнувшій воздухъ, и не выдержалъ—на скамью опустился... Онъ цѣловалъ ее въ темя, какъ разъ приходившееся возлѣ его губъ, и все шепталъ: „Ну вотъ, вотъ"... Онъ не зналъ, что сказать, что сдѣлать—онъ видѣлъ только, чувствовалъ возлѣ себя эту русую головку, которая конвульсивно билась и колотилась отъ сдерживаемыхъ рыданій. Она тоже ничего не говорила,—да и не думала о томъ, нужно ли что говорить при подобной встрѣчѣ.

А вокругъ также шумѣли, не обращая на нихъ вниманія, только бѣлявый, совсѣмъ посоловѣвши, улыбался, смотря на нихъ, и говорилъ: „все то кукситcя, вотъ-то глупая"!

— Попъ, раздался голосъ Петра, и онъ качнулъ его за плечо.—Наташка нейдетъ къ тебѣ.

— Какъ? заговорилъ попъ, стараясь оглянуться, отводя руками Катю. Передъ нимъ, въ богатой душегрѣйкѣ, съ монистами на шеѣ, стояла Наталья, опустивъ глаза, нѣсколько истомленная, блѣдная, но такая-же видная, красивая. Въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились, она подошла къ нему, и какъ-то стыдливо но крѣпко-крѣпко поцѣловала его въ щеку.

— Ты, ты какъ-же, какъ-же?.. Къ отцу... забормоталъ попъ.

Наташа взглянула на Катю (а та все рыдала), и по ея лицу пробѣжало что-то.—Я къ тебѣ, съ тобою пойду, сказала она.

Петръ нахмурился.—Не остаешься? спросилъ онъ.—А чтоже ты въ землянкѣ-то говорила.

Наталья ничего не отвѣчала.

— Уходи, скорѣй уходи. шепталъ Устильянъ, дергая попа за полу.

Алфей опомнился, и быстро взялъ дочерей за руки.

Петръ вдругъ схватилъ за горло Наташу и сорвалъ

ожерелье.—Вонъ! крикнулъ онъ, топнувъ ногой.—Чтобъ духу вашего не было. Живо!

Алфей опрометью кинулся къ двери, дьячекъ сохранялъ арьергардъ.

Почти вслѣдъ за ними вынесли трупъ убитаго. Впрочемъ попойка продолжалась по прежнему, и даже на улицу доносились возгласы: „Фроська, заваливай"!

Сытая лошаденка, мигомъ запряженная съ помощью Устильяна, бойко сѣменила по снѣгу, везя низкія розвальни, съ попомъ и его дочерьми. Попъ сидѣлъ на рогожѣ у передка, свѣсивъ ноги на полозья, и находился въ какомъ-то особенномъ, необыкновенномъ состояніи. — „Ну вотъ и кончилось все, кончилось", думалось ему. — „Проснемся завтра, и опять все по старому, какъ будто и не бывало ничего. — Онъ смотрѣлъ на темное звѣздное небо, на чорный путь, что вился съ пригорка на пригорокъ межъ снѣжныхъ полей, на мельницы, темными пятнами стоявшія вдалекѣ, растопыривъ въ ночномъ воздухѣ свои неподвижныя крылья, на огоньки мелькавшие назади въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть Тушино,—смотрѣлъ и улыбался такой блаженной, дѣтски-счастливой улыбкой. Понималъ онъ что ему съ дочерьми заговорить надо, сказать имъ что нибудь такое хорошее, сердечное, но слова просто не шли съ его языка, и все что не рвалось, ни кипѣло въ немъ,—такъ и замирало внутри его, выражаясь только въ счастливой, блаженной улыбкѣ. А дочери точно отвыкли отъ отца за это время, имъ обѣимъ, особенно Наташѣ, какъ то не ловко было при немъ. Онѣ чувствовали, что не виноваты-же онѣ во всемъ томъ, что случилось, и въ тоже время имъ стыдно было за свое положеніе.

— Ну вотъ опять домой пріѣдемъ, весело заговорилъ попъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ. Тамъ я старика оставилъ, не знаю только живъ-ли онъ, живетъ-ли у насъ.

— Какого старика? спросила Катя.

— А того, что въ тотъ день пришелъ, помнишь?.. Въ тотъ день, какъ... Ну вотъ тогда... Такъ онъ хотѣлъ до моего пріѣзда побыть. Ну, значитъ по старому заживемъ опять, коли Господь дастъ.

Ему стало представляться какъ они въ Юринѣ опять жить будутъ, что жизнь ихъ будетъ теперь гораздо полнѣе, теплѣе, радушнѣе... Какъ-то Алешка теперь?.. Онъ хотѣлъ спросить объ этомъ мнѣнія у Наташи, да удержался. — „У Авраамія Палицына на послугахъ, теперь его рукой не достанешь, думалъ онъ: отъ Наташки, чего добраго, теперь и рыло отворотитъ".

XIII.

Они поѣхали тише, то вздымаясь на холмикъ, то спускаясь. Всѣхъ охватывало непріятное чувство безлюдья. Вѣтерокъ рѣзкою струйкой забирался и въ рукава и за спину, и за шею, заставляя невольно вздрагивать, ежиться. Даже у Алфея стало проходить его праздничное настроеніе, и постепенно замѣнялось мыслью: „ахъ поскорѣе миновалось бы все это, наступило бы что нибудь другое; что нибудь—только бы этого не было".

И на небѣ стало не такъ мирно, свѣло, какъ прежде: набѣжали какія-то тучки. Вѣтеръ разыгрывался сильнѣе, и мелъ снѣгомъ по дорогѣ засыпая проторенныя колеи, обсыпая холодными, колючими, оледенѣвшими снѣжинками съ однаго бока путниковъ; лошадь все напряженнѣе подергивала сани, всѣ кутались по теплѣе.

— Кажись село! сказалъ Алфй взглядываясь впередъ; огонекъ виднѣется.

Онъ погналъ лошадь сильнѣе, да она и сама подбавила рыси.—Берегись! раздался крикъ сзади.

Попъ пугливо оглянулся и своротилъ къ сторонкѣ; слышны были смѣхъ, говоръ, топотъ цѣлаго отряда. Мимо проскакали всадники.

— Наташка! раздался у саней знакомый голосъ: вотъ гора съ горой не сходится... Хошь со мной ѣхать: лѣзь сюда, мѣста будетъ.

Алфей вскочилъ съ своего мѣста, но потерялъ равновѣсіе и на снѣгъ упалъ,—онъ прямо на чью-то лошадь наткнулся. Но впрочемъ онъ тотчасъ же опомнился, поднялся, и вдругъ съ воплемъ на всадника бросился.

— Отдай,—крикнулъ онъ,—отдай! мало тебѣ, мало?! Кровопіецъ! Не пущу,—умру не пущу!..

Онъ схватился одной рукой за платье дочери, другой за поясъ всадника и выхватилъ оттуда ножъ. Но вдругъ въ глазахъ его помутилось, въ темени почувствовалось тупая боль и ломота: его кистенемъ ударили. Онъ повалился па снѣгъ навзничъ; руки его раскинулись въ стороны, ротъ полураскрылся, а глаза сощурились плотно, плотно...

Такъ его и застала поздняя утренняя заря.

Шелъ на зарѣ по дорогѣ человѣкъ, прозвищемъ Ванька Горшокъ, изъ холопей. Былъ онъ холопомъ на Москвѣ у одного боярина. Былъ у Ваньки кумъ—поваръ Митька. Вотъ пришелъ Митька къ Ванькѣ и говоритъ.

— Ванька, хочешь вольнымъ быть?

— Хочу, говоритъ.

— Иди въ Тушино.

— Да я, говоритъ, на разбой не способенъ.

— Да ты не разбойничай. Поцѣлуй только крестъ вору, и сейчасъ назадъ въ Москву ворочайся—вольную дадутъ.

— За что—про что?

— А за то, что у вора не остался, а обратно на Москву вернулся.

— Ну, а ты то?

— И я съ тобой.

Такъ они дѣло и порѣшили. Ужь такъ заманчивъ для нихъ былъ законъ, изданный Василіемъ Шуйскимъ о вернувшихся изъ Тушина холопяхъ, что рѣшили они ради этого въ Тушино сбѣжать.

И сбѣжали.

Въ Тушинѣ и Ванька Горшокъ, и поваръ Митька, какъ слѣдуетъ быть, крестъ самозванцу поцѣловали, въ вѣрности поклялись и попьянствовали немного. Черезъ недѣльку они домой собрались, да Митька опился съ какой-то радости и померъ. Ванькѣ пришлось одному идти.

Идетъ онъ знакомой дорогой и разсуждаетъ: „шабашъ! я теперь вольная птица. меня не надуешь",—и находится отъ такихъ мыслей въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Станъ далеко назади ужь остался и ужь село Братошино зачернѣлось на холмикахъ вдали. и шагу ужь онъ прибавилъ, надѣясь поѣсть чего нибудь въ какой-нибудь хатѣ, а коли можно и стащить что нибудь, да вдругъ замѣтилъ, что нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги человѣкъ лежитъ, раскинулся, словно мертвый. Подошелъ—видитъ, крови лужица небольшая, въ снѣгъ ушла, пообтаяла его вокругъ; лицо посинѣло, блѣдное. Упокойникъ, или нѣтъ? подумалъ онъ и пнулъ его въ бокъ.

Алфей открылъ глаза и безсознательно посмотрѣлъ на него.—Ты чего-жь это? спросилъ Горшекъ.

Алфей лобъ потеръ. А гдѣ же лошадь? спросилъ онъ.

— Лошадь?.. лошади, братецъ мой, для бояръ оставлены, а мы такъ странствуемъ...

— А Катя, Катя?..

— Катя? Горшокъ съ недоумѣніемъ оглянулся.—Кати тоже нѣтъ.

Алфей пожевалъ губами.

— Кто это тебя? спросилъ Ванька.

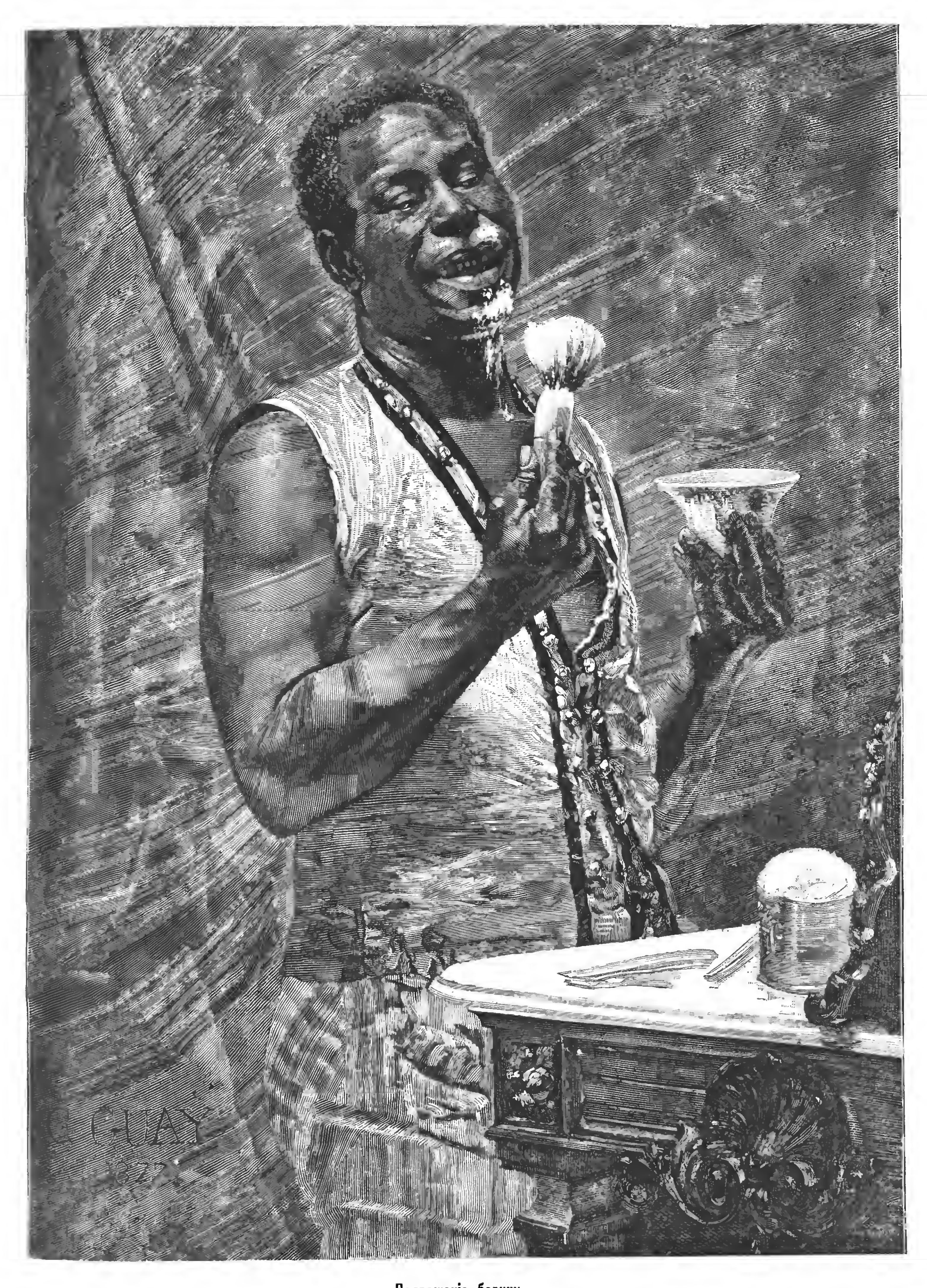
— Что?

Ванька показалъ на снѣгъ.

— Да развѣ это моя, спросилъ **Алфей, глядя на** красное пятно.

Взятіе Плевны 28 Ноября 1877 г. Очищеніе лазаретовъ г. Плевны отъ турецкихъ труповъ. По рисунку „Monde illustré.“, грав. Вейерманъ.

Подражаніе барину.

— Баринъ часто вотъ этой штукой мажетъ щеки, должно быть ему пріятно... Ну ка, я попробую.

Картина Гюйо, грав. Р. Ф.

— А то чья-же?... Ишь ты въ високъ какъ угостили ловко...

Алфей приподнялся и заохалъ. Онъ чувствовалъ боль и въ темени, и въ вискѣ, и въ локтѣ: должно быть, онъ, падая, разшибся о сани.—Ну куда же? спросилъ онъ.

— Я на Москву, а куда ты—не знаю.

— Въ Москву? повторилъ Алфей... Ну пойдемъ въ Москву. А далеко?..

— Гдѣ далеко,—возразилъ Ванька. Вотъ придемъ въ Братошино, изъ Братошина въ Черкизово, изъ Черкизова въ Пирогову, а изъ Пироговой въ саму Москву—золотыя маковки—черезъ Тверскія ворота и проникнемъ. Оно можно напрямяки лѣсомъ,—да снѣжно больно—такъ то лучше. Идемъ,—я тѣ пѣсню спою важную.

Онъ заломилъ шапку на бекрень и залихватски дернулъ.

„Ахъ Гришка-разстрижка на царствѣ сидитъ.
Въ среду скоромное лопаетъ!..“

И звонко понеслась по снѣжному полю разухабистая пѣсня...

XIV.

Iезуитъ должно быть былъ тонкій знатокъ человѣческой природы, когда увѣрялъ пана Мнишка и Димитрія Ивановича, что все устроится и обойдется благополучно. Не прошло и трехъ дней послѣ ужаснаго пріема, оказаннаго царю Мариной Юрьевной, какъ вдругъ она объявила, что мужемъ своимъ она его признаетъ и въ Тушино ѣхать хочетъ. Сейчасъ же распустили знамена, заиграли трубы и повезли ее съ торжествомъ въ лагерь. Современники-очевидцы увѣряютъ, что свиданіе было самое трогательное. Невидавшіе другъ друга болѣе двухъ лѣтъ, царь и царица кинулись другъ другу въ объятія, цѣловались, плакали отъ радости и благодарили Бога, что онъ привелъ имъ свидѣться. Даже посторонніе зрители—и тѣ не выдержали—стали слезами заливаться.

Хотя Марина и объявила кому слѣдуетъ, что бракъ ея съ новымъ мужемъ—бракъ фиктивный, тѣмъ не менѣе на радостяхъ встрѣчи начались празднества. Паны, какъ и слѣдуетъ просвѣщеннымъ современникамъ, отдавали долгъ великому историческому событію: то есть по очереди напивались. Всѣхъ больше щеголяли выпивкой панъ Рожинскій, да панъ Сапѣга. Они совсѣмъ сдружились, саблями помѣнялись,—исполнивши такимъ образомъ обрядъ рыцарскаго брудершафта, и поклялись во взаимной дружбѣ до гроба. До того усердно возглашалъ Сапѣга тосты за царицу, что поздней ночью возвращаясь въ свой станъ, хотя и шагомъ ѣхалъ, но свалился таки съ лошади и разшибся. Впрочемъ царскими угощеніями паны недовольны были: совсѣмъ онъ ихъ „по итальянски“ угощалъ: сластей не давалъ,—медовъ очень мало было, да вдобавокъ за тостами короля Сигизмунда братомъ своимъ называлъ: просто изрыгалъ на Господа хулу.

Марина смотрѣла на мужа, какъ на орудіе къ достиженію своихъ цѣлей. Должно быть она и согласилась признать его, убѣжденная іезуитомъ, что онъ *супругомъ* ея не будетъ, и слѣдовательно ея женская гордость и честь ничѣмъ не пострадаетъ. Но долго не могли тянуться эти платоническія отношенія при постоянныхъ столкновеніяхъ и житьѣ вмѣстѣ... Да вдобавокъ она въ станѣ осталась совершенно одинокой: вельможный отецъ ея заблагоразсудилъ убраться въ свой Самборъ, видя что отъ зятя не многимъ поживишься. Разставаніе ихъ было болѣе чѣмъ холодно: панъ уѣхалъ разсерженный на свою дочь, вѣроятно главнѣйшимъ образомъ потому, что ощущалъ въ своемъ карманѣ гораздо меньше червонцевъ, чѣмъ подобало бы тестю царя всея Руси.

А смута все больше и больше разливалась по царству: въ Тушино безпрерывно подходили полки, самозванецъ усиливался. Изъ Москвы бѣжали „перелеты“. изъ Польши и съ Дона стекалось „лыцарство“, голытьба крѣпла, и Шуйскому становилось все туже и туже. Если и держалась кое-какъ Москва, такъ не потому. чтобы москвичи Шуйскому радѣли, а потому, что они свои животы отстаивали. Главный оплотъ порядка составляли духовенство и купечество: первые „латинства“ опасались, смутно понимая, что чуть-ли не главная причина всѣхъ безпорядковъ—іезуитская пропаганда, уже давно запускавшая свои корни въ русскую почву; а купцы протестовали потому, что торговля приходила въ упадокъ,—и вотъ эти два связующіе принципа и составляли если не физическій, то нравственный перевѣсъ приверженцевъ Шуйскаго надъ Тушинцами, у которыхъ уже никакихъ принциповъ не имѣлось. И былъ еще громадный, великій принципъ, связывавшій всѣ углы и закоулки Руси—это православіе. Если отдѣльныя части государства не помогали другъ другу и врозь глядѣли, желая каждая дѣйствовать самостоятельно, то тѣмъ не менѣе онѣ преслѣдовали одну и туже задачу: отстаивали свою вѣру. Въ этихъ-то принципахъ и хранился залогъ того, что рано-ли, поздно-ли, а будетъ изгнанъ этотъ сбродъ изъ земли Русской и возстановится прежній порядокъ. Смутное время было — это не была реакція, вызванная внутреннимъ строемъ государства,—это было что-то чуждое, внѣшнее. Грабили и убивали окраинцы Руси ея центральныхъ жителей, а тѣ изъ центральныхъ, которымъ хотѣлось пожить на распашку, тоже къ нимъ приставали. Никто не понималъ, *почему* и *изъ-за чего* творится столько ужасовъ. Даже Шуйскій, и тотъ долго не хотѣлъ вѣрить, что это не скопище разбойниковъ, а корпорація, стремящаяся къ какимъ-то политическимъ переворотамъ, и только впослѣдствіи, когда увидѣлъ, что ужь совсѣмъ плохо дѣло, рѣшился призвать на помощь тѣ шведскія войска, союзничество которыхъ онъ гордо отринулъ передъ этимъ. Изъ тушинцовъ никто не задавался вопросомъ, зачѣмъ онъ покидаетъ Шуйскаго и переходитъ къ вору, каждый хлопоталъ лично о себѣ, желалъ личной свободы. Къ тому же стремился каждый городъ и округъ. Къ чему привело это стремленіе —извѣстно: къ тому, что волею *всей* земли была утверждена единодержавная власть...

(Продолженіе будетъ.)

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Подражаніе барину.

(Картина Гюйо).

Предметомъ картины талантливый художникъ избралъ тотъ моментъ, когда слуга негръ, еще неосвоившійся съ европейскимъ образомъ жизни, пробуетъ во время отсутствія своего господина подражать ему, не зная въ сущности, что изъ этого подражанія выйдетъ.

— Баринъ часто мажетъ себѣ лицо вотъ изъ этой штуки, должно быть это пріятное удовольствіе, иначе зачѣмъ бы онъ каждое утро такъ долго этимъ занимался...

Онъ близко подходитъ къ туалетному зеркалу и начинаетъ внимательно разсматривать поставленный у него бритвенный приборъ.

— Чудесныя все штуки... и красиво какъ: пѣна, вишь ты, какая бѣлая, бѣлая...

Онъ оглядывается назадъ, сознавая, что хочетъ вкусить хотя и не очень преступнаго, но все же запрещеннаго плода.

— Хорошая, должно быть, штучка... а ну-ка я попробую...

Такъ соображаетъ онъ и съ простодушною улыбкою берется за мыльную кисточку, уже предвкушая въ высокой степени прелесть того наслажденія, которое, по его мнѣнію, онъ сейчасъ получитъ.

— Ну нѣтъ, все таки что-то не очень хорошо: холодновато

только, а настоящаго удовольствія нѣтъ... Хе, хе, хе!... Однако... какое я чудесное лицо имѣю...

Онъ улыбается еще слаще, чѣмъ въ моментъ перваго прикосновенія мыльной щеточки и продолжаетъ всматриваться въ свое „чудесное“, по его мнѣнію, лицо.

— Красавецъ я... хе! хе... Очень великолѣпное лицо... хе... хе... хе!...

Вотъ сюжетъ картины. Нечего и говорить, что она превосходно передаетъ выраженіе лица негра, его простодушную улыбку, широко разлившуюся по его безбородому лицу при первомъ же прикосновеніи мыльной кисточки. Кромѣ того въ картинѣ замѣчательно хорошо переданы мускулы рукъ негра, смотря на которые невольно сознаешь, какая это упругая и крѣпкая масса.

Замокъ Мираморъ и несчастная судьба его владѣльцевъ.

Мираморъ находится верстахъ въ 4-хъ отъ Тріеста. Съ своими зубчатыми башнями онъ горделиво высится на скалистомъ берегу Адріатическаго моря. Выборъ мѣста и планъ замка принадлежалъ самому его владѣльцу, мексиканскому императору Максимиліану. Страстно любя море, Максимиліанъ, еще эрцгерцогъ, служившій въ австрійскомъ флотѣ, поселился въ Тріестѣ. Часто въ бурную погоду онъ бросался въ шлюпку и устремлялся на борьбу съ стихіями. Разъ какъ-то *бора* подхватила его лодку, какъ перо, и унесла ее по ту сторону мыса Джиньяно. А тамъ ни малѣйшаго вѣтерка, море спокойно какъ озеро. Максимиліанъ плѣнился мѣстностію и вздумалъ тутъ построить себѣ хижину.

Чрезъ нѣсколько времени, женясь на дочери короля Баварскаго, Шарлотѣ, онъ получилъ возможность превратить хижину въ царскія палаты, а раскаленную голую скалу въ оазисъ, разсадивъ здѣсь самыя чудныя и пышныя произведенія растительнаго царства. Максимиліанъ самъ ухаживалъ за своимъ садомъ, съ увлеченіемъ и любовью, восхищаясь разнообразіемъ растеній, упиваясь ихъ запахомъ. Баобабы, кокосовыя деревья, зонтовидныя сосны, кактусы, смоковницы, тамъ и сямъ пальмы, цѣлыя аллеи пахучаго кустарника, ковры цвѣтовъ и посреди ихъ статуи—все это окружило его замокъ, давая мѣсто чудному виду на море.

Невозможно бродить по этимъ очаровательнымъ садамъ,— не воображая сценъ домашняго счастія. Вотъ въ аллеѣ, залитой зеленоватымъ сіяніемъ, мелькнула и исчезла парочка. Да, это потерянный рай, гдѣ, какъ въ раю настоящемъ, Ева согрѣшила первая; змѣй честолюбія возникъ передъ женой, которая взявъ запрещенный плодъ вкусила отъ него и подала мужу: молодая эрцгерцогиня тосковала по коронѣ и славѣ, какъ тоскуютъ по родинѣ. Самъ Максимиліанъ такъ любилъ свой Мираморъ, что сдѣлалъ изъ него волшебный пріютъ. Всѣ литераторы, ученые, артисты собирались въ этомъ замкѣ, общество ихъ дополняло счастіе владѣльца въ его душистомъ уединеніи, этомъ зеленомъ гнѣздышкѣ, съ небомъ надъ головой, съ моремъ у ногъ, съ влюбленной улыбкой на устахъ.

Въ своемъ кабинетѣ, имѣющемъ видъ на любимое имъ море и представляющемъ самый удобный уголокъ для мечтаній и размышленій, Максимиліанъ занимался своими литературными работами, писалъ свои воспоминанія, стихи, путевые очерки и афоризмы. Онъ оставилъ 4 тома своихъ сочиненій. Германія единодушно вѣнчала Максимиліана поэтомъ.

Но счастіе и несчастіе, какъ извѣстно, ходятъ по одной и той же дорогѣ.

10-го апрѣля 1864 года, въ Мираморъ прибыла Мексиканская депутація съ просьбою къ Максимиліану принять корону. Указывая на безпорядки страны, истомленной усобицами, депутація говорила, что она послана народомъ, ожидающимъ такого императора какъ Максимиліанъ, обладающій даромъ покорять себѣ сердца и управлять государствомъ. Какъ извѣстно, все это было проектировано Наполеономъ, желавшимъ осуществить какую-то „высочайшую идею его царствованія“. Максимиліанъ принялъ корону и съ ней всѣ послѣдующія муки. Глубоко тронутый, онъ поклялся на Евангеліи блюсти счастіе своего народа и чрезъ 3 дня царственная чета разсталась съ своимъ замкомъ. Все окрестное населеніе сбѣгалось проститься съ любимымъ эрцгерцогомъ, всѣ выражали свою грусть при прощаньѣ и самъ Максимиліанъ плакалъ.

— Чувствую,—сказалъ онъ,—что не увижу болѣе этого края.

Повидимому его давили мрачныя мысли. Наконецъ фрегатъ „Наварра“, на которомъ ихъ величества сдѣлали свой переѣздъ въ Америку, бросилъ якорь въ Вера-Крущѣ. Царственная чета сошла на берегъ чужой страны, въ которой для нея не приготовили даже какой-нибудь простой оффиціальной встрѣчи. Назначенный для нихъ дворецъ—бывшая резиденція вице-королей Астекскихъ—не имѣлъ въ себѣ никакихъ удобствъ и смахивалъ скорѣе на богатую гостинницу, чѣмъ на царское помѣщеніе.

Чтобы лучше узнать свое новое государство, Максимиліанъ рѣшился его объѣхать и эта поѣздка стоила ему тысячи опасностей. Онъ нашелъ страну раззоренной грабежами, безъ всякихъ путей сообщенія,—полудикій край, въ которомъ организованъ правильно одинъ только разбой (какъ выражались нѣкоторые изъ туземцевъ). Крали даже во дворцѣ и во внутреннихъ императорскихъ покояхъ. Максимиліанъ распорядился постройкой шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, устройствомъ школъ, академіи наукъ и художествъ. Желая прежде всего замирить страну, добрый и честный въ высшей степени императоръ вѣрилъ, что кротостію онъ скорѣе достигнетъ задуманныхъ цѣлей чѣмъ суровостью.

Въ это время Мексику занимали французскія войска и маршалъ Базенъ, стоявшій во главѣ ихъ, началъ настаивать на измѣненіи миролюбивыхъ дѣйствій императора; онъ даже вынудилъ дать повелѣніе, которымъ всѣ разбойничьи шайки признавались вооруженными партіями и подлежали строгимъ военнымъ законамъ. Увы! этимъ указомъ подготовилась несчастная и достойная глубокаго сожалѣнія участь Максимиліана.

Наполеонъ въ это время уже отступилъ отъ своей *идеи* и отозвалъ войска изъ Мексики. Напрасно Максимиліанъ просилъ Базена оставить ему хотя часть войска и отправилъ свою супругу Шарлоту въ Парижъ, напомнить Наполеону его обязательства. Между тѣмъ Базенъ (столь извѣстный впослѣдствіи своей сдачей Меца пруссакамъ) покинулъ Максимиліана на произволъ судьбы и не оставилъ ему ни боевыхъ снарядовъ, ни орудій. Шарлота, прибывшая въ Парижъ, была принята Наполеономъ весьма сухо и вскорѣ же должна была выѣхать обратно къ мужу только съ однимъ совѣтомъ — отречься отъ престола. Чѣмъ руководствовался Наполеонъ, отказывая Максимиліану въ поддержкѣ, рѣшить довольно трудно, но несомнѣнно то, что онъ причина всѣхъ несчастій Максимиліана, въ высшей степени достойнаго сожалѣнія по своей несчастной участи, въ особенности въ виду тѣхъ достойныхъ уваженія душевныхъ качествъ, которыми онъ отличался, какъ человѣкъ и какъ императоръ.

Отказъ Наполеона въ помощи имѣлъ ужасное вліяніе на Шарлоту. Именно въ это время у ней впервые появились признаки помѣшательства. Максимиліанъ, узнавъ о болѣзни любимой имъ жены и понимая значеніе совершающихся вокругъ его событій, все таки не могъ оставить Мексики, считая для себя недостойнымъ оставлять занимаемый имъ постъ.

— Габсбургцы никогда не покидаютъ своего поста въ минуты опасности,—говорилъ онъ и рѣшился остаться.

Генералы: Мирамонъ, Менденъ, Мехіа, князь Сальмъ-Сальмъ и друг. собрали для него небольшой отрядъ, въ 8,000 человѣкъ, съ которымъ Максимиліанъ и удалился въ Керетаро, намѣреваясь защищаться противъ возставшихъ, послѣ удаленія французскихъ войскъ, хуаристовъ. Хуаристы сами въ сущности не сознавали ни цѣли, ни значенія ихъ поступковъ, имѣя въ виду исключительно только одну совершенно необъяснимую и непонятную ненависть къ Максимиліану, какъ чужеземцу въ ихъ странѣ. Они начали осаждать Керетаро. Во все время осады Императоръ дѣлилъ всѣ труды и лишенія рядовыхъ солдатъ. Жизнію онъ рисковалъ какъ никто, и хотя лично легко могъ спастись, но не хотѣлъ оставить своихъ воиновъ. Въ день назначенный для отчаянной вылазки со стороны осажденныхъ и—по странному стеченію обстоятельствъ—штурма со стороны осаждающихъ, императору Максимиліану измѣнилъ одинъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ. Онъ, подобно Іудѣ Искаріотскому, продалъ Максимиліана хуаристскимъ войскамъ. Онъ послалъ хуаристамъ предложеніе передачи въ ихъ руки монастыря, въ которомъ находился императоръ съ своимъ штабомъ. Предложеніе было принято и въ одну ночь, въ исходѣ 12-го часа, хуаристы заняли монастырь, такъ что никто этого и не примѣтилъ. Незнавшій ничего Максимиліанъ съ княземъ Сальмъ-Сальмъ наткнулся на хуаристовъ. Предатель указалъ императора полковнику хуаристскаго караула, но Императоръ и князь были въ штатскомъ платьѣ и полковникъ сказалъ: „Вѣдь это не военные,—и обращаясь къ солдатамъ скомандовалъ: пропустить ихъ“! Максимиліанъ и князь Сальмъ-Сальмъ направились къ противоположному концу города. Къ нимъ присоединились вскорѣ генералы Мирамонъ и Мехіо съ горстью солдатъ. Видя свое безвыходное положеніе, они заняли командующій городомъ высокій холмъ, но Максимиліанъ приказалъ поднять бѣлый переговорный флагъ, сказавъ, что не къ чему проливать напрасно кровь и медленно спустился съ холма. Хуаристскія войска окружили его и вмѣстѣ со всѣми его приближенными онъ былъ взятъ въ плѣнъ. И какъ жестоко и безчеловѣчно поступили съ благородною личностью Максимиліана хуаристы! Они въ своей дикой ненависти заточили его и его приближенныхъ въ сыромъ и душномъ монастырскомъ погребѣ, оставляя спать на голой землѣ и страдать отъ голода и жажды. Съ трудомъ княгинѣ Сальмъ-Сальмъ удалось выхлопотать о смягченіи участи плѣнныхъ: ихъ перевели въ болѣе лучшее помѣщеніе и позволили доставлять вино и другую провизію. Чрезъ 3 недѣли, именно 13-го іюня, плѣнниковъ позвали на судъ къ отвѣту. Засѣданіе полеваго суда собралось въ театрѣ, на сценѣ. Максимиліанъ рѣшительно возсталъ противъ намѣренія везти его туда; но генераловъ Мирамона и Мехіо взяли. Театръ былъ переполненъ зрителями. Пренія продолжались 3 дня. Императора обвинили въ похищеніи власти, въ убійствѣ хуаристовъ, а генераловъ Мирамона и Мехіо въ

измѣнѣ. На 15-е число была назначена казнь; но была отложена и состоялась только 19-го числа.

Въ ночь передъ казнію Максимиліанъ написалъ послѣднее письмо женѣ, въ которомъ онъ говорилъ ей, что ждетъ смерти какъ ангела-освободителя и умираетъ безъ мученій. При письмѣ онъ посылалъ ей прядь своихъ бѣлокурыхъ, мягкихъ волосъ, отрѣзанныхъ по его просьбѣ тюремщикомъ. Все время предшествующее казни, Императоръ былъ твердъ и какъ всегда кротокъ. Обращаясь въ предсмертной рѣчи къ солдатамъ и зрителямъ казни, онъ сказалъ, что всѣ его усилія были направлены къ благой цѣли; напомнилъ имъ, что они сами призвали его къ себѣ и желалъ, чтобы его кровь была послѣдней кровью, орошавшей ихъ землю; желалъ, чтобы наконецъ ихъ страна, его новое отечество, была счастлива. Онъ прижалъ генераловъ Мирамона и Мехіо къ сердцу. Ружейный залпъ окончилъ ихъ жизнь. Послѣдній крикъ Максимиліана былъ: „Шарлота, Шарлота".

Всѣ эти свѣдѣнія сообщаемъ мы со словъ Виктора Тиссо, автора книгъ: „Поѣздка въ страну миліардовъ" и „Пруссаки въ Германіи", который въ своемъ новомъ произведеніи, озаглавленномъ „Путевыя впечатлѣнія", описываетъ замокъ Мирамаръ. Помѣщая здѣсь рисунокъ, изображающій этотъ замокъ, считаемъ печальною обязанностью присовокупить, что несчастная супруга столь достойнаго сожалѣнія императора Максимиліана долго была въ сумашествіи. Это сумашествіе продолжалось болѣе двадцати лѣтъ и только недавно несчастная и безвинная страдалица перешла въ лучшій міръ, гдѣ, конечно, больше правды чѣмъ здѣсь, въ вѣчной юдоли плача и страданій.

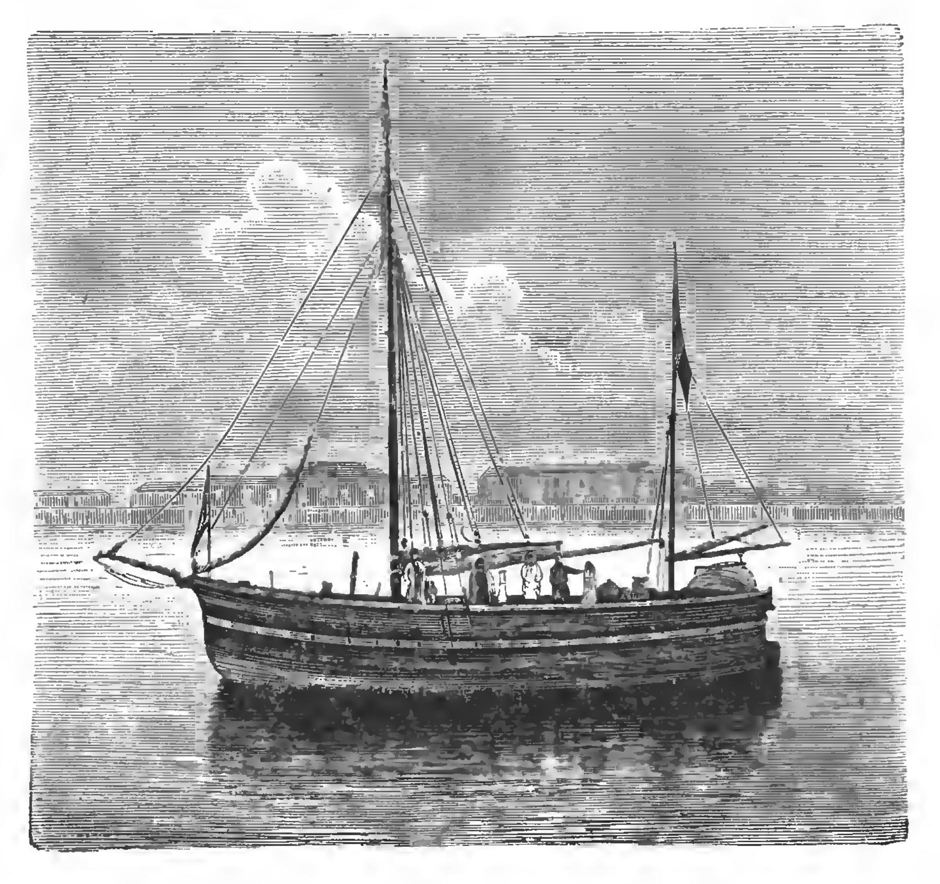
Смерть супруги императора Максимиліана, служащая концомъ печальной повѣсти ихъ жизни, достойной глубокаго сожалѣнія и сочувствія, дала намъ поводъ помѣстить здѣсь видъ замка Мирамаръ и разсказать печальную судьбу его владѣльцевъ.

Морской путь изъ Сибири въ Европу.

Прошлый 1877 годъ будетъ между прочимъ памятенъ началомъ открытія морской торговли между далекою Сибирью и Европой, между Енисейскомъ и С.-Петербургомъ. Начало этэ положено простою рѣчною баржею, наскоро приспособленною къ такому плаванію. Обстоятельства сложились такъ, что тѣ суда, которыя всего скорѣе могли быть пригодными для открытія водяного пути изъ Сибири въ Европу, а именно: англійскій пароходъ „Темза" подъ командою опытнаго англійскаго капитана Виггинса, и нарочно судно „Сѣверное сіяніе", построенное въ Сибири и приспособленное для мореплаванія—не исполнили своего назначенія и уступили мѣсто сказанной баржѣ называющейся: „Утренняя заря". Эта баржа въ сто дней благополучно приплыла изъ рѣки Енисея въ Неву и такимъ образомъ положила начало морскому пути изъ Сибири въ Европу.

Помѣщая мы въ этомъ номерѣ изображеніе этого маленькаго суденышка, совершившаго большое дѣло и даемъ мѣсто портретамъ всей его команды, сгруппированной на палубѣ этой-же „Утренней зари".

Вотъ вся команда на лицо: по серединѣ стоитъ шкиперъ—Давидъ Ивановичъ *Шваненбергъ*, архангельскій морякъ; у лѣвой его руки стоитъ въ бѣлой малицѣ штурманъ *Нуммелинъ*, родомъ финляндецъ; у правой—другой штурманъ *Мейвальдъ*, родомъ лифляндецъ; у ногъ его сидитъ матросъ *Кузикъ*—эстляндецъ; а у ногъ Нуммелина сидитъ другой матросъ *Цыбуленко* малоросъ изъ Саратовской губерніи. Тутъ-же—четыре сибирскія собаки, возившія Нуммелина по сибирскимъ снѣгамъ: вотъ и всѣ тѣ живыя существа, которые—послѣ стодневнаго путешествія, прибыли 19 ноября 1877 г. въ С.-Петербургъ.

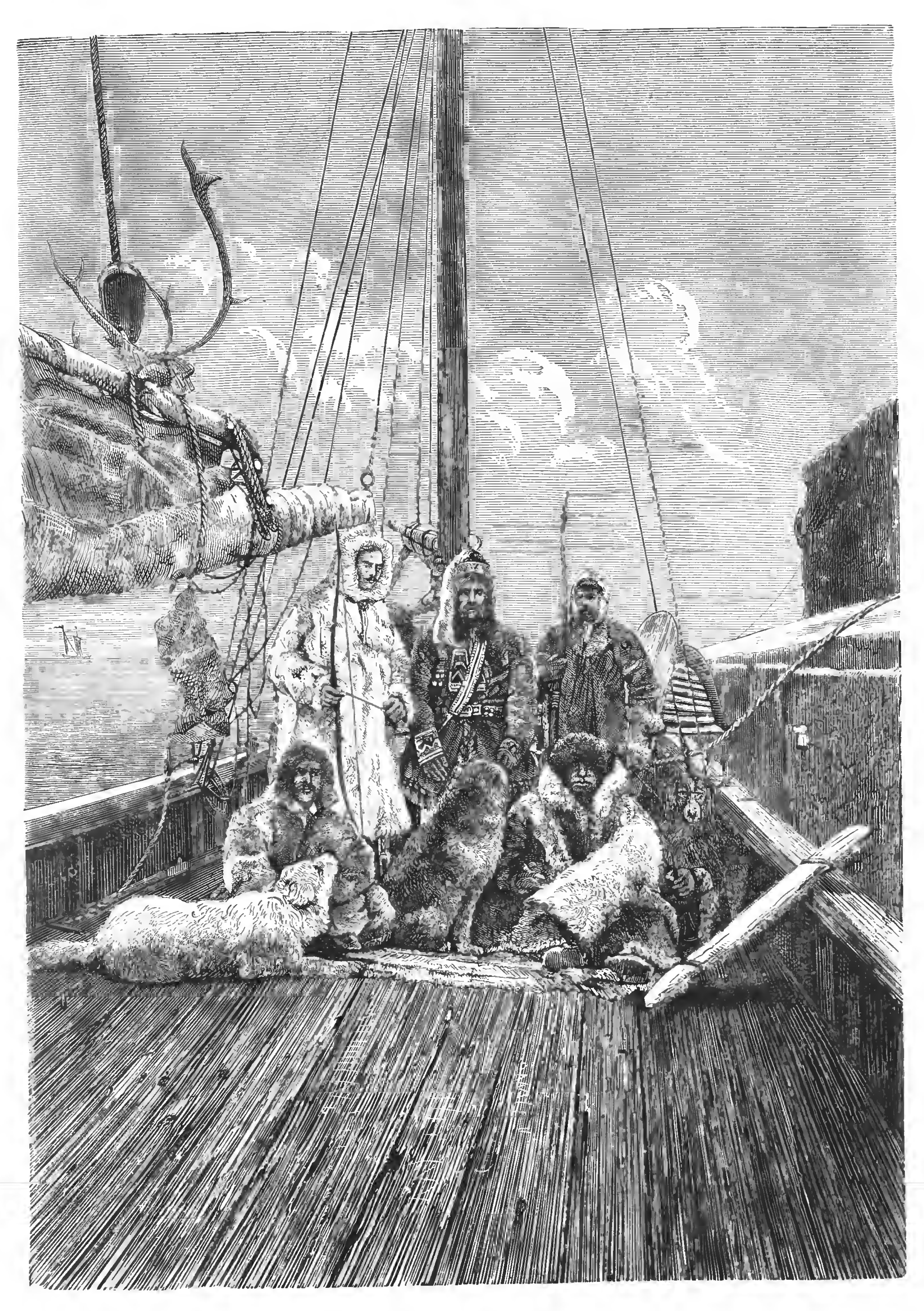
Открытіе Морского пути изъ Сибири въ Европу. Первое судно „Утренняя Заря", приплывшее изъ рѣки Енисея въ Петербургъ. По рис. съ натуры Гакензельнера, грав. Вейерманъ.

Сначала разскажемъ, какая участь постигла пароходъ „Темзу" и клиперъ „Сѣверное сіяніе". Пароходъ „Темза" благополучно пришедшій осенью 1876 г. изъ Англіи въ Енисей, получивъ грузъ (графитъ и разные сибирскіе товары) отправился было обратно въ Европу, но набѣжалъ на мель, да и сѣлъ такъ плотно, что затонулъ. Хоть онъ и былъ снятъ съ мели, но съ потерею большей части груза и въ томъ числѣ всей преміи, заключавшейся въ графитѣ, потомъ его, по оказавшемся въ немъ недостаткамъ, продали за шесть тысячъ рублей и сдѣлался онъ сибирскимъ пароходомъ.

Клиперъ „Сѣверное сіяніе" въ 1876 г. нагрузился товаромъ, но не успѣлъ выйти въ море, а пришлось ему зазимовать на рѣкѣ Енисеѣ, въ узкомъ проливѣ между островами, находящимися по самой серединѣ рѣки: тутъ и на право и на лѣво было до берега по тридцати верстъ. Мѣсто казалось удобнымъ для зимовки. На островѣ поставленъ домикъ, въ которомъ и поселился штурманъ Нуммелинъ съ тремя матросами и со своими сибирскими собаками, а шкиперъ Шваненбергъ съѣздилъ, прошлой зимою, въ Петербургъ и воротился съ запасомъ новыхъ силъ и средствъ; но возвратившись, онъ засталъ въ живыхъ только одного штурмана. Пришлось этому штурману перенести горя не мало: 6-го іюня клиперъ потерпѣлъ крушеніе отъ напора весенняго льда, потерявъ много коллекцій, предназначенныхъ для Московскаго и Петербургскаго университетовъ и для выставокъ (въ Парижѣ 1878 г. и въ Москвѣ, антропологической, 1879 года.). Вода въ Енисеѣ поднималась на 8 саж., такъ что штурманъ поломаннаго клипера и съ нимъ 5 человѣкъ туземцевъ спасались, въ теченіи 8 сутокъ, на крышѣ дома, отталкивая наплывающій на нихъ ледъ шестами.

Оставивъ клиперъ, г. Шваненбергъ, вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ моряками изъ Финляндіи и Лифляндіи, отправились 9 августа на построенномъ въ Енисейскѣ въ этомъ году *для рѣчного плаванія* суднѣ „Утренняя заря" изъ устья Енисея въ Петербургъ и плаваніе ихъ увѣнчалось благополучнымъ окончаніемъ.

Размѣры судна „Утренняя заря" слѣдующіе: длина восемь саженъ, наибольшая ширина двѣ сажени, наибольшая глубина нагруженія—два аршина, семь вершковъ, слѣдовательно все водовмѣщеніе ея около восьмидесяти тоннъ и, значитъ, способность поднять грузу пудовъ тысячи двѣ; на немъ и было нагружено до полуторы тысячи пудовъ разнаго товара, до 500 пудовъ—прѣсной воды и дровъ. Въ числѣ груза находилось около 200 пудовъ деревъ, годныхъ для кораблестроенія—лиственницы, кедра, пихты и сосны. Между привезенными образцами есть деревья до шести футовъ въ поперечникѣ, значитъ до восьми аршинъ въ обхватѣ; были заготовлены и гораздо болѣе крупные образцы, но они оказались не подъ силу для нагрузки руками такого малочисленнаго экипажа, каковъ изображенный у насъ на рисункѣ. Графиту привезено 400 пудовъ, а графитъ очень важенъ какъ матеріалъ для тиглей, употребляемыхъ для литья стали. До 400 п. груза состоитъ изъ образцовъ различнаго рода сибирскихъ рыбъ. Шкуры, кожи, кости, разные этнографическіе предметы и весь остальной товаръ вѣситъ, конечно, не много; по вѣсу главную часть остальнаго груза составляютъ такелажъ

Открытіе морского пути изъ Сибири въ Европу. Экипажъ судна «Утренняя Заря».
По рисунку съ натуры Гакензельнера, грав. Рашевскій.

т. е. снасти съ погибшаго „Сѣвернаго сіянія“ и нѣкоторые другіе предметы, частію снятые съ этого судна, частію купленные отъ Виггинса съ его парохода „Темза“, таковъ, напримѣръ, его ботъ.

Еще на рѣкѣ Енисеѣ „Заря“ встрѣтила, 9 августа бременскій пароходъ „Фразеръ“. Капитанъ этого парохода, г. Дальманъ, считая дерзостью пускаться на такомъ суднѣ какъ „Заря“ чрезъ Ледовитый океанъ, предлагалъ нашимъ морякамъ перейти къ нему на пароходъ для болѣе удобнаго возвращенія въ Европу; но его великодушное предложеніе не было принято Черезъ полтара мѣсяца послѣ того „Заря“ опять встрѣтилась съ „Фразеромъ“ въ норвежскомъ городѣ Кристіансундѣ; капитанъ Дальманъ разсказывалъ, съ какими европейскими товарами и какъ далеко онъ ходилъ по Енисею. Это первые, шаткіе шаги начинающейся морской торговли.

Не малую часть пути по Ледовитому океану „Утренняя заря“ прошла между льдами, которые отчасти опредѣляли путь нашему судну: они не пустили его ни въ Байдаратскую губу, ни въ проливъ Новой Земли, называемый Маточкинымъ Шаромъ, но не потопили и даже не очень помяли его, такъ что оно, при сильномъ боковомъ вѣтрѣ, окачиваемое холодными волнами, быстро пронеслось по европейскимъ водамъ Сѣвернаго океана и 22 августа очутилось у гостепріимныхъ береговъ норвежскаго острова Вардъ-э. Норвежцы и русскіе, встрѣчавшіеся па пути „Утренней зари“ отъ Вардъ-э через Готскій каналъ до Петербурга, а также шведы отъ Готенбурга до Стокгольма и финляндцы въ городахъ Абовѣ и Гельсингфорсѣ, всѣ радостно привѣтствовали нашихъ счастливыхъ моряковъ: всѣми этотъ приходъ „Утренней зари“ признается за начало морской торговли на пути новомъ, обѣщающемъ важныя выгоды для Россіи.

Муша—рабочій въ Тифлисѣ.

Главный источникъ заработка его составляетъ преимущественно переноска тяжестей. Мушу прежде всего можно узнать по его сѣдлу на спинѣ. Сѣдло это, служащее для подкладыванія на спину при переноскѣ тяжестей, превращается во время отдыха въ настоящую подушку, когда муша засыпаетъ на уличной мостовой города, положивъ его себѣ подъ голову. Муша носитъ маленькую войлочную шапченку или просто четырехъугольный кусокъ сукна, подвязанный подъ подбородокъ шнуркомъ. Такой головной уборъ носятъ только муши-имеретины, принадлежащіе къ сильнѣйшимъ изъ мушей. На нашей картинкѣ изображенъ муша-имеретинъ. На немъ чуха черкеска въ укороченномъ видѣ, подпоясанъ онъ широкимъ ремневымъ поясомъ, изукрашеннымъ пуговицами всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, вѣроятно найденныхъ имъ гдѣ нибудь на улицѣ; на поясѣ виситъ ремень широкій съ двумя кольцами, этимъ ремнемъ онъ обхватываетъ свою ношу. Ноги обуты въ лапти изъ сыромятной кожи, икры до половины колѣна обвязываются ремнями, и шальвары въ восточномъ вкусѣ.

Муши составляютъ свою биржу. Они толпятся на перекресткахъ тѣхъ улицъ. гдѣ большее многолюдство. Особенно много ихъ бываетъ на „майданѣ“ — базарѣ, гдѣ продается кулями хлѣбъ. Идеалы муши—сколотить кое-какія деньжонки и уѣхать изъ Тифлиса въ родную Грузію или Имеретію; но идеалы эти осуществляются рѣдко, большею частію они остаются только въ грезахъ. Спитъ муша на улицѣ и видится ему сонъ: сидитъ онъ въ кругу своихъ товарищей-мушей, всѣ они веселятся по новоду его женитьбы на любимой дѣвушкѣ. Они ужь не муши, это пазваніе презрѣнное, а богатые помѣщики: чухи ихъ блестятъ золотомъ и серебромъ, пояса ихъ изъ массивнаго золота. Веселіе. Зурначи *) такъ старательно дуютъ въ свои музыкальные инструменты, что чуть не лопнутъ глаза ихъ, тамбуръ медленно ударяетъ и мѣрно хлопаютъ всѣ присутствующіе въ ладоши и слѣдятъ за граціозными движеніями красивой имеретинки, танцующей національный танецъ; рога туры и азарпеши **), наполненные виномъ, лучшимъ произведеніемъ Кахетіи, переходятъ изъ рукъ въ руки гостей и поздравляютъ новобрачныхъ и пьютъ за его здоровье... Таковы отрадныя грезы бѣднаго муши!

Есть-ли жители на планетахъ?

I. Планета Марсъ и ея жители

Вотъ что добыли опытно-научнымъ путемъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ и основательнѣйшихъ изслѣдователей міра планетъ о существѣ этихъ небесныхъ тѣлъ и въ особенности Марса.

Свѣтъ планетъ *Меркурія*, *Венеры* и *Марса*, какъ это было показано въ удостоенномъ преміи сочиненіи Фогеля, появившемся три года тому назадъ—во всѣхъ отношеніяхъ сходенъ съ свѣтомъ солнца. Всѣ эти странствующія свѣтила, подобно Землѣ и другимъ странствующимъ свѣтиламъ описывающія широкіе круги вокругъ солнца (исключая, впрочемъ, малой по размѣру Весты) имѣютъ атмосферу, а большая часть изъ нихъ по всей вѣроятности и воду. Относительно Марса это уже положительно вѣрно. На Марсѣ наблюдали регулярное повышеніе и пониженіе температуры. И эти явленія въ каждомъ году Марса, состоящемъ приблизительно изъ 21 нашихъ мѣсяцевъ, повторяются съ точностью. Какъ и у насъ, тамъ когда на одной половинѣ господствуетъ лѣто, на другой половинѣ царитъ зима. Если разсматривать дискъ Марса вооруженными глазами, то иногда на одной сторонѣ его можно замѣтить большія неправильной формы бѣлыя пятна. Это именно та сторона, гдѣ господствуетъ зима. Но эти пятна становятся тѣмъ меньше, чѣмъ выше поднимается солнце надъ этимъ мѣстомъ, т. е. чѣмъ болѣе приближается лѣто, и въ то время какъ на разсматриваемой сторонѣ пятна постепенно исчезаютъ, подобныя же пятна появляются на противоположной сторонѣ. Весьма понятно, что бѣлыя пятна представляютъ собою снѣгъ и ледъ, покрывающіе континентъ Марса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, зимы на этой планетѣ бываютъ суровѣе и продолжительнѣе нашихъ, так какъ Марсъ отстоитъ дальше отъ солнца и получаетъ отъ него только $^4/_{10}$ того количества теплоты, какое получаемъ мы. Далѣе, Марсъ сходенъ съ нашею землею и въ томъ, что его день продолжительнѣе нашего только $37^1/_2$ минутами. Присутствіе же на этой планетѣ воды, замерзающей зимою, даетъ поводъ заключить о совершенно сходныхъ съ нашей землей метеорологическихъ отношеніяхъ; а что на Марсѣ существуютъ физическія и химическія отношенія, совершенно сходныя съ земными—въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ насъ спектроскопъ и самое движеніе Марса вокругъ солнца. Поперечникъ Марса немного больше поперечника нашей планеты, и слѣдовательно его поверхность въ *три* или *четыре* раза меньше чѣмъ поверхность земного шара. Извѣстныя пятна, представляющіяся болѣе темными, чѣмъ остальныя, удерживаютъ свою форму постоянно и слѣдовательно ихъ нужно считать за континенты или части континента, а другія поверхности—за моря. Сравненіе пространства этихъ темныхъ пятенъ (суши) съ моремъ показало, что подобно тому, какъ на Землѣ, и на Марсѣ находится болѣе воды, чѣмъ суши. А именно—на Марсѣ океанъ составляетъ $^7/_{12}$ всей поверхности.

Далѣе, Марсъ имѣетъ почти такую же плотность, какъ и Земля, тогда какъ плотность Меркурія и Венеры гораздо болѣе, а плотность Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна гораздо меньше земной, такъ что люди не могли бы двигаться на этихъ планетахъ, не опасаясь провалиться, При опредѣленіи тяготѣнія различныхъ тѣлъ на поверхности планетъ,—тяготѣнія, произведеннаго силою притяженія этихъ планетъ,—нужно принимать въ разсчетъ вмѣстѣ съ массою разсматриваемыхъ міровыхъ тѣлъ, также и ихъ величину (объемъ); потому что общая масса дѣйствуетъ отъ центра тяжести, находящагося въ срединѣ массы, и чѣмъ дальше находится предметъ отъ этого центра, тѣмъ незначительнѣе дѣйствіе на него притягивающей массы. Отсюда слѣдуетъ, что предметъ, который вѣситъ на землѣ 100 фунтовъ, на Марсѣ будетъ вѣсить только 50, а на Юпитерѣ, напротивъ, 217. Точно также отъ массы и величины объема планеты зависитъ и скорость, съ которою находящееся на поверхности этой планеты тѣло, бывъ брошено, будетъ падать. Эта скорость, по дознанному и опредѣленному закону, тѣмъ больше, чѣмъ дольше она продолжается, пока падающее тѣло не достигнетъ поверхности. Но при этомъ обыкновенно опредѣляютъ только первоначальную скорость,—скорость въ первую секунду паденія. Падая на поверхность земли, тѣло проходитъ въ 1-ю секунду только $7^1/_2$ фут. Тогда какъ на планетѣ Юпитеръ путь падающаго тѣла въ 1-ю секунду выразится цифрою 33, а на Солнцѣ 428. На послѣднемъ (Солнцѣ) паденіе тѣла съ высоты только *одного* фута разбило бы насъ въ дребезги, тогда какъ на Марсѣ, гдѣ мы имѣли бы только половину притягивающей земной центральной тяжести, и гдѣ падающее тѣло въ 1-ю секунду пролетѣло бы только въ *половину* скорости падающихъ на землѣ тѣлъ,—на Марсѣ мы безопасно могли бы выскочить изъ 2-го домоваго этажа на тротуаръ, нисколько не опасаясь ушибиться...

Отсюда видно, до какой степени разсматриваемая нами планета, сосѣдъ нашъ, сходна съ землею; она отличается отъ земли, собственно говоря, только тѣмъ, что она *меньше* земли и что она описываетъ свой кругъ *дальше* отъ солнца, и что, слѣдовательно, послѣднее посылаетъ ей свѣта и тепла только въ половину того количества, которое посылаетъ намъ и далѣе (опять таки слѣдствіе малаго размѣра или объема), что тѣла на ней *вѣсятъ меньше*. Если эти отступленія отъ нашихъ земныхъ отношеній могутъ вообще произвести модификацію или видоизмѣненіе во внѣшнемъ развитіи организмовъ, свойственныхъ этой планетѣ, то мы должны, послѣ приведеннаго выше и послѣ ознакомленія съ 2-мя лунами Марса вывести такое заключеніе, что на Марсѣ характеръ органической жизни не можетъ представлять никакого существеннаго различія отъ

*) *Зурначи*—играющіе на зурнахъ. Зурна—музыкальный инструментъ у грузинъ.

**) Азарпешъ—посуда плоскодонная съ ручкой, которой разливается вино.

подобнаго же характера на Землѣ. Несомнѣнно—это мы принимаемъ съ полною опредѣленностью—тамъ могутъ и должны жить животныя, и эти животныя непремѣнно дышутъ легкими или же жаборовыми аппаратами; они вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ, несомнѣнно подобный нашему, т. е. содержащій кислородъ. Они несомнѣнно имѣютъ глаза для свѣтовыхъ впечатлѣній и наслажденія солнечнымъ свѣтомъ. Можетъ быть, можно бы было провести наши умозаключенія и дальше, именно что эти ж вотныя, въ виду суровости зимы на Марсѣ, снабжены весьма теплыми шкурами или перьями, и что вслѣдствіе своей малой тяжести, они болѣе способны къ летанію и прыганію, чѣмъ наши земныя животныя... Наконецъ, мы можемъ заключить, что такъ какъ Марсъ получаетъ мало свѣта отъ солнца, то его флора и фауна должны отличаться болѣе блѣдными красками, чѣмъ у насъ. Что касается вопроса—живутъ ли на Марсѣ люди—то это такой вопросъ, о которомъ можно сказать, что утвердительное отношеніе къ нему не есть ошибка противъ возможности. Вообще же несомнѣнно, что меньшая теплота лѣта на Марсѣ не позволяетъ развиваться органической жизни съ такою пышностью, какъ на Землѣ; но за то тамъ лѣто продолжительнѣе, слѣдовательно теплота солнца дѣйствуетъ долѣе, такъ что недостатокъ интенсивности (напряженія) теплоты вознаграждается именно продолжительностью ея дѣйствія.

II. Есть-ли жители на другихъ планетахъ?

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается Юпитеръ, величайшая изъ всѣхъ планетъ. Отъ солнца Юпитеръ удаленъ въ 5 разъ дальше чѣмъ Земля, и такъ какъ дѣйствіе свѣта и тепла уменьшается въ квадратныхъ разстояніяхъ, то этотъ царь странствующихъ свѣтилъ получаетъ отъ солнца только $^1/_{27}$ часть того количества тепла, какимъ пользуется Земля. Затѣмъ Юпитеръ имѣетъ объемъ въ 300 разъ больше, чѣмъ Земля. Далѣе, онъ вращается около своей оси столь быстро, что его день и ночь, взятые вмѣстѣ, составляютъ не болѣе нашихъ 10-ти часовъ. Спектроскопъ показываетъ, что на Юпитерѣ есть атмосфера съ носящимися въ ней водяными парами. Его дискъ перерѣзываютъ, параллельно экватору, непостоянныя полосовидныя образованія. На мѣстѣ экватора постоянно замѣтна темная линія, изъ которой заключаютъ, что почти весь шаръ этой планеты окруженъ облаками, которыя только на экваторѣ позволяютъ намъ видѣть поверхность твердаго зерна этой планеты, и это потому, что, вѣроятно, около экватора солнце, въ соединеніи съ могучими пассатными вѣтрами, разгоняетъ облачные пары, или по крайней мѣрѣ оставляетъ облачную оболочку прозрачною. Предположеніе, что Юпитеръ населенъ живыми существами, едва ли можно допустить. Весьма вѣроятно, что характеръ его температуры не допускаетъ никакого развитія органической жизни, или же допускаетъ только весьма несовершенное. Съ нѣкоторою достовѣрностью можно утверждать, что большая часть находящейся на Юпитерѣ воды остается вѣчнымъ льдомъ. Только на экваторѣ могла развиться нѣкоторая жизнь, потому что только здѣсь солнце непосредственно посылаетъ на поверхность планеты дары своего свѣта и теплоты.

За симъ, на дальнѣйшихъ трехъ планетахъ органическая жизнь, по нашимъ понятіямъ, совершенно немыслима. Но какой характеръ въ этомъ отношеніи должны представить намъ Венера и Меркурій? Венера, сравнительно съ землею, настолько ближе къ солнцу, что тепло и свѣтъ послѣдняго дѣйствуютъ на нее почти вдвое сильнѣе, чѣмъ на землю. Но за то лучи освѣщаютъ извѣстный поясъ поверхности планеты болѣе короткое время, чѣмъ у насъ, и затѣмъ самое положеніе планеты таково, что на ней весьма быстро смѣняются времена года. Самый годъ Венеры продолжается только 225 дней, такъ что каждое время года выходитъ мѣсяцемъ короче, чѣмъ у насъ. Напротивъ, день Венеры только на 39 минутъ короче нашего; даже поперечникъ Венеры почти равенъ поперечнику Земли, и спектроскопъ показываетъ, что на Венерѣ есть атмосфера, насыщенная водяными парами. Такимъ образомъ Венера въ большихъ отношеніяхъ сходна съ землею, чѣмъ Марсъ. Только мы должны принять, что по причинѣ господствующаго на Венерѣ зноя, органическая жизнь развивается тамъ съ тропическимъ великолѣпіемъ, и что въ жаркомъ поясѣ уже существовать не можетъ никакая жизнь, въ какомъ бы ни было отношеніи соотвѣтствующая земнымъ условіямъ. И вообще-то существующая на Венерѣ органическая жизнь соотвѣтствуетъ жизни нашей Земли въ тотъ памятный періодъ, когда массы теперешняго земного угля образовали еще мощные, роскошные лѣса. По аналогіи, приблизительно въ такой же формѣ мы можемъ предположить на Венерѣ и животное царство (т. е. такое, какое было у насъ въ каменно-угольный періодъ, когда почва представляла еще болото съ горячею водою, а атмосфера была насыщена горячими испареніями). Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, и на Венерѣ, въ горячей болотной грязи ползаютъ теперь странныя и отвратительныя пресмыкающіяся и постоянно сражаются между собою и не менѣе отвратительными чудовищами, живущими въ лѣсахъ. Колоссальныя и безобразныя творенія, всѣ эти полу-крокодилы и полу-летучія мыши, всѣ эти драконоподобныя творенія, фигуры которыхъ можетъ съ трудомъ представить человѣческое воображеніе,—всѣ они, по всей вѣроятности, живутъ теперь на планетѣ Венерѣ, сражаются, уничтожаютъ другъ друга и въ глубинѣ моря и въ воздухѣ. По нашимъ теперешнимъ понятіямъ все это колоссально безобразно и представляетъ еще первоначальную стихійную борьбу. Что касается до человѣческихъ или подобныхъ человѣку существъ, то даже если и предположить ихъ на Венерѣ—все таки о духовномъ развитіи, при господствующемъ тамъ зноѣ, и рѣчи быть не можетъ, точно такъ же, какъ это невозможно при стужѣ на Юпитерѣ.

Что касается планеты Меркурій, то крайній жаръ, на ней господствующій, исключаетъ, по нашимъ понятіямъ, всякую возможность органической жизни.

Слѣдовательно, исключая земли, мы можемъ представить живыхъ существъ только на Марсѣ и на Венерѣ и, до нѣкоторой степени, на Юпитерѣ (около его экватора). Остальныя планеты, къ числу которыхъ нужно прибавить и нашу луну—суть мертвыя, лишенныя всякихъ обитателей, массы—ибо *на нихъ не существуетъ воды*.

Какъ, однакоже, согласуется все это съ нашею идеей, что „въ природѣ всюду господствуетъ величайшая цѣлесообразность"? Повидимому, *не согласуется*, отвѣтимъ мы,—а на самомъ дѣлѣ прекрасно согласуется. Вѣдь планеты не существовали же отъ вѣчности. Въ извѣстной степени ихъ *родило* солнце, т. е. онѣ мало по малу отъ солнечнаго тѣла, обособились и развились одна за другою. Всѣ планеты можно уподобить живымъ существамъ, которыя переживаютъ дѣтство, юношескій возрастъ, зрѣлое мужество, старость и, наконецъ, умираютъ. Три крайнія и послѣднія планеты солнечной системы, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, суть, такъ сказать, *умершія* міровыя тѣла, Юпитеръ—*чахнущій старецъ*; Марсъ—свѣтило, находящееся въ послѣднемъ періодѣ *мужества*; Венера, напротивъ, олицетворяетъ роскошно развившуюся, полную силъ *юность*; наконецъ Меркурій есть просто нѣмое, неразвившееся *дитя*, не могущее произвести даже малѣйшихъ признаковъ органической природы.

Уже ради одной идеи цѣлесообразности должно быть принято нами, что для всѣхъ дальнѣйшихъ планетъ, вращающихся внѣ солнечнаго пути, вліяніе солнечнаго тепла и свѣта было въ прежнія времена благопріятнѣе, чѣмъ теперь. И эта гипотеза доведена уже до такой степени опредѣленности, до какой позволяютъ это сдѣлать границы человѣческихъ знаній. Мы знаемъ, что солнце, начиная съ неизмѣримо раннихъ періодовъ разослало неизмѣримыя количества свѣта и тепла въ теплое и холодное міровое пространство. Слѣдовательно и само солнце сначала было значительно теплѣе, пока оно было, такъ сказать молодо и не слишкомъ много расточило своего тепла. Мы знаемъ далѣе, что солнце безпрестанно дѣлается *плотнѣе*, слѣдовательно сжимается, дѣлается меньше, и если такъ, то мы вправѣ предположить, что въ древній періодъ оно было несравненно больше, чѣмъ теперь. Въ древній періодъ объемъ солнца имѣлъ протяженіе далеко за *путь земли* и *всѣхъ другихъ планетъ*; солнечный поперечникъ обнималъ всѣ поперечники планетъ, находящимся между путемъ Нептуна и теперешнимъ солнечнымъ путемъ. Первоначально планеты были нераздѣльны отъ солнца; онѣ отдѣлились отъ него мало по малу, сначала *одна*, потомъ другая, въ формѣ *колецъ*, которыя потомъ преобразовались въ шары или *сферы*. Можно, слѣдовательно, представить себѣ время, въ которое свѣтъ и теплота на всѣхъ теперешнихъ спутникахъ солнца, уже теперь, какъ сказано выше, вымершихъ (Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ), были такъ же умѣренны, какъ теперь на нашей землѣ, но эта умѣренность произошла уже послѣ періода *раскаленія* или *жара*: въ первомъ изъ этихъ состояній находится теперь Меркурій, во второмъ Венера. И всѣмъ имъ даны были въ свое время тѣ же условія, въ какихъ находится теперь наша земля, т. е. на ихъ поверхности развивалась органическая жизнь растеній и животныхъ. Эта жизнь могла развиваться въ теченіе огромнаго числа лѣтъ; различныя первобытныя формы могли дойдти въ это время до извѣстной степени совершенства. Затѣмъ произошло обратное явленіе. Оживотворяющая и поддерживающая сила солнца *истощилась*, вслѣдствіе, какъ сказано выше, сжатія самаго солнца—и увеличенія, вслѣдствіе этого, разстоянія отъ него планетъ. Солнце, послѣ этого, сосредоточило и теперь сосредоточиваетъ тепло и свѣтъ на Меркуріи, отчасти на Венерѣ и, въ умѣренной степени, и на нашей Землѣ. Но придетъ время, можетъ быть черезъ милліоны лѣтъ, или столѣтій, только оно несомнѣнно придетъ—когда и *на нашей Землѣ исчезнетъ всякая жизнь* подобно тому, какъ она исчезла уже теперь на отдаленнѣйшихъ отъ солнца планетахъ. Это будетъ несомнѣнно медленный и печальный процессъ смерти. Это впрочемъ соображенія чисто-астрономическія.

Не можемъ, однако, здѣсь не отмѣтить остроумнаго замѣчанія ученаго Станислава Менье, который такъ рисуетъ процессъ смерти каждой *состарѣвшейся* планеты. Когда какая-либо планета достигаетъ глубокой старости, тогда моря и даже ея насыщенныя водою атмосферы, должны удалиться съ поверхности планеты и всосаться внутрь, къ центру ея. Отъ этого-то по его мнѣнію и происходитъ охлажденіе планеты и съуживаніе ея твердыхъ частей...

Такимъ образомъ даже на устройствѣ нашей солнечной системы, по которой мы должны дѣлать заключеніе, и о системѣ другихъ міровыхъ солнцъ, мы видимъ отраженіе великой идеи. Въ силу этой идеи каждый отдѣльный индивидуумъ (недѣлимое) переживаетъ *цѣлый рядъ предписанныхъ ему премудрою рукою Провидѣнія послѣдовательныхъ развитій*. Мы, дѣйствительно, въ нашемъ изложеніи, видѣли подтвержденіе этого закона въ самой жизни міровыхъ тѣлъ. Мы видѣли, что на планетѣ Венерѣ должны теперь существовать такія же органическія формы, какія существовали на нашей землѣ въ каменно-угольный періодъ. Марсъ представляетъ намъ теперь то, чѣмъ будетъ и земля черезъ 100,000 или милліонъ лѣтъ. Дальнія планеты, отъ Юпитера до Нептува, пережили *всѣ стадіи* развитія органической жизни, въ то время, когда онѣ вращались въ умѣренномъ поясѣ солнечной системы, тогда онѣ производили тѣ же организмы, какіе живутъ теперь на нашей Землѣ. Но очевидно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше солнце будетъ охладѣвать и съуживаться,—и это произойдетъ въ ущербъ органической жизни на Землѣ. По астрономическимъ соображеніямъ, тепло и свѣтъ должны, наконецъ, на нашей планетѣ понизиться до крайняго минимума, какъ на Юпитерѣ и Сатурнѣ, покрытыхъ теперь вѣчными льдами. Но этотъ періодъ запустѣнія Земли долженъ совпасть со вступленіемъ Венеры въ тотъ періодъ жизни, въ какомъ находится теперь земля...

Таковъ, наконецъ, тотъ девятый валъ, который по астрономическимъ соображеніямъ, зальетъ землю.

(St.-P. Z.).

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Мы должны начать съ изложенія дѣла 5-го января, о которомъ только вкратцѣ упоминали въ предыдущемъ обозрѣніи.

Филиппополемъ войска генерала Гурко овладѣли послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя у *Кадыкіойя* и *Айранли*. Кадыкіой лежитъ верстахъ въ 10-ти къ западу отъ Филиппополя. Къ юго-западу отъ Филиппополя возвышаются суровые и мрачные хребты горъ *Рыло* и *Деспото-Дага*, — и вотъ сюда-то предначерталъ Гурко отбросить армію Сулеймана-паши. Нашъ генералъ съ необычайною быстротою сформировалъ т р и колонны: одну для аттаки съ фронта, и двѣ обходныя. Колонна для аттаки съ фронта состояла изъ 17-ти батальоновъ и находилась подъ начальствомъ генерала Шувалова: она перешла р. Марицу у *Адакіойя* (западнѣе Кадыкіойя) и двинулась на Кадыкіой. Первая же обходная колонна, подъ начальствомъ генерала Шульднера, состоящая изъ 7 батальоновъ, выступила изъ *Дуванъ-Кіоя* (къ юго-востоку отъ Татаръ-Базарджика) и перешла Марицу у селенія Айранли. Такимъ образомъ совершилась аттака непріятельской оборонительной позиціи и съ фронта, и съ праваго фланга, и турки были отброшены къ *Дермендере* (у подошвы хребта Деспотодага); таковъ и былъ планъ Гурко. Затѣмъ вторая наша обходная колонна (изъ 19-ти батальоновъ, подъ начальствомъ генерала Криденера) довершила пораженіе турокъ у Филиппополя и Станимака (къ юго-востоку отъ Филиппополя).

Муша, тифлисскій рабочій. Рис. Подбѣльскій грав. Пуцъ.

Генералъ Гурко имѣлъ дѣло со всею турецкою арміей, подъ личнымъ предводительствомъ Сулеймана-паши, численностью отъ 80—90 таборовъ (батальоновъ), что составляло всего болѣе 40 тысячъ. Послѣ ожесточеннаго героическаго боя 5-го января (при чемъ турки дрались съ отчаяніемъ и презрѣніемъ къ смерти, напоминавшимъ Шипку), армія Сулеймана-паши была разрѣзана *пополамъ окончательно*. Начальникъ одной половины, Фуадъ-паша, потерявъ въ сраженіи 46 орудій, бѣжалъ ночью на 6-е января въ горы на *Наячинъ* и *Добролукъ*, увлекая за собою и армію. *Другая* половина арміи, состоявшая изъ 40 таборовъ при 40 слишкомъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Сулеймана-паши, бѣжала тою же ночью, ущельями горъ, на *Тахталы*, *Каладжаларъ* и *Кюмюрджи*, въ той сторонѣ, гдѣ расположенъ *Хаскіой*. Генералъ Гурко поручилъ преслѣдованіе Сулеймана-паши генералу Скобелеву 1-му. 7-го января кавалерія Скобелева догнала Сулеймана-пашу у Каладжалара. Донской полкъ генерала Грекова, шедшій во главѣ кавалеріи, немедленно бросился въ аттаку: 5 турецкихъ таборовъ, пораженные неожиданностью, бѣжали, бросивъ на мѣстѣ 40 орудій, взятыхъ потомъ нашими казаками, и этимъ армія Сулеймана лишилась почти всей артиллеріи, кромѣ небольшаго числа горныхъ орудій. Въ общемъ въ наши руки досталось 97 орудій. Далѣе, отряду генерала Скобелева 2-го поручено было преслѣдовать Сулеймана-пашу въ Хайскіойскомъ направленіи. Къ Хайскіою уже 6-го января собралась наша гвардейская кавалерія. Съ цѣлію же преслѣдованія остатковъ арміи Сулеймана, генералу Карцеву поручено было идти отъ *Чирпана* (на лѣвомъ берегу Марицы) тоже къ Хайскіою. Преслѣдованіе назначено, стало быть, перекрестнымъ путемъ. Результаты этого еще неизвѣстны. Но иностранныя телеграммы сообщаютъ, что Сулейману удалось избѣжать нашего преслѣдованія и прибыть въ гавань *Кавалу* (во Ѳракіи, противъ о-ва Тизоса), гдѣ онъ и выжидаетъ транспортныхъ судовъ для посадки своихъ войскъ.

Въ связи съ этимъ нужно припомнить, что наши драгуны, составляющіе авангардъ генерала Скобелева 2-го, уже 2-го января дошли до *Херманлы* (уже только въ 49-ти верстахъ отъ Адріанополя, къ сѣверу отъ этого города, на р. Марицѣ, тамъ, гдѣ эта рѣка, послѣ направленія къ сѣверу, дѣлаетъ крутой поворотъ на западъ). 5-го (17-го) января наши войска уже занимали Хермаилы и наша кавалерія дѣлала разъѣзды до *Мустафа* и *Кепр-су* (почти передъ самымъ Адріанополемъ). Этимъ то быстрымъ нашимъ движеніемъ, въ связи съ событіями, о которыхъ сказано выше, Сулейманъ-паша былъ *отрѣзанъ отъ Адріанополя* и *оттѣсненъ къ югу въ горы* (о чемъ мы уже вкратцѣ упоминали въ прошломъ обозрѣніи). Въ тотъ же день наши разъѣзды достигали и самаго Адріанополя. Городъ этотъ оставался почти не защищеннымъ, такъ какъ въ немъ не было надежныхъ укрѣпленій. Объятый паникою, совѣтъ турецкихъ министровъ постановилъ очистить Адріанополь безъ боя, будто бы „въ видахъ политическихъ“, а на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе крайняго безсилія и деморализаціи турецкой арміи. 8-го января генералъ Струковъ *занялъ Адріанополь* безъ выстрѣла, съ 5½ эскадронами 1-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи. Населеніе города приняло наши войска восторженно и благодарило за избавленіе отъ шаекъ башп-бузуковъ и черкесовъ, нахлынувшихъ на городъ, лишь только бѣжали отгуда турецкія регулярныя войска. Всѣ городскія власти бѣжали изъ Адріанополя, и потому генералъ Струковъ учредилъ тамъ временное правленіе изъ выборныхъ разныхъ націй.

Въ числѣ взятой нами послѣ геройскихъ Филиппопольскихъ битвъ добычи, нужно упомянуть о взятіи нашими петербургскими уланами громаднаго обоза, по дорогѣ къ Хайскіою и Херманлы. Обозъ этотъ состоялъ изъ 20,000 повозокъ. При этомъ обозѣ находилось 6 турецкихъ таборовъ и масса вооруженныхъ жителей Филиппополя и изъ его окрестностей. Несмотря на вооруженіе, всѣ эти мусульмане объяты страшной паникой и при первой опасности бросаютъ оружіе. Куда бѣгутъ эти несчастные—сами не знаютъ. Брошенныхъ многими изъ нихъ голодныхъ дѣтей призрѣваютъ изъ жалости наши войска. Кстати мы должны здѣсь добавить, что обращеніе султана къ мусульманскому населенію о поголовномъ ополченіи было безуспѣшно. Народъ съ тупымъ равнодушіемъ встрѣтилъ голосъ султана. Народъ смотритъ на неудачи войны какъ на кару Аллаха и рѣшился, повидимому, безропотно подчи-

(Продолженіе на стр. 73, 74, 75 и 76).

Замокъ Мирамаръ, дворецъ бывшаго Мексиканскаго Императора Максимиліана. Рис. Грансире, грав. Лаплантъ.

ниться своей участи, какая бы она ни была. Многія сотни мусульманскихъ бѣглецовъ, не попавъ въ вагоны Филиппопольской желѣзной дороги, умерли отъ холода. На пути къ Константинополю на прошлой недѣлѣ находилось 300,000 бѣглецовъ.

Между тѣмъ, по извѣстіямъ иностранныхъ телеграммъ, наши войска все ближе и ближе подвигаются впередъ къ Константинополю. Наши войска уже заняли *Узунъ-Кепри* и *Демотику* (во Өракіи, въ нижнемъ теченіи р. Марицы) и быстро подвигаются далѣе. *Галлиполи* (на полуостровѣ того же имени, въ Дарданельскомъ Геллеспонтѣ) уже близокъ и, говорятъ, туда идетъ одинъ изъ нашихъ корпусовъ, но онъ не приготовленъ къ оборонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, близокъ и великій результатъ настоящей войны. Турки, однако, рѣшаются на послѣднюю отчаянную игру. Въ *Цаталджѣ*, недалеко отъ Константинополя, связанной съ послѣднимъ посредствомъ желѣзной дороги, стягиваются турецкія войска для обороны самой столицы. Начальство надъ этими соединенными войсками примутъ пресловутый Мухтаръ-паша и Шевкетъ-паша.

Между тѣмъ на ряду съ этими слухами, переговоры о перемиріи между воюющими сторонами, происходившіе въ Русской главной квартирѣ, въ Казанлыкѣ, по словамъ иностранныхъ телеграммъ, уже совершившійся фактъ. Турція понурена и конечно желаетъ мира, хотя бы самаго невыгоднаго для себя. Султанъ недавно прислалъ Англійской королевѣ Викторіи письменную просьбу о ходатайствѣ предъ Монархомъ Россіи въ смыслѣ скораго заключенія перемирія и мира. Королева Викторія, вслѣдъ затѣмъ, послала ходатайственное въ этомъ смыслѣ письмо Государю Императору. Этотъ вопросъ, конечно, самый главный центръ тяжести нашей политики въ настоящее время. Милліоны ожиданій слились въ одно. Всѣ ждутъ мира (если онъ необходимъ именно въ настоящее время) не только „почетнаго" (по выраженію Англійской Королевы), но и великаго по результатамъ, достойнаго святости цѣли самой войны, который сдѣлалъ бы уже невозможнымъ отвратительное порабощеніе дикою ордою безотвѣтной райи. Миръ этотъ долженъ на столько же унизить доселѣ кичливую Турцію, на сколько возвысить уничиженныя балканскія народности. Въ этомъ должны быть вручены Россіи крѣпкія гарантія, „ключи вязать и рѣшить". Вотъ какого мира ждутъ милліоны русскаго народа и, конечно, только въ такомъ смыслѣ возможенъ миръ.

На Мало-азіатскомъ театрѣ войны продолжается блокада Эрзерума и вмѣстѣ съ тѣмъ наши войска постепенно занимаютъ этотъ край. Недавно занятъ *Арданучъ* (лежащій на дорогѣ изъ Ардагана въ Батумъ); затѣмъ заняты города: *Хнысъкала* (по дорогѣ изъ Вана въ Эрзерумъ), *Тортумъ* и *Испиръ* (по дорогѣ изъ Батума въ Байбуртъ). Выходитъ, слѣдовательно, что уже почти весь Эрзерумскій вилайэтъ находится въ нашихъ рукахъ.

Съ Балканско-Западнаго театра войны (гдѣ дѣйствуютъ румыны, сербы и черногорцы) за прошлую недѣлю получены извѣстія, что румынскія войска, занявъ мѣстечко Флорентино, довершили этимъ обложеніе Виддина. Фортъ Бѣлградчикъ въ Виддинѣ загорѣлся отъ румынскихъ снарядовъ; что сербы заняли *Нова-Варошъ* и, занявъ снова отнятое было турками Куршумле (на южной границѣ), взяли тамъ 450 плѣнныхъ. Черногорія тоже продолжаетъ свою борьбу, хотя черногорская армія и терпитъ крайній недостатокъ въ провіантѣ, происшедшій отъ истощенія маленькой страны продолжительною войною. Въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ, князь Николай недавно принужденъ былъ отпустить на родину большинство турецкихъ плѣнныхъ родомъ изъ сосѣднихъ мѣстностей Албаніи. Затѣмъ, на прошлой недѣлѣ крайнія неудачи турокъ вызвали возстаніе въ Өессаліи: 500 инсургентовъ взялись за оружіе недалеко отъ крѣпости *Воло*. Турецкое населеніе изъ возставшихъ деревень бѣжало въ Воло. На усмиреніе инсургентовъ посланъ турецкій отрядъ въ 800 человѣкъ.

Изъ политическихъ новостей прошлой недѣли сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе принятіе новымъ итальянскимъ королемъ Гумбертомъ присяги (по обычной формулѣ) и произнесенная имъ тронная рѣчь, въ которой молодой король, послѣ теплыхъ словъ по поводу покойнаго отца, выразилъ убѣжденіе, что свободная Италія въ настоящее время является гарантіею мира и прогресса, что задача правительства состоитъ теперь въ томъ, чтобы удержать страну на этой высотѣ. „Единственное честолюбіе мое",—сказалъ между прочимъ Гумбертъ,—состоитъ въ томъ, чтобы заслужить похвалу, что я достоинъ моего отца, которого умѣла понимать Италія". Вообще тронная рѣчь Гумберта была встрѣчена единодушнымъ одобреніемъ.

Въ Греціи на прошлой недѣлѣ снова произошелъ министерскій кризисъ и снова съ обычною быстротою (какъ это всегда бываетъ въ Греціи) сформировался новый кабинетъ. Президентомъ совѣта и министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣланъ Кумундуросъ.

Британія, бывшая прежде поджигательницей дипломатическихъ коалицій, направленныхъ противъ Россіи, рѣшилась теперь сидѣть сложа руки, въ ожиданіи неизбѣжной развязки дѣла Россіи съ Турціей.

Этому же примѣру слѣдуетъ и Австро-Венгрія, разсчитывающая, однакоже, при ликвидаціи турецкихъ дѣлъ на присоединеніе Босніи. Недавно бывшее свиданіе графа Андраши и нашего посла при вѣнскомъ дворѣ, Новикова, имѣло дружественный характеръ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что нейтральная политика Австро-Венгріи по отношенію къ восточному вопросу нисколько не измѣнилась.

Въ одесскихъ газетахъ пишутъ, что великій князь Главнокомандующій, изъявилъ желаніе, чтобы въ Херсонской губ. были изготовлены изъ мѣстнаго полотна 335 т. рубахъ и 170 т. подштанниковъ для нижнихъ чиновъ арміи, съ уплатою денегъ интендантствомъ по изготовленіи вещей. Ощущается крайняя потребность и необходимы безотлагательныя мѣры. Въ виду этого, губернаторъ вызвалъ въ Херсонъ всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ и поручилъ имъ немедленно сдѣлать предварительныя распоряженія по этому предмету. Сверхъ того, губернаторъ возложилъ приведеніе въ исполненіе желанія его высочества въ каждомъ уѣздѣ на особыя хозяйственныя коммисіи, подъ предсѣдательствомъ исправниковъ изъ членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ и городскихъ головъ. Заготовленіе бѣлья распредѣлено между уѣздами пропорціонально населенію. Такому распоряженію, конечно, давно бы пора осуществиться и дай Богъ, чтобы побольше было такихъ распоряженій. Кто же изъ людей благонамѣренныхъ не согласится съ тѣмъ, что такая мѣра всего вѣрнѣе и скорѣе приведетъ къ желанной цѣли.

Засимъ обращаемъ вниманіе на открытое недавно мѣсторожденіе каменнаго угля въ 100 верстахъ отъ Чемкента въ Туркестанскомъ краѣ, у самой почтовой дороги въ г. Аулія-ата. Такое близкое нахожденіе между двумя городами угля при хорошихъ его качествахъ, можетъ послужить къ развитію той или другой фабричной промышленности и найти вѣрный и постоянный спросъ, если со временемъ осуществится предположенная постройка желѣзной дороги въ разстояніи 100 верстъ отъ мѣсторожденія угля.

До какой степени переполнены теперь наши портовые склады хлѣбомъ, видно изъ того, что съ открытіемъ судоходства въ Черномъ морѣ по заключеніи мира, изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ можно будетъ отпустить за границу около 5 мил. четв. пшеницы.

Относительно же скопленія грузовъ на желѣзныхъ дорогахъ можемъ указать на слѣдующее: хлѣбъ и соль съ бахмутскихъ заводовъ гг. Губонина и Ангелиди, вслѣдствіе застоя движенія грузовъ на Харьковской желѣзной дорогѣ, терпятъ сильные убытки. Такъ напр. соль здѣсь охотно отдали-бы партіею за 30 коп. пудъ, а въ Харьковѣ она продается свыше рубля за пудъ.

Переходя за симъ отъ такого обилія запасовъ къ нашему русскому неряществу, обращаемъ вниманіе на заявленіе полиціймейстера гор. Тамбова, гласящее такъ: „въ послѣднее время вода на рѣкѣ испортилась и, по разслѣдованію медицинской полиціи, оказывается негодной къ употребленію для пищи и питья Вслѣдствіе чего, обязавъ водовозовъ доставлять жителямъ воду изъ родниковъ и колодезей, предлагается жителямъ Тамбова не принимать воду, привозимую водовозами изъ рѣки Цны, впредь до новаго о семъ объявленія". Къ этому заявленію добавлять нечего.

Столь извѣстный и до сихъ поръ ни къ какому разрѣшенію еще не дошедшій вопросъ о сибирскомъ университетѣ снова напоминаетъ о себѣ въ газетахъ. Такъ въ газетѣ „Сибирь" напечатано: Изъ западной Сибири пишутъ, что наконецъ въ послѣднихъ числахъ октября выѣхали въ Петербургъ два ожидаемые депутата отъ Западной Сибири въ коммисію по разсмотрѣнію вопроса о мѣстѣ для сибирскаго университета, разсматриваемаго въ государственномъ совѣтѣ. Въ депутаціи находится главный инспекторъ училищъ Дзюба и вицегубернаторъ Акмолинской области Курбановскій; изъ нихъ первый давно уже стоитъ за г. Омскъ, второй же конечно, не можетъ держаться другого мнѣнія, какъ представитель своей области, слѣдовательно оба депутата выскажутся за Омскъ.

Въ заключеніе сообщаемъ, что обществу курско-харьковско-азовской желѣзной дороги разрѣшено правительствомъ, въ виду движенія поѣздовъ и ожидающагося усилившагося открытія донецкой желѣзной дороги, проложить второй путь рельсъ на протяженіи всей линіи, длиною въ 768 верстъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Религія есть ароматъ, сохраняющій науку отъ порчи. *Бэконъ.*

Душа есть огонь, требующій питанія: онъ гаснетъ коль скоро не возрастаетъ. *Вольтеръ.*

Настоящая жизнь имѣетъ нѣкоторую цѣну только тогда, когда она служитъ къ религіозному образованію нашего сердца, когда она приготовляетъ къ высшимъ судьбамъ свободнымъ избраніемъ добродѣтели на землѣ. *М-me Сталь.*

Назначеніе человѣка въ этой жизни не есть счастіе, но усовершенствованіе. *М-me Сталь.*

Смѣсь.

Замѣчательное научное открытіе. Обращеніе кислорода въ жидкость. Опытъ былъ сдѣланъ въ Женевѣ, въ мастерской Общества производства физическихъ инструментовъ.

Посредствомъ двойной циркуляціи сѣрнистой кислоты и углекислоты—послѣдняя была обращена въ жидкость при—65° подъ давленіемъ 4—6 атмосферъ. Жидкая углекислота была проведена по трубкѣ въ 4 метра длиной; при помощи двойного насоса надъ этой кислотой была произведена барометрическая пустота; вслѣдствіе разности давленій углекислота затвердѣла.

Внутри этой первой трубки съ твердой углекислотой проходила трубка весьма малаго діаметра, по которой можно было пропускать кислородъ, приготовленный изъ бертолетовой соли, въ большомъ толстостѣнномъ резервуарѣ, въ видѣ огромной гранаты. Давленіе можно было вести до 800 атмосферъ.

10 (22) дек. 1877 г. всѣ приборы были установлены по вышеописанному плану и подъ давленіемъ, не превышавшимъ 300 атмосферъ, жидкая струя кислорода была выпущена изъ трубки въ моментъ, когда сжатый и охлажденный кислородъ переходилъ отъ этого высокаго давленія къ атмосферному. Громадный научный интересъ этого опыта заключается въ томъ, что онъ доказалъ несомнѣнно истинность механической теоріи теплоты, по которой всѣ газы разсматриваются какъ пары, могущіе переходить черезъ три состоянія: твердое, жидкое и газообразное.

Пятнадцать дней тому назадъ Кельте, (Cailletet) удалось обратить въ жидкость окись азота подъ давленіемъ 146 атмосферъ и при температурѣ—11°

Послѣ этихъ опытовъ 29 декабря (10 янв. с. г.) женевскій физикъ Пиктетъ превратилъ водородъ подъ давленіемъ 650 атмосферъ не только въ жидкость, но и въ твердое тѣло падавшее изъ крана какъ горохъ и, разумѣется, испарившееся. Жидкость водорода имѣетъ синій цвѣтъ.

Морская змѣя. Изъ Марсельскаго музея присланъ въ даръ Парижскому Jardin des Plantes экземпляръ змѣи chersydre fasciè, которая въ первый разъ привезена въ Европу. Эта любопытная порода змѣй имѣетъ въ длину около метра и толщину нѣсколько превышающую объемъ мизинца. Кожа ихъ покрыта рядомъ колецъ коричневаго и синевато-бѣлаго цвѣта. Но всего замѣчательнѣе то, что змѣи эти осуществляютъ разсказы о знаменитой морской змѣѣ. (См. „Ниву" 1877 г. № 10, стр. 167). Онѣ живутъ исключительно въ водѣ и при томъ болѣе въ морской нежели въ прѣсной.

Прессованное стекло. Сименсъ на дрезденскомъ стекляномъ заводѣ приготовляетъ небьющееся стекло прессованіемъ. Прессованное стекло не только не уступаетъ закаленному, но еще значительно превосходитъ его, какъ по красотѣ внѣшняго вида, такъ и по прочности. Прочность прессованнаго стекла почти въ два раза болѣе прочности закаленнаго и въ 7 до 10 разъ болѣе прочности обыкновеннаго стекла. Во время опытовъ, произведенныхъ въ берлинскомъ техническомъ обществѣ, пластика подобнаго стекла (толщиною въ обыкновенное зеркальное стекло), будучи подперта по угламъ, выдерживала, не разбиваясь, удары трехфунтовой свинцовой гири, падавшей на него съ высоты одной сажени. Отличить прессованное стекло отъ закаленнаго можно весьма легко по излому. Изломъ этотъ у прессованнаго стекла волокнистый, между тѣмъ какъ у закаленнаго стекла—кристаллическій. О небьющемся стеклѣ „Нива" уже сообщала (см. 1876 г. № 42, стр. 713).

Непромокаемая обувь. Составъ этотъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: на ведро льнянаго масла берется 5 фунтовъ сала, ½ фунта воску и ⅓ фунта древесной смолы. Смѣсь эта нагрѣвается на легкомъ огнѣ и затѣмъ наносится на обувь щеткою. Она сообщаетъ кожѣ чрезвычайную мягкость и гибкость и совершенно предохраняетъ ее отъ проницанія влагою.

Дрессировка голубей въ Остъ-Индіи. Обитатели Азіи большіе мастера дрессировать голубей; въ домѣ каждаго богатаго магометанина находится человѣкъ. на обязанности котораго лежитъ дрессировка голубей, и эти птицы, какъ солдаты, слушаются команды своего господина. Тамъ нерѣдко можно увидѣть слѣдующую картину: Вотъ взлетаетъ два десятка коричневыхъ голубей, которые и повинуются каждому знаку своего учителя. Сигналы онъ подаетъ имъ или голосомъ, или же взмахами палочкой. Затѣмъ выпускаются бѣлые голуби; они смѣшиваются съ первыми и летаютъ всѣ вмѣстѣ, такъ что съ перваго взгляда кажется невозможнымъ раздѣлить ихъ. Однако, мастеръ дѣлаетъ сигналъ и голуби тотчасъ же раздѣляются и образуютъ двѣ группы: бѣлую и коричневую. Потомъ выпускаютъ 20 синихъ голубей, которые и присоединяются къ первымъ двумъ группамъ. Вся эта куча пернатыхъ плаваетъ въ воздухѣ, то поднимаются, то опускаются, то преслѣдуютъ другъ друга, и все это дѣлается по командѣ. По знаку дрессировщика птицы раздѣляются на три группы и начинаютъ выдѣлывать разныя эволюціи. Однѣ летятъ вверхъ, другія въ сторону, одна группа нападаетъ на другую, которая отступаетъ, разлетается и пропускаетъ нападающихъ. По окончаніи игры голубей сзываютъ и кормятъ.

Взаимный подарокъ. До освобожденія американскихъ колоній отъ своей метрополіи, англійское правительство ссылало ежегодно массу своихъ преступниковъ за море, въ Сѣверную Америку. Тщетно протестовали противъ этого колонисты, жалобы ихъ оставлялись безъ послѣдствій, транспортированіе преступниковъ продолжалось. Тогда англійскій министръ Вельполь получилъ въ одинъ прекрасный день изъ Бостона ящикъ съ живыми гремучими змѣями. Эти животныя, отличающіяся живучестью и выносливостью, отлично перенесли морское путешествіе. Въ ящикѣ нашли анонимное, очень вѣжливое письмо, въ которомъ просили его превосходительство принять посылку въ подарокъ взамѣнъ присланныхъ его превосходительствомъ преступниковъ. Ему совѣтовали поселить этихъ пресмыкающихся, бывшихъ для Сѣверной Америки тѣмъ же, чѣмъ были воры и разбойники для Англіи, въ королевскихъ садахъ, гдѣ бы змѣи могли свободно размножаться и со временемъ приносить англичанамъ такую же пользу, какую приносятъ американцамъ ссылаемые къ нимъ англійскіе преступники. Эту остроумную шутку придумалъ знаменитый Веньяминъ Франклинъ. Въ то время онъ былъ еще малоизвѣстенъ и занимался типографскимъ ремесломъ.

Послѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ, отправка англійскихъ преступниковъ въ Сѣверную Америку, разумѣется, прекратилась. Съ тѣхъ поръ ссыльныхъ стали отправлять въ Австралію, берега которой незадолго передъ тѣмъ были изслѣдованы капитаномъ Кукомъ.

Шахматная партія Наполеона I.

Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ замѣчательную шахматную партію, игранную Наполеономъ I и сохраненную однимъ его близкимъ другомъ. Сколько помнится, эта партія въ Россіи до сихъ поръ не была еще напечатана, и надѣемся, что она доставитъ интересъ любителямъ шахматной игры.

Наполеонъ, какъ извѣстно, былъ страстный шахматный игрокъ и нерѣдко свободные часы во время походовъ какъ въ Египтѣ, такъ въ Германіи и Россіи, такъ и потомъ, живя на Эльбѣ и Еленѣ, онъ употреблялъ на игру въ шахматы. Онъ не придерживался теоретическихъ правилъ въ этой игрѣ, но подобно тому, какъ на поляхъ битвъ, такъ и въ шахматной игрѣ—всегда сообразовался съ ходомъ дѣла, быстро создавая планъ дѣйствія.

Помѣщаемая здѣсь партія была играна Наполеномъ въ Мальмевонѣ въ 1804 году съ госпожею Ремюза.

(Нерегулярная открытая партія).

Бѣлые (госпожа Ремюза).

	Бѣлые.	Черные.		Бѣлые.	Черные.
1.	D2—D3	Конь G8—F6	8.	Конь G1—H3***	Конь E5—F3 +
2.	E2—E4	Конь B8—C6*	9.	Кор. E1—E2	Конь F3—D4:+
3.	F2—F4	E7—E5	10.	Кор. E2—D3	Конь G4—E5 +
4.	F4—E5	Конь C6—E5:	11.	Кор. D3—D4:	Слонъ F8—C5 +
5.	KB1—C3	Конь F6—G4**	12.	Кор. E4—C5:	Ферзь F6—B6 +
6.	D3—D4	Ферзь D8—H4+	13.	Кор. C5—D5	Ферзь B6—D6 + и матъ.
7.	G2—G3	Ферзь H4—F6			

* Совсѣмъ по Наполеоновски: конь впередъ идетъ.
** Впередъ всего бьетъ.
*** Правильный выходъ былъ бы здѣсь Ферзь D1—E2.

Почтовый ящикъ.

1. Москва Мер—ову. Ваши стихи можно назвать «бойкими»—и только. Вы спрашиваете:

Гдѣ этотъ пылъ могучей страсти
Гдѣ эта нѣга и любовь?
Кипитъ въ неотразимой власти
Моя взволнованная кровь...,

Въ чьей же это власти кипитъ ваша кровь. Въ слѣдующихъ строкахъ вы вдругъ соскакиваете съ ямба на хорей и, не замѣчая этого, продолжаете:

Разразилась буря злая,
Нити жизни порвала,
И бѣснуясь и играя,
Призракъ счастья увлекла.

Бойко! Но стоитъ повнимательнѣе всмотрѣться въ ловкій наборъ словъ, то въ нихъ тоже окажутся большія погрѣшности. Если буря унесла «призракъ счастья», то слѣдовательно его и не было, ибо счастье и призракъ счастья—два совершенно противуположныя понятія. Такимъ образомъ оказывается, что буря унесла счастье, котораго не было. Или, что то же: вы выразили въ стихахъ мысли, въ которыхъ нѣтъ мысли.—

2. Ю. М. Г. Ваши опасенія, имѣютъ много основаній. Вы справедливо говорите:

Я боюсь, что напрасно
Мы встрѣтились съ тобой.
Я боюсь, что ты страстно
Не полюбишь, не сойдешься ты со мной.

Такихъ стихотворцевъ, конечно, не любятъ, всего чаще надъ ними смѣются. И знаете-ли: они достойны этого.

3. Курскъ Моск. ул И. К—у. Къ сожалѣнію, стихи не могутъ быть напечатаны, не смотря на ихъ искренній тонъ.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 3 „Нивы“: „Неужели мы снова брали Карсъ только съ тѣмъ, что-бы возвратить его при заключеніи мира“.

СОДЕРЖАНІЕ: **Паденіе Плевны** (съ 4-мя рисунками).—Стихотвореніе **В.**.—**Призрачный царекъ.** (Повѣсть изъ русской жизни XVII вѣка). Продолженіе **П. Гнѣдича.**—**Подражаніе барину** (съ рисункомъ).—**Замокъ Мирамаръ и несчастная судьба его владѣльцевъ** (съ рисункомъ).—**Морской путь изъ Сибири въ Европу** (съ 2-мя рисунками).—**Муша—рабочій въ Тифлисѣ** (съ рисункомъ)..—**Есть ли жители на планетахъ?**—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Смѣсь.—Шахматная партія Наполеона I.—Ребусъ.—Рѣшеніе ребуса.—Объявленія.

Издатель **А. Ф МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

№ 5 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 30 Января 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Гумбертъ I-й, король Италіи.

Первый король объединенной Италіи, Викторъ-Эммануилъ, скончался, какъ мы уже имѣли случай сообщить, 28-го декабря 1877 года. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его принцъ Гумбертъ, провозглашенный въ тотъ же день 28-го декабря королемъ Италіи.

Подобно всѣмъ членамъ Савойскаго дома, и въ особенности подобно своему покойному отцу, Гумбертъ въ высшей степени обладаетъ воинскимъ мужествомъ. Разсказываютъ, что въ 1866 году въ битвѣ подъ Кустоццею, онъ дѣйствовалъ геройски и верхомъ на лошади держался посреди знаменитаго карэ 44-го полка, какъ извѣстно, необычайно мужественно отразившаго аттаку австрійскихъ улановъ. По окончаніи битвы извѣстный республиканецъ Биксіо подошелъ къ Принцу и просилъ у него позволенія, какъ милости, обнять Его Высочество: „Мнѣ еще никогда не приходилось обнимать ни одного принца, — сказалъ онъ, — но вы сражались какъ герой, какъ истый сынъ Савойскаго дома“.

Гумбертъ I, король Италіи. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

До восшествія своего на престолъ Гумбертъ жилъ, удаляясь отъ двора, и все время отдавалъ серьезнымъ занятіямъ, особенно изученію военныхъ наукъ. Законодательство и политическія науки онъ проходилъ подъ руководствомъ Манчини (теперь министра юстиціи). Разсказываютъ, что король Гумбертъ отличается большею сдержанностію въ обхожденіи, чѣмъ покойный король, его отецъ; въ многолюдныхъ собраніяхъ и при оффиціальныхъ пріемахъ онъ кажется нѣсколько застѣнчивымъ. Король Гумбертъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, принцессѣ Маргаритѣ, отличающейся умомъ и рѣдкой добротою. Она всегда стоитъ во главѣ всякаго рода благотворительныхъ учрежденій. Небезъинтереснымъ считаемъ прибавить, что принцесса Маргарита посѣщала лекціи высшихъ наукъ для женщинъ. Скромно занявъ мѣсто посреди другихъ слушательницъ, она съ тетрадкою въ рукахъ внимательно слѣдила за лекціями. Петербургу знакомы какъ король Гумбертъ, такъ

и его супруга принцесса Маргарита: оба они въ 1876 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ посѣтили нашу столицу. Журналъ „Нива“ имѣлъ случай, именно въ вышеупомянутомъ 1876 г., помѣстить на своихъ страницахъ портреты Гумберта I-го, бывшаго тогда наслѣднымъ принцемъ итальянскаго королевства и супруги его, бывшей принцессы, нынѣ королевы Итальянской, Маргариты (см. „Ниву“ 1876 г. № 29-й, стр. 492).

Полагаютъ, что съ смертію короля Виктора-Эммануила и со вступленіемъ на престолъ новаго короля, если въ политикѣ Италіи и произойдетъ какое-нибудь измѣненіе, оно во всякомъ случаѣ не будетъ въ пользу Ватикана.

Въ своей прокламаціи къ народу король Гумбертъ сказалъ слѣдующее: „Я принялъ послѣдній вздохъ моего отца, бывшій за націю, и его послѣднюю мольбу, бывшую за благоденствіе итальянскаго народа. Его голосъ, который вѣчно будетъ имѣть отголосокъ въ моемъ сердцѣ, заставляетъ меня преодолѣть свою горесть и указываетъ мнѣ мой долгъ. Единственное утѣшеніе въ настоящую минуту, это желаніе быть достойнымъ его; для этого мнѣ слѣдуетъ идти по стопамъ его, а вы должны оставаться вѣрными тѣмъ гражданскимъ добродѣтелямъ, съ помощію которыхъ онъ могъ исполнить трудную задачу—сдѣлать Италію великой и объединить ее. Я буду сохранять въ памяти данные мнѣ отцомъ моимъ примѣры преданности къ отечеству, любви къ прогрессу и вѣры въ наши свободныя учрежденія, составляющія гордость моего дома. Единственнымъ честолюбіемъ моимъ будетъ—заслужить любовь моего народа“.

Въ-заключеніе рѣчи король Гумбертъ прибавилъ: „Упрочимъ же согласіе, бывшее всегда спасеніемъ Италіи“.

Небезъинтереснымъ считаемъ здѣсь привести нѣсколько фактовъ изъ жизни того замѣчательнаго короля-человѣка, которому наслѣдовалъ Гумбертъ I. Эти факты, характеризуя покойнаго короля Виктора-Эммануила, могутъ, по нашему мнѣнію, служить хотя въ нѣкоторой степени характеристикой тѣхъ условій, среди которыхъ складывалась жизнь Гумберта I-го и того направленія идей, которыми жилъ окружающій его придворный міръ.

Вотъ случаи изъ этой жизни.

Одинъ изъ нихъ относится къ тому времени, когда папа отлучилъ Виктора-Эммануила отъ церкви. Придворный священникъ получилъ изъ Ватикана приказаніе доставлять еженедѣльные отчеты объ образѣ жизни и настроеніи духа короля. Однажды ночью король случайно зашелъ въ комнату, занимаемую его духовникомъ; въ комнатѣ никого не было, но на письменномъ столѣ патера лежало его донесеніе, въ которомъ со всевозможными подробностями говорилось о каждомъ шагѣ и словѣ короля, при чемъ онъ именовался *отлученнымъ*. Викторъ-Эммануилъ, смѣясь, прочелъ донесеніе и ушелъ, но когда вслѣдъ за нимъ возвратился патеръ въ комнату, то увидѣлъ на своей работѣ слѣдующую сдѣланную королемъ надпись: „отлученный король ѣстъ и пьетъ, какъ прелатъ“.

Другой фактъ слѣдующаго рода. Когда Викторъ-Эммануилъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Венецію въ качествѣ короля и посѣтилъ соборъ Св. Марка, онъ увидѣлъ въ нёмъ между прочимъ три красныя плиты. Сопровождавшій его кардиналъ объяснилъ ему, что на этихъ плитахъ императоръ Фридрихъ Барбарусса стоялъ на колѣняхъ предъ папою Александромъ III, вымаливая у него прощеніе. Викторъ-Эммануилъ спокойно выслушалъ объясненіе, и перешагнувъ чрезъ доски, сказалъ: „Tempi passatti“ (Времена перемѣнчивы!)

Викторъ-Эммануилъ, какъ извѣстно, былъ большимъ любителемъ охоты. Однажды онъ убилъ зайца, но въ то же время какъ онъ стрѣлялъ, раздался другой выстрѣлъ. Король однакоже этого выстрѣла не слышалъ и подошелъ къ зайцу чтобы его взять. Вмѣстѣ съ королемъ, съ тѣмъ же намѣреніемъ, поднять зайца, подошелъ другой охотникъ. Между ними произошелъ споръ, кому изъ нихъ принадлежитъ заяцъ; каждый заявлялъ свое право.—Этакъ всякій чортъ можетъ сказать, что онъ убилъ зайца! кричалъ взбѣшенный охотникъ. Король въ свою очередь такъ же былъ раздосадованъ; между ними вскорѣ завязалась драка, имѣвшая перевѣсъ на сторонѣ болѣе сильнаго и ловкаго короля. Пораженный соперникъ обратился въ бѣгство. Король же поручилъ разузнать о побитомъ имъ охотникѣ. Оказалось, что это былъ столярный мастеръ. Король приказалъ послать за нимъ придворную карету и привезти его во дворецъ. Можно себѣ представить изумленіе и страхъ ничего не знавшаго столяра и его испугъ, когда во встрѣтившемъ его королѣ онъ узналъ вчерашняго своего противника! Но Викторъ-Эммануилъ потрепалъ его по плечу и весело сказалъ: „а вѣдь я въ моемъ зайцѣ дѣйствительно нашелъ чужую дробь,—вы правы, заяцъ принадлежитъ столько же мнѣ, сколько и вамъ, а потому пойдемте и раздѣлимте его“. Въ этотъ моментъ открывается дверь въ слѣдующую комнату дворца, въ которой на столѣ красовался среди другихъ блюдъ убитый наканунѣ заяцъ.

Вотъ какому отцу наслѣдовалъ Гумбертъ I и, конечно, итальянцы, любившіе искренно покойнаго короля, не могутъ не ожидать, что сынъ его будетъ такъ же всегда правдивъ, искрененъ и близокъ къ народу

Ор.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка).

(Продолженіе).

XV.

Москва волновалась. Противъ Шуйскаго составлялись заговоры и положеніе его не многимъ было лучше тушинскаго вора. Всюду стояла дороговизна: дошло до того, что цѣна на возъ сѣна поднялась на базарѣ свыше трехъ рублей. Писцы, подьячіе, дьяки—все „перелетало“ въ Тушино, гдѣ море было разливное—пива, медовъ, сколько хочешь сыровъ, хлѣба, говядины. Родители съ радостью отпускали дѣтей своихъ туда. „Коли, молъ, имъ посчастливится, да станутъ они Москву брать, намъ же лучше будетъ: свои не тронутъ“. Да и точно, привлекательнаго въ Москвѣ было не много.

Но, конечно, были и тутъ люди, сочувствующіе Шуйскому; таковъ былъ келарь осажденной Троице-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ; таковъ былъ и Алешка Тихоновъ, женихъ Наташи, обладавшій „гласомъ удивительнымъ“, у котораго остановился попъ Алфей, найдя его послѣ долгихъ розысковъ по Москвѣ.

Авраамій жилъ въ подворьѣ Лавры, тутъ же жилъ и Алешка, только этажемъ ниже. Принялъ онъ Алфея предупредительно, угощалъ его со стараніемъ, и старался всячески угодить. Алешка былъ красивый парень съ маленькой русой бородкой и физіономіей что называется себѣ на умѣ. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ, ибо у самаго Палицына на послугахъ состоялъ; рекомендовалъ его Палицыну кто-то изъ духовенства, какъ отличнаго устроителя хоровъ и человѣка въ духовномъ писаніи начитаннаго, а слѣдовательно и могущаго быть полезнымъ. Авраамій нашелъ въ немъ человѣка вѣрнаго, расторопнаго, и черезъ него сносился съ монастыремъ. Честь для Алешки была не малая, потому онъ и держалъ себя солиднѣе чѣмъ прежде.

Попъ разсказалъ ему все по порядку, начиная съ увоза дочерей, и кончая тѣмъ, что спутникъ его, Ванька Горшокъ, послѣдній кафтанишко укралъ у него на ночлегѣ. Заключилъ онъ свою рѣчь тѣмъ, что, молъ, надѣется на него какъ на стѣну каменную, выкупитъ-де онъ свою невѣсту и не поставитъ ей въ вину ея несчастіе.

Выслушалъ его Алешка, поглаживая свою бородку, и сперва изумился, потомъ опечалился, но вниманія оказалъ все таки гораздо меньше, чѣмъ Алфей надѣялся. По временамъ попу казалось, что Алешка даже вовсе не слушаетъ его, что мысли его куда-то вдаль убѣгаютъ. Въ концѣ концовъ онъ вотъ что сказалъ:

— Все это мнѣ очень грустно, и что касается выкупа, то есть денегъ, такъ я все, что имѣю отдамъ, и коли можно Наталью и Катю выкупить—выкупимъ. А такъ сказать личнаго содѣйствія я оказать въ настоящее время не могу: потому—на сихъ дняхъ мнѣ надо съ грамотами въ Лавру отправляться.

— Да вѣдь въ осадѣ Лавра-то?

— Что-жь что въ осадѣ? Ты думаешь, коли городъ обложенъ, такъ и пройти въ него нельзя,—всегда можно. Я ужь два раза тамъ былъ. У насъ воротъ тамъ много — въ любыя входи. А вотъ посольство справимъ, тогда и выкупомъ займемся. Достанемъ.

— Да времени-то, времени ужь очень много пройдетъ.

— Что-жь дѣлать-то? Служба, вѣдь, царская прежде всего.

— Эхъ, Алешка, Алешка! покачалъ попъ головой: надѣялся я на тебя гораздо больше. Совсѣмъ ты иной человѣкъ сталъ, а давно-ли—съ весны не видѣлись. Прежде бы небось изъ-за Наташки ты въ омутъ головой бросился бы не думавши, а теперь о посольствѣ думаешь.

— Да нельзя-же, отецъ,—нѣсколько смутившись возразилъ Алешка. Дѣло такое, отлагательства не терпящее. Я монастырю радѣть долженъ, особливо въ такихъ дѣлахъ, какъ нынѣшнія. Тамъ смуты идутъ, ратники на старцевъ соборныхъ жалуются, старцы на ратниковъ—кусъ изо рта другъ у друга вырываютъ, такъ меня съ миротворными грамотами посылаютъ, ужли-жъ я отказаться могу? У насъ единый твердый оплотъ и есть Лавра...

— Когда же ты вернешься? тоскливо спросилъ попъ.

— Не токмо что вернусь, а когда пойду, и того не знаю: надо грамотъ ждать. Можетъ и ты пойдешь, угоднику помолиться, да молитвой себя подкрѣпить?

— Идемъ, пожалуй, машинально проговорилъ Алфей. За послѣднее время онъ совсѣмъ потерялъ связующую нить жизни. Судьба его такъ помяла за послѣдніе дни, что ему положительно было все равно куда идти, въ ту, или въ эту сторону.

— Очень мнѣ грустно,—говорилъ послѣ ужина Алексѣй. Какъ вспомню о Наташѣ — сердце кровью обливается...

Алфей ничего не сказалъ, но глянулъ такъ печально,—ему въ искренность его не вѣрилось что-то.

Ночь была глухая, жарко было въ каморкѣ, гдѣ Алексѣй спалъ, луна едва пробивалась въ окно, сверчокъ слабо посвистывалъ откуда-то. Алексѣю не спалось. Онъ сбросилъ одѣяло, разметался на постели; глаза его были открыты, уставлены на одну точку, руки заложены за голову. Онъ старался въ воображеніи вызвать черты Наташи, эти добрыя, милыя черты, съ добрыми губками, глазками, съ русой, длинной косою. Но странное дѣло: ему никакъ не удавалось поймать любимый когда-то образъ. Чуть онъ начиналъ выступать, вырисовываться изъ мрака, какъ вновь исчезалъ и смѣнялся неотступно другимъ видѣніемъ. То было полное, мягко очерченное лицо дѣвушки, съ глубокими, чорными, точно слегка заплаканными, глазами, обрамленное густыми, черными, вьющимися волосами. Оно смотрѣло на него такимъ грустнымъ, безконечно-грустнымъ взглядомъ, и какая-то жуткая, щемящая боль чувствовалась въ его сердцѣ. „Эхъ, кабы въ Лавру скорѣе!“ думалось ему...

XVI.

Если бы спросили любого изъ защитниковъ Сергіевскаго монастыря, будь то монахъ, или ратникъ, или просто крестьянинъ, которыхъ тысячами набралось изъ окрестныхъ селъ и деревень въ Лавру,—если бы спросили любого изъ нихъ: „противъ кого и за что вы воюете?“ каждый бы отвѣтилъ: противъ латинства гробъ преподобнаго Сергія и истинную Христову вѣру отстаиваемъ. „О Шуйскомъ и здѣсь думали мало, упоминая о немъ развѣ только въ оффиціальныхъ грамотахъ, посылаемыхъ въ таборы „темнаго державства дружинъ“ Сапѣги и Лисовскаго. Не трехсаженная толщина стѣнъ, не обиліе монастырской житницы, не крестное цѣлованіе Шуйскому,—крѣпость ратныхъ людей поддерживала идея защитниковъ гроба чудотворца, ею были проникнуты всѣ отъ мала до велика. Не смотря на тѣсноту, болѣзни, моръ,—монастырь держался крѣпко, и то, что „сапѣженцы и лисовчики“ думали уничтожить сразу, мимоходомъ, держалось уже многіе мѣсяцы твердо и о сдачѣ не думало.

Въ февральское зимнее утро 1609 года, когда еще разсвѣтъ еле-еле обозначился на юго-востокѣ, заволоченный густыми тучами, обильно сыпавшими хлопья снѣга на землю, къ монастырю пробирались мимо воровскаго табора Алешка и Алфей, хоронясь за кустами и деревьями, осторожно обходя встрѣчныя землянки. Цѣлую ночь бродили они все около, стараясь поудобнѣе пробраться къ прудамъ, примыкавшимъ къ лаврской оградѣ. Порою до нихъ долетала музыка, пѣсни, выстрѣлы,—видно было, что поляки гуляли и пьянствовали; всюду горѣли костры, мелькали у огней человѣческіе и лошадиные силуэты, разъ даже они на трехъ казаковъ натолкнулись, но всѣ они были такъ подвыпивши, что никакой опасности не представляли. Одинъ спросилъ, — „а гдѣ панъ Пшезедцкій теперь,—не вѣдаете?“ Алешка посмотрѣлъ на него и спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ: „да у Терентьевской рощи,—развѣ не знаешь?“ Казакъ изумился, разставилъ ноги и повторилъ: „У Терентьевской?.. вотъ какъ!“ и всѣ разошлись.

Къ утру снѣгъ повалилъ еще сильнѣе и скрадывалъ своей непрерывной сѣтью и зарю, и темные контуры монастыря, угрюмо чернѣвшіе передъ путниками. Въ Лаврѣ гдѣ-то гудѣлъ колоколъ; протяжно и мѣрно разносился благовѣстъ въ окрестной тишинѣ, то замирая отъ порывовъ вѣтра, то опять звуча съ прежнею силой. У стѣнъ, за ночь были наметены огромные сугробы, которые откосами лѣзли въ углахъ башенъ кверху; всѣ стѣны были забросаны снѣжными комьями, а между зубцовъ они навязли цѣлыми лавинами. У воротъ путниковъ окликнулъ часовой, и, узнавъ Алешку, пропустилъ тотчасъ.

Пройдя ворота, они сразу очутились охваченными со всѣхъ сторонъ народомъ, сновавшимъ въ полутьмѣ съ лопатами: ихъ высылали разгребать что-то. Колоколъ здѣсь гудѣлъ гораздо звончѣе, изъ церковныхъ оконъ мелькали огни, споря съ наступавшимъ разсвѣтомъ. Ратники, иноки, мужики, бабы, ребята—все это вперемежку сновало туда и сюда,—обычнаго строгаго вида монастыря не было и въ поминѣ. Они подвигались по стѣнкѣ, расталкивая встрѣчныхъ, и собирались уже завернуть на другой дворъ, какъ внезапно отворилась низенькая дверь, изъ которой повалилъ теплый прогорклый паръ, и по лѣсенкѣ поднялся къ верху монахъ въ скуфейкѣ и облаченіи и, увидѣвъ Тихонова, назвалъ его по имени. Тотъ оглянулся и шапку снявъ, поклонъ отвѣсилъ.

— Давно-ли? спросилъ монахъ.

— Только сейчасъ изъ Москвы съ вѣстями.

— Хорошія?

— Подмога изъ Москвы идетъ.

— Много?

Алешка ухмыльнулся.—Восемьдесятъ человѣкъ, да двадцать пудъ пороха.

— Что мало?

Алешка языкомъ щелкнулъ.—У насъ на Москвѣ и не приведи Господи что творится.—А у васъ что?

— Да вотъ хоронимъ.—Монахъ показалъ на завернутыя въ холщевые саваны тѣла, выносимыя изъ подвала.—Въ церковь сносимъ. Мрутъ да и только. Что день, то либо двадцать, либо тридцать человѣкъ, закапываемъ. Съ утра до вечера только и дѣлаемъ, что отпѣваемъ.

— Съ чего больше мрутъ-то?

— Съ нечистоты. Тѣла въ струпьяхъ, да въ ранахъ, а ходить за ними некому. Снимешь съ покойнаго платье —тѣкъ такъ все и кишитъ червями: въ ранахъ завелись. Владыко повелѣлъ съ сегодняшняго дня одежу покойныхъ жечь, такъ-то лучше.

— Плохо дѣло!

— И-и! Монахъ махнулъ рукой.—И помираютъ-то все какъ на грѣхъ люди что соразмѣрно ѣдятъ, а самые что ни на есть ѣдоки живы. Житницы наши день ото дня пустѣютъ, въ ратныхъ людяхъ согласья нѣтъ...

Жертвы Испанской Инквизиціи. Картина художника Зичи. Рисов. на деревѣ И. Пановъ, грав. М. Рашевскій.

— А вотъ зачѣмъ вы тутъ падаль бросаете, возразилъ Алешка, показывая на внутренности, кинутыя среди двора, около которыхъ копошилась собака. Ишь смрадъ идетъ какой—отъ нея и зараза.

— Что съ ними подѣлаешь,—ужъ просто говорить надоѣло. Попущеніе по грѣхамъ нашимъ отъ Господа.

Монахъ перекрестился и пошелъ, но потомъ оглянулся.

— Ты къ князю Григорію Борисовичу? спросилъ онъ.

Алешка кивнулъ головой.

— У владыки въ кельѣ, сказалъ онъ, и подпрыгивая по снѣгу, подобравъ полы своей рясы, сталъ догонять покойниковъ.

— Дѣла, дѣла,—сокрушенно промолвилъ Алексѣй, и вдругъ осклабился, увидавъ пробѣгавшую мимо дѣвушку.

— Татьянѣ Васильевнѣ наше почтеніе, крикнулъ онъ.

Та остановилась и радостно посмотрѣла на него.

— Какъ государыня Ксенія Борисовна, въ добромъ-ли здравіи?

— Ничево-съ, благодареніе Богу, отвѣтила та, покраснѣвъ.—Можетъ ты къ ней зайдешь нониче?

— Зайду, безпремѣнно,—только послѣ обѣденъ, раньше не случится, потому я къ воеводѣ съ грамотами. Такъ и скажи ей—молъ буду.

Дѣвушка засмѣялась.—Я за водой для царевны, сказала она указывая на кувшинъ, только что проснуться изволила.

— Эта дѣвушка, что при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ Годуновой состоитъ, пояснилъ Алексѣй, когда они тронулись дальше.—Она вонъ въ той кельѣ живетъ. Участь царевны вполнѣ, можно сказать, жалости достойна; столько бѣдствій перенесла, что нѣтъ возможности безъ слезъ ея разсказы слушать.

— А ты нѣшто знаешь ее?

— Бывать у нея въ келейкѣ не разъ удостоивался. Въ обхожденіи кротка необычайно. Я къ теткѣ ея не разъ письма доставлялъ, и обратно тоже. И теперь къ ней грамотка имѣется. Ни гордости, ничего такого нѣтъ въ ней ни капли... Образъ ангелоподобный имѣетъ, косы трубами лежатъ по плечамъ, голосъ чистый—ровно жаворонокъ поетъ...

Глаза его разгорѣлись, онъ съ жаромъ размахивалъ руками, и потряхивалъ головой, говоря это.—Ишь ты вѣдь, думалъ Алфей, поглядывая на него:—съ кѣмъ знакомство водить началъ. У Палицына на послугахъ, къ воеводамъ съ письмами ѣздитъ, съ Годуновыми знакомство водитъ.

Они приблизились къ большому сравнительно срубу, около котораго толпились ратники.—Ты пожди меня здѣсь, сказалъ попу Алешка.—Присядь тутотка, я живымъ духомъ вернусь.—Попъ присѣлъ на какую-то тумбочку, и сталъ робко осматриваться. Вокругъ него шумѣли и галдѣли ратники, говоря всѣ заразъ, махая руками, оживленно о чемъ то препираясь. Все это люди были незнакомые, чуждые Алфею; ему какъ-то жутко было находиться среди нихъ: онъ зналъ, что никто не сочувствуетъ ему, даже и горя-то его не вѣдаетъ.

— Дрова купили, дрова купили, а за чью кровь, за чью кровь?.. Кричалъ больше всѣхъ маленькій рыжій, рябой заплатанный мужиченка.—Ну говори за чью?

— Такъ нѣшто такъ можно, возражалъ ему другой, степенный дѣтина, колоссальнаго роста, носившій имя Суеты.—Не безъ дровъ же сидѣть. На пропитаніе пищу варить надо,—чрево подводитъ, не поколѣвать-же безъ горячаго. Сегодня вылазывать за ограду будутъ ратники—и мы полѣземъ.

— И опять кровь будетъ, опять будетъ, кричалъ рябой.

— Ну и будетъ, и чтожъ съ нея, и пущай! Мы за угодника проливаемъ, намъ воздастся. Сегодня я твоей кровью напитался, завтра ты моей.

— Это вѣрно, подтверждали въ толпѣ.

— А зачѣмъ горячее готовить, кричалъ рябой. Зачѣмъ? Блудъ одинъ. Зачѣмъ печь топить? Холодно? Мнѣ тепло, мнѣ не надо, и другимъ не надо.

— Ну это ты врешь, завопили ему въ отвѣтъ.—Самъ посиди на хлѣбѣ и на водѣ,—отощаешь.

— Опять-же вонъ у насъ бабы рожаютъ.—возразилъ Суета, такъ въ холоду-то непригоже.

— А какъ-же юродивенькіе-то, продолжалъ настаивать рябой,—въ морозы по Москвѣ да совсѣмъ нагишомъ скитаются, и спасенье обрѣтаютъ?

— То божьи люди,—сподобившись, не мы грѣшные.

— И мы бы сподобились, всѣ сподобились-бы, коли-бы не блудъ.

— Не въ томъ блудъ, не въ томъ, тоненькимъ дискантомъ говорилъ подвернувшійся монахъ:—блудъ въ ратныхъ людяхъ сидитъ: на соблазнъ прочимъ всякую мерзость творятъ въ стѣнахъ монастырскихъ. Медами сладкими разъѣлись, потому и пошли дѣла бѣсовскія... А житницы все скудѣютъ, да скудѣютъ.

— А ты чѣмъ намъ глаза колешь, такой сякой,—вдругъ освирѣпѣлъ въ толпѣ одинъ ратникъ.—Чѣмъ попрекаешь? Велико дѣло, что лишнее возьмемъ! Мы за васъ кровь проливаемъ. Ну и брать не будемъ,—расправляйтесь съ сопротивниками какъ хотите. Мы за васъ страстотерпцы...

— А мы нѣшто не терпимъ, милый человѣкъ. Да у насъ искусъ-то какой! Ни сна, ни покоя нѣтъ. Знай день и ночь у жара печнаго толчемся, инда дымъ глазеньки выѣстъ.. А вы, сударики, знай только серебро разсыпаете зря, да надъ пекарями ругаетесь. Такъ это хорошо? Не даромъ третьевось вашимъ же двумъ казакамъ святые чудотворцы Сергій и Никонъ являлись и горько жаловались...

— Слышали мы, какъ же! Плевать намъ на рѣчи ихъ... Нечего замазывать-то. На шестнадцать человѣкъ пушной хлѣбъ даютъ, середку вырѣзаютъ...

— Мы прежде выдавали вамъ хлѣбъ не учетомъ, запѣлъ монахъ:—а вы изъ келарни его таскали да продавали... А что кваса мало—такъ поди вари его безъ дровъ,—на огаркѣ не сваришь. Мы никого не обижаемъ: всѣ троицкій хлѣбъ жрутъ.

— Знаемъ мы, не обижаете... А зачѣмъ рыбу только дважды въ недѣлю даете? Раненымъ въ утѣшеніе вина нѣтъ, а сами въ кельяхъ бражничаютъ.

— А ты видѣлъ?

— Чего видѣть—слухомъ земля полнится.

— Нѣтъ, ты докажи! Туда-же, смердъ, на иноковъ! послухи взводитъ!

— Чего взводить,—небось и язву не вы напускаете?..

— Язва отъ Бога.

— Нѣшто отъ Бога такая мерзость снизойдетъ? Скажешь и икота отъ Бога?...

— И икота отъ Бога.

— А что вчера странникъ разсказывалъ, какъ въ Перми въ прошломъ годѣ мужиченко икоту пускалъ и отъ воеводы ему за то пытка была указана?.. Небось и странникъ вретъ?..

— Не гоже, братья, во Христѣ перекоряться, усовѣщивалъ другой монахъ.—Не гоже, такое-ли время, когда Господь надъ животами нашими промышляетъ и не вѣси ни дня ни часа...

Монахъ не договорилъ и замеръ съ раскрытымъ ртомъ, вся площадь ровно охнула, и всѣ къ одному мѣсту бросились, гдѣ глухой ударъ раздался. Толпа скучилась, разговоры смолкли, нѣкоторые шапки сняли, креститься начали; Алфей тоже въ толпу вмѣшался, видитъ: стоятъ вокругъ чего-то длиннаго, чернаго,—а это длинное, черное подергивается какъ-то странно...

— Это что-же? осмѣлился спросить попъ.

— Ногу старухѣ оторвало,—злобно отвѣтилъ кто-то... Рогожу надо-бы, да въ келью ее...

— Чѣмъ-же это ей оторвало,—думалъ Алфей.—Изъ табора ядромъ, надо быть...

Принесли рогожу, старуху переложили съ земли на нее. и понесли; замѣтилъ Алфей, что глаза у старухи большіе. черные, и на него прямо смотрѣли, когда на минуту промелькнула качающаяся голова изъ-за спинъ носильщиковъ. Желтовато красный слѣдъ накось перерѣзалъ монастырскій дворъ, и скрылся за низенькою дверью.

— Вотъ тѣ и старица Василиса, проговорилъ Суета: тоже ратницей христовой стала.

— А кровь-то вотъ, вотъ! радостно улыбаясь говорилъ рябой... Всѣ мы должны пролить ее такъ, всѣ...

— Ну чего ты ехидствуешь. обозлился Суета:—сказано. что прольемъ. чего-жь тебѣ...

— Прольемъ? А ты вотъ сегодня пролей. сейчасъ. Небось на вылазку не пойдешь?

— Какъ всѣ, такъ и я.

— Не пойдешь: боишься—убьютъ.

— Ну чтоже убьютъ,—пойду.

— Ой, не пойдешь. подзадоривалъ чей-то голосъ сзади: никогда не ходилъ—буда тебѣ сиволапу съ нами...

— А вотъ увидишь!

— Суета орѣховъ каленыхъ не любитъ, которыми изъ пищалей палятъ: говоритъ—зубы побаливаютъ съ нихъ.

Суета оглянулся, засучилъ рукавъ и показалъ здоровенный кулакъ.—Ты это видѣлъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ.

— Ну, такъ и поберегай свои зубы. а о чужихъ не загадывай.

— Эва что! Диво-ли своему то скулу своротить: ты вотъ Сапѣгѣ свороти.

Суета съ остервененіемъ плюнулъ, и отошелъ въ сторону, бормоча про себя: „я вамъ пасти-то зажму, дѣти иродовы: со злости лопнете“.

— Эхъ, старица Василиса, старица Василиса,—промолвилъ какой-то ратникъ, позѣвывая: жаль старуху.

— Извѣстно, жаль, отвѣтилъ другой, и прибавилъ: толку что-то нѣтъ сегодня. Черти этакіе,—сколько времени ждать заставляютъ: чего сбирали.

— У князя посыльный московскій сидитъ, на счетъ московской подмоги вѣсти принесъ.

— Да може сегодня и вылазки не будетъ, снова сказалъ нетерпѣливый ратникъ, постукивая о снѣгъ бердышемъ, и стараясь все попадать въ одно мѣсто.—Такъ обойдется.

— Безъ каши сидѣть будемъ что-ли? Все одно за лѣсомъ то выходить надо.

XVII.

Уже совсѣмъ разсвѣтало. На крыльцо вышелъ воевода, князь Долгорукій; ратники сняли шапки; онъ посмотрѣлъ на нихъ сонно, апатично.

— На вылазку, охочіе, сказалъ онъ. Кровопролитія воздерживайтесь: главное дѣло лѣсу припасите. Съ Богомъ!..

Толпа зашевелилась было, но онъ опять заговорилъ.

— Изъ Москвы помочь идетъ,—такъ за поздней обѣдней молебенъ будетъ... Поспѣвайте къ тому времени. поспѣете—еще рано.

Онъ повернулся, и опять пошелъ къ себѣ, тяжело ступая. такъ что лѣстница скрипѣла и прыгала подъ его шагами.

Алешка подошелъ къ Алфею.—Мнѣ теперь на пивной дворъ зайти надо, тамъ къ казначею отъ Авраамія передать нѣчто надлежитъ, сказалъ онъ.—Плутъ-человѣкъ казначей здѣшній, и зовется-то Дѣвочкинъ. А тебя я, коли хошь, на чердакъ сведу, на водяную башню: все оттуда увидишь, какъ и что на Красной Горкѣ дѣлаться будетъ.

Они опять пошли мимо церквей и жилыхъ строеній, разными закоулками и дворами. Вокругъ нихъ быстро бѣжали, прицѣпляя на ходу оружіе, „охочіе“, запрягались въ сани лошади, заряжались пищали. По бокамъ, у водяной башни. черезъ которую на этотъ разъ шли на вылазку, осматривали и спаряжали „подошвенный бой“, рядъ пушекъ, составлявшій нижній, третій ярусъ; на верху было два ряда боевъ: мушкетный и пищальный. У самыхъ воротъ толпилось множество.—„Обозъ, выходи черезъ конюшенныя ворота“! кричалъ красивый, хорошо одѣтый, должно быть боярскій сынъ. руководившій вылазкой, собственноручно повертывая первую лошадь съ розвальнями вправо.—Ну, во имя отца и сына,—отворяй ворота!

Толпа хлынула на просторъ.—Лѣзь на верхъ, коли хочешь. сказалъ попу Алексѣй,—все какъ на ладонькѣ увидишь. Только носа не расквась, лѣстница-то здѣсь такая... Смотри котелъ какой у насъ тутъ стоитъ,—въ сто ведеръ: смолу варимъ здѣсь: во время приступа поляковъ обливаемъ,—совсѣмъ это имъ не нравится. Ну, прощай, за обѣдней свидимся. Ишь словно тараканы расползлись, прибавилъ онъ, показывая на разсыпавшихся по снѣжному полю сергіевцевъ.

Съ юга и запада монастырь былъ окруженъ прудами, потому и башня стоявшая на углу западной и южной стѣнъ называлась водяною. Отъ нея тянулась плотина, спиравшая воду для монастырской мельницы; плотина эта была отчасти разрушена сапѣжинцами, но въ такой незначительной степени, что сергіевцамъ стоило малыхъ усилій что бы возстановить по ней проѣздъ. Разрывать же ее начали сапѣжинцы по совѣту двухъ перебѣжчиковъ-переяславцевъ, посовѣтовавшихъ спустить изъ пруда воду въ рѣченку Кончуру и тѣмъ оставить обитель безъ воды. Сергіевцы узнали объ этомъ отъ плѣнныхъ и успѣли перевесть значительную массу воды въ новый прудъ, по серединѣ монастыря. Разрывать сапѣжинцы плотину бросили, и теперь черезъ нее ратники двинулись къ Красной горкѣ.

Толпа валила въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. И здѣсь, какъ у тушинцевъ, царствовала совершенная разношерстность: кто въ армякѣ, кто въ кафтанѣ, кто въ полушубкѣ, кто съ топоромъ, кто съ пищалью. Рѣзче другихъ выдавался Суета своей громадной фигурой, сохранявшій арьергардъ отряда, съ массивнымъ топоромъ въ рукѣ, и какимъ то озлобленнымъ выраженьемъ на лицѣ, Впереди, бойко попрыгивая по снѣгу, бѣжалъ какой-то косолапый маленькій человѣчекъ, и все что-то покрикивалъ.—„Держись ребята,—замѣтили“! сказалъ боярскій сынъ, когда они перешли ручевину и къ горѣ приблизились.—„Слышишь, рожокъ играетъ?“.

А рожекъ, точно, протяжнымъ слабымъ звукомъ запѣлъ на вершинѣ горы, гдѣ чернѣлись кусты, сверху прикрытые выпавшимъ за ночь снѣгомъ.—Ну, вали ребята за угодничка! крикнулъ косолапый и побѣжалъ въ гору, догоняемый остальными. Изъ за куста показался дымокъ, ружейный выстрѣлъ щелкнулъ, и должно быть ловкій стрѣлокъ мѣтился: косолапый вдругъ топоръ бросилъ, и кубаремъ покатился внизъ.

— Къ старцамъ бы его! заботливо проговорилъ Суета, наклоняясь надъ нимъ, въ то время какъ другіе кинулись кверху.—Какъ собака издохнетъ тутъ... Хоть бы къ плотинѣ его снести, къ обознымъ.

Онъ подхватилъ маленькое стонавшее существо и, спотыкаясь по снѣгу, побѣжалъ назадъ. А на верху между тѣмъ выстрѣлы заговорили.

Сапѣжинцы стояли тутъ въ небольшомъ количествѣ, но драться, должно быть, положили крѣпко. Выпустилъ каждый по заряду, и за саблю схватился.

— Оттѣсняй ихъ влѣво, влѣво, вопилъ боярскій сынъ,—За нами роща останется... Руби ихъ!..

Онъ перепрыгнулъ черезъ пень, и попалъ обѣими ногами въ сугробъ.

— Я тѣ, чортовъ сынъ, дамъ влѣво, раздалось надъ его ухомъ и ударъ, сорвавшись, скользнулъ по его шле-

му, вдавивъ его чуть не до крови въ лобъ. Боярскій сынъ схватилъ врага за ноги и повалилъ его на землю, возлѣ себя, какъ медвѣдь облапивъ его руками.

— Врешь, врешь,—вопилъ сапѣжинецъ, тяжело дыша и покрякивая,—не совладаешь, не твоего поля ягода,— и онъ старался поймать боярскаго сына за шею.

Они покатились по снѣгу внизъ, барахтаясь и пыхтя.—Ты на святыню идешь, на святыню, хрипѣлъ сергіевецъ:—такъ вотъ тебѣ, вотъ... Онъ хотѣлъ схватить его за лицо, но самъ получилъ такой ударъ по глазу, что свѣта не взвидѣлъ.

— А, ты такъ, такъ,—ужь больше думалъ, чѣмъ хрипѣлъ онъ,—и въ порывѣ боли и гнѣва врѣзался зубами въ лицо противника. Тотъ крикнулъ, но минуту спустя, уже валялся въ предсмертныхъ корчахъ съ пробитой ножемъ грудью и прокушеной щекою...

А бой на верху завязался. Выстрѣлы раздавались рѣдко, развѣ кое гдѣ треснетъ за кустомъ пистолетъ, и маленькое бѣлое облачко внезапно всплыветъ и разсѣется. Больше рубились топорами и саблями; со звономъ скрещались они, только искры сыпались, да порою и польская сабля разсыпалась, раздробленная на куски. Крики и стоны сплошнымъ гуломъ стояли въ воздухѣ. Изрѣдка стрѣлы съ шипѣньемъ жужжали между сражавшихся и глубоко вонзались въ снѣгъ, пробивая себѣ узкую длинную нору. — Имя Сергія нерѣдко раздавалось въ этомъ гамѣ, покрывая остальные звуки... Сапѣжинцы стали подаваться.

— Влѣво, забирай, влѣво! снова заоралъ боярскій сынъ, весь въ снѣгу и крови (послѣдняя по бородѣ его разлилась), появляясь опять среди сергіевцевъ.— Не разбрасывайся, хворостъ вяжи, хворостъ..

Генералъ-маіоръ В. Д. Дандевиль. Грав. Вейерманъ.

— Нѣтъ, стой! раздался изъ-за кустовъ крикъ Суеты,— стой, не то и съ лошадью свалю вмѣстѣ...

Что-то ударилось глухо о земь, и лошадь испугано шарахнулась въ кусты, затрещавшіе подъ ея копытами. Суета придавилъ рослаго казака къ землѣ.

— Померъ! съ удивленіемъ сказалъ онъ, вглядываясь въ него... Вотъ грѣхи,—съ чего-бы это онъ...

Но казакъ сталъ подергиваться.—Живъ! ошеломило его только маленечко, обрадовался Суета, и схвативъ его за шиворотъ встряхнулъ нѣсколько разъ.—Очувствуйся, приди въ себя!..

Казакъ безсознательно глядѣлъ на него.

— Ты съ Волокуши? допрашивалъ сергіевецъ.

Казакъ мотнулъ головой.

— Много тамъ вашихъ?

— Много...

— Да ты не ври, придушу вѣдь...

— Чего врать...

— Идутъ сюда?

— Не...

— Чего-жь они...

— Перепились вчера...

— Ну, и дѣло. А тараны на Волокушѣ есть?

— Есть.

— Вотъ бы на дрова... Ну, снимай кушакъ, что-ли.

Казакъ снялъ. Суета его перекрутилъ по рукамъ и по ногамъ и кувырнулъ подъ гору: „Лежи, молъ, на обратномъ пути прихватимъ", и отправился отыскивать боярскаго сына.

— Михайло Алексѣичъ, — проговорилъ онъ найдя его,—на Волокушѣ тараны есть и люди перепившись, вотъ бы туда намъ...

— Куда еще на Волокушу,—огрызнулся на него боярскій сынъ,—изъ монастыря отбой звонятъ,—лисовчики изъ лѣса выходятъ.

— А вотъ-то бы дровъ то набрали, коли эту тарану въ монастырь сволочь.

— Да и таранъ тамъ нѣтъ, знаю я... Живо ребята, руби, руби!...

Суета помялся на мѣстѣ, соображая что-то, и потомъ лѣниво отправился за кусты.

Сергіевцы усердно обрубали вѣтви и вязали вязанки; внизу, подъ горой, дожидалось уже нѣсколько саней подъ небольшимъ прикрытіемъ, запряженныхъ тощими, некормленными лошаденками. Молоденькія березки срубали, старыхъ не трогали, — очень громоздко везти ихъ было. Живо скатывали по снѣгу внизъ вязанки, и тамъ на возы складывали. Нѣсколько въ сторонѣ, за прудомъ, повалилъ густой, тяжелый дымъ. Многіе остановились, прищурились, смотрѣть начали.

— Чего глядишь, чего! покрикивалъ Михайло Алексѣичъ: тряпье червивое съ умершихъ жгутъ,—есть на что глядѣть.

И опять всѣ за рубку принялись.

— Я тѣ пару привелъ,—говорилъ Суета, вылѣзая изъ-за кустовъ и показывая двухъ перекрученныхъ мелкихъ сапѣжинцевъ: въ Косомъ оврагѣ схоронились. Можетъ въ языки годятся, или на обмѣнъ.

— Волоки къ обозу! разберемъ тамъ...

— Подъ горой еще третій есть, только изъ казаковъ.

— Всѣхъ вали,—тамъ разберемъ... Кончай ребята, будетъ!..

Скоро дрова были взвалены на возы, и сергіевцы съ дровами и плѣнными повалили обратно къ водяной башнѣ.—Торопись, черти! доносилось сверху башни: лисовчики изъ Терентьевской рощи выѣзжаютъ.

На плотинѣ поднялась суматоха: всѣ торопились скорѣе проскользнуть къ воротамъ. Повозки, лошади, люди, все скучилось въ сплошную массу; одна

За Балканами.

По степямъ Румыніи далекой,
Ужь давно отвагою горя,
Идутъ, идутъ воины родные
За Дунай, по манію Царя.

Солнце жжетъ ихъ, мѣсяцъ юга свѣтитъ.
За полками движутся полки,
Слышенъ гулъ пѣхоты, конскій топотъ,
Огоньками искрятся штыки.

Ужь поитъ казакъ коня въ Дунаѣ,
Мостъ ужь ладятъ наши топоры,
Переходитъ мостъ тотъ рать за ратью
Отъ ночной до утренней поры.

Гдѣ ты Русь! Твоя съ мечемъ побѣднымъ
Высоко десница поднята,
Ты на берегъ вражій ужь вступила,
Осѣняясь знаменьемъ креста!

И орлы твои взвились высоко,
Ихъ ужь древній Тырновъ увидалъ,
Увидала хмурая Добруджа—
И кровавый Шипки перевалъ.

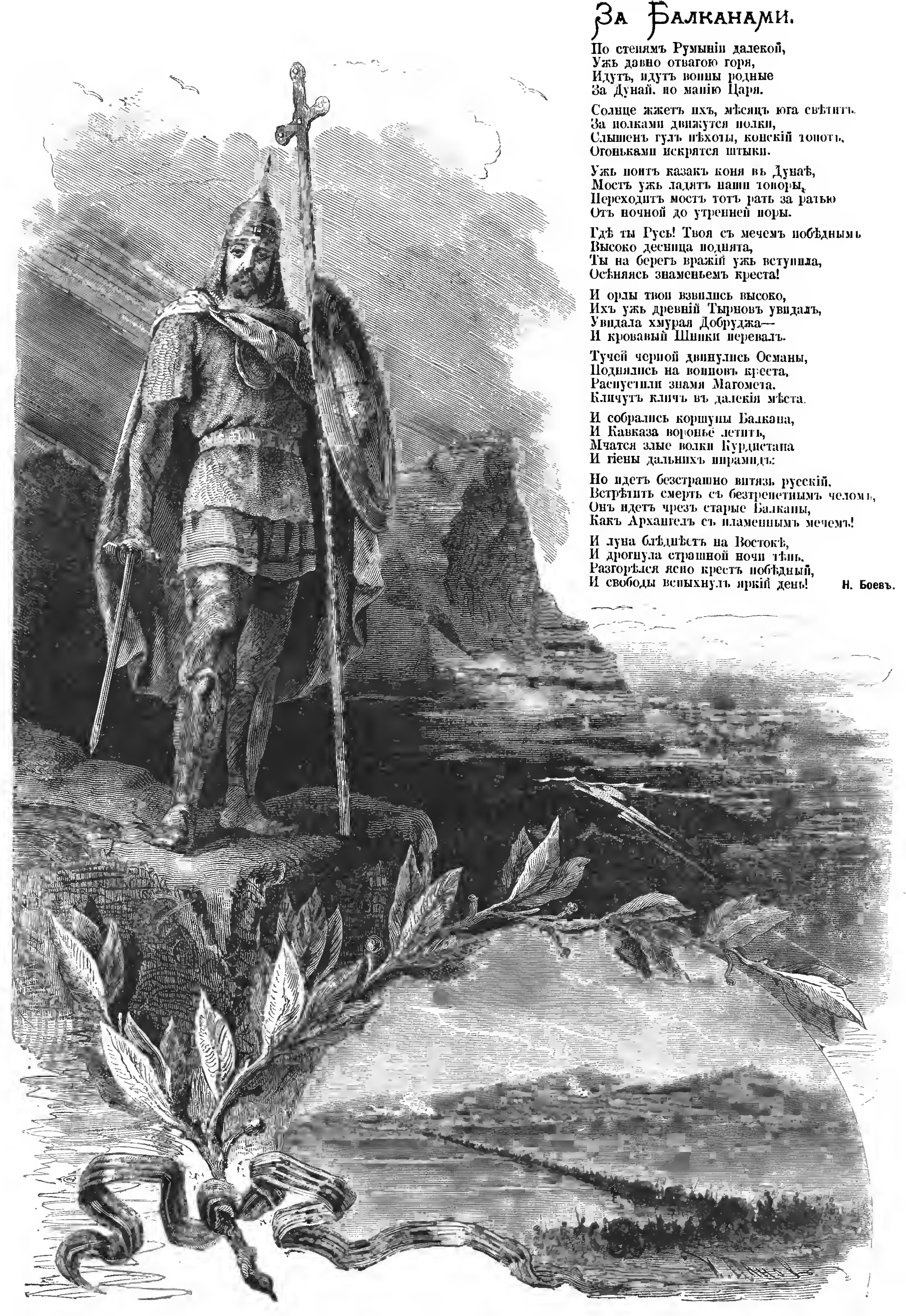
Тучей черной двинулись Османы,
Поднялись на воиновъ креста,
Распустили знамя Магомета,
Кличутъ кличъ въ далекія мѣста.

И собрались коршуны Балкана,
И Кавказа воронье летитъ,
Мчатся злые волки Курдистана
И гіены дальнихъ пирамидъ:

Но идетъ безстрашно витязь русскій,
Встрѣтить смерть съ безтрепетнымъ челомъ,
Онъ идетъ чрезъ старые Балканы,
Какъ Архангелъ съ пламеннымъ мечемъ!

И луна блѣднѣетъ на Востокѣ,
И дрогнула страшной ночи тѣнь,
Разгорѣлся ясно крестъ побѣдный,
И свободы вспыхнулъ яркій день!

Н. Боевъ.

Оригин. рисунокъ Ив. Панова, грав. Вейерманъ.

повозка на ледъ съѣхала. Раздались ругательства, вопли.

Вдалекѣ вспыхнулъ бѣлый, клубящійся шаръ, и черезъ нѣсколько секундъ звизгнуло ядро, пролетѣвъ надъ головами скучившихся.

— Покинь! крикнулъ боярскій сынъ. Выпрягай лошадь, руби гужи,—пущай дровни тутъ остаются, потомъ растащимъ...

— Вывеземъ, самоувѣренно возразилъ Суета, наваливаясь на возъ всею грудью. Подмогай, ребята, у-люлю! Такъ...

И онъ поставилъ возъ опять на мѣсто, поднявъ его чуть не вмѣстѣ съ лошадью. Поддавай пару, ихъ ты! раздалось вокругъ—и всѣ бѣгомъ кинулись къ воротамъ, помогая лошадямъ, понукая, крича, ругаясь. Новое ядро черкнуло по снѣгу и глухо врѣзалось въ него у стѣны.—Скорѣй, скорѣй, ишь они ужь къ плотинѣ подскакиваютъ!..

— Возы пропускай, возы напередъ, кричалъ Михайло Алексѣевичъ.—Небось, сейчасъ изъ подошвеннаго боя хватятъ. Не толпись—дрова пропущай... Всѣ поспѣемъ...

И сергіевцы, точно, поспѣли, а поляковъ разогналъ подошвенный залпъ.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ).

Стихотвореніе.

Какъ лазурь голуба и прозрачна,
Какъ роскошенъ, какъ радостенъ день!
Лишь порою воздушной волною
Промелькнетъ мимолетная тѣнь.

Еслибъ жизнь пронеслася надъ нами,
Такъ же тихо, какъ тихъ этотъ день,
И вокругъ насъ скользила-бъ порою
Только легкаго облачка тѣнь!..

II.

Какъ птичка, нахохлясь пугливо,
Забившись, сидитъ подъ кустомъ,
Такъ ты притаилась, заслыша
Далекій, раскатистый громъ.

Смотри, какъ вокругъ потемнѣло,
Какъ вихорь уноситъ листы,
Какъ молніи яркія блещутъ...
Зачѣмъ такъ боишься ихъ ты?

Чего намъ бояться—пусть тучи
Грохочутъ всю ночь на пролетъ,
Пусть вихорь деревья ломаетъ
И въ стекло порывисто бьетъ:

Повѣрь, что съ житейской грозою
Труднѣй и страшнѣй воевать,
А мы вѣдь съумѣли съ тобою
И съ этой грозой совладать!..

Г. С—скій.

Къ рисункамъ.

Жертвы инквизиціи.

(Картина Зичи).

При всей отдаленности отъ нашего времени эпохи инквизиціи, она и нынѣ представляется каждому изъ насъ какимъ-то страшнымъ, кровавымъ призракомъ и при одномъ воспоминаніи о немъ въ нашемъ умѣ воскресаютъ самыя ужасныя, раздирающія душу картины. Намъ теперь трудно даже себѣ представить, что было такое печальное время, когда умерщвляли тысячами невинныхъ людей ихъ духовные же пастыри во имя Того, Кто завѣщалъ намъ одну любовь и одно милосердіе. Но такое время къ несчастію человѣчества дѣйствительно существовало и о немъ-то мы постараемся напомнить нашимъ читателямъ.

Инквизиція въ смыслѣ розысканія и наказыванія еретиковъ имѣетъ начало очень давнее и уже въ началѣ среднихъ вѣковъ разные уголки Европы чувствовали надъ собой ея давленіе, и ея костры то тамъ, то сямъ вспыхивали время отъ времени, но правильной организаціи она тогда еще не имѣла, и образъ дѣйствій ея былъ совсѣмъ не тотъ, какъ впослѣдствіи. Главныя распоряженія, конечно, исходили изъ Рима, но ихъ выполненіе лежало въ разныхъ странахъ католическаго міра на епископахъ, изъ которыхъ, конечно, многіе были люди мягкіе и совсѣмъ несочувствующіе фанатическимъ и жестокимъ булламъ святого отца. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ посылался особый легатъ, человѣкъ уже испытанный и опытный въ дѣлѣ истребленія нераскаянныхъ еретиковъ. Такими легатами въ Альбигойскую *) войну были Петръ Кастельно и монахъ Рауль, и ея ужасы доказали, что эти два лица были достойные исполнители предначертаній римскаго первосвященника. Но борьба съ Альбигойцами была борьба явная, вызвавшая отчаянное и героическое сопротивленіе; здѣсь фанатическіе инквизиторы дѣйствовали прямо и открыто, ведя за собою вооруженную силу. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличался послѣдующій способъ дѣйствій священнаго судилища; здѣсь была борьба тайная, во мракѣ темницы, въ которой обвинитель являлся въ одно и тоже время и въ образѣ судьи и палача. Пыткой онъ вынуждалъ подсудимаго свидѣтельствовать противъ себя самого, не давая ему никакихъ средствъ для защиты. Однимъ словомъ инквизиторъ игралъ съ своею жертвой какъ кошка играетъ съ пойманною мышью. Конечно, папство виновно главнымъ образомъ въ организаціи подобнаго страшнаго судилища.

Уже въ 1184 году папа поручилъ епископамъ розыскивать и наказывать еретиковъ, что подтвердилъ и Иннокентій III на Латеранскомъ соборѣ 1215 года. Но вскорѣ папамъ показалось, что розыскъ еретиковъ ведется епископами слишкомъ вяло да и наказанія назначаются слабыя и Григорій IX придумалъ поручать это дѣло такимъ людямъ, которые бы дѣйствовали въ этомъ случаѣ безъ всякой жалости и чувства, какъ точные исполнители папской власти и не уступающіе въ фанатизмѣ и жестокости своему верховному руководителю.

Эти люди были *доминиканцы*, орденъ которыхъ всегда отличался своимъ фанатическимъ, жестокимъ и суровымъ характеромъ. Перейдя въ руки доминиканъ, инквизиція получила ту хитроумную и безпощадную организацію, которая наконецъ сдѣлала ее предметомъ ненависти для всего человѣчества. Въ началѣ сами папы руководствовали своихъ сотрудниковъ въ новомъ для нихъ дѣлѣ и научали ихъ что надо дѣйствовать быстро и безъ шуму, сбивая съ толку своей судебной процедурой какъ адвокатовъ, такъ и всю юридическую науку, но вскорѣ инквизиторы начали проявлять такую ревность въ истребленіи еретиковъ, что внушенія папскаго престола были совершенно излишни. Францискъ Бернеръ открыто заявлялъ, что если бы даже сами апостолы Петръ и Павелъ попались въ ихъ руки, то и они бы не вышли изъ нихъ живыми. Дѣйствительно, костры запылали повсюду и тысячи людей погибали по обвиненію въ ереси во Франціи и въ Италіи и даже въ самой столицѣ папы, гдѣ при Піѣ V каждый день былъ кто-нибудь сожженъ или повѣшенъ, а всѣ тюрьмы такъ были переполнены узниками, что потребовалось строить новыя.

Но нигдѣ инквизиція не получила такого сильнаго развитія и нигдѣ не держалась такъ долго, какъ въ Испаніи, куда ее ввелъ Григорій IX около половины 13-го столѣтія. Здѣсь священное судилище, какъ учрежденіе государственное и находящееся постоянно подъ особымъ покровительствомъ монарха, получило правильную и прочную организацію и имѣло цѣлый легіонъ разныхъ лицъ, посвятившихъ ей свои силы и способности и выполнявшихъ безпрекословно всѣ распоряженія великаго инквизитора, всегда крайняго изъ самыхъ крайнихъ фанатиковъ.

Каждый годъ при приближеніи поста священное судилище обнародывало воззваніе, которымъ обязывало каждаго католика подъ страхомъ смертнаго грѣха доносить о всѣхъ тѣхъ, которые или словомъ, или дѣломъ оскорбили святую религію. Такимъ образомъ вся Испанія обращалась мало по малу въ скопище шпіоновъ. Родители доносили на дѣтей, мужья на женъ, хозяева на слугъ и даже врачи на своихъ паціентовъ. Оппозиція противъ инквизиціоннаго террора, сначала до того сильная, что даже главный инквизиторъ Арагоне былъ умерщвленъ народомъ, мало по малу стихла—и торжествующая инквизиція быстро намѣчала свои жертвы, не щадя ни званія, ни пола, ни возраста обвиняемыхъ ею лицъ.

*) Секты Альбигойцевъ образовались въ концѣ XII вѣка въ южной Франціи и въ половинѣ XIII вѣка были совершенно уничтожены инквизиціей.

Даже высшее духовенство не избѣгало ея осужденія: такъ былъ привлеченъ ею къ суду Бартоломео Каренца, архіепископъ Толедскій, прелатъ высокаго ума и искренняго благочестія, будто за высказанныя имъ еретическія мнѣнія. Онъ, протомившись нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, скончался не дождавшись конца своего процесса. Впрочемъ судъ инквизиціи оправдывалъ чрезвычайно рѣдко и обвиняемый ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать на то, что избѣгнетъ наказанія.

Одно исчисленіе жертвъ, приговоренныхъ инквизиціей къ различнымъ наказаніямъ во время его существованія, можетъ служить явнымъ доказательствомъ безжалостности этого судилища. По словамъ Мюренте, до 40,000 человѣкъ было присуждено инквизиціей къ наказаніямъ различнаго рода, а 32,000 сожжены на кострѣ.

Одинъ Тарквемадо, во время своего страшнаго управленія инквизиціоннымъ судилищемъ съ 1483 по 1493 годъ сжегъ 8800 живыхъ еретиковъ и 6500 in effigie, т. е. сжегъ на кострѣ одни ихъ изображенія, такъ какъ инквизиторы, иногда не находя кого жечь живьемъ, даже отрывали мертвыхъ, волочили полусгнившіе трупы по улицамъ и предавали ихъ позорно огню.

День казни еретикамъ всегда былъ днемъ торжественнаго праздника, и Вольтеръ былъ совершенно правъ, говоря, что если бы въ это страшное время какой нибудь чужеземецъ прибылъ въ Мадридъ и увидалъ тамошнее ауто-да-фе, то онъ не могъ бы дать себѣ отчета, что это, или религіозный праздникъ, или жертвоприношеніе, или просто бойня, а на самомъ дѣлѣ тутъ было и то, и другое, и третье.

Первымъ и главнымъ иниціаторомъ преслѣдованія и стѣсненія границъ инквизиціи въ Испаніи въ XVIII вѣкѣ слѣдуетъ считать министра *Аранду* (при королѣ испанскомъ, Карлѣ IV). Энергическій Аранда съ 1746 года такъ усердно принялся за стѣсненіе инквизиціи, что съ 1746—1759 она могла *сжечь на кострѣ* только 10-ть человѣкъ, а между 1759—1788 только 4 человѣка, тогда какъ до 1746 г. еретики въ Испаніи сожигались сотнями и тысячами. Однако Арандѣ не удалось окончательно уничтожить инквизицію, благодаря именно слишкомъ большой гласности и неосторожности принятыхъ имъ мѣръ. Послѣдняя жертва въ Испаніи погибшая въ пламени *за ересь*, была въ Севильѣ въ 1781 г., и съ тѣхъ поръ въ Испаніи жгли людей уже не за *ересь*, а за *колдовство*. За симъ мы знаемъ, что со времени Наполеоновскихъ войнъ въ началѣ текущаго вѣка, либерализмъ и ненависть къ фанатическому духовенству проникли въ Испанію. Съ 1808 г. покровитель инквизиціи, король Фердинандъ VII былъ изгнанъ, и въ Испаніи настало правительство брата Наполеонова, Іосифа, но послѣ паденія Наполеона, возвратившись снова въ Мадридъ, Фердинандъ VII снова возстановилъ инквизицію, и это возстановленіе было встрѣчено во всей Испаніи всеобщимъ торжествомъ и иллюминаціями. Затѣмъ въ Испаніи инквизиція продолжала существовать и далѣе. Благопріятный шагъ для ея процвѣтанія былъ сдѣланъ въ 1845 году возвращеніемъ духовенству конфискованныхъ у него при Іосифѣ Бонапарте имуществъ. Даже въ 1851 г. новымъ гарантированіемъ власти духовенства, особенно епископовъ, созданы благопріятныя условія для инквизиціи. Наконецъ, это учрежденіе было ослаблено событіями послѣднихъ десятилѣтій даже въ Испаніи, и формально уничтожено когда въ Испаніи была провозглашена республика (1868 г.). Въ Испаніи именно въ Церковной области, инквизиція существовала еще при папѣ Григоріѣ XVI, предшественникѣ Піи IX.

Прилагаемая нами картина нашего талантливаго художника Зичи представляетъ такую сцену изъ испанской инквизиціи, когда происходитъ человѣческое жертвоприношеніе и несчастныя жертвы грубаго фанатизма обугливаются въ пламени высокаго костра. Къ нимъ нѣтъ сожалѣнія, они еретики, они отданы огню священнымъ судилищемъ, какъ нѣчто нечистое, долженствующее истребиться и одно лишь дается имъ въ утѣшеніе, что они во время своихъ страданій могутъ слышать молитвы, совершаемыя объ упокоеніи ихъ грѣшныхъ душъ и смотрѣть на священный символъ искупленія всего человѣчества.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько краткихъ біографическихъ свѣдѣній о нашемъ талантливомъ художникѣ. Зичи родился 15-го октября 1829 года въ Венгріи, въ Занѣ, гдѣ и получилъ довольно обширное и основательное образованіе. Первымъ его учителемъ живописи былъ итальянецъ Маростони, энтузіастъ своего искусства, умѣвшій возбудить въ своемъ юномъ ученикѣ горячую любовь къ обожаемому имъ искусству. Пятнадцатилѣтній Зичи весь увлекся живописью и не смотря на всѣ препятствія, вступилъ въ число учениковъ Вѣнской Академіи Художествъ, подъ руководство профессора Вальдмюльйра, гдѣ и пробылъ цѣлые три года. Первые его довольно удачные ученическіе опыты появились на Вѣнской выставкѣ 1844 года и вызвали весьма похвальные отзывы. Быстрая ихъ распродажа дала ему средства отправиться лѣтомъ того же года въ Италію, а вскорѣ, по приглашенію Великой Княгини Елены Павловны, давать уроки рисованія ея дочери, Великой Княжнѣ Екатеринѣ, онъ прибылъ въ Россію. Здѣсь онъ вскорѣ сдѣлался самымъ моднымъ учителемъ своего искусства въ аристократическихъ домахъ Петербурга. Но любовь къ искусству взяла свое—и Зичи, отказавшись отъ уроковъ, снова принялся за кисть и на свободѣ вполнѣ могъ предаться своей затѣйливой и богатой фантазіи. Испытывая страшныя лишенія, даже исполняя обязанности ретушера въ одной изъ петербургскихъ фотографій, онъ не покидалъ надежды, что наконецъ выбьется на большой широкій путь и надежда его не обманула. Лестный отзывъ знаменитаго критика Теофила Готье объ его картинахъ далъ ему прочное положеніе какъ художнику и возможность быстро и выгодно распродать свои картины.

Нѣкоторое время потомъ Зичи былъ придворнымъ художникомъ, теперь же онъ находится за границей.

Генералъ-маіоръ В. Д. Дандевиль.

Викторъ Дезидерьевичъ Дандевиль родился въ 1827 году въ Оренбургѣ, куда былъ сосланъ отецъ его, служившій въ арміи Наполеона I и взятый въ плѣнъ русскими войсками въ 1812 году.

Окончивъ курсъ наукъ въ Оренбургскомъ корпусѣ, Викторъ Дезидерьевичъ поступилъ въ казачью артиллерію, прослужилъ въ ней нѣкоторое время, и потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ Академію Генеральнаго Штаба. Викторъ Дезидерьевичъ принималъ участіе въ венгерскомъ походѣ; состоялъ на службѣ при графѣ Перовскомъ и находился съ нимъ при взятіи крѣпости Ахмечети. Служилъ при генералѣ Катенинѣ и участвовалъ съ нимъ въ хивинскомъ походѣ Былъ потомъ начальникомъ экспедиціи на Каспійскомъ морѣ, а вслѣдъ затѣмъ атаманомъ уральскихъ казачьихъ войскъ. Въ 1868 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1865 г. былъ командированъ министерствомъ финансовъ для выясненія вопроса объ уничтоженіи оренбургскаго таможеннаго округа. Въ 1867 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба туркестанскаго военнаго округа и находился въ этой должности около трехъ лѣтъ. Разстроенное здоровье его требовало правильнаго леченія и Викторъ Дезидерьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ состоялъ при управленіи иррегулярныхъ войскъ, но лишь только началось движеніе русскихъ добровольцевъ въ Сербію, Викторъ Дезидерьевичъ по предложенію славянскаго комитета отправился въ Бѣлградъ, гдѣ все время до окончанія войны сербовъ съ турками распоряжался пріемомъ и отправкою на мѣсто военныхъ дѣйствій добровольцевъ, прибывшихъ изъ Россіи.

Въ настоящую войну Викторъ Дезидерьевичъ состоитъ начальникомъ этропольскаго отряда.

О движеніи войскъ находящихся подъ его начальствомъ, читатели «Нивы» имѣютъ уже свѣдѣнія изъ ея политическихъ и военныхъ извѣстій. Здѣсь-же укажемъ, между прочимъ что генералъ Дандевиль въ особенности отличился при наступательномъ движеніи нашихъ войскъ на Этрополь къ Арабъ-Конаку, причемъ съ боя овладѣлъ высотами Греотъ, командующими Бабаконакскимъ проходомъ.

Въ снѣгахъ Балканскихъ горъ.

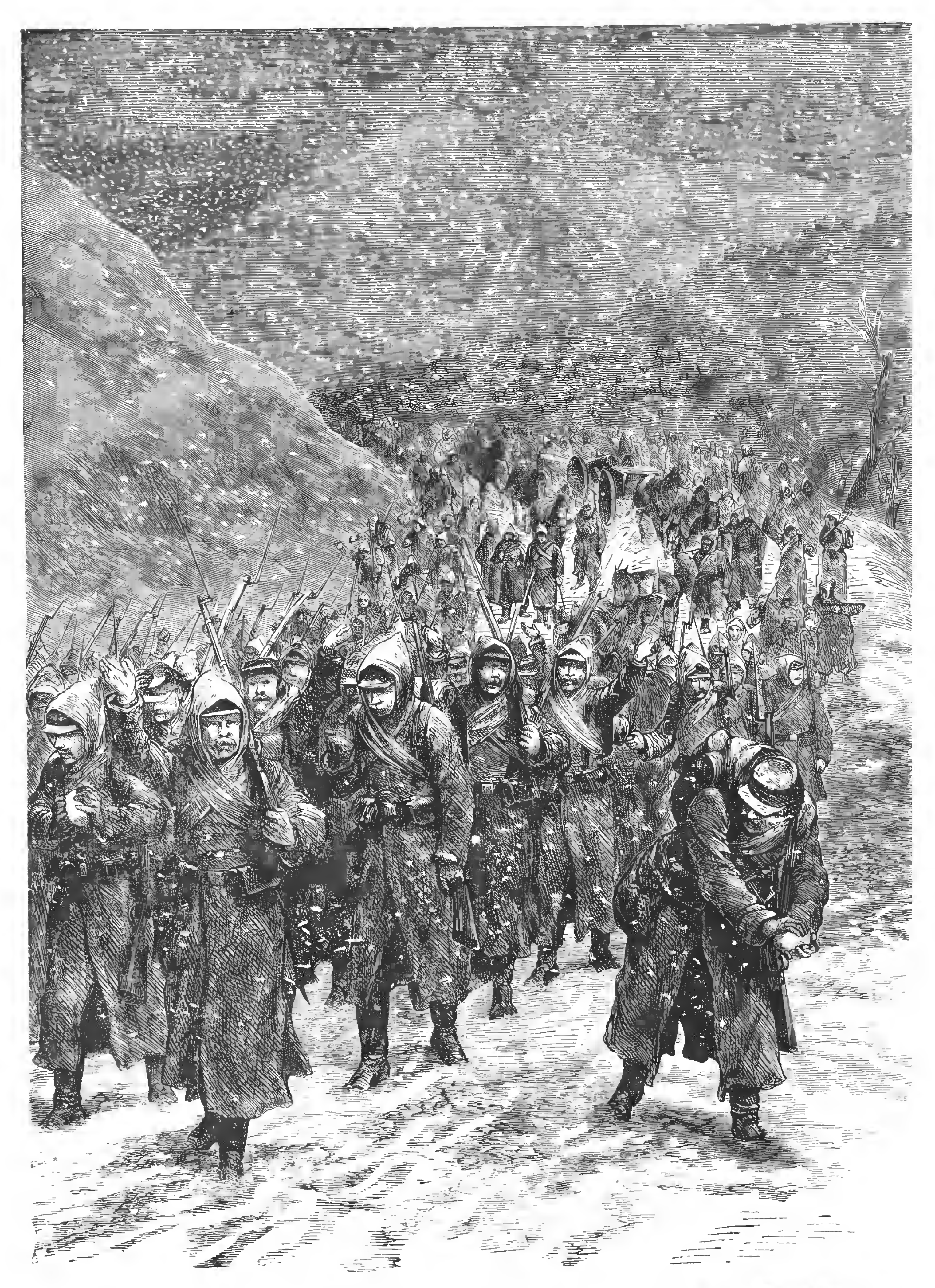
Подробности о зимнемъ переходѣ чрезъ Балканы и о тѣхъ необычайныхъ трудностяхъ, какими сопровождался этотъ переходъ, мы уже имѣли случай передавать въ предшествовавшемъ номерѣ, при помѣщеніи рисунка изображающаго перевозку артиллеріи чрезъ Балканскія горы. Теперь, помѣщаемъ здѣсь рисунокъ, дающій понятіе о томъ, въ какомъ порядкѣ и съ какою удивительною переносливостію шествуютъ наши русскія войска въ снѣгахъ Балканскихъ горъ. Этотъ переходъ чрезъ Балканы зимою есть по истинѣ явленіе необычайное.

Какъ извѣстно, шесть дней совершался этотъ трудный путь. Войска прокладали себѣ дорогу по горнымъ тропинкамъ, на каждомъ шагу встрѣчая новыя трудности. Шесть дней неимовѣрнаго физическаго и нравственнаго напряженія среди холода и вьюги. Истощенные отъ усталости, иззябшіе при невозможности защитить себя отъ холода, они совершили зимою такой путь, который, будучи совершенъ среди лѣта, считался бы подвигомъ. Какъ извѣстно, посланныя къ генералу Гурко изъ подъ Плевны подкрѣпленія начали подходить съ 13 декабря и только 19-го часть нашихъ войскъ перевалила чрезъ Балканы. Какъ извѣстно, 19 и 20 было произведено наступленіе и передовыя турецкія позиціи взяты съ боя. Турки не выждали главной атаки и начали отступать по еще остававшимся свободнымъ спускамъ съ горъ.

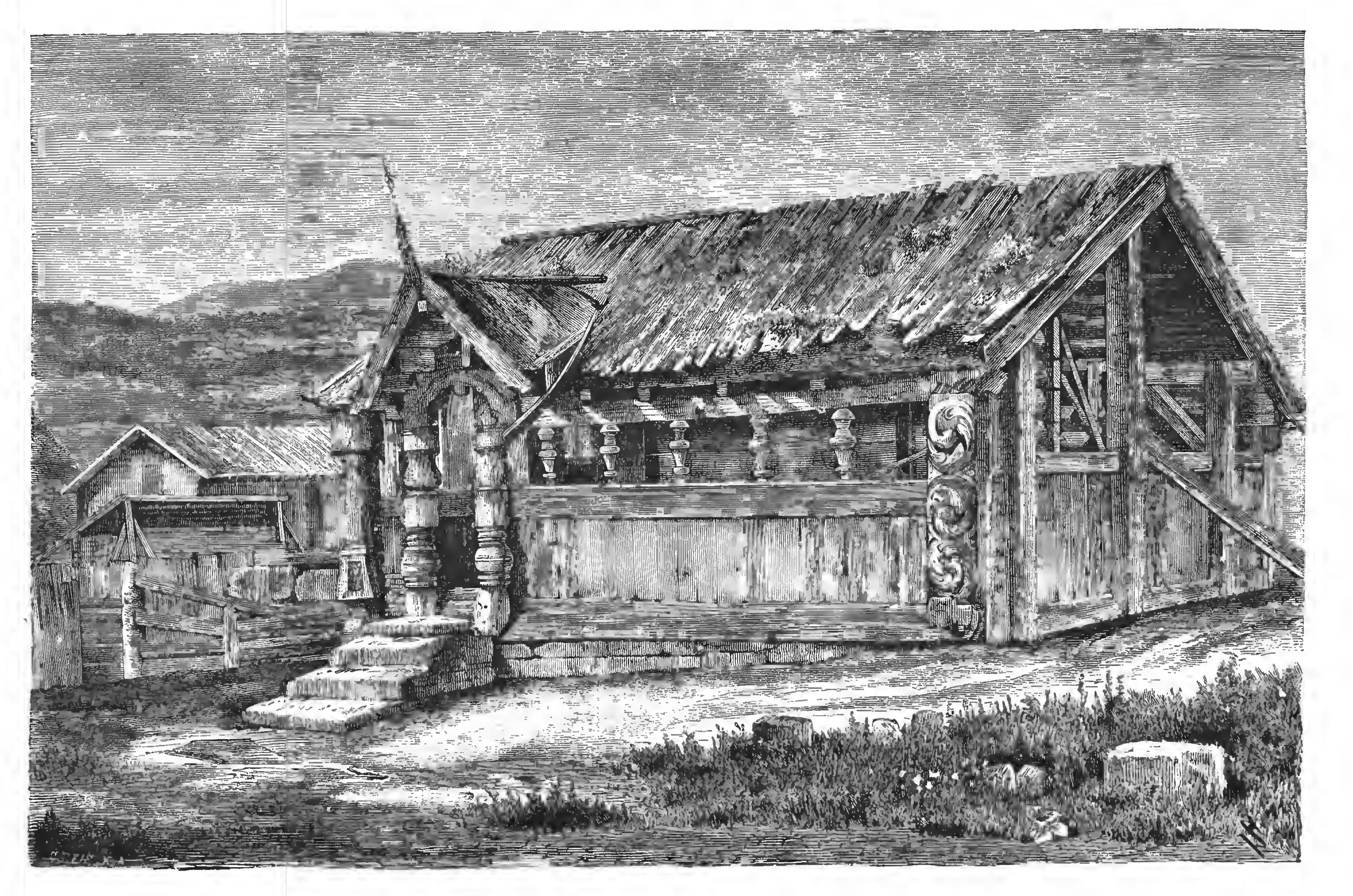
О томъ значеніи, какое имѣлъ въ военномъ отношеніи переходъ чрезъ Балканы, читатели уже знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“. **Ор.**

Крестьянскій домъ въ Норвегіи.

Съ величественной, суровой природой Норвегіи не можетъ сравниться никакая другая страна Европы, даже Швейцарія. Тироль, Далмація и отчасти Пиринеи уступаютъ этой сѣверной странѣ въ отношеніи ея дикой красоты и величія. Норвегія поднимается почти отвѣсно изъ пучины Атлантическаго океана и представляетъ обширную плоскую возвышенность, подошва которой (береговая линія) изрѣзана длинными, глубокими и узкими заливами—такъ называемыми *фіордами*; они на много миль врѣзываются въ землю. И сколько тамъ великолѣпныхъ водопадовъ, прямо низвергающихся въ море! На обширной пло-

Авангардъ генерала Гурко, марширующій въ снѣгахъ Балканскихъ горъ. По рис. „Graphic", грав. Вейерманъ.

Крестьянскій домъ въ Норвегіи. Рис. Штилеръ, грав. Дейну.

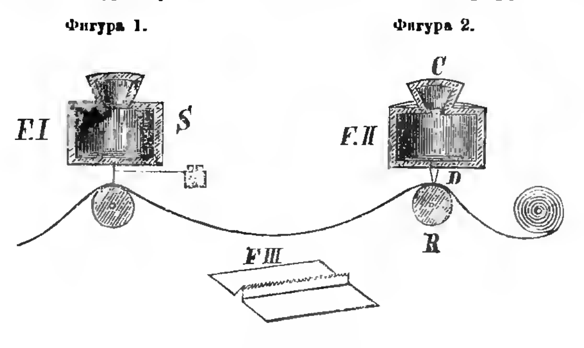
ской возвышенности, покрытой отчасти лѣсами и рощами, отчасти озерами и болотами, вздымаются группами отдѣльныя горныя вершины, достигающія 8000 фут. высоты; на нихъ лежитъ вѣчный снѣгъ. О земледѣліи этой страны нечего и думать, да и вообще въ Норвегіи мало земли пригодной для хлѣбопашества. Трудъ поселянина здѣсь плохо вознаграждается. Рубка лѣса, скотоводство, охота и рыбная ловля составляютъ главныя отрасли промышленности дѣятельнаго, выносливаго, но немногочисленнаго населенія. Образъ жизни и занятія наложили своеобразную печать на характеръ норвежца. Въ весьма многихъ мѣстностяхъ Норвегіи поселянинъ является полукочевникомъ: такъ, зимою живетъ онъ въ деревенькахъ, поближе къ берегу моря и фіордамъ, гдѣ подъ вліяніемъ гольфстрема климатъ нѣсколько мягче, лѣтомъ-же молодые члены семьи отправляются со стадами на верхъ, на плоскогоріе; тамъ въ долинахъ и на горныхъ склонахъ пасется скотъ, а поселяне занимаются своимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, у каждой рабочей норвежской семьи два жилья—одно зимнее, постоянное, другое лѣтнее, такъ сказать, *пастушье*, въ горахъ. У зимнихъ жилищъ можно видѣть даже фруктовыя деревья (яблоки и сливы), но лѣтнія, построенныя изъ дерева въ старинномъ вкусѣ, стоятъ большею частію среди горной пустыни и свойственной ей приземистой растительности, состоящей изъ степныхъ травъ, вакциній, мховъ и лишаевъ. Среди пастбищъ плоской возвышенности домики пастуховъ рѣдко стоятъ особнякомъ: тамъ на верху въ пустынѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо чувствуетъ человѣкъ потребность въ сообществѣ себѣ подобныхъ: близкое сосѣдство тамъ необходимо, такъ какъ нерѣдко пастуху-поселянину нужна бываетъ скорая помощь, посильное содѣйствіе; поэтому лѣтнія жилища норвежцевъ располагаются группами, живописно разбросанными среди дикой, суровой мѣстности. Не смотря на всю простоту, даже бѣдность этихъ жилищъ въ нихъ есть что-то привлекательное для насъ, русскихъ—можетъ быть, потому, что постройки эти напоминаютъ наши великороссійскія избы. Крестьянскій норвежскій домъ сколоченъ изъ деревянныхъ досокъ, украшенъ нехитрою рѣзьбою и выкрашенъ темнокрасною краскою. Стоитъ онъ на фундаментѣ изъ булыжника. Такія домики ставятся всегда въ центрѣ пастбищъ или между двумя пастбищами, такъ что-бы пастуху удобно было перейти со стадомъ своимъ съ одного поля на другое. На пастбищахъ поселяне строятъ запасные магазины, въ которые и складываютъ всякую утварь, орудія труда, сѣно, хлѣбъ, картофель, сыръ и на всякій случай, нѣсколько досокъ. Зимнія жилища норвежскихъ крестьянъ по внѣшнему виду похожи на лѣтнія. На нашемъ рисункѣ изображенъ норвежскій „лѣтній“ домикъ, который, конечно, лучше нашей избы и напоминаетъ „дворъ“ зажиточнаго русскаго мужика. Это крылечко со столбиками совсѣмъ въ русскомъ вкусѣ, хотя въ прочихъ деталяхъ замѣчается нѣчто своеобразное.

Фонографъ.

(Аппаратъ, записывающій и сохраняющій звуки нашего голоса на долгое время).

Назначеніе этого изобрѣтенія состоитъ въ томъ, чтобы *автоматически* закрѣплять и дѣлать болѣе продолжительною человѣческую рѣчь и, по произволу, автоматически повторять сказанныя слова. Это значитъ: самые звуки человѣческаго голоса дѣлаются, такъ сказать, безсмертными, на долгое время говорящими нашему уму и сердцу, подобно письменамъ. Изобрѣтеніе это сдѣлалъ американецъ *Томасъ А. Эдисонъ*, въ Нью-Жерсеѣ.

Аппаратъ Эдисона состоитъ (какъ показываетъ рисунокъ, фиг. 2) изъ короткаго цилиндра, разговорной трубы съ короткимъ мундштукомъ *C*. Внизу аппаратъ этотъ закрытъ тонкою металлическою діафрагмою *D*. Послѣдняя весьма чувствительна и сильно реагируетъ на модуляціи или разнообразные оттѣнки человѣческаго голоса, такъ что каждый тонъ, произнесенный какимъ либо человѣкомъ въ воронкообразный мундштукъ *C*, приводитъ діафрагму *D* въ соотвѣтственное вибрирующее или

Фонографъ.

колебательное состояніе. Внизу діафрагмы, въ самомъ центрѣ послѣдней, находится заостренный на подобіе рѣзца штифтикъ, которому вибрація сообщается одновременно съ діафрагмою. Подъ штифтикомъ пробѣгаетъ бумажная полоска, на которую и передаются вибрирующія движенія штифтика, и это происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Внизу штифтика (какъ видно и изъ рисунка) находится блокъ *R*, приводимый въ вращательное движеніе или посредствомъ подвѣшенной тяжести, или же посредствомъ часовыхъ колесъ. Вотъ поверхъ-то этого блока и проходитъ безконечная полоса бумаги, намотанная на шпульку или катушку. Все это близко напоминаетъ устройство извѣстнаго телеграфнаго аппарата Морса. Въ длину упомянутой безконечной полосы бумаги тянется рубцеобразное углубленіе, наибольшая величина котораго уже и соотвѣтствуетъ вершинѣ пирамиды, такъ что это углубленіе можно изобразить двумя наклоненными подъ острымъ угломъ линіями $\wedge$. И вотъ по самой-то верхней пирамидальной вершинѣ рубца и скользитъ прикрѣпленный къ діафрагмѣ штифтикъ. Теперь, если мы будете вращать бумажную полоску по блоку быстро и если въ это время будетъ кто-либо направлять звуки своего голоса въ воронкообразный мундштукъ *C*, то, очевидно, кожистой діафрагмѣ *D* сообщится быстрая вибрація или сотрясеніе; это сотрясеніе въ тотъ же моментъ перейдетъ на штифтикъ, и этотъ послѣдній производитъ своимъ заостреннымъ концемъ по длинѣ рубца поперечныя черточки, болѣе или менѣе сильныя, смотря по силѣ самой вибраціи діафрагмы и штифтика,—и съ различною степенью углубленія, какъ это видно въ фигурѣ *F* III. Смотря по степени углубленія черточекъ, получаются тоны большой или малой амплитуды, или просто тоны, выражаемые большими или меньшими кривыми линіями въ произведенныхъ штифтикомъ черточкахъ.

Тоны малой амплитуды производятъ, понятно, слабыя впечатлѣнія, тоны же большей амплитуды, — впечатлѣнія болѣе сильныя, такъ что по всей длинѣ безконечной бумажной полоски получается нормальный, послѣдовательный рядъ глубокихъ или поверхностныхъ углубленій, представляющихъ вѣрный отпечатокъ измѣненій голоса и вообще разговора человѣка, говорящаго въ воронкообразный мундштукъ *C*. Теперь, если посредствомъ этой, снабженной по длинѣ черточками, безконечной бумажной полоски (этой такъ сказать носительницы нашего голоса), мы перенесемъ вибрирующее движеніе на другую металлическую діафрагму, то мы получимъ не только тѣ же самыя обозначенія словъ, но эти слова будутъ снова произнесены; и если при томъ діафрагма, на которую мы переводимъ звуки, приспособлена къ телефону, то мы можемъ переслать эти звуки, по проволочному проводнику, на значительное разстояніе.

Для объясненія этого обратимся къ рисунку, представляемому фигурою I. Представляемый этою фигурою аппаратъ называется *репродукторомъ* (на рисункѣ означенъ буквою *S*). Онъ по устройству совершенно сходенъ съ аппаратомъ, производящимъ звуки, который мы сейчасъ описали; но онъ, однако, представляетъ ту разницу, что вибрирующая діафрагма въ немъ еще тоньше, нѣжнѣе, чувствительнѣе. Какъ и въ первомъ аппаратѣ, и здѣсь безконечная, снабженная черточками и несущая голосовые звуки, полоска пробѣгаетъ надъ быстро вращающимся блокомъ, расположеннымъ подъ діафрагмою репродуктора; между тѣмъ, въ то же время, подъ рубцеобразными черточками, расположенными по длинѣ безконечной бумажной полоски, скользитъ, подобный вышеописанному, заостренный штифтикъ. И этотъ-то штифтикъ, соприкасаясь съ углубленными *) (звуконосящими) черточками безконечной бумажной полосы,—передаетъ ихъ, въ свою очередь, нѣжной и чувствительной діафрагмѣ, съ которою онъ соединенъ, и передаетъ такъ, что послѣдняя переходитъ въ строго-математически соотвѣтствующія различію тоновъ вибрирующія (колебательныя) состоянія, и *этою вибраціей снова передаются въ звукахъ сказанныя въ первомъ аппаратѣ слова*...

На какомъ же пунктѣ для успѣха воспроизведенія звуковъ мы должны, такъ сказать, передать въ распоряженіе репродуктора несущую звуки безконечную полоску? Это рѣшительно все равно, потому что разъ произнесенныя въ воронкообразный мундштукъ перваго аппарата слова сохраняются, такъ сказать, съ своей плотью и кровью, и репродукторъ повторяетъ намъ ихъ совершенно такъ, какъ они были произнесены, съ математическою точностью.

Трудности, которыя, какъ говорятъ, еще старается преодолѣть г. *Эдисонъ*, представляются съ другой стороны: онѣ состоятъ въ точномъ воспроизведеніи болѣе нѣжныхъ модуляцій человѣческаго голоса. Но уже судя по совершенству аппарата въ настоящемъ его видѣ, можно основательно разсчитывать, что г. Эдисону удастся въ короткое время побѣдить и вышеуказанную трудность.

Но, что особенно поражаетъ въ этомъ аппаратѣ, такъ это крайняя простота его устройства; эта простота—общее свойство всѣхъ изобрѣтеній, дѣлающихъ эпохи. Да, это изобрѣтеніе дѣйствительно дѣлаетъ эпоху. Мы видимъ, что человѣкъ взошелъ теперь на такую ступень власти надъ явленіями, на которой онъ, по произволу, можетъ въ любое время воплощать звуки языка въ плоть и кровь, видѣть ихъ, такъ сказать, ося-

*) Черточки эти для удобства пониманія дѣла, уже названы *звуконосящими* или *звуконосителями*.

зать ихъ. Это изобрѣтеніе, конечно, не останется безъ вліянія и на телеграфное дѣло. Напримѣръ: теперь представляется возможность черточки, произведенныя штифтикомъ на безконечной бумажной полоскѣ фонографа, воспроизвести посредствомъ звуковъ для телеграфа и переслать въ любую страну. Да и кромѣ того, сказанныя въ воронку фонографа слова, можно переслать телеграфическимъ способомъ Морса на далекія разстоянія.

Замѣтимъ, что этотъ аппаратъ, по устройству и дѣйствію, даже проще телефона, потому что здѣсь играетъ роль только вибрація и быстрота передвиженій звука, а также передача вибраціи на бумагу, безъ участія электромагнитнаго тока. Послѣдній можетъ играть роль только тогда, когда, при передачѣ голоса на большое разстояніе, мы, въ подспорье къ фонографу, призовемъ на помощь и телефонъ... St. P. H.

Нѣмецкіе колонисты въ Россіи.

Извѣстно, что начало нѣмецкой колонизаціи въ Россіи положила Императрица Екатерина II, своимъ манифестомъ отъ 22 іюля 1763 года, въ которомъ предлагалось всѣмъ желающимъ—переѣзжать въ русскія владѣнія и селиться въ отведенныхъ для этой цѣли мѣстахъ. Большія партіи нѣмецкихъ крестьянъ потянулись изъ Германіи въ обѣтованную Россію, и движеніе это продолжалось на первыхъ порахъ непрерывно, начиная съ 1764 и вплоть до 1770 года. Переселеніе увеличилось, когда въ слѣдующемъ за манифестомъ году русское правительство издало узаконеніе, въ которомъ точно и категорически было выражено: давать переселенцамъ земли, „каждой семьѣ особо", независимо отъ числа состоящихъ въ ней душъ, по 30 десятинъ, полагая 15 дес. пашенной, 5 дес. сѣнокосной, 5 дес. лѣсныхъ угодій и 5 дес. усадебной, огуменной. огородной, и выгоной.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, практика успѣла показать нѣкоторыя неудобства сплошной вербовки переселенцевъ. Дѣло въ томъ, что въ число этихъ послѣднихъ русскіе коммисары принимали всѣхъ „желающихъ" безъ разбора и при томъ на полное иждивеніе казны съ мѣста и со дня зачисленія въ партію, вслѣдствіе чего въ числѣ „желающихъ" оказывался всякій сбродъ негоднаго народа, который по своимъ нравственнымъ и всякимъ другимъ качествамъ не могъ соотвѣтствовать условіямъ успѣшной колонизаціи. „Гостепріимнымъ призывомъ Императрицы могли ровно воспользоваться великій и малый, старъ и младъ; всякій тотчасъ зачислялся въ списки и съ того-же дня получалъ по 8 шиллинговъ въ день", говоритъ по этому случаю одинъ современникъ. Замѣтивъ это, правительство въ 1770 году пріостановило на нѣкоторое время пріемъ переселенцевъ,—къ тому же оно вело войну въ то время съ турками и поляками. Спустя 12 лѣтъ снова русскіе коммисары стали принимать переселенцевъ, но уже не всѣхъ „желающихъ", а исключительно только тѣхъ изъ нихъ, которые считались хорошими, полезными земледѣльцами; при томъ каждый, изъявившій намѣреніе переселиться, долженъ былъ имѣть нѣкоторую сумму денегъ, наличными или въ товарѣ, не менѣе 300 гульденовъ. Такимъ избраннымъ лицамъ наши посольства выдавали паспорта и платили за нихъ переѣздъ съ мѣста прежняго жительства до новаго... А для управленія дѣлами переселенія и водворенія иностранцевъ въ отводимыхъ для нихъ мѣстахъ была учреждена въ Петербургѣ особая „канцелярія опекунства иностранныхъ", на правахъ коллегіи (министерства), на обязанности которой лежало: „удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ" переселяющихся и „пещись, дабы они, при самомъ началѣ ихъ прихода въ Россію, не были подвергаемы никакому изнуренію, и дабы на первый случай отведены имъ были покои для жительства до тѣхъ поръ, пока каждый, по желанію своему, опредѣленъ будетъ". Для доставленія иностранцамъ квартиръ „на первый случай", а также на покупку для нихъ сѣмяннаго хлѣба для посѣва, скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и пр., въ распоряженіе канцеляріи отпускалось ежегодно по 200,000 руб., „пока впослѣдствіи не понадобится больше". Въ 1810 году правительство прекратило выдачу пособій переселенцамъ, а спустя девять лѣтъ окончательно пріостановило и самый вызовъ на поселеніе, воспретивъ нашимъ заграничнымъ коммисарамъ выдавать паспорта кому бы то ни было.

Большинству переселенцевъ отводилась земля въ низовомъ Поволжьѣ, въ нынѣшнихъ Самарской и Саратовской губерніяхъ.—Кромѣ того иностранцы селились на югѣ Россіи, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Крыму, въ Бессарабіи, также въ губерніяхъ Слободско-украинской (нынѣ Воронежская), Черниговской, Лифляндской и Петербургской. Однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій въ этомъ случаѣ являлось совершенное отсутствіе вѣрныхъ плановъ на заселенныя земли и полнѣйшее невѣдѣніе о хозяйственныхъ условіяхъ этихъ земель. Въ виду этого предприняты тогдашнимъ правительствомъ рѣшительныя мѣры къ изслѣдованію и снятію на планы территоріи низоваго Поволжья, какъ части имперіи, менѣе другихъ извѣстной и изслѣдованной. Правительство видѣло въ этой мѣрѣ, какъ и вообще въ успѣхѣ колонизаціи, вѣрнѣйшее средство къ тому, что „Россія столь странною и дикою, какъ до нынѣ, иностранцамъ казаться уже не будетъ и затвердѣлое объ ней предубѣжденіе нечувствительно исчезнетъ".

Такимъ образомъ было положено начало нѣмецкой колонизаціи въ Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, болѣе столѣтія, въ продолженіе котораго нѣмцы пользовались у насъ положеніемъ особо-привилегированнаго сословія, вплоть до 1871 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, 4 іюня вышло Высочайше утвержденное положеніе о преобразованіи и новомъ устройствѣ быта всѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые были переименованы въ „поселянъ-собственниковъ" и сравнены во всѣхъ отношеніяхъ съ русскими крестьянами. Новый уставъ всесословной воинской повинности положилъ конецъ главной привилегіи, которою пользовались колонисты, и привлекъ ихъ къ отбыванію этой повинности наравнѣ съ другими сословіями имперіи. Конечно, нашлись лица, которыя съ неудовольствіемъ отнеслись къ послѣднимъ реформамъ, но этимъ недовольнымъ было предоставлено право выхода изъ русскаго подданства, чѣмъ нѣкоторые, въ особенности меннониты, отвергающіе войну по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, тотчасъ и воспользовались. Впродолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ (со дня обнародованія положенія 4 іюня 1871 года), изъ одной Саратовской губерніи уволено изъ подданства Россіи колонистовъ всего 1,444 души обоего пола, каковое количество составляетъ едва одну сотую часть общаго наличнаго числа душъ нѣмецкаго населенія этой губерніи. Переселяются колонисты большею частію въ Америку.

Всѣмъ извѣстно, какимъ благосостояніемъ обставлена жизнь нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи, въ сравненіи съ жизнью русскихъ крестьянъ, которыхъ въ этомъ случаѣ и нельзя сравнивать съ первыми. Дарованныя привилегіи успѣли оказать могучее дѣйствіе и принесли благіе результаты! Прекрасная колонія Сарепта, лежащая въ нижнемъ теченіи Волги, между городами Царицынымъ и Чернымъ Яромъ, по своимъ великолѣпнымъ постройкамъ, заводамъ, вообще по богатству жителей напоминаетъ скорѣе маленькій губернскій городъ. Немнѣе замѣчательна и другая нѣмецкая колонія—Баронскъ или Екатеринштадтъ Николаевскаго уѣзда, въ которой поставленъ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Вообще, нѣмецкія колоніи въ Самарской и Саратовской губерніяхъ представляютъ рѣзкій контрастъ съ русскими селами и деревнями тѣхъ-же губерній.

Въѣзжаете вы, положимъ, въ какую либо колонію или село (слово: колонія въ настоящее время вычеркнуто изъ употребленія и замѣнено словомъ — село). На первыхъ же порахъ вы обращаете вниманіе на чистоту правильныхъ, широкихъ улицъ. Дома деревянные, высокіе, часто крытые желѣзомъ, со ставнями, непремѣнно выкрашенными въ какую либо краску, большею частью зеленую. Вдоль улицы тянется рядъ посаженныхъ деревьевъ; около домика, съ передней стороны, маленькій палисадникъ, а въ задней части двора огородъ съ разною зеленью, а подъ часъ, вмѣсто зелени, вы видите кустики табаку. Среди села, на площади, возвышается церковь, огороженная частоколомъ, изъ за котораго виднѣются высокія деревья березы, тополя и т. п. Противъ церкви стоитъ высокое, каменное, выкрашенное въ какую либо краску, зданіе—жилище пастора... Впрочемъ, каменные, иногда двухъ-этажные дома въ нѣмецкихъ селахъ встрѣчаются очень часто и напоминаютъ собою помѣщичьи дома въ русскихъ селахъ, доказывая этимъ, что хотя помѣщиковъ—дворянъ по происхожденію никогда и не водилось въ колоніяхъ, однако помѣщики по карману существуютъ и въ нихъ.. Тутъ-же на площади, другое, невысокое, но за то длинное, каменное зданіе, съ большими окнами—мѣстное училище. У нѣмецкихъ колонистовъ обученіе дѣтей общеобязательно съ семилѣтняго возраста. Нѣмецкіе колонисты—народъ домовитый, степенный, тихій и скромный. Открытаго антагонизма, между нѣмецкими колонистами русскими крестьянами не замѣчается, но несомнѣнно то, что первые относятся къ послѣднимъ, и вообще къ русскимъ, высокомѣрно, и неособенно дружелюбно. Такое отношеніе замѣчалъ всякій, кому случалось бывать въ заволжскихъ колоніяхъ. **П. В—овъ.**

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія

Побѣдоносныя войска наши произвели новое движеніе впередъ—и произвели въ *двухъ* направленіяхъ: на лѣвомъ флангѣ, отъ линіи Черноводы-Кюстендже, по направленію къ юго-западу и засимъ продолжается движеніе за Адріанополь къ Константинополю прогрессивнымъ занятіемъ, хотя покамѣстъ только передовыми войсками укрѣпленныхъ пунктовъ. Первое движеніе совершается по-сю сторону Балканъ, второе за Балканами. Существенныя отличія той и другой (одновременныхъ) операцій состоятъ въ томъ, что *первою* мы овгуваемъ въ пресловутый четвероугольникъ первоклассныхъ турецкихъ крѣпостей и изолируемъ въ отдѣльныхъ пунктахъ находящіяся еще здѣсь турецкія силы, *вторую* операціей мы довершаемъ побѣдоносное шествіе, начавшееся героическимъ переходомъ великихъ Балканъ, взятіемъ Софіи и Адріанополя. Но цѣль обѣихъ опе-

рацій—одна: нанести Турціи сосредоточенный ударъ и близъ стѣнъ Царь-града, и въ классическомъ четыреугольникѣ. Отчаянная оборона столицы, конечно, сосредоточитъ близъ Константинополя всѣ оставшіяся въ наличности силы Турціи. Армія же наша, дѣйствующая по сю сторону Балканъ, займется осадою укрѣпленій и крѣпостей. 14-й корпусъ генерала Циммермана двинулся впередъ къ юго-западу и къ югу, такъ какъ въ пребываніи его на линіи Черноводы-Кюстенджи теперь уже не представляется существенной надобности. Рущукскій же нашъ отрядъ сдѣлалъ движеніе къ востоку и къ югу и занялъ *Османъ-Базаръ* и *Разградъ*.

За симъ наши дѣйствія за Балканами были таковы:

Ночью съ 12-го на 13-е января генералъ *Струковъ* (какъ мы уже знаемъ, занявшій Адріанополь) взялъ *Люле-Бургасъ* (далеко къ юго-востоку отъ Адріанополя, на срединѣ пути отъ Адріанополя къ Константинополю). Люле-Бургасъ соединенъ желѣзною дорогою съ уже занятымъ нашими войсками *Кирь-Клиси*. Люле-Бургасская станція желѣзной дороги взята нами съ боя. Плѣнныхъ взято нами при этомъ много; задержано до 200 вагоновъ съ локомотивами. За симъ генералъ Струковъ нагналъ до 15,000 подводъ съ удалявшимся мусульманскимъ населеніемъ (бѣглецовъ было до 50,000), остановилъ ихъ и приказалъ выдать оружіе. Послѣ слабаго сопротивленія бѣглецы это исполнили. Всю эту массу подводъ предположено Струковымъ отослать въ портъ *Родосто* (на западномъ берегу Мраморнаго моря). Изъ этого порта, какъ слышно, мусульманскіе бѣглецы перевозятся въ Азію.

Русскіе типы. Ямщикъ—троечникъ.
— Вотъ на троечкѣ прокатилъ-бы...
Рисовалъ И. Пановъ, грав. Шмидтъ.

Посмотримъ, на какомъ пространствѣ заняты нашими передовыми войсками укрѣпленные турецкіе пункты во Ѳракіи, къ востоку и къ югу отъ Адріанополя. Заняты слѣдующіе пункты: *Демотика* и *Узунъ-Кепри* *), (о чемъ мы уже упоминали въ прошломъ обозрѣніи). За симъ заняты *Баба-Эски* и *Аскіой*, *Киръ-Клисе* и *Люле-Бургасъ* (къ востоку отъ Адріанополя). Если присоединимъ къ тому извѣстіе, что наши войска стоятъ уже въ *Дедеафать* и *Фериджикъ*, то окажется, что въ нашихъ рукахъ уже находится обширная площадь Ѳракіи, опирающаяся на сѣверную линію Мраморнаго моря, гдѣ находится портъ *Родосто*. За симъ естественно, хотя теперь и не представляется необходимымъ, движеніе къ юго-западу, къ той глубоко вдающейся въ море косѣ, которая образуетъ Дарданельскій проливъ и гдѣ стоитъ знаменитый Галлиполи, угрожающая которому опасность надѣлала столько шуму въ Англійскомъ Парламентѣ. Турецкія же войска сосредоточиваются теперь на тѣсной площади, упирающейся на востокѣ въ Константинопольскій проливъ. Мы упоминали уже прежде, что пунктомъ сосредоточенія турецкихъ войскъ для обороны столицы избрана *Чатаджа*. Послѣднія телеграммы подтвердили, что въ окрестностяхъ Константинополя расположены остатки турецкихъ армій (всего до 40,000 челов.), впрочемъ крайне деморализованныхъ и совершенно потерявшихъ вѣру въ успѣхъ своего оружія. Затѣмъ и большая часть уцѣлѣвшаго турецкаго флота собралась около Константинополя, подъ начальствомъ Гобартапаши. Недавно турецкій военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и Гобартъ-паша, рѣшилъ защищать столицу до послѣдней крайности.

14-го января, Его Высочество Августѣйшій Главнокомандующій прибылъ въ Адріанополь. При въѣздѣ Его Высочество былъ встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ отъ болгаръ, грековъ, армянъ и евреевъ. Все Адріанопольское населеніе вышло на встрѣчу. Его Высочество помѣстился въ конакѣ. Одновременно съ перенесеніемъ главной квартиры въ Адріанополь, сюда приблизился авангардъ колонны генерала Радецкаго.

Прошлая же недѣля ознаменовалась новымъ геройскимъ подвигомъ одного изъ нашихъ моряковъ. Генералъ-адъютантъ Аркасъ отправилъ въ крейсерство къ берегамъ Кавказа и къ Батуму пароходъ „Константинъ". Пароходъ этотъ, послѣ затруднительнаго плаванія и борьбы со штормами, 14-го января сдѣлалъ нападеніе на Батумъ, гдѣ стояла цѣлая турецкая эскадра изъ семи судовъ большого ранга. Командиръ парохода „Константинъ", капитанъ 2-го ранга *Макаровъ* (извѣстный намъ уже и прежде по своимъ молодецкимъ дѣйствіямъ на Дунаѣ) подошелъ къ Батуму на разстояніе 4-хъ миль и послалъ туда 2 миноносныхъ катера. Эти катера, подойдя на близкое къ эскадрѣ разстояніе, пустили въ сторожевой винтовой пароходъ двѣ мины, произведшія *полное раздробленіе непріятельскаго парохода*, который вслѣдствіе этого быстро погрузился на дно, такъ что обломками разрушеннаго гиганта была покрыта вся поверхность моря. Знаменательно, что день этого славнаго подвига совпалъ какъ разъ съ днемъ сраженія корпуса Циммермана на Базарджикской дорогѣ...

На западѣ Балканскаго театра войны происходили *два* важныхъ дѣла: съ одной стороны между сербами и турками подъ *Сѣницею* и *Куршумле*, съ другой между черногорцами и турками у *Ковы* и *Поповой*. Мы уже имѣли прежде случай говорить объ укрѣпленіи Куршумле, расположенномъ на южной Сербской границѣ (мы знаемъ, что сербы снова отняли у турокъ это пограничное укрѣпленіе). *Сѣница* лежитъ гораздо западнѣе Куршумле, почти на одной широтѣ съ послѣднимъ. Линія протяженія между Куршумле и Сѣницей весьма значительна. Далѣе извѣстно, что черногорцамъ сдался фортъ *Зандра*, послѣ чего они двинулись на *Скутари*; далѣе черногорцамъ сдался укрѣпленный о—въ Враньина (на озерѣ Скутари). Послѣ этого они переправились черезъ р. Баяну со стороны Албаніи. Изъ Требинье недавно выступилъ турецкій гарнизонъ.

Для большей характеристики положенія дѣлъ, упомянемъ еще о депешѣ, недавно посланной нашимъ государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ къ лондонскому нашему послу, графу Шувалову, въ которой сообщается извѣстіе, что, по слухамъ, турецкія войска направлены въ Галлиполи, и что Государь Императоръ предписалъ Великому Князю Главнокомандующему *выдвинуть* въ этомъ направленіи *обсерваціонный корпусъ*, но не идти ему до Галлиполи. Эти слова бросаютъ яркій свѣтъ, до какой степени Россія строго соблюдаетъ условія неприкосновенности англійскихъ интересовъ даже въ томъ

(Продолженіе на стр. 93, 94, 95 и 96).

*) *Демотика* и *Узунъ-Кепри* (въ 30—35 верстахъ отъ Адріанополя) заняты *безъ боя* пѣхотою генерала Шнитникова. Какъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, жители-мусульмане встрѣтили наши войска съ *хлѣбомъ-солью, какъ избавителей отъ баши-бузуковъ и черкесовъ*. Изъ этого видно, что намѣреніе султана поднять религіозный фанатизмъ своихъ подданныхъ—просто безнадежно.

смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ихъ сама Англія. Условіе-то вѣдь въ томъ, чтобы не идти Россіи на Галлиполи, если сама Турція не сосредоточитъ въ этомъ пунктѣ свои силы. Но турецкія войска находятся въ Галлиполи, слѣдовательно и Россія въ совершенномъ правѣ двинуть туда свои войска. Если же дѣло ограничивается будущею посылкою обсерваціоннаго корпуса, единственно для наблюденій за операціями турокъ, то Россія, очевидно, дѣлаетъ даже больше, чѣмъ обязываютъ ее условія неприкосновенности англійскихъ интересовъ съ англійской точки зрѣнія... Князь Горчаковъ въ своей нотѣ прибавилъ, что Россійскій Императоръ въ вопросѣ о занятіи войсками турецкой столицы, предоставляетъ Себѣ полную свободу дѣйствій, составляющую право каждаго воюющаго.

Спѣшимъ дополнить наше обозрѣніе оффиціальнымъ извѣстіемъ о согласіи Турціи на миръ и о заключеніи перемирія, полученнымъ въ то время, когда листъ уже былъ спущенъ въ машину. Телеграмма Его Высочества, главнокомандующаго дѣйствующей арміей, изъ Адріанополя отъ 19 января, сообщаетъ:

„Предложенныя основанія мира приняты Портою и протоколъ сейчасъ подписанъ мною и уполномоченными султана. Перемиріе также заключено и подписано. Приказаніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій немедленно отправляется во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ дунайскія крѣпости и Эрзерумъ очищаются турками“.

Дальнѣйшихъ подробностей о тѣхъ основаніяхъ, на какихъ заключенъ миръ пока нѣтъ. Есть впрочемъ частныя извѣстія

Нѣмецкіе колонисты въ Россіи. Рис. Віола, грав. Дюпре.

Излишне было бы доказывать ясную сама по себѣ истину, что англійское правительство (правительство—а не страна), какъ и всегда, уже въ силу своихъ традицій, прилежно хранимыхъ послѣ Пальмерстона,—жаждетъ вооруженнаго столкновенія за „свои интересы“. До какой степени можно предотвратить подобное столкновеніе,—чѣмъ можно предотвратить и на долго ли—это покажетъ недалекое будущее.

Австрія тоже не дремлетъ, хотя, повидимому, и твердо держится за принципъ тройственнаго союза.

Что будетъ дальше—трудно предвидѣть. Пока же можно согласиться съ словами Гладстона, сказанными имъ при принятіи адреса либеральной ассоціаціи, что европейскій миръ зависитъ отъ событій слѣдующихъ недѣль“.

въ иностранныхъ газетахъ о томъ, что въ договорѣ между Россіей и Турціей заключаются между прочимъ условія уступки турецкихъ броненосцевъ Россіи, присоединенія къ ней Арменіи и присвоенія одной Россіи права постояннаго входа и выхода въ проливы. Эти извѣстія, конечно, весьма краткія и не даютъ полнаго понятія объ основаніяхъ, на которыхъ заключенъ миръ. Есть еще въ газетѣ „Times“ указанія что Россія выговорила себѣ право провести войска чрезъ Стамбулъ и старый дворецъ до мыса Сараже, гдѣ они пересядутъ на корабли. Русскіе аванпосты, будто-бы, пробудутъ въ Константинополѣ только сутки.

Едва-ли на этомъ окончится рѣшеніе „восточнаго вопроса“. Легко можетъ случиться, что участіе арміи еще понадобится

при окончательномъ разрѣшеніи этого нѣкогда вопроса. Къ такому заключенію мы приходимъ на основаніи тѣхъ предусмотрительныхъ распоряженій, которыя объявлены высочайшимъ приказомъ, отъ 19 января, о сформированіи 44 резервныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ и 16 резервныхъ пѣшихъ баттарей, съ образованіемъ при томъ изъ нихъ четырехъ резервныхъ пѣхотныхъ дивизій съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи.

Это, конечно, такъ сказать, капля въ морѣ, въ сравненіи съ тѣмъ числомъ войскъ, какое уже находится на театрѣ войны, но тѣмъ не менѣе, сформированіе резервовъ служитъ указаніемъ но то, что вопросъ о мирѣ еще не окончательно рѣшенъ.

Приводимъ здѣсь въ подтвержденіе нашей мысли слѣдующее, заимствованное нами изъ № 18 „Правит. Вѣст." отъ 23 января.

Вотъ что тамъ сказано:

Вчера, въ воскресенье 22-го января, былъ разводъ отъ 85-го пѣхотнаго выборгскаго полка, въ Высочайшемъ присутствіи. Государь Императоръ изволилъ остаться вполнѣ довольнымъ стройнымъ и бодрымъ видомъ полка; по окончаніи же развода изволилъ подозвать къ Себѣ всѣхъ присутствовавшихъ генераловъ и офицеровъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Поздравляю васъ, господа, съ заключеніемъ перемирія на столь выгодныхъ для насъ условіяхъ. Мы этимъ обязаны славнымъ нашимъ войскамъ, которыя доказали, что для нашихъ молодцовъ невозможнаго нѣтъ. *Но этимъ дѣло далеко еще не кончено, и мы должны оставаться наготовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира.* Да поможетъ намъ Богъ и въ этомъ".

Слова эти вызвали единодушное и восторженное „ура".

Изъ всего этого слѣдуетъ, что вопросъ о прочномъ и достойномъ Россіи мирѣ еще впереди.

Изъ внутреннихъ извѣстій считаемъ нужнымъ отмѣтить слѣдующія: Опубликованъ высочайше утвержденный 13 января уставъ „Московскаго товарищества временной задунайской торговли". Товарищество учреждено для торговли за Дунаемъ и для снабженія арміи за возможно дешевую цѣну припасами и различными товарами. Учредителями товарищества состоятъ: Т. С. Морозовъ, К. Т. Солдатенковъ, В. Д. Аксеновъ. К. С. Поповъ, В. А. Андреевъ, братья Боткины, Мамонтовъ и Рукавишниковъ. Торговыя учрежденія товарищества въ занятомъ войсками краѣ будутъ пользоваться особымъ покровительствомъ нашихъ властей. Служащимъ въ товариществѣ, но не моложе 14 лѣтъ, будутъ выдаваться на время военныхъ дѣйствій заграничные паспорты. Основный капиталъ товарищества назначается въ сто т. рублей, раздѣленныхъ на сто паевъ. На первый разъ выпускается 50 паевъ на 50,000 р., которые распредѣляются учредителями между собою; остальные 50 паевъ могутъ быть выпущеными въ послѣдствіи, по постановленію общаго собранія пайщиковъ; они распредѣляются между учредителями или между приглашенными ими лицами.

Московскими же капиталистами, вмѣстѣ съ бременскими, предполагается, какъ слышно, еще другое товарищество для эксплуатаціи вновь открытаго морского пути въ Сибирь. (См. „Ниву" № 4, стр. 68 „Морской путь изъ Сибири въ Европу"). Съ этою цѣлію заказаны пароходы—морской и рѣчной и двѣ баржи которыя будущимъ лѣтомъ отправятся изъ Бремена къ Оби или Енисею, съ грузомъ разныхъ товаровъ. Морской пароходъ предназначается для плаванія по океану, тогда какъ рѣчной и баржи будутъ дѣлать рейсы по устьямъ и заливамъ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ на дняхъ разсматривается проэктъ министерства юстиціи о закрытіи двухъ окружныхъ судовъ четвертаго разряда въ Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ, Новгородской губ. и объ открытіи вмѣсто нихъ одного суда третьяго разряда въ Череповцѣ той же губерніи, съ нѣкоторыми измѣненіями въ Кашинскомъ и Рыбинскомъ окружныхъ судахъ.

Петербургское городское общественное управленіе въ ознаменованіе торжества, взятія русскими Плевны, ассигновало по 12 тыс. руб. ежегодно на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей убитыхъ и раненыхъ воиновъ.

Завалы и снѣжные заносы между Коби и Гудауромъ, препятствовавшіе сообщенію, теперь расчищены.

Неисправное полученіе почты какъ передаютъ газеты увеличивается порядками на Воронежско-Ростовской желѣзной дорогѣ.

Говорятъ, что сооруженіе памятника Пушкину, противъ Страстнаго монастыря въ Москвѣ, потребуетъ расхода не менѣе 83 т. р. Окончательное устройство этого памятника, какъ слышно, послѣдуетъ въ 1879 г.

Передаемъ нашимъ читателямъ недавно сообщенную въ газетахъ сцену между русскимъ солдатомъ и арабомъ. Сцена эта даетъ ясное представленіе о турецкихъ нравахъ.

Это было въ Рязани. Вѣстовой солдатъ взялъ плѣннаго араба съ собою, рубить дрова, но прежде пошелъ съ нимъ къ цейхгаузу, взять топоръ. Арабъ, думая, что солдатъ его хочетъ убить, упалъ на колѣни съ мольбою „Господи помилуй"! (Аллахъ сакляссенъ). Солдатъ хочетъ объяснить арабу свое намѣреніе и, взявъ его за руку, отводитъ къ дровамъ, гдѣ указываетъ на толстую плаху и проситъ ее принесть; арабъ плаху приноситъ и потомъ молча, со слезами на глазахъ кладетъ на нее голову, ожидая удара топора... Только переводчикъ могъ объяснить ему его напрасныя подозрѣнія.

Въ заключеніе сообщаемъ цѣну нашихъ бумагъ: билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ послѣднее время колебались между 233 и 234¼ перваго займа и 233—234 второго; рыбинскія акціи были 120; одесской дороги 74; бресто-граевскія 61; грязе-царицынскія 66½; С.-ПБург. городского кредитнаго общества 92; восточный заемъ 93; Золото продовалось 7 р. 55 к.

Смѣсь

Пирамида Хеопса. Надъ большой египетской пирамидой, такъ назыв., Хеопсовой непрерывно работало цѣлыхъ 20 лѣтъ, по Геродоту 100,000 человѣкъ, по Діодору даже 360,000. По измѣреніямъ Бельцени, перпендикулярная высота этой пирамиды имѣетъ 357 футовъ, а основаніе 684 фута. Она выстроена изъ камней, которые привозились съ береговъ Чермнаго моря до Нила, и оттуда по каналамъ доставлялись къ подножію пирамидъ. Вычислено, что пирамида поглотила 600,000,000 тоннъ камня, количество, котораго по вычисленію одного французскаго инженера, достало бы, чтобы обвести всю Францію стѣной до 10 футовъ вышины и 2-хъ футовъ толщины.

Индѣйскія древности. Изъ Мадраса сообщаютъ объ открытіи интересныхъ древностей, принадлежащихъ, какъ предполагаютъ, до ассирійскому періоду. Вырыты окаменѣлыя человѣческія тѣла, огромныя урны, въ которыхъ сжигались тѣла туземцевъ до браминовъ, замѣчательные земляные сосуды и различнаго рода земледѣльческіе снаряды. Многія вазы или урны имѣютъ больше фута вышины и богато украшены. Эти открытія возбудили къ себѣ всеобщій интересъ, и мадрасское правительство рѣшило давать субсидію на работы по раскопкамъ.

Блескъ звѣздъ. Въ концѣ прошлаго года Бельгійскій ученый Монтаней сообщилъ результаты своихъ наблюденій надъ блескомъ звѣздъ. Наблюденія производились въ теченіи 230 вечеровъ въ промежутокъ времени отъ 1871 г. до 1876 года, въ Брюсселѣ. Изслѣдованіе производилось посредствомъ астрономической зрительной трубы, которая была снабжена между объективомъ и окуляромъ, кружкомъ изъ толстаго стекла, поставленнаго вкось на вращательной оси, параллельной съ осью зрительной трубы и приводимаго находящимся извнѣ механизмомъ въ желаемой быстроты движеніе, могущее быть точно вычислено. Такъ какъ свѣтовые лучи, прежде чѣмъ достигнуть до окуляра, переливаются вкось во всѣхъ направленіяхъ, какія принимаетъ стеклянная пластинка вокругъ своей вращательной оси, то фигура звѣзды описываетъ полный кругъ въ полѣ зрѣнія глаза. Если звѣзда не блеститъ, то этотъ кругъ образуетъ непрерывную линію одного цвѣта со звѣздой, если же она блеститъ, то кругъ раздѣляется на дуги яркихъ цвѣтовъ, которыя быстро мѣняются и среди которыхъ обыкновенно выдаются цвѣта: красный, оранжевый, желтый, зеленый и голубой, смотря по характеру сіянія. Какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общемъ выводѣ, изслѣдованія привели къ тому, что: 1) блескъ звѣздъ находится въ тѣсной связи съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ влажности въ воздухѣ, такъ какъ то и другое „постоянно весьма замѣтно колеблется въ одномъ и томъ же смыслѣ" и 2) что дождь возможно предвидѣть за нѣсколько дней, что согласуется и съ ежедневнымъ опытомъ и съ замѣчаніемъ А. Гумбольта, что на тропикахъ дождь предвѣщается за нѣсколько дней блескомъ высоко стоящихъ на зенитѣ звѣздъ.

Длина рельсовыхъ путей у насъ доходитъ до 20,000 верстъ, на которыхъ лежитъ до девяносто пяти милліоновъ пудовъ рельсовъ. Для ремонта ихъ и для строющихся вновь дорогъ намъ необходимо ежегодно до двадцати милліоновъ пудовъ рельсовъ. По этому мы принуждены вывозить ежегодно изъ-за границы до восемнадцати милліоновъ пудовъ рельсовъ, на что уходитъ около 20,000,000 рублей. По мнѣнію лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, было бы весьма полезно для насъ употребленіе нѣсколькихъ милліоновъ рублей (хотя бы даже до 10,000,000) на устройство рельсовыхъ заводовъ на югѣ Россіи. При существованіи такихъ заводовъ избавилось бы государство отъ иноземной зависимости въ этомъ дѣлѣ и отъ неизбѣжнаго вслѣдствіе этой зависимости паденія нашего курса.

Способность пчелъ различать цвѣта. Чтобы убѣдиться въ способности пчелъ различать цвѣта, Джонъ Леббохъ дѣлалъ слѣдующіе опыты: онъ клалъ на цвѣтную бумагу маленькую стеклянную пластинку, намазанную медомъ; другія стеклянныя пластинки, безъ меду, клались на бумажки другихъ цвѣтовъ. Пчела, сосавшая медъ въ первый разъ, когда стеклянная пластинка лежала на оранжевой бумагѣ, 20 разъ сряду возвращалась къ бумагѣ того же цвѣта, между тѣмъ какъ намазанную медомъ пластинку переложили на бумагу другого цвѣта. На другой день пчела вернулась опять къ той же, т. е. къ оранжевой бумагѣ, хотя мѣсто покрытой медомъ пластинки, опять было перемѣнено. То же самое повторилось, когда медъ былъ переложенъ на голубую бумагу, и пчелы знали объ этомъ; прилетая вновь, онѣ постоянно садились на голубую бумагу. Относительно слуха, Д. Лебохъ не вполнѣ увѣренъ, одарены ли имъ пчелы; звуки, которые онъ употреблялъ для своихъ опытовъ, не оказывали замѣтнаго дѣйствія на пчелъ, поэтому онъ думаетъ, что онѣ если не совсѣмъ глухи, то во всякомъ случаѣ органъ слуха развитъ у нихъ весьма слабо.

Откровенный король. Датскій король Фридрихъ VI, путешествуя по Ютландіи, зашелъ въ одну деревенскую школу. Мальчики имѣли бодрый и веселый видъ. Король обратился къ нимъ съ вопросомъ: „Какіе были величайшіе короли Даніи?“ Дѣти отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ: „Канутъ Великій, Вольдемаръ, Христіанъ IV“. Одинъ изъ мальчиковъ, которому что-то шепнулъ учитель, поднялъ руку. „Ты знаешь еще кого-нибудь?“ спросилъ король.—„Да, Фридриха VI“.—„Что же онъ сдѣлалъ великаго?“ Мальчикъ, въ смущеніи, молчалъ; наконецъ, пробормоталъ: „Я не знаю!“. „Утѣшься, милый другъ“,—сказалъ король,—я также не знаю!“.

Мнѣнія знаменитыхъ людей о Россіи, Турціи и Англіи.

„Я полагаю, что міръ подвинулся-бы въ просвѣщеніи, если-бы изгнать изъ Европы этихъ извергов, турокъ“. (*Наполеонъ I*).

„Было-бы нелѣпо поддерживать турецкую державу въ Европѣ. Фактически она погибла... Несомнѣнно, что для всего свѣта было-бы лучше, еслибъ Андріанопольскій трактатъ не былъ подписанъ, еслибъ русскіе вошли въ Константинополь и еслибъ турецкая имперія была разрушена“. (*Герцогъ Веллингтонъ*, 1829)

„Газетные крики противъ Россіи внушаютъ мнѣ не болѣе уваженія, чѣмъ завыванія обитателей Бэдлама, такъ какъ они происходятъ изъ глубочайшаго невѣжества, эгоизма и презрѣнной національной ревности“. (*Карлейль*).

„Я вѣрю въ то, что русскій народъ столь-же способенъ къ благороднымъ чувствамъ, какъ и всякій другой народъ въ Европѣ“. (*Гладстонъ*).

„Я не вѣрю въ возможность того, чтобъ въ Англіи были лица, думающія, что мы заинтересованы въ процвѣтаніи турецкой имперіи“. (*Аддисонъ*).

„Я никогда прежде не слыхалъ, чтобы проповѣдывалось, будто турецкая имперія всегда считалась за одинъ изъ элементовъ въ равновѣсіи державъ... Что общаго у этихъ, хуже чѣмъ дикарей, съ европейскими державами? Они только распространяютъ среди нихъ войну, разрушеніе и заразу... Тѣ министры и та политика, которые дадутъ этому народу какой нибудь вѣсъ въ Европѣ, заслужатъ всевозможныя проклятія потомства“. (*Т. Бурке*).

„Я считаю разрушеніе турецкой имперіи только вопросомъ времени, и, вѣроятно, весьма непродолжительнаго... Я не могу иначе объяснить, какъ вліяніемъ старыхъ дипломатическихъ преданій, намѣренія старшихъ изъ нашихъ государственныхъ людей поддерживать турецкое правительство, будетъ-ли оно хорошо или дурно. Я думаю, что мы создаемъ себѣ враговъ въ племенахъ, которыя очень скоро станутъ господствующими на Востокѣ, и мнѣ кажется, что мы задерживаемъ страны, отъ развитія которыхъ мы-же, въ качествѣ главнѣйшей торговой державы, всего больше выиграли-бы, и что такъ мы поступаемъ безъ всякой дѣйствительной для насъ выгоды и въ настоящемъ и въ будущемъ“. (*Лордъ Дерби*).

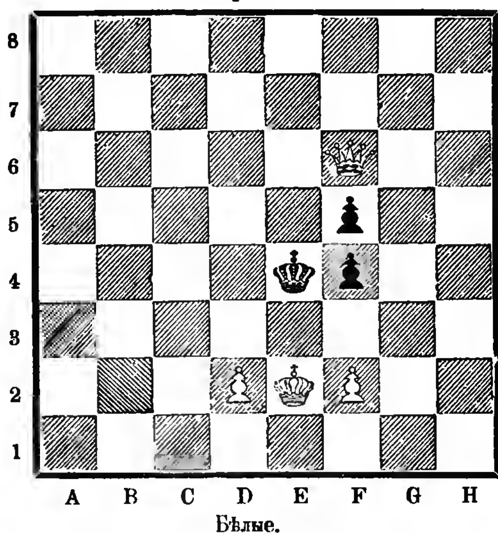
„Россія не преслѣдуетъ обширныхъ завоеваній... Пока мы занимаемъ настоящую должность, вамъ не удастся разорвать нашу дружбу съ Россіей,—дружбу, вѣковую и основывающуюся на исторіи“. (*Князь Бисмаркъ, 1876*).

(Восточ. вопр. прошед. и настоящ. *Т. Синклера*)

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 4 „Нивы“: „Англія избрала своимъ девизомъ хитрость“.

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Москва. Пяти подписч. Нивы.** Фигура Фридриха Великаго на чертежѣ, помѣщенномъ въ № 2 „Нивы“ выдѣляется нѣсколько бѣловатымъ фономъ. Стоитъ подольше посмотрѣть на рисунокъ—и фигура будетъ ясно видна между деревьями на правой сторонѣ рисунка; портретъ же Людовика XVI и его супруги суть профили, обрисовывающіеся съ правой и съ лѣвой стороны второго рисунка.

2. **Камышинъ. И. Ряб—у.** Ваши стихи не лишены интереса, какъ своимъ покушеніямъ «къ высокому тону», такъ и по хитрой запутанности выраженій. Вы пишете:

Одну красавицу я зналъ
Въ ея очахъ мнѣ, *огнь* казался...

Нужно замѣтить, что по «высотѣ тона» ваши стихи значительно ниже стоятъ тѣхъ образцовъ, на которыхъ вы видимо воспитывали свою музу. Въ образцахъ этихъ есть, напримѣръ, такія прелести:

*В*ласы твои какъ стадо козъ
Средь галилейскія долины,
Какъ кедръ ливанскій есть твой носъ
И очи яко голубины.

Но за то у васъ хитро выражена мысль:

И неприступная краса
Ея, тѣ глазки милы были,
Голубеньки, какъ небеса,
Которые меня плѣнили.

Не скоро доберешься, что васъ плѣнило; глазки-ли, небеса-ли, а ужъ общаго смысла не поймѣть, какъ говорится «ни во вѣки вѣковъ».

3. **Москва Г-ну Бѣшенцову.** При свиданіи вы говорили, что у васъ есть копія со стиховъ, намъ переданныхъ. Пришлите ихъ въ «Ниву».

4. **Сарапулъ. Ив. Пав. Верещ—у.** Изъ вашихъ «Чувствъ Россіянина» беремъ только вотъ эти строки:

Много пало нашихъ братьевъ
За собратій намъ по вѣрѣ...
Молодецъ посолъ Игнатьевъ!
Ты привелъ насъ къ этой мѣрѣ.

Въ виду того, что стихи свои вы предназначаете «для изданія колодежи», мы обращаемъ ея вниманіе на то, какъ капризная рифма увлекаетъ поэтовъ, подобныхъ вамъ, въ дебри невообразимаго набора словъ.

Уфа М. В. Лос—ему. Вы высказываете въ вашихъ стихахъ такія вѣчныя истины, оспаривать которыя было бы безуміемъ; но признать поэтической ту форму, въ которой эти мысли изложены—было-бы еще большимъ безуміемъ.

Вы пишете:

Хоть пройдутъ тысячелѣтья,
Память ихъ (великихъ людей) все будетъ жить,
Ихой славы и безсмертья
И вѣкамъ не истребить.“

Оставляя при васъ изобрѣтенное вами слово: „ихой“, не можемъ, однако, не замѣтить, что если вамъ трудно удержаться отъ высказыванія вѣчныхъ истинъ, (онѣ же видимо для васъ еще такъ новы), то лучше наберите для этого болѣе краткую форму выраженія, наприм. воровать—не хорошо, объѣдаться—вредно, геніи—безсмертны и т. д.

По крайней мѣрѣ коротко и безъ грамматическихъ ошибокъ.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 27 Января 1877 г. [illegible] № 10.

№ 6 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ

Выданъ 6 Февраля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ФЕВРАЛЬ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 19 буквъ для мѣтки бѣлья.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Въ февралѣ настоящаго года исполнилось 110 лѣтъ со дня рожденія нашего великаго баснописца И. А. Крылова. Припомнимъ здѣсь вкратцѣ біографію этого знаменитаго человѣка.

Иванъ Андреевичъ родился 2-го февраля 1768 года, въ Москвѣ, въ бѣдной семьѣ одного армейскаго офицера. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1780 году, ему, бывшему тогда 11 лѣтъ, остался цѣлый сундукъ книгъ. Мальчикъ былъ любимецъ матери и первыя заботы о его воспитаніи легли на нее. Марья Алексѣевна, будучи сама женщина очень не глупая, старалась всячески заохотить сына къ ученью, до котораго онъ былъ небольшой любитель. Пріемъ, пущенный ею въ ходъ, былъ не особенно педагогическій, однако не произвелъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать: она стала платить сыну за каждый вытверженный урокъ по нѣскольку копѣекъ. Дѣло пошло на ладъ. Отыскалась возможность обучить мальчика не только русской, но и французской грамотѣ, что въ Твери того времени представляло извѣстную рѣдкость. Французскій языкъ что-то не пошелъ: Крыловъ лѣнился и даже не старался запоминать уроки; зато любознательность, проявившаяся у него во время занятій роднымъ языкомъ, нашла себѣ пищу въ оставшемся послѣ отца сундукѣ съ разными книгами.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Мальчикъ сильно полюбилъ всякаго рода драматическія сочиненія и даже самъ попыталъ написать оперу „Кофейница“, на которую возлагалъ надежды. Ему исполнилось 12 лѣтъ—пора было опредѣляться на службу и молодой Крыловъ поступилъ въ подканцеляристы Калязинскаго уѣзднаго суда. Переходъ въ Тверской магистратъ въ канцеляристы не могъ улучшить матеріальное благосостояніе семьи: у Марьи Алексѣевны не было даже пенсіи послѣ мужа; и вотъ она рѣшается ѣхать съ сыномъ въ Петербургъ, похлопотать о ней и о болѣе

выгодномъ мѣстѣ для своего любимца. Переѣздъ въ сѣверную столицу рѣшилъ дальнѣйшую участь Крылова. Онъ посвятилъ себя литературѣ. Первыми судьями трудовъ его были Княжнинъ, къ которому онъ явился, заявить о своемъ уваженіи къ его таланту, и Дмитревскій. Съ послѣднимъ онъ завязалъ знакомство, перешедшее послѣ въ дружбу. Въ 1788 году умерла мать Крылова. Иванъ Андреевичъ бросилъ службу, дававшую ему 25 р. въ мѣсяцъ, и около 12 лѣтъ было отдано имъ литературѣ и издательству. Онъ увлекся журналистикой и подъ его редакціей выходили: „Почта духовъ“, „Зритель“, затѣмъ „Санктпетербургскій Меркурій“. Въ это же время, давая просторъ своему прирожденному юмору и остроумію, издавая журналы съ цѣлью, по его выраженію, представить порокъ во всей его гнусности, Крыловъ ставилъ на сцену свои комедіи („Проказники“, „Бѣшена семья“ и пр.) и писалъ стихи, больше все любовнаго содержанія. Какая-то Анюта ранила сердце молодого писателя и долго не давала ему покоя. Въ то время онъ чистосердечно сознается самъ

„Изъ сердца мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣсто ей одной лишь далъ
И отъ ученья отказался.

Послѣдніе годы прошлаго столѣтія прошли для Крылова тревожно и шумно: онъ полюбилъ развлеченія и пристрастился къ картамъ. Начало восьмисотыхъ годовъ застало его опять на службѣ въ Ригѣ, у тамошняго губернатора Голицына, къ которому онъ вскорѣ опредѣлился домашнимъ учителемъ, заниматься въ деревнѣ съ сыномъ. 1802 годъ былъ сороковымъ въ жизни Крылова и самымъ знаменательнымъ. Плетневъ совершенно вѣрно говоритъ, что для насъ великій баснописецъ родился лишь въ этомъ году. Прежній путь, которымъ онъ шелъ, былъ окольный, проселокъ; только въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время проѣздомъ изъ Саратовской губерніи, открылась передъ Крыловымъ большая, широкая дорога: здѣсь онъ написалъ первыя свои (переводныя) басни: „Дубъ и Трость“, „Разборчивую Невѣсту“ и помѣстилъ ихъ въ „Московскомъ Зрителѣ“. Дмитріевъ, писавшій въ то время тоже басни, съумѣлъ оцѣнить ихъ достоинство.

По возвращеніи въ Петербургъ, Крыловъ не сразу отказался отъ драматической литературы. Имъ были написаны, вошедшія въ полное собраніе сочиненій, пьесы: „Урокъ дочкамъ“ и „Модная лавка“. Затѣмъ волшебная опера „Илья Богатырь“, но все это не выходило изъ ряда посредственностей и ничего не прибавило къ позднѣйшей славѣ поэта. Въ 1808 году онъ поступилъ на службу въ Монетный дворъ. Басни, числомъ 23, которыя онъ издалъ черезъ годъ, открыли ему семейные дома тогдашнихъ аристократовъ-цѣнителей и все больше и больше сближали съ кругомъ людей, стоявшихъ во главѣ литературнаго движенія.

Въ 1812 году въ Петербургѣ возникала Императорская Публичная библіотека. Въ нее то и пригласили Ивана Андреевича въ качествѣ помощника библіотекаря русскаго отдѣла. Онъ съ радостью согласился, тѣмъ болѣе, что товарищами по службѣ были люди причастные литературѣ, слѣдовательно свои, напр.: Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады, Сопиковъ, извѣстный библіографъ, поэтъ Дельвигъ и др.

Съ годами страсть къ театру у Крылова охладѣла, и онъ, пользуясь своимъ досугомъ и покоемъ, писалъ басни, читая ихъ на литературныхъ вечерахъ тогдашнихъ знаменитостей. Такія собранія бывали у старика Державина, потомъ у Жуковскаго, Оленина и другихъ.

Съ 1812—41 годъ Крыловъ велъ совершенно неподвижную жизнь и только не задолго до смерти разстался съ Публичной библіотекой. До 41 года онъ даже квартиры не перемѣнилъ! Послѣ выхода въ отставку Сопикова, Иванъ Андреевичъ перебрался въ его три комнатки и зажилъ беззаботно-лѣнивою жизнью русскаго холостяка, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Императоръ Александръ вполнѣ обезпечилъ поэта, положивъ ему кромѣ жалованья пенсію.

Должность, обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда легкая дремота въ креслѣ и вечеръ у Олениныхъ или другихъ знакомыхъ—вотъ какъ шелъ день Крылова. Промежутки уходили на писаніе басень и на чтеніе пустѣйшихъ романовъ для препровожденія времени. Страстнаго отношенія къ дѣлу, энергическаго усидчиваго труда у Ивана Андреевича не было: это была, какъ я уже говорилъ, чисто русская натура, въ извѣстной степени лѣнивая, полная добродушія и юмора. Когда басни была готова и переведена вчернѣ на бумагу, Крыловъ ее тщательно исправлялъ, переписывалъ своимъ неразборчивымъ почеркомъ на отдѣльный листъ и затѣмъ долго не принимался за новую.

Сидячая жизнь и сильный аппетитъ, которымъ баснописецъ пользовался всю жизнь и который, между прочимъ, свелъ его въ могилу, повліяли на прирожденную лѣность, наградили его тучностью, по истинѣ тягостной для старика.

Припомнимъ здѣсь нѣсколько разсказовъ изъ его жизни.

На одномъ изъ литературныхъ собраній, гдѣ до этого изрядно таки прискучилъ чтеніемъ своихъ произведеній самъ хозяинъ, попросили прочесть какую-нибудь басню и Крылова. Онъ долго отнѣкивался, наконецъ прочелъ вслухъ свою „Демьянову уху“, отъ которой не совсѣмъ поздоровилось слушавшимъ, потому что намекъ былъ болѣе чѣмъ ясенъ: кто же не помнитъ этихъ заключительныхъ строкъ басни:

„Повѣрь мнѣ, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи“.

Какъ-то Гнѣдичъ, когда зашла рѣчь о Гомерѣ, задѣлъ Крылова замѣчаніемъ, что онъ вѣдь не знаетъ греческаго языка и потому во многомъ не судья. Крыловъ подержалъ съ нимъ пари, что выучится самъ этому языку и черезъ два года дѣйствительно удивилъ Гнѣдича своими познаніями. Много удовольствія доставило это старику Ивану Андреевичу. Въ два года онъ перечелъ всѣхъ греческихъ классиковъ, держалъ ихъ у себя подъ кроватью, въ пыли, потомъ какъ-то совсѣмъ забылъ о нихъ и лѣтъ черезъ семь хватился, захотѣлъ почитать Эзопа, но не нашелъ ни его, ни даже слѣдовъ бывшей греческой библіотеки: кухарка извела классиковъ на растопку.

Кромѣ голубей, для которыхъ у Крылова всегда была настежъ форточка, Иванъ Андреевичъ страстно любилъ смотрѣть на пожары и не пропускалъ почти ни одного.

Въ 1838 году исполнилось 50-лѣтіе литературной дѣятельности Крылова и праздновался его юбилей, на которомъ князь Вяземскій написалъ стихотвореніе съ припѣвомъ послѣ каждаго куплета:

„Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!“

Подъ *милою женою* надо разумѣть крыловскую музу; названіе же Крылова *дѣдушкой* такъ видимо къ нему шло, что съ этого имени времени на всегда за нимъ осталось.

Въ 1841 году Иванъ Андреевичъ оставилъ службу въ библіотекѣ и переселился на Васильевскій островъ.

Обладая страшнымъ аппетитомъ, Иванъ Андреевичъ разъ плотно покушалъ тертыхъ рябчиковъ въ маслѣ (его любимое блюдо), захворалъ несвареніемъ желудка и слегъ. Незадолго до смерти онъ смѣялся надъ своей слабостью, сравнивалъ себя съ лошадью, которую мужикъ запрегъ въ тяжелый возъ съ сушеной рыбой: когда лошадь пала, онъ удивился и говорилъ, что вѣдь положимъ рыбы и много было, да вѣдь она была сухая.

9-го декабря 1844 года Крылова не стало. Онъ умеръ 77 лѣтъ отъ роду. Памятникъ въ Лѣтнемъ саду поставили ему спустя одиннадцать лѣтъ, по модели барона Клодта.

Было бы излишне говорить о литературныхъ достоинствахъ всѣмъ извѣстныхъ басенъ И. А. Крылова. Въ нихъ положена чисто-русская душа со всей глубиной той народной правды и жизни, которая не поддается узкой критической оцѣнкѣ. Весь здравый смыслъ и сердце русскаго человѣка хранятся въ этихъ басняхъ.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

XVIII.

— Много? лаконически спросилъ казначей Дѣвочкинъ, тощій монахъ съ плутоватой физіономіей, говорившій съ Алешкой и попомъ Алфеемъ, когда мимо нихъ потянулась процессія съ дровами и ранеными.

— Убитый одинъ,—отвѣтилъ ему кто-то: да раненыхъ двое. Плѣнныхъ цѣлыхъ пять штукъ.

— Дѣло, дѣло... Пусть на мельницѣ у насъ жерновами поиграютъ, ужъ они больно до игры охочи... Тащи раненыхъ въ церковь, можетъ схиму принять хотятъ. Владыко благодарственный молебенъ служитъ.

Въ большой церкви Св. Троицы, уже цѣлые полгода грозно смотрѣвшей на воровской таборъ своей золоченой макушкой, собралось множество народа. Архимандритъ служилъ съ веселымъ звономъ молебствіе по случаю ожидаемаго прибытія помощи изъ Москвы. На помощь эту совсѣмъ не надѣялись, зная стѣсненное положеніе Шуйскаго. Ужъ Богъ-вѣсть какими путями

келарь упросилъ царя прислать подмогу. Алешка увѣрялъ, что царь былъ побѣжденъ удивительнымъ краснорѣчіемъ Палицына, вкупѣ съ патріархомъ Гермогеномъ. Онъ говорилъ въ думѣ: „аще обитель преподобнаго Сергія взята будетъ — погибнетъ весь предѣлъ россійскій до Окіанъ-моря, и царствующему граду настанетъ конечная тѣснота!“... Царь поневолѣ растрюгался. Какъ бы то ни было, но Авраамій Палицынъ дѣло устроилъ, помощь была выслана и поэтому монастырь радовался. Пѣли въ этотъ день на клиросахъ особенно согласно: самъ Алешка хору подтягивалъ своимъ гласомъ „удивительнымъ“. Народъ съ усердіемъ молился передъ пятиярруснымъ иконостасомъ, смутно виднѣвшимся въ клубахъ дыма, еще болѣе застилавшихъ тусклое мерцаніе зимняго дня. Того обычнаго безобразія, какое было распространено въ то время по Москвѣ и по всѣмъ городамъ русскимъ, гдѣ въ церквахъ каждый молился своему, принесенному образу, а о церковныхъ иконахъ и знать не хотѣлъ, спиной къ нимъ поворачивался,—этого здѣсь почти не было, развѣ уже какой нибудь закоснѣлый приверженецъ старыхъ обрядовъ притаскивалъ въ тряпицѣ почернѣвшую доску, и молился въ уголкѣ на „сваво Миколу“. Здѣсь вообще усерднѣе молились,—всѣ объ одномъ и томъ же, съ одинаковымъ, искреннимъ чувствомъ. Въ Москвѣ нерѣдко собирались въ церковь, чтобы потолковать о мірскихъ дѣлахъ, о торговлѣ, и въ концѣ концовъ поднимали ужаснѣйшій гамъ, крикъ, ругательство, оканчивавшееся потасовкой, съ раскровяненіемъ чьей-нибудь физіономіи. На это смотрѣли какъ на дѣло обычное, и никто не протестовалъ. Въ сергіевской обители было гораздо болѣе чинно, хотя ратники и не всегда вели себя порядочно. И служба шла неторопливо здѣсь: въ Москвѣ ради скорости ее въ три голоса правили разомъ, на разные напѣвы. Большинство пьянствовало и шаталось по кружаламъ, вымогая съ прихожанъ деньгу при всякомъ удобномъ случаѣ. Пили и попы, и дьяконы, и иноки, послѣдніе даже по большимъ дорогамъ грабили вмѣстѣ со станичниками. Здѣсь иноки были солиднѣе: богатство лавры, ея слава по всей землѣ Русской, традиціи монастырскія, память о Пересвѣтѣ и Ослябя,—все это поддерживало ихъ духъ и нравственность.

Осада отозвалась и на Троицкой церкви: кое гдѣ можно было замѣтить слѣды ядеръ, залетавшихъ въ соборъ. На правомъ клиросѣ у образа Архистратига Михаила доска была насквозь пробита; какъ разъ въ Михайловъ день, осенью, шальное ядро во время вечерни сдѣлало это. Образъ Николая чудотворца тоже былъ попорченъ; кое-гдѣ подсвѣчники повреждены, особенно одинъ, стоявшій передъ великолѣпной иконой Св. Троицы, залитой золотомъ и изумрудами. Впрочемъ въ общемъ благолѣпіе собора не измѣнилось, и осталось все по прежнему, на удивленіе православныхъ и на соблазнъ „Литвы діавольской“.

Служба близилась къ концу, когда въ двери пронесли раненыхъ и положили въ сторонкѣ для посхимленія. Было въ обычаѣ, умирающихъ защитниковъ Лавры посвящать въ иночество, „дабы въ чинѣ ангельскомъ преставиться“. Одинъ изъ нихъ ужь и умереть успѣлъ подъ веселыя пѣснопѣнія молебна, не дождавшись конца.

— Это ужь второй,—замѣтилъ Суета, вносившій въ церковь раненыхъ, указывая на тѣло. Только принесли и померъ. Я давече изъ-подъ Красной снесъ къ мельницѣ Гераську-косолапаго, еле донесъ—чижало таково. А онъ должно на ходу и сдохъ,—сдаю обознымъ,—а у него и глядѣлки закатились... Потому ему первому нынче пришлось...

— Ты, сказываютъ, троихъ поймалъ? Ишь ты! замѣтили ему.

Лицо Суеты озарилось.

— То-то есть... А то—не пойдешь, не пойдешь— только и говору. Отчего не пойти,—я завсегда, коли нужно...

Онъ подобралъ лишнюю рогожу и пошелъ вонъ изъ собора, смотря, не нужно ли еще чего притащить.

Впереди другихъ, на особенномъ мѣстѣ, стояло нѣсколько женщинъ въ длинныхъ черныхъ одеждахъ: то были лица царственнаго происхожденія, нашедшія себѣ пріютъ въ лаврѣ во время осады: Марья Федоровна Нагихъ, послѣдняя супруга Іоанна Грознаго, Марья Владиміровна, титулярная королева ливонская, и Ксенія Борисовна Годунова, дочь покойнаго царя всея Руси. Всѣ три были насильно пострижены въ иночество, первыя двѣ подъ именами Марѳы, послѣдняя подъ именемъ Ольги. Всѣ три именовались великими старицами.

Ксенія стояла нѣсколько впереди другихъ. Это была молодая дѣвушка, невысокаго роста, брюнетка можетъ быть нѣсколько полная, съ прелестнымъ мягко-очерченнымъ лицомъ, матовымъ, блѣднымъ, и большими черными глазами. При первомъ-же взглядѣ на нее, можно было опредѣлить, что двѣ силы боролись въ ней: одна—сила жизни, молодой, кипучей, другая—гнетущая сила безъисходныхъ страданій и лишеній. И та и другая оставляли по себѣ слѣды на ея лицѣ: одна рвалась и билась въ румянцѣ, что иногда вспыхивалъ на ея щекахъ, въ блескѣ глазъ, въ кипучей рѣчи; другая заставляла часто наливаться эти глаза слезами, заставляла румянецъ сбѣгать со щекъ, заставляла ее плакать цѣлыя ночи на пролетъ. Да и мудрено-ли, что дочь самодержавнаго властителя плакалась на незавидную долю черницы, особенно здѣсь въ монастырѣ, гдѣ все ей напоминало минувшее величіе: и этотъ роскошный образъ Троицы—подарокъ лаврѣ отъ ея отца, и этотъ могучій звонъ праздничнаго колокола въ двѣ тысячи пудъ, который такъ и назывался „Годуновъ“ по имени вкладчика, и эти монахи, что униженно цѣловали руки ея отца, а теперь едва смотрѣли на нее...

Сегодня она молилась менѣе сосредоточенно, чѣмъ всегда; и на лицѣ ея замѣчалось порою выраженіе, не вполнѣ соотвѣтствовавшее молитвенному настроенію. Она молилась разсѣянно, крестилась не въ тактъ, четками поигрывала, и все поглядывала на клиросъ.

— Что тебѣ ровно не молится сегодня? спросила, проходя мимо, Марья Владиміровна.—Да и мнѣ тоже,— пойдемъ въ кельи.

Но Ксенія осталась. Кончилась обѣдня, кончился молебенъ, около раненыхъ столпились монахи, а она все стояла на мѣстѣ, въ полъ-оборота поглядывая на клиросъ и словно выжидая, чтобы заволновавшійся народъ весь вышелъ изъ церкви.

— Посолъ изъ Москвы пріѣхалъ? спросила у нея царица Марья Григорьевна.—Нѣтъ-ли писемъ? Ты его не видала?

Яркая краска вдругъ залила ея щеки. Она слегка прищурилась и сказала небрежно.—Нѣтъ еще, да коли нужно, самъ придетъ.

— Да вотъ онъ, кажись, съ просвирками отъ владыки, онъ-ли,—вижу я плохо?

— Онъ, кажется... должно быть что онъ.

Прямо на нихъ шелъ чиннымъ шагомъ изъ алтаря Алексѣй, неся на серебряномъ блюдѣ три просвиры. Подойдя къ царицѣ, онъ съ поклономъ остановился передъ ней.

— Отъ отца Іосафа, сказалъ онъ, снова кланяясь.

Царица тоже слегка поклонилась, и взяла просвиру.

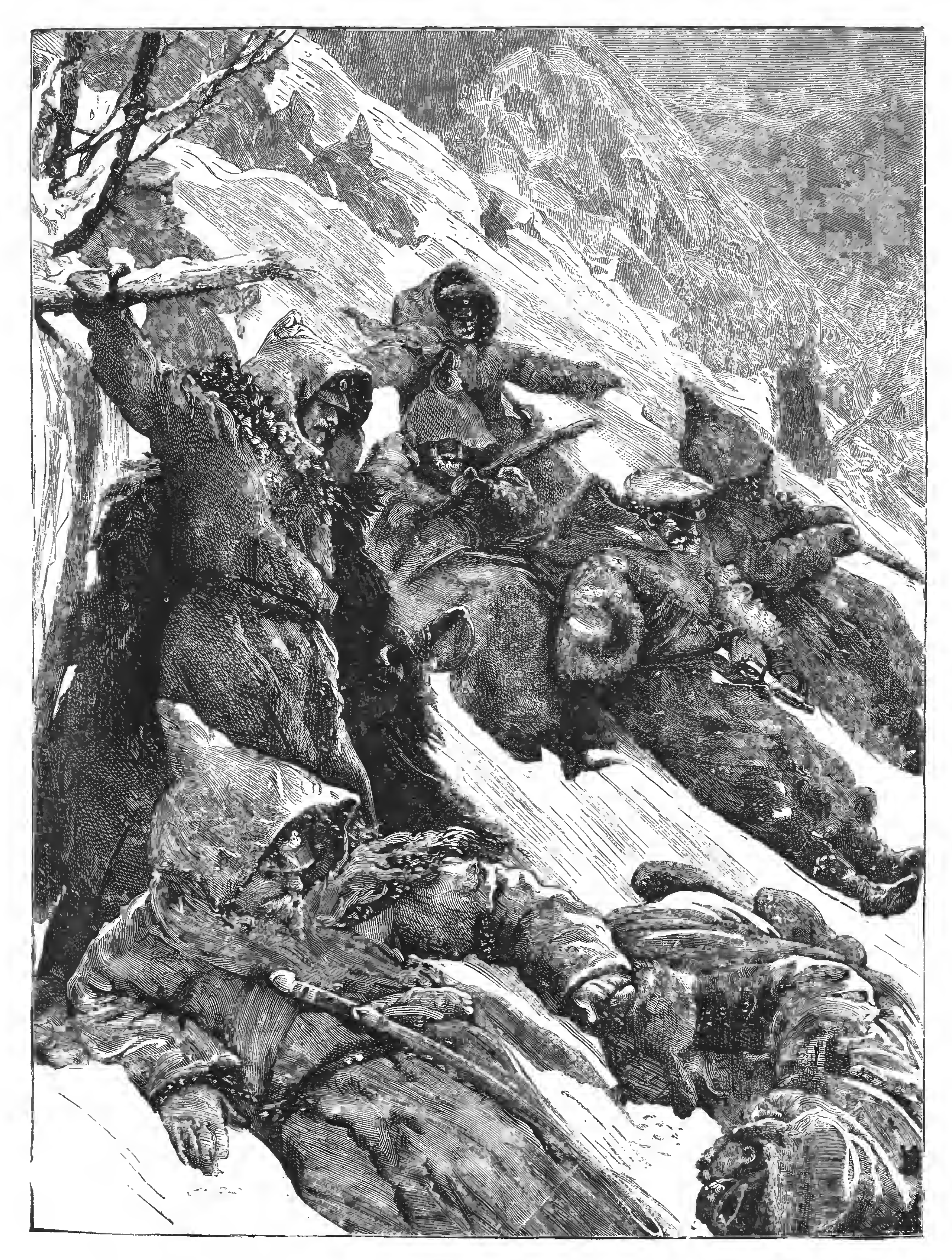
Онъ подошелъ къ Ксеніи; та, не спуская съ него глазъ, тоже взяла священный хлѣбъ.

— А гдѣ-же королена Марѳа Владиміровна? спросилъ онъ.

— Вышла должно быть, сказала Ксенія.—Ты давно-ли здѣсь?

Переѣздъ русскаго курьера черезъ Дунай во время ледохода. По рисунку въ I. L. N. грав. К. Вейерманъ.

Эпизодъ изъ нашего зимняго перехода черезъ Балканы. По рисунку „Graphic“. грав. Рашевскій.
— Смѣлѣй, братцы, спускайся прямо: на своихъ-на двоихъ!

— Съ утра, царевна, съ ранняго. Все у воеводы, князя Григорія, сидѣлъ, какъ бы отвѣчая на какой-то вопросъ прибавилъ онъ. Я на счетъ вспомогательной рати и вѣсть принесъ.

— Писемъ нѣтъ-ли? спросила царица.

— Нѣтъ, государыня,—до тебя нѣтъ. А къ царевнѣ отъ тетеньки имѣется посланіе.—Только,—онъ исподлобья глянулъ на Ксенію:—только я его въ келейкѣ позабылъ; такъ ужь дозволь, царевна, послѣ тебѣ на домъ принести.

— Приноси, сказала она какъ будто мимоходомъ.

— Слушай, Алешка,—что у воровъ-то въ Тушинѣ? спросила Марѳа.

— Извѣстно что,—разбой, грабежъ,—весело отозвался онъ, и лицо его нисколько не гармонировало съ тѣмъ, что онъ говорилъ.—Никогда и не видано на Руси срамоты такой. Такія дѣла творятся, что и-и Господи!

— Маринка-то, Маринка гдѣ?

— Маринка въ лагерѣ у вора.

— Признала его мужемъ-то?

— Говорятъ, признала...

— Ты не бывалъ тамъ у нихъ?

— Богъ миловалъ—не приходилось.—Онъ запнулся на минуту.—Женщину одну... знакомую въ полонъ тушинцы взяли,—сродственница отчасти. Вотъ, можетъ, выкупать ее придется, такъ побываю тамъ.

— На Москвѣ что?

— Шатость.

— Про Скопина что-то много говорятъ?

— Этотъ постоитъ.

— Сказываютъ, уменъ... Не мѣсто здѣсь калякать-то... Ты зайди ужотка ко мнѣ, поспросить тебя кое о чемъ желательно.

— Какъ удосужусь—зайду.

— Ты сюда надолго-ли?

— А не знаю, какъ дѣла... Можетъ и скоро уйду, а можетъ и повременю.—Онъ посмотрѣлъ на Ксенію.

— Такъ придешь?

— Сегодня же, послѣ вечеренъ.

— А ты мнѣ письмо хоть пришли черезъ кого,—сказала Ксенія, сдѣлавъ шага два въ сторону, и не смотря на него.

— Принесу царевна, самъ лично занесу, только за письмомъ сбѣгаю.

Марѳа опять остановила его съ какими-то распросами, а Ксенія, не оборачиваясь, пошла приложиться къ мощамъ угодника, почивавшимъ въ великолѣпной серебряно-вызолоченой ракѣ, устроенной покойнымъ царемъ, Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

XIX.

Царевна Ксенія Борисовна родилась и выросла при блестящемъ дворѣ Іоанна, окруженная съ самаго дѣтства сказочной восточной роскошью дворца. Ея отецъ—сперва любимецъ Ивана Васильевича, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ казней и пытокъ, потомъ правитель государства при царѣ Ѳеодорѣ, наконецъ самъ единодержавный властитель всея Руси,—человѣкъ чрезвычайно умный, съ всеобъемлющимъ, широкимъ взглядомъ на жизнь, и на строй государства,—по мѣрѣ силъ старался дать дочери и сыну возможно лучшее образованіе. Мечтая поднять умственный уровень всего народа, завести въ Москвѣ университеты, имѣть по всѣмъ отраслямъ науки и искусствъ своихъ мастеровъ, а не выписывать ихъ изъ-за границы, онъ конечно тѣмъ болѣе заботился о дѣтяхъ. Результатомъ его заботъ было то, что молоденькая Ксенія была больше старыхъ бояръ „писанію книжному искусна", говорила плавно, красиво, и при томъ любила пѣніе: „гласи воспѣваемыя любляше". Мало того она сама была поэтомъ—ея пѣсни, тихія, грустныя, задушевныя, не только пѣлись ею, но и въ народъ переходили. Впрочемъ эти пѣсни принадлежали болѣе къ позднѣйшему періоду ея жизни—когда уже всѣ радости для нея минули.

А въ началѣ жизнь заманчиво раскидывалась передъ нею, обѣщая блестящую будущность. Про нее только и говорили, что она была „разума замѣчательнаго, красоты необыкновенной, во всѣхъ жепахъ благочиннѣйшая, и во всѣхъ дѣлахъ совершенная". Въ заздравныхъ тостахъ ее называли „прекрасно-цвѣтущей, младоумножаемой вѣтвью царскаго произрощенія". Слухъ о ней переходилъ даже границы Россіи,—Борисъ ихъ нарочно распускалъ—онъ хотѣлъ найти для Ксеніи жениха изъ знатнѣйшихъ царственныхъ родовъ Европы. Да и кто-же въ Россіи могъ быть достоинъ чести стать ея мужемъ, ея, на рѣдкость образованной, изъ женъ благочиннѣйшей красавицы-царевны?

И вотъ въ московскомъ кремлѣ появляется „заморскій" женихъ, датскій принцъ Іоаннъ, въ аломъ атласномъ платьѣ съ канителью, въ пуховой шляпкѣ съ кружевами, въ шелковыхъ чулочкахъ и синихъ сапожкахъ сафьянныхъ. На него смотрятъ какъ на чудо заморское, никакъ не могутъ понять его обращенія. При встрѣчѣ съ боярами, онъ приподнимаетъ шляпу, ножкой шаркаетъ и протягиваетъ руку, бояре даже начинаютъ обижаться:—мы, де, холопи, того не достойны, королевичъ не по достоинству съ нами обращается. А королевичъ и не подозрѣваетъ, что обижаетъ ихъ, бьетъ себѣ въ утѣху утятъ изъ самопаловъ, а по вечерамъ слушаетъ свою музыку—цимбалы, литавры и сурны. Царь Борисъ не придерживался строго старинныхъ русскихъ обычаевъ, и позволилъ видѣться жениху съ невѣстой. Ксенія всей своей первой дѣвической любовью полюбила жениха, тоже еще очень молодого, красиваго. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени его пріѣзда въ Москву, какъ его продуло холоднымъ октябрскимъ вѣтромъ, онъ слегъ въ постель, сдѣлалась съ нимъ горячка и умеръ онъ на горе всѣмъ, а больше всего на горе царевны.

Сталъ Борисъ подыскивать новаго жениха: сперва въ Австріи и Англіи, потомъ въ Грузіи; дѣло какъ-то не ладилось, и только черезъ два года послѣ смерти датскаго принца, завязалось сватовство съ герцогомъ Шлезвига. Но не суждено было Ксеніи стать герцогиней Шлезвигской: явился въ это время тотъ призракъ, что смутилъ всю Русь, свелъ въ могилу ея отца, погубилъ всю семью — призракъ давно убитаго царевича Дмитрія. Семья Годуновыхъ, такъ высоко вознесенная судьбой, была сброшена съ этой высоты, и какъ внезапно появилась на страницахъ русской исторіи, такъ внезапно и исчезла, безъ слѣда, на вѣки.

Борисъ умеръ какой-то таинственной смертью. Однажды онъ всталъ веселый, здоровый, болѣе твердый чѣмъ всегда для борьбы съ неизвѣстнымъ самозванцемъ, былъ у обѣдни. Послѣ службы принималъ въ золотой палатѣ иноземныхъ пословъ, угощалъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ, и самъ покушалъ съ такимъ аппетитомъ, что даже тяжело ему стало. Потомъ онъ отправился на свое обычное мѣсто—кремлевскую вышку, съ которой вся Москва была какъ на ладони, со всѣми своими соборами, теремами, башнями, мельницами и садами. Вдругъ ему на верху сдѣлалось дурно, онъ быстро сошелъ внизъ, послалъ за докторомъ и все повторялъ—„колетъ, колетъ!". Сбѣжались доктора, духовенство, патріархъ, у больного хлынула кровь изъ ушей и носа; его кое-какъ пріобщили, и надъ полумертвымъ свершили обрядъ посхимленія. Въ три часа пополудни его не стало. Его лицо почернѣло, носило слѣды страшныхъ предсмертныхъ страданій.

„Отравился"!.. пронеслась молва въ народѣ: „вотъ расплата за всѣ его преступленія—смерть царевича Дмитрія, сестры Ирины, царя Ѳеодора, королевича Іоанна, —онъ и ихъ всѣхъ отравилъ". Семьдесятъ тысячъ рублей было назначено на раздачу милостыни въ теченіи сорокоуста ради успокоенія души его. На слѣдующій же день по-

слѣ смерти тѣло было предано погребенію въ Архангельскомъ соборѣ. Народъ цѣловалъ крестъ брату Ксеніи, и на престолѣ появился пятнадцати-лѣтній Ѳедоръ, очень похожій на сестру, полный, бѣлый лицомъ, черноглазый, умный, начитанный, знакомый и съ географіей и всякимъ „философскимъ естествословіемъ“. Но не долго царилъ онъ. Москва перешла на сторону самозванца, толпа ворвалась во дворецъ, Ѳедора варварскимъ образомъ умертвили, мать его задушили, и объявили народу, что они „отравили себя ядомъ“.—„Смотрите, други, какова кончина творящихъ беззаконіе“, восклицалъ современный лѣтописецъ: „ту же чашу, которую для другихъ наполняютъ и самимъ приходится испивать“!..

Ксенія осталась одна, совершенно одна во всей Москвѣ, превратившись изъ сказочной царевны въ самую простую несчастную дѣвушку. Ее перевезли въ домъ Рубецъ-Мосальскаго и оставили тамъ до поры до времени. Она въ страхѣ притаилась тамъ, ждала что будетъ, съ ужасомъ слыша, что вынули изъ Архангельскаго собора тѣло ея отца и зарыли его въ убогомъ монастырѣ за Неглинной, вмѣстѣ съ трупомъ ея матери и брата, безъ обряда, какъ самоубійцъ, наложившихъ на себя руки. Со дня на день ждали въ Москву самозванца; Ксенія чуяла, что отъ него добра ей не будетъ и кончится все дѣло постриженіемъ. Какъ птичка тоскуетъ и плачетъ, видя что ея гнѣздо разоряютъ, такъ и Ксенія, по ея собственному сравненію, рыдала на пролетъ цѣлыя ночи.—Что будетъ, что будетъ! думала она. Прошла жизнь, радости, впереди одно горе. За что погибаетъ все царство, за что погибаю я, за отцовскіе-ли грѣхи, за немоленье-ли матери?.. Придетъ сюда самозванецъ, велитъ меня постричь въ чернички, а я не могу, не могу идти въ монастырь... Мнѣ на просторъ хочется изъ темныхъ келій... Я замужъ хочу...

И лилась ея заунывная, мелодичная пѣсня на эту тему, съ безчисленными варіантами. То представлялось ей, какъ невѣдомый бродяга поселится въ ихъ высокихъ, свѣтлыхъ теремахъ, какъ наступитъ тамъ новая жизнь, совсѣмъ непохожая на то „царское житье“, что было до сихъ поръ. Куда они дѣваютъ наши браны убрусы,—березы ими что-ли крутить будутъ, развѣшивать по сучьямъ серьги яхонтовыя, лѣсъ застилать золотыми ширинками? недоумѣвала она. То живо представляла она, какъ ее отошлютъ куда-нибудь на Устюжину „въ рѣшотчатый садъ“, и она, царевна, будетъ съ низкимъ поклономъ переступать порогъ кельи игуменьи, смиренно просить ея благословенія“... И лились вмѣстѣ и рыданія и пѣсни...

И вотъ самозванецъ въ Москвѣ. Ксеніи велятъ готовиться къ пріему: ее желаетъ видѣть ея мнимый дядя, дядя потому, что родная тетка Ксеніи была замужемъ за Ѳедоромъ Іоанновичемъ, а Димитрій считался его братомъ. Племянница, съ красными отъ слезъ глазами, еще больше прелестная отъ этого, является предъ своимъ рыжеватымъ, разнорукимъ, съ двумя бородавками на лицѣ дядей. Онъ ее утѣшилъ, обѣщалъ ей покровительствовать, заѣзжать часто. И точно началъ онъ посѣщать ее даже слишкомъ часто: ему ужасно нравились ея заплаканные глазки... Могла ли ему сопротивляться беззащитная дѣвушка?..

Дошли объ этомъ слухи до Марины и полетѣлъ въ Москву гонецъ отъ пана Мнишка съ посланіемъ: „Есть у вашей царской милости недруги, что о вашемъ поведеніи дурную молву пускаютъ; хотя у людей болѣе разсудительныхъ эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться отъ всякихъ поводовъ, и такъ какъ Ксенія, дочь Бориса, живетъ вблизи васъ, то по моему и благоразумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее отдалить отъ себя и отослать подалѣе“.

Черезъ нѣсколько недѣль Ксенія превратилась въ старицу Ольгу и была отправлена на Бѣлоозеро.

Прошелъ годъ. Прахъ ея дяди разстрѣляли, на престолѣ появился Шуйскій, и тотчасъ же новый призракъ появился гдѣ-то,—опять воскресшій Димитрій, опять рѣзня и смуты. Шуйскій опять вырылъ трупы семьи Годуновыхъ и съ великолѣпіемъ перенесъ ихъ въ Троицкій монастырь. Ксенія съ плачемъ можетъ быть въ третій разъ хоронила отца, и послѣ похоронъ осталась на житье въ Лаврѣ.

Съ житьемъ въ Лаврѣ она свыклась, на сколько можетъ вообще человѣкъ, знавшій когда-то, что значитъ свобода, свыкнуться съ неволей. Она поняла, что жизнь ея кончена, что та жизнь, которою она теперь живетъ, въ которой одинъ день какъ двѣ капли воды похожъ на другой, и конца этимъ днямъ не предвидится,—что это не жизнь, а какое-то преддверіе смерти, лишенное всякой суеты, движенія,—всего того, чѣмъ отличается жизнь отъ смерти. Осада оживила монастырь; постоянный страхъ смерти сначала пугалъ царевну, но потомъ она привыкла къ нему, стала равнодушно относиться къ выстрѣламъ, крови, умирающимъ. Но если съ одной стороны ея нервы закалялись къ этимъ внѣшнимъ проявленіямъ людскихъ раздоровъ, то съ другой стороны ее безконечно раздражали монастырскія сплетни и распри.

Изъ Москвы отъ ея тетки, когда то очень мало принимавшей участія въ ея судьбѣ, приходили иногда письма, и доставлялъ ихъ всегда Алексѣй. Красивый, очень приличный по тогдашнему, парень—почтительный, начитанный—нравился на безлюдьи Ксеніи, нравился настолько, что она ему собственноручно медъ подносила и удостоивала разговоромъ. Дальше этого, конечно, дѣло не шло, хотя Алексѣй таялъ передъ ней, по собственному выраженію, „яко таетъ воскъ отъ лица огня“. Его поражала и ея красота, и умъ, и разговоръ. Онъ даже разъ напѣвъ ей показалъ какой-то особенный и она за нимъ повторяла,—у обоихъ голоса были великолѣпные. Въ монастырѣ смотрѣли на эти посѣщенія какъ на дѣло совершенно не предосудительное, хотя Ксенія и считалась черничкой; всѣ знали, что она все-таки царевна и пострижена насильно, да вдобавокъ и некогда было въ общей суматохѣ думать о приличіяхъ.

Алексѣй довольно долго мылся и чесался, прежде чѣмъ рѣшился предстать предъ свѣтлыя ея очи. Кафтанъ онъ почистилъ, шапку встряхнулъ, бороду разгладилъ, письмо за пазуху сунулъ, и селезнемъ поплылъ черезъ дворъ къ кельѣ Ксеніи.

XX.

Алешка былъ человѣкъ галантный, настолько галантный, что даже носилъ съ собою носовые платки. Да и не мудрено: онъ вращался въ самыхъ аристократическихъ слояхъ общества, и умѣлъ ѣсть вилкой, хотя и обтиралъ губы о край скатерти. Теперь, когда онъ вступилъ въ заповѣдную келейку, и сталъ молиться на образа, изъ его шапки торчалъ новенькій платочекъ изъ тафты съ золотой бахромой. Видно было, что онъ въ первый разъ его обновляетъ.

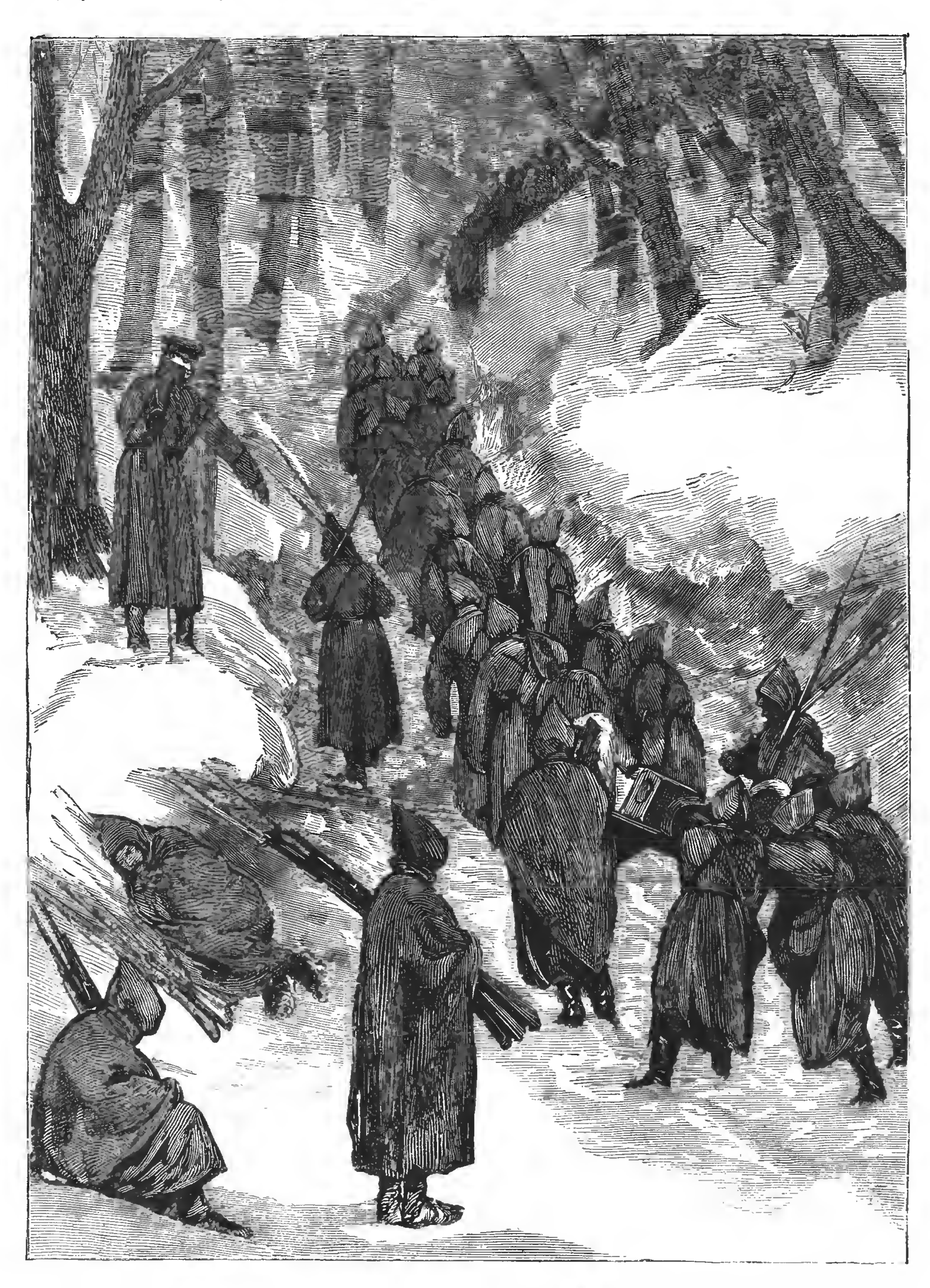
Ксенія встрѣтила Алешку, ласково глядя на него своими добрыми глазками. Онъ носъ утеръ тафтицей, полѣзъ за пазуху, вытащилъ оттуда писульку, писанную удивительными каракулями и завитушками, и царевнѣ подалъ. Царевна взяла ее, служанку крикнула и велѣла принести себѣ морсу кувшинчикъ: „совсѣмъ-де отъ службы разморило—испить охота, да и посла не худо бы медкомъ монастырскимъ угостить“. Посолъ у притолки остановился въ почтительной позѣ, памятуя предписанія „Домостроя“: „исполняя порученіе, носа перстомъ не копать, не кашлять—вѣжливенько стоять и

на сторону не глядѣть". Царевна сѣла у окна и принялась за чтеніе.

— Вотъ пишетъ тетушка,—заговорила она, прочтя письмо,—спрашиваетъ каково мнѣ—хорошо ли... Чего спрашивать, будто не знаетъ, что я еле жива, больна

— Докладывалъ, докладывалъ, государыня; говорю—совсѣмъ жизнь распрегорькая... Утѣхъ мало.

— Да, утѣхъ,—какъ будто про себя сказала она. Передъ окнами мальчишки гору устроили, катаются—вотъ и утѣха.

Эпизодъ изъ нашего зимняго перехода черезъ Балканы. По рисунку „Graphic". грав Вейерманъ.
— Дружнѣй, братцы. тяни ровнѣе. Не бойся горы: „крута гора забывчива".

совсѣмъ, и жизни впередъ не чаю—съ часу на часъ смерти жду; въ осадѣ шаткость, измѣна великая... Говорилъ ты ей?

— А сама, государыня, ты не катаешься?

— Гдѣ мнѣ!... Да и не позволятъ. Намедни дѣвки на доскѣ качаться стали, такъ ихъ спугнули,—не такое де время.

Предъ первою разлукой съ матерью. Картина Брукъ-Ляоса, грав. Паннемакеръ сынъ.

— А чтобы кажется,—глубокомысленно замѣтилъ онъ.
Они помолчали.
— Въ Москвѣ сказываютъ,—начала Ксенія, всякое почитаніе къ царю потеряли...
— Это такъ, отвѣтилъ Алешка.
— Играютъ имъ, ровно ребенкомъ малымъ.
— Играютъ, государыня.
— Не то, что при батюшкѣ покойномъ, въ строгости, почтеніи и страхѣ великомъ...
— Гдѣ ужъ!
— Сказываютъ, что и казни бываютъ.
— Всего бываетъ.
— Недоброжелателей казнитъ, или всѣхъ, кто подъ руку подвертывается.
— Разно... случается...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Переправа чрезъ Дунай во время ледохода.

Помѣщаемый рисунокъ служитъ, какъ-бы, подтвержденіемъ давно извѣстной истины, что препятствій тамъ, гдѣ ихъ нужно преодолѣть, для русскихъ быть не можетъ.

Представляемъ себѣ сцену, возможную при такомъ случаѣ, какъ переѣздъ чрезъ громадный Дунай во время ледохода.

— Какъ плыть, задумчиво соображаютъ, напримѣръ, собравшіеся около прибывшаго къ берегу курьера.

— Плыть надо, коротко говоритъ онъ, не смотря даже на рѣку и не провѣряя опасеній, на которыя ему указываютъ.

— Гм... Плы-ы-ть.—Но вѣдь ледъ идетъ густо...

— Ну что-же, идетъ, такъ пусть идетъ... Мнѣ нужно переплыть на тотъ берегъ... И потому, разговаривать нечего и время тратить нечего: становись на паромъ—и съ Богомъ!..

— А затретъ льдомъ, тогда что дѣлать?.

— Тогда и посмотримъ что дѣлать, а теперь съ Богомъ!.. Нужно плыть—и значитъ шабашъ.

— Гм.. Это точно!.. Справедливо... Да вѣдь пожалуй, затретъ и невыбраться потомъ... Вотъ, вѣдь, какъ густо валитъ, сплошной кучей такъ и прetъ...

— Ну, ну, ну... уже нетерпѣливо понуждаетъ курьеръ,—время идетъ, ждать некогда... Вставай на мѣсто—и трогай...

— Это точно... Нечего ждать, когда нужно на тотъ берегъ. По воздуху не перелетишь... Вали ребята, Отчалива-а-й!

И пошелъ паромъ на ту сторону и затираетъ его льдинами, только трескъ идетъ; работаютъ багры, напрягаются мускулы людей, отталкивающихъ льдины, и покрикиваетъ курьеръ, самъ готовый схватиться за багоръ, что-бы оказать помощь работающимъ.

Такъ пробираясь между льдами, паромъ хотя и медленно, но все-же приближается къ противуположному берегу Дуная,—и Богъ милостивъ, доберется.

Эпизоды изъ нашего зимняго перехода чрезъ Балканы.

Нашъ зимній переходъ чрезъ Балканы, совершенный при невимовѣрныхъ трудностяхъ, конечно, займетъ, по своему значенію, видное мѣсто въ исторіи настоящей войны и въ памяти отдаленныхъ вѣковъ онъ будетъ служить указаніемъ на удивительные свойства русскаго человѣка, способнаго преодолѣвать, казалось бы, непреодолимыя трудности.

Мы уже имѣли случай помѣстить въ „Нивѣ“ два рисунка, изображающіе эпизоды изъ зимняго перехода чрезъ Балканы (см. „Ниву“ № 3, стр. 49, и № 5 стр. 88), при чемъ дали свѣдѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ и съ какими трудностями былъ совершенъ этотъ переходъ (отъ Орханіэ на Чурьякъ и отъ Врачеша на Умургачъ и Жиляву). Теперь, помѣщая еще два рисунка, составляющіе то же эпизоды изъ знаменитаго перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы, разскажемъ здѣсь, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ „Прав. Вѣстн.“, о перевалѣ чрезъ главный центральный хребетъ Балканскихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, которое носитъ названіе „Троянова прохода“.

Для этого перехода былъ сформированъ 20-го декабря особый отрядъ, названный „Троянскимъ“ (командиръ-генералъ-лейтенантъ Карцевъ).

Прежде всего нужно замѣтить, что въ виду тѣхъ трудностей, какія предстояло преодолѣть Троянскому отряду, почти невозможно было разсчитывать на успѣхъ предпріятія, ибо ни Этропольскій хребетъ, ни Шипкинскій перевалъ, не смотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ имѣть никакого сравненія съ Троянскимъ Балканомъ, составляющимъ, послѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ горъ Балканскихъ. Нужно припомнить, что Мара-Гайдукъ возвышается на 6,900 фут., а Троянъ на 6,600 фут. надъ уровнемъ моря. И такъ какъ держаться зимою на Мара-Гайдукѣ нѣтъ никакой возможности, то онъ, по оказавшимся развѣдкамъ, оставленъ турками, и мы не дѣлали попытокъ къ переходу въ этомъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что Мара-Гайдукъ зимою непроходимъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону.

Мѣстные жители называютъ Мара-Гайдукъ „Деримагаре“ или „смерть магарса“ (гибель дляословъ) и одно уже это названіе указываетъ на мученія, которыя должны испытывать путешественники, когда самыя выносливыя животныя не выдерживаютъ трудностей подъема и гибнутъ на пути. И Каницъ и графъ Мольтке считаютъ Трояновъ проходъ невозможнымъ для военнаго движенія. Здѣсь тысячелѣтіе назадъ безслѣдно гибли побѣдоносные римскіе легіоны, здѣсь не могли пройти и турки—покорители Византіи и царства Болгарскаго, и вдругъ небольшой горсти нашихъ храбрыхъ воиновъ пришлось одолѣть этотъ трудный, недоступный путь. Пути, собственно ведущаго на перевалъ—нѣтъ, да никогда и не было: старая римская дорога шла въ обходъ, а на вершину Трояна ведетъ лишь узкая тропинка среди пропастей и разсѣлинъ, зимою занесенная глубокими снѣгами. Стоитъ только легкому вѣтерку подняться въ долинѣ, какъ цѣлая буря загудитъ на вершинѣ, мятелью и вьюгою, заметая слѣдъ, застилая свѣтъ. Здѣсь уже страшенъ не противникъ и его грозныя укрѣпленія, но страшна борьба съ самой природой. Вершина же представляетъ изъ себя совершенно голый черепъ; нѣтъ на ней ни деревца, ни кустика, не изъ чего и костеръ разложить, негдѣ и укрыться.

Всѣ эти соображенія страшили нашихъ генераловъ, сознававшихъ тѣмъ не менѣе, что демонстрація на Троянѣ представлялась мѣрою въ стратегическомъ отношеніи на столько важною, что рѣшено было испытать всевозможное для достиженія успѣха.

Къ 11 часамъ утра 22-го декабря въ Княжевицкія колибы (хутора) начали подтягиваться войска: но своевременный сборъ пѣхоты, а въ особенности артиллеріи крайне затрудняла дорога, которая, начиная отъ разрушеннаго города Трояна, тянется вплоть до колибъ по извилистому ущелью, то взбѣгая на карнизы скалъ, то спадая въ глубокія лощины, и дважды пересѣкаетъ въ бродъ кипучую и быструю Бѣлую Осму.

Вся эта мѣстность необычайно красива, съ высокими скалами и роскошной растительностію: виноградники, сады, плантаціи въ перемежку съ лѣсами покрываютъ склоны горъ, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны отдѣльные домики, дворы, хозяйства—это и есть „колибы“.

Артиллерія подошла только къ вечеру, но тутъ, чтобы перевести ее въ бивуачное мѣсто, встрѣтилась масса затрудненій: каждый передокъ, каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ надо было перетаскивать отдѣльно на рукахъ, поднимаясь надъ пропастью, по узкой дорожкѣ, шириною шага въ два. Но всѣ эти затрудненія преодолѣвались съ такою ровною, спокойною настойчивостью, какъ будто бы затрудненій въ самомъ дѣлѣ никакихъ не было. Слышались при этомъ, какъ передаютъ очевидцы, даже веселыя шутки, остроты, смѣхъ.

— Дружнѣй, братцы, держи ровнѣе... кричитъ, напримѣръ, кто-нибудь изъ заботливыхъ, и тотчасъ же, видимо для того, чтобы „оживить“ свои окрикъ, добавляетъ: не ушиби пушку: неравно заболѣетъ.

— Ничего, не заболѣетъ,—подхватываетъ другой, — закашляетъ развѣ только...

— Кашель у ней природной...

— Это ей на пользу...

Такъ подхватываютъ солдаты другъ друга на словахъ и какъ бы не замѣчаютъ трудностей. И тамъ, гдѣ только чуть начинаетъ себя выдавать эта трудность, опять кто-нибудь кричитъ утѣшеніе:

— Не бойся, братцы, вывеземъ!..

— Э! не бѣда: крута гора—забывчива...

— А ну съ Богомъ!..

Но усталость таки давала себя знать и въ помощь измученнымъ артиллеристамъ пришлось придать цѣлую роту пѣхоты; вся работа производилась при свѣтѣ костровъ и фонарей, началась она въ 7 часовъ вечера, а окончилась едва въ половинѣ 12 ч. ночи. Тутъ уже артиллеристамъ было не до сна: по приходѣ на бивуакъ, они тотчасъ же принялись разбирать по частямъ два девяти-фунтовыхъ орудія, предназначенныя на вершину Трояна.

Они быстро сдѣлали разборку орудій на составныя части, уложили пушки на дубовые лубки, а передки, лафеты, колеса и прочія принадлежности распредѣлили по особымъ салазкамъ: но тутъ, на бѣду, оказался недостатокъ въ веревкахъ для закрѣпленія всѣхъ этихъ частей и для устройства лямокъ. Пришлось на скоро посылать нарочныхъ въ городъ Троянъ за казачьими „фуражирками“, которые хотя и поздно подоспѣли на мѣсто, но все же выручили изъ затруднительнаго положенія. Саперы помогали увязывать артиллерійскія принадлежно-

сти, и вся эта работа кипѣла ночью, при освѣщеніи отъ пылавшихъ костровъ.

Видъ бивуака вообще былъ чрезвычайно эффектенъ и живописенъ: артиллерія, казачьи сотни, стрѣлки и болгарскіе „войники“ съ своимъ краснымъ крестоносвымъ знаменемъ, сверкающіе штыки—все это, озаренное снизу яркимъ огнемъ костровъ, представляло прекрасную картину... Слышался металлическій лязгъ оружія, разнообразный бойкій говоръ русскихъ солдатъ и болгарскихъ „братушекъ“, по временамъ раздавались голоса офицеровъ, отдававшихъ приказанія — то вдругъ прорвется взрывъ хохота, то изъ темноты рявкнетъ оселъ... а тутъ же лежатъ и жуютъ жвачку волы и зябкіе буйволы въ попонахъ, стоятъ и дремлютъ надъ ворохами сѣна вьючные мулы и верховыя лошади.

— А что, братцы, какъ здѣсь, теперича, въ этой сторонѣ на счетъ звѣрья, слышится вдругъ среди тишины вопросъ.

— Звѣрья, здѣсь, надо полагать, бѣдновато; турка раззорилъ чай и звѣрье все...

— Вотъ ему за это скоро усмиреніе выйдетъ...

Говоръ то затихаетъ, то усиливается. Вѣковые дубы, буки и яворы недвижно простираютъ свои могучія вѣтви.

Такія картины не забываются.

Болгары были въ восторгѣ отъ намѣренія русскихъ перейти Балканы и вмѣстѣ съ ними они, бѣглецы, опять возвращались въ покинутыя мѣста своей родины и возвращались съ оружіемъ въ рукахъ, какъ свободные люди, а не турецкая райя.

Артиллерія, однакоже, не могла двинуться съ мѣста ранѣе 8 часовъ, когда уже свѣтало. Стрѣлки же выступили еще ночью, и чтобы не сбиться имъ съ дороги, были высланы заранѣе особыя команды на важнѣйшіе пункты пути, на которыхъ и разожгли костры, служившіе стрѣлкамъ путеводными маяками. Величайшихъ усилій стоило подвять артиллерію на первую же кручу. Въ лубки и въ салазки, которыхъ всего было восемь, впряглось по нѣсколько буйволовъ, но задача этихъ животныхъ состояла не въ томъ, чтобы везти, а въ томъ, чтобы только удерживать на мѣстѣ тяжести, не давая имъ скатываться внизъ, когда люди запряженные въ лямки, выбившись изъ силъ, пріостанавливались минутку на подъемѣ. Къ каждымъ салазкамъ приставлено было по шестидесяти человѣкъ четниковъ-болгаръ, пѣхотинцевъ и казаковъ, которые, чередуясь между собою въ двѣ смѣны, тащили эти повозки спереди и подпирали ихъ плечами съ боковъ и сзади. Для этого потребовалось двѣ пѣхотныхъ роты и двѣ сотни, да кромѣ того саперную роту разбили на отдѣльныя команды, придавъ ихъ особо къ каждымъ салазкамъ, для разработки и уширенія дороги, если на ней встрѣчалось какое-либо препятствіе. А препятствій было множество на каждомъ шагу, и притомъ самыя разнообразныя: то корни деревьевъ, то цѣлый громадный стволъ поваленный бурей, то глыба огромныхъ камней, или острыя зубчатыя плиты, то мелкій щебень, обсыпающійся подъ ступней, то ямины, словомъ поминутно приходилось браться за лопаты, ломы, топоры. Люди, собравъ всѣ силы, напрягаются, чтобы придвинуть орудіе на нѣсколько аршинъ впередъ: налягутъ всею гурьбою на лямки, протащатъ пять, шесть шаговъ и станутъ для передышки, или ждутъ пока саперы впереди и вокругъ кончатъ какую-нибудь работу.

— Ну-ка дружнѣй, братцы!

— Тронемъ, приналягъ товарищи,—покрикиваютъ солдаты, поощряя другъ друга.

— Сто-ой!.. Дай „передыхнуть“ разокъ, другой!..

„Передыхнутъ“ такъ-то, да и опять слышно:

— А ну-ка вдругъ! А ну-ка еще...

И опять чрезъ полминуты:

— Сто—ой! Дай передыхнуть!..

Особенно затрудняли движеніе передки и зарядные ящики, съ которыхъ не было возможности снять осей, слишкомъ прочно и сложно прилаженныхъ въ арсеналахъ къ корпусамъ передковъ и ящиковъ. Гулъ, стукъ, трескъ и клики и извѣстная наша „дубинушка“ и болгарское „гуканье“ гулко раздавались по лѣсамъ балканскихъ горъ.

На высотахъ воздухъ становился все рѣже и порою дѣлалось трудно дышать. Холодъ сталъ также ощутительнѣе. Можно было серьезно опасаться, удастся ли благополучно достигнуть цѣли и, главное, протащить артиллерію. Здѣсь и горнымъ-то орудіямъ на вьюкахъ едва-едва можно пробираться, а тутъ приходилось тащить тяжелыя, дальнобойныя 9-ти фунт. пушки со всѣми ихъ принадлежностями. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ особенно скользкій скатъ и все это—и тяжести, и люди мгновенно должны были полетѣть въ ужасныя пропасти.

Достигнувъ наконецъ подножія Троянскаго перевала, страшно даже было взглянуть на то, что еще предстояло впереди. Какъ мы уже и ранѣе сказали, вершина съ подъемомъ въ 70 градусовъ, точно голый черепъ, стояла впереди, вся занесенная снѣгомъ, изъ-подъ котораго торчкомъ выглядывали черныя глыбы скалъ, покрытыя гололедицей.

Имѣя въ виду слѣдованіе кавалеріи, орудій, снарядныхъ и патронныхъ вьюковъ, надо было по возможности облегчить для нихъ трудности этого невозможнаго подъема, а потому и пролагать путь приходилось не иначе какъ зигзагами. Явилась мысль воспользоваться путемъ стрѣлковъ, но оказалось на дѣлѣ, что стрѣлки поднялись цѣликомъ по прямой линіи. Такимъ образомъ приходилось пролагать новый путь и для этого надобно было намѣтить направленіе линій зигзаговъ для болгаръ, разрабатывавшихъ путь. Офицеры отправились впередъ рабочихъ и, буквально, собственною грудью пролагали дорогу, возвращаясь поминутно назадъ, чтобы руководить работами болгаръ.

Въ примѣръ, какъ опасны скалы, приводимъ слѣдующее обстоятельство: высунулся, напримѣръ, изъ-подъ снѣга каменный кряжикъ въ полъ-аршина шириною и тянется впередъ на нѣсколько саженъ,—вотъ, думается, твердая почва, вотъ гдѣ удобно проложить дорогу, но чуть оступилась нога, чуть сдѣланъ одинъ невѣрный шагъ въ сторону—и неизбѣжное паденіе въ рыхлый снѣгъ, изъ котораго уже безъ посторонней помощи нѣтъ возможности выбраться.

Лишь только удавалось проложить одну линію зигзага, на нее тотчасъ же вступали казаки головной сотни, шедшіе за болгарами вслѣдъ. Именно такимъ способомъ и совершалась разработка дороги и подъемъ по ней войскъ.

Ужасы спуска были еще горше и труднѣе ужасовъ подъема. Войска шли по снѣжной цѣлинѣ, куда Богъ приведетъ, стараясь только держать направленіе къ сѣверу, опредѣляемому звѣздами. Утопая въ снѣгахъ, скользя на крутизнахъ и въ этомъ неудержимомъ стремленіи валясь съ размаху на снѣгъ, обгоняя другъ друга и кубаремъ перекидываясь сверху одинъ чрезъ другого, солдаты цѣлыми вереницами скатывались внизъ и никто изъ нихъ не видѣлъ и не зналъ, куда онъ скатывается. Ухватиться, удержаться было не за что, каждый скатывается на собственной спинѣ до того мѣста, гдѣ ноги случайно задержатъ его движеніе, упершись въ какой-нибудь выдавшійся камень или земляное возвышеніе.

И несмотря на усталость и холодъ, все-таки поддерживалось бодрое настроеніе духа.

Слышались по временамъ и шутки:

— Смѣлѣй, братцы, ка—та—ай!..

— Дорога распрелюбезная, и сани не купленныя, и пара собственная, при самомъ, значитъ, себѣ.

— Эй! береги—и—сь, отчаливаю!

— На чаекъ бы съ вашей милости, смѣясь говоритъ кто-то, наткнувшись на товарища при спускѣ и осыпая его съ головы до ногъ снѣгомъ.

При этомъ не прошло и безъ неожиданностей: при случайномъ паденіи на камни раздалось одинъ за другимъ два выстрѣла изъ нашихъ же собственныхъ ружей. Хорошо еще то, что выстрѣлы эти не причинили никому вреда и не произвели между войсками смятенія.

„Утомленіе,—говоритъ корресп. „Прав. Вѣстн.“,—было столь велико, что многіе, присѣвъ для отдыха, тутъ же засыпали, и товарищамъ требовалось не мало усилій, что бы ихъ расталкивать. По-истинѣ, картина этого ужаснаго спуска цѣликомъ была страницею изъ Дантовскаго „Ада“. Не нахожу словъ, чтобы иначе охарактеризовать ее, и только одинъ русскій солдатъ и казакъ могъ перенести такіе ужасы бодро и безропотно! Не считайте этого за преувеличеніе, у насъ есть по крайней мѣрѣ двѣ тысячи живыхъ свидѣтелей тому, что *это было такъ*, и притомъ свидѣтелей, испытавшихъ описанное на собственномъ жестоко-тяжкомъ опытѣ“. Таковы эпизоды изъ нашего знаменитаго зимняго перехода чрезъ Балканы.

Предъ первой разлукой съ матерью.

Дѣвушка разстается съ матерью; она оставляетъ мирный и тихій родной уголокъ и ѣдетъ въ городъ, для того что-бы наняться куда нибудь въ услуженіе.

Приготовленія къ отъѣзду, какъ видно, взяли у ней очень не много времени: весь тощій багажъ помѣщается на колѣняхъ. Но судя по выраженію ея лица, едва-ли эта легкая ноша не тяжелѣе для нея всѣхъ тѣхъ тяжестей, которыя ей приходилось когда-либо носить.

Она еще очень молода, ей всего можетъ быть лѣтъ 18, но она давно уже разсталась съ дѣтской безпечностью и теперь въ особенности невеселыя думы тревожатъ ея умъ. Тяжелая нужда заставляетъ ее разстаться съ матерью и роднымъ гнѣздомъ. Страхъ неизвѣстнаго будущаго пугаетъ ее. Этотъ страхъ заставляетъ также и ея старую мать, томиться и страдать, помимо самой тоски разлуки съ дочерью.

— Прощай, сокровище мое, помни совѣтъ матери: будь правдива и честна... Не прельщайся на чужое: оно непрочно...

И хочется матери сказать многое и кажется, что она еще не все сказала и не можетъ вспомнить что она еще хотѣла передать дочери.

— Незабудь, отпиши о себѣ все, какъ есть... проситъ она, устремляя нѣжный взглядъ на дѣвушку.

— Отпишу, мама, отпишу, едва выговариваетъ дѣвушка, готовая расплакаться.

И вотъ уже онѣ готовы разстаться, и можетъ быть уже не разъ обнимались, прощаясь, но старушка опять ее усаживала, и дочка снова клала себѣ на колѣни узелокъ и слушала, слушала дорогіе звуки, не имѣя силъ отказываться отъ нихъ.

Общій видъ г. Ливны (Орлов. губ.) Рис. Лосевъ, грав. Шлясскій.

Аннамскій императоръ и его министры. Рис. Терондъ. грав. Гюйо.

Городъ Ливны.

Ливны,—уѣзд. гор. Орловской губ. при впаденіи рѣчки Ливенки въ Сосну. До конца XVI столѣтія здѣсь находилась главная *сторожа*, гдѣ жилъ особый воевода, начальствовавшій по-сосенскимъ сторожевымъ отрядомъ, охранявшимъ пограничныя русскія земли отъ вторженія татаръ. Въ виду важности этого пункта въ стратегическомъ отношеніи, въ 1586 году, по приговору бояръ, построенъ тутъ княземъ Кольцовымъ-Мосальскимъ городъ, т. е. собственно кремль. Онъ занималъ тогда крутой мысъ, образуемый Ливенкой и Сосной, былъ укрѣпленъ съ юговостока землянымъ валомъ, съ сѣверозапада высокимъ деревяннымъ палисадомъ и, кромѣ того, окруженъ рвомъ въ 2½ сажени глубины. Городъ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. терпѣлъ неоднократныя раззоренія отъ набѣга нагайцевъ и крымцевъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Ливнахъ содержался конвой, сопровождавшій нашихъ пословъ въ Крымъ и обратно; въ Ливнахъ же былъ размѣнъ привѣтствій пословъ ханскихъ и московскихъ; на рѣкѣ Соснѣ при Ливнахъ строились суда на рѣки Донъ и Воронежъ.

Въ 1708 г. Ливны приписаны къ Кіевской губ., въ 1719 къ Елецкой провинціи Азовской губ., въ 1778 г. сдѣланы уѣзд. гор. Орловскаго намѣстничества, а въ 1796-мъ той же губерніи.

Въ настоящее время въ Ливнахъ 12 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ на 130,000 р. (пенькотрепальные, мыловаренные, сальносвѣчные и салотопные заводы). Предметы торговли,—хлѣбъ, пенька, скотъ и сало, идущіе въ Москву и къ портамъ. Пшеница и рожь закупаются въ зернѣ въ прилежащихъ губерніяхъ, въ количествѣ до 700 тысячъ четвертей, частью размалываются на мѣстѣ, частію продаются такъ. Прежде въ зимнее время изъ города выѣзжало ежедневно отъ тысячи до полуторыхъ тысячъ подводъ съ хлѣбомъ и разнымъ товаромъ; нынѣ перевозитъ грузы узкоколейная желѣзная дорога въ 57 верстъ длины, (отъ Ливенъ, къ станціи *Верховье* Елецко-Орловской желѣзной дороги). Скотъ пригоняется сюда изъ губерній Харьковской, Полтавской, и Екатеринославской. Въ городѣ бываетъ ежегодно двѣ ярмарки: одна въ 10 пятницу по пасхѣ, а другая 29 августа. Базарныхъ дней въ недѣлѣ 3; кромѣ того значительны торги 6 и 23 декабря, 4 января и передъ масляной. Къ Рождеству навозится очень много битой птицы. Прежде обозы съ птицею имѣли до 400 подводъ; птица скупается преимущественно купцами Тульской, Калужской и Московской губерній.

Нынѣ въ Ливнахъ 13½ тыс. жит. Съ сѣверозапада къ городу примыкаютъ семь слободъ. Въ самомъ городѣ 8 церквей, (въ томъ числѣ соборъ, построенный въ 1809 году); 2 духовныя училища для мальчиковъ—уѣздное и приходское, такія же 2 свѣтскія и одно училище приходское женское; каменный гостинный дворъ; болѣе 200 лавокъ. Городскіе обыватели хлѣбопашествомъ не занимаются, болѣе 1,000 человѣкъ изъ нихъ ежегодно уходятъ для заработокъ въ другія губерніи.

Очеркъ Аннамской имперіи.

Недавняя поѣздка французскаго посольства въ Аннамъ, о которой сообщаетъ одна изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Le tour du monde“, даетъ намъ поводъ познакомить читателей съ этой мало извѣстной страной.

Аннамская имперія лежитъ на восточномъ берегу Индо-Китая, между Китаемъ собственно съ сѣвера, Китайскимъ моремъ съ востока и Сіамомъ съ запада. Аннамская имперія дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ главныя: на сѣверѣ Тонкинъ, на югѣ Камбоджа и Кохинхина. Въ настоящее время только Тонкинъ и средняя Кохинхина подвластны Аннамскому императору, резиденція котораго находится въ г. Гуѣ. Провинціи Нижней Кохинхины—Бьенгоа, Сайгонъ и Митхао, съ островомъ Пуло-Кондоре теперь принадлежатъ Франціи.

Жители Тонкина говорятъ однимъ языкомъ съ Кохинхинцами, съ нѣкоторыми незначительными видоизмѣненіями выраженій и оттѣнковъ рѣчи. Въ языкъ обитателей Аннама вошло множество китайскихъ словъ. Большая часть жителей исповѣдуетъ буддизмъ; высшее сословіе слѣдуетъ ученію Конфуція, но въ народѣ есть нѣсколько послѣдователей и христіанской религіи. Христіанство занесено въ Аннамскую имперію католическими миссіонерами, основавшими въ немъ значительное количество общинъ. Въ этихъ общинахъ считается до полумилліона христіанъ, но нельзя сказать, чтобы они свободно исповѣдывали свою вѣру. Случается очень часто (что зависитъ отъ распоряженія властей) преслѣдованіе аннамскихъ христіанъ, и это преслѣдованіе всегда проходитъ безнаказанно для тѣхъ, которые преслѣдуютъ. Образъ правленія въ имперіи деспотическій. Нравы и обычаи Аннама напоминаютъ Китай. Законы точно также имѣютъ много общаго съ китайскими, можно сказать, что они почти тѣ же, съ тою разницею, что въ Аннамѣ они исполняются еще хуже и произвольнѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Точно такъ же бамбукъ и битье по ногамъ служатъ въ Аннамѣ единственными орудіями судебной власти при возстановленіи гдѣ-либо порядка и правосудія.

Попеченія монарха о благѣ своихъ подданныхъ равнымъ образомъ то же основывается на помощи бамбука и индѣйскаго тростника. Получивъ такого рода „монаршую милость“, отколоченный министръ въ свою очередь колотитъ подчиненныхъ, а тѣ опять колотятъ тѣхъ, которые волею судьбы поставлены ниже ихъ и такимъ образомъ битье доходитъ до послѣдней ступени общественной лѣстницы. Владычествуя надъ спинами своихъ подданныхъ, Аннамскій король точно также владычествуетъ и надъ ихъ достояніемъ. Его министры также стремятся на счетъ другихъ къ наживѣ, чтобы вознаградить ею себя за изученіе грамоты, которая для нихъ обязательна по закону.

Представленные на нашемъ рисункѣ мандарины, т. е. высшіе сановники государства, изображены въ парадныхъ костюмахъ. Нужно замѣтить, что такіе парадные костюмы мандарины одѣваютъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Для первыхъ чиновъ іерархіи полагается шелковое платье съ широчайшими рукавами и расшитыми по немъ фантастическими рисунками и изображеніями животныхъ. У гражданскихъ чиновъ дѣлаются на платьяхъ рисунки драконовъ, грифовъ, черепахъ, у военныхъ—тигры. Всѣ эти матеріи приготовляются въ Китаѣ. Головной уборъ состоитъ изъ колпака; волосы распущены во всю длину. Надъ куафюрой простирается золоченое украшеніе, а съ двухъ сторонъ идутъ горизонтально два прямыхъ и длинныхъ крыла. Талія стягивается кушакомъ въ формѣ кольца, украшеннаго часто драгоцѣнными камнями. Обувью служатъ китайскіе сапоги съ толстой бѣлой подошвой. Для полноты туалета слѣдуетъ прибавить лопатку изъ слоновой кости, которая обыкновенно держится въ сложенныхъ рукахъ передъ грудью. Для менѣе высшихъ чиновъ костюмъ полагается изъ чернаго шелка, матоваго. На груди нашивается четыреугольникъ съ вышитыми журавлями или, для ученыхъ, тиграми. Колпакъ уже безъ крыльевъ. Примѣтою ученаго человѣка служатъ длиннѣйшіе ногти, въ особенности на лѣвой рукѣ. Эти ногти достигаютъ иногда до 4 вершковъ. Приложенный здѣсь рисунокъ даетъ представленіе о формѣ и величинѣ ногтей аннамитскаго ученаго. Какъ мы видимъ, только одинъ ноготь лишенъ украшенія, это, говорятъ, дѣлается затѣмъ, чтобы имѣть возможность чесаться—занятіе, по разсказамъ, весьма распространенное между аннамитскими властями.

Наружнымъ видомъ аннамиты похожи нѣсколько на китайцевъ, хотя послѣдніе гораздо красивѣе, хотя бы тѣмъ, что одарены большою физическою силою вслѣдствіе соразмѣрности частей тѣла. Аннамитскія женщины также не могутъ имѣть претензіи называться представительницами „прекраснаго пола“. Не смотря на недурной бюстъ, красивыя руки и ноги, кроткій и привѣтливый взглядъ, онѣ своею неряшливостію рѣшительно оставляютъ непріятное впечатлѣніе, какъ и ихъ властители—мужья. У обоихъ половъ одинаково испорченные зубы, ротъ постоянно окаймленъ кровянистой слюною, вызываемою жеваніемъ бетеля; у обоихъ одинаковая нечистота тѣла и одежды. Утверждаютъ даже то, что одежда носится рѣшительно до полнаго ея распаденія и что поводомъ къ этому часто служатъ гастрономическіе разсчеты аннамитовъ которые съ величайшимъ удовольствіемъ, будто бы, лакомятся распложающимися въ ихъ грязныхъ лохмотьяхъ насѣкомыми.

Въ Кохинхинѣ женщинамъ не связываютъ ногъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Китаѣ, точно также не стягиваютъ и грудь ея, какъ у насъ на Западѣ, онѣ не закрываютъ своихъ лицъ, какъ турчанки, и вообще пользуются большою свободою; могутъ ходить куда имъ угодно и даже принимать участіе во многихъ дѣлахъ управленія страною. Хотя полигамія (многоженство) и допускается въ Аннамѣ, тѣмъ не менѣе не пользуется особымъ почтомъ.

Въ пищѣ аннамиты гораздо воздержнѣе народовъ небесной имперіи; имъ неизвѣстны ухищренія кулинарнаго искусства: они болѣе питаются рыбою, рисомъ, кореньями и только въ праздникъ новаго года разрѣшаютъ себѣ заклать упитаннаго борова, открыть запасы испорченныхъ отъ долгаго лежанья яицъ—вообще истребить сбереженіе экономіи цѣлаго года.

Любимое лакомство аннамитовъ составляетъ жеваніе бетеля. Они просто не могутъ обходиться безъ бетеля и въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, видишь ихъ сидящими у пороговъ своихъ хижинъ съ выраженіемъ совершеннаго покоя или сонливости на лицѣ и сладко жующихъ свой бетель,—они ужасно напоминаютъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку. Надобно сказать, что употребленіе бетеля распространено во всей Малой Азіи, въ Аннамѣ и окрестныхъ странахъ. Листъ бетеля похожъ на листъ шелковицы; растеніе поднимается на тычинкѣ и достигаетъ до 7 и 8 футовъ вышины. Культура его требуетъ большого ухода и приноситъ большія выгоды при обработкѣ, такъ какъ торговля бетелемъ очень распространена. Употребленіе бетеля портитъ зубы, окрашивая ихъ въ желтый цвѣтъ, но туземцы не только не пугаются этого, а на оборотъ, они имѣютъ обычай красить зубы въ черный цвѣтъ, и тѣ изъ зубовъ, которые цвѣтомъ подобны черному дереву, считаются за величайшую красоту.

Когда одному тонкинскому мандарину былъ представленъ человѣкъ съ бѣлыми зубами, онъ спросилъ:

— Кто это представленъ мнѣ, лицомъ похожій на человѣка, а зубами напоминающій собаку?

Въ Аннамской имперіи къ отраслямъ народной промышлен-

вости относятся земледѣліе, шелководство, лакированныя издѣлія, обработка металловъ, хлопчатой бумаги. Аннамиты славятся выдѣлкою желѣза и слоновой кости. Предметами торговли ихъ служатъ: рисъ, соль, масло, кардамонъ, слоновая кость, рыба, цвѣтныя перья, шелковыя издѣлія, табакъ и опіумъ.

Что бы показать положеніе военныхъ силъ Аннама, приводимъ случай изъ войны аннамитовъ съ французами.

Укрѣпленія одного изъ портовъ аннамской имперіи, именно порта Турана, выстроенныя на европейскій манеръ и защищавшія бухту, издали казавшіяся довольно значительными, не выдержали даже и перваго натиска французовъ. Они были взяты при началѣ приступа (1 сентября 1858 г.) отрядомъ въ 2 т. человѣкъ. Такое слабое сопротивленіе, оказанное аннамитами нападающимъ французамъ поразило конечно ихъ; но они еще болѣе были потомъ поражены, когда войдя въ фортъ увидѣли аннамитскихъ артиллеристовъ, преспокойно сидѣвшихъ сложа руки на своихъ пушкахъ. Оказалось что-же? аннамиты сознавая, что за неудачную оборону крѣпости они могутъ быть казнены своими властями, видя невозможность вести оборону,— рѣшили лучше подставить головы подъ удары французовъ, чѣмъ ждать того времени, когда наступитъ часъ ихъ казни отъ руки единовѣрной и единоплеменной.

И въ этомъ отношеніи у нихъ тоже очень много сходства съ китайцами: китайцы, какъ извѣстно, отличаются необыкновеннымъ равнодушіемъ къ жизни и растаются съ нею удивительно спокойно. Въ большей части случаевъ, при которыхъ китаецъ рѣшается на самоубійство, онъ распарываетъ себѣ животъ и конвульсивно вытаскиваетъ оттуда внутренности. Такъ-же точно дѣлаютъ и аннамиты.

Изъ городовъ Аннамской имперіи болѣе другихъ заслуживаетъ вниманіе городъ Сайгонъ. Онъ находится на рукавѣ Камбоджи, близь Китайскаго моря; нужно замѣтить что французкая Кохинхина занимаетъ нижнюю часть бассейна р. Камбоджи, которая при впаденіи въ море, раздѣляется на много рукавовъ. Жителей во французской Кохинхинѣ считается до 1 милліона. Городъ Сайгонъ и вся провинція того-же имени можно сказать представляютъ всѣ дары природы и не даромъ получили названіе: „драгоцѣнность Аннама". Расположенный на рѣкѣ, доступной для плаванія большихъ кораблей, г. Сайгонъ чрезвычайно удобенъ для торговли въ военномъ отношеніи онъ также можетъ быть трудно доступенъ, если будетъ укрѣпленъ соотвѣтствующимъ образомъ. Для устройства укрѣпленій весьма способствуетъ мѣстность, среди которой протекаетъ рѣка. Стоитъ только поставить нѣсколько баттарей могущихъ обстрѣливать рѣку продольно, и тогда въ Сайгонъ не проникнетъ никакой флотъ.

Сайгонъ и провинція къ нему принадлежащая изобилуетъ богатствомъ растительности: здѣсь растетъ рисъ самаго лучшаго качества, красильныя деревья, корица и т. п. Всюду роскошная зелень и быстрые источники пересѣкаютъ мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, источники эти протекаютъ и по лѣсамъ изъ пальмъ, банановъ, фикусовъ и тика, разнообразно переплетающихъ свои вѣтви надъ плетеными изъ бамбука хижинами туземцевъ.

О представленіи французскаго посольства къ императору передается такъ: Представленіе совершилось въ помѣщеніи государя, находящемся въ цитадели. Что-бы проникнуть до него, надо было пройти нѣсколько воротъ и дворовъ.

Въ первомъ дворѣ помѣщаются казармы и складочные магазины. Въ день представленія всѣ солдаты были на лицо. Въ концѣ двора были размѣщены золоченые экипажи императора, окруженные слонами съ паланкинами на спинахъ. Во второмъ дворѣ, отдѣленномъ, какъ и первый, рвомъ, стояли два самые большіе слона Императора, также съ великолѣпными паланкинами на спинахъ. Сами слоны также были украшены: на клыкахъ ихъ были золотые браслеты, переднія ноги имѣли тѣже украшенія. Слѣдствіемъ привилегированнаго положенія вожакъ этихъ слоновъ былъ мандаринъ въ голубомъ платьѣ, онъ помѣщался на шеѣ животнаго, а пажъ, сидѣвшій на крупѣ, державъ большой зонтикъ изъ матеріи желтаго цвѣта.

Въ аллеѣ деревъ второго двора стояли двѣ бѣлыя верховыя лошади государя. Въ этомъ же дворѣ устроено нѣсколько бассейновъ, окруженныхъ сквозной рѣшеткой и служащихъ садками для крокодиловъ. Въ Аннамѣ какъ и Китаѣ, хвостъ этихъ животныхъ считается лакомымъ блюдомъ. Между садками на пьедесталахъ размѣщены фантастическія фигуры тигровъ, сверкающихъ на солнцѣ богатствомъ золота. Въ концѣ аллеи мандарины четырехъ послѣднихъ степеней стояли спиной къ третьему двору. Въ концѣ этого второго двора при самомъ входѣ въ третій дворъ стояли музыканты, одни съ гитарами изъ кожъ змѣйбоа, другіе съ скрипками изъ слоновой кости; все это шумѣло, визжало и пищѣло. Въ третьемъ дворѣ наконецъ стояла группа принцевъ въ ожиданіи выхода императора. Всѣ они были въ одеждахъ желтаго цвѣта (желтый цвѣтъ принадлежитъ только царскому роду). За ними рядами помѣщались знаменосцы, носильщики зонтиковъ и т. п. въ громадномъ числѣ.

Мандарины безмолвные, торжественно важные, сверкали на солнцѣ своими яркими платьями. Предъ ними пажи носили дымящееся благоуханіе. Вскорѣ крики и пушечные выстрѣлы возвѣстили приближеніе императора. Онъ былъ одѣтъ весь въ желтое. Одинъ изъ министровъ приблизился къ нему и распростершись на землѣ, какъ-бы вымолилъ у него позволеніе представить предъ его свѣтлыя очи иностранцевъ.

Во время этого представленія случился казусъ: принцы, при видѣ стриженыхъ европейцевъ (аннамиты, какъ и китайцы, носятъ косы), разсмѣялись, за это императоръ присудилъ ихъ къ лишенію жалованья и порціи риса въ продолженіи года.

Ор.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Никогда русскіе не подвигались такъ близко къ Царьграду, какъ именно въ настоящую войну. Въ самыя удачнѣйшія изъ минувшихъ войнъ нашихъ съ Турціей, мы предписывали ей условія мира въ Адріанополѣ. Теперь же предѣлъ нашего приближенія къ Царь Граду составляетъ городъ *Чорлу*, въ весьма близкомъ разстояніи отъ Константинополя, расположенный на одной широтѣ съ *Чаталджей* (которая была назначена средоточіемъ оборонительныхъ турецкихъ силъ и расположена далѣе къ востоку отъ Чорлу). О занятіи этого послѣдняго пункта извѣстны слѣдующія подробности. Чорлу взятъ 17-го января, съ боя, кавалерійскимъ авангардомъ генерала Струкова. Турецкая оборонительная сила составляла при этомъ *1000* человѣкъ регулярной кавалеріи и черкесовъ. Послѣ ожесточенной рукопашной схватки, турки стали отступать, сначала стройно, а потомъ въ крайнемъ безпорядкѣ. Вопреки предшествовавшимъ примѣрамъ оставленія своихъ городовъ турками, Чорлу оказался совершенно нетронутымъ. Начальствовавшій надъ городомъ паша бѣжалъ, объятый паническимъ страхомъ, оставивъ въ конакѣ всѣ оффиціальныя бумаги, точно также и телеграфный городской аппаратъ захваченъ въ цѣлости.

Сообщаемъ засимъ дословно *текстъ предварительныхъ условій мира, врученныхъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ турецкимъ уполномоченнымъ и ими принятыхъ и подписанныхъ:*

„Если бы турки попросили на аванпостахъ мира или перемирія, то Его Императорское Высочество Главнокомандующій долженъ будетъ имъ объявить, что непріязненныя дѣйствія не могутъ быть пріостановлены иначе, какъ съ предварительнымъ принятіемъ нижеслѣдующихъ основаній: 1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціею. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться (за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, которые будутъ опредѣлены по общему соглашенію). 2) Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтственное тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. Окончательныя границы опредѣлятся впослѣдствіи. 3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземельное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе границъ. 4. Босніи и Герцоговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. 5) Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и на потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Способъ сего вознагражденія—деньгами, либо поземельною уступкою, чѣмъ либо инымъ, будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Его величеству султану предстоитъ войти въ соглашеніе съ Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ. Въ удостовѣреніе принятія этихъ существенныхъ основаній, оттоманскіе уполномоченные немедленно отправятся въ Одессу или Севастополь, для переговоровъ тамъ съ русскими уполномоченными о предварительныхъ условіяхъ мира. Какъ только принятіе этихъ предварительныхъ условій будетъ оффиціально сообщено Главнокомандующимъ Императорскими арміями, условія перемирія должны быть установлены на обоихъ театрахъ войны и непріязненныя дѣйствія могутъ быть временно пріостановлены. Оба Главнокомандующіе будутъ имѣть право дополнить вышеизложенныя условія назначеніемъ извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ и извѣстныхъ крѣпостей, которые должны быть очищены, какъ матеріальное обезпеченіе въ принятіи Высокою Портой нашихъ условій перемирія и ея вступленія на путь переговоровъ о мирѣ".

Условія заключеннаго нами и подписаннаго перемирія съ Турціею слѣдующія: 1) враждебныя дѣйствія между воюющими сторонами должны *кончиться* со дня подписанія перемирія, т. е. съ 19-го января. 2) Въ силу условій перемирія, Турція снимаетъ блокаду портовъ, для открытія свободы торговли (этотъ пунктъ будетъ потомъ развитъ особо). 3) Турція очищаетъ отъ своихъ войскъ ***Рущукъ***, ***Силистрію*** и ***Виддинъ***, а

Рука аннамитскаго ученаго.

также и *Сулину* (если этому не будетъ препятствовать состояніе льда). Въ связи съ этимъ мы снимаемъ наши загражденія съ Дуная, плаваніе по которому дѣлается *свободнымъ*. За симъ 4) нашимъ войскамъ предоставляются слѣдующіе берега морей: отъ нашей южной границы до *Вальчика* (или *Бельтика*) включительно (Бельтикъ этотъ лежитъ къ сѣверу отъ Варны и Шумлы, и на одной широтѣ съ портомъ *Каварною*); за симъ отъ *Мисимвріи* до *Деркіойя*. (Приморскій городъ Мисимврія лежитъ уже по то сторону Балканъ, громадный мысъ которыхъ *Эмине-Дагъ* къ сѣверу отъ нея врѣзывается въ море. *Деркіой* же (или *Деркасъ*) лежитъ немного къ сѣверо-востоку отъ Чаталджи, тамъ, гдѣ южный берегъ Балканскаго полуострова круто направляется къ юго-востоку, упираясь, почти подъ прямымъ угломъ, въ Константинопольскій проливъ). Это громадно протягивающаяся линія однако не включаетъ въ себя *Деркіой*, подобно предшествовавшей, включающей Бальчикъ. За симъ на этой второй линіи наши войска занимаютъ (въ строгомъ смыслѣ) только порты *Бургасъ* и *Мидію* *) 5) Въ *Мраморномъ* морѣ наши войска занимаютъ линію отъ *Буюкъ-Чекмендже* до *Шаркіойя* (*Шаркіой*—юго-западнѣе *Родосто*, порта на сѣверо-западномъ концѣ Мраморнаго моря), далѣе, въ Архипелагѣ,—по направленію отъ востока къ западу, отъ *Урши* до *Маиры* или *Мири*. За симъ 6) движеніе по турецкимъ желѣзнымъ дорогамъ для торговли дѣлается свободнымъ, въ силу этого къ портамъ можно *подвозить все*, исключая военныхъ боевыхъ припасовъ. Далѣе—сдѣлано распоряженіе, съ турецкой стороны, объ открытіи телеграфа изъ Константинополя въ Одессу; такое же распоряженіе вскорѣ послѣдуетъ и съ нашей стороны.

Изъ новостей прошлой недѣли первое и важное мѣсто должна занять *смерть папы Пія IX*, давно уже ожидавшаяся. Онъ скончался 26 января (7 февраля).

Конклавъ (т. е. соборъ изъ кардиналовъ) для выбора папы собрался (какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) со всевозможною поспѣшностію... О засѣданіяхъ этого конклава, и имѣющихъ получиться на нихъ результатахъ выбора новаго папы мы сообщимъ въ будущихъ обозрѣніяхъ **).

— Слухи о предстоящей, по поводу мира Россіи съ Турками, конференціи для совокупнаго обсужденія Восточнаго вопроса ходятъ различные. Во всякомъ случаѣ конференція состоится, по принятому издавна обычаю, въ какой-либо столицѣ одной изъ европейскихъ державъ. Нѣкоторые органы европейской печати называютъ мѣстомъ собранія европейской конференціи Вѣну, другіе городъ Лозанну въ Швейцаріи.

*) Портъ *Бургасъ* лежитъ у сильно вдающагося въ Балканскій полуостровъ залива Бургасскаго. *Мидія* же—сѣвернѣе *Деркаса*, почти на одной широтѣ съ недавно занятымъ нами *Кирк-Клиссе*.

**) Портретъ папы Пія IX и свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ „Нивы“ такъ какъ, при всемъ нашемъ желаніи, мѣста для помѣщенія портрета и статьи (уже готовыхъ къ печати) въ этомъ номерѣ не оказалось.

Неурожай прошлаго года въ Казанской губерніи заставилъ Губернское земское собраніе обратится въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о разрѣшеніи открыть повсемѣстно подписку въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаевъ. Хотя для прокормленія сельскаго населенія до новой жатвы и для обсѣмененія полей было уже отпущено изъ продовольственнаго капитала 690,000 р. но такъ какъ изъ него могутъ выдаваться только ссуды, а между тѣмъ множество бѣдняковъ рѣшительно не въ состояніи возвратить ссуду, то земство и рѣшилось обратиться къ общественной благотворительности.

Изъ Царевококшайска сообщаютъ, что ржаная мука въ Царевококшайскѣ дошла до рубля за пудъ; коровы продаются по 6 р. но покупателей мало. Безъ сомнѣнія русское общество не откажется придти на помощь къ бѣдствующимъ и окажетъ возможное пособіе.

Потери наши на обоихъ театрахъ войны по 18-е января достигали 89,304 челов. выбывшихъ изъ строя.

Участіе, принимаемое Россіей во всемірной выставкѣ въ Парижѣ, превосходитъ всѣ ожиданія. Вмѣсто предположенныхъ 300 экспонентовъ, явилось 700, такъ что помѣщенія уже не хватаетъ на всѣхъ.

Устройство въ столицѣ нашей *морга* (помѣщенія для утопленниковъ) кажется близко къ осуществленію. Въ одномъ изъ послѣднихъ приказовъ градоначальника, въ виду устройства морга, предлагается гг. участковымъ приставамъ и смотрителямъ полицейскихъ домовъ доставить свѣдѣнія сколько за послѣдніе три года вынуто изъ воды мертвыхъ тѣлъ, личность которыхъ не была извѣстна.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія мы должны сообщить о печальномъ случаѣ, которому подвергся С.-Петербургскій градоначальникъ генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ. Во вторникъ, 24 января, во время пріема просителей, къ генералу Трепову обратилась молодая женщина, лѣтъ 24 съ прошеніемъ, выдать ей свидѣтельство о ея благонадежной нравственности. Принявъ отъ нея прошеніе, генералъ Треповъ хотѣлъ отойдти къ слѣдующему просителю, какъ молодая женщина (назвавшаяся дочерью штабъ-капитана Козлова) выстрѣлила изъ револьвера въ бокъ г. Трепова. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ; пуля попала въ верхнюю часть лѣвой стороны таза, раздробила кость и засѣла въ полости живота на столько глубоко, что вынуть ее, по заявленію врачей, нѣтъ возможности, почему и представляется большая опасность для жизни генер. Трепова. Говорятъ, что преступленіе совершено вслѣдствіе личныхъ неудовольствій и жажды мести. Настоящее имя покусившейся на жизнь г. градоначальника, по газетнымъ сообщеніямъ: Вѣра Засуличъ. Она дочь маіора и участвовала въ нечаевской исторіи. когда ей было всего только 15 лѣтъ.

РѢШЕНІЕ
шахматной задачи въ № 5.

Бѣлые.			Черные.		
1.	Ф	F 6 — D 6	1.		F 4 — F 3 +
2.	Кр	E 2 — D 1	2.		F 5 — F 4
3.	Ф	D 6 — C 5	3.	Кр.	E 4 — D 3
4.	Ф	C 5 — D 5 и матъ.			

Поправка. Въ нѣсколькихъ экземплярахъ этого номера, въ статьѣ: „И. А. Крыловъ“ по недосмотру напечатано, что со дня его рожденія прошло сто лѣтъ; слѣдуетъ читать: „сто десять лѣтъ“.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 3 Февраля 1878 г.

Тип. [illegible] № 10.

№ 7 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Февраля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Генералъ-лейтенантъ И. С. Ганецкій.

Изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы" 1877 года и изъ подробнаго описанія паденія Плевны, помѣщеннаго въ „Нивѣ" сего года (см. № 3, стр. 50 и 51 и № 4, стр. 58 и 59) читатели наши уже знаютъ, что на долю войскъ, находящихся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ивана Степановича Ганецкаго выпала тяжелая необходимость, выдержать страшный натискъ войскъ Османа-паши, намѣревавшагося вырваться изъ Плевны за р. Видъ.

Указывая на вышеупомянутыя статьи, какъ дающія полное понятіе о ходѣ дѣла по взятію въ плѣнъ и полному пораженію арміи Османа-паши, помѣщаемъ здѣсь біографическія свѣдѣнія о генералъ-лейтенантѣ Ганецкомъ, взявшемъ въ плѣнъ Османа-пашу и его армію.

Командиръ гренадерскаго корпуса Иванъ Степановичъ Ганецкій происходитъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился въ 1810 году, воспитаніе получилъ въ I кадетскомъ корпусѣ и поступилъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ.

Генералъ-лейтенантъ И. С. Ганецкій. Съ фотог. грав. Вейерманъ.

Въ 1836 году онъ участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ, находясь подъ начальствомъ генерала Малиновскаго, а затѣмъ генерала Вельяминова, и зачастую бывалъ въ перестрѣлкахъ при истребленіи нашими войсками горскихъ ауловъ.

Въ 1838 году Иванъ Степановичъ Ганецкій произведенъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ ротнымъ командиромъ, въ 1841 году повышенъ въ чинъ капитана; въ 1848 г. утвержденъ командиромъ второго батальона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, получивъ чинъ полковника, а въ 1849 назначенъ командиромъ 1-го батальона того же полка. Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ границамъ, во время войны съ Венгріей.

Въ 1855 г. Иванъ Степановичъ произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ-маіоры, оставаясь въ должности командира лейбъ-гвардіи Финляндскаго резервнаго полка 4-й гвардейской пѣхотной бригады. Съ 1856 г. по іюнь

1863 г. онъ состоялъ командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго дѣйствующаго полка и участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа, находясь въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа. Болѣе другихъ видными его дѣйствіями слѣдуетъ отмѣтить пораженіе при Мейдекѣ соединенныхъ скопищъ Страковскаго и Колышки, и дѣла при Гудишкахъ, Говшикахъ и Шуришкахъ. За отличіе въ дѣлахъ противъ поляковъ, Иванъ Степановичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ въ должность начальника 3-й пѣхотной дивизіи. Онъ имѣетъ слѣдующіе ордена: св. Георгія 3 ст., св. Георгія 4-й ст., св. Анны 3-й ст. съ мечами, св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст. съ Императорской короной, св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст., съ Императорскою короною и мечами надъ орденомъ, св. Владиміра 3-й и 4-й степеней и того же ордена 2-й ст. съ мечами; Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго. Имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ, подаренную табакерку съ портретомъ Его Величества и двѣ бронзовыя медали. Въ 1876 г. генералъ Ганецкій назначенъ членомъ Комитета о раненыхъ, въ 1877 году утвержденъ командиромъ гренадерскаго корпуса, войска котораго подъ непосредственнымъ его руководствомъ, дѣйствовали, какъ сказано выше, при взятіи Плевны 28-го ноября прошлаго 1877 г.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка).

(Продолженіе).

Ксенія продолжала распрашивать Алешку о томъ, что творится на Москвѣ, но гость какъ-то нехотя и односложными словами отвѣчалъ на ея распросы.

Ксенія улыбнулась.

— Да что изъ тебя слова-то тянуть надо, — ровно тебѣ говорить не охота?

Алешка сконфузился.

— Вотъ что, государыня,—сказалъ онъ:—я тѣ вещь одну привезъ, не побрезгуй—прійми...

Она посмотрѣла съ любопытствомъ на него.

— Что такое?

— Ты прошлый разъ,—продолжалъ онъ развертывая что-то,—изъявила желаніе и даже необходимость... такъ вотъ я и... шкурки принесъ. Онъ вынулъ изъ свертка шкурки какія-то и въ воздухѣ потрясъ ими.

— А-а, мышь водяная! спасибо. У меня, точно—моли развелось страсть сколько, такъ все и ѣстъ, и ничѣмъ ты ее больше не выведешь. Сейчасъ же и положу.

Она встала, подошла къ большому сундуку, что возлѣ стоялъ, и приподнявъ крышку, стала туда шкурки укладывать.—Алешка воспользовался минутой и высморкался безъ посредства платка, нѣсколько болѣе простымъ способомъ: тафтицы жалко было.

— Вотъ веркало у меня было,—сказала она показывая на стѣну,—иноки въ кельѣ держать не позволили: говорятъ навожденіе бѣсовское,—совсѣмъ въ стѣсненіе вводятъ меня.

Мимо самаго лица Алешки моль пролетѣла, онъ поймалъ ее и раздавилъ, вѣжливенько такъ, безъ шуму.

— Ну вотъ и медъ,—сказала она, увидя входившую съ двумя кувшинчиками Таню. Выкушай—я ужь сама налью тебѣ. Медъ хорошій, ставленный.

Алешка поклонился, взялъ кружку, посмотрѣлъ въ нее и отпилъ.

— Мастаки на это иноки, сказалъ онъ.

— Хорошъ-то, хорошъ да крѣпокъ и гвоздики съ инбиремъ много.

— Это, государыня, что за крѣпокъ: попробовала бы ты вино четвертное—бѣда!

— Съ ногъ сшибаетъ?

— Даже совсѣмъ. Какъ выпьешь—такъ и помрешь. Въ четыре перегона дѣлаютъ.

— Такъ неужто пьютъ такое?

— Пьютъ.

— А какъ же потомъ?

— А потомъ помираютъ... А то пилъ я у Авраамія венгерское вино и ренское—скусъ удивительный! Особливо когда въ него кардамону напустить.

Они опять замолчали, не зная о чемъ говорить; но ни Ксеніи его отпустить не хотѣлось, ни ему уйти.

— А ѣдалъ-ли ты когда-нибудь,—начала она,—сибирскихъ рябчиковъ?

— Не случалось! съ сокрушеніемъ отвѣтилъ онъ.

— При батюшкѣ намъ зимою присылали; въ молокѣ ихъ дѣлаютъ со сливами. Вотъ вкусъ-то! И запахъ отъ нихъ кедромъ идетъ...

— Не случалось! повторилъ Алешка,—а вотъ курячьи пупки и сердца съ пшеномъ сарацинскимъ ѣдалъ; уху тоже курячью съ гвоздикой и чеснокомъ Господь приводилъ отвѣдывать.

— А ѣлъ ты когда въ пирогѣ соленаго сига, въ меду вареннаго и шафраномъ обсыпаннаго?

— Приходилось, это приходилось... А вотъ желательно-бы польской стряпни попробовать—говорятъ хороша..

— У нихъ за разъ пятьдесятъ блюдъ на столъ ставятъ, пояснила Ксенія,—только однимъ у нихъ плохо: въ кушанье соль кладутъ, ѣду портятъ.

— А вотъ тоже, заговорилъ Алешка,—караси съ бараниной и чеснокомъ.

— Хорошо. А пироги со свинымъ саломъ знаешь?

— Не ѣдалъ. А вотъ тетерю съ лимономъ ѣлъ. А то еще заячья голова...

И далеко еще говорили молодые люди о гастрономическихъ яствахъ кухни XVII вѣка.—Они любовались другъ на друга, онъ все въ ея глазки глядѣлъ, рѣчью ея льющеюся наслаждался, и она съ него глазъ не сводила,—такой онъ молодой, красивый рослый. Ужь на цѣлыхъ полтара часа ушли часовыя стрѣлки отъ полудня, когда царевна Ксенія вспомнила, что давно обѣдать пора.

— И сама не обѣдаю, и тебя-то держу, сказала она.— Отвѣтъ напишу послѣ—заходи.

Алешка обѣщалъ зайти когда потребно будетъ, и пошелъ обѣдать. Въ темныхъ сѣняхъ ему подвернулась Таня.

— Голубка! сказалъ онъ, охватывая ее и цѣлуя въ щеку,—а у меня для тебя какой подарокъ уготованъ,—изъ Москвы несъ... Гдѣ бы намъ только свидѣться съ тобой?

— Пусти! отстранила его руки Таня.—По вечерамъ здѣсь въ подклети пусто,—никого не бываетъ... Да ну тебя совсѣмъ, лѣшій—измялъ всю... Небось у царевны ниже травы стоялъ, воды не замутилъ.—Приходи уже, коли сказать что нужно...

День закончился въ Лаврѣ мирно. Второй вылазки не было. Напротивъ того, сапѣжницы къ самой стѣнѣ монастырской подъѣзжали и съ осажденными очень мило шуточками перекидывались. Сергіевцы вина вынесли, сперва на обмѣнъ, потомъ такъ,—отчегоже и не угостить человѣка, хоть онъ и „Литва поганая“. Разошлись всѣ дружелюбно, обѣщаясь при первой-же стычкѣ задать звону другъ другу.

Алешка устроилъ Алфея въ крохотной каморкѣ въ подклѣти игуменской кельи, а самъ помѣстился въ маленькомъ передбанникѣ воеводской мыльни, гдѣ было очень тепло, потому что мыльня была въ этотъ день топлена. Игуменъ ему вечеромъ книгу прислалъ, очень хорошую, поучительную „аще на сонъ грядущій почитать восхощетъ“, конечно не отъ безсонницы, какъ теперь на ночи книги читаютъ, а съ благоговѣніемъ, ради мыслей благочестивыхъ. Но Алешка и о снѣ и о книгѣ мало думалъ. Передъ нимъ, куда бы онъ не пошелъ, на что бы ни посмотрѣлъ, какъ живая стояла Ксенія, въ ушахъ отдавался ея голосъ, даже словно запахъ тотъ

чудился, что розлитъ былъ въ ея комнатѣ.—И вѣдь народится-же такая, думалъ онъ. Сколько я на свѣтѣ дѣвокъ видѣлъ—и ничего подобнаго нѣтъ ей въ мірѣ семъ... Ангелъ съ небеси сошедшій, да и только.

Развернулъ онъ послѣ долгихъ колебаній рукопись „поучительную“. Оказалось что она какъ разъ отвѣчала на тѣ вопросы, что занимали его. Сталъ онъ вчитываться въ нее съ жаромъ. но вскорѣ разочаровался: слишкомъ сурового направленія она была. „Что есть жена, читалъ онъ:—сѣть утворена прельщающи человѣки во властѣхъ. свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающи, ногами играющи, дѣло убивающи. много-бы уязвивши низложи, тѣмъ же въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огонь возгорается... Что есть жена? святымъ обложница, покоище зміино. діаволь цвѣтъ. безъ увѣта болѣзнь, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская“..

— Должно солоно ему бабы пришлись, замѣтилъ улыбнувшись Алексѣй про автора, отшвыривая въ сторону книгу и опять ложась не постель.—Какая-же это купница бѣсовская, коли отъ Бога въ раю женѣ речено: къ мужу влеченье твое...

— Спать бы теперь время, да Танькѣ подарокъ снести обѣщалъ, прибавилъ онъ помолчавъ.—Коли идти, такъ идти.

Онъ всталъ, подумалъ немного, снялъ нагрудный крестъ и къ образу повѣсилъ.—Грѣха-то меньше,—подумалъ онъ, и наклонившись, началъ въ узелкѣ подарокъ отыскивать, что для Таньки приготовилъ.

XXI.

Черезъ нѣсколько дней, въ среду, 15 февраля, прибыла московская подмога. Встрѣтили ее, какъ подобаетъ, со звономъ и крестами. Отрядъ пробился сквозь таборы благополучно, потерявъ всего только четырехъ человѣкъ—ихъ успѣли какъ-то захватить въ плѣнъ лисовчики. Прибавилось нѣсколько десятковъ защитниковъ въ монастырѣ, прибавилось вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько лишнихъ ртовъ, и еще болѣе смутъ и недоброжелательствъ прибавилось. Долговременная осада развила у осажденныхъ подозрительность, болѣзненный страхъ измѣны, взаимную непріязнь. Смотрѣли другъ на друга съ ненавистью. какъ на врага, строчили взаимно кляузы и отправляли въ Москву обвиненія въ неслыханныхъ злодѣяніяхъ. Но лишь только загоралось общее дѣло,—приступъ, вылазка, то есть какъ скоро дѣло касалось не личныхъ интересовъ, а интересовъ „угодничка“,—всѣ перекоры и раздоры мгновенно исчезли, вмѣсто нихъ являлась одна общая связующая нить—защита православія—и монастырь смѣло и дружно подставлялъ свою несокрушимую грудь вражескимъ ударамъ.

Разъ утромъ, прибѣжалъ къ воеводѣ Долгорукому сторожевой ратникъ, и донесъ, что въ таборѣ Лисовскаго дѣлается что то необычайное: тараны-ли строятъ, или что другое,—только на самомъ виду, неподалеку отъ стѣнъ монастырскихъ. Воевода отправился на башню. Пошли за нимъ и всѣ другіе—ратники, монахи, крестьяне. Подъ яркимъ утреннимъ солнцемъ, отъ котораго снѣгъ таялъ вокругъ, вдали на темнѣвшемъ фонѣ лѣса сверкали топоры и бѣлыя тесаныя бревна; четыре столба большихъ ставили, ровно домъ собирались строить, и всѣ въ рядъ параллельно монастырской стѣнѣ. Сергіевцы недоумѣвали, что-бы это.—Видятъ, полѣзъ одинъ по столбу, перекладину прилаживать началъ, и брускомъ толстымъ ее подперъ. Получилась фигура вродѣ буквы *глаголь*. И другая такая-же фигура, и третья, и четвертая... Передъ монастыремъ стояли висѣлицы...

Отъ „глаголей“ книзу спустились веревки. Показались какія-то связанныя фигуры. Въ монастырѣ сразу признали отбитыхъ плѣнниковъ.

— Это Кузька хромой.—раздалось на стѣнѣ и чья-то грязная прегрязная рука протянулась вдаль,—ишь лѣвый-то, съ краю, на ногу хромаетъ, въ рубахѣ красной—Кузька!

— Кузька и есть, связанный, подтвердили другіе.—Жизни его рѣшаютъ... Ишь ты, анафемы, гогочутъ тамъ...

— На вылазку-бы, предложилъ кто-то.

— Еще что-бъ людей перебили,—возразилъ сурово воевода, спускаясь со стѣны.—Была вамъ сегодня вылазка—чего еще?

Онъ сошелъ внизъ и велѣлъ зарядить подошвенный бой.

— Хорошенько цѣлься, чортовъ сынъ, не то въ батоги велю,—поощрилъ онъ пушкаря, старательно щурившагося.—Прямо въ кучу—не смотри что нашихъ задѣнешь, все одно помирать-то.

Грохнулъ выстрѣлъ. Ядро далеко въ сторону хватило. Въ кучкѣ литовцевъ хохотъ раздался. Нацѣлились въ другой разъ.—опять мимо, а тѣ пуще хохочутъ.

Заболтались четыре фигуры подъ „глаголями“, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону; головы на грудь низко опущены и руки плотно къ тѣлу прижаты. На монастырской стѣнѣ шапки сняли, креститься начали.—Панпафиду отслужить по безвинно-казненныхъ подобаетъ, замѣтилъ архимандритъ,—имена-же ты вѣси, Господи.

— Власъ, Кузька, Хведоръ и Митрофанъ, отрапортовалъ подвернувшійся ратникъ.—Мы ихъ довольно хорошо знаемъ...

— Попомните вы меня, собачьи дѣти, бормоталъ насупясь воевода, псами къ полудню завоете.

И онъ крикнулъ кого-то.

Какой-то ратникъ, снявъ шапку, подбѣжалъ къ нему.

— Сколько? спросилъ Долгорукій, пошептавшись съ нимъ.

— Тридцать девять, надо быть.

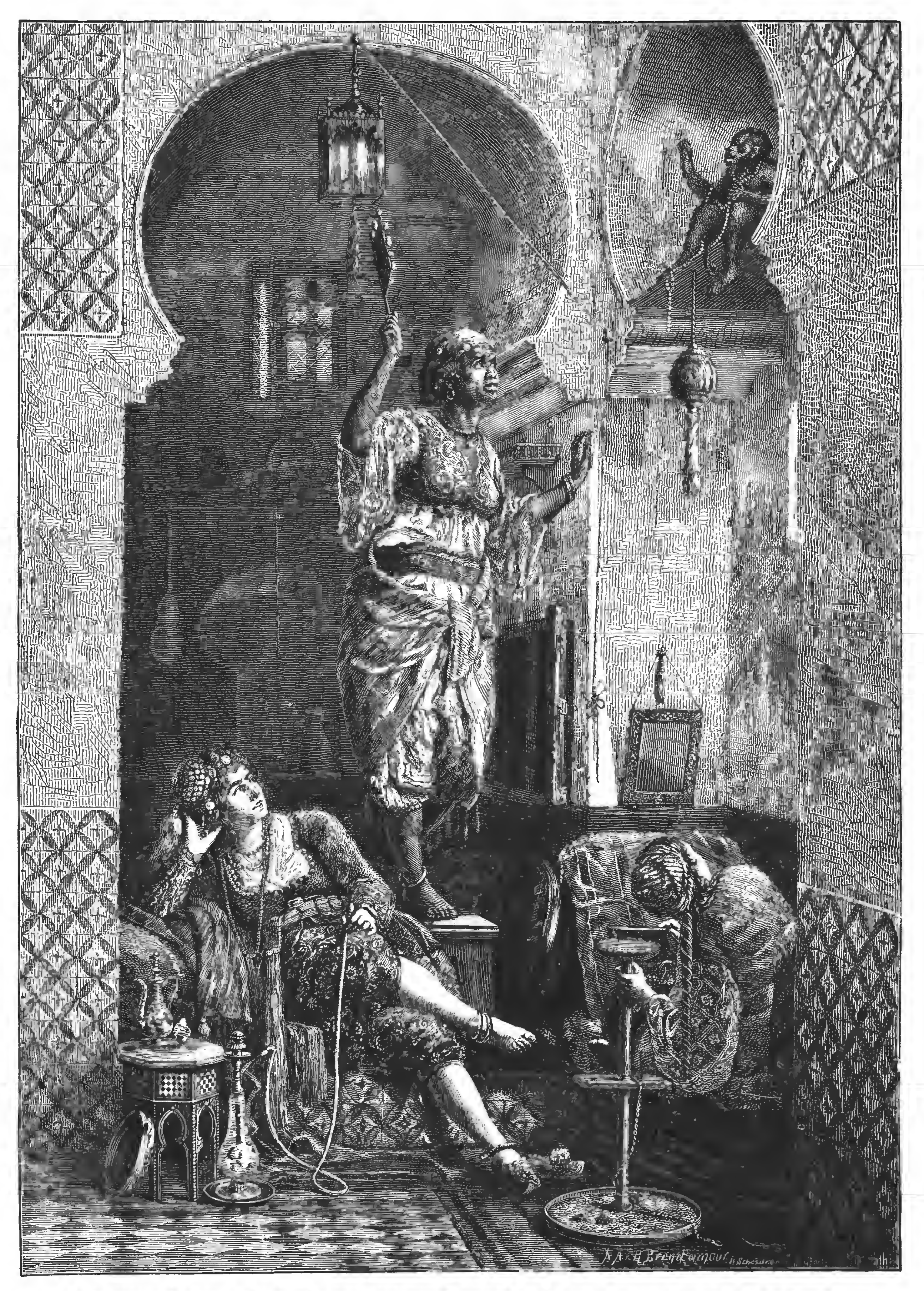
— Ладно. Такъ девятнадцать сюда, на верхній прудъ выведи, а двадцать противъ Сапѣги, у старой пекарни на горѣ. Понялъ?

— Понялъ. Ратникъ созвалъ кой-кого изъ толпы и побѣжалъ исполнять порученіе, придерживая одной рукой бившуюся по ногамъ польскую саблю, доставшуюся ему на вылазкѣ...

Черезъ два часа въ таборахъ Лисовскаго и Сапѣги послышался шумъ и крики: передъ ихъ глазами, у стѣнъ монастыря, было повѣшено сорокъ ихъ плѣнныхъ товарищей...

Вылазки какъ-то рѣже стали, и сергіевцы гораздо болѣе занимались пасквильными челобитнями чѣмъ осадой. Но челобитня ихъ въ Москвѣ отзывалась какъ-то глухо, да тамъ и не до того было: тамъ свою кашу расхлебывали, противъ Шуйскаго составился заговоръ—захотѣли перемѣны царя,—насилу уговорилъ патріархъ Гермогенъ не нарушать крестнаго цѣлованія. Ходили слухи, что Шуйскій въ ногахъ валялся у народа, прося пощадить его и не выдавать головою въ Тушино... У Троицы о царѣ не особенно радѣли, только и вспоминали его, доносы посылая. Сперва были мелкія жалобы, а потомъ дошло до воеводъ и особъ царственной крови. Къ концу великаго поста рѣшили, что казначей Дѣвочкинъ и королева ливонская хотятъ монастырь врагу продать.

Началось все дѣло, какъ всегда, съ пустяковъ. О масляной пекли на поварнѣ у королевы блины,—блины вышли отличные, рыхлые, жирные. Вздумалось королевѣ послать въ подарокъ десятокъ-другой блинковъ казначею, который навѣщалъ ее частенько. Потомъ пироговъ ему шафранныхъ посылала и меду храненнаго съ троицкаго погреба, изъ царскаго обихода. На второй недѣлѣ въ пятницу пожаловался Дѣвочкинъ, что бани ему истопить некому,—она ему своихъ холопей прислала и заставила ихъ топить ему баню постоянно.

Изъ гаремной жизни. Ловля обезьяны, отащившей ожерелье. Картина Гюзмана, грав. Бренд'Амуръ.

Русская Исторія: Владиміръ въ теремѣ Рогнѣды. Рисов. Медвѣдевъ, грав. Брендъ'Амуръ.

Все это настолько было подозрительно, что монастырскіе люди пришли къ убѣжденію: опричь измѣны ничего тутъ другого нѣтъ. Стали говорить, что еще осенью, когда Сапѣга только еще подступилъ къ лаврѣ, Дѣвочкинъ отправилъ къ нему монастырскаго дѣтяну Оську съ грамотами, и обѣщалъ сдать на первой-же вылазкѣ ему монастырь: ратники, молъ, выйдутъ, я ворота на запоръ, а васъ другими воротами впущу. Королева-же, Марья Владиміровна, тоже писала къ вору, братомъ его называла, и поляковъ благодарила, что вступаются за него, ея кровнаго родственника. — Распускалъ болѣе всѣхъ эти слухи Григорій Шишкинъ, которому ужь очень хотѣлось занять мѣсто Дѣвочкина. Вралъ-ли онъ, или точно что было—трудно сказать. Впрочемъ Марья Владиміровна такъ была озлоблена на всѣхъ, что отъ нея все могло случиться.

Марья Владиміровна была прямая отрасль дома Калиты: двоюродная племянница Іоанна Грознаго. Выдалъ ее дядя изъ своихъ политическихъ разсчетовъ, насильно, замужъ за королевича Магнуса—брата съумасшедшего шведскаго короля Эриха. Марья Владиміровна сирота была, да и во всякомъ случаѣ не могла отказаться отъ велѣнія царскаго, и вышла замужъ. Вѣнчали ихъ весьма оригинально въ Новгородѣ, на Пробойной улицѣ, въ Дмитровской церкви: она въ церкви стояла, ее дмитровскій попъ вѣнчалъ, а онъ—на паперти и надъ нимъ вѣнчальный обрядъ читалъ римскій попъ. Магнусъ получилъ въ приданое Ливонію, но пожилъ въ ней недолго: очень скоро умеръ, оставивъ свою вдову съ маленькой дочкой Дуней и званіемъ—титулярной королевы ливонской. Стала она жить не Богъ вѣсть какъ красно, но все таки сносно въ своей Ригѣ. Умеръ Грозный, на престолѣ былъ Ѳедоръ, когда вдругъ Годуновъ—правитель царства—изъ тонкихъ расчетовъ вызвалъ ее въ Москву. Посолъ его, англичанинъ Горсей, очень ловко нарисовалъ ей картину ея будущаго довольства и почета. Но она поддалась не сразу:

— Вѣдь вы меня, по вашему московскому обычаю, пострижете въ монахини: всѣ вдовствующія царицы пострижены, а мнѣ это хуже смерти.

— О, помилуйте,—не то теперь время,—возразилъ онъ. — Повѣрьте, васъ принудить не могутъ, у васъ дочь, а тамъ постригаютъ только бездѣтныхъ.

Марья Владиміровна повѣрила. Быстро домчали ее перемѣнные кони на давно покинутую родину.; дали ей на первый разъ тысячу угорскихъ червонцевъ, землю, положили богатое содержаніе. Но не долго длилась ея покойная жизнь: маленькая Дуня вдругъ умерла,—говорятъ что ее отравили. Съ царскою пышностью похоронили ребенка, а мать, какъ бездѣтную вдову, постригли въ монахини, и началось ея странствованіе изъ обители въ обитель. Двадцать лѣтъ прошло монотонной однообразной жизни,—судьба закинула ее подъ кровлю Троицкаго монастыря во время осады. Быть можетъ чудить она начала тутъ отъ невыносимой скуки...

Съ странными двумя сосѣдками свелъ ее случай: царицей Маріей Федоровной, той самой царицей, что была женой Іоанна, разбившаго ея жизнь, той самой, изъ-за сына которой,—да и не изъ-за сына, а изъ-за призрака его—лились и льются безконечные потоки крови, во имя котораго и теперь идетъ эта осада,—и съ другой царственной сосѣдкой—Ксеніей, дочерью Бориса—быть можетъ убійцы ея Дуни, и убійцы того-же Димитрія... Разстроенная, озлобленная, нервная, Марья Владиміровна готова была, не думая, признать царемъ кого бы то ни было, хоть бы вора, назвавшагося именемъ давно погибшаго сына царицы-сосѣдки—ей было все равно, лишь бы изъ неволи выйти...

Санъ „титулярной королевы“ спасъ ее отъ „розыска“. Дѣвочкинъ, какъ простой смертный (хотя въ Лаврѣ по своей должности въ нѣкоторомъ родѣ и высоко поставленный) былъ посаженъ въ яму и попалъ на пытку. Вздумалъ было защищать его воевода Голохвастовъ, но самъ стяжалъ титулъ измѣнника. Наушничество царило среди холопей,—Долгорукому то и дѣло доносили тайкомъ о воровскихъ дѣлахъ Голохвастова, хотя онъ этому мало вѣрилъ. Кончилось тѣмъ, что если бы по слухамъ вѣрить, такъ чуть ли не весь сергіевскій гарнизонъ, съ грудными людьми и столѣтними старцами включительно, слѣдовало бы отправить въ застѣнокъ, какъ измѣнниковъ гробу святителя. Не выдержалъ Долгорукій—написалъ въ Москву, прося перевести Голохвастова куда въ другое мѣсто—отъ него-де вся смута идетъ.

XXII.

Наступила весна. Съ откосовъ побѣжали ручьи, промерзлыя монастырскія стѣны стали оттаивать и грязные потоки змѣйками заструились по нимъ. Бѣлыя извивы дорогъ сперва пожелтѣли, потомъ почернѣли. Снѣгъ уже не скрипѣлъ упруго и твердо, а рыхло поддавался ногѣ. На катальной горѣ, близь кельи Ксеніи, образовались сплошныя лужи; снѣгъ обвалами грозилъ съ крышъ — солнце яркимъ золотомъ заливало его и подтачивало въ каждой крупинкѣ. Проходило царство зимы уходила она дальше на сѣверъ, къ вѣчнымъ льдамъ, уступая мѣсто душистому вѣянію юга.

Сергіевцы пріободрились: становилось теплѣе—меньше топить надо было. „Пройдетъ еще мѣсяцъ,— говорили они,- на дворѣ ночевать можно будетъ“.— Стали крыши разбирать по-немногу на топливо: дескать, потомъ всегда застлать ихъ можно, а теперь все лучше ихъ жечь, чѣмъ за дровами на вылазку ходить, кровь проливать человѣческую.

Наступила и прошла Святая. Алешка все проживалъ въ монастырѣ—отлучиться безъ приказа онъ не могъ, а о немъ въ Москвѣ ровно забыли. Устраивалъ онъ хоры, сплетничалъ между братіей, навѣщалъ изрѣдка Ксенію, и очень нерѣдко видѣлся съ Таней.

Однажды, когда зашелъ онъ къ Ксеніи, она, среди разговора, вдругъ спросила у него:

— Отчего ты, Алешка, никогда на вылазку не ходишь?

— Для того, государыня, что мнѣ не полагается,—отвѣтилъ онъ.

— А почему-же не полагается?

— Я посолъ патріарховъ, при царскихъ грамотахъ состою, и посему жизнью жертвовать мнѣ невмѣстно.

— Какъ невмѣстно? За угодника кровь проливать каждому надлежитъ, посолъ-ли онъ царевъ, или нѣтъ.

— Я цѣлованіемъ крестнымъ утвержденъ, что государю служить буду.—какъ же вдругъ я вмѣсто посольства въ ратное дѣло пойду?

— Что-жь, развѣ тѣмъ твое крестное цѣлованіе нарушится, что ты животъ за государя положишь?

Ничего не отвѣтилъ Алешка и задумался. На другой день вылазка была. Пошелъ онъ за монастырскую стѣну, хотя и не мало потрухивалъ: ночью пройти ползкомъ черезъ воровской таборъ для него пустякъ былъ, но въ открытый бой съ литвою онъ никогда еще въ жизни не вступалъ. Когда до схватки дѣло дошло, онъ однако кинулся на врага первый, памятуя въ сердцѣ своемъ слова Ксеніи. Рослый рыжій полякъ совсѣмъ было придавилъ его, да подвернулся Суета, помогъ ему его одолѣть, разрубивъ поляка какъ есть пополамъ. Вернулся Алешка въ монастырь и пищаль полуторную трофеемъ принесъ. Ксенія похвалила его.

— Ты не раненъ-ли? спросила она его.

Онъ смѣшался нѣсколько.—Нѣтъ, благодареніе Всевышнему,—отвѣтилъ онъ. - Можетъ завтра на вылазкѣ... что Богъ дастъ.

— Нѣтъ ужь ты не ходи больше,—сказала она.

— Что-же?..

— А вдругъ убьютъ... И печаль мнѣ будетъ отъ того,—лучше не надо. Ты вонъ пока тамъ бился, я все молилась за васъ, да трусила...

Алешка такъ и разцвѣлъ весь,—ровно макъ на огородѣ.

— Что это за тобой все старичекъ такой ходитъ? спросила въ другой разъ она.

— Это, государыня, попъ-сорока по прозвищу.—Иначе говоря—отецъ Алфей, онъ не тутошній—пришлый.

— Что онъ странный такой?

— У него умъ въ затмѣніе приходитъ. Дочекъ его въ Тушино свезли, въ полонѣ держатъ.

И онъ разсказалъ исторію попа. Ксенія живое участіе въ немъ приняла.

— Голубчикъ—ужь ты помоги ему дочекъ-то достать сказала она.—Коли денегъ нѣтъ—дамъ я ему. Только ты непремѣнно выкупи... И знаешь что: коли онѣ, послѣ полона ихняго душевный покой захотятъ снискать—привези ихъ ты ко мнѣ.—Несчастненькія вѣдь онѣ,—я чѣмъ могу, все имъ...

— Можетъ онѣ и не живы ужъ,—замѣтилъ Алешка.

— Никто какъ Богъ, возразила она.—Такъ привезешь?

Алешка обѣщалъ.

— А старику-то не нужно-ли чего, ты скажи. Ему бы, старому, на покой пора, а не то что въ этакой передрягѣ...

— Заговаривается онъ больно, языкъ-то его не слушается, вотъ горе-то въ чемъ,—со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Эта зима сильно повліяла на Алфея. Онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сгорбился. Въ монастырѣ, гдѣ ему жилось, все таки покойнѣе, чѣмъ предъидущіе мѣсяцы,—онъ имѣлъ возможность сосредоточить свои мысли, оглянуться на прошлое. Но въ головѣ у него все стало какъ-то путаться, онъ чувствовалъ полнѣйшій разбродъ мыслей, и никакъ не могъ ихъ собрать въ одно опредѣленное цѣлое. Все, что было до увода дочерей—было для него совершенно ясно и полной, послѣдовательной картиной развертывалось передъ нимъ,—но все послѣдующее путалось, обрывалось, мѣшалось. Снѣгъ, кровавая лужа, Ванька Горшокъ, Лавра, патріархъ,—все ходуномъ ходило въ головѣ, прыгало, безпорядочно сновало при первой же попыткѣ сообразить что нибудь, вникнуть въ свое положеніе. Нерѣдко хотѣлъ сказать онъ одно, а языкъ говорилъ совсѣмъ другое. Одно только онъ понималъ и сознавалъ: надо выкупить дочерей, и объ этомъ часто говорилъ съ Алешкой.

— Что-же скоро?

— Какъ только будетъ можно, отвѣчалъ Алешка.

— Когда-же?

— Когда Богъ дастъ.

— А мы опять къ патріарху пойдемъ? внезапно спрашивалъ онъ.—Къ Филарету, а?

— Да Филаретъ не патріархъ.

— Какъ не патріархъ? Всѣ говорятъ—патріархъ.

— Это тушинцы его такъ величаютъ, а онъ не возведенъ;—по прежнему митрополитъ только. Царь возводить не можетъ, вразумлялъ Алешка.

— Такъ я значитъ у патріарха совсѣмъ и не былъ? вдругъ изумился Алфей.

— Ты у митрополита былъ.

— У митрополита, протянулъ Алфей, и задумался.

— Денегъ у меня нѣтъ, всхлипывалъ онъ иногда.—Чѣмъ мы заплатимъ ворамъ-то...

— Найдемъ денегъ, не тужи.

— Найдемъ?... Молиться надо усерднѣе, можетъ и найдемъ.

Ни Алфей, ни Алешка къ счастію ничѣмъ не заболѣвали, хотя въ лаврѣ свирѣпствовала цынга—отъ нея такъ и мерли. Цынга донимала сергіевцевъ хуже воровъ, но о сдачѣ, тѣмъ не менѣе никто и не думалъ.

Къ Алфею постепенно привыкли въ монастырѣ, и смотрѣли на него дружелюбно: всѣ видѣли, что онъ слегка „въ затмѣніи", и потому „человѣкъ божій". Самъ архимандритъ не разъ заговаривалъ съ нимъ, но Алфей относился къ нему совершенно равнодушно, безъ достодолжнаго почтенія, почему тотъ и увѣрялъ, что у него „рѣшительно все отшибено". Молился онъ очень усердно и ни одной службы не пропускалъ, но дѣлалъ все это какъ то механически, бормоча постоянно про себя: „тихъ-тихъ, мои дочурочки"..

Наконецъ вызвали Алешку въ Москву, и сталъ онъ снаряжаться въ путь-дорогу. Ксенія усѣлась писать письмо къ теткѣ, а Танька ударилась въ слезы, проревѣла весь день на пролетъ и отъ ѣды отбилась. Воевода и архимандритъ тоже засѣли за грамоты; Алфей сталъ суетливо сбираться, не зная куда дѣвать доброхотныя даянія, которыми снабжали его сергіевцы. Въ день ихъ отъѣзда лисовчики подъѣзжали къ самымъ стѣнамъ и пугали осажденныхъ ужасными вѣстями:—„и Москва-де сдалась, и Шуйскій у насъ въ плѣну, и Михайло Скопинъ подъ Тверью разбитъ,—сдавайтесь и вы, коли сдадитесь, такъ животы ваши не тронемъ, а упорствовать будете—камня на камнѣ не оставимъ и младенцевъ безсловесныхъ непомилуемъ,—за насъ теперь вся Русь". Но сергіевцы празднымъ рѣчамъ не повѣрили, кричали въ отвѣтъ: „Вотъ кабы вы сказали, что подъ Тверью князь Скопинъ берега поровнялъ тѣлами вашими, и звѣрье вашу мертвечину жретъ—мы бы повѣрили... А теперь вы только оружіемъ съ нами разговаривайте"...

Поляки видѣли, что мало толку выходитъ изъ ихъ увѣщаній: въ отвѣтъ на ихъ милостивыя грамоты приходили такія посланія: „Темное державство, гордые военачальники, Сапѣга и Лисовскій, и прочая дружина ваша! Десятилѣтній ребенокъ въ Лаврѣ смѣется вашимъ совѣтамъ. Мы получили посланіе ваше и оплевали его. Что за польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта, промѣнять честь на безчестье, истину на ложь, свободу на рабство, нашу православную вѣру на еретическій законъ, проклятый отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Что за прибыль и честь мѣнять своего царя на ложнаго врага-латинца, и быть хуже жидовъ? Жиды не признавши Господа распяли, а мы своего Государя знаемъ... И вы хотите прельстить насъ лживою лаской, лестью, суетнымъ богатствомъ! Всего міра богатства не возьмемъ, за свое крестное цѣлованіе".

И такимъ-же твердымъ оплотомъ стояла Лавра въ день ухода попа и Алексѣя, какъ въ день ихъ прихода, если не тверже еще. Когда отошли они отъ стѣнъ монастырскихъ, и послѣдній разъ на нее оглянулись, Алфей протянулъ руку и сказалъ:

Выстоитъ,—врата адовы не одолѣютъ ю.

— Аминь! отвѣтилъ Алешка.

Ушли они, и все по прежнему пошло въ Лаврѣ: опять сплетни, пересуды, доносы. Опять титулярная королева и Дѣвочкинъ на сценѣ, опять вылазки, приступы, кровь. Ксенія стала служить панихиды по своимъ, которымъ выходила память, а Таня стала находить за послѣднее время что соборный дьяконъ Варлаамъ отнюдь не хуже Алешки, только бородавка у него была совсѣмъ не на мѣстѣ: на самомъ кончикѣ носа.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ.)

Римскій папа Пій IX.

26-го января (7-го февраля) с. г. въ Римѣ, послѣ довольно продолжительной, но перемежавшейся болѣзни, скончался папа Пій IX.

Іозефъ-Марія графъ Мастаи-Ферреги, получившій вмѣстѣ съ папскою тіарою имя *Пія IX*, родился въ Сенигаліи въ 1790 году, 13-го мая, слѣдовательно въ самый разгаръ революціон-

ныхъ движеній прошлаго вѣка. Дѣтство его прошло скромно, и воспитаніе, по всей вѣроятности, не отличалось отъ обычнаго характера воспитанія въ итальянскихъ привиллегированныхъ семьяхъ того времени. Семейство, въ которомъ родился будущій папа, принадлежало къ мелкому дворянству, и имѣло въ Сенигаліи лишь большой домъ.

Въ 1815 году (т. е. имѣя 24 года отъ роду) молодой графъ Мастаи поступилъ въ дворянскую гвардію, каковая карьера представляется обыкновенною въ Римской провинціи. Но вскорѣ юношѣ пришлось отказаться отъ военной службы, такъ какъ онъ страдалъ падучею болѣзнью; вслѣдствіе этого Мастаи долженъ былъ отказаться отъ военной карьеры и посвятить себя духовному званію, но и при этомъ ему долго не удавалось получить священнаго сана. Во всемъ была виновата падучая болѣзнь. Однако онъ рѣшился, во что бы то ни стало, добиться священническаго сана, и обратился съ смиренною просьбою по этому поводу къ тогдашнему папѣ Пію VII. Послѣдній, говорятъ, сказалъ ему: „Сынъ мой! Я разрѣшаю тебѣ принять это званіе; я даже знаю, что припадки падучей болѣзни уже болѣе не возвратятся къ тебѣ!“ Дѣйствительно, изъ послѣдующей жизни Мастаи-Ферретти не видно, чтобы падучая болѣзнь къ нему возвращалась, хотя при избраніи Мастаи въ папы завистники и усиливались распространить подобные слухи. У римско-католиковъ обрядъ возведенія въ священническій санъ состоитъ въ постриженіи. Это постриженіе надъ молодымъ Мастаи состоялось въ 1822 году, и за симъ графъ Мастаи присоединился къ католической миссіи, отправлявшейся въ Чили. Во время этого путешествія будущій папа чуть было не потонулъ, и едва-едва ему удалось спастись вплавь. По возвращеніи съ миссіонерской дѣятельности изъ Чили въ 1825 году, Мастаи произвели въ каноники и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали членомъ правленія апостолическаго страннопріимнаго дома Св. Михаила. Немного спустя тогдашній папа Левъ XII назначилъ Мастаи архіепископомъ въ Сполетто, а слѣдующій затѣмъ папа, знаменитый Григорій XVI, поручилъ ему епископство Имолу, одно изъ богатѣйшихъ епископствъ Церковной области. Въ 1840 году, успѣвшій уже пріобрѣсть большую популярность и уваженіе, монсиньюръ Мастаи сдѣланъ былъ кардиналомъ, а черезъ 6 лѣтъ, по смерти Григорія XVI, онъ вступилъ на папскій престолъ. Это вступленіе произошло 26-го іюня 1846.

Бурное было это время — тогда знаменитое движеніе 1848 года стояло уже у порога. Новаго папу привѣтствовала Италія съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и замѣчательно, что тогда же всюду въ Италіи пробудились надежды на реформы по иниціативѣ новаго папы. Это объясняется жестокимъ, почти безчеловѣчнымъ управленіемъ Церковною областью при Григоріи XVI. Мягкій и симпатичный характеръ Пія рождалъ надежды во всякомъ случаѣ на лучшее будущее.

Новый папа, дѣйствительно, не медля и съ рѣшимостью принялся за реформы, состоявшія въ слѣдующемъ: Пій IX, во-первыхъ, упразднилъ такъ называемую Швейцарскую гвардію, содержаніе которой слишкомъ тяжело обходилось населенію Церковной области, затѣмъ далъ полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, сдѣлалъ своимъ секретаремъ кардинала Гицци, извѣстнаго своими гуманными и либеральными воззрѣніями, правда, бывшаго соперника Пію въ исканіи папской тіары. Далѣе наложена была, тоже въ видахъ облегченія народа, подать на все духовенство, назначена коммисія юрисконсультовъ для преобразованія римскихъ законовъ и строго наказывались всякія злоупотребленія. Вскорѣ созванъ былъ государственный совѣтъ, т. е. совѣтъ представителей знатныхъ фамилій. Совѣтъ этотъ немедленно обнародовалъ требованія свободы печати, образованія такъ называемой итальянской лиги, эмансипаціи евреевъ и устраненія іезуитовъ отъ церковно-общественной дѣятельности. Потомъ оказалось, что за этими „европейскими“ реформами было кое-что скрыто. Такъ, напримѣръ, іезуиты были устраняемы только номинально, въ существѣ же дѣла продолжали твердо держаться. Эта-то двусмысленность положенія оттолкнула либеральную партію отъ общаго дѣла и дала перевѣсъ рьянымъ предводителямъ революціонной партіи, успѣвшимъ пропитаться идеями свободы, исходившими тогда изъ Франціи во всю Европу. Эти революціонеры потребовали отъ папы конституціи, которая и была дана 14-го марта 1848 года. Это была такъ называемая теократическая или духовная конституція, обезпечивавшая, однако, для народа покровительство законовъ и защиту отъ разныхъ вѣковыхъ злоупотребленій, особенно вкоренившихся при Григоріи XVI. Революціонный элементъ, однако, и при этихъ условіяхъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы не произвесть взрыва.

Взрывъ этотъ испугалъ папу и онъ рѣшилъ *бѣжать изъ Рима*! Его спасла отъ народной ярости аббатская одежда, шляпа съ широкими полями и цвѣтные очки. Мѣстомъ бѣгства Пія IX была Гаэта (въ тогдашнемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, недалеко отъ Неаполя). Онъ, однако, скоро возвратился, какъ только утихла революціонная буря въ Италіи, и съ этихъ поръ Пій IX, наученный опытомъ, сдѣлался абсолютнымъ государемъ своей области и поручилъ управленіе дѣлами кардиналу Антонелли.

Съ этихъ поръ какъ бы совершенно уничтожились результаты реформъ, начавшихся въ первый годъ управленія Пія IX. Финансы Церковной области пришли въ разстройство, и по сіе время уже никогда не поправлялись отъ своего хроническаго недуга. Строились, правда, желѣзныя дороги, и предпринимались и другія мѣры, обусловливаемыя требованіями цивилизаціи; но все это служило лишь къ сбогащенію спекулянтовъ и къ наибольшему обнищанію народа. Въ то же время въ Римѣ стояла чужеземная (именно французская) армія, для обезпеченія цѣлости папскаго трона, подъ начальствомъ генерала Ламорисьера. Вотъ на эту-то поддержку войсками Наполеона III папа и продолжалъ опираться вплоть до самаго 1870 года, когда вспыхнула франко-прусская война, палъ Наполеонъ III, возвысилась на степень имперіи Германія, и въ самой Франціи провозглашена была республика. Тогда-то Франція,

Папа Пій IX † 26 Января / 7 Февраля 1878 г.
Съ фотог. грав. Вейерманъ.

Искушеніе на пути къ честному труду. Картина Мерле, рис. на деревѣ Джонъ Девисъ, грав. Т. Куль.

очевидно, было уже не до защиты папства—не было въ этомъ ни интереса, ни цѣли. У короля Виктора-Эммануила развязаны были руки дѣйствовать противъ папскаго правительства вообще и противъ папской свѣтской власти въ особенности.

Настал роковой для папства день 20-го сентября 1870 г. Въ этотъ день итальянскія королевскія войска вступили въ Римъ, войска Пія IX обезоружены, самому папѣ былъ отведенъ тѣсный уголокъ, защищаемый крѣпостью св. Ангела и содержащій въ себѣ Ватиканъ и церковь Св. Петра. Съ этого времени до дня своей смерти Пій IX не переставалъ считать себя мученикомъ.

Папа Пій IX, не смотря на свои либеральныя стремленія, былъ всегда игрушкою іезуитовъ, но еще болѣе онъ сдѣлался этою игрушкою по своемъ возвращеніи изъ гаэтскаго изгнанія. И вотъ подъ этимъ-то усиленнымъ вліяніемъ явились произведенія Пія IX: *„Силлабусъ"* и *„Энциклика"*, обнародованныя папою въ 1864 году. Въ томъ и другомъ папа гремитъ и проклинаетъ, какъ вещи еретическія: свободу вѣроисповѣданія и свободу совѣсти, независимость свѣтской власти отъ духовной, равенство правъ для духовныхъ и мірскихъ лицъ, права народовъ относительно избранія себѣ властей и относительно законодательной дѣятельности, смѣшанные браки, свѣтскія школы. Самый языкъ, которымъ написаны эти произведенія—стопудовая средневѣковая латынь—еще болѣе усиливаетъ отталкивающее впечатлѣніе „Силлабуса" и „Энциклики". Отъ этого и образовалась насмѣшливая поговорка, что папа утомился и измучился отъ тяжкихъ работъ надъ „Силлабусомъ". Но еще за 10 лѣтъ до появленія въ свѣтъ этихъ произведеній, именно въ 1854 г., Пій IX обнародовалъ новый догматъ „о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы". Это произвольное и незаконное мудрствованіе Пія IX, противорѣчащее всѣмъ догматамъ и преданіямъ вселенской церкви, еще болѣе увеличило преграду, раздѣляющую нашу православно-восточную церковь съ Римско-католическою. Одновременно съ европейскими переворотами, обусловленными побѣдою Германіи надъ Франціей, былъ созванъ Піемъ IX Ватиканскій соборъ, засѣданія которого продолжались отъ 8-го декабря 1869 г. до 20-го октября 1870 г. Соборъ этотъ имѣетъ значеніе не съ церковной, а съ политической и отчасти съ исторической точки зрѣнія, потому что съ этого времени начинаютъ образовываться въ Европѣ новыя отношенія Римско-католической церкви къ государству и съ этихъ поръ начинается въ Европѣ ожесточенная борьба между безусловными поклонниками католицизма и папства, или ультрамонтанами, и между партіями и обществами, желающими очистить папство отъ его вѣковыхъ наростовъ. Это такъ называемые старокатолики. Засимъ и протестантскій элементъ выступилъ въ ожесточенную борьбу съ папствомъ. Этотъ элементъ примкнулъ къ старокатолическому, потому что оба они сражались и сражаются теперь противъ одного врага: противъ принципа папской непогрѣшимости. Эта „непогрѣшимость" потерпѣла значительное крушеніе уже на Ватиканскомъ соборѣ.

До самой смерти Пій IX, усиливаясь сохранить за собою прерогативу (преимущество) непогрѣшимости, считалъ себя мученикомъ. Въ послѣдніе годы Пій IX постоянно сравнивалъ себя съ самимъ Господомъ Богомъ, а свои неудачи въ борьбѣ за непогрѣшимость съ Его страданіями. Вѣрные католики и ультрамонтаны въ послѣднее время усиленно посѣщали Пія IX. Образовался въ нѣкоторомъ смыслѣ *папскій культъ*. Пилигримство въ Римъ приняло громадные размѣры. Тысячи католиковъ-пилигримовъ толпились у папскаго престола, чтобы поцѣловать *руку* и *ногу* Ватиканскому мученику. Старыя рясы папы разрывали на части и раздавали какъ святыя мощи. Благодаря этому, наживалась челядь Пія IX. Камердинеръ папы, Петръ, бралъ сумасшедшія цѣны за клочокъ папскихъ волосъ или за какую нибудь принадлежащую папѣ туалетную бездѣлку.

Со времени взятія Рима войсками Виктора-Эммануила, Пій IX уже до самой смерти не оставлялъ ограды своего дворца. Сначала Пій IX ѣздилъ часто въ свое любимое лѣтнее мѣстопребываніе *Кастель-Гандольфо*, посѣщалъ вмѣстѣ съ археологомъ Висконти Палатину или Эмнорію, но затѣмъ, въ виду дряхлости и упадка силъ папы, и эти поѣздки прекратились.

Къ рисункамъ.

Въ гаремѣ.

При словѣ гаремъ—воображеніе невольно рисуетъ самыя роскошныя, самыя фантастическія картины. Сейчасъ приходятъ на умъ пестрыя, затѣйливыя сказки Шехеразады, такъ-же хитро сплетеныя какъ тѣ арабески, что дивнымъ узоромъ охватываютъ стѣны востока, и составляютъ неизбѣжное украшеніе мавританской архитектуры. И не даромъ художники такъ часто хватаются за изображеніе гаремной жизни, хотя и бѣдной внутреннимъ содержаніемъ, но за то столь богатой красивыми формами и пятнами. Не даромъ поэты охотно переносятся воображеніемъ на востокъ: молодая, кипучая, южная сила, спертая въ душныхъ стѣнахъ дворца,—куда представляетъ лучшій предметъ для поэмы, чѣмъ для картины. Не говоря о *Бахчисарайскомъ фонтанѣ*, весьма слабой вещи (по сознанію самаго Пушкина), мы не можемъ не упомянуть о превосходномъ описаніи гаремовъ въ безсмертномъ *Донъ-Жуанѣ* Байрона. И именно теперь, когда наши войска находятся на пути къ Стамбулу, далеко не безъинтересно перечитывать чудныя строки о бытѣ и нравахъ гарема. Вспомните, напримѣръ, прелестную картину „Шествіе султана къ его любимой одалискѣ. Евнухъ докладываетъ:

—„Невѣста солнца, мѣсяца сестра!
(Такъ началъ онъ) Твой взглядъ міры смущаетъ,
Твоей улыбки розовой игра
Планеты въ небѣ счастьемъ оживляетъ!
Я—рабъ твой—вѣсть сладчайшую принесъ,
Торжественнымъ посломъ мнѣ быть пришлось,
Чтобъ заявить предъ царственной женою:
Само свѣтило шествуетъ за мною"!..
Сперва явился женщинъ длинный рядъ,
Потомъ тянулись евнухи султана.
Идя къ женѣ, султанъ хранилъ обрядъ
Предупреждать о томъ супругу рано..
Султанъ серьезнымъ видомъ обладалъ
До самыхъ глазъ заросшимъ бородою.—
Онъ изъ тюрьмы на братнинъ тронъ попалъ,
Смѣнивъ его обычной чередою...
Являлся аккуратно онъ въ мечеть,
Всегда держался самыхъ строгихъ правилъ,
Но за страной рѣшился не смотрѣть;
Дѣлами государства визирь правилъ,
Хотя измѣны были иногда,
Но рѣдко расходились по народу,—
Измѣнники смирялись безъ труда;
На голову мѣшокъ, и—прямо въ воду;
Такъ подъ водой и умиралъ секретъ,
Не ставши достояніемъ газетъ;
Газеты впрочемъ пикнуть не могли-бы—
Довольны оставались только рыбы...
Сто человѣкъ дѣтей имѣлъ султанъ.
Всѣхъ дочерей держалъ онъ очень строго,
Какъ въ парникѣ цвѣты полдневныхъ странъ;
Когда же подросли онѣ немного,
Онъ за пашей ихъ замужъ отдавалъ,
За что паша подарки присылалъ:
Вотъ посему-то дочери султана
Всѣ отдавались въ жены очень рано...
А сыновья... имъ было два пути
(И выпадалъ не часто жребій лестный)
Иль на престолъ отцовъ своихъ взойти,
Иль умереть отъ петли очень тѣсной.
Старались ихъ отлично воспитать—
И многіе умѣли доказать,
Что ихъ съ успѣхомъ равнымъ—если взвѣсить—
Короновать возможно иль повѣсить.

Въ этомъ полномъ юмора и правды описаній, какъ нельзя лучше, (короче и яснѣе, чѣмъ на сотняхъ страницъ) обрисовывается стамбульская жизнь, застывшая, замершая на одной точкѣ. И два исхода можетъ быть для подобнаго сна,—одинъ,—когда минуетъ наконецъ этотъ сонъ, и нація, какъ одинъ человѣкъ проснется и бодро схватится за жизнь,—и другой—когда болѣзненная спячка перейдетъ въ смертный сонъ, вѣчный, не пробудный. Для Стамбула первый исходъ невозможенъ,—Порту не воскресить никакими медикаментами,—остается ждать ея смерти, и не принимать предсмертной хрипоты, за признакъ пробужденія...

Но пока что—а гаремы еще процвѣтаютъ... Проникаютъ-ли туда вѣсти съ театра войны, оживляя затхлую, мертвенную атмосферу? Если и проникаютъ, то неясными, глухими слухами.

Все по прежнему,—и важными событіями въ гаремѣ, какъ и прежде, считаютъ случай, подобный изображенному на прилагаемой картинѣ Гуцмана,—когда обезьяна стащитъ, сорвавшись съ цѣпочки, чье нибудь ожерелье и усядется на карнизѣ, скаля зубы въ отвѣтъ на попытки негритянки—привлечь ее внизъ съ помощью зеркала. **Г. С—скій.**

Очерки изъ русской исторіи.

(Владиміръ Святой).

Историческая сцена, изображенная на прилагаемомъ къ этой статьѣ рисункѣ, относится къ тому отдаленному періоду русской исторіи, который отстоитъ отъ насъ почти на цѣлое тысячелѣтіе. Но не смотря на это, исторія съумѣла собрать и привести въ стройное цѣлое всѣ тѣ разбросанныя о такомъ отдаленномъ періодѣ русской жизни свѣдѣнія, которыя нашлись въ сказаніяхъ древнихъ лѣтописей.

Группируя здѣсь эти свѣдѣнія въ размѣрахъ, соотвѣтствую-

щихъ вашему журналу, остановимся прежде всего на жизнеописанiи главнаго героя сцены, изображенной на нашемъ рисункѣ, т. е. Владимiра Святого.

Владимiръ Св. былъ сынъ Святослава и правнукъ Рюрика. Святославъ оставилъ трехъ сыновей: Ярополка, Олега и Владимiра. Послѣднiй былъ сыномъ отъ ключницы Ольгиной Малуши, родомъ изъ Любеча. „Володимеръ бѣ отъ Малуши, ключницы Ользины", такъ говорится о немъ въ лѣтописяхъ. Ярополкъ княжилъ въ Кiевѣ, Олегъ въ землѣ Древлянской, Владимiръ въ Новгородѣ. Ярополкъ не имѣлъ власти надъ удѣлами своихъ братьевъ, и такимъ образомъ Святославъ первый ввелъ обыкновенiе *давать сыновьямъ особенные удѣлы*, примѣръ имѣвшiй слѣдствiемъ немало несчастiй для страны.

О назначенiи Владимiру Новгорода, въ лѣтописяхъ разсказывается слѣдующее. Когда Святославъ Игоревичъ намѣревался окончательно завоевать Болгарiю и поселиться въ ней на Дунаѣ, къ нему явились послы отъ Новгорода съ просьбою оставить имъ въ правители одного изъ сыновей его. Ярополкъ и Олегъ отказались. Тогда Добрыня, дядя Владимiра по матери его Малуши, присовѣтовалъ Новгородцамъ просить Владимiра. Святославъ охотно отпустилъ сына, сказавъ: „Вотъ по васъ князь»! Событiе это исторiя относитъ къ 970 году. Святославъ погибъ въ войнѣ съ Печенѣгами, а между братьями начались ссоры. Надобно сказать, что Олегъ, охотясь однажды въ своихъ лѣсахъ, убилъ забравшагося въ нихъ сына воеводы Свѣнельда—сподвижника Игоря и Святослава. Свѣнельдъ, желая отмстить убiйцѣ сына, возбудилъ Ярополка противъ Олега. Олегъ былъ убитъ.

Этотъ случай имѣлъ большiя послѣдствiя. Владимiръ, услышавъ о смерти брата и боясь властолюбiя Ярополка, бѣжалъ за море къ Варягамъ; онъ набралъ между ними сильную дружину и открылъ наступательное движенiе противъ Ярополка, предупредивъ посадниковъ ярополковыхъ такою рѣчью: „Идите къ брату моему: да знаетъ онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да готовится онъ отразить меня".

Въ это-же время у Владимiра явилось желанiе отнять у брата его невѣсту, дочь Полоцкаго князя Рогвольда—прекрасную Рогнѣду. Рогвольдъ рѣшительно не зналъ которому изъ братьевъ отдать преимущество и представилъ выборъ самой Рогнѣдѣ. Рогнѣда предпочла Ярополка. Нужно замѣтить, что въ древней Руси существовалъ обычай, по которому новобрачная должна была въ первую ночь разувать мужа; Рогнѣда, отказывая Владимiру, сказала: „Не хочу изути робичича", намекая этимъ на происхожденiе Владимiра отъ рабыни Малуши.

Раздраженный Владимiръ все-таки достигъ своего: онъ умертвилъ отца Рогнѣды, двухъ братьевъ ея, овладѣлъ Полоцкомъ и взялъ себѣ въ жены Рогнѣду. Затѣмъ съ помощiю своего сообщника, воеводы Блуда, Владимiръ убилъ Ярополка и овладѣлъ Кiевомъ. Отъ Ярополка осталась беременная жена его, Гречанка, плѣнница Святослава. Лѣтописецъ говоритъ о ней такъ: „У Ярополка же жена грекини бѣ и бяше была черницею; бѣ привелъ отецъ его Святославъ и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея, Володимеръ-же залеже жену братьню грекиню и бѣ не праздна отъ нея же родился Святополкъ". „Отъ грѣховнаго бо корени золъ плодъ бываетъ", замѣчаетъ лѣтописецъ. Утвердивъ свою власть рядомъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, доказывавшихъ его рѣдкое мужество и стойкость, Владимiръ дѣлается ревностнымъ служителемъ исповѣдуемой имъ религiи: онъ сооружаетъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головой и золотыми усами, возстановляетъ въ честь боговъ и торжественныя кровавыя жертвоприношенiя. Кiевъ дѣлается столицею правленiя и религiи, а Владимiръ обладателемъ власти по праву князя и первосвященника. По выраженiямъ лѣтописца, еще никогда на Руси не было такого гнуснаго идолослуженiя какъ въ это время. Быть можетъ совѣсть мучила Владимiра и этими жертвами онъ хотѣлъ примириться съ богами, раздраженными его братоубiйствомъ, ибо и самая вѣра языческая не допускала такихъ злодѣянiй.

Хотя по понятiямъ того времени на каждаго родича возложена были обязанность мести, такъ какъ месть была и единственнымъ средствомъ защиты отъ насилiй, тѣмъ не менѣе она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, и сынъ не могъ мстить отцу, братъ брату, ни за какую бы то ни было обиду. Въ этомъ случаѣ дѣла рѣшались властiю родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такимъ образомъ убiйство Ярополка Владимiромъ изъ мести не могло быть признано за справедливое, и есть основанiя предполагать, что въ этомъ убiйствѣ вѣрнѣе участвовалъ Добрыня, желавшiй сдѣлать племянника княземъ всей русской земли.

Совершая обильныя идолослуженiя, Владимiръ оставался въ то же время „необузданнымъ женолюбцемъ". Кромѣ пяти законныхъ женъ—Рогнѣды, Гречанки, Богемки, Славянки, уроженки Болгарiи, и еще неизвѣстной по мѣсторожденiю, было у него по словамъ лѣтописи—300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 около Кiева и 200 въ селѣ Берестовѣ. Онъ былъ, по выраженiю лѣтописца, въ этомъ отношенiи вторымъ Соломономъ.

Вскорѣ по завоеванiю Кiева Владимiръ выпроводилъ наемныхъ Варяговъ изъ Руси. Варяги просились въ Грецiю, и онъ отпустилъ ихъ всѣхъ, оставивъ у себя только умныхъ и смышленныхъ. Владимiръ окружилъ себя Руссами и Славянами; Руссы и Славяне составили его бояръ, гридню, дружину, тiуновъ. У каждаго князя того времени были свои бояре; они главнымъ образомъ участвовали въ его совѣтахъ: изъ нихъ назначались высшiя должностныя лица—посадскiе, тысяцкiе и воеводы. Низшая часть дружины—отроки, употреблялись на низшiя должности. Тiуны были главнымъ образомъ казначеями „се третье холопьство, тивуньство безъ ряду". Всѣ эти классы однакожъ не имѣли значенiя постоянныхъ кастъ и даже опредѣленности сословiй.

Дворъ Владимiра отличался изумительною роскошью. Изъ дани онъ не копилъ казны, издерживая ее „для всѣхъ подданныхъ на угощенiе дружины и народа".

Ведя войны съ сосѣдственными народами, хорватами и печенѣгами, и побѣждая ихъ, Владимiръ любилъ жизнь веселую, и о пирахъ его слава идетъ чрезъ все тысячелѣтiе русской исторiи. Пиры устраивались имъ чуть-ли не каждую недѣлю. Пировать приходили „и бояре, и гридни, и сотскiе, и нарочитыи мужи".

Но какъ извѣстно имя Владимiра въ исторiи особенно прославлено принятiемъ христiанства, и это событiе, имѣвшее огромное значенiе въ исторiи страны, слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе.

Христiане въ древней Руси, какъ извѣстно, были задолго еще до Владимiра, если не при Рюрикѣ, то несомнѣнно при Игорѣ, и во вторую половину его княженiя ихъ была цѣлая община, имѣвшая свои церкви и священниковъ. Варяги, находившiеся на службѣ въ Константинополѣ принимали христiанство, а считая службу у русскихъ князей болѣе выгодною, они цѣлыми толпами переходили къ нимъ и такимъ образомъ распространяли религiю, все болѣе и болѣе охватывавшую юго-восточныя мѣстности Европы...

Въ народѣ сохраняется преданiе будто Апостолъ Андрей, первый просвѣтилъ Русскую землю свѣтомъ христiанства и на вершинахъ горъ близь Кiева водрузилъ крестъ вѣры. Послѣ Апостола Андрея въ исторiи нашей говорится о крещенiи двухъ князей Аскольда и Дира, для которыхъ будто бы построена была церковь въ Кiевѣ и приглашенъ епископъ изъ Константинополя. Преданiя эти, по словамъ историковъ, хотя и не подтверждается фактическими данными, но даютъ не мало основанiй къ признанiю за ними значительной доли вѣроятности.

Несомнѣнно однако то, что христiанство было занесено въ Русь за долго до Владимiра Св. и исповѣдывалось, какъ частная вѣра, о бокъ съ господствующимъ язычествомъ.

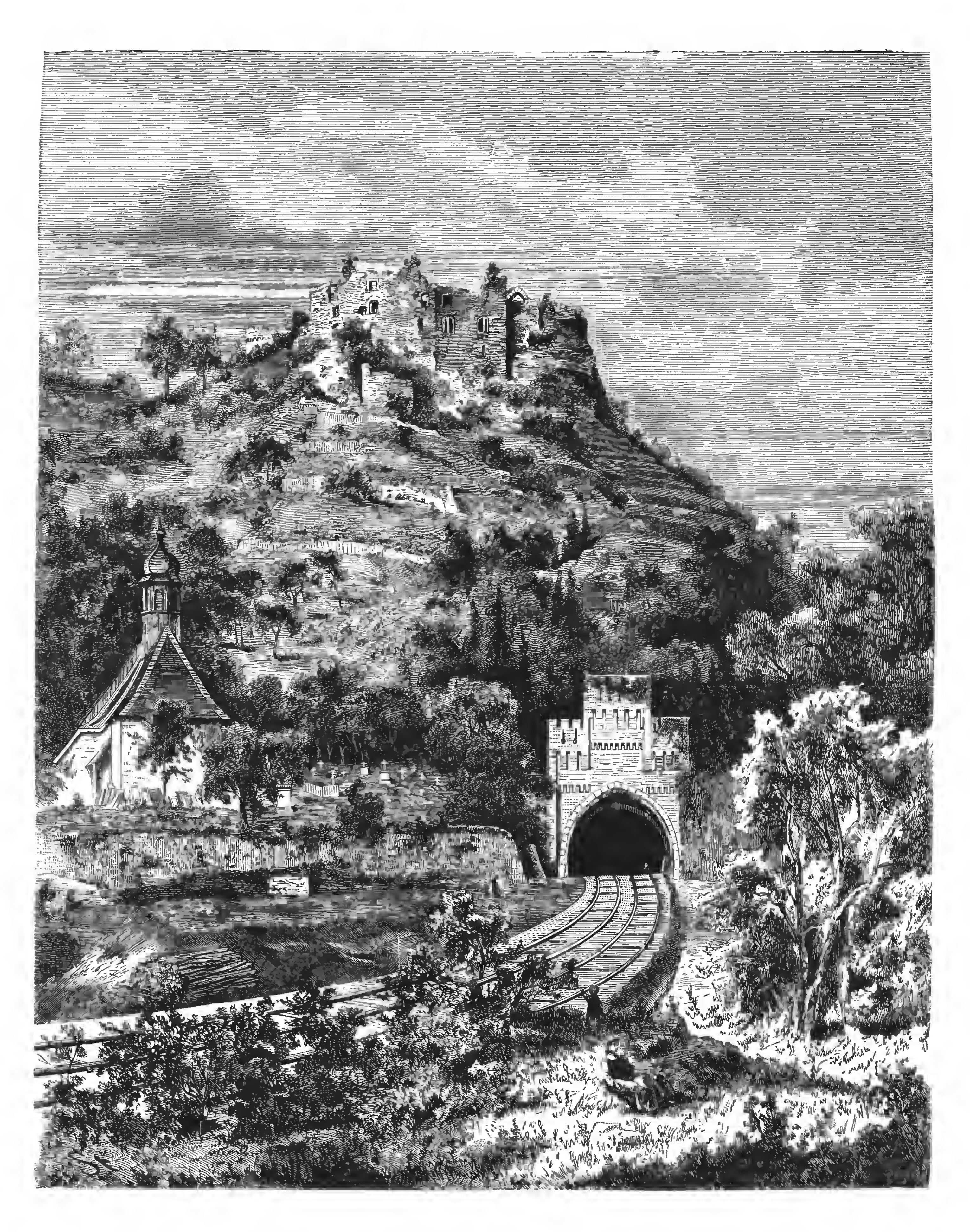
Со смертiю Игоря при Ольгѣ положенiе христiанъ еще улучшилось, но Святославъ, послѣднiй варяжскiй князь, воинъ въ душѣ, носитель идеаловъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ христiанствомъ, презиралъ и пренебрегалъ новой религiей, вмѣстѣ съ другими язычниками смѣялся надъ нею. Не преслѣдуя христiанъ открыто. Святославъ заявилъ однакоже свое нерасположенiе къ нимъ: христiанъ, занимавшихъ высшiя должности, онъ замѣщалъ язычниками.

Такимъ образомъ правленiе Святослава было худшимъ временемъ для христiанъ. Но христiанство только еще болѣе крѣпло отъ этого: искренно вѣрующiе, не измѣняли принятому ученiю. Когда Владимiръ крестивъ вмѣстѣ съ собою всѣхъ русскихъ, сдѣлалъ христiанство общею вѣрою для всего русскаго народа, тогда почва для такого поголовнаго принятiя христiанства кiевлянами была уже подготовлена. И нужно при этомъ имѣть въ виду еще то, что на Владимiра, умнаго и необычайно чуткаго ко всему, не могла не имѣть влiянiя стойкость христiанъ, ихъ высокое вѣрованiе, и видѣлъ онъ, что рушились языческiе кумиры предъ свѣтомъ истиннаго ученiя.

Неприводимъ здѣсь, за общеизвѣстностiю, преданiя о томъ, какъ являлись къ Владимiру послы отъ сосѣднихъ съ Русью народовъ, съ предложенiемъ принятiя ихъ вѣръ, и скажемъ, что Владимiръ могъ избрать лишь вѣру греческую, ибо эта именно вѣра давно исповѣдывалась на Руси. „Если бы дуренъ былъ законъ греческiй, то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не выдумала бы принять его".

Такъ отзывались о греческой вѣрѣ близкiя къ Владимiру лица.

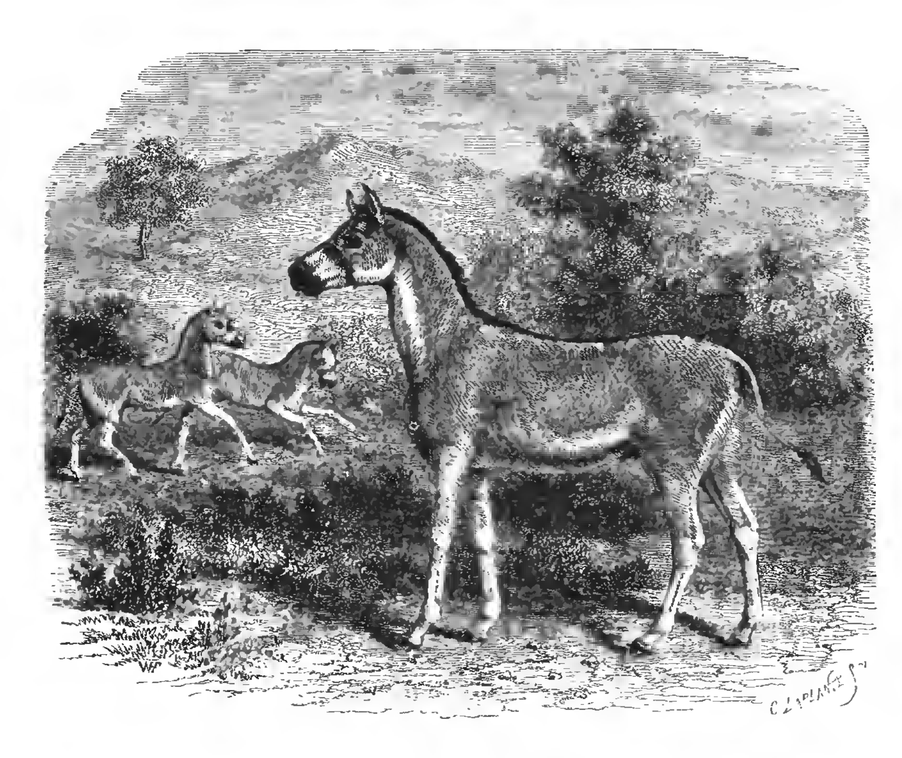
Такимъ образомъ все было готово къ принятiю новой вѣры. Но Владимiръ не желалъ креститься въ своей столицѣ, онъ хотѣлъ торжественнаго крещенiя и считалъ, что только цари греческiе и патрiархи были достойными внести въ его народъ уставы новаго богослуженiя. Гордый князь не желалъ искренно признаться передъ другими въ своихъ заблужденiяхъ вѣры и смиренно просить прощенiя, онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать вѣру и принять святыню рукой побѣдителя. Случай представился. Собравъ многочисленное войско, Владимiръ вступилъ въ Тавриду и осадилъ греческiй городъ Херсонъ. Херсонцы сдались, и Владимiръ вошелъ побѣдителемъ, пославъ сказать императорамъ Василiю и Константину въ Константинополь, что онъ взялъ Херсонъ и проситъ ихъ отдать ему въ супружество сестру ихъ, юную царевну Анну, угрожая въ случаѣ отказа, завоевать Константинополь. Ему отвѣчали, что только принявъ вѣру христiанскую, онъ можетъ получить руку ца-

Видъ развалинъ Франкенштейнъ въ Прирейнскомъ Пфальцѣ. Рис. Штилеръ, грав. Бренд'Амуръ.

ревны. „Скажите царямъ, что я крещусь, сказалъ тогда Владиміръ, я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные вами мужи“.

Такимъ образомъ совершился переходъ Владиміра изъ язычества въ христіанство, имѣвшій послѣдствіемъ распространеніе и прочное водвореніе на Руси христіанской вѣры. Исполнилось желаніе благочестивой его бабки Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе 100 лѣтъ мало по малу укоренялось христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость его. Это знаменательное событіе совершилось въ 988 году.

Джиггетай или монгольскій полуоселъ (Asinus Hemionus). Рис. Фриманъ, грав, Лаплантъ.

Христіанство имѣло огромное вліяніе на широкую душу Владиміра. Разсказываютъ, что когда онъ услышалъ слова Евангелія о любви къ ближнему и обѣщаніе милости Божіей за милосердіе къ несчастнымъ — Владиміръ, послѣ того, велѣлъ каждому нищему приходить па свой княжій дворъ и брать кушанье и деньги. Этого мало: такъ какъ дряхлые и больные не могли приходить сами, то онъ приказалъ развозить имъ пищу. Въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: для духовенства, для нищихъ и третью для себя съ боярами.

Владиміръ умеръ въ Берестовѣ въ своемъ загородномъ дворцѣ въ 1015 г. Причину смерти его отчасти предполагаютъ въ томъ тяжеломъ душевномъ состояніи, которое ему пришлось перенести отъ сына Ярослава (получившаго въ удѣлъ Новгородъ и возставшаго противъ своего отца). Въ избѣжаніе неурядицъ, смерть Владиміра нѣкогорое время старались скрыть. Проломавъ полъ въ комнатѣ, тайно спустили его тѣло, обернутое въ коверъ, положили въ сани и отвезли въ Кіевъ въ Десятинную церковь. Когда кончина его сдѣлалась извѣстной, общій плачъ раздался по городамъ: знатные плакали о немъ, какъ о защитникѣ, убогіе какъ о кормителѣ своемъ. Церковь назвала Владиміра Равноапостольнымъ; въ исторіи онъ заслужилъ имя Великаго.

На нашемъ рисункѣ представлена между прочимъ первая жена Владиміра, Рогнѣда. Художникъ взялъ моментъ, описанный въ Несторовой лѣтописи. Приводимъ его съ нѣкоторыми подробностями. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ и набралъ себѣ

СПБ. Имп. Эрмитажъ. Лѣсной пейзажъ. Картина Рюиздаля, рис. на деревѣ Шарлери, грав. Паннемакеръ старшій.

много другихъ женъ, Рогнѣда, простившая ему убійство отца и братьевъ, не могла простить измѣны въ любви. Перевезенная изъ дворца въ теремъ на берегу Лыбеди, близь Кіева, она скучала и томилась въ одиночествѣ и замышляла мщеніе. Однажды, послѣ охоты Владиміръ завернулъ къ ней на ночь и усталый крѣпко заснулъ. Рогнѣда хотѣла зарѣзать его ножемъ, но Владиміръ проснулся, схватилъ ее за руку и рѣшился самъ казнить несчастную женщину. Онъ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была одѣта она въ день брака, и сидя на богатой постели, дождать его. Рогнѣда повиновалась ему, но въ тоже время приказала своему маленькому сыну Изяславу взять въ руки обнаженный мечъ и встрѣтить отца со словами: „Отче! еда единъ мнишися ходя"? „А кто тя мнѣлъ сдѣ"? спросилъ Владиміръ и бросилъ мечъ. Эту именно сцену и изображаетъ нашъ рисунокъ.

Призванные Владиміромъ для суда надъ Рогнѣдою бояре упросили простить виновную для младенца и дать въ удѣлъ бывшую область ея отца.

Въ тверской лѣтописи сохраняется преданіе о послѣдующей жизни Рогнѣды, послѣ крещенія Владиміра. Въ этой лѣтописи говорится: „Владиміръ посла къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и пріяхъ вѣру и законъ христіанскій, подобаетн ми едину жену имѣти, его же поялъ въ христіанствѣ. Изберн убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да счетаю тя ему. Она же отвѣщавши рѣче ему: или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въсиріяти, а мнѣ мало временныхъ сихъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе божіе, азъ же бывъ царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, ни увѣститися хощю христови и въсиріиму ангельскій образъ." Сынъ ея Изяславъ, при этихъ словахъ заплакалъ и воскликнулъ: „О, мать моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ". Рогнѣда ушла въ монастырь и въ постриженіи названа Анастасіей.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, между которыми, по обычаю того времени и раздѣлилъ свое государство. Много ссоръ,—неурядицъ и преступленій было совершено его дѣтьми въ борьбѣ одинъ съ другимъ; но эта борьба и ея послѣдствія не могутъ уже служить предметомъ нашей статьи, и будутъ разсказаны впослѣдствіи при первомъ имѣющемъ представиться для этого случаѣ.

Ор.

Искушеніе на пути къ честному труду.

(Картина А. Мерле).

Авторъ картины взялъ мотивомъ для своего произведенія моментъ борьбы чувствъ въ молодомъ художникѣ, когда онъ, движимый сознаніемъ долга, проходитъ мимо искушеній, и когда эти искушенія силятся сманить его на свою сторону.

Замыселъ картины не совсѣмъ ясно выраженъ, мысль автора не осуществилась въ ней съ совершенною опредѣленностью и простотой; какое-то туманное, неопнятное впечатлѣніе производитъ она на зрителя съ перваго взгляда и не мало времени нужно для того, чтобы освоиться съ ея сюжетомъ.

Отчего это происходитъ?

Отъ того, что авторъ придалъ своей картинѣ нѣсколько аллегорическій характеръ, и живыя лица поставлены у него не только для того, чтобы изобразить самихъ себя, но еще и нѣчто другое, имѣющее отвлеченное понятіе, такъ, напримѣръ, молодыя дѣвицы не только изображаютъ собою молодыхъ дѣвицъ, но и самое „искушеніе".

Положимъ, это справедливо, и молодая дѣвица уже искони, такъ сказать, являетъ собою воплощенное искушеніе; но если такъ, то къ чему же придавать картинѣ аллегорическій смыслъ?

Вопросъ этотъ въ образцовыхъ произведеніяхъ современнаго искусства уже не имѣетъ мѣста: задача его теперь главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, чтобы выражать всякую изъ задуманныхъ идей просто и съ совершенною опредѣленностію. И чѣмъ меньше художникъ заботится о нравоучительной сторонѣ своего произведенія, тѣмъ сильнѣе сама она выразится, если только онъ вѣрно воспроизведетъ задуманную сцену изъ жизни живой, изъ жизни настоящей, не подкрашенной и не искалѣченной его авторской фантазіей.

Картина, по поводу которой пришлось намъ высказать эти мысли, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія именно со стороны исполненія фигуръ каждой въ отдѣльности. Всѣ онѣ прелестны, и стоитъ только забыть тенденціозную сторону этой картины, какъ всѣ ея красоты, чисто художественныя, сами собою выступятъ на первый планъ.

Видъ руинъ Франкенштейнъ въ Прирейнскомъ Пфальцѣ.

Однимъ изъ красивѣйшихъ и интереснѣйшихъ мѣстъ въ Пфальцѣ считается Гардтъ, великолѣпный лѣсистый горный кряжъ, составляющій сѣверный отрогъ Вогезовъ. Этотъ горный кряжъ тянется съ юга на сѣверъ параллельно Рейну на протяженіи двухъ миль. Скалистыя, поросшія лѣсомъ вершины, красивыя лѣсныя дачи, уединенныя глубокія долины, множество развалинъ замковъ и т. д. придаютъ необыкновенную прелесть Гардту, у подошвы котораго, съ юго-восточной стороны, ютится нѣсколько деревень, жители которыхъ воздѣлываютъ лучшій въ странѣ виноградъ. Но самымъ прелестнымъ уголкомъ Гардта считается, по справедливости, Нейштадтъ и Нейштадтская долина, представляющая естественный путь на западъ, а потому тутъ и проведена желѣзная дорога. Трудно представить себѣ что нибудь пріятнѣе прогулки пѣшкомъ по этой долинѣ, вдоль Гохшпейерскаго ручья къ Франкенштейну, гдѣ Нейштадтская долина сливается съ Дюркгеймской. Зеленые луга, великолѣпные лѣса, крутыя вершины, утесы, руины, красивыя деревушки среди хорошо обработанныхъ полей и богатыя мѣстечки съ фабриками и промышленнымъ людомъ смѣняютъ другъ друга и мелькаютъ прелестными ландшафтами передъ глазами путешествующихъ по желѣзной дорогѣ. Утесъ, на которомъ возвышается руина Франкенштейнъ, прорѣзанъ длиннымъ тунелемъ. Если вы выйдете на этой станціи и бросите взглядъ на юго-востокъ, то глазамъ вашимъ представится очаровательный ландшафтъ, изображенный на нашей картинкѣ: руина Франкенштейнъ на вершинѣ крутого утеса, внизу—входъ въ туннель, слѣва и справа полотна желѣзной дороги—чистые и красивые домики мѣстечка Франкенштейнъ, имѣющаго двѣ хорошихъ гостинницы. Замокъ Франкенштейнъ одна изъ красивѣйшихъ и древнѣйшихъ руинъ Прирейнскаго Пфальца и, повидимому, замокъ этотъ былъ первоначально сооруженъ для защиты Нейштадтской долины, какъ сообщенія между востокомъ и западомъ; долина въ этомъ мѣстѣ такъ узка, что проѣзжая дорога, рельсовый путь и ручей занимаютъ всю ширину ея. домики же деревни лѣпятся по крутому склону горы; надъ деревушкой высятся лѣса и зубчатыя скалы. Самый замокъ, какъ на то указываетъ и названіе его, былъ построенъ во время господства Рейнскихъ франковъ, позже онъ принадлежалъ Лимбургскимъ игуменамъ и въ началѣ XII вѣка переданъ ими въ ленное владѣніе графамъ фонъ-Лейнингенъ, которые потомъ владѣли этимъ замкомъ вмѣстѣ съ графомъ Нассаускимъ и рыцаремъ фонъ-Инзельтеймомъ. Къ концу XV-го вѣка, во время войнъ курфюрста Пфальцскаго, Фридриха Побѣдоноснаго, замокъ былъ разрушенъ и служилъ потомъ только тюрьмой, но стѣны его такъ были крѣпки, что во время тридцатилѣтней войны Франкенштейнъ неоднократно служилъ надежной крѣпостью для Нейштадтской долины.

Джиггетай или монгольскій полуоселъ.

(Asinus Hemionus)

Длинноухій монгольскій полуоселъ или джиггетай еще въ прошломъ столѣтіи былъ отлично описанъ извѣстнымъ естествоиспытателемъ Палласомъ. Изъ новѣйшихъ же изслѣдователей много и обстоятельно писалъ о немъ Радде. Длина этого животнаго отъ темени до хвостоваго корня слишкомъ 5 футовъ, а прибавивъ къ этому мѣру головы (1 футъ и 8 дюймовъ) будемъ имѣть общую длину джиггетая слишкомъ въ 7 футовъ. Высота въ плечахъ равна четыремъ, а у бедеръ четыремъ съ половиною футамъ. Голова этого животнаго замѣтно болѣе лошадиной, но будучи сильно сжатою съ боковъ, не имѣетъ такого красиваго очертанія. Хвостъ, скорѣе похожій на коровій, чѣмъ на лошадиный, также много отнимаетъ красоты у животнаго. Грива Джиггетая напоминаетъ верблюжью шерсть и приподнята войлочными вихрами. Морда бѣлаго цвѣта, остальная часть головы бѣло-желтоватаго; туловище охро-желтаго, а бока блеклаго, ноги бѣлыя или бѣло-буроватыя. По хребту вдоль всей спины тянется темно-бурая или даже черная полоса. Ноги тонкія, граціозныя, красивыя.

Родиной джиггетаевъ считается Монголія и вообще сухія и открытыя, но поросшія густымъ и хорошимъ кустарникомъ равнины и склоны горъ восточной части Средней Азіи; особенно часто встрѣчаются стада джиггетаевъ по берегамъ озера Таро и въ долинѣ Аргуни. Стада джиггетаевъ бываютъ не менѣе двадцати и не болѣе тридцати. Жеребецъ-вожакъ обыкновенно предводительствуетъ этимъ стадомъ, состоящимъ изъ кобылъ и жеребятъ. Стада джиггетаевъ обыкновенно предпринимаютъ свои странствованія осенью, въ то время, когда молодые, прошлогодніе подросшіе жеребята, желаютъ сами обзавестись собственнымъ стадомъ и семействомъ и стараются отбить у стараго вожака нѣкоторыхъ изъ его кобылъ. Такого рода неукротимый воинъ взбирается обыкновенно на высокую скалу, и становясь противъ вѣтра, внимательно осматриваетъ зоркими глазами весь открывающійся предъ нимъ далекій горизонтъ и едва завидитъ приближающагося противника со стадомъ нетерпѣливо ожидаемыхъ имъ невѣстъ, какъ бросается стремглавъ къ нему на встрѣчу, съ горящими глазами и раздутыми ноздрями. Часто бываетъ побѣдителемъ, если, подбѣжавъ съ фланга и будучи незамѣченнымъ, успѣетъ съ силою ударить задними ногами своего соперника и обезсиливъ его, похитить изъ его гарема молодыхъ и лучшихъ кобылицъ, но часто бываетъ побѣжденъ и самъ, если старый и опытный вожакъ, притворившись совершенно невнимательнымъ и ничего невидящимъ, первый успѣетъ нанести ему такой же ударъ, какой готовился для него, и тогда побѣжденный и обезсиленный непріятель бываетъ радъ, если успѣетъ спасти свою жизнь. Ожесточенныя побоища джиггетаевъ-самцовъ ясно замѣтны по изорваннымъ ихъ шкурамъ и иногда по глубокимъ ранамъ на

тѣхъ экземплярахъ, которые попадаются въ руки охотниковъ, будучи ими застрѣлены. Наблюденіе за жизнью и нравами этого животнаго затруднительно, потому что джиггетаи очень пугливы, осторожны и бдительны, притомъ обладаютъ чрезвычайною быстротою и легкостью бѣга, такъ что лучшей породы лошади не въ состояніи не только догнать ихъ, но и поровняться бѣгомъ при одинаковыхъ условіяхъ времени и разстоянія. Особенно осторожно это животное относительно человѣка, котораго, какъ увѣряютъ монголы, оно чуетъ за цѣлую версту. Тибетцы высоко чтятъ джиггетая, признавая его верховымъ конемъ своего бога огня и войны, монголы же ограничиваются признаніемъ въ немъ достоинствъ быстраго вѣтра. Пока бдительный и храбрый вожакъ живъ, то поймать хотя бы одно животное изъ стада очень трудно, но когда удается подстрѣлить его, то уже все стадо дѣлается легкою добычею охотника. Туземцы, охотясь на джиггетаевъ, подражаютъ ихъ собственной, вышеописанной нами тактикѣ, а именно: въ осеннее время, раннимъ утромъ, чтобы быть менѣе замѣтными, выѣзжаютъ на свѣтлыхъ или лучше желтоватыхъ лошадяхъ и въ свѣтло желтомъ платьѣ на гребень высокихъ горъ, становясь лицомъ противъ вѣтра, и съ этой высокой обсерваторіи наблюдаютъ приближеніе какого-либо стада и подобно молодымъ жеребятамъ, стремительно несутся на встрѣчу. Старый вожакъ, видя желтый цвѣтъ и не подозрѣвая западни со стороны человѣка, думаетъ мужественно встрѣтить своего соперника, такого же джиггетая, но когда разглядитъ уже хорошо и ясно, то хотя и принимаетъ мѣры къ своему спасенію, но онѣ часто не помогаютъ ему и мѣткая пуля сражаетъ его и отдаетъ любимое имъ стадо въ руки человѣка. Тунгусы болѣе другихъ народовъ охотятся за джиггетаемъ по четыремъ причинамъ: во первыхъ они не почитаютъ это животное священнымъ, какъ тибетцы, и не считаютъ грѣхомъ убивать его; во вторыхъ они употребляютъ его въ пищу и даже считаютъ мясо его самымъ лакомымъ блюдомъ; въ третьихъ шкуру его продаютъ съ значительною выгодою и наконецъ, въ четвертыхъ, въ хвостѣ его видятъ для себя и для своихъ домашнихъ, животныхъ какую-то волшебную, цѣлительную силу, дающую немедленное выздоровленіе во всякой болѣзни.

Лѣтъ 100 тому назадъ не удалось ни одного опыта приручения джиггетаевъ, но уже и тогда не теряли надежды достигнуть этого въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ. Теперь же, и особенно въ послѣдніе годы, это красивое и доброе животное находится почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ Европы и сдѣлалось вполнѣ ручнымъ, такъ что есть уже надежда въ самомъ непродолжительномъ времени употребить его для ѣзды, полевыхъ работъ и перевозки тяжестей и товаровъ.

Н. Зуевъ.

Лѣсной пейзажъ.

(Картина Рюиздаля).

Пейзажъ, изображенный на помѣщенномъ въ этомъ номерѣ рисункѣ, принадлежитъ кисти извѣстнаго художника голландской школы, Рюиздаля. Рюиздаль родился около 1640 года и умеръ въ 1681 г.; но не смотря на то, что прошло уже почти 200 лѣтъ со времени его жизни, работы этого художника до сихъ поръ еще обращаютъ на себя вниманіе истинныхъ цѣнителей искусства. Хотя онѣ и утратили отъ времени нѣкоторую свѣжесть, но не смотря на это, все таки до сихъ поръ еще могутъ служить рѣдкимъ образцомъ для пейзажистовъ нашего времени, какъ по отчетливости и красотѣ рисунка, такъ по мягкости колорита и поэтической прелести взятаго мотива. Картины Рюиздаля составляютъ украшеніе картинныхъ галлерей, и нѣсколько экземпляровъ его работъ имѣется въ Петербургскомъ Эрмитажѣ и Академіи Художествъ. Одна изъ лучшихъ картинъ Рюиздаля „Шквалъ“ (le coup de vent) хранится въ Парижскомъ музеѣ, гдѣ находится также около 6 другихъ его ландшафтовъ. Рюиздаль родился въ Гарлемѣ и умеръ въ Амстердамѣ.

Политическія и военныя извѣстія.

Военныя извѣстія прошлой недѣли не многосложны; они составляютъ лишь детали уже минувшаго и объясняютъ лишь общій планъ дѣйствій, теперь уже блистательно законченный, такъ какъ перемиріе уже заключено. 27-го января (8-го февраля) турки уже фактически *очистили*, согласно условіямъ перемирія (сообщеннымъ нами въ прошломъ обозрѣніи „Нивы“ № 6), крѣпости: *Виддинъ*, *Рущукъ*, *Силистрія*, *Бѣлградчикъ* и *Эрзерумъ*. Соотвѣтственно тѣмъ же условіямъ, турецкія войска изъ Разграда и власти изъ Рущука удалились въ крѣпость Шумлу. Вслѣдъ затѣмъ турки очистили и оборонительную линію Константинополя отъ *Буюкъ-Чекмедже* и *Хастемкея* до *Деркея*. Затѣмъ открытіе судоходства по Дунаю ожидается вскорѣ. Порта уже сообщила своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ о снятіи блокады Чернаго моря. Наши войска удерживаютъ за собою Чаталджу (около которой, какъ мы говорили прежде, турки намѣрены были сконцентрировать защиту Константинополя). Продовольствіе находящихся здѣсь нашихъ войскъ производится черезъ *Люле-Бургасъ* и *Мидію* (Мидія—на берегу Чернаго моря). 17-го минувшаго января наши войска заняли *Эски-Джуму* *). Городъ оказался страшно разрушеннымъ и въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ. Болѣе 200 труповъ, истерзанныхъ изувѣченныхъ женщинъ и дѣтей валялось тамъ и сямъ. Изъ Эски-Джумы наши войска пошли впередъ—до Эске-Стамбула и Вербицы (къ югу отъ Эски-Джумы), но въ это время уже пришло извѣстіе о перемиріи и тогда наши войска немедленно очистили Эски-Стамбулъ и Вербицу и отступили за демаркаціонную линію.

Демаркаціонная линія вырабатывается теперь и въ Черногоріи, сообща турецкими и черногорскими офицерами. Для контроля при этомъ установленіи линіи, въ Черногорію посланы 2 наши русскіе офицера.

„Великобританское правительство, по донесенію своего посланника, рѣшилось воспользоваться фирманомъ, ранѣе полученнымъ, для направленія части своего флота въ Константинополь, въ видахъ охраненія жизни и безопасности великобританскихъ подданныхъ. Другія державы приняли эту же самую мѣру для своихъ подданныхъ“. Вотъ этими причинами, изложенными въ официальной телеграммѣ нашего государственнаго канцлера, и мотивировалось имѣющее быть вступленіе части нашихъ войскъ въ *Константинополь*. Въ связи съ этимъ важнымъ извѣстіемъ, осуществилось вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы и въ Мраморное море. Еще 31-го января (12-го февраля) англійская эскадра снялась съ якоря, на разсвѣтѣ на 1-е (13-е) февраля она вступила въ Дарданеллы, а днемъ была уже въ Мраморномъ морѣ. 2-го (14-го) англійскій флотъ ожидался уже у Константинополя **).

Съ появленіемъ англійскаго флота въ Дарданеллахъ событія разумѣется, принимаютъ иной видъ, хотя теперь еще не представляется яснымъ самый фактъ вступленія флота въ Дарданеллы. Политика лорда Биконсфильда восторжествовала-таки, вопреки общественному мнѣнію, вопреки благороднымъ голосамъ лучшихъ представителей страны. Кредитъ въ 6 милліоновъ фунтовъ принятъ, и сейчасъ же стало яснымъ, для чего былъ нуженъ этотъ кредитъ. Собственно для пораженной Турціи ничто не представлялось въ настоящее время столь не желательнымъ, какъ именно появленіе британскаго флота въ Дарданеллахъ. Это не защита Турціи, которой теперь такая защита и не нужна—это просто стремленіе ускорить дѣлежъ и захватить себѣ при этомъ львиную часть. Такой оборотъ дѣла гибеленъ для Турціи и въ тоже время опасенъ для мира Европы. Поэтому, весьма понятно, что даже въ послѣднюю рѣшительную минуту Султанъ просилъ Англійскую королеву отмѣнить отправку флота, но получилъ отказъ. По однако же англійская эскадра прошла черезъ Дарданеллы, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны мѣстныхъ фортовъ.

Другими державами дѣлаются усилія, чтобы устранить могущее быть столкновеніе и затѣмъ войну, которая можетъ вскорѣ принять европейскіе размѣры. Дружественное намъ германское правительство уже обратилось къ Англіи съ серьезными представленіями *не доводить дѣло до крайности*. Въ виду серьезнаго положенія дѣлъ, даже обсужденіе восточнаго вопроса отложено по желанію князя Бисмарка. Австрія, принявшаяся-было за мобилизацію части своей арміи, сознавая опасность, остановилась. Странно при этомъ то, что Англійскій кабинетъ уполномочилъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Лейярда, объявить султану, что англійская эскадра *останется въ Босфорѣ до подписанія окончательнаго мирнаго договора*.

Несомнѣнно, что у Англіи уже довольно давно шли большіе сборы къ чему-то; она рьяно принялась за постройку судовъ. Въ Портсмутскомъ арсеналѣ еще и теперь 3,000 рабочихъ работаютъ *сверхъ срока*, спѣша въ возможнѣйшей скорости окончить постройку военныхъ судовъ; затѣмъ нанято множество новыхъ рабочихъ силъ. Въ Шернесскомъ арсеналѣ тоже начались недавно сверхсрочныя работы, и здѣсь собраны цѣлыя массы рабочихъ. И если постройка судовъ безъ перерыва продолжается, то весьма естественно ожидать, что на Босфорѣ скоро явятся транспортныя суда для перевозки дессанта. Находящіяся у о—ва Мальты англійскія суда также получили приказаніе въ возможно-скорѣйшемъ времени присоединиться къ Восточному флоту. Уже приступлено къ переговорамъ съ крупными поставщиками, относительно немедленной поставки въ армію достаточнаго количества *раціоновъ*.

Итакъ, Англія безстрастно и беззастѣнчиво стремится зажечь факелъ войны. Но пока твердымъ оплотомъ и охранительницею европейскаго мира является Германія.

Даже представляется весьма знаменательнымъ, что прежняя союзница Англіи (въ Крымскую войну), Франція, въ настоящее время не сочувствуетъ воинственнымъ манифестаціямъ своей сосѣдки. Французская печать довольно единодушно называетъ манифестацію Англіи опасною. А газета „République Française“, органъ Гамбетты, уже прямо и настойчиво совѣтуетъ Англіи

*) *Эски-Джума* лежитъ между *Шумлою* и *Османъ-Базаромъ*.

**) Флотъ состоитъ изъ 6 англійскихъ броненосныхъ судовъ. Мѣсто, гдѣ долженъ остановиться у Константинополя—у мыса, гдѣ стоитъ старый сераль.

оставаться спокойною и не дать вовлечь себя въ ошибку, могущую повлечь весьма серьезныя послѣдствія. Общественное мнѣніе Франціи, насколько оно выражается въ печати, настойчиво высказывается за благоразуміе и умѣренность европейскихъ правительствъ, чтобы предотвратить грозныя усложненія.

Однакоже, надежда на европейскій миръ и удовлетворительное улаженіе „жгучаго“ современнаго вопроса представляется еще твердою. Императоръ Вильгельмъ, принимая недавно президента и вице-президента Германскаго Рейхстага, выразилъ еще „определенную надежду, что не смотря на серьезность положенія дѣлъ, еще удастся сохранить европейскій миръ.

7 (19) февраля предположено открыть въ Римѣ конклавъ. Этотъ послѣдній, по слухамъ, состоитъ изъ 66 избирателей прелатовъ или кардиналовъ. Въ этой коллегіи есть разные противоположные элементы—и іезуитизмъ, и либерализмъ. Іезуиты, разумѣется, работаютъ въ пользу выбора папою крайняго ретрограда, проникнутаго ихъ духомъ. Значительный интересъ пробужденъ въ католическомъ мірѣ ожиданіемъ вскрытія роковаго пакета, въ которомъ заключена послѣдняя воля папы по поводу выбора ему преемника. Утверждаютъ, что въ этомъ завѣщаніи папа Пій IX совершенно отвергаетъ право католическихъ державъ (до сихъ поръ практиковавшееся), высказывать свое veto, (или запрещеніе), если бы какая-либо католическая держава признала выборъ извѣстнаго кандидата въ папы несовмѣстнымъ съ своими интересами. Пій IX отрицаетъ право этого „veto“ со стороны католическихъ державъ на томъ основаніи, что эти державы признали фактъ объединенія Италіи королемъ Викторомъ Эммануиломъ. Слѣдовательно это нѣчто въ родѣ папскаго проклятія, или отлученія.

Вообще результаты выбора того или другого папы будутъ громадны для всего римско-католическаго міра, и для борьбы съ клерикальною партіею, которую съ такой замѣчательною энергіей вело германское правительство въ послѣдніе годы. Германія выражаетъ и теперь твердую рѣшимость продолжать борьбу какой бы исходъ не имѣли выборы папы. „Церковное законодательство“—говоритъ одинъ изъ серьезныхъ германскихъ органовъ, „къ которому въ послѣдніе годы обратились Пруссія и Германская имперія, служитъ ручательствомъ въ томъ, что государственные интересы и нужды будутъ охранены при какихъ-бы ни было обстоятельствахъ“.

Русскіе типы: Ярославецъ лавочникъ.
— Мы Ярославцы больше по мелочной, да по зеленной части...
Оригинальный рис. И. Панова, грав. Вейерманъ.

Издатель А. Ф МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Поступившіе въ редакцію въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воиновъ: отъ наставниковъ Данковскаго духовнаго училища, въ Данковѣ 50 р.; учениковъ Данковскаго духовнаго училища 19 р. 30 к. Ал. Лог. Рыбасъ, въ Полтавѣ 3 р; М. И. Киселева, въ г. Балашевѣ 4 р. и въ пользу Черногорцевъ: отъ Д. Ермолаева, въ Красноярскѣ 2 руб., всего 78 р. 30 к.—сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воиновъ, подъ квитанціи управленія за №№ 85, 86, 87, 88 и 3020.

№ 8 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 20 Февраля 1878 г.

Развалины Таврическаго Херсонеса.

Развалины Таврическаго Херсонеса. Рис. А де Баръ, грав. Саржанъ.

Развалины Таврическаго Херсонеса.

Въ № 7 „Нивы“ мы помѣстили свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Владиміра, причисленнаго церковью къ лику Святыхъ и признаннаго „Равноапостольнымъ“. Теперь, по поводу помѣщеннаго въ этомъ номерѣ рисунка „Развалины Херсонеса“, намъ представляется случай поговорить о Херсонесѣ, пунктѣ Владимірова крещенія.

На западномъ берегу Крымскаго полуострова, близъ Севастополя, находятся развалины древняго Корсуня или Херсонеса. Городъ этотъ былъ построенъ въ глубокой древности греческими выходцами изъ *Гераклеи* (къ сѣверу отъ древней Халундики и Керкинитскаго озера). Періодъ этого выселенія нужно отнести еще за 500 лѣтъ до Рождества Христова и со времени этого выселенія самый островъ, взятый въ цѣломъ, сталъ называться *Херсонесомъ*, что по переводу съ греческаго значитъ *почти-островъ*. И это уже обычное явленіе въ колонизаціи, особенно греческой, что часто городъ, построенный на удобномъ мѣстѣ и особенно выгодный для торговли, получаетъ названіе самаго острова или полуострова, дѣлаясь настоящимъ фокусомъ его торговыхъ и промышленныхъ силъ. Такъ случилось и здѣсь. Городъ, построенный на западной сторонѣ полуострова, получаетъ и имя цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ.

Таврическій Херсонесъ носилъ названіе *Боспора Киммерійскаго* *) оттого, что здѣсь жилъ съ незапамятныхъ временъ народъ, называвшійся киммерійцами. Эти послѣдніе считались вообще аборигенами, или туземцами сѣверныхъ береговъ Чернаго моря (или по старинному названію, Понта Эвксинскаго). Еще въ доисторическій періодъ киммерійцы оттѣснены сюда изъ степей нынѣшней Южной Россіи скиѳами, о которыхъ такъ часто говоритъ Геродотъ. Послѣ этого толчка большая часть киммерійцевъ бросилась къ западу, и только незначительная часть бросилась на югъ, отчасти заселивъ теперешній Крымъ. Когда успѣли познакомиться съ этимъ народомъ греки, они назвали его *таврами*, что указываетъ на воинственность, суровость, жестокость и грубость этого народа. Таврос—по гречески значитъ быкъ, и именно быкъ сбѣжавшій или буйный, а въ переносномъ смыслѣ—убійца. Это названіе указываетъ, что греки, уже основавъ колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, должны были нести долговременную борьбу съ разбойниками киммерійцами. Многіе греческіе миѳы, въ которыхъ важную роль играютъ кровь, убійство, закланіе въ жертву, вращаются около Тавриды. Здѣсь очевидно приносились человѣческія жертвы для умилостивленія боговъ... Такъ, принесеніе въ жертву богамъ знаменитой Ифигеніи совершилось именно въ этомъ пунктѣ извѣстной грекамъ земли.

Для насъ священна и памятна спеціально западная часть Боспора Киммерійскаго, тамъ, гдѣ мысъ его глубоко вдается въ море. Здѣсь именно, въ Херсонѣ или Корсунѣ, нашъ великій князь Владиміръ получилъ св. крещеніе. То, что мы до сихъ поръ сказали о доисторическихъ достопримѣчательностяхъ Боспора Киммерійскаго вообще, относится и къ городу Херсонесу. Огромное число признаковъ художественныхъ произведеній доказываетъ, что это была любимая колонія грековъ, выселившихся сюда, какъ сказано выше, изъ Гераклеи.

Вотъ что знаетъ наша исторія полуисторическаго и полулегендарнаго объ этомъ городѣ:

Херсонъ уже въ глубокую старину былъ очевидно снабженъ обширною и прекрасною гаванью. Въ эту гавань присталъ на судахъ къ Херсону и нашъ князь великій Владиміръ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Несторъ словами: *„и ста Володимеръ на лимени“* (т. е. лиманѣ). Расположенъ былъ этотъ городъ на мысѣ Фанарійскомъ, гдѣ и теперь еще путешественникъ ясно различаетъ остатки прекрасныхъ башенъ и стѣнъ. Развалины эти находятся почти въ 2-хъ верст. отъ Севастополя. Когда наши войска въ первый разъ заняли Крымъ (при Екатеринѣ II), многія стѣны были еще въ цѣлости, вмѣстѣ съ прекрасно устроенными городскими воротами и двумя башнями. Теперь эти ворота и башни уже не сохраняются болѣе, потому что ихъ употребили въ видѣ матеріала для постройки доковъ въ Севастополѣ. Теперь же, послѣ разрушенія нашей Севастопольской твердыни въ Крымскую войну, и сами древне-корсунскіе матеріалы, быть можетъ, совсѣмъ исчезли съ лица земли.

Уцѣлѣвшія до покоренія нами въ концѣ прошлаго столѣтія корсунскія постройки говорили о глубокомъ художественномъ, чисто эллинскомъ вкусѣ и роскоши древнихъ обитателей этого города. До послѣдняго времени путешественники-археологи и антикваріи, находили и находятъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Крымскаго полуострова, римскія и византійскія монеты, чеканенныя изъ золота, серебра и мѣди. Вблизи города разбросано было много селеній. Какъ самый городъ, такъ и эти селенія были окружены каменными стѣнами, служившими защитою отъ варваровъ, т. е. киммерійцевъ, или тавровъ, и сарматовъ, слѣдовательно города и селенія, окруженные стѣнами, принадлежали колонизовавшимся здѣсь эллинамъ. Послѣ взятія нашимъ княземъ Владиміромъ Херсона, побѣдитель, по свидѣтельству лѣтописца, вывелъ оттуда, вмѣсто военноплѣнныхъ, однихъ евреевъ, а также и извѣстнаго перебѣжчика на нашу сторону Анастаса, который помогъ Владиміру овладѣть городомъ. Вмѣсто контрибуціи взяты были также церковные сосуды и мощи святыхъ Климента Римскаго и Фива, а также два истукана или статуи боговъ и 4-хъ мѣдныхъ коней. Это обстоятельство представляется весьма важнымъ для опредѣленія характера художественныхъ произведеній Корсуня. Лѣтописецъ Несторъ называетъ взятыхъ двухъ идоловъ „капищами“, что нѣкоторымъ взъ занимавшихся русскою исторіей подало поводъ думать, что здѣсь дѣло идетъ о дѣйствительныхъ капищахъ или остаткахъ языческаго храма, перевезеннаго изъ Корсуня. Но въ Никоновской и въ другихъ нашихъ лѣтописяхъ эти „два капища“ названы „двумя болванами“,—что уже устраняетъ всякое сомнѣніе на счетъ истиннаго смысла лѣтописнаго сказанія. Но, разумѣется, эти болваны или капища не могли сохраниться на долго. Ревность о вѣрѣ Христовой побуждала къ истребленію идоловъ. За то извѣстный и весьма добросовѣстный иностранный писатель о Россіи, баронъ Герберштейнъ, сообщаетъ намъ, что Новгородцы, по взятіи Херсона, вывезли оттуда мѣдныя врата и большой колоколъ. Со времени Карамзина существовало мнѣніе, что эти врата сохранились у насъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Они находятся въ западной части собора, рѣзныя и дѣйствительно носятъ названіе „Херсонскихъ“. Но уже Карамзинъ сомнѣвался въ ихъ херсонской подлинности. Они, очевидно, издѣлія нѣмецкаго, такъ какъ въ нижней ихъ части находятся изображенія художниковъ, сдѣлавшихъ ихъ. Художники эти одѣты въ интересные древненѣмецкіе костюмы.

Въ заключеніе замѣтимъ, что наша ученая и художественная литература, касающаяся Боспора Киммерійскаго вообще и Корсуня въ частности, довольно богата. Особенно много сдѣлано для объясненія художественныхъ произведеній и монетъ. Лучшія художественныя сокровища перевезены оттуда въ Петербургъ и находятся отчасти въ Императорскомъ Эрмитажѣ, отчасти въ другихъ музеяхъ.

М. С.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

XXIII.

Въ Москвѣ Алешку продержали не долго—съ недѣлю. Палицынъ и Гермогенъ были недовольны архимандритомъ сергіевскимъ Іосафомъ, и очевидно прочили на его мѣсто какого-то новаго. неслыханнаго дотолѣ попа. проповѣдывавшаго на московскихъ площадяхъ о святости крестнаго цѣлованія. Впрочемъ дѣло это отложили до конца осады, рѣшившись уговорить царя послать дѣйствительную помощь лаврѣ. Алешка далъ знать стороною отцу Іосафу о грозящей отставкѣ, но, какъ человѣкъ осторожный грамоты ему не послалъ, а передалъ какъ слухъ черезъ вѣрнаго челонѣка. Незадолго до Троицына дня они выбрались изъ Москвы.

— А деньги у насъ будутъ,—внезапно сказалъ Алфей, когда они проѣхали послѣднюю рогатку.

— Есть, деньги есть, отвѣтилъ Алешка.

— Я говорю будутъ. повторилъ Алфей.—Только намъ не въ Тушино, а въ Юрино надлежитъ сперва ѣхать. Тамъ въ углу за печкой половица подъемная: горшечекъ тамъ стоитъ, тряпочкой завязанъ, и все серебро, серебро, а сверху червонецъ.

Алешка съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и своротилъ въ сторону.—Что-жь ѣдемъ пожалуй... Что-жь ты раньше не говорилъ, что деньги есть у тебя?

— Я самъ не зналъ, до сегодняшней ночи.!. А сего-

*) Греки назвали характеристическимъ именемъ *Боспоровъ* (Боспоръ—значитъ *бычачья дорога*) два пролива: а) ведущій изъ нынѣшняго Мраморнаго моря въ Черное (нынѣ Константинопольскій проливъ); этотъ проливъ назывался Боспоръ Ѳракійскій, и б) ведущій изъ Чернаго моря въ Азовское (прежде Меотійское озеро). Этотъ послѣдній проливъ назывался Боспоръ Киммерійскій. Нѣкоторое время имя пролива носилъ и весь вообще полуостровъ.

дня подъ утро мнѣ видѣніе было... Ангелъ божій въ ризѣ святозарной изъ тьмы ко мнѣ подошелъ, наклонился и провѣщалъ: иди за мной. Я пошелъ—онъ мнѣ горшечекъ и показалъ.

— Да это тебѣ такъ приснилось... Откуда у тебя за печкой червонцы?

— Нѣтъ ужъ поѣдемъ, ради Господа-Бога поѣдемъ... Ну что тебѣ стоитъ?.. А я вѣрю, мнѣ откровеніе свыше.

Алешка не сталъ противорѣчить и погналъ лошадь.

Они подъѣзжали къ Юрину по безконечному зеленому полю, ковромъ разостлавшемуся во всѣ стороны. До Юрина оставалось недалеко: сдѣлать два-три заворота, выѣхать къ рѣчкѣ, переѣхать ее въ бродъ, и тутъ, на горѣ, на лѣво будетъ и церковь, и домъ поповскій.—Оба путника были мокры: только что ихъ проняло здоровымъ дождемъ. Алфей мало обращалъ на это вниманія, и только поеживался отъ намокшаго, прилипавшаго къ тѣлу платья. Алешка былъ сердитъ: его новый кафтанчикъ насквозь вымочило.—Ну вдругъ сукно-то аглицкое испортится, а денегъ-то оно что стоитъ"!—хмурился онъ.

А солнце ужъ взошло и грѣло ихъ съ одного бока: все вокругъ золотилось, блестѣло ярче чѣмъ всегда, омытое ливнемъ. На противуположной сторонѣ неба сине-сѣрой завѣсой стояли промчавшіяся тучи, кладя темныя тѣни на далекій горизонтъ, а поверхъ ихъ громаднымъ поясомъ горѣла радуга, и блѣдная, въ обратномъ видѣ отражалась повыше.

— А ужъ лѣто опять, совсѣмъ лѣто, думалъ Алфей.—Все была зима, зима, и опять лѣто. Опять пчелки мои, липы, все увидимъ сейчасъ...

Проѣхали рощу, выѣхали къ рѣчкѣ, стали въ воду спускаться. Алфей посмотрѣлъ на тотъ берегъ: церковь стоитъ по прежнему, изъ за зелени видиѣется, вонъ и пчельникъ видѣнъ. Только правѣе его, за липами что-то странное, выросли онѣ что-ли,—все сплошь укрыли собой, такъ что и крышъ домовыхъ не видно. Выѣхали они изъ воды, мокрый слѣдъ потянулся за ними по пыльной дорогѣ, дворняшка на встрѣчу имъ кинулась куцая, трепаная,—полуляяла она, полувыла. Обогнули они садъ,—сейчасъ тутъ ворота должны быть. Вдругъ Алешка быстро натянулъ возжи...

Черное, обугленное пространство лежало передъ ними, по серединѣ убого возвышалась покривившаяся кирпичная печь, почернѣвшая, покраснѣвшая. Кое гдѣ изъ подъ углей пробивалась травка; липы и клены были сильно опалены съ однаго боку, но замѣтно уже поправлялись. Даже гарью не пахло, видно давно уже пожаръ тутъ былъ.

Алфей и Алешка молча сошли съ телѣжки и молча смотрѣли на пожарище. Алфей машинально наклонился и поднялъ обрывокъ какой-то ленточки грязной, свалявшейся.

— Есть ли тутъ живъ человѣкъ? проговорилъ Алешка осматриваясь. Но вокругъ все молчало.—Диво, какъ еще церковь уцѣлѣла, прибавилъ онъ, и обратился къ попу:—Ну вотъ, отецъ, и горшечекъ твой, и видѣніе.

— Тутъ онъ долженъ быть, тутъ, возразилъ Алфей, шагая по углямъ и пеплу.—Онъ въ землю былъ зарытъ, ему ничего не сдѣлается,..

Онъ наклонился и сталъ разгребать угли.

Алешка махнулъ рукой и пошелъ оглядывать церковь. Точно еще меньше стала казаться она отъ выгорѣвшаго кругомъ мѣста. Рамъ въ окнахъ не было,—одна только бокомъ висѣла. Видно было, что не только пожаръ тутъ былъ, а и хозяйничалъ кто-то.

Алешка сталъ огибать кусты, что бъ пройти въ церковь, какъ вдругъ назвалъ его кто-то по имени. Онъ пошелъ на зовъ, видитъ, что въ кустахъ копошится кто-то.

— Дядя, удивленно сказалъ онъ.—Ты какъ!

Тотъ съ трудомъ приподнялся на локоть.—Я давно здѣсь, вотъ тебя откуда Богъ несетъ?

— Я съ отцомъ Алфеемъ заѣхалъ сюда,—да вотъ на-ко что...

Онъ повелъ рукой вокругъ.

— Дочурки-то его что? досталъ онъ?

— Пока еще не досталъ, за ними ѣдемъ. Давно ты здѣсь?

— Да я чуть не съ прошлогодняго Успенья. При мнѣ ихъ и украли. Я здѣсь остался. Потомъ уйти думалъ.—анъ голытьба наѣхала, все пожгла.—Да вонъ руку мнѣ...

Онъ показалъ на обмотанную тряпицами болтавшуюся лѣвую руку.

— Всю деревню разнесли... А меня вонъ какъ изъ самопала... Еле хожу, только и молю Бога, чтобъ по душу послалъ скорѣй. Теперь еще тепло, а ужъ о пасхѣ куда лихо было... Что съ церковью они, антихристы, сдѣлали...

— А что?..

— Оклады ободрали, на дискосы мясо валили, да псовъ въ алтарѣ кормили съ нихъ, коровъ да барановъ, ровно въ стойло въ храмъ загоняли.... Поруганіе святыни...

— Можно въ церковь-то пройти?

— Можно... да придавитъ, пожалуй: она съ этой-то стороны, со входа, подгорѣла... Кабы не дождь въ тѣ поры—сгорѣла бы. И какъ только Богъ потерпѣлъ... Вѣдь что они дѣлали-то: изъ облаченій исподницы себѣ шили; покровами лошадей покрывали... Двери царскія сорвали—кровати изъ нихъ себѣ устроили, на святыхъ иконахъ въ шашки играли... А атаманъ ихній... языкомъ не выговоришь... Мѣстный образъ снялъ, и ночь на немъ проспалъ.

Алешку передернуло нѣсколько. Онъ съ остервененіемъ почесалъ себѣ бороду... Оба замолчали,

Пришелъ Алфей, грязный, перепачканный въ мокрой сажѣ.

— Какъ-же намъ быть съ тобой, отецъ?.. Здѣсь не приткнуться...

Алфей показалъ черепокъ какой-то.—Вотъ, сказалъ онъ,—только и есть,—украли, все украли...

Старикъ заговорилъ съ нимъ, онъ не отвѣчалъ. Алешка за плечо его тронулъ.—Такъ ѣдемъ... дочекъ выкупать.

Алфей спохватился.—Ѣдемъ, ѣдемъ.

— А ты, дядя?

— Здѣсь я... куда мнѣ?.. Дѣвчонка тутъ бѣгаетъ одна, хлѣбца таскаетъ... Должно поколѣю скоро—силушки моей нѣтъ... Мнѣ бы только сповѣдаться передъ смертью, да причастья сподобиться...

Алфей внезапно опустился передъ нимъ на колѣни и прочелъ разрѣшительную молитву. Старикъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Алфей покопался на груди и вытащилъ мѣдный крестъ.

— Целуй! сказалъ онъ.

Старикъ приложился.—Ну, вотъ и все, сказалъ Алфей,—теперь ѣдемъ...

Опять сползли они съ горы, опять переѣхали рѣчку, и заковыляли по полю,—старикъ опять остался одинъ. Дворняшка къ нему пришла, и жалобно повизгивая, возлѣ сѣла. Ворона спустилась на пепелище, прошла нѣсколько шаговъ криво ступая и вертя головой, подпрыгнула нѣсколько разъ бочкомъ, клюнула что-то и полетѣла въ сторону, неловко хлопая зубчатыми крыльями...

XXIV.

Пылала, горѣла Русь... Все поругано, осквернено—церкви, монастыри, чернецы и черницы. Сплошной стонъ стоялъ надъ землею.—Все измѣнилось: жилища людскія стали звѣриными берлогами, а звѣриныя логовища люд-

Мирный уголокъ въ лѣсу. Картина Г. Смайль. грав. Гоидъ.

Саулъ у Аэндорской волшебницы. Картина Профессора СПБ. Академіи Художествъ Н. Ге. рис. на деревѣ Лосевъ. грав. Бренд'Амуръ.

скими домами.—Медвѣди, волки, зайцы бродили по запустѣлымъ, брошеннымъ посадамъ, по переулкамъ, улицамъ, площадямъ,—птицы стали вить свои гнѣзда на человѣческихъ трупахъ. А люди въ густыхъ непроходимыхъ лѣсахъ таились отъ воровскихъ насилій, оборванные, нагіе, образъ Божій потерявшіе. Они искали ночного мрака, который скрылъ-бы ихъ наготу, укрылъ ихъ отъ преслѣдователей, что съ собаками охотились за ними.—но напрасно ждали они ночи—не было ночи, какъ не было и дня. Днемъ солнца не видно было—дымъ отъ пожаровъ смутнымъ пологомъ закрывалъ его ясный свѣтъ, а ночью кровавое пламя заревомъ разливалось по небу и вмѣсто луны свѣтило надъ землею. Звѣри рвали людей, люди рвали своихъ ближнихъ,—первые хоть только тѣлесную смерть наносили, послѣдніе вносили смерть нравственную, вносили растлѣніе въ общество... Рухнулъ старинный прежній порядокъ,—рухнулъ семейный очагъ... Жены и дочери изъ высокихъ тюремъ-теремовъ заповѣдныхъ, изъ мирнаго тихаго жилья прямо попадали въ омутъ тушинской жизни. И что за ужасныя впечатлѣнія выносили онѣ оттуда, когда возвращались опозоренныя, разбитыя и нравственно и физически, въ свои раззоренныя гнѣзда!..

Летѣло, свистѣло, злилось и выло пламя надъ Русью, перекидываясь съ посада на посадъ, съ селенья на селенье, все пожирая, все истребляя. Все дорогое, завѣтное горѣло въ этомъ пламени—горѣла и честь московская, боярская... Двоедушество, ложное крестное цѣлованіе, насиліе, грабежъ, убійство, грубый произволъ царили вокругъ,—а правда, и честь, и миръ, и милосердіе притаилось, скрылось куда-то, совсѣмъ затмилось черными клубами дыма... Болѣли и скорбѣли праведныя души немногихъ, глядя на эту картину: сердца ихъ кровью обливались, въ ужасѣ содрогались они и говорили: „Умъ нашъ этихъ дѣлъ не вмѣщаетъ, уши наши о такихъ дѣлахъ не слыхивали, въ лѣтописяхъ мы того не читывали,—кто этому не удивится, кто не восплачетъ“?...

И что-же за причина была всѣхъ этихъ ужасовъ, въ чемъ она крылась? Въ томъ-ли, что у царицы Марьи Нагихъ маленькаго сына когда-то зарѣзали? Въ томъ-ли что какому-то проходимцу захотѣлось Димитріемъ назваться? Въ томъ-ли, что у польскаго шляхетства руки чесались? Или въ томъ, наконецъ, что папѣ хотѣлось католичество водворить на Руси?.. Но что-же значатъ эти маленькіе, мелкіе человѣчки—папа, Димитрій, самозванецъ, въ общемъ могучемъ потокѣ историческихъ событій?..

Тушинскій воръ, Дмитрій, былъ пѣшка, нуль для всей оравы его войска,—и самъ онъ понималъ это прекрасно. Онъ давно ужь махнулъ рукой на своихъ воеводъ и совѣтниковъ, зная, что все равно ни одно его приказаніе не будетъ исполнено. Отъ него только требовали одного: денегъ, денегъ и денегъ,—а денегъ у него не было.—„Придемъ въ Москву, возьмемъ ее, тогда все ваше,“—предлагалъ онъ войску.—Намъ теперь онѣ нужны,—кричали ему въ отвѣтъ,—пошли въ заволжье грамоты для сбиранья поборовъ, обѣщай жителямъ тарханныя грамоты *)—денегъ надо, денегъ! Не то мы соберемъ своихъ слугъ и поѣдемъ сами за податью...

И стали подать брать и деньгами, и товаромъ, и одеждами, и живностью, и женами, и дочерьми. Сбирали по нѣскольку разъ съ каждаго мѣста, перебивали скотъ, отнимали лошадей, телѣги. Чего нельзя было взять,—истребляли, топили, жгли, топтали, рубили... Нападали на монастыри, расхищали казну, пытали монаховъ, монахинь, заставляя ихъ чистить лошадей, мыть бѣлье, пѣть неприличнаго содержанія пѣсни, плясать, подгоняя ихъ ногайками, пристрѣливая непокорныхъ...

*) По которымъ съ жителей потомъ не будутъ брать податей.

Подъ Суздалемъ хозяйничалъ казакъ Наливайко какъ дома, обдирая оклады съ иконъ, сжигая селенья, замучивъ по дорогѣ девяносто три помѣщика, позоря женщинъ, не щадя и дѣвочекъ недорослыхъ... Толпами убѣгали онѣ въ лѣса и поля и хоронились тамъ вплоть до зимы, пока морозъ не замораживалъ ихъ до смерти, нагихъ, ничѣмъ не прикрытыхъ...

„Бьемъ мы челомъ тебѣ и кланяемся сироты твои государевы, бѣдные, ограбленные, и погорѣлые крестьянишки,—писали въ челобитняхъ вору.—Погибли мы, роззорены отъ ратныхъ людей, лошади, коровы, и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржанаго—и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ загонные люди развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панскій кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ“...

„Приставъ твой, панъ Машницкій, стоитъ у меня въ деревнѣ,—писали изъ другаго мѣста:—сынишка моего насильствомъ въ таборы къ себѣ взялъ, а самъ, что ни вечеръ, ко мнѣ пріѣзжаетъ, меня изъ дворишка выгоняетъ, хлѣба не даетъ, и невѣсту у себя держитъ“...

Тушино еще болѣе разрослось во всѣ стороны. Мельницы, что за околицей стояли, оказались посереди города. Купцовъ, товаровъ, живности, еще больше стало въ таборѣ. Цѣлые ворохи награбленныхъ вещей ежедневно прибывали. Здѣсь воочію повторялось то, о чемъ когда-то разсказывалъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“, какъ войска набрали

Аксамиту, паволокъ и злата,
И орницъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими...

Здѣсь похваливались, что коли захотѣть, то, молъ, бархатомъ и парчею, отъ Тушина до Москвы дорогу уложить можно, и сапоговъ о грязь не запачкавъ, туда всѣмъ войскамъ дойти. Впрочемъ похвальба такъ и осталась похвальбою.

Наташа по прежнему жила въ Тушинѣ у Петра, таже Наташа, но еще болѣе похудѣвшая, поблѣднѣвшая. Она стала какая-то пугливая, нервная... Привязалась она къ своему похитителю всѣми силами своей души,—а объ отцѣ, о женихѣ даже мысли отгоняла. Да ей и любить-то больше было некого—Кати давно уже не было въ живыхъ...

Сцена ея смерти какимъ-то ужаснымъ сномъ отпечатлѣлась въ ея памяти. Она произошла такъ внезапно, при такихъ странныхъ обстоятельствахъ.

Это было въ ту же ночь, когда ее и сестру насильно вырвали изъ рукъ Алфея. Ее схватилъ къ себѣ на сѣдло Петръ, а Катю—другой какой-то, только не прежній ея владѣлецъ, бѣлявый. Наташа крѣпко уцѣпилась за своего всадника и замерла въ какомъ-то безсознательномъ состояніи, ничего не видя и не чувствуя, кромѣ равномѣрнаго, встряхивающаго галопа лошади. Опомнилась она гдѣ-то въ избѣ. Катя тутъ-же была. Въ избѣ они простояли не долго: еще далеко было до свѣта, когда онѣ выѣхали изъ деревни и поскакали обратно въ Тушино. Проѣзжая мимо того мѣста, гдѣ ихъ отецъ былъ поваленъ ударомъ на снѣгъ, Наташа старалась вглядѣться въ бѣлесоватый мракъ—не увидить-ли его и саней... Но ни его ни лошади не было.—Опомнился, уѣхалъ,—подумала она. Подъ копытами застучали бревна какого-то моста, и вдругъ крикъ раздался: Катя сильно рванулась съ сѣдла и упала на землю. Одна лошадь пугливо отшарахнулась, другая перескочила черезъ нее. Она поднялась, кинулась къ низенькимъ периламъ,—и бросилась въ рѣку. Тонкій слой

льда хруструлъ, что то закопошилось, заплескалось, легкій стонъ долетѣлъ. Всадники постояли-постояли, потомъ пришпорили коней и понеслись дальше.

Такъ погибла несчастная дѣвушка!

И зиму, и весну, и лѣто Наташа проживала у Петра въ землянкѣ, объявивъ ему, что если отецъ опять пріѣдетъ за ней, то она къ нему не пойдетъ. Петръ тоже привязался къ ней, надъ чѣмъ частенько подтрунивали товарищи.

Въ срединѣ лѣта произошелъ случай сильно измѣнившій ея положеніе.

Петръ какъ-то вдругъ исчезъ. День его нѣтъ, два нѣтъ; сказалъ какъ-то разъ вечеромъ Наташѣ, уходя изъ избы, что къ утру вернется, но такъ и пропалъ.

— Гдѣ Петръ? распрашивала Наташа его товарищей.

— А мы почемъ знаемъ гдѣ—ищи; не иголка, вѣдь, онъ: если гдѣ обронила, такъ найдешь, увидишь!..

Наташа стала тревожится и уже не разъ всплакнула, предчувствуя недоброе...

Недоброе и случилось.

На одномъ концѣ Тушина, весьма отдаленномъ отъ рѣки, былъ колодезь. За послѣднее время стали замѣчать, что вода въ немъ стала отзываться непріятнымъ запахомъ, дѣлавшимся съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Наконецъ, спустился туда въ одно прекрасное утро мужиченко для освидѣтельствованія, и кончилось тѣмъ, что вытащили оттуда распухшее и разложившееся тѣло Петра. На головѣ оказался проломъ,—видно было что дѣло обошлось не безъ участія товарища.

Петра зарыли; Наташа осталась одна, плакала и убивалась до того, что чуть сама не утопилась. Теперь единственнымъ близкимъ лицемъ въ Тушинѣ былъ дьячекъ Устильянъ, да и тотъ давно уже не показывался ей на глаза...

Наконецъ однажды явился онъ къ ней, и началъ соболѣзновать о ея положеніи. Случайно распахнулся его кафтанъ, подъ нимъ что-то загремѣло, блеснула парча, сермяга, бархатъ.

— Это что у тебя? удивилась Наташа.

— Это?.. Въ должности я новой! ухмыляясь возразилъ онъ.—Просилъ владыку въ діаконы посвятить—такъ нашли, что я для церковнаго служенія невозможенъ, ибо скоморошливъ по отзывамъ ближнихъ зѣло.. А такъ какъ слухи о семъ дошли до великаго государя, а у онаго шута не находится въ наличности, то я въ шутовской кафтанъ пожалованъ, и не покидаю государя даже въ мыльнѣ.

— Помоги ты мнѣ уйти отсюда,—просила его Наташа —пристаютъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, прохода не даютъ...

— Куда-жь-тѣ? Домой?

Она вздрогнула.—Нѣтъ,—только не домой... Да и здѣсь я не могу оставаться...

Устильянъ подумалъ.—Вотъ что, сказалъ онъ.—У царицы Марины Юрьевны польскихъ дѣвокъ тьма,—всѣ до одной вѣры латинской, а поведенія такого, что дворецъ на что похожъ и выговорить не пригоже. По сему царь намедни говорилъ, надо чтобы при царицѣ не однѣ польки, а и русскія находились, и при томъ всѣ дѣвки сѣнныя и царицыны прислужницы должны быть поведенія честнаго... Такъ вотъ если бы туда тебя какъ всунуть...

— Куда-жь мнѣ до царя! сказала Наташа.

— И-и, родная! сказалъ онъ,—изъ поповской дочки въ царицыны прислужницы еще что,—есть такіе, что изъ дьячковъ въ цари прыгаютъ...

— Въ шуты, можетъ быть?

— Кто въ шуты, а кто и въ цари... Звѣзда звѣздѣ разнствуетъ во славѣ... Дьячка Ивашку помнишь?

— Ну?..

— Широко зашагалъ! На такое мѣсто сѣлъ, что посмотрѣть страшно. Да вотъ коли поступишь къ царицѣ, можетъ его и увидишь...

Черезъ недѣлю, по протекціи Устильяна, Наташа была во дворцѣ.

Когда Алешка съ попомъ Алфеемъ пріѣхали въ Тушино,—ни Кати, ни Наташи розыскать они, не смотря на всѣ старанія, не могли.

— Гдѣ же, гдѣ же онѣ сгинули? охалъ и стоналъ Алфей.

— Не приложу ума! Дай сообразить... не приложу ума... безсвязно мычалъ Алешка, въ самомъ дѣлѣ совершенно растроенный.

— Ахъ! Ахъ! Охъ... Дочурочки мои... денежки мои: сколько я ихъ заплатилъ за дочурочекъ-то... Да гдѣ же? гдѣ же? Алешка гдѣ же онѣ?

Такъ стоналъ попъ Алфей—и тяжело было Алешкѣ слышать его стонъ и видѣть его истомленное страданіями лицо. Стали они искать Устильяна, но его въ Тушинѣ не было: Царекъ куда то отъѣхалъ временно и его захватилъ съ собой. Поѣхали они искать, куда направился царекъ, поѣхали и наткнулись на него дорогой: онъ вернулся въ Тушино. Они опять въ Тушино; но Устильяна все таки не нашли—запропалъ гдѣ-то.

Долго въ Тушинѣ Алешка не могъ оставаться,—дѣла его опять звали къ Палицыну.—Алфей ѣхать съ нимъ не соглашался, и сталъ на томъ, что надо дочекъ розыскать.

— Да гдѣ ты найдешь ихъ?

— Найду, упрямо мычалъ онъ.

— Двѣ недѣли выжили, вдвоемъ искали, не нашли, —гдѣ тебѣ одному...

— Не поѣду никуда отсюда, сказали тебѣ,—такъ и знай.

Алешка—нечего дѣлать—одинъ уѣхалъ. Алфей въ Тушинѣ остался.

XXV.

Время шло. Наташа привыкала къ дворцовой жизни, присматриваясь къ непривычной обстановкѣ. Сама Марина Юрьена раза два обратила на нее свое вниманіе, видя ее степенность и порядочность. Въ царѣ Дмитріѣ Ивановичѣ она, дѣйствительно какъ и Устильянъ находила удивительное сходство съ дьячкомъ Ивашкой, но все таки сомнѣвалась—онъ-ли. Съ отцомъ она не встрѣчалась ни разу.

Во дворцѣ за послѣднее время было не спокойно. И царь и царица чуяли что-то недоброе, видѣли, что конецъ приходитъ ихъ царенью. И какъ Устильянъ не катался кубаремъ по горницамъ, какихъ рожъ не строилъ,—задумчивость съ лица самозванца не сходила: у него явился кромѣ Шуйскаго новый врагъ—Польша.

Въ Польшѣ цѣлое лѣто готовились къ войнѣ. Король Сигизмундъ дѣятельно собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о Россіи, совѣтывался съ опытными, знающими людьми, особенно съ Жолкѣвскимъ, разсылалъ на предварительные сеймики проекты кампаніи. Но когда собрался обычный сеймъ Рѣчи Посполитой, то о войнѣ никакихъ прямыхъ положеній дано не было. Канцлеръ составилъ вскорѣ манифестъ мотивировавшій войну и разослалъ его къ западнымъ дворамъ. Въ немъ вспоминались „укротители“ Руси польской національности, всевозможные Болеславы Кудрявые, Болеславы Кривоусые, и просто Болеславы, вспоминались посягновенія на Польшу Іоанна III, оскорбленіе Шуйскимъ пословъ польскихъ. Манифестъ увѣрялъ, что бояре давно уже зовутъ короля на смѣну Шуйскому, и говорятъ, что если король не пойдетъ, то они готовы отдаться снова подъ власть татаръ или турокъ, призвать какого нибудь принца, враждебнаго Рѣчи Посполитой, чего добраго лютеранина. Главнымъ-же мотивомъ выставлялся союзъ Москвы со Швеціей—исконнымъ врагомъ короля.

Король вступилъ въ предѣлы Руси, осадилъ Смоленскъ. Димитрій перепугался не на шутку. Онъ понималъ, что Сигизмундъ, воюя съ Шуйскимъ, не былъ

въ тоже время его союзникомъ, а открыто считалъ за самозванца, да вдобавокъ Сапѣга изъ подъ Троицы выслалъ къ королю посольство и изъявлялъ ему покорность. Успокоило его нѣсколько коло *), составленное Рожинскимъ, на которомъ тушинцы поклялись не оставлять своего царя; но смутно догадывался онъ, что всѣ эти клятвы были слишкомъ эфемерны и не прочны, что король самъ домогается достигнуть московскаго престола, и его шансы на успѣхъ стоятъ на весьма твердой почвѣ.

Король отправилъ въ Тушино пословъ коммисаровъ. Тушинская конфедерація заволновалась, не хотѣла принимать ихъ помимо государя: мы, де, войско его, подъ его стягомъ служимъ,—ему надлежитъ представляться напередъ, а не намъ. Коммисары предложили имъ такой вопросъ: „А вашъ государь, тотъ-ли Димитрій, которому вся земля присягнула? Если тотъ,—то нашъ король ему всѣмъ—и войскомъ и деньгами поможетъ, а если нѣтъ, — то Рѣчь Посполитая не привыкла фальшивыми титулами проходимцевъ чествовать, и потакая частнымъ интересамъ рушать старинныя обычаи, творить безчестныя дѣла“.—Тушинцы отвѣтили искренно: „Не хотимъ васъ обманывать,—нашъ Димитрій не тотъ, что на Москвѣ царилъ, и не тотъ, кѣмъ называется, чье имя носитъ. Но признавать его требуетъ ходъ вещей, иначе еще бо̀льшая смута будетъ“...

На оффиціальный пріемъ пословъ конфедерація рѣшилась не иначе какъ съ разрѣшенія Димитрія. Тотъ на ихъ просьбу отвѣтилъ: „Дѣлайте что хотите“!—Онъ окончательно потерялъ всякую власть — приближенныя его въ глаза называли воромъ.

Собралось генеральное коло, шумное, безпорядочное, какъ всѣ собранія подобнаго рода. Засѣданіе открылъ Стадницкій, родственникъ Марины Юрьевны, безконечно длинною рѣчью.—Московское царство раззорено и обезсиленно, говорилъ онъ, поднявшись съ своего почетнаго коммисарскаго кресла, произнося слова самою торопливою скороговоркою, отчего порой на губахъ у него вскакивали и лопались пузыри, и въ тактъ размахивая руками. — Московское царство раззорено и обезсилено, — оно раздирается внутренними смутами, оно истощено, оно не можетъ бороться съ врагами извнѣ.—А между тѣмъ внѣшніе враги грозятъ ему. Турки не сегодня-завтра двинутъ свои войска въ его предѣлы, подошлютъ съ Дона татарскія орды для его конечно раззоренія, какъ это случалось прежде. Мы не можемъ, сложивши руки ждать, чтобы басурманская вѣра затопила востокъ, и грозила мусульманствомъ и западу.—Король и Рѣчь Посполитая того непотерпитъ, не можетъ потерпѣть, король возмущенъ. Такой порядокъ вещей продолжаться не можетъ. Король всѣмъ возмущенъ: и признаніемъ самозванца Димитріемъ, и поведеніемъ Шуйскаго, заключившаго союзъ съ герцогомъ гюдерманландскимъ, похитителемъ наслѣдственнаго престола его величества. Король видитъ, что кровь христіанская льется даромъ, что гибнетъ то государство, съ которымъ въ ладу и согласіи жила прежде Польша, что сосѣдство подобное намъ не безопасно... Король печалится о васъ, что вы льете кровь за проходимца, у котораго нѣтъ никакихъ правъ на государство, который даритъ вамъ земли, непринадлежащія ему, который не можетъ подарить даже деревушку, потому что ничего не имѣетъ. Но король, не желая лишнихъ смутъ, приглашаетъ васъ присоединиться къ его войску, обѣщая наградить и васъ, и даже самозванца, лишь-бы только раздоровъ не было...

Долго и много махалъ руками Стадницкій, совершенно ясно доказывая всѣмъ, что за чудный, за святой человѣкъ король Сигизмундъ, а Шуйскій и Димитрій какіе гадкіе люди. Въ концѣ рѣчи, онъ и самъ убѣдился въ правотѣ того, о чемъ говорилъ, и даже думалъ, что и другихъ убѣдилъ. —Но въ отвѣтъ ему завопили тушинцы не менѣе энергично, такъ-же блистая краснорѣчіемъ и махая руками. Всѣ пренія прикрывались благовиднымъ предлогомъ крестнаго цѣлованія, а въ концѣ концовъ у всѣхъ выпрыгивала задняя мысль о деньгахъ... Король давалъ ассекурацію на полученіе жалованья, а тушинцы просили его заплатить войску двадцать милліоновъ злотыхъ должныхъ Димитріемъ, и никакихъ ассекурацій не требовали. Коммисары выходили изъ себя, изъ кожи лѣзли, тушинцы отъ нихъ не отставали. Кончилось тѣмъ, чего и надо было ожидать: ни къ какому соглашенію не пришли.

Рожинскій пришелъ съ коло къ Димитрію и разсерженный и пьяный.

— Ну что? спросилъ царикъ.

Рожинскій сурово сѣлъ на лавку ничего не отвѣчая.

— Чѣмъ кончили? переспросилъ тотъ снова.

Панъ нахмурился.—Чего тебѣ надо?

Царикъ повторилъ вопросъ.

Рожинскій сложилъ весьма внушительно свои пальцы.—Видѣлъ?

— Да зачѣмъ пріѣхали коммисары-то отъ короля? смущенно возразилъ Димитрій.

М. И. Саріотти. Пѣвецъ Русской Имп. Оперы въ Петербургѣ. † 30 Янв. 78 г.
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

*) Совѣтъ.

Дѣти во время наводненія. Картина Лежені, грав. Жонаръ.

— Да тебѣ что за дѣло? вдругъ заревѣлъ Рожинскій. и вклеилъ крайне непристойное выраженіе.—Они ко мнѣ, не къ тебѣ пріѣхали. Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Мы тебѣ служили, служили, кровь проливали и шишъ за награду получили.

Онъ плюнулъ и вышелъ прочь хлопнувъ дверью.

— Чѣмъ все это кончится? спросила у мужа Марина Юрьевна, видѣвшая всю эту сцену.

Тотъ пожалъ плечами и задумался.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ

Мирный уголокъ въ лѣсу.

(Картина Г. Смайль).

Жить среди природы, поселиться въ такомъ мирномъ уголкѣ, какой изображенъ, напримѣръ, на нашемъ рисункѣ—это мечта поэта. Но мечта остается мечтой, пока поэтъ погруженъ въ суету прозаической жизни, и только тогда, когда „Божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется“, тогда

Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ
Въ широко-шумныя дубровы,

И живетъ онъ среди природы, но живетъ только въ минуты поэтическаго настроенія; проходитъ онѣ—и суета суетъ жизни уноситъ его изъ уединенія. Но это не служитъ доказательствомъ того, что для жизни среди природы нужно имѣть душу, способную находиться постоянно въ восторженномъ поэтическомъ настроеніи. Совсѣмъ нѣтъ. Нужно любить природу, или дѣтской искренней любовью, какою любитъ ее въ простотѣ души житель деревни, или же познать ея жизнь и достигнуть при посредствѣ этого познанія способности чувствовать ея величіе, полное необычайно глубокаго смысла, прелести и красоты.

Это, однакожь, дается немногимъ. Человѣкъ, прежде всего существо крайне непостоянное въ своихъ стремленіяхъ и желаніяхъ—и когда жизнь его хорошенько поощиплетъ и истреплетъ, и заставитъ уразумѣть, что все то, чѣмъ онъ мучился и страдалъ—ложь и суета, вотъ только тогда онъ бѣжитъ въ тихій и мирный уголокъ, въ объятія природы, и только тогда является въ немъ умѣнье пользоваться ея благами.

Можетъ быть къ числу такихъ же „истрепанныхъ“ жизнію относятся обитатели изображеннаго на нашемъ рисункѣ мирнаго уголка: но можетъ быть и то, что обитатели его простодушныя дѣти природы, никогда не прельщавшіяся суетою городской жизни,—въ томъ и другомъ случаѣ рисунокъ остается равно прелестнымъ, полнымъ поэтической красоты.

Саулъ у Аэндорской волшебницы.

Припомнимъ по поводу помѣщаемаго въ этомъ номерѣ съ картины профессора Ге рисунка, событія, послужившія художнику сюжетомъ для его картины.

Саулъ, помазанный на царство Израильское пророкомъ Самуиломъ въ 1119 г. до Р. Х., первое время по своемъ воцареніи находился подъ вліяніемъ Самуила и боясь гнѣва Божія, требовалъ отъ своего народа исполненія Его заповѣдей. Исполненный вѣры въ Бога, онъ изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ гадателей, но вскорѣ власть и счастіе сдѣлали его самонадѣяннымъ, онъ забылъ Бога и перестал слушаться Самуила.

Во время войны съ филистимлянами, когда врагъ громадными силами напалъ на землю Израильскую, Саулъ испугался борьбы и въ страхѣ бросился за совѣтами къ гадальщицѣ.

— Сыщите мнѣ колдунью, которая бы угадала, кто останется побѣдителемъ— я или Филистимляне? сказалъ онъ слугамъ своимъ.

Слуги отвѣчали, что они знаютъ такую колдунью, которая можетъ вызывать даже умершихъ, и что эта женщина живетъ въ Аэндорѣ.

Саулъ отправился къ ней. Объ этомъ посѣщеніи волшебницы Сауломъ въ Библіи говорится слѣдующее: „Саулъ не ѣлъ хлѣба весь тотъ день. И снялъ Саулъ одежды свои и надѣлъ другія, и пошелъ самъ и два человѣка съ нимъ, и пришли они къ женщинѣ ночью. И сказалъ ей Саулъ: прошу тебя, поворожи мнѣ, и выведи мнѣ, о комъ я скажу тебѣ Но женщина отвѣчала ему: ты знаешь, что сдѣлалъ Саулъ, какъ выгналъ онъ изъ страны волшебниковъ и гадателей; для чего же разставляешь сѣть душѣ моей, на погибель мнѣ? И поклялся ей Саулъ Господомъ, говоря: живъ Господь! Не будетъ тебѣ бѣды за это дѣло“. (1-я книга Царствъ). Онъ попросилъ вызвать Самуила, уже давно умершаго. Женщина была съ нимъ вмѣстѣ въ темнотѣ и чрезъ нѣсколько времени она сказала, что видитъ какъ „выходитъ изъ земли мужъ престарѣлый, одѣтый въ длинную одежду“.

— Это Самуилъ! вскричалъ тогда Саулъ и „палъ лицомъ на землю и поклонился“.

Самуилъ упрекнулъ Саула въ непослушаніи волѣ Божіей и предсказалъ ему его гибель отъ руки врага. Испуганный видѣніемъ и услышаннымъ пророчествомъ о своемъ пораженіи, Саулъ лишился чувствъ. Тогда волшебница предложила Саулу мяса и хлѣба и хотя Саулъ сначала отказывался отъ пищи, но убѣжденный самой волшебницей и слугами, которые сопровождали его, онъ рѣшился ѣсть. Пища возвратила ему силы. „И они поѣли, и встали, и ушли въ туже ночь“.

Рисунокъ, приложенный въ этомъ №, сдѣланъ, какъ замѣчено выше, съ картины профессора Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ, Николая Николаевича Ге. На картинѣ мѣсто дѣйствія—пещера, налѣво проносятся тѣни умершихъ. Тѣнь Самуила окутана въ бѣлый саванъ. На Саулѣ, упавшемъ отъ страха, короткая бѣлая туника, бронзовыя латы и ярко-красный плащъ. Волшебница въ бѣломъ хитонѣ и черноватомъ плащѣ стоитъ поднявши руки вверхъ и съ испугомъ смотритъ на Саула. Правѣе Саула, на второмъ планѣ, два убѣгающіе воина; на одномъ синяя одежда и желтоватый плащъ, на другомъ, схватившемся руками за голову, розовая нижняя и зеленая верхняя одежды.

Картина эта написана на 1-ю золотую медаль, по полученіи которой художникъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Званіе профессора получено г. Ге за картину его „Послѣдняя вечеря Христа съ его учениками“. Обѣ эти картины „Саулъ“ и „Тайная Вечеря“ пріобрѣтены Академіей Художествъ и находятся въ ея залахъ. Николай Николаевичъ Ге родился въ Воронежѣ въ 1831 г., онъ сынъ дворянина, дѣдъ котораго, французъ (Gay), эмигрировалъ въ Россію въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Л.

М. И. Саріотти.

(Пѣвецъ Русской оперы въ С.-Петербургѣ).

30-го января 1878 года русская оперная сцена лишилась одного изъ своихъ артистовъ. Въ этотъ день, именно въ 10 часовъ вечера, скончался М. И. Саріотти. Съ открытіемъ нынѣшняго опернаго сезона, Михаилъ Ивановичъ уже не являлся на сценѣ: все болѣе и болѣе развивавшаяся болѣзнь лишила его возможности участвовать въ оперныхъ представленіяхъ и исполнять тѣ партіи, въ которыхъ онъ, въ свое время, являлся замѣчательнымъ исполнителемъ. Нѣкоторыя роли рѣшительно составили славу Михаила Ивановича и до настоящаго времени еще не нашли себѣ равнаго ему преемника. Такъ, напримѣръ, роль Олоферна (въ оперѣ „Юдиѳь“, г. Сѣрова), въ исполненіи Михаила Ивановича поражала своей необычайной силою, какъ въ драматическомъ, такъ и въ вокальномъ отношеніяхъ. Точно также на всегда останется памятнымъ исполненіе г. Саріотти двухъ партій, составляющихъ положительный контрастъ съ партіей Олоферна, а именно: Еремки въ оперѣ „Вражья сила“, г. Сѣрова и разбойника въ „Фра-Діаволо“. Въ исполненіе этихъ двухъ партій г-нъ Саріотти настолько много умѣлъ вложить комизма, что всегда вызывалъ веселость и единодушные аплодисменты. Кромѣ того, нельзя не припомнить здѣсь его прекрасной партіи въ „Русалкѣ“ Даргомыжскаго, именно партіи свата, которую покойный артистъ по болѣзни долженъ былъ оставить за долго до своей смерти, помнится, около двухъ лѣтъ тому назадъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что преемники этой роли не могутъ до сихъ поръ съумѣть придать ей столько типичности и чисто русскаго характера, сколько было ихъ въ игрѣ покойнаго артиста.

Михаилъ Ивановичъ Саріотти родился въ Петербургѣ въ 1839 году. Воспитывался онъ въ 5-й С.-Петербургской гимназіи. Въ 1858 году началъ свое вокальное образованіе подъ руководствомъ артиста Императорскихъ театровъ И. И. Гумбина, а затѣмъ въ слѣдующемъ 1859 г. отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Италію, въ гор. Миланъ, гдѣ, послѣ полуторагодныхъ занятій у извѣстнаго профессора пѣнія Ренетто, дебютировалъ въ гор. Салуццо, въ Пьемонтѣ, съ большимъ успѣхомъ. Эти первыя дебюты артиста были въ 1861 году и именно въ слѣдующихъ операхъ: „Норма“ (Беллини) и „Велизарій“ (Доницетти). Само собою понятно, что успѣхъ молодого пѣвца на первыхъ дебютахъ увеличилъ въ немъ стремленіе къ продолженію своего музыкальнаго образованія. Онъ снова и съ большею страстностію предался своему дѣлу и чрезъ годъ, именно въ 1862 году, выступилъ на Кремонскомъ театрѣ въ операхъ: „Моисей“ (Россини), „Макбетъ“ (Верди) и „Лукреція Борджія“ (Доницетти). Какъ этотъ, такъ и слѣдовавшій за нимъ ангажементъ въ Миланѣ дали возможность молодому артисту закончить свое образованіе и возвратиться въ Россію. Первымъ его дебютомъ на родинѣ были

сцены изъ оперы „Робертъ“ (Мейербера) въ роли Бертрама, послѣ исполненія которой онъ былъ принятъ дирекціею Императорскихъ театровъ въ русскую оперную труппу. Въ продолженіи его сценической дѣятельности, кромѣ исполненія партій въ вышеупомянутыхъ операхъ, онъ пѣлъ въ слѣдующихъ: „Невѣста Лунатикъ“, „Лукреція Борджіа“, „Трубадуръ“, „Русланъ и Людмила“, „Карлъ Смѣлый“ и друг.

Дѣти во время наводненія

Море кормитъ, море же и топитъ. Покоясь въ безграничномъ ложѣ, оно отражаетъ въ зеркалѣ своихъ водъ небо во всемъ разнообразіи его тоновъ. Но оно же, разбушевавшись, воетъ и стонетъ и высоко вздымается пѣнистыми волнами

„Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ безпечно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неумолимый —
И стая тонетъ кораблей!...

Такъ говоритъ поэтъ (А. Пушкинъ) про океанъ. Да, неумолимо море, какъ вообще неумолимы стихіи, когда разъярившись, онѣ одолѣваютъ всѣ преграды, устраиваемыя для нихъ человѣкомъ: чуть оплошалъ онъ, не спохватился во время, огонь истребитъ его труды, вода затопитъ и въ обоихъ случаяхъ воздухъ—ближайшій ихъ союзникъ.

Такъ оплошалъ, должно быть и тотъ, чья избушка, изображенная между прочимъ на прилагаемомъ рисункѣ, оказалась уже во власти моря.

— Бѣдняга! зачѣмъ такъ ты довѣрился морю, зачѣмъ такъ близко къ его обманчивымъ берегамъ построилъ свою избу?

Пожметъ плечами въ отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, кто такъ довѣрился морю и скажетъ:

— Море топитъ, да оно же и кормитъ..,

Авторъ картины, рисунокъ съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ, избралъ именно тотъ моментъ изъ прибрежной жизни на берегу моря, когда оно, расходившись, далеко ушло за свои обыкновенные береговые предѣлы.

Оставили избушку ея обитатели, ушли они искать себѣ на время гдѣ нибудь пристанища, и пока старшіе ищутъ пріюта, дѣти ихъ печально стоятъ на берегу разъяреннаго моря и, видимо, боятся даже посмотрѣть на свой, недавно еще столь милый имъ пріютъ, теперь уже почти на половину затопленный неумолимымъ моремъ.

Вотъ сюжетъ картинки, служащій какъ бы подтвержденіемъ той мысли, которую мы высказали въ этой замѣткѣ. Приведемъ здѣсь еще стихи того же поэта (Пушкина), который говоритъ о морской волнѣ слѣдующее:

„Ты волна моя, волна,
Ты гульлива и вольна,
Ты морскіе камни точишь,
Берега крутые сносишь...

Городъ Елецъ

Елецъ, уѣздный городъ Орловской губерніи (отъ Орла по желѣзной дорогѣ въ 180 вер.), на лѣвомъ берегу р. Сосны и притокахъ ея Лучнѣ и Ельничкѣ. Въ лѣтописи о немъ упоминается какъ объ одномъ изъ пограничныхъ пунктовъ княжества Рязанскаго. Въ XII вѣкѣ онъ терпѣлъ неоднократныя раззоренія отъ Половцевъ, а въ половинѣ XIII былъ разрушенъ Батыемъ; за симъ о немъ лѣтопись молчитъ до нашествія Тамерлана (1395 г.). На этотъ разъ Елецъ спасся какимъ то чудомъ: Тамерланъ неожиданно отступилъ отъ него, поворотивъ къ устью Дона. Однакожь, впослѣдствіи, въ XV столѣтіи, Елецъ былъ разграбленъ татарами два раза. Съ половины XVII вѣка городъ сталъ быстро разрастаться, но въ 1745 году весь выгорѣлъ. При Петрѣ въ 1708 году онъ былъ приписанъ по корабельнымъ дѣламъ къ Азовской губерніи, потомъ, въ 1719, зачисленъ уѣзднымъ городомъ этой губерніи, а въ 1778 году—уѣзднымъ же Орловскаго намѣстничества.

Въ настоящее время Елецъ имѣетъ до 30 фабрикъ и заводовъ, кожедубильныхъ, мыловаренныхъ, стеариновыхъ и салотопенныхъ, съ производствомъ на 500 тысячъ рублей. Въ уѣздѣ двѣ писчебумажныя фабрики. Промышленность и торговля Ельца возрастаютъ съ введеніемъ его въ желѣзнодорожную сѣть: онъ на линіи, пересѣкающей всю Европейскую Россію съ юго-востока на сѣверозападъ, именно отъ Царицина до Риги; кромѣ того, отъ него идетъ желѣзнодорожная вѣтвь на сѣверъ, по направленію къ Москвѣ. Главные предметы торговли хлѣбъ и рогатый скотъ. Озимая пшеница привозится сюда изъ губерній Харьковской, Курской и Воронежской (до 350,000 четвертей), она, въ смѣси съ яровою, даетъ отличную муку, извѣстную подъ именемъ Елецкой. Въ окрестностяхъ города до 150 мельницъ, въ числѣ ихъ до 40 крупчатокъ. Скотъ пригоняется въ Елецъ изъ южныхъ губерній и поступаетъ частію на мѣстныя скотобойни для вытапки сала, частію отправляется въ Москву.

Въ Ельцѣ до 32,000 жит., 3,200 домовъ (300 каменныхъ), 16 церквей (изъ нихъ 2 соборныхъ) 2 монастыря: мужской и женскій, 4 часовни, построенныя (по преданію) надъ могилами убитыхъ при нашествіи Тамерлана; каменный гостинный дворъ; училища уѣздное и приходскія, одно женское 2-го разряда, банкъ, садъ, больница и тюремный замокъ.

Между ремеслами въ городѣ развиты болѣе прочихъ сапожное, кузнечное и кружевное; послѣднимъ занимаются, конечно, женщины.

Южно-американскіе пампасы и ихъ населеніе

Пампасами называются обширныя равнины Южной Америки, занимающія пространство между Атлантическимъ океаномъ и республикой Чили. Эти пустынныя равнины съ ихъ необозримою далью не производятъ на путника такого впечатлѣнія, какое, напримѣръ, даютъ наши южно-русскія равнины. Хотя характеръ нашихъ равнинъ таже ширь и безпредѣльность, но, такъ сказать, въ основѣ этой шири лежитъ что-то мирное, успокоивающее, и ковыль-трава, одиноко по степи разбросанная, не томитъ души своимъ унылымъ видомъ, и зародитъ развѣ подъ-часъ только грустное чувство въ душѣ путника при сопоставленіи имъ своей одинокой доли съ жизнію „ковыль-травы“.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ американскіе пампасы. Что-то мрачное чувствуется въ общемъ ихъ характерѣ, не смотря на то, что, казалось бы, есть много сходнаго между ними и нашими русскими степями. Эта разность впечатлѣнія, конечно, не безпричинна: есть громадная разница между нашими южно-русскими степями и американскими пампасами, разница эта въ размѣрахъ ихъ. Южно-русскія степи по сравненію съ американскими пампасами весьма не велики и здѣсь-то именно въ этомъ подавляющемъ своею величиною пространствѣ пампасовъ таится то чувство непріязненности къ нимъ, которое они порождаютъ въ путникѣ. Кромѣ того, эта непріязненность зарождается при мысли и о томъ безпокойномъ характерѣ жизни въ американскихъ пампасахъ, какимъ они отличаются: тутъ и звѣря дикаго много и неприрученныхъ животныхъ массы, тутъ можно попасть и подъ ножъ индѣйца, который по своимъ душевнымъ свойствамъ мало чѣмъ отличается отъ дикаго звѣря. Вотъ въ чемъ причина того тяжелаго впечатлѣнія, которое американскіе пампасы производятъ на путешественниковъ.

Разстилается на необозримое пространство равнина, то совершенно голая, лишенная растительности, то поросшая травою, и нѣтъ ей конца и не на чемъ отдохнуть взгляду путника, все тоже однообразіе, все тоже давящее чувство: таковы американскіе пампасы.

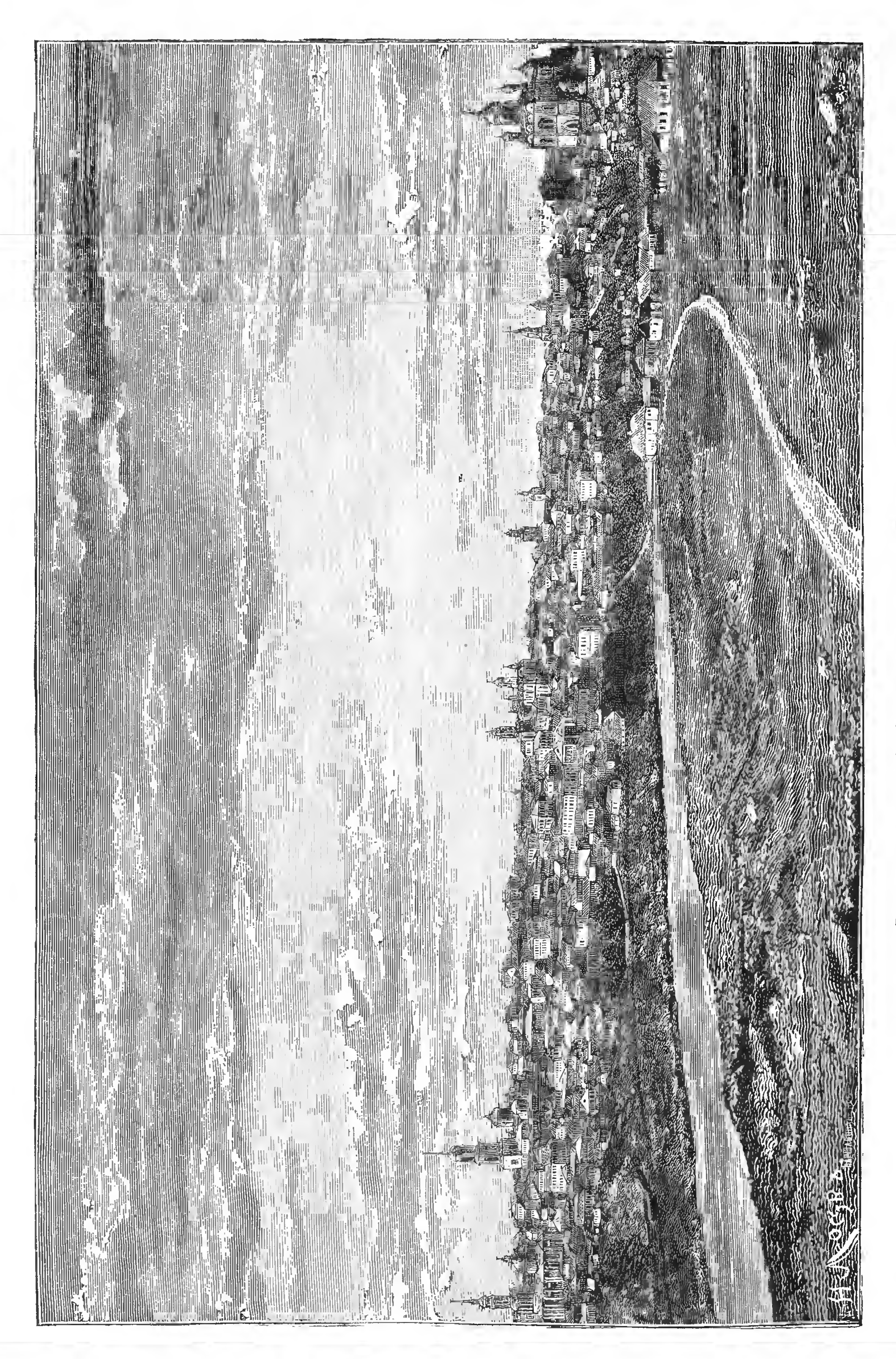
Даже ѣзда по желѣзной дорогѣ не можетъ разсѣять подавленнаго настроенія. Путнику, наконецъ, начинаетъ казаться, что и самый поѣздъ недвижется, такъ какъ во всѣ стороны видна все одна и таже картина пустыни, раскинувшейся на огромныя пространства и лишенной человѣческихъ жилищъ. Нужно, впрочемъ, оговориться, что непріязненное чувство, производимое на путника американскими пампасами, зарождается въ немъ не вдругъ, а растетъ постепенно, по мѣрѣ удаленія въ безпредѣльную глубь этихъ унылыхъ равнинъ. Сначала онѣ даже производятъ нѣкоторое впечатлѣніе пріятности: тихо такъ кругомъ, ровно, и чувствуетъ путникъ прелесть новизны, именно чувство полнаго уединенія среди безконечно раскинувшихся степей. Но это чувство непродолжительно: постоянное однообразіе окружающаго ландшафта начинаетъ чѣмъ далѣе, тѣмъ томительнѣе дѣйствовать на душу и вскорѣ порождаетъ мучительное ощущеніе давящей безотрадной тоски и одиночества. Слѣдуетъ замѣтить, что американскіе пампасы мѣстами не такъ унылы и безотрадны: въ нихъ, какъ сказано выше, много жизни, и не только живутъ дикіе звѣри и не менѣе дикіе индѣйцы, но и болѣе мирныя существа. Мѣстами обильныя травы и обильные водами ручьи даютъ кормъ стадамъ животныхъ, хозяйничающимъ въ американскихъ пампасахъ безъ подчиненія волѣ человѣка. Животныя этихъ безпредѣльныхъ степей не знаютъ надъ собой ничьей власти, кромѣ своей собственной. Кстати замѣтить, что даже самыя названія рѣкъ, которыя тянутся точно нити воды по безпредѣльнымъ степямъ, доказываютъ собою, какъ мало развито воображеніе у тѣхъ, кто крестилъ ихъ; рѣки носятъ названія: первая рѣка (rio primero), потомъ вторая (secundo), третья и т. д.

Необходимо дополнить, что дикіе обитатели южно-американскихъ пампасовъ считаютъ себя обладателями неприрученныхъ животныхъ этихъ степей; они какъ бы раздѣляютъ ихъ на стада и разграничиваютъ владѣнія этими стадами по мѣстамъ ихъ нахожденія. Когда случится, что стада одного туземца, считающаго себя владѣльцемъ извѣстнаго ихъ количества, заходятъ далеко отъ мѣста его обиталища, тогда при помощи пастуховъ онъ старается угнать стада въ свои владѣнія. Само собою разумѣется, что понятія о владѣніяхъ у индѣйцевъ очень смутно и основывается все болѣе на правѣ сильнаго.

Понятно, что изъ числа неприрученныхъ животныхъ, обитатели равнинъ имѣютъ достаточное количество такихъ, которыми они свободно пользуются.

Къ числу животныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ индѣйцамъ приходится приручать, относятся бараны и овцы.

Пампасы изобилуютъ замѣчательными птицами. Здѣсь водятся попугаи, утки, лебеди, бекасы. Вотъ изъ травы поднялась

Общій видъ Ельца (Орловской губерніи). Съ натуры рисов. Лосевъ. грав. Шлаковскій.

Южно-американскія пампасы и ихъ населеніе. Рис. Ріу, грав. Кохъ.

цѣлая стая куропатокъ; ихъ въ пампасахъ такъ много, что лошади почти давятъ ихъ ногами; а вотъ группа страусовъ, несущаяся по пустынѣ какъ вѣтры. Раздается гоготанье пеликановъ, и безобразная ихъ стая разсаживается гдѣ нибудь вокругъ воды. Возлѣ береговъ Лаплаты встрѣчаются ягуары. Ящерицъ въ Пампасахъ великое множество. Кузнечики этихъ равнинъ покрываютъ собою землю; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ в длину 4 англійскихъ дюйма; снабженные крыльями, они на лету кажутся маленькими птичками.

Кромѣ того въ пампасахъ встрѣчаются собачки особаго вида. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ поразительное множество. Собачекъ этихъ туземцы называютъ „Yiscachas“.

Помѣщая въ этомъ № рисунокъ, изображающій между прочимъ „Собачій городокъ“ въ южно-американскихъ пампасахъ, остановимся здѣсь на описаніи жизни и нравовъ этого мало извѣстнаго у насъ животнаго, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ о немъ натуралистами.

Названіе этого животнаго собачкою основано на томъ короткомъ звукѣ, который любитъ издавать оно, т. е. на звукѣ, представляющемъ нѣкоторое сходство съ лаемъ молодыхъ щенковъ. Собачки эти могутъ быть одинаково отнесены какъ къ роющимъ, такъ и общественнымъ животнымъ. Общая форма ихъ округленная, а голова приплюснутая—все это даетъ животному чрезвычайно странный видъ. Въ длину оно имѣетъ около шестнадцати дюймовъ. Это очень милое, или скорѣе любопытное животное, веселаго характера, общительное и способное къ приручепію, хотя, говорятъ, что въ неволѣ оно перестаетъ быть занимательнымъ и все время проводитъ во снѣ.

Хотя это животное кроткаго характера и привязывается къ своему хозяину, но тѣмъ не менѣе не любитъ чужихъ, и если пальцы незнакомаго человѣка коснутся его жилища, оно лаетъ на непрошеннаго гостя и больно царапаетъ его руки своими острыми и сильными когтями. Не смотря на страшныхъ враговъ, нападающихъ на собачекъ и даже властительно устраивающихся въ ихъ жилищахъ, все таки эти собачки быстро размножаются и распространяютъ свои норы на огромныя разстоянія. Какъ только выбрали онѣ удобное мѣсто и завели себѣ нѣсколько жилищъ, такъ размноженіе ихъ уже не имѣетъ никакихъ предѣловъ, и маленькія кучки земли растягиваются на большое разстояніе.

Зачастую вдоль линіи желѣзной дороги можно видѣть рядъ холмиковъ, насыпанныхъ изъ вырытой земли этими маленькими животными. Между холмиками продѣлано множество тропинокъ, по которымъ животныя имѣютъ сношеніе между собою. Кормятся онѣ кореньями, травами, а также саранчей и другими насѣкомыми.

Опустошивъ окрестность, собачки перекочевываютъ на другое мѣсто. Издали можно видѣть огромное число этихъ звѣрковъ, преемѣшно сидящихъ на своихъ кучкахъ, или же весело играющихъ одинъ съ другимъ. Замѣтивъ съ своего возвышенія непрошеннаго пришельца, испуганные звѣрки съ визгомъ скрываются въ свои норы; на бѣду ихъ онѣ очень любопытны и увлеченіе знать и видѣть что дѣлается часто стоитъ жизни маленькому твореньицу. Едва только исчезли въ норѣ изъ вида ихъ ноги, какъ уже показываются ихъ головы и сверкаютъ каріе глазки, полные любопытства. Минуетъ опасность и животныя быстро выползаютъ на поверхность и, виляя хвостиками, вновь продолжаютъ играть.

Норы звѣрьковъ имѣютъ значительные размѣры и очевидно идутъ на большую глубину. Извлечь звѣрька изъ норы почти невозможно даже посредствомъ наполненія норы водою. Разсказываютъ, напримѣръ, что одна изъ норъ поглотила пять боченковъ воды и все еще была не наполнена. Изъ этого слѣдуетъ, что норы имѣютъ развѣтвленія и можетъ быть соединяются между собою. Хорошій стрѣлокъ цѣлится животному въ глазъ и, попавъ, убиваетъ его на мѣстѣ. Мясо ихъ, однакожъ, не годится для употребленія.

Между туземцами существуетъ мнѣніе, что эти собаки живутъ въ сообщничествѣ съ змѣями и совами. Вѣрнѣе заключить, что собаки не пользуются удобствомъ имѣть свой домъ, исключительно посвященнымъ имъ самимъ—змѣи пожираютъ хозяевъ и водворяются на ихъ мѣстѣ, пользуясь даровымъ столомъ и квартирой. Нахожденіе въ этихъ собачьихъ гнѣздахъ совъ объясняется тою-же причиною, какъ и нахожденіе змѣй. Но вообще надобно сказать, что точныхъ научныхъ наблюденій относительно привычекъ и жизни собачекъ пампасовъ еще не сдѣлано до сихъ поръ и многое въ ихъ жизни для насъ остается еще невыясненнымъ.

Въ заключеніе нашей статьи объ американскихъ пампасахъ и ихъ населеніи скажемъ, что хотя въ настоящее время и пролегаетъ по нѣкоторой части этой мѣстности желѣзная дорога, но ѣзда по ней тоже не лишена неудобствъ и опасностей. Большинство пассажировъ путешествуетъ вооруженные пистолетами и револьверами во избѣжаніе возможныхъ и нерѣдка дѣйствительно случающихся встрѣчъ съ такими обитателями этой мѣстности, которые непріязненно относятся къ бѣлымъ.

Р.

Смѣсь.

Потребленіе вина въ С.Петербургѣ, достигшее въ 1873 году до 2,263,462 ведеръ, въ 1874 г. понизилось до 2,039,462 ведеръ, но уже въ слѣдующіе два года значительно усилилось и дошло до 2,205,498 ведеръ въ 1875 г. и до 2.230,988 ведеръ въ 1876 г.; пива въ 1873 потреблено 3,094,020 ведеръ, въ 1874 году—3,708,759, въ 1875 г.—3.860,370 и въ 1876 г.—4,030,891 ведро. Такимъ образомъ, правила 1874 года о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ не оказали почти никакого вліянія на уменьшеніе потребленія вина въ населеніи столицы и, слѣдовательно, на измѣненіе образа жизни и привычекъ его.

Изъ бюджетныхъ суммъ на 1878 г. видно, что государство выплачиваетъ ежегодныя субсидіи обществу „Кавказъ и Меркурій“ за почтовое пароходство по Каспію въ 258,842 р., за прочіе рейсы 76,765 р., Амурской пароходной компаніи 245,000 р. помильныхъ, 100,000 р. субсидіи; Архангельско-Мурманскому товариществу 50,000 р., и 10,000 р. доплаты за прошлый годъ; Байкальскому товариществу 37,000 р. помильныхъ; Черноморскому обществу 730,000 р., считая по 2 р. за милю.

Необтесанная глыба гранита, на которой сооружена конная статуя Петра Великаго въ Петербургѣ, пострадала отъ вывѣтриванія, чему наиболѣе способствовалъ неблагопріятный климатъ и самая форма глыбы, не допустившая отполировки камня. Точно также Луксорскій обелискъ, воздвигнутый въ 1836 году на Парижской площади Согласія, въ 40 лѣтъ въ Парижѣ пострадалъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 36 столѣтій его существованія въ Египтѣ. Чтобъ лучше охранять такіе памятники, предлагаютъ покрывать ихъ тонкимъ слоемъ воска или парафина, для защиты ихъ, главнымъ образомъ, отъ разрушительнаго дѣйствія дождя.

Въ Петербургѣ находится: типографій 107, литографій 105, металлографій 5, словолитенъ 11, фотографій 88, складовъ для продажи принадлежностей тисненія 11, ручныхъ станковъ для собственнаго употребленія 15, книжныхъ магазиновъ 46, книжныхъ лавокъ 40, книжныхъ кіосковъ 16, продажа книгъ при типографіяхъ, табачныхъ и другихъ мелочныхъ лавкахъ и проч., разрѣшена въ 60 мѣстахъ, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія 27, музыкальныхъ магазиновъ 14, разносчиковъ для продажи произведеній на улицахъ 184, періодическихъ изданій печатается 107.

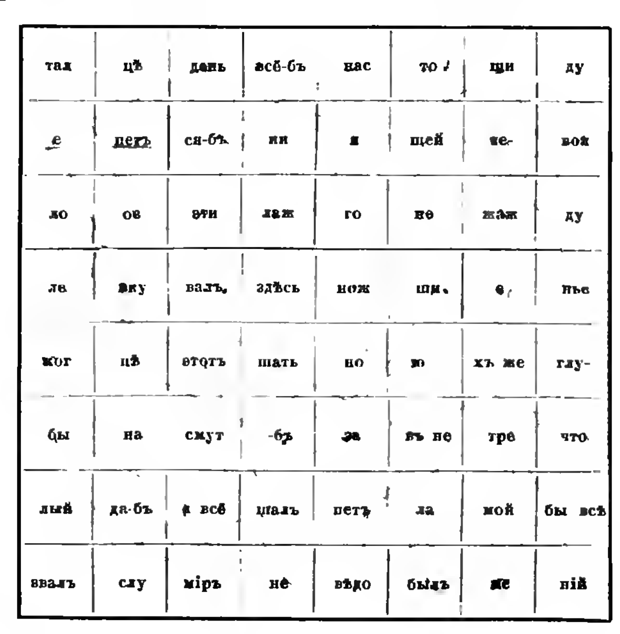
Ходъ коня. Шахматная задача.

Ходъ коня—шахматная задача, сущность которой состоитъ въ томъ что-бы конь, дѣлая ходы, прошелъ по всѣмъ клѣткамъ шахматной доски, вступивъ при этомъ на каждую клѣтку не болѣе одного раза. Рѣшать эту задачу можно различно. Въ „Нивѣ“ время отъ времени будутъ помѣщаемы такія задачи.

На первый разъ беремъ одно изъ извѣстныхъ стихотвореній А. Пушкина, и раздѣливъ это стихотвореніе на 64 слога, сообразно числу клѣтокъ шахматной доски, размѣщаемъ ихъ по этимъ клѣткамъ. Это размѣщеніе производимъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ шахматный конь можетъ дѣлать свои ходы.

Предлагаемъ читателямъ составить эти слоги въ слова и указать такимъ образомъ содержаніе стихотворенія.

Рѣшеніе будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

тал	цѣ	день	всё-бъ	нас	то	щи	ду
е	шегъ	ся-бъ	ни	я	щей	че-	вой
ло	ов	эти	лаж	го	не	жаж	ду
ле	вку	валъ,	здѣсь	нож	ши.	е,	нье
жог	цѣ	этотъ	шать	но	ю	хъ же	глу-
бы	на	смут	-бъ	за	въ не	тре	что
лый	да-бъ	а всё	щалъ	петъ	ла	мой	бы всѣ
звалъ	слу	міръ	нё	вѣдо	былъ	же	ній

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Канцлеръ Германской имперіи князь Бисмаркъ въ своей рѣчи по восточному вопросу высказалъ въ Германскомъ Парламентѣ, что заключенное Россіею съ Турціей перемиріе даетъ Россіи связную позицію, тянущуюся отъ *Дуная до Мроморнаго моря и имѣющую базисомъ дунайскія крѣпости* (Эту позицію мы характеризовали въ одномъ изъ прошлыхъ нашихъ обозрѣній). Государственное устройство Болгаріи,—по словамъ князя Бисмарка,—не представляетъ никакой опасности для мира Европы; независимость же Черногоріи, Румыніи, Сербіи, положеніе Босніи и Герцеговины и другихъ турецкихъ провинцій не настолько затрогиваютъ германскіе интересы, чтобы изъ-за этого ставить на карту хорошія отношенія Германіи къ другимъ державамъ. Денежное вознагражденіе за военныя издержки Россіи,—по мнѣнію князя Бисмарка,—касается только однѣхъ державъ, заключающихъ между собою миръ (т. е., въ данномъ случаѣ, Россіи и Турціи); территоріальное же вознагражденіе (возможное въ случаѣ денежной несостоятельности Турціи) *касается* также и державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ. Переходя къ вопросу о значеніи Дарданеллъ, князь Бисмаркъ выразился, что „пункты, касающіеся Дарданеллъ, едва ли имѣютъ важное значеніе по отношенію къ военнымъ судамъ, какъ по отношенію къ торговымъ. Самый важный интересъ собственно Германіи на востокѣ состоитъ въ томъ, чтобы *водные пути и проливы, подобно Дунаю отъ Чернаго моря вверхъ по теченію, были свободны*". И мы,—прибавляетъ съ особеннымъ удареніемъ Германскій Имперскій Канцлеръ,—безъ сомнѣнія *достигнемъ этого*... Засимъ онъ касается документовъ, которые имѣютъ быть предъявлены предстоящей конференціи въ качествѣ матеріала, но и еще ранѣе составятъ предметъ обмѣна мнѣній между правительствами: То, что въ этихъ матеріалахъ *будетъ касаться* измѣненія Парижскаго трактата 1857 года, то это измѣненіе по его словамъ будетъ *нуждаться въ санкціи державъ подписавшихъ этотъ трактатъ*. Если же не послѣдуетъ такой санкціи, то изъ этого вытекаетъ не необходимость новой войны, а такое положеніе вещей, которое князь Бисмаркъ, въ интересахъ Европы, не желалъ бы *видѣть наступившимъ*...

Такое положеніе обусловливается „недостаточностью соглашенія", „недоконченностью дѣла", „отлагательствомъ его до другого времени", когда неудобства въ рѣшеніи вопроса возростутъ. Князь Бисмаркъ доказываетъ невѣрность той мысли, будто Австрія готова уничтожить плоды истекшей войны и „принять на себя наслѣдіе русскихъ завоеваній" и для устраненія именно подобной случайности, — по его словамъ — Австрія сама первая подала мысль о созваніи конференціи. Созваніе европейской конференціи онъ, по своему личному убѣжденію, считаетъ вполнѣ обезпеченнымъ, полагая, что эта конференція должна состояться въ первой половинѣ марта, и въ тоже время онъ считаетъ безразличнымъ вопросъ—гдѣ эта конференція соберется и кто будетъ предсѣдательствовать на ней. Онъ съ особой энергіей опровергаетъ слухи „объ умышленномъ замедленіи" (со стороны Россіи) извѣстій съ театра войны—замедленія, о которомъ англійскіе туркофилы уже успѣли прожужжать всѣмъ уши. Далѣе,—по словамъ Германскаго канцлера,—замедленія не можетъ произойти и въ будущемъ созваніи конференціи, ибо намѣреніе всѣхъ державъ, относительно будущей конференціи, честно и искренно. Онъ высказалъ взаключеніе, что *Германія* сдѣлаетъ, съ своей стороны, все, чтобы дать лучшій исходъ дѣлу.

Дойдя, однакоже, до самаго труднаго и щекотливаго пункта своей рѣчи—положенія, которое займетъ на конференціи Германія,—Бисмаркъ выражается довольно сдержанно и прибѣгая къ сравненіямъ, какъ будто чего-то не досказываетъ. Будущую роль Германіи на конференціи онъ сравниваетъ съ ролью „честнаго маклера", и вообще Германія будетъ играть роль довѣреннаго лица, посредничествующаго съ одной стороны—между Англіей и Россіей, съ другой—между Австріей и Россіей, если только вообще не будетъ достигнуто соглашенія помимо этого.

Мы нарочно вдались въ довольно подробное изложеніе рѣчи Германскаго Канцлера, въ виду того, что она-то и составляетъ настоящій фокусъ современной политики и хотя не вполнѣ, но все таки до нѣкоторой степени переноситъ насъ изъ области предположеній (и въ особенности невыносимыхъ и крайне противорѣчивыхъ газетныхъ предположеній) въ область политики реальной, въ область фактовъ, неизбѣжно вытекающихъ изъ временнаго положенія вещей. Рѣчью князя Бисмарка покуда и исчерпываются всѣ, до нѣкоторой степени достовѣрныя, политическія извѣстія и предположенія. Не можемъ же мы довѣрять парламентскимъ софизмамъ Великобританіи, олицетворяющей въ этомъ отношеніи вѣчнаго хамелеона, или же замаскированнымъ софизмамъ австрійской туркофильствующей печати... Парламентскія пренія и разъясненія вопросовъ въ Австро-Венгріи далеко не такъ прямы и искренни, чтобы могли сравняться съ разъясненіями, сдѣланными графомъ Бисмаркомъ въ Германскомъ Парламентѣ.

Въ Палатѣ Депутатовъ Австрійскаго Рейхсрата на прошлой недѣлѣ также происходили пренія по поводу дѣлъ на Востокѣ. Депутатъ Гискра сдѣлалъ министру-президенту запросъ о восточныхъ дѣлахъ, и получилъ отвѣтъ, что, въ виду уже обнародованія основъ мира между Россіею и Турціей, „правительство Австро-Венгріи опредѣлило съ полною откровенностью (?) свою принципіальную точку зрѣнія; правительство Австро-Венгріи заявило-де уже, что не будетъ считать для себя *обязательными* заключенныя между воюющими сторонами сдѣлки, если этими сдѣлками затрогиваются интересы монархіи или права державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ (а о возмутительномъ нарушеніи Парижскаго трактата Англіею, пославшею флотъ въ Дарданеллы именно самоуправственнымъ образомъ, безъ согласія другихъ державъ, не сказано ни слова)...

Въ Палатѣ Представителей Венгерскаго Сейма министръ-президентъ Тисса отвѣчалъ на сдѣланный ему запросъ о восточныхъ дѣлахъ въ такомъ же духѣ, т. е. съ такимъ же недостаткомъ ясности и опредѣленности.

Въ Римѣ уже избранъ *новый папа*, кардиналъ *Дж. Печчи*. Онъ принялъ папскую тіару подъ именемъ Льва XIII. По біографическимъ свѣдѣніямъ, Дж. Печчи природный римлянинъ, родился въ 1810 году. Но въ Римѣ онъ поселился недавно, такъ какъ, по личному нерасположенію къ нему покойнаго кардинала Антонелли, находился долгое время въ опалѣ.

— Изъ Өессаліи, за прошлую недѣлю, доходили извѣстія о распространяющемся тамъ все болѣе и болѣе районѣ инсурекціи и о страшныхъ звѣрствахъ, совершаемыхъ турками въ мирныхъ мѣстностяхъ, не охраняемыхъ инсургентами. Это, очевидно, повтореніе того же, что совершалось въ Босніи и Герцеговинѣ до сербской и нынѣшней русско-турецкой войны... Инсургенты, однакоже, оказываютъ большею частью успѣхи въ частныхъ стычкахъ съ турками.

За симъ; по сообщеніямъ газетъ, за прошлую недѣлю въ разныхъ пунктахъ совершались операціи, соотвѣтственныя условіямъ перемирія. Крѣпость Рущукъ почти очищена и туда возвращаются уже консулы. Что касается крѣпости Виддина, то еще существуетъ сомнѣніе, будетъ ли она сдана румынамъ. Румынскіе полки, осаждавшіе эту крѣпость, уже выступили обратно въ Румынію.

— Въ Адріанополѣ наши переговоры съ турецкими уполномоченными на прошлой недѣлѣ еще продолжались, но въ скоромъ времени ожидаютъ ихъ окончанія.

Англійскій флотъ на прошлой недѣлѣ вступилъ въ заливъ *Муданію*, въ 50 миляхъ отъ Константинополя. Простоявъ здѣсь нѣсколько времени, отплылъ къ Тузлѣ, прибрежному укрѣпленію, находящемуся въ 17-ти миляхъ отъ Константинополя. Еще прежде этого Британскій флотъ Канала (Ламаншскаго) прибылъ къ Гибралтару. Такимъ образомъ мы видимъ общее значительное движеніе британскаго флота, съ какою цѣлію—пока все таки неизвѣстно.

Въ выходкѣ Англіи, отправившей въ Дарданеллы свой флотъ (яко бы для охраненія жизни и имущества британскихъ подданныхъ въ Константинополѣ), уже теперь не видятъ грозной, вызывающей демонстраціи, какую видѣли даже не много времени тому назадъ. Все-таки, однако, опасеніе непредвидѣнныхъ усложненій и затрудненій не исчезло и не исчезнетъ, конечно, до тѣхъ поръ, пока на европейской конференціи, имѣющей собраться вскорѣ, не рѣшится дѣло прочнымъ и опредѣленнымъ образомъ, если только оно вообще рѣшится и можетъ рѣшиться путемъ конференціи.

Либавская дорога, какъ пишутъ, завалена грузами. Точно также слышны жалобы на это и съ Одесской дороги. На этихъ линіяхъ лежитъ большое количество товара. Не указываютъ-ли такого рода факты на наше неумѣнье справляться съ дѣломъ, предвидѣть заблаговременно всякія случайности и заблаговременно устранять ихъ. По поводу этого извѣстія приводимъ здѣсь еще одинъ фактъ, наводящій то же на мысли о нашихъ порядкахъ. Разсказываютъ, напримѣръ, газеты, что во многихъ волостяхъ Елисаветградскаго уѣзда въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ сложенъ зерновой хлѣбъ, пожертвованный крестьянами въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, и что сельскія власти не знаютъ какъ распорядиться съ этимъ хлѣбомъ, могущимъ отъ долгаго лежанья испортиться.

Все это, разумѣется, утѣшительно слышать, но нельзя не замѣтить, что слѣдовало бы давно прибѣгнуть именно къ такому способу заготовки, вмѣсто того, который практиковался до сихъ поръ и служилъ лишь для „наживы" израильтянъ.

Недавно состоялось распоряженіе о разрѣшеніи вывоза заграницу хлѣба, жизненныхъ припасовъ и продуктовъ, продовольствія изъ одесскаго порта. Это распоряженіе есть конечно первыя послѣдствія заключеннаго перемирія. Точно также, то есть тоже по случаю заключенія перемирія, предполагается начать плаваніе по Черному морю пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли изъ Одессы въ Севастополь. Рейсы пока будутъ только несрочные. Сверхъ того и по крымско-кавказской линіи тоже назначено начать рейсы. Въ Одессѣ уже ожидается прибытіе изъ Константинополя нѣсколькихъ пароходовъ съ разными товарами.

Вопросъ о мѣстѣ для Сибирскаго университета наконецъ рѣшенъ. Коммисія о выборѣ города окончила свои занятія и, по общему заключенію, признано открыть университетъ въ Томскѣ. Причемъ найдено необходимымъ прекратить дальнѣйшую ссылку преступниковъ въ этотъ городъ и его округъ. Генералъ-губернаторъ западной Сибири будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ учебнаго округа.

Случаи заболѣванія тифомъ, занесеннымъ въ Россію, начинаютъ появляться почти во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ размѣщены плѣнныя турки.

Есть основаніе опасаться, что съ наступленіемъ оттепели эпидемія усилится и поэтому можетъ быть было бы не безполезно остановить движеніе турецкихъ поѣздовъ и ограничить ихъ райономъ не далѣе Бессарабіи. Необходима присылка дезинфекціонныхъ средствъ на всѣ главныя станціи до открытія весны.

Такой же страхъ развитія эпидеміи внушаетъ близость весны жителямъ Кавказа.

Въ нынѣшнемъ году должны начаться работы по прорытію двухъ новыхъ каналовъ: Сясьскаго (10 вер.) и Свирскаго (38 верстъ), которые будутъ имѣть по дну до 12 саж., какъ и каналъ Императора Александра II. Сумма, опредѣленная на производство работъ — 3 мил. 700 т. Срокъ окончанія 1880 годъ.

Есть слухъ, что полученіе „Вѣдомостей Спб. градоначальства и городской полиціи" въ нынѣшнемъ году будетъ обязательно (!!) для всѣхъ столичныхъ домовладѣльцевъ. Поэтому ежедневное печатаніе нумеровъ этой газеты превыситъ 30,000 экземпляровъ.

Въ теченіи 1877 года въ 77 губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ было 25,724 пожара, причинившихъ убытка на 50,006,605 р. не считая 2,300 пожаровъ, убытокъ которыхъ неопредѣленъ. Болѣе всего пожаровъ было въ губерніяхъ Тамбовской и Казанской, и менѣе въ областяхъ Амурской и Семирѣченской, Якутской и Сырдарьинской и градоначальствахъ: Дербентскомъ и Севастопольскомъ.

Русскіе типы: Уличная торговка.
— Сливки свѣжіе! Сливки!...
Оригинальный рис. И. Панова, грав. Вейерманъ.

РЕБУСЪ.

Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ изволили прибыть 6-го февраля, въ два часа пополудни, изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ.

Здоровье петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова, поправляется.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Ват губ Ди Фед. Агафонову** Бросьте ваши попытки: онѣ никуда не годятся.
2. **Старая Русса Г. Максютенко.** Все присланное ужасно запоздало и принято небудетъ.

Издатель **А. Ф МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою СПБ. 17 Февраля 1878 г. № 10.

№ 9 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Февраля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к., съ перес. 20 к.

Сергѣй Васильевичъ Шумскій.

Въ ночь съ 5 на 6 февраля русская драматическая сцена опять лишилась одного изъ лучшихъ своихъ представителей. Не далѣе какъ въ предшествовавшемъ номерѣ нашего журнала мы, помѣщая портретъ пѣвца Русской оперы въ С.-Петербургѣ М. И. Саріотти, сообщали о его смерти. Теперь мы съ грустью должны сообщить о новой и значительно большей потерѣ, постигшей русскую сцену. Умеръ одинъ изъ послѣднихъ представителей блестящихъ временъ московскаго театра — Сергѣй Васильевичъ Шумскій. Онъ имѣлъ уже 57 лѣтъ отъ рожденія, но былъ еще въ полномъ блескѣ своего громаднаго таланта.

Талантъ Сергѣя Васильевича, если можно такъ выразиться, былъ не столько великъ отъ прирожденныхъ его способностей, сколько замѣчателенъ отъ необыкновенной тщательности его развитія, такъ сказать, ухода за нимъ и воспитанія его. Нужно вспомнить, съ какою необычайною заботливостью покойный артистъ отдѣлывалъ каждую исполняемую имъ роль, съ какою тщательностью онъ изучалъ интонацію каждаго слова въ рѣчи изображаемаго имъ лица, каждаго его движенія, поворота головы, поднятія руки и т. п. Вотъ этою то необычайною тщательностью отдѣлки ролей Сергѣй Васильевичъ воспиталъ свой талантъ и возростилъ его на диво. Въ этомъ случаѣ покойный артистъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для многихъ...

Сергѣй Васильевичъ Шумскій Артистъ Имп. русскаго драм. театра въ Москвѣ † 6 Февраля. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Лучшими ролями г. Шумскаго надобно признать имъ созданную роль Стряпчаго въ „Бѣдной Невѣстѣ“ (Островскаго). Роль эта въ піесѣ второстепенная, но Сергѣй Васильевичъ съумѣлъ придать ей столько типичности и художественной силы, что въ его игрѣ она выдвигалась, такъ сказать, на первый планъ піесы. Затѣмъ въ „Шутникахъ“ (того-же автора), далѣе въ „Свадьбѣ Кречинскаго“ (Сухово-Кобылина)

покойный артистъ являлся необыкновеннымъ мастеромъ своего дѣла, и зритель, имѣвшій случай видѣть его въ исполненіи этихъ ролей, сохранялъ о нихъ воспоминанія въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ.

Замѣчателенъ былъ онъ также въ мольеровскихъ комедіяхъ,—напр. онъ поразительно хорошо игралъ главную роль въ комедіи „Продѣлки Скопена".

Въ роляхъ комическихъ старичковъ въ комедіяхъ „Невѣстѣ сорокъ лѣтъ, а приданаго сто тысячъ" и въ старинной піесѣ „Радъ нерадъ, а дѣлать нечего" Шумскій тоже былъ безукоризненно типиченъ.

Еще нынѣшнимъ лѣтомъ Сергѣй Васильевичъ участвовалъ въ нѣсколькихъ представленіяхъ на театрѣ въ Павловскѣ и впечатлѣніе, произведенное его игрой на петербургскую публику, было весьма значительно.

Сергѣй Васильевичъ Шумскій родился въ Москвѣ въ 1820 г, получилъ воспитаніе въ мѣстномъ театральномъ училищѣ. Покойный артистъ Щепкинъ замѣтилъ въ немъ артистическое призваніе и взялъ его подъ свое руководство. Первое время поступленія на сцену Сергѣя Васильевича, на него, какъ обыкновенно водится, смотрѣли непріязненно и долго не давали ему хода. Опечаленный неудачею, Шумскій поѣхалъ на провинціальную сцену и игралъ въ Одессѣ, гдѣ его принимали съ восторгомъ. По возвращеніи въ Москву г. Шумскій дебютировалъ въ піесѣ: „Вѣтренники или всѣ противъ мужа" и съ этого времени онъ сразу занялъ мѣсто на ряду съ первоклассными артистами московской сцены. Съ этого времени безъ его участія почти ни одна піеса не ставилась на сцену. Имя его, выставленное на афишѣ всегда привлекало въ театръ многочисленную публику и служило ручательствомъ за успѣхъ піесы.

Покойный Сергѣй Васильевичъ пользовался славой не только въ послѣдніе годы своей жизни. когда московская сцена уже значительно оскудѣла талантами, но и въ то время, когда эта сцена была богата замѣчательными артистами, именно когда на ней одновременно появлялись: покойный Щепкинъ, Садовскій, Живокини и Самаринъ. Теперь, послѣ смерти Сергѣя Васильевича, изъ числа этихъ артистовъ остается только одинъ Самаринъ—и дай Богъ ему подолѣе оставаться на сценѣ, такъ быстро сиротѣющей.

Погребеніе тѣла достойнаго памяти артиста Сергѣя Васильевича Шумскаго совершилось съ большою торжественностію 8 февраля. Гробъ былъ весь засыпанъ цвѣтами и впереди него несли вѣнки отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Первый роскошный вѣнокъ несли отъ присяжныхъ повѣренныхъ, за ними слѣдовали вѣнки отъ студентовъ университета, отъ самаго университета, отъ артистовъ театра и др. Путь былъ также покрытъ цвѣтами и масса народа слѣдовала за гробомъ на Ваганьковское кладбище. Во время отпѣванія въ церковь Св. Георгія, что на Бол. Дмитровкѣ, почти не было возможности проникнуть и толпа тѣснилась, занимая значительное пространство вокругъ церкви.

Миръ праху добросовѣстнаго артиста. Съ неустаннымъ трудомъ и энергіей и съ непреклонною настойчивостію онъ стремился къ усовершенствованію своего таланта, не бывшаго отъ природы значительнымъ, и благодаря этому неуступному труду, съ честію занималъ въ русской драматической сценѣ мѣсто первокласснаго артиста Пусть послужитъ его артистическая карьера поучительнымъ примѣромъ для многихъ, любящихъ пользоваться славою и другими жизненными благами безъ труда.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

XXVI.

Коммисары стали уговаривать тушинцевъ, по одиночкѣ передаться королю. Съ поляками дѣло шло туго, съ русскими пошло складнѣе. Келейнымъ образомъ пригласили они къ себѣ въ ставку Филарета Никитича и знатнѣйшихъ бояръ, и тотъ же Стадницкій сталъ ихъ уговаривать.

— Объ одномъ мы просимъ и молимъ,—говорилъ Филаретъ со вздохомъ,—чтобы вѣра наша, наши монастыри и святыни остались ненарушимо.

— Вы не бойтесь, не бойтесь, ничего не бойтесь,—торопливо увѣрялъ Стадницкій,—король сохранитъ и церковь вашу, и обряды, и обычаи. Не на словахъ, а на дѣлѣ онъ все это вамъ докажетъ:—вы ужь только передайтесь ему. А то хуже будетъ, коли нагрянутъ басурманы да изъ церквей и колоколенъ мечети да минареты подѣлаютъ. Король не хочетъ невѣрныхъ сосѣдей: онъ утишить хочетъ смуту, хочетъ народъ вашъ отъ мучителей избавить, отъ безстыднаго вора освободить. И на дѣлѣ, на дѣлѣ все это король вамъ докажетъ. Вотъ вамъ и грамота съ королевскими милостями,—прочтите сами, убѣдитесь...

Филаретъ принялъ грамоту и перекрестился.

— Слава высочайшему Богу, — сказалъ онъ,—что вдохнулъ наилучшему королю желаніе положить предѣлъ нашимъ долгимъ бѣдствіямъ и страданіямъ.

Стадницкій вдругъ вскочилъ съ мѣста и всталъ въ торжественную позу.

— Именемъ короля, — воскликнулъ онъ, — именемъ короля клянемся, что все будетъ по вашему желанію! И остальное посольство, вставши, подтвердило это.

И все это дѣлалось совершенно серьезно, какъ будто и посольство и бояре были убѣждены, что клятва эта можетъ имѣть какую-нибудь цѣну...

Первый о рѣшеніи бояръ отречься отъ Димитрія, повѣдалъ ему Устильянъ, вынѣдавши объ этомъ какими-то окольными путями.

— Въ Калугу тебѣ надо бѣжать, государь, не медля, въ Калугу,—шепотомъ говорилъ онъ:—ночью тишкомъ заложимъ коней,—и никто-то насъ не узнаетъ: я тѣ такое платье достану, что ай люли!

Странное дѣло: за послѣднее время Устильянъ сталъ обнаруживать удивительныя дипломатическія способности, на что обратилъ серьезное вниманіе царикъ. Онъ и ломаться сталъ меньше; а все больше совѣты давалъ, въ шутку себя царской думой называя. Разъ закинулъ было удочку Устильянъ на счетъ дьячка бѣглаго Ивашки, но царикъ посмотрѣлъ на него такъ равнодушно, какъ будто ему и дѣла не было до бѣглыхъ дьячковъ. Но Устильяну показалось, что съ этихъ поръ онъ еще довѣрчивѣе сталъ къ нему относится.

На счетъ Калуги онъ подумывалъ давно—шутъ только угадалъ его мысли. Но тѣмъ не менѣе на эту мѣру онъ не рѣшился бы, очертя голову, такъ какъ это была одна изъ послѣднихъ мѣръ,—да въ тотъ же день Рожинскій подсолилъ ему окончательно. Онъ въ его присутствіи далъ оплеуху его любимцу, какому-то поляку, потомъ выхватилъ кнутъ и такъ рѣшительно погрозилъ имъ царику, что тотъ въ страхѣ кинулся отъ него въ темную комнату за печь. Этотъ случай былъ каплей, переполнившей его терпѣніе.

— Либо я, либо онъ,—говорилъ царекъ Маринѣ. Онъ меня оскорбляетъ, а я дольше выносить этого не буду. Онъ съ королемъ стакнулся. Того и жду, что меня свяжутъ, да въ королевскій смоленскій станъ доставятъ. Очей твоихъ я не буду достоинъ видѣть, коли не отомщу ему.

— Куда-жь ты?

— Въ Калугу. Ты здѣсь останься—и ни гу-гу о томъ, что я уѣхалъ. Оттуда я грамоту пришлю. Нынче въ ночь я убѣгу съ шутомъ, переодѣтый. Дастъ Богъ—свидимся, а здѣсь дольше быть я не могу...

Въ эту же ночь онъ исполнилъ свое намѣреніе.

Въ глухую полночь по тушинскимъ улицамъ, тихо побрякивая бубенчиками проѣхала запряженная парою повозка, съ двумя прикурнувшими къ ней мужиками. Выѣхавъ за околицу, одинъ изъ нихъ свиснулъ и подобралъ возжи. Сытые кони рванулись, попали въ ногу другъ другу и пошли частить по безконечной дорогѣ...

Къ утру въ таборѣ поднялась смута: узнали, что царь бѣжалъ. Главный тушинскій правитель, Рожинскій, былъ правитель только de facto, а de jure всегда считался царикъ. Исчезъ онъ, и исчезло воплощеніе

той тѣни, во имя которой явилось Тушино. Какъ бѣсноватые, какъ дикіе звѣри, стали рыскать тушинцы по лагерю, сваливая всю вину на Рожинскаго. „Куда, чертовъ сынъ, царя дѣлъ, куда спровадилъ?“ вопила толпа въ отвѣтъ на клятвы пана, что онъ знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Потомъ кинулись къ коммисарамъ: „Это вы его прогнали, — перебить васъ всѣхъ, такихъ-сякихъ“... „Письмо прислалъ“,—ревѣлъ одинъ казакъ,—„денегъ намъ обѣщаетъ!“... Казака догадались повѣсить.

А къ ставкѣ коммисаровъ направилась торжественная процессія: шли московскіе люди съ Филаретомъ во главѣ. „Благодаримъ Всемогущаго, — сказалъ Филаретъ,—что избавилъ насъ отъ вора“. Въ отвѣтъ на это имъ вручили новое королевское письмо, которое послы до поры до времени скрывали.

Исчезъ призракъ царя, но не вся опора рухнула у Тушина: оставалась коронованная царица всея Руси— Марина Юрьевна.

XXVII.

Маринѣ Юрьевнѣ очень не красно жилось въ Тушинѣ и при мужѣ, а безъ него стало еще хуже. Въ Польшѣ о ней словно забыли. Отецъ на ея письма не давалъ никакого отвѣта. Сперва она думала, что онъ сердится на нее за ихъ рѣзкое прощаніе и писала: „извините, если я по молодости, глупости или злости васъ оскорбила“,—но потомъ ей стало ясно, что Мнишекъ считаетъ Тушинскій лагерь слишкомъ двусмысленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невыгоднымъ мѣстомъ, чтобы поддерживать съ нимъ сношенія. Съ ней обходились въ лагерѣ очень дурно, и только удивительная энергія поддерживала ея бодрость духа. Это была воплощенный идеалъ польки, страстной, пылкой, не знающей границъ ни любви, ни ненависти. Ужь ей ли не играла судьба, швыряя ее съ трона въ воровской таборъ,—но сломить ее все таки не могла: она казалось крѣпла въ борьбѣ, рѣшаясь постоять за себя до конца. Она помнила одно: она коронована—вся страна связана съ ней присягой, и она останется въ ней царицей. Возвратиться обратно въ Самборскій замокъ—для нее позоръ, хуже смерти...

Передъ отъѣздомъ изъ лагеря пословъ-коммисаровъ, Стадницкій прислалъ ей весьма фамильярное письмо, гдѣ величалъ ее воеводянкою Сендомирскою и совѣтовалъ покинуть честолюбивые замыслы. Марина вспыхнула отъ оскорбленія и въ отвѣтъ отправила грамоту: „Доброжелательство вашей милости для меня пріятно, какъ отъ лица, связаннаго со мной родствомъ, но я надѣюсь, что Богъ—мститель угнетателямъ, хранитель невинныхъ, не дозволитъ моему врагу Шуйскому воспользоваться плодами своихъ преступныхъ дѣяній, и помните, ваша милость, что кого разъ осіялъ Господь блескомъ царственной славы, тотъ никогда этого блеска не потеряетъ, какъ солнце не теряетъ блеска отъ затмѣвающей его, мимолетящей тучки“...

И къ королю она писала, прося покровительства, но тоже безуспѣшно.

Однажды подъ-вечеръ заснула она утомленная постоянными непріятностями. Она не имѣла свѣдѣнія о мужѣ, надъ ней дерзко смѣялись въ глаза. Заснула она не раздѣваясь, на ходу привалившись къ подушкѣ. И вдругъ внезапно чудной вереницей промчались передъ ней картины ея минувшей, веселымъ праздникомъ пробѣжавшей молодости.

Раскинулся передъ ней, по крутому берегу Днѣстра, ея родной Самборъ, весь затонувшій въ садахъ. Огромный замокъ высится надъ деревьями своими золочеными и жестяными вышками; пивоварни, гумны, шпихлеры, тѣснятся вокругъ него. Подъ главнымъ фронтономъ ярко блеститъ фамильный гербъ Мнишковъ: пукъ перьевъ, прикрытый короной, вѣнчающей щитъ гербоваго поля. Сквозь высокія стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами льются въ комнату окрашенные лучи солнца и золотятъ душистыя волны куреній, подымающихся съ жаровней. По стѣнамъ висятъ золототканныя завѣсы съ бахромою, ковры, на которыхъ вытканы охоты, турниры. Превосходно писанные портреты короля Сигизмунда-Августа и его предковъ благосклонно глядятъ съ высоты на посѣтителей замка. Вдоль стѣнъ золотится рядъ кривоногихъ затѣйливыхъ креселъ. Ровно въ два часа между „палацо и официною“ бьетъ сборный колоколъ — время садиться за столъ. Толпой тѣснятся роскошно-одѣтые слуги. Вотъ по реестру входятъ гости,—имъ льютъ на руки изъ серебряныхъ кувшиновъ ароматическую воду, утираютъ руки узорнымъ полотенцемъ. Столы въ видѣ колоссальнаго *твердо* раскинулись по всей залѣ. Гости садятся и соблюдается милый французскій обычай,—кавалеры и дамы занимаютъ мѣста въ перемежку. Льются веселыя рѣчи. Съ эстрады изъ-за рѣшетки несутся звуки національнаго гимна; на столахъ чередуются неслыхано-роскошныя блюда,—бобровые, козьи хвосты, медвѣжьи лапки, кукушки, чижи, чечотки, голуби, воробьи; пѣнится драгоцѣнное старое венгерское вино въ генуэзскихъ чеканныхъ кубкахъ. Тосты одинъ за другимъ возглашаются въ честь дорогого великаго гостя, что сидитъ тутъ-же за столомъ, рядомъ съ Мариной. Гость кланяется, благодаритъ, даруетъ счастіе всѣмъ одной своей улыбкой, а между тѣмъ нѣсколько времени тому назадъ онъ былъ простымъ слугою пана Вишневецкаго....

Первая встрѣча Марины съ нимъ была очень романична. Она гостила у своей сестры Урсулы, когда онъ однажды, замѣтивъ ее у окна, перебросилъ изъ сада ей записку, и тотчасъ-же скрылся. Въ запискѣ говорилось, что онъ—несчастная игра случайностей, что онъ человѣкъ высокаго происхожденія, но принужденъ по волѣ судьбы влачить жалкій жребій прислужника. Внизу стояла лаконическая подпись — Дмитрій. Марина со смѣхомъ показала записку Урсулѣ.—„Это холопъ брата моего мужа, презрительно сказала та:—какая дерзость, и смѣлость“. Но какъ-бы то нибыло, женское любопытство было возбуждено, и дерзкому слугѣ назначено было свиданіе, при чемъ, конечно, были приняты нѣкоторыя предохранительныя мѣры: за портьерой сидѣли панъ Вишневецкій и панъ Гойскій.

Холопъ вошелъ прямо и смѣло въ комнату, объявилъ, что любитъ Марину, и что любви этой онъ достоинъ, какъ лишенный русскаго престола царевичъ, Іоанна Грознаго, Димитрій.—Паны, услышавъ такую нежданную новость, выскочили изъ за портьеры, а холопъ смѣло повернулся къ нимъ, и прежде чѣмъ они успѣли розинуть ротъ, спросилъ:

— Могу-ли я, какъ царевичъ московскій, просить руки панны Марины Юрьевны?

Панъ Вишневецкій долго не могъ собраться съ мыслями отъ такого вопроса, онъ не зналъ какъ смотрѣть на своего слугу—какъ на дерзкаго самозванца, или какъ на дѣйствительнаго царевича. Наконецъ онъ оправившись промолвилъ:—Подумайте хорошенько о томъ, что вы говорите: если вы точно Димитрій, сынъ Іоанна, я даю вамъ слово, что половина Польши будетъ считать за честь служить подъ вашимъ стягомъ, и съ своей стороны помогу вамъ чѣмъ могу,—вы знаете, въ какой силѣ мой тесть. Но если вы говорите неправду,—то хорошо понимаете, что васъ ожидаетъ. Во всякомъ случаѣ я донесу объ этомъ королю.

— Но Марина Юрьевна? нетерпѣливо перебилъ названный Димитрій.

— О ней вы и не думайте, пока московскій престолъ не будетъ вашимъ престоломъ.

Хотя Вишневецкій и усумнился, но у его слуги, тѣмъ не менѣе появилась золотая карета и шестерикъ лошадей, а онъ самъ былъ представленъ королю въ

Растительность тропическаго міра. Рис. Гринвиль-Перкинсъ, грав. К. Уайтъ.

Краковѣ.—Король призналъ его царевичемъ: отчего-же было и не признать, если дѣло обѣщало выгоду... Димитрій разсказывалъ самыя удивительныя исторіи о томъ, какъ его спасъ въ дѣтствѣ отъ руки наемныхъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, какой-то докторъ-итальянецъ, и увезъ его на ледовитый океанъ; что потомъ поступилъ онъ подъ чужимъ именемъ въ монастырь, бродилъ изъ обители въ обитель, былъ въ чудовомъ монастырѣ, потомъ въ Кіевѣ, потомъ въ Литвѣ; что онъ на груди хранилъ все время алмазный крестъ, возложенный на него его крестнымъ отцемъ, княземъ Лютиславскимъ, что быть можетъ знавшіе его въ Угличѣ и теперь признаютъ его.—Дѣйствительно, явился какой-то русскій, увѣрявшій всѣхъ, что это подлинный царевичъ. Король назначилъ ему богатое содержаніе, обѣщалъ помощь, и къ нему стали стекаться ратные люди.

Теперь, въ Самборѣ, онъ открыто сдѣлалъ предложеніе Маринѣ. Растроганный отецъ прослезился, заключилъ его въ свои объятія и шепотомъ совѣтовалъ ему отсрочить свадьбу до вступленія въ Москву, божась, что эту просьбу онъ дѣлаетъ противъ собственнаго желанія. Димитрій былъ на все согласенъ, далъ тестю запись на громадную сумму денегъ и земли,—и начались пиры и забавы, въ ожиданіи сбора войска...

Пиръ горой идетъ.—Марина шепчетъ ему:—„Вы мое сердце только славными подвигами завоюете“. Онъ схватываетъ ея руку и оглядывается: гости точно ихъ не замѣчаютъ—у нихъ своя бесѣда идетъ. Онъ хочетъ украдкой прижать ея руку къ губамъ, она шутливо ее освобождаетъ.

— Отчего вы не даете мнѣ руки? спрашиваетъ онъ.

— Моя рука слишкомъ слаба для вашего дѣла—съ легкой улыбкой и полу-вздохомъ отвѣчаетъ она.—Вамъ нужна твердая, сильная рука, вооруженная мечемъ... А моя способна только подниматься для молитвы о вашемъ счастіи...

Вокругъ сыплются остроты, шутки. Цитаты изъ отцевъ церкви, миѳологіи, Тацита, Сократа—льются дождемъ. Димитрій блистаетъ краснорѣчіемъ, ученостію. Онъ приводитъ примѣры изъ исторіи, сравниваетъ себя съ Ромуломъ и Киромъ, изъ пастушескихъ сыновей достигшихъ царскаго вѣнца. Звенятъ чаши, звучитъ хохотъ, гремитъ оркестръ.

И вотъ сняли со стола послѣднія блюда—цукры, изображавшія московскій кремль, двуглавыхъ русскихъ орловъ, деревьевъ, людей, животныхъ, съ поразительнымъ искусствомъ литыхъ изъ сахара. Дамы отправились въ уборныя переодѣваться въ бальныя платья. Полонезъ заманчиво несется съ эстрады, дамы и кавалеры попарно плывутъ по обширнымъ заламъ палацо. Мущины—все красавцы на подборъ—длинноусые, въ золотыхъ магеркахъ на головѣ, въ сапожкахъ на серебряныхъ подковахъ. Дамы—все красавицы; легкія узорныя цѣпи погремливаютъ у нихъ на груди, что бѣлѣетъ какъ мраморъ, жарко волнуясь между прозрачными рядами флегранныхъ кружевъ. Въ главной залѣ вихремъ носятся пары: летятъ изъ конца въ конецъ танцоры словно по воздуху, едва касаясь пола носками, словно листья, схваченные вѣтра порывомъ. Вотъ мчится пара. Кажется нѣтъ предѣловъ ея волшебному бѣгу, нѣтъ преградъ, и когда долетитъ она до стѣны, что ей стоитъ на дорогѣ, исчезнетъ стѣна, рухнетъ, а танцоры полетятъ дальше и дальше. Но вотъ они у стѣны. Быстро ловко, какъ на оси, повертывается кавалеръ, подхватываетъ даму, кружитъ на мѣстѣ, ударяетъ подковами объ полъ такъ что искры сыплются вокругъ, вдругъ падаетъ къ ея ногамъ, выдѣлываетъ какую-то непостижимую фигуру, и поднявшись опять несется назадъ, такъ-же стремительно, ловко минуя встрѣчныя пары, ударяя въ ладоши, звеня шпорами, взвизгивая отъ удовольствія. Теплый воздухъ бьетъ имъ въ лицо, выбившіяся пряди волосъ рѣютъ по вѣтру, платья шумятъ, ленты несутся слѣдомъ, и жгучимъ, веселымъ огнемъ горятъ воспаленные глазки. И хоры, и музыка, и звонъ, и крики,—все слилось въ одинъ, веселый праздничный аккордъ. Крѣпко жмутся прелестныя женскія ручки, пестянутыя перчатками, сверкающія жемчугомъ, алмазами...

— Звѣзда моя привлекла меня къ вамъ,—шепчетъ Димитрій невѣстѣ, увлекая ее за собой.

— Ваша звѣзда слишкомъ высока для такой дѣвушки, какъ я,—шепчетъ смиренно потупивъ глаза Марина.

Нѣтъ границъ веселью,—всякій дѣлаетъ, что хочетъ. Посреди залы сидитъ казакъ, сложивши ноги калачикомъ, и тянетъ какую-то заунывную украинскую пѣсню, играя на бандурѣ. Вокругъ него собрался кружокъ, слушаетъ его.—А возлѣ поютъ свое, пляшутъ свои національные танцы... Какихъ, какихъ гостей не наѣхало къ Мнишку: иные въ атласѣ и бархатѣ спятъ, а другіе на сѣновалѣ, шапку подъ голову положивши...

Снится Маринѣ, какъ она въ оригинальномъ верховомъ костюмѣ, сидя по-мужски на конѣ, мчится по широкому полю.—Тотъ-же Димитрій скачетъ возлѣ и напѣваетъ ей сладкія рѣчи. Подъ ней—прелестный аргамакъ золотистой масти съ черными подпалинами, въ великолѣпномъ уборѣ. Вотъ заборъ на дорогѣ; чья-то шляхетская нива колосится,—маршъ туда! Вонзились шпоры въ бока коня,—какъ мячикъ перелетѣлъ онъ черезъ плетень, и только беретъ на ея головкѣ нѣсколько на-бокъ отъ толчка съѣхалъ, и еще быстрѣй погнала она лошадь, не обращая вниманія на низко-кланявшагося шляхтича, владѣльца потоптаной полосы. На отъѣзжемъ полѣ всѣ съѣхались. Соколы взлетаютъ стрѣлами вверхъ и кидаются на добычу; полевыя птицы градомъ сыплются сверху, тяжело кувыркаясь въ воздухѣ, пробитыя острымъ соколинымъ клювомъ. Страсть охоты волнуетъ сердца всѣхъ, и даже любовь остается въ сторонѣ. Заря золотится, ночь наступаетъ, и всѣ шагомъ возвращаются въ Самборъ.

Снится Маринѣ Москва, и новый сказочный міръ волшебной обстановки. Ея Дмитрій вводитъ ее въ таинственный, древній Кремль. Роскошь—какъ въ сказкѣ: даже ковры, по которымъ ступаетъ она—и тѣ золотые. А она сама... матеріи ея платья нельзя различить подъ дождемъ осыпавшихъ ее алмазовъ, жемчужинъ рубиновъ. Празднества летятъ за празднествами, звонятъ колокола, гремитъ музыка—играютъ въ трубы, колотятъ въ бубны и накры... И вотъ ее коронуютъ... Опять праздники обѣды, тосты, опять музыка, пѣнье...

Тише пѣнье, музыка, колокола,—все смолкаетъ. Сладкій брачный сонъ слетаетъ къ ней... Димитрій склоняется на ея плечо, крѣпко и жарко цалуетъ ее,—она не противится,—знаетъ, что онъ вѣдь царь московскій, и что она сама государыня великая... Сладкая нѣга поцалуя погружаетъ ее въ какое-то забытье, и чувствуетъ она сквозь сонъ, что вдругъ онъ отпрядываетъ отъ нея и въ ужасѣ вскрикиваетъ: „сердцѣ мое,—здрада“... *)

Звонятъ колокола, тѣ-же самые колокола, только вмѣсто музыки гремятъ крики тысячеголосной толпы на площади. Ломятся въ двери, съ воплемъ и ревомъ кто-то схватываетъ ее за плечо, ее трясутъ сильнѣе и сильнѣе... Ее зовутъ осторожно по имени...

Она проснулась, и открыла глаза,—передъ ней стояла Наташа.

XXVIII.

— Письмо отъ великаго государя, сказала она, боязливо отдергивая руку отъ ея плеча.

Марина Юрьевна сразу не могла опомниться. Голова ея еще была такъ полна роскошнымъ сномъ, а тутъ внезапно голая дѣйствительность вставала передъ ней,

*) Измѣна.

и тушинскій омутъ опять грозилъ ей своею пастью. Она знала, что Наташа разбудила ее, исполняя ея волю,—она велѣла даже ночью, не только вечеромъ будить себя, если придетъ письмо отъ мужа, но ей было досадно, что прервали ея сонъ, что она опять должна жить настоящимъ.

— Хорошо,—зажги свѣчи, сказала она, подымаясь съ постели и развертывая письмо. Пока Наташа ходила за огнемъ, и она на минуту осталась одна, сновидѣнье опять ясной картиной пронеслось передъ ней...

Наташа зажгла свѣчи, тонкія восковыя, озарявшія краснымъ блескомъ и письмо, и высокое распятіе, стоявшее на алтарѣ. Щурясь сонными глазами отъ непривычнаго свѣта, она стала разбирать каракули. Мужъ писалъ ей, что посылаетъ съ Янушемъ Тушкевичемъ одновременно съ письмомъ къ ней, письмо къ рыцарству, что зоветъ онъ это рыцарство къ себѣ въ Калугу и денегъ имъ обѣщаетъ—и все съ ихъ совѣта дѣлать. Жену онъ просилъ похлопотать насчетъ этого дѣла, все уладить.

Марина презрительно улыбнулась и отбросила грамоту.—До чего я дошла, Господи! прошептала она.

Снаружи доносились голоса,—слышно было, что на улицахъ неспокойно. Наташа увѣряла, что въ сборной избѣ читаютъ выборнымъ присланную грамоту.

— Надо торопиться, по слѣду травить, подумала Марина Юрьевна, кинувъ бѣглый взглядъ на свое, когда-то великолѣпное платье, смятое отъ лежанья на постели, безпорядочно сбившееся. Она закуталась въ шаль, попавшуюся подъ руку, и сказала Наташѣ:

— Я къ pater'у иду.

Pater жилъ въ одной изъ каморокъ царскаго сруба. Это былъ тотъ самый pater, который уговаривалъ Марину когда-то ѣхать въ Тушино. При ея входѣ онъ скорчилъ постную мину.

— Что мнѣ дѣлать? сказала она, безсильно опускаясь возлѣ него въ кресло.—Вы знаете, что я отъ мужа письмо получила.

— Да, я знаю, отвѣтилъ онъ, почесывая свой подбородокъ, на которомъ почему-то ничего не росло. Въ Тушинѣ волненіе.

— Да? Но къ чему все это клонится? чѣмъ кончится?

— Теперь въ вашихъ рукахъ все дѣло, ваше величество.

— Въ моихъ?..

— Вы должны устроить такъ, чтобы они склонились на сторону государя.

— Какъ-же это сдѣлать?

Pater улыбнулся.—Просить ихъ...

— Кого ихъ?..

— Казаковъ, атамановъ, что-бы они пристали къ вамъ...

— Мнѣ ходить по ихъ избамъ?

Онъ слегка пожалъ плечами и выдвинулъ нижнюю губу.—Что дѣлать!.. Въ этой варварской странѣ нельзя такими-же средствами дѣйствовать, какъ у насъ на Западѣ... Особенно здѣшній тушинскій вертепъ... Ахъ, ваше величество, вы не повѣрите, но я просто,—тутъ онъ зажмурился и качнулъ выразительно головой,—я просто начинаю сомнѣваться въ томъ, что изъ этой страны можетъ выйти что нибудь путное... Мракъ, мракъ и мракъ. Посмотрите, что дѣлается въ Европѣ, во Франціи, въ Парижѣ, напримѣръ. Всѣ мыслятъ, стремятся къ цивилизаціи, къ свершенію великихъ человѣческихъ цѣлей, заботятся о политическомъ равновѣсіи... А здѣсь—кровь, убійство... Церковь здѣшняя—что это за ужасная церковь! О какихъ бы то нибыло реформахъ, теологическихъ преніяхъ не можетъ быть и рѣчи... Долго еще имъ придется ждать, пока у нихъ станутъ появляться Эразмы, надъ домомъ рожденья которыхъ будутъ надписи: Haec est parva domus, magnus qua natus Erasmus *)...

— Какъ-же вы думаете, начала было Марина, но pater, не слушая ее, продолжалъ свое.

— Оттого въ Европѣ и появляются геніи, которые здѣсь немыслимы. Вотъ взгляните,—я вчера получилъ это письмо отъ одного молодого человѣка,—ему только двадцать четыре года, но какова уже сила мышленія,—это Цезарь. А между тѣмъ что онъ? Скромный „l'évêque de Luçon“. Но пройдетъ десять лѣтъ—и онъ будетъ кардиналомъ, если еще не больше того;—только Западъ даетъ такой свѣтлый умъ, умъ чисто природный, не привитый, не наносный... Я увѣренъ, что имя молодого Ришелье будетъ достояніемъ исторіи... О, онъ далеко пойдетъ!..

— Но мнѣ куда-же идти? нетерпѣливо прервала его она.

— Вамъ? улыбаясь сказалъ pater, чувствуя, что онъ наговорилъ много ненужнаго.—Вы, ваше величество, тоже далеко пойдете.—А пока походите по Тушину только... Попросите хорошенько. Я совѣтую вамъ начать съ Заруцкаго.. Вы знаете,—женская красота имѣетъ удивительно обаятельную силу даже на грубыя натуры... Женщина дѣлаетъ великія вещи,—само существо ея, болѣе чистое, превосходное, чѣмъ мужское, приспособлено къ этому...

— Полноте пожалуйста, слегка улыбнувшись, возразила она.

— Конечно, конечно! воскликнулъ pater. Объ этомъ цѣлый трактатъ есть,—къ несчастію у меня подъ руками его нѣтъ,—такъ и называется—De nobilitatae et praecellentia foeminei sexus,—сочиненіе Агриппы, посвященное Маргаритѣ Австрійской....

— Когда-же идти мнѣ? завтра утромъ?

— О, нѣтъ, зачѣмъ... Теперь-же,—такихъ дѣлъ въ долгій ящикъ не откладываютъ. Еще не поздно. Онъ посмотрѣлъ на карманные часы—удивительное дѣтище нюренбергскихъ мастеровъ.—Вы можете обойти многихъ, время терпитъ.

— Я только переодѣнусь, сказала она, вставая.

— И этого ненужно, ваше величество: мой совѣтъ—идти такъ, какъ вы есть, это произведетъ на нихъ больше... впечатлѣнія...

Марина слегка покраснѣла. Хорошо,—сказала она и велѣла принести себѣ шубку.

Кое какъ спотыкаясь въ глухихъ переулкахъ, мимо ставокъ, палатокъ, возовъ и землянокъ добѣжала она до избы Заруцкаго. Сердце ея сильно билось: минута была рѣшительная.

— Атаманъ дома? спросила она на крыльцѣ, и не дождавшись отвѣта, толкнула дверь въ избу.

Атаманъ былъ одинъ въ слабо освѣщенной дымной лучиной горницѣ. Онъ только что вошелъ передъ ней, возвратившись съ коло. При входѣ ея онъ отстегивалъ саблю, и изумленно отступилъ увидавъ ее.

Марина Юрьевна сбросила шубку и шаль на лавку, и подошла къ нему, тяжело дыша отъ быстрой ходьбы.

— Вы письмо получили въ таборѣ отъ государя? спросила она, переводя дыханіе. Воротъ ея платья разстегнулся и пышная бѣлая грудь бѣлѣла рѣзкимъ контрастомъ возлѣ чернаго бархата.

— Получили,—отвѣтилъ Заруцкій, все продолжая изумленно ее оглядывать... Сходка была, читали...

— Ну и что-же?

— Крику много было...

---

*) Это тотъ маленькій домъ, гдѣ родился великій Эразмъ.

(Продолженіе будетъ).

П. П. Гнѣдичъ.

Патріаршество въ Россіи.

Въ христіанскомъ мірѣ „*патріаршество*“ существуетъ съ V еще вѣка, сдѣлавшись достояніемъ епископовъ: римскаго, константинопольскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Въ 1587 году было учреждено патріаршество въ Россіи, подтвержденное всѣми греческими патріархами (царьградскими). Но въ 1721 году Петръ I учредилъ постоянное Соборное Правленіе въ православной церкви, подъ именемъ: „Святѣйшаго Правительствующаго Синода“—и званіе патріарха исчезло въ Россіи.

Патріаршество продолжалось въ Россіи 111 лѣтъ и имѣло 10 патріарховъ, изъ числа которыхъ первымъ былъ *Іовъ*, митрополитъ московскій, умершій въ-послѣдствіи, во время междуцарствія въ ссылкѣ въ г. Старицѣ (1607 г.), а послѣднимъ былъ *Адріанъ*, изъ митрополитовъ казанскихъ (посвященъ въ 1690 году, скончался въ 1700 г).

По волѣ Государя Царя (тогда еще не Императора) Петра Алексѣевича, санъ патріарха былъ въ 1700 году отмѣненъ, и

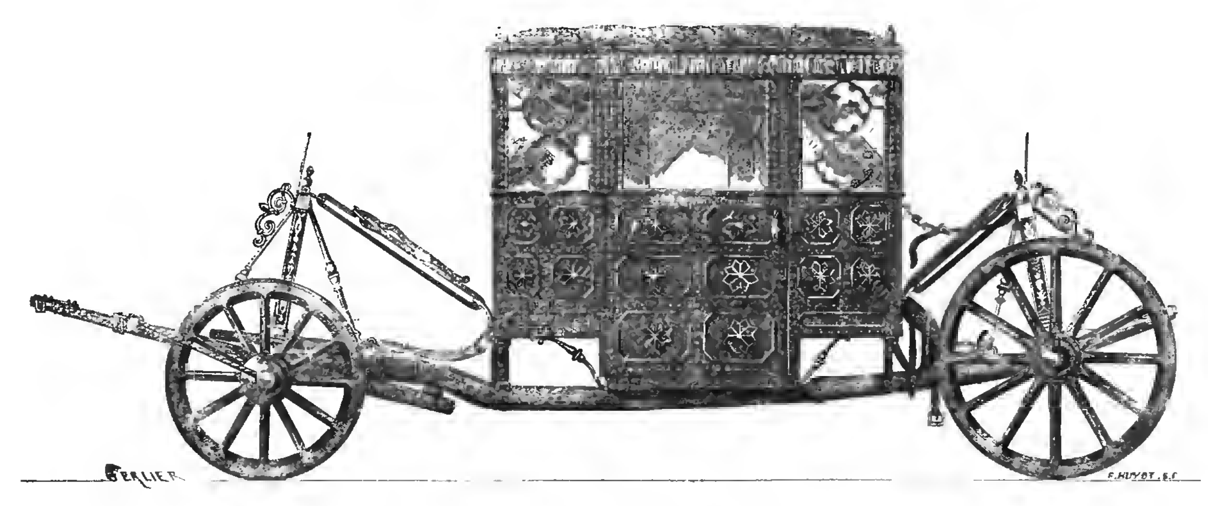
Митра патріарха Іова.
Рис. Жерлье, грав. Паннемакеръ.

Митра патріарха Никона.
Рис. Жерлье, грав. Паннемакеръ.

митрополитъ рязанскій *Стефанъ* наименованъ былъ „Блюстителемъ патріаршаго престола, Викаріемъ, администраторомъ и экзархомъ“. Въ этихъ званіяхъ онъ оставался до кончины своей въ 1722 году, хотя за годъ до его смерти уже существовалъ Синодъ.

Болѣе замѣчательными изъ 10-ти патріарховъ, *) независимо

Патріаршая карета XVII вѣка. Рис. Жерлье грав. Гюіо.

отъ патріарха Филарета, первоначальнаго основателя нынѣ царствующаго Августѣйшаго Дома Романовыхъ, были: Іовъ и Никонъ, митры которыхъ и изображены здѣсь.

Іовъ былъ возведенъ въ митрополиты изъ ростовскихъ архіепископовъ, по стараніямъ Бориса Годунова, получилъ санъ патріарха въ 1589 г. Іовъ, много содѣйствовалъ при избраніи Бориса на царство. Въ 1589 году Борисъ, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Грознымъ митрополиту Аѳонасію такого содержанія, что всѣ люди первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ—свободны отъ всякаго вѣдѣнія царскихъ бояръ, завися единственно отъ патріаршаго суда, увольняясь также отъ всякихъ податей. Іовъ посвятилъ въ діаконы чудовскаго инока Григорія Отрепьева и взялъ его къ себѣ для книжнаго дѣла. Когда же этотъ Отрепьевъ, впослѣдствіи Лжедмитрій I-й явился въ Москвѣ, Іовъ не имѣлъ мужества обличить самозванца и умереть за истину. Но, не смотря на это Григорій Отрепьевъ низложилъ патріарха самымъ позорнымъ образомъ: мятежная толпа бунтовщиковъ и клевретовъ самозванца нанесли всякія оскорбленія патріарху во время его священнодѣйствія въ храмѣ Успенія. Его крамольники одѣли въ черную рясу (патріархамъ присвоены свѣтлоцвѣтныя облаченія), таскали, позорили въ храмѣ и вывезли его тайно изъ города, чтобы заключить въ Старицкомъ монастырѣ (въ 1605 г.), откуда однако онъ былъ вызванъ тогдашнимъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, и 20 февраля 1606 г., ему снова предложено было торжественно въ Успенскомъ соборѣ быть патріархомъ. Но Іовъ отказался отъ этого и, проживъ годъ въ Москвѣ простымъ инокомъ, снова поѣхалъ въ Старицкую обитель, но не доѣхавъ, умеръ на пути 8 марта 1607 года въ преклонныхъ годахъ

Никонъ родился въ 1605 году въ Нижегородской области въ селѣ Вельяминовѣ отъ бѣдныхъ родителей поселянъ; въ моло-

*) Приводимъ здѣсь имена всѣхъ десяти патріарховъ въ историческомъ порядкѣ: Іовъ (1589—1607). Ермогенъ (1606—1612), Филаретъ (1619—1633), Іоасафъ (1634—1642), Іосифъ (1642—1652), Никонъ (1652—1667), Іоасафъ II (1667—1672), Іоакимъ (1674—1689), Адріанъ (1690—1700) и Стефанъ (1700—1722) г.

Египетскія танцовщицы. Картина Густава Рихтера, рис. Гейтландт, грав. Валь.

дости по любви къ уединенію, удалился въ Желтоводскій монастырь; но, повинуясь убѣжденіямъ отца, возвратился и вступилъ въ бракъ, сдѣлался мірскимъ священникомъ и перешелъ въ Москву. Лишившись дѣтей, онъ убѣдилъ жену свою идти въ монашество и самъ отправился въ Соловецкій монастырь. Онъ поселился на Анзерскомъ островѣ въ скитѣ Елеазара, но потомъ перешелъ въ Кожеозерскую обитель, въ которой впослѣдствіи и былъ игуменомъ. Отсюда возникло значеніе Никона: въ 1649 году онъ былъ назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ а въ 1652 году патріархомъ всероссійскимъ. Первою заботою Никона-патріарха было исправленіе церковныхъ книгъ, въ которыя вкралось много ошибокъ, вредившихъ благочестію. Но та смѣлость, съ которой Никонъ приступилъ къ исправленію книгъ, и то вліяніе его на царя Алексѣя Михайловича, какое онъ успѣлъ пріобрѣсти, повели, наконецъ, къ тому, что противъ Никона возстали всѣ близкія къ царю лица. Царь къ нему охладѣлъ—и Никонъ былъ отстраненъ отъ патріаршества, судимъ и въ 1667 году лишенъ сана и заточенъ сперва въ Ѳерапонтовскомъ, а потомъ въ Кирилловскомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Наслѣдникъ царя Алексѣя, Ѳедоръ, пригласилъ Никона возвратиться въ Воскресенскій монастырь, имъ же построенный и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ названный *Новымъ Іерусалимомъ*. Съ радостью услышалъ Никонъ эту вѣсть, но уже силы оставили его; онъ на пути занѣмогъ и умеръ на Волгѣ, на 71 году жизни, въ 1681 году.

На рисункѣ изображены двѣ митры. Одна—Іова, другая Никона. Вотъ ихъ описаніе: I. *Митра патріарха Іова*. Она сдѣлана изъ лазоревой камки, шитой золотомъ, съ опушкою кругомъ изъ горностаеваго мѣха. На плоской вершинѣ ея, вмѣсто креста, который служитъ отличіемъ прочихъ патріаршихъ митръ, вышитъ и обнизанъ мелкимъ жемчугомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, вокругъ нея также жемчугомъ вынизаны слова „Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Мати Божій, сохрани мя во Своемъ покровѣ“.—На челѣ вышитъ и обнизанъ жемчугомъ ликъ Христа, по сторонамъ два Архангела, два Апостола, Петръ и Павелъ, два Святителя и два преподобныхъ. Надъ опушкой кругомъ вынизана жемчугомъ надпись: „Призри съ небесе Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя“.—На задней сторонѣ митры золотая дощечка, на которой вырѣзанъ осьмиконечный крестъ, а подъ нимъ слѣдующая надпись: „Лѣта 1595, сентября 10 сдѣлана сія шапка повелѣніемъ святѣйшаго Іова, патріарха московскаго и всея Россіи“ Мѣрою эта митра въ вышину $3\frac{1}{2}$ вершка, въ діаметрѣ 6 вершковъ.

II. *Митра патріарха Никона*, извѣстная въ *патріаршей ризницѣ* подъ названіемъ *средней*.

Перекрестье и вѣнецъ ея низаны крупнымъ кафимскимъ жемчугомъ, между которымъ вставлены по мѣстамъ золотыя съ черные запоны, украшенныя алмазами и яхонтами. На верху ея, въ золотомъ съ финифтью репьѣ, водруженъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. На передней сторонѣ митры, большой лазоревый яхонтъ, съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ Воскресенія Господня, а по сторонамъ его, въ золотыхъ клеймахъ, наведены эмалью изображенія четырехъ евангелистовъ, при подножіи которыхъ вязью сдѣлана надпись: „Повелѣніемъ Великаго Государя и Великаго Князя Алексія Михайловича и Его благовѣрной Царицы и Великой Княгини Маріи Ильиничны сдѣлана сія святительская шапка великому господину, святѣйшему Никону, патріарху Московскому и всея Русіи, лѣта 1653 марта дня. Мѣрою эта митра въ вышину $6\frac{1}{2}$ вершковъ. Обѣ эти митры, вмѣстѣ съ богатѣйшимъ собраніемъ различныхъ патріаршескихъ облаченій, хранятся въ Московскомъ Кремлѣ, въ той части его зданія, которое извѣстно уже болѣе 200 лѣтъ подъ названіемъ *Патріаршей ризницы*, нынѣ переименованной въ *Синодальную ризницу*. Третій рисунокъ изображаетъ патріаршую карету конца XVII вѣка. Изъ разсмотрѣнія подробностей этого рисунка можно вывести заключеніе, что послѣдніе патріархи на Руси ѣздили въ такихъ каретахъ, которыя по своему удобству весьма близки къ нынѣшнимъ тарантасамъ.

Стихотворенія.

I.

Только что слуха коснется молитвенный шепотъ ребенка,
Только коснется знакомая словъ вереница,
Съ дѣтства знакомая, милая,—весь оживаешь невольно,
Странныя чувства въ душѣ утомленной роятся.

* * *

Вновь воскресаетъ давно промелькнувшее дѣтство златое,
Вновь возстаютъ дорогія и милыя лица,
Стонъ суеты повседневной звучитъ все слабѣе и тише,
Вновь благотворной волною покой набѣгаетъ.

* * *

Какъ въ предразсвѣтномъ туманѣ сокрылись страданья и горе
Блескомъ весны озаряется мрачная осень,
И пожелтѣвшіе листья, что падаютъ грустно на землю,
Кажутся бабочкой легкой, эфирной, прозрачной...

II.

Ты снишься мнѣ каждую ночь и во снѣ
Чаруешь своимъ обаяньемъ,
И я къ восхитительнымъ ножкамъ твоимъ
Кидаюсь съ мольбой и рыданьемъ.

* * *

Тогда ты тоскливо глядишь на меня,
Головкою свѣтлой качая,
И катятся слезы по щечкамъ твоимъ,
Жемчужной росой набѣгая.

* * *

Даря кипарисную вѣтвь, говоришь
Ты слово, я жадно внимаю—
И вдругъ просыпаюсь: и вѣтви той нѣтъ,
И слово я то забываю.

С.

Къ рисункамъ.

Растительность тропическаго міра.

Всѣмъ извѣстно, что характеръ большихъ европейскихъ лѣсовъ составляетъ монотонное и однообразное величіе; это потому, что большая часть деревьевъ европейскаго лѣса принадлежитъ какой-нибудь одной породѣ—одна порода деревъ повторяется въ огромномъ множествѣ экземпляровъ. Не то въ странахъ тропическихъ. Здѣсь на самомъ маленькомъ пространствѣ земли обыкновенно тѣснится громадное множество растительныхъ семействъ. Уже издали можно различить неправильныя очертанія тропическаго лѣса. Это не очертаніе широкой темнозеленой ленты на горизонтѣ, какъ бываетъ въ умѣренныхъ климатахъ, а совсѣмъ другое. Иное дерево поднимаетъ въ громадную высь свою крону, подобно величественной башнѣ готическаго собора; другая вершина поднялась въ формѣ заостреной пирамиды, образуемой широкими, плоскими и массивными листьями. И всѣ-то вершины лѣса представляютъ на горизонтѣ причудливо-ломаную линію. Но поражаетъ всего сильнѣе, что громадныя деревья тропическаго лѣса ярко пестрѣютъ цвѣтами ползучихъ растеній, обвивающихся около почти каждаго дерева огромными канатами, перекидывающихся съ одного дерева на другое, переплетающихъ своею мощною сѣтью цѣлый лѣсъ. И какіе это цвѣты, какой это роскошный міръ красокъ! Вотъ на самую вершину темнозеленой пальмовой кроны поднялась ліана и споритъ роскошью своихъ красокъ съ растеніями орхидными, настоящій пріютъ которыхъ въ дѣвственной чащѣ бразильскаго лѣса. Вотъ ослѣпительно бѣлая чашечка орхидеи, рядомъ съ ярко-желтою, ярко-красною или голубою чашечками—и все это выдѣляется на темно-зеленомъ фонѣ пальмовой или платановой зелени; все это благоухаетъ мощнымъ, почти удушливымъ ароматомъ, смѣшаннымъ съ испареніями горячей и влажной почвы, въ углубленіяхъ которой, подъ темнозеленымъ пологомъ, отдыхаетъ любящее влагу мрачное населеніе лѣса, оживающее только ночью и боящееся дня—всѣ эти исполинскія жабы и лягушки, о которыхъ мы не можемъ составить по нашимъ экземплярамъ никакого понятія. Даже ботаникъ, обративъ вниманіе на форму листвы тропическаго лѣса, растеряется... Форма листьевъ одного дерева совсѣмъ не походитъ на форму листьевъ другого. На какихъ-нибудь двухъ аршинахъ пространства встрѣчаются тысячи разнообразныхъ формъ листа: и нѣжно-перистыя, и выемчатыя, и причудливо-выгрызенныя, и мечевидно-заостренныя, и круглыя. А какое разнообразіе оттѣнковъ въ самой листовой зелени! Вотъ массивный листъ роскошно-молодой пальмы, блестящей подобно зеркалу поверхностью,—такъ и брыжжетъ изъ него сокъ полной силы и молодости, а рядомъ съ нимъ и умирающій старецъ, темнобуроватый листъ безъ глянца. На нѣкоторыхъ деревьяхъ нижняя поверхности листьевъ покрыты массою мягкихъ, шелковистыхъ, длинныхъ рѣсничекъ, при каждомъ дуновеніи вѣтра, при солнцѣ, отливающихъ ослѣпительнымъ серебристымъ цвѣтомъ.

Тропическая почва скупа на раздачу мѣста деревьямъ, оттого имъ некуда раскинуть своихъ вѣтвей, подобно нашимъ могучимъ дубамъ. Отъ этого тропическія деревья растутъ безъ вѣтвей, гладкими стволами, и растутъ вверхъ часто на огромную вышину. Каждое дерево какъ будто стремится перерасти другое, чтобы захватить для своей зеленѣющей кроны мѣстечко для полученія солнечнаго свѣта. Но вслѣдствіе этого же стремительнаго роста въ высь и вершины или кроны тропическихъ деревьевъ представляются малыми сравнительно съ массою роста.

Первобытные тропическіе лѣса, какъ мы сказали, представ-

ляютъ безконечное разнообразіе. По обѣимъ сторонамъ экватора есть мѣстности, гдѣ тропическая растительность не исключаетъ существованія зимы, хотя и умѣренной. Подъ этими широтами каждогодно со многихъ деревьевъ спадаетъ ихъ могучая листва.

Въ иныхъ мѣстностяхъ тропическая природа представляетъ дикое и страшное величіе. Никакое воображеніе, напримѣръ, не можетъ представить себѣ болѣе печальнаго и захватывающаго душу зрѣлища, чѣмъ то, когда путешественникъ спускается въ равнину Мараньона или Амазонской рѣки съ возвышенностей Андовъ. Здѣсь на первыхъ порахъ зрителю представится отечество цинконій и исполинскихъ орхидей съ ихъ причудливыми цвѣтами; безчисленныя породы папоротниковъ громадныхъ размѣровъ, съ тонкими, сильно заостренными. но исполинскими листьями; крапива, вышина ствола которой равняется огромнымъ деревьямъ; поразительной красоты бигноніи и разныя ползучія растенія, опутывающія деревья непроницаемою сѣтью и тысячами изгибовъ—все это великолѣпіе и грандіозность поражаютъ зрителя. За симъ, чѣмъ дальше по проложеннымъ тропинкамъ спускается онъ въ долину, тѣмъ рѣже становится тропическій лѣсъ, характеръ панорамы смѣняется. Картина уступаетъ прежней въ грандіозности, но пріобрѣтаетъ въ прелести. Вотъ группы деревъ, выдѣляющихъ ароматическую смолу и наполняющихъ этотъ земной рай постояннымъ благоуханіемъ; вотъ другія группы бобовыхъ растеній, выдѣляющихъ бальзамъ; вотъ, наконецъ, лавровыя деревья съ своими пряными плодами, вотъ широколистныя геликоніи и своеобразная свойственная только тропической Америкѣ семья пасленовыхъ *). Какъ очарованный, стоитъ здѣсь европейскій путешественникъ, забывая въ этотъ моментъ скромную и однообразную флору своей родины.

Въ долинѣ Мараньона тысячелѣтніе стволы деревьевъ, исполинской толщины и вышины, плотно соприкасаются своими вершинами и образуютъ настоящій лиственный сводъ на огромное пространство. Внутрь этого лѣса, или лучше, этого сказочнаго лабиринта, уже почти не проникаютъ лучи свѣта. Ужасающій мракъ царствуетъ подъ этимъ вѣчнымъ пологомъ. Но почва подъ этимъ сводомъ влажна и горяча; оттого въ теченіе тысячелѣтій здѣсь образовался глубокій слой продуктовъ гніенія, покрытыхъ сѣдою плѣсенью, рѣзко выдѣляющеюся въ темнотѣ, какъ выдѣляется пѣна на гребняхъ волнъ бушующаго ночью моря. Милліоны грибовъ, породы которыхъ еще неизслѣдованы и недоступны ботаническому наблюденію, выростаютъ здѣсь и быстро умираютъ. Но эти грибы представляются единственными жителями этого темнаго царства. Ни одного кустика, ни одного цвѣтка не растетъ здѣсь и древесные стволы возвышаются здѣсь подобно памятникамъ на кладбищѣ...

Такимъ представляется дѣвственный лѣсъ долины Мараньона и въ обыкновенное сухое время. Но нельзя представить зрѣлища болѣе страшнаго и безотраднаго, какое представляетъ тотъ же лѣсъ въ періодъ тропическихъ дождей. Удушливая міазмическая сырость обдаетъ тогда путешественниковъ; густой туманъ покрываетъ всю окрестность, и въ этой туманной атмосферѣ движущимися, черными тучами носятся милліарды долгоножекъ и комаровъ. Всѣ хищныя животныя прячутся тогда въ самую глубь лѣсной чащи; не бываетъ замѣтно ни одной птички, ни мотылька, и только слышно изрѣдка хрюканье водяной свиньи и печально-монотонный звукъ, издаваемый лѣсною бразильскою жабою или лягушкой. Ночью ландшафтъ дѣлается еще диче и угрюмѣе. Только хищныя животныя поднимаютъ свой плачевный крикъ. При началѣ грозы и урагана слышенъ бываетъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы глухой шумъ, подобный отдаленному реву сотенъ водопадовъ. Нижніе слои атмосферы и мощный лѣсъ покуда остаются еще спокойными. Но вотъ ураганъ спустился внизъ, раздался оглушительный ударъ грома, и тутъ уже невозможно разобрать массу страшныхъ и странныхъ звуковъ. Все смѣшивается въ невообразимый ревъ: тутъ смѣшались и тысячи эхо урагана, и громовые удары, и скрипъ и трескъ вырываемыхъ съ корнями гигантовъ-деревьевъ, и ревъ испуганныхъ ягуаровъ и разныхъ тигровыхъ кошекъ. Съ какою силою падаютъ на землю тысячелѣтнія деревья можно заключить изъ того, что подъ ихъ тяжестью болѣе слабые ихъ сосѣди буквально измочаливаются какъ тонкія соломенки...

Вырванныя съ корнемъ деревья въ теченіе вѣковъ сгніютъ, къ нимъ не посмѣетъ прикоснуться человѣческая рука. Изъ остатковъ ихъ тлѣнія образуется новый мощный слой перегноя. Новая масса плѣсени и миріады новыхъ грибовъ покроютъ этотъ перегной и такъ будетъ продолжаться до новыхъ міровыхъ переворотовъ...

Сѣвернѣе рѣки Мараньона, по сѣверную сторону экватора, или, что тоже, *Амазонской рѣки*, въ долинѣ рѣки Гуайаны—новый безконечный растительный міръ. Растущія на стволахъ деревъ чужеядныя орхидеи составляютъ характеристическую принадлежность тропической Америки и особенно долины обширной Амазонской рѣки, точно также какъ характерную принадлежность Мексики (гораздо къ сѣверу отъ экватора, за Панамскій перешеекъ) составляютъ кактусы, которыми преимущественно питается кошениль. За симъ во всѣхъ долинахъ большихъ рѣкъ служатъ: ароидныя, бромеліевыя, бобовыя, пальмы, деревянистые папоротники, смоковницы (ficus), разныя породы ліанъ вьющихся, какъ сказано выше. канатами на всѣхъ экваторіально-американскихъ лѣсахъ. Далѣе бамбукъ, неотлучный спутникъ жаркаго пояса, и въ тропической Америкѣ составляетъ цѣлые лѣса. Если спуститься далѣе къ югу отъ Амазонской рѣки, примѣрно въ Чили, горячая почва котораго усѣяна вулканами, то мы встрѣтимъ здѣсь новыя растительныя формы. Здѣсь мы увидимъ отечество самыхъ красивыхъ кальцеолярій и такихъ богатыхъ фуксій, предъ которыми наши садовыя фуксіи окажутся бѣдными и жалкими...

Но вотъ еще въ высшей степени интересное дерево, свойственное только тропическому климату. Оно придаетъ совершенно особый характеръ тропическому ландшафту Америки—это *мангровое* или *манглевое* дерево, составляющее обыкновенно близь моря цѣлые лѣса. Эти лѣса обильно покрываютъ острова, образуемые широкимъ нижнимъ теченіемъ рѣкъ Ориноко или Мараньона. Затѣмъ мы должны сказать, что устья этихъ рѣкъ составляютъ преимущественно мѣсторожденіе манглеваго дерева, развѣ только за исключеніемъ островов Борнео и Мадагаскара въ старомъ свѣтѣ. Это одно изъ интереснѣйшихъ деревьевъ. Его можно считать амфибіей растительнаго царства—ибо оно можетъ рости и въ водѣ, и на сушѣ, только любитъ морскую воду, оттого и растетъ на островахъ широкихъ устьевъ рѣкъ, гдѣ вода получаетъ уже морскую соленость Растутъ эти деревья необыкновенно быстро. Корни ихъ особенно крѣпки. Подобно мощнымъ желѣзнымъ канатамъ, развѣтвляются они по всѣмъ направленіямъ въ почвѣ, пропитанной морскою солью: сидятъ эти коренья въ землѣ до того твердо, что никакой ураганъ не въ состояніи свалить манглеваго дерева. Причина необыкновенной крѣпости, независимо отъ мощнаго развѣтвленія, твердости и устойчивости корней, заключается еще и въ томъ, что дерево, достигши вышины двухъ съ небольшимъ аршинъ, получаетъ уже вѣтки—и отъ этихъ вѣтокъ выростаютъ корни, опускающіеся въ землю. Деревцо такимъ образомъ получаетъ нѣсколько твердыхъ устоевъ.

Когда ростъ дерева достигаетъ двухъ саженей, этихъ подпорныхъ корней является уже много *). Ландшафтъ, представляемый подобнымъ лѣсомъ, имѣетъ причудливый и вмѣстѣ величественный характеръ. Во время морского прилива, яростно бьются волны о сѣть твердыхъ стволовъ и кореньевъ. Сбылъ приливъ, является новое интересное зрѣлище: слой чернаго, густого ила остался на землѣ, и этотъ слой кишитъ миріадами животныхъ. Чего тутъ нѣтъ! И покрытые щитами морскіе черви, и аннелиды, и голотуріи, и морскіе ежи, и морскіе блохи, и пагуры, и разныя породы краббовъ, и устричныя раковины.., И вотъ въ этотъ-то моментъ густою тучею налетаютъ птицы поживиться роскошнымъ столомъ! Красный ибисъ. бѣлая утка, розовый гусь, гордый фламинго — всѣ эти пернатыя, по наступленіи отлива, оживляютъ мангровый лѣсъ, и всѣ они рѣдкимъ великолѣпіемъ своихъ перьевъ представляютъ восхищающее зрѣлище. Къ несчастію, рѣдкій зоологъ и путешественникъ можетъ проникнуть въ мангровый лѣсъ, представляющій столько матеріала для наблюденій Цѣлыя тучи кровожадныхъ насѣкомыхъ и москитовъ нападутъ на отважнаго пришельца. За симъ и испаренія изъ иловаго слоя убійственны. Именно мангровые лѣса служатъ источникомъ маляріи, т. е. гнилой лихорадки, всегда смертельной...

Сдѣлаемъ еще экскурсію вверхъ по теченію рѣки Ориноко. Мы будемъ тогда въ самомъ центрѣ Колумбіи. Здѣсь рѣка Варима или Барима. Здѣсь характеръ растительности опять измѣняется. Уже больше нѣтъ ризофоръ или мангроваго лѣса и мѣсто авиценній и конокарповъ заступаютъ: стыдливая дѣвственная мимоза, лавръ, разныя породы Rubus. Роскошные бѣлые цвѣтки инги привѣтствуютъ насъ. Тамъ и сямъ возвышаются колючія пальмы (Bactris Acanthocarpus), обремененныя яркокрасными плодами. Растительность поражаетъ роскошью. Вотъ возвышается, какъ будто стремясь подпереть небо, величественное дерево Mora excelsa, сравнительно съ которымъ наши огромные дубы покажутся жалкимъ, приземистымъ кустарникомъ. Даже и въ тропическомъ поясѣ, около береговъ Ориноко, это дерево зовется „Царемъ лѣсовъ“. Огромный куполъ его темнозеленой листвы возвышается отъ 150—160 футовъ (22 слишкомъ сажени) и издали куполъ этотъ можно принять за шапку горы. Многочисленныя ліаны, какъ змѣи, вползаютъ до самой крайней вершины гиганта, затѣмъ спускаются внизъ и причудливо обвиваютъ другія деревья, образуя величественныя гирлянды. Если путешественникъ подвинется не много далѣе къ западу, ландшафтъ перемѣняется. Берега Варимы дѣлаются пустыннѣе Но исполины Mora Excelsa возвышаются и здѣсь: окружающая пустыня придаетъ имъ еще болѣе величія. Нѣкоторые экземпляры этихъ деревъ, стоящіе близко къ берегу, подмыты теченіемъ рѣки и нѣкоторые со временемъ упадутъ—и какое это будетъ паденіе!..

Стр...

*) Къ семейству пасленовыхъ (Solanaceae) принадлежитъ и нашъ картофель.

*) Оттого эти растенія и называются *ризофорными*. т. е. носящими на вѣтвяхъ своихъ корни.

Эпизоды изъ зимняго перехода черезъ Балканы

Мы уже не разъ имѣли случай помѣщать на страницахъ „Нивы“ эпизоды изъ зимняго перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы и уже помѣстили въ свое время обстоятельныя по поводу этого перехода свѣдѣнія (см. „Ниву“ № 6). Теперь, имѣя возможность помѣстить въ этомъ номерѣ два рисунка, изображающихъ эпизоды этого знаменитаго перехода чрезъ Балканы, замѣтимъ, что перейдя Балканы зимою, русская согласія; дѣлаемъ эту послѣднюю оговорку, ибо, если нѣтъ предѣловъ русскому мужеству, выносливости и долготерпѣнію, то также нѣтъ предѣловъ и русскому простодушію.

Помѣщаемые въ этомъ номерѣ два оригинальныхъ рисунка, изображаютъ характерные эпизоды перехода черезъ Балканы русской арміи. И въ томъ и другомъ рисункѣ фигурируетъ наша дивная конная сила—казачество, всегда игравшее замѣтную роль во всѣхъ войнахъ, которыя когда либо вела Россія.

Эпизодъ изъ зимняго перехода черезъ Балканы: „На Бунсирѣ“. По наброску П. Ф. рис. Н. Каразинъ, грав. Рашевскій.

армія сдѣлала то, чего даже предполагать не могли европейскія державы, и окончательный погромъ Турціи засталъ ихъ врасплохъ, неподготовленныхъ къ защитѣ мусульманскаго права на голосъ и жизнь въ Европѣ. Кто знаетъ, что бы еще ожидало насъ послѣ плевненскаго торжества, успокоившихся на лаврахъ и отложившихъ до весны Забалканскій походъ, какъ думали и желали наши европейскіе друзья. Благодаря русскому солдату и его беззавѣтной готовности на самые колоссальные подвиги, Россія теперь заняла такое положеніе, изъ котораго ее выбить невозможно, безъ *добровольнаю* ея на то

Откосъ горы, на который надо взбираться, поднимается круто, *„какъ на печь“*—по солдатскому выраженію; дороги никакой; глубокій снѣгъ покрываетъ скаты, поросшія кустарникомъ. Маленькая, хотя и крѣпкая какъ сталь казачья лошаденка, не въ силахъ взобраться на верхъ подъ тяжестью сидящаго на ея спинѣ всадника; *„перевшиватъ“* уже очень, волокомъ она, пожалуй, и втащила бы туда своего хозяина...

Такъ и дѣлаютъ:

Казаки хватаются за хвостъ, за стремена, какъ кому удобнѣе и на буксирѣ своихъ коней одолѣваютъ кручу... Этотъ спо-

собъ подъема замѣченъ былъ во время подъема на Куруджу, по Трояновой дорогѣ, колонны войскъ генерала Скобелева 2-го, войскъ, на долю которыхъ выпало осилить великія трудности... Здѣсь приходилось пѣхотинцамъ по нѣсколько верстъ тянуться лежа, прорывая себѣ дорогу въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ и тащить за собою орудія. Особенно пришлось худо авангарду: саперы, которые вошли въ составъ этого геройскаго авангарда, все время не выпускали изъ рукъ лопаты и лома.

А сколько погибло героевъ во время этого страднаго пути, сколько русскихъ костей найдется весною тамъ внизу, на днѣ этихъ глубокихъ, зіяющихъ пропастей и овраговъ.

Невѣрный шагъ, закружилась голова, дрогнула просто и оступилась усталая нога и человѣкъ летитъ стремглавъ внизъ, напрасно пытаясь въ отчаянномъ полетѣ удержаться... Оступился конь, не успѣлъ соскочить всадникъ, и оба, кувыркаясь въ снѣгу, вздымая за собой вихрь снѣжной пыли и каменьевъ, рушатся съ страшной высоты, гремя оружіемъ, оставляя часто по себѣ кровавый слѣдъ на взрытой бороздѣ снѣжнаго откоса.

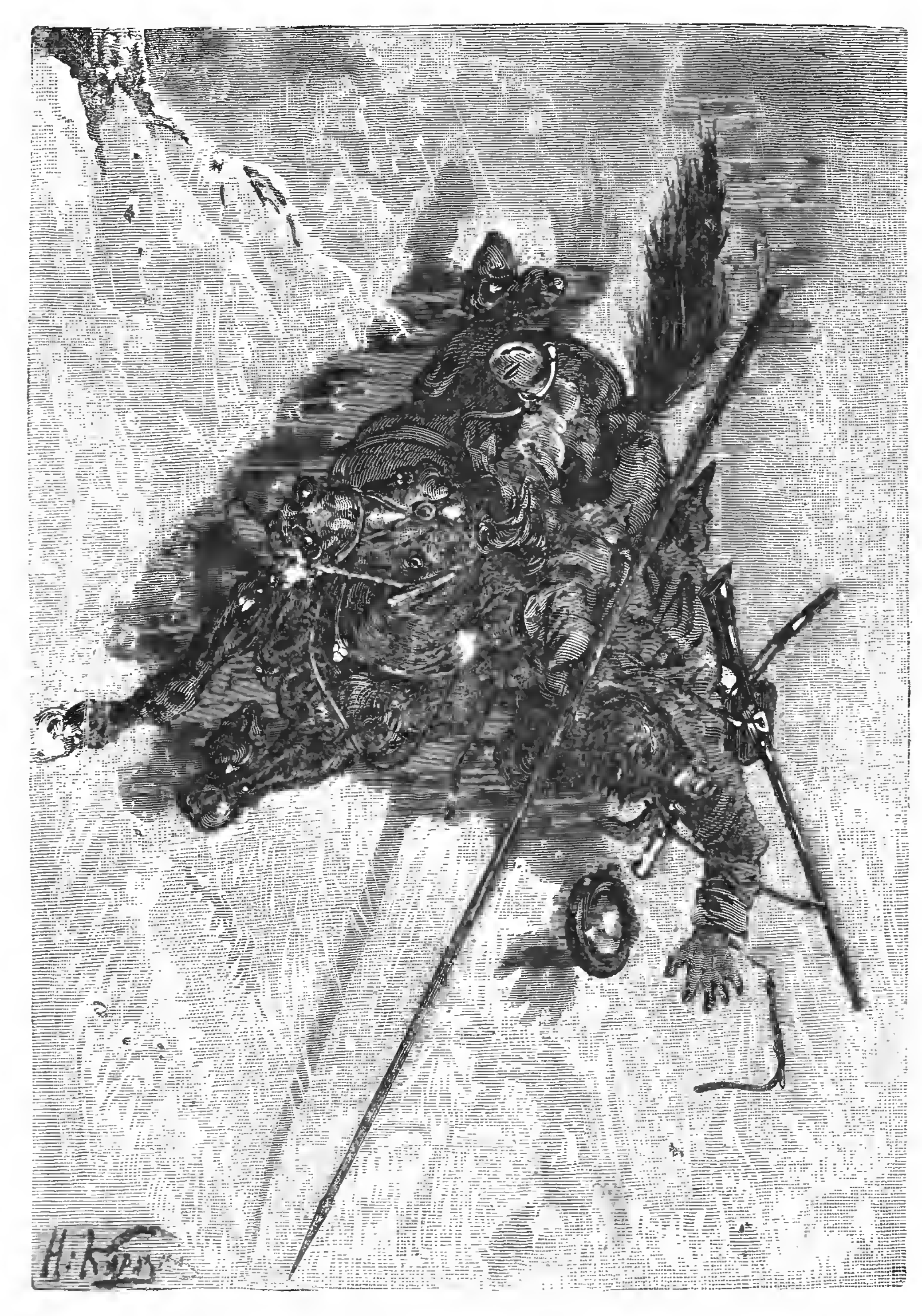
Такая катастрофа изображена на нашемъ второмъ рисункѣ.

Н. К.

Египетскія танцовщицы

(Картина Густава Рихтера).

На югѣ пляска составляетъ чуть-ли не единственное эстетическое наслажденіе. Танцовать самому — для порядочнаго человѣка считается позоромъ, но смотрѣть на пляску танцорокъ—не только не предосудительно, но составляетъ извѣстный бон-тонъ. Танцовальныя спектакли устраиваются тамъ или позднимъ вечеромъ, какъ это изображено на прилагаемомъ рисункѣ, или ночью,—и тогда для освѣщенія зажигаютъ смоленыя факелы, высоко посаженные на жердяхъ, вкопанныхъ въ землю. Оригинальность наряда въ Египтѣ заключается въ томъ, что танцовщицы не носятъ... рубашекъ,—и костюмъ ихъ ограничивается юбкой, широчайшими шальварами подъ оной, и легкой, прозрачной курточкой на груди, при чемъ животъ и часть спины остаются обнаженными. Въ 1869 году, ко времени открытія Суезскаго канала, во Египетъ съѣхалось много европейцевъ, которые, увидя оперныя мѣстныя танцы, пришли отъ нихъ въ положительный восторгъ.

Эпизодъ изъ зимняго перехода черезъ Балканы: „Оборвался“ По наброску П. Ф. рис. Н. Каразинъ, грав. Рашевскій.

Не смотря на то, что музыка здѣсь варварская, монотонная, и танцовщицы въ большинствѣ случаевъ некрасивы, жесты ихъ, не всегда пластичны,—не смотря на все это ихъ пляска способна увлечь не однихъ мусульманъ. И это доказалъ Рихтеръ, задавшись мыслью увѣковѣчить ее на холстѣ.

Здѣсь кстати вспомнить анекдотъ, характеризующій взгляды жителей востока на танцы. Одинъ высокопоставленный восточный гость, былъ приглашенъ въ Петербургѣ на балъ. Долго смотрѣлъ онъ на мелькающія пары, и изъявлялъ свое удовольствіе. Наконецъ когда самъ хозяинъ ангажировавъ даму, пожелалъ сдѣлать туръ, гость съ испугомъ остановилъ его.—„Вы и такъ, сказалъ онъ, доставили мнѣ большое удовольствіе, показавъ мнѣ столько танцоровъ, — но намъ самимъ передо мной я плясать не позволю, — я этого не достоинъ“...

Г. С—скій.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Важнѣйшимъ событіемъ начала прошлой недѣли было прибытіе Его Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Дунайскою арміей въ селеніе *Санъ-Стефано* (въ 10 верстахъ отъ Константинополя). Турки очистили въ этомъ селеніи мѣсто русскимъ войскамъ. Великаго Князя встрѣтили на желѣзнодорожной станціи Санъ-Стефано греческое духовенство, а также Мехметъ-Али и Реуфъ паши. Въ тоже время въ Санъ-Стефано вступилъ нашъ Преображенскій полкъ, казаки съ генераломъ Жуковымъ и конвойная рота съ Великимъ Княземъ. И такъ, наши войска являются въ буквальномъ смыслѣ слова подъ стѣнами Константинополя. Если исключить полумифологическій періодъ нашей исторіи, героемъ котораго является Вѣщій Олегъ, то это событіе представляется *первымъ* во все теченіе нашей исторіи, затѣмъ единственнымъ и многознаменательнымъ, ибо еще въ первый разъ восточный вопросъ съ такою рѣшительностью и энергіей переходитъ цѣлый рядъ фазисовъ, чтобы, наконецъ, рѣшиться въ томъ или иномъ смыслѣ, но несомнѣнно благопріятномъ для нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ...

На сколько относительно этого предмета существуютъ извѣстія иностранныхъ телеграммъ, они сводятся къ слѣдующему.

Болгарія будетъ обнимать собою область, лежащую между Балканами и Дунаемъ, исключая Добруджу и пространство между Чернымъ моремъ и Сербіей; включая затѣмъ всю долину р. Марицы, за исключеніемъ Адріанополя (включая Софію и Филиппополь). Собраніе нотаблей должно избрать для Болгаріи князя и выборъ такого князя будетъ вообще подлежать утвержденію со стороны Порты и великихъ державъ. Что касается дани, которую Болгарія должна будетъ платить Турціи, то дань эта будетъ равняться нынѣшнему чистому доходу этой провинціи. Болгарію займутъ 50,000 нашихъ войскъ и наша коммисія въ теченіе года будетъ наблюдать за болгарскимъ управленіемъ. Что касается другихъ славянскихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ турками, то къ Черногоріи, въ южныхъ предѣлахъ ея, прирѣзываются *Подгорица* и портъ *Антивари*. Затѣмъ Черногорія получаетъ еще и другіе прирѣзки на сѣверо-востокѣ и западѣ. Румыніи уступаетъ Россія *Добруджу*, въ обмѣнъ за придунайскую часть Бессарабіи, снова переходящую къ Россіи. Сербія пріобрѣтаетъ крѣпость Нишъ. Цифра вознагражденія Россіи со стороны Турціи опредѣлена въ 1,400 милліоновъ рублей, но такъ какъ наличныхъ средствъ у Турціи нѣтъ, то она, для покрытія требуемой Россіею контрибуціи, уступаетъ ей въ Малой Азіи крѣпости: *Батумъ, Карсъ, Баязетъ, Ардаганъ*. Далѣе, Турція уплачиваетъ намъ еще 40 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ облигаціями, проценты погашенія которыхъ обезпечиваются данью Египта и Болгаріи, доходами съ Малоазійскихъ турецкихъ провинцій, а также рудниками Геракліи. Остающіеся за симъ 10 милліоновъ рублей уплачиваются немедленно и обращаются на вознагражденіе русскихъ подданныхъ, на учрежденія въ Константинополѣ, на полный возвратъ русскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ турецкихъ облигаціяхъ, на расходы по содержанію плѣнныхъ и на исправленія Сулинскихъ гирлъ Дуная. Что касается проливовъ—Дарданеллъ и Босфора—то этотъ вопросъ еще ожидаетъ своего разрѣшенія на имѣющей собраться конференціи или конгрессѣ. Россія признаетъ этотъ вопросъ общеевропейскимъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣ эти свѣдѣнія о подробностяхъ мирнаго договора пока оффиціально не извѣстны.

На прошлой недѣлѣ графъ Андраши, по примѣру Биконсфильда, уже испрашивалъ чрезвычайный кредитъ „*для удовлетворенія военныхъ потребностей Австріи*“. Потребности эти состоятъ въ мобилизаціи частей австрійской арміи: а мобилизація эта для чего же требуется—покамѣсть это неизвѣстно, но уже и теперь очевидно, что Австрія, по примѣру Англіи, намѣрена предстать на будущій европейскій конгрессъ во всеоружіи, чтобы, въ случаѣ неудовлетворенія своихъ „интересовъ“ показать себя...

Конференція „съ военными мѣрами“... Конгрессъ „съ вооруженіемъ“ со стороны *нѣкоторыхъ*—какое это знаменіе нашего времени,—труднаго, многознаменательнаго, обильнаго самыми рѣшительными и разнообразными вопросами. Англія и Австро-Венгрія, своими вооруженіями и своею готовностью мобилизировать часть своихъ армій, очевидно, хотятъ произвесть давленіе на рѣшеніе будущей конференціи. Онѣ, конечно, могутъ попумѣть оружіемъ, но не имъ, съ ихъ узкими, эгоистичными интересами, рѣшать глубокіе и многообъемлющіе вопросы нашего времени. Судъ исторіи уже произнесенъ надъ варварами, въ теченіе вѣковъ господствовавшими въ Европѣ; цѣпи съ нѣкоторыхъ рабовъ уже спали или спадаютъ, къ прошлому уже не вернуться—оно прошло безвозвратно.

Лучшіе государственные люди Австро-Венгріи и наиболѣе самостоятельные, хотя и враждебные Россіи органы австрійской печати, чувствуютъ крайнюю неловкость по поводу „*испрошенія кредита*“. Чтобы уменьшить тягостное чувство этой неловкости, стараются уменьшить и самую цифру кредита, и цифру арміи, имѣющей быть мобилизованною. Эта цифра арміи, назначаемой къ мобилизаціи, предполагается въ 200,000 человѣкъ. Совѣтъ австро-венгерскихъ министровъ уже неоднократно обсуждалъ требованія какъ кредита, такъ и мобилизаціи.

Изъ Румыніи сообщаютъ, что тамъ продлена сессія парламента для дѣятельнаго и безотлагательнаго обсужденія дѣлъ внутренней и внѣшней политики, а также для выбора представителя Румыніи на будущемъ европейскомъ конгресѣ. Ведутся также оживленныя пренія о Бессарабіи. Министръ Братіано выразилъ мысль, что потеря Бессарабіи (предполагая, что она отойдетъ къ Россіи), весьма нежелательна для Румыніи.

О рѣчи князя Бисмарка, произнесенной въ германскомъ парламентѣ, съ содержаніемъ которой мы познакомили читателей нашихъ въ прошломъ № „Нивы“ одна довольно популярная французская газета выразилась: „Эта рѣчь не оскорбила никого,—и разочаровала всѣхъ.“ Мы уже характеризовали сдержанность Бисмарка въ нѣкоторыхъ пунктахъ, особенно по поводу образа дѣйствій Германіи на будущей конференціи. За прошлую недѣлю получены извѣстія, что въ интимныхъ кружкахъ Бисмаркъ вовсе не такъ успокоительно смотритъ на современное положеніе дѣлъ, и раздѣляетъ общее убѣжденіе, что современное положеніе вещей крайне натянуто. Своимъ категорическимъ заявленіемъ въ парламентѣ по поводу невозможности всеобщей европейской войны, и даже, частной войны между двумя-тремя европейскими государствами,—князь Бисмаркъ, говорятъ, далъ *косвенный совѣтъ* Англіи и Австріи не затѣвать войны съ Россіей. Въ интимныхъ разговорахъ Бисмаркъ выражалъ также опасеніе, что уже теперь возможно ожидать серьезнаго столкновенія между Россіею и Англіей за Дарданеллы.

Въ засѣданіяхъ имперскаго парламента князь Бисмаркъ съ удвоенною энергіей началъ борьбу съ ненавистною ему клерикальной партіей.

Греція запоздала съ своею войной, но она повидимому, не робѣетъ, и продолжаетъ вооружаться, энергически увеличивая свою армію. Армію эту вскорѣ предполагается увеличить до 50, 000 человѣкъ. Вслѣдъ за симъ греческое правительство закупило въ Англіи оружія, боевыхъ припасовъ и миноносныхъ судовъ на 85, 000 фунтовъ стерлинговъ. На заводахъ Франціи и Австріи Греція также сдѣлала заказы на сумму 1. 600, 000 франковъ. На одномъ заводѣ Круппа заказано 9 баттарей полевыхъ орудій. Политическій барометръ, впрочемъ, и для другихъ государствъ стоитъ на такой высотѣ, что всѣ сознаютъ настоятельную потребность вооруженія. Особенно сознаютъ неизбѣжность не класть оружія маленькія государства балканскаго полуострова, имѣвшія ближайшее отношеніе къ минувшей войнѣ. Не хочетъ класть оружія и маленькая, но мужественная Сербія. Недавно приказомъ сербскаго военнаго министра, призваны къ оружію *всѣ сербы, въ возрастѣ отъ 18—40 лѣтъ.*

На Мало-Азіатскомъ театрѣ войны послѣдовало 10-го февраля полное очищеніе отъ турецкихъ войскъ крѣпости Ерзерума и, непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, занятіе его нашими войсками. Въ городѣ остаются на время лишь турецкія команды, состоящія при складахъ имуществъ. Эти команды будутъ оставаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ подписаны и обнародованы условія перемирія. Тогда Эрзерумъ уже безусловно поступитъ въ наше вѣдѣніе.

Есть слухи, что въ Русскомъ техническомъ обществѣ вырабатываются правила для фабрикъ и заводовъ, соблюденіе которыхъ уменьшило бы число несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Въ настоящее время уже выработаны въ окончательной формѣ правила для лицъ, наблюдающихъ за паровыми котлами. Дай Богъ конечно, чтобы дѣло не остановилось только на однихъ этихъ котлахъ.

Днѣпровскій фарватеръ въ настоящее время признано нужнымъ углубить и уже приступлено къ работамъ. Углубленіе будетъ сдѣлано настолько, чтобы къ Херсонскому порту могли подходить мореходныя суда. Въ нынѣшнемъ году предполагаютъ открыть въ Херсонѣ таможню, для чего отъ департамента

таможенныхъ сборовъ прибылъ членъ для собранія свѣдѣній, относящихся къ этому вопросу.

— Изъ Тифлиса пишутъ, что погода устанавливается теплая. Приступлено къ устройству газоосвѣщенія на нѣкоторыхъ улицахъ.

Извѣстіе объ окончаніи войны успокоило жителей Поти, оставившихъ было свой городъ. Теперь съ каждымъ днемъ увеличивается число возвращающихся бѣглецовъ. Торговцы снова открыли свои лавки и городъ принимаетъ свой прежній видъ. Изъ Одессы въ Поти уже прибылъ пароходъ „Юнона“, принадлежащій Русскому Обществу пароходства и торговли. Кромѣ пассажировъ, „Юнона“ доставила до 26,000 пуд. груза, преимущественно муки и бакалейныхъ товаровъ.

Пароходъ „Цесаревна“ изъ Одессы на дняхъ отправляется Кавказскимъ рейсомъ. Когда же онъ пойдетъ въ Константинополь—еще остается неизвѣстнымъ.

Изъ Ростова на Дону сообщаютъ, что мѣстные купцы, пользуясь необыкновеннымъ урожаемъ прошлаго года, скупили за безцѣнокъ огромныя массы развaго зерна и льнянаго сѣмени и теперь возлагаютъ надежды на полученіе большихъ выгодъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Ростовъ, онъ никогда еще не былъ заваленъ зерновымъ хлѣбомъ какъ теперь. Кромѣ Ростова, масса хлѣба лежитъ на всѣхъ станціяхъ трехъ желѣзныхъ дорогъ, сходящихся въ этомъ городѣ.

Число смертныхъ случаевъ въ Петербургѣ прогрессивно возростаетъ: большая часть—жертвы тифа и его разновидностей.

Изъ Туркестана сообщаютъ, что снѣжная и суровая зима имѣла тамъ послѣдствіемъ опустошительные разливы рѣкъ Салара, Арыса, Чирчика и другихъ горныхъ рѣкъ. Ближайшая причина этихъ необычайныхъ разливовъ была та же, которая производитъ и ежегодные весенніе разливы Сыръ-Дарьи. Глыбы льда, скопившіяся въ мелководныхъ устьяхъ, преградили, какъ плотиной, теченіе рѣки. Нѣсколько теплыхъ дней въ началѣ января быстро растопили также массы выпавшаго снѣга и еще болѣе подняли уровень воды. Такого ранняго половодья не запомнитъ никто въ Ташкентѣ. Опустошенія, произведенныя разливами этихъ рѣкъ, очень велики.

Изъ Чекмента пишутъ, что массы воды, хлынувшія съ горъ и поднявшія уровень въ рѣчкѣ Бадамъ, произвели сильное опустошеніе въ городѣ, который теперь затопленъ водою. Множество домовъ, не только туземныхъ, но и русскихъ, разрушено; общественный садъ размытъ и перепорченъ разливомъ.

Смѣсь.

Во всей Италии необыкновенный интересъ возбуждаетъ открытіе подземнаго города, второй Помпеи, на слѣды котораго напали совершенно неожиданно при копаніи колодезя не далеко отъ города Монфредоніи, въ Апуліи, у подошвы горы Гаргано.

Сначала былъ открытъ храмъ Діаны, потомъ красивый портикъ длиною около двадцати метровъ, съ колоннами безъ капителей и, наконецъ, цѣлый некрополь въ 15,000 квадратныхъ метровъ, причемъ найдено множество различныхъ надписей, изъ которыхъ нѣсколько уже перевезено въ Неаполь и выставлено для публики въ мѣстномъ музеѣ.

Найденный подземный городъ есть древній Сипонтъ (Sipotum), о которомъ упоминаютъ Страбонъ, Полибій и Титъ-Ливій, и который нѣкогда провалился сквозь землю вслѣдствіе страшнаго землетрясенія. Появляющіеся теперь на свѣтъ божій дома Сипонта находятся на глубинѣ двадцати футовъ отъ поверхности земли.

Наши военныя трофеи исчисляются газетами такъ: Въ Дунайской арміи взято: 15 пашей, 113,000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отбито у непріятеля 606 орудій различныхъ калибровъ, 9,600 палатокъ, 140,000 ружей различныхъ системъ; лошадей взято до 24,000. У иррегулярныхъ турецкихъ войскъ отнято до 200,000 ружей, ятагановъ и пистолетовъ, 13,000 штукъ пикъ и кинжаловъ.

На Азіатскомъ театрѣ войны численность трофеевъ, взятыхъ нашими войсками, доходитъ до 662 орудій, 16,000 палатокъ и 42,000 ружей, не говоря уже о громадномъ количествѣ жизненныхъ и боевыхъ припасовъ. Число доставшихся намъ лошадей простирается до 18,000. Число взятыхъ иррегулярными войсками ятагановъ, пистолетовъ и ружей не приведено въ извѣстность, равно какъ неизвѣстно количество попорченнаго оружія. Численность больныхъ и раненыхъ турокъ, оставленныхъ на наше попеченіе, болѣе чѣмъ до 12,000 человѣкъ.

Признано весьма выгоднымъ освѣщать фотографный павильонъ свѣтомъ, проходящимъ черезъ фіолетовыя стекла. Фіолетовый свѣтъ, далеко превосходитъ обыкновенный. Извѣстно, что на серебряныя соли фотографической пластинки дѣйствуетъ фіолетовый свѣтъ; слѣдовательно химическое дѣйствіе, дающее изображеніе, принадлежитъ исключительно фіолетовымъ лучамъ. Основываясь на этомъ, полагаютъ, что фотографическая работа должна быть существенно облегчена при освѣщеніи одними фіолетовыми лучами, исключивъ всѣ остальные. Утверждаютъ, что фіолетовый свѣтъ дѣйствуетъ гораздо быстрѣе чѣмъ бѣлый или голубой, вслѣдствіе чего снимокъ производится почти вдвое скорѣе. Тонъ совершенно ровенъ, оттѣнки удаются лучше и ретушированіе излишне. Относительно сходства, фіолетовый цвѣтъ также имѣетъ преимущество передъ обыкновеннымъ, именно: впечатлительнымъ особамъ трудно сохранять спокойствіе въ чертахъ лица, когда онѣ чувствуютъ на себѣ сильный бѣлый свѣтъ. Портреты, снятые при фіолетовомъ свѣтѣ, выходятъ гораздо пластичнѣе, рельефнѣе въ освѣщенныхъ частяхъ и мягче въ тѣняхъ.

Объ употребленіи свинца въ водопроводахъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ употребленіе *свинца*, представляющаго для водопроводовъ большія преимущества передъ всѣми другими, вполнѣ безвредно. Обыкновенная, жесткая, содержащая углекислыя соли вода, весьма скоро образуетъ въ трубахъ оболочку изъ солей, которая совершенно защищаетъ свинецъ. На свинецъ дѣйствуетъ вредно свободная углекислота, какъ она находится въ дистиллированной водѣ, когда при кипяченіи обыкновенной воды, вслѣдствіе разложенія растворившихся въ ней солей, газъ освобождается. Поэтому проведеніе дистиллированной воды черезъ трубы, въ болѣе или менѣе короткое время, должно производить вредныя соединенія, но это не относится къ обыкновенной, жесткой водѣ, хотя бы она и оставалась тамъ долгое время. Внутренняя же оболочка не защищаетъ трубъ отъ вліянія воды, содержащей углекислоту.

Почтовые голуби получили въ Англіи весьма оригинальное примѣненіе къ ежедневной прессѣ. Всеобщая погоня за новѣйшими извѣстіями навела газетныхъ репортеровъ на счастливую мысль употреблять почтовыхъ голубей для пересылки корреспонденцій въ редакцію газетъ. При каждой редакціи содержится голубиная почта съ голубями, которые посылаются съ извѣстныхъ станцій отъ всѣхъ репортеровъ съ ежедневными корреспонденціями. Любопытно видѣть, какъ корреспонденція, листъ за листомъ, влетаютъ въ окошко. Когда голубь влетаетъ въ свой домъ, то приводитъ въ движеніе колокольчикъ, проведенный въ контору редакціи, который не перестаетъ звонить до тѣхъ поръ, пока депеша не будетъ принята отъ голубя. Въ Англіи употребляютъ также бельгійскаго голубя, быстротой даже превосходящаго англійскаго. Для дрессировки выбираются только такіе голуби, которые пролетятъ не меньше 300 англійскихъ миль и этимъ докажутъ свою способность. Такая предусмотрительность въ выборѣ и тщательный уходъ вырабатываютъ превосходнаго почтоваго голубя, извѣстнаго подъ именемъ „прессъ-экспрессъ“. Этотъ маленькій голубь безъ особаго напряженія пролетаетъ 500 англ. миль въ столько же минутъ.

Бобры, уже переведшіеся было на берегахъ Эльбы, недавно снова появились тамъ въ довольно значительномъ числѣ, особенно близъ Витенберга. Приняты мѣры, чтобъ не тревожить этихъ рѣдкихъ переселенцевъ и не мѣшать имъ строиться и размножаться.

Ходъ коня. Шахматная задача.

нѣтъ	мод	та	вашъ	одинъ	фра	объ	по
динъ	тной	не вы	ковъ	ковъ	дядя	по	ромъ
ныхъ	ва	мнѣ	вы	ритъ	кто	вар	васъ
пор	спо	и	въ мо	да	у	да	то
ди	ей	род	о	ни	ва	на	а вы
го	дѣдъ	и	не	ныхъ	бѣ	мокъ	мнѣ
род	го	ный	го	не	новъ	вы	род
вашъ	воръ	нѣ	бла	мод	ный	шьетъ	пред

Рѣшеніе этой задачи будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы“, одновременно съ рѣшеніемъ задачи, помѣщенной въ № 8 „Нивы“.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Короткій путь къ славѣ—это быть тѣмъ, чѣмъ желаешь казаться. *Сократъ.*

Воспитывать дѣтей должно не только для себя, но и для отечества, не для своей только выгоды, но и для отечественной пользы. *Цицеронъ.*

Должно прощать другимъ всѣ ошибки, но себѣ никогда. *Катонъ старшій.*

Надобно жить такъ, что бы мы враговъ своихъ сдѣлали друзьями, а не друзей врагами. *Пиѳагоръ,*

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Г.-ну Э. Пееиену.** Богатство мысли и красота ея выраженія въ вашихъ стихахъ поразительны:

Громкимъ эхомъ отозвались
Наши славны города,
Когда турки намъ поддались.
Войску-жъ нашему ура.

Мудрено что-то. Послушаемъ, что дальше:

«Всякъ отъ мала до велика,
Русской кровью дорожа,
Вѣдь не могъ же быть печальнымъ,
Коль побѣда хороша.

Ну, еще-бы, радуйтеся! Чего лучше той побѣды, въ которой по словамъ вашимъ „турки поддались". Смотрите что-бы васъ за это...

2 **Москва. Щепиной.** Изъ вашихъ фотографій для печати остается уже немного. Князь и княгиня—неудобны. Непришлете-ли новенькихъ, подобныхъ напечатаннымъ.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Русскіе типы: Уличная торговка.
— Селедки голански! Яицы свѣжія!
Рис. Пановъ, грав. М. Рашевскій.

Дозволено цензурою СПБ. 23 Февраля 1878 г. Тип. Висмеша, Англ. пр. № 10

№ 10 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 4 Марта 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за МАРТЪ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 16 рисунками рукодѣльныхъ работъ и 28 буквъ для мѣтки бѣлья.

Папа Левъ XIII.

Никто не ожидалъ такого быстраго выбора новаго папы, какъ это случилось нынѣшній разъ по смерти Пія IX, при избраніи Льва XIII на папскій престолъ. Обыкновенно конклавы тянутся болѣе или менѣе долго и скоро оканчивающіеся составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Въ Италіи есть даже поговорка, что всякій конклавъ начинается дьяволомъ, продолжается людьми и уже оканчивается святымъ духомъ. Одинъ конклавъ, напримѣръ, какъ говорятъ, затянулся чуть не на три года; мѣстныя городскія власти рѣшились наконецъ снять уже крышу съ дворца, гдѣ засѣдали кардиналы и только этой мѣрой заставили ихъ рѣшить выборъ папы.

По правиламъ, конклавъ долженъ происходить въ Ватиканѣ, хотя были случаи, когда это правило и не соблюдалось. Избраніе папы совершается слѣдующимъ образомъ. Спустя 11 дней по смерти папы, нѣсколько кардиналовъ съ своими слугами запираются въ избранныхъ комнатахъ Ватиканскаго дворца и каждый день по два раза ходятъ въ Сикстинскую капеллу, гдѣ голоса (въ свернутыхъ билетикахъ), подаваемые ими за то или другое избираемое лицо, кладутся въ чашу на алтарѣ. Когда двѣ трети голосовъ согласны, то слѣдуетъ инспирація, т. е. всѣ кардиналы выходятъ изъ своихъ заключеній и громко провозглашаютъ другъ другу имя избираемаго.

Папа Левъ XIII, вступившій на папскій престолъ 8/20 Февраля 1878 г.
Съ фотог. грав. Вейерманъ.

Баллотировокъ бываетъ нѣсколько, до тѣхъ поръ, пока не получится опредѣленнаго числа голосовъ, заявленныхъ за избираемое лицо. Каждый разъ послѣ неудачной баллотировки билетики сжигаются, и тонкая струйка дыма изъ печной трубы стараго Ватикана даетъ знать Риму о неудавшемся голосованіи по выбору папы. Послѣ первой баллотировки, на которой кардиналъ Печчи, теперь папа Левъ XIII, получилъ относительное большинство голосовъ, недостаточное, впро-

чемъ, для избранія, кардиналы, предавъ огню избирательные билетики, какъ водится, приступили къ второму голосованію. Во второй разъ Печчи получилъ число голосовъ, только пятью голосами не достигавшее до цифры безусловнаго большинства. Тогда кардиналы Франки и Сегюръ преклонили колѣни передъ монсиньоромъ Печчи и сказали, что они приступаютъ къ его избранію. Примѣру ихъ послѣдовали и другіе кардиналы. Вѣсть объ избраніи папы быстро пронеслась по городу и папа въ тотъ же день, т. е. 8-го (20-го) февраля благословилъ народъ съ балкона Ватиканскаго дворца.

Кардиналъ Печчи (теперь Левъ XIII) родился въ городѣ Карпинето, въ Италіи, въ 1812 году, стало быть ему въ настоящее время 68 лѣтъ. Роста онъ высокаго, худощавый, но тѣлосложенія весьма крѣпкаго. Увѣряютъ, что во всю свою жизнь онъ ни разу не былъ серьезно боленъ. Лицо новаго папы не красиво, но выразительно и симпатично. Благодаря живости и подвижности своего ума, способности вдругъ переходить отъ серьезнаго настроенія къ чистосердечной веселости, новый папа привлекаетъ къ себѣ расположенія многихъ.

Отношенія Печчи къ своему предшественнику по тіарѣ, покойному Пію IX, были какъ нельзя болѣе благопріятныя, даже дружественныя. Но этимъ отношеніямъ въ значительной степени препятствовала подозрительность кардинала Антонелли, извѣстнаго секретаря Пія IX. Благодаря этой подозрительности, Печчи не могъ, не смотря на личное расположеніе папы, вліять на политику Ватикана. Думаютъ, что при участіи Печчи, политика эта приняла бы другой оборотъ. Правда, Печчи принималъ участіе и въ политикѣ Пія IX, но это было еще въ либеральный періодъ первосвященства Пія IX, именно въ памятный 1848 годъ.

По убѣжденіямъ, Печчи считается противникомъ ультрамонтанизма и ученія Лойолы, т. е. іезуитизма; затѣмъ онъ считается, или по крайней мѣрѣ считался прежде, либераломъ. Бывъ еще кардиналомъ, онъ всегда считался вождемъ *умѣренной* партіи въ кардинальской средѣ, а въ дипломатическихъ римскихъ кружкахъ его имя имѣло большую популярность. Печчи считается блестящимъ ораторомъ. Краснорѣчіе его весьма сильно и убѣдительно. Благодаря этому, онъ превосходно успѣлъ (еще при Піѣ IX), подчинить авторитету папы бельгійцевъ, въ то время когда онъ былъ въ Брюсселѣ папскимъ нунціемъ. Не смотря на преобладающее въ Бельгіи либеральное настроеніе, Ватиканъ и теперь пользуется тамъ неограниченною властью. Печчи именно и старался добиться того, чтобы народъ и правительство Бельгіи, считая себя вполнѣ свободными, были въ сущности рьяными приверженцами и самыми покорными рабами католицизма.

До назначенія своего въ папскіе кандидаты, Печчи, какъ упомянуто выше, былъ епископомъ Перуджіи. Шансы его вступить на папскій престолъ были ничтожны. Большинство членовъ священной коллегіи, т. е. выбиравшихъ новаго папу кардиналовъ, отнеслось къ перуджинскому епископу если не съ явною враждою, то съ затаеннымъ недовѣріемъ. Его, какъ и во времена оны Пія IX, подозрѣвали въ наклонности къ либерализму и въ сношеніяхъ съ карбонаріями, т. е. членами бывшихъ тайныхъ революціонныхъ обществъ южной Италіи. Но что было главнѣйшимъ препятствіемъ къ полученію тіары— такъ это ожесточенная вражда противъ Печчи кардинала Антонелли, который при Піѣ IX старался держать Печчи какъ можно дальше отъ Ватикана. Въ этой враждѣ Антонелли противъ его воли высказалось сознаніе превосходства Печчи надъ знаменитымъ секретаремъ Пія IX. Уже послѣ смерти Антонелли послѣдовало назначеніе Печчи на постъ такъ называемаго камерланго (лице имѣющее большое вліяніе въ процессѣ избранія папы). Но и это сдѣлано, говорятъ, лишь для того, чтобы исключить Печчи изъ списка кандидатовъ на св. престолъ, чѣмъ увеличить его шансы на папскую тіару. По существующему обычаю и по утвердившейся практикѣ, камерланго обыкновенно не считаютъ принадлежащими къ категоріи тѣхъ прелатовъ, изъ среды которыхъ совершается избраніе папы. Такъ разсчитывалъ самъ Пій IX, такъ же думалъ и знаменитый генералъ римскихъ іезуитовъ, патеръ Бексъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ, вопреки желаніямъ покойнаго папы и іезуитовъ.

Бывъ епископомъ Перуджіи, Печчи обнаруживалъ замѣчательную энергію, особенно относительно обезопашенія Перуджинскаго округа отъ разныхъ бродяжниковъ и разбойниковъ. Точно также онъ съумѣлъ обуздать разбойничество, бывъ папскимъ делегатомъ въ Беневентѣ и въ Сполетто. Перуджія же, до пребыванія въ ней Печчи, считалась „скопищемъ всѣхъ негодныхъ элементовъ Апеннинскаго полуострова“. Во время управленія Печчи Перуджія была совершенно очищена отъ этихъ элементовъ...

Словомъ, за энергіей у новаго папы дѣло не станетъ... Интересенъ вопросъ: въ какомъ отношеніи политика новаго папы будетъ къ православной Восточной церкви. Нѣкоторыя извѣстія заставляютъ предполагать, что политическая программа Льва XIII идетъ противъ православія, или, по крайней мѣрѣ, не въ интересахъ православія. Но, разумѣется, какъ и при Піѣ IX, это обстоятельство совершенно безсильно повліять на рѣшеніе великаго современнаго вопроса на Востокѣ.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

На короткій отвѣтъ Заруцкаго Марина возразила поспѣшно новымъ вопросомъ:

— О чемъ онъ пишетъ?.. Рыцарство хочетъ жалованьемъ осыпать, Рожинскаго казнить?..

— Изъ царства изгнать всѣхъ недруговъ требуетъ... А самыхъ виновныхъ—на казнь къ нему въ Калугу доставить,—отвѣтилъ Заруцкій.

— Ну, и что-жь вы?..

— Пока ни на чемъ не рѣшили... Да ты присядь, государыня,—спохватился онъ, подставляя ей табуретъ.

— Какъ ни на чемъ? возразила она,—пристать къ нему думаете, или нѣтъ?

— Еще ни на чемъ не рѣшили,—повторилъ онъ.

— Да вѣдь надо же рѣшить чѣмъ-нибудь, вспыхнула она. Либо да, либо нѣтъ...

— Присядь, государыня,—повторилъ онъ.

— Либо да, либо нѣтъ! повторила она, опускаясь на табуретъ. Ѣдете-ли вы въ Калугу?..

— Про то казачество знаетъ, а я одинъ не воленъ.

— Да атаманъ ты, или нѣтъ,—чуть не крикнула она.—Чего вамъ еще: царь вамъ даритъ Москву на разграбленіе—мало вамъ?

— Мы много довольны...

— Такъ что же?..

— Какъ казачество... а я что-жь!

— Да пойми, что тянуть нельзя! Ея ноздри раздулись, глаза горѣли, она съ сердцемъ ударила кулакомъ по столу.—Нельзя! Время золота дороже—его не вернешь. Къ чему всѣ труды ваши, кровопролитія, къ чему они привели васъ? Что бы все это въ угоду королю пошло? Московское государство въ вашихъ рукахъ, а вы какъ ребенокъ хотите упустить рыбу съ крючка?.. Только держась за государя вы получите что нибудь... вы получите больше всего—поправилась она. Москву вы возьмете, и тогда все ваше—всѣ ваши труды, лишенія забудутся,—вы четвериками жемчуги и изумруды брать будете... Кого, чего вы боитесь!.. Смотрите—я женщина, я смѣлѣе васъ всѣхъ! Вы тамъ зарѣзать Рожинскаго трусите... Да еслибъ нужно было—я бы руками его разорвала!..

Она опять стояла передъ нимъ, надвигаясь все ближе и ближе на него, еще болѣе разметавъ волосы, гнѣвно поводя глазами... Это была олицетворенная богиня войны, смуты.

Она такъ близко стояла отъ него, что ему оставалось только сѣсть...

— Одинъ въ полѣ не воинъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ, чувствуя надъ собой ея дыханіе, оглядывая ея энергичную маленькую фигурку, чувствуя колыханіе ея груди возлѣ своего лица. Онъ смотрѣлъ снизу на ея круглый подбородокъ, рѣзко очерченныя пурпурныя губки, бѣлые зубы, что чуднымъ рядомъ мелькали изъ-за нихъ, и волшебной красавицей казалась она ему. Она казалось не замѣчала, или не хотѣла замѣтить его неловкаго положенія. И это царица стоитъ передо мною, думалъ онъ...

— Заруцкій, говорила она, но уже нѣсколько тише: ты все можешь: настрой своихъ, чтобы они къ Димитрію бѣжали, и я съ вами побѣгу туда... Сжалься надо мной—вѣдь я погибаю!.. Посмотри, въ какомъ я поло-

женіи. я—коронованная царица! Надо мной глумятся, ровняютъ меня съ безчестными женщинами, — надо мной ругаются, и нѣтъ у меня человѣка, который бы защитилъ меня... Послѣдняя польская шляхетка счастливѣе меня: у ней есть защитой мужъ, отецъ, братъ... А у меня никого, никого!.. Никого, кромѣ Бога,—Онъ одинъ видитъ какія неправды творятся надо мной... Мною торгуютъ, какъ послѣдней тварью... Легко ли это, легко-ли?!..

Она зарыдала, закрывъ лицо руками. Заруцкій по прежнему сидѣлъ, не зная куда дѣваться. Прошла минута молчанія.

Она вдругъ отняла руки и взглянула на его красивое, мужественное лицо, съ участіемъ смотрѣвшее на нее.

— Заруцкій! сказала она, внезапно охвативъ его шею руками и прижимаясь губами къ его лбу,—помоги мнѣ —бѣжимъ съ казаками въ Калугу! Ты спасешь мнѣ и жизнь и честь... Я въ долгу не останусь...

Онъ обнялъ ее за талію и впился губами въ ея открытую шейку. Она ловко вывернулась изъ его объятій и схватилась за шаль.

— Такъ обѣщаешь? спросила она на порогѣ, кинувъ ему ласковую улыбку.

— Все будетъ по твоему, сколько силъ моихъ хватитъ,—отозвался Заруцкій, не глядя на нее.

Она выскользнула на крыльцо.

— Куда теперь? промолвила она. Начало хорошо... А-а, ко всѣмъ по порядку!..

XXIX.

Черезъ нѣсколько дней Марина бѣжала. Заруцкій отрядилъ ей свиту, и она, въ мужскомъ платьѣ умчалась изъ табора. Къ утру даже слѣды ихъ были заѣзжены.

На утро въ покояхъ Марины нашли письмо. Въ немъ она осыпала тушинцевъ упреками за ихъ дурное съ ней обращеніе и оканчивала словами: „Отовсюду гонимая, свидѣтельствуюсь Богомъ, что вѣчно буду стоять за свои права; разъ сдѣлавшись царицей великой державы, я не хочу и не могу снова стать простою шляхеткой... Поручаю свою честь и охрану доблестному польскому рыцарству и надѣюсь, что оно свято выполнитъ свой долгъ и присягу“.

Лагерь опять заволновался, на этотъ разъ еще сильнѣе прежняго. Буйныя толпы жолнеровъ слонялись по табору съ воплями и проклятіями. Эта маленькая женщина, на которую никто не обращалъ до тѣхъ поръ вниманія, была нравственной опорой, центромъ тушинскаго равновѣсія. Бѣжала она, опора подломилась,—и Тушино болѣе не могло существовать.

У порога избы пана Рожинскаго гудѣла тысячеголосная толпа, требовала гетмана на расправу. „Бѣглецъ, мерзавецъ, измѣнникъ! кричали ему: гдѣ обѣщанныя награды, деньги!.. Кто нашъ предводитель? Подъ чье знамя идти?.. Отдай царя намъ, зачѣмъ ты его выгналъ!.. Если ты задумалъ выдать его врагамъ, то знай, что тебя перваго выдадутъ... Зачѣмъ ты прогналъ несчастную Марину!.. Гдѣ она, куда пошла?“...

Рожинскій тотчасъ написалъ королю письмо. Онъ требовалъ денегъ и денегъ, иначе ни за что не могъ поручиться, даже за жизнь королевскихъ воеводъ...

Но вотъ пріѣхалъ отъ короля воевода Брацлавскій и вмѣсто денегъ привезъ еще больше причинъ смутъ и раздоровъ. Всѣ были недовольны: и казаки, и поляки, и московцы, съ Филаретомъ во главѣ. Составилось коло.

— На Волгу, на Волгу! кричали одни. Пусть Шуйскій съ королемъ вѣдается.

— Къ Шуйскому на переговоры.—кричали другіе.

— На Польшу! Поляковъ бить, короля! совѣтывали иные.

— Жалованье намъ надо, денегъ,—кричало большинство.

Кончилось тѣмъ, что похватались за оружіе. Нѣсколько пуль провизжало мимо Рожинскаго, и онъ поторопился убраться, пустивъ нѣсколько выстрѣловъ въ бунтовщиковъ.

— Въ Калугу! вотъ куда,—догадались иные.

— А король одолѣетъ, коли разобьемся...

И смута росла, росла... Весь таборъ ревѣлъ, готовый на всякія междоусобія и кровопролитія...

— Нѣтъ, такъ нельзя продолжать,—думалъ Рожинскій, украдкой поглядывая сквозь слюдяныя окна на улицу. Ну вдругъ въ такую пору Скопинъ ударитъ. Чорта ли съ его войскомъ эти пьяницы подѣлаютъ... Нѣтъ, это воровское гнѣздо надо разнести... Не захотятъ такъ—силой выгоню, краснаго пѣтуха запущу...

Марина не прямо попала въ Калугу. Сбилась ли она съ дороги, или заранѣе съ Сапѣгой условилась, только она оказалась въ Дмитровѣ. Тѣмъ не менѣе рѣшилась она сдѣлать тутъ только временной привалъ и все-таки ѣхать къ царьку.

— Въ Калугу проѣздъ далеко не безопасенъ—предупреждалъ ее гетманъ. Здѣсь мимо то и дѣло шныряютъ отряды Делагарди и Шуйскаго. Если вы попадетесь къ нимъ въ плѣнъ, не думаю чтобы съ вами хорошо поступили...

— Такъ что же мнѣ дѣлать по вашему?

— По моему вамъ лучше всего ѣхать въ Самборъ, къ пану Мнишекъ.

— Никогда!.. Скорѣе здѣсь безъ слѣда погибнуть царицей, чѣмъ со стыдомъ туда вернуться... Сегодня же въ ночь я ѣду въ Калугу.

Но въ ночь ѣхать оказалось невозможнымъ. Подъ стѣнами Дмитрова вечеромъ появился отрядъ Делагарди,—волей не волей приходилось замѣшкаться...

— Не бойтесь,—уговаривалъ ее Сапѣга,—это долго не продолжится, да и не опасно вовсе... Я ужь послалъ къ Рожинскому за подкрѣпленіемъ.

— Да я нисколько не боюсь, презрительно отвѣтила она.

На слѣдующій день Сапѣга сдѣлалъ вылазку, но принужденъ былъ отступить: его войску неспособно было биться по колѣни въ глубокомъ снѣгу. А ратники Шуйскаго и Делагарди отлично справлялись въ своемъ легкомъ вооруженіи, бѣгая на саженныхъ, загнутыхъ кнутри лыжахъ. Пришлось отсиживаться: у него всего было тысячи полторы войска, а у русскихъ втрое больше. Заперлись, стали отсиживаться; скоро и подмога пришла—нѣсколько саней съ боевыми припасами и нѣсколько десятковъ казаковъ. Русскимъ въ потемкахъ показался этотъ отрядъ громадной арміей, и они пропустили его черезъ свой станъ.

А подъ утро былъ приступъ. Московцы и шведы сразу нагрянули со всѣхъ сторонъ; сапѣжинцы дрогнули. Тщетно гетманъ воодушевлялъ ихъ: они побросали пушки и толпой хлынули съ укрѣпленій. На встрѣчу имъ кинулась Марина.

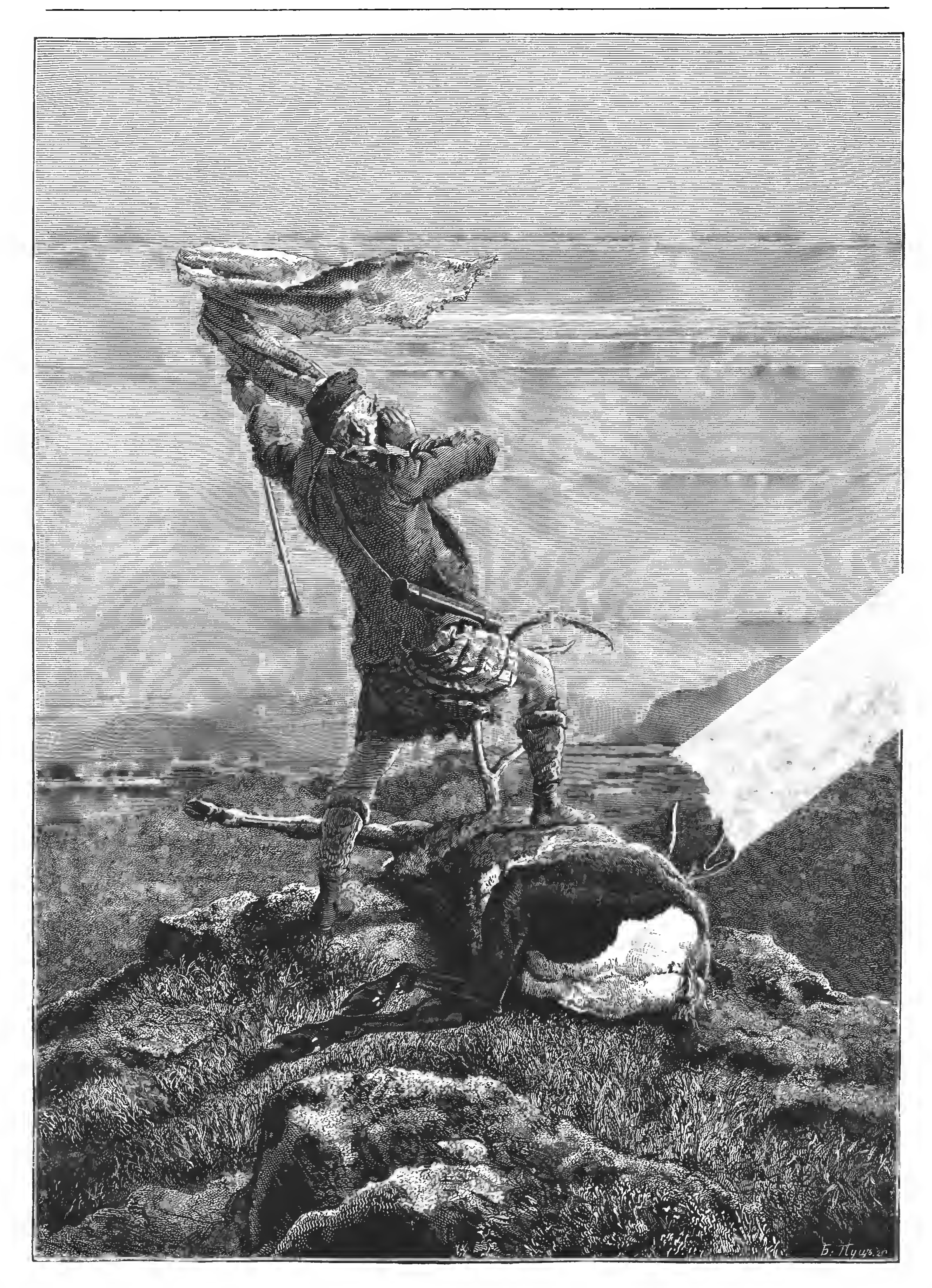
— Куда вы, негодяи! крикнула она. Вы трусите—мущины... Я, женщина, не боюсь ничего, а вы... За мной, на стѣну!

Она бросилась, въ сопровожденіи ихъ, къ башнямъ. Пули звенѣли, зажужжали вокругъ нее. Она съ какимъ-то наслажденіемъ стояла подъ огнемъ,—ей все равно было—жить или умереть. Приступъ отбили. Къ вечеру привели языка.

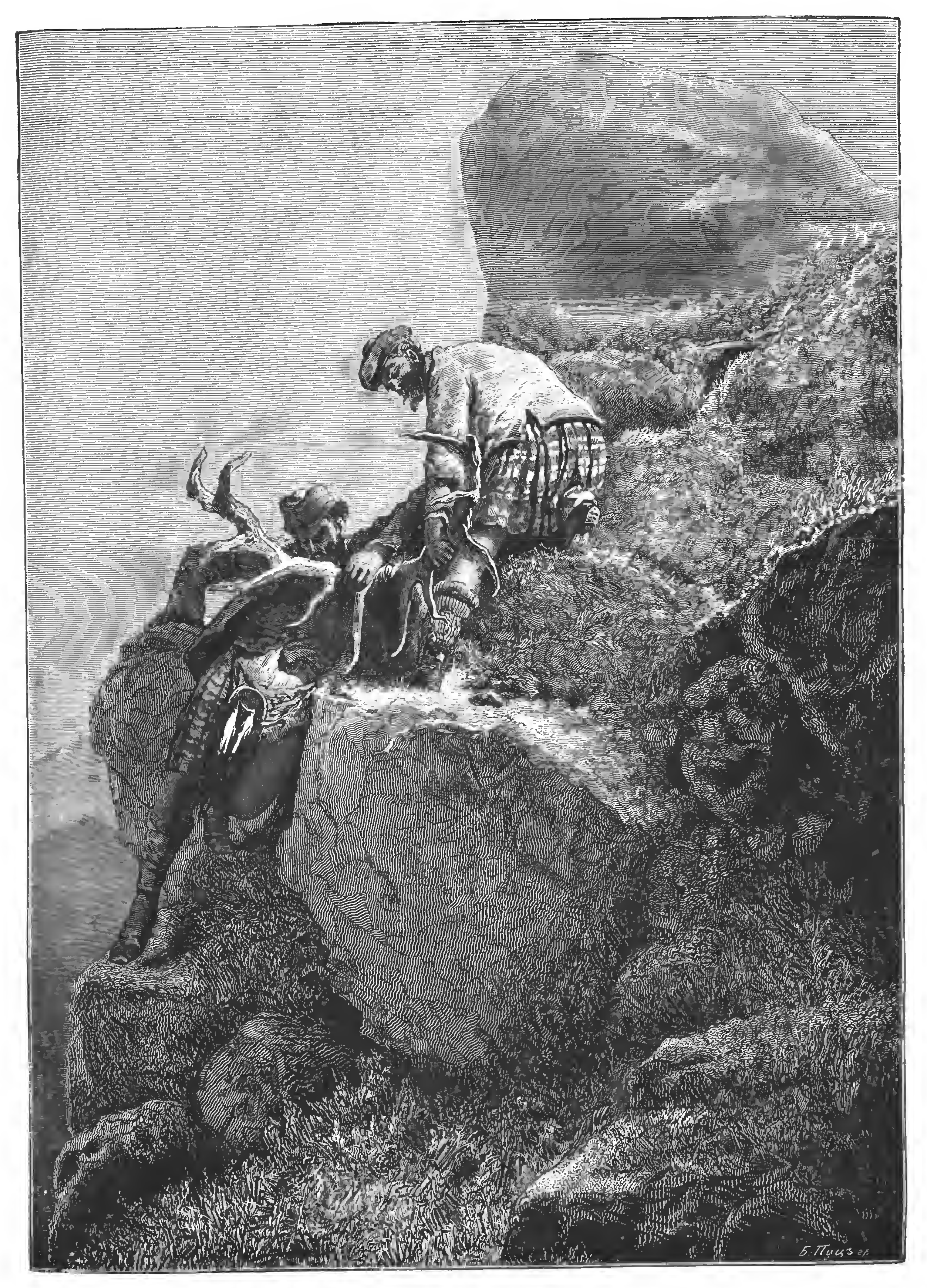
— Наши не простоятъ здѣсь долго,—говорилъ онъ:—запасовъ нѣтъ. Въ ночь отступить хотятъ.

Сапѣга обрадовался. Когда къ утру туманъ разсѣялся,—на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ лагерь, смутно чернѣя догорали потухавшіе костры.

— Теперь и мнѣ въ Калугу можно, сказала Марина. Сапѣга опять началъ ее урезонивать.—Не ѣздите, ра-

Охота въ Шотландіи. Картина Зичи, рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

Охота въ Шотландіи. Картина Зичи, рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

ди Бога: не должно этого дѣлать.—Я васъ просто не пущу, наконецъ, задержу здѣсь силой.

— Что? вспыхнула она:—силой?.. Ты меня не пустишь? Что-жь ты, королю меня продать хочешь, что-ли?.. Такъ знай-же, что торговать собой я не позволяю. Вели сейчасъ готовить все къ отъѣзду... А не то... у меня четыреста донцевъ,—я тебѣ дамъ битву...

— Но какъ вы поѣдете, на чемъ?

— Верхомъ, на лошади. Достань мнѣ подходящій мужской костюмъ...

Сапѣга,—нечего дѣлать,—согласился.

— Я вамъ въ утѣшеніе оставляю свою дѣвочку,—смѣясь говорила она Сапѣгѣ, уже сидя на лошади, въ аломъ жупанѣ, съ пистолетами у луки, въ сапогахъ со шпорами.—Прощаюсь съ вами по дружески, не помня зла и обидъ. Не помните и вы.

Она протянула ему руку: онъ поцѣловалъ ее съ легкой ужимкой.

— А вы надѣетесь усидѣть на сѣдлѣ до Калуги? спросилъ онъ.

— Усижу,—весело отвѣтила она.—А если нѣтъ, въ любомъ поселкѣ сани достану... Свидимся еще, гетманъ?

— Про то знаетъ только Богъ! шутливо отвѣтилъ онъ.

Она кивнула ему еще разъ головой, и всадивъ шпоры въ бока коня, подняла его съ мѣста галопомъ.

Наташа осталась у Сапѣги.

XXX.

Сапѣга былъ въ Дмитровѣ потому, что Троицкая осада не удалась: съ Лаврой ничего нельзя было подѣлать, особенно когда пробрались въ нее полторы тысячи ратниковъ. Ожесточенный бой на луговинѣ Клементьевскаго поля, на прудахъ, и на Волокушѣ, рѣшилъ судьбу осады,—Лисовскій и Сапѣга снялись со своихъ окоповъ

Воровское дѣло не выгорало. „Оплотъ вѣры христовой“, Сергіево, такъ и осталось оплотомъ, хотя воры и называли его лукошкомъ. Но какъ бы то ни было, голытьба держалась: только центромъ воровской смуты была уже Калуга. Тушина болѣе не существовало: Рожинскій его сжегъ.

15 марта былъ сильный западный вѣтеръ. Вдругъ въ Тушинѣ вспыхнуло пламя сразу въ двадцати мѣстахъ. Всѣ всполошились. О томъ, чтобы тушить пожаръ нечего было и думать: какъ солома пылали деревянные срубы, коновязи, ставки. Заботились только о томъ, чтобы вывести лошадей, скотъ, захватить одежду, деньги.—Цѣлое море пламени бушевало на верху со свистомъ уносясь подъ темныя ночныя небеса, разсыпаясь сотнями огненныхъ „галокъ“, поджигавшихъ еще въ сотняхъ мѣстахъ строенія. Все трещало, рушилось, падало, грохотало. По узкимъ улицамъ сновали запоздалые погорѣльцы, таща свою рухлядь, разбрасывая ее по дорогѣ, торопясь кое какъ выѣхать изъ горящаго лабиринта. Повозки скучивались; наѣзжая одна на другую, загораживали путь другимъ, загорались отъ падающихъ искръ. Испуганные лошади, быки носились по улицамъ. Стѣны падали, придавливая ихъ. Кучами сваливали добро на порожнихъ мѣстахъ... То тамъ, то тутъ слышались отчаянные вопли, постепенно замиравшіе... Но впрочемъ то пожаръ былъ пожаръ благодатный: онъ уничтожалъ разсадникъ воровской смуты.

Три дня горѣло и догорало Тушино, пока не выгорѣло все до основанія. Потянулись отъ него радіусами во всѣ стороны уходящія войска. На мѣстѣ роскошныхъ пировъ и празднествъ осталась только перегорѣлая груда золы и углей...

Обгорѣлые трупы, вытащенные сердобольными душами изъ подъ развалинъ, въ порядкѣ были разложены на луговинѣ. Около нихъ бродилъ кое-кто. Они розыскивали, нѣтъ-ли въ числѣ обгорѣлыхъ подававшихъ признаки жизни. Въ числѣ розыскивающихъ былъ и Алфей. Онъ безсмысленно поглядывалъ на тѣла, мало обращая вниманія на нихъ. Вдругъ онъ остановился надъ одной старухой, сильно стонавшей.

— Пить, пить,—говорила она.

— Катя! закричалъ Алфей, наклоняясь къ ней.

Старуха смотрѣла на него и повторяла: пить, пить...

— Катя моя,—машинально продолжалъ онъ, цалуя ее въ лобъ... Что съ тобой...

Алфей въ помѣшательствѣ принималъ старуху за Катю. Онъ приподнявъ ея голову, положилъ ее къ себѣ на колѣна. Мимо проходили два казака.

— Пить! твердила она:—ради Бога, ради Бога...

Одинъ казакъ оглянулся, подошелъ. и, отцѣпивъ флягу, влилъ ей въ ротъ нѣсколько капель вина. Она проглотила.

Алфей вдругъ схватилъ казака за горло.

— Это ты убилъ ее, ты! закричалъ онъ дикимъ голосомъ со страшною силой сдавивъ его горло, и поваливъ на старуху.—Ты думаешь пройдетъ тебѣ это?.. И онъ пырнулъ откуда-то взявшимся ножомъ казака въ бокъ.

— Дьяволъ! крикнулъ другой, нацѣливаясь въ Алфея

Попъ оставилъ убитаго и приподнявшись на колѣнахъ, прямо смотрѣлъ на дуло, направленное на него. На лицѣ его не было никакого выраженія: Богъ его вѣдаетъ, о чемъ онъ думалъ, глядя на это почернѣвшее отъ дыма, маленькое, круглое отверстіе. Казакъ цѣлился, а онъ все смотрѣлъ. Прохожій остановился, избоченился, и заглядѣлся на любопытную сцену. Казакъ выстрѣлилъ.

Алфей упалъ навзничь: пуля въ мозгу засѣла...

Алешка объ эту пору былъ въ Москвѣ, у Голицына. У нихъ работа кипѣла. Монастырь, который не удалось раззорить ворамъ, собрался раззорить самъ Шуйскій: онъ далъ повелѣніе въ виду скудо-денежности государственной казны, забрать отъ Троицы драгоцѣнныя вещи. Между монастыремъ и московскимъ подворьемъ завязалась дѣятельная переписка: иноки просили своего келаря ходатайствовать о нихъ передъ царемъ и патріархомъ. Но сколько Авраамій не старался, все было тщетно, и все отошло въ царскую казну, все до платка послѣдняго, такъ что инокамъ и слезъ утирать было нечѣмъ. И оклады и сосуды,—все что получше забрали;—оставили что похуже на обиходъ.

Недовольство противъ Шуйскаго росло со всѣхъ сторонъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Его наемное войско требовало денегъ, съ запада грозилъ нашествіемъ король, съ юга напиралъ Димитрій. Возбудительныя грамоты, подметныя письма, словно листья на вѣтрѣ осеннемъ гурьбою носились, кружились по Москвѣ, то и дѣло читались на сходкахъ. Ожилъ было Шуйскій на время, когда крымскій ханъ вышелъ къ нему на подмогу, да не на долго хватило его помощи. Царь видѣлъ что почва подъ нимъ не крѣпка, что онъ взведенный на престолъ волей народа, можетъ быть и низведенъ той-же волей,—стоитъ только чтобы кто нибудь первый заговорилъ объ этомъ.

И вотъ первымъ заговорилъ объ этомъ Ляпуновъ на сходкѣ за Арбатскими воротами. „До конечнаго раззоренія и расхищенія московское государство дошло, сказалъ онъ. Со всѣхъ сторонъ намъ тѣсно стало: поляки, литва, калужане тѣснятъ насъ. Украинскіе города давно не тянутъ къ царю Василью, кровь христіанская льется, сынъ на отца, отецъ на сына съ мечемъ идутъ. Василій Ивановичъ не по правдѣ на царство сѣлъ, оттого и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ оставилъ престолъ, и къ калужанамъ посольство пошлемъ: пусть отъ вора своего отшатнутся,—и всей мы землей единаго царя выберемъ.“

Калужане къ великому удивленію москвичей приняли предложеніе Ляпунова и отвѣтили: „Вы своего Шуй-

скаго сведите, а мы вамъ Димитрія связаннаго въ Москву доставимъ."—Отправились боярскіе дѣти и выборные въ Кремль и представили царю народное рѣшеніе. „Сжалься—молъ, надъ умоленіемъ нашимъ, положи свой посохъ, сойди съ царства." Василій разгнѣвался, съ ножемъ хотѣлъ на Ляпунова броситься, но тотъ его охладилъ словами.

— Ты, Василій Ивановичъ, на меня не бросайся,—а то какъ возьму тебя въ руки, вѣдь всего изотру.

Составилось всенародное собраніе, на которое и патріархъ пріѣхалъ. Кончилось оно тѣмъ, что великія слова сказалъ выборный Шуйскому: „Вся земля бьетъ тебѣ челомъ, царь Василій Ивановичъ:—покинь свое государство ради смуты, дабы тѣ, кто тебя не любятъ, тебѣ служить не хотятъ, отъ Москвы не отставали, а стояли бы за православную вѣру, всѣ за одно.

Василій, стиснувъ зубы, отдалъ свой посохъ царскій, вѣнецъ и бармы и выѣхалъ вонъ изъ Кремля.—На другой день къ Калужанамъ опять посольство отправили: мы царя свели,—теперь давайте вора.—Калужане такъ и покатились со смѣху надъ московской наивностью. „Не больно, дескать, вы къ крестному цѣлованію крѣпки, коли сами царя низводите. Мы за своего головы свои сложить готовы..." Москвичи рты разинули и только тогда припомнили пословицу на счетъ „задняго крѣпкаго ума."

Василья поторопились постричь, отчего онъ буквально руками и ногами отмахивался. Когда во время обряда спросили его, охотою-ли онъ постриженье пріемлетъ, онъ крикнулъ: „не охотою". а какой-то бояринъ, съ боку подвернувшійся за него обѣты давалъ. За руки царя во все время обряда держалъ Ляпуновъ, ибо онъ дѣйствовалъ безчинно...

XXXI.

Шелъ обычный круговоротъ времени, безсмѣнно постоянно. Лѣто смѣняло зиму, зима—лѣто. Обычно звонило на башняхъ *часомърье*,—обычно солнце свѣтило; бывали ураганы, бури, но и они проходили,—не проходила только на Руси смута, по прежнему бушевала она не прекращаясь.

Тушинскій воръ превратился въ Калужскаго вора, переживъ своею властью власть своего врага Шуйскаго. Но наконецъ и ему явился предѣлъ „его же не перейдеши," въ декабрѣ 1610 года.

Еще во время тушинскаго царенья, присталъ къ Димитрію въ союзники Урмаметъ, касимовскій царь, татаринъ. Жена его и сынъ жили у вора въ Калугѣ, а самъ онъ находился въ лагерѣ Жолкѣвскаго подъ Смоленскомъ. Татары вообще народъ семейный, къ дому привязанный совсѣмъ стосковалось его сердце по миломъ наслѣдникѣ и супругѣ, и отправился онъ въ Калугу, переманивать сына въ польскій станъ, гдѣ жилось очень пріятно. Пріѣхалъ старикъ, разсыпался передъ воромъ въ увѣреніяхъ, что онъ ему по гробъ преданъ, а самъ сталъ потихоньку шептаться съ сыномъ. Сынъ, между тѣмъ, оказался очень дружнымъ съ воромъ, передалъ ему скаредныя отцовскія рѣчи,—и кончилось все очень печально и для татарскаго царя, и для воровскаго.

Урмаметъ вдругъ пропалъ. куда—неизвѣстно. Дѣло такъ было. Травили по первому снѣгу зайцевъ. Воръ пригласилъ касимовскаго царя охотиться вмѣстѣ. Царь пріѣхалъ съ двумя татарами, воръ съ большой свитой, и началось порсканье по берегу рѣки. Въ разгарѣ охоты и Урмаметъ и воръ отскакали далеко въ сторону. Вдругъ видятъ, несется Димитрій назадъ, лицо перекошено, и кричитъ псарямъ: „чуть не убилъ меня Урмаметъ, еле я ушелъ отъ него,—самъ на утекъ пошелъ по Московской дорогѣ... Догнать его тотчасъ и привезти сюда"... Псари кинулись, лошадей изморили, нѣсколько поприщъ сдѣлали и назадъ ни съ чѣмъ вернулись. Сгинулъ касимовскій царь, ни слуху, ни духу, словно въ воду канулъ.

Жилъ въ Калугѣ крещеный татаринъ, Петръ Урусовъ, большой пріятель Урмамета. Началъ онъ по городу слухи распускать, что отъ того о царѣ слуховъ нѣтъ, что онъ въ воду подлинно канулъ, что потому и псари догнать его не могли. Онъ-де на вора и не нападалъ вовсе, а воръ самъ на него съ ножемъ кинулся, убилъ въ сторонкѣ, да тѣло его съ Бутурлинымъ, да еще съ кѣмъ-то изъ своихъ въ Оку бросилъ. Дошли эти рѣчи до вора, и самъ воръ въ глаза отъ него такого же упрека удостоился. Петра Урусова въ тюрьму посадили, но потомъ смиловались—на свѣтъ Божій выпустили,—человѣкъ онъ былъ полезный. Но обиду и свою онъ скоро припомнилъ, да и за пріятеля отомстилъ.

Санный путь вполнѣ установился подъ Калугой только къ зимнему Николѣ. 10-го декабря вздумалось вору прокатиться за Оку, провѣтриться,—голова у него сильно трещала послѣ вчерашней воскресной попойки. День былъ настоящій зимній. Сѣрое однотонное небо однообразнымъ пологомъ стояло надъ землей, снѣгъ на поляхъ лежалъ ровною бѣлою массой. Было не холодно—еле носы краснѣли у прохожихъ. Всѣмъ придворнымъ тоже хотѣлось разгуляться: двухдневная попойка заморила ихъ. За послѣднее время у вора пиръ горой стоялъ: весь ноябрь мѣсяцъ на пролетъ пропьянствовали,—съ самаго утра и до поздняго вечера и царь и вся дружина пили. Съ гамомъ, колокольцами, пѣснями выѣхали они изъ воротъ царскаго терема и понеслись по улицамъ. Возница ухарски посвистывалъ, подергивая поводьями,—и воръ, и Устильянъ Кошелевъ, что сидѣлъ возлѣ него прикурнувшись и отпускалъ остроты, и бояре, и дружинники—всѣ были засыпаны снѣжною пылью. Комья на цѣлую сажень взлетали кверху отъ рьяныхъ прыжковъ пристяжныхъ, воздухъ такъ и рѣзалъ лица, разгоряченныя виномъ.

Переѣхали Оку и понеслись безконечной равниной.

— Стой! выпить надо! кричалъ воръ. Коренникъ осѣдалъ на заднія ноги, хомутъ соскальзывалъ ему на шею, и чуть не мгновенно замирали на мѣстѣ выѣзжанные на диво кони. Изъ сосѣднихъ саней бѣжалъ прислужникъ-татаринъ и наливалъ въ чарки венгерское. Лилось оно черезъ край, текло и на драгоцѣнную полость и на снѣгъ.—За здоровье татаръ, моихъ друзей и пріятелей! возглашалъ онъ, и махалъ рукой. Кони дергались и опять летѣли впередъ.

Уже нѣсколько было такихъ остановокъ. Лица еще болѣе раскраснѣлись: внѣшній холодъ и внутренній жаръ пригоняли кровь къ щекамъ. А поѣздъ все несся впередъ да впередъ.

— Пей, чертовъ сынъ, — кричалъ царь Устильяну, схвативъ его за шиворотъ,—не хочешь? оболью вѣдь... А и безъ того рука еле держала ковшичекъ: отъ толчковъ вино туда и сюда плескалось, обливая шуту и лицо и кафтанъ. Такъ на вотъ!...

Изъ ковша все выплеснулось ему на лицо. Устильянъ заплевалъ, зачихалъ, закашлялъ.

— Не лю-юбитъ,—смѣясь проговорилъ царь. Урусовъ, смотри: ровно котъ фыркаетъ... не жалуетъ!

Урусовъ далъ шпоры коню, и подался впередъ, чтобы взглянуть на гримасы шута.

— Погоди, вотъ я тебя пожалую, сквозь зубы сказалъ онъ вытаскивая саблю и замахиваясь...

— Что ты, зачѣмъ? крикнулъ воръ: оставь его...

Но Урусовъ должно быть ошибся: вмѣсто Устильяна хватилъ царя. Ударъ въ плечо попалъ, на шубу...

— Да что ты! крикнулъ царь уже изступленно... Разбойникъ...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ).

Охота въ Шотландіи

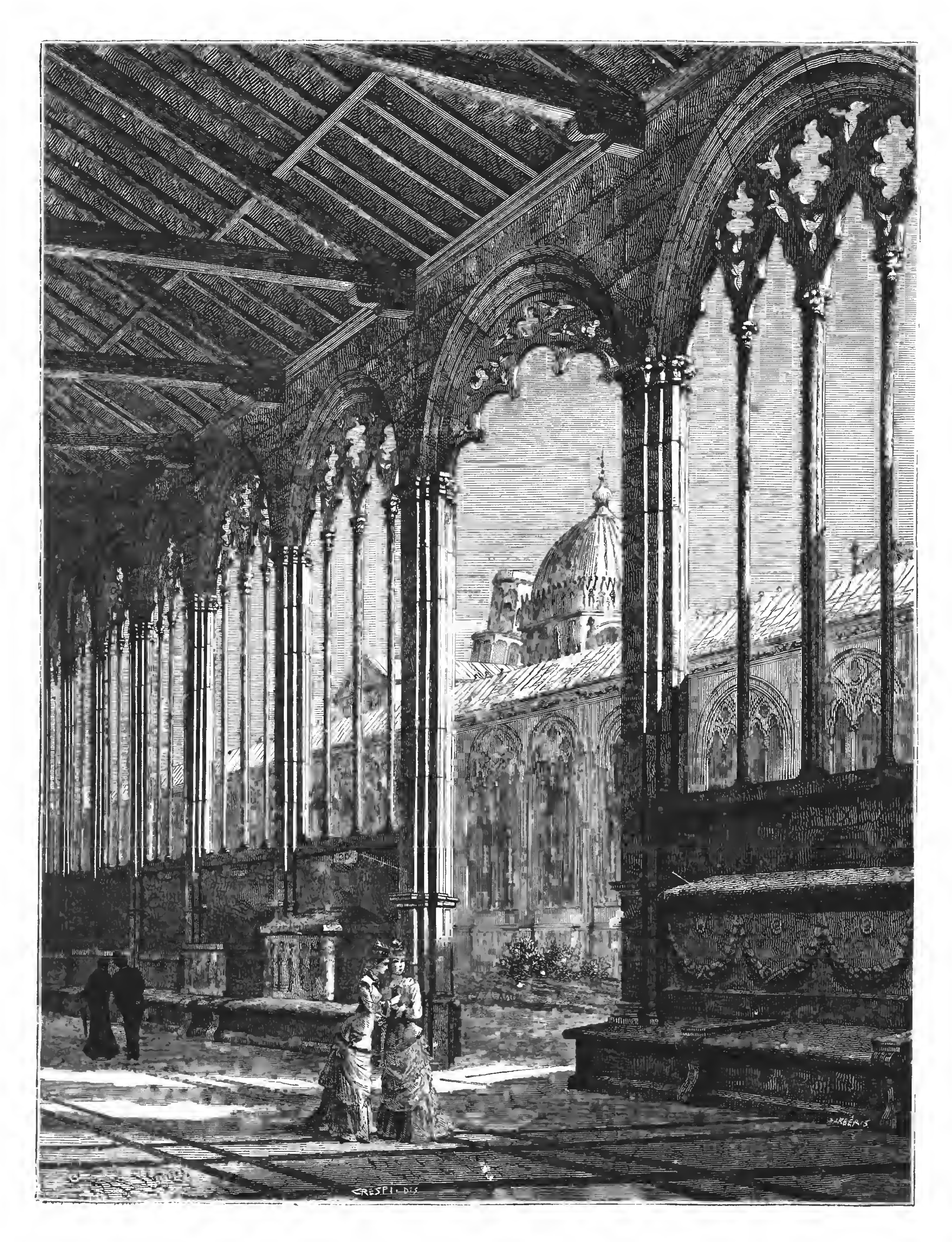
(Рисунки Зичи).

Шотландцы искони были страстными и неустрашимыми охотниками и занятіе охотой какъ нельзя болѣе согласовалось съ ихъ образомъ жизни, полнымъ безпрерывныхъ тревогъ и опасностей. Вспомнимъ, что Шотландія стараго времени, столь поэтически обрисованная въ романахъ Вальтеръ-Скотта, была совсѣмъ не той тихой, покорной, даже, можно сказать, пустынной страной, какою она представляется нынѣ для заѣзжаго туриста. Въ давнія времена это была страна, обладавшая многочисленнымъ, сильнымъ, воинственнымъ населеніемъ, раздѣлявшимся на жителей горъ и долинъ, которые были постоянно враждебны другъ другу. При такихъ недружелюбныхъ отношеніяхъ шотландскихъ обществъ или клановъ одного къ другому, конечно, и охота принимала часто характеръ грабежа и насилія и охотники преслѣдуя какого нибудь звѣря, часто переходили рубежъ чужой земли и начинали на ней самовольно хозяйничать. Такія злоупотребленія обычаями охоты и кромѣ того ея повсемѣстное и сильное распространеніе заставило уже очень рано подумать о начертаніи строгихъ законовъ въ этомъ отношеніи. Такъ по охотничьимъ законамъ древняго Валлиса, каждый собственникъ той мѣстности, гдѣ былъ убитъ какой-либо звѣрь, вознаграждался или законною частью добычи, или денежной суммой. При охотѣ же на оленя, которая производилась обыкновенно не отдѣльными лицами, а цѣлыми обществами, законъ повелѣвалъ, чтобы каждый участникъ охоты вознаграждался по мѣрѣ его въ ней участія, но его доблести какъ охотника. Весьма понятно, что подобные охотничьи дѣлежи не всегда кончались миромъ и часто давали случай шотландскимъ законникамъ приводить разныя ученыя цитаты и расточать самыя тонкія и хитроумныя юридическія толкованія, чтобы безобидно раздѣлить мясо и шкуру какого либо убитаго животнаго. Обиліе дикихъ звѣрей и дичи было въ то время въ Шотландіи, какъ говорятъ, необычайно, а потому обиженный въ дѣлежѣ не долго оставался въ накладѣ. Кромѣ другихъ звѣрей, въ большомъ количествѣ водились бобры, волки и медвѣди; такъ въ 1057 году, нѣкто Гордонъ, за свои подвиги въ медвѣжьей охотѣ былъ награжденъ почетнымъ гербомъ съ изображеніемъ трехъ медвѣдей. Какъ медвѣди, такъ бобры и волки нынѣ перевелись окончательно и изъ крупныхъ звѣрей здѣсь еще въ изобиліи попадаются красивые горные олени и лани.

За ними болѣе всего и охотятся. Среди самыхъ отдаленныхъ скалъ настроено теперь множество охотничьихъ красивыхъ павильоновъ, съ тою цѣлью, чтобы отдавать ихъ пріѣзжимъ за довольно высокую цѣну, съ правомъ охотиться въ окрестной мѣстности во все время охотничьяго сезона. Здѣсь для этой цѣли отдѣляются особыя лѣсныя пространства, на которыхъ уже не допускается никакая пастьба скота и которыя постепенно заселяются дикими оленями, козами, зайцами и разнаго рода птицей. Этимъ путемъ шотландскіе землевладѣльцы доставляютъ себѣ громадные барыши. Лишь только настанетъ такъ называемый охотничій сезонъ, т. е. осень, какъ всѣ эти вершины горъ Сѣверной Шотландіи, всегда пустынныя и печальныя въ другое время года, начинаютъ пестрѣть пріѣзжими охотниками, одѣтыми большею частью въ живописный шотландскій костюмъ, который, нужно сказать мимоходомъ, все болѣе и болѣе выходитъ здѣсь изъ общественнаго употребленія. Только богатая шотландская аристократія еще облекаетъ въ эту національную одежду своихъ дѣтей и прислугу; народъ же давно уже не носитъ этого національнаго костюма во всей его традиціонной цѣлости и неприкосновенности.

Пріѣзжіе англичане стараются скрыть свою настоящую національность, не пользующуюся у шотландцевъ особенной симпатіей. Да и можетъ ли быть иначе, когда англійское правительство старалось всѣми силами довести до минимума коренное населеніе горъ, употребляя для этой цѣли всѣ зависящія отъ него и часто даже насильственныя мѣры. Уничтоженіе клановъ, имѣвшихъ основаніемъ взаимную помощь и поддержку ихъ членовъ, повело за собою то, что большинство бѣднаго класса народа попало въ руки часто жестокихъ и алчныхъ эксплоататоровъ-собственниковъ, которые рады были выселить изъ своихъ владѣній непокорныхъ горцевъ и замѣстить ихъ тихими стадами черномордыхъ овецъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ лучшіе люди кореннаго населенія, попавшіе въ тиски эксплоататоровъ, поспѣшили выселиться и избрали пунктомъ эмиграціи преимущественно Америку. На родной почвѣ осталось лишь самое небольшое число туземцевъ, которые влачатъ довольно жалкое существованіе и ведутъ жизнь близкую къ нищетѣ. Такимъ образомъ потомки Робъ-Роя и другихъ легендарныхъ героевъ Шотландіи представляютъ теперь собою бѣдное, загнанное, вымирающее племя, едва удерживающее въ памяти свой древній языкъ и свои древніе обычаи и преданія. Только на шотландскихъ островахъ, среди обнаженныхъ горъ, на крутыхъ склонахъ и въ глубокихъ долинахъ

Плоская Стреноза и ея превращенія.
А) Совершенное насѣкомое; В) Превращеніе изъ куколки; С) Личинки; D) Куколка.
Рис. Менель, грав. Е. Бопре.

Галлерея вѣчнаго успокоенія въ Пизѣ, въ Италіи (Campo Santo). Рис. Креспи, грав. Дарберсъ.

еще встрѣчаются типы, напоминающіе собою шотландцевъ стараго времени по ихъ энергіи и неустрашимости. Особенно эти качества проявляются у нихъ при ловлѣ встрѣчающихся здѣсь въ изобиліи морскихъ птицъ, которыхъ они преслѣдуютъ даже въ ихъ гнѣздахъ, обыкновенно скрытыхъ въ недоступныхъ разщелинахъ скалъ, висящихъ надъ глубокими пропастями или надъ бездною океана.

Прилагаемые нами рисунки изъ жизни шотландскаго охотника представляютъ охоту на оленя. На первомъ изъ рисунковъ представленъ охотникъ, одѣтый въ живописный національный шотландскій нарядъ. Онъ пристально смотритъ вдаль чрезъ рядъ обнаженныхъ, каменистыхъ холмовъ, и махая пледомъ, зоветъ своего сотоварища по охотѣ, чтобы тотъ помогъ ему подобрать убитаго звѣря, распростертаго у ногъ его. Вторая картинка представляетъ моментъ, когда оба охотника волочатъ звѣря со скалы на скалу, перебираясь сами съ камня на камень и перепрыгивая пропасти.

Оба рисунка исполнены г. Зичи во время его пребыванія въ Шотландіи. Шотландію онъ посѣтилъ неожиданно. Случилось такъ: принцъ Уэльскій, посѣтивъ Петербургъ, любовался работами г. Зичи, и познакомившись лично съ нимъ, пригласилъ его пріѣхать въ Англію. Художникъ принялъ, конечно, это предложеніе и сопутствуя принцу, вынесъ изъ путешествія съ нимъ дорогія для себя воспоминанія. По разсказамъ Зичи, по пріѣздѣ его въ Англію все королевское семейство приняло его необыкновенно тепло и радушно, но особенно онъ былъ обласканъ принцемъ Уэльскимъ. Часто они охотились вдвоемъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, сопровождаемые лишь однимъ служителемъ. Это художественное путешествіе по Шотландіи конечно, не прошло безслѣдно для Зичи и ознаменовалось многими прелестными произведеніями его карандаша и кисти. Главная же заслуга въ ихъ возникновеніи, конечно, принадлежитъ принцу Уэльскому, который въ этихъ интимныхъ отношеніяхъ къ скромному художнику, является намъ въ яркомъ свѣтѣ высоко гуманной и симпатичной личности.

А. Н—ской.

Къ рисункамъ.

Плоская стрекоза и ея превращенія.

(Libellula depressa).

Рисунокъ, приложенный здѣсь, представляетъ стрекозу и ея превращенія. Насѣкомое это, будучи рожденнымъ въ одной формѣ, умираетъ въ совершенно другой. Превращенія, которымъ оно подвергается, составляютъ необходимый актъ его существованія, при этомъ измѣняется самое строеніе животнаго организма и его отправленія (функціи).

Стрекоза, наряжаясь, такъ сказать, въ свой послѣдній уборъ, принимаетъ съ нимъ вмѣстѣ и другіе нравы. Въ этомъ именно послѣднемъ своемъ превращеніи она болѣе знакома намъ, нежели въ состояніи тѣхъ превращеній, которыя ей по законамъ природы приходится переживать прежде чѣмъ получить свой окончательный видъ.

Приводимъ здѣсь свѣдѣнія о жизни этого насѣкомаго въ его превращеніяхъ.

Первое время жизни это насѣкомое проводитъ подъ водою, находясь въ состояніи личинки. Большею частію мѣсто его пребыванія—тѣнистое дно рѣки или пруда. Чрезъ извѣстный, опредѣленный природою, періодъ времени, личинка будущей стрекозы переходитъ въ куколку (нимфу) и выбирается изъ воды на ея поверхность. Прицѣпившись къ какому нибудь растенію, она долгое время остается въ такомъ положеніи, повиснувъ головкою внизъ. Количество этого времени строго опредѣлить нельзя, можно только сказать, что начавшись съ перехода личинки стрекозы въ куколку, оно продолжается до той поры, когда въ этой куколкѣ окончательно сформируется будущая стрекоза. Съ наступленіемъ этого времени сформировавшееся насѣкомое сбрасываетъ съ себя оболочку и является въ настоящемъ своемъ видѣ, окрыленное, способное къ размноженію и обладающее всѣми качествами, дарованными ему природою. Такимъ образомъ совершается чудесное превращеніе личинки въ куколку, а куколки въ стрекозу. Сообразно съ этими превращеніями измѣняются и потребности насѣкомаго. Оставаясь сначала въ водѣ, и только въ ней, среди тины и ила находя возможность существованія, теперь, при переходѣ въ совершенное насѣкомое, оно не можетъ жить при прежнихъ условіяхъ: оно ищетъ свѣта и чистаго воздуха.

Отличаясь въ этомъ послѣднемъ своемъ состояніи необыкновенною живостью, ловко ускользая отъ всѣхъ опасностей, являющихся ей съ разныхъ сторонъ, стрекоза блистаетъ окраскою своего тѣльца и сверкаетъ на солнцѣ крылышками, отливающимися цвѣтами радуги. Стрекоза за свою красоту и грацію, а всего болѣе за свой нарядный костюмъ и непосѣдство, заслужила отъ французовъ названіе барышни, demoiselle.

Нужно замѣтить, что всѣ вообще стрекозы (между ними не мало разнообразія) размножаются яичками. Онѣ кладутъ свои яички на водныя растенія, изъ яичекъ выходятъ личинки, а сами стрекозы, положивъ яички, умираютъ. Личинки, какъ сказано выше, живутъ въ водѣ и зимою подо льдомъ не замерзая. Онѣ чрезвычайно хищны, заѣдаютъ даже молодыхъ рыбокъ. Какъ только личинки завидятъ жертву—выставляютъ свое особенное орудіе для схватыванія; это орудіе съ крючечками на концѣ, въ родѣ щипцовъ, въ одно время служитъ имъ и губой, и рукою. Схвативъ добычу, личинка проводитъ ее въ ротъ, а затѣмъ вбираетъ свое орудіе назадъ. Обыкновенно медленно двигаясь, личинка незамѣтно подкрадывается, какъ кошка, къ своей жертвѣ. У куколокъ являются уже зачатки крылышекъ; при висѣніи ея на солнцѣ, кожа куколки скоро высыхаетъ, лопается на спинкѣ, откуда и выползаетъ настоящая стрекоза. Первыя мгновенія крылья и ноги стрекозы еще сложены и совсѣмъ мягки, но чрезъ нѣсколько времени онѣ крѣпнутъ и стрекоза начинаетъ новую свою шумливую и непосѣдливую жизнь. Стрекозы отлично летаютъ и могутъ подниматься высоко и летать долго, не отдыхая. Очень часто взлетитъ стрекоза, остановится въ воздухѣ и потомъ вдругъ кинется въ сторону за какой нибудь добычей. Если стрекозу не легко поймать, за то отъ нея трудно увернуться какой-нибудь мухѣ или бабочкѣ.

Стрекозы рѣдко ходятъ по землѣ. Лапки имъ служатъ затѣмъ, чтобъ цѣпляться за стебельки травы и вѣтви деревьевъ, куда они садятся отдыхать.

Кровь у стрекозы бѣлая, дышетъ она отверстіями, дыхальцами, находящимися по сторонамъ брюшка, а не ртомъ.

Плоская стрекоза самое обыкновенное насѣкомое во всей Европѣ. Самецъ этого вида бураго цвѣта съ синимъ брюшкомъ; самка желтовато-оливковаго съ желтыми каемками по бокамъ. Туловище у обоихъ широкое и сплюснутое.

Галлерея вѣчнаго успокоенія въ Пизѣ.

(Campo Santo).

Пиза до объединенія Италіи была главнымъ городомъ области того же имени, въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ. Городъ расположенъ при впаденіи рѣки Арно въ Средиземное морѣ. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ городовъ Италіи (это было въ цвѣтущій періодъ самой Италіи) и имѣлъ тогда болѣе 150,000 жителей. То было счастливое для Пизы время, когда она по торговлѣ соперничала съ Генуей и Венеціей. По впослѣдствіи цвѣтущій городъ этотъ пришелъ въ такой упадокъ, что въ немъ считалось не болѣе 18,000 жителей (теперь гораздо меньше) и обширныя улицы ея сдѣлались пустынными.

Какъ городъ древній, Пиза имѣла всѣ принадлежности древняго строенія городовъ, т. е. крѣпкія окружавшія городъ стѣны, остатки которыхъ сохранились отчасти и до сихъ поръ. Затѣмъ въ Пизѣ былъ укрѣпленный замокъ, цитадель, фортъ. Мощные рвы и насыпи отъ этихъ укрѣпленій въ настоящее время уже уничтожены и обращены въ сады и бульвары для прогулокъ. Даже плитникъ, образовывавшій въ древности великолѣпную мостовую города, теперь покрывается въ весеннюю пору роскошною растительностью, какую обыкновенно произращаютъ известь и мергель.

Всѣ главныя площади и дворцы Пизы отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и украшены статуями. Но великолѣпнѣе всего въ Пизѣ соборъ, построенный въ XI вѣкѣ греческими зодчими. Средняя часть (или корабль) этого собора поддерживается 70 мраморными колоннами. Вблизи этого собора находится такъ называемая *„падающая“* башня (т. е. ось которой, относительно основанія, приняла *косое* направленіе и башня дѣйствительно будто падаетъ, такъ что непривычному глазу страшно смотрѣть на нее). Она вышиною въ 168 футовъ или 24 нашихъ сажени. На прилагаемомъ нами снимкѣ читатель замѣтитъ въ перспективѣ, сквозь колонны галлереи, какъ купола самого собора, такъ и падающую башню. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой башнѣ. Она сооружена въ 1174 году нѣмецкимъ зодчимъ *Вильгельмомъ* и, разумѣется, сооружена прямою; но спустя нѣсколько времени наклонилась на 13 футовъ (около двухъ саженъ) по направленію къ морю. Тогда же думали, что башня рушится: ничуть не бывало—она стоитъ и до сихъ поръ, составляя предметъ изумленія для всѣхъ путешественниковъ. Изъ другихъ достопримѣчательностей Пизы выдаются. Campo Santo (галлерея вѣчнаго успокоенія), представленная на прилагаемомъ рисункѣ; *Башня голода*, въ которой, по преданію, погибъ въ 1288 году Уголино съ сыновьями—не сохранилась, но мѣсто, гдѣ она стояла, указываютъ. Далѣе въ Пизѣ находится огромный госпиталь, воспитательный домъ, грандіозные водопроводы (остатокъ римской древности). Университетъ Пизанскій, вмѣстѣ съ его 4 коллегіями, основанный въ началѣ XIV вѣка (1309), содержитъ библіотеку въ 60,000 томовъ и собраніе древнихъ манускриптовъ. Затѣмъ есть еще въ Пизѣ такъ называемая архіепископская семинарія и Academia Italiana. Вблизи города, на горѣ Джуліано, находятся знаменитые пизанскіе горячіе ключи.

Изъ послѣдней исторіи Пизы мы знаемъ, что здѣсь было созываемо много соборовъ западной церкви, при папахъ: Иннокентіи II (XII в.), Григоріи XII (XV в.), Бенедиктѣ XIII и Александрѣ V. Въ Пизѣ же родился и великій астрономъ Галилей.

Campo Santo, или галлерея вѣчнаго успокоенія, изображеніе которой видитъ читатель на прилагаемомъ рисункѣ,—есть, по общему признанію, лучшее кладбище во всемъ христіанскомъ мірѣ. Построено это кладбище зодчимъ Джіовани Пизанскимъ, въ 1278 году, подъ наблюденіемъ другого знатока построекъ, Орландо Сардении, при пизанскомъ подестѣ Доменико Тарнато.

Кладбище представляетъ галлерею, построенную въ смѣшанномъ стилѣ тосканско-готической и мавританской архитектуръ. Не смотря на такое смѣшеніе, изящество и красота постройки поразительны. Внутри галлереи постоянная роскошная зелень и благоуханіе. Особенно прекрасное, восхищающее зрѣлище открывается тогда, когда знойное итальянское солнце освѣщаетъ разноцвѣтныя колонны...

Набожною ревностью средневѣковыхъ пилигримовъ, странствовавшихъ ко гробу Господню, сюда принесена изъ Палестины Святая Земля (terra Santa), по которой ходилъ Христосъ, чтобы ею освящались тѣла погребенныхъ здѣсь умершихъ. Вотъ почему каждый пизанецъ такъ дорожитъ преимуществомъ быть погребеннымъ на этомъ кладбищѣ.

Офелія. (Изъ трагедіи Шекспира „Гамлетъ“).

Въ безсмертныхъ произведеніяхъ великаго англійскаго драматурга Шекспира, среди множества лицъ, оживотворенныхъ его геніемъ, есть четыре женскіе типа, родственныя одно другому по ихъ высокимъ душевнымъ качествамъ. Эти четыре представительницы душевной красоты—Дездемона (въ „Отелло“), Корделія (въ „Королѣ Лирѣ“), Юлія (въ „Ромео“) и Офелія (въ „Гамлетѣ“).

Въ прошедшемъ году мы познакомили нашихъ читателей съ одной изъ этихъ четырехъ представительницъ красоты души, именно съ Дездемоной (см. „Ниву“ 1877 г., № 22, стр. 353). Теперь предъ нами портретъ Офеліи, воспроизведенный художникомъ изъ тѣхъ живыхъ очертаній, въ которыхъ она является въ трагедіи Шекспира.

Офелія прекрасна и чиста:
„Ея качества, коль можно восхвалять
То, что уже не существуетъ—превышали
Все, что представить можетъ юность и невинность...“

Такъ говоритъ о ней братъ ея Лаэртъ.

Въ трагедіи Шекспира „Гамлетъ“ Офелія поставлена по отношенію къ лицамъ піесы въ слѣдующія условія:

Ея отецъ, приближенный къ государю сановникъ. Государь этотъ—дядя принца Гамлета. Отецъ Гамлета былъ убитъ этимъ дядею, который, будучи въ сообществѣ по убійству съ матерью Гамлета, потомъ женился на ней.

Офелія любитъ отца и брата, но сердце ея отдано Гамлету, и когда Гамлетъ убиваетъ ея отца, принявъ его случайно за дядю—похитителя престола,—Офелія не переноситъ этого ужаснаго событія, ея нѣжный организмъ потрясается и она сходитъ съ ума.

Это сумасшествіе было потомъ причиною несчастной смерти Офеліи, о которой такъ передаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи:

„Въ сосѣдствѣ есть ручей,
На берегу его раскинулася ива
И синеватой зеленью своею
Какъ будто смотрится въ кристальную волну.
Она пошла туда, съ гирляндою крапивы,
Рононнкуловъ, махровыхъ маргаритокъ...
Въ то самое мгновенье, какъ она
Стараясь свой вѣнокъ повѣсить на вѣтвяхъ,
Та вѣтвь, на коей помѣстилась
Несчастная,—нежданно обломилась,
И вмѣстѣ со своимъ цвѣтущимъ грузомъ
Офелія упала въ воду. Платье
Ее сначала на водѣ держало
Какъ будто бы сирену, и она
Все продолжала пѣть отрывки старыхъ пѣсенъ,
Какъ будто не подозрѣвая той бѣды,
Которая ей смертью угрожала“...

Трагедія „Гамлетъ“ самая извѣстная изъ всѣхъ произведеній великаго писателя. Предметомъ нашей статьи служитъ въ данномъ случаѣ только одна Офелія—эта представительница душевной красоты во всей ея привлекательности. Художникъ, изобразившій ея портретъ, помѣщаемый на приложенномъ здѣсь рисункѣ, имѣлъ конечно, главнымъ образомъ въ виду тѣ душевныя качества, которыми такъ богато надѣлена Офелія. На сколько эти качества отражаются въ чертахъ живого лица, на прилагаемомъ рисункѣ—было-бы излишне объяснять. Это ясно само по себѣ.

Поиски золота въ Калифорніи.

Въ составъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ входитъ знаменитый своими золотыми розсыпями штатъ Калифорнія, образовавшійся изъ полуострова этого же имени и отчасти изъ земель присоединенныхъ къ нему отъ Мексики. Калифорнія дѣлится на верхнюю и нижнюю. Верхняя Калифорнія—одна изъ живописныхъ странъ въ мірѣ; почва ея отличается плодородіемъ, рѣки орошаютъ ее своими водами; самыя плодородныя мѣста—долины рѣкъ Сакраменто и Санъ Хуано.

Санъ Франциско—главный городъ Калифорніи при заливѣ одного съ нимъ имени, въ трехъ верстахъ отъ океана, прекрасный и самый значительный въ настоящее время портъ.

Въ 1848 году городъ этотъ былъ незначительною деревушкой, а теперь въ немъ болѣе двухъ сотъ тысячъ жителей и разростается онъ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ; онъ точно громадный пчелиный улей, въ которомъ слышится безпрерывное жужжанье. Американское законодательство, какъ извѣстно, отличается необыкновенною свободою по отношенію не только къ правамъ каждаго отдѣльнаго лица но вообще къ правамъ промышленности и торговли. Слѣдствіемъ этой широкой свободы и необыкновенной при томъ жадности къ пріобрѣтенію богатствъ здѣсь зачастую встрѣчаются лица, ведущія одновременно нѣсколько разнородныхъ дѣлъ, неимѣющихъ, казалось бы, между собой ничего общаго. Такъ, напримѣръ, издатель газеты часто въ то же время и биржевой маклеръ, содержатель пансіона въ тоже время и купецъ и т. п.

Населеніе умножается переселенцами, прибывающими изъ всѣхъ частей свѣта, и жизнь здѣсь кипитъ ключемъ. Улицы Санъ Франциско хотя и не бросаются въ глаза внѣшностью построекъ, но чрезвычайно оживленныя, веселыя, какъ и всѣ большие и малые американскіе города. Игорные дома расплодились въ Филадельфіи во множествѣ и такъ и тянутъ къ себѣ искателей золота и сильныхъ ощущеній. Сандвичане, мулаты, китайцы, авантюристы всѣхъ странъ толкутся и тѣснятся вокругъ игорныхъ столовъ, унося золото или же въ одну ночь оставляя тутъ всѣ плоды своихъ долгихъ сбереженій и трудовъ. Добавимъ, что въ Калифорнію пріѣзжаютъ славяне въ достаточномъ числѣ и между ними не мало русскихъ подданныхъ, случается нерѣдко и то, что нѣкоторые изъ нихъ, разочарованные, бываютъ вынуждены изыскивать себѣ возможность воротиться на родину, посредствомъ вспомоществованій добрыхъ людей.

Вся эта шумная, многотревожная жизнь, падкая до скораго обогащенія, не разбирая даже какими средствами оно можетъ быть достигнуто, началась въ Калифорніи именно со времени открытія въ ней золотоносныхъ розсыпей. Это открытіе, въ особенности въ первые годы горячей погони за золотомъ, имѣло громадное вліяніе на характеръ мѣстной жизни. Всѣ бросились за поисками золота: землю обработывать перестали, всякія отрасли хозяйственной промышленности упали и было вездѣ и во всемъ одно стремленіе—копать золото. Тотъ, кто успѣлъ во время отъ этого отрезвиться, шелъ въ этотъ періодъ упадка сельской промышленности къ вѣрному хотя и медленному обогащенію: всякая малѣйшая сельско-хозяйственная промышленность давала ему вѣрные доходы, такъ, напримѣръ, за курицу платили по пяти, шести рублей на наши деньги, за булку, стоющую обыкновенно три копѣйки, сорокъ копѣекъ и т. д. Всѣ спѣшили къ золоту и второпяхъ забывали, что съ нимъ можно умерсть съ голоду, когда нѣтъ хлѣба. Въ первое время когда золото было еще не такъ исчерпано, жители Калифорніи бросали обработку полей ради пріисковъ; ремесленники оставляли свои мастерскія, купцы свои лавки. Матросы бѣжали съ кораблей, какъ скоро выходили на берегъ, и многія суда вслѣдствіе этого, по недостатку рукъ, не могли выходить въ море.

Сандвичевы острова, Таити, весь архипелагъ Таити и Фиджи теряютъ за золото свое населеніе. Всѣ эти разнородные элементы сливаются въ массу работниковъ и идутъ на пріиски. Только наступленіе холодовъ гонитъ ихъ въ городъ, искать крова отъ непогоды. Въ какой степени были справедливы чудесныя описанія богатствъ въ Калифорніи, точно ли драгоцѣнный металлъ находился въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ объ этомъ ходили слухи, что будто-бы только стоило нагнуться что бы наполнить шляпу золотомъ,—неизвѣстно, но неподлежитъ сомнѣнію, что почва была богато насыщена золотомъ, и розсыпи быстро обогатили многихъ, раззоривъ въ тоже время на поискахъ другихъ.

Золото въ Калифорніи открыто не далѣе какъ въ 1840 годахъ и именно въ долинѣ вышеупомянутой рѣки Сакраменто. Открытіе это произошло, какъ почти всегда бываетъ, совершенно случайно. О немъ сообщаютъ слѣдующее: Нѣкто г. Суттеръ, бывшій офицеръ во французско-швейцарской гвардіи, переселился изъ Европы въ Калифорнію и занялся тамъ постройкой пильнаго завода. Нужно замѣтить, что Калифорнія богата превосходнымъ строевымъ лѣсомъ. Когда заводъ былъ готовъ и надобно было пустить воду на колеса, оказалось, что сдѣланный каналъ узокъ и вода не могла течь съ достаточной скоростью, тогда Маршаль, помощникъ г. Скуттера, пропустилъ въ каналъ сильный потокъ воды, увлекшій значительную массу земли и хряща. Оказавшіеся въ пескѣ блестки обратили вниманіе г.

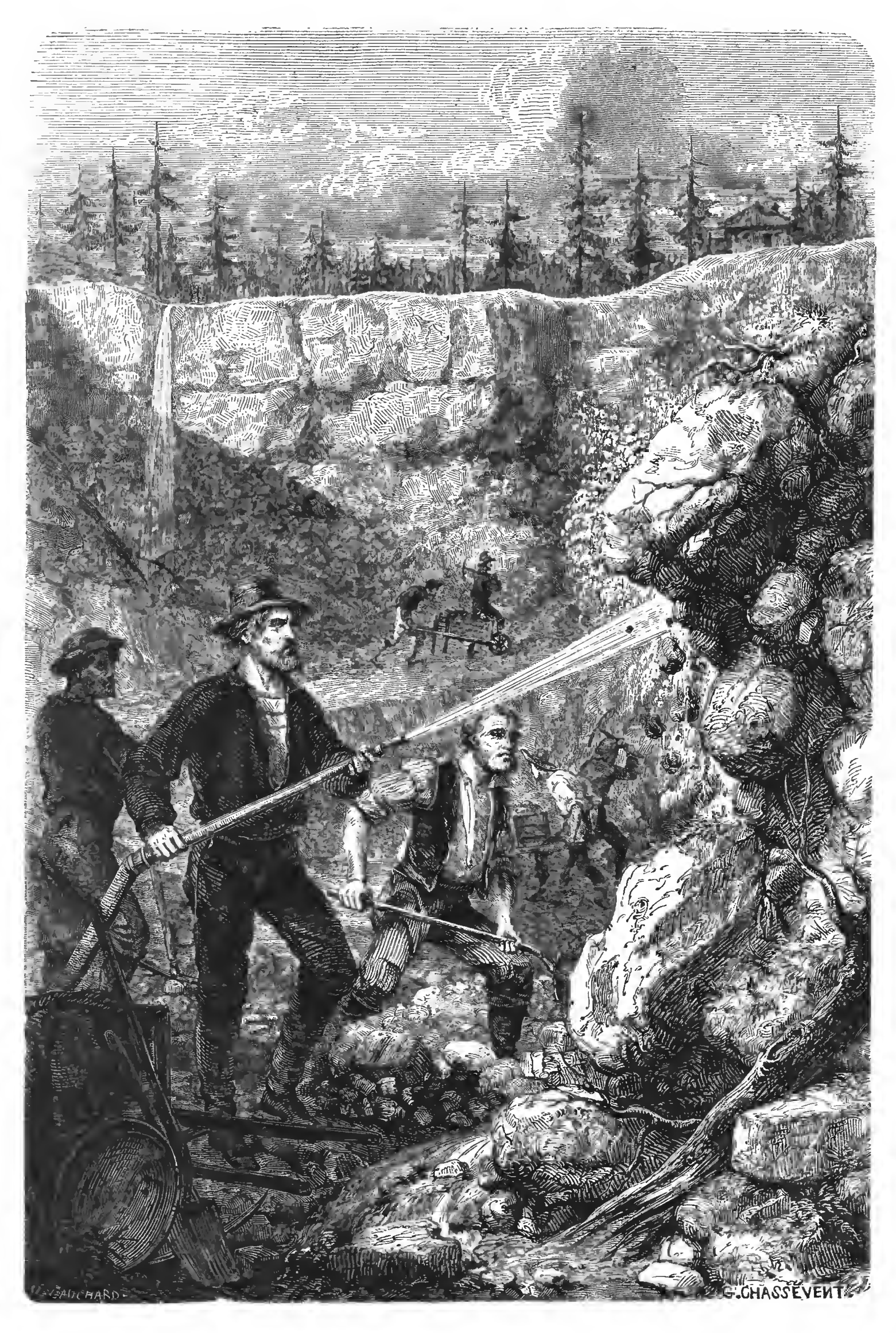
Офелія.

(Изъ трагедіи Шекспира „Гамлетъ").

„Ея качества, коль можно восхвалять
То, что уже не существуетъ, превышали
Всé, что представить можетъ юность и невинность...

(Трагедія Шекспира „Гамлетъ").

Съ рисунка А. Д., грав. Клинкоръ.

Поиски золота въ Калифорніи. Рис. Шасванъ, грав. Гошаръ.

Маршаля, онъ поднялъ одинъ изъ блестящихъ камешковъ и къ изумленію своему открылъ въ немъ золото. Онъ подумалъ что его находка дѣло случая, и что быть можетъ индѣйцы въ древности прятали здѣсь свои сокровища, но порывшись въ землѣ, онъ увидѣлъ, что вся она была золотоносною. Объявивъ объ открытіи Суттеру—оба они рѣшили не говорить никому объ этомъ до нѣкотораго времени, однакожъ золото не могло оставаться при раскопкахъ въ тайнѣ и рабочіе на другое же утро копались въ землѣ, разъискивая богатство. Черезъ 3 мѣсяца послѣ открытія рудника уже 4000 человѣкъ были заняты добываніемъ золота. Несмотря на обиліе, добываніе его однакожъ стоитъ большаго и тяжелаго труда. Работы въ долинахъ, куда ежегодно стекаютъ воды Сакраменто, оставляя послѣ спада тину, включающую въ себѣ золото, производятся такъ называемымъ vet diggings (на сырой почвѣ) машиной, извѣстной подъ именемъ люльки (грохота). Для промывки золота посредствомъ ея употребляется 4 работника: одинъ копаетъ землю, близь рѣки, другой несетъ ее на машину, третій вертитъ машину, четвертый льетъ воду. Сѣтка не пропускаетъ большихъ камней, вода уноситъ землю, золото и крупный песокъ осаждаются на рѣшеткѣ. Руду сушатъ на солнцѣ и, выдувая, отдѣляютъ золото отъ песку.

На сухой почвѣ въ dry diggings, работа производится посредствомъ лома или заостреннаго желѣзнаго шеста, которымъ пробиваютъ гранитный слой, снявъ предварительно покрывающую его землю. Работы этимъ путемъ, хотя и крайнѣ тяжелымъ, превосходятъ результаты работъ въ долинѣ Сакраменто. Есть нѣсколько другихъ способовъ для добыванія золота, напр: отводятъ ручьи отъ ихъ естественнаго русла и потомъ пользуются тиной, осѣвшей на днѣ теченія. Бѣдные индѣйцы съ своими плетеными корзинами копаютъ землю и крупный песокъ руками и выбираютъ потомъ попавшія золотыя крупинки.

Понятно, какое разнообразіе типовъ встрѣчается среди этой жизни, гдѣ все сосредоточивается только на одномъ словѣ „деньги": тутъ и простодушные любители золота „для золота", и ловкіе эксплуататоры чужого труда и кармана, и ненаказанные убійцы. Съ жизнію такихъ искателей золота всего ближе можно познакомиться изъ разсказовъ американскаго писателя Бретъ-Гарта, о трудахъ котораго „Нива" уже имѣла случай упоминать на своихъ страницахъ (см. „Ниву" 1874 г. № 15, стр. 238, и 1877 г. № 13, стр. 201).

Какъ въ прежніе годы учились грамотѣ.

До Петра Великаго у насъ, какъ извѣстно, не было гражданской азбуки, учились по славянскому букварю. Со времени же Петра такая азбука явилась и, для облегченія изученія буквъ, стали постепенно появляться и буквари съ картинками. Но масса народа, вмѣстѣ съ духовенствомъ нашимъ, все таки училась, и теперь еще учится, по букварямъ славянскимъ. Причинъ этому много, и главная изъ нихъ та—что главнѣйшими и преимущественными учителями крестьянскихъ дѣтей у насъ состоитъ сельское духовенство. Да и сами крестьяне охотнѣе учатъ дѣтей грамотѣ именно по тѣмъ буквамъ, которыми напечатаны священныя и богослужебныя книги.

Въ доброе старое время по славянскимъ букварямъ учились съ классическими „указками". Деревянную указку дѣлали съ выемкой, въ которую начинающій учиться упиралъ свой большой палецъ. Конецъ указки всегда заострялся. Привиллегіи учителей съ указками даже въ нынѣшнемъ столѣтіи у насъ сохраняли деревенскіе дьячки, пономари, дьяконы, часто содержавшіе въ своихъ тѣсныхъ и курныхъ избахъ школы человѣкъ въ 8—10 крестьянскихъ мальчиковъ, приносившихъ съ собою харчи въ мѣшкахъ, напримѣръ, сушеные грибы, крупу, сушеную судачину, говядину, соль. Варево изъ этихъ продуктовъ приготовлялось въ домѣ самого учителя. Ежели же въ дворянскомъ помѣщичьемъ домѣ вздумали бы учить ребенка грамотѣ, по славянскому букварю, то приглашали сельскаго пономаря, и платили ему за труды натурой или деньгами. Это именно и есть та пресловутая *„благостыня"*, о которой упоминаетъ Кутейкинъ въ комедіи фонъ-Визина, „Недоросль".

Система обученія, конечно, была рутинна, каковою она и осталась въ рукахъ старыхъ дьячковъ до сихъ поръ. Обученье шло сначала по *складамъ*, затѣмъ *по верхамъ*, т. е. съ произношеніемъ безъ складовъ и подъ титлами—въ родѣ: *Буки—Богъ, божество, Богородица...* Каждое утро учащихся заставляли читать *зады*, т. е. все пройденное за зиму, *зады* опытный учитель обязывалъ своихъ учениковъ читать даже лѣтомъ, во время работъ. Позабывшему зады приходилось плохо.

Но какъ ни бойко учащійся читалъ зады, указка всегда была его неразлучнымъ спутникомъ. Вручалась ученику эта указка (особенно если учащійся былъ изъ дворянъ) не безъ величавой торжественности. Учитель-пономарь, усаживая въ первый разъ мальчика за грамоту, принявъ осанистый видъ, говорилъ своему сподручному помощнику въ трудахъ.

— Даждь начинающему отроку указку въ руку, да осѣни его крестомъ; зѣло бо не смысленъ и не просвѣщенъ есть... Запрети же ему букварь муслявити...

Чтобы грамота была дѣйствительно прочна и чтобы заученное не забывалось, напримѣръ, лѣтомъ, когда „отрока" развлекаютъ и весело манящая гулять лѣтняя погода и игра въ бабки, и хожденье въ лѣсъ за грибами и ягодами—лучшей гарантіей всего этого считалось *долбленіе задовъ.*

Помню и я печальный случай изъ моего дѣтства. Совершилось и со мной горе не сказанное: я *забылъ зады...* И теперь помню трепетъ и слезы на глазахъ, съ которыми произносила это роковое и страшное слово любившая меня сестра: помню и теперь, какъ эту печальную вѣсть со слезами разсказывала она моей теткѣ-бобылькѣ, жившей въ особой кельѣ. Тетка сурово на меня посмотрѣла, глубоко вздохнула и повела меня въ свою убогую избенку. Здѣсь она раскрыла старинную псалтирь и пригласила меня прочитать надпись надъ первымъ псалмомъ Давида, на первой страницѣ. Надпись эта, какъ извѣстно, сдѣлана крупными красными буквами и гласитъ она: *„Давида пророка и царя пѣснь"*. Посмотрѣлъ я на красивую красную строку, ни одной буквы не произнесъ и только съ безмолвнымъ отчаяніемъ взглянулъ на старуху-тетку. По морщинистому лицу ея катились слезы...

— Что это ты надѣлалъ! произнесла она всхлипывая.

— Учить его надо снова!.. съ плачемъ говорила тутъ же стоявшая сестра моя... Неужели недѣли въ полторы не добьемся толку!..

— Надо спервоначалу Богу помолиться! рѣшила тетка. Онъ лѣнился въ церковь ходить—за то Богъ и отнялъ память. Такъ теперь коли Бога не умолишь, пожалуй учи—все равно толку не будетъ... Такъ-то!.. Надо Козьмѣ и Демьяну молебенъ отслужить...

Мнѣ сдѣлалось тяжко, и я не зналъ, какъ прошелъ этотъ день, сѣрый, пасмурный, сентябрскій день. На другой день, въ какой-то праздникъ, мы были уже въ церкви—всѣ трое, сестра, я и тетка, служили молебенъ Козьмѣ и Демьяну. Съ лютой тоской смотрѣлъ я на темныя, закоптѣлыя лики святыхъ безсребренниковъ, у которыхъ мы всѣ просили великой милости, просвѣтленія моей памяти, чтобы вспомнить зады... Тетушка моя стояла на колѣняхъ и то и дѣло клала земные поклоны... А сестра, лишь попъ отслужа молебенъ ушелъ въ алтарь, вооружилась всею смѣлостью и оторвала лоскуточекъ ветхой, полинялой ленточки, висѣвшей на мѣдныхъ вѣнкахъ святыхъ безсребренниковъ, которымъ мы молились...

— Тебѣ нужно это проглотить, вмѣстѣ съ святой водой! серьезно и съ какой-то боязнью произнесла она, — пряча въ мою руку оторванный кусочекъ ленты...

Я ничего не могъ сказать въ отвѣтъ бѣдному, любящему меня существу. Я только ясно видѣлъ, съ какой тоской и страстнымъ желаньемъ она хлопотала, чтобы я вспомнилъ роковые *зады*. Она всматривалась въ икону: не умилостивились ли лики святыхъ, шепталась съ теткой—не нужно ли поставить двѣ гривенныхъ свѣчи... Онѣ долго о чемъ-то шептались и рѣшили поставить эти свѣчи. Мѣдные пятаки, бережно вынутые изъ платочнаго узелка, зазвенѣли въ ящикѣ церковнаго старосты,—и двѣ гривенныя свѣчи были поставлены святымъ Божіимъ угодникамъ...

Учиться, ворочать назадъ убѣжавшіе отъ меня зады, стоило, однако, большого труда. Меня заключили въ келью моей тетки-бобылки и заставили зубрить съ осиновой указкой крупную красную строку на первой страницѣ: *„Давида пророка и царя пѣснь"*.

— Да не зѣвай по потолку-то... Учи, знай!.. Води указкой-то пстовѣе, да перескакивай черезъ буквы...

— *Да-ви-да-а... про-о-ро-ка и ц-а-а-ря пѣ-ѣ-снь*! Вотъ такъ и води, и читай...

И водилъ я, какъ помню теперь, указкой цѣлыхъ битыхъ двѣ недѣли, пока не научился разбирать слоги на любой страницѣ, и тогда уже могъ довольно сносно промолоть всѣ зады, т. е., все выученное въ азбукѣ и часословѣ.

Таково было обученіе грамотѣ въ старое время, хотя и не очень еще далеко отъ насъ ушедшее.

Рисунокъ, прилагаемый къ этой статейкѣ, есть копія съ одной изъ страницъ такой старинной азбуки, по которой учились грамотѣ наши дѣды. Страница эта заключаетъ въ себѣ изображеніе буквы *р* въ различныхъ видахъ. Рисунки, замѣтно, сдѣланы въ пособіе при запоминаніи этой буквы, и стихи, помѣщенные внизу страницы, имѣли, какъ замѣтно, ту же цѣль—облегчить запоминаніе буквы. Стихи, хотя и раздѣлены почему-то пробѣломъ по срединѣ, и представляются напечатанными какъ бы въ два столбца, но читать ихъ слѣдуетъ въ одинъ столбецъ, такъ:

Рцы писмено се и глаголъ рцы творитъ,
Рука щедрая добро всѣмъ говоритъ... и т. д.

Изображенныя съ боку страницы и нѣсколько буквъ иностранныхъ, помѣщенныхъ подъ славянскимъ *р*, указываютъ, что изданіе этой азбуки сдѣлано было гдѣ нибудь по сосѣдству, либо въ Польшѣ, либо въ Литвѣ.

С.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Миръ съ Турціей заключенъ въ знаменательный день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19-го февраля, въ 5 часовъ по полудни, въ Санъ-Стефано, гдѣ велись предварительные переговоры. „Господь сподобилъ намъ, Государь, —говорится въ телеграммѣ Его Высочества Главнокомандующаго,—окончить предпринятое Вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ, Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго“.

Заключеніе Россіею мира съ Турціею, какъ совершившійся фактъ, ставитъ и *Англію* и *Австрію*,—такъ усиленно звучавшихъ въ послѣднее время своимъ оружіемъ,—въ совершенно иныя отношенія къ дѣламъ Востока. Турція уже устранена отъ союза съ ними, и потому ни та, ни другая держава не вправѣ послать турокъ въ „огонь“ за свои „интересы“.

Основы подписаннаго Турціею мира оффиціально еще неизвѣстны, но уже есть опредѣленныя извѣстія объ имѣющемъ вскорѣ собраться Европейскомъ конгрессѣ (въ Берлинѣ), для окончательнаго выясненія какъ результатовъ нашей успѣшной войны съ Турціей и заключеннаго съ нею мира, такъ и отношеній къ этимъ результатамъ остальныхъ европейскихъ державъ.

Важнѣйшимъ актомъ предстоящаго европейскаго конгресса будетъ, конечно, замѣна Парижскаго договора 1856 г. новымъ трактатомъ, который будетъ созданъ на совершенно новыхъ основахъ совершившагося переустройства восточныхъ дѣлъ. Нельзя и предположить что-либо другое, такъ какъ парижскій трактатъ составляетъ слишкомъ уже вопіющій анахронизмъ, который пора сдать въ архивъ исторіи.

Послѣ подписанія какого либо мирнаго договора всегда остается еще существенно-важный актъ—ратификація его державною властью; послѣ ратификаціи дѣлаются уже извѣстными и самыя условія договора. Въ настоящемъ случаѣ ратификація нашего мира съ турками совершится въ Петербургѣ, куда вскорѣ пріѣдетъ бывшій нашъ посолъ въ Константинополѣ, графъ Игнатьевъ, въ сопровожденіи турецкаго посланца. Вотъ почему, пока не состоялась ратификація, мы не можемъ довѣрять частнымъ сообщеніямъ объ условіяхъ мира и проходимъ ихъ молчаніемъ.

Изъ Рима получено извѣстіе, что новый папа Левъ XIII оказывается непримиримымъ по отношенію къ итальянскому правительству и вообще не признаетъ никакихъ компромиссовъ съ государствомъ. Римъ, какъ центральное мѣсто итальянскаго правительства, является поэтому для новаго папы невыносимымъ и онъ уже ищетъ себѣ пункта, куда бы можно бѣжать изъ Рима. Австрія предлагаетъ папѣ убѣжище въ Тиролѣ. Предлагаются и другія убѣжища. Неизвѣстно, какое изъ нихъ выберетъ Левъ XIII, но представляется несомнѣннымъ, что Ватиканъ вскорѣ опустѣетъ и въ немъ сохранится только преданіе о когда-то бывшемъ въ стѣнахъ его пребываніи св. отца. Это прямое объявленіе, со стороны папы, войны современному государственному порядку Италіи, конечно, представляетъ огромный интересъ, такъ какъ вскорѣ слѣдуетъ ожидать завязки большой драмы—борьбы отжившихъ принциповъ папства съ идеями и требованіями современныхъ государствъ.

Въ Англійскомъ Парламентѣ (въ Палатѣ Общинъ) все еще продолжаетъ обсуждаться вопросъ о вооруженіи арміи и объ увеличеніи бюджета на эту армію. До сихъ поръ ораторы стараются оправдать въ глазахъ Европы (куда какъ это нужно!) увеличеніе бюджета на эту армію. Изъ парламентскихъ дискуссій выяснилось, что численность британской арміи простирается теперь до 110,000 человѣкъ, а въ подкрѣпленіе къ нимъ, въ случаѣ надобности, явится еще 400,000 вспомогательныхъ войскъ, въ военномъ отношеніи совершенно подготовленныхъ, и что затѣмъ вопросъ объ оборонѣ британскихъ гаваней дѣятельно обсуждается въ разныхъ учрежденіяхъ. Бюджетъ же британскаго флота увеличенъ на 85,000 фунт. стерлинговъ противъ прошлаго года. Англія, очевидно, твердо держится намѣренія явиться на европейскій конгрессъ, такъ сказать, съ оружіемъ въ рукахъ. Интересно будетъ видѣть, какой исходъ будетъ имѣть все это.

Но тогда какъ лордъ Биконсфильдъ и его братія продолжаютъ свою воинственность,— лучшая часть общественнаго мнѣнія въ Англіи и особенно лучшая часть его въ самой столицѣ Великобританіи, наравнѣ съ Гладстономъ, продолжаютъ съ глубокимъ сочувствіемъ относиться къ дѣлу освобожденія балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига. Такъ, недавно, „лига покровительства турецкимъ христіанамъ“ прислала Его Величеству Государю Императору адресъ со всепокорнѣйшею просьбою, довершить начатое Его Величествомъ *святое дѣло освобожденія распространеніемъ его на всѣхъ угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова*, не отвращаясь отъ этого великаго подвига трудностями предпріятія. Подъ адресомъ стоитъ до 400 подписей.

Греція не перестаетъ дѣлать свои вооруженія, находя настоящій моментъ войны съ пораженною уже Турціей самымъ удобнымъ. Число инсургентовъ-горцевъ въ провинціи, прилежащихъ Турціи, все болѣе и болѣе увеличивается. Недавно взялось за оружіе горное населеніе Олимпа. Существуетъ небезосновательное мнѣніе, что Британія, послѣ того какъ потерпитъ полное фіаско въ своихъ демонстраціяхъ,—будетъ поддерживать и подстрекать возставшихъ грековъ, чтобы противопоставить славянскому элементу на Балканскомъ полуостровѣ элементъ греческій и произвести рознь въ интересахъ двухъ группъ христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Таковъ ужь лозунгъ и политическая программа Британіи: „Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ можно закинуть удочку“. Британскіе пароходы то и дѣло подвозятъ инсургентамъ ружья и боевые припасы.

— По случаю обилія военныхъ извѣстій за прошлые мѣсяцы, мы не имѣли возможности слѣдить за выдающимися событіями сѣверо-американской политической жизни. Въ настоящее время интересъ дня въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ составляетъ veto (или запрещеніе) президента Гейза на утвержденный было палатою представителей „билль о серебрѣ“. Veto на этотъ билль наложено Гейзомъ въ томъ убѣжденіи, что билль этотъ „наноситъ ущербъ общественному кредиту“. Это потому, что существуетъ большая разница между цѣнностью *золотого* и *серебрянаго* далларовъ, и потому гораздо раціональнѣе съ государственными и экономическими интересами страны оплачивать государственныя бумаги *золотомъ*. Платежъ же серебромъ —это просто зловредное нарушеніе общественнаго довѣрія къ финансовой администраціи. Важнѣйшая собственно экономическая причина этого явленія существуетъ въ давно утвердившемся несоотвѣтствіи серебрянаго доллара съ его рыночною цѣною. Долговыя же обязательства, въ родѣ различныхъ облигацій, выпущены тогда, когда серебрянный долларъ имѣлъ свою настоящую цѣнность, слѣдовательно при оплатѣ обязательствъ нынѣшними долларами граждане неизбѣжно потерпятъ громадный убытокъ.

Цифра потерь на поляхъ битвъ съ начала войны достигаетъ въ настоящее время до 89,894 человѣкъ.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 10-го февраля будетъ произведенъ выпускъ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства на пятьдесятъ милліоновъ рублей. Обязательства выпускаются на предъявителя, цѣною въ 1,000 рублей и 5,000 р., срокомъ на 6 мѣсяцевъ, считая съ 1-го марта 1878 г. Съ 1-го сентября 1878 г. уплачивается предъявителямъ нарицательная цѣна обязательствъ, съ процентами за время съ 1-го марта по 1-е сентября 1878 г., по разсчету изъ 4½% годовыхъ. Обязательства принимаются въ залогъ казенными мѣстами по нарицательной ихъ цѣнѣ, а въ обезпеченіе таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, какія назначены будутъ министромъ финансовъ.

Частыя желѣзнодорожныя несчастія съ пассажирами, безнаказанно проходившія для гг. желѣзно-дорожныхъ собственниковъ, вызвали, наконецъ, со стороны правительства мѣры къ ихъ пресѣченію. Состоялся законъ, въ измѣненіе и дополненіе статей т. X, ч. I, которымъ постановлено:

„Владѣльцы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій (казна, общества и частныя лица) обязаны вознаграждать каждаго, потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьи, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. Они освобождаются отъ вознагражденія убытковъ только тогда, когда несчастіе произойдетъ не по винѣ управленія предпріятіемъ и его агентовъ, или же вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы. Вознагражденіе назначается сообразно съ желаніемъ потерпѣвшаго вредъ: или въ видѣ единовременно выдаваемой суммы, или же въ видѣ ежегоднаго или въ опредѣленные сроки уплачиваемаго пособія. Для начатія исковъ полагается *годичный* срокъ, если несчастіе произошло на внутреннихъ путяхъ сообщенія, и *двухлѣтній*, когда оно послѣдовало въ морскихъ водахъ. Владѣльцы дорогъ и пароходовъ имѣютъ право на возмѣщеніе присужденнаго съ нихъ вознагражденія со стороны агентовъ, по винѣ которыхъ произошло несчастіе“.

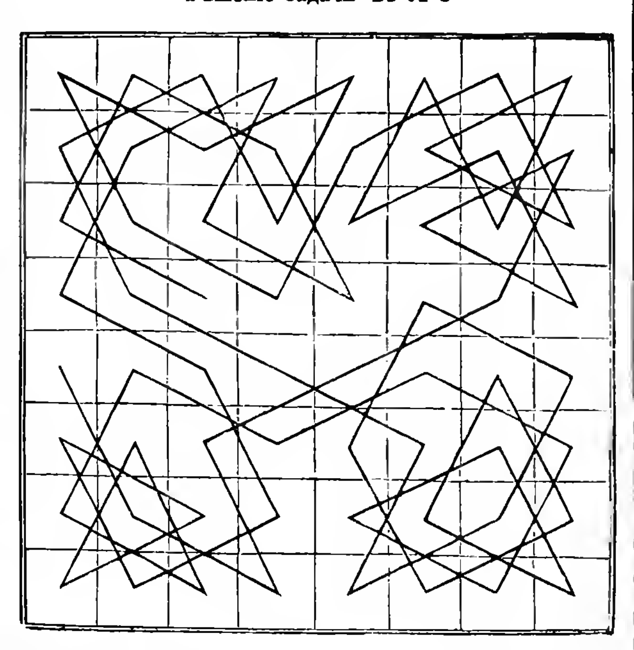
Эпидемія не только не уменьшается въ столицѣ, но наоборотъ, увеличивается. Больницы переполнены такъ, что приходится отказывать многимъ, желающимъ быть принятыми. Тифъ появляется и въ учебныхъ заведеніяхъ, въ полкахъ и на фабрикахъ. Приближеніе весны быть можетъ еще усилитъ болѣзни; вслѣдствіе этого въ правительственныхъ сферахъ предположено въ случаѣ чрезмѣрнаго развитія тифа издать постановленіе о прекращеніи занятій въ концѣ апрѣля и перенесеніи экзаменовъ на осень. Точно также и въ Москвѣ ходятъ слухи, что всѣ среднія учебныя заведенія будутъ закрыты до 10 мая.

Изъ Кіева пишутъ въ газеты, что ожидаемые женскіе курсы при мѣстномъ университетѣ разрѣшены, и коммисія изъ профессоровъ займется теперь обсужденіемъ вопроса объ устройствѣ курсовъ, которые, вѣроятно, будутъ открыты съ будущаго учебнаго года.

Страница изъ старинной русской азбуки.
Съ оригинала по фотографіи, грав. Вейерманъ.

Рѣшеніе задачи въ № 8

Рѣшеніе шахматной задачи, ходъ коня, помѣщенной въ № 8 „Нивы“:

Когда-бъ не смутное волненье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался-бъ, наслажденье
Вкушать въ невѣдомой глуши.

Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою-бъ цѣлый міръ назвалъ
И все-бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все-бъ эти ножки цѣловалъ.

А. Пушкинъ

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 8 „Нивы“: „Плевна покорена. Турецкое войско попало въ плѣнъ. Османа побили. Россія у васъ въ долгу, хваты наши солдаты.

Тиражъ выигрышей по билетамъ 2-го займа напечатается въ № 11, такъ какъ второй листъ этого номера начатъ печатаніемъ съ 25 февраля.

Издатель А. Ф МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 3 Марта 1878 г.

Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 11 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Марта 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Гдѣ-то онъ?

Смотрятъ глазки голубые
Въ голубыя небеса
И на глазкахъ тѣхъ слезинки—
Горя ранняя роса.

* * *

Что кругомъ такъ ярко, чудно,
Такъ на сердцѣ тяжело!
Не ждала я, не гадала—
Горе тяжкое пришло.

* * *

Какъ теперь гляжу сквозь слезы—
На конѣ ретивомъ онъ,
Съ пѣсней, музыкой—далеко
Ихъ уходитъ эскадронъ...

* * *

И мечта ея несется
Далеко... Полки идутъ—
Горы мрачныя тѣснятся,
Бури снѣжныя ревутъ...

* * *

Грозно выстрѣлы рокочутъ,
Ужасъ, смерть кругомъ царятъ,
Льется, льется кровь рѣкою,
Вотъ и труповъ страшный рядъ...

* * *

Гдѣ онъ? Сердце молодое
Говоритъ: вернется онъ,
Онъ придетъ, мой воинъ милый,
Загорѣлъ и запылёнъ...

* * *

Какъ любить его я буду,
Да хранитъ его судьба!
Буду я его покоить,
Буду я его раба...

* * *

Ты не жди, дитя, напрасно,
Глазокъ ясныхъ не труди,
Скучныхъ дней, ночей безсонныхъ
У окна не проводи!

* * *

Нѣтъ, твой воинъ не вернется:
Онъ героя смертью палъ,
То былъ бой, то былъ кровавый,
Страшный Шипки перевалъ!

* * *

И въ тѣни скалы угрюмой
Воинъ твой на вѣкъ уснулъ:
Онъ не слышитъ кликъ побѣдный,
Ружей трескъ, орудій гулъ.

* * *

Вѣтерокъ шевелитъ кудри,
Кровь горячая течетъ,
Коршунъ злой Балканъ пустынныхъ
Очи черныя клюетъ...

Н. Боевъ.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Продолженіе).

Ударъ Трусова, нанесенный царьку, пришелся вѣрно. Царекъ, какъ говорится, мигнуть не успѣлъ—голова его уже отдѣлилась отъ туловища.

Она прыгнула на колѣни къ Устильяну, окатило его цѣлой волной крови, кувырнулась черезъ полость на снѣгъ, перевернулась разъ, остановилась лицомъ кверху, да такъ и застыла... Разбѣжавшихся коней еле остановили...

Изумленный, опѣшенный остановился поѣздъ, и всѣ недвижно стали смотрѣть, на этотъ круглый, обрызганный кровью комокъ, плотно засѣвшій въ сугробъ.— „Что теперь будетъ, что будетъ"? каждый задавалъ себѣ мысленно вопросъ, и никто не находилъ отвѣта,—соображенье отказывалось подсказать ходъ дальнѣйшихъ событій.—Когда умираетъ вѣнчанный, коронованный царь на престолѣ – всякій знаетъ, что ему наслѣдуетъ сынъ, братъ, ближайшій правитель. Но тутъ, когда внезапно умирало воплощеніе призрачнаго царька,—тутъ никто не могъ опредѣлить, предвидѣть ему преемника. Сознавали только, что все ихъ дѣло, плодъ долгихъ, многолѣтнихъ усилій вдругъ рухнуло, и нѣтъ имъ исхода.

Одинъ Петръ Урусовъ остался спокоенъ. Онъ стряхнулъ кровь съ своей сабли, повернулъ ее тупымъ концемъ къ себѣ, и медленно, чисто-на-чисто вытеръ ее о гриву коня, безпокойно косившагося на сани.

Первый опомнился Устильянъ. Онъ выскочилъ изъ саней, сбросилъ съ себя окровавленную шубу, и выхватилъ ножъ. Всѣ точно проснулись, заголосили, закричали, похватались за оружіе.

Шутъ быстрю обрѣзалъ постромки у одной пристяжной, вскочилъ на нее и крикнувъ: „въ Калугу, бояре, за мной!" помчался обратно. Татары за нимъ кинулись,—но зналъ Устильянъ лѣваго пристяжнаго царской тройки, зналъ, что и аргамаку не догнать этого чорта... Не о погонѣ онъ заботился... „Чѣмъ кончилъ, чѣмъ кончилъ!" бормотали его губы...

Маринѣ Юрьевнѣ въ тотъ день не здоровилось. Она ходила послѣдніе дни, и ждала, что не сегодня—завтра родитъ. Послѣ обѣда ей стало особенно тяжело и она прилегла на постель. Цѣлый день она чувствовала себя не по себѣ: какое-то стѣсненье въ груди, боль, зудъ, неловкость. общее безпокойство. Она приписывала это беременности, невольному чувству страха первыхъ родовъ, и думала успокоиться пролежавъ конецъ дня въ постели. Она не велѣла никого къ себѣ принимать, и сняла съ себя всю верхнюю одежду.

Вдругъ услышала она торопливые шаги за дверью, и недовольно повернула голову. Раздался стукъ—дверь отворилась и вошла ея подруга Козановская.

— Что ты, зачѣмъ? спросила сердито царица, глядя на ея поблѣднѣвшее лицо.—Что случилось?

— Кошелевъ пріѣхалъ, тебя хочетъ видѣть сейчасъ же... я не пускала, онъ силой рвется.

— Кошелевъ? И вдругъ какое-то неясное предчувствіе, догадка чего-то словно кольнула ее. Она быстро спустила ноги съ постели. Казановская хотѣла накинуть на нее платье, но Устильянъ былъ уже въ опочивальнѣ.

— Съ чѣмъ пріѣхалъ? спросила Марина.

— Не пугайся, не пугайся царица,—завопилъ онъ, опускаясь передъ ней въ безсиліи на полъ, такимъ дикимъ голосомъ, что по неволѣ испугался бы каждый.

— Да что... Случилось что-нибудь?..

— Не пугайся... Такая страсть...

— Ну?

— Димитрій Иванычъ... Государь.

— Да говори же!

— Не могу... не выговорить...

Марина совсѣмъ вскочила съ постели, испуганно смотря на гремушки и трясучки его балахона.

— Убитъ?

Устильянъ мотнулъ головой.

— Кѣмъ, гдѣ? Гдѣ онъ?..

— За Окой, татарами... Я на пристяжномъ ушелъ.

— Бояре гдѣ?..

— Скачутъ за мной... Чуть не побили ихъ...

— А татары?..

— Убѣгли... Съ Урусовымъ...

— Сани, сани скорѣй! крикнула она Казановской нечеловѣческимъ голосомъ, чувствуя, что все падаетъ, все рушится...

Казановская бросилась исполнять порученіе...

— Тамъ, государыня, на снѣгу... Вотъ и бояре...

Въ комнату безъ спроса съ шумомъ вваливались бояре, въ кафтанахъ, неся съ собой наружный холодъ и запахъ морознаго воздуха. Марина забыла все,—и приличіе, и свой санъ, и то, что она стояла передъ ними въ одной исподницѣ, и то, что даже у ворота шнурковъ не было... Она забыла и стыдливость, и беременность, она помнила только одно: его убили.

— Это имъ не пройдетъ, не пройдетъ! Злобно сверкая глазами, сжавъ кулаки говорила она... Всѣхъ перебить велю,—всѣхъ до одного...

Она не плакала, не рыдала: на ея лицѣ горѣла месть, она требовала кровь за кровь. Наперерывъ одинъ передъ другимъ заговорили бояре, стали ей разсказывать событіе смерти. Нѣкоторые изъ нихъ были ранены, по лицамъ бѣжала кровь. Она не понимала, что голова у него совсѣмъ была отрублена,—надежда подсказывала ей, что можетъ быть онъ еще живъ...

Наконецъ сани были поданы. Закутавшись въ шубу, рядомъ съ тѣмъ же Устильяномъ, сѣла она; сзади длиннымъ поѣздомъ понеслись бояре. На улицахъ былъ шумъ, смятенье...

— Гони, бей!.. Во весь опоръ! кричала она кучеру. Дави всѣхъ, пусть лошади дохнутъ,—только скорѣй!

Сани кидало изъ стороны въ сторону. Надъ лошадьми все время безъ устали свистѣлъ и шлепался о ихъ спины бичъ. Онѣ, храпя, несли сѣдоковъ такимъ безумнымъ карьеромъ, что казалось орлу не угнаться за ними. При съѣздѣ въ Оку, сани покатились по раскату, придавили постромкой одну изъ пристяжныхъ, сбили всю тройку въ сторону, накренились. Еще немножко и все въ дребезги разлетѣлось бы, ударившись о чернѣвшія съ боку сваи,—но Богъ пронесъ счастливо, и еще скорѣе рѣкою помчались кони. Утренняя скачка была ничто передъ этимъ бѣшенымъ бѣгомъ: и сани и лошади,—все сливалось въ какую-то безпорядочную, стрѣлой несущуюся массу...

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы домчаться до мѣста катастрофы. Трупъ лежалъ на снѣгу, полураздѣтый; нѣсколько фигуръ чернѣлось возлѣ.

— Живъ-ли?.. спросила Марина, выскакивая изъ саней и кидаясь къ мужу; она наклонилась, хотѣла приподнять за голову... А голова шевельнулась, отдѣлилась отъ туловища. Она въ ужасѣ отскочила.

— Въ сани его! отвернувшись сказала она.

Стали поджидать боярскихъ саней. Лошади, на которыхъ пріѣхала Марина, стояли пошатываясь, съ налитыми кровью глазами, взъерошенныя; цѣлая туча пара стояла надъ ними, смутно клубясь при свѣтѣ фонаря.

Тѣло подняли, завернули въ шубу. Оно быстро закоченѣло на морозѣ; кровь не запеклась, а застыла густыми слоями...

— Всѣхъ перебить велю, шептала Марина Юрьевна.

Когда они подъѣзжали къ царскимъ хоромамъ, у воротъ ихъ встрѣтила толпа казаковъ. Впереди былъ Заруцкій, онъ подбѣжалъ къ санямъ и освѣтилъ искаженное лицо Марины.

— Государыня, правда? спросилъ онъ.

— Правда! крикнула она,—выпрыгивая изъ саней и вырывая у него факелъ. Царя убили... Казачество,—обратилась она къ толпѣ: развѣ вы не отомстите за него, развѣ вы не клялись служить намъ до послѣдней капли крови! Татары его извели—кровь вопіетъ о мщеніи: такъ бейте же татаръ по всей Калугѣ со всѣмъ ихъ отродьемъ... Всѣхъ передушить, перебить, всѣхъ до одного... Я приказываю вамъ, повелѣваю!..

— За мной! крикнулъ Заруцкій, выхватывая саблю и съ восторгомъ глядя на Марину Юрьевну.

Нѣсколько восклицаній раздалось на площади: татары въ разсыпную кинулись прочь. Одинъ хотѣлъ проскользнуть мимо самой Марины.

— Бей его! неистово крикнула она, швырнувъ въ него горящимъ факеломъ, и нѣсколько казаковъ кинулись на несчастнаго.

Стоны, вопли раздались всюду. Марина, схвативъ новый факелъ, бросилась туда, гдѣ схватка была гуще. Шуба ея откинулась, она не чувствовала холода, въ разорванной исподницѣ, съ распущенными волосами носясь передъ войскомъ.

— Ни одного не упускайте, ни одного,—подзадоривала она. Въ дома къ нимъ! Вѣшайте ихъ на заборахъ! Чтобы духу ихъ не было здѣсь...

Жители въ страхѣ прятались по домамъ, прислушиваясь къ схваткѣ. На площади адъ царилъ...

Вдругъ Марина Юрьевна пошатнулась, поблѣднѣла, схватилась за бокъ. Заруцкій, слѣдившій за ней, успѣлъ поддержать ее...

— Что ты, царица!.. Ужь не пулей ли?..

— Нѣтъ... Ой!.. Скорѣе...

Она не могла выговорить ни слова, крѣпко держась за бокъ, закусивъ отъ боли нижнюю губу, сморщивъ брови... Ей спирало дыханье, она напряженно смотрѣла на одну точку.

Заруцкій разостлалъ плащъ и крикнулъ казаковъ.

— Во дворецъ,—шопотомъ сказалъ онъ: скорѣе ради Бога... Да чтобы послать за кѣмъ нужно...

Ее перенесли въ хоромы. Сбѣжались лекарки, бабки. Мучительные стоны раздались во дворцѣ...

И такіе же стоны, но еще жалобнѣе, то тамъ, то тутъ раздавались по улицамъ Калуги,—сотни татаръ безпощадно падали подъ ударами казаковъ.

XXXII.

Новорожденнаго нарекли Іоанномъ, въ честь дѣдушки, Грознаго Ивана. Марина потребовала ему присяги. Но калужане объявили, что они тому крестъ цѣловать будутъ, кому москвичи поцѣлуютъ. А Москва поцѣловала крестъ польскому королевичу Владиславу, и въ Кремлѣ стоялъ польскій гарнизонъ...

Послѣ низведенія Шуйскаго и кратковременнаго правленія семибоярщины, Москва ударила королю челомъ, чтобы далъ онъ на царенье своего сына, да учинитъ онъ порядокъ въ государствѣ. Небольшое польское войско заняло Китай-городъ, въ качествѣ охранительной стражи. Екс-царя, Василія Ивановича, отправили къ королю въ Польшу, и главное правленіе принялъ Гонсѣвскій. Москва на время затихла.

Нѣкоторые были довольны перемѣной правленья, большинство—нѣтъ, въ томъ числѣ и патріархъ Гермогенъ. Видѣть во главѣ государства дѣятелей латинской вѣры, было для него невыносимо. Впрочемъ, онъ на время затаилъ свое недоброжелательство.

Москва приняла странный видъ, совсѣмъ не тотъ, къ какому привыкли старожилы во времена царей. По улицамъ то и дѣло сновали польскіе отряды. Всюду по стѣнамъ и воротамъ стояла польская стража вмѣсто стрѣльцовъ. Поляки втирались въ домашнюю жизнь бояръ, въ ихъ заповѣдные терема. Ласковое, тихое, съ кошачьимъ подходцемъ обращеніе, заискивающее, мягкое, невольно подкупало добродушныхъ москвичей.—Жили дружно на словахъ, но съ камнемъ за пазухой. Поляки восхваляли свою „ойчизну"—вольность шляхетскую, увѣряли москвичей, что и у нихъ такая-же вольность будетъ. Но москвичи на это не поддавались: они знали гдѣ раки зимовали, и говорили:—„У васъ не вольность, а своевольство, знаемъ мы какъ панъ давитъ холопа, и нѣтъ холопу ни суда, ни расправы"...

Сначала, впрочемъ все шло мирно. Дерзкія выходки жолнеровъ противъ жителей наказывались Гонсѣвскимъ строго. Выстрѣлилъ пьяный полякъ, стоя на стражѣ у Никольскихъ воротъ, въ образъ Богоматери, что висѣлъ надъ въѣздомъ, Гонсѣвскій приказалъ казнить его на площади передъ народомъ. Руки и ноги отрубленныя были приколочены на Никольскія ворота, а самъ онъ еще живой сожженъ на кострѣ. Другой разбилъ, выпивши, попу, тоже пьяному, физіономію. И за это отрубили на Красной площади ему руку. Жолнеры говорили, что грѣшить, да еще въ землѣ непріятельской позволительно: „отъисповѣдаются—и все простится. У св. отца въ Римѣ такія отпущенія есть, что хоть чорта слопай—простится".—Разъ одинъ накинулся подъ вечерокъ на семью, возвращавшуюся изъ бани: отца, мать и дочь. Отецъ занятъ былъ съ матерью сильнымъ споромъ, и все приводилъ ей текстъ изъ Даніила Заточника: „не звѣрь въ звѣряхъ ужъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не мужъ въ мужахъ мужъ, кто жену свою слушаетъ",—и потому, выводилъ заключеніе, что она дура. Дочка шла сзади, румяненькая, смазливая. Полякъ выслѣдилъ ихъ, въ пустомъ переулкѣ, на дочку кинулся, схватилъ въ охабку и исчезъ. Москвичъ пожаловался Гонсѣвскому, тотъ принялся за розыскъ. Черезъ двѣ недѣли дѣвушку нашли и возвратили по принадлежности, а Дон-Жуана выпороли.

Пріѣдетъ королевичъ и неурядица кончится,—думали московцы,—но королевичъ что-то не ѣхалъ. Вотъ ужь полгода прошло со времени его избранія, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Стали раздаваться голоса: да что-жь онъ не ѣдетъ: вѣдь такъ мы и другого начнемъ искать;—наша Русь такая невѣста, для которой женихъ всегда сыщется...

Поляки все подозрительнѣе поглядывали на дружекъ этой невѣсты, жителей Москвы, памятуя знаменитую ночь убіенія Лжедимитрія перваго: москвичи-де народъ вѣроломный, возьмутъ да и перерѣжутъ всѣхъ. На въѣздахъ поставили заставы, что-бы жители оружія не ввезли. А жители, видя ихъ опасенія, посмѣивались:—„эхъ вы, хари! не долго торчать вамъ тутъ; коли сами добромъ не уберетесь,—собаки васъ за хохолъ отсюда вытащатъ". А жолнеры отвѣчали: „смѣйтесь, смѣйтесь, сами изъ подъ воротъ, какъ собаки, кукишъ показываете, а носа высунуть боитесь".

Разъ отправился шляхетскій похолокъ въ Зарѣчье, купить овса. Вышелъ изъ Китай-города, перешелъ Москву-рѣку по льду, вышелъ на другой берегъ, гдѣ у самой воды базаръ былъ, и сталъ промежь народа толкаться. За послѣднее время купцы стали большое притѣсненіе оказывать полякамъ: все продавали имъ въ-три-дорога. Сталъ похолокъ прислушиваться по скольку русскіе овесъ покупаютъ: слышитъ, по талеру за бочку. Подошелъ онъ къ гостю, себѣ тоже спрашиваетъ,—съ него два талера просятъ. Онъ ругаться началъ.

Литературный альбомъ: „Русланъ и Людмила“ поэма Пушкина. Людмила въ замкѣ Черномора.
Ориг. рис. И. Панова, грав. Шмидтъ.

Случайный рыбакъ. Картина Рюдо, рис. Девисъ, грав. Артюръ.

— Что ты людей-то грабишь? Гдѣ это показано? Не одному что-ли мы королевичу служимъ?

Гость осклабился.—Какому королевичу?

— Владиславу.

— Да гдѣ онъ?..

— Какъ гдѣ! Да ты ему крестъ цѣловалъ.

— Мало чего! Я вонъ и Борису Ѳеодоровичу цѣловалъ... Что-жь это за королевичъ, коли его нѣтъ на королевствѣ... Васъ тутъ, сволочи бритой, даже весьма довольно, а царя нѣту...

Полякъ побагровѣлъ.

— Да какъ ты смѣешь!..

— Дешевле ни копѣйки нельзя, осклабившись, говорилъ гость.—Проваливай... А овса дешевле не достанешь на всемъ базарѣ... Потому полякъ, иродово отродье...

Похолокъ сердито повернулся и хотѣлъ идти.

— Скоро-ли король-то щенка своего сюда отпуститъ, подзадаривалъ ему вслѣдъ купецъ.—А то старый песъ, ни себѣ, ни другимъ, ровно на сѣнѣ...

Полякъ не выдержалъ, обнажилъ саблю.

— Ты короля позорить...

Купецъ съ воплемъ кинулся по рядамъ.

— Братцы убиваютъ,—охъ избавьте...

— Держите его,—измѣнникъ корюлю, кричалъ тотъ, силясь его догнать.

Но купца никто не держалъ, а еще кто-то на поляка бросился съ дубиной. Теперь онъ, въ свою очередь побѣжалъ отъ преслѣдователей.

Сбѣжались жолнеры. Обычный гамъ поднялся. Схватились за пистолеты; женщины въ страхѣ кинулись подъ воза; собаки подняли лай и вой.

— Тише, вы, черти! раздался зычный голосъ, и въ самую густоту толпы врѣзался всадникъ съ плетью. Стойте, не то стрѣлять велю по васъ безъ разбора!

Кое кто узналъ Гонсѣвскаго, иныя шапки полетѣли съ головъ.

— Расцѣпляйтесь, ну! кричалъ онъ.—За поясъ оружіе!.. Въ чемъ дѣло?..

Со всѣхъ сторонъ поднялись крики.

— Короля собакой ругаютъ, королевича щенкомъ зовутъ... Извести хотятъ насъ... А вы насъ подъ собой, лысыя головы, держать хотите!

— Тише, тише! завопилъ Гонсѣвскій.—Московы,—бога вы не боитесь, кровь христіанскую льете. Вѣдь мы васъ отъ тушинскаго вора избавили, потому и въ Кремль пущены вами, а вы насъ-же бить хотите. Мы отъ Бога вамъ намѣстники, а вы насъ за свинопасовъ чтите, царскую особу, которой крестъ цѣловали, щенкомъ величаете!.. Вѣдь вы сами королевича царемъ выбрали, такъ чего-же ругаетесь? чего бунтуете? Справиться съ нами думаете?—такъ не справитесь. Насъ всего здѣсь шесть тысячъ, а васъ въ сто разъ больше, да не отъ числа побѣда, а отъ Господа;—и прежде войска ваши безчисленныя отъ малыхъ ратей нашихъ бѣгали... За праваго Богъ, а мы за правду бьемся—за государя—нашего Владислава. Вы должны чтить насъ, какъ его намѣстниковъ. Хула на власть—на Бога хула.

— Да вы для насъ плевокъ,—вотъ что! раздался насмѣшливый голосъ въ толпѣ... Оглобли съ возовъ выворотимъ, такъ только мокренько отъ васъ останется...

— Оглобли! подхватилъ другой.—Чего оглобли—шапками закидаемъ...

Гонсѣвскому страхъ хотѣлось теперь-же сбить съ непокорныхъ, нахально уставившихся на него, эти шапки. Но онъ удержался, и пріосанившись, даже улыбнулся.

— Это насъ-то шапками! сказалъ онъ.—Да вамъ не то съ нами,—съ дѣвками, съ шестью-то тысячами, не справиться, и тѣ васъ такъ упарятъ, что любо-дорого. Куда вамъ противъ рыцарей закаленныхъ съ вашими войлочными колпаками...

Толпа опять зашумѣла, опять поднялись ругательства.

— Не начинайте смуты,—молю васъ, заговорилъ нѣсколько въ минорномъ тонѣ Гонсѣвскій.—Чего вы хотите, что вамъ надо?

— Хотимъ, что-бы ты изъ Кремля съ своею сволочью уходилъ, вотъ что! Что-бы въ Москвѣ и духу вашего не было.

— Того не можно!.. Мы намѣстники, намъ приказъ государевъ—быть тутъ. Пока не пріѣдетъ государь—не двинемся... Крѣпко сидѣть будемъ; не токмо по вашей волѣ—по своей мы выйти не властны.

— Ладно-же!.. не долго вамъ тамъ сидѣть.

— Это какъ Богу угодно... Богъ съ нами,—что будетъ, то будетъ. А только путнаго изъ мятежа вашего ничего не выйдетъ: не выграете вы ничего... Расходитесь, расходитесь... Говорить съ вами больше не о чемъ. А на счетъ того, что сказалъ я вамъ—подумайте.

Онъ поворотилъ своего коня, а толпа стала расходиться.

Всѣ ждали чего-то. Ненависть между русскими и поляками росла; тучи были слишкомъ грозны, что-бы могли пролетѣть мимо не разразившись бурей.

Былъ конецъ великаго поста,—шестая недѣля,—дѣло приближалось къ Пасхѣ. Въ Москву около этого времени всегда прибывала масса богомольцевъ,—помолиться надъ гробницами угодниковъ, царей и патріарховъ, поклониться, чудотворнымъ иконамъ, посмотрѣть на торжественныя церемоніи четыредесятницы. На этотъ разъ, въ 1611 году, ихъ сошлось значительно меньше: русскій Іерусалимъ былъ въ рукахъ невѣрныхъ. Да вдобавокъ разнеслись слухи, что никакихъ празднествъ не будетъ, ибо патріархъ въ заключеніи.

Гермогенъ, точно, сидѣлъ подъ стражей. Ярый поборникъ православія, онъ не сходился во взглядахъ и мѣрахъ съ временнымъ польскимъ правительствомъ. Тихонько разсылалъ онъ по городамъ возбудительныя грамоты, звалъ Русь подняться на защиту святыхъ божіихъ церквей и выгнать воровъ и латинцевъ изъ царства. Гонсѣвскій, узнавъ объ этомъ, поручилъ боярамъ допросить патріарха—правда-ли, и если правда,—принудить патріарха отписать въ тѣ-же города, чтобы они не поднимались. Бояре приступили, повели дѣло грубо, патріарха обругали. Гермогенъ разсердился и крикнулъ имъ въ отвѣтъ: „Коли вы всѣ, измѣнники, и съ вами и люди королевскіе, вонъ изъ Москвы уберетесь, тогда я отпишу по городамъ, что-бы они не ходили. А коли останетесь, такъ писать буду и благословеніе пошлю имъ, дабы свершили начатое, не покинувъ, доколѣ желаемаго не достигнутъ. Я имъ шлю благословеніе,—не могу видѣть конечнаго разворенія Москвы, запустѣнія церквей, не могу слышать латинскаго пѣнія... Вижу, что еретиками вѣра наша попирается, о томъ и скорблю“....

Гермогена посадили подъ стражу.

Между тѣмъ въ недѣлю Ваій должно было произойти знаменитое „шествіе на осляти“. Ходили слухи, что церемонія отмѣнится, по отсутствію и патріарха, и царя, который всегда водилъ „осляти“ за поводъ. По Москвѣ начался ропотъ: требовали процессіи, хоть и безъ царя, но съ патріархомъ: древній обрядъ цвѣтнаго-вербнаго воскресенія былъ слишкомъ чтимъ народомъ, что бы можно было имъ манкировать. Ропотъ росъ все больше, и Гонсѣвскій, опасаясь открытаго возстанія, рѣшился на этотъ день освободить патріарха.

Вербное воскресенье приходилось 17-го марта,—Пасха была въ тотъ годъ ранняя. День начался тоскливо: небо было какое-то мутное, тепло было, съ крышъ бѣжали потоки. Какъ то мрачно высились кремлевскіе соборы, изъ за Фроловскихъ воротъ. Василій Блаженный, и тотъ смотрѣлъ угрюмо, не смотря на свою пеструю раскраску. Народу набралось множество, но все это больше были пришлые: многіе москвичи не пошли, такъ

какъ былъ слухъ, что Гонсѣвскій велитъ стрѣлять въ толпу. Чуялось, что въ этотъ день что нибудь да свершится...

Дрябло зазвонили въ сыромъ воздухѣ колокола, толпа зашевелилась, погустѣла. На паперти Успенскаго собора, гдѣ только что отошла ранняя обѣдня, стали появляться разные аттрибуты церемоніи. Заколыхались высоко-поднятыя хоругви, тускло заблестѣли большіе кресты, ризы духовенства. Монахи, священники, протопопы заходили туда и сюда. Медленно выплыли изъ собора иконы, принесенныя изъ разныхъ церквей, монастырей и подворій. Стрѣльцы стали оттѣснять народъ и прокладывать дорогу процессіи, обозначая ее по бокамъ кадушками съ большими вербными отростками. Нѣсколько свѣчей красноватымъ блескомъ замигало у входа. Вышелъ патріархъ, къ нему подскочилъ кто-то съ пучкомъ вербъ, черенки которыхъ были обвиты бархатомъ. Патріархъ сталъ брать подсовываемые пучки и раздавать окружающимъ. Соборный протодьяконъ вышелъ на середину, обратился лицемъ къ патріарху и разогнулъ массивное евангеліе. Съ головъ полетѣли шапки, скуфейки.

„Во время оно"!—пронеслось по площади и замерло въ потокѣ слѣдующихъ менѣе ясно произносимыхъ словъ. Народъ хранилъ мертвое молчаніе. „И посла двухъ отъ ученикъ своихъ",—снова произнесенный напряженнымъ голосомъ стихъ долетѣлъ перекатомъ могучаго баса чуть не до самыхъ воротъ Фроловскихъ. Соборный протопопъ съ ключаремъ двинулись къ патріарху и остановились съ поклономъ передъ нимъ.— „Идите въ прямую весь",—раздался низкій, тихій его голосъ, продолжавшій текстъ, прерванный дьякономъ:— „и въ ниже входяща обрящета жребя привязано, на нези никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде: отрѣсише е привидита"... Протопопъ и ключарь откланялись и отправились къ тому мѣсту, гдѣ было привязано осля бѣлая лошадь въ бѣлой суконной попонѣ. Здѣсь опять происходилъ монологъ между посланцами и дьяками, что стояли у осля. Патріаршій бояринъ вопрошалъ: что отрѣшаете осля? а посланцы глаголятъ: господь требуетъ. Потомъ всѣ вмѣстѣ повели они осля къ патріарху, и шествіе тронулось.

Теперь звонили всѣ колокола московскіе, торжественный трезвонъ прокатился по всему городу. Впереди шли чины государевы въ роскошныхъ золотыхъ одеждахъ, торжественно выступая. Впрочемъ теперь ихъ было значительно меньше, если сравнить съ прежними годами, съ выходами при Іоаннѣ, Ѳедорѣ, Борисѣ. За ними на саняхъ ползла „нарядня верба". Сани были громадные, обитые краснымъ сукномъ, съ перилами, ихъ тащило шесть лошадей въ попонахъ и начелкахъ съ перьями. Верба была величиной съ елку—на ней висѣли сласти, гостинцы: яблоки, изюмъ, винныя ягоды, рожки, грѣцкіе орѣхи. Подъ ней, за перилами, стояли въ бѣлыхъ одеждахъ мальчики-пѣвчіе и пѣли стихиры цвѣтоносные. Потомъ двинулось духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ, съ крестами, хоругвями, иконами. Наконецъ за ними мѣрно двигался самъ патріархъ, верхомъ на осляти, осѣняя на обѣ стороны народъ крестомъ. „Осляти" вели цѣлыхъ пять человѣкъ: поводъ былъ длинный. Конюшій старецъ—у самой морды, потомъ два дьяка, потомъ очень толстый бояринъ,—а наконецъ, у самаго кончика повода, впереди другихъ—бояринъ Гундуровъ, изображавшій царскую особу. Передъ нимъ несли стольники—жезлъ, вербу, свѣчу и платъ государевъ. За патріархомъ опять шло духовенство, бояре, дьяки. Народъ валился на землю,—многіе плакали: почти всѣмъ жутко было...

Прошла процессія по разостланнымъ синимъ, краснымъ и зеленымъ сукнамъ и кафтанамъ, что растягивали ей на пути стрѣлецкія дѣти. Трезвонъ постепенно смолкалъ. На небѣ нѣсколько прояснилось: что-то въ родѣ солнца забѣлѣлось между облаками; толпа въ Кремлѣ стала рѣдѣть, разсыпаться по Китай-городу;—никакого мятежа, выстрѣловъ не было. Говорили, что гдѣ-то, въ закоулкахъ Бѣлаго-города была свалка и нѣсколько поляковъ убито, но все это было не то, чего ожидали. День заключился мирно...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе будетъ).

Стихотворенія.

I.

Когда дала мнѣ муза лиру,
И юность волновала кровь—
Съ восторгомъ суетному міру
Я пѣлъ свободу и любовь.

* * *

Съ годами сталъ я сомнѣваться,
Замѣтно сердцемъ охладѣлъ,
Сталъ надъ любовью я смѣяться
И лишь одну свободу пѣлъ;

* * *

Но васъ случайно я увидѣлъ,
Сильнѣй забилось сердце вновь,
Свободу я возненавидѣлъ
И лишь пою одну любовь.

II.

И звукомъ голоса, и складомъ вашей рѣчи
Вы мнѣ напомнили негаданный исходъ
Съ другою женщиной моей невольной встрѣчи,
Вы мнѣ напомнили счастливый, свѣтлый годъ.

* * *

Вы мнѣ напомнили забытыя страданья,
Всю прелесть жгучую впервые полюбить...
И первый поцѣлуй, и первыя свиданья...
О, помогите-жь мнѣ все это позабыть.

Нино-Ники.

I.

Мы плыли, малютка, съ тобою
На утлой лодченкѣ вдвоемъ:
Окутано дымкой ночною,
Покоилось море кругомъ.

* * *

Въ сіяніи лунномъ сверкая,
Таинственный островъ блисталъ,
Тамъ пѣсня лилась замирая,
И танецъ въ туманѣ мелькалъ.

* * *

И пѣсня неслась надъ водою,
Любовью звуча неземной....
Мы плыли печально съ тобою,
Окутаны дымкой ночной...

II.

Изъ моихъ рыдавій льются
Купы розовыхъ цвѣтовъ,
Вздохи сердца отдаются
Звонкимъ хоромъ соловьевъ.

* * *

Если ты меня полюбишь,
Я отдамъ тебѣ цвѣты —
И услышишь подъ окошкомъ
Соловьевъ чудесныхъ ты!..

(Изъ Гейне) П. Г—ъ.

Случайный рыбакъ.

(Разсказъ).

Она завѣдывала молочнымъ хозяйствомъ на фермѣ; онъ пріѣхалъ ва лѣто въ сосѣднюю деревню, отдохнуть отъ занятій. Они уже давно замѣтили одинъ другого, но онъ былъ робокъ, а она не рѣшалась заговорить, выждая, что онъ начнетъ первый.

Онъ все молчалъ и искалъ случая быть къ ней поближе.

— Какъ бы это?.. Гмъ... Какъ бы это устроить? соображалъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ и не прикасаясь уже къ тѣмъ книгамъ, которыя привезъ въ деревню, съ твердымъ намѣреніемъ прочитать ихъ, какъ говорится, отъ доски до доски.

— Гмъ... гмъ... какъ бы это? а?

Но лукавый, какъ давно извѣстно, хитеръ и ужасно ловокъ. Онъ подвернулся ему въ удобную минуту и шепнулъ: удочку достань!..

— Удочку! воскликнулъ въ восторгѣ молодой человѣкъ... Ура! Нашелъ! Удочку! Конечно, удочку! Въ ней вся сила: буду ходить съ удочкой къ рѣчкѣ—вотъ и вся недолга. Отъ рѣчки до фермы рукой подать. Удочку! Удочку!...

Немедленно была пріобрѣтена удочка, немедленно отправился новоиспеченный рыболовъ на ловлю и смотрѣлъ все въ ту сторону, гдѣ ферма. Клевала-ли рыба червячка, насаженнаго на крючокъ его удочки, былъ ли насаженъ червячекъ—объ этомъ исторія благоразумно умалчиваетъ, упоминая лишь о томъ, что фигура статнаго молодого человѣка, сидѣвшаго весьма продолжительное время на берегу рѣчки вблизи фермы была замѣчена ею.

На первый день рыболовъ ушелъ обратно безъ рыбы, но съ удочкой и со всѣми рыболовными припасами. Просидѣвъ добрыхъ часа два, онъ не дождался появленія вблизи того мѣста, гдѣ сидѣлъ, молодой дѣвицы, плѣнившей его сердце. На второй день онъ возвратился обратно только съ одной удочкой, безъ крючка и безъ всѣхъ другихъ рыболовныхъ принадлежностей, но за то онъ ее видѣлъ, хотя еще и не говорилъ съ ней ни слова.

— Гм... гм... думалъ онъ, идя, странная какая дѣвушка: видитъ, что я сижу на берегу, проходитъ мимо, ну чтобы меня спросить о чемъ нибудь...

— Гм... гм... думала она: странный молодой человѣкъ: вѣдь видитъ, что я прохожу мимо него, ну чтобы заговорить: сказалъ бы слова два—и познакомились бы... А красивъ! Только, должно быть, рохля большая: сидитъ насупившись... О, тюлень большеголовый!..

Такъ выражала она неудовольствіе на молодого человѣка. Такъ она томилась ожиданіемъ его вопроса, чтобы завязать разговоръ. Онъ томился желаніемъ заговорить и не рѣшался. Наконецъ она не выдержала и проходя какъ бы случайно мимо него, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ на берегу рѣчки, спросила:

— Вы очень любите удить рыбу?

— О, да, это увлекательно, отвѣчалъ онъ, быстро привскочивъ съ своего мѣста.

— И вы, кажется, часто ходите сюда удить? продолжала она спрашивать.

— Да вотъ нѣсколько дней какъ я хожу почти каждый день Онъ покраснѣлъ и широко, широко улыбнулся.

— Я васъ видаю.

Она тоже покраснѣла и тотчасъ же потупила глазки.

— А много вы приносите домой рыбы? порывисто спросила она, какъ бы боясь, что разговоръ вдругъ порвется.

— Какъ приведется. Иногда довольно...

— Здѣсь очень хорошо ловится рыба, здѣсь ея много. Ахъ, да у васъ клюетъ! Видите, поплавокъ дергаетъ?

Молодой человѣкъ торопливо дернулъ удочку, но увы, она была уже пуста и червячекъ былъ съѣденъ.

— Не я-ли вамъ помѣшала? спросила она снова улыбаясь и потупляя глазки.

— Нисколько... О, нисколько!..

Она подошла поближе шага на два.

— А я, знаете, не видала, чтобы вы уходили отсюда съ добычей.

— А вы почемъ знаете?

— Вотъ смѣшно! да я же васъ видаю...

— Да.. Но я не подозрѣвалъ, что бы вы такъ много обращали на меня вниманія и даже на результаты моего рыболовства...

— Да-а, — протянула она, я знаю даже болѣе, я знаю, что вы студентъ, что вы пріѣхали отдыхать и вамъ, кажется, деревня очень понравилась, очень понравилась...

— Какъ же это вы все знаете?

— Ахъ, какой вы! Я все знаю. Но смотрите, вѣдь рыба опять клюетъ! Какъ это скоро! Здѣсь рыбы необыкновенно много.

Увы, и на сей разъ опять удочка была пуста и безъ червяка.

— Вѣдь рыба опять стянула вашего червячка. Ну, я вижу, вы плохой рыбакъ и вамъ, вѣрно, не поймать рыбки... Неужели вы всегда такъ?

— Ну вотъ, бываетъ счастливѣе ..

— Такъ можетъ быть дѣйствительно я мѣшаю? Въ такомъ случаѣ я уйду, да мнѣ уже и пора... Прощайте. Очень рада удовольствію видѣться съ вами,..

Онъ не успѣлъ отвѣтить ей приличнымъ случаю ласковымъ словомъ, какъ она уже упорхнула отъ него, окончательно вскруживъ ему голову.

Проходятъ дни за днями. Посиживаетъ онъ на берегу съ удочкой, встрѣчается *съ нею* и уже не развертываетъ тѣхъ книгъ, которыя привезъ съ собою въ деревню.

— Однако вы плохой рыболовъ! замѣчаетъ ему однажды она.

— Я, собственно говоря, болѣе читаю, чѣмъ занимаюсь уженьемъ...

— Да! То-то я вижу у васъ книгу. Можно ее посмотрѣть? Я очень люблю занимательное чтеніе, такое, чтобы всѣ, всѣ въ романѣ были счастливы.

Дѣвушка наклонилась и, раскрывъ книгу, съ удивленіемъ воскликнула: Поваренное искусство!

— Ахъ, такъ вы читаете эту книгу, чтобы потомъ приготов-

Петербургскіе типы. На рысакѣ по Невскому.
Оригинальный рис. Бролинга, грав. Вейерманъ.

.........Константинополь!!!......... Оригин. рис. Н. Каразина, грав. Рашевский.

лять по ней пойманныя рыбы! Это преинтересно! Я никакъ, никакъ не ожидала отъ васъ.

— Что это такое? Вотъ скандалъ! воскликнулъ молодой человѣкъ, теряясь въ смущеніи. Въ головѣ его быстро мелькнуло представленіе о причинахъ такой оплошности.

— Какъ это,—думалъ онъ, — попалась мнѣ эта проклятая книга? Все сестра виновата, вездѣ носится съ нею... Вотъ я теперь по милости ее и попался! Какъ это хорошо!.. Скандалъ! И какъ это я измѣнился! Просиживаю здѣсь по нѣскольку часовъ и все изъ-за чего—изъ-за женщины!

Но онъ взглянулъ на эту женщину, которая измѣнила его, въ ней было столько прелести, она съ такой милой улыбкой перелистывала его проклятую книгу, что въ немъ опять заговорило другое чувство и онъ краснѣя и въ то же время восхищаясь ея голосомъ, слушалъ ея замѣчанія:

— Ахъ какъ это должно быть вкусно! И вотъ это кушанье тоже должно быть не дурно... Но какіе нынче хорошіе стали молодые люди, даже хозяйствомъ занимаются—я не ожидала... Когда вы женитесь, ваша жена будетъ очень довольна вами, вы будете приготовлять самый вкусный обѣдъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь...

— Я ни чуть не смѣюсь, я очень, очень люблю хозяйство... Смотрите, смотрите, у васъ опять клюетъ рыба!

Онъ торопливо оглянулся на свою удочку, рванулъ ее и вытащилъ безъ крючка.

Чѣмъ кончились эти похожденія на рыбную ловлю съ удочкой—исторія тоже умалчиваетъ. Сохранились только устныя преданія у окрестныхъ жителей той мѣстности, гдѣ находилась ферма, что нѣкій молодой человѣкъ, занимаясь въ каникулярное время рыбной ловлей, не имѣлъ въ этомъ занятіи никакого успѣха; нѣкая же молодая дѣвица, завѣдывавшая на означенной фермѣ хозяйствомъ, не занимаясь никогда рыбной ловлей, умѣла очень удачно закидывать удочки, и съ нѣкотораго времени ее на фермѣ нѣтъ. Л.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ.

(„Русланъ и Людмила“ поэма А. Пушкина.

Помѣщая на страницахъ „Нивы“ въ 1876 г. (№ 21. стр. 369) рисунокъ къ одной изъ сценъ поэмы „Русланъ и Людмила“, мы имѣли случай разсказать ея содержаніе и выписать нѣсколько стиховъ, относившихся къ изображенному на рисункѣ моменту (Людмила передъ зеркаломъ въ шапкѣ Черномора). Теперь, помѣщая рисунокъ художника Н. Напова, изображающій замокъ Черномора и его торжественный выходъ въ сопровожденіи своего фантастическаго двора, напомнимъ въ общихъ чертахъ содержаніе этой поэмы, которой затѣйливый и полный жизни разсказъ такъ увлекалъ и тѣшилъ насъ

„Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія“.

Поэма, какъ извѣстно, начинается съ разсказа о пирахъ князя Владиміра:

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!
Съ друзьями въ гридницѣ высокой
Владиміръ-Солнце пировалъ,
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана
И медъ изъ тяжкаго стакана,
За ихъ здоровье выпивалъ“.

Во время этого пира Людмила была похищена волшебникомъ. Огорченный исчезновеніемъ дочери, великій князь, отецъ, обращается къ окружающимъ его и молитъ ихъ:

„О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ“.

Витязи, искавшіе руки Людмилы (Рогдай, Ратмиръ, Фарлафъ и Русланъ), даютъ обѣщаніе отыскать княжну и сейчасъ же отправляются въ путь. Русланъ въ своемъ пути наѣзжаетъ на свѣтъ изъ пещеры; въ пещерѣ находитъ старца, Финна, который объявляетъ ему, что похититель Людмилы—

„Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ“.

Такъ говоритъ волшебникъ Финнъ о Черноморѣ и предсказываетъ Руслану побѣду надъ нимъ. Ободренный этимъ, Русланъ ѣдетъ далѣе, на него нападаетъ Рогдай, и побѣжденный Русланомъ погибаетъ въ водахъ рѣки. Покончивъ съ соперникомъ, Русланъ наскакиваетъ на другую бѣду—онъ видитъ на полѣ громадную спящую голову. Она разсказываетъ Руслану о Черноморѣ, который былъ ей младшимъ братомъ и завистливымъ врагомъ. Русланъ узнаетъ отъ головы, что вся чудесная сила Черномора заключается въ его бородѣ.

Третій витязь, пустившійся тоже за поисками Людмилы, Фарлафъ, встрѣчаетъ на пути своемъ старую колдунью, Наину, ненавидящую Финна и старающуюся всѣми силами противодѣйствовать Руслану, покровительствуемому этимъ Финномъ. Наина убѣждаетъ Фарлафа воротиться въ Кіевъ, завѣряя, что отъ нихъ „Людмила не уйдетъ“.

Фарлафъ радъ этому какъ нельзя болѣе, ибо по правдѣ ему становился не въ моготу тревожный и опасный путь, тѣмъ болѣе, что

И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Четвертый искатель Людмилы, юный Ратмиръ, увлекается на пути чарами любви. Злая Наина заманиваетъ его въ свой волшебный замокъ, обильный красавицами.

Все это время Людмила была во власти колдуна Черномора и металась и плакала, хотѣла броситься въ воду и снова съ надеждою на какое-нибудь чудесное избавленіе принималась бѣгать по волшебнымъ его садамъ, сердилась, томилась тоской и въ тоже время дивилась, глядя на окружающую ее обстановку. Передъ нею дѣйствительно открывалась роскошь Шахеразады и чудныя превращенія, безпрерывно совершавшіяся на ея глазахъ, изумляли ее собою. Но вотъ ночью среди мрака и мертваго молчанья—о страхъ:

Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена...

Къ ней входилъ съ своей необыкновенной свитою арабовъ Черноморъ. Людмила сначала была поражена этимъ зрѣлищемъ, но когда Черноморъ къ ней приблизился,

Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ арабовъ оглушила.

Зажавши уши, бѣжалъ вспять испуганный Черноморъ, забывъ свою шапку невидимку. Людмила пользуется этою находкою и начинаетъ подшучивать надъ своимъ похитителемъ; но Черноморъ ловко придумываетъ обмануть ее голосомъ и призракомъ Руслана. Княжна бросается на милый зовъ, шапка спадаетъ съ ея головы, она сама уже въ рукахъ хитраго колдуна, какъ „вдругъ раздался звонъ рога и кто-то карлу вызываетъ“.

Черноморъ набрасываетъ торопливо шапку на Людмилу, погружаетъ ее въ сонъ и бѣжитъ защищаться отъ врага, которымъ явился на этотъ разъ Русланъ, наконецъ достигшій цѣли своей поѣздки. Между соперниками завязывается бой, Русланъ отсѣкаетъ бороду колдуна—его страшную силу. Послѣ этой побѣды Русланъ кидается искать Людмилу по очаровательнымъ садамъ, зоветъ ее:

„Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ...

Только эхо отзывается на его голосъ. Русланъ обнаженнымъ мечомъ своимъ машетъ налѣво и направо „и вдругъ нечаянный ударъ съ княжны невидимой сбиваетъ прощальный Черномора даръ: ее шапку... Русланъ увидѣлъ Людмилу, но спящую. Въ это время раздается знакомый голосъ Финна, приказывающаго Руслану взять Людмилу и ѣхать съ ней въ обратный путь—въ домъ отца ея. Русланъ слѣдуетъ наставленіямъ Финна. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ Ратміра, перемѣнившаго свою жизнь рыцаря на долю рыбака. Прекрасная молодая дѣвушка заставила витязя забыть и славу и враговъ и въ безвѣстной мирной тишинѣ, среди природы найти счастье и покой.

Слѣдуя далѣе со своей драгоцѣнною ношей—спящей княжной, Русланъ подвергся новому несчастію. Фарлафъ, при помощи Наины убиваетъ его во время сна и увозитъ спящую княжну въ Кіевъ, намѣреваясь выдать себя за героя, выручившаго ее изъ власти Черномора. Но бдительный Финнъ снова является къ Руслану и *живой водой* возвращаетъ своего любимца къ жизни. Онъ даетъ ему также завѣтное кольцо, отъ прикосновенія котораго Людмила должна проснуться. „Русланъ для жизни пробужденный“ съ нетерпѣніемъ несется къ Людмилѣ во дворецъ ея отца, пробуждаетъ ее кольцомъ. Онъ и она, оба счастливые, обнимаютъ стараго князя, прощая сознавшемуся въ своемъ стыдѣ и злодѣйствѣ Фарлафу.

И бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Такъ заканчиваетъ свой чудесный разсказъ, выполненный съ затѣйливостію и причудливостію арабесокъ — поэтъ Пушкинъ.

Какъ извѣстно, другой знаменитый художникъ-композиторъ Глинка написалъ оперу „Русланъ и Людмила“, и въ его музыкѣ лица знаменитой поэмы А. Пушкина, получили новое бытіе, но уже не въ формѣ слова, а въ чудныхъ звукахъ, полныхъ необычайной опредѣленности, правды, красоты и силы.

Л.

Русскіе подъ Константинополемъ.

Наши войска дошли до Константинополя — примѣръ первый во всей нашей исторіи, съ самыхъ временъ Олега, ходившаго подъ Царь-градъ, на утлыхъ ладьяхъ. Но то былъ *полу-миѳическій, полу-богатырскій* періодъ нашей исторіи, отъ котораго насъ теперь отдѣляетъ почти тысяча лѣтъ. Но, не смотря на полумиѳическій характеръ этихъ историческихъ сказаній, огромная масса нашего народа знаетъ о походѣ „Вѣщаго“ героя Олега на Царь-градъ, чувствуетъ въ этомъ сказаніи что-то крайне близкое и родственное себѣ, чувствуетъ тяготѣніе къ городу Константина, къ родному городу; вся Русь знаетъ, что изъ этого города впервые возсіялъ намъ свѣтъ ученія Христова.

Царь-градъ—одинъ изъ пунктовъ тяготѣнія православныхъ христіанъ на Востокѣ, наравнѣ съ Іерусалимомъ. Простой русскій человѣкъ, знакомый съ книгою „Житія Святыхъ“ знаетъ, что Св. Іоаннъ Златоустъ былъ архіепископомъ въ Царь-градѣ и горячо стоялъ за благочестіе и православіе, отъ этого и „Св. Іоаннъ Златоустій“ соединяется въ представленіи нашего простолюдина о Царь-градѣ. Знаетъ онъ, что Св. Златоустъ произносилъ свои знаменитыя проповѣди въ великолѣпной церкви Софіи (премудрости Божіей); отъ этого и эта церковь, обращенная туркою въ мечеть, становится дорога его душѣ, и тѣмъ болѣе страстно ненавидитъ онъ турку, обратившаго въ свой „поганый“ храмъ первую царьградскую святыню...

И вотъ всѣ эти и подобныя соприкосновенныя съ ними мысли пробѣгутъ въ головѣ простого русскаго человѣка, лишь только онъ встрѣтитъ глазами завѣтную святыню Царь-града.

Прилагаемый нами рисунокъ, изображающій казака, изумленнаго и пораженнаго внезапно открывшеюся передъ нимъ панорамою Царь-града, можетъ служить лучшимъ объясненіемъ сказаннаго сейчасъ. Въ головѣ его пробудились и походъ на Царь-градъ Олега, и крещеніе Владиміра. Въ головѣ простодушнаго казака, пробудилось и чувство глубокаго негодованія противъ „нехристей“, „безбожниковъ“, враговъ православія!..

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о Санъ-Стефано, конечномъ пунктѣ, далѣе котораго по направленію къ Константинополю наши войска не могли идти. Новый миръ между Россіей и Турціей, какъ пишутъ, будетъ называться миромъ въ Санъ-Стефано. Дѣло въ томъ, что Санъ-Стефано построенъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ были въ десятомъ столѣтіи лагери арміи Олега. Тамъ, гдѣ стоитъ домъ армянина Авакельбея, возвышался нѣкогда монастырь св. Стефана, разрушенный впослѣдствіи турками и и рукой времени. Новая церковь св. Стефана, построенная въ 1844 году, также пробуждаетъ историческія воспоминанія, потому что расположена на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде старинная часовня, въ которой венеціанскій дожъ Дандола приказалъ пропѣть „Te Deum“ передъ своимъ движеніемъ къ Константинополю (въ 1,203 г.).

Санъ-Стефано прежде была невзрачная рыбачья деревушка уныло тѣснившаяся на пустынномъ холмистомъ морскомъ прибрежьѣ постепенно спускающемся къ Мраморному морю. Въ послѣдніе годы она значительно увеличилась и превратилась въ красивый и веселый пригородный уголокъ, куда наѣзжаютъ лѣтомъ константинопольскіе гуляки. Въ жаркіе мѣсяцы сюда собираются греки и армяне средняго класса погулять на берегу и покупаться. Въ это время всѣ приморскія кофейни Санъ-Стефано и сосѣдніе сады съ чайными заведеніями расположенными въ рощѣ Флорія—полны этими наѣзжими гостями.

Впереди Санъ-Стефано въ сторонѣ къ Константинополю находится довольно ровная нѣсколько даже имѣющая покатость къ востоку мѣстность. Она носитъ названіе равнины „Ай-Мамосъ“, на которой въ день заключенія мира, 19 февраля, былъ произведенъ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ смотръ войскамъ, стоящимъ въ Санъ-Стефано. Слѣва виднѣется маякъ, стоящій на самомъ берегу моря. Въ день заключенія мира Мраморное море измѣнило свой обычный нѣжно-голубой цвѣтъ: оно нахмурилось и сердито вздымало сѣрыя волны, какъ будто желая этимъ выразить неудовольствіе на то, что у его береговъ нежданно негаданно появились полчища воиновъ, сыновъ пасмурнаго сѣвера.

За симъ, характеризуя далѣе мѣстечко Санъ-Стефано, нужно добавить, что отъ него до Константинополя всего 10 верстъ и весьма небольшое разстояніе отъ станціи желѣзной дороги идущей изъ Андріанополя въ Константинополь, съ которою селеніе Св. Стефана соединено посредствомъ шоссе. По пути въ Константинополь, въ пяти верстахъ Св. Стефана, находится с. Макри-кей, расположенное также близь берега моря, и далѣе, въ пяти верстахъ отъ этого пункта, извѣстное Эдикула (Семибашенный замокъ), служащій входомъ въ Константинополь, съ юго запада. Передъ этимъ замкомъ, за городскою чертою, росположено с. Еди-кулесси-кей, на самомъ берегу Мраморнаго моря.

Изъ Санъ-Стефано видны предмѣстья Константинополя, а за ними ясно бѣлѣютъ минареты мечетей и тѣсно нагроможденная масса Стамбула, древней Византіи. За шумящими водами моря рѣзко поднимается къ небу куполъ и тонкіе минареты св. Софіи, представляя собою господствующія точки въ интересномъ силуетѣ отдаленнаго Стамбула. На югѣ видны Принцевы острова подобно большимъ валамъ, чернымъ и массивнымъ. Каждый изъ русскихъ, находящихся въ Санъ-Стефано сознаётъ, что достаточно было-бы одного слова главнокомандующаго,—и русское „ура“ загремѣло-бы въ стѣнахъ Константинополя и турецкое владычество ушло-бы туда, откуда пришло четыре вѣка назадъ, въ ту Азію, которая синѣетъ тамъ, на горизонтѣ, своими крутыми возвышенностями. Каждый сознаётъ, что это въ нашей власти, что военныхъ препятствій нѣтъ, и что если это не дѣлается, то только потому, что не настало еще удобнаго для этого времени.

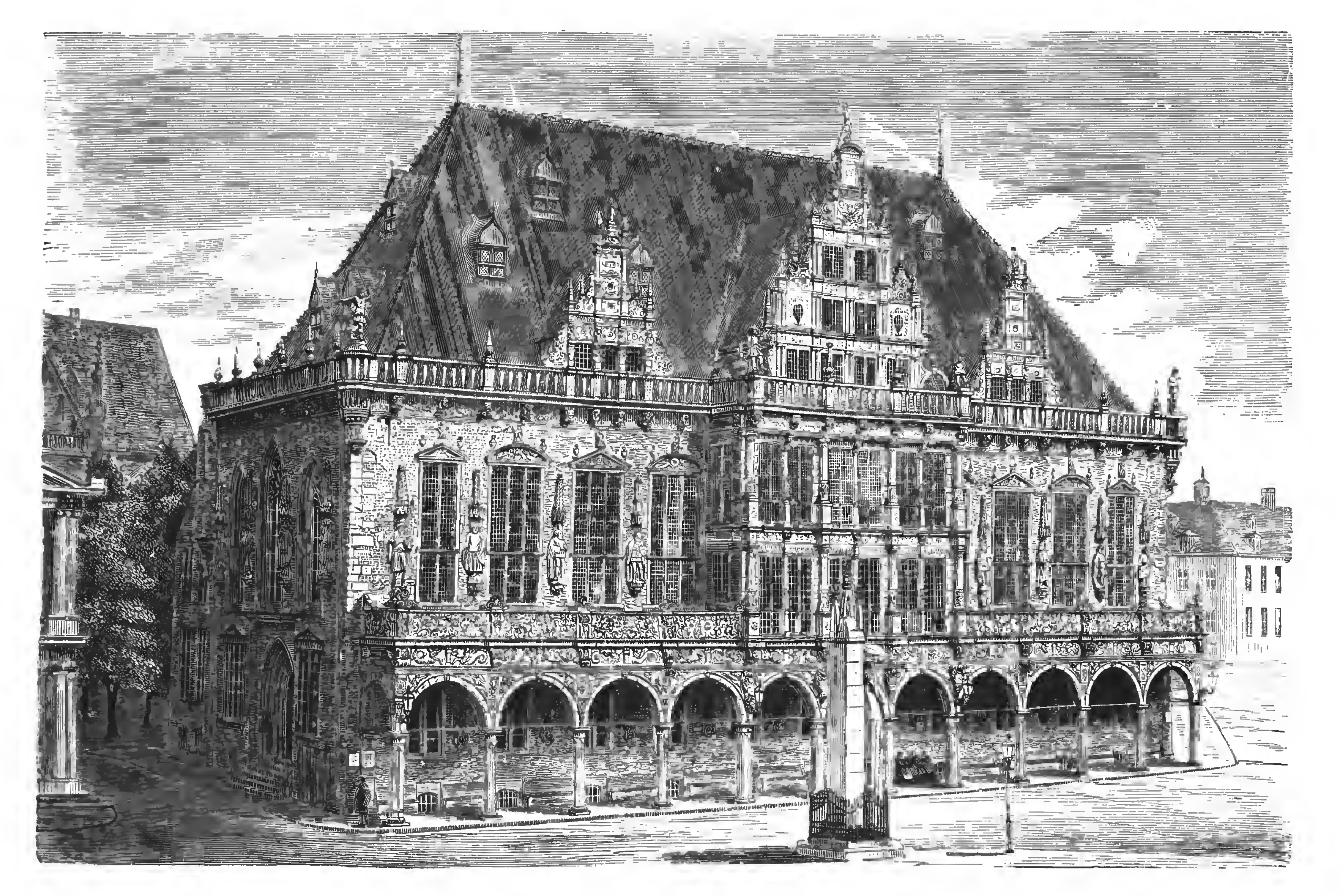
Стр.

Ратуша въ Бременѣ.

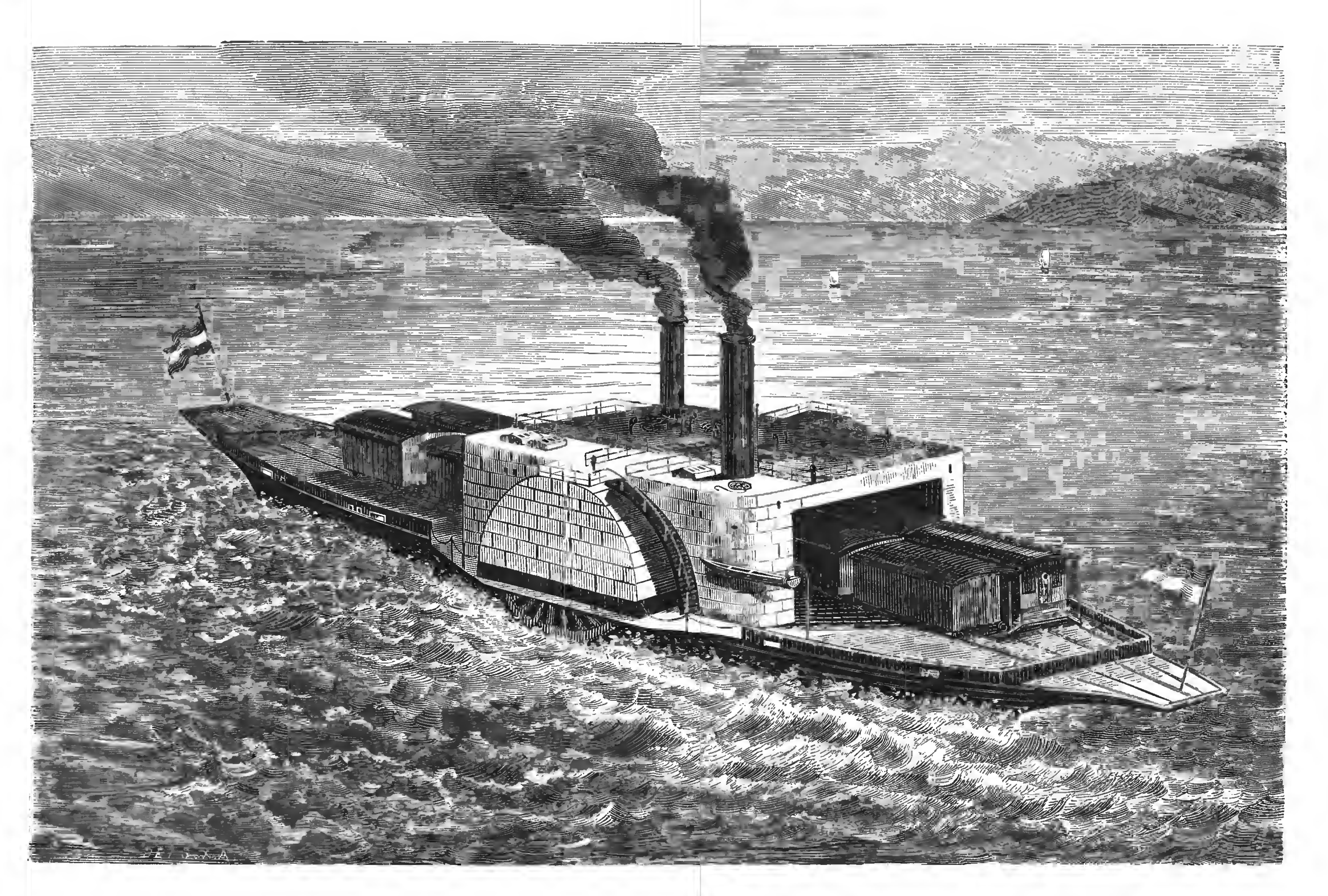
Почтенный ганзейскій городъ Бременъ по внѣшнему виду своему принадлежитъ къ старинннымъ и необыкновенно красивымъ, пріятнымъ городамъ, потому именно, что блещетъ почти голландской чистотою даже среди самыхъ узкихъ улицъ своихъ. Чужестранецъ, посѣтившій Бременъ, видитъ въ немъ на каждомъ шагу проявленіе дѣятельнаго бюргерскаго духа, солиднаго благочестія и даже художественнаго вкуса -стоитъ только взглянуть на красивые, новые дома предмѣстій, или на высокія зданія съ фронтонами въ узкихъ улицахъ стараго города. Ярче всего проявляется почтенный старо-бременскій характеръ въ старинныхъ общественныхъ постройкахъ и, въ особенности, въ прекрасной ратушѣ, которая изображена на нашей картинкѣ. Ратуша, вмѣстѣ съ соборомъ и новой биржей, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ зданіямъ Бремена и въ то же время она представляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Германіи памятниковъ средневѣковой архитектуры, напоминая собою красивыя городскія думы и ратуши бельгійскихъ городовъ, хотя Бременская ратуша и не сохранила во всей чистотѣ первоначальнаго стиля архитектуры, какъ городскія думы въ Брюсселѣ, Люттихѣ, Левенѣ, Генте, Бригге и т. д. Постройка бременской ратуши была начата въ 1405 году и окончена въ 1409 г. Зданіе было въ готическомъ стилѣ; но теперь слѣды этого стиля сохранились только въ остроконечной крышѣ, башенкахъ и въ стрѣльчатыхъ окнахъ боковыхъ фронтоновъ: остальныя части зданія были перестроены въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. въ духѣ Renaissance; такимъ образомъ бременская ратуша, вмѣстѣ съ гейдельбергской замковой руиной, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ въ Германіи постройкамъ въ стилѣ „возрожденія“. Главный фасадъ, выходящій на торговую площадь (онъ-то и представленъ на нашемъ рисункѣ), съ вереницей оконъ, съ массой богатыхъ архитектурныхъ украшеній, портикомъ, тремя фонтанами, колонками, каріатидами, обелисками и статуями, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ геніи и изобрѣтательности строителя. Какъ снаружи, такъ и внутри зданіе это отличается величественнымъ видомъ. Лѣстницы (на одной изъ нихъ находится мраморная статуя славнаго бременскаго бургомистра Іог. Шмидта), большая зала, сокровищница и другіе апартаменты великолѣпнаго дома дѣлаютъ честь создавшему ихъ. Подъ ратушей находится одно знаменитое помѣщеніе, а именно: погребъ совѣта, хранящій въ себѣ интересныя бочки съ рейнвейномъ (съ 1624 г.). Въ этомъ погребѣ, которому дѣлаютъ визитъ почти всѣ иностранцы, существуетъ ресторанъ, гдѣ можно насладиться особенно хорошимъ рейнвейномъ.

Паровое судно для переправы нагруженныхъ вагоновъ чрезъ Боденское озеро.

Паровое судно—ничто иное какъ громадныхъ размѣровъ пароходъ. Палуба этого парохода снабжена двумя путями рельсовъ, пригнанными къ дебаркадеру пристани такимъ образомъ. что они составляютъ какъ бы продолженіе рельсовъ, положенныхъ на сушѣ. При этомъ уже, очевидно, не нужно перемѣщеніе груза изъ вагоновъ въ биржевыя помѣщенія. Вагоны сами войдутъ по рельсамъ на палубу и вся задача слѣдовательно состоитъ въ переплытіи такого парохода съ вагонами черезъ озеро къ соотвѣтствующей пристани на противоположномъ берегу. Надо замѣтить, что подобный способъ передвиженія грузовъ практикуется въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и другихъ земляхъ уже довольно давно.

Старинная ратуша въ Бременѣ. Рис. Р. Штилеръ, грав. Бренд'Амуръ.

Паровое судно для переправы нагруженныхъ вагоновъ чрезъ Боденское озеро. (Въ Швейцаріи). Рис. Р. Штилеръ, грав. Рейсъ.

Для передвиженія же грузовъ черезъ Боденское озеро такое перевозочное судно устроено 10 лѣтъ тому назадъ вюртембергцами между пристанями *Фридрихсгафеномъ* и *Рамансгорномъ*. Затѣмъ, уже по этому образцу построено другое подобное же рельсовое судно, на счетъ баварскихъ коммерсантовъ, служащее для передачи грузовъ между пристанями *Линдау* и *Роршахомъ*.

Прилагаемый нами рисунокъ представляетъ такое судно во время его пути съ вагонами по Боденскому озеру. Сооружено оно вюртембергскими коммерсантами. Палуба его настолько велика, что на ея рельсахъ можетъ помѣщаться 14-ть нагруженныхъ хлѣбомъ вагоновъ, грузъ каждаго вагона составитъ вѣсъ приблизительно 720 нашихъ пудовъ. Изъ рисунка видно, что на палубѣ устроено двѣ расходящіяся дороги рельсовъ, точь въ точь какъ устраивается это на сушѣ, и можно легко понять, что движеніе на такихъ рельсовыхъ судахъ можетъ совершаться непрерывно и безъ замедленія. Паровая машина этого судна содержитъ 300 номинальныхъ лошадиныхъ силъ и обусловливаетъ собою такую быстроту движенія судна, что она сравнительно съ скоростью движенія другихъ болѣе легкихъ пароходовъ, крейсирующихъ по Боденскому озеру, можетъ назваться необычайною. Машина построена на Эшеровой машинно- и желѣзнодорожной фабрикѣ въ Цюрихѣ. Въ виду уже и безъ того значительной тяжести груза, пассажиры перевозиться на подобныхъ судахъ черезъ озеро не могутъ, а должны садиться на другіе пароходы.

Невольно приходитъ при этомъ на мысль, что если бы существовало и у насъ подобное передвиженіе грузовъ черезъ Дунай въ минувшую войну, то это принесло бы намъ огромныя выгоды, въ смыслѣ сбереженія времени и своевременной доставки грузовъ, въ особенности же хлѣбныхъ запасовъ для арміи.

Военные дѣятели.

На страницахъ „Нивы“ своевременно появлялись портреты и біографическія свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ окончившейся теперь русско-турецкой войны. Но послѣ такой продолжительной войны, отличавшейся не только громаднымъ количествомъ боевыхъ дѣлъ, но и массою отдѣльныхъ славныхъ эпизодовъ, не скоро будутъ подведены ея итоги, не скоро выдвинутся во всеобщее свѣдѣніе имена многихъ, съ пользою послужившихъ своему отечеству. Можно утвердительно сказать, что не мало въ концѣ концовъ останется въ безвѣстности такихъ высокихъ подвиговъ, которые совершены истинными сынами своей родины и, конечно, не мало останется ихъ въ безвѣстности потому, что не всякій истинный герой дорожитъ славою, сознавая ея суетность. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ военныхъ заслугъ, что по количеству пользы, принесенной въ военное время родинѣ, иной разъ бываетъ болѣе достоинъ общественнаго вниманія тотъ воинъ который самъ даже и не былъ въ бою. Таковыхъ найдется не мало, ибо послужить родинѣ можно не только тѣмъ, что пасть въ жаркой битвѣ, но и однимъ лишь безукоризненно правдивымъ исполненіемъ своего служебнаго долга. Изъ числа такихъ заслуживаютъ вниманія по скромной, но полезной дѣятельности тѣ лица, портреты и біографіи которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ:

Дмитровскій, Викторъ Ивановичъ, начальникъ штаба 8-го армейскаго корпуса. Онъ офицеромъ съ 1852 года. Образованіе свое закончилъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Въ Восточную войну молодымъ офицеромъ, онъ въ 3 года, кромѣ чиновъ, получилъ три ордена, свидѣтельствующіе о его выдающихся боевыхъ способностяхъ, затѣмъ въ 1869 году, будучи уже въ Генеральномъ Штабѣ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., съ мечами и бантомъ и золотою саблею за храбрость. Въ нынѣшнюю войну, въ должности начальника штаба 8-го корпуса, онъ участвовалъ въ форсированіи переправы этимъ корпусомъ съ 14-го на 15-е іюня и въ рапортѣ генерала Радецкаго Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, поименованъ какъ особенно отличившійся своимъ мужествомъ. Сподвижникъ и помощникъ генерала Радецкаго во все время защиты Шипкинскаго перевала, онъ своею распорядительностью, хладнокровіемъ въ исполненіи порученій и неутомимой дѣятельностью, вызывалъ похвалы даже такихъ героевъ, какими выказали себя всѣ участники защиты. Какъ имя севастопольца вызываетъ чувство уваженія къ лицу носящему его, такъ и теперь достаточно быть защитникомъ Шипки, чтобы дать о себѣ понятіе, теперь онъ генералъ-маіоръ. За неимѣніемъ современнаго его портрета, ограничиваемся снятымъ въ прежнихъ чинахъ.

Липинскій, Александръ Осиповичъ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ. Онъ воспитанникъ Московскаго кадетскаго корпуса, откуда въ 1848 году за отличные успѣхи произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Въ составѣ войскъ гвардіи, участвовалъ въ походахъ 1849 и 1854 годовъ; затѣмъ штабсъ-капитаномъ поступилъ въ Академію генеральнаго штаба и по окончаніи курса былъ переведенъ въ генеральный штабъ и командированъ въ Симбирскую губернію для статистическаго ея описанія. Въ 1864 году, подполковникомъ, назначенъ начальникомъ штаба 36-й пѣхотной дивизіи, а въ ноябрѣ 1869 г. получилъ въ командованіе 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, съ которымъ и выступилъ въ походъ 22-го ноября 1876 года. Съ объявленіемъ войны, Брянскій полкъ въ составѣ 8-го корпуса (Радецкаго) направился къ Дунаю и въ ночь съ 14-го на 15-е іюня, во время переправы, занималъ островъ для прикрытія нашей артиллеріи. Въ награду мужества и распорядительности здѣсь оказанныхъ, А. О. Липинскій получилъ золотую саблю „за храбрость“. Со вступленіемъ въ Болгарію ему приказано было двинуться съ полкомъ на Тырново, а оттуда къ Ловчѣ. Послѣ отступленія генерала Гурко, когда вся армія Сулеймана-паши сосредоточилась у Шипкинскаго перевала и аттаковала бывшія тамъ войска, А. О. Липинскій получилъ приказаніе, въ 2 часа ночи, поспѣшить изъ Сельви, и дѣйствительно къ 11 часамъ 9-го августа онъ былъ уже на позиціи у перевала и занялъ своимъ полкомъ Сѣверную гору и всю мѣстность до горы св. Николая. Здѣсь было жаркое дѣло, А. О. Липинскій былъ контуженъ, но въ пылу битвы не замѣчалъ этого и словомъ и дѣломъ воодушевлялъ и ободрялъ солдатъ. 13-го августа генералъ Радецкій далъ приказъ А. О. Липинскому аттаковать укрѣпленіе на Лѣсной горѣ, блистательно имъ выполненный. За это по истинѣ геройское дѣло А. О. Липинскій получилъ орденъ Св. Вел. Георгія 4-й степени. Получивъ новое назначеніе начальника штаба 9-го корпуса, онъ, по сдачѣ полка отправился къ мѣсту служенія, подъ Плевну, и Высочайшимъ приказомъ отъ 10-го сентября произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и въ занимаемой должности.

Шмидтъ, Владиміръ Петровичъ, Свиты Его Императорскаго Величества контръ-адмиралъ. Въ 1841 году онъ поступилъ гардемариномъ въ Черноморскій флотъ и началъ плаваніе на кораблѣ „12-ти апостоловъ“, подъ командою В. А. Корнилова. Въ 1845 г. произведенъ въ мичманы съ назначеніемъ, какъ лучшій по фронтовой службѣ, въ 11-й учебный морской экипажъ Балтійскаго флота. Въ 1849 году переведенъ снова въ Черноморскій флотъ. Въ 1853 году, вскорѣ послѣ объявленія войны съ Турціею, командуя крытою батареею на фрегатѣ „Флора“, подъ командою капитанъ-лейтенанта Скоробогатаго, участвовалъ въ сраженіи фрегата, близь укрѣпленія Пицунда, съ тремя турецкими пароходо-фрегатами. Не задолго передъ высадкою въ Крымъ, В. П. поступилъ лейтенантомъ на пароходъ „Ростиславъ“. Послѣ Альминской битвы до 1-го ноября былъ командующимъ кораблемъ, дѣйствуя изъ орудій по первоначальнымъ работамъ англичанъ. Желая принять болѣе дѣятельное участіе въ оборонѣ, просилъ о назначеніи его на Малаховъ курганъ, гдѣ и командовалъ морскимъ баталіономъ № 36, до назначенія помощникомъ командира бастіона № 5; за успѣшныя работы подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами. Въ мартѣ 1855 г. командовалъ бастіономъ № 2 и за вторую десятидневную бомбардировку награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст. съ мечами. За особенное мужество по командованію Ростиславскимъ редутомъ въ послѣдніе три мѣсяца осады, а также за отличную распорядительность при взрывахъ нашихъ укрѣпленій праваго фланга, по способу, предложенному имъ самимъ, награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й ст. На Дунай В. П. былъ назначенъ въ маѣ прошлаго года, какъ начальникъ отряда морскихъ командъ. Спустя мѣсяцъ послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай, сильно разстроенное здоровье В. П. заставило его покинуть свой отрядъ и возвратиться въ Россію.

Воронцовъ, Семенъ Михайловичъ, свѣтлѣйшій князь, командиръ 10-го армейскаго корпуса. Онъ сынъ знаменитаго Михаила Семеновича Воронцова, воина, дипломата, администратора, Кавказскаго намѣстника. Окончилъ курсъ наукъ въ Ришельевскомъ лицеѣ 21 года и поступилъ въ гражданскую службу. Въ 1847 году переименованъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Блистательно участвуя въ компаніяхъ, онъ въ 5 лѣтъ получилъ всѣ важнѣйшіе ордена: св. Георгія 4-й ст., св. Владиміра 4-й ст, золотую саблю „за храбрость“; въ 1852 году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1856 году пожалованъ генералъ-адъютантомъ, а 1862 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Личныя его достоинства, популярное имя въ Новороссійскомъ краѣ, доставили ему назначеніе командира 10-го армейскаго корпуса, предназначаемаго для защиты края.

Лошкаревъ, Павелъ Сергѣевичъ, командиръ 2-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ. Онъ офицеромъ съ 1844 года, изъ воспитанниковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Вся служба П. С. Лошкарева ограничивалась внутреннею, административною дѣятельностью, отличною на самомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ награды, возможныя въ чинѣ генералъ-маіора, онъ имѣетъ, состоя въ немъ съ 1868 года.

Яновскій, Василій Ивановичъ, начальникъ штаба 7-го армейскаго корпуса, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ. Онъ офицеромъ съ 1856 года. Военное образованіе получилъ въ Академіи Генеральнаго Штаба; за отличные успѣхи былъ оставленъ въ генеральномъ штабѣ и сначала исполнялъ должность старшаго адъютанта, потомъ начальника штаба 3-й гвардейской дивизіи, затѣмъ назначенъ командиромъ 143-го Дорого-

бужскаго полка. Сдавъ полкъ поступилъ начальникомъ отдѣленія Главнаго Штаба. Произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1872 году; назначенъ бригаднымъ командиромъ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи и наконецъ, при сформированіи корпусовъ—начальникомъ штаба корпуса.

Лишинъ, Григорій Николаевичъ, командиръ 33-й артиллерійской бригады, генералъ-маіоръ. Воспитанникъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, выпущенъ прапорщикомъ въ 1835 г. въ полевую конную артиллерію. Генераломъ съ 1874 г. Командиръ бригады съ 1876 года въ составѣ 10-го армейскаго корпуса князя Воронцова.

Н.

Законъ—дѣло темное.

(Къ характеристикѣ гражданскихъ процессовъ въ Англіи).

„Законъ—это темное дѣло!“ (The law is uncertain), говоритъ старинная англійская поговорка и эта поговорка какъ нельзя болѣе оправдывается въ отношеніи къ англійскому законодательству и къ англійскому гражданскому процессу, въ особенности по предмету полученія наслѣдствъ по завѣщаніямъ, по предмету разныхъ спорныхъ актовъ. Ни одна страна не представляетъ въ этомъ отношеніи такой страшной путаницы, какъ Англія. Англійское гражданское законодательство въ теоретическомъ отношеніи имѣетъ, конечно, свои хорошія стороны. Но на практикѣ собственно въ отправленіи гражданскаго процесса, въ исполненіи тысячи предписаній права, образовались въ Британіи такіе громадные наросты въ сотни тысячъ центнеровъ, что трудно рѣшить, какъ это страна съ либеральными учрежденіями можетъ мириться съ средневѣковыми порядками, положительно деморализующими массу и вообще весьма вредными для культурнаго благосостоянія народа. Хуже всего то, что темнота, неопредѣленность и многосложность англійскихъ гражданскихъ законовъ—на руку адвокатамъ, и тѣ ревниво охраняютъ эту запутанность. Всякая ясность и недвусмысленность въ законѣ для англійскаго адвоката—ножъ вострый. Всякое сокращеніе и обобщеніе слишкомъ многосложныхъ, ненужныхъ и противорѣчивыхъ предписаній и параграфовъ повело бы за собою, конечно, упадокъ матеріальнаго благосостоянія адвокатскаго сословія. Оттого это сословіе съ горячностью, достойной лучшаго дѣла и отстаиваетъ это путанное státu quo. Представьте себѣ: въ англійскомъ гражданскомъ кодексѣ есть цѣлыхъ 1.500,000 отдѣльныхъ законовъ, опредѣленій, затѣмъ просто обычаевъ, разнообразныхъ прецедентовъ, случившихся еще въ средніе вѣка—случаевъ, которыхъ не удержала бы въ головѣ никакая память,—такъ они ничтожны и чужды нашему времени. Изъ всего этого пестраго сброда составлены въ Англіи огромныя полки гражданскихъ статутовъ, составляющихъ *цѣлыхъ сорокъ три огромныхъ фоліанта*... Одна полка такихъ фоліантовъ составитъ длины почти 3 нашихъ русскихъ саженъ!.. Да и это еще только собраніе гражданскихъ статутовъ для Англіи въ собственномъ смыслѣ; для Ирландіи же и Шотландіи пришлось бы надбавить еще двѣ полки для помѣщенія фоліантовъ статутовъ, такъ какъ каждая изъ этихъ странъ имѣетъ опять-таки массу законовъ, обычаевъ, прецедентовъ, унаслѣдованныхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Правда, въ послѣднее время и въ Англіи пришли къ мысли помочь горю, т. е. облегчить для обыкновенныхъ гражданъ пониманіе законовъ. Но усилія разныхъ коммисій оказали весьма мало успѣха. Поглодали-поглодали коммисіи вѣковой англійской окамепѣлости, да и пошли прочь, потому что окаменѣлость-то такого свойства, что можно сломать себѣ всѣ зубы. Для коммисіи (названной „коммисіею очищенія законовъ“) не жалѣли денегъ. Члены коммисіи, „очистители“ писали, писали—и „вѣчно бы писали, да жалованье брали“, по выраженію нашего Крылова. Но вскорѣ и рессурсы-то для жалованья членамъ коммисіи истощились, такъ какъ была израсходована на этотъ предметъ громадная сумма, почти въ 250 тысячъ нашихъ рублей, а дѣло все не подвинулось. Нарядили другую коммисію, та израсходовала еще четверть милліона, не подвинувъ дѣла и только обсуждая вопросъ: *какъ* приступить къ дѣлу? Послѣ этого Палата Лордовъ сочла вообще безполезнымъ и не производительнымъ для страны заниматься подобнымъ вопросомъ, но Палата Общинъ горячо спорила объ этомъ предметѣ въ теченіе почти цѣлой парламентской сессіи. Вопросъ остался, однако, не рѣшеннымъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовалась уже *третья* или *четвертая* коммисія для очищенія законовъ, заявивъ, конечно, требованіе новой четверти милліона изъ государственнаго казначейства за громадный трудъ и выразивъ свое желаніе на успѣшный результатъ труда въ такой мягкой формѣ: „надѣемся, что можно надѣяться, что намъ удастся очистить съ нашихъ статутовъ груды щебня и мусора, тенета и плѣсень!“ Но увы!.. и это было слишкомъ смѣло сказано, и эта коммисія оказалась безсильною. Оно и понятно: нужно было очищать законодательство, сложившееся въ теченіе цѣлыхъ 600 лѣтъ. Нужно было быть какой либо коммисіи геркулесомъ, чтобы чистить это стойло. Да и тутъ уже нужна постоянная коммисія, въ которой смѣнилось бы нѣсколько поколѣній.

Мы сказали выше, что въ англійскихъ гражданскихъ законахъ много средневѣковаго, устарѣвшаго, и это устарѣвшее все-таки примѣняется и теперь на основаніи укоренившихся обычаевъ. Беремъ примѣры. Еще и теперь, въ XIX вѣкѣ въ Англіи существуетъ законъ, по которому подвергается взысканію каждый мелочной ремесленникъ, аптекарь, даже цирюльникъ, нарушившій своей работой святость воскреснаго дня. Это предписаніе возникло, въ силу особаго парламентскаго акта, еще при Карлѣ III, слѣдовательно почти за 2 вѣка до нашего времени, и однако предписаніе это и до сихъ поръ практикуется. Будущее поколѣніе Англіи, конечно, будетъ счастливѣе, такъ какъ въ настоящее время для него не приготовляются все опутывающія пеленки, слѣдовательно и къ примѣненію и толкованію законовъ оно будетъ относиться свободнѣе; оно будетъ знать свои законы и съумѣетъ понимать ихъ духъ, а не мертвящую букву, не производя безполезной траты цѣлой горсти гиней взяточнику-адвокату. Въ принципѣ по идеалу, въ Англіи, какъ въ странѣ въ высшей степени либеральной, каждый равенъ передъ закономъ. Но какъ дѣло коснется практическаго примѣненія всеобщаго равенства предъ закономъ, такъ и оказывается совсѣмъ другое, до того другое, что практическіе наблюдатели англійской судебной практики и изслѣдователи рѣшенія дѣлъ замѣчаютъ, что въ рѣшеніи однородныхъ дѣлъ, напримѣръ, положимъ въ 1870 и въ 1770 годахъ нѣтъ существенной разницы (относительно проволочекъ и притѣсненій слабаго и взяточничества адвокатовъ). Сто лѣтъ назадъ блистательно осуществлялся на практикѣ для темной массы принципъ „законъ—дѣло темное!“ Осуществляется онъ и теперь.

То, что особенно неприглядно и не прогрессивно въ англійскомъ судопроизводствѣ, такъ это вѣчная ссылка на прецеденты или предшествовавшіе случаи въ рѣшеніяхъ подобныхъ дѣлъ. Тутъ уже англійскій адвокатъ или судья ссылается на прецедентъ не только XVIII, но даже XVII, XV и XIII столѣтій. Все равно какъ если бы, напримѣръ, нашъ русскій судья, рѣшая какое-либо дѣло, сослался на рѣшеніе дѣла по судебнику Ивана III!.. Истецъ въ Англіи, въ особенности по дѣлу о наслѣдствѣ, долго скитается по разнымъ мытарствамъ, судебнымъ инстанціямъ, пока, наконецъ, его, уже потерявшаго всякое терпѣніе, не отошлютъ къ лорду-канцлеру, въ знаменитый Court of Chancery, „послѣднюю канцелярію“, гдѣ какъ въ центрѣ сходятся всѣ нити многотрудныхъ гражданскихъ процессовъ. Но въ большей части случаевъ, какъ только дѣло перенесется въ канцелярію—то пиши пропало для истца. Дѣло его похоронено!.. Вотъ объ этой-то знаменитой канцеляріи мы и должны сказать, въ заключеніе, нѣсколько словъ.

„Въ канцелярію!“ *) На истаго англичанина и особенно жителя Лондона, это слово дѣйствуетъ какимъ-то магическимъ и часто потрясающимъ образомъ.

Въ „канцелярію“ васъ везутъ въ омнибусѣ, дорогою, которая проходитъ черезъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ кварталовъ Лондона. Но вотъ неожиданность. Васъ, какъ пріѣзжаго новичка въ Лондонъ, вдругъ начинаетъ сильно удивлять—отъ чего это такъ печально выглядятъ многіе на широкую ногу построенные дома въ этомъ блестящемъ кварталѣ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ заколочены двери, словно во время опустошительной чумы, окна развалились, крыша сломана.

— Отъ чего эти дома такъ ветхи? спрашиваете вы возницу омнибуса.

— А благодаря спору о наслѣдствѣ, сэръ! отвѣчаетъ вамъ возница. Вотъ ужъ 80 лѣтъ будетъ, какъ процессъ-то этотъ длится... Старый процессъ. Эти дома съ тѣхъ поръ хранятся въ канцеляріи,—оттого и ветхи“.

Идете вы по улицѣ, тоже въ лучшемъ изъ кварталовъ Лондона и встрѣчаете дряхлую старуху—нищую съ ребенкомъ на рукахъ. Старушенка совершенно истомлена, повидимому, истаяла отъ голода. Что-же? Она въ самомъ дѣлѣ бѣдна? — О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. У ней есть десятки тысячъ фунтовъ—но они десятки лѣтъ прозябаютъ въ канцеляріи, подъ предлогомъ „неоконченнаго процесса“. Еще бывши малюткой, она все ждала и ждала окончанія процесса... Тщетно!.. А вотъ по грязной улицѣ идетъ больная, полузамерзлая дѣвочка. Рѣзкій дождь хлещетъ ей въ блѣдное, исхудалое личико. Эта дѣвочка знакома уличному полисмену. „Эта дѣвочка дочь зажиточныхъ родителей, сэръ, — замѣчаетъ онъ сжалившемуся

*) Канцелярія, въ смыслѣ юридическомъ, имѣетъ въ Англіи совершенно особое значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Это учрежденіе имѣетъ въ Англіи высшую юрисдикцію и спеціально создано для того, чтобы окончательно рѣшать всѣ гражданскіе процессы всѣхъ графствъ въ Англіи. Лордъ-хранитель печати—считается въ этомъ учрежденіи *единственнымъ судьею*; но у него есть 12 помощниковъ или ассессоровъ, имѣющихъ, впрочемъ, только совѣщательный голосъ. Предписанія о созывѣ Парламента и всѣ акты, санкціонированные авторитетомъ королевы, проходятъ черезъ эту канцелярію. Бюро составляютъ въ канцеляріи 24 такъ называемые клерка.

надъ несчастною прохожему. Но оставленная ей, по завѣщанію, часть отцовскаго имущества до сихъ поръ „въ канцеляріи". Вотъ еще въ просторномъ фіакрѣ везутъ сумасшедшаго. Кучеръ получилъ приказаніе ѣхать „въ Бедламъ" *). И этотъ несчастный—жертва канцеляріи. Долго, долго онъ ждалъ правосудія, пока не истратилъ послѣднюю полушку и пока его жена, на его глазахъ, умерла голодною смертью. Но вотъ и этотъ несчастный скончался въ домѣ умалишенныхъ. Но какая же злая насмѣшка судьбы! На другой день послѣ его кончины пресловутая канцелярія рѣшила процессъ въ его пользу—и будь онъ живъ и въ здравомъ умѣ, онъ сдѣлался бы милліонеромъ. Но было бы утомительно перечислять подобные случаи. Въ Англіи ихъ не перечтешь. Нигдѣ черствый и безчеловѣчный эгоизмъ, опираясь на обычное право и унаслѣдованныя и закрѣпленныя вѣками традиціи, не царитъ съ такою силою, какъ въ Англіи.

Генералъ-маіоръ П. С. Лашкаревъ. Ком. 2 бриг. 1 кав. дивизіи.

Свѣт. Князь С. М. Воронцовъ. Командиръ 10 армейскаго корпуса

Начальникъ штаба 7 арм. корпуса В. И. Яновскій.

Начальникъ штаба 10 корпуса, В. И. Дмитровскій.

*) Образцовый лондонскій домъ умалишенныхъ.

(Продолженіе на стр. 193, 194, 195 и 196).

Приведемъ еще наиболѣе выдающіеся примѣры гибели людей изъ-за затяжки процессовъ, по милости канцеляріи. Представимъ дѣло такъ, какъ оно было изложено въ лондонскихъ полицейскихъ протоколахъ. Этимъ еще лучше обрисовывается дѣло.

Лондонъ, 2-го ноября 1862 года. Сего числа послѣдовала печальная смерть женщины-милліонерки. По судебно-анатомическомъ осмотрѣ трупа для опредѣленія причины смерти мистриссъ Елисаветы Уоббъ и при изслѣдованіи обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея смерть, оказалось, по распросамъ, въ среду вечеромъ, въ тавернѣ „Герцогъ Нортумберландъ“, въ Форшайнской улицѣ, — что покойная была поднята среди улицы и оказалась столь изнуренною отъ голода, что вскорѣ скончалась. Покойной принадлежало независимое состояніе въ 3 милліона 500,000 фунтовъ стерлинговъ, на каковые, какъ доказано согласно завѣщанію, она имѣла неоспоримое наслѣдственное право съ 1798 г. оставленномъ имъ громадномъ состояніи... Хороши нравы и юридическіе обычаи великаго британскаго народа!..

Контръ-адмиралъ В. П. Шмидтъ.

Цитуемъ еще подобный протоколъ.

Лондонъ, 7-го сентября 1863 г. Сего числа внезапно умерла нищая, наслѣдница 30,000 фунтовъ стерлинговъ. Вчера вечеромъ, въ Биргалле „Elephant and Castle“ D-г. Ланкастеръ свидѣтельствовалъ трупъ умершей. Въ настоящее время представляется доказаннымъ, что покойная имѣла неоспоримое право на обладаніе 30,000 фунт. стерл. и на проценты на сей капиталъ, начиная съ 1720 года. Смерть послѣдовала отъ естественной причины.

Часто случается въ Англіи, что такіе и симъ подобные процессы дѣлаются, какъ говорится, „вымороченными“, т. е. субъектъ и объектъ иска сходятъ въ могилу,— тогда ужь не кому и не съ кого искать, да и самая сумма иска давно погашена уже сдѣланными прежде затратами истца. Позднѣйшему по-

Командиръ 33 арм. бригады, Г. Н. Лишинъ.

Генералъ-маіоръ А. О Липинскій.

Какая ужасная иронія!.. Человѣкъ умираетъ голодною смертію, и вскорѣ затѣмъ является полицейское объявленіе объ колѣнію извѣстной фамиліи приходится часто читать трогательную исторію своихъ предковъ на оберточной бумагѣ. Скромно

и поучительно. Склонные къ юмору англичане называютъ бумажную связку, содержащую такой процессъ (по нашему—ситое дѣло) *краснымъ шнуромъ*. Этотъ „красный" шнуръ судебныхъ проволочекъ и юридической рутины составляетъ предметъ какого-то культа и слѣпой привязанности государственныхъ учрежденій въ Англіи. Если сосчитать не выгорѣвшіе процессы о наслѣдствѣ по завѣщанію, въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій, то придется сознаться, что „красный шнуръ" удавилъ уже цѣлую громадную армію истцовъ.

Но отъ этого пострадали также арміи и въ буквальномъ смыслѣ слова.

Стоитъ припомнить рядъ отчаянныхъ спекуляцій по доставкѣ въ армію провіанта во время Крымской войны. Канцелярія умѣла тогда ловко воспользоваться обычаемъ краснаго шнура. Благодаря этому обычаю нестерпимыхъ проволочекъ гражданскаго процесса, разъ пошелъ ко дну желѣзный паровой ботъ со всѣми пассажирами. У береговъ Новой Зеландіи, все благодаря той же канцеляріи, потонулъ пароходъ „Орфей" съ 200 человѣкъ пассажировъ... А все отъ чего? Отъ того, что Лондонское адмиралтейство сочло нужнымъ замедлить высылкою капитану парохода исправленной и улучшенной карты береговъ Новой Зеландіи. Точно также и тоже у береговъ Новой Зеландіи, разбился въ дребезги пароходъ „Англо-Саксонъ", благодаря тому обстоятельству, что подлежащія власти въ Лондонѣ не могли рѣшиться выслать капитану парохода штурмовую трубу для обезпеченія отъ опасностей плаванія, а не могли этого сдѣлать власти потому, что въ это время разбирали предложенія въ томъ же смыслѣ, какого-то патентованнаго иностраннаго общества. Корыстные меркантильные разсчеты взяли верхъ надъ неотложнымъ требованіемъ долга...

Словомъ: англійскій красный шнуръ стоилъ жизни гораздо большему числу людей, чѣмъ извѣстный шелковый зеленый шнуръ въ Турціи, какъ извѣстно, посылаемый султаномъ обреченнымъ на смерть пашамъ и другимъ знатнымъ лицамъ. Опальные турецкіе чиновники, благоговѣйно поцѣловавъ зеленый шнуръ, дѣлаютъ изъ него петлю и вѣшаются на немъ. Въ такомъ же отношеніи, какъ турки къ султану, стоятъ англичане къ своей канцеляріи. Лордъ-канцлеръ, предсѣдательствующій въ этой канцеляріи—общій опекунъ для всѣхъ англичанъ — и мы видѣли. какъ онъ зачастую относится къ своимъ опекаемымъ...

(St.-P. Z.).

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Ожидаемый европейскій конгрессъ служитъ еще предметомъ разнообразныхъ толковъ... Главнымъ предметомъ разногласія представляются тѣ роли, которыя будутъ играть на конгрессѣ Англія и Австро-Венгрія.—Что касается Великобританіи. то въ общественномъ мнѣніи ея совершился поворотъ—къ лучшему или къ худшему въ смыслѣ шансовъ мирнаго уложенія дѣла—это пока неясно Ясно только одно, что Англія выражаетъ намѣреніе не посылать своего представителя на будущій европейскій конгрессъ и выражаетъ мысль о безполезности самаго конгресса. Министръ иностранныхъ дѣлъ. лордъ Дерби, сдѣлалъ заявленіе въ одномъ изъ засѣданій парламента, что самъ конгрессъ вѣроятно изберетъ себѣ президента, каковымъ въ данномъ случаѣ будетъ князь Бисмаркъ; что, за симъ, положеніе президента на конгрессѣ или конференціи несопряжено съ какою-либо властью. что онъ долженъ явиться на подобномъ ареопагѣ только „первымъ среди равныхъ". Австро-венгерскій премьеръ, графъ Андраши, съ удвоеннымъ усиліемъ занимается теперь оцѣнкой австрійскихъ „интересовъ". Онъ объявилъ громадное протяженіе интересовъ Австріи почти до Эгейскаго моря!.

Но скоро-ли, наконецъ, соберется конгрессъ. Извѣстія объ этомъ до сихъ поръ весьма неопредѣлены. Въ принципѣ, всѣ державы уже согласились на конгрессъ, но принципъ и исполненіе, форма и сущность—двѣ вещи нѣсколько различныя, особенно въ дипломатіи.

Нужно еще замѣтить, что Англія принимаетъ на себя роль „представительницы интересовъ Греціи на конгрессѣ". Лордъ Дерби недавно оффиціально сообщилъ греческому правительству объ этомъ посредничествѣ. При этомъ уже оказывается, что Англія, забывая свои интересы, будетъ стоять за интересы другихъ. Грецію, какъ теперь представляется уже доказаннымъ, Англія запугивала и мѣшала ей присоединиться къ войнѣ противъ Турціи. Теперь-же, во время мира Греція вооружается и требуетъ удовлетворенія своихъ справедливыхъ (?) требованій... Все это почти невѣроятно, если-бы не было дѣйствительностью...

Другое дѣло Черногорія: она справедливо можетъ отстаивать свои интересы на европейскомъ ареопагѣ. Ея заслуги, дѣйствительно, велики.

Представителемъ интересовъ этой героической страны на конгрессѣ назначается президентъ черногорскаго сената, честный и мужественный *Божо Петровичъ*. Онъ уже прибылъ съ особымъ порученіемъ въ Вѣну и, какъ увѣряютъ изъ вѣрныхъ источниковъ, получилъ обѣщаніе, что Австро-Венгрія поддержитъ на конгрессѣ законныя требованія Черногоріи. Петровичу заявлено было даже, что Австрія вполнѣ одобряетъ образъ дѣйствій, котораго до сихъ поръ держалась Черногорія.

Тогда какъ въ сѣверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова звукъ оружія утихъ,—въ южныхъ частяхъ полуострова, онъ только что поднимается и распространяется съ возрастающею силой. Повидимому, растетъ какая-то новая туча, которая, быть можетъ, закроетъ прояснившуюся было часть горизонта...

Въ Босніи также мало шансовъ къ радикальному подавленію возстанія. Порта уже приняла усиленныя мѣры къ укрѣпленію боснійскихъ гарнизововъ близъ *Бихача*, предположено даже устроить укрѣпленный лагерь на 40,000 человѣкъ. Съ другой стороны, какъ въ Босніи, такъ и въ Герцеговинѣ, происходитъ агитація въ пользу занятія этихъ земель австрійскими войсками.

Возстаніе въ горныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, (*Македонія, Ѳессалія, Эпиръ* и островъ *Критъ*) все болѣе разрастается, особенно же въ *Эпирѣ*. По поводу этого, Порта недавно обратилась къ великимъ державамъ съ ходатайствомъ о томъ, что-бы онѣ оказали давленіе на Грецію, въ слѣдствіе котораго Греція не поддерживала бы возстанія ни въ Ѳессаліи, ни въ Эпирѣ, ни на Критѣ. Въ случаѣ безуспѣшности этой мѣры, Турція рѣшилась послать сильный корпусъ войска, поддерживаемый броненосною эскадрой, подъ начальствомъ Гобартапаши. На о—въ же Критъ турецкія войска давно отправлены. Не смотря, однако, на эти „усмиряющія" демонстраціи, нѣтъ слуховъ, что-бы возстаніе уменьшилось; напротивъ—районъ его все болѣе и болѣе расширяется. Македонскіе инсургенты заняли важные пункты, *Платомону* и *Рапсонъ* и провозгласили свое присоединеніе къ Греціи. Сообщеніе между Македоніей и Ѳессаліей теперь прервано. Это ободрило инсургентовъ въ Эпирѣ, которые потребовали себѣ помощи у собратьевъ своихъ по возстанію.

Въ Италіи за прошлую недѣлю произошелъ министерскій кризисъ, произведшій впечатлѣніе даже на другія державы, соприкосновенныя своими интересами съ интересами Италіи, напримѣръ на Австрію. Уже 27 февраля (11 марта) положеніе итальянскаго министерскаго кабинета Депретиса считалось безнадежнымъ, и кабинетъ, дѣйствительно, скоро палъ. Еще передъ этимъ молодой итальянскій король Гумбертъ пригласилъ къ себѣ во дворецъ *Кайроли*, съ которымъ имѣлъ продолжительную бесѣду. Тогда еще не была рѣшена отставка кабинета. По вскорѣ послѣ того быстро послѣдовало и паденіе министерства. и укрѣпленіе шансовъ Кайроли на сформированіе новаго кабинета.

Нашъ мирный договоръ съ Турціей подписанный въ знаменательный день 19-го февраля, какъ доходятъ слухи, будетъ называться не „Константинопольскимъ", какъ ожидали, а миромъ „*Санъ-Стефано*". Намъ кажется, что эта разность въ названіяхъ не измѣняетъ сущности дѣла и не уменьшаетъ вѣскости результатовъ войны. Великіе полководцы часто заключали миръ въ ничтожныхъ деревушкахъ и городахъ и отъ этого значеніе дѣла не страдало. Султанъ уже ретификовалъ мирный договоръ, а также послалъ собственноручное письмо Государю Императору. До обмѣна ратификацій еще не можетъ быть оффиціально извѣстенъ мирный договоръ нашъ съ Турціей.

Между Россіей и Персіей идутъ переговоры объ уступкѣ Персіи части Баязетскаго округа въ обмѣнъ на нѣкоторыя мѣстности вдоль Каспійскаго моря.

Ожидаютъ, что вскорѣ по заключеніи мира начнется постройка желѣзной дороги изъ Тифлиса въ Тегеранъ, проектъ которой уже разсматривается въ государственномъ совѣтѣ.

Китайцы въ послѣднее время стягиваютъ свои войска все ближе къ Кульджинскому району. Недавно изъ Урумци отправлено въ Шихо 7 т. человѣкъ. Прибывающіе изъ Шихо торговые люди говорятъ, что китайскіе начальники по стаяніи снѣговъ т. е. около апрѣля мѣсяца, намѣрены съ войсками двинуться въ Кульджу, для занятія ее; если же русскіе не отдадутъ добровольно, то они это сдѣлаютъ силою оружія.

Десятилѣтнее владѣніе русскихъ Средней Азіей укрѣпило увѣренность не только въ непобѣдимости русскихъ, но и въ ихъ гуманности. Въ наши предѣлы идутъ всѣ кому грозитъ опасн сть. Теперь пишутъ, что Дунгане и Кошгарцы ищутъ у насъ защиты отъ китайцевъ.

Есть слухъ, что часть эрзерумскаго вилайэта, уступаемая Россіи, будетъ раздѣлена на двѣ губерніи: Кабулетскую и Курдистанскую, и что генералъ-губернаторомъ ихъ будетъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Это новое пріобрѣтеніе въ Азіи имѣетъ огромное значеніе для Россіи. Съ армянскихъ высокихъ возвышенностей Россія легко можетъ господствовать надъ дорогами, ведущими въ Моссулъ чрезъ Билтисъ, въ Діарбекиръ чрезъ Гарпутъ и въ Сивасъ и Токатъ чрезъ Эрзингаиъ и Карагиссаръ, такъ что

Месопотамія и Анатолія будутъ находиться въ ея рукахъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ 2 марта прибылъ въ Петербургъ въ сопровожденіи специальнаго турецкаго уполномоченнаго Реуфа-паши, военнаго министра Турціи.

За симъ, переходя къ свѣдѣніямъ, касающимся внутреннихъ извѣстій, считаемъ нужнымъ сообщить что генералъ-губернатору Западной Сибири представлена обширная записка о турфанскомъ хлопководѣлываніи; генералъ-губернаторомъ оказано уже все возможное содѣйствіе купцу Каменскому, представителю вышеозначенной записки, принявшему на себя хлопоты по этому дѣлу. Нужно замѣтить, что отъ русской границы до Турфанской области насчитывается до 900 верстъ. Къ 1 августа тамъ оканчивается сборъ хлопка, гдѣ собираютъ его далеко болѣе, чѣмъ во всей Средней Азіи. Ростъ турфанскаго хлопчатника достигаетъ гигантской вышины—4 аршина: діаметръ стебля до 1½ вершк.; сборъ хлопка происходитъ до 7 разъ. Качество хлопка не уступаетъ американскому и даже превосходитъ его. Хлопокъ имѣетъ весьма длинныя, блестящія и нѣжныя волокна. Ткани, изготовленныя изъ перваго сбора, замѣняютъ китайскія шелковыя матеріи, а вата считается самою высокою, отличаясь снѣжною бѣлизною и замѣчательною спиральною силою. Ежегодный сборъ хлопка опредѣляется милліонами пудовъ. Цѣна на самый высокій сборъ никогда не превышала 2 р. 50 к. за пудъ; средніе сорта продаются отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Во время владычества въ восточномъ Туркестанѣ китайцевъ, турфанскій хлопокъ массами вывозился на рынки внутренняго Китая и стоимость среднихъ сортовъ доходила тогда до 40 к. за пудъ.

Исчисляя стоимость провоза хлопка изъ Турфана до Москвы, г. Каменскій опредѣляетъ ее въ 3 р. 50 к., а именно: отъ Турфана до ст. Лепсинской 70 к.,—Лепсинской до Семіярской, на Иртышѣ 60 к.,—Семіярской до Тюмени, водою, 50 к.,—Тюменя до Перми 90 к.,—Перми до Москвы 47 к., накладныхъ расходовъ 35 к., итого 3 р. 50 к. Такъ какъ сборъ хлопка оканчивается къ 1 августа, то хлопокъ можетъ быть доставленъ въ Семіярскую около 20 ч. сентября, что даетъ возможность воспользоваться еще открытыми водами Иртыша и Тобола и перевезти кладь до окончанія навигаціи въ Тюмень; оттуда же хлопокъ, вѣроятно, будетъ стягиваться въ Ирбитъ, къ открытію ярмарки.

27 Февраля, сообщаютъ частныя извѣстія въ газетахъ, изъ Перми въ Екатеринбургъ *прибылъ первый поѣздъ желѣзной дороги.*

Министерствомъ финансовъ составляются обязательныя правила для городскихъ банковъ по веденію бухгалтерскихъ книгъ.

Выработывается проэктъ медали учреждаемый въ память нынѣшней восточной войны. Медали будутъ золотыя, серебряныя и бронзовыя; всѣ онѣ будутъ носиться на георгіевской лентѣ. Золотыя медали предполагается дать всѣмъ, принимавшимъ участіе въ бояхъ офицерамъ; сверхъ того, всѣмъ защитникамъ Баязета и Шипкинскаго перевала, а также перешедшимъ зимою Балканы — серебряныя; бронзовыя-же медали всѣмъ прочимъ лицамъ дѣйствующей арміи, непринимавшимъ личнаго участія въ бояхъ. Съ одной стороны медали изображенъ крестъ надъ полумѣсяцемъ, съ другой—„12 апрѣля 1877 – 19 февраля 1878“.

До сихъ поръ у насъ было только два знака орденовъ отличія для русскихъ женщинъ, въ настоящее время въ виду безпримѣрныхъ трудовъ и подвиговъ самоотверженія, совершеныхъ женщинами на войнѣ, въ награду учрежденъ новый „знакъ отличія Краснаго Креста“.

Признано возможнымъ, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о размѣрѣ всего вспособленія полковнику Струве по сооруженію Литейнаго моста, отпустить на этотъ предметъ до одного милліона рублей изъ желѣзнодорожнаго фонда. Порядокъ отпуска денегъ въ счетъ этой суммы будетъ, говорятъ, опредѣленъ по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ теченіи января настоящаго года въ кассу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ поступило денежныхъ пожертвованій 530,009 р. 67 к. а вмѣстѣ съ поступившими до 1 января 5.414,480 р. 91 к.

Въ кассѣ Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита, какъ извѣстно, были обнаружены еще въ прошедшемъ году растраты суммъ. По этому случаю была назначена общая ревизія дѣлъ этого общества, и ревизіею открыто, что недочетъ по различнымъ счетамъ въ общемъ итогѣ составляетъ до 1.944,219 руб. 64 к. На покрытіе которыхъ предполагается обратить: a) остаточный капиталъ 1877 года въ 214,310 р.; b) неуплаченный за 1864—66 г. дивидендъ 4,019 р. 74 к. c) 25 проц. со взносовъ членовъ, въ суммѣ 1.033,302 р. 50 к. d) затѣмъ употребить 75,155 р. пенсіоннаго фонда и 302,150 р. внесенныхъ директорами и депутатами, и e) всѣ суммы, которыя присудятся обществу съ виновныхъ.

Русская опера понесла незамѣнимую утрату: 27 февраля въ 8 часовъ вечера скончался маститый ветеранъ русской оперной сцены Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, болѣе полвѣка честно прослужившій родному искусству.

Портретъ и біографическія свѣдѣнія о жизни и заслугахъ этого уважаемаго и достойнаго памяти артиста были помѣщены въ „Нивѣ“ за 1876 годъ (см. № 22, стр. 277).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Вологда. Н Вол—ому** Ваши стихотворныя попытки болѣе чѣмъ неудачны. Для доказательства выписываемъ здѣсь слѣдующія строки:

„Невольно я съ молитвою святою
Мнѣ имя милое сливаю горячо
Прошу ему и счастья и покоя
И многаго прошу я для него“.

Изъ этихъ стиховъ видно, что ваша муза состоитъ, въ враждебныхъ отношеніяхъ не только съ рифмою, безслѣдно отъ нея куда-то умчавшеюся, но и съ правилами согласованія словъ, внимающихъ такое, напримѣръ, согласованіе:

„Ахъ какъ сладко мнѣ съ тобой тебя любить“.

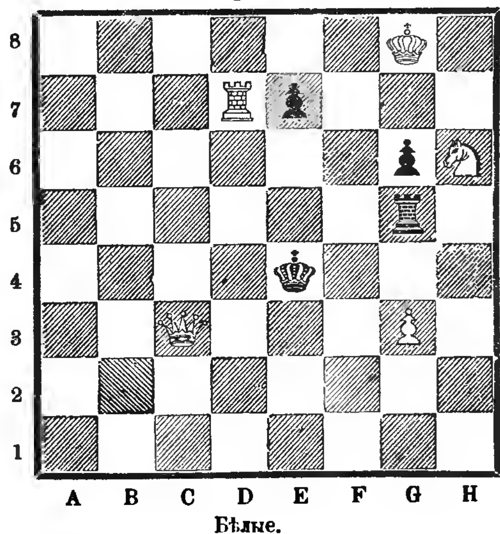
2. **Въ с. Георгіевку. Е. Діом—ой.** Стихи ваши не напечатаемъ и искренно вамъ совѣтуемъ оставить помыслы объ отдѣльномъ ихъ изданіи: лучше читать чужое хорошее, чѣмъ предлагать другимъ свое дурное. Приводимъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ вашихъ стиховъ, чтобы высказать ихъ недостатки. Вы пишете:

„Вѣтеръ шторы колыхая, по маленечку *стихалъ*,
Въ щеляхъ дома завывая, онъ такъ *жалобно* свисталъ,
Будто было ему тѣсно, на просторѣ голубомъ,
Вон *жалобно* и грустно, будто просится онъ въ домъ
Все въ моихъ глазахъ вертится, *воютъ жалобно* кругомъ“...

Очень ужъ жалобно, такъ что настоящее время, соединяемое съ прошедшимъ, и единственное число—съ множественнымъ, тоже воютъ жалобно.

Шахматная задача.

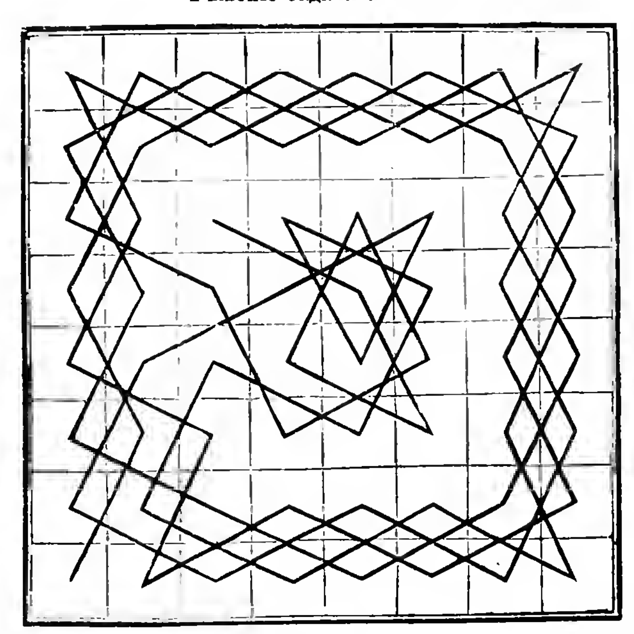
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи въ № 9.

Рѣшеніе шахматной задачи, ходъ коня, помѣщенной въ № 9 „Нивы“.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы модный господинъ.
Таковъ о васъ народный говоръ.
И дива нѣтъ: не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.

Увы! ни кто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

А. Пушкинъ.

2-й заемъ 1866 года. 24-й тиражъ 1-го марта 1878 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 14-го февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ, 1-го марта 1878 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи надлежащихъ членовъ и депутатовъ, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 г. Выигрыши пали на слѣдующіе билеты.

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
8	31	500	5089	26	500	10506	6	500	15610	22	500
34	33	1000	5128	30	1000	10537	15	500	15652	42	5000
50	30	500	5360	46	500	10542	29	500	15714	5	500
130	13	500	5378	18	500	10575	29	500	15721	19	500
191	48	500	5424	42	500	10634	18	500	15970	3	500
359	37	500	5488	3	500	10758	20	500	16107	45	500
419	36	500	5534	41	500	10869	10	500	16232	36	500
587	12	1000	5554	50	500	11072	7	500	16234	28	500
592	25	500	5737	24	500	11081	12	500	16234	35	500
663	14	500	5853	11	500	11106	7	500	16316	21	500
686	8	500	5993	9	1000	11166	23	500	16429	25	1000
711	6	500	6021	23	500	11469	21	500	16469	17	500
723	38	500	6036	28	500	11505	47	500	16546	2	500
915	4	500	6147	44	500	11567	39	1000	16592	9	500
936	47	500	6166	24	500	11588	49	500	16609	17	500
1074	38	500	6268	47	500	11699	39	500	16616	30	500
1078	25	500	6322	4	500	11814	43	8000	16616	33	500
1084	3	1000	6333	50	500	11895	29	500	16633	21	1000
1107	4	8000	6400	46	25000	11985	21	500	16655	23	500
1119	35	500	6473	49	1000	11998	1	500	16691	41	500
1121	9	500	6559	1	500	12268	2	000	16804	30	500
1166	49	500	6712	47	500	12312	4	500	16854	4	500
1182	32	500	6726	25	500	12356	48	500	16874	43	1000
1257	13	500	6769	24	500	12358	47	500	16923	39	8000
1435	34	1000	6836	44	500	12406	11	500	16947	35	500
1516	39	500	6947	42	500	12536	47	500	16963	12	500
1539	3	500	7095	44	1000	12648	33	500	16965	46	500
1611	13	1000	7160	27	500	12668	29	500	16988	37	500
1798	21	75000	7163	41	500	12692	38	10000	16991	23	500
1878	6	500	7186	24	500	12695	25	500	17018	29	500
1880	22	500	7214	37	5000	12746	8	500	17080	10	500
2101	23	500	7233	49	5000	12797	45	500	17103	45	500
2150	28	500	7239	10	500	12802	14	500	17107	17	500
2334	31	500	7315	42	500	12869	27	500	17144	28	500
2349	23	500	7330	7	500	13089	13	500	17147	19	500
2448	1	500	7358	9	5000	13108	26	5000	17216	6	500
2464	50	500	7567	3	500	13128	5	500	17227	46	500
2468	36	500	7599	17	500	13203	25	500	17270	48	500
2512	30	500	7726	42	500	13381	12	500	17325	20	500
2529	30	500	7744	26	500	13426	33	1000	17364	1	500
2954	25	500	7853	30	500	13676	37	500	17410	38	500
2955	21	500	7914	30	500	13723	41	500	17416	21	500
3049	5	500	7974	34	500	13875	29	500	17437	33	500
3090	29	500	8017	20	500	13929	46	500	17668	9	500
3161	10	500	8042	28	500	13943	30	500	17679	40	1000
3205	10	500	8087	33	500	14048	18	500	17871	34	500
3225	11	500	8404	17	500	14057	36	500	17997	45	500
3299	1	500	8492	6	500	14079	24	500	18054	26	500
3340	39	500	8506	17	500	14125	17	500	18106	32	500
3347	5	500	8595	46	500	14199	6	1000	18117	12	500
3349	43	500	8703	24	200000	14232	31	1000	18218	38	500
3400	22	500	8772	28	500	14279	15	500	18372	44	500
3508	49	500	8803	31	500	14285	11	500	18487	47	500
3525	41	5000	8826	33	500	14346	31	500	18654	39	500
3590	48	500	8933	50	500	14409	38	500	18675	23	500
3682	27	500	9179	25	500	14477	7	500	18718	35	500
3724	20	500	9195	14	500	14535	40	500	18785	13	500
3736	48	500	9307	8	500	14542	22	500	18865	21	500
3823	17	500	9370	38	500	14635	16	500	18882	45	500
3982	8	40000	9545	8	500	14739	2	500	18890	9	500
3990	41	500	9622	23	500	14791	40	500	18932	49	500
4036	50	500	9707	7	500	14811	41	500	18955	22	500
4094	38	500	9744	50	500	14818	13	1000	19052	13	500
4152	19	500	9872	50	500	14969	30	500	19121	5	500
4239	13	500	9884	21	1000	15095	50	500	19211	22	500
4309	7	500	9888	30	10000	15128	24	500	19285	45	500
4418	38	500	10031	31	500	15236	40	500	19329	16	500
4432	4	500	10111	33	500	15263	6	500	19348	33	500
4529	6	500	10124	44	500	15278	26	500	19398	37	10000
4643	32	8000	10173	13	8000	15351	7	500	19566	36	500
4755	21	500	10175	25	5000	15368	35	500	19672	11	500
4781	13	500	10235	28	500	15504	40	1000	19578	23	500
4970	18	500	10246	50	5000	15524	16	500	19673	26	500
5036	40	500	10303	20	500	15524	49	500	19883	47	500
5047	14	500	10318	23	500	15558	31	500	19936	37	500

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій бил. 2-го внутр. 5% съ выигр займа 1866 г., вышедш. въ тир. погаш.

НУМЕРА СЕРІЙ.

271, 657, 1067, 1342, 1873, 2104, 2121, 2309, 2499, 3448, 4024, 4071 4933, 5232, 5332, 6221, 6395, 6465, 6583, 7450, 7889, 8503, 9130, 9194, 10236, 10327, 10492, 10799, 10853, 11539, 11844, 12330, 12754, 13373, 14425, 14923, 14943, 15598, 15726, 15824, 15946, 16327, 16764, 17475, 17691, 17821, 18260, 18424, 18512, 18572, 18812, 18934, 18997, 19254, 19297, 19298, 19320, 19672.

Всего 58 серій, составляющіхъ 2,900 билетовъ.

Уплата капитала по вышедш. въ тиражъ билет., по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1878 г. въ Госуд. Банкѣ, его Контор. и Отдѣлен.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 20 Марта 1878 г.

ЧАСОВНЯ И МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ НА ГОРѢ БЛАГОДАТИ.

ПАМЯТНИКЪ ЧУМПИНУ НА ГОРѢ БЛАГОДАТИ.

ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРЫ БЛАГОДАТЬ СЪ ЗАПАДА.

Магнитная гора „Благодать“ на Уралѣ. Рис. И. Пановъ, грав. Рашевскій.

Уральскій хребетъ и магнитная гора „Благодать“.

Хребетъ горъ, составляющій естественную грань между Европою и Азіею и носящій въ настоящее время названіе „Уральскаго хребта“, назывался у древнихъ Гиперборійскимъ. Въ старину у насъ онъ имѣлъ названіе поясного хребта или великаго каменнаго пояса.

Протяженіе этого по истинѣ великаго каменнаго пояса весьма значительно: начинаясь съ Новой Земли онъ пролегаетъ по направленію отъ сѣвера къ югу до самаго Аральскаго моря. Въ этомъ своемъ протяженіи Уральскій хребетъ раздѣляется на три части—сѣверную, среднюю и южную.

Средній Уралъ, пролегающій по Пермской губерніи, представляетъ холмистый, неимѣющій значительныхъ возвышенностей хребетъ. Отсюда, уклонившись нѣсколько на западъ, возвышенности простираются къ главной Екатеринбургской дорогѣ, и будучи тоже не весьма значительныхъ размѣровъ, почти не заслуживаютъ названія хребта. Но подаваясь въ томъ же направленіи далѣе къ Шайтанскому заводу, онѣ образуютъ двѣ наиболѣе извѣстныя горы: Волчью (до 2,500 фут.) и Березовую (до 1300 фут.).

Отъ Билимбаевскаго завода Средній Уралъ принимаетъ опять прежнее сѣверное направленіе и составляетъ невысокіе холмы, носящіе названіе горъ: Теватуйскихъ, Вогульскихъ, Шуралинскихъ и Бѣлыхъ.

Подаваясь къ сѣверу, Уралъ быстро возвышается и во многихъ мѣстахъ образуетъ горы, рѣзко напоминающія собою естественныя границы, поставленныя самою природою, какъ бы для раздѣленія двухъ частей свѣта, Европы и Азіи.

Сѣверный Уралъ можно раздѣлить на Гороблагодатскій, Богоявленскій и Полярный. Первый изъ нихъ, пролегающій между 58° и 59° составляетъ непосредственное продолженіе Средняго Урала. Получивъ начало къ сѣверу отъ параллели Нижне-Тагильскаго завода, онъ постепенно расширяется и въ дачахъ Гороблагодатскаго округа достигаетъ наибольшаго развитія. Далѣе къ сѣверу Уралъ получаетъ названіе Богословскаго (59°, 60° с. ш.). Составляя продолженіе Гороблагодатскаго хребта, онъ образуетъ самыя высокія горы Урала (камни Конжаковскій, Павдинскій, Косвинскій и друг.). За рубежемъ населенія, отъ источниковъ Лозвы въ Тобольской губерніи начинается самая сѣверная часть Урала—Полярный Уралъ. Достигнувъ Вайгачскаго пролива, онъ скрывается въ морѣ, далѣе показывается островомъ Вайгачемъ, снова скрывается и снова выдвигается длинной утесистой полосой, носящей названіе Новой Земли.

Уралъ большею частію простирается въ видѣ нераздѣльнаго хребта, неимѣющаго большихъ поперечныхъ долинъ. Высота его достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе чѣмъ на 3,000 футовъ. Высочайшія вершины его южной части едва выходятъ изъ границъ древесной растительности; есть мѣста, гдѣ хребетъ совсѣмъ низокъ, напримѣръ, по дорогѣ изъ Перми въ Екатеринбургъ. Средина кряжа, восточный отклонъ и многія вершины заключаютъ въ себѣ зеленый камень. Гранитъ находится при подошвѣ и составляетъ иногда замѣчательныя горныя цѣпи. Только въ южной части Урала, въ Оренбургской губерніи, слюденный сланецъ и гранитовыя массы находятся на значительной высотѣ, напримѣръ, на Юрмѣ, Иремелѣ, Тагенѣ. Почти двѣ трети длины всего хребта покрыты густымъ лѣсомъ. Въ сѣверной его части растутъ хвойныя деревья; въ средней же онѣ замѣняются болѣе лиственнымъ лѣсомъ и березою, въ южной части хребта начинаются безконечныя степи, чрезъ которыя, какъ чрезъ широкія ворота, образовавшіяся между окончаніемъ Уральскихъ горъ и Каспійскимъ моремъ, проходили въ Европу варварскіе народы во время великаго переселенія и позже—монголы.

Южный или Оренбургскій Уралъ (отъ 50° до 55° с. ш.) называется также *Башкирскимъ*; вѣтви его, идущія къ Волгѣ, носятъ названіе *Общаго Сырта*. Средній (отъ 55° до 61°) въ сѣверной своей части называется также Верхотурскимъ. Между Верхотурскимъ и Башкирскимъ Ураломъ, самая узкая и невысокая часть хребта носитъ названіе Екатеринбургскаго Урала.

Нужно замѣтить, что сѣверный Уралъ (отъ 61° до 69°) совершенно безлюденъ. Влажный и прохладный воздухъ сѣверныхъ лѣсовъ согрѣвается только лѣтомъ не болѣе какъ на 4 мѣсяца и подъ 60° широты едва успѣваютъ созрѣвать хлѣбъ и садовые плоды. На сѣверѣ Урала живутъ Вогулы и Остяки, занимающіеся звѣроловствомъ; но ихъ очень немного. Средняя часть преимущественно населена горными рабочими людьми и полукочующими Башкирцами. Южная часть чрезвычайно мало населена.

Уралъ щедро награжденъ драгоцѣнными сокровищами. Въ немъ встрѣчаются минералы необыкновенно большими кристаллами; попадаются, напримѣръ, кристаллы полевого шпата около $^{3}/_{4}$ фута въ поперечникѣ, изумруды необычайной величины и т. д. Открытіе нѣсколькихъ алмазовъ доказываетъ, что и этотъ драгоцѣнный минералъ находится въ хребтѣ. Лучшія металлическія разработки находятся на восточномъ отклонѣ Урала. Здѣсь—неисчерпаемые запасы желѣзныхъ рудъ, выдвинутые на поверхность природою въ видѣ крутыхъ горъ. Здѣсь же лежатъ знаменитые мѣдные рудники и золотоносные пласты. Но при этомъ необходимо замѣтить, что нахожденіе золота въ Уральскомъ хребтѣ весьма рѣдко и если добывается это золото мѣстами, то всегда въ незначительномъ количествѣ, недостаточномъ для того, чтобы покрывать расходы по его добыванію.

Уралъ, богатый металлами и минералами, разработывается пока на пространствѣ одной третьей части своего протяженія и всего болѣе только въ средней своей части.

Представляя одну изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей по богатству минеральныхъ ископаемыхъ, онъ даетъ золотоносныя жилы платиновыхъ розсыпей, прекрасный малахитъ въ огромныхъ массахъ; далѣе: топазы, изумруды, яшмы, бирюзы, агаты, рубины, гранаты, опалы, сурмалины и другіе драгоцѣнные камни. Но главное богатство Урала—желѣзныя руды. Запасы ихъ громадны и самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ долженъ быть признанъ магнитный желѣзнякъ. Взглянувъ на карту Урала и по восточную сторону хребта, невольно останавливаешься надъ отдѣльно стоящими точками, изъ которыхъ главныя будутъ: Качканаръ, Благодать, Высокая, Магнитная. Эти точки—отдѣльныя горы, какъ вехи, вытянулись вдоль хребта и помѣстили цѣлую полосу магнитнаго желѣзняка. Эта желѣзная полоса, скрытая въ землѣ и глубоко занесенная поверхностными наносами въ долинахъ и низменностяхъ, точно вышла на волю и образовала горы. Не даромъ поэтому ихъ зовутъ часто „магнитными“ горами.

Одну изъ такихъ магнитныхъ или желѣзныхъ горъ—и именно гору Благодать—изображаетъ нашъ рисунокъ. Гора эта лежитъ въ 20 верстахъ на востокъ отъ Уральскаго хребта и въ 1 верстѣ отъ Кушвинскаго чугуноплавильнаго завода, построеннаго при впаденіи рѣчки Кушвы въ р. Туру. Она представляетъ совершенно уединенную, отдѣльно стоящую гору среди ровной низменности, имѣетъ видъ вытянутой отъ сѣвера къ югу крыши съ сѣдловиной по срединѣ, которая и образуетъ двѣ вершины: сѣверную и южную. Длина ея равна $4^{1}/_{2}$ верстамъ. Высота надъ уровнемъ Кушвинскаго пруда 170 саж. (надъ уровнемъ моря 1154).

Лѣтъ полтораста тому назадъ здѣсь были непроходимые лѣса, съ дикимъ звѣрьемъ и бездорожьемъ, съ болотами и ничтожнымъ населеніемъ. Горное дѣло на Уралѣ только что стало тогда впервые протирать глаза и щупать почву подъ ногами. Сосѣдями первыхъ горныхъ русскихъ, пришедшихъ сюда, было полуосѣдлое языческое племя Вогуловъ, избравшихъ себѣ гору Благодать священнымъ пунктомъ для жертвоприношеній своимъ богамъ. Но при этомъ та же Благодать служила имъ и другую службу: изъ ея богатыхъ и прекрасныхъ рудъ они приготовляли желѣзо. Никто не зналъ про ихъ сокровища и никто ихъ тамъ не безпокоилъ. До 1730 года вогулы хранили свою тайну отъ сосѣдей русскихъ. Но въ 1730 году нашелся среди нихъ человѣкъ, продавшій тайну русскимъ. Вогулъ Степанъ Чумпинъ повелъ русскихъ людей по разнымъ лѣснымъ тропкамъ и показалъ руду. За это онъ получилъ въ награду 3 руб. За это же вскорѣ онъ былъ пойманъ вогулами и сожженъ на высшей точкѣ ихъ священной горы, на ея южной вершинѣ, гдѣ теперь построены часовня и метеорологическая обсерваторія.

Эта южная вершина скалы красивое и замѣчательное мѣсто на горѣ Благодати: двѣ огромныя скалы, совершенно голыя, сплошь состоятъ изъ магнитнаго желѣзняка, мѣстами тѣсно смѣшаннаго съ полевымъ шпатомъ, который получилъ оттого почти черную окраску. Съ юго-западной стороны скалы спускаются внизъ почти отвѣсной стѣной саженъ на 40. Въ прежнее время эти скалы и представляли первую выработку на Благодати. Теперь онѣ стоятъ неприкосновенными, какъ одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ историческихъ памятниковъ горнаго дѣла на Уралѣ. Обѣ скалы соединены между собою деревяннымъ мостомъ. На восточной изъ нихъ сдѣлана площадка, обнесенная перилами. И на этой-то площадкѣ стоитъ маленькая часовня и низенькій круглый павильонъ, въ которомъ устроена метеорологическая обсерваторія. Между часовней и павильономъ поставленъ памятникъ Чумпину, изображающій горящій жертвенникъ.

Видъ съ этой площади на окрестность восхитительный: Кушвинскій заводъ, разливы пруда, обширная низина, поросшая ровнымъ лѣсомъ, рѣчка Тура, теперешнія разработки внизу горы, свѣтлыя ленты дорогъ, вьющихся среди зелени лѣсовъ, все это видно какъ на красивомъ планѣ. А тамъ дальше—цѣпь Уральскихъ горъ, и едва видныя въ свѣтломъ туманѣ неясныя очертанія Качканара и другихъ отдѣльныхъ горъ.

Въ настоящее время разработка горы Благодати сосредоточена главнѣйше на юго-западныхъ ея склонахъ. Магнитный желѣзнякъ залегаетъ въ видѣ правильныхъ жилъ, идущихъ въ глубь горы съ наклонами въ 33—36°. Работы идутъ „открытыя“, т. е. для добычи руды снимаютъ уступами лежащую на ней пустую породу. Въ настоящее время работы ушли на 19 саженей въ глубину. Разработка производится или кайлами, ломами и клиньями, или порода рвется порохомъ и динамитомъ.

Но есть номера выработки (какъ, напримѣръ, № 2), гдѣ вскрыши породы почти не производится, а магнитный желѣзнякъ рвется кусками прямо отъ цѣлой стѣны, стоящей на поверхности. Гороблагодатская руда отличается богатствомъ содержанія желѣза и относительной чистотой. Чугунъ получается изъ нея до 65%. Одной изъ самыхъ вредныхъ примѣсей желѣзныхъ рудъ, сѣры—довольно мало. Обжиганіе рудъ происходитъ на мѣстѣ, или въ кучахъ („пожогами"), или въ рашетованныхъ печахъ. Ежегодно на горѣ Благодати добывается отъ 1 до 1½ милліоновъ пудовъ руды, которая идетъ на Кушвинскій, Баранчинскій и Верхнетуринскій заводы.

Запасы руды громадны. Въ настоящее время—послѣ 140 лѣтъ разработки горы—сдѣланныя выемки кажутся рѣшительно ничтожными ямами, сравнительно съ горой, которая почти вся еще покрыта прекраснымъ нетронутымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ движеніемъ нашего горнозаводскаго дѣла впередъ, горѣ Благодати суждено играть очень видную роль въ развитіи русскаго желѣзнаго производства.

V.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка).

(Продолженіе).

А гроза все таки чуялась... Патріарха прямо съ процессіи отправили въ заключеніе: обычнаго патріаршаго стола въ Крестовой палатѣ на этотъ разъ не было...

Въ понедѣльникъ на страстной, въ Кирилинъ день, тоже повидимому ничего особеннаго не зачиналось. Утромъ въ Успенскомъ соборѣ пропѣли панихиду по покойномъ Иванѣ Васильевичѣ—въ этотъ день была его память. Къ полудню донесли, что русская рать, которую давно ужь ждали, идетъ, и отъ Москвы уже не далеко. Гонсѣвскій велѣлъ жолнерамъ не расходиться, ворота Кремля и Китай-города затворить, и предпринялъ всѣ мѣры защиты...

Прошелъ и Кирилинъ день спокойно. Во вторникъ, 19-го числа, Москва проснулась какъ ни въ чемъ не бывало. Открылись базары, лавки, въ церквахъ началось служеніе. Только на площадяхъ стали съѣзжаться извощики такими кучами, что полякамъ стало подозрительно: боялись, какъ бы они не устроили внезапно изъ саней на улицахъ баррикады. Одинъ изъ жолнеровъ предложилъ извощикамъ за извѣстную плату втаскивать пушки на стѣны. Они не согласились, началась драка. Извощики начали стаскивать со стѣнъ и тѣ пушки, которыя уже тамъ были. Гонсѣвскій прискакалъ, сталъ унимать свалку, какъ вдругъ донесли ему, что русская рать подступила къ Бѣлому городу. Онъ помчался туда.

Баррикады изъ возовъ, мебели, костровъ, ожидали тутъ поляковъ. Набатъ загудѣлъ по всѣмъ церквамъ,—вся Москва возстала. Пушки, ружья, каменья, дубье,—все пошло въ ходъ—противъ польскаго владычества шли открыто... На Никитской улицѣ была самая варварская бойня.

Видя, что враговъ не одолѣть, и замѣтивъ что вѣтеръ былъ врагамъ въ лицо, поляки рѣшились на отчаянное средство: они зажгли Бѣлый городъ, а сами кинулись въ Китай-городъ, и заперлись. На другой день, опасаясь обстрѣливанья съ юга, зажгли Замоскворѣчье... Съ среды на четвергъ Китай-городъ стоялъ какъ въ огненномъ кольцѣ: все пылало вокругъ: и Бѣлый городъ, и Земляной, и Зарѣчье: такъ свѣтло было, что, какъ говорится, иголку на землѣ различали...

Москва получила огненное крещенье... Сердце Руси, предметъ наибольшаго уваженія и почитанія русскихъ, было въ огнѣ,—казалось все рушилось...

Но и теперь, также какъ и въ послѣдствіи, двѣсти лѣтъ спустя, занятіе и пожаръ Москвы не были еще кончиной всего государства... Напротивъ — это былъ крайній предѣлъ для роста непріятельской силы—съ занятіемъ Москвы ей приходилось не расти, но умаляться.

Начало осады поляки встрѣтили весело: въ Китай-городѣ нашлось много золота, жемчугу, бархата, до того много, что ружья жемчугомъ заряжали... Добрались до каменныхъ погребовъ царскихъ и боярскихъ: вина было море разливное,—его за избыткомъ на землю лили. Воздержаніе, которое проповѣдывалъ прежде Гонсѣвскій, теперь уже не имѣло значенія. Началась картежная игра на живую монету: московскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ... Въ захваченной ими части Москвы нашлось много красныхъ дѣвушекъ и женщинъ,—съ ними, конечно, не поцеремонились...

XXXIII.

Всю весну Алешка съ келаремъ разъѣзжалъ туда и сюда,—то въ лагерь подъ Москву, то въ Лавру. Въ Лаврѣ была новость—вмѣсто прежняго отца Іосафа архимандритомъ былъ Діонисій. Замѣна была удачная. Лавра отъ осады постепенно оправлялась. По прежнему въ ней было людно и шумно, только эта людность и шумъ были характера б тѣе мирнаго, покойнаго. Теперь надъ монастыремъ в аствовала могучая, сильная, энергичная рука одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей XVII вѣка.

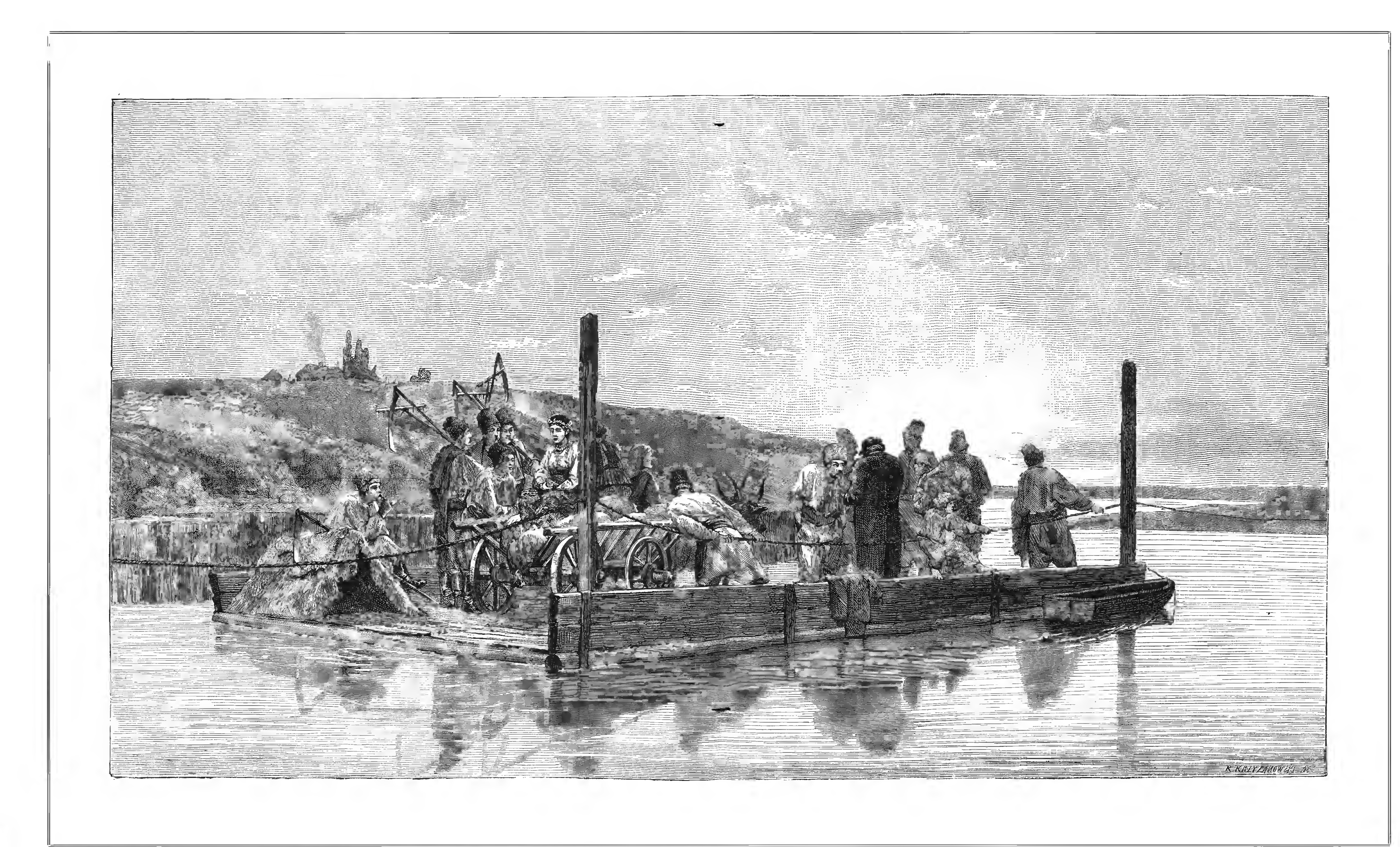
Діонисій, принявши подъ свою власть Сергіево, съ ужасомъ увидѣлъ до какихъ страшныхъ бѣдствій дошелъ сергіевскій округъ: сотни бездомныхъ, безпріютныхъ, голодныхъ страдальцевъ слонялись по дорогамъ, умирали безъ покаянія, какъ звѣри, въ поляхъ и лѣсахъ. Народъ терялъ вѣру и въ людей и въ Бога. Говорили, что въ иныхъ мѣстахъ крестьяне, убѣгая воровскихъ насилій, жили въ лѣсныхъ трущобахъ, вѣшали на деревья образа внизъ головою и ругались надъ ними: „вотъ мы вамъ молились,—а вы насъ спасать не хотите." Діонисій рѣшился взяться за благотворительность: онъ предложилъ открыть въ монастырѣ страннопріимный домъ и больницу. Противъ него поднялись оппоненты,—даже Авраамій, и тотъ протестовалъ. Братія увѣряла архимандрита, что не хватитъ средствъ на учрежденіе такихъ обширныхъ заведеній, что казна ихъ разграблена, нѣтъ ни денегъ, ни сокровищъ. Но онъ стоялъ на своемъ, не спорилъ, не горячился, а говорилъ такъ спокойно, величаво.

— Какъ-же быть, государи мои, какъ-же быть-то намъ? Вѣдь посмотрите вы, окиньте окомъ, что окрестъ монастыря дѣется: люди мученые, жженые, рубленые по избамъ стонутъ. У кого рука отсѣчена, у кого нога отрублена, у кого волосы выщипаны, у кого ремни изъ спины вырѣзаны.—Дотащиться до монастыря они не могутъ, во лихихъ болѣстяхъ своихъ, и мрутъ какъ басурмане безъ причастья и исповѣди. Трупы увѣчные ровно камни по дорогѣ разбросаны, безъ призора валяются... Слезы взоры туманятъ, душа скорбитъ и болитъ,—что-же дѣлать-то, научите.

Не сразу отвѣтило собранье, долго молчали. Наконецъ поднялся одинъ старецъ соборный, сановитый, въ кулакъ кашлянулъ и сказалъ Діонисію: - Не можемъ ничего мы отвѣтить тебѣ на это, государь архимандритъ: въ такой бѣдѣ съ разумомъ не сберешься... У насъ и руки врознь... Никому промышлять не возможно стало, кромѣ Бога единаго.

Опять помолчали. Посмотрѣлъ на всѣхъ Діонисій: слезы горячія такъ по лицу градомъ и катятся, иная на рясу падетъ, иная на столъ. Одна на крестъ нагрудный упала, и словно жемчужинка драгоцѣнная на солнцѣ блеститъ.

— Отъ Господа искусъ намъ велій, заговорилъ онъ. Господь насъ отъ великой бѣды избавилъ, молитвами Богородицы и святыхъ угодниковъ Сергія и Никона, а теперь, за наше нерадѣнье и скаредность и безъ осады можетъ смирить и унизить... Есть у насъ, сударики,

На паромѣ. Картина А. Кившенко, рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Крыжановскій.

казна монастырская, есть еще... Да сколько добра послѣ защитниковъ покойныхъ осадскихъ вкладчиковъ осталось. Изъ имѣній ихъ мы и одежу и обувь и лечбу производить будемъ. А на поваровъ, батраковъ и гробокопателей денегъ хватитъ. Не запустѣетъ домъ святой Троицы, если молиться будемъ Богу, чтобы разуму намъ далъ; только на томъ положимъ, чтобы каждый промышлялъ чѣмъ можетъ...

Рѣчь его подѣйствовала, убѣдила. Золотой рѣкой хлынули богатства, безплодно лежавшія подъ спудомъ, неся исцѣленіе, покой и жизнь несчастнымъ. День и ночь кипѣла работа и въ Лаврѣ и въ окрестныхъ монастырскихъ слободахъ. Отпѣвали и хоронили тѣла умершихъ—жженыя, ободранныя, съ выжженными глазами. Больныхъ лечили, ходили за ними; безпріютныя женщины, принятыя въ монастырь, засѣли за иголку,—шить саваны мертвымъ, рубахи больнымъ... Добрый геній Діонисія царилъ надъ Сергіевымъ. Здѣсь нелишне сказать, что Діонисій былъ въ міру Давидъ. Онъ, посвященный въ санъ священника, не долго жилъ въ супружествѣ: жена его скоро умерла, и онъ принялъ постриженіе, поступивъ инокомъ въ Старицкій монастырь. Но быть простымъ, смиреннымъ, бездѣятельнымъ монахомъ, въ грозную пору лихолѣтья, было слишкомъ тягостно для его пылкой энергичной души.

И вотъ онъ появляется въ Москвѣ. Въ эпоху еще царенья Шуйскаго, на книжномъ рынкѣ впервые замѣтили его. То былъ высокій, стройный красавецъ-монахъ, пришедшій за какой-то покупкой. Такъ какъ въ ту пору было нѣсколько случаевъ подъ рядъ чрезвычайно гнуснаго поведенія монаховъ въ публичныхъ мѣстахъ, а вдобавокъ Діонисій съ купцомъ въ цѣнѣ не сошелся, то послѣдній и выругалъ его очень непристойно. Всѣ ждали обычной драки. Но монахъ вмѣсто этого отвѣтилъ со вздохомъ

— Да, братъ: Богъ открылъ тебѣ правду обо мнѣ... Правду ты говоришь—я грѣшникъ, великій грѣшникъ. Кабы былъ я монахъ настоящій, не шатался бы я по базарамъ, не толкался бы промежь міра, а смиренно сидѣлъ бы въ своей келіи. Прости ты меня грѣшнаго въ моемъ безуміи ради Господа Бога.

И поклонился ему со слезами въ поясъ.

На купца накинулись. Что, молъ, ты, невѣжа, инока Божія оскорбляешь,—самъ-то ты кто! Но монахъ ихъ остановилъ.

— Охъ, сударики, не онъ невѣжда дерзкій, а я. Все что ни говорилъ онъ обо мнѣ—правда. Господь его устами вѣщалъ: невмѣстно мнѣ здѣсь быти.—въ келіи сидѣть я буду.

Онъ повернулся и пошелъ прочь. Купецъ за нимъ кинулся.—Прости ты меня глупаго, окаяннаго и благослови. Монахъ благословилъ его и поцаловалъ.

Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Діонисій всенародно, на площади, уже въ санѣ архимандрита Старицкаго монастыря, громилъ клятвопреступниковъ, разливаясь въ краснорѣчіи, останавливая дикіе порывы мятежниковъ. Гермогенъ ставилъ въ примѣръ духовенству его добродѣтели. Смотрите на Діонисія, говорилъ онъ, отъ соборной церкви никогда не отлучается, чуть гдѣ собраніе смут-ное—онъ ужь тутъ. Всѣ страсти умиротворитъ, ублажитъ всѣхъ.

Болѣе достойнаго правителя Лавры и не отъискать было. И какъ бы порадовался, какъ бы одобрилъ его Гермогенъ, если бы могъ видѣть его начинанія. Но онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, сидя въ тюрьмѣ, обреченный на голодную смерть.

Некому было разсылать болѣе грамотъ, просить православныхъ подняться на защиту ихъ вѣры. А между тѣмъ подобныя возбудительныя грамоты были необходимы: онѣ поддерживали энергію въ народѣ, вѣру въ болѣе ясную будущность, стремленіе стряхнуть съ себя иноземное иго. Діонисій ясно видѣлъ и понималъ это,—и рѣшился—самъ продолжать дѣло патріарха. И вотъ полились краснорѣчивой волной воззванія, полетѣли въ разные концы государства московскаго. Искусные борзописцы были подобраны для составленія этихъ увѣщаній и воззваній, и Алешка первенствовалъ между ними, искусно подбирая тексты, красиво закручивая витіеватые періоды.

И дѣлали эти грамоты по немногу свое дѣло: разжигали то тамъ, то тутъ патріотизмъ въ русскихъ сердцахъ, формируя постепенно то народное ополченіе, которое впослѣдствіи спасло Русь.

Алешка стяжалъ себѣ славу борзописца, славу, перешедшую на память потомству: его имя было записано въ хронографы. Но не смотря ни на усиленныя занятія, ни на вѣру въ честность и святость того дѣла, что онъ выполняетъ, ни на роскошную весну, что цвѣла, зеленѣла, благоухала вокругъ,—не смотря на все это, онъ чувствовалъ себя далеко не по себѣ,—какъ-то неловко, не здорово. Началось это съ той поры, когда до него дошла вѣсть о разграбленіи казаками Новодѣвичьяго монастыря.

Ксенія, послѣ снятія съ Лавры воровской осады, переѣхала вмѣстѣ съ Марьей Владиміровной въ Новодѣвичій монастырь, что лежалъ на западъ отъ Кремля, за Дѣвичьимъ полемъ, огромнымъ лугомъ, обрамленнымъ низенькими избенками и хатами, составлявшими московскій пригородъ. Тамъ, за стѣнами монастыря, звенья которыхъ прерывались вычурными башнями, болѣе узкими въ основаніи, чѣмъ на верху, и потому походившими на голубятни, укрылось отъ казаковъ нѣсколько сотъ непріятельскаго войска. Мирный монастырь обратился въ крѣпость, и несчастнымъ монахинямъ пришлось терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье.

Нѣмцы сдались. Казаки ворвались въ монастырь, вломились въ церкви, кельи. Всѣхъ оборвали, ободрали...

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Лавры, Алешка, какъ сумашедшій полетѣлъ на первой попавшейся лошади въ Москву. Загналъ ее, пересѣлъ на другую, но когда пріѣхалъ на Дѣвичье поле, оказалось, что всѣхъ монахинь отправили по чьему-то распоряженію подъ Суздаль.

Алешка заскучалъ.

— Да чтобы я могъ подѣлать, если бы и раньше пріѣхалъ,—разсуждалъ онъ.—Увезти ее?.. Пошла-ли бы она за мной? Дочь царя, царевна...

— Ну, а еслибъ пошла бы, представлялось ему; и это возможное счастіе, которое не далось ему судьбой, отравляло весь его покой, всю жизнь...

XXXIV.

Палъ Смоленскъ послѣ долгой осады, палъ во время приступа ясной іюньской ночью, при свѣтѣ ранней зари на нетемнѣющемъ небѣ. Король, утомленный долгой осадой, передалъ дальнѣйшее веденіе войны въ Москвіи Ходкѣвичу, а самъ вернулся въ Польшу.

Возликовало католичество: схизматики были побиты. Трое сутокъ напролетъ ликовалъ Краковъ,—гремѣли выстрѣлы, музыка, вспыхивали блестящіе фейерверки. Король торопился въ Варшаву, на сеймъ: въ городахъ его встрѣчали тріумфальныя арки, восторженные крики народа, иллюминаціи, музыка...

Возликовалъ и Римъ. Папа объявилъ отпущенье грѣховъ всѣмъ приходящимъ въ церковь Станислава, польскаго патрона. Цѣлые дни свершалось тамъ богослуженіе, толпился народъ, іезуиты говорили рѣчи... Аллегорическій спектакль былъ данъ для народа:—среди огненныхъ каскадовъ фейерверка, вдругъ взлетѣло два такихъ-же огненныхъ орла: бѣлый—гербъ Польши и черный—гербъ Москвы. Бѣлый орелъ метнулъ изъ себя молнію въ чернаго, и онъ распался, разлетѣлся на тысячу кусковъ, тысячами искръ. Народъ кричалъ: „По-

моги, о Боже, королю уничтожить невѣрныхъ московъ!..“ Давнишняя ненависть римскаго ордена къ Россіи была удовлетворена, та ненависть, которая вѣчно будетъ питаться къ намъ, доколѣ существуетъ папскій непогрѣшимый престолъ, которая жива еще до нашихъ дней, которая еще такъ не давно, въ восточную войну 1877 года, высказывалась такъ открыто...

Въ Варшавѣ былъ сеймъ, – одинъ изъ торжественнѣйшихъ сеймовъ: на немъ должны были представиться королю польскіе плѣнники: царь Василій Ивановичъ, его братья, плѣнные воеводы Смоленскіе, и русское посольство съ Филаретомъ въ челѣ, превратившееся изъ посольства въ полонъ.

На тронѣ, подъ балдахиномъ, окруженный блестящей свитой, сидѣлъ король со своею супругой. У трона группировались члены царской фамиліи: по стѣнамъ возсѣдали весь сенатъ и представители Рѣчи Посполитой,— всѣ ждали взглянуть на униженіе царя всея Руси.

И вотъ плѣнныхъ ввели. Маленькій, сухопавый царь Василій, съ кругленькой сѣдоватой бородкой, въ длинной бѣлой парчевой ферязи, шитой золотомъ, неловко вошелъ въ палату и остановился по серединѣ. Онъ не зналъ, куда дѣть свою горлатную шапку изъ чернобурой лисицы, и мялъ ее въ рукахъ, съ безпокойствомъ поглядывая по сторонамъ красноватыми, больными глазками. Онъ видѣлъ, что на него смотрятъ не то съ состраданіемъ, не то съ участіемъ. Среди придворныхъ мелькнуло передъ нимъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, бывшихъ въ Москвѣ съ Димитріемъ первымъ...

Засѣданіе открылось торжественной, напыщенной рѣчью Жолкѣвскаго. Онъ прославлялъ подвиги короля, какъ подвиги величайшаго изъ полководцевъ міра—Цезаря, Александра. Онъ пресерьезно увѣрялъ, что теперь вся Русь, и сама Москва – у ногъ Польши, и тому доказательствомъ служитъ плѣнный Шуйскій.—Вотъ онъ,— восклицалъ гетманъ, указывая на него:—вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ грозныхъ, могущественныхъ недруговъ Польши, Рима и Турціи, вотъ и братъ его Димитрій, главнокомандующій его арміей. Еще недавно были они неограниченными властелинами всей страны, городовъ, доходовъ,—а теперь... Что они теперь?.. Жалкіе плѣнники, молящіе во прахѣ короля о пощадѣ и милосердіи... И всѣмъ этимъ торжествомъ обязана Рѣчь Посполитая вамъ, ваше величество, и нашимъ могучимъ войскамъ. На что прежніе короли не могли и надѣяться, о чемъ рыцари ни мечтать, ни совѣтовать не смѣли, то во-очію свершилось предъ глазами нашими,—мужество и смѣлость преодолѣли все... Плѣнный царь покоренной страны теперь молитъ васъ о пощадѣ!..

При этомъ Жолкѣвскій строго и внушительно посмотрѣлъ на Шуйскаго... Этотъ маленькій, сѣденькій старичекъ, совсѣмъ и не подозрѣвалъ той мнимой роли, которую предписалъ ему гетманъ,—яко бы онъ олицетворяетъ униженную Русь. Онъ перебросилъ свою шапку изъ правой руки въ лѣвую, поклонился низко, и коснувшись пальцами земли, поцѣловалъ ихъ.—Братья отвѣсили земной поклонъ.

— Пріимите ихъ, умоляю васъ, ваше величество,— продолжалъ гетманъ:—пріимите не какъ плѣнныхъ,— окажите имъ милостивый пріемъ. Счастье измѣнчиво: никто изъ монарховъ не можетъ быть названъ счастливымъ, прежде, чѣмъ кончитъ свой земной путь; – вспомните великаго Креза, Амазиса... А вѣдь Шуйскій былъ царемъ великой державы...

Василій двинулся къ трону. Онъ еще разъ поклонился, и взойдя на ступеньки, поцѣловалъ протянутую ему королевскую руку. На многихъ глазахъ показались слезы...

Потомъ говорилъ канцлеръ, потомъ маршалъ избы посольской. Опять раздались похвалы королю, полководцамъ, гетману, опять заговорили о славѣ, чести, о Рѣчи Посполитой. Кончились эти дифирамбы: поднялся сильно постарѣвшій воевода и потребовалъ слова.

То былъ Юрій Мнишекъ.—Онъ требовалъ, чтобы король не слушалъ льстивыхъ рѣчей членовъ сейма, а поступилъ по истинѣ. Онъ требовалъ чтобы на Шуйскомъ была исполнена законная кара, потому что имъ, этимъ Шуйскимъ, не разъ была затронута честь и слава Рѣчи Посполитой. Кто, какъ не онъ, былъ виновникъ майскихъ событій, кто, какъ не онъ, былъ агитаторъ народнаго мятежа 1606 года? Убійство Димитрія, мятежъ черни, истребленіе польской стражи,—все это его дѣло. Онъ съ мечемъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой, вломился тогда въ Кремль и нарушая законъ святаго гостепріимства, кинулся на гостей. Онъ нанесъ тяжкое оскорбленіе всѣмъ—и ему, Мнишку, и его коронованной дочери, и всей Рѣчи. Наконецъ его удерживаніе польскихъ пословъ, изъ-за чего возгорѣлась послѣдняя война,—развѣ это не его дѣло? Не затѣй онъ бунта,—великій Димитрій и теперь спокойно царилъ-бы въ Москвѣ, на радость и счастіе своего народа и окрестныхъ государствъ. „Пусть онъ откажется отъ моего обвиненія, пусть оправдается,—говорилъ онъ:— пусть докажетъ, что не онъ, а другіе были виновники въ этихъ смутахъ!“...

Но Шуйскій сохранилъ свое достоинство. Если онъ унизился передъ королемъ, то онъ не хотѣлъ унижаться передъ какимъ-нибудь паномъ. На эти обвиненія онъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ. Молчалъ и сеймъ. Ни одинъ голосъ не присталъ къ воззванію Мнишка:—своею рѣчью онъ уже ничьихъ интересовъ не затрогивалъ. Прошли тѣ времена, когда Польшѣ *выгодно* было признавать самозванца: теперь давно уже никто въ нихъ не вѣрилъ, да и зачѣмъ было вѣрить, когда Русь и безъ того была, повидимому, въ ихъ власти. Низверженный, плѣнный царь былъ такой маленькій, жалкій... Какая кому польза была отъ его смерти?..

Мнишекъ снова заговорилъ. Онъ напомнилъ Рѣчи Посполитой о своей дочери, о поруганіи ея сана, достоинства.—Можетъ-ли видѣть Польша преданную ей царицу сосѣдней страны, дочь папскаго престола, въ такомъ униженіи, и не поддержать ее? Можетъ ли она относиться хладнокровно къ виновнику всѣхъ этихъ бѣдствій, тому же Шуйскому? Онъ требовалъ во имя дочери мести...

Но и на это ничего не отвѣтили. Марина Юрьевна для Рѣчи была не нужна, когда королевичъ, а можетъ и самъ король, не нынче – завтра вступитъ на престолъ московскій. Вдобавокъ о ней ходила сомнительная слава; говорили о ея страсти къ атаману Заруцкому, о томъ что она бѣжала съ нимъ и своимъ маленькимъ сыномъ куда-то на югъ, и тамъ формируетъ новыя банды мятежниковъ. Самъ Мнишекъ тоже давно уже лишился своего положенія: на него смотрѣли какъ на хитраго, продажнаго, развратнаго старика, всѣми правдами и неправдами добивающагося своихъ выгодъ. Противъ него даже составлено было обвиненіе, разбиравшееся сенатомъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ, пользуясь польскими смутами, посадилъ на московскій престолъ холопа Отрепьева, выдалъ за него свою дочь, потомъ призналъ тушинскаго вора Димитріемъ, а въ послѣднее время на повѣтовыхъ сеймикахъ дѣйствовалъ въ ущербъ королевскимъ интересамъ. Впрочемъ Мнишекъ отъ этого обвиненія ловко оправдался: онъ настаивалъ на томъ, что не онъ одинъ, а и король, и папа, и вся Польша признали Отрепьева Димитріемъ, а что въ Тушино его затащили насильно. И еще дальше пошелъ сандомірскій воевода: онъ прямо отъ имени всей Польши на короля обвиненіе возвелъ: зачѣмъ безъ согласія Рѣчи Посполитой Сигизмундъ область Смоленскую завоевалъ: подобные поступки ведутъ къ абсолютному господствованію.—На

эту дерзость подканцлеръ ему крикнулъ: „Мати Божія! да какое тутъ абсолютное господствованіе,—въ карманѣ у кого-нибудь, что-ли?.. Всякій польскій шляхтичъ, изволите видѣть, имѣетъ право взводить на своего короля преступленія, а король не имѣетъ права оборонять свое государство"...

Воззваніе Мнишка такъ и осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

XXXV.

Въ Суздальскомъ краѣ, въ глуши владимірскихъ лѣсовъ, въ какой-то захолустной, затерянной обители, маленькая, закопченая келейка была отдана на жительство Ксеніи и Маріи Владиміровнѣ. Тамъ доживали онѣ свой вѣкъ: одна — окончательно сломленная судьбой, пугливо притаившаяся въ своемъ уголкѣ, а вторая — все еще не уходившаяся, метающаяся какъ звѣрь въ клѣткѣ, энергичная женщина. Ксенія вся превратилась въ чтеніе священныхъ книгъ, да въ молитву; единственнымъ ея утѣшеніемъ была библія, захваченная ею изъ Новодѣвичьяго монастыря—драгоцѣнный экземпляръ знаменитаго Острожскаго изданія перваго полнаго славянскаго перевода, отпечатаннаго въ концѣ предъидущаго столѣтія. Марья Владиміровна книгъ совсѣмъ не читала, изрѣдка только слушала чтеніе своей сожительницы. Разъ впрочемъ и она была поражена и заинтересована однимъ мѣстомъ писанія.

Князь В. А. Черкасскій, † 19 февраля 1878 г.

Дѣло было глубокой осенью. Въ жарко-натопленной горницѣ, подъ образами, умостившись на маленькой скамеечкѣ, сидѣла Ксенія. Марья Владиміровна ходила по комнатѣ, нахмуренная, какъ всегда, съ злобнымъ орлинымъ взоромъ, сдвинутыми бровями, острымъ хищнымъ носомъ. Восковая свѣча, горѣвшая у образа по случаю завтрашняго праздника, обливала красноватымъ свѣтомъ маленькую каморку, кладя на лицо близко сидѣвшей царевны и свѣтлые блики, и рядомъ густыя, неровныя, шевелящіяся тѣни. Этими шевелящимися тѣнями все было наполнено: отъ всего онѣ легли, и отъ табуретовъ, и отъ столовъ, и отъ лоханки, и отъ горшка, висѣвшаго надъ ней, служившаго для умыванья, и отъ печки, гдѣ мракъ скоплялся особенно густо. Отъ Марьи Владиміровны тѣнь бѣгала по стѣнѣ и по полу за нею, задѣвая мимоходомъ лавку и печку, перебѣгая иногда даже на потолокъ, когда она слишкомъ близко подходила къ образницѣ. Тихо было. Дождикъ, лившій весь вечеръ, пересталъ. Слышно было только, какъ за окномъ слегка шумѣли березы.

Марья Владиміровна вдругъ остановилась и подняла голову.

— А вѣдь прежде-то посмотрѣть не смѣли! вдругъ сказала она.

Ксенія подняла на нее глаза.

— Я про нихъ говорю,—продолжала королева, сдѣлавъ небрежный, неопредѣленный жестъ рукой. Вѣдь эти голыши, мразь, казаки, взглянуть на насъ прежде не смѣли, мы для нихъ ровно угодницы въ золотыхъ ризахъ съ высоты смотрѣли... Вѣдь не имѣли они права слова молвить про насъ,—почему же теперь они могутъ всякія насилія творить надъ нами? Кто имъ ту волю далъ?

Ксенія не отвѣчала. Марья Владиміровна опять заходила.

— Мнѣ теперь, въ послѣдніе дни, все казаться начинаетъ, что конецъ міра подходитъ,—начала она на ходу. Вѣдь что дѣется-то! Нѣтъ ни царя, ни патріарха, ни родства, отецъ сына рѣжетъ, сынъ отца подстрѣливаетъ. При такихъ порядкахъ долго не продержится это. И то люди звѣрьми стали чисто дикими... Вотъ ужь захочетъ покарать Господь, такъ покараетъ...

Она приподняла ставню, свободно стоявшую у стѣны и заставила ею маленькое окошечко изнутри, отъ котораго сильно дуло.

— Господи, а какъ прежнее-то вспомнишь! продолжала она: трезвоны, кремль, бархатъ, тишь-гладь. Всѣ-то въ ноги кланяются, величаютъ...

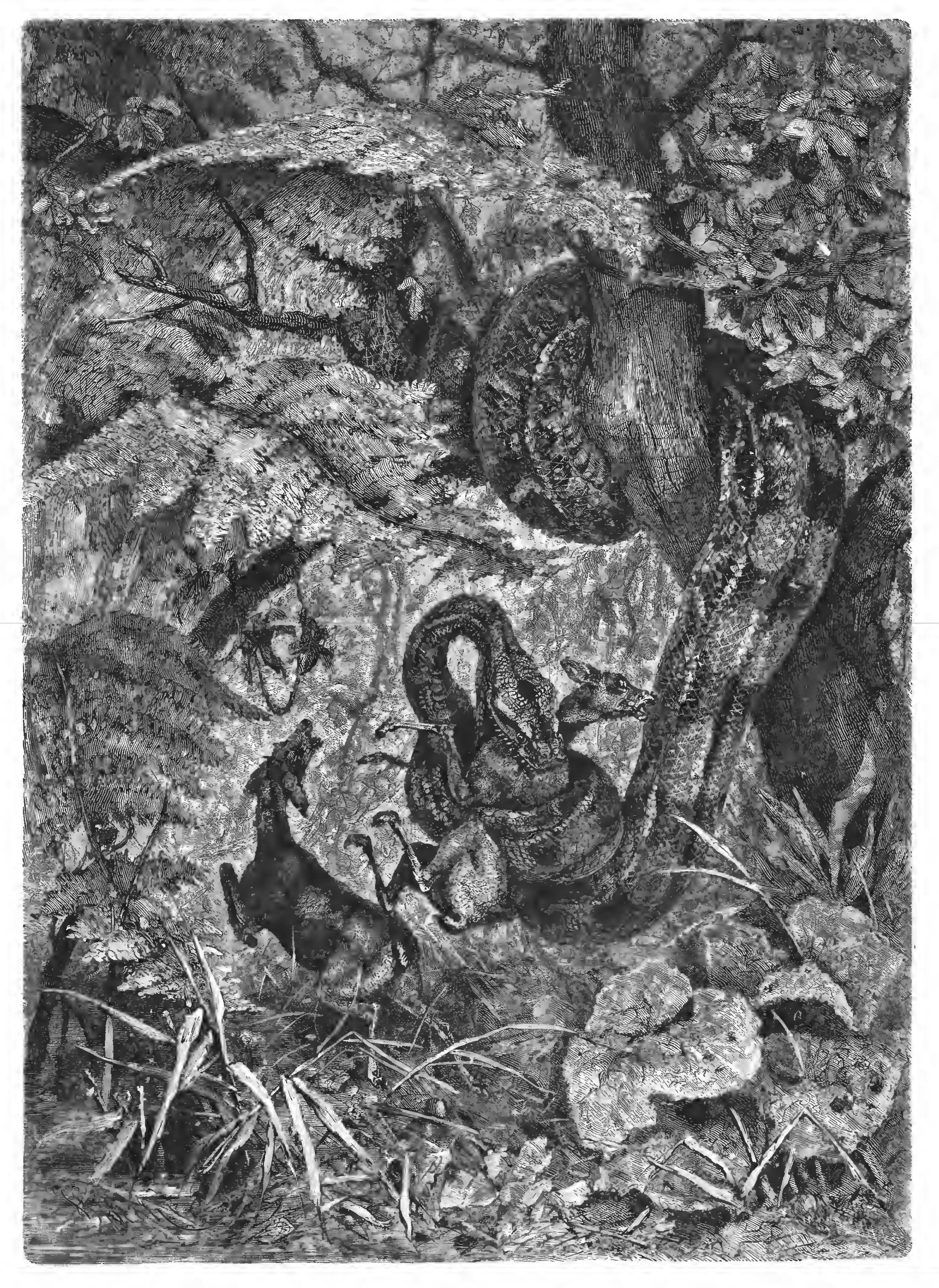
Она стиснула кулаки и еще скорѣе заходила. Снаружи послышались шаги. Королева вздрогнула, остановилась, глядя на дверь. Ксенія тоже прислушалась. Шаги удалились.

Ксенія нашла то мѣсто, что искала, и начала читать.

„Суета суетъ—все суета!

Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми онъ трудится подъ солнцемъ?

Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки.

Удавъ (Boa), напавшій на антилопу. Ориг. рисунокъ Ф. Шпехта, грав. Шпехтъ.

Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ.

Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои.

Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется; къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь.

Всѣ вещи въ трудѣ; не можетъ человѣкъ пересказать всего; не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ.

Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“, но *это* было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ.

Нѣтъ памяти о прежнемъ; да и томъ, что будетъ, не останется въ памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ...

У мудраго глаза его — въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ. Но одна участь постигнетъ всѣхъ.

Потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго: въ грядущіе дни все будетъ забыто и увы! мудрый умираетъ вмѣстѣ съ глупымъ.

Всѣ дѣла, что дѣлаются подъ солнцемъ, — все суета и томленіе духа“...

Долго читала Ксенія. Марья Владиміровна заслушалась, затаивъ дыханіе: тоже разочарованіе жизни, которое она чуяла съ юныхъ лѣтъ въ себѣ, но не умѣла высказать, выливалось здѣсь такими гладкими, чудными стихами. Вѣдь и она была своего рода эпикурейка, — ей жизнь и не представлялась иначе, какъ срываніемъ „цвѣтовъ наслажденія“. Энергія возбуждена въ ней была неудачами. Будь она по прежнему королевой ливонской, — тихо и мирно дожила бы она свой вѣкъ, аппетитной, сдобной русской боярыней.

И Ксеніи по душѣ приходилось это мѣсто. Чуть только мысли переносились къ кремлевскимъ палатамъ, къ Москвѣ, она тотчасъ гнала ихъ Екклезіастомъ: „все суета, суета и томленіе духа“.

И постепенно улегались ея юные порывы, — она замирала, утишались волненія, — молодость проходила. Вглядываясь порою въ жалкій осколокъ зеркала, и замѣчая морщинки вокругъ глазъ, и два-три серебристыхъ волоса на вискахъ, она невольно восклицала: да не ужь-то старость подходитъ?...

Но тотчасъ же отшвыривала зеркало и говорила твердо: „Все суета, суета и томленіе духа“...

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Князь В. А. Черкасскій.

Въ Санъ-Стефано, 19-го февраля настоящаго года, скончался отъ удара князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

Князь В. А. Черкасскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ того небольшого кружка талантливыхъ людей, которые еще задолго до 19-го февраля 1861 года, обсуждали и разработывали начала, долженствовавшія служить основаніемъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Въ это время покойному князю, наравнѣ съ другими трудившимися съ нимъ лицами, приходилось выдерживать не мало нападокъ и нареканій со стороны людей противоположнаго лагеря.

Когда начались самыя работы по реформѣ, князь Черкасскій, сначала въ качествѣ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Тульской губерніи, какъ тульскій землевладѣлецъ, а затѣмъ въ качествѣ члена главной редакціонной коммисіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ князя Я. И. Ростовцева, высказалъ свои знанія и горячую преданность дѣлу. Надобно замѣтить, что князь Черкасскій, еще бывъ студентомъ, удивлялъ своимъ быстрымъ, живымъ и острымъ умомъ и способностью къ усидчивому труду, но по замѣчанію людей, близко знавшихъ его, онъ былъ гораздо болѣе способенъ къ законодательнымъ работамъ, чѣмъ къ административнымъ должностямъ, гдѣ власть имѣющая личность поставлена лицомъ къ лицу съ живой дѣйствительностью, со всѣми ея противорѣчіями и случайностями, никакъ неукладывающимися въ заранѣе имъ предназначенныя по теоріи правила и формы. Во время послѣдняго польскаго возстанія, В. А. Черкасскій былъ приглашенъ Милютинымъ къ завѣдыванію внутреннимъ устройствомъ Привислянскаго края. Въ концѣ 60 годовъ онъ былъ нѣкоторое время городскимъ головою въ Москвѣ. Съ началомъ нынѣшней войны, князь Владиміръ Александровичъ былъ назначенъ завѣдующимъ гражданскимъ управленіемъ при штабѣ его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, а также главнымъ уполномоченнымъ Краснаго Креста и организаторомъ новаго управленія въ Болгаріи. Насколько организація эта можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ желаніямъ и нуждамъ болгарскаго народа, вопросъ этотъ не подлежитъ здѣсь обсужденію. Владиміръ Александровичъ неизмѣнно надѣялся, что дѣло войны кончится съ успѣхомъ и никогда не терялъ вѣры въ силы русскаго народа. Онъ умеръ въ самый день и въ самомъ мѣстѣ подписанія мирнаго договора, среди кликовъ радости и свѣтлыхъ надеждъ на возрожденіе болгарскаго народа.

Князь Черкасскій родился въ 1821 г., окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ и до конца пятидесятыхъ годовъ не занималъ особенно выдающагося государственнаго или общественнаго поста.

По замѣчанію „Современ. Извѣстій“, въ лицѣ князя Черкасскаго Россія потеряла одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ дѣятелей. При находчивой, можно сказать непобѣдимой діалектикѣ, Владиміръ Александровичъ былъ бы неоцѣнимъ въ дипломатической дѣятельности, тѣмъ болѣе, что политическіе взгляды его, основанные на ясномъ пониманіи хода исторіи, замѣчательны были столько же цѣльностію, сколько основательностью. Образчикъ ихъ можно видѣть въ первыхъ книжкахъ „Русской Бесѣды“ за 1856 г., гдѣ онъ писалъ свои политическія обозрѣнія. Но въ этой сферѣ ему не привелось дѣйствовать. Въ сферѣ законодательной покойный князь былъ практикъ, не гонявшійся за теоретической стройностью; онъ представлялъ въ этомъ отношеніи противоположность, а вмѣстѣ отчасти и восполненіе строго систематическому складу друга своего, Ю. Ѳ. Самарина, съ которымъ дѣлилъ труды и по крестьянскому и по польскому вопросамъ. Труды редакціонной коммисіи по крестьянской реформѣ сохранили много слѣдовъ той практической находчивости, съ какою князь умѣлъ примирить затрудненія, разсѣкая вопросы, затянутые иногда гордіевымъ узломъ.

Въ заключеніе газета дѣлаетъ предположеніе, что доходившіе до общества слухи недовольства о дѣятельности покойнаго князя по устройству Болгаріи, можетъ быть не были лишены основанія и въ этомъ случаѣ заслуживавшія упрека черты характера князя Черкасскаго были слѣдствіемъ болѣзненнаго возбужденія нервовъ, которое и сразило его такъ вдругъ, въ самый день подписанія мира,

На паромѣ.

(Картина Кившенко).

Прелестный рисунокъ, изображающій переправу чрезъ рѣку на паромѣ, сдѣланъ съ картины талантливаго молодого художника Кившенко. Картина эта была писана на конкурсъ, ежегодно бывающій въ Обществѣ поощренія художниковъ въ Петербургѣ. Эта картина, рисунокъ съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ, носитъ названіе „На паромѣ“ Она была удостоена за ея художественное исполненіе преміи, назначенной отъ помянутаго общества за жанровыя картины. Въ картинѣ г. Кившенки много жизни, и группировка изображенныхъ лицъ даетъ ясное понятіе зрителю о томъ, какія именно сцены изобразилъ художникъ. Посмотрите на эти группы, живописно расположенныя на плывущемъ паромѣ — и вамъ ясно будетъ, въ какой части Россіи происходитъ эта переправа чрезъ рѣку.

Это очевидно на югѣ. Все говоритъ объ этомъ: и молодые хохлы, и дѣвчина, и вся обстановка картины. Въ согбенной фигурѣ, одѣтой въ длиннополый сюртукъ, легко узнать плутоватаго сына Израиля, всегда и вездѣ имѣющаго случай открыть торговлю, хотя бы на грошъ и промѣнять старье. Въ данный моментъ онъ такъ же нашелъ покупателя на какіе-нибудь часы, на цѣпочку, спички и т. д. и честью увѣряетъ обольщеннаго его рѣчами простачка, что „али мозьно такую весць гдѣ дешевле? Али стану я понапрасну говорить? Цто я такой целовѣкъ, цто я хочю обманывать?..

Дѣвчина, сидящая на возу, запряженномъ волами, вѣроятно какая-нибудь Оксана, одна изъ тѣхъ красавицъ южныхъ губерній, о которыхъ такъ много пѣсенъ и такъ много тоски у молодыхъ парубковъ. Въ данную минуту на колѣняхъ ея ломоть румянаго и сочнаго арбуза. Стоящій возлѣ воза, облокотясь на край телѣги, парень, конечно, одинъ изъ тѣхъ многихъ, которыхъ сердца пылаютъ любовію къ Оксанѣ, еще не-

избравшей себѣ спутника жизни. Стоитъ онъ около красавицы и ведетъ рѣчи, обыкновенныя между молодыми людьми, зачастую даже пустыя по содержанію, но за то часто полныя глубокаго значенія, по крайней мѣрѣ для нихъ, юныхъ еще жизнію и богатыхъ надеждами на будущія ея блага.

Бѣдняги! Они и не подозрѣваютъ какъ много ждетъ ихъ впереди разочарованія, усталости и апатіи. Что эта усталость и апатія наступитъ—можно заключить изъ взгляда на унылую фигуру хохла, сидящаго въ сторонкѣ и потягивающаго трубочку. И онъ въ свое время пылалъ любовью къ какой-нибудь Оксанѣ или Солохѣ, но его время прошло—и одна трубочка утѣшительница его теперь, въ тѣ дни, когда колесница его жизни уже спускается подъ гору, и близка та пропасть забвенія, въ которую она скроется. Не говоримъ уже о достоинствахъ фигуръ картины, правдивыхъ и полныхъ жизни, одного взгляда на которыя достаточно для того, чтобы составить себѣ опредѣленное о нихъ понятіе.

Картина, по нашему мнѣнію, достойна того, чтобы на ней остановить вниманіе, и думаемъ, что чѣмъ больше дано будетъ ей этого вниманія, тѣмъ болѣе зритель получитъ эстетическаго наслажденія. **Л.**

Удавъ (Боа).

Удавъ относится къ группѣ неядовитыхъ змѣй. Въ замѣнъ яда, котораго онъ не имѣетъ, природа надѣлила его необычайною силою и отвагою. Своей тѣлесной силой онъ превосходитъ многихъ большихъ животныхъ, и когда онъ голоденъ или считаетъ себя въ опасности, то страшенъ для каждаго вооруженнаго человѣка, хотя бы его вооруженіе и было превосходно. Удавъ водится въ тропическихъ странахъ, преимущественно въ жаркихъ и сырыхъ мѣстностяхъ Южной Америки. Длина его достигаетъ отъ 15 до 30 футовъ. Мясо удава съѣдобно; жиръ его, какъ говорятъ, помогаетъ отъ чахотки и даетъ хорошее средство противъ ранъ. Сверхъ того, красивую кожу его легко дубить и изъ нея выдѣлываютъ различныя вещи. На приложенномъ рисункѣ удавъ представленъ захватывающимъ въ свои кольца антилопу, въ то время какъ другая, случившаяся тутъ же въ моментъ катастрофы, въ испугѣ кидается, какъ говорится, давай Богъ ноги. Какъ мы сказали, удавъ отличается силою и можетъ проглатывать такихъ животныхъ, которыя въ нѣсколько разъ превосходятъ діаметръ его тѣла.

Представимъ картину той жизни, среди которой проводитъ свои дни этотъ ужасный змѣй.

Высится и пестрѣетъ чудный бразильскій лѣсъ; мягко ступая выходитъ подъ вечеръ ягуаръ на добычу, а боа, смѣшиваясь съ ползучими ліанами, притаился на деревѣ, и лишь только ягуаръ приблизился, какъ громадный удавъ, разогнувъ свои кольца, стремительно бросается на него. Завязывается жестокая борьба, но когти ягуара скользятъ по чешуѣ врага и зубы его безсильны сдѣлать тяжелыя раны, ибо удавъ въ одно мгновеніе, удачно выбранное, обвивается кольцомъ вокругъ головы ягуара и крѣпко сжимая шею, душитъ свою жертву. Онъ постепенно обвиваетъ кольцами всего звѣря и только слышно, какъ трещатъ и ломаются его кости. Затѣмъ удавъ уже захватываетъ голову добычи, и смачивая ее липкой слюной, начинаетъ медленно втягивать въ себя животное, совершенно потерявшее свою форму и превращенное во что-то удлиненное, тягучее... Въ то время, когда слюнныя железы изливаютъ обильное выдѣленіе, которое дѣлаетъ поверхность заглатываемой пищи скользкой, а гортань выступаетъ между вѣтвями челюсти для поддержанія дыханія,—змѣя вонзаетъ челюстные зубы въ добычу, попеременно все дальше и дальше, такъ что пасть и глотка змѣи надвигаются постепенно на добычу. Обыкновенно послѣ такого глотанія пищи, требующаго сильнаго напряженія, наступаетъ ослабленіе силъ и „лѣнивое лежанье“. Удавъ растягивается по землѣ, и можно сказать, что тогда онъ превращается весь въ пищеварительный органъ: дѣйствіе легкихъ почти прекращается, онъ впадаетъ какъ бы въ оцѣпенѣніе. Время такого лежанья самое удобное для удачнаго нападенія на боа; но за то растянувшись по землѣ, пестрое круглое животное можетъ быть легко принято за свалившееся дерево и такая ошибка можетъ иногда повлечь за собою бѣду. Одинъ изъ охотниковъ разсказываетъ, что съ нимъ былъ именно такой случай, онъ принялъ удава за стволъ дерева и наступилъ на него, но почувствовавъ, что подъ ногой его было что-то холодное, мягкое, онъ отскочилъ въ страхѣ и схватился за ружье. Очнувшееся животное задвигалось... Ловкій выстрѣлъ покончилъ его.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ вообще о змѣяхъ.

Змѣи относятся къ классу пресмыкающихся. Всѣ пресмыкающіяся животныя покрыты чешуей или щитками, съ холодной кровью, съ исключительно легочнымъ дыханіемъ и двумя несовершенно раздѣленными желудочками сердца. Психическая жизнь ихъ стоитъ на низкой степени развитія. Онѣ растутъ медленно, но чрезвычайно живучи, могутъ долгое время оставаться безъ пищи и способны къ возстановленію потерянныхъ или искалѣченныхъ частей тѣла. Можно сказать, какъ скоро летитъ жизнь птицъ, такъ медленно двигается жизнь пресмыкающихся. Особенности змѣй состоятъ преимущественно въ длинной, цилиндрической формѣ тѣла, въ отсутствіи ногъ и удивительной способности рта расширяться. Челюстныя и небныя кости представляютъ такую подвижность, что пасть получаетъ возможность къ значительному расширенію и боковому растяженію. Вооруженіе челюстей составляютъ многочисленные, загнутые назадъ хватающіе зубы, которые сидятъ на нижней челюсти въ одинъ рядъ, а въ верхне-челюстно-небномъ аппаратѣ въ два ряда. Кромѣ этихъ зубовъ на верхней челюсти многихъ змѣй встрѣчаются бороздчатые или полые, пробуравленные каналомъ ядовитые зубы, основаніе которыхъ находится въ связи съ выводящимъ каналомъ ядовитой железы. Бороздчатые зубы бываютъ въ различномъ числѣ. При открытіи пасти ядовитые зубы входятъ въ мясо жертвъ, въ тоже самое время выдѣленіе ядовитой железы подъ давленіемъ височныхъ мускуловъ вытекаетъ въ рану, и очень часто за такимъ укушеніемъ слѣдуетъ мгновенная смерть. Змѣи питаются исключительно живыми животными, при нападеніи на жертву они обыкновенно прежде обвиваютъ ее своими кольцами и сдавливаютъ или же отравляютъ. Сдѣлавъ укусъ, змѣя спокойно слѣдитъ своими неподвижными, лишенными вѣкъ глазами за дѣйствіемъ яда. Ядъ различныхъ змѣй дѣйствуетъ неодинаково, на теплокровныхъ ядъ дѣйствуетъ сильнѣе и быстрѣе, точно также въ болѣе тепломъ климатѣ онъ убиваетъ скорѣе. Удавъ, какъ сказано выше, относится къ группѣ неядовитыхъ змѣй. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что самыя большія змѣи и въ тоже время красивыя, принадлежатъ жаркому поясу. **Ор.**

Императрица Жозефина, покинутая Наполеономъ I.

(Къ картинѣ Диціони).

Жозефина-Марія-Роза Ташерь де-ла-Пажери родилась на островѣ Мартиникѣ 24-го іюня 1763 года. Въ замѣнъ богатства, природа одѣлила Жозефину многими качествами и талантами, имѣвшими высокое значеніе въ ея блестящемъ будущемъ. Жозефина была настоящая креолка; прелестная, честолюбивая, живая, страстная, необыкновенно пріятная въ обхожденіи и обладавшая способностью возбуждать къ себѣ всеобщую симпатію и даже глубокую привязанность. Пятнадцати лѣтъ прибывъ во Францію, она тотчасъ же познакомилась съ своимъ дальнимъ родственникомъ графомъ Александромъ Богарне и вышла за него замужъ 13-го декабря 1779 года. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Юный супругъ Жозефины, горячій, страстный по натурѣ, исполненный рыцарства и безумной отваги, не могъ видѣть безъ чувства сильной ревности успѣховъ Жозефины въ модномъ свѣтѣ и того обаянія, которое она внушала своимъ многочисленнымъ поклонникамъ, особенно послѣ представленія королевѣ Маріи-Антуанеттѣ, послѣ котораго Жозефина получила право участвовать на всѣхъ придворныхъ, блестящихъ праздникахъ.

Бурныя сцены между супругами повторялись чаще и чаще и наконецъ дѣло дошло до того, что послѣ рожденія второго ребенка, Гортензіи, Богарне разошелся съ женою окончательно. Жозефина, взявъ съ собою дочь, возвратилась обратно въ Вестъ-Индію. На Мартиникѣ она жила цѣлыхъ три года, но волненія туземцевъ колоніи заставили ее бѣжать оттуда. Въ Парижѣ супруги снова встрѣтились и стали жить довольно согласно. Въ это время на Францію налетѣлъ ураганъ революціи. Богарне сдѣлался однимъ изъ главныхъ поборниковъ права и свободы народа, но въ самый разгаръ террора, подозрѣніе въ измѣнѣ отечеству пало какъ на него, такъ и на Жозефину, и оба они были арестованы. 25-го іюня 1799 года Богарне былъ казненъ, и сѣкира революціоннаго правосудія уже висѣла надъ головою Жозефины. Но Жозефина была фаталистка и въ умѣ ея глубоко врѣзались сказанныя ей еще на островѣ Мартиникѣ одной старой негритянкой слѣдующія слова: „Вы выйдете замужъ за блондина, уроженца Мартиники; онъ погибнетъ ужасною смертью. Другой вашъ мужъ будетъ брюнетъ —вы тогда сдѣлаетесь знатной дамой, столь знатной, что даже болѣе чѣмъ королева, но удививъ своей славой всю вселенную, вы все таки умрете въ несчастіи“. Это предсказаніе, исполнившееся на половину, поддерживало энергію Жозефины въ ея заточеніи, и когда на другой день казни ея мужа, вручили ей самой обвинительный актъ, она и тутъ отвѣчала увѣреніемъ, что не умретъ на эшафотѣ, а будетъ непремѣнно королевой Франціи. Неожиданное событіе спасло ее отъ плахи: въ тотъ же день, какъ хотѣли отвезти ее въ Консьержери, владычество террора пало, и она получила свободу. Послѣ такихъ происшествій увѣренность ея въ могущество гадальщицъ не имѣла границъ. Но чаяніе будущаго счастія еще не давало ей ничего существеннаго; напротивъ того, Жозефина перебивалась изо дня въ день. Вскорѣ обстоятельства измѣнились къ лучшему; по ходатайству Талльяна и особенно полновластнаго въ то время Барра, она получила большую часть ея конфискованнаго имущества. Въ салонѣ Барра Жозефина встрѣтила и юнаго генерала Бонапарте, который вскорѣ сдѣлался ея ревностнымъ поклонникомъ, хотя Жозефина была старше его шестью годами. Не смотря на какое-то предубѣжденіе про-

Жозефина. покинутая Наполеономъ I. Картина Дидіона, рис. Семигини, грав. Балларини

Веселая исторiя. Картина Л. Германа. рис. Лаве. грав. Ансо.

тивъ этого брака дѣтей Жозефины и даже ея самой, онъ все таки совершился 9-го марта 1796 года.

Влеченіе къ роскоши было у Жозефины ужасное. Такъ еще во время консульства у нея насчитывалось до 150 драгоцѣнныхъ кашемировыхъ шалей. Что же касается до вліянія Жозефины на часто безумные порывы гнѣва своего супруга, то оно дѣйствовало всегда благотворно. Наполеонъ былъ не въ силахъ противустоять ея слезамъ и ея голосу, который, какъ онъ сознавался, дѣйствовалъ на него также отрадно, какъ и шумъ народныхъ привѣтствій. Особенно хорошо жилось Жозефинѣ въ Мальмезонѣ, помѣстьѣ около Парижа. Тамъ она жила вдали отъ двора, свободная отъ тяжелаго для нея придворнаго этикета; тамъ она собрала богатую коллекцію художественныхъ произведеній, въ которыхъ она была хорошимъ знатокомъ, и тамъ же положила начало прекрасной коллекціи экзотическихъ растеній, большая часть которыхъ, благодаря ей акклиматизировалась во Франціи. Каждое несчастіе, каждая нужда находили въ ней сочувствіе и помощь и даже служители павшей династіи награждались ею пенсіями и пособіями. Самая семья Наполеона обязана ея благодѣтельному вмѣшательству для прекращенія постоянныхъ дрязгъ и ссоръ между ея членами, которые, не смотря на это, всѣ порядкомъ недолюбливали Жозефину. Подъ ея покровительствомъ снова появились изъ тьмы забвенія замѣчательные художники, композиторы и писатели. Дрожащая отъ страха, когда случалось признаваться Императору въ какомъ-нибудь долгѣ модисткѣ, эта женщина была смѣла и рѣшительна, когда дѣло шло о спасеніи жизни или чести человѣка. Но въ самый разгаръ ея плодотворной дѣятельности, до нея начали доходить смутные слухи о желаніи Императора развестись съ нею и вся пышность ея величія не могла скрыть отъ нея замѣтнаго къ ней охлажденія ея царственнаго супруга.

Второй бракъ Жозефины былъ, какъ извѣстно, бездѣтенъ, и первое колебаніе Наполеона въ его привязанности къ супругѣ уже появилось въ 1800 году, когда его зять Луціанъ, бывшій тогда посланникомъ въ Мадридѣ, предлагалъ въ супруги первому консулу инфантину Изабеллу, но безъ успѣха. Мысль о семейной связи съ однимъ изъ членовъ какого-нибудь изъ царствующихъ домовъ давно уже таилась въ головѣ Наполеона и уже во время Эрфуртскаго свиданія онъ уже намекалъ Императору Александру о возможности своего развода съ Жозефиной и брака съ сестрой Государя, Великой Княжной Екатериной Павловной.

Неожиданно 26-го октября 1809 г., онъ прибылъ въ Фонтенбло и открылся въ своихъ завѣтныхъ намѣреніяхъ архиканцлеру Камбасарессу и, конечно, послѣдній, какъ угодливый придворный, дѣлалъ самыя слабыя возраженія, пораженный настойчивостью и величіемъ доводовъ Императора. Эти доводы конечно, основывались преимущественно на причинахъ политическихъ; на пользѣ ввѣреннаго ему Богомъ народа; на томъ, что его умъ требуетъ пожертвовать общей пользѣ влеченіями своего сердца и все это добавлялось его любимымъ выраженіемъ: „политика не имѣетъ сердца, она имѣетъ лишь голову". Но несчастная Жозефина долго еще не знала о своей печальной участи; лишь 30-го ноября Импараторъ объявилъ ей свою непреклонную волю; послѣдствіемъ этого объясненія былъ жестокій, нервный припадокъ, такъ что самъ Наполеонъ, съ помощью дежурнаго по дворцу Боссе съ трудомъ могъ ее безчувственную снести въ комнату. Съ этой трагической сцены разводъ сталъ общей темой разговора какъ при дворѣ, такъ и въ столицѣ. Вскорѣ Жозефина, постоянно убѣждаемая своими дѣтьми, покорно подчинилась своей участи и даже продолжала участвовать въ разныхъ торжествахъ, конечно, со смертельной тоской въ сердцѣ, но съ улыбкой на устахъ, разыгрывая въ послѣдній разъ роль государыни. Немного времени спустя, т. е. 15-го декабря, въ кругу всего Императорскаго семейства была прочитана декларація развода и это чтеніе повторилъ Реньо-де-Сенъ д'Анжели за Жозефину, такъ какъ послѣдняя была не въ силахъ читать эти роковыя для нея строки. Сенатъ почти единодушно утвердилъ законность развода и даже многіе ораторы видѣли въ этомъ поступкѣ Наполеона признаки величія души и особенной геніальности. Такъ Лессепсъ напомнилъ Сенату, что всѣ лучшіе короли Франціи разводились съ своими женами, какъ-то: Карлъ Великій, Филиппъ Августъ, Людовикъ XII и Генрихъ IV. Вотъ до чего можетъ доходить подкупная логика! Вечеромъ 15-го декабря 1809 года, когда Жозефина еще была глубоко потрясена предшествовавшей сценой семейнаго собранія, Императоръ неожиданно явился въ ея покои и въ присутствіи дочери ея, Гортензіи, сказалъ ей послѣднее прости. Эта сцена тяжелаго, раздирающаго душу прощанія и составляетъ сюжетъ прилагаемой нами картины Дидіони. На другой же день Жозефина поселилась въ Мальмезонѣ и жила то здѣсь, то въ своемъ замкѣ въ Еврё тѣ немногіе годы жизни, которые оставались еще на ея долю. Обожаніе къ Наполеону сохранила она до самой смерти; бывшая его комната въ Мальмезонѣ была для нея въ родѣ святилища, куда входили лишь немногіе, и каждая его вещь хранилась ею какъ святыня. Наполеонъ часто посѣщалъ ее и оставался съ ней въ перепискѣ до послѣдняго времени. Еще изъ Бріенна онъ писалъ ей письмо самаго нѣжнаго содержанія: „Я искалъ во многихъ сраженіяхъ смерти,—говорилъ онъ въ этомъ письмѣ,—я не боюсь ея, она была бы нынѣ для меня истиннымъ благодѣяніемъ, но я бы еще разъ хотѣлъ видѣть мою Жозефину". Союзные монархи оказывали Жозефинѣ постоянное уваженіе заботливо охраняли ея спокойствіе во время занятія ихъ войсками Парижа и его окрестностей. Отреченіе Наполеона отъ престола и ссылка его на островъ Ельбу окончательно подорвали какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы бывшей императрицы. Она скончалась 29-го мая 1814 года. **А. Н.**

Веселая исторія.

(Картина Германа).

Преподобные отцы католической церкви „спасаются". Обстановка самая скромная: ковры, шелкъ да бархатъ—и только. Пища и питіе тоже не изъ роскошныхъ, лишь двѣ три бутылочки винца, изъ тѣхъ, которыя постарѣе, да такъ кое что изъ соленья, печенья и варенья. Вотъ и все. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли нужно человѣку! Спасающіеся отцы очень хорошо сами понимаютъ, что, пожалуй, для спасенія души больше ничего и не нужно—все подъ руками. Не даромъ эти два отца, которыхъ авторъ изобразилъ на прилагаемомъ рисункѣ, такъ безработно веселы и утѣшаются бесѣдою самаго душеспасительнаго содержанія.

— Утѣшительно, отецъ Антоній, утѣшительно! поощряетъ одинъ собесѣдникъ другого, видимо довольный его интересными разсказами.

— Выпейте-ка мараскинцу, препользительный напитокъ...

— Гм... Да! Не могу оспаривать... Но не могу умолчать и о томъ, что крѣпости онъ необычайной, и если, напримѣръ, стаканомъ...

— Хе, хе! Можно и стаканомъ, но нужно не вдругъ... и съ молитвой!

— То-то я и говорю, напитокъ хорошъ, но дѣлается человѣкоубійственнымъ, если въ большомъ количествѣ...

— Но вѣдь за то, если съ душеспасительной точки зрѣнія судить, то намъ по грѣхамъ нашимъ это еще мало...

Такъ, подшучивая надъ своими грѣхами, преподобные отцы припоминаютъ одну за другою исторіи изъ ихъ уединенной монастырской жизни.

— А помнятно вамъ, какъ отецъ настоятель третьяго дня брата Іоанна заточилъ въ монастырскую башню? спрашиваетъ собесѣдникъ.

— Ха! ха! ха! заливается хохотомъ товарищъ, слышалъ, слышалъ...

— Нѣ-ѣ-тъ, позвольте, позвольте... Соблаговолите выслушать, что за симъ произошло... Не знаете?

— Нѣ-ѣ-тъ, не слыхалъ.

— О, это поучительное и преполезное обстоятельство...

— Ну-съ, такъ что-же? Разсказывайте.

— Братъ Іоаннъ, впавшій въ слабость, какъ извѣстно вамъ, былъ оставленъ въ башнѣ до вытрезвленія, до слѣдующаго дня: на утріе, возсіявшу солнцу, отецъ-настоятель самолично отправился въ башню усовѣщевать заблудшаго...

— Обратилъ его на путь истинный, да?

— Нѣ-ѣ-тъ-съ, позвольте: онъ обрѣлъ его болѣе еще впавшимъ въ опьяненіе, нежели было наканунѣ. Отецъ настоятель лично осмотрѣлъ его карманы, лично заперъ двери и что же? На утріе вновь обрѣтаетъ его въ опьяненіи.

— Чудо совершается! Хе! хе! заливается собесѣдникъ.

— На слѣдующій день отецъ настоятель вновь самъ является въ башню и вновь видитъ брата Іоанна въ томъ же состояніи...

— Истинное чудо. Это уже на третій день! хе! хе!..

— Башня, какъ вамъ извѣстно, каменная, отъ земли окно высоко и едва пропускаетъ свѣтъ, будучи всего въ четверть аршина размѣрами...

— Но чѣмъ же, наконецъ, все это объясняется? спрашиваетъ собесѣдникъ.

— Вотъ и соображать извольте, какъ угодно: три дня въ башнѣ запертъ, хлѣбъ да вода только при немъ—и три дня въ веселомъ настроеніи духа пишетъ „мыслете" наталкиваясь на стѣны своего темнаго помѣщенія.

— Ха! ха! ха!...

— Отецъ настоятель въ великомъ гнѣвѣ...

— Еще бы! Неразгаданное чудо!

— Однако онъ сегодня ночью самъ лично подкараулилъ и накрылъ...

— Что же? Что же такое онъ накрылъ?

— А вотъ что: у стѣны башни стоялъ, согнувъ спину, одинъ изъ благопріятелей брата Іоанна, а на его спинѣ другой и подавалъ онъ чрезъ окно заключенному брату тотъ самый длинный насосъ, ливеръ, которымъ изъ бочки накачиваютъ вино.

— Ха! ха! ха! Премудрость.

— Догадливый братъ Іоаннъ такимъ образомъ получалъ возможность накачиваться нъ волю, посасывая изъ насоса вино—доставленное въ немъ, услужливыми благопріятелями.

— О, дружба! Это ты! воскликнулъ слушавшій.

— Но позвольте, позвольте. Отецъ настоятель дѣло начать хочетъ—и знаете, какъ онъ его озаглавилъ.

— Какъ, какъ?
— А вотъ какъ: „дѣло о накачиваніи патера Іоанна виномъ чрезъ окно монастырской башни"...
— Хо! хо! хо!... заливается собесѣдникъ!
— О накачиваніи! подбавляетъ разскащикъ, усиливая этимъ смѣхъ товарища. .
— Охъ, не могу... ха-ха-ха!.. заливается тотъ.
— Точно бочку сороковую, подбавляетъ разскащикъ, возбуждая въ собесѣдникѣ новый приливъ хохота.

Таковъ или приблизительно таковъ сюжетъ картины, исполненной авторомъ безукоризненно хорошо во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ. Z.

Запоздавшее предложеніе.

(Два бюста работы Ченчетти).

"Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ,
Смѣшенъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшенъ и юноша степенный!"...

Такъ говоритъ нашъ великій поэтъ А. Пушкинъ. Но не каждый сознается во время, что устарѣлъ и не каждый повторитъ себѣ четверостишіе того же поэта

„Ужь я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ.
Моя весна и лѣто красно
На вѣкъ прошли, простылъ и слѣдъ"...

Напротивъ, старики часто молодятся и считаютъ себя завидными для красавицъ женихами.

Типъ такого самоувѣреннаго старика и представленъ на одной изъ статуэтокъ, помѣщенныхъ въ этомъ № „Нивы".

Онъ, видимо, только что сдѣлалъ молодой особѣ предложеніе, и улыбаясь, ждетъ ея отвѣта.

— Ну-съ, дескать, какъ вы полагаете, недурную я штучку выдумалъ?
— Что-о? Что-о?.. переспрашиваетъ молодая женщина, и насмѣшливая улыбка разливается по ея лицу.
— Не дурную, говорю, я штучку выдумалъ... Хе, хе, хе... Осчастливить васъ могу-съ... Хе, хе, хе... У меня-съ вѣдь есть капиталецъ...

Отвѣтъ прелестной женщины на предложеніе старика ясно видѣнъ изъ ея улыбки. Она улыбается, но въ этой улыбкѣ, увы, и оглядываетъ насмѣшка. Очевидно, что красавица, оцѣнившая предложеніе старика, не находитъ лишь въ немъ одного весьма важнаго и ничѣмъ незамѣнимаго достоинства: давно исчезнувшей, давно прошедшей молодости. Н.

Библіографія.

Княжна Острожская. Историческая повѣсть *В. С. Соловьева*, съ 20 рисунками художника И. Панова. *С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.*

Повѣсть эта была помѣщена въ „Нивѣ" 1876 года, и конечно памятна ея читателямъ. Для незнакомыхъ же съ нею замѣтимъ здѣсь, что въ ней яркими красками обрисовывается борьба православія съ католицизмомъ и іезуитами въ Литвѣ. Въ живыхъ образахъ представляется читателю быть описываемаго въ повѣсти времени, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на жизни благородной семьи извѣстныхъ въ исторіи князей Острожскихъ. Всѣ факты, изложенные въ этой повѣсти, исторически вѣрны и во многомъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія читателей, въ особенности несчастная, глубокаго сожалѣнія достойная участь княжны Гальшки Острожской.

Судя по тому успѣху, которымъ пользовалась эта повѣсть при печатаніи ея въ „Нивѣ"—издатель предпринялъ ея отдѣльное печатаніе. Издана она роскошно, украшена 20 рисунками извѣстнаго нашего художника И. Панова, гравированными въ артистическомъ заведеніи Бренд'Амура. Какъ картины, такъ равно и вся книга, напечатаны на превосходной бумагѣ.

Помѣщаемые въ этомъ № *четыре* рисунка могутъ служить указаніемъ достоинствъ изданія. Видя эти рисунки, читатели сами будутъ въ состояніи судить о достоинствѣ остальныхъ. Всѣ 20 рисунковъ одинаково художественны и съ большою тщательностью исполнены и служатъ прекраснымъ объясненіемъ текста романа, изображая самыя главныя его сцены. Помѣщаемые здѣсь четыре рисунка, полагаемъ, обратятъ на себя вниманіе читателей и пробудятъ въ нихъ желаніе познакомиться съ содержаніемъ повѣсти. Это послѣднее есть, собственно говоря, главная цѣль издателя, старающагося постоянно о томъ, чтобы всѣми мѣрами развивать въ публикѣ интересъ и любовь къ литературѣ.

Прелиминарный мирный договоръ Россіи съ Турціей

9-го (21-го) марта обнародованъ оффиціальный текстъ Высочайше ратификованнаго прелиминарнаго мирнаго договора Россіи съ Турціей, заключеннаго въ Санъ-Стефано 19-го февраля (3-го марта). Текстъ этого договора состоитъ изъ 29-ти пунктовъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ:

Границы Черногоріи послѣдуютъ отъ горы *Доброшицы*, черезъ *Билекъ*, до *Корыта*, а отсюда къ *Гацко* (при этомъ Метохія-Гацко будетъ принадлежать Черногоріи) и къ сліянію рѣкъ *Пивы* и *Тары*, къ сѣверу же—по теченію *Дрины* до слiянія съ *Лимомъ*. Восточная граница княжества направляется отъ этой послѣдней рѣки до *Пріеполья* и направится черезъ Рошой къ Сухой-Планинѣ. Граница, за симъ, послѣ ломаной линіи черезъ цѣпи высотъ и черезъ низменности,—пересѣчетъ *Скутарійское озеро* (объ этомъ озерѣ мы неоднократно говорили въ нашихъ обозрѣніяхъ) и упрется въ рѣку Ваяну, отъ которой достигнетъ до моря. Что касается до крѣпостей, остающихся за Черногоріей, то онѣ суть: *Никшичъ*, *Гацко*, *Спужъ*, *Подгорица*, *Шаблякъ* и *Антивари*. Установленіе окончательныхъ границъ между Черногоріей и Турціей будетъ, впрочемъ, возложено на европейскую *коммисію*, которая сдѣлаетъ въ границѣ исправленія, какія сочтетъ необходимыми. Въ настоящее же время Порта окончательно признаетъ независимость Черногоріи.

Сербія признается независимою. Граница ея пойдетъ по руслу р. *Дрины*, оставляя во владѣніи княжества *Малый Зворникъ* и *Закаръ* и направляясь далѣе по прежней границѣ до истоковъ ручья *Делево*, близь *Стойлака*. Отсюда новая пограничная черта пойдетъ до р. *Рашко* и *Новаго-Базара*, за симъ спустится въ долину р. *Ибара*, направится по теченію этой рѣки, далѣе—по водораздѣлу *Кривы* и *Ветерницы* и, чрезъ Міовацку-Планину, спустится къ р. *Моравѣ*; отсюда пойдетъ черезъ *Суху-Планину*, по ручью Врыло до р. Нишавы; за симъ направится къ юго-востоку отъ Кораулъ-Баре до прежней сербской границы и продолжится до Дуная. Впрочемъ окончательное очертаніе границъ установитъ смѣшанная турецко-сербская коммисія, при содѣйствіи русскаго коммисара. Эта коммисія установитъ окончательное очертаніе границъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Мусульмане, владѣющіе поземельною собственностію на той территоріи, которая, вслѣдствіе исправленія границъ, присоединена къ Сербіи, и желающіе выселиться изъ княжества могутъ сохранить за собою недвижимыя имущества, сдавъ ихъ въ аренду или поручивъ управленіе имѣніями другимъ лицамъ. Разсмотрѣніе и рѣшеніе правъ на такія имущества будетъ производиться сербско-турецкою коммисіею, съ участіемъ въ ней русскаго коммисара, въ теченіе *двухъ* лѣтъ.

Новая пограничная черта Болгаріи направится отъ новой границы Сербскаго княжества къ западному рубежу уѣзда *Враньи* до горной цѣпи Карадага. Отсюда черта повернетъ на западъ и пройдетъ чрезъ *Куманово*, *Качаки*, *Калканделенъ*, до горы *Корабъ*, а отсюда по рѣкѣ *Велещицѣ* до ея впаденія въ *Черный Дринъ*. За симъ граница направится на югъ, по *Дрину* и по западной границѣ *Охриды* до горы *Линасъ*, а потомъ черта повернетъ къ западнымъ предѣламъ, къ *Горчи* и *Старово* до горы *Граммосъ*. Далѣе путь пограничной черты назначенъ чрезъ озеро *Касторію* до р. *Могляницы*, къ *Янинѣ* (южнѣе ея) черезъ устье р. *Вохдаро*, по *Галлико*, къ селеніямъ Парга и Сарайкей. Далѣе—къ рѣкамъ *Струмъ* и *Карасу* и по морскому берегу до *Буругеля*. Отсюда уже черта повертываетъ къ сѣверо-востоку, совпадая съ знаменитой горной цѣпью *Родопа*, а до горы Крушово по *Чернымъ Балканамъ* (или Кара-Балканъ). Далѣе идетъ она по горамъ Эшекъ-Кулачи, Чепейю, Каракалась и Ишкларъ до извѣстной широтою своею теченія р. *Арды*, далѣе на городъ *Чирменъ*. При этомъ *Адріанополь остается внѣ этой черты* (на югѣ). Наконецъ, проходя къ востоку по возвышенностямъ, граница примыкаетъ къ Черному морю и, близь *Мангаліи* (приморскій полкъ въ югу отъ Кюстенджи) граница отклоняется отъ морского берега и направляется къ южнымъ предѣламъ Тульчинскаго санджака, примыкая къ Дунаю выше Рассова. Дальнѣйшее болѣе точное опредѣленіе границъ будетъ установлено коммисіею изъ русскихъ и оттоманскихъ делегатовъ. Это точное опредѣленіе уже означено на оффиціальной картѣ, которая, однако, еще неопубликована во всеобщее свѣдѣніе.

Болгарское населеніе будетъ избирать себѣ *князя*, утверждаемаго Портою, съ согласія европейскихъ державъ. Но уставъ будущаго управленія Болгаріи еще имѣетъ быть выработанъ, по примѣру того, какой былъ выработанъ въ 1830 г. въ Придунайскихъ княжествахъ, послѣ извѣстнаго *Адріанопольскаго* мира. Введеніе въ Болгаріи новаго образа правленія и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены, въ теченіе *двухъ лѣтъ*, Русскому Императорскому коммисару. Для выработки устава будущаго управленія Болгаріи, въ *Филиппополѣ* (Пландивѣ) или *Трновѣ* состоится собраніе именитыхъ людей Болгаріи, подъ *наблюденіемъ Россійскаго Императорскаго коммисара и въ присутствіи коммисара Порты.*

Турецкія войска *не будутъ болѣе* находиться въ *Болгаріи* и *всѣ прежнія крѣпости въ этой странѣ будутъ срыты на счетъ мѣстнаго правительства.*

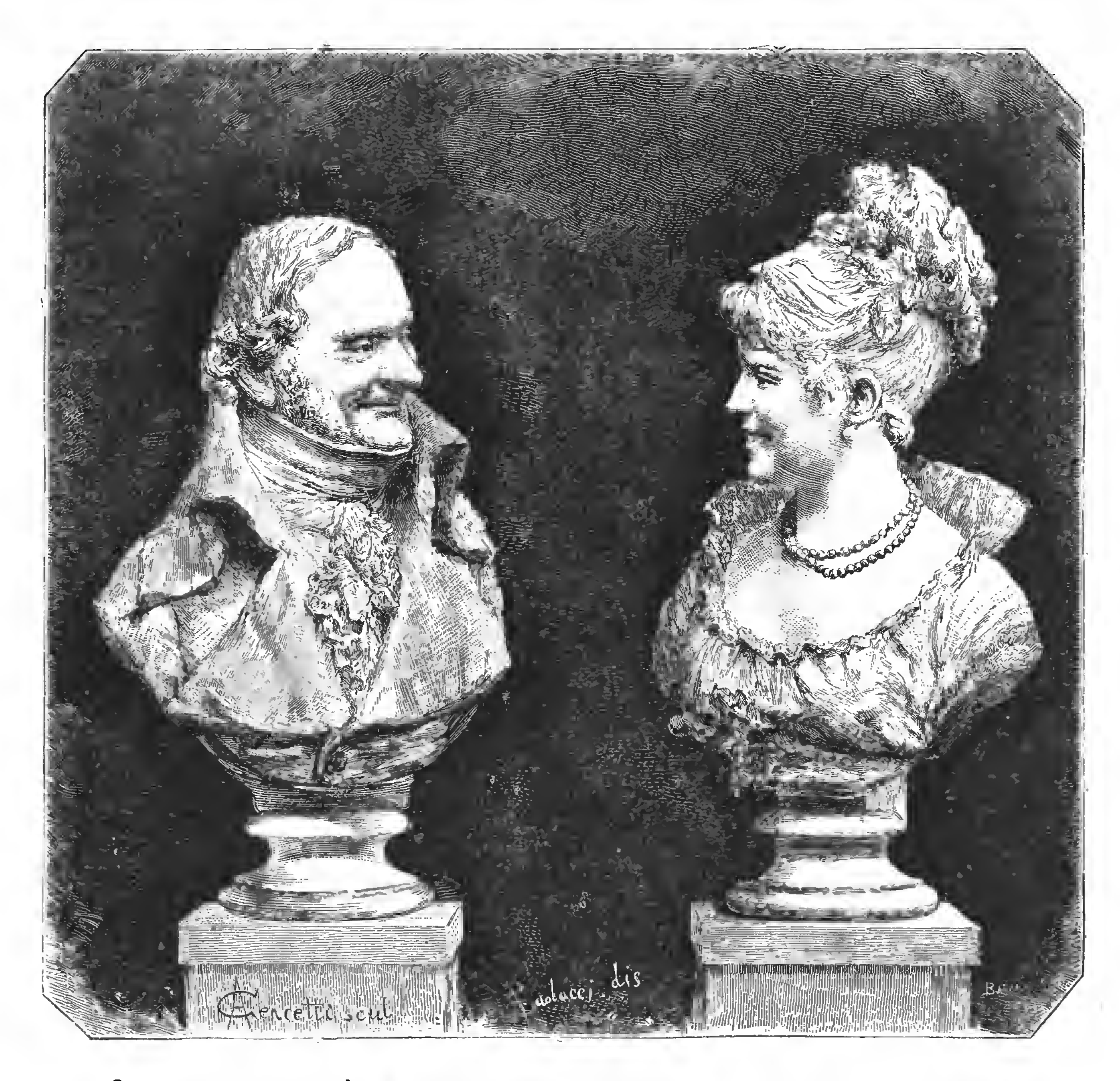
Нашъ оккупаціонный корпусъ, остающійся въ Болгаріи, состоитъ изъ 6 дивизій пѣхоты и 2-хъ кавалерійскихъ дивизій, и не будетъ превосходить 50,000 человѣкъ. Этотъ оккупаціонный корпусъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ (такъ называемымъ куцо-влахи) или другими—тамъ, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава, будетъ обращено должное вниманіе на права и потребности этихъ народностей.

По срытіи крѣпостей въ Болгаріи, о которомъ сказано выше, Порта будетъ имѣть право располагать, по своему усмотрѣнію, военными припасами и другими принадлежащими ей другими европейскими кабинетами, по истеченіи *перваго* года дѣйствія новыхъ учрежденій. Дань эта будетъ пропорціональна средней доходности всей болгарской территоріи.

Всѣ крѣпости па Дунаѣ *будутъ срыты*, и впредь по берегамъ этой рѣки укрѣпленій болѣе не будетъ; не будетъ также военныхъ судовъ въ водахъ княжествъ: *Румынскаго, Сербскаго* и *Болгарскаго*, кромѣ обыкновенныхъ станціонеровъ и мелкихъ судовъ, предназначаемыхъ для надобностей рѣчной полиціи и таможеннаго управленія.

Порта оставляетъ за собою право пользоваться проходомъ черезъ Болгарію, для перевода, по опредѣленнымъ путямъ войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта въ области, находящіяся за предѣлами Болгаріи, и обратно. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая со дня ратификаціи, для избѣжанія всякихъ возможныхъ недоразумѣній, условія пользованія путями черезъ Болгарію, будутъ опредѣлены по соглашенію Порты съ упра-

Запоздавшее предложеніе. Два бюста работы Ченчети. Рис. Баолюса, грав. Баларини

предметами, оставленными въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже въ силу перемирія 19-го (31-го) января, а равно и тѣми предметами и припасами, которые оказались бы въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ.

До полнаго образованія въ Болгаріи земскаго войска, достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія, и численность котораго будетъ впослѣдствіи опредѣлена соглашеніемъ между оттоманскимъ правительствомъ и Россійскимъ Императорскимъ кабинетомъ, русскія войска будутъ занимать страну и, въ случаѣ надобности, будутъ оказывать содѣйствіе коммисару.

Военная оккупація Болгаріи ограничена приблизительнымъ срокомъ въ *два* года. Болгарія, за симъ, платитъ дань сюзеренному двору (Турціи), внося эту дань въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи. Размѣръ этой дани опредѣлится соглашеніемъ между Россіею, Оттоманскимъ правительствомъ и вленіемъ Болгаріи, особымъ уставомъ, обозначивающимъ военныя нужды Порты. Но это право простирается *единственно* и *исключительно* на регулярныя турецкія войска. Что касается баши-бузуковъ и черкесовъ, бывшихъ до сихъ поръ бичемъ и язвою Болгаріи, то эта иррегулярная часть войскъ рѣшительно и безусловно лишена этого права. Соотвѣтственно выше упомянутому, Порта имѣетъ право провозить черезъ Болгарію почту и содержать телеграфную линію.—Землевладѣльцы—мусульмане, имѣвшіе доселѣ въ Болгаріи недвижимую собственность, по почему либо не желающіе теперь жить въ ново-формирующемся княжествѣ, могутъ сохранить въ Болгаріи свою недвижимую собственность, или отдавъ ее въ аренду, или же поручивъ управленіе его другимъ лицамъ (правило имѣющее, какъ мы видѣли выше, силу и для Сербіи). За симъ, подобно тому, какъ въ Сербіи образуется смѣшанная *сербско-турецкая* ком-

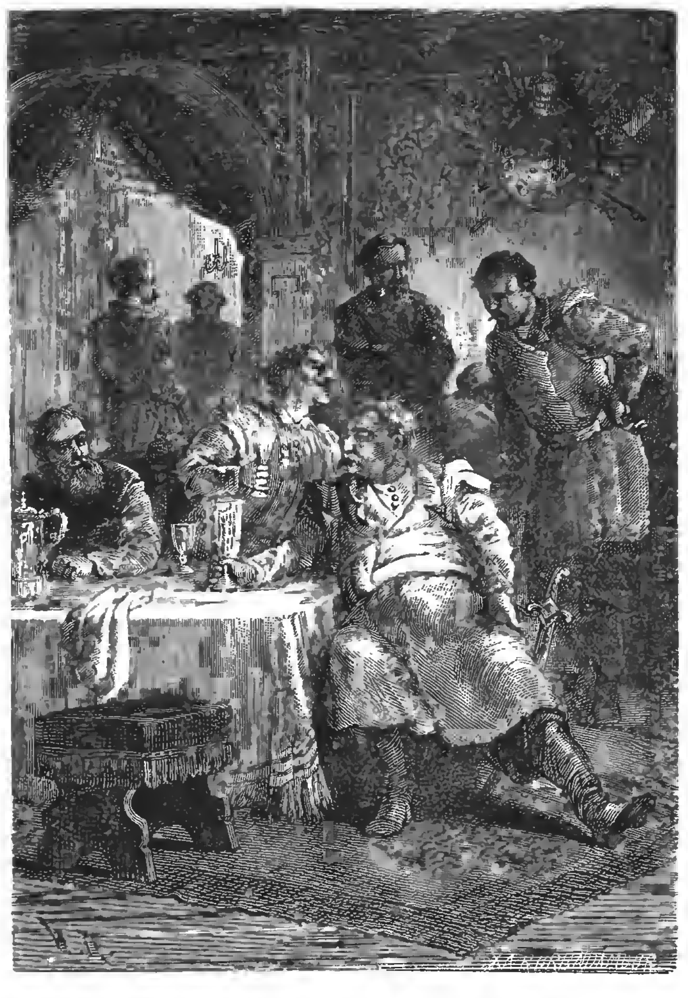
(Продолженіе на стр. 213, 214, 215 и 216).

„Княжна Острожская“. Повѣсть Вс. Соловьева.

(4 рисунка къ Библіографіи, помѣщенной на стр. 211).

Да съ этимъ жемчугомъ на шеѣ краше тебя и не сыскать никого во всемъ свѣтѣ... (Ч. 1, стр. 39).

Никто не замѣтилъ, что самъ хозяинъ стоялъ у двери и прислушивался къ разговору. (Ч. 1, стр. 63).

Песокъ дѣлалъ свое дѣло медленно, но безпощадно. (Ч. 1, стр. 117).

Онъ соскочилъ на землю и ловко увертывался отъ ударовъ. (Ч. 1, стр. 143).

миссія, такъ здѣсь образуется коммиссія *болгарско-турецкая*, подъ наблюденіемъ русскихъ коммиссаровъ для *рѣшенія вопросовъ о признаніи правъ собственности*. Занятіе этой коммиссіи будутъ продолжаться *два* года. Эта же коммиссія рѣшитъ, (въ указанные два года) дѣла, касающіяся способовъ отчужденія собственности, эксплуатаціи и употребленія въ пользу Порты имуществъ, принадлежащихъ турецкому правительству и духовнымъ лицамъ. По истеченіи двухлѣтняго срока, всѣ имущества, на которыя не будетъ предъявлено требованій, будутъ проданы съ публичнаго торга и вырученныя деньги будутъ употреблены на содержаніе вдовъ и сиротъ (мусульманскихъ и христіанскихъ) жертвъ послѣднихъ событій.

Общая сумма вознагражденія Россіи за военныя издержки исчисляется въ *тысяча четыреста десять милліоновъ рублей*. Изъ нихъ 900 милліоновъ военныхъ издержекъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (содержаніе арміи, припасы, военные заказы). За симъ *400 милліоновъ* въ возмѣщеніи за убытки, причиненные южному нашему побережью, нашей отпускной торговлѣ промышленности и желѣзнымъ дорогамъ, далѣе *100 милліоновъ* за убытки на Кавказѣ, произведенные вторженіями и наконецъ *10 милліоновъ* въ вознагражденіе за разные потери и убытки русскихъ подданныхъ. Въ случаѣ же несостоятельности Порты, ей предлагается замѣнить уплату территоріальными уступками, а именно—уступкою Тульчинскаго Санджака, состоящаго изъ нѣсколькихъ казъ, или уѣздовъ, *) а также уступкою въ Малой Азіи крѣпостей *Ардагана*, *Карса*, *Баязета*, съ территоріею до Сагандуга. При этомъ условіи наша мало-азіатская граница должна значительно видоизмѣниться въ смыслѣ приращенія. Эти обѣ территоріальныя уступки, т. е. Тульчинскій санджакъ и мало-азіатская территорія съ крѣпостями могутъ служить однакоже, замѣною только суммы 1,100 милліоновъ руб. Остальная же *часть* вознагражденія, за исключеніемъ 10-ти милліон. руб., слѣдующихъ разнымъ русскимъ учрежденіямъ,—часть, составляющая 300 милліоновъ руб. еще имѣетъ быть опредѣлена особымъ соглашеніемъ между Императоромъ Россійскимъ и турецкимъ султаномъ. Все это, однакоже, въ значительной степени зависитъ отъ рѣшенія будущей международной коммиссіи. Румынія признается независимой и предъявитъ свои права на вознагражденіе за военныя издержки имѣющія быть опредѣленнымъ обѣими сторонами.

За симъ—что касается Босніи и Герцеговины, то въ этихъ земляхъ будутъ немедленно введены сообщенныя оттоманскимъ уполномоченнымъ на первомъ засѣданіи константинопольской конференціи предложенія европейскихъ державъ, съ тѣми впрочемъ, измѣненіями, какія будутъ установлены по взаимному соглашенію между Портою, Русскимъ и Австро-Венгерскимъ правительствами. Недоимки въ этихъ провинціяхъ не будутъ взыскиваемы и текущіе доходы будутъ обращаемы на *вознагражденіе* семействъ бѣглецовъ и жителей, пострадавшихъ отъ послѣднихъ событій, безъ различія ихъ народности и вѣроисповѣданія.

Относительно острова Крита, Порта обязуется добросовѣстно ввести тамъ органическій уставъ 1868 г., строго сообразуясь съ желаніями, уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ. Подобный же уставъ долженъ быть введенъ въ Эпирѣ и Ѳессаліи и другихъ частяхъ Европейской Турціи.

Въ Арменіи Порта также обязуется немедленно осуществить улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями, и обезопасить армянскихъ христіанъ отъ набѣговъ курдовъ и черкесовъ.

Русскія духовныя лица, паломники и иноки путешествующіе или пребывающіе въ Европейской или Азіатской Турціи, должны отселѣ пользоваться тѣми же правами, преимуществами и льготами, какъ и иностранныя духовныя лица другихъ народностей.

Босфоръ и Дарданеллы будутъ открыты какъ во время войны, такъ и во время мира, для торговыхъ судовъ нейтральныхъ державъ, приходящихъ изъ русскихъ портовъ или же отправляющихся въ эти порты. Вслѣдствіе этого, Порта обязуется впредь болѣе не установлять недѣйствительной блокады портовъ Черняго и Азовскаго морей, такъ какъ подобная блокада несоотвѣтствуетъ точному смыслу декларація, подписанной въ Парижѣ 4 (16) апрѣля 1856 г.

Обмѣнъ плѣнныхъ будетъ произведенъ тотчасъ послѣ подписанія договора, но полное очищеніе русскою арміею Европейской Турціи (за исключеніемъ Болгаріи) произойдетъ въ теченіи *трехъ* мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира между Его Величествомъ Россійскимъ Императоромъ и Турецкимъ Султаномъ. Очищеніе же русскими войсками Азіатской Турціи произойдетъ въ теченіи *шести* мѣсяцевъ со дня заключенія окончательнаго мира. При этомъ наши войска сядутъ на суда въ Трапезунтѣ, для возвращенія во внутреннюю Россію черезъ Кавказъ и въ Крымъ.

Вотъ сущность прелиминарнаго мирнаго договора Россіи съ Турціей. Какъ онъ будетъ принятъ Европою, и что за симъ произойдетъ въ родѣ ея политикѣ по отношенію къ этому дѣлу —укажетъ недалекое будущее.

*) Россія предоставляетъ себѣ промѣнять ихъ на отчужденную отъ нея трактатомъ 1856 г. часть Бессарабіи.

Смѣсь.

Электро-магнитное растеніе. Въ „Гамбургской газетѣ садоводства и цвѣтоводства“ передавъ разсказъ г. Леви объ одномъ растеніи, заслуживающемъ названіе *чудеснаго*, если разсказъ названнаго путешественника вѣренъ. Это, какъ видно, новый родъ Phytolacca, который названъ Ph. electrica, Г. Леви разсказываетъ въ своихъ замѣткахъ: „Я хотѣлъ бы обратить вниманіе на этотъ кустарникъ, въ которомъ открыты мной весьма рѣзко выраженныя электромагнитныя свойства. Если сорвать съ него вѣтку, то рука чувствуетъ такое ощущеніе, какъ если бы прикасались къ электрической баттареѣ. Это ощущеніе поразило меня до такой степени, что я сталъ производить опыты съ компасомъ, и вліяніе электричества становилось чувствительнымъ еще не доходя семи, восьми шаговъ. По мѣрѣ приближенія къ растенію, стрѣлка видимо отклонялась, движенія ея становились все безпокойнѣе, наконецъ у самаго куста уклоненіе превратилось въ очень быстрое кругообразное движеніе. Во время удаленія отъ кустарника, явленія представлялись въ обратномъ смыслѣ. Въ подпочвѣ не оказалось ни малѣйшаго слѣда желѣза или магнитныхъ металловъ, какъ кобальтъ или никель, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что само растеніе обладаетъ этимъ удивительнымъ качествомъ. Сила явленія мѣняется съ часами дня. Ночью она равняется почти нулю, достигаетъ высшей степени около двухъ часовъ по-полудни. Въ бурную погоду энергія ея еще усиливается, а во время дождя растеніе имѣетъ вялый видъ. Я никогда не видѣлъ на Phytolacca electrica ни птицъ, ни насѣкомыхъ.

О вліяніи фіолетоваго свѣта. Въ теченіи прошлаго года много писали о вліяніи фіолетоваго свѣта на умалишенныхъ. Кромѣ того, извѣстный астрономъ Зохи утверждаетъ, что фіолетовый цвѣтъ спектра имѣетъ необыкновенно благопріятное вліяніе на развитіе животныхъ и растеній, особенно овощей; послѣдніе, будучи подвержены дѣйствію фіолетоваго свѣта, растутъ необыкновенно быстро, далеко превосходя количествомъ одновременно посаженныя растенія на открытомъ воздухѣ.

Голубой цвѣтъ и его вліяніе на человѣка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открыто свойство голубого цвѣта приводить въ нормальное состояніе разстроенный мозгъ умалишенныхъ, въ особенности посредствомъ солнечныхъ лучей, преломляющихся черезъ голубое стекло. Тогда не было обращено на это медицинною должнаго вниманія. Теперь снова г. Dawies, докторъ сумасшедшаго дома въ Мейдстонѣ (въ Англіи), публикуетъ, что въ домѣ, находящемся въ его распоряженіи, онъ устроилъ нѣсколько комнатъ съ голубыми стеклами и помѣстилъ въ нихъ нѣсколько умалишенныхъ, которые на третій день ихъ пребыванія въ этихъ комнатахъ стали успокаиваться и приходить въ себя; такимъ образомъ сумасшедшіе, отличавшіеся своимъ неряшествомъ, просили воды, чтобы обмыть нечистоту ихъ тѣла: другіе, которые яростно разбивали въ дребезги все, что попадало въ ихъ руки, стали смирны какъ ягнята, и покраснѣли отъ стыда, когда напомнили имъ прежнія ихъ безумныя выходки. Такія комнаты стали въ недавнее время устраиваться и въ Германіи, какъ напримѣръ въ г. Берндорфѣ, близь Кобленца. Желательно было бы, чтобы такія комнаты устраивались во всѣхъ домахъ для умалишенныхъ.

Въ лучшемъ обществѣ въ Цинцинати вошло въ моду пить кровь, ни дать ни взять какъ въ другихъ мѣстахъ пьютъ молоко или содовую воду. Около $4\frac{1}{2}$ часовъ пополудни, на бойняхъ можно видѣть очень много элегантныхъ дамъ и мущинъ, которые со стаканами въ рукахъ ждутъ минуты, когда отъ одного удара убойщика, голова быка отдѣлится отъ могучаго туловища. Какъ только брызнетъ изъ жилъ кровь, стаканы наполняются и предлагаются пацiентамъ, которые повидимому не безъ удовольствія втягиваютъ въ себя алую жидкость.

Спасеніе для плѣшивыхъ. Въ отчетѣ англійскаго консула Стевенса о торговлѣ въ Николаевѣ, находится между прочимъ одно сообщеніе, которое, если только оно вѣрно, принесетъ большую радость всѣмъ тѣмъ, кто въ борьбѣ съ житейскими бурями преждевременно лишился своихъ кудрей. У консула былъ слуга, рано получившій на своемъ черепѣ почтенную плѣшь: между другими обязанностями, на немъ лежали заботы о петролейныхъ лампахъ. Часто, въ подобныхъ обстоятельствахъ, инстинктъ руководитъ людьми такъ же какъ и животными: консульскій ламповщикъ, послѣ заправки лампъ, въ ожиданіи мытья, предварительно обтиралъ замасленные пальцы о жалкіе остатки своихъ волосъ. Что же изъ этого вышло? Послѣ трехъ мѣсяцевъ чистки лампъ, у счастливца, подъ благимъ вліяніемъ его неряшливой привычки, выросли прегустые

волосы, какихъ у него никогда не бывало и прежде. Консулъ узналъ объ этомъ случаѣ и началъ дѣлать опыты съ петролемъ надъ собаками, лошадьми, скотомъ. Выпаденіе волосъ прекращалось, лысыя мѣста въ короткое время зарастали. Приводимъ къ свѣдѣнію плѣшивыхъ, что для этого рода леченія, долженъ употребляться чистый американскій петроль; голой рукой надо скоро и сильно втирать его въ тѣло, повторяя это черезъ каждые три дня. Послѣ шести, семи разъ замѣтно уже желаемое дѣйствіе. Только для лошадиныхъ хвостовъ и гривъ втиранье надо употреблять чаще.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Верховная власть дана царямъ для того, чтобы облегчая для добрыхъ исполненіе всѣхъ желаній добродѣтельныхъ и благоразумныхъ, содѣлать путь къ небесамъ болѣе широкимъ и открытымъ. *Св. Григорій Двоесловъ.*

Человѣкъ есть судія всѣхъ вещей и ничтожный червь земной, хранитель истины и бездны сомнѣній, слава и отребье міра. *Паскаль.*

Переходя отъ одной истины къ другой, можно дойти до Бога, который есть истина всѣхъ истинъ, или источникъ истины, самая истина, вмѣщающая въ себѣ тѣ истины, которыя называются вѣчными, истины непреложныя, неизмѣнныя. *Боссюэтъ.*

Человѣкъ, какъ существо міра физическаго, подчиненъ неизмѣннымъ законамъ, какъ и всѣ другія тѣла этого міра.

Законъ религіи, законъ нравственный, законъ государственный—вотъ тройное правило для человѣка *Монтескъ*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Мин. Пут. Сооб. Ѳ. П Нерон—у.** Покорнѣйше просимъ напомнить А. Н. Стр.. о нашемъ съ вами разговорѣ. Писали вамъ, но отвѣта не имѣемъ.

2. **Москва. Евг. Петр. Лавр** Ждемъ отъ васъ отвѣта. Среда, съ которой въ сношеніяхъ Мар. Петр. можетъ разсчитывать на радушный у насъ пріемъ повѣстей и разсказовъ изъ русской исторіи. Не смотря на обиліе запасовъ мы всегда рады историческимъ разсказамъ и повѣстямъ, но только предпочитаемъ изъ русской исторіи. Плата за трудъ можетъ быть произведена и до напечатанія повѣсти.

3. **Пески 2 улица Н. В.** Приводимъ здѣсь четыре строки изъ вашихъ стиховъ, какъ образецъ самоуправства въ обращеніи съ рифмою:

«Такъ прошла незамѣтно и молодость,
Съ ней прошли всѣ былыя мечты,
Испытавъ ихъ на дѣлѣ удачность,
Онъ принесъ свои Богу лепты.“

Болѣе грубаго насилія, конечно, придумать трудно.

4. **Свѣчной переулокъ. д. № 7 В. Луг—ому.** Призвавъ въ дарованіи не видимъ мы въ такихъ стихахъ:

«Ты всегда свое слово держала,
Что жъ сегодня позденько пришла
Иль тебя что нибудь задержало
И быть раньше никакъ не могла?»

Это такъ прозаически скучно «срифмовано», такъ лишено всякихъ признаковъ поэтическаго чувства, что лицо, къ которому стихи обращены, можетъ безцеремонно отвѣтить:—Ахъ, отвяжись, пожалуйста съ твоими скучными вопросами: ну, опоздала, пришла часомъ позже, пришла часомъ раньше,—все равно, съ тобой скучно.

5. **Одесса. С. Пасс—ку.** Вы разсказываете въ вашихъ стихахъ, что

„Одѣла хладная зима
Поля и горы снѣгомъ бѣлымъ,
Деревья въ инеѣ стоятъ
И смотритъ дворомъ опѣмѣлымъ“.

Подумайте, возможно-ли это.

6. **Пенза Сахарный заводъ Н. Льв—ву.** Труды ваши напрасны и въ печати мѣста иногда не могутъ имѣть

7. **Любителю скульптуры Н. А М.** *неудобно.*

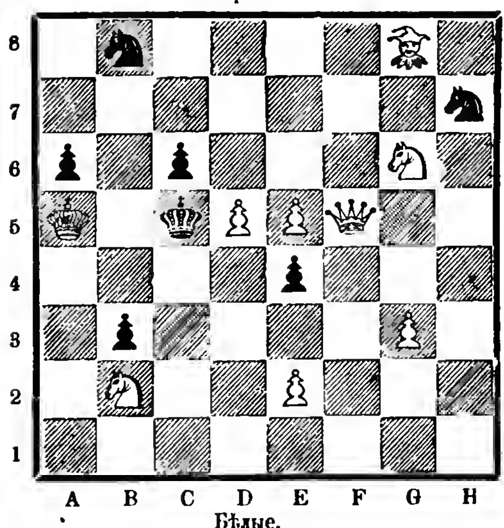
8 **Москва Кремль. Ал Ив Ор—ову.** Пришлите что нибудь другое. Присланное не напечатаемъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Шахматная задача.

Черные.

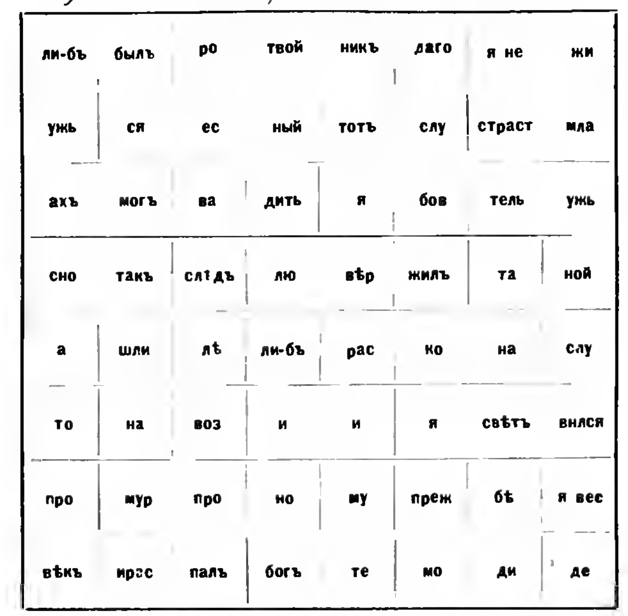
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ шахматной задачи въ № 11.

Бѣлые.	Черные.
1. Л D 7 — D 3	1. Какъ угодно.
2. Ладья или ферзь даютъ матъ.	

Ходъ коня. Шахматная задача.

ли-бъ	былъ	ро	твой	никъ	даго	я не	жи
ужь	ся	ес	ный	тоть	слу	страст	мла
ахъ	могъ	ва	дить	я	бов	тель	ужь
сно	такъ	слѣдъ	лю	вѣр	жилъ	та	ной
а	шли	лѣ	ли-бъ	рас	ко	на	слу
то	на	воз	и	и	я	свѣтъ	вился
про	мур	про	но	му	преж	бѣ	я вес
вѣкъ	ирэс	палъ	богъ	те	мо	ди	де

Рѣшеніе этой задачи будетъ помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ

Издатель А. Ѳ МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою СПБ. 17 Марта 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 13 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Марта 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Александръ Николаевичъ Поповъ.

Есть люди, дѣятельность которыхъ очень рано обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, которые въ лучшую пору своей жизни пользуются обширной извѣстностью, чуть ли не славой, но быстро сходятъ со сцены и умираютъ забытые всѣми. Въ противоположность этимъ людямъ, пережившимъ свою славу, людямъ случайной удачи, нерѣдко встрѣчаются дѣятели, недоживающіе до своей извѣстности и славы, которымъ не суждено при жизни воспользоваться должными и законными плодами всего, посѣяннаго ими. Къ числу этихъ послѣднихъ дѣятелей принадлежитъ в Александръ Николаевичъ Поповъ, скончавшійся 16-го ноября 1877 года. Хотя онъ давно ужь занялъ почтенное мѣсто среди нашихъ ученыхъ, но сдѣлать его имя извѣстнымъ всему русскому обществу предстояло его послѣднему, замѣчательному труду—обширной „Исторіи отечественной войны 1812 года“. И онъ скончался, едва окончивъ этотъ трудъ и оставивъ послѣ себя большую часть его въ рукописи...

Александръ Николаевичъ Поповъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Александръ Николаевичъ, сынъ рязанскаго помѣщика, родился въ 1819 году и провелъ дѣтство въ деревнѣ, потомъ учился въ Рязанской гимназіи, откуда поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. По окончаніи курса онъ, въ 1841 году, написалъ свое разсужденіе на степень магистра: „Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву“. Это сочиненіе вызвало полемику между авторомъ и извѣстнымъ М. П. Погодинымъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 года. Въ этомъ же году Поповъ получилъ степень магистра уголовнаго права—онъ былъ первымъ магистромъ Московскаго Университета по юридическому факультету, по уставу 1836 года.

Проведя около трехъ лѣтъ главнымъ образомъ въ путешествіяхъ по западной Европѣ и славянскимъ землямъ, Александръ Николаевичъ переѣхалъ въ Петербургъ и, въ 1845 году, опредѣленъ былъ на службу секретаремъ 1-го Депар-

тамента Сената. Но служба его въ Сенатѣ продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего онъ былъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Е. И. Величества Канцеляріи для составленія Исторіи Уголовнаго Судопроизводства и Гражданскаго Права. Со II-мъ Отдѣленіемъ Александръ Николаевичъ не разставался до самой смерти, принимая участіе почти во всѣхъ болѣе выдающихся трудахъ этого учрежденія—такъ, напримѣръ, онъ былъ членомъ Редакціонныхъ Коммисій для начертанія Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Но даже и такая серьезная служебная дѣятельность не могла удовлетворить Александра Николаевича—рядомъ съ нею онъ продолжалъ свои ученыя работы и почти каждый годъ дарилъ русскую науку какимъ-либо новымъ и значительнымъ изслѣдованіемъ. Вотъ, по возможности полный, перечень его сочиненій: 1842 г.—О чешской живописи (въ Часописѣ Чешскаго Музея 1842 г. и Запискахъ Имп. Р. Археологич. Общества, т. XIII, 1859). 1845 г.—Объ описѣ и наслѣдствѣ во время Русской Правды (въ Сборникѣ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи, Д. Валуева, М. 1845). 1846 г.—О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ (въ Московскомъ Сборникѣ 1846 г.), Очеркъ исторіи Черногорья (Журн. М. Н. Просв., ч. XLIX), рецензія на „Симбирскій Сборникъ“ (тамъ же, ч. L), Законодательный бытъ Черногорья (тамъ же, ч. LII). 1847 г.—Шлецеръ. Разсужденіе о русской исторіографіи (въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г.), рецензія на томъ I „Исторіи Русской Словесности“ Шевырева (Журн. М. Н. Пр., ч. LIII), Путешествіе въ Черногорію (Спб. 1847 г.). 1848 г.—Объ итальянской живописи въ среднихъ вѣкахъ.—Джіотто и его послѣдователи (въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1848 г., кн. I). 1849 г.—Иконописаніе (матерьялы для исторіи русскихъ художествъ) (въ Сѣвер. Обозрѣніи 1849 г., кн. I), Устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ (тамъ же), рецензіи на слѣдующія сочиненія: 1) Исторія русскаго гражданскаго судопроизводства, М. Михайлова; 2) Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, Н. Заководательскаго (тамъ же). 1850 г.—Редактировалъ томъ I Дворцевыхъ Разрядовъ и написалъ къ нему предисловіе. 1851 г.—Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ (Журн. М. Н. Пр., ч. LX); редактировалъ томъ IV Записокъ Имп. Р. Археолог. Общества. Переписка дьяка Васильева (во Временникѣ Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IX). 1852 г.—Редактировалъ томъ VI Записокъ Имп. Р. Географ. Общества; напечаталъ уставную грамоту патріарха Адріана къ архимандриту Троицко-Сергіева монастыря Евѳимію (во Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. XI). 1853 г.—Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ (въ Запискахъ Имп. Р. Географ. Общ., т. IX); редактировалъ т. V Записокъ Имп. Р. Археологич. Общества и напечаталъ въ немъ статью: Дипломатическая тайнопись временъ царя Алексѣя Михайловича. 1854.—Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ. Нѣсколько лѣтъ изъ исторіи отношеній древней Россіи къ Европейскимъ державамъ (Спб. 1854 г.); Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ (въ Ученыхъ запискахъ II Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, кн. I). 1856 г.—Редактировалъ томъ VIII Записокъ Имп. Рус. Археологич. Общества; Русское посольство во Францію въ 1668 году (въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 г., кн. I); Сокола и кречета царя Алексѣя Михайловича (тамъ же, кн. II). 1857 г.—Турецкая война при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 г. ч. VIII); Исторія возмущенія Стеньки Разина (въ „Русской Бесѣдѣ“ кн. I и II и отдѣльно); Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина (Москва 1857 г.) 1858 г.—О построеніи корабля „Орла“ въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича (въ „Русской Бесѣдѣ“, кн. IV). 1861 г.—Рецензія на Исторію польской литературы, Кондратовича (въ Журн. М. Н. Пр., кн. CXIX). 1864 г.—Нѣсколько словъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ, произнесенныя 4-го марта 1864 года въ Имп. Р. Археологич. Общ., Спб. 1868 г.—Записка Д. Пр. Трощинскаго о министерствахъ, съ біографическимъ о немъ предисловіемъ (въ Сборникѣ Рус. Имп. Ист. Общ. т. III); рецензія на сочиненіе священника Морошкина: Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II (въ 11 присужденіи наградъ графа Уварова); Дѣло Новикова и его товарищей (въ „Вѣстникѣ Европы“, кн. 4); Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (тамъ же и отдѣльно). 1869 г.—Сношенія Россіи съ Папскимъ дворомъ въ 1845—1847 годахъ (Журн. М. Н. Пр.). 1870 г.—Разсужденія по законамъ о наслѣдствѣ въ коммисіи для составленія проекта новаго уложенія (въ жур. „Заря“)—отрывокъ изъ исторіи наслѣдственнаго права въ Россіи, оставшейся въ рукописи. 1871 г.—Римъ въ 1846 и 1847 годахъ (въ „Зарѣ“); рецензія на сочиненіе свящ. Морошкина: Іезуиты въ Россіи, т. II (въ 14 присужденіи наградъ графа Уварова)· 1874 г.—рецензія на сочиненіе М. О. Кояловича: Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, т. I (въ 17 присужденіи наградъ графа Уварова).

Изъ одного этого перечня трудовъ покойнаго Александра Николаевича уже можно заключить о многосторонности его образованія, о разнообразіи предметовъ, живо его интересовавшихъ и изслѣдовавшихся имъ самимъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ не могъ остановиться на своей первоначальной спеціальности, не ограничивался изученіемъ и разработкой вопросовъ права; но одновременно съ этимъ углублялся и въ другія области—исторіи, словесности и искусства. Въ первые годы его ученой дѣятельности трудно даже было рѣшить, на какомъ предметѣ остановится окончательно этотъ живой, свѣтлый умъ, эта талантливая и рожденная для плодотворнаго труда натура. А между тѣмъ онъ долженъ же былъ остановиться на чемъ нибудь опредѣленномъ, собрать въ одинъ фокусъ все свое интеллектуальное богатство и произвести что либо цѣльное, законченное, достойное его замѣчательныхъ дарованій. Наконецъ призваніе его выяснилось, онъ остановился на русской исторіи и принялся за изслѣдованіе одного изъ величайшихъ ея моментовъ.

Лѣтъ около восьми тому назадъ Александръ Николаевичъ заинтересовался личностью графа Ростопчина — московскаго главнокомандующаго въ эпоху 1812 года. Онъ задумалъ окончательно выяснить значеніе и роль этого историческаго дѣятеля среди великихъ событій, въ которыхъ онъ принималъ прямое или косвенное участіе. Сначала предполагалась небольшая монографія; но масса матеріаловъ, полныхъ величайшей важности и интереса, на которую Александръ Николаевичъ напалъ чуть ли не съ первыхъ же дней своихъ подготовительныхъ работъ, все глубже и глубже втягивала въ себя талантливаго изслѣдователя. Скоро фигура Ростопчина стала какъ-то умаляться и уходить на второй планъ—рядомъ съ нею выростали другія крупныя фигуры—оставить ихъ въ тѣни не было никакой возможности. Задуманный трудъ изъ біографіи Ростопчина превратился въ „Ростопчина и его время“.

Но и на этомъ не могъ остановиться историкъ, почуявшій свою силу и увидѣвшій въ своихъ рукахъ несмѣтныя историческія богатства. Матерьялъ росъ со всѣхъ сторонъ—и изъ государственныхъ архивовъ, и изъ заграничныхъ изданій, и изъ семейныхъ архивовъ Кутузова и др., оказавшихся доступными извѣстному и всѣми уважаемому автору, Александръ Николаевичъ дѣлалъ открытіе за открытіемъ, находилъ прямыя указанія на важные, но до сихъ поръ неизвѣстные факты, то одно, то другое событіе, на основаніи непреложныхъ доказательствъ, являлось передъ нимъ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Съ каждымъ днемъ работалъ онъ все съ возрастающимъ жаромъ и наслажденіемъ, работалъ неустанно и—„Растопчинъ и его время“ превращался въ семитомную „Исторію отечественной войны 1812 года“.

Нѣкоторыя части этого обширнаго и замѣчательнаго труда печатались въ послѣдніе годы въ „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Затѣмъ онѣ вышли отдѣльными книгами (какъ отрывки—въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ) и удостоились Уваровской преміи.

По порученію нашей Академіи Наукъ рецензію на эти монографіи написалъ профессоръ Бестужевъ - Рюминъ. Разбирая изслѣдованіе, озаглавленное „Москва въ 1812 году“, почтенный профессоръ указываетъ на личности Ростопчина и Кутузова какъ на особенно рельефно очерченныя и находитъ, что А. Н. Поповъ уяснилъ первую изъ нихъ едва ли не окончательно, а вторую изобразилъ вполнѣ симпатически, согласно съ тѣмъ образомъ великаго полководца и тонкаго дипломата, который присвоенъ Кутузову и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Къ заслугамъ автора г. Бестужевъ-Рюминъ относитъ то обстоятельство, что, выставляя отрицательныя стороны лицъ, онъ остается совершенно чуждъ неисторическаго направленія: лица, имъ выводимыя на сцену, всегда окружены атмосферою своего времени и читатель поставленъ въ возможность понимать, почему они дѣйствовали такъ, а не иначе. Вообще видно, что авторъ, еще не приступая къ своему труду, изучилъ всѣ доступные ему источники, вслѣдствіе чего едва ли многое придется со временемъ измѣнить въ начертанной имъ картинѣ и едва ли не должно будетъ навсегда остановиться на его характеристикѣ главныхъ лицъ описываемаго имъ времени.

Что касается до изслѣдованія А. Н. Попова, вышедшаго подъ заглавіемъ „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“, то обиліе матерьяловъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, позволило автору нарисовать чрезвычайно полную картину безпорядковъ въ Москвѣ при занятіи ея Наполеоновской арміей, бѣдствій московскихъ жителей и тѣхъ отношеній, въ которыхъ войска, занявшія городъ, стояли къ его жителямъ. Множество мелкихъ чертъ, подобранныхъ авторомъ въ различныхъ разсказахъ о пребываніи французовъ въ Москвѣ, драгоцѣнны не только для исторіи 1812 года, но и вообще для исторіи русской жизни и для характеристики русскаго народа. Всего любопытнѣе въ этой книгѣ вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву: авторъ, внимательно разобравъ существующія мнѣнія и преданія, основательно указываетъ и на роль Ростопчина и на роль народа, и на случайныя обстоятельства въ этомъ происшествіи, такъ что сложный вопросъ о московскомъ пожарѣ теперь слѣдуетъ считать рѣшеннымъ.

Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ заканчиваетъ свой отзывъ, говоря, что важность этихъ сочиненій тѣмъ значительнѣе, что они послужатъ къ распространенію въ публикѣ правильныхъ воззрѣній на достопамятныя событія 1812 года, будутъ поддер-

живать память о нихъ и самымъ своимъ объективнымъ безпристрастіемъ способствовать воспитанію патріотическихъ чувствъ, никогда прочно не поддерживающихся тенденціозными писаніями.

Въ сентябрѣ прошлаго года Александръ Николаевичъ вернулся изъ деревни въ Петербургъ, привезъ съ собою свой оконченный многолѣтній трудъ и намѣревался приступить къ его полному изданію. Но тяжелый и сложный недугъ, долго и незамѣтно подтачивавшій крѣпкій организмъ труженика, неожиданно и сразу сломилъ его. Неустанная, страстная дѣятельность мозга, которой Александръ Николаевичъ предавался въ послѣдніе годы, конечно много способствовала приближенію печальнаго конца. Слишкомъ сильно работавшая и утомленная голова не могла выдержать напора болѣзни—оказался параличъ мозга. Больше мѣсяца больной находился въ ужасномъ положеніи, сначала потерялъ сознаніе, затѣмъ лишился языка, почти не могъ принимать пищи и наконецъ, 16-го ноября, скончался.

„Исторія отечественной войны 1812 года“ вѣроятно будетъ издана въ скоромъ времени и конечно прочтется всею образованной Россіей. Имя Александра Николаевича Попова навсегда останется въ числѣ именъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской науки; но вмѣстѣ съ этимъ не умретъ и память о немъ, какъ о человѣкѣ, въ сердцѣ тѣхъ, кто болѣе или менѣе близко зналъ его. По своимъ нравственнымъ качествамъ это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, встрѣча съ которыми на всю жизнь оставляетъ отрадное воспоминаніе.

Въ послѣдніе годы, весь отдавшись своимъ занятіямъ, Александръ Николаевичъ не любилъ появляться въ обществѣ, но его двери всегда были открыты для желающихъ посѣтить его. Въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ огромной и замѣчательной библіотекой, онъ встрѣчалъ гостя крѣпкимъ рукопожатіемъ и неизмѣнной радушной улыбкой. Незамѣтно шло время въ бесѣдѣ этого многосторонне образованнаго, талантливаго и замѣчательно краснорѣчиваго человѣка. Со всякимъ онъ готовъ былъ дѣлиться своими знаніями и даже своими историческими открытіями—онъ съ очевиднымъ удовольствіемъ посвящалъ друзей своихъ во всѣ свои работы и планы. Но его бесѣда далеко не исчерпывалась этимъ предметомъ. Онъ также горячо относился и ко всѣмъ явленіямъ текущаго дня, чутко прислушивался и присматривался къ общественнымъ движеніямъ, ему были близки всѣ интересы науки, искусства и жизни. И обо всемъ у него было готово свое мнѣніе, почти постоянно поражавшее необыкновенной ясностью и глубиною.

Но что особенно привлекало въ Александрѣ Николаевичѣ — это его спокойствіе, отсутствіе всякой злобы и недоброжелательства, полное безпристрастіе. Обладая остроуміемъ и умѣньемъ тонко подмѣчать смѣшныя стороны, онъ не употреблялъ во зло этой способности—даже въ его шуткахъ и подсмѣиваньи всегда было одно только добродушіе. Утомившись отъ своихъ ученыхъ трудовъ, онъ любилъ отдыхать на художественной литературѣ, постоянно слѣдилъ за ней и радостно привѣтствовалъ всякое новое талантливое произведеніе. Наши художники-писатели имѣли въ немъ тонкаго и безпристрастнаго цѣнителя, неспособнаго обмануться фальшивой тенденціозностью, такъ часто выдаваемой теперь за художественность. Онъ горячо любилъ Россію и народъ русскій, искренно скорбѣлъ обо всемъ темномъ и тревожномъ, что замѣчалъ въ современномъ обществѣ, и съ надеждою глядѣлъ впередъ, прозрѣвая наше свѣтлое и великое будущее.

Но упоминанія обо всѣхъ этихъ качествахъ, и чертахъ указывающихъ на богатство умственнаго содержанія, еще далеко недостаточно для характеристики покойнаго Александра Николаевича. При воспоминаніи о немъ возстаетъ образъ глубоко нравственнаго, изящно благороднаго, прямого и твердаго человѣка, человѣка чистаго сердцемъ, какимъ онъ постоянно являлся и въ частной, и въ общественной своей жизни. И этотъ образъ такъ прекрасенъ, что для людей, близко его знавшихъ, за нимъ даже какъ-то скрывается талантливый труженикъ науки, котораго узнаетъ и оцѣнитъ потомство.

Вс. Соловьевъ.

Призрачный царекъ.

(Повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка.)

(Окончаніе).

Не долго пожилось мирно въ монастырѣ Алешкѣ, ему не давала покоя судьба Ксеніи: онъ былъ увѣренъ, что она убита, замучена, обезчещена. Гнѣвъ, горечь, слезы поднимались у него къ горлу при этомъ воспоминаніи,—онъ былъ на все золъ, на все. Ему хотѣлось мстить всѣмъ—и полякамъ, и казакамъ, всѣмъ, кто разоряетъ, грабитъ, заводитъ смуту на Руси. Надоѣло ему писать грамоты, захотѣлось ему „настоящаго“ дѣла, гдѣ бы можно было во всю ширь русскую развернуться. На мѣстѣ ему не сидѣлось.

И вотъ однажды ночью исчезъ онъ изъ Сергіева. Діонисій удивился такому неблаговидному поступку человѣка „толико отъ властей предержащихъ обласканнаго“. Даже разсердился онъ и быть можетъ долго сердился бы, кабы не дѣла его безчисленныя: сердиться некогда было. Много спустя, когда уже сердце его давно прошло, дошли до него вѣсти, что Алешка въ *шиши* поступилъ.

Шишъ—сначала слово было бранное,—этимъ именемъ были окрещены бѣглецы, составлявшіе вольныя шайки, старавшіяся всѣми силами вредить полякамъ. Это были неужившіеся въ русскихъ таборахъ люди, не желавшіе видѣть себя „подъ началомъ“,—и такой же они репутаціей какъ и прочая голытьба пользовались. Но вскорѣ къ шишамъ стали присоединяться дѣти боярскія, и дворяне, и помѣщики,—люди честные, зажиточные. Составляли они партизанскіе отряды, нападали внезапно, врасплохъ на польскіе обозы, грабили ихъ, перебивали прислугу, силились вредить полякамъ чѣмъ можно и какъ можно. Вначалѣ онѣ нападали изподтишка, изъ засадъ, но потомъ, ободренные успѣхомъ, стали смѣлѣе, грабили и выходили на битву прямо, средь бѣла дня, почти всегда разбивая врага своимъ нежданнымъ налетомъ. Сперва недовѣрчиво къ нимъ относились, считали блужданіе ихъ шаекъ смутою лишней, но послѣ того, какъ они однажды напали на отрядъ ротмистра Маскѣвича, унесли у него всѣ драгоцѣнности, награбленныя подъ Москвой, а ему оставили только рыжую кобылу да чалаго мерина, перебивъ всю прислугу,—тогда увидѣли, что и шиши далеко не шутка, что они кишатъ всюду и связываютъ поляковъ по рукамъ и по ногамъ. И еще больше къ нимъ народу повалило...

Въ сущности Алешка далеко не могъ похвалиться воинскими доблестями, мужествомъ, отвагой, талантами. Это была простая, сѣренькая, блѣдная личность, какъ тысячи, десятки тысячъ другихъ подобныхъ ему современниковъ. Если порою и выдвигался онъ передъ другими въ устроеніи хоровъ, борзописаніи, то благодаря только счастливому, сравнительно съ общимъ уровнемъ невѣжества, образованію. Знающій, когда и гдѣ надо подслужиться, выросшій съ дѣтства среди монастырской братіи, понаторѣвшій въ писаніи, не лишенный нѣкоторой дозы той юркой, плутоватой сметки, которая такъ присуща русскому уму,—онъ безъ труда составилъ себѣ видное положеніе среди высшаго духовенства. И никогда, быть можетъ, не явилась бы у него мысль—животъ положить на полѣ брани, въ какой бы опасности отечество не находилось, кабы не личное горе: оно не давало ему покоя, оно требовало сильныхъ ощущеній, впечатлѣній, которыя бы пересилили его. Энергія Алешки была какая-то болѣзненная...

Но и въ шишахъ скучно было: только въ первое время занимали его набѣги, опасность, лишенія. Прошелъ мѣсяцъ, другой, онъ пріобыкъ, попритерпѣлся, и опять тоска налегла на него. И тоска эта была странная, безотчетная какая-то: о Ксеніи онъ вспоминалъ мало, его что-то другое грызло день и ночь. Порою такъ тяжело ему становилось, что хоть руки наложить. Не радовало его, что на его долю приходилось столько-то и столько-то добычи, что онъ можетъ богатствомъ съ инымъ воеводой потягаться, и все текстъ на умѣ вертится: „кая бо польза человѣку“...

...Разъ зимой бѣгалъ онъ на лыжахъ съ товарищами возлѣ царской деревни, Родни, когда лазутчикъ извѣ-

Веселый мальчикъ — сапожникъ. (Типъ). Рисунокъ перомъ и офортъ Клича.

Поцѣлуй любви. Рис. Фр. Гайеза, грав. Балерини.

стилъ ихъ, что въ деревнѣ поляки засѣли, и капусту ѣдятъ. Родня капустой славилась: она поставляла ее для царскаго обихода, бѣлую, квашеную, съ анисомъ и кишнецомъ. Шиши смекнули какъ дѣло сдѣлать, подобрались со всѣхъ сторонъ и сразу на капустниковъ ударили—кто на коняхъ, кто на лыжахъ. Поляки на свое несчастіе развѣсили оружіе по разнымъ избамъ, а стражи совсѣмъ у нихъ не было. Покинувъ все имущество. оружіе, сундуки, лошадей, зайцами прыснули они въ разныя стороны, и едва-едва ихъ предводитель успѣлъ улизнуть на старой клячѣ. Шиши тотчасъ похватали и оружіе, и лошадей, и капусту,—капустный пиръ горой пошелъ.

Алешка бездѣльно шатался изъ избы въ избу, сбросивъ лыжи, скользя по полу снѣжными подошвами. Ему хотѣлось наткнуться на какого-нибудь спрятавшагося поляка и завязать поединокъ. Пока его товарищи ѣли, онъ стражу разставилъ во всѣхъ концахъ для опаски и велѣлъ все добро въ кучу на улицу сносить. Не то чтобы начальникомъ онъ у шишей считался, а все таки частенько ему распоряжаться приходилось.

— Полонъ оставили,—сказалъ ему одинъ шишъ.

— Бабы? спросилъ Алексѣй.

— Бабы,—штукъ шесть.

— Гдѣ?

— Въ избѣ крайней,—сидятъ, трясутся.

— Ихъ выпустить надо...

— Да нѣшто ихъ держитъ кто—пущай идутъ.

Алешка зашагалъ къ крайней хатѣ, стоявшей у самой околицы. Переступая порогъ, онъ вдругъ отшатнулся.

— Наташа,—сказалъ онъ,—ты ли?

Какой-то обликъ прежней Наташи стоялъ передъ нимъ,—это былъ живой скелетъ съ потухшими глазами, блѣдный, изможденный... Они стояли недвижно, изумленные другъ передъ другомъ, точно глазамъ своимъ не вѣря.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— „Они“ привезли—я полонная, тихо выговорила она и слабо рукой махнула...

— Такъ вотъ, вотъ ты гдѣ,—машинально возразилъ онъ. Вотъ гдѣ Богъ свидѣться привелъ... Давно не видались мы... воды утекло много...

— Да,—утекло...

— Что-жь, что-жь ты... Какъ жила-то это время?..

Она косо усмѣхнулась и ничего не отвѣтила.

— А мы то искали тебя съ отцомъ по Тушину... Гдѣ отецъ-то, не знаешь?

Она покачала отрицательно головой.

— Сгибъ, надо быть, сгибъ... Многихъ это лихолѣтье сгубило... Вотъ и Катя тоже. Устильянъ мнѣ сказывалъ,—подъ Москвой я съ нимъ видѣлся... Какъ и ты уцѣлѣла—диво... Счастье еще этакое.

— Счастье! проговорила она. Ворогу лихому счастья такого не пожелаю... Кабы не грѣхъ, давно бы руки наложила на себя...

Помолчали они.

— Ты какъ? спросила Наташа.

— Что я! мрачно отвѣчалъ онъ.

— Въ шишахъ теперича?

— Въ шишахъ... Изстрадался я, намучился...

— Съ чего?

— А, что! онъ махнулъ рукой. Говорить-то,—языкъ мозолить нечего...

— Ишь ты, исхудалъ-то, перемѣнился какъ, съ участіемъ сказала она, глядя на него. Да и то сказать—давно не видались... А я тебя за послѣднее время все во сняхъ видѣла... Только не такимъ, а какъ прежде, молодымъ да румянымъ...

И вдругъ какое-то новое, странное чувство защекотало его грудь. Точно вдругъ ему показался просвѣтъ, нашелся исходъ безконечному шатанію. Онъ чувствовалъ, что отъ этой, теперешней минуты все зависитъ. что если сказать одно слово,—и все перемѣнится, все забудется, все по новому пойдетъ...

— Вотъ говоришь ты,—началъ онъ силясь улыбнуться, и стараясь сдерживать чувство, что судорожно горло ему сжимало,—говоришь, что давно не видались... Такъ развѣ такъ дѣлаютъ...

Онъ остановился. „Если я скажу *это* сейчасъ, теперь, то всему конецъ будетъ,—думалъ онъ. Это нужно, необходимо нужно сказать“... И онъ точно безсознательно фразу докончилъ:

— Развѣ дѣлаютъ такъ... развѣ жениха такъ встрѣчаютъ?

Она въ оцѣпенѣніи смотрѣла на него.

— Забыла ты что-ли, что твой-же отецъ обручалъ насъ, что мнѣ ты обѣщалась передъ Богомъ женою быть?.. Не привелось раньше, что-жь дѣлать...

Онъ видѣлъ, что она словно не понимаетъ, что говоритъ онъ, смотритъ большими голубыми глазами на него и молчитъ, словно окаменѣлая.

— Что-жь ты, Наташа...

Она зашаталась...

Онъ обнялъ ее и на рукахъ понесъ въ избу...

XXXVI.

...Далеко, далеко, на югѣ, за Астраханью, въ устьяхъ Волги, плыли казачьи струги. Шли они, растянувшись на много саженъ. Заросли камыши, густыми стѣнами стояли по бокамъ, перемежаясь порою прогалинками, сквозь которыя мелькали кой-какія береговыя селенія. Струги выбирали преимущественно самые боковые, мелководные протоки дельты, не входя въ главные рукава, по которымъ всегда сплавляли суда: очевидно они избѣгали встрѣчъ. Даже если по сосѣднему протоку плыла барка, о чемъ узнавали по глухо долетавшимъ голосамъ и по красному флажку, мѣрно двигавшемуся надъ камышемъ и безсильно трепавшемуся о мачту,—то и тутъ всѣ стихали, гребли тише, даже пригибались порою. По усиленнымъ взмахамъ веселъ видно было, что они торопились выйти въ море.

То были: Марина съ маленькимъ сыномъ, и ея милый, вѣрный Заруцкій съ казаками. Они бѣжали отъ царскихъ воеводъ, что шли на нихъ съ войскомъ, бѣжали изъ Астрахани, гдѣ они въ послѣднее время полновластно царили.

Какъ ни уговаривала Заруцкаго Марина бѣжать изъ подъ Москвы въ Литву, предсказывая ему успѣхъ и безопасность, онъ ее не послушалъ, и кинулся на югъ, а за нимъ хвостомъ вся голытьба и вольница, которой некуда было дѣваться. Въ Астрахани онъ укрѣпился; сначала дѣло пошло хорошо, особливо когда дошли до него вѣсти, что изъ за Бѣла-озерья и За-Онежья, изъ пошехонскихъ и вологодскихъ окраинъ, идетъ ему на помощь черкасская сила, все грабя по дорогѣ, спускаясь внизъ по Волгѣ на стругахъ. Но доѣхать этимъ стругамъ до Астрахани не пришлось: воеводы по Волгѣ караулы устроили, которымъ строго-на-строго приказано было воровъ не пропускать. Дѣло свое эти караулы провели до того честно, что не только воровъ, а и вообще никакихъ судовъ не пропускали, даже съ хлѣбомъ, такъ что въ Самарѣ всѣ чуть съ голода неперемерли. Соединиться, такимъ образомъ, ворамъ не пришлось, и вмѣсто черкесовъ пришло къ Заруцкому полтысячи волжскихъ воровскихъ станичныхъ казаковъ. Пристали было и съ Терека къ нимъ, да отпали вскорѣ.

Но съ астраханцами атаманъ не ладилъ и ежеминутно ждалъ возстанія, плохо надѣясь на помощь своихъ союзниковъ, татарскихъ князей, разныхъ Тильмаметовъ и Каракельмаметовъ. Каждое утро, когда на астраханскихъ соборахъ начинался благовѣстъ, Марина въ ужасѣ соскакивала съ постели, и прислушивалась: все ей казалось что это въ набатъ бьютъ, сзываютъ къ

возстанію. До того ей это невыносимо стало, что она наконецъ формально запретила звонить къ заутренѣ: оттого-де, что сынъ полошится отъ звона...

Въ концѣ концевъ все разрѣшилось бѣгствомъ. Неудача во всемъ стала преслѣдовать Заруцкаго: послѣдняя его надежда—вовлечь Москву въ войну съ Персіей ни къ чему не привела, и переписка его съ шахомъ осталась безплодной.

Оставалось или смерть, или бѣгство...

Будоражатъ весла тихую поверхность Волги; шире и и шире становится охватъ ея береговъ, раздвигается, заворачивается въ обѣ стороны. Обычное волненіе прилива уже даетъ слегка себя чувствовать, покачивая струги. Рыдающія чайки, вѣстники моря, заносились надъ ихъ головами.

Ночь смѣняется днемъ, день ночью. Безпредѣленъ кругозоръ моря,—только Бирючья коса сѣдой лентой тянется позади. Рѣдѣетъ туманъ ночи, звѣзды утра гаснутъ; полъ-неба охватывается зарей; блеститъ, горитъ, пышетъ востокъ, и изъ купъ золотистыхъ, розовыхъ, чудныхъ облаковъ тихо всплываетъ свѣтлый дискъ солнца...

— На восходъ держи! командуетъ рулевому Заруцкій.

Струги забираютъ влѣво подъ крутымъ угломъ. Боковой вѣтеръ начинаетъ качать ихъ, мѣшаетъ ровно грести.

— А что же на Терекъ? спрашиваетъ Марина.

— На Терекъ нельзя, хмуро отвѣчаетъ Заруцкій.— Заставы на Чечнѣ есть—похватаютъ.

— Куда-же мы?

— На Яикъ.

И они плывутъ, плывутъ. Порою подходятъ они къ безлюдному берегу, зорко осматриваются вокругъ и наскоро складываютъ костеръ. Рыбы изобилье—свѣжая, только что выловленная, жирная, вкусная. Незамѣтной струей сухой дымокъ поднимается кверху, трещитъ камышъ, трещатъ обломки досокъ и вёселъ, трещатъ смолистыя сосновыя вѣтви. Живо поспѣваетъ завтракъ и ужинъ, наскоро поѣдаются котелки, и опять къ востоку, къ востоку...

Шумитъ, шипитъ волна у носа, мѣрно ныряютъ широкія ладони веселъ, и мокрыя, блестящія, сверкаютъ на солнцѣ, весело играющемъ въ востокѣ. Такъ тихо, покойно вокругъ, не шелохнетъ. Стеклянное, блѣдноголубое небо прозрачнымъ сводомъ опрокинулось надъ безграничнымъ просторомъ, и отразилось въ недвижной глади. Свѣтлое, пушистое облачко летитъ въ высотѣ, летитъ и таетъ, разсыпается, расплывается, вытягивается, тонетъ. Глазамъ больно глядѣть на воду, до того ослѣпителенъ ея блескъ... Тишь, гнетущая тяжесть разлита вокругъ. Невольно чувствуется, что не къ добру это затишье...

Тамъ, далеко на югѣ, янтарная кучка облаковъ цѣлое утро виситъ на одномъ мѣстѣ и длинной, узкой полоской отдается въ водѣ. Словно намалеванное недвигается оно, только формы постепенно измѣняетъ. Надъ какою блаженной страной пролетаетъ оно, кого укрываетъ своею тѣнью?..

Перевалило за полдень. Мокры всѣ отъ жара,—нестѣсняются присутствіемъ Марины, работаютъ въ однѣхъ рубашкахъ. Пѣсенъ не слышно,—не до пѣсенъ: всѣхъ разморило.

А облачко съ юга все растетъ, да растетъ, превращается изъ облака въ тучу, ползетъ, раскидывается во всѣ стороны, принимая фантастическія, чудовищныя формы. И всѣ невольно поглядываютъ на нее, чуютъ—много таится въ ней грознаго, неисповѣдимаго. Вотъ и вѣтеръ крѣпнуть начинаетъ, брызги вздымаются выше, волны темнѣютъ, синѣютъ, зеленѣютъ. Чайки низко снуютъ надъ водою и рѣзко бѣлѣютъ на потемнѣвшемъ фонѣ. Налетѣлъ порывъ вѣтра, рванулъ и мачту, и одежды, качнулъ сильно струги, такъ что непривычные казаки кто за что похватались,—и опять стихъ на время...

Размахъ волнъ все сильнѣе и сильнѣе, суденышки какъ щепки ныряютъ по нимъ. Изъ-желта-синія, сѣрозеленыя громады рвутся, дробятся, спираютъ, пожираютъ другъ друга, даютъ то горы, то бездны, то взлетаютъ вверхъ, какъ цари въ жемчужныхъ коронахъ, то мрачнымъ зѣвомъ открываютъ свою глубину. Взлетаетъ на пѣнистый, остроконечный гребень судно, замираетъ на секунду, переваливается черезъ него, и бокомъ, со скрипомъ скользитъ по наклонной плоскости внизъ, тяжко шлепаясь о сосѣдніе бугры. Густою пѣной напоенъ весь воздухъ—ни впередъ, ни назадъ ничего не видно, —какъ сѣткой охвачены, вымочены всѣ ею, мокрой, холодной, соленой... Большими ковшами выкидываютъ воду, съ трудомъ удерживаютъ направленіе...

Вдругъ словно разорвался грозный пологъ тучи. Молнія сверкнула, прыснула гдѣ-то возлѣ лодокъ. Оглушительный громъ зарокоталъ, пронесся вокругъ торжественно, сильно, покрывъ своимъ гуломъ и свистъ вѣтра, и вой моря, и скрипъ снастей. Туча совсѣмъ низко нависла надъ водой. Могучій ливень хлынулъ съ неудержимой силой, и все слилось въ дикомъ хаосѣ...

Всѣ лица блѣдны, испуганы, чуютъ близкую гибель. Смотритъ Марина на вздымающіяся вокругъ водяныя горы, крѣпко прижимая къ груди дрожащаго, испуганнаго сына, смотритъ и опять забытыя картины такъ и мелькаютъ передъ ней, словно ныряютъ онѣ въ волнахъ, то появляясь, то исчезая...

И внезапно проносится передъ ней давно забытый, ничтожный случай... Разъ гуляли всѣ близъ Самбора, у ней перо со шляпы вѣтеръ сорвалъ и въ рѣку унесъ. „Достать"! крикнулъ ея отецъ,—и вдругъ съ моста, внизъ головой полетѣлъ одинъ шляхтичъ, справился съ быстриной холоднаго потока, и принесъ ей перо, мокрый, еле дышавшій... И вотъ такъ и мелькаетъ, такъ и вьется передъ ней теперь это лицо, мокрое, красное отъ напряженія...

Протяжный, отчаянный крикъ донесся съ сосѣдняго струга, что то темное мелькнуло мимо по водѣ: должно быть смыло неосторожнаго волною. Другой крикъ, слабѣе, глухо долетѣлъ откуда-то, и больше не повторялся...

— Крѣпче держись, крѣпче,—командуетъ Заруцкій, и всею грудью наваливается на руль... Дорогъ ему этотъ стругъ, жизни дороже,—на немъ Марина...

Ночь-ли, день-ли,—разобрать нельзя... да и не все-ли ровно когда умирать,—днемъ, или ночью?..

Эпилогъ

Клокотало и билось Каспійское море, проносилась буря къ югу, замирая, затихая...

Сѣверъ тоже замиралъ, затихалъ. Долголѣтняя буря проносилась, умолкала. Не цари, не полководцы взялись за дѣло освобожденія, а самъ народъ. Двинулось съ востока святое ополченіе, напрягла Русь свои послѣднія силы,—и сломила врага.

Торжественно, при всеобщемъ ликованіи, вступило въ опозоренную, обезчещенную столицу народное войско съ Пожарскимъ и Мининымъ во главѣ. Знали они какой голодъ терпѣла Москва въ осадѣ, но то что они увидали тамъ, превзошло ихъ ожиданія. Первое на что они наткнулись въ кремлѣ,—были чаны съ человѣческимъ мясомъ...

Теперь намъ страшно, дико даже подумать объ этомъ! А между тѣмъ все это было, было у насъ въ Кремлѣ, какихъ нибудь двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ... Это былъ тотъ ужасающій неимовѣрный голодъ, подробностямъ котораго воображеніе отказывается вѣрить, но который лѣтописи очерчиваютъ, во всей его страшной наготѣ. Это былъ тотъ голодъ, когда пере-

ѣвши лошадей, кошекъ, собакъ, крысъ, развареную кожу, обувь,—люди пожирали землю, обгрызали свои руки, и наконецъ принимались за трупы. И изъ за этихъ-то труповъ велись процессы,—кто имѣлъ право съѣсть умершаго, родственники-ли его, или ближайшее начальство... Судьи, что вели эти процессы, тоже были ни въ безопасности: того и гляди обиженная сторона съѣстъ ихъ... Стали наконецъ накидываться на живыхъ людей, рѣзать и пожирать ихъ. Слуги ѣли господъ, господа слугъ...

Голодные, измученные—поляки не могли далѣе сопротивляться. Москва опять перешла въ русскія руки. Съ хоругвями, съ иконами вступили въ Кремль, подъ праздничный звонъ и пѣснопѣнье...

Все опустошено, опозорено,—ни казны, ни силъ въ народѣ... Но нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго главнаго зла: нѣтъ того кошмара, который давилъ и мучилъ народъ, — нѣтъ призрачнаго царька. Туманъ разсѣялся, день наступилъ, и ночныя тѣни исчезли вмѣстѣ съ туманомъ...

Но какъ быть, что предпринять? И вспоминаютъ старцы слова пророка Іоиля: „Засохла виноградная лоза, и смоковница завяла, опустошено поле, сѣтуетъ земля, ибо истребленъ хлѣбъ, веселіе исчезло у сыновъ человѣческихъ. Перепояшьтесь вретищемъ и плачьте, священники рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретищахъ, служители Бога моего, ибо не стало въ домѣ Бога вашего хлѣбнаго приношенія и возліянія. Назначьте постъ, объявите торжественное собраніе, созовите старцевъ и всѣхъ жителей страны сей въ домъ Господа Бога вашего и взывайте къ Господу“...

Начали въ Москву съѣзжаться выборные люди. Назначенъ былъ трехдневный строжайшій постъ: и мужамъ и женамъ, и дѣтямъ малымъ. Приступили къ выборамъ съ молитвой и дали положеніе: отнюдь иноземца, или сына Марины законопреступнаго не избирать... Впрочемъ всѣ знали на кого падетъ выборъ:—два было кандидата на престолъ:—Михаилъ, сынъ Филарета, и Голицынъ. Но послѣдній былъ въ Польшѣ, въ плѣну, вмѣстѣ съ отцемъ Михаила. Михаилъ былъ, правда, молодъ, неопытенъ,—но за него стоялъ его родъ, древній, родственный рюриковской вѣтви, родъ въ которомъ блестящими звѣздами горѣли имена Анастасьи Романовны, ея брата Никиты. Помнили въ народѣ, что Романовы за послѣднее время терпѣли много неправедныхъ гоненій отъ Бориса. Знали всѣ исторію Ѳедора Никитича, его пострижeнія, знали и то, что онъ теперь въ плѣну, за Русь страдаетъ... И эти страданія еще больше роднили Романовыхъ съ многовыстрадавшимъ народомъ... Результатъ выбора извѣстенъ.

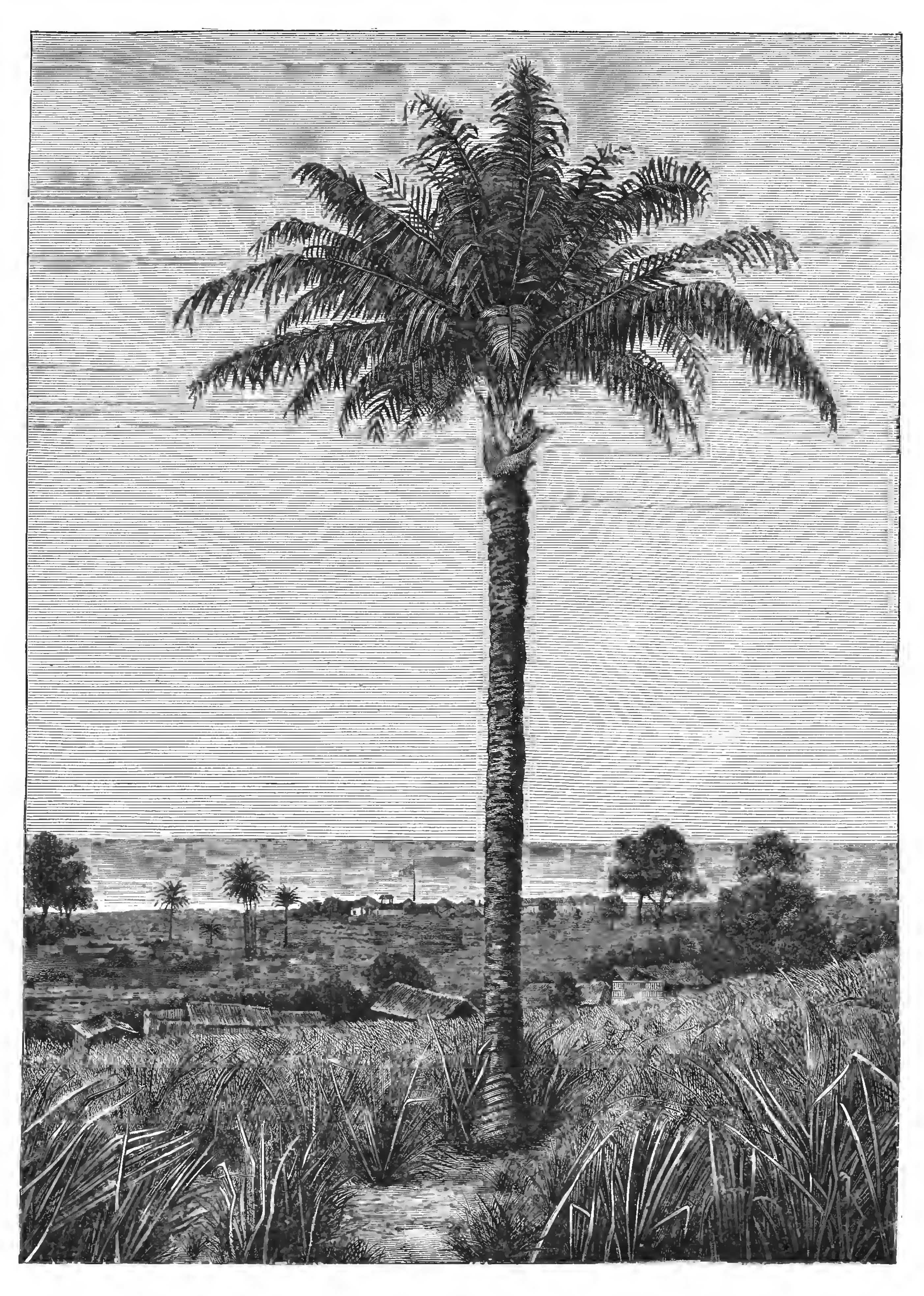

Мадонна Рафаэля „La belle jardinière“. Рисов. Ликсъ, грав. Жераръ.

Когда всѣ выборные сошлись на Красную площадь, на всякій случай вооруженные, что-бы на непокорныхъ дѣйствовать внушительнѣе, и когда бояре и духовенство съ Авраамiемъ Палицынымъ во главѣ взошли на лобное мѣсто, что-бы спросить—кого выбрали всѣмъ міромъ,—имъ не удалось сказать ни единаго слова: вся площадь сразу заволновалась, завопила, и среди этого безпорядочнаго шума громовымъ раскатомъ проносилось и повторялось одно только имя: „Михаила Ѳедоровича Романова“!..

* * *

Но сразу не прекращается, не минуетъ буря... Долго еще бродили по Руси шайки казаковъ, поляковъ, шишей, долго бились и гонялись другъ за другомъ... Но лихолѣтье миновало, миновало безъ слѣда,—и жизнь опять вступила въ мирное русло своего теченія—бурный разливъ окончился.

Какъ послѣ разлива остаются то тамъ, то тутъ слѣды

Масляничная пальма (Elaïs guinensis). По наброску Т. Соаю, рисов. К. В. Арцтъ, грав. Арландъ.

нанесенныхъ имъ разрушеній, такъ и на Руси въ семьяхъ и учрежденіяхъ былъ нарушенъ смутами нормальный ходъ вещей. Но какъ послѣ разлива не нарушается общая карта страны, такъ и смутный разливъ никакихъ переворотовъ въ государствѣ не сдѣлалъ. Никакіе раздоры не выбили Русь изъ крѣпкихъ дѣдовскихъ преданій: она и послѣ лихолѣтья осталась такой-же—опять двинулась прежней дорогой, шагъ за шагомъ ступая впередъ, — не суждено было ей ни вдругъ возрасти, не умалиться. Стала рости она потихоньку, а умаляться пришлось не ей, а сосѣдней землѣ —Польшѣ.

Во многихъ семьяхъ отношенія были не нормальны. Въ каждой семьѣ оказывалось много воспоминаній слишкомъ тяжкихъ, что-бы можно было забыть ихъ. Есть пословица: порванную нить какъ не вяжи—все узелъ будетъ. А этихъ порванныхъ нитей куда какъ много было!... Смутное время пронеслось хотя быть можетъ и благотворной, но все-же слишкомъ губительной бурей.

Жили въ Москвѣ и Алексѣй съ Наташей, жили счастливо, пожалуй, мирно. Онъ своими дѣлами занимался все „у Палицына на послугахъ“, она по хозяйству, дома. Но и тутъ было много порванныхъ нитей, и Наташа это сознавала больше мужа.

Алешка опять попалъ изъ шишей въ борзописцы, сталъ вхожъ во дворецъ, наряжался въ роскошный кафтанъ бархатный, не только въ кругу Авраамія и Діонисія своимъ человѣкомъ сталъ, но и лично хорошо былъ извѣстенъ какъ царю, Михаилу Ѳеодоровичу, такъ и Филарету Никитичу, который изъ плѣна вернулся и правленіемъ сталъ руководить. Мѣрно шелъ Алексѣй къ повышеніямъ и благостынямъ, и даже съ Сухорукимъ, Кузьмой Захарычемъ породнился: Мининъ дочку крестилъ у него,—нареченную Ксеніей...

Порою доходили до нихъ слухи о томъ о семъ, что на Руси дѣется. Узнали откуда-то, что Устильянъ погибъ въ Москвѣ позорною смертію, еще до прихода туда Пожарскаго, во время голода. Говорили, что будто три здоровенныя бабы напали на него, пьянаго и зарѣзали... Онъ своей тушей спасъ ихъ отъ голодной смерти... Покрайней мѣрѣ утверждалъ такъ попъ прихода сосѣдняго...

Порою проскакивали и болѣе крупные отголоски прошедшей смуты: то за Лисовскимъ гоняются, то пишутъ что Ксенія Годунова умерла и завѣщала бить царю челомъ, чтобы похоронили ее у Троицы живоначальной, въ Сергіевѣ, вмѣстѣ съ родителями. То привезли въ Москву пойманныхъ на Уралѣ Ивашку Заруцкаго и „воруху“ Марину съ сыномъ. Удалось избѣжать имъ бури,—не удалось избѣгнуть погони: захватили ихъ на Медвѣжьемъ островкѣ на Яикѣ и въ Москву привезли. —Заруцкаго на колъ посадили, четырехлѣтняго ребенка повѣсили, а Марину Юрьевну задушили въ тюрьмѣ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ она нѣкогда была великой царицей...

* * *

А западная Европа въ это время, сбросивъ съ себя окончательно гнетъ среднихъ вѣковъ, уже летѣла впередъ по пути великихъ открытій... Какъ разъ во времена самозванцевъ, между двумя великими мужами—Кеплеромъ и Галилеемъ шла одушевленная переписка. Законодатели астрономіи клали основаніе физикѣ, открывая законъ за закономъ, прокладывая дорогу величайшему свѣтилу міра—Ньютону.

Руси было до нихъ далеко,—но должна же была и она, рано-ли, поздно-ли, выйти изъ своей инерціи и ринуться въ догонку за опередившими ее націями. Но знать время ей тогда не приспѣло; ей надо было долго еще поправляться отъ перенесенныхъ невзгодъ,—и не много не мало, а цѣлое столѣтіе потребовалось для того, чтобы возрастить гиганта, призвавшаго ее къ настоящей жизни. Гигантъ этотъ былъ—Петръ Великій.

П. П. Гнѣдичъ.

1878 г. С.-Петербургъ.

КОНЕЦЪ.

Къ рисункамъ.

Поцѣлуй любви.

(Картина Гайеза).

Картина, предметомъ которой художникъ избралъ поцѣлуй любви, напоминаетъ исторію Ромео и Юліи, этихъ двухъ представителей непоколебимой любви, оживотворенныхъ геніемъ Шекспира въ драмѣ, названной ихъ именами. Художникъ, авторъ помѣщаемой въ этомъ номерѣ картины, несомнѣнно вдохновился этой любовью Ромео и Юліи, и будь изображенный здѣсь моментъ обставленъ тѣми подробностями, какіе соотвѣтствуютъ ему по ходу піесы Шекспира, то два любящія существа смѣло могли бы быть приняты за Ромео и Юлію. Она точно говоритъ ему:

Нѣтъ, не клянись! Хоть я тебѣ и рада,
Но недовольна я, что въ эту ночь
Такъ скоро здѣсь союзъ нашъ совершился:
Поспѣшенъ онъ и слишкомъ необдуманъ,
Да, слишкомъ онъ на молнію похожъ,
Которая скорѣе исчезаетъ
Чѣмъ скажешь: молнія. Доброй ночи, милый!
Отъ благотворнаго дыханья лѣта
Пусть расцвѣтетъ зародышъ этой страсти
Плѣнительнымъ цвѣткомъ—до новой встрѣчи!
Прости! Да разольется тишина
Въ душѣ твоей съ тѣмъ радостнымъ покоемъ,
Которымъ такъ полна вся грудь моя.

Такъ говоритъ Юлія, прощаясь съ своимъ дорогимъ Ромео. Въ этихъ словахъ вся исторія ихъ любви, такъ быстро вспыхнувшей и такъ всецѣло охватившей ихъ своею чарующей силой.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ словомъ Юліи, служащимъ, смѣемъ думать, лучшимъ объясненіемъ нашей картины, выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ прощальнаго разговора Ромео и Юліи:

Ромео. И ты меня отпустишь безъ награды?
Юлія. Чего жъ тебѣ желать осталось!
Ромео. Обмѣна клятвы въ вѣрности любви.
Юлія. Я прежде отдала ее тебѣ,
Чѣмъ ты просилъ и, признаюсь, желалъ-бы
Теперь отнять ее.
Ромео. Отнять назадъ?
Но для чего-жь, любовь моей души?
Юлія. Затѣмъ, чтобъ я могла, мой милый, снова
Отдать ее тебѣ; но я владѣю
Ужь тѣмъ, чего я страстно такъ желаю.
О! нѣтъ границъ для щедрости моей,
И глубока любовь моя, какъ море:
Чѣмъ больше я даю, тѣмъ больше я
Имѣю, милый мой, и потому
И та здѣсь и другая—безпредѣльны.

Веселый мальчикъ сапожникъ.

(Рисунокъ перомъ Клича).

Какой некрасивый мальчикъ: голова преневзрачная—торчащіе волосы, толстый носъ, узкіе глазки и ротъ, растянувшійся чуть не до ушей... Но въ лицѣ этого некрасиваго мальчика столько смѣху, столько беззаботной веселости, что некрасивость его какъ бы забывается. При взглядѣ на это смѣющееся лицо зритель невольно улыбнется: правдиво переданная художникомъ веселость на лицѣ мальчика невольно передается зрителю. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что какъ замѣчательно отражаются на человѣкѣ его занятія. Вѣдь этотъ мальчикъ непремѣнно сапожникъ, его волосы такъ близки по своей грубости къ волосамъ сапожной щетки; но не отсюда сущность сходства, оно въ чемъ то другомъ, неуловимомъ и все таки существующемъ. Припомните, напримѣръ, отставного военнаго: онъ уже въ партикулярномъ платьѣ, и все таки остается въ немъ нѣчто такое, указывающее на его недавнюю службу. Такъ здѣсь нѣтъ точныхъ указаній, что именно обличаетъ въ мальчикѣ сапожника, но указанія эти есть въ общихъ чертахъ фигуры и въ характерѣ лица. **С.**

Мадонна Рафаэля, называемая „La belle Jardinière“ (Садовница).

Распространяться о красотѣ Рафаэльскихъ Мадоннъ, это значитъ повторять то, что говорится нѣсколько столѣтій и безусловно признано всѣми. Вглядитесь въ полное кроткой любви лицо Богоматери, въ фигуры младенцевъ, Христа и Іоанна, носящихъ въ себѣ отпечатокъ этого высокаго, поэтическаго стиля, который составляетъ отличительную черту Рафаэля; чѣмъ дальше будете вы вглядываться въ эти благородныя, чистыя линіи, тѣмъ больше прелести будете открывать въ нихъ, и эти минуты будутъ для васъ минутами высочайшаго эстетическаго наслажденія.

Эта Мадонна украшаетъ Луврскую Галлерею; она принадлежитъ ко второй манерѣ письма Рафаэля. Первые его картины писаны въ духѣ Перуджино, его учителя, и отличаются тѣмъ же простодушіемъ и симметричностью, но послѣ пребыванія во Флоренціи и знакомства съ Микель-Анджело и Фра-Бартоломео, съ святостью выраженія въ стилѣ Перуджино. Въ картинахъ Рафаэля соединились красота и жизнь, достигшія высшаго развитія въ позднѣйшихъ періодахъ его творчества.

Біографія Рафаэля была помѣщена въ „Нивѣ“ за 1871 г. № 8.

Путешествие на американскихъ рѣчныхъ пароходахъ.

Американскіе рѣчные пароходы представляютъ мало сходства съ нашими. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ этажей и бываютъ наполнены пассажирами съ верху до низу. Въ первомъ этажѣ помѣщается залъ для 1 класса отличающійся роскошью, вездѣ мягкая мебель, зеркала и позолота. Залъ и кабинеты 2 класса уже представляютъ менѣе удобствъ и въ столовой 2 класса подъ палубой полусвѣтъ. Каюты на 3—4 человѣка такъ тѣсны, что вставать съ узенькихъ полокъ—постелей и одѣваться можно только по одному, другіе должны лежать и ждать очереди. Буфетъ, жилыя комнаты для служащихъ, открытое помѣщеніе для пассажировъ 3 класса, среди навалленной груды клади, размѣщены на палубѣ. На палубѣ же находится и механизмъ машины и печи ея отопляющія, послѣднее дѣлаетъ большое преимущество, такъ какъ кочегарамъ и машинистамъ не приходится жарится въ душныхъ и раскаленныхъ подъ палубныхъ клѣткахъ, какъ это бываетъ у насъ. Въ нижнемъ этажѣ устраивается буфетъ, кладовыя и каюты для прислуги, поваровъ и пассажировъ 3 класса. Обыкновенно пароходъ весь занятъ и на палубѣ не найти пустого мѣста. По замѣчанію путешественниковъ пароходы возили бы еще большее число пассажировъ еслибы находились охотники спать на мачтахъ. Зачастую обманомъ, что остановокъ на пути не будетъ и что пассажиры встрѣтятъ нѣсколько ожидающихъ пароходовъ, публика заплекается въ громадномъ числѣ. Всѣ недовольны тѣснотой, жалуются, обѣщаютъ на берегу составить митингъ и выразить неудовольствіе капитану. Предусмотрительныя К°, содержащія пароходы, запретили держать митинги на пароходахъ безъ позволенія капитана. Въ концѣ концовъ впрочемъ, достигнувшіе конца пути забываютъ все перетерпенное, да притомъ и нѣтъ народа, который былъ бы выносливѣе и терпѣливѣе въ путешествіи какъ американецъ. Они всю жизнь переѣзжаютъ и самая главная забота ихъ состоитъ какъ бы „поскорѣй„. Въ обычные часы звонки сзываютъ всѣхъ на пароходѣ въ столовыя—къ завтраку, обѣду, чаю и кофе. Точно также въ опредѣленные часы публика собирается въ общей залѣ и слушаетъ музыку, какъ это изображено на нашемъ рисункѣ. Въ открытыхъ галлереяхъ 1 и 2 классовъ постоянно гуляетъ публика, созерцая прибрежные виды. Лэди качаются въ креслахъ, молодыя миссъ расхаживаютъ, помахивая своими пальмовыми вѣерами; дѣти бѣгаютъ и не даютъ покоя. Замѣтимъ кстати, что американскія дѣти пользуются большой свободой. Отъѣздъ парохода составляетъ на берегу родъ гулянья. Полюбоваться какъ другіе ѣдутъ пріѣзжаютъ къ отъѣзду парохода даже не имѣющіе знакомыхъ отъѣзжающихъ. Обыкновенно остающіеся на берегу закидываютъ палубу яблоками и апельсинами—это составляетъ родъ забавы. На самой палубѣ въ это время снуютъ мальчики съ газетами, вѣерами; дѣвочки съ книгами, фруктами и т. д. Тутъ же какой нибудь господинъ тискается и суетъ всѣмъ въ руки объявленія о какомъ нибудь зубномъ порошкѣ своего изобрѣтенія, на дняхъ патентованномъ въ Вашингтонѣ.

Дорожныя невзгоды на рѣкѣ передъ весной.

„Дорожка—учитъ“. Такъ говоритъ пословица; но наука эта иной разъ дорого стоитъ: слава Богу, если только простудой да ревматизмомъ отдѣлаешься, а то пожалуй и подъ ледъ головой недолго кувыркнуться—поминай какъ звали.

Уберечься отъ бѣды, конечно, трудно: гдѣ всего предусмотрѣть; но и идти на встрѣчу опасности, какъ говорится, очертя голову, тоже не ахти мнѣ какая заслуга, хотя въ большинствѣ случаевъ нашъ братъ, обитатель Земли и любитъ этимъ похвастаться. Зачастую разсказываетъ онъ, какъ счастливо миновалъ опасность, какъ его тройка провалилась подъ ледъ, какъ уцѣлѣлъ онъ и его спутники только благодаря тому, что мѣсто, гдѣ обломился ледъ, было не глубокое.

Слушающіе охаютъ, ахаютъ, и разсказчикъ совершенно счастливъ не только тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ бѣды (объ этомъ уже онъ забылъ даже), а главнѣе всего тѣмъ, что онъ въ глазахъ слушателей является въ нѣкоторомъ родѣ героемъ.

Но разсказываютъ о дорожныхъ невзгодахъ только тѣ, кто мало бывалъ въ дорогахъ; бывалый человѣкъ молчитъ, и слушая разсказщика, которому въ кои-то вѣки Богъ привелъ окунуться подъ ледъ съ головой,—только вздыхаетъ да хмурится. А разсказчикъ-то, не замѣчая этого, расписываетъ о своемъ „случаѣ“ и руками-то размахиваетъ и присѣдаетъ-то на мѣстѣ и глаза таращитъ, словомъ—ушки на макушкѣ.

— Ѣдемъ мы такъ то по рѣкѣ, разсказываетъ онъ, ледъ трещи-н-тъ, гне ётся.. Думаю—худо! Смотри, говорю, ямщикъ, возьми глаза въ зубы!. Помилуйте, говоритъ, нсужли-жъ я; слава Богу, знаемъ свое дѣло. Ладно! только ѣдемъ, опять—тр-р-ръ опять трещитъ. Гляди, говорю, въ оба!.. Будьте, говоритъ, безъ сумленія: я отвѣчаю.

Разсказчикъ останавливается, оглядывая слушателей и видимо наслаждаясь ихъ вниманіемъ.

— Ну, ну, торопятъ слушатели, ну что же, что-же...

— Я, говоритъ, отвѣчаю и ручаюсь, еще разъ повторяетъ разсказчикъ, не замѣчая въ простотѣ души сколь много нелѣпости въ этой вѣрѣ въ ручательствѣ ямщика. И вдру-угъ,—протягиваетъ онъ, возвышая тонъ,—вдругъ повозка трахъ—подъ ледъ: охъ! охъ! ахъ! ахъ! и едва выбрались.

Слушатели въ восторгѣ отъ разсказа, только одинъ бывалый человѣкъ хмурится и бормочетъ себѣ подъ носъ.

— Мало тебѣ: еще разъ двадцать окунись, тогда помнѣешь и будешь молчать.

Изображенный на нашемъ рисункѣ путникъ едвали не изъ тѣхъ, которые въ дорогѣ еще только какъ говорится, „Господи Благослови“. Бывалый путникъ давно-бы былъ въ десяти шагахъ отъ саней, да и спутницу-то свою выхватилъ-бы а онъ выползаетъ изъ саней, точно чрезъ пень колоду валитъ.

Но чѣмъ быстрѣе сообразительность, тѣмъ больше предшествовало ей опытности, значитъ, и винить путника нечего. Лучше всего, когда вовсе нѣтъ нужды въ такой опытности: „лежи себѣ на полатяхъ, да ѣшь пироги“. Л.

Аббатъ Секки.

Недавно наука лишилась одного изъ превосходнѣйшихъ популяризаторовъ астрономіи, физики и метеорологіи директора Римской обсерваторіи и любимца покойнаго папы Пія IX, аббата Секки. На страницахъ нашего журнала имя аббата Секки встрѣчалось не разъ именно въ статьяхъ о *солнцѣ* и о *планетной системѣ* (см. „Нива“ за 1877 г. № 7 стр. 109.)

Аббатъ Секки родился въ 1818 году въ Реджіо и первоначальное образованіе получилъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, по окончаніи курса въ которомъ состоялъ въ томъ же коллегіумѣ преподавателемъ грамматики, и въ тоже время уже самостоятельно въ качествѣ любителя, изучалъ математику, физику, метеорологію и астрономію. Потомъ онъ получилъ мѣсто въ Коретти, гдѣ оставался, однакоже, не долго, и перешелъ не надолго, тоже на должность профессора, въ одно изъ высшихъ учебныхъ учрежденій въ Лондонѣ, и отсюда уже получилъ почетное приглашеніе завѣдывать *вновь* учрежденною въ *Джоржъ-Тоунѣ* обсерваторіею. (Городъ *Джоржъ-Тоунъ* находится въ Океаніи или Австраліи, онъ составляетъ столицу одного изъ острововъ Океаніи, называющагося *Таньонгъ-Пайнайке*).

Послѣ непродолжительнаго, впрочемъ, пребыванія въ Джоржъ-Тоунѣ, Секки получилъ приглашеніе возвратиться въ Римъ.

Въ Римѣ онъ занялъ мѣсто директора Римской обсерваторіи и эту должность занималъ до своей смерти. Онъ помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ ученыхъ европейскихъ обществъ, которыхъ состоялъ членомъ, до 300 интересныхъ мемуаровъ относящихся къ области физики, метеорологіи, астрономіи и т. д. Каждый изъ этихъ мемуаровъ проливаетъ значительный свѣтъ на какое-либо изъ явленій природы. Особенно ревностно занимался Секки метеорологіей и старался по мѣрѣ силъ объяснить необъясненныя доселѣ метеорологическіе факты и явленія. Секки—превосходный популяризаторъ науки. Изложеніе его всегда оживленно и блестяще. Крупными, капитальными научно-литературными произведеніями Секки считаются *двѣ его книги:*

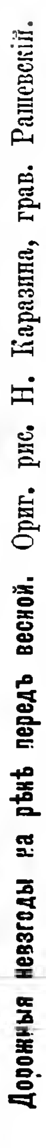
1) „Sur la correlatione des forces physiques“ (о взаимномъ отношеніи физическихъ силъ) и 2) „Sur le Soleil“ (О солнцѣ). Почтенный авторъ при этомъ имѣетъ въ виду преимущественно спектральный анализъ солнца. То и другое сочиненія пользуются въ ученомъ мірѣ большимъ уваженіемъ, въ особенности за популярность, даже художественность изложенія.

Далѣе: Секки помѣщалъ еще множество ученыхъ замѣтокъ въ журналѣ „Les Mondes“ (Міры) (изд. аббата Муаньо). Каждая изъ этихъ замѣтокъ имѣетъ огромное ученое и научное достоинство.

Аббатъ Секки былъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, и, вопервыхъ, знаменитаго ученаго общества въ Италіи, носящаго названіе „Новый Лицей“ затѣмъ онъ былъ членомъ лон-

Концертъ на Американскомъ рѣчномъ пароходѣ. Съ наброска, рис. и грав. Пелне.

Дорожныя невзгоды на рѣкѣ передъ весной. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

донскаго Королевскаго общества и Французской Академіи Наукъ.

О характерѣ политическихъ убѣжденій покойнаго аббата Секки нужно отмѣтить слѣдующее: онъ не призналъ въ 1870 г. правительства короля Виктора-Эммануила и вообще „беззаконныхъ“, по убѣжденію почтеннаго аббата посягательствъ на свѣтскую власть папы. Викторъ-Эммануилъ, однако, оставилъ въ покоѣ стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ аббата, изъ уваженія къ его выдающимся талантамъ и учености, и Секки, во время всѣхъ политическихъ треволненій, спокойно удерживалъ за собою постъ директора Римской обсерваторіи...

Секки погребенъ въ Римѣ, въ присутствіи искреннихъ многочисленныхъ почтателей его несомнѣнно выдающихся талантовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что Секки можно сопоставить рядомъ съ героями науки, принадлежащими тоже къ Обществу Іисуса, каковы патеры *Гобель*, *Кирхеръ* и *Босковичъ*, тоже съ самоотверженіемъ трудившихся для науки. *Гобель* какъ извѣстно, первый, съ неутомимою настойчивостью, добился основанія первой астрономической обсерваторіи въ Китаѣ (въ Пекинѣ). Ст.

Масляничная пальма (Elais guinensis)

Пальмы составляютъ одну изъ грандіознѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣйшихъ породъ въ растительномъ царствѣ. По величавости ихъ вида и стройности ихъ роста, прежніе ботаники не безъ основанія называли пальмы „царями“ растительнаго царства.

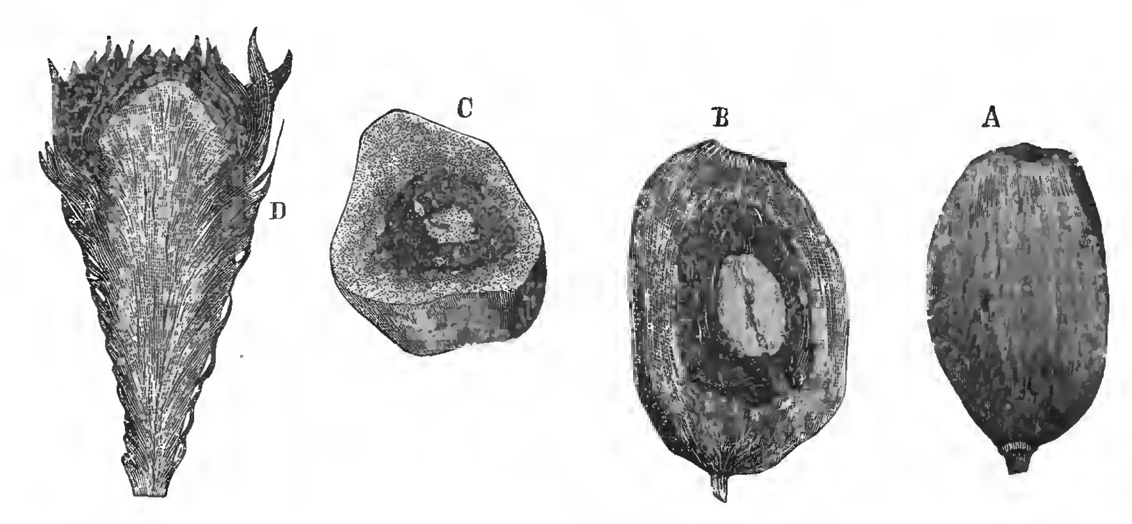
Породы пальмъ весьма многочисленны. На долю одного стараго свѣта, т. е. Африки, Азіи вмѣстѣ съ Австраліей приходится 307 видовъ пальмъ; въ Новомъ же Свѣтѣ (въ Америкѣ) находится ихъ до 275 видовъ.

каждой пальмѣ бываетъ одинъ довольно огромныхъ размѣровъ гроздъ. Цвѣтъ плодовъ разнообразится—отъ нѣжно-желтаго до темно-фіолетоваго и чернаго. Какъ бы для защиты,—плодъ снабженъ колючими придатками, образовавшимися изъ цвѣточной оси.

Эти грозды плодовъ-орѣховъ даетъ масляничная пальма 4 раза въ годъ. Такая богатая производительность и обусловливаетъ значительную, простирающуюся на весь міръ торговлю извѣстнымъ всѣмъ *пальмовымъ масломъ*, безъ котораго, какъ извѣстно, не можетъ обойтись и наша косметика. Большая часть нашихъ ароматическихъ мылъ фабрикуется изъ пальмоваго масла. Масло это могло бы составлять и превосходное освѣщеніе, соединенное съ ароматомъ, но разумѣется, такая роскошь была бы непроизводительна.

Вѣсъ зрѣлаго грозда плодовъ масляничной пальмы достигаетъ 60 фунтовъ. Изъ этого вѣса, впрочемъ отъ 40—45 фунтовъ составляютъ вѣсъ ствола вѣтки и остатки цвѣтовыхъ покрововъ. Судя по многочисленнымъ опытамъ, одинъ сборъ плодовъ масляничной пальмы доводитъ 62 фунта масла, а этими 62 фунтами можно наполнить галлонъ, вмѣщающій 5 бутылокъ масла! Но въ годъ, какъ мы сказали выше, бываетъ 4 сбора,—такъ какъ пальма эта успѣваетъ 4 раза въ годъ приносить плоды—слѣдовательно и каждая пальма даетъ въ годъ до 20 бутылокъ масла.

Плодъ масляничной пальмы имѣетъ слѣдующій видъ: Твердая и какъ бы каменистая скорлупа окружаетъ мясистое и жирное содержимое оранжево-желтаго цвѣта. Внутри этого мясистаго содержимаго находится *ядро* въ собственномъ смыслѣ слова, величиною въ обыкновенный орѣхъ, полупрозрачное и окруженное толстою чернаго цвѣта скорлупою. Это читатель видитъ на прилагаемыхъ рисункахъ плода масляничной пальмы—означенныхъ буквами *A*, *B*, *C*, *D*. При этомъ фигура *A* представляетъ плодъ въ его цѣльномъ видѣ, фиг. *B* въ продольномъ, *C* въ поперечномъ разрѣзѣ, наконецъ *D* представляетъ цвѣто-

Плоды масляничной пальмы.

Масляничныя пальмы чаще всего встрѣчаются на степныхъ мѣстахъ Африки. Кроны ихъ снабжены вѣерообразными перистыми листьями прекраснаго темнозеленаго цвѣта. Длина этихъ вѣерообразныхъ листьевъ простирается до 2,5 метровъ (т. е. гораздо болѣе нашей сажени *). Развѣтвленія листоваго вѣера гораздо нѣжнѣе и легче, чѣмъ у кокосовой пальмы, такъ что достаточно легкаго дыханія утренняго вѣтерка, что-бы привести могучіе эти листья въ движеніе—и тогда-то происходитъ таинственный, чарующій „шопотъ“, знакомый всѣмъ, путешествовавшимъ по Африкѣ.

Масляничная пальма представляетъ ростеніе, такъ называемое въ ботаникѣ, *двудомное*, т. е. мужскіе, *оплодотворящіе*, и женскіе *оплодотворяемые*, цвѣтки развиваются на одной и той-же особи. И что особенно благотворно для жителей Африки—это то, что цвѣтки на масляничной пальмѣ выростаютъ безпрестанно, въ теченіи года, а слѣдовательно безпрестанно развиваются и выростаютъ плоды. Въ назухахъ листьевъ, какъ и у всѣхъ породъ пальмъ, являются плотно замкнутые, мятельчатые початки; изъ нихъ развиваются цвѣтки грязновато-желтой окраски, такъ что сначала и предположить трудно, что изъ этихъ невзрачныхъ цвѣтковъ разовьются, со временемъ, благодатные плоды, свѣтло-блестящаго, пріятнаго на видъ цвѣта. Какъ скоро мужскіе цвѣтки масляничной пальмы исполнятъ свое назначеніе, они тотчасъ же отпадаютъ, или ихъ отрѣзываютъ, если пальма составляетъ предметъ культуры. Но женскіе цвѣтки остаются, и изъ нихъ-то, какъ сказано выше, развиваются плоды. Плодъ этотъ въ существѣ дѣла орѣхъ, такъ какъ покрытъ твердою скорлупою. Форма его сжато-коническая, напоминающая форму груши. Плоды бываютъ скучены гроздообразно плотно прилегая другъ къ другу поверхностями и при томъ такъ, что на

вые остатки, облекавшіе плодъ. Самое внутреннее ядро, означенное на нашемъ рисункѣ бѣловатымъ цвѣтомъ съ разщелиною посрединѣ, содержитъ большое число *растительнаго жира*, на который въ наше время существуетъ огромный спросъ въ Европѣ. По этому, во всѣхъ пунктахъ Африки, гдѣ только добывается пальмовое масло, существуютъ и склады *пальмовыхъ ядеръ*, сейчасъ описанныхъ и составляющихъ важную статью вывоза въ Португалію и Англію.

Но въ чемъ же состоитъ подробный процессъ добыванія пальмоваго масла изъ плодовъ?

Для этого плоды масляничной пальмы закапываютъ *ровно на цѣлый мѣсяцъ* въ землю. И здѣсь то совершается въ пальмовомъ орѣхѣ обыкновенный процессъ броженія: содержимое мякнетъ и разбухаетъ, отъ этого трескается внѣшняя скорлупа. По вынутіи изъ земли, скорлупу уже легко отдѣлить отъ подвергнутаго броженію содержимаго, новая работа еще болѣе ускоряется посредствомъ особаго механическаго пріема—*штамповки* *); за тѣмъ бродящую массу растопляютъ и подвергаютъ процессу перегонки, (хотя крайне несовершенному), что-бы отдѣлить ее отъ нечистотъ. За симъ, когда перeплавленное и перегнанное масло застываетъ, его упаковываютъ въ такъ называемые *мульсы* или узкія и длинныя коробки, сплетенныя изъ пальмовыхъ, банановыхъ листьевъ и въ такомъ видѣ товаръ доставляется въ европейскія факторіи, каковыхъ (особенно англійскихъ) устроено въ Африкѣ значительное число. Но подобное пальмовое масло, привезенное въ Европу, все таки еще считается крайне нечистымъ (потому что какой же очистки нужно ожидать отъ первобытныхъ пріемовъ, которые употребляютъ при этомъ негры?) и потому уже на самыхъ факторіяхъ снова

*) Наша сажень = 2 метрамъ французской мѣры.

*) Одинъ умный негръ въ Верхней Гвинеѣ (на западномъ берегу Африки) изобрѣлъ даже особую штамповальную машину для скорѣйшаго отдѣленія скорлупы орѣха масляничной пальмы.

плавятъ, перегоняютъ пальмовое масло въ особыхъ большихъ котлахъ, нарочно для этого устроенныхъ и вмазанныхъ въ печи. За симъ непосредственно послѣ окончательнаго процесса перегонки, масло сливается изъ котла особымъ краномъ въ бочки, и въ такомъ видѣ вывозится въ Европу.

Выше мы сказали, что орѣхи масляничной пальмы зарываются въ землю *на мѣсяцъ*. Это дѣлается для полученія твердаго пальмоваго масла, способнаго застывать, при пониженіи температуры. Для полученія же жаркаго (незастывающаго) масла орѣхи зарываются только на *10 дней*.

Но такъ эксплоатируются неграми плоды масляничной пальмы въ видѣ выгодной торговой статьи. Посмотримъ теперь, какъ пользуются этими плодами они сами.

Жирное мясо пальмоваго орѣха составляетъ преимущественную статью кухни негровъ. Изъ стеблей этой же пальмы негры Западной Америки приготовляютъ вино, или, точнѣе, сокъ, естественно, при высокой африканской температурѣ подвергающійся броженію *). Вино это, повидимому, похоже на кокосовое молоко (добываемое изъ кокосовыхъ орѣховъ), на свѣжую сыворотку или на коровье молоко, сильно разбавленное водою. Если недавно добыто—(а добывается оно изъ цвѣточныхъ стеблей только однихъ мужскихъ цвѣтовъ), то вино это имѣетъ кисло-сладковатый, пріятный вкусъ; оно гораздо слаще кокосоваго молока, но нѣсколько приторно, такъ что европеецъ не вдругъ можетъ привыкнуть къ постоянному употребленію этого свѣжаго сока, вмѣсто вина. Но если сокъ этотъ оставить бродить (броженіе наступаетъ уже чрезъ нѣсколько часовъ), то послѣ процесса броженія, получается дѣйствительно превосходное вино. Но самое броженіе, впрочемъ, произвести съ пользою очень трудно, потому что жидкость бродитъ сильно, газы въ ней сильно шипятъ и расширяются, и оттого разбиваются въ дребезги самые крѣпкіе сосуды, въ которыхъ на итъ бродящій сокъ масляничной пальмы. За симъ пальмовое вино имѣетъ для хозяина-негра тѣмъ большую важность, что изъ этого же вина приготовляетъ онъ дрожжи, необходимыя для печенія хлѣба. Здѣсь кстати сказать, что хлѣбъ негры пекутъ исключительно изъ пшеничной муки, вывозимой въ Африку изъ Америки.

Уходъ за масляничною пальмою составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ негра, и поглощаетъ все почти его время на ряду съ охотой, рыбной ловлей и продажей полевыхъ продуктовъ. Масляничная пальма, вообще такъ дорога неграмъ, что они называютъ ее *„отцомъ пальмъ“*, и уже рѣдко въ Африкѣ можно встрѣтить не „культированную“ масляничную пальму, т. е. за которою не было бы ухода. Самый уходъ этотъ весьма простъ и не сложенъ. Онъ состоитъ въ очисткѣ дерева отъ старыхъ отжившихъ листьевъ и въ удаленіи тѣхъ листьевъ, которые не составляютъ обсолютной необходимости для роста пальмы, а только потребляютъ ея соки. Уже изъ этого можно видѣть, что негръ прилежаніемъ и опытомъ успѣлъ добыть значительныя ботанико-физіологическія свѣдѣнія. Въ этомъ еще болѣе убѣждается европеецъ-путешественникъ, когда видитъ, что негръ весьма своевременно, т. е. тотчасъ послѣ окончательнаго оплодотворенія, обрываетъ съ пальмы *мужскіе* цвѣты, оставляя одни *женскіе* развивающіеся въ плодъ. Правда, вся эта забота, сравнительно съ вознагражденіемъ, которое даетъ масляничная пальма, ничтожна. Смѣло можно сказать, что благодатная кормилица вагражд аетъ негра въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ употребляетъ труда на уходъ за нею.

Движенія небесныхъ свѣтилъ въ мировомъ пространствѣ.

Еслибы развитому, опытному въ наукѣ и гордому своими познаніями въ астрономіи человѣку предложить вопросъ: дѣйствительно ли для него отчетливо ясна система вселенной— спрашиваемый, по всякому праву, могъ бы считать этотъ вопросъ оскорбительнымъ для себя. Какъ!.. воскликнулъ бы онъ—уже ученіе Коперника о движеніи земли вошло давнымъ давно въ плоть и кровь каждаго образованнаго человѣка, такъ что оно сдѣлалось извѣстнымъ теперь въ своихъ мельчайшихъ деталяхъ и подробностяхъ.. Вѣдь ужь только лѣнивый въ настоящее время, послѣ стольких блестящихъ изслѣдованій, можетъ не знать устройства вселенной...

Теперь мы перевертываемъ нашъ вопросъ, нѣсколько видоизмѣняемъ его, и предлагаемъ вашему гордому знатоку системы вселенной нѣсколько умѣрить свою самоувѣренность и спросить себя: думалъ-ли онъ когда-нибудь надлежащимъ образомъ о томъ, въ какомъ видѣ представилась бы намъ система вселенной, если бы мы созерцали ее не съ Земли, а положимъ хотя бы съ Луны или съ планеты Юпитера? Вотъ отвѣтъ-то на подобный вопросъ уже представляетъ значительныя трудности. Надо, въ самомъ дѣлѣ, быть уже основательнымъ знатокомъ астрономіи и первоклассным математикомъ, чтобы вычислить новыя пространственныя отношенія между свѣтилами, если мы наблюдаемъ ихъ, находясь на другой планетѣ.

А вопросъ этотъ въ высшей степени интересенъ. Весьма важно получить ясное понятіе объ упомянутыхъ новыхъ пространственныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ популяризаторовъ астрономіи, D-г. *Рудольфъ Шульце*, изслѣдуя этотъ вопросъ и объясняя его съ желаемою отчетливостью, предлагаетъ своимъ читателямъ *) *прогулку* въ міровыя пространства. Послѣдуемъ и мы за нимъ, пользуясь данными, представляемыми его интересною статьею.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому отважному путешествію, нужно приготовиться и запастись *„надежнымъ посохомъ“*, чтобы уже вѣрнѣе достигнуть предположенной цѣли—ознакомленія съ различными положеніями небесныхъ свѣтилъ въ міровомъ пространствѣ. Этотъ „надежный посохъ“, ведущій къ цѣли, состоитъ въ *знаніи* событій, случающихся въ міровомъ пространствѣ, въ знаніи предшествовавшей исторіи нашего неба; за симъ въ знаніи нѣкоторыхъ пріемовъ—какъ разсматривать небесныя свѣтила съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Упомянутый выше ученый, Р. Шульце, беретъ за исходную точку своей прогулки по міровому пространству *Среднюю Германію*, лежащую приблизительно подъ 51 градусомъ широты. Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Представимъ себѣ самую ясную и тихую погоду, какая только возможна при климатическихъ условіяхъ Средней Европы. Тогда окружающее нашу землю пространство представится намъ громаднымъ, покрывающимъ васъ куполомъ, или точнѣе, пустою внутри сферою, окружающею нашу землю. Половина этой полой сферы возвышается куполообразно надъ поверхностью земли, на которой мы находимся (другую половину мы воображаемъ подъ собою). И вотъ края-то простирающагося надъ нашею поверхностью купола мы и называемъ *горизонтомъ*. Фигура 1-я на вашихъ рисункахъ представляетъ это ясно.

Упомянутая выше полая сфера, или шаръ окружающій нашу землю, и составляетъ то, что мы называемъ *небомъ*, и это небо безпрестанно движется со всѣми находящимися на немъ свѣтилами которыя нашему глазу представляются какъ бы прикрѣпленными или *„приколоченными“* къ голубой поверхности объемлющаго нашу землю шара.

Это движеніе неба совершается въ періодъ времени, обнимающій *23* часа *56* минутъ, или время, соотвѣтствующее такъ называемому „звѣздному дню“. Это вращеніе происходитъ около оси, положеніе которой обыкновенно считаютъ „относительно-постояннымъ“, по крайней мѣрѣ для неслишкомъ большихъ періодовъ времени. Пунктъ же неба P, въ которомъ оканчивается сейчасъ описанная ось, мы должны уже принять за постоянную, вѣчно-неподвижную точку. Это точка полюса, вблизи которой находится главная звѣзда Малой Медвѣдицы, *Полярная Звѣзда*. Вертикальный кругъ, положенный черезъ этотъ пунктъ, именно меридіанъ *SMN*, соприкасается съ горизонтомъ въ *двухъ* пунктахъ: въ сѣверномъ пункѣ *N* и въ южномъ пунктѣ *S*; а въ срединѣ между этими двумя пунктами лежитъ съ одной стороны *восточный* пунктъ *O*, съ другой—западный *W*, Всѣ небесныя тѣла, которыхъ восхожденіе вообще мы можемъ наблюдать, появляются именно на *восточной* половинѣ горизонта, подпимаются, въ косвенномъ направленіи, вверхъ, достигаютъ въ меридіанѣ своей высшей точки и за симъ спускаются къ западной половинѣ горизонта, чтобы снова перерѣзать ее въ косвенномъ направленіи. Однакожъ, извѣстное число звѣздъ, которыя удалены отъ полюса не болѣе какъ на 39° (такъ, напримѣръ, звѣзды, составляющія извѣстнѣйшее изъ всѣхъ созвѣздій Большой Медвѣдицы) никогда не достигаютъ нашего горизонта, а описываютъ круги, невидимые нами во всѣхъ ихъ частяхъ. Это такъ называемыя „околополярныя“ звѣзды.

Въ этомъ движеніи всѣхъ небесныхъ тѣлъ принимаетъ также участіе и могучее свѣтило нашего дня, регулирующее всю нашу дѣятельность, дающее всему на землѣ и органическое развитіе—свѣтило, поэтически названное греками Аполлономъ— *Солнце*! Среднимъ числомъ, Солнце употребляетъ для своего суточнаго движенія полныхъ 24 часа, слѣдовательно оно остается, повидимому, позади относительно другихъ небесныхъ тѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то отодвигается болѣе къ сѣверу, то къ югу. Такимъ образомъ, оно, повидимому, описываетъ на небѣ, въ продолженіи года, *путь* противоположный вращательному направленію неба, т. е. отъ запада къ востоку. *Два* раза въ годъ, т. е. 21-го марта и 23-го сентября, оно является въ восточной точкѣ *O*, поднимается косвенно по меридіану, который оно перерѣзываетъ въ точкѣ *M*, на высотѣ отъ 39° и заходитъ въ западной точкѣ *W*. Послѣ 23-го сентября, во время нашего зимняго полугодія, точка его восхожденія лежитъ далѣе къ югу; дуга, которую оно описываетъ, бываетъ тогда меньше, и высота, до которой оно поднимается, незначительнѣе, такъ что послѣдняя въ точкѣ *M''*, 21-го декабря, простирается только до 15½°. Напротивъ, во время нашего лѣта, солнце показывается далѣе къ сѣверу и достигаетъ большей высоты; но и для этой послѣдней является крайвій предѣлъ, до котораго она простирается въ точкѣ *M'*, 24-го іюня, оставаясь постоянною только на 62½°, такъ что въ этотъ день солнце прохо-

*) Сокомъ этимъ гостепріимные негры за ничтожную плату и даже безплатно, угощаютъ путешественниковъ, и онъ имѣется въ каждой негритянской хижинѣ.

*) Въ журналѣ „Die Natur“.

дитъ по южной сторонѣ, считая отъ зенита, и въ тоже время, тѣнь нашей земли, около полудня, падаетъ по направленію къ сѣверу.

Но читатель можетъ сказать: все это старыя-престарыя вещи, которыя каждый найдетъ въ любомъ элементарномъ астрономическомъ учебникѣ—зачѣмъ же повторять ихъ? Совершенно вѣрно—вещь старая, но все таки такого свойства, что для ясности дѣла ее приходится повторять, даже начинать съ древности, ибо историческая-то манера изложенія всего болѣе и объясняетъ дѣло! Для насъ еще разъ важно замѣтить, что этими воззрѣніями руководствовались даже и существовавшіе за *тысячи* лѣтъ до насъ народы, представители тогдашней культуры. Такъ разсказываютъ, что однажды финикійскіе мореплаватели, которые, какъ извѣстно, далеко проѣхали вдоль береговъ Африки и даже можетъ быть, объѣхали эту часть свѣта,—при своемъ возвращеніи передавали своимъ землякамъ самыя страшныя извѣстія о своихъ приключеніяхъ—и всѣмъ ихъ разсказамъ, какъ ни странны они были съ вымыслами, земляки повѣрили—но... только до извѣстнаго пункта. Именно: какъ скоро они упомянули въ своемъ разсказѣ, что побывали у народовъ, *тѣнь которыхъ падаетъ къ югу*,—то имъ никто не повѣрилъ—въ такомъ противорѣчіи стояло это извѣстіе съ обычными представленіями тогдашнихъ, даже развитыхъ людей. Одникожь, съ этихъ поръ любознательность была возбуждена, и древніе народы именно съ этого времени стали употреблять всѣ усилія для изученія явленій, совершающихся на небесномъ сводѣ, такъ что вообще, имъ были извѣстны движенія небесныхъ тѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ мы представляемъ въ настоящее время.

Судя по вышеприведеннымъ сказаніямъ Финикіянъ о направленіи тѣни *на югъ*, нужно заключить, что финикійскіе мореплаватели были по ту сторону экватора... Но положимъ даже, что при крайне несовершенныхъ средствахъ тогдашняго мореходства, это извѣстіе невѣроятно, все-жь таки самое сказаніе о паденіи тѣни къ югу доказываетъ, что мореплаватели эти знали тѣ явленія, которыя сопровождали бы ихъ, если бы они, дѣйствительно, перешли экваторъ. Для лучшаго пониманія дѣла представимъ себѣ, что мы сами перешли за экваторъ.

Аббатъ Секки. Директоръ Римской Астрономической Обсерваторіи.
Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Представимъ себѣ, что мы стоимъ въ точкѣ *A* (фиг. 2). Точка эта находится на экваторѣ. Мы замѣчаемъ въ этомъ пунктѣ, что небо совершаетъ свое вращательное движеніе; однакоже звѣзды здѣсь восходятъ не по косымъ линіямъ, а подъ прямымъ угломъ относительно горизонта. Небесный полюсъ *N* опущенъ здѣсь до горизонта и совпадаетъ съ точкою сѣвера такъ, что наблюдатель уже не замѣчаетъ болѣе звѣздъ, которыя постоянно вращаются ва нашемъ полюсѣ, не достигая горизонта. За то, въ разсматриваемомъ случаѣ, и другой конечный пунктъ небесной оси, южный полюсъ S, приближенъ къ горизонту, такъ что ось, около которой вращается небесный сводъ, представляется находящеюся въ горизонтальной плоскости. И здѣсь, точно также, солнце является 21-го марта и 23-го сентября въ *восточной* точкѣ; но отъ этой точки поднимается уже ва небесномъ сводѣ вертикально, и около полудня достигаетъ точки, которая какъ разъ перпендикулярно лежитъ надъ наблюдателемъ. Такъ что, если бы мы находились здѣсь, то бросаемая нашимъ тѣломъ тѣнь занимала бы самое малое пространство и падала бы только внизу нашего тѣла. Во время нашей зимы, и здѣсь точно также солнце поднимается къ югу отъ восточной точки и заходитъ также къ югу отъ точки западной, перерѣзывая меридіанъ на южной сторонѣ отъ зенита. Напротивъ, во время нашего лѣтняго полугодія, всѣ эти явленія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, что солнце проходитъ въ *зенитъ* въ *сѣверномъ направленіи*, и здѣсь въ полдень наша тѣнь *дѣйствительно упала бы въ южномъ направленіи*, какъ на это явленіе совершенно справедливо и указали древніе мореплаватели.

Благодаря вертикальному подъятію и опущенію солнца утрачивается и весьма привычное для насъ, европейцевъ, явленіе—*продолжительность сумерекъ*, вмѣющая такое громадное вліяніе на наши привычки, на образъ мысли, чувства, на нашу поэзію. Вѣдь громадная часть поэтовъ воспѣвала и воспѣваетъ чарующія сумерки, зорю, постепенно и съ тихой грустью наступающую темноту, тогда какъ облачка на западѣ еще блѣдно освѣщаются прощальными лучами заходящаго свѣтила. Это время нашихъ мечтаній, весеннихъ пѣсенъ соловья, поэтическихъ грезъ любви... Ничего подобнаго не бываетъ подъ экваторомъ. Тамъ грозно, быстро и величественно, какъ мрачная древняя богиня, все закрывающая въ одинъ моментъ своими широкими черными крыльями, спускается ночь ва землю.

На экваторѣ солнце приближается къ горизонту въ вертикальномъ направленіи, въ такомъ же направленіи оно опускается за горизонтъ, и время, въ которое солнце находится близь края горизонта, слишкомъ коротко, чтобы достаточно сильно освѣтить слои подъ-экваторіальной атмосферы, отъ чего получился бы свѣтъ не *вдругъ*, а *постепенно* исчезающій, получились бы сумерки, свойственныя нашему поясу. Но этого подъ экваторомъ не бываетъ, повторяемъ мы, отъ того, что солнце, спустившись подъ черту горизонта, находится близь края этого горизонта (именно вслѣдствіе своего вертикальнаго движенія) слишкомъ короткое время, — отъ этого и происходятъ подъ экваторомъ рѣзкіе *контрасты свѣта дня* и *тьмы ночи*,—контрасты, которые мы сейчасъ охарактеризовали.

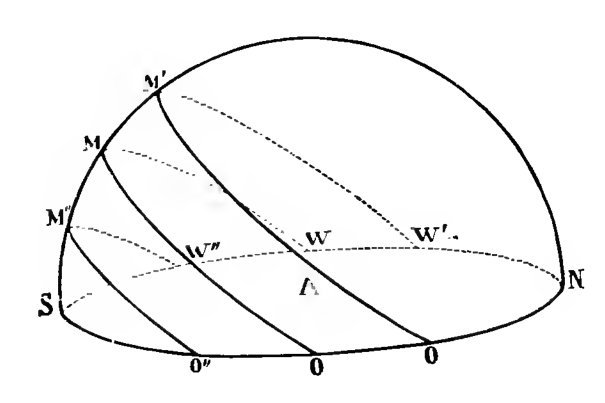
Если мы отправимся далѣе къ югу отъ экватора, то достигнемъ, наконецъ, тѣхъ странъ, въ которыхъ описанныя явленія совершаются въ порядкѣ, подобномъ нашему, средне-европейскому. Разница только въ томъ, что тамъ дневные пути звѣздъ направляются не къ *югу*, какъ у насъ, а къ *сѣверу*, а надъ горизонтомъ, вмѣсто *сѣвернаго*, поднимается *южный* полюсъ небесной оси, и этотъ полюсъ окруженъ такими созвѣздіями, которыя у насъ не могутъ быть видимы, за то мы тамъ напрасно стали бы искать созвѣздій нашихъ обѣихъ *Медвѣдицъ*, *Кассіопы*, *Лебедя* и т. п. Правда, и тамъ солнце, какъ и всѣ другія звѣзды, восходитъ на востокѣ, но оно проходитъ по сѣверному направленію отъ зенита,—движется слѣдовательно съ *права* на *лѣво*, а не съ *лѣва* на *право*, какъ у насъ. Если бы уроженца Южной Австраліи или Огненной Земли перевезти внезапно въ нашъ поясъ, то онъ пришелъ бы въ неописанное изумленіе и недоумѣніе, увидѣвъ, что у насъ дневное свѣтило проходитъ свой путь совершенно иначе, чѣмъ онъ съ-измала привыкъ видѣть на своей родинѣ... За симъ, попробуйте-же перенести наши ползучія растенія, напримѣръ, разныя породы бобовъ, въ южное полушаріе, они тамъ измѣнятъ свои привычки и будутъ обвиваться около тычинки *на право*, между тѣмъ какъ у насъ, на родинѣ, какъ извѣстно, они всегда обвиваются по направленію на лѣво, на встрѣчу солнцу.

Теперь мы вернемся нѣсколько назадъ и будемъ мысленно сопровождать въ пути того отважнаго мореплавателя, которому, быть можетъ, нѣкогда удастся достигнуть *открытаго полярнаго моря*, если таковое дѣйствительное существуетъ, а слѣдовательно достичь и сѣвернаго полюса земли. Предположимъ, что это возможно. Въ такомъ случаѣ, какъ скоро мы

(Продолженіе на стр. 233, 234, 235 и 236).

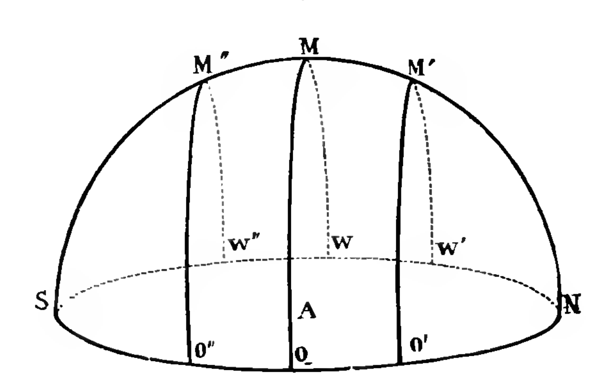
достигнемъ этого пункта, то небесный полюсъ *P* (фиг. 3) поднимется до нашего зенита, а ось, около которой вращается небесный сводъ, приметъ вертикальное направленіе. Здѣсь уже ни одна звѣзда не восходитъ и ни одна не заходитъ за горизонтъ, но всѣ онѣ описываютъ пути, параллельные съ горизонтомъ, какъ это показано на нашей фигурѣ буквами *ДЕ*, слѣдовательно, всѣ онѣ, какъ уже и вообще замѣтно, *вокругъ полярныя* звѣзды. Въ теченіе всей длинной зимней ночи солнце скрывается здѣсь отъ нашихъ глазъ; но уже въ началѣ февраля оно вновь приближается къ горизонту настолько значитель-

Фиг. 1.

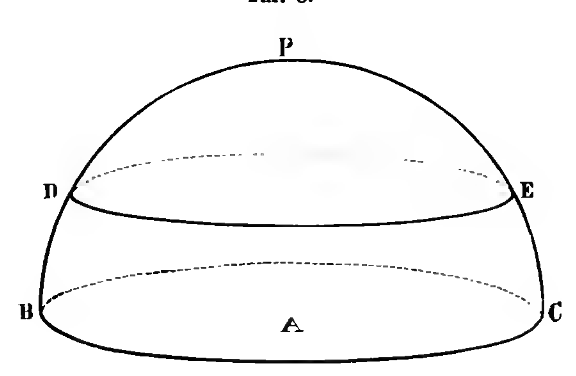
но, что уже освѣщаетъ высоко лежащіе слои воздуха и производитъ явленіе въ родѣ нашихъ сумерекъ. Наконецъ, около половины марта на горизонтѣ появляется свѣтлая узкая полоска; однакожь трудно опредѣлить, въ которомъ пунктѣ эта полоска прежде всего бываетъ видима. Она движется затѣмъ далѣе

Фиг. 2.

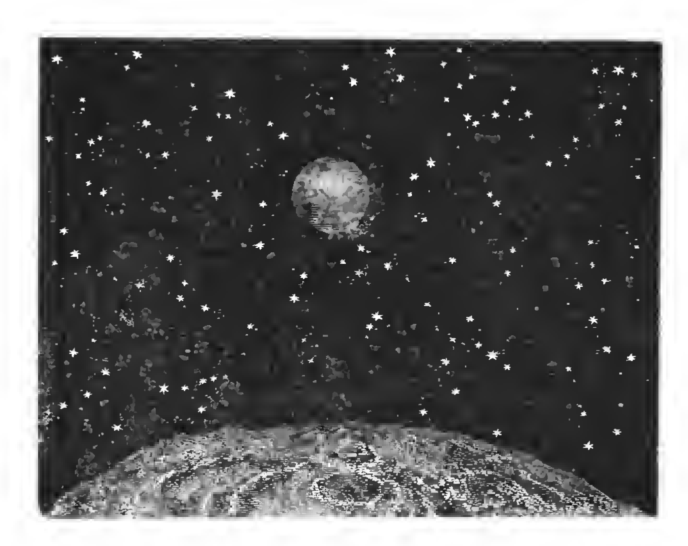
вправо, вдоль горизонта *BC*, который она проходитъ въ 24 часовой періодъ времени. День ото дня дѣлается эта полоска шире, пока, наконецъ, не поднимется окончательно надъ горизонтомъ солнечный шаръ, и съ этихъ поръ солнце здѣсь поднимается все выше и выше, и 21-го іюня оно находится

Фиг. 3.

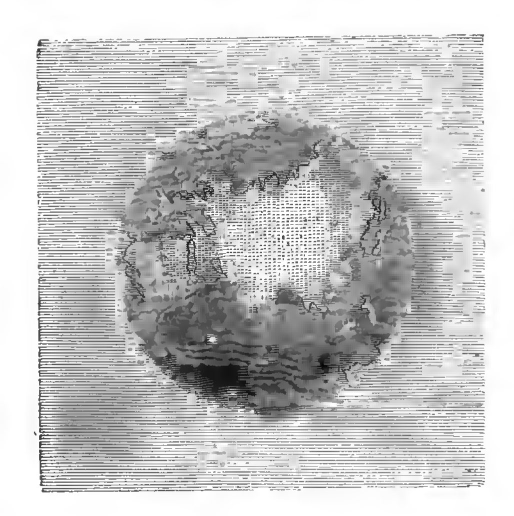

уже на разстояніи 23½° отъ горизонта, въ точкѣ *ДЕ*. Но это поднятіе солнца происходитъ съ такою постепенностью, что для каждаго дня солнечный путь можно принять въ видѣ круга, параллельнаго съ горизонтомъ, такъ что положеніе высшей точки и направленіе солнца къ югу можно опредѣлить столь же мало, какъ и положеніе восточной точки, опредѣляемой солнечнымъ восхожденіемъ, или сѣверной точки, опредѣляемой положеніемъ полюса. На земной поверхности сѣвернаго полюса нѣтъ никакихъ странъ свѣта; по этому если на полюсѣ возможно куда направляться, то только къ югу. Послѣ 21-го іюня солнце въ полярныхъ странахъ снова придвигается къ горизонту и достигаетъ его къ концу сентября, чтобы опять исчезнуть на *цѣлые полгода*; сумерки, однако, все-таки продол-

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг. 6.

жаются до самаго ноября, такъ что собственно полярная ночь продолжается около *трехъ* мѣсяцевъ.

Теперь мы, въ нашей прогулкѣ, поднимемся съ Земли, и прежде всего къ тому небесному тѣлу, которое имѣетъ наименьшее отъ насъ разстояніе—къ *Лунѣ*. Но здѣсь является вопросъ: съ какой стороны мы можемъ именно перенестись на Луну: съ той-ли, которая постоянно обращена къ Землѣ, или съ той, которая постоянно отвращена отъ нея. Перенесемся, однако, на послѣднюю сторону, потому что точка зрѣнія здѣсь удобнѣе и взаимныя отношенія другихъ планетъ пред-

ставляются гораздо болѣе простыми. Предположимъ, что мы находимся на такой точкѣ поверхности Луны, которая наиболѣе удалена отъ *Земли*. Тогда Земля намъ не будетъ видима, мы не будемъ догадываться даже о ея существованіи и развѣ только въ высшей степени тонкія теоретическія изысканія могутъ повести къ ея открытію, подобно тому, какъ *Леверье* изъ пертурбацій, претерпѣваемыхъ *Ураномъ*, заключилъ о существованіи *Нептуна*, еще не разсчитывая, что другой астрономъ, *Галле*, дастъ возможность даже видѣть глазами это такъ искусно найденное небесное тѣло.

На этой точкѣ, которую мы выбрали на Лунѣ, въ то время, когда на Землѣ бываетъ видимъ новый мѣсяцъ, солнце достигаетъ своего высшаго стоянія—это будетъ для насъ полдень. Но такъ какъ осевое вращеніе Луны соотвѣтствуетъ, по времени, ея вращенію въ качествѣ спутницы Земли, такъ какъ, затѣмъ, на ея вращеніе относительно солнца потребенъ цѣлый мѣсяцъ и слѣдовательно количество времени большее 29½ дней (обыкновеннаго луннаго мѣсяца, принимаемаго нами на Землѣ)—то наши часы (на Лунѣ) очевидно, *растянутся*, и пройдетъ почти 7¼ земныхъ дней, прежде чѣмъ дневное свѣтило спустится подъ горизонтъ. По прошествіи этого времени мы на Землѣ получаемъ первую четверть Луны. Но вотъ у насъ, присутствующихъ на Лунѣ, начинается ночь; она длится 14¾ нашихъ дней и во время ея созвѣздія Зодіака проходятъ надъ нашею головою, пока солнце не поднимется на восточномъ небѣ, чтобы опять свѣтить непрерывно въ теченіе двухъ недѣль. Если мы, при этомъ, обратимъ вниманіе на тѣ свѣтила, которыя мы съ нашей точки наблюденія (на Лунѣ) можемъ узнать, и среди дня (хотя онѣ и являются въ сторонѣ Луны, отвращенной отъ насъ, но и эта сторона имѣетъ столь же тонкую и прозрачную атмосферу, какъ и обращенная къ намъ и слѣдовательно не препятствуетъ видѣть звѣзды)—то увидимъ, что солнце находится, къ полудню, у звѣздъ, лежащихъ на 29° далѣе къ западу, и противъ звѣздъ, у которыхъ оно находилось въ предшествовавшій полдень. Солнце, слѣдовательно, и здѣсь описываетъ на небѣ путь въ направленіи отъ востока къ западу, но для прохожденія этого пути оно употребляетъ время *только* въ 12⅞ лунныхъ дней.

Говоря вообще, т. е. принимая въ разсчетъ общее мировое движеніе, Луна принимаетъ участіе также и въ движеніи Земли и, слѣдовательно, описываетъ вмѣстѣ съ нею эллипсисъ около солнца. Отъ этого эллипсическаго пути Луна уклоняется только благодаря *собственному* движенію около Земли и уклоняется въ такой мѣрѣ, что ко времени новолунія Луна стоитъ къ Солнцу нѣсколько ближе, чѣмъ стояла въ періодъ полнолунія. Но какъ же можетъ замѣтить такое отклоненіе житель половины Луны, отвращенной отъ насъ? Онъ незамѣтитъ этого потому, что отклоненіе это составляетъ только 1/400 средняго разстоянія отъ солнца, и за симъ всякій разъ ко времени, въ которое солнце проходитъ черезъ свой меридіанъ, приближеніе Луны къ Солнцу бываетъ наибольшее. Слѣдовательно для жителя упомянутой выше отвращенной половины Луны нѣтъ никакихъ данныхъ для сравненія наибольшаго разстоянія отъ Солнца,—разстоянія бывающаго во время ночи на Лунѣ. Напротивъ, для луннаго жителя въ высшей степени замѣтно различіе между *дугами*, какія Солнце описываетъ (хотя только повидимому) на небѣ въ теченіи дня и ночи. Если отъ луннаго наблюдателя сокроется солнце, что происходитъ во времени послѣдней четверти Луны, то Луна находится въ это время на сторонѣ (если будемъ разсматривать съ земной точки зрѣнія), по которой движется и земля, и въ среднемъ разсчетѣ, опережаетъ послѣднюю на 51,500 миль. Но въ теченіе *своего дня* Луна принимаетъ положеніе, которое мы называемъ *первою четвертью*, и слѣдуетъ за землею. Дуга земнаго пути между обоими этими положеніями Луны будетъ слѣдовательно на 103,000 миль меньше дуги, описываемой движеніемъ самой Земли. Во время ночи отношеніе это измѣняется, длина дуги дѣлается больше. Если перевести эту длину дугъ на градусы, то окажется, что длина въ 103,000 миль въ земномъ пути составляетъ нѣсколько болѣе ¼°; слѣдовательно, для жителя Луны будетъ замѣтнымъ, что Солнце въ своемъ кажущемся пути въ теченіи ночи (на Лунѣ) прошло нѣсколько больше ½°, чѣмъ проходитъ оно днемъ (на Лунѣ). Но величина неравенствъ, которыя обнаруживаетъ Луна въ своемъ движеніи, не особенно значительна; такъ что теоретическая астрономія обитателей Луны должна уже стоять на весьма высокой степени развитія, прежде чѣмъ величина упомянутыхъ неравенствъ должна была обратить на себя вниманіе. Обитатели отвращенной отъ насъ половины Луны могутъ слѣдовательно, *не иначе* обсуждать происходящія на небѣ явленія, какъ обсуждаютъ ихъ и земные обитатели съ своей точки зрѣнія. Разница въ томъ, что имъ не достаетъ свѣтила, освѣщающаго наши ночи, т. е. самой луны.

Если бы у жителей Луны явился свой Колумбъ, который бы открылъ для нихъ другую половину ихъ шара, какъ бы они были тогда изумлены, внезапно увидѣвъ на небѣ тѣло, правда свѣтящееся блѣднѣе чѣмъ солнце, но за то имѣющее почти въ 14 разъ большую поверхность!.. Это тѣло и есть Земля... Но какъ назвали бы ее жители Луны!..

Теперь представимъ себѣ, что мы перенеслись на какой-либо пунктъ обращенной къ намъ стороны Луны (см. фиг. 4) именно въ то время, когда у насъ на Землѣ новолуніе — то мы увидѣли бы между сонмомъ звѣздъ, блескъ которыхъ не уменьшается никакою атмосферою, на глубоко-темномъ небесномъ сводѣ—увидѣли бы нашъ *земной шаръ*, свѣтящійся матовымъ свѣтомъ. Почти на одномъ и томъ же мѣстѣ пребываетъ этотъ шаръ изъ года въ годъ и только его поверхность представляетъ измѣняющійся видъ: разъ вслѣдствіе осеваго движенія, далѣе—оттого, что Луна при своемъ движеніи около Земли принимаетъ относительно ея различныя положенія. До какой степени сильно мѣшаетъ ясности блеска земли ея атмосфера—объ этомъ уже можно судить a'—priori. Носящіяся въ атмосферѣ облака, естественно, представляются безформенными сѣрыми или бѣлыми массами; но представляется ли облачнымъ и туманнымъ даже безоблачный воздухъ—это трудно рѣшить. Если этого не бываетъ, то нашъ земной материкъ долженъ представляться наблюдателямъ Луны въ видѣ свѣтлыхъ разнообразно оттѣненныхъ пятенъ, такъ какъ части материка, какъ грубыя поверхности, разсѣеваютъ свѣтъ по разнымъ направленіямъ; море же, напротивъ, какъ зеркало, отражаетъ свѣтъ правильно и въ опредѣленныхъ направленіяхъ; такъ что на насъ, наблюдающихъ съ Луны, падаютъ только тѣ земные лучи, которые отражены въ опредѣленномъ пунктѣ поверхности моря и этотъ пунктъ долженъ поэтому намъ казаться *ярко-свѣтящеюся* точкою, тогда какъ остальное море должно представляться *невидимымъ*, изображая собою черную поверхность (это показываетъ фиг. 5). Такимъ же законамъ подчиняется наше зрѣніе, когда мы ночью со свѣчею въ рукѣ осматриваемъ комнату съ бѣлыми обоями. Тогда мы видимъ только бѣлую стѣну, поверхность же зеркала представляется намъ темнымъ пятномъ.

Если наступаетъ новолуніе лѣтомъ, то Луна занимаетъ мѣсто далеко къ сѣверу отъ поверхности земнаго экватора, Съ избраннаго на Лунѣ пункта можно бы видѣть сѣверную часть Земли (фиг. 5); можно бы въ это время видѣть далеко за полюсъ, и тогда тотчасъ рѣшенъ бы былъ вопросъ объ открытомъ полярномъ морѣ, и передъ нашими глазами вращались бы массы континента Азіи, Европы и Сѣверной Америки вокругъ своего полюса, находящагося въ значительномъ разстояніи отъ рамки сѣвера. Напротивъ, во время зимняго новолунія мы замѣтили бы съ Луны преимущественно южную половину земли, занятую океаномъ (фиг. 6), а изъ континентовъ мы увидали бы только протянутыя къ югу части, имѣющія форму полуострововъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія

Германское правительство окончательно отложило приглашеніе къ Европейскимъ державамъ собраться на конгрессъ въ Берлинѣ. Дѣло устраивается такъ, что въ Берлинѣ соберутся канцлеры союза *трехъ императоровъ*. Германія же, съ своей стороны, употребитъ всѣ усилія установить соглашеніе между Россіей и Австріей и, слѣдовательно, уединить Англію въ ея воинственныхъ поползновеніяхъ. Съ другой стороны, искреннѣйшая и добросовѣстнѣйшая часть французской прессы увѣрена, что нашему графу Игнатьеву удастся окончательно скрѣпить союзъ Россіи, Пруссіи и Австріи, и изолировать Англію. Слѣдовательно, наша и германская дипломатія энергически и опредѣленно работаютъ въ одномъ направленіи. Все это въ высшей степени желательно. За симъ, настойчивая уклончивость Британскаго кабинета отъ участія на конгрессѣ если онъ составится не по рецепту Англіи,—встрѣчаетъ все болѣе и болѣе порицаній въ самой Англіи, въ ея общественномъ мнѣніи, высказывающемъ, что мирный договоръ Россіи съ Турціей не нарушаетъ *ни одного дѣйствительнаго англійскаго интереса*. Англія сдѣлала дальнѣйшую усиленную (и вѣроятно, къ счастью, послѣднюю) попытку *побудить Россію къ признанію своей отвѣтственности передъ Европою*. Но Россія отвѣчала, что она держится и неизмѣнно будетъ держаться своего прежняго воззрѣнія.

Но какой же изъ всего этого выводъ? Пока тотъ, что Англія не оставитъ своихъ воинственныхъ притязаній и, объявивъ намъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, войну, останется *одинокою*, изолированною, Дѣятельныя вооруженія Англіи все болѣе и болѣе усиливаются. На о—вѣ Мальтѣ, напримѣръ сооружаются новые форты, которые будутъ вооружены орудіями *величайшаго калибра*. Множество боевыхъ снарядовъ и провіанта недавно отправлено для англійскихъ эскадръ, находящихся въ Безикской бухтѣ и въ Мраморномъ морѣ. Эскадра Ламаншскаго канала, состоящая подъ начальствомъ адмирала Гея, увеличивается до 13-ти панцырныхъ судовъ. Затѣмъ, *всѣ* возвращающіяся въ Англію изъ дальняго плаванія военныя суда получили приказаніе стать на якорѣ у

о—ва Мальты панцырный фрегатъ, построенный въ Японіи, тоже отправленъ къ Мальтѣ. Наконецъ работы во всѣхъ англійскихъ морскихъ арсеналахъ все болѣе и болѣе усиливаются...

И такъ что же принесетъ намъ съ собою наступающая весна?—Минувшая принесла объявленіе Турціи войны, одной изъ самыхъ справедливыхъ, славныхъ и облегчающихъ народное чувство войнъ. Если наступающая весна принесетъ войну съ Англіей, то это будетъ только логическимъ послѣдствіемъ минувшей войны и вообще всѣхъ событій минувшаго года. Эти случайности уже предвидѣлъ Высокій Верховный Вождь Русскаго народа, по мановенію котораго совершились великія событія минувшаго года. Россія сдѣлала много, но ей предстоитъ сдѣлать еще больше... Мы наканунѣ рѣшительной борьбы съ коварнѣйшею и вѣроломнѣйшею изъ европейскихъ державъ. Если начнется война, то она будетъ упорна. Громадный и усовершенствованный флотъ Британіи разсчитываетъ, конечно дѣлать высадки въ разныхъ пунктахъ нашей страны. какъ это было въ Крымскую войну. Но времена значительно перемѣнились. Теперешнія минныя загражденія, которыя съ такимъ искусствомъ умѣютъ дѣлать русскіе моряки, способны умѣрить какой угодно пылъ. Высадки у разныхъ береговъ, въ настоящее время, едва ли могутъ имѣть серьезное значеніе. Но Англія хлопочетъ еще и о сухопутномъ вооруженіи.

Такъ она выбрала главнокомандующаго своею сухопутною арміей въ предстоящемъ походѣ сэра Роб. *Нэпира Магдальскаго*, (о которомъ намъ случилось упоминать прежде). Въ виду рѣшительнаго хода событій, этотъ почтенный генералъ вызванъ изъ Индіи, гдѣ онъ до сихъ поръ находился. Сэръ Нэпиръ высокаго мнѣнія о боевыхъ достоинствахъ русскихъ войскъ, и теперь сильно раскидываетъ своимъ умомъ, какъ бы ему справиться съ возлагающеюся на него трудною задачей... Для болѣе удовлетворительнаго ремонта своей кавалеріи и артиллеріи Англія закупаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ 18,000 лошадей.

Теперь остановимся на нѣсколько времени на важнѣйшихъ событіяхъ, совершившихся за послѣднее время на бывшемъ театрѣ войны.

Его Высочество Августѣйшій Главнокомандующій Дунайскою арміей, посѣтилъ недавно Константинополь, и посѣтилъ во дворцѣ Долма Бахче турецкаго султана, а вслѣдъ за тѣмъ Его Высочество принялъ въ Беслербеѣ султана.

У *Чорку* укрѣпляются наши позиціи. За симъ нашей пѣхотѣ и кавалеріи предписано передвинуться изъ *Родоста* къ *Доркосу*. Есть также слухъ, распространяемый, правда, только вѣнскими газетами, *объ обезоруженіи* нашими властями всего Болгарскаго населенія и объ избраніи столицею Болгаріи *Терново*. Справедливость или несправедливость этихъ извѣстій, конечно, незамедлитъ объясниться.

Англійскій посолъ въ Константинополѣ, г. Лайардъ, обратился къ Портѣ съ нотою, въ которой выставилъ на видъ угрожающую *250,000 переселенцамъ* въ Шумлѣ непосредственную опасность умереть отъ голода. Порта объявила, что не въ состояніи помочь имъ.

На прошлой недѣлѣ обнародована оффиціальная переписка между Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и новоизбраннымъ папою Львомъ XIII. Въ своемъ посланіи къ Государю Императору новый папа выразилъ прискорбіе о *прекращеніи прежнихъ добрыхъ отношеній* между Россіей и римскимъ престоломъ. Наше правительство не имѣло, въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ настоящаго дипломатическаго представительства при папскомъ дворѣ.

Изъ событій за Океаномъ, за прошлую недѣлю извѣстно, что монетная коммисія (мы уже сообщали объ оживленномъ вопросѣ о звонкой монетѣ, выступившемъ на очередь въ соединенныхъ штатахъ) палаты представителей высказалась въ пользу законопроекта, въ силу котораго чеканка серебряной монеты должна производиться *при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и чеканка золота*. За симъ, этимъ же законопроектомъ правительству предоставляется право выдавать удостовѣренія на серебро въ слиткахъ, находящееся въ особомъ дено. Правительство сѣверо-американское продолжаетъ чеканку серебряныхъ долларовъ для заграничныхъ торговыхъ сношеній.

По извѣстіямъ изъ Индіи положеніе дѣлъ дѣлается тамъ все запутаннѣе для англичанъ. Насколько раздражены туземцы противъ нихъ можно судить по открывшимся военнымъ дѣйствіямъ, причемъ, по мѣрѣ возстанія одного племени, къ нему присоединяется другое, третье, и самый характеръ борьбы, какъ бы подъ вліяніемъ накипѣвшей мести, возрастаетъ прогрессивно по всей индійской границѣ; но, съ другой стороны эта пограничная война выказала всю несостоятельность существующихъ въ Остъ-Индіи англійскихъ порядковъ. Чтобъ составить себѣ понятіе объ этомъ, достаточно привести слѣдующій фактъ: отрядъ англійскихъ войскъ, выступившій изъ Пешавера по дорогѣ въ фортъ Моксонъ, голодалъ по нѣскольку дней и, за недостаткомъ средствъ для транспортированія, добрался до мѣста своего назначенія только черезъ недѣлю, хотя два выше означенные пункта лежатъ другъ отъ друга на разстояніи не свыше трехъ дней обыкновеннаго караваннаго пути. Замѣчательно при этомъ, что остъ-индское правительство отпускало на снаряженіе транспортовъ въ этой мѣстности ежемѣсячно 30,000 р.

Въ заключеніе считаемъ небезъинтереснымъ сообщить, что извѣстный храброю защитою Плевны, Османъ-паша, теперь уже находится въ Константинополѣ и, по волѣ султана, назначенъ главнокомандующимъ султанской гвардіи.

Великой Княгиней Екатериной Михаиловной учреждена въ Михайловскомъ дворцѣ амбулаторія, въ которой ампутированные штабъ- и оберъ-офицеры, пострадавшіе въ послѣднюю войну, могутъ получать безплатно искусственные руки или ноги.

На этотъ предметъ поступило отъ Е. И. Ламанскаго пожертвованіе 10,000 р., предназначающихся спеціально для пріобрѣтенія искусственныхъ рукъ и ногъ для ампутированныхъ воиновъ.

Городская дума г. Новгорода также проявляетъ свое вниманіе къ пострадавшимъ въ войну и постановила устроить домъ призрѣнія увѣчныхъ воиновъ на 40 человѣкъ и на вѣчныя времена, подъ названіемъ дома Императора Александра II.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета, въ виду возможнаго распространенія тифа среди студентовъ, ассигновалъ нѣкоторую сумму для раздачи бѣднѣйшимъ студентамъ, съ цѣлію улучшенія ихъ обстановки, собственно помѣщенія, питанія и доставки своевременной медицинской помощи.

Въ виду значительной убыли офицеровъ въ послѣдней войнѣ, рѣшено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сдѣлать выпускъ юнкеровъ послѣднихъ классовъ военныхъ училищъ, какъ напр., Павловскаго, Константиновскаго, Михайловскаго и т. д., причемъ для большаго сокращенія времени предположено ограничиться экзаменами только по особенно слабымъ успѣхамъ изъ какихъ либо предметовъ.

Обращаемъ вниманіе на открытіе городской станціи Николаевской линіи Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Станція находится въ домѣ Лѣсникова, на Невскомъ проспектѣ; на этой станціи будетъ производиться продажа пассажирскихъ и спальныхъ билетовъ, выдача справокъ по всѣмъ прямымъ сообщеніямъ большей скорости, приніятіе багажа, посылокъ и товаровъ на дому отправителей, срочная доставка грузовъ на домъ получателей, упаковка предметовъ и т. д. Станція принимаетъ отвѣтственность въ стоимости пересылаемыхъ вещей безъ взиманія съ отправителей страховой преміи. Но къ перевозкѣ недопускаются: письма, цѣнныя бумаги, золото и серебро въ слиткахъ, предметы громоздкіе и легковоспламеняющіеся.

Для поддержанія торговыхъ сношеній съ Сибирью морскимъ путемъ, г. Сибиряковъ, принимающій горячее участіе въ открытіи пути, зафрахтовалъ для предстоящей навигаціи пароходъ въ устья рѣки Енисея. Товары, назначенные для нагрузки этого парохода, по распоряженію г, Сибирякова, будутъ доставлены изъ Минусинскаго округа, Енисейской губерніи.

Вслѣдствіе неурожая прошлаго года изъ нѣкоторыхъ селеній Нижегородской губерніи семьи цѣлыми десятками вышли за сборомъ милостыни. Всѣ запасы уничтожены, покупать хлѣбъ не на что, такъ какъ хлѣбъ продается по 1 р. и 1 р. 15 к., а деревенскій работникъ получаетъ въ недѣлю всего отъ 80 к. до 1 р. 20 к.

Въ Чистополѣ, Казанской губерніи, дороговизна хлѣба все возрастаетъ, а рядомъ съ этимъ увеличивается число кабаковъ. Въ послѣднее время кабаки начали даже появляться на церковныхъ земляхъ. Хотя законъ и не запрещаетъ торговать виномъ на церковной землѣ, тѣмъ не менѣе и сами крестьяне относятся къ такой торговлѣ не сочувственно и въ селѣ Богородскомъ общество принималось хлопотать о закрытіи кабака, хотя хлопоты ихъ не имѣли почему-то желаннаго успѣха.

Изъ Приморской области пишутъ, что въ Камчатской епархіи духовенство сильно нуждается въ средствахъ къ жизни и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не имѣетъ даже хлѣба и питается только рыбой или мясомъ дикихъ животныхъ.

Пожары по прежнему дѣлаютъ намъ убытки. Въ теченіи февраля въ 75 губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ было до 2160 пожаровъ, принесшихъ убытковъ на огромныя суммы. Изъ общаго числа пожаровъ 640 произошли отъ неосторожности съ огнемъ и 254 отъ поджоговъ. Но эти печальные факты роковымъ образомъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ повторяющіеся, ве суть одни: есть еще волки, которые своимъ хищничествомъ вакосятъ тоже не малый вредъ нашему хозяйству. Такъ, напримѣръ, сообщаютъ газеты, что въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, за послѣдніе четыре года истреблено волками коровъ и лошадей на 25,000 руб.!

Весна уже заявляетъ себя. Изъ Ростова-на-Дону пишутъ, что 4-го марта рѣка Донъ вскрылась и началась навигація. Изъ Могилева-Подольскаго—что Днѣстръ вслѣдствіе быстраго таянія снѣга сильно разлился и причинилъ много несчастій прибрежнымъ жителямъ. Изъ Ревеля—что Ревельскій портъ уже совершенно чистъ отъ льда и 9-го марта всѣ пароходы стоявшіе въ немъ ушли въ море.

Телеграммою изъ Астрахани извѣщаютъ, что 14-го марта, Волга вскрылась и портъ очистился отъ льда. На дняхъ откроется морское сообщеніе съ Баку. Изъ Харькова сообщаютъ что 14-го марта, вслѣдствіе напора воды, обрушился мостъ на желѣзной дорогѣ, близь Сумъ.

Здоровье Ѳ. Ѳ, Трепова поправляется. По слухамъ онъ ѣдетъ за границу на долгосрочный отпускъ и болѣе не останется градоначальникомъ, передавъ свою должность генералъ-адъютанту Левашеву.

Мысли замѣчательныхъ людей.

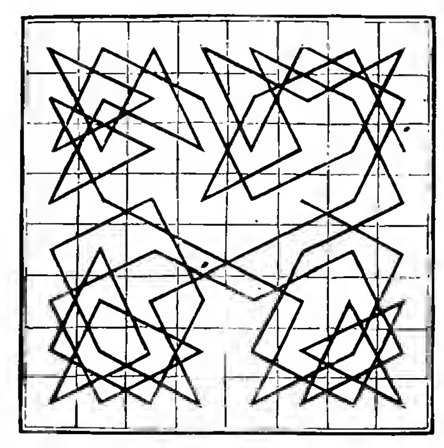
Правда возвышаетъ народы, правосудіе укрѣпляетъ престолы царей. (Притча, XIV, 35, XXV, 6).

Правда угодна Богу болѣе, чѣмъ жертвоприношеніе. Научайте сына вашего и онъ освѣжитъ душу вашу и наполнитъ блаженствомъ сердце ваше. *Соломонъ.*

Если вы любите землю, вы будете землей; если любите Бога, почти смѣю сказать, вы уподобитесь Богу. *Св. Августинъ.*

Нравственный міръ пользуется порядкомъ, какъ и міръ физическій. *Монтескье.*

Рѣшеніе задачи № 12.

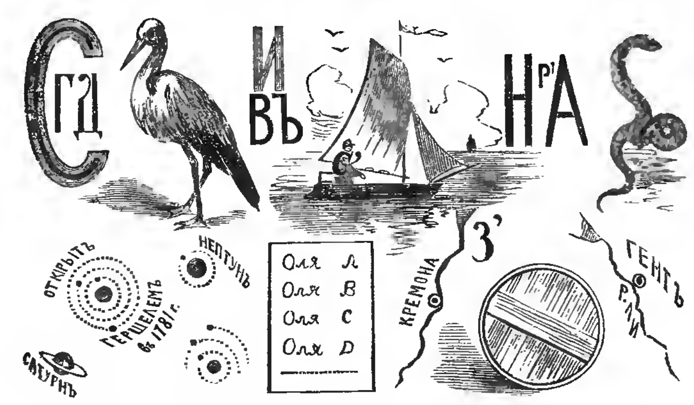
Рѣшеніе шахматной задачи, ходъ коня, помѣщенной въ № 12 „Нивы“.

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
На вѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.

Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ:
Ахъ, еслибъ могъ родиться снова,
Ужь такъ ли-бъ и тебѣ служилъ.

А. Пушкинъ.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса—въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Рѣшеніе шахматной задачи въ № 12.

Бѣлые.	Черные.
1) E 2 — E 3	1) C 6 — D 5
2) Конь B 2 — A 4 +	2) Кор. C 5 — C 4
3) Ферзь F 5 — F 1 + +	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

10. Петербургъ. Фонтанка. № 75. В. М—ову. Первое помѣстимъ, но только въ концѣ лѣта.

8. Кишиневъ. Г-ну Энасту. Присылайте, но только что нибудь по свѣжѣе соловья и розы, такъ давно состарѣвшихся.

Издатель А. Ф МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою СПБ. 24 Марта 1878 г

Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

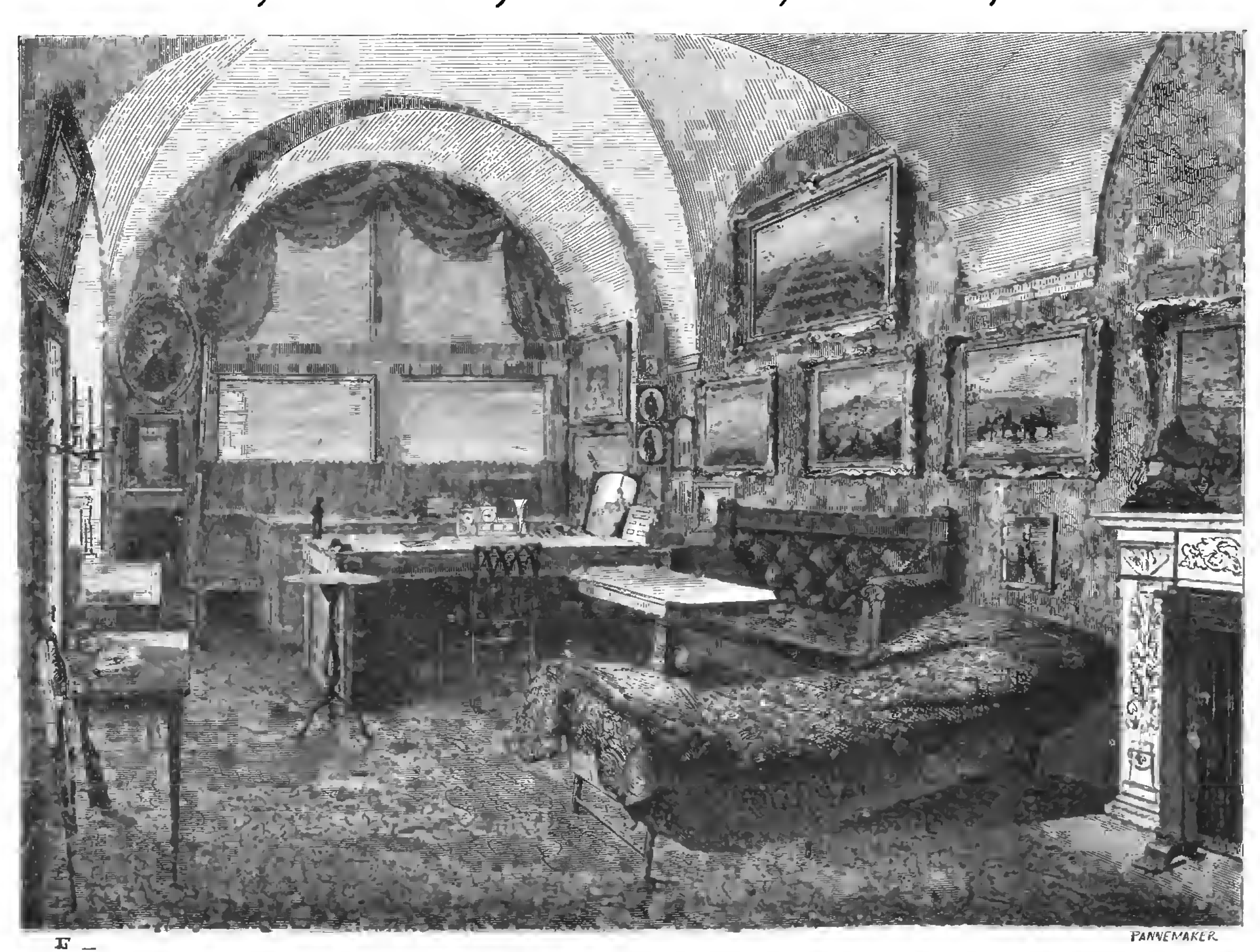
№ 14 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 3 Апрѣля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ съ 32 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину съ 27 разнообразныхъ буквъ иниціаловъ для мѣтки бѣлья.

Кабинетъ Императора Николая I.

Кабинетъ Императора Николая I, въ Зимнемъ дворцѣ въ СПб. Рис. Фламангъ, грав. Паннемакеръ.

Кабинетъ Императора Николая I.

Кабинетъ покойнаго Императора Николая I помѣщается въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца, въ С.-Петербургѣ, въ той части, которая обращена къ Адмиралтейству, въ правомъ выступѣ, ближайшемъ къ Невѣ, и занимаетъ въ длину всю его лѣвую часть, имѣя только одно окно по фасаду. Входъ въ него по нижнему корридору, съ такъ называемаго Салтыковскаго подъѣзда.

Нелишено, полагаемъ, интереса ознакомленія нашихъ читателей съ тѣмъ, въ какой комнатѣ жилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей, защитниковъ истинной свободы и правды, по слѣдамъ котораго неуклонно идетъ Его Царственный Сынъ.

При входѣ въ эту комнату невольно поражаешься ея простотою.

Потолокъ со сводами бѣлый, безъ всякихъ украшеній, стѣны оклеены простыми зелеными обоями съ темнымъ узоромъ, на полу во всю комнату простой петельный такого же цвѣта коверъ, вся мебель краснаго дерева самой простой работы, крытая зеленымъ русскимъ сафьяномъ. Портреты дорогихъ сердцу особъ: Императрицы, дѣтей Великихъ Князей и Княженъ, Брата Михаила Павловича,—нѣсколько произведеній ихъ собственной кисти, нѣсколько картинъ и небольшая бронзовая група испуганной лошади надъ распростертою подъ нею безчувственною женщиною;—затѣмъ все остальное—вещи самой первой необходимости, самаго дешеваго и простого вида, много лѣтъ, какъ видно, бывшіе въ употребленіи, вотъ вся обстановка этого святилища. Длина комнаты не болѣе 12, а ширина 7 аршинъ; два окна съ лѣвой стороны, въ углубленіи которыхъ помѣщаются: въ одномъ—два стула съ маленькимъ на тонкихъ точеныхъ ножкахъ столикомъ по серединѣ, а въ другомъ—мягкое кресло съ высокою прямою спинкою, стараго фасона, въ простѣнкѣ большое до полу зеркало въ гладкой рамѣ, съ двумя бра по бокамъ; передъ нимъ столикъ съ бритвенными принадлежностями, просто завернутыми въ бумагу и по сторонамъ: съ одной—палка и шпага, а съ другой—бельгійскій штуцеръ, какимъ были вооружены стрѣлковые батальоны. Въ окнѣ, противу входныхъ дверей, помѣщается стулъ и длинный, низкій шкафъ. На шагъ отъ него и параллельно, поперегъ комнаты, ближе къ правой стѣнѣ, стоитъ письменный столъ съ незатѣйливыми письменными принадлежностями, барометръ, часы, колокольчикъ, передвижной календарь и портретъ Императрицы, передъ нимъ кресло съ сквозною спинкою и съ боку маленькій круглый столикъ; рядомъ по стѣнѣ диванъ со столомъ передъ нимъ, на одной ножкѣ и въ плотную къ нему, поперегъ комнаты, деревянная, складная, объ осьми колескахъ кровать Императора, изголовьемъ къ стѣнѣ, покрытая сплошь старымъ, темносиняго цвѣта, поношеннымъ одѣяломъ изъ какой-то особенной матеріи, въ родѣ бумажной термоламы; въ ногахъ лежитъ старая офицерская шинель, замѣнявшая халатъ; надъ изголовьемъ портретъ Королевы Виртембергской Ольги Николаевны въ гусарской формѣ своего полка, ею же скомпанованной. Затѣмъ слѣдуетъ каминъ съ экраномъ и нѣсколько стульевъ, на одномъ изъ нихъ лежитъ сюртукъ безъ эполетъ, служившій домашнимъ костюмомъ Николаю Павловичу. По стѣнамъ и по сторонамъ оконныхъ углубленій развѣшены картины, по преимуществу семейные портреты, но есть нѣсколько небольшихъ картинъ фламандской школы, 4 этюда, въ то время еще Великихъ Княженъ Ольги и Маріи Николаевны, весьма хорошей работы, и затѣмъ 6 картинъ, изображающихъ различные эпизоды знаменитаго сбора цвѣта войскъ двухъ державъ, Россіи и Пруссіи, въ гор. Калишѣ Царства Польскаго, на границѣ Пруссіи, по случаю открытія чугуннаго монумента на площади замка, въ память заключеннаго здѣсь 25-го марта 1813 года, союза Императора Александра I съ Прусскимъ Королемъ Вильгельмомъ III. Вотъ вся обстановка этого кабинета. Какое-то необыкновенно странное чувство остается въ каждомъ послѣ посѣщенія этой комнаты, поражающей своей необыкновенной простотой: масса разнородныхъ вопросовъ, предположеній мѣняются въ головѣ однѣ за другими подъ вліяніемъ испытаннаго впечатлѣнія. Никакія посѣщенія всемірныхъ выставокъ и другихъ диковинъ не въ состояніи заставить мысль такъ работать, какъ посѣщеніе этого незатѣйливаго кабинета рыцаря Царя.

А. Н.

Бабушка.

(Очеркъ).

Къ подъѣзду высокаго четырехъ-этажнаго дома подъѣхалъ извощикъ, полость саней распахнулась и господинъ средняго роста, въ цилиндрѣ и теплой бекешѣ, быстрыми шагами вошелъ въ подъѣздъ. Поднявшись въ четвертый этажъ, онъ нетерпѣливо сталъ звонить, хмурясь послѣ каждаго звонка. Ясно было, что онъ стоялъ у своей квартиры и хмурое выраженіе его лица выражало непосредственный гнѣвъ на свою прислугу. Дернувъ звонокъ еще нѣсколько разъ, онъ сталъ усердно фыркать себѣ подъ-носъ, сдувая съ усовъ морозную пыль. Черезъ нѣсколько времени господинъ сталъ звонить еще нетерпѣливѣе, но вотъ наконецъ изнутри щелкнулъ замокъ и въ дверяхъ показалась очень милая, молодая особа, которая, пропустивъ его впередъ, сердито захлопнула дверь.

— Гдѣ-же Авдотья? Куда она дѣлась? проговорилъ господинъ съ замѣтной досадой.

— Авдотью я услала, сказала молодая особа довольно спокойно.—Ты всегда своими звонками перепугаешь и меня и дѣтей, замѣтила она съ видимымъ упрекомъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

— Да не могу-же я, душенька, мерзнуть полъ-часа на лѣстницѣ, сердито возразилъ ей господинъ, сбрасывая съ себя шубу. Въ слѣдующей комнатѣ онъ остановился и, вынувъ изъ жилетнаго кармана большіе серебряные часы, поднесъ ихъ къ самому носу молодой особы.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ онъ, тѣмъ болѣе, что уже сорокъ минутъ пятаго.

— Я это знаю и безъ тебя, спокойно замѣтила молодая особа и, отойдя къ кругленькому столику, на которомъ лежали альбомы и какія-то книги, медленно развернула она одну изъ нихъ, и склонивъ головку, стала перевертывать страницы.

Господинъ нѣсколько времени повертѣлся передъ дверью ведущею въ кабинетъ.

— Варвара Михайловна! сказалъ онъ раздражительнымъ тономъ, ты намѣрена ѣхать къ бабушкѣ?

— Ну-да, разумѣется, сказала та не отнимая глазъ отъ книги и такимъ тономъ, какъ будто-бы тутъ-же хотѣла прибавить: „что-же наконецъ ты ко мнѣ пристаешь“ или „что-же ты мнѣ надоѣдаешь такими вопросами“.

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, съ секунду побарабанилъ пальцами въ дно своего цилиндра и ушелъ, сильно хлопнувъ дверью.

Варвара Михайловна съ улыбкой закусила свою нѣжную, розовую губку.

Онъ, (супругъ Варвары Михайловны, Андрей Семеновичъ), войдя въ кабинетъ, швырнулъ на столъ портфель и замѣтно ворча себѣ подъ-носъ, началъ стаскивать съ себя фракъ.

— Боже, Боже мой, думалъ Андрей Семеновичъ, экій денекъ выдался! Бѣсятъ всѣ, всѣ до послѣдняго дворника, какъ по заказу!

Тутъ онъ сталъ припоминать событія дня.

Ему припомнилось, какъ утромъ онъ выругалъ и послалъ къ чертямъ дворника, который явился къ нему во время его утреннихъ занятій съ какимъ-то настоятельнымъ требованьемъ по хозяйственной части. Ему пришла на умъ также недавняя размолвка съ женою, гдѣ онъ наговорилъ ей много обиднаго, причемъ, какъ и самъ отчасти чувствовалъ, былъ передъ нею кругомъ виноватъ. Но, что больше всего выводило его изъ себя—это терпѣливое спокойствіе Варвары Михайловны, которая дѣйствительно выходила изъ всѣхъ домашнихъ препирательствъ какимъ-то героемъ неуязвимымъ и спокойнымъ. Холодное спокойствіе жены, какъ масло,

подливаемое въ огонь, еще болѣе кипятило бѣднаго Андрея Семеновича, готоваго вспыхнуть изъ-за каждаго пустяка!—Лучше было-бы, думалъ онъ зачастую послѣ семейныхъ вспышекъ,—лучше было-бы въ тысячу разъ, если-бы она разбранила меня на чемъ свѣтъ стоитъ, расплакалась, даже пожалуй съ истерикой или съ чѣмъ нибудь въ этомъ-же родѣ, приказала-бы мнѣ на глаза не показываться—это было-бы все таки лучше. Доходя до этого мѣста размышленія, онъ вдругъ получалъ неопредѣленное, но весьма сильное желаніе вскочить, побѣжать, отворить двери въ комнату жены и закричать: „вы не человѣкъ, вы камень!“ или „вы не женщина, я васъ терпѣть не могу!“ и т. п. Само собою разумѣется, что это желаніе никогда не приводилось въ исполненіе, ибо Андрей Семеновичъ обыкновенно въ ту-же минуту совершенно приходилъ въ себя и не только былъ въ состояніи удержать свои порывы, но даже самую мысль объ этомъ считалъ уже съумасбродною и глупою.

Кромѣ того ему вспомнилось также сегодняшнее посѣщеніе пансіона, гдѣ онъ преподавалъ Исторію и Русскую словесность и куда онъ явился просить впередъ денегъ; припомнилось, какъ содержательница пансіона, m-me Rivier, хотя въ вѣжливыхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ отказала ему въ его просьбѣ; какъ, выйдя на улицу, онъ называлъ ее старой вѣдьмой и скрягой; какъ потомъ онъ отправился въ редакцію одного извѣстнаго и почтеннаго журнала—справиться, скоро-ли просмотрятъ его „Библіографическій очеркъ за какое-то десятилѣтіе“ и какъ его весьма вѣжливо просили зайти черезъ недѣлю.

„Вѣчная недѣля!“ думалъ онъ.

Между тѣмъ, какъ голова его была занята цѣлымъ рядомъ подобныхъ размышленій, онъ поспѣшно переодѣлся, натянулъ сюртукъ и нѣсколько разъ прошелся щеткой по бородѣ и усамъ.

— Я готовъ, сказалъ онъ сухо и отрывисто, подходя къ дверямъ комнаты Варвары Михайловны.

— И я готова, раздался короткій, но ни мало не сердитый отвѣтъ.

— Ну, такъ что-жь дальше—если готова, то надо ѣхать...

— Конечно такъ, Андрей Семеновичъ, поѣдемте.

Она вышла въ прихожую, онъ медленно шелъ за нею, хмурясь.

— Ну-съ что-жь еще? отрывисто спросилъ онъ опять, когда она уже накинувъ шубку ждала его.

— Ничего. Я жду васъ...

— Ну, хорошо... Я готовъ...

Такъ порывисто и сердито рвалъ онъ слова, ясно высказывая этимъ, что находится „не въ духѣ“.

Минуту спустя они уже оба молча сидѣли въ саняхъ и ѣхали на Сергіевскую, къ бабушкѣ. Андрей Семеновичъ долго сидѣлъ молча и очень внимательно разсматривалъ вывѣски и магазины, точно видѣлъ ихъ всего только въ первый разъ.

— Фу, какая безграмотность: торговля красныхъ товаровъ. Мужичье! ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

— Что вы говорите Андрей Семеновичъ? спросила жена, принявъ ворчанье за вопросъ, къ ней обращенный,

— Ничего-съ.

— Ахъ, извините, отвѣтила она улыбаясь.

— Пожалуйста безъ извиненій! сухо отвѣтилъ онъ и порывисто отвернулъ голову въ сторону.

Гнѣвъ его все еще не успѣлъ улечься.

Подъѣзжая къ бабушкѣ, Андрей Семеновичъ какъ-то нечаянно заговорилъ съ Варварой Михайловной, совершенно забывъ, что онъ на неё дуется; а слѣзая съ извощика, у самаго подъѣзда бабушкиной квартиры, онъ предупредительно подалъ женѣ руку и оба они уже совершенно миролюбиво перебрасывались словами причемъ Варвара Михайловна мило улыбалась обнаруживая свои бѣлые, какъ жемчугъ зубы.

Войдя съ женой по лѣстницѣ, устланной во всю ширину затѣйливымъ ковромъ, Андрей Семеновичъ подавилъ пуговку электрическаго звонка, двери распахнулись и ихъ встрѣтилъ бабушкинъ камердинеръ Осипъ, сѣдой какъ лунь мулатъ, въ потертомъ ливрейномъ сюртукѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, который сейчасъ же осклабился во весь ротъ, должно быть при видѣ внучать своей госпожи. Пройдя довольно обширную и сильно навощенную залу, оба они ступили въ мягкій коверъ гостиной. Здѣсь при входѣ въ эту комнату или даже идя еще по залѣ они вновь перебросились двумя, тремя словами.

— Ну, что? не то съ насмѣшкой, не то съ упрекомъ прошепталъ онъ, косясь на жену.

— А ты что? небойсь присмирѣлъ, прошептала она въ отвѣтъ, мило улыбаясь.

— Ты сама присмирѣла, а не я: боишься небойсь бабушки-то!

— Что и говорить! не ты ли лучше побаиваешься!..

Онъ ее тронулъ легонько локтемъ въ бокъ, она его тоже—и замолчали; путь ихъ по залѣ уже былъ конченъ—они вошли въ комнату бабушки.

Въ углу, у стола, покрытаго кипсеками и альбомами въ глубокихъ креслахъ сидѣла бабушка въ накинутой на плечи душегрейкѣ и пышномъ чепцѣ и слушала какого-то толстаго господина въ pinçnez. Варвара Михайловна и Андрей Семеновичъ тотчасъ-же къ ней подошли и поздоровались.

— Опоздали, опоздали, укоризненно произнесла бабушка старчески разбитымъ голосомъ.—Ну, садитесь, добавила она, кашлянувъ нѣсколько разъ въ кружевной платокъ.

Тѣ сѣли, предварительно обмѣнявшись взаимными привѣтствіями съ другими сидящими, которыхъ впрочемъ, было немного: упомянутый уже толстый господинъ въ pinçnez и съ очень короткой шеей; тонкій господинъ, въ темномъ прилизанномъ парикѣ и въ корсетѣ; юноша блѣднолицый и худощавый, со степенною улыбкою на губахъ и маленькая, скорчившаяся старушка съ рожкомъ у праваго уха, въ чепцѣ съ палевыми лентами и кружевной мантильѣ. Разговоръ, какъ обыкновенно бываетъ при прибытіи новыхъ лицъ, принялъ нѣсколько обыденный характеръ; нѣсколько словъ было сказано о морозѣ; за тѣмъ кто-то упомянулъ о недавно пріѣхавшей артисткѣ французскаго театра, имѣвшей успѣхъ; два, три слова было вставлено вообще въ пользу всей французской труппы; наконецъ въ дверяхъ появился старикъ Осипъ и доложилъ, что „кушать подано“. Толстякъ въ pinçnez, котораго бабушка называла Васильемъ Орестовичемъ, поспѣшилъ помочь бабушкѣ подняться съ своего кресла и громко продолжая разговоръ, тихонько и осторожно повелъ ее въ столовую; Другіе за ними послѣдовали, причемъ господинъ въ корсетѣ велъ глухую старушку, а худощавый юноша и двое уже знакомыхъ намъ молодыхъ супруговъ пошли сзади, не переставая довольно тихо разговаривать. Разговоръ ихъ былъ въ сущности все тотъ-же милый перекоръ, шутливый и ничего уже не имѣвшій въ себѣ сердитаго. Они, какъ будто, сами теперь потѣшались надъ своей недавней ссорой.

— Ну, что? шепталъ онъ—притихла небойсь при бабушкѣ-то.

— А ты-то? ты-то? Ухъ, какой кроткій сталъ: вотъ-бы всегда такимъ былъ

— Ну, тише, тише...

Они вошли въ столовую. Гости стали усаживаться за обѣденный столъ.

Дамы уже усѣлись, а мущины обступили небольшой столикъ, который становится обыкновенно гдѣ нибудь въ уголку и украшается рядомъ бутылокъ, тарелокъ и вазочекъ съ вилками и ложками.

— Василій Орестовичъ! Иванъ Яковлевичъ! съ раз-

1) Желѣзнодорожная станція въ Шафгаузенѣ.

2) Зданіе съ башнею въ Шафгаузенѣ.

3) Учрежденіе для купанья.

4) Предмѣстье Фейэр-Таленъ противъ Шафгаузена.

5) Казино и мѣсто для прогулокъ.

6) Заведеніе для приготовленія турбинъ въ Шафгаузенѣ.

7) Гоге-флу (высокій флагъ).

8) Вилла Шарлотенфельсъ.

9) Флюрлингенъ.

10) Нейгаузенъ.

11) Желѣзнодорожная станція въ Нейгаузенѣ.

12) Швейцерговъ (напротивъ Рейнскаго водопада.

13) Замокъ Лауфенъ.

13a) Камера-Обскура (зданіе).

13b) Павильонъ.

13c) Кенцели.

d) Мѣсто для рыболовли.

14) Бухгальде.

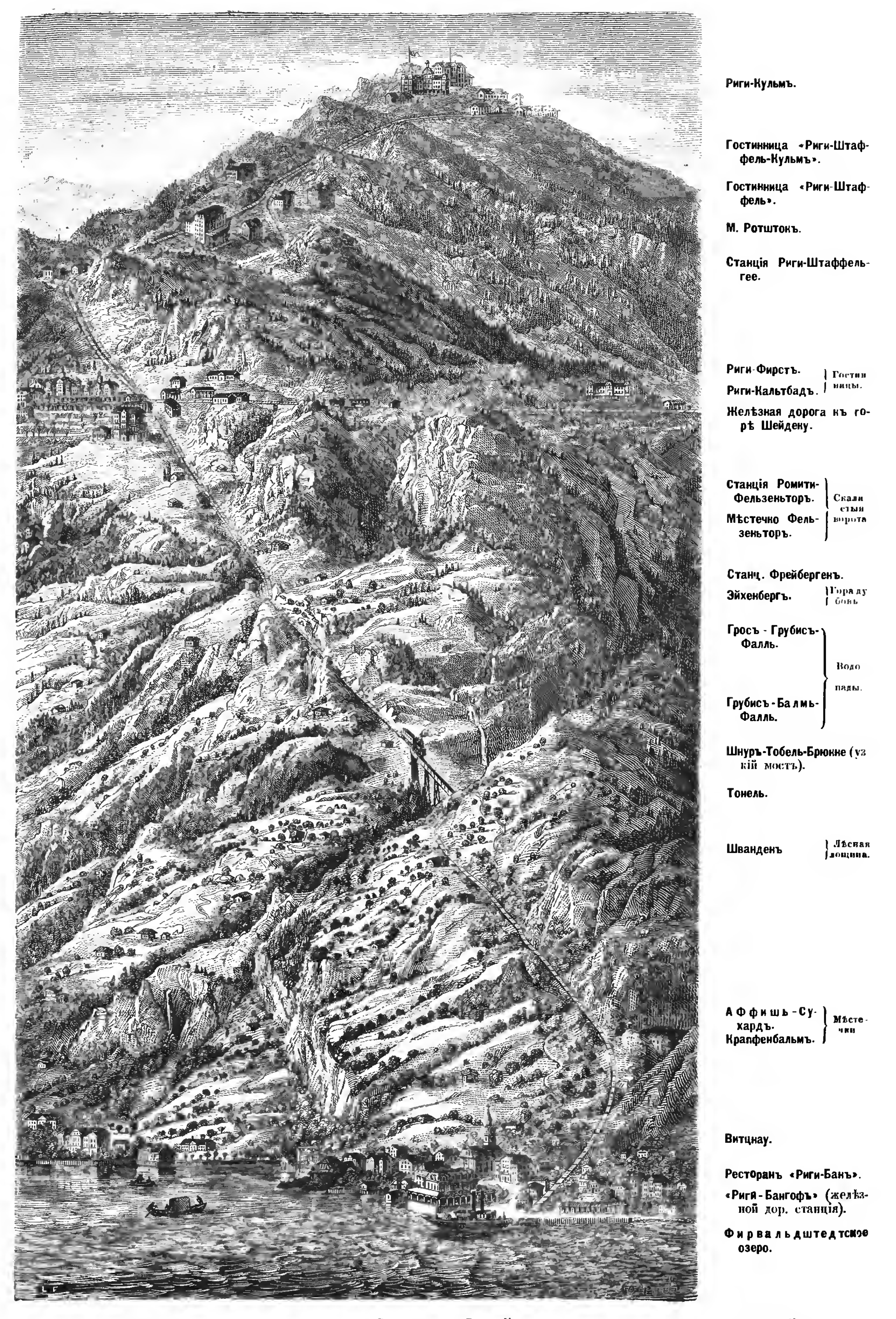
15) Маленькій замокъ Вертъ

16) Развалины Нейбурга.

17) Мѣстечко Ноль.

18) Станція Дахсенъ.

Видъ теченія Рейна отъ Шафгаузена до Швейцергофа у Рейнскаго водопада и оттуда до станціи Дахсенъ, взятый съ высоты птичьяго полета. Рис. Корради, грав. Нидермейеръ.

Видъ Люцерно-Ригійской желѣзной дороги отъ Витцнау до Риги-Кульма. Рис. Корради, грав. Нидермейеръ.

становкой и нѣсколько пѣвуче проговорила бабушка, васъ давно супъ ждетъ.

— Сію минуту, Арина Егоровна, сказалъ Василій Орестовичъ, повернувшись на одной ногѣ и затѣмъ снова ткнувши вилкой въ вазочку съ рыжиками и жестикулируя свободной рукой, что-то съ жаромъ объяснялъ Ивану Яковлевичу, который быстро моргалъ глазами и, поддакивая головой, усердно прожевывалъ кусокъ какой-то рыбы. Наконецъ всѣ чинно усѣлись за столъ и минуты двѣ хранилось молчанье, прерываемое только звономъ ложекъ. Бабушка первая нарушила тишину.

— Ну, что, Додо, (такъ она называла Андрея Семеновича), къ генералу, чай, ѣздилъ?

— Нѣтъ, бабушка, не ѣздилъ.

— Что-жь ты?

— Я, бабушка, отдумалъ.

— Какъ—это „отдумалъ"? съ удивленьемъ спросила она, такъ совсѣмъ и не поѣдешь?

— Да, думаю совсѣмъ не ѣздить.

Бабушка покачала головой и дряхлая рука ея такъ затряслась, что супъ изъ ложки опять полился въ тарелку.

— Вотъ представьте Василій Орестовичъ, заговорила бабушка довольно раздражительнымъ тономъ, приподнявъ свою худую и желтую, какъ пергаментъ руку по направленію къ Андрею Семеновичу.

— Вотъ представьте, который годъ добиваюсь, чтобы онъ поступилъ на службу, вездѣ прошу, вездѣ его хотятъ принять, а онъ—смѣется, отговаривается или сегодня согласится, а завтра или черезъ недѣлю совсѣмъ отдумаетъ... А?.. Что вы на это скажете?..

Василій Орестовичъ молча посмотрѣлъ на бабушку, погладилъ свою бороду, но ничего не сказалъ.

— Литературой занимается, проговорила бабушка еще съ большимъ раздраженіемъ и дѣлая особенное удареніе на словѣ *литература*, при чемъ вопросительно и съ какимъ-то вызывающимъ изумленіемъ посмотрѣла на Василія Орестовича, какъ будто спрашивала „каковъ?" или „хорошъ?"

— Писатель-съ, рекомендую, сердито закончила бабушка и довольно быстро стала кушать.

Василій Орестовичъ сначала молча повертѣлъ двумя красивыми, пухлыми пальцами ножку рюмки, затѣмъ погладилъ правой рукой свою бороду, при чемъ на указательномъ пальцѣ сверкнулъ довольно крупный солитеръ и затѣмъ уже съ разстановкой и слегка вздохнувши произнесъ „да-съ."

— Да-съ, повторилъ онъ, но я съ вами несогласенъ, Арина Егоровна, не согласенъ!..

Бабушка уставилась на него во всѣ глаза.

Но... прежде чѣмъ говорить, почему Василій Орестовичъ былъ съ бабушкой не согласенъ, я позволю себѣ сказать два, три слова о немъ самомъ.

Василій Орестовичъ служилъ по выборамъ, имѣлъ состояніе, представительную наружность, былъ чрезмѣрно полонъ, изящно одѣвался, бороду носилъ на парижскій манеръ, выражался свободно и кудряво, перѣдко даже остроумно, былъ большой либералъ и любилъ хорошій портвейнъ и гаванскія сигары. Кромѣ всего этого, благодаря своему общительному характеру и своему прекрасному повару, зпался съ знаменитостями всякаго рода, въ особенности-же съ литературными, изъ коихъ съ нѣкоторыми даже былъ на „ты."

— Несогласенъ, повторилъ Василій Орестовичъ, литературныя занятія—очень почтенныя занятія, вотъ напримѣръ N. (Тутъ Василій Орестовичъ назвалъ одного извѣстнаго современнаго писателя), онъ мой хорошій пріятель, вчера, напримѣръ, встрѣчаю его въ клубѣ, что, говорю, ты насъ ничѣмъ новенькимъ не подаришь?—А, вы, говоритъ, мотивовъ, подавайте мнѣ, мотивовъ! Нѣтъ, Арина Егоровна, трудъ писателя—это почтенный трудъ.

— Спорщикъ вы, вотъ что! спорщикъ—и неисправимый! Качая головой возразила бабушка.

— Я, Арина Егоровна, за истину стою...

— Да вѣдь и я, батюшка, тоже не за ложь стою... Только вѣдь въ томъ разница, что моя истина—для васъ не истина, а ваша для меня не истина... Значитъ, мы съ вами и не сойдемся...

— Н-да-съ, видно ужь не сойдемся.

Бабушка перемѣнила разговоръ и старалась казаться спокойной. Осипъ уже минуты двѣ стоялъ передъ нею съ блюдомъ.

Но чтобы читателю было ясно, какіе обстоятельства предшествовали этому обѣду, необходимо разсказать многое изъ прошлаго, унесеннаго давно, давно рѣкою времени въ пропасть забвенія.

Воскресимъ мы его здѣсь.

II.

Бабушка была женщина стараго покроя и никакъ не могла взять въ толкъ, какъ дворянинъ, да еще родовитый, можетъ не служить, а потому, какъ ни любила своего Додо, но все таки не въ состояніи была переносить его равнодушія къ службѣ, тѣмъ болѣе, что равнодушіе это она ставила въ вину себѣ самой, такъ какъ Андрюша выросъ на ея рукахъ.

Андрюша дѣйствительно на пятомъ году былъ уже круглымъ сиротою и остался на попеченіи у своихъ дѣдовъ. Дѣдушка былъ отставной артиллерійскій генералъ, маленькій, кругленькій и полный; безмѣрно уважалъ Кутузова, былъ глухъ на правое ухо, любилъ курить трубку, сидя у себя въ кабинетѣ, въ глубокихъ креслахъ и питалъ большое расположеніе къ орденамъ, причемъ Владимірскій крестъ находился у него неотлучно на столѣ вмѣстѣ съ бюваромъ, искусно вышитымъ шелками самою бабушкой, съ прессомъ изображающимъ Наполеона, скрестившаго руки и съ гипсовымъ слѣпкомъ съ ножки какой-то графини. Дѣдушка, не смотря на нѣкоторую суровость своего характера, зачастую любилъ пошутить съ своимъ маленькимъ внукомъ, но шутилъ довольно своеобразно: бывало ведетъ съ нимъ какую-нибудь забавную бесѣду, въ которой обыкновенно пресерьезно дурачитъ своего Андрюшу, да вдругъ придерется къ какому-нибудь невинному вопросу внука и скажетъ „а за это маленькихъ дѣтей сѣкутъ!" или сдѣлаетъ такіе страшные глаза, что маленькій Андрюша, испуганный, съ плачемъ бросается вонъ, къ бабушкѣ и прячетъ свою голову у ней на колѣняхъ.

Бабушка, сколь ни почитала и ни уважала дѣдушку, но обыкновенно являлась ему выговаривать за внука, на что дѣдушка смѣялся какимъ-то особеннымъ, беззвучнымъ смѣхомъ, при которомъ у него быстро колебалось все туловище, выскакивалъ чубукъ изъ-подъ сѣрыхъ нависшихъ усовъ и не скоро попадалъ обратно.

Впрочемъ дѣдушка не прочь былъ и приласкать своего внука, такъ, напримѣръ, нерѣдко онъ давалъ ему покатать по комнатамъ маленькую мѣдную пушку съ зряднымъ ящикомъ, которая Богъ-вѣсть съ какихъ поръ стояла у него подъ письменнымъ столомъ, или давалъ поиграть мушкетомъ или саблей, которая спрятана была въ замшевый чахолъ и стояла за шкапомъ.

Бабушка же была матерински привязана къ Андрюшѣ и увѣряла всѣхъ и каждаго, что онъ „двѣ капли—отецъ"; возила его по игрушечнымъ магазинамъ; любовалась, когда онъ довольно ловко расшаркивался съ гостями и называла его почему-то не Андрюшей, а Додо.

Наконецъ Андрюша сталъ подростать и старики порѣшили отдать его въ корпусъ; но этому не суждено было осуществиться — дѣдушка приказалъ долго жить, а бабушка, не смотря на крайнее желаніе отдать Андрюшу въ корпусъ, принуждена была по разнымъ

обстоятельствамъ помѣстить его въ гимназію, гдѣ, впрочемъ, очень кстати былъ ей хорошо знакомъ самъ директоръ. Съ этихъ поръ бабушка видѣла своего внука только по праздничнымъ днямъ, а по буднямъ если пріѣзжала къ нему въ пріемные дни и то на самое короткое время, такъ что успѣвала только поцѣловать его въ лобъ и передать корзиночку съ пирожнымъ и какую-нибудь книжку съ картинками. Наконецъ Андрюша окончилъ гимназическій курсъ и по собственному желанію поступилъ въ Университетъ.

Съ этого времени въ отношеніяхъ внука къ бабушкѣ произошло нѣчто странное: бабушка была глубоко огорчена и обижена рѣшительнымъ нежеланіемъ Андрюши жить вмѣстѣ съ нею, который кромѣ того перестадъ даже ежедневно обѣдать у нея и рѣшительно отказывался отъ денегъ. Бабушка жаловалась на него всѣмъ своимъ знакомымъ, въ особенности глухой старушкѣ, которая была ея подругой; увѣряла, что она нестолько огорчена его непочтительностью, сколько тѣмъ, что онъ не беретъ у нея денегъ и тѣмъ также, что онъ. бѣдный, живетъ очень плохо и окруженъ какими-то семинаристами, о чемъ ей сообщилъ старый мулатъ, котораго она неоднократно посылала развѣдать о своемъ Додо, и котораго тотъ не разъ прогонялъ въ три шеи. Но бабушкѣ готовилось еще большее огорченіе; въ одно утро она узнала, что Андрюша женился и женился на пансіонской учительницѣ!

— Слышала! воскликнула бабушка, обращаясь къ своей подругѣ, глухой старушкѣ.

— Что, матушка Арина Егоровна, что, родная! плаксиво спрашивала старушка.

— Женился! Женился!..

— Кто-же? Кто-же это женился, кто это такой человѣкъ... спрашивала тревожно старушка, видя что на бабушкѣ, какъ говорится, лица нѣтъ.

— Онъ женился! Онъ! Мой Додо! На учи-те-ль-ни-цѣ-ѣ!.. Слышишь! На учительницѣ!.. Ахъ! какой ужасъ!

— Ахъ, какой ужасъ! плаксиво поддержала старушка!..

— Непростительная ошибка!..

— Да-съ, матушка, непростительная ошибка...

Голова бабушки долго тряслась на плечахъ, выражая ея душевное безпокойство.

Съ этого дня бабушка совершенно охладѣла къ внуку; съ этихъ поръ она уже больше никому не жаловалась на него, даже глухой старушкѣ и совершенно перестала о немъ говорить, какъ будто бы его и не существовало. Если случалось, что кто-нибудь изъ ея знакомыхъ случайно вспомнитъ объ Андрюшѣ и спроситъ ее: „А что, Арина Егоровна, какъ поживаетъ Андрей Семеновичъ?“—то бабушка, какъ будто совсѣмъ не разслыша вопроса, повернетъ разговоръ въ другую сторону или невзначай спроситъ: „а что, чай, сегодня морозитъ?“ или „сегодня, кажись, хорошо на улицѣ?“ и т. п. Но съ этого времени бабушка какъ-то усерднѣе засѣла за стуколку; два вечера въ недѣлю къ ней пріѣзжали глухая старушка, Иванъ Яковлевичъ въ корсетѣ, одинъ старичокъ, отставной генералъ и еще кто-нибудь, еще вечера два она ѣхала къ другимъ для стуколки. По утрамъ бабушка еще старательнѣе стала заниматься собственноручною уборкою дѣдушкинаго кабинета, который съ самой кончины дѣдушки былъ неприкосновененъ и остался въ томъ же точно видѣ, въ какомъ былъ при жизни покойнаго. Мебель была разставлена въ томъ же порядкѣ, тамъже стояли шитыя кресла, бюро, пробитое съ одной стороны штыкомъ француза въ 12 году, штативъ съ чубуками, бисерными, черешневыми, шелковыми узорными. Портреты въ рамахъ и т. д.

Наружность письменнаго стола тоже составляла предметъ постоянныхъ заботъ бабушки, которая очень хлопотала, чтобы и бюваръ и прессъ-папье въ видѣ Наполеона и гипсовая дамская ножка и т. д.—все бы осталось на своихъ мѣстахъ. И, странное дѣло, даже воздухъ въ дѣдушкиномъ кабинетѣ былъ проникнутъ тонкимъ, неуловимымъ запахомъ жуковскаго табаку и сигаръ. Словомъ, все было въ своемъ первобытномъ видѣ; бабушка даже не пропускала одного дня, чтобы не повернуть винтики на стѣнномъ календарѣ съ числами и названіями мѣсяцевъ и дней, какъ это дѣлалъ дѣдушка; при этомъ бабушка нерѣдко взглядывала на портретъ, который висѣлъ надъ календаремъ и который изображалъ какого-то генерала съ деревяшкой вмѣсто ноги и съ планомъ въ рукѣ. Если въ это время подлѣ бабушки кто-нибудь случайно находился, то она всегда съ важностью начинала говорить о достоинствахъ и хорошихъ качествахъ безногаго генерала, причемъ называла его не по фамиліи, а прямо Иваномъ Онуфріевичемъ, какъ будто слушатель непремѣнно долженъ былъ знать, кто такой этотъ Иванъ Онуфріевичъ.

Хотя дѣйствительно бабушка словно совсѣмъ забыла о своемъ Андрюшѣ, но въ сущности онъ ни на минуту не выходилъ изъ ея головы. Думала она о немъ постоянно. Думала, сидя одна одинешенька въ темной комнатѣ передъ потухающимъ каминомъ; думала, стоя по долгу передъ его портретомъ, гдѣ онъ былъ изображенъ розовенькимъ мальчикомъ съ мягкими, бѣлокурыми локонами; думала, наконецъ, передъ сномъ, лежа въ постели и держа въ своихъ дряхлыхъ рукахъ открытое евангеліе, въ которое она устремляла свой задумчивый, неподвижный взглядъ. Но бабушка думала о немъ какъ о чемъ-то несуществующемъ, какъ о томъ Андрюшѣ, который когда-то былъ, котораго она когда-то ласкала и горячо прижимала къ своей старой груди, но котораго теперь нѣтъ и который Богъ-вѣсть куда пропалъ.

(Окончаніе въ слѣд. №) А. Ремезовъ.

Движенія небесныхъ свѣтилъ въ міровомъ пространствѣ.

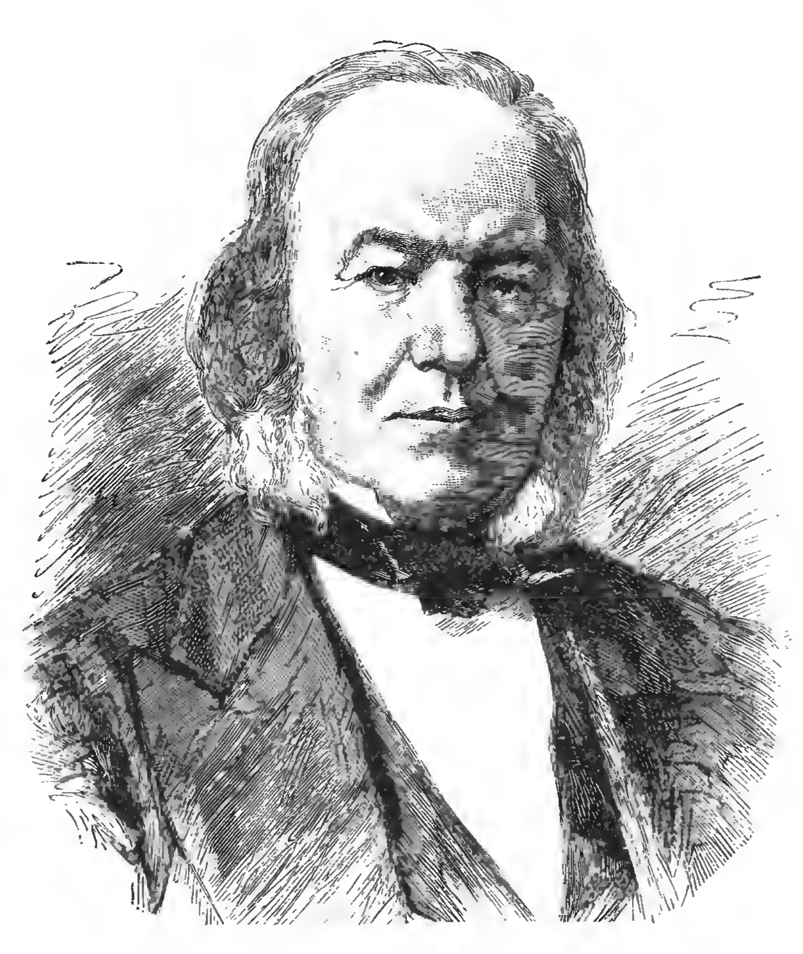
(Окончаніе).

Во время нашего новолунія, если смотрѣть съ Луны, Земля должна казаться *цѣлымъ* шаромъ. Но лишь только этотъ шаръ совершитъ движеніе около своей оси, какъ мы замѣтимъ, что у праваго края этотъ шаръ начинаетъ *убывать*, а по истеченіи 7 земныхъ дней, онъ будетъ представляться намъ въ фигурѣ послѣдней четверти, при чемъ лѣвая половина шара освѣщена, а правая находится въ тѣни. Но границы между свѣтлою и тѣневою частью представляются не столь рѣзкими, какъ у Луны разсматриваемой съ Земли, и не раздѣляются зубчатою чертою, и это, вопервыхъ, потому, что возвышеній на Землѣ сравнительно гораздо меньше, чѣмъ на Лунѣ и представляются не столь крутогорыми, какъ на послѣдней, а за симъ также и земная атмосфера, посредствомъ преломленія свѣтовыхъ лучей, переходитъ грань, раздѣляющую тѣневую половину рамки отъ свѣтовой. Но вотъ наблюдая далѣе съ Луны, мы видимъ, что на восточномъ горизонтѣ подымается солнце, безъ предшествовавшихъ сумерекъ; правда, блескъ этого солнышка ослѣпителенъ, но поверхность его представляется меньшею поверхности Земли, и Земля при этомъ не исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, потому что мы не освѣщены атмосфернымъ воздухомъ. Но вотъ все ближе и ближе Солнце подвигается къ Землѣ и все уже и уже становится ея освѣщенная часть; но даже тогда, когда Солнце проходитъ уже близко Земли, послѣдняя не дѣлается совершенно невидимою, потому что и тогда земная атмосфера образуетъ вокругъ темнаго шара крону изъ пучковъ красноватыхъ лучей. Но гораздо болѣе поразительнымъ представляется это при томъ явленіи, которое мы называемъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ. Тогда солнечный шаръ скрывается позади Земли на долгое время, можетъ быть на 1½ часа; но атмосфера Солнца все таки сохраняетъ свое дѣйствіе подобно исполинскому зажигательному стеклу, переносящему, посредствомъ преломленія, лучи Солнца на Луну. При этомъ лучи болѣе короткихъ волнъ всасываются парами атмосферы, напротивъ—лучи, длина волнъ

которыхъ значительнѣе, сходятся вмѣстѣ, преломляются и концентрируются на поверхности Луны. Вслѣдствіе этого и самый свѣтъ имѣетъ сильно багровую окраску; вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ и возвышеніе температуры, такъ какъ тепловые лучи, обладающіе большимъ, чѣмъ свѣтовые, протяженіемъ волнъ, преломляются слоями земной атмосферы.

Но какой видъ будетъ представлять противоположное явленіе, которое мы, правда не совсѣмъ точно, обозначаемъ *затмѣніемъ солнца*. Представимъ себѣ, что Луна до того незначительна по величинѣ, что ея мизерная тѣнь только тогда достигаетъ Земли, когда Луна находится относительно послѣдней очень близко; при среднемъ же разстояніи отъ Земли эта тѣнь едва касается ея; а полутѣнь, при среднемъ отдаленіи отъ Земли, напротивъ, имѣетъ поперечникъ до 900 миль, слѣдовательно, равняется болѣе чѣмъ половинѣ земнаго поперечника. Отсюда выходитъ, что при наблюденіи съ Луны затмѣніе является намъ въ *видѣ сѣраго пятна*, средина котораго, при совершенномъ затмѣніи, представляется совершенно *черною*. Но по краямъ нѣкоторыя точки земной поверхности все еще освѣщаются многими солнечными лучами, такъ что съ Луны совершенно нельзя замѣтить, что степень освѣщенія тамъ нѣсколько ослабла. Оттого-то окутанный тьмою дискъ кажется далеко меньше своихъ дѣйствительныхъ размѣровъ.

Теперь — нѣсколько словъ о періодическихъ отклоненіяхъ Земли. Она отклоняется по *двумъ* причинамъ: вопервыхъ потому, что ось вращенія луны не соотвѣтствуетъ перпендикуляру, опущенному (мысленно на плоскость пути, по которому совершается вращеніе), но отклоняется отъ перпендикулярнаго направленія на 6½°. Поэтому-то сѣверная половина этой оси отклонена къ намъ, такъ что мы можемъ даже смотрѣть нѣсколько поверхъ сѣвернаго полюса Луны и наоборотъ: Земля наша должна казаться обитателямъ

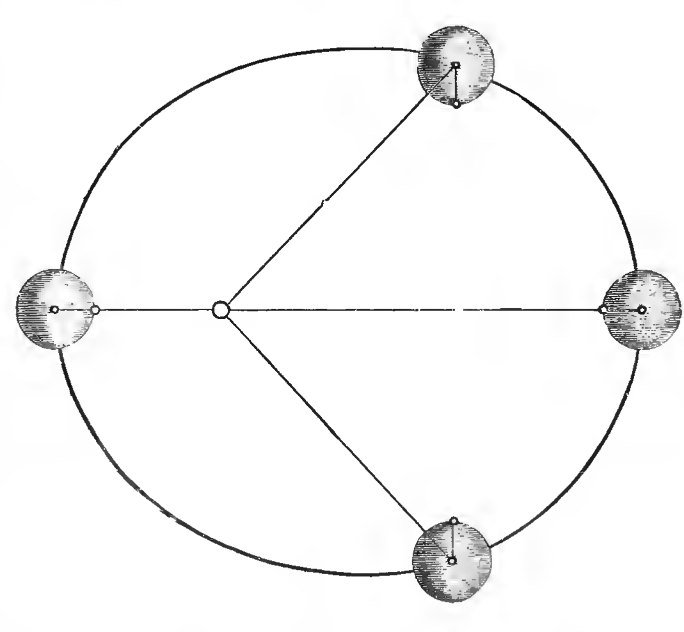
Клодъ Бернардъ. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Общій видъ города Санъ-Стефано. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Русская деревенская красавица. Картина Амберга.

Луны болѣе отодвинутою къ сѣверу. Но въ противоположномъ случаѣ мы легко обозрѣваемъ южный полюсъ и Земля кажется намъ, такъ сказать, отодвинутою болѣе къ югу. Слѣдовательно, въ теченіе мѣсяца Земля разъ уклоняется къ сѣверу и разъ къ югу, отступая приблизительно на $6^{1}/_{2}°$ отъ средней высоты. *Вторая* причина отклоненія состоитъ въ томъ, что Луна описываетъ около Земли не кругъ, а эллипсъ (фиг. 7). Коль скоро, слѣдовательно Луна находится въ самой *близкой* или въ самой *отдаленной* точкѣ относительно Земли (какъ говорятъ, въ *перигеѣ* и *апогеѣ*), то извѣстная опредѣленная точка ея бываетъ прямо обращена къ Землѣ; въ междулежащихъ же (т. е. между перигеемъ и апогеемъ) частяхъ луннаго пути, напротивъ, является намъ таже самая точка или отодвинутою дальше къ *западу*, такъ что мы, смотря на лунный дискъ, обращаемся лицомъ нѣсколько болѣе къ востоку,—или же она представляется отодвинутою далѣе на востокъ, и оттого намъ представляется болѣе видимою западная часть Луны. Соотвѣтственно этому и жители Луны видятъ землю уклоняющеюся то къ востоку, то къ западу отъ средней линіи пути, и въ томъ и другомъ случаѣ при условіяхъ отдаленія отъ этой линіи приблизительно на 8°. Оба эти явленія носятъ названіе *либраціи*, и первая либрація называется *либраціей широты*, а вторая—*либраціей долготы*. Благодаря этимъ либраціямъ, жителямъ Луны Земля представляется совершающею движеніе по эллипсу, большая ось котораго параллельна съ плоскостью пути Луны,—и при этомъ описываетъ на небѣ дугу почти въ 16°, тогда какъ малая ось этого эллипса, образующая прямой уголъ съ первою описываетъ дугу около 13°.

Фиг. 7.

Теперь вообразимъ себѣ, что мы перенеслись на центральное свѣтило нашей системы—на *Солнце*, предположимъ только при этомъ, что наши глаза не ослѣпнутъ отъ блеска Солнца, но что, напротивъ, мы съ Солнца можемъ свободно созерцать міровое пространство. Мы увидимъ тогда, что планеты пробѣгаютъ около насъ перекрещивающимися путями и съ различною быстротою; мы увидимъ далѣе, что для *большихъ* планетъ эти пути только лишь незначительно отклоняются другъ отъ друга и что скорость, съ которою каждая планета движется впередъ, впродолженіе всего оборота, измѣняется весьма мало; и отношенія ихъ взаимныхъ разстояній столь же мало обращаютъ на себя наше вниманіе, какъ и ихъ недостатокъ въ собственномъ свѣтѣ,—такъ какъ онѣ постоянно обращаютъ намъ освѣщенную сторону. Если такимъ образомъ обитателю Солнца съ самаго начала была извѣстна и ясна Коперникова система, если онъ никогда не впадалъ въ древне-египетскія заблужденія и въ ошибочныя мнѣнія *Птоломея* или *Тихо-Браге*, то все таки для него законы, по которымъ совершается движеніе планетъ (открытые намъ великимъ Кеплеромъ) должны остаться *вѣчною загадкой*. И здѣсь имѣетъ силу правило, что тотъ, кто находится въ срединѣ и самомъ центрѣ движенія, всего менѣе можетъ понять законы этого движенія...

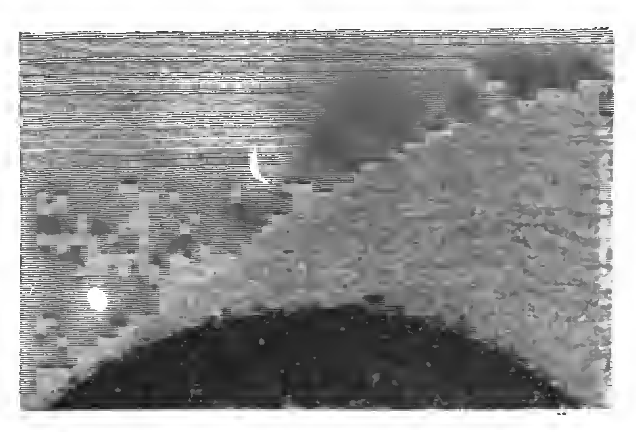
Между другими небесными тѣлами избираемъ мы, въ нашей прогулкѣ, станціи на *двухъ—Юпитерѣ* и *Сатурнѣ*.

Если наблюдать *Юпитера* въ хорошій телескопъ, то можно видѣть на его поверхности параллельныя свѣтлыя и темныя полосы, которыя справедливо называютъ туманно-облачными образованіями его атмосферы. Итакъ Юпитеръ, повидимому, закутанъ въ воздушный покровъ, который, конечно, вслѣдствіе обилія испареній значительно затрудняетъ кругозоръ при наблюденіи небеснаго пространства, а съ другой стороны сильно преломляетъ свѣтъ. Изъ расположенія этихъ полосокъ, о которыхъ думаютъ, что онѣ идутъ по одному направленію съ экваторомъ, сдѣлали заключеніе, что Юпитеръ вращается около оси, которая почти перпендикулярна къ плоскости пути своего вращенія и отклоняется отъ этого перпендикулярнаго направленія только на 3 градуса. А возвращеніе въ прежнее положеніе отдѣльныхъ пятенъ показываетъ, что осевое вращеніе Юпитера совершается въ періодъ времени меньшій 10 часовъ. Итакъ если бы мы, избравъ свою станцію на Юпитерѣ, могли проникнуть глазами сквозь окружающую его густую атмосферу, то мы увидѣли бы, что самое небо совершаетъ свое кажущееся вращеніе около своей оси въ 10-ти часовой періодъ, и что при этомъ Солнце, кажущееся намъ отсюда хотя и блестящимъ, но слишкомъ малымъ дискомъ, движется отъ одного созвѣздія къ другому слишкомъ медленно, такъ что для своего полнаго оборота оно требуетъ не менѣе какъ 4332 земныхъ дня или 10,485 юпитеровыхъ дней. Годъ Юпитера состоитъ, слѣдовательно, изъ 10,485 юпитеровскихъ дней; но при этомъ времена года на этой планетѣ едва различаются между собою, потому что для каждой точки его поверхности различіе между наибольшею и наименьшею высотою, которой достигаетъ солнце въ полдень,—доходитъ едва-едва до 6°, тогда какъ на Землѣ эта разница составляетъ 47°.

Фиг. 8.

Фиг. 9.

Ночь на Юпитерѣ освѣщается 4-мя лунами (фиг. 8), пути которыхъ, относительно плоскости пути самаго Юпитера, имѣютъ столь малыя отклоненія, что при каждомъ оборотѣ *трехъ* внутреннихъ лунъ, каждая изъ нихъ претерпѣваетъ затмѣніе, точно также какъ и Солнце закрывается каждою изъ этихъ лунъ! Только у *четвертой* луны происходитъ затмѣніе не при каждомъ ея оборотѣ. Теперь вопросъ: какъ велики эти луны? Найдено, что ихъ поперечники равняются 529.475,776 и 664 милямъ, что ихъ среднее разстояніе достигаетъ 60,000, 96,000, 153,000 и 270,000 миль, что поперечникъ для первой луны является подъ угломъ въ *36',4"*, для *второй* въ *16'59"*, для *третьей* въ *17'25"* и для четвертой въ *8'27"*. Первая луна представляется равною по величинѣ нашему земному проводнику, вторая и третья составляютъ половину его величины, а четвертая только 1/4 этой величины. Солнце по причинѣ значительно большаго разстоянія представляется здѣсь только подъ угломъ въ 6'5", слѣдовательно при каждомъ затмѣніи какой-либо изъ лунъ Солнце закрывается, такъ что на Юпитерѣ цен-

тральныя солнечныя затмѣнія представляются всегда *полными* и никогда *кольцеобразными*. По причинѣ обильнаго испаренія атмосферы Юпитера, лучепреломленіе на немъ должно быть весьма велико и если спутники (луны) Юпитера, при ихъ затмѣніяхъ внезапно исчезаютъ въ нашихъ телескопахъ, то обитателямъ главной сопровождаемой ими планеты они еще долго должны быть видимы въ своемъ красно-багровомъ свѣтѣ. Если представить, какую имѣютъ важность, затмѣнія нашей луны напримѣръ, для опредѣленія долготъ, то легко понять, какую выгоду жители Юпитера могутъ извлечь изъ своихъ лунъ, такъ какъ уже только 3 внутреннія луны *ежедневно* производятъ 1 солнечное и 1 лунное затмѣніе.

Наконецъ, небо планеты *Сатурнъ* (фиг. 9) украшено даже 8-ю лунами, и засимъ глазу наблюдателя является еще кольцо, окружающее эту планету, можетъ быть въ самомъ святилищѣ Млечнаго пути. На этомъ кольцѣ проектируется или отражается тѣнь (бросаемая самою планетой) въ видѣ темноватой полосы. Но эта тѣнь не имѣетъ той интенсивности, какою обладаютъ тѣни, бросаемыя тѣлами на нашей Землѣ, при свѣтѣ Солнца; потому что Солнце, отстоя отъ Сатурна почти въ 10 разъ дальше чѣмъ отъ земли, дѣйствуетъ на разсматриваемую планету только 1/400 свѣта и тепла, сравнительно съ Землею. Времена года на Сатурнѣ, въ теченіе періода полнаго его вращенія, простирающагося почти до 30 нашихъ земныхъ годовъ, правда, характеризуются рѣзче, чѣмъ на Юпитерѣ, такъ какъ наклоненіе къ экватору простирается на Сатурнѣ болѣе чѣмъ до 28°. Но при чрезвычайно маломъ вліяніи, которое здѣсь вообще оказываетъ Солнце—это обстоятельство не имѣетъ большого значенія. И чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться въ планетной системѣ къ послѣднимъ членамъ этой системы, тѣмъ болѣе теряетъ Солнце то значеніе, какое имѣетъ оно у насъ; за то здѣсь оказывается значительное количество другихъ небесныхъ тѣлъ, оживляющихъ небесный сводъ, напримѣръ, лунъ и другихъ странныхъ сбразованій, въ родѣ колецъ и проч., но это населеніе, сравнительно съ звѣздами нашего неба, можно назвать скуднымъ и малымъ. Наше небо имѣетъ характеръ *монархіи*, хотя монархіи ограниченной, такъ какъ властитель (Солнце) дѣлитъ свою власть съ Луною, которая въ свою очередь, сама зависитъ отъ Земли. Для *Меркурія* же, *Марса* и, быть можетъ, *Венеры*, Солнце представляется неограниченнымъ властелиномъ; но чѣмъ дальше мы удаляемся отъ Солнца какъ центра, къ окружности міровъ, тѣмъ менѣе оказывается зависимость ихъ отъ этого свѣтила.

Къ рисункамъ.

Желѣзнодорожная прогулка въ Швейцарію.

Для русскаго туриста путь къ одному изъ великолѣпнѣйшихъ пунктовъ Швейцаріи—горы *Риги*, можетъ быть, напримѣръ, такой: отъ *С.-Петербурга* чрезъ Кенигсбергъ, Данцигъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Эйзенахъ, Франкфуртъ, Гейльдельбергъ, Баденъ, до Констанцскаго (или Боденскаго) озера, черезъ Констанцъ, Цюрихъ и Люцернъ до горы Риги; или изъ Франкфурта, напримѣръ, не на Гейдельбергъ, а далѣе къ западу, на Майнцъ, Страсбургъ и Базель къ Люцерну, до той же горы Риги. Путь этотъ важенъ потому, что на его зигзагѣ путешественникъ можетъ посѣтить въ высшей степени интересные въ историческомъ отношеніи города Страсбургъ и Базель. Засимъ, направляясь въ тотъ же пунктъ изъ Москвы и не усложняя своего путешествія посѣщеніемъ другихъ европейскихъ городовъ, русскій туристъ можетъ ѣхать на Вѣну, Аугсбургъ, Линдау, къ тому же Боденскому озеру и затѣмъ на Констанцъ и Люцернъ до горы Риги.

О горѣ Риги и проложенной по ней желѣзной дорогѣ въ „Нивѣ" было уже не разъ говорено, но этимъ не исчерпывается интересъ мѣстности, столько же разнообразной по своему характеру, сколько поучительной по тѣмъ результатамъ, какихъ достигло на ней трудолюбіе и знаніе. Съ высотъ, доступныхъ путешественнику, ему открывается здѣсь одна изъ роскошнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ панорамъ въ мірѣ. Вотъ почему туристы всѣхъ странъ издавна съ охотою посѣщали контонъ Швицъ вообще и гору Риги и ея окрестности въ частности.

Если придется ѣхать къ Риги черезъ Германію, то здѣсь существуютъ *три* главные пункта и три желѣзнодорожные пути, по которымъ, съ одинаковою выгодою и скоростью, можно отправляться: 1) или на *Базель* (на границѣ *Эльзаса* и Германіи, въ собственномъ смыслѣ) или 2) дорогою, которая проведена къ *Шафгаузену* (у Рейнскаго водопада) или 3) черезъ *Боденское* озеро, лежащее къ югу отъ Вюртемберга.

Означивъ эти пути, ознакомимся съ значеніемъ и отчасти исторіей важнѣйшихъ швейцарскихъ городовъ, имѣющихъ весьма типическій характеръ. Начнемъ съ *Базеля*.

Базель имѣетъ до 44.830 жителей (изъ которыхъ 1/4 составляютъ католики). По значительности банковыхъ оборотовъ и по процвѣтанію фабрикаціи шелковаго производства—это одинъ изъ первыхъ городовъ въ Европѣ. Исторически этотъ городъ получилъ громкую извѣстность *Базельскимъ* вселенскимъ соборомъ (вселенскимъ только для западной церкви, продолжавшемся съ перерывами, отъ 1431 до 1448 г. направленнаго преимущественно противъ *Гусситовъ* и составлявшаго по существу дѣла продолженіе *Констанцскаго* собора (1414 г.)

Окрестности Базеля живописны. Ими можно любоваться проѣзжая по такъ называемой „Центральной желѣзной дорогѣ".

Неподалеку здѣсь находится прорытый въ отвѣсной горѣ *тоннель Гауэнштейнъ*, составляющій пространство 5 минутъ нормальной желѣзнодорожной ѣзды. На пути отсюда къ Люцерну—Земпахское озеро (уже недалеко отъ Люцерна, къ сѣверо-западу отъ него). При этомъ озерѣ въ 1386 г. происходила классическая битва, въ которой надъ славною смертью миѳическій національный герой Швейцаріи, *Арнольдъ-Винькерридъ*, произнеся знаменитыя слова, сдѣлавшіяся потомъ девизомъ всѣхъ швейцарскихъ предводителей: *„Я хочу пробить дорогу свободѣ"*.

Отъ Базеля по направленію къ *Риги*, на берегу *Фирвальдштедтскаго* озера находится гор. *Люцернъ*.

Люцернъ расположенъ между предгоріями *Гючъ-вальда* (на западѣ) и возвышенностями *Гомберга* (на востокѣ), вдоль теченія рѣки Рейсса, цвѣтъ воды которой уподобляется свѣжей зелени листьевъ. Люцернъ издавна былъ мѣстомъ лѣтняго свиданія всѣхъ путешествующихъ по Швейцаріи иностранныхъ туристовъ. Это потому—что городъ расположенъ на *Фирвальштедтскомъ* озерѣ, которое, вмѣстѣ съ окружающими его зубцами горъ, окутанныхъ туманомъ, представляетъ одну изъ великолѣпнѣйшихъ и романтичныхъ панорамъ въ мірѣ. Самый городъ раздѣляется на *старый* и *новый*. Старый существенно отличается отъ новаго кривыми улицами, домами странной архитектуры, древними колодцами „водоемами", сохранившимися до нашего времени. Онъ настоящій средневѣковой городъ.

Отъ Люцерна перейдемъ къ *Цюриху*. Хотя Цюрихскій кантонъ и не соприкасается непосредственно съ кантономъ Люцернскимъ, но, относительно высоты культуры, этотъ городъ составляетъ самый выдающійся пунктъ въ Швейцаріи.

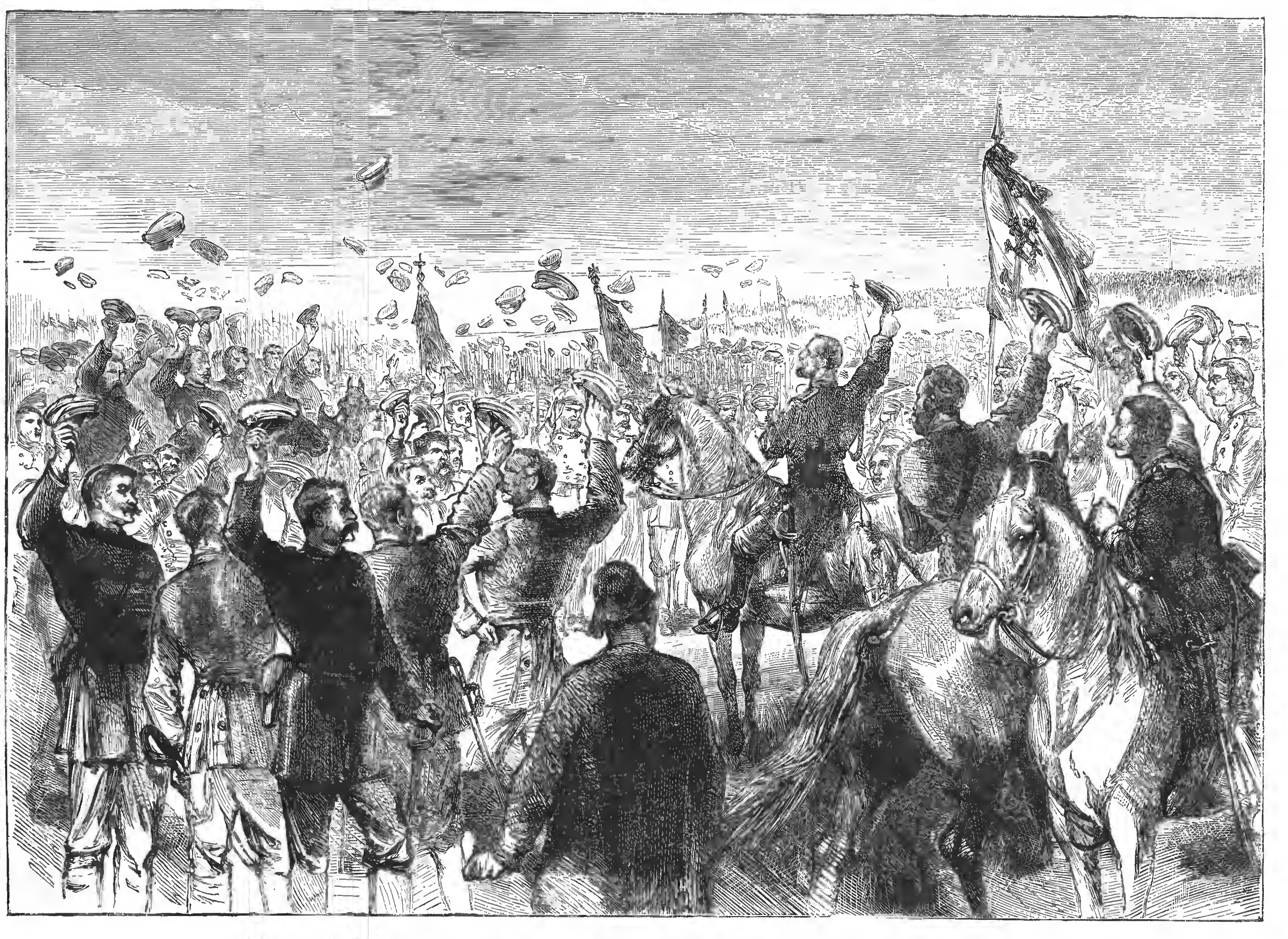
Изъ религіозныхъ и общественныхъ построекъ въ Цюрихѣ замѣчательны: большой *соборъ* съ двумя башнями въ романскомъ стилѣ; *книгохранилище*, преимущественно изъ литературно-историческихъ произведеній (свыше 100,000 томовъ); *музей древностей*, въ которомъ хранятся рѣдкія коллекціи древнихъ ассирійскихъ рельефовъ и остатки *доисторическаго быта въ Европѣ, полученныя при раскопкахъ свайныхъ построекъ*, мѣстонахожденіями которыхъ такъ изобилуетъ Швейцарія. Съ этой стороны музей древностей въ Цюрихѣ представляетъ для любознательнаго туриста громадный интересъ. Зданія Цюрихской политехнической школы и университета отличаются громадностію и великолѣпіемъ. Рисовальная политехническая зала и аудиторія устроены на огромное число слушателей и рисовальщиковъ. Задняя часть зданія политехнической школы вся занята множествомъ отдѣльныхъ музеевъ, каковы: *геологическій, минералогическій, зоологическій, механическій, техническій* и *технологическій* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вообще цюрихское собраніе древностей и техническихъ принадлежностей — богатѣйшее изъ всей Швейцаріи и относительно цѣлесообразности размѣщенія предметовъ археологіи, промышленности и искусствъ—Цюрихъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ и многимъ европейскимъ университетскимъ городамъ есть здѣсь чему поучиться.

Изъ другихъ учрежденій въ Цюрихѣ замѣчательны: образцовые институты для *слѣпыхъ* и *глухонѣмыхъ*, образцовый ковивальный институтъ, высшая сельскохозяйственная школа. Громадная клиника, въ которую свозятся больные изъ всего кантона; общественная (т. е. устроенная на счетъ всего кантона) обсерваторія и масса другихъ достопримѣчательностей. Близъ замка *Шафгаузена* находится знаменитый *Рейнскій водопадъ*, этотъ величайшій изъ водопадовъ Европы. (Въ нашей литературѣ есть извѣстныя всѣмъ и прекрасныя описанія этого водопада, принадлежащія *Карамзину* и *Жуковскому*). Водопадъ этотъ находится отъ Шафгаузена приблизительно на разстояніи 4 съ небольшимъ верстъ. Къ нему достигаютъ по *Констанцко-Базельской* желѣзной дорогѣ. Ближайшая къ нему станція—это *Нейгаузенъ*, и отсюда уже, въ 3 минуты, въ омнибусѣ или пѣшкомъ достигаютъ *Швейцергофа*, откуда уже видно это великолѣпное явленіе природы во всемъ блескѣ. Паденіе массы воды какъ бы заключено въ массивную рамку изъ скалъ. Въ воздухѣ, надъ паденіемъ массы воды носится настоящая фото-моргана, рисуются колоссальные воздушные замки. На скалистой высотѣ, господствуя надъ водопадомъ, стоитъ древній рыцарскій замокъ *Лауфенъ*. Къ этому замку, откуда превосходно можно видѣть паденіе воды, достигаютъ переѣзжая Рейнъ выше водопада, или же, если хотятъ выбрать другую точку зрѣнія, достигая *Швейцергофа*. Описаніе Рейнскаго водопада, составленное тоже по описанію, совершенно излишне. Надо стать лицомъ къ лицу съ этимъ грандіознымъ явленіемъ природы, чтобы получить неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь...

Князь Церетелевъ, секретарь ген. Игнатьева. Турецкій секретарь. Русскій секретарь. Садуллахъ-Бей, секретарь Сафвета-паши. Сафветъ-паша. Генералъ Игнатьевъ. Графъ Нелидовъ.

Засѣданіе въ квартирѣ генерала Игнатьева, въ Санъ-Стефано, во время заключенія мира. По рисунку I. L. N., грав. М. Рашевскій.

Объявленіе о мирѣ гвардейскимъ войскамъ въ Санъ-Стефано. По рисунку I. L. N. грав. М. Рашевскій.

Города Швейцаріи, отличающіеся особенною романтическою красотою мѣстоположенія, группируются вокругъ извилистаго и покрытаго прозрачною нѣжной дымкой *Фирвальштедтскаго* озера. Здѣсь была классическая почва древней Швейцаріи (или Гельвеціи) и самое озеро получило свое названіе отъ четырехъ старинныхъ швейцарскихъ кантоновъ, обрамляющихъ озеро съ 4-хъ сторонъ. Были здѣсь въ старину четыре построенныя въ первобытныхъ лѣсахъ селенія, разросшіяся потомъ въ города. Мѣстность эта вся въ высшей степени романтична, почти сказочно-романтична. Въ ней расположенъ и *Риги-Кульмъ*, въ кантонѣ Швицъ, примыкающемъ къ озеру съ западной стороны.

Клодъ Бернардъ.

Имя Клода Бернарда одно изъ тѣхъ немногихъ именъ, слава которыхъ не имѣетъ предѣловъ: она распространяется всюду. Ему также можно было адресовать письмо „Клоду Бернарду въ Европѣ“, какъ нѣкогда писали Гумбольдту изъ Америки. Грамотный міръ зналъ, что въ Парижѣ жилъ ученый такого имени и каждый спеціалистъ, какой бы онъ ни былъ національности, не иначе какъ съ уваженіемъ произноситъ его имя.

Клодъ Бернардъ былъ основателемъ экспериментальной физіологіи, что можетъ быть переведено на обыкновенный языкъ: изученія посредствомъ опытовъ механизма жизненныхъ отправленій. Самое крупное, широкое открытіе сдѣланное Клодъ Бернардомъ въ физіологіи питанія—это указаніе на особенную роль печени, заключающуюся въ выработкѣ сахарныхъ веществъ. Въ теченіе болѣе чѣмъ 26 лѣтъ Клодъ Бернардъ читалъ курсы въ Collège de France, Парижскомъ общедоступномъ университетѣ и затѣмъ издавалъ ихъ отдѣльными томами. Каждый такой курсъ представляетъ полную основательную разработку какого либо вопроса физіологіи и всѣ изданные имъ курсы отличаются необыкновенной образностію и ясностію. Читающій какъ бы самъ присутствуетъ при опытахъ, которые привели автора къ тому или другому заключенію.

Какъ человѣкъ, Клодъ Бернардъ былъ необыкновенно добръ и простъ; любилъ общество, которое искало его столько же за его громадную репутацію, сколько за очаровательныя качества его души. Онъ не любилъ говорить о себѣ и не выставлялъ достоинствъ своихъ трудовъ. Клодъ Бернардъ родился 12 го іюля 1813 года въ Сенъ-Жюльенѣ, Ронскаго Департамента и происходилъ изъ небогатаго семейства. Окончивъ классическое образованіе, Клодъ Бернардъ поспѣшилъ избрать себѣ какую-нибудь профессію, чтобы имѣть источникъ къ существованію. Онъ поступилъ къ аптекарю въ Вилла-Франко и принялся за изученіи химіи. Самое первое, говорилъ Клодъ Бернардъ, вспоминая свое прошедшее, что мой патронъ научилъ меня дѣлать—это была вакса, и никогда я не испытывалъ такой чистосердечной радости, какъ въ то время, когда дѣлалъ первую мою банку ваксы.

Но Клодъ Бернардъ оставилъ свои ступки и пестики и отправился въ Парижъ, онъ прямо явился къ Сенъ Маркъ Жирардену, что бы подвергнуть оцѣнкѣ плоды своихъ ночныхъ работъ въ лабораторіи аптекаря. Оказывается, что онъ писалъ трагедію въ 5 актахъ и въ стихахъ, главный герой которой назывался Карлъ VI. Знаменитый профессоръ милостиво принялъ посѣтителя, но поговоривъ съ нимъ, онъ направилъ его на путь, начатый подъ руководствомъ аптекаря. Клодъ Бернардъ спряталъ свою трагедію на дно чемодана, и скоро его имя внесли въ списокъ Медицинской Школы въ Парижѣ. Сначала Клодъ Бернардъ предпочиталъ занятіе хирургіи, но потомъ онъ хирургію оставилъ и тогда уже предался изученію физіологіи, завоевавъ себѣ впослѣдствіи въ этой отрасли знанія нетлѣнную славу. За симъ онъ былъ избранъ профессоромъ физіологіи въ Сорбоннѣ—каѳедра, открытая для него въ 1854 году—въ томъ же году послѣдовало избраніе его въ Академію Наукъ и Медицинскую Академію; въ 1855 г. онъ наслѣдовалъ каѳедру своего знаменитаго учителя Мажанди въ Парижскомъ общедоступномъ Университетѣ, Collège de France. Два раза онъ бралъ высшія награды, присужденныя Академіей. Наконецъ французская Академія Наукъ признала его своимъ членомъ.

10 го февраля настоящаго года Клодъ Бернардъ скончался отъ болѣзни почекъ на 66 году своей жизни; Франція, желая выразить свои послѣднія почести ученому, отнесла на счетъ государства его похороны. Гамбетта по этому случаю обратился къ Палатѣ съ слѣдующими словами:

„Клодъ Бернардъ не только для научнаго міра Франціи, но и для всеобщей, всемірной науки былъ признаннымъ вдохновителемъ, былъ самымъ вѣрнымъ руководителемъ научныхъ изысканій, а въ буряхъ научной полемики весь міръ отдастъ ему дань уваженія за то, что никогда онъ не увлекался ни духомъ партій, ни духомъ системъ, ни личными страстями. Голоса болѣе авторитетные, голоса его товарищей, друзей, подготовятъ судъ исторіи, а мы—просто привѣтствуемъ входъ Клода Бернарда въ „область безсмертія“. *Л.*

Русская деревенская красавица.

Нашъ традиціонный женскій нарядъ, при всей его живописности и привлекательности, доживаетъ, какъ кажется свои послѣдніе дни. Стремленье къ нѣмецкому платью и желаніе одѣваться по модѣ замѣтно проникается не только у горожанокъ нашихъ разныхъ провинціальныхъ захолустій, но даже у обитательницъ скромныхъ селъ и деревень, такъ что вскорѣ нашъ народный русскій нарядъ сдѣлается археологической рѣдкостью и развѣ лишь на театральныхъ подмосткахъ будетъ еще являться во всей своей исторической правдѣ. А жаль, что наши деревенскія красавицы не оцѣниваютъ вполнѣ достоинствъ своего наряднаго костюма и такъ легкомысленно промѣниваютъ его на какія нибудь безобразные фасоны издѣлія разныхъ доморощенныхъ модистокъ. Взгляните на прилагаемый нами рисунокъ; какъ хороша на немъ русская дѣвушка въ своемъ щегольскомъ нарядѣ: въ сарафанѣ и въ кокошникѣ.

Въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 года.

О Санъ-Стефано мы имѣли случай говорить въ № 11 „Нивы“, по поводу рисунка „Константинополь“. Теперь, помѣщая рисунокъ, относящійся къ одному изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ окончившейся русско-турецкой войны, именно ко дню заключенія мира между Россіей и Турціей, сообщаемъ со словъ „Пр. В.“ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого дня. Въ Санъ-Стефано по набережной, недалеко отъ пароходной пристани, выдвигается въ самое море каменная террасса небольшого палаццо, построеннаго въ итальянскомъ стилѣ,—терраса опутана зеленью, плющемъ и другими вьющимися растеніями, а окна нижняго этажа палаццо прячутся въ густой темнозеленой листвѣ лавровъ и миртовъ. Въ палаццо этомъ помѣщался нашъ бывшій турецкій посолъ графъ Игнатьевъ.. Кареты то отъѣзжали, то снова пріѣзжали къ палаццо, привозя джентльменовъ въ черныхъ сюртукахъ и темно-красныхъ фескахъ. То были турецкіе дипломаты, договаривавшіеся о различныхъ подробностяхъ мирнаго договора. Посвященные въ суть политическихъ дѣлъ страны хранили до поры до времени глубокое молчаніе на счетъ хода нашихъ переговоровъ и никто ничего не зналъ, иностранные и преимущественно англійскіе корреспонденты сновали то и дѣло около подъѣзда графа Игнатьева и у небольшого домика рядомъ, занимаемаго его канцеляріей. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали знаменательнаго для Россіи дня 19-го февраля такъ какъ, по разсказамъ въ этотъ день должно было послѣдовать объявленіе о мирѣ, будто-бы уже заключенномъ 17 февраля. Наконецъ онъ наступилъ, день 19 февраля. Уже наканунѣ къ вечеру было извѣстно, что парадъ войскамъ Санъ-Стефановскаго отряда назначается въ два часа пополудни, на маячномъ полѣ. Ровно въ полдень войска съ музыкой стали стягиваться къ назначенному пункту. Часа черезъ два комендантъ главной квартиры объявляетъ, что парадъ отлагается до трехъ часовъ пополудни. Ординарецъ поскакалъ на поле извѣстить объ этомъ начальника отряда, графа Шувалова, и войскамъ дана команда „вольно“. Наконецъ бьетъ и три часа; вѣстовые и махальные, выставленные на каждомъ поворотѣ улицъ, ведущихъ отъ главной квартиры къ маячному полю, глядятъ, что называется „въ оба“, но не видятъ великокняжескаго поѣзда, а вмѣсто него скачетъ новый ординарецъ съ докладомъ графу Шувалову, что парадъ отмѣняется на неопредѣленное время, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы войска оставались на полѣ. Тутъ всѣхъ уже взяло сомнѣніе въ томъ, что миръ былъ подписанъ 17-го числа, да врядъ-ли онъ подписанъ и въ данную минуту. Скоро-ли все это кончится? вырывались восклицанія у иныхъ офицеровъ.—Тянутъ, проклятые! отзывались другіе. Но въ половинѣ 6-го часа, окруженный многолюдной свитой показался верхомъ его высочество и остановившись вдали отъ войскъ, какъ будто чего-то поджидалъ. Чрезъ нѣсколько времени къ нему подскакалъ полковникъ Орловъ и доложилъ, что наконецъ миръ подписанъ и графъ Игнатьевъ, который сейчасъ прибудетъ на поле, желаетъ лично объявить объ этомъ Его Высочеству. При этомъ Орловъ вынулъ изъ кармана и показалъ Великому Князю то перо, которымъ былъ подписанъ договоръ и которое онъ взялъ себѣ на память. Еще чрезъ нѣсколько минутъ подъѣхала открытая коляска, въ которой держась за ободокъ козелъ стоялъ графъ Игнатьевъ. Быстро соскочивъ съ подножки, онъ приблизился къ Главнокомандующему и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ объявилъ, что все кончено и поздравилъ Его Высочество съ миромъ. Великій Князь снялъ фуражку и высоко держа ее надъ головой, крикнулъ первое „ура“, которое тотчасъ было подхвачено всей свитой, замахавшей въ воздухѣ снятыми шапками и чѣмъ далѣе слѣдовалъ Великій Князь, тѣмъ все больше и громче раздавались побѣдные крики.

Одинъ изъ нашихъ рисунковъ, изображаетъ, между прочимъ, внутренній видъ той комнаты, въ которой былъ подписанъ миръ Россіи съ Турціей. Главными лицами при заключеніи этого мира, какъ извѣстно, были генералъ Игнатьевъ и Савфетъ-паша; за симъ, какъ видно изъ подписей, имѣющихся внизу рисунка, при этомъ находились: Садуллахъ-Бей, секретарь Савфета-паши, русскій уполномоченный Нелидовъ, секретарь генерала Игнатьева князь Церетелевъ и еще два секретаря русскій и Турецкій.

Политическія и военныя извѣстія.

Томительныя ожиданія какихъ либо рѣшительныхъ политическихъ событій, которыя бы благопріятствовали мирному исходу изъ возникшихъ затрудненій—ничѣмъ на прошлой недѣли не разрѣшились. Даже болѣе: отсутствіе шансовъ на европейскій миръ становится все рельефнѣе и рельефнѣе и политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивается тучами. Воинственныя демонстраціи противъ Россіи со стороны Англіи все болѣе и болѣе увеличиваются въ размѣрахъ и за истекшую недѣлю пріобрѣли болѣе опредѣленный, чѣмъ прежде, характеръ (что, конечно, гораздо лучше). Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, вышелъ въ отставку и постъ этотъ занялъ маркизъ *Салисбери*, извѣстный своей непріязненностью къ Россіи и особенно озлобленный на насъ за безплодность блаженной памяти Константинопольской конференціи, въ которой Россія высказала свою твердость и нежеланіе подчиниться quasi-гуманнымъ софизмамъ лорда Салисбери. Новый министръ уже не въ силахъ былъ скрывать свою ненависть къ Россіи. Онъ недавно обнародовалъ обширную *циркулярную депешу* къ представителямъ Англіи при европейскихъ дворахъ. Содержаніе депеши таково, какого и можно было ожидать отъ лорда Салисбери, т. е. вся она проникнута враждебностью къ Россіи, нескрываемымъ презрѣніемъ къ тѣмъ результатамъ, какихъ достигла Россія на востокѣ упорною борьбою, кровью своихъ лучшихъ сыновъ. Британскій министръ однимъ взмахомъ пера уничтожаетъ эти результаты, перекрашиваетъ и исправляетъ *по своему* карту Балканскаго полуострова. Мы не станемъ здѣсь касаться содержанія многовѣщательной депеши, о которой на самые разнообразные лады толкуетъ теперь почти вся европейская пресса. Наши читатели могутъ въ общихъ чертахъ предугадать духъ этого документа. Упомянемъ только объ одномъ крупномъ софизмѣ, пытающемся оправдать грубое вмѣшательство Англіи въ дѣла, которыя, строго говоря, слишкомъ мало ея касаются. Оттоманская юрисдикція, по словамъ Салисбери, имѣетъ географически интересъ для Англіи въ *Дарданеллахъ, Эгейскомъ* и *Черномъ* морѣ, въ *Персидскомъ заливѣ*, у береговъ *Леванта* и по близости Суэзскаго канала! (Гдѣ же нѣтъ англійскихъ интересовъ?) и Англія не допуститъ, чтобы форпосты военной державы подвинулись къ району этой юрисдикціи такъ *близко что ея независимость* и *самое существованіе становятся почти невозможными*... и т. д., все въ этомъ же родѣ.

Особымъ приказомъ королевы созываются резервы (что дѣлается въ Англіи только въ чрезвычайныхъ случаяхъ). Всѣмъ резервистамъ предписано собраться къ 19-му апрѣля (по новому стилю) въ тѣхъ пунктахъ, которые уже назначены военнымъ министромъ.

И такъ—если уже и не неизбѣжна близкая война, то существуетъ много шансовъ къ ней. Положимъ, что Англія не объявитъ войны, но вѣдь для совершеннаго мирнаго улаженія дѣла на Востокѣ нужно же вытѣснить изъ Мраморнаго моря хищническій британскій флотъ, а для этого одинъ путь—оружіе!..

Броненосцы англійскіе уже разгуливаютъ по всему Средиземному морю. Недавно отправился къ о—ву Мальтѣ большой броненосецъ „Султанъ". Въ Галлиполи же ожидаютъ прибытія одного изъ самыхъ сильныхъ англійскихъ броненосцевъ „Devastation". За симъ и самый флотъ стоящій въ Ламаншскомъ каналѣ, вскорѣ отправится въ Пирей. На всѣхъ англійскихъ военныхъ судахъ, прибывающихъ въ Мраморное море, посажены десантныя войска. Въ виду этого увеличенія англійскаго флота на Мраморномъ морѣ, и турки видимо ободрились. Такъ, на Азіатскомъ берегу Мраморнаго моря турки уже съ прошлой недѣли начали стягивать значительныя войска. Значительный элементъ въ этихъ войскахъ составляютъ черкесы. Послѣдніе особенно сосредоточиваются около *Ис-Мида*, небольшого города Азіатской Турціи, лежащаго на дорогѣ изъ Скутари въ Бруссу.

Что касается вооруженія и вообще военныхъ приготовленій Австріи, то хотя они фактически существуютъ, но, вообще говоря, подвигаются впередъ довольно медленно. Австрія, очевидно, не желаетъ и не можетъ идти *„въ первый огонь"*, какъ, впрочемъ, это она и всегда дѣлала. Австрія, какъ и Англія, уже недвусмысленно выражаетъ свое неудовольствіе на передѣлку карты Балканскаго полуострова и желаетъ передѣлать эту карту по своему. Боснію и Герцеговину она, разумѣется, стремится занять; но, въ тоже время, крайне недовольна территоріальнымъ прирѣзкомъ, выпавшимъ на долю Черногоріи въ ея южныхъ границахъ. Въ Антивари, напримѣръ, Австрійскіе агенты уже теперь дѣлаютъ происки, и склоняютъ католиковъ къ подписи протеста противъ присоединенія къ Черногоріи.

Что касается Румыніи, то она въ своихъ воинственныхъ поползновеніяхъ старается приютиться подъ крылышко Австріи. Но Австрія повидимому еще далеко отъ того, чтобы слишкомъ охотно принять роль защитницы. Для этого собрана особая коммисія, которая, по обстоятельномъ обсужденіи дѣла, опредѣлила, что рѣшившись прибѣгнуть подъ покровительство Австріи, Румынія, въ качествѣ придунайскаго государства, должна заявить о своей принадлежности къ Австріи въ экономическомъ отношеніи.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько извѣстій о передвиженіи нашихъ войскъ на бывшемъ театрѣ войны. Всѣ наши войска, стоящія къ сѣверу отъ Балкановъ, стягиваются *ближе* къ *Дунаю*. Повсюду ими возводятся новыя укрѣпленія и усиливаются старыя. Въ Софіи также стянуты многочисленныя массы войскъ. Далѣе есть извѣстіе, что наши войска двинулись къ Галлиполи. Одновременно съ этимъ турки начали укрѣплять Буюк-Дере. Къ селенію же Санъ-Стефано, въ которомъ подписанъ былъ прелиминарный договоръ ежедневно прибываютъ русскіе пароходы съ большими грузами провіанта.

Въ Греціи и вообще въ южныхъ провинціяхъ Балканскаго полуострова возстаніе (о которомъ мы имѣли случай говорить и прежде), продолжается. Въ концѣ марта (по новому стилю) происходили въ *Пеліонѣ* сильныя стычки между 2,000 греческихъ инсургентовъ и 8,000 турокъ. Подкрѣпленіемъ послѣднимъ служили 4 турецкіе броненосца. Инсургенты вообще были вытѣснены съ своихъ позицій. Но важнѣе для насъ извѣстіе греческаго консула въ *Воло*, который утверждаетъ, что турки въ селеніяхъ *Макринишь* и *Портаріи* совершили варварскіе поступки. Турецкая кавалерія разграбила церковь въ *Алинсвіи*, и христіанскіе жители бѣжали оттуда.—На о—вѣ Критѣ возстаніе грековъ также продолжается. Недавно инсургенты вытѣснили тамошнія турецкія войска изъ всѣхъ частей о—ва. Турецкія силы сосредоточились теперь въ побережныхъ городахъ: *Кракеахъ, Эракліонѣ, Ретимно* и *Кастели*.

Смѣсь.

Величина Лондона. Лондонъ занимаетъ теперь пространство въ 700 англійскихъ квадр. миль и въ немъ насчитываютъ болѣе 4.000,000 жителей; изъ нихъ 100,000 иностранцевъ. Въ городѣ живетъ болѣе католиковъ чѣмъ въ Римѣ, больше евреевъ, чѣмъ въ Палестинѣ, больше ирландцевъ чѣмъ въ Дублинѣ, больше шотландцевъ чѣмъ въ Эдинбургѣ и больше валлисцевъ чѣмъ въ Кардифѣ. На каждыя 5 минутъ приходится случай рожденія, а на каждыя 8—случай смерти. На улицахъ Лондона, имѣющихъ вмѣстѣ взятыхъ около 7,000 англ. миль протяженія, происходитъ ежедневно, среднимъ числомъ, семь несчастныхъ случаевъ. Каждый день населеніе увеличивается на 123 человѣка, что составитъ въ годъ 45.000 человѣкъ.

Величайшій артезіанскій колодезь въ мірѣ—есть колодезь въ Прагѣ, въ Чехіи, который въ настоящее время выкопанъ въ глубину 3,170 футовъ. Вода изъ него добывается горячая—160 Фаренгейта. Въ настоящее время онъ дастъ 175 тысячъ ведеръ воды въ сутки, которую употребляютъ для нуждъ городскихъ пріютовъ, больницъ и бань.

Ариѳмогрифъ.

До сихъ поръ мы не имѣли случая помѣщать ариѳмогрифовъ. Намѣреваясь теперь давать имъ, по мѣрѣ возможности, мѣсто на страницахъ „Нивы", считаемъ нужнымъ сдѣлать предварительныя о нихъ разъясненія.

Задумано какое нибудь слово, состоящее изъ извѣстнаго числа буквъ, положимъ, изъ девяти, какъ, напримѣръ, въ помѣщаемомъ здѣсь ариѳмогрифѣ. Буквы эти по порядку ихъ размѣщенія въ означенномъ словѣ замѣнены въ ариѳмогрифѣ цифрами. Нужно доискаться, какія буквы скрыты подъ означенными цифрами и какое слово составится изъ ихъ сложенія.

Для того, чтобы облегчить разрѣшеніе этого ариѳмогрифа помѣщается еще девять словъ, которыхъ названія скрыты подъ тѣми же цифрами, подъ которыми скрыто задуманное первое слово. Открывая названія этихъ девяти словъ каждаго въ отдѣльности, можно добраться до разрѣшенія перваго задуманнаго слова и тѣмъ открыть, какой именно буквы служитъ замѣной каждая цифра.

Помѣщаемъ на первый разъ слѣдующій ариѳмогрифъ:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Турецкое имя.

1. 7. 6. 9. Имя негра и мѣстоименіе.
1. 7. 6. 2. 6. 9. Опасный вѣтеръ.
6. 7. 6. 7. Мать.
3. 7. 5. Собачье дѣло.
3. 2. 8. 7. Планета.
1. 2. 6. 7. Принадлежность нищаго.
3. 7. 9. 7. Животное.
2. 3. 4. 5. Сладкій домъ.
7. 6. 7. 8. 9. Библейское имя.

Рѣшеніе—въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

„То, что я издержалъ, — *я потерялъ*: то, чѣмъ я владѣлъ, я *оставилъ другимъ*; но то, что я далъ,—это и теперь еще *принадлежитъ мнѣ*. (Древняя эпитафія на могилѣ знаменитаго человѣка).

„Учитесь не для того чтобы знать *больше*, а для того, чтобы знать *лучше* чѣмъ другіе“. (*Сенека*)

„Вы *велики*? — Но если вы велики, такъ, пожалуйста, не становитесь на ходули, а то будете *уродомъ*. (*Де-Леви*).

„Не мѣшаетъ возвращаться къ прошедшему и допрашивать это прошедшее, потому что на такіе вопросы впослѣдствіи явится обстоятельный и подробный отвѣтъ, называемый опытомъ“. (*Юнгъ*).

Домъ въ Санъ-Стефано, гдѣ былъ заключенъ миръ между Россіей и Турціей.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **С.-Петербургъ. Ф. В—ову.** Вы пишете:

„Тогда она была милѣе Флоры,
Въ сіяньи мѣсяца полуночный бутонъ,
Я неспускалъ съ нее ревнивыхъ взоровъ;
Я цѣловалъ у ней *въ груди* положенный цвѣтокъ.

Какъ это случилось, что *въ груди* у ней оказался цвѣтокъ и васъ угораздило туда забраться! Удивительно!..

2. **Инженер Замонъ. Бар.. Не..** Стихи ненапечатаемъ, хотя и находимъ въ нихъ не мало хорошихъ строкъ. Надѣемся, что авторъ будетъ болѣе тщательно отдѣлывать свои стихи и тогда мы дадимъ имъ мѣсто.

3. **Касимовъ. Ст—ому.** Ваши стихи, конечно, достойны почтоваго ящика въ особенности эти строки:

„Вы ангелъ на землѣ
И геній въ небесахъ,
Скажите жъ откровенно
Каковъ я есть у васъ въ глазахъ“.

Очень великолѣпенъ!!!

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 13 „Нивы“. Всегда истина всплыветъ внаружу—рано-ли, поздно-ли.

СОДЕРЖАНІЕ: **Кабинетъ Императора Николая I** (съ рис.) **А. Н.—Бабушка** (Очеркъ) **А. Ремезова.—Движенія небесныхъ свѣтилъ въ міровомъ пространствѣ.** (Окончаніе) (съ 3 рис.)—**Желѣзнодорожная прогулка въ Швейцарію** (съ 2-мя рисунками).—**Клодъ Бернардъ** (съ портретомъ) **Л.—Русская деревенская красавица** (съ рисункомъ) —**Въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 года** (съ 3-мя рис.). — Политическія и военныя извѣстія. — Смѣсь.—Арифмогрифъ.—Мысли замѣчательныхъ людей — Почтовый ящикъ —Рѣшеніе ребуса.—Объявленія.— **При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ съ 32 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину съ 27 разнообразными буквами инціалами для мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою СПБ. 31 Марта 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 15 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 10 Апрѣля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Пантеонъ въ Римѣ.

Римскій *Пантеонъ* находится передъ мрачной, окруженной высокими зданіями площадью Эта площадь представляетъ шумный толкучій рынокъ и, какъ во всѣхъ мѣстахъ въ Римѣ, крайнюю нечистоту. Густая толпа кричитъ, толчется, споритъ; оборванные нищіе нахально выпрашиваютъ милостыни. Этотъ Пантеонъ есть грандіозное зданіе античнаго міра. Строителемъ его считается Агриппа. Онъ былъ тесть императора Октавіана Августа. Зданіе первоначально назначалось для термъ или бань. Огромная зала съ величественнымъ куполомъ, возведенная за 26 лѣтъ до Р. Хр., назначалась именно для кейфа или послѣбаннаго отдыха; но за симъ — зданіе вскорѣ превращено въ храмъ и посвящено *Юпитеру-Мстителю*. Стиль постройки настоящій древне-итальянскій или этрусскій, такъ какъ вообще и вся архитектура римлянъ была въ первый періодъ своего развитія совершенно подъ этрусскимъ вліяніемъ, но впослѣдствіи, въ эпоху римскихъ императоровъ, римская архитектура освободилась отъ этого вліянія, удержавъ, однако, существенный этрусскій элементъ—*куполъ*, получившій въ римской архитектурѣ дальнѣйшее развитіе, и уже въ христіанскомъ мірѣ генію Микель-Анджело суждено было создать грандіознѣйшій въ мірѣ куполъ въ церкви св. Петра въ Римѣ. Великій художникъ христіанскаго Рима предварительно прилежно изучалъ постройку Пантеона...

Гробница Рафаэля въ Римскомъ Пантеонѣ. Рис. Штилеръ, грав. Мерцъ.

Куполъ Пантеона Агриппы имѣетъ 132 фута (или 18⁶/₇ нашихъ саженъ) въ поперечникѣ; вышина его имѣетъ ровно такой же размѣръ, и это обстоятельство обусловливаетъ пріятную для глазъ, глобусообразную форму купола. Внутри зданія, въ стѣнахъ, сначала было устроено 8 нишъ, изъ которыхъ 3 полукруглыхъ, остальныя же имѣли четвероугольную форму. Впослѣдствіи въ эти ниши были вдѣланы мраморныя колонны съ балками. Надъ колоннами возведена была *атти-*

ка *) съ пилястрами (столбами) **). Первоначальная форма этихъ пилястръ, была впослѣдствіи измѣнена. И вотъ отъ этихъ-то пилястръ, какъ основанія, и возносится величавый, приводящій душу въ благоговѣйное изумленіе, куполъ. Въ самомъ зенитѣ или вершинѣ его находится отверстіе, имѣющее 26 футовъ (3⁵/₇ нашихъ саженъ) въ поперечникѣ. Масса свѣта льется въ это отверстіе, распространяясь на все громадное пространство залы, и самая равномѣрность свѣта геніально разсчитана: свѣтъ льется не ослѣпляя, а мягкими волнами. Вообще простота цѣлаго построенія, красота отдѣльныхъ деталей, великолѣпіе и роскошь матеріала, успокоивающая душу гармонія освѣщенія, придаютъ внутренности Пантеона Агриппы характеръ торжественнаго величія. Все это свидѣтельствуетъ о геніальности древнихъ зодчихъ, строившихъ Пантеонъ. Надо замѣтить, что еще многое въ этой постройкѣ искажено уже въ періодъ Римскаго папства. Напримѣръ: сняты бронзовые орнаменты украшавшіе внутренность купола; за симъ уже въ прошломъ столѣтіи, снята съ упомянутой выше аттики мраморная обшивка и мѣсто ея заступила самая ординарная декоративная живопись. Далѣе, исчезли каріатиды, по свидѣтельству древнихъ писателей, тоже украшавшія внутренность Пантеона. Теперь даже трудно рѣшить, на какихъ мѣстахъ стояли эти каріатиды. Какъ скоро зданіе, при Августѣ, было преобразовано въ храмъ, оно снабжено было портикомъ, украшеннымъ 16-ю великолѣпными коринѳскими колоннами, распредѣленными такъ, что 8 изъ нихъ поддерживали передній фронтонъ, а остальныя 8 раздѣляли глубину портика на три части (или на 3 такъ называемыхъ корабля). Въ такомъ видѣ зданіе осталось и до сихъ поръ (какъ читатель можетъ судить по прилагаемому рисунку). Средняя изъ сейчасъ указанныхъ нами 3-хъ частей портика ведетъ къ большой входной двери, а двѣ другія части опираются въ ниши. Для насъ важно при этомъ замѣтить, что сводъ портика въ древности тоже былъ украшенъ великолѣпными бронзовыми орнаментами. Эти послѣдніе были потомъ варварски сняты, по приказанію папы Урбана VIII и употреблены для сооруженія дарохранительницы въ алтарѣ церкви Св. Петра. Урбанъ VIII, снявъ великолѣпные орнаменты, велѣлъ ихъ расплавить, чтобы употребить этотъ металлъ, съ одной стороны, для колоннокъ дароносицы алтаря церкви св. Петра, съ другой—на литье пушекъ для крѣпости Св. Ангела... Поступокъ папы Урбана VIII уже заклеймёнъ его современниками названіемъ *„вандализма“*, такъ какъ съ потерею орнаментовъ портика, образованный міръ потерялъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній древняго искусства.

Величественный храмъ этотъ въ древній языческій періодъ Рима былъ посвященъ сначала двумъ божествамъ—*Марсу* и *Юпитеру Мстителямъ*. Затѣмъ *всѣмъ* языческимъ божествамъ; отсюда и названіе „Пантеонъ“ (дословно—*„всебожественный“*). Наконецъ уже въ христіанскомъ мірѣ этотъ храмъ посвященъ Пречистой Дѣвѣ Богоматери и всѣмъ святымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ храмъ сдѣлался погребальнымъ мѣстомъ всѣхъ знаменитыхъ людей Италіи. Здѣсь погребены *Рафаэль*, *Корраччи*, *Корреджіо* и другія свѣтила художественнаго развитія Италіи. Посѣтитель у ихъ гробницъ встрѣтитъ и бюсты усопшихъ художниковъ. Бюсты эти тоже принадлежали рѣзцу знаменитыхъ мастеровъ, какъ *Карла Маратти*, *Кановы* и проч. Здѣсь же погребенъ недавно умершій король Викторъ-Эммануилъ.

Рафаэль погребенъ въ Пантеонѣ близь гробницы своей невѣсты *Марія ди-Бибіена*, племянницы кардинала Бибіена. Гробница великаго художника находится на выбранномъ имъ самимъ мѣстѣ. Другъ Рафаэля, кардиналъ Бембо, сочинилъ ему слѣдующую надпись:

„Въ Твои руки, о Всемогущій и Всеблагій! предалъ свой духъ Рафаэль Санти, сынъ Іоганна изъ Урбино. Великій художникъ этотъ успѣшно состязался съ древними. Въ его вѣчно живущихъ произведеніяхъ познается союзъ природы и искусства. Онъ возвеличилъ славу папъ Юлія II и Льва X своими твореніями по части живописи и зодчества. Жилъ онъ 37 лѣтъ и умеръ въ тотъ самый день, въ который родился, а именно 6-го апрѣля 1520 года“.

Затѣмъ слѣдуетъ еще латинская надпись, въ которой соблюденъ стихотворный метръ, которую съ переводомъ мы приводимъ ниже.

Справедливо думаютъ, что лучшимъ признаніемъ генія строителя Пантеона можетъ служить тотъ фактъ, что величайшій художникъ и тончайшій цѣнитель искусства всѣхъ временъ, Рафаэль *), избралъ именно этотъ храмъ для своего погребенія, и еще при жизни заново отдѣлалъ мраморомъ стѣну, гдѣ назначилъ мѣсто для своей могилы, влѣво отъ входа, подлѣ второй ниши. Здѣсь покоятся земные останки великаго Рафаэля Санти или Санціо Урбино (род. въ апрѣлѣ 1483, умершаго въ Римѣ, 7-го апрѣля 1520 г.), и, весь Пантеонъ, можно сказать, служитъ ему памятникомъ, а мраморныя плиты, украшающія собственно гробницу художника, суть не болѣе какъ надпись этого великаго монумента. Одинъ изъ трехъ приложенныхъ къ этой статьѣ рисунковъ представляетъ гробницу Рафаэля съ ея надгробною латинскою надписью, сочиненною кардиналомъ Бембо:

„Ille hic est Raphael, timuit quo sospite vinci,
Rerum magna parens et moriente mori“.

(Здѣсь лежитъ Рафаэль; мать жизни заботой терзалась,
Чтобъ онъ, пощаженный, ее побѣдилъ: его смерть была
бы ей смертью).

Другая надпись гласитъ, что, въ 1833 году, при изслѣдованіи фундамента статуи Мадонны Лоренцетской, которую Рафаэль самъ сдѣлалъ для своего памятника, въ каменномъ сводѣ надъ могилой Рафаэля, былъ найденъ его скелетъ совершенно сохранившимся, и снова преданъ землѣ.

Ст

БАБУШКА

(Очеркъ).

(Окончаніе).

III.

Прошелъ годъ.

Бабушка естественно не могла примириться съ тою мыслью, что ея Андрюша уже невозвратимъ; она даже уже не съ такимъ ужасомъ вспоминала о его женитьбѣ; ко всему этому тяжелое чувство совершеннаго одиночества снова заставило ее вспомнить объ Андрюшѣ, живущемъ и существующемъ. Какъ-то разъ она опять рѣшилась послать сѣдого Осипа, развѣдать о внукѣ, а сама въ это время нетерпѣливо ходила по длинному ряду своихъ комнатъ, безцѣльно поглядывая въ окна, или безъ движенія сидѣла въ своихъ вольтеровскихъ креслахъ. Наконецъ старый мулатъ явился въ кабинетѣ.

— Это ты, Осипъ? спросила бабушка нетвердымъ голосомъ и неповорачивая головы.

— Это-я, коротко отвѣтилъ Осипъ и смолкъ.

— Ну, что скажешь? снова спросила бабушка послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

— Сказать-то много-бы... Да... Гм...

— Говори.

Осипъ помялся нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ.

— Ну что-же?

— Плохо-съ живутъ-съ...

— То есть что же это значитъ, какъ плохо?

— Да такъ-съ... значитъ напримѣръ, въ стѣсненіи...

— Гм... Гм... бабушка нервно кашлянула, порывисто переложила изъ одной руки въ другую какую-то бездѣлушку.

— Въ стѣсненіи, говоришь, то есть, бѣдно, да, жалкая обстановка, да?

— Н-да съ... Плохо...

— Но говори же толковѣе, мнѣ...

— Плохо, такъ плохо, что и... лучше не объяснять, заговорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ и понижая голосъ.—Андрей Семеновичъ живетъ такъ, какъ совсѣмъ не слѣдуетъ.

— Ты самъ видѣлъ его? спросила бабушка и видно было, какъ голосъ ей измѣнилъ и какъ слезы приступали къ самому горлу.

— Видѣлъ самъ, своими собственными глазами видѣлъ. Андрей Семеновичъ живетъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Самъ мнѣ отворилъ двери и не бранилъ меня, какъ прежде, а сказалъ „здравствуй, Осипъ“. Потомъ я видѣлъ жену Андрея Семеновича, ребенка съ нянькой, потомъ видѣлъ комнату, такую маленькую комнату, въ которой и старый Осипъ не помѣстится.

*) Подъ именемъ *аттики* въ архитектурѣ разумѣется возведенная надъ главнымъ карнизомъ часть, заканчивающая зданіе и имѣющая горизонтальную форму. У древнихъ (аттическихъ) грековъ именно на этой части храма помѣщались надписи.

**) *Пилястра*—это четвероугольный столбъ, и въ этомъ состоитъ его существенное отличіе отъ колонны, имѣющей округленную форму. Назначеніе пилястръ—выдерживать тяжесть свода храма и пилястры до сихъ поръ удержались при построеніи нашихъ православныхъ храмовъ.

*) См. біографію Рафаэля, «Нива» 1870 года, стр. 117.

Плохо, очень плохо, Арина Егоровна, заключилъ мулатъ со вздохомъ.

— Андрей Семеновичъ говорилъ тебѣ что-нибудь?

— Да, Андрей Семеновичъ мнѣ говорилъ, что Осипъ совсѣмъ состарился, что и онъ тоже состарился; много, много говорилъ. Потомъ я сказалъ Андрею Семеновичу, что моя барыня скучаетъ, что она ждетъ его къ себѣ...

— Ты говорилъ, что я жду? Что-же онъ?..

— Андрей Семеновичъ сказалъ мнѣ „вотъ какъ?", потомъ сказалъ „зайду, зайду... скажи, что зайду".

— Онъ говорилъ, что придетъ сюда? съ живостью спросила бабушка.

— Такъ точно, Андрей Семеновичъ говорилъ „зайду, зайду"...

— Ну, ступай, Осипъ, сказала бабушка и задумчиво согнулась въ своихъ креслахъ.

И дѣйствительно, слова Осипа оправдались въ самомъ короткомъ времени. Дня черезъ три, утромъ, когда бабушка сидѣла въ дѣдушкиномъ кабинетѣ и перечитывала какія-то старыя письма, раздался довольно робкій звонокъ. Бабушкѣ въ ту-же секунду показалось, что это непремѣнно долженъ быть Андрюша, котораго она всѣ эти три дня поджидала съ минуты на минуту. Она бросилась въ гостинную и, затаивъ дыханье, приникла ухомъ къ тяжелой портьерѣ. Она не ошиблась: въ залѣ раздались знакомые шаги и черезъ мгновеніе она держала Андрюшу въ своихъ объятіяхъ. Крѣпко и горячо обнимая своего Додо, бабушка лепетала какъ ребенокъ, произнося нѣжныя и теплыя слова, и радостныя слезы блестѣли въ ея старыхъ глазахъ. За тѣмъ бабушка повела Андрюшу въ кабинетъ, посадила его на диванъ, сѣла противъ него на креслѣ, и склонивъ голову немного на бокъ, долго и молча вглядывалась въ него своими добрыми, ласковыми глазами.

— Какъ ты похудѣлъ, Додо! наконецъ проговорила бабушка, съ сожалѣньемъ покачивая своей дряхлой головой.

— Давно мы, бабушка, съ вами не видались, сказалъ Андрюша, глядя внизъ на коверъ, а та смотрѣла на него и улыбалась!

— Знаешь, Додо,—начала бабушка нѣсколько торжественно, и Андрюша тотчасъ-же подумалъ, что вотъ-вотъ бабушка заговоритъ о его дѣлахъ, о его женѣ, о дѣтяхъ и изъ-подлобья посмотрѣлъ въ ея сторону.

— Знаешь, Додо, ты хоть и похудѣлъ, но это ничего, теперь ты еще интереснѣе, это тебѣ къ лицу. Только брось ты, пожалуйста, хоть ради меня, эту странную привычку носить бороду.

Андрюша ничего на это не отвѣтилъ.

Потомъ бабушка подробно, и съ участіемъ стала его распрашивать о занятіяхъ, о житьѣ-бытьѣ и т. д., причемъ, однако, даже не заикнулась о семейной жизни Андрея Семеновича точно совсѣмъ не знала, что Андрюша женатъ или точно будто-бы боялась заговорить объ этомъ обстоятельствѣ.

Андрюша отвѣчалъ односложно и нехотя, и скоро сталъ собираться домой, но бабушка упросила его посидѣть и съ серьезнымъ видомъ объявила, что ей еще нужно ему кое-что передать; Андрюша опять подумалъ, что бабушка заведетъ разговоръ о его семейныхъ дѣлахъ, но вмѣсто того бабушка скользнула въ кабинетъ и черезъ минуту явилась оттуда съ толстой пачкой банковыхъ билетовъ.

— Освободи ты меня, пожалуйста, отъ твоихъ денегъ, сказала она съ ласковымъ упрекомъ; я не понимаю, зачѣмъ онѣ у меня лежатъ, вѣдь ихъ еще покойный дѣдушка записалъ на твое имя, убѣдительно замѣтила бабушка, хотя ей очень хорошо извѣстно было, что дѣдушка никакихъ денегъ на имя Андрея Семеновича не записывалъ.

— Ну, пускай онѣ у васъ еще полежатъ, съ разстановкой и довольно холодно произнесъ Андрей Семеновичъ и опять хотѣлъ было подняться, но бабушка снова его удержала, велѣла подать завтракъ и снова безъ умолку говорила.

Наконецъ бабушка отпустила внука домой, взявъ предварительно съ него слово, что онъ опять придетъ къ ней въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Удивительная старуха! думалъ Андрей Семеновичъ спускаясь съ лѣстницы.—О женѣ—ни слова; экая спѣсь барская! А нужно будетъ еще какъ нибудь забѣжать къ ней; видно, что сбрадовалась моему приходу.

Въ послѣдующее затѣмъ время бабушка чувствовала себя какъ-то особенно хорошо, была весела, жила и все какъ будто о чемъ-то хлопотала, такъ что старый юноша, Иванъ Яковлевичъ, въ корсетѣ, не разъ съ джентльменскою улыбкою замѣчалъ бабушкѣ, что она молодѣетъ и хорошѣетъ.

Но бабушка и сама чувствовала, что она точно помолодѣла, поднялась выше и даже раза два (удивительное дѣла!) позволила себѣ подшутить надъ дряхлостью своей глухой подруги. Бабушка кромѣ того стала какъ-то разговорчивѣе и еще съ большимъ рвеньемъ перебирала и пересказывала глухой старушкѣ, Ивану Яковлевичу и другимъ всѣ удивительныя событія и происшествія давнопрошедшаго времени и своей молодости. Разсказывала о сановникѣ ея времени Иванѣ Онуфріевичѣ, который былъ такъ добръ, что привезъ ей въ подарокъ мальчишку мулата, уже извѣстнаго намъ Осипа, который такъ и состарился на запяткахъ у бабушки; разсказывала о прусскомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III, котораго она въ 1813 году, на балѣ, въ Варшавѣ, совершенно обворожила своею красотой и который, по ея словамъ, неотступно преслѣдовалъ ее весь тотъ вечеръ и, Богъ вѣсть, что еще разсказывала. И Иванъ Яковлевичъ и глухая старушка, не смотря на то, что слушали эти разсказы въ сотый разъ, слушали всетаки довольно внимательно, а Иванъ Яковлевичъ даже, всякій разъ какъ бабушка разсказывала о Фридрихѣ считалъ своимъ долгомъ вставить отъ себя: О, это былъ великій человѣкъ своего времени!

Разговорчивость бабушки впрочемъ не останавливалась на старыхъ воспоминаніяхъ, а также касалась и ея насущныхъ интересовъ, такъ напр., она подъ величайшимъ секретомъ сообщила своей глухой подругѣ, что бергамотнымъ и жасминнымъ нюхательнымъ табакомъ она недовольна и думаетъ его перемѣнить на какой-нибудь другой. Это дѣйствительно была величайшая тайна, которую она тщательно отъ всѣхъ скрывала, такъ что о томъ, что бабушка нюхаетъ табакъ, не зналъ рѣшительно никто, и не долженъ былъ знать, кромѣ ея подруги.

Оживленіе бабушки поддерживалась посѣщеніями Андрея Семеновича который, хотя приходилъ довольно рѣдко и на очень короткое время, но этимъ бабушку удивительно утѣшалъ и радовалъ.

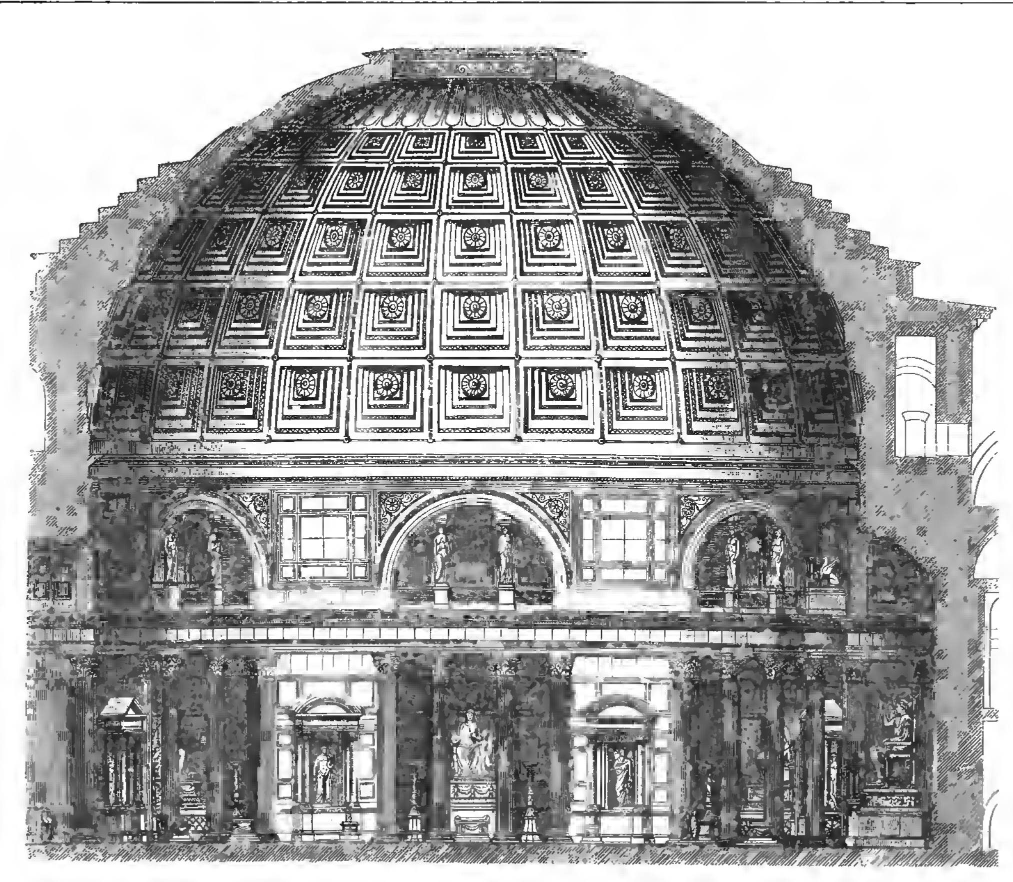
Но съ теченіемъ времени бабушка все яснѣе и яснѣе видѣла, что Андрюша всегда приходитъ къ ней какимъ-то разстроеннымъ и опечаленнымъ; поэтому она своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ не безъ основанія заключила, что причина всего этого непремѣнно кроется въ его семейныхъ дѣлахъ и главнымъ образомъ въ его скудныхъ средствахъ. И хотя самъ Андрюша еще ни разу ни единымъ словомъ не упоминалъ ни о женѣ, ни о дѣтяхъ, но бабушка порѣшила при удобномъ случаѣ первой завести разговоръ на эту тему, чтобы хоть теплымъ словомъ успокоить и утѣшить своего „капризнаго и своенравнаго", какъ она выражалась, внука. Удобный случай представился скоро и бабушка сдѣлала даже болѣе, чѣмъ хотѣла.

Однажды Андрей Семеновичъ явился къ ней противъ обыкновенія довольно веселымъ и спокойнымъ, и былъ съ нею откровененъ и ласковъ. Оба они сидѣли въ

дѣдушкиномъ кабинетѣ, въ креслахъ; Андрюша курилъ папиросу, а бабушка съ жаромъ говорила ему о выгодахъ государственной службы, приводила сотни примѣровъ и съ затаенною цѣлью указывала на многихъ лицъ, дослужившихся въ лѣта Андрюши до генеральскаго чина. Андрюша слушалъ, не возражая, и молчалъ. Наконецъ бабушка утомилась отъ своей длиной рѣчи, и нѣсколько разъ капнувъ въ свой кружевной платокъ, умолкла. Андрюша тоже молчалъ и пристально глядѣлъ на бабушку.

— Додо, снова начала бабушка какимъ-то тихимъ, ласковымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ робкимъ голосомъ, мнѣ, вѣдь ты знаешь, очень хорошо извѣстно, что у меня есть правнуки... Двѣ, три хмурыя морщинки пробѣжали по лбу Андрея Семеновича.

— Ну такъ что? спросилъ онъ холодно.

Римскій пантеонъ въ его первоначальномъ видѣ. Рисунокъ въ разрѣзѣ.

Общій видъ Римскаго Пантеона въ настоящее время.

На безкрестной могилѣ. Рисунокъ Н. Каразина грав. Сляскій.

— Я бы хотѣла ихъ видѣть... мнѣ не долго жить.... почти шопотомъ отвѣтила бабушка и чувствовала какъ слезы приступали къ самому горлу и сдавливали дыханіе.

— Вы хотите ко мнѣ пріѣхать, въ раздумьи произнесъ Андрей Семеновичъ и закусивъ губу, смотрѣлъ куда-то въ уголъ.—Чтожь, если вамъ угодно, милости просимъ, продолжалъ онъ, вскинувъ на бабушку глазами, но только я васъ долженъ предупредить, что ваше эстетическое чувство, ваше... ваше барское чутье будетъ у меня оскорблено на каждомъ шагу.

Бабушка чувствовала, что она готова разрыдаться. Слезы противъ желанія бѣжали изъ глазъ ея ручьями и переносья щемило жгучею болью, но бабушка улыбнулась глазами полными слезъ и всхлипывая проговорила:

— Ну, хорошо, хорошо, а всетаки я пріѣду къ своимъ правнукамъ.

Послѣ ухода Андрюши бабушка послала за докторомъ и легла въ постель; она чувствовала себя не хорошо. Но дѣло обошлось сильною нервною головною болью и черезъ нѣсколько дней бабушка была уже на ногахъ.

Совершенно оправившись отъ недавняго потрясенія, бабушка рѣшилась ѣхать къ Андрюшѣ въ первый-же удобный день.

Пора, давно уже пора совсѣмъ простить Андрюшу, разсуждала бабушка сама съ собой, прошлаго не воротишь, а его, кажись, не передѣлаешь: упрямъ онъ, весь въ отца. Видно грѣхи мои Господь взыскиваетъ.

— Какъ ты думаешь? говорила бабушка своей глухой пріятельницѣ.

— Я ничего матушка не думаю: о чемъ мнѣ думать— стара я стала, ужь очень стара!..

— Ахъ! нетерпѣливо перебила бабушка: ты слушай, что я говорю.

— Слушаю, слушаю, родимая, все слушаю: изволь говорить—я ужь и рожокъ наставила.

— Ну такъ сядь и слушай.

— Слушаю, слушаю.

— Я тоже ужь стара и хочу моего Додо простить... Хорошо-ли это будетъ?

— Хорошо, голубушка, разумѣется хорошо: Господь велитъ всѣхъ прощать...

— Ну, хоть и не всѣхъ...

— Всѣхъ, всѣхъ, матушка!..

— Ахъ, какая ты странная: я тебѣ говорю не всѣхъ, а только тѣхъ, которые этого заслуживаютъ.

— Ну пусть будетъ такъ...

— Такъ заслуживаетъ-ли Андрей прощенія?

— Заслуживаетъ! заслуживаетъ!..

Слушала бабушка эти „свои слова“ въ устахъ глухой старушки и невольно приходили на умъ грустныя мысли о ея одиночествѣ, старости и безпомощности, и она съ наслажденіемъ лелѣяла надежду на совершенное примиреніе со своимъ единственнымъ внукомъ.

Въ первый праздничный день, послѣ завтрака, бабушка велѣла заложить карету и взявъ съ собой Осипа, поѣхала къ Адрею Семеновичу. Когда карета остановилась у дома, гдѣ жилъ Андрей Семоновичъ, Осипъ соскочилъ съ козелъ, внушительно тряхнувъ при этомъ своимъ широчайшимъ воротникомъ; затѣмъ сбѣгалъ въ четвертый этажъ и доложилъ бабушкѣ, что Андрей Семеновичъ дома и проситъ ее пожаловать. Бабушка съ трудомъ поднялась по лѣстницѣ при помощи Осипа, который старательно поддерживалъ ее то съ той, то съ другой стороны; шествіе было до нѣкоторой степени не лишено торжественности, которую, впрочемъ создавалъ только одинъ Осипъ забѣгая съ разныхъ сторонъ на помощь бабушкѣ.

— Ну ты Осипъ кажется не по разуму усердствуешь.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ онъ, снова впрочемъ забѣгая съ боку, чтобы поддержать бабушку.

— Видишь какъ, старикъ, умаялся ты, милостиво замѣтила бабушка, когда они уже поднялись по лѣстницѣ къ квартирѣ Андрея Семеновича:—умаялся чуть-ли не больше чѣмъ я сама...

— Помилуйте-съ... Смѣю-ли я... Какъ можно!.

— Ну да ужь, можно-ли, не можно-ли, а старѣешь, старѣешь, Осипъ!..

— Виноватъ-съ! Что дѣлать... вздохнулъ онъ и поспѣшно забѣжавъ впередъ, позвонилъ.

Андрей Семеновичъ уже ждалъ давно и лишь звонокъ раздался—кинулся на встрѣчу входящей бабушкѣ.

— Бабушка! ахъ бабушка! Какъ вы насъ обязали!..

Она молча обняла его, молча, но послѣ глубокаго вздоха отерла набѣжавшую на ея старческія глаза слезу и потомъ поцѣловала его въ губы.

Богъ знаетъ—прощенья-ли она просила, или сама прощала этимъ поцѣлуемъ Андрея Семеновича.

Это тайна ея.

Андрей Семеновичъ тоже съ своей стороны какъ будто немного и прослезился (слезы, вѣдь, для нѣкоторыхъ особъ заразительны). Онъ повелъ бабушку въ слѣдующую комнату и усадилъ ее на первое попавшееся кресло.

— Ну, вотъ... ну, вотъ наконецъ я и пріѣхала къ тебѣ, говорила бабушка, не успѣвъ еще хорошенько передохнуть послѣ длиннаго пути по лѣстницѣ.

Вотъ, бабушка, моя жена, сказалъ Андрей Семеновичъ, указывая на остановившуюся въ дверяхъ Варвару Михайловну.

Бабушка вѣжливо, но съ достоинствомъ кивнула ей головой, ожидая, что молодая дама подойдетъ къ ея ручкѣ, но та издали и просто поклонившись, сѣла на ближайшій стулъ. Эта до нѣкоторой степени холодная сцена отчасти была непріятна вообще и бабушкѣ и Андрею Семеновичу и Варварѣ Михайловнѣ. Но всѣ они въ то же время и сами сознавали, что иначе не могло и быть. Такимъ образомъ, благодаря этой, сценѣ наступила одна изъ тѣхъ неловкихъ минутъ, когда все, кѣмъ-бы то нибыло сказанное, кажется неумѣстнымъ и неподходящимъ, но это продолжалось именно только минуту: бабушка, какъ ловкая дама и когда-то пожившая въ свѣтѣ, первая прервала молчаніе.

— А я пріѣхала бранить моего Андрея...

(Нужно замѣтить, что бабушка въ первый разъ отступила отъ своего привычнаго „Додо“).

— Бранить? улыбаясь спросила Варвара Михайловна.

— Да, бранить, тоже улыбаясь отвѣчала бабушка.

— Онъ этого достоинъ и даже... очень!

Варвара Михайловна мило взглянула на Андрея Семеновича, давая этимъ взглядомъ понять, что ея слова имѣютъ не тотъ смыслъ, въ которомъ онѣ предназначены для бабушки, а другой, имъ только двоимъ понятный. Словомъ она находила, что „очень бранить“ нужно Андрея Семеновича, потому что у ней есть съ нимъ „свои счеты.“ Бабушка-же приняла эти слова прямымъ подтвержденіемъ ея словамъ.

— Да, да его слѣдуетъ и очень слѣдуетъ пожурить, улыбаясь повторила она, слѣдуетъ за то, что благодаря именно ему, мы съ вами до сихъ поръ не знали другъ друга.

Она значительно ласковѣе и дружелюбнѣе взглянула на Варвару Михайловну и видимо старалась быть съ нею какъ только возможно ласковѣе.

Варвара Михайловна въ отвѣтъ на это сдержанно улыбнулась, а Андрей Семеновичъ посмотрѣлъ куда-то въ сторону и физіономія его точно говорила „а кто-же виноватъ, что вы не знали другъ друга?“

Въ это время въ комнату вошла няня, держа на рукахъ бѣлокураго, полнаго мальчугана. Бабушка вся встрепенулась и быстро простерши обѣ руки, поманила няню къ себѣ.

— А, вотъ онъ какой!.. Вотъ какой!.. заговорила она радостно и откинувшись на ручку кресла, ликующими

глазами смотрѣла на прыгающаго мальчика, который поводилъ вокругъ веселыми глазенками и болталъ рученками. Скоро онъ очутился у бабушки на колѣнахъ и безъ стѣсненія подпрыгивалъ и покрикивалъ.

Ребенокъ своимъ появленіемъ всѣхъ сблизилъ: у бабушки вся важность исчезла, у Варвары Михайловны не извѣстно какъ, вдругъ пропала всякая сдержанность и она, сама того не замѣчая повеселѣла и оживилась, любуясь своимъ ребенкомъ. Андрей Михайловичъ, впрочемъ, нѣкоторое время еще держался такъ сказать „въ почтительной важности,“ но и онъ незамѣтно потерялъ эту важность и сдержанность и сталъ любоваться на своего ребенка. смотря какъ онъ безцеремонно обращался съ бабушкой.

— Ишь какъ онъ пляшетъ. ишь какъ онъ пляшетъ! приговаривала бабушка, ухвативъ маленькаго плясуна подъ мышками.

— Смотрите, какой онъ веселый, какой онъ храбрый—это будущій флигель-адъютантъ! въ восторгѣ говорила она.

Андрей Семеновичъ на послѣднее замѣчаніе бабушки—слегка улыбнулся и глянулъ на жену, но та ничего не замѣчала и вся сіяла отъ удовольствія при видѣ бабушкиныхъ ласкъ. Вскорѣ былъ принесенъ и второй мальчуганъ, который также очутился у бабушки на колѣнахъ.

— У! какой этотъ серьезный, нѣжно говорила бабушка, какой у него лобъ большой! Это дипломатъ, это будущій посланникъ, такъ и глядитъ посланникомъ!

Когда флигель адъютанта и посланника унесли, бабушка весело заговорила съ Варварой Михайловной.

Такъ ихъ разговоръ совсѣмъ уже измѣнился: онѣ точно давнымъ давно были знакомы коротко. Изъ разговора съ ней она къ своему удовольствію узнала, что Варвара Михайловна—урожденная Доброхотина, правнучка екатерининскаго секундъ-маіора Доброхотина, который былъ сослуживцемъ бабушкинаго отца и находился подъ его начальствомъ.

Послѣ долгой и тихой семейной бесѣды, въ которой бабушка уже непритворно была ласкова къ своей невсткѣ, она стала собираться домой, взявъ съ молодыхъ супруговъ слово, что они придутъ къ ней вмѣстѣ въ первое-же воскресенье, съ ребятами.

Бабушка уѣхала домой веселая и довольная, и сидя въ каретѣ думала о своихъ милыхъ внукахъ и правнукахъ. Въ Варварѣ Михайловнѣ она нашла то, что вовсе не ожидала найти; ей понравилась ея горделивая осанка и ея первый поклонъ, которому она сначала удивилась, но который впослѣдствіи ей сталъ совершенно ясенъ.

— Она вѣдь внучка секундъ-маіора, разсуждала бабушка, о! она совершенно не похожа на учительницу!

Вотъ какопо оно, давно прошлое. Вотъ все то, что предшествовало тому парадному обѣду, съ которымъ мы познакомили читателей въ первыхъ главахъ нашего разсказа.

IV.

Съ этихъ поръ молодые супруги стали ѣздить къ бабушкѣ каждое воскресенье обѣдать.

И, странное дѣло, всѣ тѣ маленькія, супружескія размолвки и вспышки, которыя нерѣдко до той поры посѣщали ихъ тихій, семейный очагъ, всѣ онѣ теперь какъ будто улеглись и затихли. Правда и теперь зачастую Андрей Семеновичъ начиналъ сердится и кипятиться изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, причемъ раздражался всегда до крайнихъ предѣловъ; но въ этихъ случаяхъ Варвара Михайловна обыкновенно замѣчала ему: „а что говорила бабушка?“ или „теперь я вижу, что бабушка права“ и т. п. На это Андрей Семеновичъ обыкновенно возражалъ, говоря, что бабушка старуха, что она этого дѣла и понять не въ состояніи, что она сама и сердиться-то не умѣетъ, но въ концѣ концовъ онъ нѣжно цѣловалъ у Варвары Михайловны руку и просилъ простить за свою чрезмѣрную вспыльчивость. Иногда онъ утихалъ самъ собою и потомъ уже, послѣ совершеннаго водворенія мира и спокойствія, онъ со смѣхомъ припоминалъ многочисленныя сцены размолвокъ съ женой, всегда кончавшихся если не въ залѣ бабушкиной квартиры (самый конечный пунктъ ссоры), то въ его, Андрея Семеновича, прихожей. Онъ припомнилъ, напримѣръ, какъ однажды ему, совсѣмъ уже разбранившемуся на жену, пришелъ въ голову вопросъ: отчего эта ссора его съ женой далѣе бабушкиной квартиры не заходитъ—и онъ захохоталъ надъ своимъ гнѣвомъ.

— Дѣти мы, дѣти! говорилъ онъ потомъ сквозь слезы: ссоримся, миримся, плачемъ, а спросить изъ-за чего—сами не знаемъ.

Вспоминалъ такъ же онъ, какъ собираясь ѣхать къ бабушкѣ и будучи передъ тѣмъ сильно раздосадованъ на Варвару Михайловну, но совершенно готовый къ отъѣзду, взялъ въ руки шляпу и задумался, съ какою же фразою обратиться къ женѣ съ приглашеніемъ ѣхать? Просто-ли сказать „поѣдемъ, Варинька“ (но вѣдь это было бы слишкомъ нѣжно), или сказать „поѣдемте, Варвара Михайловна“, или еще лучше, „можно ѣхать“. Онъ припомнилъ, какъ эти формы вопросовъ охладили его гнѣвъ и онъ давалъ себѣ зарокъ не ссорится болѣе съ женою. Но жизнь идетъ своимъ неизмѣннымъ путемъ и люди, сознавая всю ея суетность, все-таки поддаются ея мелочамъ—ссорятся, мирятся, плачутъ, ищутъ, находятъ, теряютъ, пока ихъ не снесутъ на совершенно покойное и тихое мѣсто.

Грустныя думы—и незачѣмъ имъ отдаваться!

И такъ, хотя ссоры еще не совершенно оставили мирный уголокъ молодыхъ супруговъ, но все это далеко уже было не то, что бывало прежде.

Нерѣдко примиренные и успокоенные оба они ѣхали къ бабушкѣ и та своимъ опытнымъ глазомъ тотчасъ-же замѣчала, что ея внуки какъ-то необыкновенно другъ къ другу внимательны и нѣжны, какъ зачастую бываетъ послѣ неоконченныхъ ссоръ, когда гроза наконецъ разражается сильнѣйшимъ проливнымъ дождемъ, небо начинаетъ проясниться и солнышко еще привѣтливѣе. еще радостнѣе, чѣмъ до бури, проглядываетъ изъ-за разметанныхъ грозовыхъ тучъ,

— А что, Варинька,—говорила тогда бабушка, лукаво грозя Андрюшѣ пальцемъ,—Додо, чай, нехорошо себя велъ это время, не слушался тебя?

— Да, бабушка, не хорошо,—отвѣчала та, нѣжно поглядывая на мужа,—велъ собя изъ рукъ вонъ плохо.

— А мы вотъ что, мы его съ тобой въ руки заберемъ, будетъ онъ по нашей дудочкѣ плясать! продолжала подсмѣиваться бабушка.

— Пожалуйста, бабушка, пожалуйста, живо подхватывала Варвара Михайловна и всѣ трое весело смѣялись.

Къ Варварѣ Михайловнѣ бабушка привязалась всѣмъ сердцемъ, о правнукахъ и говорить нечего: она въ нихъ души не чаяла, но Андрюшу все таки не перестала корить за его ненависть къ службѣ.

Правнукамъ своимъ, которыхъ теперь уже было трое, она дарила игрушки, ѣздила съ ними кататься, устраивала елки, причемъ хлопотала и суетилась ужасно. Отрадно было видѣть, какъ дряхлая бабушка, окруженная со всѣхъ сторонъ бойкимъ краснощекимъ народомъ, сіяя радостью и счастьемъ, шутила и веселилась со своими крохотными, забавными ребятишками. Самая младшая правнучка, чудная дѣвочка съ бѣлокурыми локонами и свѣтлыми глазами, пользовалась почему-то особеннымъ расположеніемъ доброй бабушки, которая и ей ухитрилась предсказать блестящую будущность.

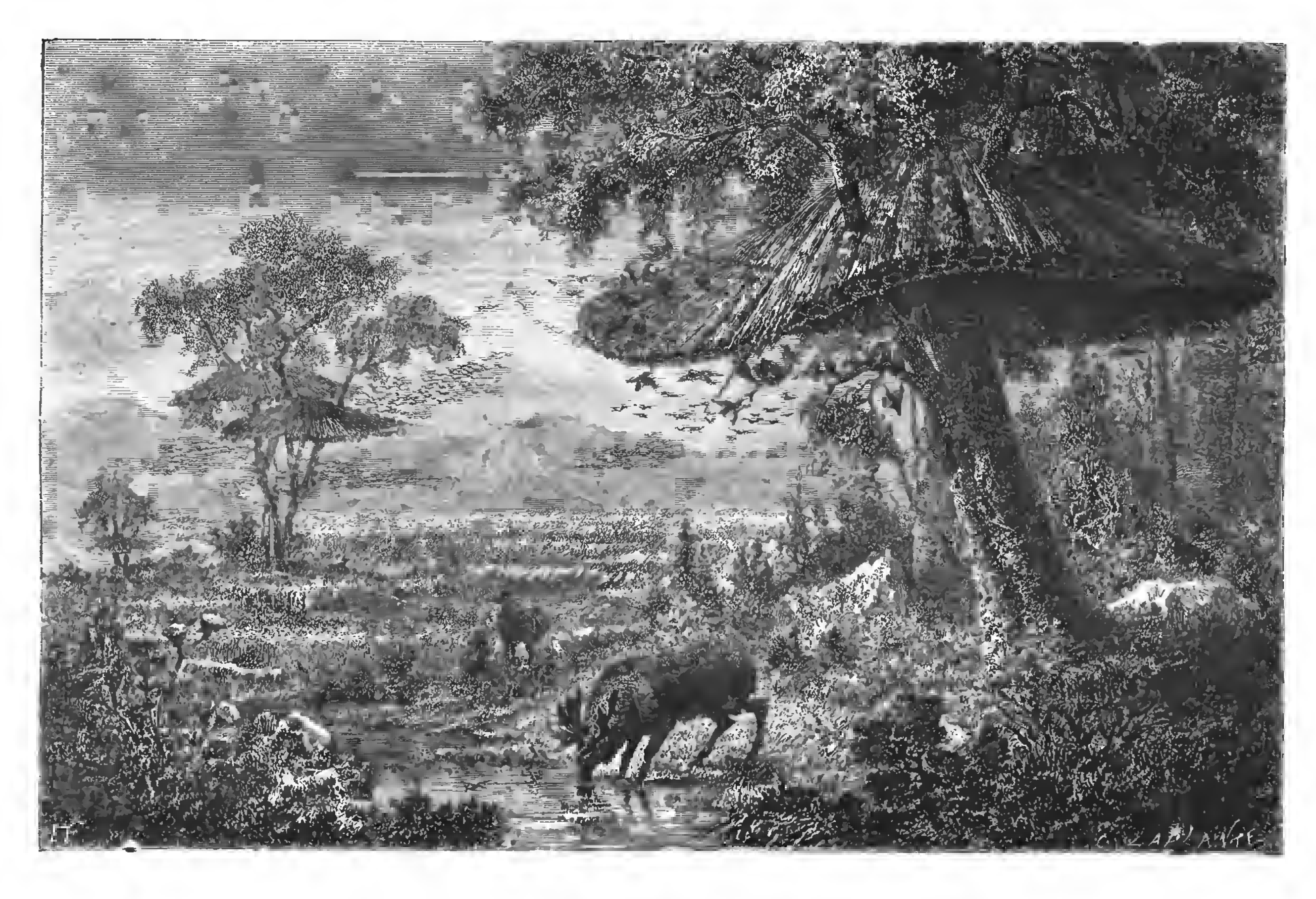
И теперь нерѣдко по утрамъ старикъ Осипъ докладывалъ ей, что пріѣхалъ старшій ея правнукъ съ нянюшкой, и бабушка быстро шла въ переднюю и встрѣчала маленькаго гостя радостными восклицаніями: „А, флигель-адъютантъ, флигель-адъютантъ!“

Такова была бабушка, такова она еще и теперь, на закатѣ своихъ дней и чѣмъ ближе подходятъ къ концу дни ея земного бытія, чѣмъ тусклѣе дѣлается заря ея закатывающагося солнца жизни, тѣмъ больнѣе и тяжелѣе дѣлается на сердцѣ Андрея Семеновича и Варвары Михайловны — прямыхъ наслѣдниковъ бабушкинаго богатства. Тяжела для нихъ мысль о предстоящей разлукѣ съ бабушкой, хотя и оставляющей ихъ прямыми наслѣдниками ея богатствъ, но уносящей съ собою въ таинственный и непонятный намъ міръ то богатство неоцѣнимое, которое дѣлаетъ жизнь молодыхъ супруговъ счастливой, разсѣеваетъ всякія ихъ размолвки и всегда является крѣпкимъ оплотомъ, охранителемъ ихъ душевнаго міра. Такого сокровища богатствами не пріобрѣтешь! И когда эта миротворительница въ свой часъ уйдетъ туда, „откуда никто не приходитъ“ — память о ней будетъ вѣчно жить въ сердцахъ ея потомства, преемственно переходя изъ рода въ родъ. Такова сила истинной добродѣтели, таковъ ея завидный удѣлъ — жить въ сердцахъ благодарныхъ потомковъ.

А. Ремезовъ.

Генералъ Улиссъ Грантъ Бывшій Сѣверо-Американскій президентъ.
Съ фот. гр. грав. Вейерманъ.

Гнѣзда общественныхъ ткачиковъ. Рис. Лапланть, грав. Гальбонъ.

Чтеніе Библіи. Картина Курцбауера, грав. Гальбергеръ.

Къ рисункамъ

На безкрестной могилѣ.

Грустная фигура женщины, уныло склонившаяся надъ безкрестной могилой, находящейся, видимо, въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ нибудь въ оврагѣ. Могилы этой, можетъ быть, никто другой, кромѣ этой женщины и не посѣщаетъ, признавая не только страшнымъ, но и опаснымъ проходить мимо того мѣста, гдѣ зарытъ самоубійца. Но *она* знаетъ причины, заставившія человѣка покуситься на свою жизнь, она идетъ на его безкрестную могилу, потому, можетъ быть, что въ этой могилѣ зарыто ея счастіе. Художникъ, видимо, подъ вліяніемъ стихотворенія Мея нарисовалъ эту печальную фигуру среди дикой и глухой мѣстности. Приводимъ здѣсь это стихотвореніе.

„Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великій, поминъ по родителямъ;
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила:
Я у мужа вечёръ отпросилася:
Отпусти, государь, похристосуюсь
На могилѣ со свекромъ батюшкой.
Идучи, я съ дорожки сбилася,
Во темномъ, во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналася.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная,
Всю размыло ее ливнемъ дождикомъ,
Размело, разнесло непогодушкой.
Подошла я къ могилѣ, шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
Ты скажи мнѣ, сырая матушка,
Каково-то легко было молодцу,
Загубить свою душеньку грѣшную,
Каково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися“.

Неправда-ли, какая сила стиха, ясность и опредѣленность образовъ и какая глубина чувствъ въ каждомъ словѣ этого стихотворенія.

Генералъ Улиссъ Грантъ.

Бывшій Сѣверо-Американскій президентъ генералъ Улиссъ Грантъ родился 15-го апрѣля 1822 г. въ графствѣ Клермонтъ, въ штатѣ Огіо. Тамъ до сихъ поръ сохраняется еще на берегу рѣки Огіо небольшой одноэтажный домикъ, въ которомъ провелъ свое дѣтство знаменитый впослѣдствіи президентъ американскихъ штатовъ, оказавшій столько услугъ своему отечеству, въ особенности въ памятную войну сѣверянъ съ южанами въ 60 годахъ.

Отецъ Гранта былъ уроженецъ Шотландіи—человѣкъ бѣдный, но неутомимо дѣятельный и энергичный. Именемъ Гомерова героя президентъ Грантъ обязанъ своей бабкѣ съ материнской стороны, любительницѣ классической древности. Но объ изученіи маленькимъ Грантомъ греческаго языка не могло быть и рѣчи, такъ какъ онъ ходилъ въ школу своего селенія только зимою, а лѣтомъ долженъ былъ помогать своему отцу въ полевыхъ работахъ.

До самаго открытія междоусобной войны Грантъ пробовалъ себя въ различныхъ отрасляхъ гражданской дѣятельности. Нѣкоторое время онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ на фермѣ своего тестя, около Сентъ-Луи и многіе до сихъ поръ еще помнятъ, какъ онъ возилъ на рынокъ продавать имъ же самимъ срубленный лѣсъ въ телѣжкѣ, запряженной муломъ. Далѣе онъ торговалъ шерстью и имѣлъ мѣсто на кожевенномъ заводѣ.

Въ первый разъ онъ былъ выбранъ въ президенты въ 1869 году; по истеченіи же узаконеннаго для президентства трехлѣтія, былъ выбранъ въ 1873 г, во *второй разъ*, и вотъ уже по истеченіи второго трехлѣтія, кончившагося въ 1876 году, онъ долженъ былъ сложить съ себя президентскую власть, и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ извѣстно, избранъ былъ Гейзъ.

Сложивъ съ себя обязанности президента, каковой постъ онъ держалъ съ примѣрною твердостью и силою характера, Грантъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Европѣ. Былъ въ Англіи, во Франціи, гдѣ всюду его принимали радушно, какъ личность въ высшей степени честную и почтенную. Въ послѣднее время американскій генералъ ех-президентъ находился въ Греціи, а оттуда недавно направился въ Неаполь.

Къ Греціи, гдѣ онъ пребывалъ довольно продолжительное время, Грантъ питаетъ, повидимому, самое искреннее сочувствіе, увлеченный славными преданіями этой страны. Когда Грантъ отъѣзжалъ изъ Аѳинъ въ Неаполь, отъѣздъ его сопровождался самыми восторженными оваціями. Отвѣчая на прощальную привѣтственную рѣчь министра Деліаниса, Грантъ сказалъ: „Я былъ удивленъ и удовлетворенъ, увидѣвъ повсюду въ Греціи доказательства порядка и цивилизаціи. Я навсегда сохраню глубокое уваженіе къ народу, полезные труды котораго я уважаю. Я теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ, что Греція можетъ занять преобладающее мѣсто среди націй“.

Есть слухи, что генералъ Грантъ посѣтитъ и Россію и побываетъ въ нашей сѣверной столицѣ, которая, конечно, достойнымъ образомъ встрѣтитъ дорогого гостя. Біографія Гранта была помѣщена въ „Нивѣ“ за 1871 г., № 29. А потому читателей, интересующихся подробностями жизни бывшаго президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и отсылаемъ къ этой біографіи.

Гнѣзда общественныхъ ткачиковъ.

(Philetaerus socius).

Семейство ткачей чрезвычайно богато видами и притомъ не столько по внѣшнему виду относящихся сюда птицъ, сколько по изумительному искусству ихъ строить свои гнѣзда, вслѣдствіе чего это семейство и получило названіе ткачей. Ткачи населяютъ собою теплыя страны Стараго Свѣта, каковы Азія и Африка, изъ которыхъ послѣдняя въ особенности обилуетъ ткачами и поселенія ткачиковъ составляютъ одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ признаковъ африканскаго пейзажа, придавая совсѣмъ особый видъ деревьямъ, которыя ткачи выбрали для устройства своихъ гнѣздъ. Въ № 49 „Нивы“ за прошлый 1877 годъ было помѣщено изображеніе и описаніе гнѣздъ одного вида птичекъ ткачей, въ настоящее время на рисункѣ изображены гнѣзда общественныхъ ткачиковъ. Общественные ткачики являются замѣчательными представителями всей группы. Самое удивительное у этихъ птицъ—ихъ общественная постройка гнѣздъ подъ одной общей крышей. Гнѣзда всѣ скучиваются, плотно прилегая одно къ другому, такъ что въ общемъ похожи на массу травы со множествомъ ямокъ—выходныхъ отверстій, обращенныхъ книзу. Верхъ этихъ скученныхъ гнѣздъ принимаетъ форму крыши или распущеннаго зонтика и постепенно, по мѣрѣ возрастанія числа гнѣздъ, получаетъ такіе размѣры, что подъ гнѣздомъ ткачиковъ легко могутъ укрыться пять-шесть человѣкъ. Старыя гнѣзда уже не употребляются ткачиками для новаго насиживанья, на этотъ случай пары устраиваютъ себѣ подъ старыми гнѣздами новыя. Такимъ образомъ масса и общая тяжесть гнѣзда все увеличивается, пока наконецъ вѣтвь, на которую навѣшивается гнѣздо, не выдержитъ тяжести и не обломится. Паденіе гнѣздъ происходитъ болѣе въ дождливое время, когда сухая трава впитываетъ въ себя влагу, и увеличенный вѣсъ гнѣзда уже не можетъ быть удержанъ вѣткой. Подобныя жилища встрѣчаются обыкновенно на большихъ деревьяхъ съ твердой, жесткой древесиной, способной выдерживать тяжесть, впрочемъ, случается видѣть такія гнѣзда и на древесномъ алоѣ; постройка гнѣзда начинается одной парой. Обыкновенно самка вьетъ гнѣздо, а самецъ только натаскиваетъ матеріалъ, состоящій изъ травъ. Къ этому одинокому гнѣзду начинаютъ пристраивать и другіе. Впрочемъ, обитатели гнѣздъ не находятся ни въ малѣйшей зависимости одни къ другимъ и между ними нѣтъ никакого физіологическаго раздѣленія труда. Общественные ткачики своимъ видомъ не представляютъ ничего особеннаго: это небольшія, всего около 5 дюймовъ длины птички. Цвѣтъ ихъ блѣдно-тѣльный, усѣянный на спинкахъ темно-бурыми пятнами. Кладутъ отъ 3 до 4 голубовато-бѣлыхъ яицъ, съ коричневыми пятнышками на тупомъ концѣ; высиживаются ли яйца одной самкой или въ высиживаніи принимаетъ участіе и самецъ—остается еще неизслѣдованнымъ. Молодые выкармливаются насѣкомыми.

Врагами общественныхъ ткачиковъ являются змѣи, усердныя разорительницы гнѣздъ, и обезьяны, производящія жестокія опустошенія; обезьяны особенно лакомы до ихъ яицъ. Впрочемъ устройство ткачиками гнѣздъ дѣлаетъ ихъ трудно доступными для враговъ, и только попугаи легко могутъ овладѣвать готовымъ помѣщеніемъ, и часто изгоняютъ изъ гнѣздъ законныхъ ихъ обитателей.

Чтеніе Библіи.

Есть одна книга у человѣчества, книга вѣчно священная, вѣчно юная, вѣчно занимательная. Эта книга — Библія. Кто не восхищался ея чудными разсказами въ ранней молодости и кого она не утѣшала въ пасмурной и печальной старости.

„Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.

Такъ говоритъ Жуковскій о Библіи въ одномъ изъ своихъ мелкихъ стихотвореній, намекая въ образѣ полночнаго Давида конечно на Ломоносова, часто черпавшаго свое вдохновеніе изъ священной ветхозавѣтной книги. Но не только поэты находили во всѣ вѣка въ Библіи неистощимый источникъ наслажденія и поэтическаго творчества, но и въ каждой простой, скромной семьѣ эта книга—книга настольная. Совмѣщая въ себѣ обаятельность разсказа съ самою высокою нравственною истиною, она быстро очаровываетъ читателя, и онъ, увлекаемый все болѣе и болѣе возрастающимъ ея интересомъ, разъ

начавъ чтеніе, не въ силахъ бываетъ отъ него оторваться. На прилагаемомъ нами рисункѣ представлена именно такая сцена чтенія Библіи старушкой и молодой дѣвушкой.

Положеніе Христа во гробъ.

(Картина Тиціана).

Въ самый цвѣтущій періодъ венеціанской республики, когда ея слава была еще всемірной, а ея богатство и роскошь привлекали на ея лагуны всѣ знаменитости того времени — получилъ извѣстность геніальный художникъ Тиціанъ. Благодаря своему таланту, онъ быстро превзошелъ собратьевъ по искусству и вся его почти вѣковая жизнь (онъ род. въ 1477 г. и умеръ въ 1576 г. отъ моровой язвы) была непрерывнымъ рядомъ успѣховъ. Какъ истый венеціанецъ, Тиціанъ былъ горячимъ поклонникомъ блестящей композиціи и яркости красокъ въ выборѣ и распредѣленіи которыхъ онъ постоянно являлся глубокимъ, неподражаемымъ знатокомъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что Тиціанъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ портретистовъ своего времени. Во время своей многолѣтней жизни онъ перенесъ на полотно чуть ли не всѣхъ знаменитостей его эпохи. По обязанности онъ снималъ портреты съ каждаго новаго дожа, что также составило не малую коллекцію. Портреты Тиціана, по словамъ современниковъ, были какъ живые по сходству и неподражаемы по экспрессіи и колориту.

Большая картина Тиціана „Положеніе Христа во гробъ“, рисунокъ съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ, составляла нѣкогда достояніе англійскаго короля Карла I, а нынѣ находится въ Луврѣ и по мнѣнію знатоковъ, болѣе замѣчательное по экспрессіи и колориту, чѣмъ по удачной композиціи. Тиціанъ изобразилъ тотъ моментъ, когда тѣло Спасителя поднимаютъ чтобы нести къ уготованному гробу, Іосифъ Аримаѳейскій, Никодимъ и еще одинъ ученикъ, тогда какъ св. Іоаннъ стоитъ около Богоматери и старается утѣшить ее въ ея глубокомъ горѣ. Истинное религіозное чувство, проявляющееся въ зрителѣ при видѣ этой картины, полагаемъ, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать характеру того времени, которое совпадаетъ съ выходомъ въ свѣтъ этого номера „Нивы“, т. е. съ тѣми великими днями, которые церковь называетъ днями страстной седмицы.

Агриппина мать императора Нерона.

Рисунокъ, служащій живописнымъ дополненіемъ къ этой статьѣ, изображаетъ Агриппину, мать Нерона, въ то время, когда она, по тайному его приказанію, была обречена на гибель въ морскихъ волнахъ.

Отъ этого времени мы отдалены болѣе чѣмъ на восемнадцать вѣковъ: покушеніе Нерона на жизнь своей матери относится къ 59 году по Р. Х. и значится у Тацита подъ 10 іюля. Пользуясь здѣсь свѣдѣніями, сообщаемыми этимъ замѣчательнымъ историкомъ своего времени, и заимствуя ихъ изъ трудовъ почтеннаго профессора Кудрявцева, постараемся дать нашимъ читателямъ въ краткомъ очеркѣ понятіе о характерѣ того времени среди котораго жила Агриппина. Время Агриппины было полно преступленій, оно живо и ясно отразилось на ней. Въ сердцѣ этой женщины не найти было ни жалости, ни снисхожденія къ другимъ. Вся исполненная честолюбивыхъ плановъ, съ страстнымъ желаніемъ богатства и власти, эта женщина не задумывалась губить все, что мѣшало ей на пути къ достиженію ея плановъ. Страшно было попасться ей на дорогѣ, которой она проводила свои властолюбивые замыслы. Тутъ заранѣе нужно было отчаяться если не за самую жизнь, то по меньшей мѣрѣ за всякое счастье, за спокойствіе. Дочь Германика и Агриппины старшей—она наслѣдовала какъ отъ отца, такъ и отъ матери крѣпкую волю. Съ ранняго дѣтства окруженная завистливыми врагами, подкапывавшимися одинъ подъ другого, враждовавшими между собой близкими родственниками, Агриппина воспитала въ себѣ ненависть къ другимъ и чувство чрезмѣрной любви къ себѣ самой. Выданная замужъ за нѣкоего Агенобарба „самаго негоднаго человѣка“, по словамъ біографа, Агриппина родила отъ него сына—Нерона, по поводу рожденія котораго самъ отецъ, Агенобарбъ, выразилъ сомнѣніе, чтобы отъ него и Агриппины могло выйти что нибудь годное и безвредное для общества. Агриппина скоро овдовѣла и, польстясь на богатство одного незначительнаго лица въ исторіи, снова вышла замужъ. Второй мужъ также жилъ недолго и далъ возможность Агриппинѣ искать брака съ дядей ея Клавдіемъ. Сначала въ качествѣ близкой родственницы Агриппина посѣщала старика по смерти жены его, а затѣмъ стала позволять ему пользоваться ея ласками болѣе чѣмъ родственными... Очарованный красотой Агриппины, ея умѣньемъ казаться быть достойной супругой цезаря, подчиняясь ея волѣ, слабохарактерный Клавдій женился на дочери своего брата и ввелъ въ свое семейство ея сына Нерона. Не щадя никого кто мѣшалъ на пути, изыскивая всѣ непозволительные средства, завязывая самыя невѣроятныя интриги, то лживой нѣжностью, то необузданнымъ гнѣвомъ, Агриппина устроила усыновленіе Клавдіемъ Нерона, (въ 50 г. по Р. Х.); свадьбу Нерона съ дочерью Клавдія Октавіей, (53 г.) и ловко отодвинула на задній планъ законнаго наслѣдника Клавдія—Британика. Видя, что Клавдій во всякомъ случаѣ недолговѣченъ, и что она должна на много пережить его, Агриппина запасала себѣ средства, которыя бы могли обезпечивать ея власть противъ всякаго могущаго быть переворота. На Нерона она расчитывала какъ на свою собственную кровь и совершенно вѣрила, что его именемъ она будетъ управлять государствомъ еще удобнѣе чѣмъ именемъ Клавдія, который имѣлъ кой какихъ совѣтниковъ и друзей, мѣшавшихъ ея дѣйствіямъ. Твердымъ вѣрнымъ шагомъ все шла впередъ Агриппина, устраивая свою судьбу и тѣхъ, которыхъ услуги ей были нужны. Она не стѣснялась въ средствахъ: казнила, ссылала однихъ, награждала, ласкала другихъ и отдавалась отпущенникамъ лишь бы закупать ихъ себѣ. Самъ Клавдій былъ слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Но такъ какъ друзья его все таки противодѣйствовали ей, то она нашла нужнымъ поспѣшить своимъ освобожденіемъ отъ какой бы то нибыло зависимости. Знаменитая Локуста помогла ей раздѣлаться съ Клавдіемъ. Ядъ, принятый Клавдіемъ въ любимомъ его кушаньѣ (грибахъ), покончилъ жалкіе дни бѣднаго старика (54 г.). Первымъ дѣломъ Агриппины было скрыть настоящую причину смерти Клавдія, а затѣмъ тотчасъ же устроить признаніе Нерона цезаремъ. Это удалось ей вполнѣ, и пока сенатъ собирался, консулы и жрецы возносили къ богамъ свои мольбы, а дѣти Клавдія, обольщенныя лукавствомъ мачихи, ея нѣжными завѣреніями въ горести и въ утѣшеніи видѣть въ Британикѣ живое подобіе умершаго отца, спокойно оставались въ своихъ комнатахъ, незамѣтно остерегаемые стражей, войска привѣтствовали новаго цезаря въ лицѣ Нерона. Такимъ образомъ совершилось торжество Агриппины. Клавдію же опредѣлены были божескія почести, назначено торжественное погребеніе, какого Римъ не видывалъ со времени похоронъ Августа. Неронъ на гробѣ вотчима произнесъ блестящую рѣчь, онъ былъ великій мастеръ на пышныя фразы. Мать вообще въ воспитаніи сына ограничивалась, такъ сказать, только одной внѣшностію. Давая сыну блестящее образованіе, Агриппина въ своихъ цѣляхъ не допускала въ немъ развитія серьезной и глубокой мысли и постоянно поощряла наклонность къ разнымъ прихотямъ, ничего не жалѣя для ихъ удовлетворенія. Благодаря такому направленію, даваемому матерью изъ своихъ личныхъ выгодъ и подъ руководствомъ учителей, дѣйствовавшихъ также сообразно своимъ цѣлямъ, изъ Нерона впослѣдствіи и вышелъ человѣкъ, удивившій міръ своей безнравственностію и жестокостію.

Заступивъ мѣсто Клавдія, Неронъ сначала предоставилъ матери полное управленіе государствомъ, но пришла пора совершеннолѣтія—и самостоятельность предъявила свои права. Неронъ началъ отклоняться въ противную сторону отъ Агриппины. Власть мало по малу стала отходить изъ ея рукъ, хотя она не унывала, и не думая смиряться, продолжала дѣйствовать различными хитростями. Что бы забрать въ свои руки непокорнаго сына, она съ видомъ чистосердечія винилась передъ нимъ, что зашла слишкомъ далеко съ своей суровостью и предлагала Нерону прикрывать его незаконныя связи и дѣлиться съ нимъ своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, то—думая устрашить Нерона—она грозила ему обнаруженіемъ тайны смерти Клавдія и похищенія Нерономъ чести и власти у прямого наслѣдника Клавдія—Британика. Но Неронъ былъ достойнымъ сыномъ своей матери, онъ не смирялся и не сдавался на ласки, идя къ своей цѣли, а угроза матери Британикомъ имѣла только несчастное слѣдствіе для послѣдняго: Неронъ и прежде не любившій Британика, съ этого времени еще сильнѣе возненавидѣлъ его изъ опасенія, что въ рукахъ Агриппины онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть для него опаснымъ. Съ помощію той же Локусты, которая такъ искусно варила яды, во время одного пира Агриппина потеряла свою послѣднюю опору: Неронъ такъ угостилъ своего брата, что отъ него моментально остался одинъ бездушный трупъ.

Лишась всѣхъ средствъ возвратить свое вліяніе и отвоевать отъ сына власть, Агриппина отыскала еще одно, котораго не могло вмѣстить даже развращенное воображеніе ея современниковъ. Не утративъ красоту молодости, Агриппина рѣшилась дѣйствовать на чувственную сторону сына. Въ то время когда Неронъ отъ многихъ возліяній за роскошнымъ столомъ терялъ способность владѣть собою—являлась Агриппина, въ нарядѣ соблазнительно выказывавшемъ ея стройное тѣло... Жажда власти гасила въ ней всѣ другія человѣческія чувства, всякій стыдъ передъ людьми и предъ собой. Друзья и другіе искатели милости цезаря предупредили его, что въ городѣ ходятъ слухи о его позорѣ и въ войскахъ распространяется ропотъ. Инстинктъ самосохраненія заставилъ опомниться Нерона. Въ силу приказанія своего сына Агриппина была позорно изгнана изъ палатъ римскихъ цезарей и должна была переселиться въ домъ одной своей малоизвѣстной родственницы.

Еще нѣсколько времени спустя, Неронъ пришелъ къ заключенію, что жизнь матери не совмѣстна съ его безопасностью и съ помощію ловкихъ людей рѣшено было положить конецъ ея тревожной дѣятельности. Отравленіе здѣсь было не дѣйствительно: опытная Агриппина всегда имѣла при себѣ разныя противоядія; обыкновенное убійство казалось опаснымъ и поэтому придумано было утопить Агриппину, предложивъ ей

Положеніе Христа во гробъ. Картина Тиціана, рис. на деревѣ Земекини. грав. Баларини.

Агриппина мать императора Нерона, обреченная на гибель въ морѣ. Картина Макарта, грав. Самарскій.

поѣздку по морю и устроивъ судно такимъ образомъ, чтобы извѣстная его часть могла раздвигаться и вдругъ наполняться водою. Кто незнаетъ съ какими случайностями соединены морскія путешествія и потому, конечно, никому не могла бы показаться удивительной ея гибель на кораблѣ. Задумано сдѣлано. Во время пятидневнаго праздника въ честь Минервы. Неронъ пригласилъ Агриппину къ себѣ въ Баіи провесть съ нимъ праздникъ и обѣщая ей примиреніе (59 г.). Агриппина усталая отъ постоянныхъ интригъ и волненій, въ тоже время не совладавъ съ нетерпѣніемъ видѣть что нибудь рѣшительное, рискнула поѣхать. Неронъ встрѣтилъ мать въ великолѣпныхъ своихъ садахъ. Здѣсь мы беремъ описаніе этихъ садовъ изъ одной поэмы нѣмецкаго писателя Гамерлинга въ русскомъ переводѣ. Онъ пишетъ:

Какъ хороши при яркомъ свѣтѣ дня
Сады Нерона! Но еще отраднѣй
Бываетъ въ нихъ, когда наступитъ вечеръ,
И понесется нѣжный ароматъ
При розовомъ сіяніи заката!
Взойдетъ луна и кроткій свѣтъ прольетъ
На изумрудъ деревьевъ и луговъ,
И тишина святая воцарится,
Но что же ныньче? Чу! какая жизнь
Звучитъ, кипитъ въ кустахъ тѣнистыхъ.
Сильнѣй рокочутъ трели соловьевъ,
Таинственнѣй звучитъ вода фонтановъ.
Сады готовы встрѣтить торжество,
Которое назначено Нерономъ
На эту ночь. Въ нихъ тысячи гостей
По приглашенью цесаря сберутся.
Ужъ загорѣлись тысячи огней;
Вокругъ картинъ, карнизовъ и фонтановъ,
Вокругъ колоннъ порфировыхъ и вазъ
Гирлянды вьются огненныхъ фестоновъ,
И красные прозрачные шары,
Какъ свѣтляки огромные сверкаютъ.
Раскинуты ковры по луговинамъ;
Вездѣ шатры роскошные стоятъ,
А тихіе таинственные гроты,
Обвитые и мхами и плющемъ,
Освѣщены пурпуровымъ сіяньемъ
И тканями прикрыты дорогими:
Они даютъ пріютъ уединенный
И манятъ отдыхъ сладостный вкусить;
А на прудахъ зеркальныхъ, колыхаясь,
Покоятся красивыя гондолы.

Далѣе онъ переходитъ къ описанію самаго праздника:

Вотъ замирала музыка, и звуки
Гремучею рѣкою полились,
И видъ поляны вдругъ преобразился:
Явился исполинскій водоемъ
И изъ него громадною струею
Забилъ фонтанъ, бросая далеко
Кругомъ свои кристальные лучи.
Потомъ внезапно выступилъ между нихъ
Какъ холмъ, вулканъ; его открылся кратеръ
И выбросилъ снопы цвѣтныхъ огней,
Они, сливаясь съ брызгами фонтана,
Сверкали милліонами цвѣтовъ,
Играя, какъ въ стеклѣ калейдоскопа.

Тутъ былъ и бой гладіаторовъ и представленъ видъ Олимпа съ возсѣдающими на немъ богами. Самъ Неронъ въ одеждѣ Бахуса проѣхалъ по садамъ въ тріумфальной колесницѣ, блестящей отъ камней дорогихъ и запряженной львами.

Неронъ желалъ на пути впередъ привести въ исполненіе свое намѣреніе утопить Агриппину, но предупрежденная кѣмъ то объ опасности, она не сѣла на приготовленный ей корабль и отправилась на праздникъ не моремъ, а сухимъ путемъ. Такимъ образомъ предположеніе Нерона не удалось, тѣмъ не менѣе Агриппина еще не ушла отъ опасности. Неронъ рѣшился ждать... Онъ принялъ мать и рѣшительно очаровалъ ее своимъ пріемомъ. Онъ цѣловалъ ея глаза и руки, казалось не могъ наговориться съ ней; онъ такъ вошелъ въ свою роль, что Агриппина забыла всѣ страхи и подозрѣнія. Отложивъ всякую безпокойную мысль, она согласилась на просьбы Нерона—отправиться въ обратный путь на кораблѣ. Этотъ корабль былъ царственной роскоши. Какъ жаръ горѣлъ онъ въ камняхъ драгоцѣнныхъ и золотѣ. Здѣсь мы снова беремъ у поэта описаніе корабля, на которомъ отправилась Агриппина.

Смотрите: вотъ оно—морское диво!
Какъ быстро, какъ легко оно плыветъ!
Какъ ровенъ взмахъ его точеныхъ веселъ
Съ серебряными ручками. Гребцы
Одѣты въ фантастическій нарядъ,
Обшитый весь галунами.
Гондолы бортъ, какъ лентою широкой
Обвитъ кругомъ фигурами боговъ
Изъ мрамора и изъ слоновой кости;
Надъ золотымъ рулемъ изображенъ
Какой то богъ морской въ кругу сиренъ,
И въ раковины трубящихъ тритоновъ
И стройныхъ нереидъ. Напереди,
На палубѣ гондолы, распростертъ
Златой шатеръ, достойный пріютить
Богиню моря. Посреди гондолы
Воздвигнута ротонда изъ колоннъ
Съ пурпурными завѣсами; она
Увѣнчана златою группой грацій
И служитъ пышнымъ куполомъ надъ залой
Устроенной подъ нею. Весь корабль
На лонѣ водъ лазуревыхъ казался
Какимъ то чуднымъ, драгоцѣннымъ камнемъ
Въ оправѣ голубой.
Въ пуху лебяжьемъ утонувъ лежитъ
Прелестная жена. Роскошный станъ
Красавицы напоминаетъ гордый
Юновы станъ.

То была Агриппина. На кораблѣ ее сопровождали только двое изъ ея приближенныхъ: Креперей и Ацеронія. Плаваніе было такое спокойное, пріятное; Агриппина вся отдалась льстивымъ воспоминаніямъ и планамъ, какъ вдругъ страшный трескъ раздался надъ ея головою и крыша надъ нею рухнула. Къ счастію Агриппины стѣнка, возлѣ которой она сидѣла, была такъ крѣпка, что выдержала первое давленіе. Затѣмъ судно сильно закачалось готовое опрокинуться, но новый случай спасъ Агриппину: машина которая должна была наполнить корабль водою почему то не дѣйствовала, а растерявшіеся отъ неудачи исполнители воли Нерона не могли опрокинуть корабля: вмѣсто того чтобы всѣмъ дружно наклонять его, гребцы кидались на другой бортъ и приводили его въ равновѣсіе. Спутникъ Агриппины Креперей былъ раздавленъ обрушившейся крышей, а Ацеронія, въ полномъ убѣжденіи, что несчастіе было дѣломъ случая и думая спасти себя, принялась звать людей на помощь, называя себя Агриппиной. Ее и приняли дѣйствительно за Агриппину, да за то и кинули въ воду. Какъ не боролась бѣдняжка, но кто съ весломъ, кто съ другимъ орудіемъ не дали ей возможности выбраться на корабль. Положеніе Агриппины было критическое, но соображеніе и тутъ не покидало ее. Ни однимъ неосторожнымъ звукомъ не выдала она себя на кораблѣ, хотя и заполучила рану въ плечо. Потомъ тихонько кинувшись въ воду, доплыла до первой рыбачьей лодки. Впрочемъ погибель Агриппины была уже рѣшена въ мысли Нерона и спасеніе отъ смерти на этотъ разъ была только временной отсрочкой. По приказанію Нерона нѣсколько человѣкъ напало на ея жилище, одинъ изъ нихъ, именно отпущенникъ Аницетъ, ворвался въ комнату, гдѣ находилась Агриппина въ ожиданіи вѣстей отъ Нерона, къ которому послала извѣщеніе о несчастіи на кораблѣ,—и ударилъ ее палкой по головѣ. Агриппина и здѣсь непотеряла присутствія духа, и когда другой убійца взмахнулъ мечемъ, она сказала ему: „бей въ животъ“, думая о томъ, какое чудовище она выносила у себя подъ сердцемъ. Трупъ Агриппины былъ сожженъ въ ту же ночь и никто пока живъ былъ Неронъ не смѣлъ насыпать могильнаго холма надъ ея остатками.

Такъ порвалась страшная жизнь. **Ор.**

Говорящіе автоматы и искусственное подражаніе человѣческой рѣчи.

Объ изобрѣтеніи фонографа (аппарата воспроизводящаго звуки человѣческой рѣчи) мы имѣли уже случай говорить въ № 5 „Нивы“ текущего года. Настоящая же статья имѣетъ цѣлью исторически сгруппировать факты, относящіеся къ изобрѣтенію такого аппарата.

Самые древніе писатели разсказываютъ о *говорящихъ по человѣчески и поющихъ фигурахъ*, сдѣланныхъ изъ золота и стоявшихъ на кровляхъ вавилонскихъ и греческихъ храмовъ и о *говорящихъ головахъ*, возвѣщавшихъ людямъ будущее и волю боговъ. Судя по скуднымъ отдѣльнымъ чертамъ этихъ старинныхъ разсказовъ, мы можемъ предположить о болѣе или менѣе удачномъ подражаніи звукамъ человѣческаго голоса, которое достигалось устроеніемъ разныхъ эластическихъ трубокъ во внутренности статуй и статуэтокъ. Но эти звуковые аппараты, разумѣется, были незатѣйливы и могли вводить въ заблужденіе только развѣ уже слишкомъ простоватыхъ людей, „чернь непросвѣщенную“, каковою въ древнихъ цивилизаціяхъ была почти вся масса народа, за исключеніемъ жрецовъ, занимавшихся науками.

Но вотъ лѣтописныя, уже европейскія, преданія и сказанія говорятъ, что въ XIII вѣкѣ, нѣкто *Альбертъ Больштедтскій*, бывшій епископомъ въ Регенсбургѣ и получившій прозвище „великаго“ вслѣдствіе огромнаго изобрѣтательнаго ума и необычайныхъ, громадныхъ по тому времени знаній, въ совершенствѣ *разрѣшилъ задачу механики человѣческаго голоса* и устроилъ человѣческую фигуру-автомата, который не только отворялъ двери посѣтителямъ епископа, но и привѣтствовалъ каждаго изъ нихъ весьма понятными и внятными словами.

Но разъ къ почтенному епископу приходитъ знаменитый ученый богословъ того времени, причисленный западною церковію къ лику святыхъ, *Ѳома Аквинатъ* *). Привѣтливо встрѣченный стоявшимъ у дверей автоматомъ, святой отецъ сначала въ ужасѣ отскочилъ и засимъ, считая это хитроумное произведеніе орудіемъ дьявола и произнеся: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“, такъ сильно ударилъ автомата костылемъ, что несчастный сейчасъ же разлетѣлся въ дребезги. Преданіе прибавляетъ, что при этомъ сильно огорченный и едва сдерживавшій слезы епископъ Альбертъ воскликнулъ: „ну, теперь пропали мои труды цѣлыхъ тридцати лѣтъ!“...

Знаменитый астрономъ Кеплеръ, какъ извѣстно, былъ убѣжденъ, что механикѣ непремѣнно удастся такъ сказать *создать* человѣческій голосъ; но великій астрономъ въ тоже время выразилъ опасеніе, что этому искусственному голосу будетъ недоставать той музыкальности, которою отличается голосъ человѣка.

Спустя болѣе столѣтія послѣ славной эпохи Кеплера, именно въ 1761 году знаменитый математикъ Эйлеръ, бывшій въ то время профессоромъ въ Берлинѣ, написалъ въ введеніи къ своей физикѣ (еще и теперь не потерявшей своихъ научныхъ достоинствъ) слѣдующія слова:

„Было бы, конечно, весьма важнымъ открытіемъ, если бы кому-либо удалось устроить машину, подражающую звукамъ человѣческаго голоса со всѣми его артикуляціями. Это мнѣ *непредставляется невозможнымъ*. Производить звуки въ подобной машинѣ можно-бы, кажется, было механически, касаясь рукою клавишей или дѣйствуя воздухомъ, какъ въ органѣ. Такъ какъ подобная машина могла бы произносить отчетливо человѣческія слова, то не представилось бы невозможнымъ слышать отъ нея и цѣлыя рѣчи, со всѣми оттѣнками выраженій, свойственными оратору или проповѣднику. То-то бы міръ пришелъ тогда въ изумленіе. А ораторамъ, у которыхъ непріятенъ голосъ, представился бы пріятный случай не произносить свои рѣчи самимъ, а играть ихъ на машинѣ, подобно тому, какъ органистъ играетъ пѣсни на органѣ“.

Эйлеръ былъ человѣкъ геніальный, и потому догадывался и могъ предвидѣть многое. Онъ упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ органныхъ инструментахъ находится регистръ, называемый „человѣческимъ голосомъ“ (Vox humono). Названіе человѣческаго голоса носитъ онъ потому, что позволяетъ слышать такое созвучіе дѣйствующихъ при этомъ трубокъ, какъ будто мы слышимъ настоящую человѣческую мелодію на букву ä. Эйлеръ предварительно замѣтилъ, что звукъ различныхъ гласныхъ (какъ въ этомъ каждый можетъ убѣдиться изъ самонаблюденія) зависитъ главнымъ образомъ отъ той формы, какую мы даемъ полости нашего рта, произнося букву. Слѣдовательно разныя гласныя, при своемъ произношеніи, строго соотвѣтствуютъ измѣненіямъ полости нашего рта! По этому, подражая видоизмѣненіямъ полости при произношеніи каждой гласной, можно устроить и разныя трубки, строго подражая видоизмѣненіямъ полости. Если, напримѣръ, система извѣстныхъ трубокъ даетъ намъ регистръ ä, то по внимательномъ изученіи дѣла, можно приготовить и другія трубки, соотвѣтствующія остальнымъ регистрамъ нашего голоса. Гораздо больше затрудненія, особенно на первый разъ, встрѣтилось бы въ подражаніи буквамъ согласнымъ. Съ этимъ соглашался и самъ Эйлеръ.

Намекъ Эйлера не остался безъ попытокъ, со стороны механиковъ, произвести искусственно регистры человѣческихъ звуковъ. Но прежде всего механики занялись подражаніемъ голосамъ разныхъ животныхъ, и часто достигали въ этомъ совершенства. Такъ въ 70 годахъ прошлаго вѣка, братья Ле-Дрозъ, въ Шоде-Фондѣ, сдѣлали для испанскаго короля Фердинанда VI нѣсколько фигуръ животныхъ, голоса которыхъ до обмана напоминали живую природу. Такъ, въ числѣ этихъ фигуръ была овца, блеявшая съ изумительнымъ сходствомъ съ настоящею овцою. За симъ была собака, сторожившая корзину съ фруктами. Лишь только кто-либо бралъ изъ корзины какой-либо фруктъ, собака начинала ожесточенно лаять и не переставала до тѣхъ поръ, пока похитившій не клалъ фруктъ на прежнее мѣсто въ корзину. Тутъ была и поющая птичка и другіе подобные художественные автоматы, вызвавшіе уже въ текущемъ вѣкѣ болѣе или менѣе удачныя подражанія, къ каковымъ относятся автоматы животныхъ, показываемые въ музеяхъ.

Въ 1779 г. Петербургская Академія Наукъ предложила для соисканія ученыхъ наградъ задачу изслѣдованія природы гласныхъ звуковъ и ихъ механическаго воспроизведенія машиною.

Теперь объ этомъ предметѣ извѣстно слѣдующее.

Гласные звуки наши происходятъ, прежде всего, посредствомъ *модуляціи* или измѣненія *тона нашей голосовой щели*—измѣненія, обусловливаемаго отраженіемъ отъ стѣнокъ полости нашего рта. Такое заключеніе сдѣлано уже въ позднѣйшее время благодаря удачнымъ опытамъ физика *Хладни*. Если произведенный въ нашей голосовой щели высокій или низкій музыкальный тонъ можетъ свободно войдти въ полость нашего рта и также свободно выйдти изъ нея, то происходящій при этомъ звукъ принимаетъ характеръ гласнаго звука *а*. Если же во время прохожденія тона чрезъ голосовую щель мы будемъ все болѣе и болѣе закрывать ротъ, тогда какъ входное отверстіе остается *не съуженнымъ*, то звукъ при этомъ переходитъ мало по малу изъ *а* въ *о* и, наконецъ въ *у*. (Въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться, наблюдая надъ самимъ собою). Если же, наоборотъ, ротъ остается открытымъ, а задній звуковой входъ постепенно съуживается, то произойдетъ послѣдовательный рядъ гласныхъ звуковъ *а*, *ä е*, *і*. Если же отверстіе рта съужено съ передней и задней стороны, то произойдутъ гласные звуки *ö* и *ÿ*. Руководствуясь этими соображеніями, физикъ *Кратценштейнъ* устроилъ 5 неподвижныхъ деревянныхъ полостей, въ подражаніе полости нашего рта, съ 5-ю трубочками внутри, имѣющими форму языка. Взаимное отношеніе передняго и задняго отверстій рта при этомъ регулировано было такъ, что при одномъ дуновеніи или толчкѣ воздуха въ упомянутыя трубочки, происходило 5 гласныхъ звуковъ. За устройство этихъ аппаратовъ Кратценштейнъ и получилъ премію Имп. С.-Петербургской Академіи наукъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Политическія извѣстія.

Памятная записка (меморандумъ) нашего государственнаго канцлера, князя Горчакова, вызванная въ видѣ отвѣта на циркулярную депешу лорда Солисбери произвела въ политическомъ мірѣ, исключая, можетъ быть, Англіи, успокоивающее и умиротворяющее впечатлѣвіе. Въ Германіи же и спеціально въ Берлинѣ, меморандумъ нашего канцлера произвелъ впечатлѣніе въ высшей степени отрадное. Этотъ меморандумъ, единодушно говоритъ берлинская печать, служитъ доказательствомъ *уступчивости* и *примирительности Россіи*. Фактъ этотъ освѣщаетъ достаточнымъ образомъ положеніе дѣлъ. Воинолюбивые крикуны туманнаго полуострова, ратующіе яко бы за свободу Европы, а на самомъ дѣлѣ не знающіе на свѣтѣ ничего выше, кромѣ своей торговли, должны будутъ умолкнуть. Развѣ уже крайняя настойчивость и упорство все таки вовлекутъ Англію въ войну съ нами, но тогда противъ нея будетъ общественное мнѣніе Европы и отвѣтственность за результаты войны ляжетъ на ее одну.

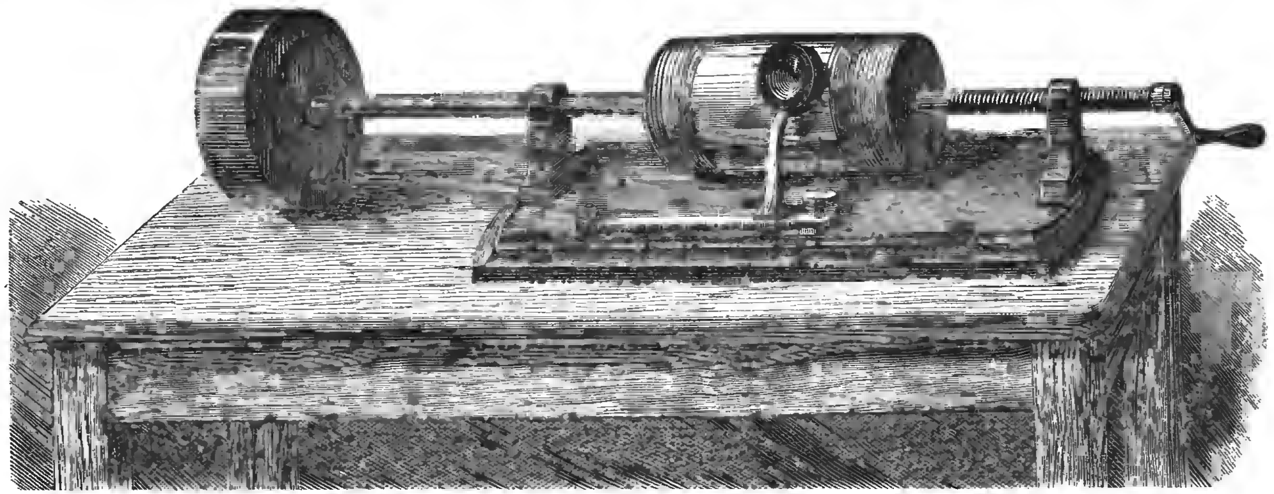
Лордъ Солисбери, въ засѣданіяхъ палаты лордовъ, высказалъ убѣжденіе, что война съ Россіею, при настоящемъ положеніи дѣлъ, еще можетъ быть избѣгнута, и что приготовительныя мѣры Англіи не имѣютъ никакого воинственнаго характера. Эту же мысль поддерживаетъ и значительная часть лондонской печати.

За то австрійская печать думаетъ иначе. По общепринятому теперь въ Вѣнѣ мнѣнію, вопросъ о Бессарабіи (т. е. о возвращеніи этой полосы Россіи) имѣетъ самый жгучій характеръ и на немъ должно въ настоящее время сосредоточиваться вниманіе Европы. Намъ кажется, что Бессарабія составляетъ только одинъ изъ множества предлоговъ раздуть искру мелкаго неудовольствія, многимъ обязанныхъ намъ румынъ въ сильное пламя. Правда, Биконсфильдъ отъ отхода къ намъ Бессарабіи ставитъ въ зависимости вопросъ о свободѣ судоходства по Дунаю; но это все-таки въ англійскомъ обвинительномъ актѣ противъ Россіи не представляетъ центральнаго пункта.

Что касается Италіи то она въ лицѣ своей палаты депутатовъ отозвалась о восточныхъ дѣлахъ, что ихъ рѣшеніе принадлежитъ теперь Европѣ, что это рѣшеніе должно быть основано на *принципахъ національности*, *цивилизаціи* и *свободы народовъ*. Что касается Парижскаго трактата то и Италія стоитъ за сохраненіе его и это—изъ опасенія, что Россія, прямо или косвенно хочетъ завладѣть Турціей, чего Европа допустить не можетъ.

Переходя къ Германіи, мы должны сказать, что за прошлую недѣлю носились слухи о ея болѣе, чѣмъ прежде, активномъ участіи въ вопросѣ о восточныхъ дѣлахъ вообще и собраніи конгресса въ особенности. Князь Бисмаркъ недавно высказалъ мнѣніе, что конгрессъ еще *возможенъ*, но участіе Германіи въ войнѣ, если таковая возгорится, представляется невозможнымъ. Чѣмъ мотивировалъ всемогущій канцлеръ такое свое мнѣніе—пока неясно. Конечно, у Германіи слишкомъ много внутренней работы, и административной и законодательной, чтобы она приняла активное участіе въ войнѣ. Съ другой стороны не лишено важнаго значенія то обстоятельство, что румынскій министръ Братіано добивался-было аудіенціи у князя Бисмарка—и не получилъ ея, а графъ Андраши положительно заявилъ ему, что хлопотать изъ-за такого ничтожнаго клочка земли, какъ Бессарабія, и дѣлать изъ-за него серьезное дипломатическое вмѣшательство—рѣшительно не стоитъ труда. И за симъ Германія и Австрія выразили согласіе, признать неотъемлемыя права Россіи на часть Бессарабіи, отторгнутую отъ нея послѣ Крымской кампаніи.

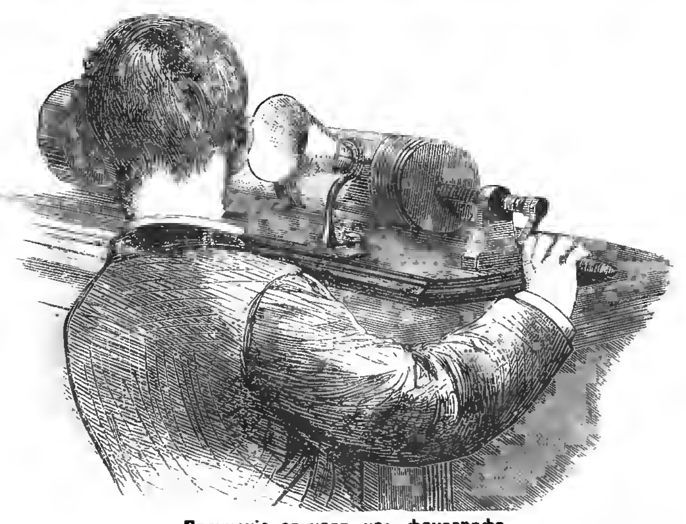
*) Этотъ знаменитый ученый жилъ между 1227—1274 г., при папахъ Александрѣ IV и Урбанѣ IV и французскомъ королѣ Людовикѣ IX Святомъ. Написалъ множество богословскихъ сочиненій и комментаріи на сочиненія Аристотеля. Причисленъ къ лику западныхъ святыхъ папою Іоанномъ XXII.

Фонографъ (аппаратъ для передачи звуковъ человѣческой рѣчи).

Передача звуковъ въ фонографъ.

Полученіе звуковъ изъ фонографа.

Ясно пока только одно, что съ увеличеніемъ шансовъ на миръ, увеличилась и вѣроятность, имѣющаго собраться быть можетъ въ близкомъ будущемъ. Вѣдь конгрессъ и война—двѣ вещи, взаимно другъ друга исключающія!.. Не даромъ же англійскіе ораторы изъ всѣхъ силъ доказываютъ, что Россія, съ своей стороны, уже сдѣлала конгрессъ невозможнымъ...

Какъ бы то ни было, благодѣтельными предвѣстіями мира повѣяло со многихъ сторонъ. Но такъ какъ и возможность войны все-таки не устранилась, то на прошлой недѣлѣ, (по сообщенію вѣнскихъ газетъ) велись оживленные переговоры между Е. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ и Савфетомъ-пашею. Переговоры касаются того пункта—какое положеніе займетъ Турція, если произойдетъ столкновеніе между Англіей и Россіей. Въ самой Турціи внутреннія неурядицы все болѣе и болѣе увеличиваются. Министерскій кризисъ, давно наступившій, еще продолжается. Турки, однако, все-таки работаютъ надъ усовершенствованіемъ своихъ укрѣпленій... Съ какою цѣлію? Ужь не затаена ли у нихъ мысль начать снова отчаянную борьбу за отнятое у ней яко-бы достояніе?.. Это, конечно, не можетъ долго оставаться въ тайнѣ...

Подождемъ не много—и вскорѣ выяснится, миръ или война будетъ нынѣшнее лѣто. Югу Балканскаго полуострова, однако, даже и по заключеніи мира, долго еще не суждено быть умиротвореннымъ. Процессу разложенія Турціи суждено, вѣроятно, дойдти, хотя и не такъ быстро, какъ полагаютъ, до своихъ крайнихъ предѣловъ.

Такъ, въ Ѳессаліи все еще продолжаются ожесточенныя стычки инсургентовъ съ турками. До сихъ поръ инсургенты мужественно удерживаютъ свои позиціи. Недавно здѣсь башибузуками былъ звѣрски убитъ корреспондентъ лондонской газеты „Times", г. Огль, тѣло котораго и перевезено потомъ въ Аѳины и тамъ погребено.

Его Высочество Главнокомандующій Кавказской арміей, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ прибылъ 26-го минувшаго мѣсяца въ С.-Петербургъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Д. Стахѣевъ**.

Дозволено цензурою СПБ. 7 Апрѣля 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10

№ 16 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 17 Апрѣля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к., съ перес. 20 к.

Церковь Вознесенія въ Петербургѣ.

Церковь Вознесенія въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Церковь Вознесенія въ Петербургѣ.

Бревенчатыя избы, мазанковые домики, мѣстами шалаши, раскинутые среди рощей и болотъ, составляли въ царствованіе Петра всѣ зданія нашей столицы. Въ настоящее время Петербургъ, конечно, совсѣмъ не то, чѣмъ былъ прежде не только въ первые годы его основанія, но даже въ началѣ настоящаго столѣтія. Теперь Петербургъ имѣетъ видъ прекраснаго благоустроеннаго города. Превращеніе это, разумѣется, совершилось постепенно и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе городъ улучшается и увеличивается, непрестаевая каждогодно украшаться садами и новыми постройками. Правда, надобно сказать, что въ настоящее время увеличеніе города идетъ все вверхъ: владѣльцы пустились на надстраиваніе на своихъ домахъ пятыхъ этажей. Дома, еще недавно небольшіе двухъ-этажные и трехъ-этажные, теперь превратились въ громадныя пяти-этажныя зданія со множествомъ лѣпныхъ работъ, служащихъ также отличительнымъ признакомъ новѣйшихъ построекъ. Не только на главныхъ, но и на небольшихъ улицахъ теперь высятся эти каменныя громады, и остается уже не много такихъ улицъ въ Петербургѣ, на которыхъ не надстраивалось бы въ теченіе лѣта одновременно нѣсколько домовъ.

Намѣреваясь время отъ времени давать на страницахъ „Нивы“ мѣсто рисункамъ, изображающихъ зданія современнаго Петербурга (какъ дѣлалось нами отчасти и въ прежніе годы), помѣщаемъ на этотъ разъ видъ части Вознесенскаго проспекта съ церковью Вознесенія. На нашемъ рисункѣ часть Вознесенскаго проспекта представлена въ томъ мѣстѣ, гдѣ его перерѣзываетъ Екатерининскій каналъ.

Хотя эта часть города также начинаетъ измѣняться, тѣмъ не менѣе эта перемѣна совершается здѣсь не съ такой видимостію, какъ въ другихъ его частяхъ. Нашъ рисунокъ наглядно представляетъ постройки на Вознесенскомъ проспектѣ, еще остающіяся въ старомъ видѣ.

Не безъинтереснымъ находимъ здѣсь сообщить, что начало устройства Вознесенскаго проспекта относится еще ко времени Петра Великаго. Первоначальныя постройки на этой улицѣ носили названіе адмиралтейскихъ слободокъ.

Длина Вознесенскаго проспекта въ настоящее время доходитъ до 3 верстъ, ширина равняется 10 квадратнымъ саженямъ. Екатерининскій же каналъ, чрезъ который на Вознесенскомъ проспектѣ перекинутъ мостъ, носящій названіе также Вознесенскаго, заимствуетъ свое теченіе изъ Мойки и впадается въ Фонтанку. Каналъ этотъ носитъ названіе Екатерининскаго именно потому, что въ царствованіе этой государыни и по ея (Екатерины II Великой) повелѣнію, въ 1764 году онъ значительно увеличенъ въ своихъ размѣрахъ. Государыня эта повелѣла расширить его на 8 саж. и углубить на 1 саж., берега же укрѣпить гранитомъ. Работы были окончены въ 1790 г.

Нужно замѣтить, что не очень давно, не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, существовалъ проектъ засыпки Екатерининскаго канала и устройства на мѣсто его бульвара; но проектъ этотъ почему то остался безъ приложенія къ дѣлу. Быть можетъ потому, что устройство бульвара, требуя громадныхъ затратъ, не представляетъ собой въ будущемъ такихъ выгодъ, которыя могли бы соотвѣтствовать суммѣ необходимыхъ на это дѣло денежныхъ затратъ. Но можетъ быть въ виду соображенія объ улучшеніи канализаціи и осушки почвы Петербурга, проектъ этотъ встрѣтилъ мнѣніе, что существованіе Екатерининскаго канала способствуетъ возвышенію и осушкѣ земли къ нему прилегающей.

Теперь, сообщивъ свѣдѣнія объ исторіи той мѣстности, гдѣ находится церковь Вознесенія, напомнимъ что постройка этой церкви относится также ко времени Петра Великаго. Въ то время на ея мѣстѣ была небольшая часовня. Жители адмиралтейскихъ слободокъ, усердствуя къ распространенію святыни, собрали небольшую сумму и въ 1728 г. построили деревянную церковь во имя Вознесенія Господня, съ однимъ придѣломъ Іоанна Воина. Церковь эта стояла не болѣе впрочемъ лѣтъ 20. Пожаръ 1737 г., испепелившій всѣ окружныя зданія, не коснулся ея, но всеразрушающее время оказало на нее свое вліяніе, и церковь пришла въ совершенную ветхость. Взамѣнъ деревянной, также на пожертвованныя суммы въ 1769 г. приступили было къ устройству новой каменной церкви. Впрочемъ ее пришлось почему-то разобрать и сдѣлать другую. Вновь построенный храмъ былъ освященъ 26-го января 1813 г. и сохраняется въ такомъ видѣ до настоящаго времени, въ какомъ изображенъ на прилагаемомъ къ этому номеру „Нивы“ рисункѣ.

Длина этого храма отъ дверей церковныхъ до рѣшетки, отдѣляющей клиросы и амвонъ—21 саж., отъ рѣшетки до царскихъ дверей 1 саж. 9 четв. 3 верш. Алтарь отъ царскихъ дверей до полуциркульной стѣны храма 5 саж. 3 четв., ширина храма 12 саж. 9 четв. Главнаго алтаря съ клиросами и амвономъ—3 саж. 7 четв. Внутренніе своды поддерживаются четыреугольными столбами. Церковь имѣетъ 5 главъ. Колокольня отдѣлена. Зданіе окружено съ одной части садомъ, со стороны канала въ рѣшеткѣ на углу сдѣлана часовня.

Иконостасъ въ храмѣ греческой работы. Многіе образа украшены богатыми ризами. Въ особенности замѣчательна икона Божіей Матери Утоленія Печали, писанная въ Москвѣ, 1765 г., съ чудотворнаго образа, находящагося за Москвой рѣкой, въ церкви Николая Чудотворца, называемой на Папушахъ. Во имя этой иконы жертвователями устроенъ особый придѣлъ и исходатайствовано разрѣшеніе совершать храмовое празднество вмѣсто 25-го января—25-го сентября, въ день освященія придѣла. Серебряный иконостасъ въ этомъ придѣлѣ имѣетъ въ длину 5 арш. а въ ширину 2½ аршина. Всего серебра 84 пробы пошло на иконостасъ до 8 пуд. Нынѣ церковь раздѣляется на 3 придѣла: Вознесенія Господня, Божіей Матери Утоленія Печали и Великомученика Іоанна Воина. Празднества совершаются въ четвергъ на 6 недѣлѣ по Пасхѣ, 25-го сентября и 3-го и 30-го іюля.

Уѣздные нравы.

(Сцены съ натуры)

Въ одинъ зимній базарный день площадь уѣзднаго города К. была запружена народомъ. Оглушительный крикъ, споры, стукъ и звонъ посуды, ржаніе лошадей, пѣніе нищихъ—все это слилось въ тревожный, безпорядочный гулъ, который не въ силахъ былъ заглушить даже трезвонъ церковныхъ колоколовъ. Расхаживая взадъ и впередъ по базару, продавцы рекомендовали покупателямъ лисьи и заячьи шкуры, сапожныя щетки, рубахи, сапоги и т. п., при чемъ торговля сопровождалась слѣдующими энергическими возгласами:

— Хочешь безъ двугривеннаго?

— Оловянной копѣйки больше не дамъ...

— Сватокъ! возьми рубаху! Вѣкъ будешь благодарить! Правнукамъ не износить...

— Почтенный, милый человѣкъ! Эй! Серпуховской! Глянь-ко сюда...

— Сказалъ—больше не дамъ!

При громкихъ крикахъ „берегись!“ на базарѣ появились просторныя сани, въ которыхъ на разостланномъ войлокѣ сидѣлъ тучный баринъ въ волчьемъ тулупѣ, крытомъ сѣрымъ сукномъ. Къ задку саней привязана была молодая лошадь въ веревочной оброткѣ. Держа одной рукой за плечо своего кучера, помѣщавшагося на облучкѣ, а въ другой—длинный кнутъ, баринъ потрясающей октавой предостерегалъ толпившійся народъ:

— Эй, тетка! духовный! берегитесь!.. Добраго здоровья! Ты—конкодеръ! куда лѣзешь?

— Аль на конную торопитесь, Савелій Егорычъ

— На конную... Бабы! бабы! Чего разинули курятники-то? Ефиму Прохоровичу многолѣтняго здравія...

— Съ праздничкомъ, Савелій Егорычъ!

Выбравшись изъ толпы, баринъ стегнулъ своего коренника и покатилъ вдоль главной улицы, отвѣшивая поклоны купцамъ.

— Куда изволите проѣзжать? раздавались вопросы.

— Въ „Сербію!“ кричалъ баринъ.

— Савелій Егорычъ! Позвольте! махая жезломъ, украшеннымъ серебрянымъ набалдашникомъ, хрипло говорилъ городской священникъ.

— Некогда, отецъ Агапій...

— Лошадку-то продаете?

— Продаю...

— Какъ бы посмотрѣть?

— Приходите въ „Сербію.“

— Ладно...

Сани очутились на просторномъ дворѣ недавно открытой гостиницы. Съ немалымъ трудомъ проѣзжій вышелъ изъ саней, досталъ изъ подъ войлока солидный свертокъ бумаги и, при помощи своего кучера, которому отдалъ приказаніе—сходить за прасолами, началъ

подниматься по крутой деревянной лѣстницѣ, ведущей въ „номера для пріѣзжающихъ.“

— А! это ты, Семенъ! заговорилъ баринъ, увидавъ въ корридорѣ половаго, который несъ самоваръ.

— Здравія желаю, сударь. Все ли себѣ живы, здоровы?

— Скажи, пожалуйста, здѣсь остановился сочинитель?

— Не могу знать-съ... Третева дни пріѣхалъ сюда съ вокзала одинъ сухопарый господинъ...

— Ну, онъ и есть! Доложи, что помѣщикъ Гусеницынъ желаетъ его видѣть.

— Они, кажись, еще не вставали. Я сейчасъ узнаю.

Баринъ, отдуваясь, сѣлъ на лавку и принялся вытирать платкомъ замерзшіе усы.

— Давно здѣсь служишь? спросилъ онъ полового.

— Съ самаго Микитія-съ.

— Я полагаю, тебѣ тутъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ у нашего атамана?..

— Здѣсь, сударь, маленько безпокойно: надо безперечь въ струнѣ себя держать; за то частенько на водку перепадаетъ.

— Ты собственно отъ кого ушелъ, отъ барина или отъ барыни?

— Черезъ барыню отошелъ... Тутъ, можетъ, изволили слышать, онѣ имѣли знакомство съ Дегтяревымъ, мельниковымъ сыномъ...

— По просту скажи, она была съ нимъ въ сожительствѣ.

— Эфто самое-съ! усмѣхаясь, проговорилъ половой: я думалъ, вы не изволили знать. Такъ онѣ, тысись, барыня-то и ѣздили въ дегтяревскій лѣсъ на рындыву.

— И это знаю! Подай-ко огня!

— Слушаю-съ.

Баринъ закурилъ сигару и привалился къ стѣнѣ, устремивъ на полового строго-испытующій взглядъ.

— Ну, я и ѣздилъ ихъ провожать. Бывало подъѣдемъ къ лѣсу, она сейчасъ слѣзетъ съ шарабана и отправится въ чащу, а я стою при лошади... А вы изволите знать, какова изъ себя наша барыня? Тысись, рѣдко потрафишь!

— Она, плутовка, хорошенькая...

— Эфто самое-съ! Очень полная, румяная... кровь съ молокомъ! И попуталъ меня, стало быть, окаянный... Взяло меня сердце на Дегтярева: добро бы человѣкъ былъ... а то мужикъ неотесаный... Разъ пріѣхали мы съ рындыву домой, я взялъ да все до чиста и разсказалъ барину...

— Эй, человѣкъ! послышался вдали голосъ.

— Это они проснулись, замѣтилъ лакей и побѣжалъ на зовъ.

Вскорѣ онъ вышелъ изъ нумера и объявилъ пріѣзжему:

— Пожалуйте! Они просятъ извиненія, что не одѣты.

— Ничего! Мы люди простые! сказалъ толстякъ, снимая съ себя шубу.

Онъ поправилъ на лбу чубъ и, держа подъ мышкой свертокъ, вступилъ въ продолговатую комнату съ разсохшимся поломъ, замасляными обоями и единственнымъ, запушеннымъ снѣгомъ окномъ, съ круглой жестяной форточкой. У двери стоялъ сильно потертый чемоданъ, на стѣнѣ висѣла скунсовая шуба, черкесская бурка и двуствольное ружье. Столъ былъ заваленъ книгами и бумагами. Среди комнаты, заложивъ руки за спину, стоялъ худощавый, высокій господинъ лѣтъ 35, въ халатѣ и туфляхъ.

— Позвольте, милостивый государь, съ вами познакомиться, протягивая хозяину руку, началъ толстякъ: я здѣшній помѣщикъ Гусеницынъ...

— Чѣмъ могу быть полезенъ? спросилъ хозяинъ.

— Вопервыхъ, позвольте мнѣ присѣсть! Я, батюшка, человѣкъ пожилой... видѣлъ на своемъ вѣку не мало горячаго до слезъ... Лѣтъ тридцать состоялъ въ должности становаго пристава и въ настоящее время живу въ своемъ родовомъ имѣніи... Да!.. Теперь позвольте спросить: вы, кажется, сочинитель?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Весьма пріятно познакомиться! Если не ошибаюсь, вы возвращаетесь съ театра военныхъ дѣйствій?

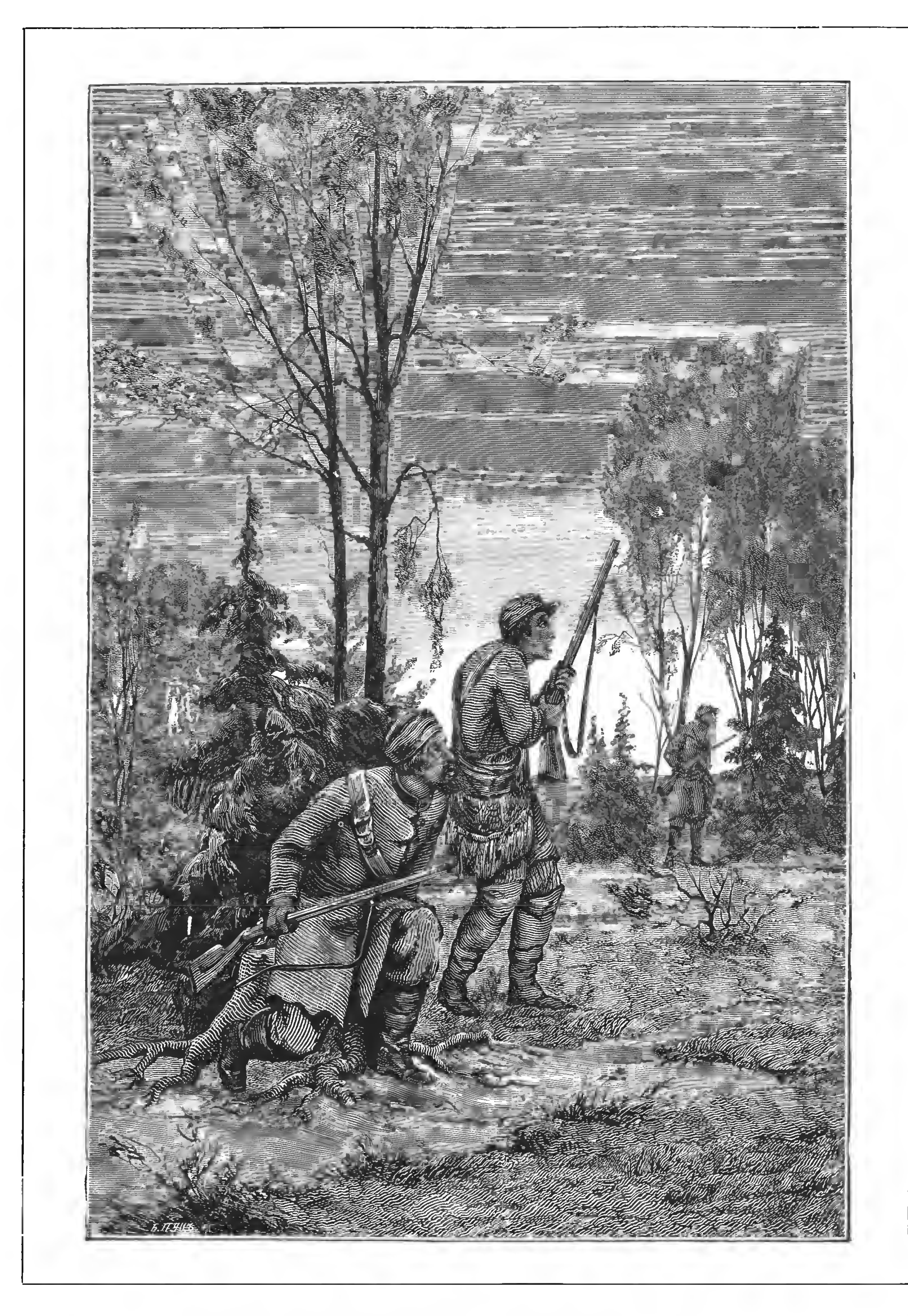
Сочинитель въ знакъ согласія кивнулъ головой.

— При Дунайской или Кавказской дѣйствующей арміи состояли корреспондентомъ?

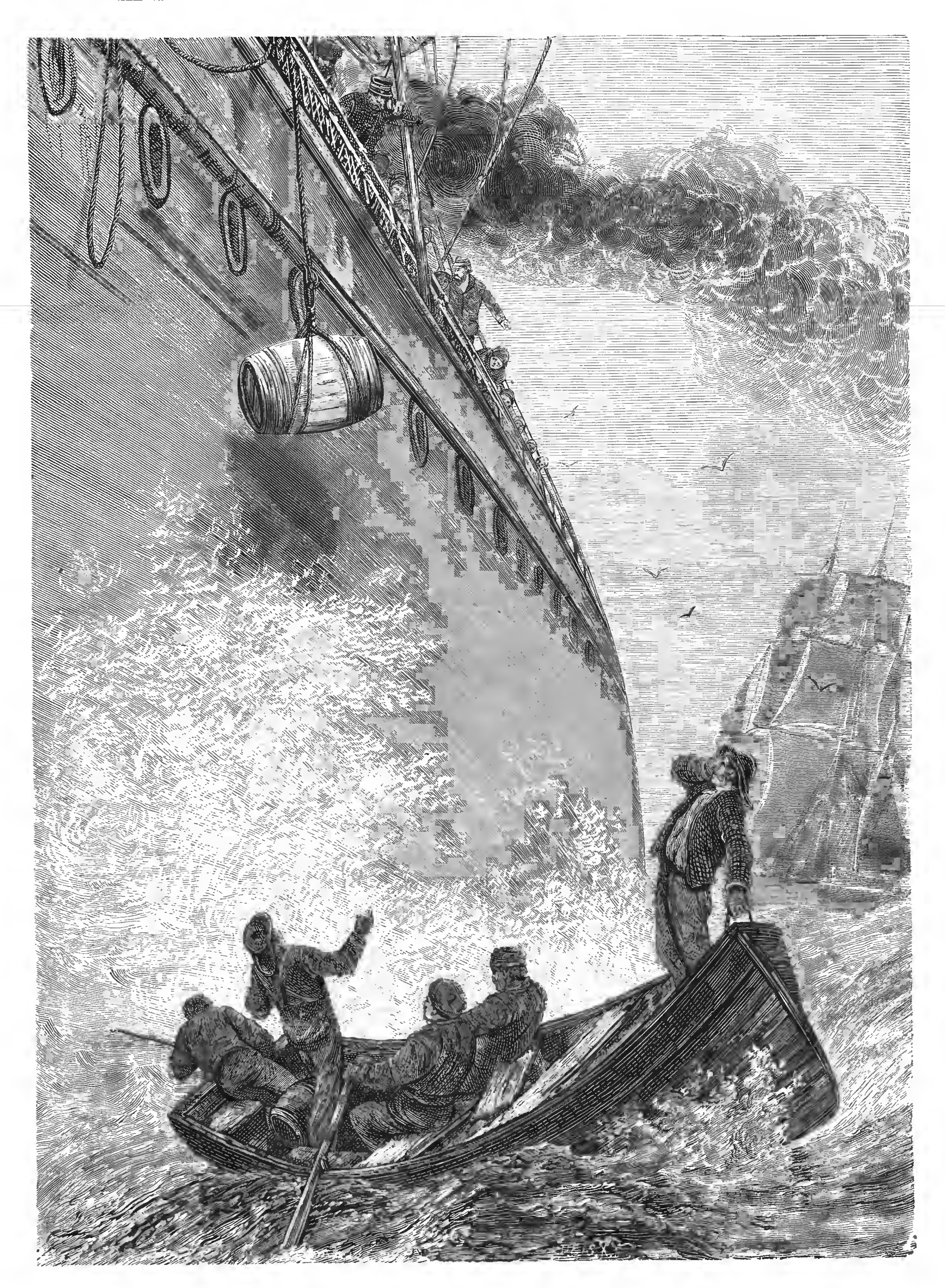
— При Кавказской.

Толстякъ снова пожалъ писателю руку и продолжалъ:

— А я, милостивый государь, нарочно къ вамъ пріѣхалъ... Будемте съ вами запросто: я знаю, сочинители—народъ нецеремонный... Я самъ человѣкъ пишущій. Да что прикажете дѣлать въ деревнѣ-то? Я было думалъ опять поступить на службу, но насчетъ мѣстъ въ настоящее время ой-ой какъ трудно! А между тѣмъ нужда не свой братъ: какъ нибудь надо извертываться... Сталъ заниматься адвокатурой и занимаюсь до сихъ поръ. Пишу мужикамъ прошенія къ мировому и получаю за это мзду, конечно, незначительную... больше натурой, такъ сказать: заставляю своихъ кліентовъ обрабатывать землю... Но все это, при настоящей дороговизнѣ содержанія, надо сказать правду, выѣденнаго яйца не стоитъ... къ тому же имѣніе у меня маленькое, всего на все, за надѣломъ крестьянъ, двадцать три десятины. Спрашивается: какъ тутъ прикажете существовать, особливо съ семействомъ. Хорошо-съ... Только слышу послышу: въ селѣ Райскомъ бывшій дворовый человѣкъ, а теперь арендаторъ, занимается литературою; описываетъ сосѣднихъ помѣщиковъ, мужиковъ, духовенство и отсылаетъ свои сочиненія въ журналы и газеты, за что получаетъ довольно приличное вознагражденіе. Думаю себѣ: авось не боги горшки обжигали... дай-ко и я попробую... времени у меня много, матеріалу—хоть прудъ пруди! И принялся катать... да въ продолженіе года болѣе двадцати статей написалъ, не говоря уже о стихотвореніяхъ... Описывалъ я по примѣру арендатора, свою братію—мелкопомѣстныхъ дворянъ и все больше въ сатирическомъ духѣ. Но мнѣ какъ-то не вѣрилось въ свои силы, хотя жена и зять мой, управляющій имѣніемъ княгини Вощинниковой, одобряли мои сочиненія. Однажды я приказалъ заложить пару лошадей, взялъ всѣ свои рукописи и отправился къ Райскому арендатору, посовѣтоваться съ нимъ насчетъ слога... Арендаторъ выслушалъ одну повѣсть, самую лучшую, которую вы сейчасъ увидите, и вотъ какой отзывъ сдѣлалъ: „сужетъ хорошъ,—но слогъ не обдѣланъ.“ Однако я не посмотрѣлъ на это: если „сужетъ“ хорошъ, стало быть и вся повѣсть хороша: взялъ да и послалъ ее въ одинъ московскій журналъ... Но что-же вы думаете?.. Не позже, какъ черезъ мѣсяцъ мнѣ присылаютъ повѣсть назадъ съ надписью „не будетъ напечатана...“ Почему? Неизвѣстно... Я хотѣлъ было начать переписку съ редакціей, дескать, на какомъ основаніи?.. Но тутъ подошла рабочая пора... самый сѣвъ гречихи... жена захворала, да самъ еще засудился съ сосѣдомъ насчетъ потравы... Однимъ словомъ на время я оставилъ литературу... думаю: сочиненія цѣны своей никогда не потеряютъ: это—тѣ же деньги!.. Пусть себѣ лежатъ, когда нибудь сбуду ихъ... Такимъ манеромъ, сударь мой, я не брался за перо болѣе полугода... написалъ только одно маленькое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Размолвка съ женою,“ которое я вамъ сейчасъ прочту... Только на дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ зять и разсказываетъ, что въ городъ съ театра военныхъ дѣйствій прибылъ корреспондентъ и остановился въ гостинницѣ „Сербія.“ У меня тотчасъ же блеснула мысль: вотъ кому показать свои сочиненія-то! Это не то, что какой нибудь арендаторъ... это—спеціалистъ по литературной части... Немедленно приказалъ заложить лошадь, (тѣмъ паче, что и такъ собрался на базаръ).

Охота на вальшнепа. Ориг. рисунокъ А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

Большой морской пароходъ, снабжающій провіантомъ парусное судно на Океанѣ. Рис. Штилеръ, грав. Денсъ.

и вотъ пріѣхалъ къ вамъ... Надѣюсь, милостивый государь, вы не будете на меня въ претензіи, что обратился къ вамъ запросто, какъ къ своему, такъ сказать, собрату по перу...

— Весьма пріятно... сухо проговорилъ корреспондентъ.

— Гусеницынъ торопливо развязалъ свертокъ и началъ перебирать рукописи, говоря:

— И такъ позвольте познакомить васъ съ плодами моего досуга... Дабы сразу не утомлять вашего вниманія, я прочту вамъ стихотвореніе, которое вылилось изъ подъ моего пера вскорѣ послѣ ссоры съ женою:

Какъ тигръ, какъ аспидъ былъ я золъ,
Услышавъ дерзкія слова;
Но пылкій гнѣвъ давно прошелъ,
Утихла грусть и тѣ печали,
Которы сердце возмущали
Опять я веселъ, забываю
Судьбы удары роковой
И розы счастія срываю
Съ моей подруги дорогой.

— Ну, какъ вы находите? сверкая бѣлками глазъ спросилъ поэтъ.

— Хорошо... смиренно отвѣчалъ хозяинъ: только я долженъ васъ предупредить: въ настоящее время я нездоровъ и съ минуты на минуту жду къ себѣ доктора.

— Ивана Петровича! подхватилъ толстякъ: онъ славный малый—недавно у него лечилась моя свояченя... Въ такомъ случаѣ позвольте васъ познакомить съ той повѣстью, о которой я вамъ говорилъ...

Сочинитель безнадежно вздохнулъ и только промычалъ: гм... гм...

Гусеницынъ отыскалъ объемистую тетрадь и, закуривъ сигару, началъ:

„Усердіе къ службѣ или геройскій подвигъ становаго пристава. Началъ писать въ г. Обуховѣ, 4-го участка, въ домѣ Сычевой, кончилъ въ два часа пополудни, Августа 9, 1876 г., въ деревнѣ Хмѣлевой, въ родовомъ имѣніи. Посвящается женѣ отставнаго пристава Н. П. Гусеницыной. Часть первая. Пропажа чемодана. Въ весенній день, удаляясь изъ шумныхъ предѣловъ обширной первопрестольной столицы, быстро мчался по шоссейной дорогѣ роскошный дормезъ, запряженный шестеркою почтовыхъ лошадей. Въ сторонѣ отъ большой дороги широкая рѣка извивалась межъ зеленыхъ рощей, которыхъ столѣтнія деревья съ гордостію осѣняли кремнистые берега. Все покоилось въ тишинѣ, лишь нѣжный соловей испускалъ томныя трели, которыя слившись съ шумомъ Зефировъ, раздавались въ окрестностяхъ мѣстъ сихъ. На златыхъ коврахъ полей виднѣлись трудолюбивыя семейства крестьянъ. Довольство и радость изображались на ихъ лицахъ, сердца ихъ наполнялись надеждою, что скоро подъ блестящими серпами будутъ падать къ землѣ золотые класы. Но увы! все теряется въ безднѣ вѣчности; преступная алчность подъ флеромъ безмолвной ночи находитъ себѣ гибильный путь разрушенія, и внезапно убійственная рука злодѣя, сокрытаго ея завѣсою, наноситъ въ грудь добродѣтели смертельный ударъ“..

Корреспондентъ, вставъ съ мѣста и взглянулъ на часы, проговорилъ:

— Вѣроятно докторъ сегодня не пріѣдетъ... Не можете ли въ короткихъ словахъ передать содержаніе вашей повѣсти, такъ какъ я сейчасъ долженъ отправиться...

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: въ 18... году, когда я служилъ въ К. становымъ приставомъ, отъ полиціймейстера получаю я приказаніе немедленно явиться къ губернатору. Прихожу. Его пр—ство обращается ко мнѣ: „Послушай, Гусеницынъ! Сегодняшнюю ночь у одной проѣзжей графини украли чемоданъ; отыщи непремѣнно“! „—Слушаю, ваше пр—ство“! „—Не дать ли тебѣ на помощь солдатъ?“ „—Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство! Я управлюсь одинъ... и показываю ему кулакъ. „Вотъ, говорю, ваше пр—ство, пудъ-не-пудъ, а сорокъ фунтовъ тутъ!“ На другой день я отыскалъ чемоданъ въ пѣвческомъ кабакѣ, верстахъ въ трехъ отъ города, и получилъ отъ графини въ подарокъ серебряный порт-сигаръ, а губернаторъ представилъ меня къ наградѣ...

Въ это время въ комнатѣ явился половой и объявилъ Гусеницыну:

— Васъ спрашиваетъ соборный священникъ...

— А! Это онъ насчетъ лошади... Зови его сюда! сказалъ толстякъ.

— Они на дворѣ... съ прасолами...

— Ну, я сейчасъ къ нимъ выйду... Такъ что-же вы мнѣ скажете? обратился Гусеницынъ къ корреспонденту...

— Я бы вамъ совѣтовалъ послать ваши статьи въ какую нибудь редакцію...

— Посылалъ! Видите, въ этихъ редакціяхъ судъ то Шемякинъ... Конечно, я не спорю, у меня, можетъ быть, и нѣтъ писательскаго таланта... Но весь вопросъ заключается въ томъ: какъ быть нашему брату, мелкопомѣстному помѣщику?..

— Вы пошлите въ какой нибудь петербургскій журналъ... тамъ скорѣй напечатаютъ...

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы дать мнѣ адресы петербургскихъ редакцій?

Корреспондентъ написалъ что-то на клочкѣ бумаги и подалъ его Гусеницыну, который говорилъ: Вы меня, милостивый государь, извините, что я надѣлалъ вамъ столько хлопотъ... Право, пришло такое время, что по неволѣ, какъ утопающій, будетъ хвататься за соломинку... До пріятнаго свиданія...

Вскорѣ Гусеницынъ со сверткомъ подъ мышкой и съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ стоялъ среди двора, окруженный покупателями, и громко восхвалялъ достоинства своей лошади, которую работникъ держалъ подъ уздцы.

— Одно слово, вотъ какая лошадь, говорилъ онъ: урвать да уѣхать!..

— Ну-ко проведи, проведи ее! обратился къ кучеру отецъ Агапій.

— Вислоребра маленько, замѣтилъ одинъ изъ прасоловъ.

— У ней и задъ то свиной! подхватилъ другой: этотъ конь соберетъ домъ въ желудовую чашечку...

— Эхъ ты!.. съ укоризной произнесъ Гусеницынъ, свирѣпо глядя на прасола: а еще лошадникъ!.. Тебѣ только шкурами торговать, а не соваться куда не слѣдуетъ: этотъ конь дороже тебя...

Гусеницынъ принимался вновь расхваливать свою лошадь, приписывая ей такія качества, которыхъ она вовсе не имѣла; онъ увѣрялъ, между прочимъ, что ея прародитель былъ чистѣйшей арабской крови, но не смотря на это она не уступитъ любому битюгу, такъ какъ ея отецъ неоднократно бралъ призы, въ качествѣ ломовой лошади... Воодушевляясь болѣе и болѣе, толстякъ поролъ дичь съ развязностію Хлестакова и увѣренностію въ томъ, что говоритъ сущую правду.

— Знаете ли что, отецъ Агапій? потрясая въ воздухѣ сверткомъ рукописей, продолжалъ онъ: какъ передъ Богомъ говорю:—ни за что не растался бы съ этимъ сокровищемъ... (При этомъ Гусеницынъ стегнулъ лошадь). Да ничего не подѣлаешь: время пришло тѣсное, просто хоть въ петлю полѣзай... У меня вонъ на дворѣ скотина всю крышу поѣла—хороша исторія? Сами знаете, въ какой цѣнѣ теперь сѣно и овесъ?—приступу нѣтъ! Однимъ словомъ, хоть отступись отъ хозяйства да и только...

— Говорите, какъ послѣдняя цѣна? спросилъ батюшка, умильно посматривая на красивую лошадку.

— Угодно за пятьдесятъ?... И это только для васъ,

потому мнѣ гораздо пріятнѣе продать духовному лицу, нежели какому нибудь прасолу...

— Не дорогонько-ли, Савелій Егорычъ? Я собственно не изъ за нужды покупаю, а такъ, признаться, для охоты: въ лѣтнее время на дрожечкахъ проѣхать въ имѣніе...

Батюшка подошелъ къ одному прасолу съ засунутыми за поясъ руковицами и шепнулъ ему на ухо:

— Какъ думаешь, Аникеичъ?

— Да ничего... конь хозяйственный, надо взять... а ежели окажется съ норовомъ, али что, тогды всучимъ Горбатовской барынѣ...

— Дѣло! промолвилъ покупатель: у ней, я знаю, есть ни дать ни взять, какъ эта...

Продавецъ и покупатель помолились Богу и ударили по рукамъ. Гусеницынъ передалъ батюшкѣ, изъ полы въ полу, поводокъ своей лошади. Рѣшено было пить могарычъ въ домѣ новаго хозяина лошади, куда былъ приглашенъ и прасолъ-экспертъ, приговоръ котораго рѣшилъ дѣло.

Черезъ минуту наполненныя народомъ сани Гусеницына неслись вдоль главной улицы, по направленію къ собору. Снова среди базарной давки и толкотни загремѣлъ басъ помѣщика: „тетка! берегись! духовный! кошкодеръ!.. Пихтерь“! и т. д.

— Отецъ Агапій! спрашивали знакомые: аль купилъ жеребчика-то?

— Купилъ на власть Божію! Что Господь дастъ, отвѣчалъ батюшка сидя въ задкѣ саней и держа длинный жезлъ свой выше камилавки.

— Дорогонько дали?

— Всѣ тамъ! отвѣчалъ Гусеницынъ.

Въ просторномъ залѣ, увѣшанномъ почернѣвшими портретами духовныхъ лицъ, встрѣтила гостей полная, румяная женщина лѣтъ 30, въ ситцевомъ платьѣ и повойникѣ. Хозяинъ отрекомендовалъ ее своей дальней родственницей, которая завѣдывала его хозяйствомъ.

— Давненько я не былъ у васъ, отецъ Агапій, говорилъ Гусеницынъ, расхаживая по комнатѣ: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ скончалась ваша супруга... на похоронахъ я еще подтягивалъ: зряща мя безгласна...

— Вольно же вамъ забывать старыхъ знакомыхъ, отвѣчалъ батюшка, доставая изъ укладки, окованной желѣзомъ, холстинный мѣшокъ съ мѣдными деньгами; межъ тѣмъ какъ женщина становила на столъ закуску и графинъ водки.

— Ну-те ко, господа, сказалъ хозяинъ, подходя къ столу: прошу покорно... чѣмъ Богъ послалъ. Давайте вспрыснемъ покупку, да и за расчетъ.

— Охо-хо-хо! воскликнулъ Гусеницынъ, увидавъ мѣшокъ съ деньгами: это, пожалуй, не довезешь...

— Своя ноша не тянетъ! внушительно замѣтилъ хозяинъ.

Прасолъ выпилъ бражный стаканъ водки и, получивъ отъ батюшки цѣлковый за свою экспертизу, отправился домой.

— Савелій Егорычъ! спросилъ хозяинъ когда расчетъ былъ совсѣмъ окончень: что это у васъ за свертокъ? Еще давича я хотѣлъ спросить...

— А это, батюшка, секретъ, тыкая вилкой въ селедку, проговорилъ Гусеницынъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: засудились что ль съ кѣмъ?

— Типунъ вамъ на языкъ... Мнѣ эти суды... вотъ гдѣ сидятъ...

— Такъ что-же?

— Въ литературу пустился—вотъ что! Знай нашихъ!..

— Серьезно?..

— Честный человѣкъ...

— Стало быть, это ваши сочиненія?

— Мои собственныя...

— Ай, ай, ай! вотъ оказія-то! И давно уже подвизаетесь на этомъ поприщѣ?

— Да почти два года... Чтожь прикажете дѣлать? Надо какъ нибудь ухитряться; говоритъ пословица— богатый на деньги, а голь на выдумки... Хозяйствомъ заниматься въ настоящее время не стоитъ... Теперь всѣ помѣщики волкомъ воютъ... Да вотъ, напримѣръ, вы говорите, что дорого заплатили за жеребца; а знаете-ли, во что онъ мнѣ самому обошелся? Если учесть прокормъ въ продолженіе пяти лѣтъ да всѣ штрафы за потраву, которые я переплатилъ, такъ за него надобно взять не пятьдесятъ, а триста рублей... Я ужь не считаю хлопоты, безпокойство... То есть, Сибирь— одно слово!..

— Ну, а есть ли польза отъ сочиненій?

— Еще-бъ! Вотъ этотъ свертокъ, какъ вы думаете, что стоитъ? а? Ну, скажите... примѣрно...

— Да вѣдь это смотря потому, что тамъ написано... Можетъ, тамъ богохульство какое заключается...

Въ это время въ залъ вошелъ юноша лѣтъ 18, смуглая физіономія котораго была усѣяна прыщами; изъ подъ черныхъ, сросшихся бровей недовѣрчиво выглядывали маленькіе, тусклые глаза, надъ приплюснутымъ лбомъ поднимались вверхъ, какъ проволоки, жесткіе, коротко остриженные волосы. Онъ былъ одѣтъ въ суконный сюртукъ, изъ подъ котораго выглядывалъ длинный красный шарфъ; синіе суконные панталоны были запущены въ охотничьи голиницы, подвязанныя ремнями.

— Это мой младшій сынъ, сказалъ батюшка: онъ тоже занимается сочиненіями... Эй, Андрей! дай-ко свои стихотворенія...

— Я ихъ разорвалъ, буркнулъ юноша, направляясь въ другую комнату.

— Дай, тебѣ говорятъ! Не раздражай меня!.. Вотъ, обратился хозяинъ къ гостю: малый съ способностями, а не хочетъ учиться да и полно! изъ третьяго класса выключенъ... Чего, чего я съ нимъ не дѣлалъ? и поролъ, какъ Сидорову козу, и на горохѣ-то онъ у меня стоялъ... Сколько наставникамъ перевозилъ всякой живности... Нѣтъ! Все свое: неоднократно бѣгалъ, изъ училища домой... И все бы ему гонять голубей, на охоту ходить... Эй! Андрюшка!.. Слышишь, что тебѣ говорятъ?

Молодой человѣкъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты и подалъ отцу нѣсколько исписанныхъ почтовыхъ листовъ.

— Прочти самъ! сказалъ батюшка.

Ставъ бокомъ къ слушателямъ, Андрей началъ:

Есть въ Россіи уголокъ—
Нашъ уѣздный городокъ.
Есть и рѣчька въ немъ плохая
И надъ ней—гора крутая.
А на той горѣ крутой
Стоитъ домикъ небольшой,
Полусгнившая избушка...

— Что ты пустяки-то читаешь, болванъ! Гнилушка да избушка... Отыщи критику на наше земство или вотъ, помнишь ты сочинилъ па Колесникова?..

Юноша прочиталъ:

Оттуда, барство гдѣ обмановъ,
Гдѣ злоба, лесть всегда живутъ.
Въ нашъ городъ прибылъ Петръ Ивановъ,
Столичный негодяй и плутъ.

— Ну, что, какъ? спросилъ батюшка Гусеницына.

— А знаете ли что? Не дурно!.. Замѣтилъ послѣдній.

— Ну-ко, Андрей,—прочти про Земскіе выборы-то...

— Нѣтъ!.. поднимаясь изъ за стола, возразилъ Гусеницынъ: мнѣ пора ѣхать; а вотъ что я вамъ скажу, велите вашему сыну сейчасъ же сходить въ „Сербію“: тамъ остановился недавно одинъ литераторъ, такъ пусть онъ ему покажетъ свои стихи... Я у него былъ, славный малый!.. онъ одобрилъ мои сочиненія и велѣлъ ихъ посылать въ петербургскія редакціи...

Батюшка немедленно воспользовался совѣтомъ гостя

и послалъ своего сына въ „Сербію“. На прощаньи хозяинъ сообщилъ Гусеницыну, что будучи въ философскомъ классѣ, онъ самъ „занимался стихотворствомъ“ и наизусть продекламировалъ ему слѣдующее:

О, пышный, шумный свѣтъ! Надменны человѣцы...
Почто гордитеся могуществомъ своимъ?
Почто? когда все прахъ, все тлѣнно исчезаетъ,
Когда все рушится, въ ничто преобратяся...

Гусеницынъ не высказалъ своего мнѣнія объ этихъ стихахъ и категорически заявилъ, что ему нельзя мѣшкать ни минуты, ибо съ завтрашней же почтой онъ долженъ послать свои сочиненія въ Петербургъ...

Н. Успенскій.

Говорящие автоматы и искусственное подражаніе человѣческой рѣчи.

(Окончаніе).

Вѣнскій ученый *фонъ-Кемпеленъ* выдумалъ аппаратъ для воспроизведенія согласныхъ звуковъ, а затѣмъ онъ намѣревался устроить говорящую машину. По его словамъ, для этой цѣли онъ изучалъ отверстія рта тѣхъ животныхъ, въ голосахъ которыхъ преобладають опредѣленные согласные звуки. Звукъ *б*, напримѣръ, онъ изучалъ на овцахъ, а звукъ *м* на коровахъ. Громадный шагъ, сдѣланный имъ послѣ своего предшественника, Кратценштейна, состоялъ въ томъ, что трубки, заключающіяся *въ подвижной полости рта онъ привелъ въ связь съ носомъ*.

Впрочемъ машина фонъ-Кемпелена сдѣлала столь же медленные успѣхи въ говореніи, какъ малое дитя. Прежде всего Кемпелену удалось подражать тѣмъ простымъ и легкимъ словамъ, какія произносятъ еще совершенно малыя дѣти, напримѣръ. *мама*, *папа*, *лама* и т. подоб.

Засимъ, благодаря огромной энергіи и настойчивости, Кемпеленъ шелъ въ постройкѣ своей машины все дальше и дальше. Какъ сказано выше, его опыты направились прежде всего на анализъ согласныхъ звуковъ. Послѣ долговременныхъ опытовъ, онъ нашелъ, что гласный звукъ есть ничто другое, какъ шумъ или шорохъ, облекающій самое ядро или гласный звукъ, подобно тому какъ при раздуваніи мѣхами, мы замѣчаемъ самый центръ или ядро звука въ мѣхахъ, а шелестъ произведенный въ отдаленіи дуновеніемъ мѣха будетъ соотвѣтствовать оболочкѣ звука, или согласной буквѣ. Но вслѣдствіе какой же потребности согласные звуки облекаютъ гласные? Это дѣлается отъ того, что послѣдніе, проходя сквозь узкія отверстія нашихъ органовъ, разныя щели, узкія трубки, встрѣчаютъ на пути препятствія, для преодолѣнія которыхъ и являются имъ на выручку согласные звуки, и являются каждая при проходѣ гласнаго звука черезъ спеціальное отверстіе, оттого и самые согласные звуки получаютъ спеціальное назначеніе и цѣлесообразность. Напримѣръ, по природѣ носовой звукъ *м* можетъ сразу и съ безукоризненнымъ совершенствомъ быть произведенъ искусственнымъ носомъ. Напротивъ звуки *б* и *п*, производимые нами быстрымъ открываніемъ нашего рта, производятъ для автомата большія затрудненія, потому что не можетъ же онъ удовлетворительно-быстро раскрыть своего рта. Отъ этого ребенку-автомату Кемпелена весьма упорно давалось произношеніе слова *па-па* (каковое настоящимъ живымъ дѣтямъ дается весьма легко), какъ ни бился Кемпеленъ, а его ребенокъ-машина упорно произносилъ вмѣсто *па-па* „*пха-пха*“, при общемъ громкомъ хохотѣ всѣхъ присутствовавшихъ при опытѣ. Происходило это „пха-пха“ оттого, что всѣ гласныя во рту автомата сильно придыхались; скопленный и сгущенный въ полости рта воздухъ не успѣвалъ выходить за медленнымъ открываніемъ рта. Соотвѣтственно этому, при каждомъ внезапномъ толчкѣ воздуха въ трубкахъ автомата, весьма ясно произносится звукъ *г*; нужно употреблять много усилій, чтобы звукъ этотъ не былъ произнесенъ не кстати.

Что касается тѣхъ согласныхъ звуковъ, которые образуются отъ суженія нами губъ и отъ препятствій въ передней части рта, каковы *в*, *ф*, *с*, *і*, *ій* и т. п., то ихъ вмѣстѣ съ звукомъ *р*, автоматъ Кемпелена произносилъ съ полнѣйшимъ совершенствомъ и даже виртуозностью. Напротивъ, произнесеніе автоматомъ такихъ согласныхъ, какъ *д*, *т*, *г*, *к* (которыя для своего образованія требуютъ быстро слѣдующихъ одни за другимъ съуживанія и за симъ внезапнаго разширенія переднихъ или заднихъ частей рта), встрѣтило на практикѣ громадныя затрудненія. Наконецъ Кемпеленъ устроилъ машину, снабженную ящикомъ въ 3 фута длины. Въ этомъ ящикѣ помѣщались трубочки, снабжаемыя воздухомъ посредствомъ мѣховъ, а самые мѣха приводились въ движеніе посредствомъ рукоятки. Трубочки же приведены были въ связь съ клавишами, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ какой-либо отдѣльной буквѣ. Мѣха надувались, дѣйствуя воздухомъ, клавіатура затѣмъ играла, выговаривая слова и рѣчи, весьма притомъ гармоническимъ голосомъ, приблизительно такимъ, какимъ, напримѣръ, говоритъ *12 лѣтняя* дѣвочка. Но отчетливѣе всего машина произносила латинскія слова, а также превосходно отчеканивала короткія французскія фразы, въ родѣ, напримѣръ, этихъ: „Vous êtes mon ami“ или „Venez aves moi à Paris“. При произнесеніи этихъ фразъ даже иностранный акцентъ выходилъ поразительно вѣрнымъ. Да и вообще изъ ящика машины выходили звуки до того похоже на человѣческіе, что многіе посѣтители Кемпелена, которымъ онъ показывалъ свою машину, считали произнесеніе сю фразъ за продѣлку, обманъ, также какъ и кунштюки, совершемые шахматнымъ игрокомъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей, не приготовленные, быстро обращали лицо къ говорящей машинѣ, съ тѣмъ рефлективнымъ движеніемъ, какое всегда бываетъ, когда мы неожиданно услышимъ гдѣ-либо человѣческій говоръ.

Пѣвица Имп. Русской Оперы въ СПБ. А. А. Бичурина. Рис. и грав. Нейманъ.

Мы выше уже указывали, что машина Кемпелена не всѣ буквы можетъ производить одинаково отчетливо и удовлетворительно. Такъ, нѣкоторыя буквы она сильно аспирируетъ (придыхаетъ). Но при этомъ нужно замѣтить, что и владѣть самою машиною, дѣйствовать мѣхами съ клавишами—было дѣло совсѣмъ не легкое, и его могъ исполнять только самъ изобрѣтатель машины, г. Кемпеленъ и никто другой. За симъ дальнѣйшаго усовершенствованія своей машины Кемпеленъ уже не сдѣлалъ; были впослѣдствіи попытки упростить изобрѣтеніе Кемпелена,—попытки, сдѣланныя физиками *Уиллисомъ* въ Кембриджѣ и *Потемъ* въ Берлинѣ. Затѣмъ англійскій же физикъ *Уитстонъ* сдѣлалъ съ своей стороны самостоятельную попыт-

У источника. Картина Э. Гильдебрандта. Рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Бренд'Амуръ.

ку устроить говорящую машину. Дѣйствительно, машина Уитстона (тоже съ клавишами, мѣхами и трубками) бѣгло говорила по-латынѣ, по-итальянски, по-французски, но нѣмецкія слова и фразы давались ей лишь *съ большимъ трудомъ*.

Но всѣ эти попытки далеко превзошла собою говорящая машина, устроенная вѣнскимъ механикомъ *Фаберомъ*, приблизительно 30 лѣтъ тому назадъ. Въ этой машинѣ механизмъ былъ скрытъ внутри искусно сдѣланной человѣческой фигуры и потому машина, особенно при первомъ своемъ появленіи, возбудила всеобщее удивленіе. Она могла издавать и легкій шопотъ, и выразительныя, полныя энергіи слова, могла даже и пѣть. Она представляла совершенное подражаніе человѣческому голосовому аппарату. Вмѣсто трубочекъ получавшихъ воздухъ отъ дѣйствія мѣховъ, и приводившихъ воздухъ къ клавишамъ, въ машинѣ Фабера были устроены *голосовыя щели изъ каучука*, составлявшія точное подражаніе щелямъ въ человѣческомъ горлѣ. Съ подобными же каучуковыми щелями устроилъ свой аппаратъ еще ранѣе Фабера знаменитый берлинскій анатомъ и физіологъ *Іоганнъ Мюллеръ*. Аппаратъ Мюллера устроенъ былъ съ цѣлью произвести точнѣйшія изысканія о природѣ и элементахъ человѣческой рѣчи.

Разсматривая далѣе аппаратъ Фабера, мы нашли бы въ полости груди его статуи воздуходувный мѣхъ, замѣняющій легкія, и убѣдились-бы, что выходъ воздуха изъ мѣха регулированъ совершенно удовлетворительно. Воздухъ изъ этого мѣха направлялся по двумъ каучуковымъ связкамъ, соотвѣтствующимъ развѣтвленіямъ въ человѣческой гортани, каковыя, бывъ приведены въ напряженіе, образовывали щелеобразныя отверстія, и самыя связки, смотря по усиленію тока проходящаго воздуха, то расширялись, то съуживались, благодаря эластичности каучука. Тонъ издаваемаго голоса получался тѣмъ *выше*, чѣмъ чаще были періодическія выдыханія воздуха связками изъ внутреннихъ мѣховъ (т. е. чѣмъ меньше интервалы), каковой законъ имѣетъ мѣсто и въ процессѣ человѣческой рѣчи.

Чтобы посредствомъ одной и той же голосовой щели произвести тоны различной напряженности и высоты (съ различными интервалами), Фаберъ устроилъ свои каучуковыя связки такимъ образомъ, чтобы онѣ образовали при взаимномъ соединеніи острый уголъ (какъ это существуетъ и въ голосовыхъ связкахъ живого человѣка). Засимъ, посредствомъ особаго придаточнаго аппарата, голосовыя связки взаимно сжимались на самомъ узкомъ мѣстѣ голосовой щели. Отъ этого пришедшая въ колебаніе часть связокъ сокращалась и тонъ могъ быть возвышенъ по произволу. Но этотъ простой, однообразный музыкальный тонъ, дойдя до полости рта, устроенной подвижною и снабженною всѣми аппаратами, въ подражаніе человѣческой, здѣсь *разлагается*, получаетъ необходимую артикуляцію или членораздѣльность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточнымъ представлялось разсмотрѣть внимательно полость рта Фаберовато автомата. Тутъ можно замѣтить и *дрожаніе* языка, при произнесеніи буквы р (или иностраннаго r), дѣлаемое для того, чтобы произнести эту букву (r) не шепелявя.

Словомъ: Фаберъ разрѣшилъ проблему объ искусственномъ воспроизведеніи (посредствомъ автомата) человѣческихъ звуковъ во всевозможной полнотѣ. Автоматическій языкъ Фабера звучитъ музыкально и мелодично, вопреки приведенному нами выше мнѣнію Кеплера, что искусственный голосъ можетъ быть только мертвеннымъ. Но, съ другой стороны, изъ того же аппарата Фабера мы убѣждаемся и въ томъ, что автоматическое горло никогда не будетъ въ состояніи произнесть ораторскую рѣчь или проповѣдь, какъ объ этомъ мечталъ Эйлеръ. Но мечты Эйлера сбылись, съ другой стороны, въ большей мѣрѣ чѣмъ онъ ожидалъ—сбылись съ изобрѣтеніемъ *фонографа*.

Таковы шаги, сдѣланные наукою въ механическомъ подражаніи человѣческой рѣчи. Съ научной точки зрѣнія шаги эти огромны, потому что весь механизмъ издаваемыхъ человѣкомъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ, разобранъ, такъ сказать, по косточкамъ. Только непосредственной, осязательной пользы отъ такихъ аппаратовъ было мало.

Новѣйшія научныя изслѣдованія человѣческой рѣчи устремлены совсѣмъ въ другомъ направленіи, не въ смыслѣ изученія механизмовъ и органовъ нашей рѣчи, достаточно уже изученныхъ, а въ смыслѣ практическаго улучшенія самой передачи рѣчи. Теперь человѣческая рѣчь, взятая со всѣми своими особенностями, передается быстро и на большія пространства (*телефонъ*) и эта же человѣческая рѣчь искусственно *закрѣпляется* опять таки со всѣми своими особенностями (*фонографъ*). Объ устройствѣ того и другого аппарата мы уже имѣли случай говорить (О *телефонѣ*, см. „Ниву" 1877 г. № 51, о фонографѣ см. „Ниву" 1878 г. № 5).

Мы не вдаемся здѣсь въ описаніе этихъ остроумныхъ аппаратовъ, уже прежде подробно нами описанныхъ. Для большей характеристики дѣла однако прибавимъ здѣсь нѣсколько новыхъ подробностей, доказывающихъ важность и необыкновенный интересъ изобрѣтенія Эдисона.

Припомнимъ что въ фонографѣ заключаются *два* мундштука, *двѣ* чувствительныя къ звуку пластинки и у каждой изъ нихъ ударяющій штифтикъ. Разница между ними та, что одна пластинка со штифтикомъ пишетъ звуки или *задаетъ вопросы*, другая же читаетъ полученные отвѣты. Штифтикъ у этой послѣдней снабженъ слабою пружиной, заставляющей штифтикъ опускаться въ углубленія пробѣгающаго оловяннаго листа. Вамъ нужно, положимъ, прочитать отвѣтъ, написанный на полоскѣ фонографа. Для этого стоитъ только, съ равномѣрною скоростью, провести подъ отвѣтнымъ (читающимъ) штифтикомъ полоску— и отвѣтъ готовъ, машина прочитаетъ его. Одинъ изъ американскихъ журналовъ сообщаетъ, что недавно въ залу редакціи этого журнала вошелъ изобрѣтатель фонографа, г. Эдисонъ, неся съ собою аппаратъ. Окружающіе, сотрудники редакціи, числомъ до 12 человѣкъ, столпились около него, ожидая интереснаго опыта. Г. Эдисонъ повернулъ ручку аппарата, штифтикъ пришелъ въ движеніе—и всѣ присутствующіе въ залѣ услышали ясный вопросъ на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— *Какъ поживаете?*

За симъ машина спросила присутствующихъ.

— *Нравится ли вамъ фонографъ?*

Другое интересное извѣстіе сообщають газеты о томъ, какъ фонографъ былъ въ первый разъ представленъ во Французскую Академію Наукъ американцемъ, помощникомъ г. Эдисона. Аппаратъ представлялъ собою ящикъ длиною въ 1 метръ 20 сантиметровъ. Ящикъ поставленъ былъ на маленькій столикъ, и тогда американецъ произнесъ слова: *„фонографъ вмѣняетъ себѣ за чрезвычайную честь представиться Академіи Наукъ"*. Произнеся эти слова, американецъ всунулъ въ машину нѣчто въ родѣ воронки. Тогда всѣ присутствующіе ясно услышали, съ какою точностью, хотя съ сильнымъ носовымъ акцентомъ, машина повторила эти слова.

— Да не можетъ быть!? Это не машина!.. Господа! между нами есть кто нибудь чревовѣщатель!.. раздались восклицанія академиковъ, увѣренныхъ, что во время произношенія машиною словъ никто не открывалъ рта.

Затѣмъ членъ Академіи, г. Мусель, выразилъ отъ лица Академіи г. Эдисону благодарность за интересную присылку. Слова этой благодарности были въ точности повторены машиною, но уже съ чистымъ французскимъ акцентомъ.

Стр.

Къ рисункамъ.

Охота на вальшнепа.

(Разсказъ).

На самомъ краю уѣзднаго города К., при въѣздѣ въ одну изъ его грязныхъ и узкихъ улицъ, красовался, да еще и до сихъ поръ красуется, окруженный большимъ заборомъ, домъ Ивана Степановича Карпова, записанный, впрочемъ, на имя супруги его, Домны Михайловны, какъ то краснорѣчиво гласитъ надпись на новыхъ тесовыхъ воротахъ. Изъ этой же надписи можно усмотрѣть и чиновное званіе хозяина. Надворный совѣтникъ Иванъ Степановичъ, отслуживъ безпорочно 35 лѣтъ, какъ то значится въ его послужномъ спискѣ, вышелъ въ чистую, опочивъ отъ трудовъ праведныхъ. Служилъ бы онъ можетъ быть и больше, да порядки пошли все новыя: начальство больше все молодое, а подчиненные, Богъ съ нимъ, подъ часъ и на смѣхъ подиять готовы стараго служаку.

Жили супруги въ добромъ согласіи, сосѣдямъ никакихъ притѣсненій не дѣлали, по счетамъ лавочникамъ платили исправно—и любили ихъ граждане города К., любили и жаловали.

Не далъ имъ Богъ дѣтей, но тѣмъ не менѣе они не скучали: у каждаго были свои занятія. Домна Михайловна слыла хорошей хозяйкой, славилась своими вареньями, соленьями и маринадами и любила, грѣшнымъ дѣломъ, за чашкой кофею въ разговорѣ съ пріятельницами слегка перебирать косточки сосѣдей и сосѣдокъ.

За Иваномъ же Степановичемъ водились двѣ страстишки: любовь копаться въ собственномъ садишкѣ и огородѣ и страсть къ охотѣ.

Почтеннѣйшая Домна Михайловна послѣдняго никогда простить не могла своему Ивашѣ, въ молодости подозрѣвая въ немъ стремленіе побаловаться, вдали отъ ея ревниваго глаза, съ деревенскими бабусями и дѣвчатами, а въ болѣе пожиломъ возрастѣ, кромѣ ревности, присоединила еще и опасеніе за здоровье своего супруга.

— Ну куда тебѣ,—говаривала она,—мокрой курицѣ, на охоту ходить. Сидѣлъ бы дома за хозяйствомъ присматривалъ, въ огородѣ копался, на охотѣ то того и гляди ревматизму схватишь и протянешь ноги раньше времени.

Иванъ Степановичъ, хотя и находился въ подчиненіи у своей половины, но съ доводами ея относительно охоты никогда не соглашался; и выходила изъ-за этого между супругами зачастую крупная перепалка, не мѣшавшая, впрочемъ, имъ любить другъ друга и жить въ добромъ согласіи.

— Ужь вы мнѣ, Домна Михайловна, — Иванъ Степановичъ всегда говорилъ своей супругѣ вы,—на счетъ охоты не перечьте: во всемъ и всегда уступить готовъ, только не въ этомъ.

женихомъ былъ и въ первое время нашего сожительства и тогда, какъ изволите помнить, охоты не оставлялъ—страсть значитъ такую имѣю.

— Знаемъ мы, зачѣмъ ты въ то время по охотѣ хаживалъ, безстыжіе твои глаза.

— Ну Богъ съ вами, Домна Михайловна, оставьте старый хламъ перебирать, наслушались мы въ былое время всего въ-волюшку; а вы вотъ лучше что... къ завтрему-то пирожковъ моихъ любимыхъ съ лучкомъ да яйцами изготовьте, да закусочки кой какой; пора въ Порохино съѣздить, вальшнепъ, говорятъ, тянетъ въ лучшую.

— Въ этакую то погоду! Иванъ Степановичъ, да ты никакъ съума спятилъ.

— Это вы насчетъ дождя-то? Эхъ, Домна Михайловна, весенній дождикъ-то, Божья благодать, смотрите листъ какъ гонитъ, да и теплынь какая стоитъ, слава-тѣ Создателю.

— Пошолъ бобы разводить... И зачѣмъ это только Степана то сюда пускаютъ—желтоглазаго. Вотъ велю другой разъ бурку то съ цѣпи спустить, такъ на дворъ глазъ не покажетъ.

Махнулъ Иванъ Степановичъ рукою и побрелъ въ свой отдаленный кабинетъ, шепнувъ по дорогѣ позвать туда же и Степана для переговоровъ о предстоящей охотѣ. Домна же Михайловна, еще что-то буркнувъ вслѣдъ удаляющемуся супругу, направилась въ столовую, отвести душу за чашкой кофею, до котораго была страстная охотница.

Степанъ не замедлилъ явиться на зовъ и, молча остановясь въ дверяхъ, разсматривалъ хлопотавшаго около угольнаго шкапика Ивана Степановича, который, будучи немного туговатъ на ухо, неразслышалъ шаговъ вошедшаго. Обернувшись, Иванъ Степановичъ даже вздрогнулъ и чуть не расплескалъ налитую для гостя рюмку травнику. Рюмка была предложена и какъ слѣдуетъ, съ обычнымъ „здравствуйте“ артистически опорожнена. Степанъ, хотя и не былъ пьяницей, но отъ налитой рюмки никогда не отказывался, въ особенности на квартирѣ у добрѣйшаго Ивана Степановича, любившаго поподчивать.

— Такъ завтра, значитъ, прибывать за вами съ лошадью-то? спросилъ прожевывая закуску Степанъ.

Иванъ Степановичъ что-то подумалъ, какъ будто соображая сказанное, и скороговоркой проговорилъ:

— Не сюда братецъ, не сюда. У меня Домна Михайловна... того, какъ тебѣ сказать, не совсѣмъ здорова. Заѣзжай-ка лучше къ Безносикову, я чай, знаешь Никонора Никифоровича—вмѣстѣ поѣдемъ.

— Какъ прикажете, намъ это все единственно.

— Да вотъ что, Степанъ, не взять-ли намъ съ собою Цампу? глаза у меня что-то плохи стали, пожалуй, не найти убитаго вальшнепа.

— Ну куда, Иванъ Степановичъ, пса съ собой таскать, только руки свяжетъ, розыскать то мы и сами какъ-нибудь розыщемъ.

— И то правда,—согласился Иванъ Степановичъ,—какъ бы не случилось того же, что съ Поповымъ въ позапрошломъ году.

А съ Поповымъ, близкимъ сосѣдомъ и сотоварищемъ Ивана Степановича произошелъ вотъ какой казусъ. Отправился онъ какъ-то на тягу вальшнепа съ молодой собакой. Сталъ на избранное мѣсто, а веревку отъ ошейника собаки прицѣпилъ къ своему поясу, съ тою цѣлью, чтобы собака не ушла по добру по здорову во своиси. Стоялъ онъ такъ, стоялъ да и вздремнулъ малость, а тутъ какъ на грѣхъ, сосѣдъ то съ двухъ стволовъ и бацъ по вальшнепу. Встрепенулся Поповъ, но прежде него рванулась собака и, вслѣдъ за ней хозяинъ ее растянулся во весь свой ростъ въ лужу. Хохоту да смѣху, конечно, было много; даже и теперь Иванъ Степановичъ вспомнилъ и разсмѣялся, заразилъ и солиднаго Степана.

— Такъ значитъ завтра, часамъ этакъ къ 3 прибывать съ лошадкой-то? переспросилъ еще разъ Степанъ.

— Да, да, къ Безносикову, а ужъ туда я самъ доставлюсь...

— И тяга то нонѣ какая, Иванъ Степановичъ, — такой, почитай, давно не запомнягъ. Оно правда и весну то Господь послалъ раннюю, да теплую, ну и вальшнепа этого самаго привалило къ намъ до страсти.

— Ну а гдѣ-же, Степанъ, на вальшнепа, въ Порохинѣ стоять будемъ?

— Мѣстовъ у насъ, сами знаете, довольно: тянутъ и по межѣ казенной, и по опушкѣ Пятницкаго лѣса, и по Грибанову ручью; по этому по самому ручью тяга, надо быть, самая лучшая.

— Можетъ быть и лучшая да и комара-то тамъ набралось, я думаю, достаточно.

— У насъ этого добра по всѣмъ мѣстамъ въ-волю; да таперича ему, надо полагать еще черёдъ не пришелъ; вотъ въ маѣ мѣсяцѣ, оно точно, у насъ на тягѣ устоитъ развѣ только терпѣливый. Знаете Василья-то нашего порохинскаго—рябого. Ужь на что кажись мужикъ здоровый, а въ прошломъ году съ этого съ самаго Грибанова ручья убѣгъ въ деревню.

Иванъ Степановичъ во все время разсказа копошился въ шкапу съ охотничьими принадлежностями, а по окончаніи его, какъ будто что-то вспомнивъ, полѣзъ подъ кровать и, доставъ оттуда пару запыленныхъ сапогъ, повертѣлъ ихъ въ рукахъ, промычалъ что-то и направился вмѣстѣ со Степаномъ на кухню отдать приказаніе объ ихъ тщательной смазкѣ. На кухнѣ новыя распросы объ охотѣ, о дорогѣ въ Порохино, о возможности перемѣны погоды, и долго бы еще слушалъ Иванъ Степановичъ словоохотливаго Степана, если бы Домна Михайловна не изволила прибыть туда же собственной своей персоной.

— И чего ты тутъ на кухнѣ блыкаешься? Шолъ бы лучше къ сосѣду, вѣдь именинникъ сегодня.

И побрелъ Иванъ Степановичъ, занятый соображеніями о предстоящей охотѣ и весьма довольный, что его дражайшая половина не накинулась на злополучнаго Степана. А Домна Михайловна доводилась этому самому Степану кумою и въ сердцѣ своемъ никакой къ нему злобы не питала, а если и сболтнула что-то въ разговорѣ съ мужемъ, то надо полагать только ради краснаго словца. Во весь тотъ вечеръ и на другой день она не только не называла Ивана Степановича мокрой курицей, но даже собственноручно напекла ему пирожковъ и строго на строго приказала подать ему шерстяныя носки, чтобы не забылъ, какъ нибудь, надѣть ихъ.

Домна Михайловна знала своего мужа, знала что ни какіе ея доводы не поколеблютъ его рѣшимости поѣхать на охоту, и скрѣпя свое сердце, свыкалась съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Иванъ Степановичъ оказывалъ энергическое сопротивленіе ея власти, утѣшаясь тѣмъ, что во всемъ другомъ онъ былъ ея вѣрнымъ и послушнымъ рабомъ.

На другой день, часовъ около 3-хъ, Иванъ Степановичъ во всеоружіи выглянулъ на улицу—нѣтъ-ли гдѣ бабы, такъ какъ встрѣчъ съ ними передъ отправленіемъ на охоту очень не долюбливалъ, сваливая на нихъ всѣ свои неудачи. Улица оказалась пустынной, и Иванъ Степановичъ. очень довольный, зашагалъ къ Безносикову. У воротъ уже дожидался аккуратный Степанъ. Никоноръ Никифоровичъ былъ уже готовъ. Засѣли пріятели въ телѣжку и поѣхали въ Порохино. Дорогой Безносиковъ много что-то разсказывалъ, постоянно обращаясь къ Ивану Степановичу, который за громыханьемъ телѣги, при всемъ своемъ желаніи, ничего не могъ разслышать и только качалъ головой, да подымалъ къ верху брови, желая показать, что внимательно слушаетъ. Продолжалось это впрочемъ не долго, такъ какъ при одномъ изъ вопросовъ, категорически обращенныхъ къ Ивану Степановичу, Безносиковъ засталъ его сладко дремлющимъ, вслѣдствіе чего круто оборвалъ свою рѣчь, и пріятели молча доѣхали до Порохина, отстоящаго отъ города К. всего въ какихъ-нибудь верстахъ 15.

До мѣста тяги оставалось добраться пѣшкомъ версты двѣ. Отдохнувъ немного отъ тряской дороги, Иванъ Степановичъ вмѣстѣ съ Безносиковымъ и Степаномъ побрѣлъ по задворкамъ Порохина, перебрался чрезъ рыхлыя, подъ яровое вспаханныя поля, дошелъ до Грибанова ручья и вдоль него благополучно дошелъ до мѣста тяги.

— Вотъ тутъ и есть! остановилъ Степанъ шагающихъ пріятелей. Это самое мѣсто. Забрались мы только раненько, да въ этакую пору и въ избѣ то сидѣть, почитай, хуже.

Погода дѣйствительно стояла восхитительная. Смолистый ароматъ только что развертывающагося листа, такъ и обдавалъ своимъ благоуханіемъ; дышалось свободно полной грудью. Птицы наперерывъ, какъ бы дразня другъ друга, такъ и заливались звонкими голосами. Лѣсъ, пестрѣя своей яркой юной листвою, какъ въ зеркалѣ отражался въ полой водѣ ручья и въ залитыхъ ею лугахъ.

Иванъ Степановичъ забылся, созерцая природу: вспомнилъ свою молодость, свои лучшіе юные годы и глубоко вздохнулъ, сознавая что не вернутъ ему ихъ и не обновятся такъ, какъ ежегодно обновляется природа. Степанъ копошился, прилаживая для Ивана Степановича сидѣнье, а Безносиковъ направился къ водѣ поглядѣть, не всплеснетъ ли гдѣ рыба, до ловли которой былъ большой охотникъ.

Но вотъ настала пора. Солнце спустилось къ горизонту и медленно большимъ краснымъ шаромъ стало за нимъ скрываться. Въ лѣсу голоса по немногу умолкали, постепенно отходило на покой его пернатое населеніе, и самъ онъ, освѣщенный яркой зарей только что зашедшаго солнца, какъ то преобразился—заалѣлъ сплошь залитый золотисто-красными лучами. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ все выше и выше подымалось это волшебное освѣщеніе, а внизу темный покровъ ночи уже вступалъ въ свои права.

Вотъ ужъ только верхушки самыхъ большихъ сосенъ, да крестъ Порохинской колокольни одни блестятъ на безоблачномъ небѣ. Потухли и они, замолкли голоса птицъ, и все какъ будто заснуло. Иванъ Степановичъ всталъ и насторожилъ свой слухъ, но будучи, какъ мы уже замѣтили, немножко туговатымъ на ухо, просилъ Степана дернуть его за фалды, когда тотъ услышитъ карканье вальшнепа. А тутъ, какъ на зло, въ ближайшей рощѣ защелкалъ соловей и залился звонкой трелью. Но вотъ раздался давно желанный звукъ... потянулъ вальшнепъ. Предупрежденный Иванъ Степановичъ такъ и возрился въ приближающуюся птицу, а Степанъ изобразилъ изъ себя такую позу, что готовъ былъ кажется самъ полетѣть за нею. Запрыгало сердце въ груди Ивана Степановича, задрожали старыя руки, отсалютовалъ онъ въ пролетѣвшаго вальшнепа—пропуделялъ изъ обоихъ стволовъ.

Платежный залъ въ Англійскомъ Банкѣ въ Лондонѣ. Съ фотографіи грав. Газе.

Фоктакъ Обсерваторіи въ Люксамбургскомъ саду въ Парижѣ. Рис. Анео.

— Эхъ! что же вы? съ укоризной замѣтилъ Степанъ.

— Да! поди-жь ты, вишь летитъ-то вѣдь какъ, оправдывается Иванъ Степановичъ.

Впрочемъ, мы должны оговориться, да не подумаетъ читатель худо объ Иванѣ Степановичѣ.

Вальшнепъ хотя и летитъ плавно и медленно, рѣдко и безъ шума взмахивая своими крыльями, но полетъ его неправиленъ и убить его не такъ легко, какъ кажется, тѣмъ болѣе, что въ сумерки глазъ очень часто обманывается.

Иванъ Степановичъ очень скоро и съ избыткомъ былъ вознагражденъ за первую неудачу. На него налетѣло сразу два вальшнепа и надъ самой головой затѣяли ожесточенную драку, прекращенную удачнымъ выстрѣломъ. Ивану Степановичу это тѣмъ болѣе пріятно, что лучше его стрѣляющій и хвастливый Безносиковъ вернулся въ Порохино съ пустыми руками, разсѣявъ по воздуху чуть ли не цѣлую дюжину зарядовъ. На другой день, впрочемъ, Безносиковъ не только поправился, но даже перещеголялъ Ивана Степановича, уложивъ въ яхташъ трехъ вальшнеповъ.

Охота, къ общему удовольствію, окончилась очень удачно. Одна только Домна Михайловна подсмѣивалась надъ своимъ благовѣрнымъ и никакъ не хотѣла повѣрить, чтобы Иванъ Степановичъ, этакая мокрая курица, собственноручно извелъ двухъ вальшнеповъ. Она сильно подозрѣвала, что трофеи добыты Степановымъ ружьемъ. **Е. В.**

Безкорыстная помощь на морѣ.

Большой морской пароходъ на пути своемъ по безбрежному морю подвергается, конечно, меньшимъ опасностямъ, чѣмъ парусное судно: онъ и бурю легче выдержитъ, онъ, пожалуй, и встрѣчу съ непріятелемъ, при нуждѣ, тоже безвредно перенесетъ—отстрѣляется отъ назойливаго врага, всегда готоваго запустить свою грязную лапу въ чужой карманъ. Парусное же судно, не говоря уже о безпомощности его въ борьбѣ съ бурями океана, не всегда въ силахъ защищаться и отъ возможныхъ нападеній пиратовъ.

Но не въ этомъ только разница между большимъ морскимъ пароходомъ и парусным судномъ. Парусное судно зачастую не можетъ по своимъ размѣрамъ вмѣстить въ свои кладовыя столько припасовъ, сколько необходимо для того чтобы не испытать въ пути недостатковъ въ запасахъ: срокъ его путешествія точно нельзя исчислить, ибо онъ зависитъ отъ направленія вѣтровъ. Въ этомъ случаѣ пароходъ не только мало рискуетъ потерять время въ борьбѣ съ вѣтрами, но и небоится, если они его и задержатъ: припасовъ у него много и, главное, пресной воды сколько угодно, ибо эту пресную воду онъ самъ себѣ добываетъ изъ морской воды, благодаря тому, что у него есть при паровой машинѣ для этого приспособленіе. Парусное судно такого приспособленія имѣть не можетъ, и вотъ путевые обстоятельства часто заставляютъ хозяевъ такихъ судовъ внимательно вглядываться въ безбрежную даль океана, и отыскивать въ ней страстно ими желаемый морской пароходъ. Вотъ они, наконецъ, его увидали, вотъ овъ ближе и ближе... Вотъ уже его ясно видно: они спѣшатъ дать знать о своемъ затруднительномъ положеніи, выкидываютъ соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла флагъ. Пароходъ приближается, съ судна спускается шлюпка и чрезъ нѣсколько времени оно получаетъ отъ парохода желаемую помощь, въ видѣ ли пресовой воды или провіанта. Помощь эта большею частію безвозмездна и справедливо можетъ быть приравнена къ поступку евангельскаго самарянина, подавшаго помощь несчастному.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ, изображаетъ тотъ моментъ встрѣчи парохода съ судномъ, когда уже на пароходѣ знаютъ, въ чемъ именно нуждается судно и спускаютъ па подъѣхавшую къ нему шлюпку просимую помощь. **Л.**

А. А. Бичурина.

Пѣвица контральто Русской оперной сцены въ Петербургѣ.

Русская оперная сцена въ Петербургѣ въ настоящее время не бѣдна хорошими пѣвицами и среди нихъ занимаетъ подобающее мѣсто А. А. Бичурина, портретъ которой помѣщается въ настоящемъ № „Нивы“. Г-жа Бичурина обладаетъ звучнымъ сильнымъ контральто. На Петербургской сценѣ она пѣвица недавняя; она выступила на сцену Маріинскаго театра всего года четыре тому назадъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что хотя съ тѣхъ поръ г-жа Бичурина значительно усовершенствовалась какъ пѣвица, но за то въ исполненіи сценической части своихъ партій остается пока въ томъ же положеніи, въ какомъ была при появленіи своемъ на сценѣ Маріинскаго театра. Словомъ, она, какъ актриса, совсѣмъ не выдается изъ числа самыхъ заурядныхъ исполнительницъ ролей. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи нельзя не сдѣлать два-три исключенія. Такъ, напримѣръ исполняются ею весьма удовлетворительно роль Ліи въ „Маккавеяхъ“ Рубинштейна и роль Солохи, въ „Вакулѣ Кузнецѣ“, Чайковскаго. Обѣ эти роли (т. е. въ сценическомъ отношеніи, а не въ музыкальномъ) исполняются г-жею Бичуриной значительно жизненнѣе всѣхъ другихъ исполняемыхъ ею ролей. Можно бы замѣтить г-жѣ Бичуриной ея нѣсколько излишнюю развязность, всегда вредящую художественной правдѣ, но впрочемъ обвинять ее за это также было бы несправедливо, какъ, напримѣръ, если бы поставить ей въ вину ея сильно развивающуюся полноту. Такое осужденіе было бы совершенно неумѣстно, такъ какъ въ этомъ случаѣ виновата только ея физическая организація. Положимъ, въ нѣкоторыхъ партіяхъ г-жа Бичурина, именно вслѣдствіе своей полноты, много теряетъ какъ исполнительница сценической роли; но за то она, какъ исполнительница музыкальныхъ партій, часто вызываетъ искреннія и единодушныя рукоплесканія. Голосъ ея, какъ сказано выше, звучный, чистый и весьма обширный. Репертуаръ ея очень разнообразенъ. Партіи Ратмира, въ „Русланѣ“, она почти единственная теперь сносная исполнительница. Точно также надобно причислить къ лучшимъ ея партіямъ роли Вани въ „Жизни за Царя“—Глинки, и Зибеля въ „Фаустѣ“—Гуно.

У источника.

(Картина Эрнста Гильдебрандта).

Мѣсто около журчащаго источника всегда представлялось самымъ удобнымъ для сердечныхъ сближеній и нѣжныхъ сценъ. Тихій ропотъ и журчаніе воды уже само по себѣ музыкально настраиваетъ молодую душу и помогаетъ пріискивать изящные образы для объясненій... И когда, въ какія времена, не было сценъ у источника. По библейскимъ сказаніямъ, Ревекка встрѣтилась съ Іаковомъ у источника. То же мы встрѣчаемъ въ сказаніяхъ о Моисеѣ, защитившемъ въ землѣ Мадіамской дѣвицъ-пастушекъ отъ обиды буйныхъ пастуховъ. Въ Гётевскомъ безсмертномъ твореніи „Вертеръ“ мы встрѣчаемъ тоже прелестную полную романтической увлекательности и нѣмой любви сцену у Ключа, окруженную таинственною тѣнью.

Эрнстъ Гильдебрандтъ, бывшій профессоръ художественной школы въ Карлсруэ, взялъ для своей картины этотъ же предметъ и трактовалъ его съ большимъ успѣхомъ, какъ доказываетъ предлагаемый рисунокъ. Изображенная художникомъ парочка прелестная, полная жизни и свѣжей юношеской красоты... Картина эта, съ фигурами, написанными въ натуральный человѣческій ростъ, красовалась на берлинской художественной выставкѣ въ 1876 году.

Англійскій Банкъ и его исторія.

Это знаменитое учрежденіе, прототипъ и образецъ всѣхъ банковъ въ мірѣ, получило начало въ царствованіе Вильгельма III, въ исходѣ XVII вѣка. Въ то время Англія вела разорительную войну съ Франціей. Для успѣшнѣйшаго веденія войны, парламентъ, въ 1694 году, имѣлъ совѣщаніе о чрезвычайномъ кредитѣ правительству короля,—кредитѣ, достигавшемъ суммы $2\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ предъидущіе періоды англійской исторіи правительство въ подобныхъ обстоятельствахъ обращалось обыкновенно къ частнымъ чеканщикамъ золота, занимавшимся денежными дѣлами. Но король Карлъ II, обманулъ этихъ ссудчиковъ казны Заемъ при немъ простирался подъ обезпеченіе налогами до 1,300,000 фун. стерл. Обезпеченіе это было ненадежное такъ какъ чрезмѣрныхъ налоговъ не допускала сама конституція страны. И вотъ отъ этого то многіе изъ частныхъ чеканщиковъ золота сдѣлались безпомощными банкротами. Вильгельмъ III уже не могъ на нихъ разсчитывать. Сдѣлана была попытка снова прибѣгнуть къ налогамъ, къ лотерейнымъ займамъ; но обѣ мѣры помогли весьма мало. На помощь безвыходному положенію государства явился, съ своимъ планомъ *Чарльзъ Монтегю*, одинъ изъ вождей партіи виговъ въ палатѣ общинъ.

Планъ этотъ и состоялъ именно въ учрежденіе обширнаго заемнаго банка въ Лондонѣ, приблизительно по образцу уже существовавшихъ большихъ банковъ: венеціанскаго, генуэзскаго, гамбургскаго и амстердамскаго. Но эти банки, какъ извѣстно, за исключеніемъ генуэзскаго, были исключительно депозитные *). Тѣ начала, на которыхъ Чарльзъ Монтегю хотѣлъ осуществить свою идею банка, показались до того многообѣщающими, что король и парламентъ, не колеблясь, дали свое согласіе на предложенный проэктъ, который состоялъ въ слѣдующемъ: Правительство обязывалось извѣстные налоги съ судовъ, карабельныхъ грузовъ (тонные налоги), а также налогъ на пиво и другіе спиртные напитки, уступить спеціально образовавшемуся обществу, которое обязывалось, въ свою очередь, достать правительству для веденія войны съ Франціей, сумму въ 1,500,000 фунтовъ стерлинговъ. Эту сумму правительство тоже обязывалось оплачивать 8% и уполномочивало общество покупать всякаго рода цѣнности какъ-то: деньги, помѣстья, ренты, пользоваться этими пріобрѣтеніями, на правахъ собственности; выдавать деньги подъ залогъ имуществъ и товаровъ, и продавать таковыя имущества на публичномъ аукціонѣ—какъ скоро они не будутъ оплачены процентами въ узаконенный срокъ; принимать вклады изъ % и производить торговыя операціи какъ путемъ векселей, такъ и золотомъ и серебромъ, наконецъ, сдѣлать выпускъ бумажныхъ денегъ. на

*) Т. е. принимавшіе изъ процентовъ на храненіе вклады, состоящіе изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

сумму, равную выданному правительству капиталу, (т. е. на 1.500,000 фунтовъ стерлинговъ).

При самомъ началѣ своихъ операцій банкъ помѣщался въ томъ пунктѣ Лондона, гдѣ теперь находится галлерея для зеленоторговцевъ, въ улицѣ, гдѣ производится торговля птицами и которая служитъ связью Чипсайда съ Корнгилемъ. Цѣлыя 40 лѣтъ помѣщался въ этомъ мѣстѣ англійскій банкъ и уже въ это время достигъ степени громаднаго національнаго учрежденія, безусловно необходимаго для торговли и всякихъ экономическихъ сношеній Англіи. Въ 1734 году лондонскій банкъ былъ переведенъ въ свое собственное помѣщеніе, которое онъ выстроилъ въ Сити, въ улицѣ Трипдидль именно на томъ мѣстѣ, гдѣ находился домъ и садъ сэра Джона Гублона. Нѣкоторыя изъ этихъ построекъ сохранили еще свой тогдашній характеръ и до сихъ поръ; нѣкоторыя же до того перестроены, что едва можно признать и выдѣлить ихъ первоначальную форму. Главное же зданіе со временемъ уже было совсѣмъ перестроено и, сооруженное изъ массивныхъ кусковъ портландскаго песчаника, занимаетъ въ настоящее время самый центръ величественнаго цѣлаго составляющаго банкъ.

Изъ всѣхъ привилегій, данныхъ банку въ 1694 году, главнѣйшая состояла въ томъ, что банкъ получилъ право изготовленія своихъ ассигнацій и выпуска ихъ въ обращеніе. Уже въ самый годъ основанія банка стоимость выпущенныхъ ассигнацій равнялись *1,200,000 фунт. стерлинговъ.* Но въ тоже время и въ своихъ кладовыхъ банкъ имѣлъ товаровъ на сумму 300,000 фунт. стерл. что бы имѣть возможность всегда *выкупить* свои бумажные знаки т. е. дать за нихъ *соотвѣтствующую валюту.* За симъ банкъ разсчитывалъ на громадную прибыль и дѣйствительно получалъ ее дисконтированіемъ надежныхъ векселей, причемъ уплачивалъ своими безпроцентными знаками или ассигнаціями. Вскорѣ различныя манипуляціи банка оказались весьма искусно веденными и прибыльными и были вообще очень выгодны для преуспѣянія учрежденія. Но для банка не благопріятны были нѣкоторыя политическія обстоятельства въ особенности послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Войны Англіи съ Франціею стоили ей колоссальныхъ суммъ, и тогдашній министръ Питтъ истощилъ запасъ товаровъ въ кладовыхъ банка до того, что уже въ 1797 году банкъ уже болѣе не могъ выкупить свои ассигнаціи. Такая пріостановка англійскимъ банкомъ платежей, естественно, вызвала страшную панику. Казалось, все финансовое положеніе Англіи ставилось тогда на карту. Но геніальный Питтъ нашелся и здѣсь, какъ помочь погибающему отечеству, подобно тому, какъ обнаруживалъ онъ находчивость и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ. Онъ составилъ такъ называемый „приказъ тайнаго совѣта", который одобренъ былъ и парламентомъ. Приказъ этотъ опредѣлялъ довольно широкія средства выкупа банковыхъ ассигнацій, нѣсколько, однако, не парализуя этимъ другія занятія банка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, купечество и денежная аристократія Лондона рѣшили производить платежи банковыми ассигнаціями, въ надеждѣ, что въ будущее болѣе благопріятное время банкъ правильно и безъ затрудненія возвратитъ взятыя у правительства деньги, а благодаря этому и опять будетъ въ состояніи вступить въ кругъ своихъ обычныхъ дѣйствій. Такое довѣріе оправдалъ и банкъ по окончаніи войны съ Наполеономъ: а между тѣмъ онъ вновь долженъ былъ выпустить такъ много ассигнацій, что онѣ мало по малу упали значительно ниже своей номинальной цѣны, пока, наконецъ, въ 1819 году, англійское правительство вновь не нашло средства регулировать разшатавшіяся финансовыя отношенія различными мѣропріятіями.

За симъ экономическіе кризисы 1825, 1836, 1839, также какъ и позднѣйшій кризисъ 1857 года были весьма важными моментами въ исторіи англійскаго банка, который во время всѣхъ этихъ кризисовъ оказалъ существеннѣйшія услуги частнымъ банкамъ. Съ другой стороны, эти кризисы привели къ изданію 19 іюля 1844 г. *Пилевскаго* *) акта о банкахъ, каковой актъ еще и понынѣ служитъ краеугольнымъ камнемъ англійскаго банка. Въ силу этого акта операція выпуска банковыхъ ассигнацій, получила болѣе самостоятельное назначеніе, а также предписаны болѣе опредѣленныя нормы выпуску самыхъ ассигнацій. Соотвѣтственно этимъ нормамъ, банкъ въ *отдѣленіи*, занимающемся выпускомъ ассигнацій,—долженъ былъ помѣстить обезпеченіе на сумму 14 милліоновъ фунтовъ стерл., и, кромѣ того, помѣстить тамъ же такъ называемое серебро и золото *не въ дѣлѣ*, (т. е. въ полосахъ, слиткахъ и т. п.), а также золотую монету, составляющую излишекъ при банковыхъ операціяхъ и за симъ упомянутое отдѣленіе было обязано выдавать банку именно такое число новыхъ ассигнацій, которыя бы, въ совокупности съ находящимися еще въ обращеніи, своею цѣнностью не превышали бы 14 милліоновъ ф. стерл. металлической цѣнности, находящейся въ выпускномъ отдѣленіи банка, въ видѣ серебра и золота не въ дѣлѣ и золотыхъ монетъ. Наконецъ банкъ обязывался оплачивать всѣ ассигнаціи только золотомъ. Правда, эти предписанія не всегда исполнялись въ строгой точности. Такъ, напримѣръ, было нарушеніе ихъ во время кризисовъ 1857 и 1866 гг. Если не принимать въ разсчетъ нѣкоторыхъ несущественныхъ измѣненій происшедшихъ въ самое послѣднее время. Вышеописанныя колебанія существуютъ и до сихъ поръ. Ежегодная чистая прибыль англійскаго банка, получаемая отъ выпуска ассигнацій, доходитъ приблизительно до 100,000 фунт. стерл. Валовая же прибыль (брутто) составляетъ почти 458,000 ф. стерл. Изъ этой валовой прибыли 120,000 ф. стерл. получаетъ британское правительство, въ видѣ привилегіи за выпускъ ассигнацій, за симъ банкъ, долженъ еще платить 68.000 фунтовъ стерлинговъ штемпелевой пошлины.

По порядку съ сейчасъ описаннымъ отдѣленіемъ, и банкъ въ собственномъ смыслѣ слова развиваетъ въ Британіи огромную дѣятельность, и именно тѣмъ, что, за вознагражденіе въ 250.000 фунтовъ стерлинговъ, онъ принялъ на себя управленіе національнымъ долгомъ Британіи, да и самыя общія банковыя операціи онъ производитъ въ наибольшемъ масштабѣ. По этому-то денежныя обстоятельства англійскаго банка до того безпримѣрно блестящи, что не найдется въ мірѣ банка, подобнаго въ этомъ отношеніи англійскому. Общая сумма его имущества доходитъ до 17,850,000 ф. стерл. Дивидентъ же акціонеровъ колеблется большею частью между $5^1/_2$ и 10%. Долгое время онъ составлялъ 7%, но впослѣдствіи доходилъ до 20%.

Уже въ первый годъ основанія англійскаго банка, при немъ было ангажировано 54 комми или служащихъ; теперь же число ихъ достигаетъ до 770 чел., а если принимать въ разсчетъ и отдѣленія банка, находящіяся во всѣхъ главныхъ мѣстечкахъ Англіи, имѣющихъ сообщеніе съ торговыми и промышленными центрами, то число комми должно достигать цифры 928.

Работы въ банкѣ начинаются съ 9 часовъ утра и продолжаются до 5 часовъ вечера.

Осмотримъ самое зданіе и работающіе тамъ механизмы.

Войдя въ ворота, приходимъ на обширный дворъ, отъ котораго на право и на лѣво ведутъ галлереи къ боковымъ флигелямъ. Поднявшись нѣсколько ступенекъ вверхъ,—входимъ въ большой залъ.

Вдоль стѣнъ сидятъ, стоятъ, пишутъ, считаютъ, вѣсятъ и отсчитываютъ золото чиновники банка. Каждый изъ нихъ отдаленъ отъ другого шкапомъ; передъ каждымъ счетный столъ, вѣсы и толпа людей, желающихъ получить золото или приносящихъ его сюда.

Въ сосѣдней залѣ выдаются проценты государственнаго долга. Больше 50 кассировъ сидятъ двойнымъ кругомъ въ ротондахъ съ высокими сводами, съ куполомъ, освѣщеннымъ люстрой. Тутъ безъ перерыва считаютъ и вѣсятъ. Повсюду звенитъ золото, которое черезъ столъ подвигается на мѣдныхъ лопаточкахъ кредиторамъ.

Въ это отдѣленіе открытъ доступъ всякому. Здѣсь не спрашиваютъ: „что вамъ угодно?".

Такъ какъ у насъ есть пропускъ отъ директора, то одинъ изъ чиновниковъ ведетъ насъ во внутреннее зданіе.

По открытымъ дворамъ и крытымъ галлереямъ, приходимъ мы въ обширное помѣщеніе, вымощенное широкими каменными плитами. Тутъ стоитъ парован машина, душа всего дома, которая сообщаетъ свою силу для самыхъ разнообразныхъ дѣлъ и работъ въ отдаленнѣйшія части банка. Всего удивительнѣе то, что машина сама заботится о своемъ питаніи. Именно, ея большая круглая печь подвижная; она движется кругообразно, и вслѣдствіе этого правильно подходитъ каждой топкой своей подъ отверстіе, изъ котораго въ нее падаетъ каменный уголь. Слѣдовательно работнику нечего дѣлать, какъ только наполнить утромъ углемъ воронкообразно съуживающійся книзу углепріемникъ, и зажечь огонь.

Мы поднимаемся по узкой каменной лѣстницѣ и входимъ въ отдѣленіе, гдѣ фабрикуются всѣ предметы въ какихъ имѣетъ потребность банкъ.

Вотъ въ маленькой комнаткѣ сидитъ человѣкъ, приготовляющій стальныя дощечки, на которыхъ гравируются банковые билеты. Дальше, приготовляется черная краска для печатанія банковыхъ билетовъ; она растирается въ мельчайшій порошокъ посредствомъ машины, чувствительностью и тончайшимъ чувствомъ осязанія, превосходящей всякую человѣческую руку. Она растираетъ краску до того мелко, что въ величайшей массѣ не найдется ни одной самой крошечной крупинки. При легчайшемъ прикосновеніи ничтожнѣйшей крупинки, оба стальныя вальца раздѣляются и заставляютъ ее падать внизъ, къ чему служитъ продѣланный сбоку сегментъ съ тяжестью. Далѣе —осматриваемъ большія типографскія и переплетныя мастерскія. Банку каждый день требуется 300 канцелярскихъ книгъ. Онѣ здѣсь печатаются, линуются, нумеруются, фальцуются, обрѣзаются и переплетаются.

Такъ же подъ низшими сводами, съ каменнымъ мощенымъ поломъ, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ видимъ мы большія, шипящія, стукающія, и предоставленныя самимъ себѣ машины. Онѣ кажутся какими-то невѣдомыми богами, укрывающимися здѣсь отъ всей неугомонной дѣятельности, царствующей въ домѣ.

Пройдя эти залы, мы опять идемъ внизъ на узкій мощеный дворъ.

Въ концѣ коридора видна массивная желѣзная дверь. За

*) Т. е. составленнаго знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ Англіи, въ нынѣшнее столѣтіе сэромъ Р. Пилемъ.

ней находится небольшая сводчатая комната, безъ оконъ, освѣщенная газомъ. Мы останавливаемся передъ желѣзной рѣшеткой. Намъ любезно кланяется маленькій сѣдой старичекъ. „—Библіотекарь банка“, говоритъ проводникъ.

Мы кланяемся старичку, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Маленькій старичекъ пропускаетъ насъ за рѣшетку.

Вокругъ стѣнъ до самаго потолка идутъ желѣзныя полки, и на нихъ возвышаются кипы банковыхъ билетовъ. Цѣна этихъ банковыхъ билетовъ отъ 1 до 1,000,000 фун. стерлинговъ.

Это-то и есть библіотека банка. Каждый банковый билетъ выдается только разъ. Возвращаясь обратно въ банкъ, черезъ часъ ли послѣ того какъ былъ выданъ оттуда, черезъ нѣсколько ли лѣтъ, совершивъ можетъ быть кругосвѣтное путешествіе, побывавъ въ Цюрихѣ, Константинополѣ, Каирѣ, Калькуттѣ, Гонгъ-Конгѣ, Санъ-Франциско, Нью-Іоркѣ,—онъ въ теченіи 10 лѣтъ сохраняется въ этой безопасной отъ огня и воровъ желѣзной комнатѣ, чтобы въ соотвѣтствующихъ случаяхъ кражи, подлога или процесса, онъ могъ быть представленъ въ свидѣтельство на судѣ.

По истеченіи этого срока, старые банковые билеты сжигаются, чтобы очистить мѣсто для новыхъ.

Изъ библіотеки мы переходимъ въ мастерскія, гдѣ печатаются банковые билеты.

Чудо, которому мы здѣсь удивляемся, непонимая его изумительнаго механизма—это печатная машина, поневолѣ принуждающая къ честности того, кто съ ней обращается. На каждомъ экземплярѣ, который подкладывается подъ машину для оттиска, послѣдняя сама собой выставляетъ соотвѣтствующій нумеръ, и въ то же время показываетъ въ отдаленныхъ частяхъ банка, какой нумеръ сейчасъ былъ отпечатанъ. Какъ скоро на билетѣ отпечатана цифра 1999, на слѣдующемъ билетѣ всѣ эти цифры мгновенно исчезаютъ, и вмѣсто нихъ чудеснымъ образомъ появляется 2000. Но это не все. Въ тотъ же мигъ, этотъ самый маневръ повторяется въ отдаленной отсюда части банка контролеромъ; слѣдовательно, тутъ уже никакой подлогъ не возможенъ. Это есть результатъ дѣйствія всѣхъ тѣхъ одинокихъ паровыхъ машинъ, видѣнныхъ нами на нашемъ пути.

Ноги наши уже уставали ходить по этимъ громаднымъ заламъ, но проводникъ предлагаетъ намъ осмотрѣть еще пріемныя и совѣщательныя залы управляющаго банкомъ и директоровъ.

Едвали нужно упоминать о томъ, съ какой царской роскошью помѣщаются всѣ эти господа.

Начальство банка получаетъ 8,000 фунт. стерл., общая же сумма жалованья всѣхъ чиновниковъ равняется 220,000 фунтамъ. Но и чиновниковъ въ банкѣ около 1000.

Эту сокровищницу, въ кладовыхъ которой постоянно хранится до 20,000,000 фунтовъ въ золотѣ и серебрѣ охраняетъ военный караулъ. Каждый вечеръ приходитъ изъ Тауера отрядъ солдатъ и занимаетъ ночной постъ въ банкѣ чтобы быть готовыми на всякій случай.

Но самое интересное впереди.

Проводникъ опять ведетъ насъ черезъ двери и переходы. Вотъ онъ стучится въ большую, тяжелую дверь. Ее отворяютъ изнутри. Въ обширной, освѣщенной сверху комнатѣ съ высокими сводами, стоятъ два господина, опять во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. По всѣмъ стѣнамъ идутъ до самаго потолка запертые желѣзные шкапы.

Это сокровищница банка, соотвѣтствующая библіотекѣ банка. Здѣсь находятся готовые для выдачи банковые билеты и отчеканенные полновѣсные соверины.

А вотъ еще картина, которой наши предки навѣрно бы воспользовались для олицетворенія страшнаго суда, если бы знали ее.

Мы стоимъ въ продолговатой комнатѣ со множествомъ оконъ. Въ серединѣ ея, почти около углубленія средняго окна, стоитъ маленькая паровая машина. По обѣ стороны отсюда, вдоль оконъ, стоитъ еще нѣсколько маленькихъ машинъ, колеса которыхъ приводится въ дѣйствіе вышеупомянутой паровой машиной.

На длинномъ столѣ посреди залы лежатъ горы золотыхъ свертковъ. Эти послѣдніе спускаются въ трубы или желоба, соединяющіеся съ различными машинами и склоняющимися въ открытый ящикъ. Если червонецъ попадающій въ трубку неполновѣсенъ, то изъ невидимой скважины въ мигъ выскакиваетъ мѣдная пластинка и гонитъ этотъ червонецъ въ ящикъ, находящійся влѣво, если же онъ полновѣсенъ, то падаетъ вправо. Но этого мало; слишкомъ легкіе соверины отправляются въ ящикъ похожій на шарманку. Рукоятка приводится въ движеніе. Внутри ящика слышится шумъ и звонъ, и соверины выпадаютъ изъ подъ дна ящика. Но въ какомъ состояніи?—всѣ короли, Вилльямы, Георги, даже добрая королева Викторія обезглавливаются, рѣжутся по поламъ если оказываются слишкомъ легкими.

Нашъ рисунокъ представляетъ счетное зало или галлерею въ зданіи англійскаго банка. Въ эту залу достигаютъ со двора, по галлереямъ, ведущимъ къ боковымъ флигелямъ, какъ сказано выше.

Фонтанъ Обсерваторіи въ Парижѣ.

Путешественникъ, которому угрожаетъ опасность заблудиться въ многочисленныхъ тѣнистыхъ аллеяхъ Люксамбургскаго сада (въ Парижѣ), попавъ, наконецъ, въ одну изъ аллей, вдругъ видитъ длинную прямую дорогу, такъ называемую дорогу Обсерваторіи. На концѣ ея онъ замѣчаетъ монументъ, внѣшній видъ котораго, однакоже, на первый взглядъ, можетъ показаться страннымъ. Это широкій водоемъ, въ центрѣ котораго возвышаются на пьедесталѣ фигуры, и вокругъ находится еще 4 водоема, имѣющіе полукруглую форму, а въ водоемахъ этихъ помѣщены 8 бѣшено скачущихъ морскихъ лошадей, и каждая пара этихъ лошадей изображена въ колесничной упряжи, какая употреблялась въ циркахъ древнихъ грековъ и римлянъ. Все же вмѣстѣ художественное цѣлое этихъ изваяній,—съ нереидами и тритонами по сторонамъ—напоминаютъ отчасти „Прогулку Амфитриды“ или „Тріумфъ Галатеи“.

Но особенный характеръ физіономіи Фонтана Обсерваторіи придаетъ именно большая скульптурная група, возвышающаяся въ самомъ центрѣ, на пьедесталѣ. *Четыре* мощныя фигуры женщинъ поддерживаютъ высоко поднятыми руками огромный шаръ, изображающій земную сферу съ градусами долготы и широты, съ экваторомъ и эклиптикою и атмосферною оболочкой. По характеру положенія взаимно сплетенныхъ ногъ этихъ фигуръ видно, что онѣ совершаютъ движеніе отъ запада къ востоку. Но этому главному символическому сюжету предшествуютъ еще другія символическія группы, служащія символами 4-хъ временъ года, дня и ночи, и поставленныя на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, по главной дорогѣ, между рѣшеткою Люксамбургскаго сада и перекрещивающимися путями, ведущими къ Обсерваторіи. Эти группы аллегорическихъ фигуръ раздѣлены другъ отъ друга восхитительно роскошными цвѣтниками и двойною оградою, образуемою изъ каштановыхъ деревъ.

На пьедесталѣ главной композиціи стоитъ имя художника *Карпо*, а въ группахъ морскихъ лошадей—имя скульптора *Фремье*. Подъ другими группами, разставленными, какъ сказано выше, по главной дорогѣ къ Обсерваторіи, стоятъ имена художниковъ *Краппа*, *Гумери*, *Жоффруа* и *Перро*—все художественныя знаменитости Франціи, и троихъ изъ нихъ—Гумори, Перро и Карпо уже нѣтъ на свѣтѣ.

Ближайшая часть зданія Обсерваторіи построена архитекторомъ *Кассини*, еще въ царствованіе Людовика XIV. За симъ, впослѣдствіи, сооруженъ былъ, по проекту Карпо, самый Фонтанъ Обсерваторіи, для того, чтобы онъ служилъ нѣкоторымъ образомъ преддверіемъ храма астрономіи. Высокое вдохновеніе художника, которое отпечатлѣлось на главныхъ аллегорическихъ группахъ, дѣйствительно оправдываетъ такое назначеніе. Четыре женскія фигуры (о которыхъ упомянуто выше) поднимающія на плечахъ земную сферу, изображаютъ 4 части свѣта: Европу, Азію, Африку и Америку. Остряки-французы, отдавая справедливость художественному исполненію группы, находятъ, однако, вопіющую несообразность въ самомъ построеніи и изобрѣтеніи. Какъ же такъ: четыре части свѣта держатъ землю, какъ будто сами онѣ внѣ земли и не служатъ составными частями земного шара?!. Вотъ другое дѣло, если бы земную сферу поднимала фигура Атланта, на которую, однако, не соблаговолилъ Карпо возложить нашу землю!..

Въ настоящее время знаменитый Люксамбургскій садъ совсѣмъ не то, что былъ прежде, хотя бы даже во время первой французской революціи. Въ то время двѣ длинныя довольно уродливыя стѣны окружали старую ограду Шартрскаго монастыря *) Направо эти мрачныя стѣны шли по направленію къ Западной улицѣ, а на лѣво къ Восточной улицѣ и Ботаническому саду, принадлежащему знаменитой Парижской Медицинской школѣ. И тогда, какъ и теперь, впрочемъ, главная аллея Обсерваторіи занимала центральное мѣсто между этими постройками и пристройками. Она была тогда устроена на громадной земляной насыпи, спускавшейся къ садамъ Шартрскаго монастыря. Еще и теперь сохранилось ясно мѣсто, гдѣ стоялъ маленькій квадратный павильонъ. Это былъ центральный пунктъ, вокругъ котораго были устроены кельи монаховъ св. Бруно.

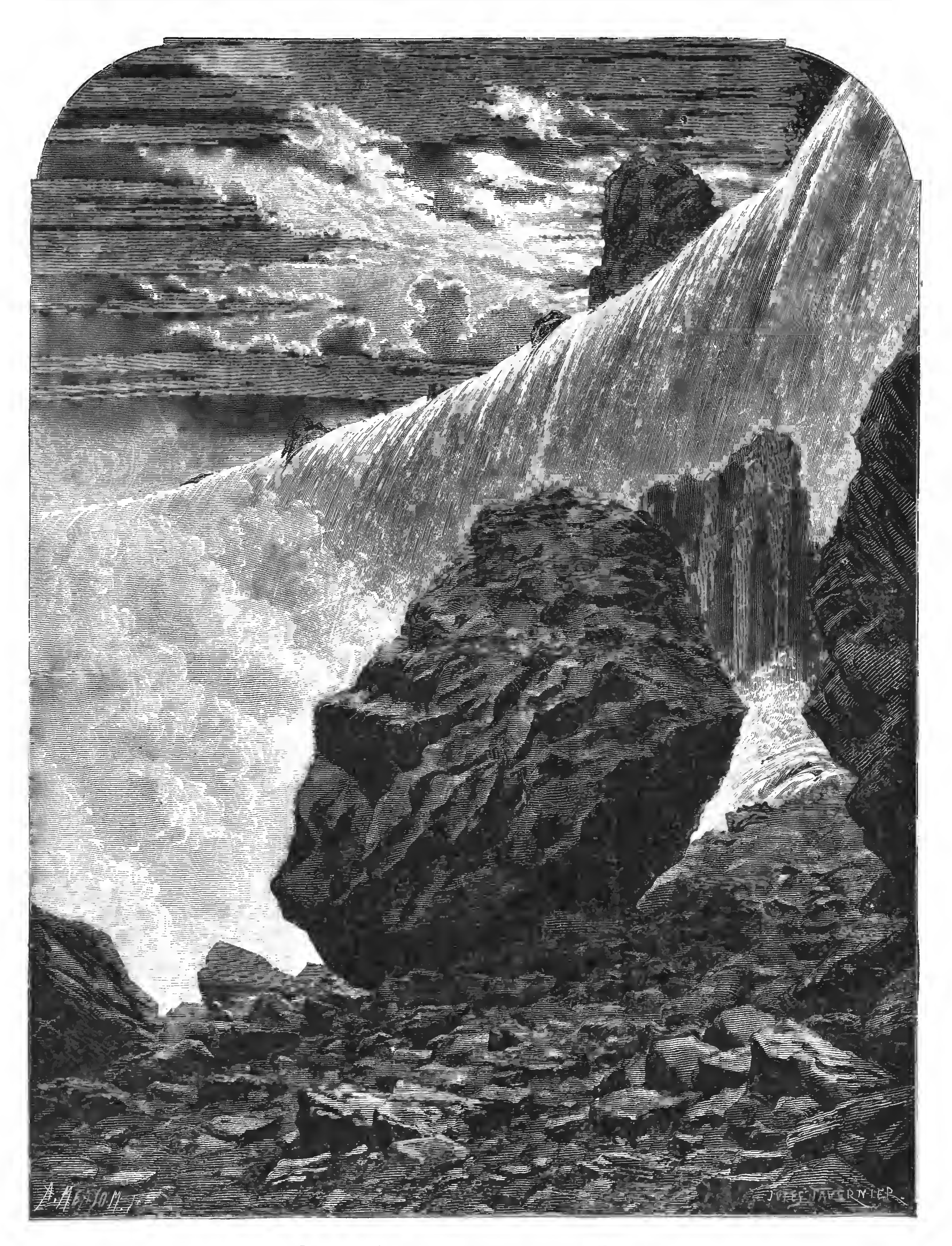
Водопадъ Ніагара.

На страницахъ „Нивы“ за 1876 годъ (см. № 42, стр. 706 и 712) былъ помѣщенъ видъ ніагарскаго водопада и описаніе его. Помѣщаемый въ настоящемъ номерѣ видъ этого водопада значительно больше того, который былъ помѣщенъ въ „Нивѣ“ 1876 г. и представляетъ его съ другой стороны.

Видъ этотъ имѣетъ не только тотъ интересъ, что даетъ нашимъ читателямъ возможность дополнить представленый о Ніагарскомъ водопадѣ, но знакомитъ и съ происшедшей въ одной изъ его частей перемѣнѣ. Нужно замѣтить, что въ весьма недавнее время отъ одной изъ скалъ, по которымъ ниспадаетъ

*) Т. е. монастыря, принадлежащаго Шартрскому ордену монаховъ, основанному въ XI вѣкѣ, св. Бруно. Теперь уже этого монастыря на разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ. Король *Людовикъ святой* любилъ этотъ монастырь и дѣлалъ въ него многочисленныя пожертвованія.

(Продолженіе на стр. 285 286, 287 и 288).

Водопадъ Ніагара. Рис. Таверье, грав. Мисомъ.

вода Ніагары, оторвался значительныхъ размѣровъ камень и былъ отброшенъ быстротой паденія воды нѣсколько въ сторону отъ водопада. Этотъ то именно камень, или, точнѣе говоря, часть глыбы, оторванной отъ скалы, представлена на нашемъ рисункѣ; говоримъ, часть, потому что вся глыба, оторванная отъ скалы, по которой въ этомъ мѣстѣ ниспадаетъ вода, не могла сразу отлетѣть въ сторону: болѣе тяжелыя ея части вапѣрное не могли быть отброшены въ сторону и пали на дно той пропасти, которую вырыла себѣ сила паденія въ этомъ мѣстѣ Ніагары.

Въ послѣднѣе время практическіе американцы задались мыслію, воспользоваться силой Ніагарскаго водопада и извлечь изъ него практическую пользу. Они уже успѣли высчитать, сколько тутъ, такъ сказать, безполезно погибаетъ силы и готовятся изъ этой силы извлечь пользу. Будетъ ли это извлеченіе пользы изъ силы ніагарскаго водопада примѣнено на практикѣ въ видѣ какой нибудь машины, работающей безъ расхода на ея содержаніе, или же въ какомъ либо другомъ видѣ —объ этомъ мы, конечно, въ свое время сообщимъ.

Приборъ Брандеса для испытанія качества молока.

Приборъ, рисунокъ которао прилагается здѣсь, можно рекомендовать для каждаго домохозяина, особенно въ настоящее время, когда фальсификація молока такъ сильно распространена. Посредствомъ прибора этого можно тотчасъ же убѣдиться, есть ли въ испытуемомъ молокѣ вода и сколько ея именно?

Приборъ, какъ видно иа рисункѣ, состоитъ изъ полаго шара и прикрѣпленной къ нему скалы. Для испытанія стоитъ только опустить шаръ со скалкою въ сосудъ съ испытуемымъ молокомъ, въ которомъ онъ будетъ плавать. Въ чистомъ, не смѣшанномъ съ водою молокѣ шаръ опускается лишь до точки, обозначенной на скалѣ нулемъ. Если шаръ опустится до точки озваченной единицею, то молоко содержитъ 10% примѣси воды, а если до точки 2, то въ молокѣ 20% воды и т. д. Само собою разумѣется что этотъ приборъ нужно содержать въ опрятности и, послѣ употребленія, тщательно вытирать.

Получить этотъ приборъ, за недорогую цѣну, можно чрезъ г. *Теодора Притумана*, въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Навѣрное онъ скоро появится и у насъ Петербургѣ.

Политическія и внутреннія извѣстія

За прошлую недѣлю, строго говоря, не произошло ничего новаго въ положеніи политическихъ дѣлъ. Все еще представляется нерѣшеннымъ вопросъ: что же, наконецъ, должно быть —миръ или война? Правда, рядъ послѣдовательныхъ извѣстій прошлой недѣли заставлялъ насъ заключить, что между кабинетами по прежнему ведутся переговоры, и что *благонамѣренныя дѣйствія Германіи* (активное участіе которой въ разрѣшеніи настоящаго вопроса, какъ мы говорили уже въ прошломъ обозрѣніи „Нивы" № 15, стало возрастать за послѣднее время) съ каждымъ днемъ подтверждаются все больше и больше. Но уже въ концѣ недѣли вѣроятность войны увеличилась, по признанію западной прессы.

Мирный обмѣнъ воззрѣній между Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами происходилъ 3 (15-го) апрѣля. При этомъ Лондонскій кабинетъ, искренно или нѣтъ, заявилъ, что онъ *искренно* желаетъ мирнаго рѣшенія, не имѣетъ намѣренія и не желаетъ ставить ненужныя препятствія переговорамъ, и *хочетъ только, чтобы весь* русско-турецкій договоръ былъ предъявленъ конгрессу. Но при этомъ Сентъ-Джемскій кабинетъ извѣстился, что Русскій Кабинетъ также держится прежняго положенія и ссылается на промеморію князя Горчакова, какъ на доказательство готовности допустить обсужденіе *даже важнѣйшихъ* оговорокъ Санъ-Стефанскаго договора.

Въ тотъ же день 3-го (15-го) апрѣля членамъ парламента между прочею дипломатическою перепискою былъ переданъ циркуляръ нашего Государственнаго Канцлера князя Горчакова, а также и приложеніе (промеморія) къ этому циркуляру. Эти документы были сообщены лорду Салисбери еще 1-го (13-го) апрѣля. Вмѣстѣ съ этими документами, дипломатическая переписка заключаетъ въ себѣ еще депешу лорда Салисбери къ лорду Лофтусу, въ которой изложено содержаніе телеграммы нашего Государственнаго Канцлера графу Шувалову, гдѣ говорится объ отношеніи русско-турецкому мирному договору со стороны другихъ державъ. Затѣмъ содержится еще сообщеніе сэра Эллiота о томъ, будто бы русскій Государственный Канцлеръ заявилъ румынскому дипломатическому агенту что Россія не воспротивится обсужденію на конгрессѣ статьи касающейся Бессарабіи и что противоположное мнѣніе есть только результатъ недоразумѣнія.

Дипломатическая миссія Братіано, (о которой мы уже говорили въ прошломъ обозрѣніи „Нивы" № 15) (т. е. привлечь на свою сторону Австрію и Пруссію) не удалась, и особенно въ Берлинѣ. Въ послѣдней столицѣ не принято ни одно изъ его предложеній, и румынское правительство съ этихъ поръ принялось за всевозможныя усилія, чтобы сблизиться съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Искренно ли относится къ намъ въ настоящее время Порта —это тоже вопросъ довольно темный. Но если она играетъ въ двоедушіе, то надо сознаться, исполняетъ свою роль довольно искусно.

Порта отправила къ державамъ циркуляръ, въ которомъ она признаетъ Санъ-Стефанскій договоръ *результатомъ* своего пораженія. Порта заявила въ своемъ циркулярѣ, что она рѣшилась (?) честно выполнять заключенный съ Россіею договоръ, хотя бы и сочла *счастливыми* всякія измѣненія въ немъ, которыя вытекли бы изъ сочувственнаго вмѣшательства державъ и *умѣренности* Россіи (!). За симъ каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ переговоровъ, Порта обязывается осуществить реформы. Но въ этихъ прекрасныхъ рѣчахъ какъ будто проглядываетъ надежда на всемогущую заступницу Англію... Замѣтимъ, что о своей „честности" относительно Россіи Турція заявляетъ не самой Россіи, а другимъ державамъ, дѣлая притомъ весьма призрачнымъ свои желанія, что не мѣшало бы Россіи быть умѣреннѣе.

Увидимъ вскорѣ результаты „честной" турецкой рѣшимости. За прошлую недѣлю получено изъ Бессарабіи извѣстіе о *передвиженіи* нашихъ войскъ. Предполагается, что 20,000 войскъ изъ состава русскаго 11-го корпуса займутъ Бухарестъ, а прочіе корпуса займутъ станціи на Журжевской линіи и будутъ ожидать прибытія дальнѣйшихъ русскихъ войскъ, стоя на территоріи къ востоку отъ рѣки *Яты*. Что касается отправки на родину съ театра войны нашихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, то отправка эта дѣятельно производится. Больныхъ и раненыхъ солдатъ сажаютъ на суда въ Санъ-Стефаво, для отправленія въ Россію моремъ. Въ послѣднее время получены извѣстія, что большая часть румынской арміи въ Малой Валахіи сосредоточена между *Турнъ-Северином* и *Алутой*. Въ Большой Валахіи стоятъ теперь 150,000 русскихъ войскъ и 3 румынскіе полка. Въ окрестностяхъ Бухареста стоитъ до 40,000 русскихъ войскъ. За симъ получены въ срединѣ прошлой недѣли извѣстія, что главныя силы румынской арміи сосредоточиваются на Австро-Венгерскихъ границахъ въ Малой Валахіи. Въ то же время изъ Сербіи было сообщено, что до 1/2 десятка сербскихъ батальоновъ отправлено на границы Босніи. За симъ въ Румынію ежедневно вступаютъ новые отряды нашихъ войскъ.

Съ другой стороны, нужно постоянно обращаться и къ другой тучкѣ, занимающейся на горизонтѣ. Препирательство и взаимныя укоризны между греческимъ и турецкимъ правительствами все болѣе и болѣе увеличиваются, причемъ возстаніе противъ Турціи горцевъ-эпротовъ служитъ только поджигающимъ матеріаломъ. Въ послѣднее время возникли столкновенія въ Македоніи (обширной провинціи, лежащей за Балканами, между Ѳракіей и Албаніей, съ главнымъ городомъ *Салониками*). Порта рѣшила—что главнымъ зачинщикомъ безпорядковъ слѣдуетъ считать греческаго консула въ Салоникахъ, и потому потребовала отъ греческаго правительства, чтобы консулъ этотъ былъ отозванъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, не признать его въ этой должности. Въ отвѣтъ на это, греческій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что подозрѣнія не составляютъ еще доказательствъ виновности и на отрѣзъ отказался отозвать консула, угрожая съ своей стороны репрессаліями и крайними мѣрами, если Порта перестанетъ признавать консула въ этой должности. Эти препирательства малорослой Греціи съ обезсиленною Турціей, конечно, должны казаться намъ довольно комичными, послѣ недавней и ожесточенной борьбы у подножія Балканъ. Но не послужатъ ли и эти мелкіе раздоры искрою, изъ которой въ непродолжительномъ времени вспыхнетъ большой пожаръ?

Событіе важнаго политическаго характера совершилось и за океаномъ. Изъ Вашингтона, главнаго города Сѣвер.-Амер. Соединенныхъ штатовъ, пришло недавно оффиціальное сообщеніе, что правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ признало Мексиканское правительство генерала Порфиріо Діаса, т. е. президентская власть Порфиріо Діаса, до сихъ поръ не признававшаяся Сѣверо-Американскими Штатами, теперь оффиціально объявлена законною. Порфиріо Діасъ герой войны мексиканцевъ съ французами въ концѣ 60-хъ годовъ, вообще одинъ изъ лучшихъ (по стойкости убѣжденій) государственныхъ людей новаго свѣта. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можно бы было сравнить развѣ покойнаго президента Мексики, Бенито Хуареса.

Въ Константинополѣ наше консульство снова вступило въ отправленіе своихъ обязанностей.

Изъ окончившагося 31-го марта въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ засѣданіе *по дѣлу о покушеніи на жизнь генерала Трепова* выяснилось, что обвинявшаяся въ этомъ преступленіи Вѣра Засуличъ окончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ и выдержала за симъ экзаменъ на званіе домашней учительницы. Она услышала о наказаніи розгами Боголюбова (содержащагося подъ стражею по дѣлу о извѣстной

демонстраціи, бывшей у Казанскаго собора въ 1877 году) и рѣшилась отмстить за него генералу Трепову, по распоряженію котораго было произведено это наказаніе. Съ Боголюбовымъ она никогда не встрѣчалась и не знала его.

О происшествіи, случившемся по окончаніи засѣданія Окружнаго Суда, въ № 75 „Правительств. Вѣсти. напечатано: „31-го марта, въ исходѣ седьмаго часа пополудни, окончилось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ засѣданіе по дѣлу о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Трепова. Толпа молодежи, собравшаяся на Шпалерной улицѣ, встрѣтила вышедшую оправданную Вѣру Засуличь сочувственными криками и провожала ее. На Шпалерной улицѣ, близь дома предварительнаго заключенія, Засуличь помѣстилась вмѣстѣ съ какою-то женщиною и молодымъ человѣкомъ въ карету, приведенную околоточнымъ надзирателемъ. Толпа сопровождала экипажъ, направившійся по Воскресенскому проспекту. Достигнувъ угла Фурштадтской, карета повернула по этой улицѣ, но была остановлена полиціею, просившею толпу разойтись и предоставить Засуличь уѣхать. Во время этихъ переговоровъ раздались послѣдовательно два выстрѣла, почти безъ промежутка, а чрезъ минуту и третій.

Оказалось, что одинъ выстрѣлъ пробилъ каску жандарма, стоявшаго около кареты; второй—ранилъ въ правую руку мѣщанку Рафаилову, стоявшую тамъ же, а третій—убилъ на мѣстѣ дворянина Григорія Сидорацкаго, найденнаго на Воскресенскомъ проспектѣ, пройдя угловой домъ Шуленбурга, шагахъ въ 20 отъ угла Фурштадтской и Воскресенскаго проспекта.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, судебный слѣдователь 13-го участка города С.-Петербурга приступилъ къ производству предварительнаго слѣдствія по 1,458 ст. улож. Означеннымъ слѣдствіемъ установлены слѣдующія данныя: Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что два первыхъ выстрѣла послѣдовали съ угла Воскресенскаго проспекта и Фурштадтской ул., отъ дома графа Шуленбурга и направлены были въ лицъ, окружавшихъ карету. Такъ, по показанію Анны Устиновой Рафаиловой, слушательницы женскихъ курсовъ при Маріинскомъ родовспомогательномъ институтѣ, она была ранена близь самаго экипажа. Рядовой жандармскаго дивизіона, Ѳедоръ Ивановъ Микулинъ, каска котораго оказалась пробитою, стоялъ тоже около кареты, рядомъ съ полиціймейстеромъ Дворжицкимъ и приставомъ Хоменко, съ правой стороны кареты, т. е. въ пространствѣ между домомъ Шуленбурга и экипажемъ. Остальные жандармы находились на противоположной сторонѣ Фурштадтской улицы, около дома бывшаго Овсянникова (нынѣ Елисѣева). Дворянинъ Григорій Сидорацкій застрѣлился на Воскресенскомъ проспектѣ, шагахъ въ двадцати отъ угла Фурштадтской, пройдя домъ Шуленбурга, на глазахъ свидѣтелей: рабочаго патроннаго завода Сергѣя Владимірова и городоваго Петрова. Около него найденъ револьверъ системы „Смитъ и Вессонъ", средняго калибра. Изъ боковаго кармана покойнаго слѣдователь вынулъ кабуру изъ этого пистолета, а изъ кармана пальто десять патроновъ къ тому же револьверу. Въ барабанѣ револьвера оказалось только два заряженныхъ патрона и три пустыхъ гильзы. Докторъ медицины Чудновскій представилъ къ слѣдователю пулю, вынутую профессоромъ Богдановскимъ изъ правой руки раненой Рафаиловой.

Пули, представленныя: а) докторомъ Чудновскимъ, б) врачемъ Горскимъ, производившимъ судебно-медицинское вскрытіе тѣла Сидорацкаго и в) засѣвшая въ каскѣ жандарма, оказались тождественными какъ между собою, такъ равно съ двумя оставшимися въ барабанѣ револьвера и съ десятью пулями патроновъ, вынутыхъ изъ кармана пальто Сидорацкаго. Карета, въ которой сидѣла Засуличь, уѣхала по Фурштадтской тотчасъ послѣ перваго выстрѣла. Свидѣтели происшествія удостовѣрили, что послѣдовало только три выстрѣла. Толпа начала разбѣгаться послѣ перваго выстрѣла. Конные жандармы прибыли послѣ окончанія происшествія и были отпущены немедленно полиціею.

Въ № 76 „Прав. Вѣст." напечатано: Москва, 3-го апрѣля. Сегодня съ почтовымъ поѣздомъ Курской желѣзной дороги перевезены въ здѣшнюю пересыльную тюрьму 15 студентовъ Кіевскаго Университета, высылаемыхъ въ отдаленныя губерніи за безпорядокъ въ томъ университетѣ: Къ ихъ прибытію на станцію собрались молодые люди и при выходѣ привезенныхъ кричали „ура" и провожали ихъ, посаженныхъ въ кареты, до пересыльной тюрьмы. Это собрало толпу, большею частію изъ простолюдиновъ, увеличившуюся особенно на Моховой улицѣ, у стараго университета. При отвѣтахъ молодыхъ людей, сопровождавшихъ кареты, что это везутъ пострадавшихъ за правду и преслѣдуемыхъ Правительствомъ, народъ бросился на этихъ молодыхъ людей и нѣкоторымъ изъ нихъ нанесъ побои, но полиція освободила ихъ отъ преслѣдованія толпы, и во избѣжаніе дальнѣйшаго безпорядка, девятеро изъ нихъ были увезены въ полицейскіе дома, а привезенные студенты доставлены въ пересыльную тюрьму; порядокъ на улицѣ былъ водворенъ. О взятыхъ полиціею за участіе въ оваціи привезеннымъ студентамъ и за подачу повода къ уличнымъ безпорядкамъ сообщено начальнику московскаго губернскаго жандармскаго управленія.

Въ виду возможной войны Англіи съ Россіей, прежде всего намъ слѣдуетъ позаботиться о флотѣ, такъ какъ Англія сильна на морѣ. Вотъ почему открытая нынѣ Обществомъ для содѣйствія русскому мореходству подписка на сооруженіе океанскихъ крейсеровъ вызвала общее сочувствіе. За отсутствіемъ сильнаго военнаго флота, наши крейсеры могутъ представлять хорошее средство для веденія морской войны. Они заставятъ Англію или держать громадный флотъ въ океанахъ, или нести громадныя потери въ своей торговлѣ и промышленности. Первый рѣшительный шагъ для этого сдѣланъ былъ Московскимъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству, принявшему проектъ объ открытіи въ Россіи комитетовъ для повсемѣстнаго сбора пожертвованій на пріобрѣтеніе крейсеровъ. Государь Императоръ, по ходатайству означеннаго общества разрѣшилъ Государю Наслѣднику принять званіе почетнаго президента Главнаго Комитета по сб ру пожертвованій на пріобрѣтеніе крейсеровъ.

Молокомѣръ.

Изъ Зимницы сообщаютъ, что, наконецъ, на дняхъ спущенъ въ воду одинъ изъ рейнскихъ паровыхъ паромовъ, купленныхъ Поляковымъ. Если военное начальство сдѣлаетъ должное распоряженіе объ установкѣ механизмовъ на обоихъ берегахъ Дуная, то недѣли черезъ двѣ желѣзныя пути Румыніи и Болгаріи будутъ связаны прочнымъ и непрерывнымъ сообщеніемъ. Паровой паромъ поднимаетъ восемь вполнѣ нагруженныхъ вагоновъ. Для доставленія этихъ 8 вагоновъ съ одного берега рѣки на другой требуется не болѣе получаса времени.

Наши читатели уже знакомы съ устройствомъ такихъ паромовъ, о пользѣ которыхъ для нашей арміи, находящейся за Дунаемъ, мы уже имѣли случай говорить, помѣщая рисунокъ парового парома въ № 11 „Нивы" с. г.

Неурожай, бывшій въ прошломъ году повсемѣстно въ Вятской губерніи, отразился и на Воткинскомъ заводѣ: хлѣбъ вздорожалъ и семнадцатитысячное населеніе завода, покупающее хлѣбъ на заработываемыя на заводѣ деньги, начинаетъ сильно бѣдствовать. Къ тому же и заводъ почти не работаетъ за неимѣніемъ заказовъ, что по заключенію знающихъ дѣло происходитъ отъ дороговизны и низкаго качества желѣза.

Распространеніе эпидеміи еще пока не прекращается, а увеличивается. Что-то скажетъ весна и какіе, наконецъ, размѣры приметъ эта эпидемія. Теперь газеты сообщаютъ, что тифъ есть уже и въ Перми, что онъ охватываетъ Россію чуть ли не съ одного конца до другого, конечно, въ большей или меньшей степени. Есть свѣдѣнія, что тифъ все болѣе и болѣе появляется въ разныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Въ Петроковской губерніи уже начались смертные случаи, а теперь тифъ уже въ Сѣдлецкой губерніи.

Неурожаи прошлаго года до того обезсилили матеріальныя средства Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губ. что поступленіе земскихъ сборовъ въ мѣстное казначейство почти прекратилось. Уѣздная земская управа была, вслѣдствіе этого, вынуждена прибѣгнуть къ займу въ 12 т. р., который и разрѣшенъ ей, бывшимъ на дняхъ чрезвычайнымъ земскимъ собраніемъ.

Рѣшеніе ариѳмогрифа, помѣщеннаго въ № 11 „Нивы". Девять цифръ, замѣняющихъ буквы въ ариѳмогрифѣ, скрываютъ въ себѣ по порядку ихъ размѣщенія девять буквъ слова: Сулейманъ. Значеніе остальныхъ девяти словъ открывается само собою при примѣненіи буквъ слова: „Сулейманъ" къ ихъ цифрамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 14 Апрѣля 1878 г. Тип. Вольфа, Англ. пр. № 10.

№ 17 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 24 Апрѣля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Утесъ Лорелеи на Рейнѣ.

Утесъ Лорелеи на Рейнѣ. Рис. Штилеръ, грав. БрендʼАмуръ.

Утесъ Лорелеи на Рейнѣ.

Достойно прославленный Рейнъ, съ своими роскошными романтическими берегами, служитъ масштабомъ и образцомъ для всякой другой прекрасной рѣчной долины, если послѣдняя имѣетъ притязаніе назваться „прекрасною". Какая роскошь и романтичность видовъ. Вотъ роскошные виноградники, вотъ скалы, одѣтыя туманомъ и кажущіяся встающими исполинами. Вотъ почему Рейнъ и его берега всегда служили предметомъ разныхъ чудесныхъ легендъ и сказаній. Много подобныхъ сказаній помѣстилъ въ своемъ сборникѣ Я. Гриммъ.

По своему геологическому составу, скалы и утесы Рейна состоятъ изъ шифера и имѣютъ темный цвѣтъ. Утесы эти покрыты бѣдною растительностью дикаго виноградника. Виноградникъ этотъ сползаетъ со скалъ и болѣе привольно разрастается въ долинахъ и тѣсныхъ котловинахъ.

Наиболѣе живописные берега Рейна и возбуждающія своею причудливостью удивленіе утесы расположены преимущественно на пространствѣ теченія Рейна отъ *Бингена* до *Кобленца*. Здѣсь Рейнъ, какъ будто роясь и ища чего-то, извивается въ глубокихъ пропастяхъ. Въ иномъ мѣстѣ группы утесовъ тѣснились, рушились, подверглись процессу вывѣтриванія, и вотъ эти-то обрушившіяся скалы одѣваетъ свѣже-распускающаяся растительная жизнь. Здѣсь же находится и знаменитая *Лорелея* или *Лурлея*, вдохновившая Гейне. Въ лицѣ этой Лурлеи народъ воображаетъ поющую сирену. Это потому, что скалы Лурлеи дѣйствительно когда-то имѣли способность издавать звуки (какъ эту способность имѣютъ и многія вывѣтривающіяся породы—достаточно вспомнить древній египетскій колоссъ). Звуки Лурлеи меланхолически унылы и, вмѣстѣ, жалостны и служатъ пищею для романтиковъ. Здѣсь народная фантазія издавна создала волшебный дворецъ съ зубчатыми вершинами. Эти вершины, правда, теперь развалились, но народное повѣрье существуетъ во всей силѣ и до сихъ поръ. Помѣщаемъ здѣсь стихотвореніе Гейне „Лорелея" въ нашемъ переводѣ:

Мнѣ некуда нынче дѣваться
Отъ тяжкихъ, томительныхъ думъ.—
Все старыя, грустныя сказки
Невольно приходятъ на умъ.—

***

На Рейнѣ прохладно и тихо,
Все мглой залилося кругомъ.
Прощальные отблески солнца
Горятъ на утесѣ крутомъ.

***

На этомъ утесѣ младая,
Прелестная дѣва сидитъ
И чешетъ златистую косу,
И золотомъ ручка блеститъ;

***

И золотомъ гребень блистаетъ,
И пѣсню та дѣва поетъ,—
И пѣсня въ вечернемъ просторѣ
Мелодіей дивной течетъ.

***

Пловецъ очарованъ той пѣсней.
Охваченъ онъ вѣяньемъ грезъ,—
Онъ камней не видитъ подводныхъ,
Онъ смотритъ на чудный утесъ.

***

Я знаю, несчастный погибнетъ,
Разбитый о гребни камней,—
Такъ губитъ пловцевъ Лорелея
Чудесною пѣсней своей...

Прибавимъ, что независимо отъ поэтическихъ преданій, Рейнъ есть рѣка, напоминающая славные историческіе подвиги. Особенно же Франція всегда сходилась для битвъ съ своими врагами на берегахъ Рейна. Начиная съ царствованія Людовика XIV до 1815 года границы, естественно опредѣляемыя теченіемъ Рейна, особенно были важны для Франціи. Затѣмъ, даже до послѣдняго времени, до послѣдняго пораженія, крики „на Рейнъ" для Франціи были равнозначительны воинственнымъ кликамъ. Нѣмецъ сложилъ также свою патріотически-національную пѣсню „Die Wacht am Rhein" (Стража на Рейнѣ), служащую до сихъ поръ полнымъ выраженіемъ національныхъ чувствъ. Объединенной Германіи, стало быть, вдвойнѣ дорогъ Рейнъ: и какъ рубежъ, за него же не переступитъ нога чужеземца, и какъ живой памятникъ романтики, имѣющей такое очарованіе для тевтонскихъ народовъ.

Въ частности для науки геологіи Рейнъ замѣчателенъ своимъ своеобразнымъ расположеніемъ ярусовъ геологическихъ породъ и находимыми въ нихъ органическими остатками.

Z.

Господинъ Бржестинскій.

(Типъ).

— А что—дома? раздался подъ окномъ знакомый голосъ, съ значительной дозой польскаго акцента.

Первой моею мыслію было вскочить и бѣжать, схвативъ шляпу, куда глаза глядятъ, только бы не встрѣчаться съ моимъ гостемъ. Но было уже поздно: голова его торчала въ окнѣ, а самъ онъ лѣпился на выступѣ фундамента, цѣпляясь за подоконникъ.

— Здравствуйте, заговорилъ онъ, протягивая мнѣ черезъ окно руку.—От-то срамъ какой, въ такую погоду дома сидѣть, добро бы старикъ были, аль-бо старуха, а то еще совсѣмъ молодой человѣкъ... Вы посмотрите только: солнце свѣтитъ, букашки летаютъ, птички поютъ,—а вы, съ позволенія сказать, киснете тутъ...

— Да я только что домой вернулся, возразилъ я:— верстъ двѣнадцать исходилъ, если не больше: теперь вотъ пообѣдалъ, газеты читаю, еле дышу—и усталъ и объѣлся.

— А, вздоръ какой! молодой человѣкъ—и усталъ. Вы извините, что я такъ говорю прямо, да вы же сами виноваты, что какъ грибъ въ комнатѣ сидите. Ну, идемъ—я васъ похищаю!..

— Я не могу, голова болитъ...

— Тѣмъ лучше, что болитъ:—ее провѣтривать надо. Я же слово женѣ далъ, что васъ уведу съ собой.

— Да куда-же мы пойдемъ?

— Ко мнѣ сперва, а потомъ на телѣжку сядемъ и поѣдемъ.

— Зачѣмъ, куда?

— На ученую экскурсію.

— На какую экскурсію?

— Это есть тайна—увидите.

— Что-жь мы, вдвоемъ съ вами поѣдемъ?

— А нѣтъ, развѣ безъ дамъ partie de plaisir устраивается: и Марья Людовиковна и Женя поѣдутъ. Да ну вставайте, domine,—eamus.

— Я право не могу... Не хочется...

— Фу, какой вы не любезный!.. Всю нашу прогулку разстраиваете, теперь безъ васъ Марья Людовиковна не поѣдетъ.

— Да скажите-же хоть то, далеко-ли мы ѣдемъ?

— Какое далеко—верстъ за десять... Тамъ мы гдѣ нибудь и чаю напьемся, и домой къ ночи будемъ. Вы альбомъ взять можете: нидъ какой нибудь этакой срисовать.

„А что, пойти, въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я:—можетъ быть удастся накинуть въ альбомъ головку Марьи Людовиковны,—это будетъ лучше всякихъ видовъ... Только самъ Бржестинскій—что за ужаснѣйшая личность"...

Не смотря на то, что я его видѣлъ только второй разъ,—онъ былъ для меня просто невыносимъ... Но впрочемъ, позвольте: прежде чѣмъ продолжать дальше, я разскажу, кто такой Бржестинскій, и какъ я съ нимъ познакомился.

***

Дѣло происходило въ Финляндіи. Лѣто было въ этотъ годъ чудное, не сухое, не дождливое, и я послѣ всѣхъ дрязгъ, грязи, копоти петербургскаго сезона, вполнѣ наслаждался на „лонѣ благоухающей природы." Пріѣхалъ я съ рисовальнымъ ящикомъ.

Сидѣлъ я разъ на берегу рѣчки, накидывая окрестный пейзажъ, такъ и горѣвшій подъ жаркими лучами полуденнаго солнца. Вокругъ было тихо, вѣтерокъ еле-еле колыхалъ волны покоса, раскинувшагося въ продолговатой долинѣ, охваченой со всѣхъ сторонъ напо-

рамой лѣсовъ, сплошною массой покрывавшихъ горные отроги. На рѣчкѣ было такъ спокойно, что маленькія всѣмъ извѣстныя насѣкомыя съ несмачивающимися лапками, преспокойно бѣгали по ея поверхности, „въ пику“ всему прочему окрестному населенію. Мухи всѣхъ родовъ — черныя, зеленыя, золотистыя, быстрымъ летомъ рѣяли вокругъ, звеня на всѣ голоса, залетая ко мнѣ подъ зонтикъ, жужжа надъ самымъ ухомъ. Онѣ преглупо бились о полотно зонтика, не умѣя изъ подъ него выбраться, ползали и по лицу и по шеѣ, забирались за галстукъ, садились даже на руки, не боясь короткихъ взмаховъ кистью, попадали въ густые слои красокъ и тоскливо шевеля ножками, замирали то въ облакахъ, то на фонѣ далекаго лѣса, портя рисунокъ и выводя меня окончательно изъ терпѣнія...

Къ счастію, кромѣ мухъ, мнѣ никто не мѣшалъ. Я мысленно возсылалъ благодареніе судьбѣ, что цѣлыя полчаса не видалъ человѣческаго образа. Но эти благодаренія оказались преждевременными.

Сперва мнѣ послышался неопредѣленный шорохъ травы, потомъ топотъ грузныхъ короткихъ шаговъ по тропинкѣ. Красивый сетеръ темно-каштановой шерсти мелькнулъ мимо меня, картинно изогнувъ хвостъ, и весьма миролюбиво заглянувъ мнѣ подъ зонтикъ. Вслѣдъ за нимъ, плавно покачиваясь на короткихъ ножкахъ, быстро катилась пухлая, сдобная фигурка, съ полнымъ здоровымъ лицомъ, густо заросшимъ бородою подъ цвѣтъ шерсти сетера. Поровнявшись со мною, онъ тоже заглянулъ ко мнѣ, но съ чрезвычайно деликатной ужимкой, и увидя, чѣмъ я занятъ, почтительно приподнялъ мягкую жокейскую шапочку изъ свѣтлой матеріи. Я разумѣется отвѣчалъ ему тѣмъ-же, подумавъ.— „Что ему нужно отъ меня?.. а какой любезный господинъ..“

Подойдя къ берегу рѣчки, онъ, очевидно, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, сбросилъ съ себя люстриновый пиджакъ, и началъ раздѣваться. На видъ человѣчку было лѣтъ подъ сорокъ, хоть съ лица онъ былъ моложавъ, и только лысина, блестѣвшая межъ порѣдѣвшихъ прядей заявляла предательски, что бури жизни пронеслись надъ нимъ не безслѣдно. Впрыгнулъ онъ въ воду съ пріемами самаго искуснаго пловца, кувырнулся раза два на самой срединѣ рѣчки побрызгался немного у берега, фыркая и чихая на всевозможные лады, и вскорѣ выбрался на сушу. Одѣвшись, онъ швырнулъ свою трость на другой берегъ, (она, впрочемъ упала неудачно: одинъ конецъ ея попалъ въ воду, а набалдашникъ, придавивъ осоку, завязъ въ ней) и сказалъ: „Цибуль — принеси!“ Цибуль, не дождавшись повторенія, хлюпнулся въ рѣчку и принесъ палку, при чемъ хозяинъ потрепалъ его по сухому лбу и поощрительно промолвилъ. „От-такъ, паинька!“ а тотъ отряхнулся весь, отъ головы до кончика хвоста, звякая мѣднымъ замкомъ ошейника.

* * *

Проходя мимо меня, онъ опять очень любезно раскланялся, и, видя что я уже складываю ящикъ, приблизился ко мнѣ.

— Извините за любопытство,—началъ онъ,—можно вашъ рисунокъ посмотрѣть?

— Сдѣлайте одолженіе, проговорилъ я тѣмъ тономъ, какимъ всегда говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, отсылая мысленно къ чорту дѣлающихъ это одолженіе.

— А это-жь хорошо, сказалъ онъ, приставляя кулакъ къ глазу и щуря другой.—Вы-жь художникъ настоящій. Должно съ Академіи?

— Нѣтъ, я такъ... любитель.

— Очень пріятно познакомиться, еще любезнѣе заговорилъ онъ, снова приподнимая фуражку.—Мы, если не ошибаюсь, сосѣди съ вами по дачѣ?

— Я гощу у ***,—сказалъ я.

— Ну, а я-жь тутъ-же живу: только въ гору подняться — въ верхнемъ паркѣ, башня такая тамъ стоитъ... Милости просимъ когда угодно къ намъ. Здѣсь никого нѣтъ изъ знакомыхъ, скука, какъ говорится, смертная. Мы съ женой помирать совсѣмъ собрались,—ей богу.

Я молча убиралъ свои вещи.

— Я вѣдь тоже, художникъ,—немного рисую то-сё, и перомъ, и акварелью—теперь забросилъ совсѣмъ, а прежде рисовалъ. Это такое чудное занятіе, что лучше нѣтъ его, какъ говорится, въ цѣломъ мірѣ... Ну, намъ по дорогѣ съ вами.—идемъ до дому, Цибуль, куда пошелъ—ісі!..

Дѣлать нечего—пришлось идти вмѣстѣ.

— А съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? началъ онъ.

Я назвалъ себя.

— А я Бржестинскій, Станиславъ Бржестинскій, по отцу Антоновичъ. Ну, мы теперь съ вами ко мнѣ пойдемъ: я васъ съ моей Марьей Людовиковной познакомлю.

— Но, помилуйте, я грязный—мнѣ умыться надо, я къ завтраку домой иду.

— От-то вздоръ,—мы и дома у меня позавтракаемъ: я вамъ изъ сырой говядины буттербродовъ подѣлаю такихъ, что вы пальчики оближете—ей богу. И руки вамъ самъ помою,—и все что угодно вы можете у меня сдѣлать, не только помыться, какъ это вашъ Гоголь говоритъ, ха-ха! Вы не смотрите что я полякъ,—я и *Ревизора* и *Души мертвыя* лучше чѣмъ, какъ у васъ говорится. „Отче иже еси“ знаю. Я и по рожденью и по всему полякъ, а русскихъ люблю: русскіе мнѣ много хорошаго сдѣлали.

— Вы служите?

Онъ нѣсколько сконфузился, и посмотрѣвъ въ сторону.—Нѣтъ, теперь не служу, а скоро опять буду.

— На государственной службѣ?

— А нѣтъ, тамъ людей не цѣнятъ. Я, можно сказать и кровь и потъ прилагалъ, но начальство того замѣтить не хотѣло... А за послѣднее время я на частномъ литейномъ заводѣ производствомъ завѣдывалъ. жалованья до семи тысячъ получалъ, четверню лошадей держалъ, и все прочее,—да теперь бросилъ.

— Что такъ?

— А подлецы и анафемы, какъ говорится,—стану я съ подлецами дѣло водить! По моему разумѣнью—коли дѣйствуй, такъ честно и благородно, и меня хоть золотомъ засыпь, на подлость я не пойду. А они меня подводили, подводили... наконецъ я плюнулъ на нихъ: на чорта они мнѣ.

— Гдѣ-же вы служить думаете?

— По коммиссіонерской части: у меня знакомыхъ пропасть и за границей, и здѣсь, и въ Варшавѣ, и въ Гамбургѣ, и въ Эйдкуненѣ... Въ Парижѣ женина родня есть тоже... Еще лучше прежнихъ рысаковъ заведу, что бы, какъ говорится, пыли въ носъ имъ пустить... Но куда-жь вы?..

— Да мнѣ домой надо, я когда нибудь въ другой разъ зайду къ вамъ.

— Да я сказалъ вамъ, что не пущу, и чего же вамъ еще надо?.. Пойдемъ ко мнѣ, выпьемъ пива, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ... Я вамъ рисунки свои покажу. Да идемте, чего вамъ стóитъ?—Человѣкъ не хочетъ удовольствіе сдѣлать! Ну-у!..

И онъ пропустилъ свою руку подъ мой локоть, чтобы я не ушелъ.

* * *

Дача его стояла на вершинѣ крутого холма, куда вела земляная укрѣпленная небольшими досками лѣстница. Прозрачная сѣть слабо шелестившей отъ нагорнаго вѣтра листвы окутывала со всѣхъ сторонъ небольшой домикъ, увѣнчанный высокимъ бельведеромъ съ трепавшимся надъ нимъ фантастическимъ флагомъ. Подъ

Рыбная ловля на Нижнемъ Дунаѣ. Рис. А-де-Баръ, грав. Гюо.

Пейзажъ изъ окрестностей Тосканы. Картина Эм. Бердса, грав. Канеди.

окномъ передняго фасада, на длинной качающейся скамейкѣ, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ, неясно мелькали скрытыя кустами свѣтлыя женскія платья. Не успѣли мы еще совершенно подняться на гору, какъ на встрѣчу намъ раздался свѣжій контральтовый голосъ:— Что ты, Бржестинскій, какъ долго полощешься?

Мы обогнули кусты. У небольшого садоваго столика, приколовъ къ тяжелой, набитой пескомъ подушечкѣ шитье, сидѣла, слегка согнувшись надъ нимъ, молодая женщина, повернувъ съ любопытствомъ въ нашу сторону лицо, чисто парижскаго типа. Она была весьма недурна собой—черноволосая, худенькая, съ быстрымъ смѣлымъ взглядомъ оттѣненныхъ густыми рѣсницами глазъ, съ маленькими бѣленькими, постоянно что нибудь дѣлающими ручками, съ общимъ выраженіемъ чего-то дѣтскаго во всей фигурѣ. Она посмотрѣла на меня не то съ недоумѣніемъ, не то съ любопытствомъ, и перевела глаза на мужа.

— Ну вотъ вамъ моя Марья Людовиковна, сказалъ онъ.—А это нашъ сосѣдъ художникъ, отличный человѣкъ. А это дочь моя, представительница нашей фамиліи, Евгенія Станиславовна Бржестинская,—и онъ показалъ подъ кустъ, гдѣ что-то копошилось.

Представительница ихъ фамиліи оказалась дѣвочка лѣтъ пяти, прелестный ребенокъ, съ темными, разметавшимися по всему личику кудряшками, съ пухленькимъ, мягкокруглившимся оваломъ щекъ и такими-же чорными, быстрыми глазами, какъ у матери. Она дѣятельно занималась лѣпкою изъ песку толкачиковъ, и на нашъ приходъ почти не обратила вниманія.

— Что-же ты, Женя, замѣтила къ ней мать:—поди, сдѣлай monsieur реверансъ,—ну вотъ такъ.—А ужь какъ я рада, что Бржестинскій привелъ васъ къ намъ: здѣсь ужасъ какъ скучно, знакомыхъ нѣтъ никого, а мужъ у меня такой безлюдный... misanthrope...

„Хорошъ мизантропъ, подумалъ я,—нечего сказать!“

— Ну и будетъ подхватилъ онъ.—Ты намъ, Марья Людовиковна, лучше завтракъ приготовь: вели подать пива бутылки двѣ, или три, хлѣба, масла, сардинокъ и говядины сырой—я для гостя наскоблю собственноручно.

— Экій ты пачкунъ, возразила она:—вѣдь и кухарка тоже сдѣлаетъ.

— А, кухарка! Что кухарка! У меня руки чисты, а у ней богъ знаетъ въ чемъ... Нѣтъ ужь, самъ я: распорядись душенька... А вамъ вѣдь руки помыть надо?— обратился онъ ко мнѣ.—Тамъ, Марья Людовиковна, вода у тебя въ машинкѣ есть? Есть,—ну и хорошо. Такъ идемъ-же, посмотрите нашу хату, какъ мы устроились.

* * *

Нѣсколько микроскопическихъ комнатъ со стѣнами изъ тончайшаго барочнаго лѣса составляли нижній этажъ ихъ дачи. Еле-еле можно было въ нихъ повертываться. Да и убраны онѣ были какъ-то странно: ободранные клеенчатые стулья, изъ которыхъ спутанными клоками торчала набивка, по стѣнамъ оружіе, на этажеркахъ поломанныя статуетки,—все какъ-то безпорядочно, не практично. Впрочемъ все это весьма гармонировало съ личностью хозяина.

— Ну вотъ вамъ мыло и полотенце,—сказалъ онъ, а я пойду скоблить.

Я началъ смывать душистой пѣной запачканные въ краскахъ пальцы, а самъ поглядывалъ вокругъ. Въ спальной стоялъ очень порядочный туалетъ, не кружевной, а кисейный, на большой двуспальной постелѣ пышной грудой были навалены подушки, сквозившія розовыми пятнами прошивокъ; надъ кроватью висѣло ружье, а подъ нимъ, на гвоздикѣ маленькіе костяные аптекарскіе вѣсы. Въ окна врывался теплый душистый вѣтеръ, незамѣтный тамъ, въ полѣ, а здѣсь пучившій волнами старыя кисейныя занавѣски. А ужь за окномъ слышался стукъ разставляемыхъ тарелокъ.

Я вымылся, вытеръ руки, поправилъ у зеркала волосы и отправился въ садъ. Въ слѣдующей комнатѣ мнѣ попался хозяинъ.

— Готовы? спросилъ онъ.—Ну и ладно: кушать пойдемъ.

— А это у васъ ходъ на вышку? сказалъ я, показывая на темнѣвшую въ закоулкѣ лѣстницу.

— Да... только туда пройти нельзя.

— Отчего-же?—оттуда я думаю, видъ прекрасный.

— А, что за видъ! Ничего кромѣ верхушекъ деревьевъ не видно. Торчатъ, словно щетка какая снизу— вотъ и все. Да и стекла такія нечистыя, что сквозь нихъ не видать ничего. И пауки тамъ, и всякая гадость. Потому мы туда и не ходимъ, а на лѣстницѣ я велѣлъ кушанье держать.

Я заглянулъ—дѣйствительно, вся лѣстница была уставлена тарелками, соусниками, мисками.

— На ледникѣ не умѣщается все, пояснилъ Бржестинскій.—Ну, идемъ же, идемъ. Я васъ такимъ пивомъ напою, что языкъ проглотите.

И точно—пиво оказалось превосходнымъ; буттерброды тоже постояли за себя, если не вкусомъ, то оригинальностью. Но еще больше ихъ постоялъ за себя хозяинъ: онъ такъ и сыпалъ рѣчью безъ умолку. Онъ былъ спеціалистомъ-техникомъ по всѣмъ предметамъ. Зналъ качества, вѣсъ, объемъ и цѣнность всего на свѣтѣ. Зналъ онъ такое множество людей, что просто за него страшно дѣлалось, особенно если взять въ расчетъ, что всѣ они, по его увѣренію, были подлецы и анафемы. Разсыпая передо мной цвѣты своего краснорѣчія, онъ, въ тоже время не забывалъ и себя, поглощая съ такою жадностью съѣстное, какъ будто сорокъ дней передъ тѣмъ сидѣлъ на акридахъ и медѣ. Но онъ вскорѣ сталъ обливаться потомъ, кряхтѣть, сапѣть, наконецъ не выдержалъ, — извинился передо мной въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ и снялъ пиджакъ, говоря: „а ей богу-жь, такъ жарко, что мочи нѣтъ!“

— Какой-же ты невѣжа, Бржестинскій, упрекнула его супруга.—Первый разъ человѣка видишь, и вдругъ— безъ верхней одежды.

— А, Марья Людовиковна! возразилъ онъ.—Нашъ гость—художникъ, и вѣрно не оскорбится; для него чѣмъ меньше одеждъ, тѣмъ лучше: ближе къ натурѣ. И я тоже есть художникъ, и потому понимаю. Такъ-ли я говорю?

Я совершенно съ нимъ согласился, и сталъ искать глазами, куда дѣвалась моя шляпа.

— Ну вотъ видишь, и они согласны съ этимъ, обрадовался онъ.—А, позвольте спросить о вашемъ имени и ойтечествѣ?.. Ага! очень пріятно,—позвольте вашу ручку пожать. А можно будетъ васъ просьбой утрудить?

— Papa, de la viande! раздался возлѣ него въ третій разъ капризно-ноющій голосъ Жени.

— Ахъ Бржестинскій, замѣтила Марья Людовиковна.—Да дай ты ребенку, что онъ проситъ, какъ въ тебѣ чувства нѣтъ.

— На, душечка кушай, торопливо проговорилъ онъ, сунувъ, ей что-то въ рученку.

— Mais c' est très peu, обиженно отозвалась Женя.

— Марья Людовиковна,—уберите вы ее, она намъ бесѣдовать мѣшаетъ. Такъ я къ вамъ съ просьбой:— не можете-ли вы мой портретъ срисовать?

— Портретъ, изумился я.

— Encore! снова затянула дѣвочка, успѣвшая проглотить свой кусокъ.

— Да замолчи ты, дрянь дѣвчонка! крикнулъ на нее отецъ и такъ стукнулъ ногой, что Цибуль, лежавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и внимательно обнюхивавшій себѣ лапу, пугливо мотнулъ ушами, взгля-

нувъ на Бржестинскаго.—Пошла отсюда прочь... Ну!

Женя, всхлипывая, отправилась въ комнаты. Марья Людовиковна пошла за ней.

— Вы не думайте, продолжалъ онъ, что я прошу чего особеннаго, масляными красками: нѣтъ—вы такъ, на бумагѣ, чиркъ, чиркъ—и готово. Согласны?

— Но помилуйте, для портрета нужно много условій: освѣщеніе, бумагу, папку, карандаши...

— Какое тамъ освѣщеніе! Вѣдь не на выставку же вы будете рисовать. Вотъ садитесь здѣсь, сюда, а я здѣсь сяду.

— Какъ? сейчасъ и рисовать?

— А зачѣмъ терять золотое время! Я вамъ все дамъ: и бумаги александрійской и графитъ Алибера, и растушку и хлѣба... Марья Людовиковна, гдѣ вы? Принеси мнѣ изъ кабинета свертокъ, и карандаши изъ стола. А пива еще выпейте...

Я наотрѣзъ отказался. — Финлядское пиво очень крѣпко. Но онъ все таки наполнилъ мнѣ еще стаканъ.

— От-то пустяки! сказалъ онъ.—Съ трехъ стакановъ голова кружится. Выпейте четвертый и пройдетъ.

„Набросаю ему наскоро его портретъ,—чортъ съ нимъ! и больше ужь онъ меня сюда не затащитъ", рѣшилъ я про себя, развертывая принесенную бумагу.

— А куда мнѣ смотрѣть?—на Цибуля смотрѣть буду... А моргать можно?

Я не отвѣчалъ, молча набрасывая контуръ и ругая себя въ душѣ.

— Какъ ты навязчивъ,—ужасть! сказала Марья Людовиковна, замѣтивъ мое мрачное настроеніе. Вѣдь ты такъ надоѣшь совсѣмъ monsieur.

— Охъ, матушка, что надоѣшь! Я имъ пользу приношу, тѣмъ что практику доставляю, а ты говоришь, надоѣшь.

— Mama—l'échardе... плаксиво заговорила Женя, появляясь на крыльцѣ, и протягивая матери рученку.

— И все то ты ноешь,—крикнулъ Бржестинскій.—Все пищишь... Этакій ребенокъ! Вы и ее срисуйте, вотъ такую плаксивую, съ занозой.

Дѣвочка замолкла, изъ-подлобья, съ улыбкой глядя на меня свѣтленькими, еще не высохшими отъ слезъ глазами.

— Срисуйте, срисуйте, а потомъ мы на выставку отдадимъ, и подпишемъ – „капризница". Фуй,—schande!

* * *

Бржестинскій промучилъ меня до тѣхъ поръ, пока я не окончилъ наброска, и даже шляпу спряталъ въ чуланъ, что бы я не ушелъ. Насилу я отъ него вырвался.

— Пожалуйста заходите, сказала Марья Людовиковна, пожимая мнѣ руку на прощанье.—Страсть какъ скучно.

Я молча поклонился, и рѣшился ни въ какомъ случаѣ не бывать у нихъ. „А славно бы ея головку акварелью накинуть, думалось мнѣ на возвратномъ пути,—да и Женю тоже".

Теперь, когда Бржестинскій пригласилъ меня отправиться на „ученую экскурсію", первою моею мыслью былъ опять ея акварельный портретъ. „Если въ три четверти при рембрантовскомъ освѣщеніи—прелесть", мелькнуло у меня въ головѣ—и послѣ минутнаго колебанія, я согласился...

— Ну, идемъ,—от-то весело будетъ, крикнулъ онъ.

Я взялъ шляпу, трость,—и мы вышли.

— Такъ куда-жь мы поѣдемъ-то?

— Повторяю—то тайна, комически важнымъ голосомъ возразилъ онъ.—Про то никто, кромѣ Бога да меня не знаетъ. Только виды, тамъ, скажу вамъ, такіе, отъ которыхъ самъ Рафаэль... ну Рафаэль не Рафаэль, а Айвазовскій навѣрно съ ума-бы сошелъ. Можете себѣ представить: поле, а на немъ лѣсъ, а сзади солнце... Это чудо что такое!..

Пока я соображалъ это чудо, то есть поле, поросшее лѣсомъ, а сзади—солнце, мы подошли къ его дачѣ. Внизу, у калитки, стояла лохматая чухонская лошаденка, побрякивая бубенцами, запряженная въ какое-то квадратное корыто, поставленное на рессорный ходъ. Возлѣ обрѣталась стереотипная фигура финна, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, и постоянно небритой бородой. Онъ флегматически ходилъ вокругъ, потрогивая закладку, и видимо гордясь крутыми боками рыжаго конька.

— Шкоро? сурово спросилъ онъ, когда мы проходили мимо.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣтилъ Бржестинскій, взбираясь на гору.

Черезъ нѣсколько минутъ, мы во весь духъ катили по гладкой какъ скатерть, вьющейся съ горы на гору бѣлой змѣйкой дорогѣ. Бржестинскій, весело посвистывая, сидѣлъ на облучкѣ, подложивъ ради мягкости подъ себя женнину шаль, и бойко потряхивая вожжами. Сзади помѣщался я съ Марьей Людовиковной, а у ней на рукахъ сидѣла Женя, съ радостной улыбкой поглядывавшая вокругъ. Пыль столбомъ неслась вслѣдъ за нами; лошадь и гнать было нечего: она чуть не карьеромъ несла насъ по наклонной плоскости дороги, бросая по лѣвую сторону отъ себя косую, длинноногую тѣнь. Сбоку летѣлъ Цибуль, то забѣгая впередъ, чтобы лизнуть въ морду лошадь, пугливо дергавшую при этомъ головой о низкую дугу, то пропадая въ жидкихъ хлѣбахъ и овсахъ, тянущихся по обѣ стороны пути. Изрѣдка попадавшіеся чухны сосредоточенно посматривали на насъ и снимали фуражки, то есть собственно не снимали, а взявшись за козырекъ, еще больше надвигали ихъ себѣ на носъ, наивно воображая, что они кланяются. Мы вѣжливо отвѣчали имъ, а Марья Людовиковна даже сказала одной чухонкѣ забывшись: — „bonsoir, ma chère"! на что та отвѣтила невозмутимо: „юмаланда-ко" *)...

— Да куда-жь мы ѣдемъ, недоумѣвалъ я, видя какъ верста мелькаетъ за верстой, лѣсъ за лѣсомъ, однообразной утомительной панорамой, кое гдѣ перерываясь убогими рѣченками, перекинутыми черезъ нихъ мостиками, бревна которыхъ барабанною дробью грохотали подъ нашими колесами, прыгая, какъ фортепьянныя клавиши.

— Мы ѣдемъ къ кормилицѣ, торжественно произнесъ Бржестинскій, слѣзая на крутомъ подъемѣ, съ козелъ и идя возлѣ.

— Къ кормилицѣ?

— Да, вотъ что Женьку выкормила: хорошая женщина.

— И такая честная! прибавила Марья Людовиковна, поводя сжатымъ кулачкомъ въ подтвержденіе словъ: (это былъ ея любимый жестъ).

— Зачѣмъ-же мы туда ѣдемъ? Какая-же это ученая экскурсія?

— Ѣдемъ мы, потому что намъ нужно ее видѣть, а ученая экскурсія это потому, что ее сыскать надо: она неизвѣстно гдѣ живетъ... То есть названіе мызы я знаю, а гдѣ эта мыза—Богъ ее вѣдаетъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Такъ мы пожалуй этакъ цѣлую ночь проплутаемъ.

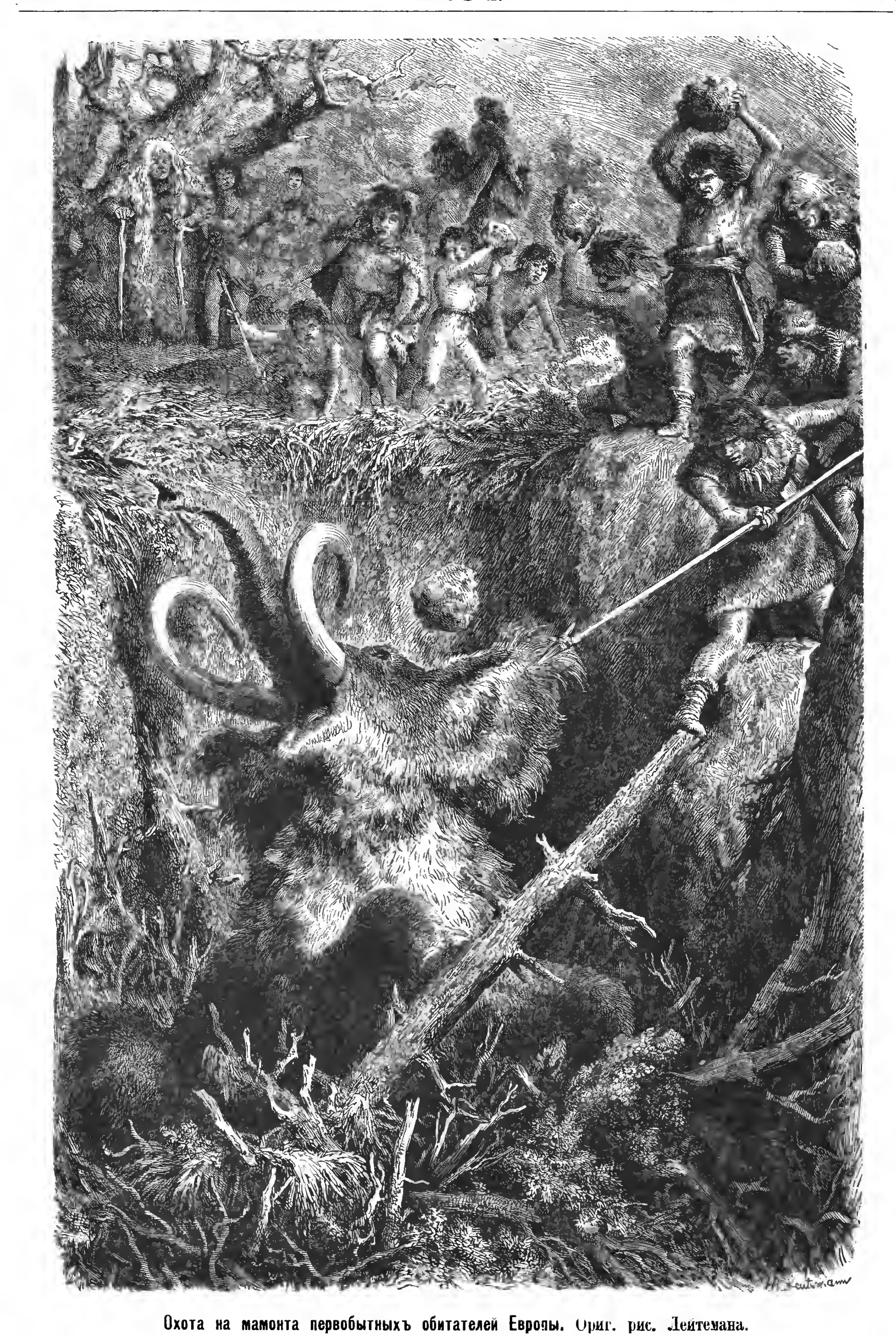
— Доѣдемъ!.. Онъ ухарски свиснулъ и пристегнулъ лошадь.—Съ градомъ, какъ говорится, крикнулъ онъ: еще польска не сгинѣла!..

— Ты мнѣ, Женя, всѣ колѣни отдавила, пожаловалась m-me Бржестинская, пересаживая дочь по удобнѣе.—Чего ты все вертишься?

— Да мнѣ мама не ловко,—заговорила та на этотъ разъ по русски, самымъ чистымъ выговоромъ.

— Позвольте ее мнѣ,—предложилъ я.

*) Обычная финская фраза въ отвѣтъ на привѣтствіе.

Охота на мамонта первобытныхъ обитателей Европы. Ориг. рис. Лейтемана.

Пери, тоскующая о небѣ Статуя Табакки, грав. Чентенари.

— Ахъ, возьмите пожалуйста, обрадовалась она.— Полѣзай къ нимъ на колѣна...

Я взялъ къ себѣ дѣвочку; она уютно умѣстилась прижавшись къ моему плечу.

— И все-то ты глупости затѣваешь, Бржестинскій, замѣтила Марья Людовиковна, - ну зачѣмъ ты насъ всѣхъ потащилъ даль такую? Не лучше-ли было письмо написать;—оно и выгоднѣе было бы при нашихъ обстоятельствахъ.

— При какихъ такихъ обстоятельствахъ? недовольнымъ тономъ возразилъ онъ.—Что такія за обстоятельства! Наше положеніе слава Богу, и ничего лучшаго я не желаю... Вотъ погоди, пани: къ зимѣ такъ развернемся, что насъ и не узнаешь...

— Да, говоришь ты только, тихо отвѣтила она.

(Окончаніе слѣдующемъ №.)

П. С—скій.

Къ рисункамъ

Рыбная ловля на Нижнемъ Дунаѣ.

Дунай—этотъ нѣмой недавній свидѣтель стольких подвиговъ нашей побѣдоносной арміи и нашихъ моряковъ и прожилинво сдѣлавшійся широкой ареной нашей борьбы за независимость несчастныхъ славянъ Балканскаго полуострова, во время мира и спокойствія тихо катитъ свои глубокія волны и обильно питаетъ жителей своихъ береговъ прекрасной и разнообразной рыбой. Всѣмъ конечно извѣстно, что Дунай одна изъ длиннѣйшихъ европейскихъ рѣкъ и въ этомъ отношеніи можетъ лишь соперничать съ нашей матушкой Волгой. Глубокій, широкій, многоводный онъ представляетъ всѣ условія прибыльной и богатой рыбной ловли, особенно въ своей нижней части. Здѣсь въ изобиліи ловятся щуки, нѣсколько породъ рыбы въ родѣ чебака, обыкновенно столь часто встрѣчаемаго въ рѣкахъ и даже въ изобиліи попадаются осетры, хотя ихъ здѣсь значительно меньше нежели въ Волгѣ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рыбъ, которая встрѣчается въ этихъ водахъ—это таймень (Salmo hucho), который величиной доходитъ до величины лосося, а внѣшнимъ видомъ, сѣроватымъ съ серебрянымъ отливомъ, очень походитъ на форель, рыбу хотя ей и родственную, но имѣющую голову болѣе острой формы. Кромѣ того въ Дунаѣ ловится еще сомъ и достигаетъ здѣсь иногда громадныхъ размѣровъ. Болгарскіе рыбаки обыкновенно употребляютъ для рыбной ловли на Дунаѣ длинныя сѣти, къ которымъ съ низу подвѣшены куски свинца а съ верху прикрѣплены поплавки изъ пробки. Закинутыя, онѣ потомъ подвозятся къ берегу на неуклюжихъ судахъ, имѣющихъ довольно оригинальную форму и у которыхъ какъ у нашихъ судовъ легендарной древности,

„Носъ, корма по туриному
Бока взведены по звѣриному".

Эти утлыя суденышки во множествѣ бороздятъ волны Нижняго Дуная и нѣтъ сомнѣнія, что здѣшніе рыбные промыслы получатъ еще большее развитіе, когда Болгарія будетъ составлять независимое государство и когда прекратится окончательно тяготѣвшая надъ нею до сихъ поръ грубая тиранія мусульманскаго ига.

Пейзажъ въ окрестностяхъ Тосканы.

(Картина Эммануила Бертеа (Bertea).

Тоскана, занимая срединную часть Апеннинскаго полуострова, составляетъ часть древней Этруріи и до 1859 года, т. е. до времени своего присоединенія къ Сардиніи была независимымъ герцогствомъ подъ властью младшей линіи Лоренскаго дома. Нынѣ же она одна изъ самыхъ цвѣтущихъ провинцій объединенной Италіи, а главный городъ ея, Флоренція, по справедливости считается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ и кромѣ того украшенъ въ избыткѣ драгоцѣнными произведеніями античнаго и средневѣковаго искусства и зодчества. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ горами, покрытыми оливковыми и фиговыми деревьями и другими растеніями жаркаго климата; нѣкоторыя же окрестныя возвышенности темнѣютъ сплошь каштановыми рощами. Прелестныя окрестности Флоренціи воспѣты и Байрономъ въ нѣсколькихъ строфахъ его Чайль-Гарольда. По словамъ поэта;

Амфитеатръ холмовъ зеленыхъ
Родитъ и масло и вино;
Рогъ изобилья всѣмъ равно
Несетъ дары; въ струяхъ безсонныхъ
Тамъ Арно весело бѣжитъ
И край богатый и торговый
Новѣйшей роскошью дивитъ.
(Чайль-Гарольдъ. Пѣснь IV. 48).

Дѣйствительно многоводный Арно, главная рѣка Тосканы послѣ По, Тибра и Адижи, можетъ по справедливости назваться одною изъ важнѣйшихъ рѣкъ Италіи. Высокій ея берегъ, называемый Казентино, славится своею живописностью, соединяя дикость альпійской природы со всѣмъ богатствомъ южной растительности. Кромѣ того, земледѣліе въ Тосканѣ находится въ болѣе цвѣтущемъ состояніи чѣмъ въ какой нибудь другой части Италіи, за исключеніемъ клочка плодородной Ломбардіи. Такъ, въ долинахъ Арно и Кіаны почва удивительно обработана и раздѣлена на небольшіе участки въ четыре или пять акровъ каждый. Землевладѣлецъ подобнаго участка обыкновенно входитъ въ соглашеніе съ хлѣбопашцемъ, чтобы послѣдній пользуясь землей и обработывая ее, отдавалъ ему половину своего дохода. Такая система пользованія землею ведется въ Тосканѣ издавна и называется Mezzeria, т. е. половинная, отъ слова Mezzo—половина. Прорытіе каналовъ для орошенія почвы на подобіе дренажа здѣсь въ большомъ употребленіи и благодаря этому способу вся долина Кіаны, которая еще въ прошломъ столѣтіи представляла изъ себя заразительную, болотистую мѣстность, нынѣ стала самымъ богатымъ земледѣльческимъ округомъ Италіи. Но природа Тосканы до крайности разнообразна и представляя взорамъ путника богатые луга и пашни, тутъ же вблизи разстилаетъ передъ нимъ скалистыя пустыни и угрюмыя, дикія, голыя, безводныя плоскогорья. Многія цѣпи Апеннинъ пересѣкаютъ Тоскану отъ сѣвера къ югу и образуютъ на ея сѣверной и юго-восточной границѣ цѣлую массу горъ. По здѣсь же, у подножія этихъ угрюмыхъ великановъ, встрѣчаются роскошныя группы величественныхъ деревьевъ. Въ этой чащѣ—густолиственные платаны и стройныя кератоніи, обнимающія каменистую почву своими крѣпкими корнями, каштановыя деревья и могучіе дубы, которыхъ вѣтви обвиты гирляндами плюща. Болотистыя мѣстности Тосканы, находившіяся нѣкогда во власти убійственной маляріи, нынѣ представляютъ обширный, перерѣзанный каналами и раціонально расходуемый лѣсъ, снабжающій Ливорно строевымъ и корабельнымъ матерьяломъ, а также деревомъ для разныхъ мелкихъ производствъ. У большинства землевладѣльцевъ уже явилось сознаніе великаго значенія лѣснаго хозяйства и высокой цѣнности лѣса, и они стараются по возможности утилизировать его приготовленіемъ дегтя, а также откармливаніемъ желудями свиней, идущихъ на приготовленіе колбасъ и окороковъ—столь небольшой и почти единственной животной пищи итальянцевъ.

Но кромѣ своего утилитарнаго значенія, лѣсъ вообще представляетъ самую пріятную особенность тосканскаго пейзажа. Онъ полонъ звука; въ немъ сверкаетъ чистый свѣтъ и проглядываетъ голубое небо. Войдите въ него и вы встрѣтите по преимуществу растенія гибкія, эластичныя, благовонныя, приводящія въ изумленіе богатствомъ и разнообразіемъ своихъ видовъ. Такой-то богатый растительностью лѣсъ и представилъ итальянскій художникъ Бертеа на своемъ ландшафтѣ, помѣстивъ среди его нѣсколькихъ работниковъ, срубающихъ деревья и нагружающихъ ихъ обрубками высокую двухколесную повозку, запряженную парою длиннорогихъ воловъ. Этотъ длиннорогій волъ съ гладкою кожею серебристаго цвѣта составляетъ самое обычное явленіе въ средней Италіи. Тихо, мѣрнымъ шагомъ, волы эти влекутъ тяжелую повозку съ двумя огромными деревянными колесами, скрипящими вмѣстѣ съ осью, и встрѣчая ихъ невольно переносишься во времена классической древности, когда по словамъ Виргилія, они же тащили той же тихой поступью „большія катящіяся повозки Цереры". Н.

Охота первобытныхъ обитателей Европы на мамонта.

Посмотрите на рисунокъ. Это охотятся на исполинскаго мамонта самые первобытные люди Европы, такъ называемые „*пещерные*" ея обитатели, жившіе за долго до тѣхъ всемірныхъ переворотовъ, которые обусловливаютъ теперешнюю форму обитаемой нами части свѣта. Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ фактѣ, что въ громадно-отдаленный отъ насъ періодъ времени на европейской почвѣ жилъ *совсѣмъ другой* народъ, чѣмъ мы, жизнь котораго была совершенно *не похожа* на нашу жизнь. Огромное число ископаемыхъ находокъ въ разныхъ пунктахъ Европы доказываетъ намъ, что люди жили въ Европѣ уже въ концѣ такъ называемаго *третичнаго* періода *), когда въ Германіи былъ еще теплый, подобный тропическому климатъ, каковымъ, напримѣръ, теперь отличаются Южная Греція, Сицилія и Египетъ. Еще несомнѣннѣе доказано, что въ Европѣ, а особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Германія, люди жили вмѣстѣ съ *мамонтовымъ слономъ*, съ *носорогомъ*, съ *пещернымъ медвѣдемъ*, съ *пещернымъ львомъ* и дру-

*) Терминъ геологическій.

гими давно уже вымершими животными. Это было въ ту холодную, продолжавшуюся цѣлыя тысячелѣтія эпоху, которую называютъ обыкновенно ледяною эпохою, или ледянымъ періодомъ, послѣдовавшимъ за третичною формаціей вслѣдствіе поднятія ледяныхъ горъ.

Объ этой эпохѣ не существуетъ никакого преданія, никакого народнаго сказанія; однакожъ находимыя въ разныхъ мѣстахъ Европы ископаемыя пещеры,—эти, такъ сказать, зданія въ горахъ, эти исполинскіе гроты, употреблявшіеся для жилищъ первобытными людьми—представляютъ ясные и неопровержимые документы въ пользу несомнѣннаго существованія подобнаго періода и подобныхъ людей. Во многихъ странахъ Европы, особенно же Бельгіи, Англіи, Франціи и Германіи уже тщательно изслѣдованы или же изслѣдуются эти пещеры. Такъ извѣстный ученый, профессоръ геологіи Фраасъ нашелъ въ Швабскихъ Альпахъ ясные слѣды доисторическаго народа, остатки его домашней утвари, даже остатки окаменѣвшаго ихъ обѣда, а также массу разныхъ орудій, употреблявшихся этимъ народомъ. Все это найдено подъ толстымъ слоемъ земли и сталактитами.

Посмотримъ на тогдашнюю утварь и на тогдашнее вооруженіе, которымъ охотился и снискивалъ себѣ пропитаніе первобытный европеецъ. Если внимательно присмотрѣться особенно къ оружію, съ которымъ охотились тогда на мамонта, пещернаго льва, пещернаго медвѣдя, то нельзя не изумляться громадности разстоянія, отдѣляющаго быть тогдашняго народа отъ современнаго, культированнаго. Тогда еще совсѣмъ не умѣли выдѣлывать оружіе и утварь изъ какого-либо металла (этотъ послѣдній входитъ въ исторію человѣчества гораздо позднѣе), а все дѣлалось изъ камня и кости; многое дѣлалось и изъ дерева; но конечно эти послѣднія издѣлія не могли сохраниться. Изъ камня выдѣлывались топоры, служившіе для рубки деревьевъ, а также для борьбы съ животными и другими людьми. Изъ камня же приготовлялись копья и стрѣлы, маленькія пилы, буравы и т. д. Кремень, изъ котораго по его раздробленіи получаются, какъ извѣстно, весьма легко острые углы,—былъ предпочтительно употребляемъ для выдѣлки оружія и утвари. Изъ другого же матеріала, напримѣръ, изъ гранита, выдалбливали нѣчто въ родѣ чашъ или же полировали гранитъ въ смыслѣ украшенія. Подобные полированные гранитные куски можно найдти въ свайныхъ постройкахъ Швейцарскихъ озеръ, въ такъ называемыхъ „могилахъ великановъ" и т. п.

Напротивъ, для приготовленія иной утвари и оружія, напримѣръ, ножей, оконечностей копій и т. п., употреблялась кость, преимущественно изъ роговъ тогдашняго оленя, который обиталъ тогда въ теперешней Германіи, походившей въ то время своимъ климатомъ на Гренландію. На пространствѣ отъ Альпъ до Пиреней водился стадами этотъ олень. За симъ изъ трубчатыхъ костей дикой лошади и такихъ же костей различныхъ жвачныхъ, приготовлялись шилья, иглы, острія стрѣлъ, крючья или гарпуны, между тѣмъ какъ челюсть пещернаго медвѣдя, съ ея острыми зубами, уже сама по себѣ служила превосходнымъ заостреннымъ молотомъ. Этотъ молотъ употреблялся во время обѣда, для раздробленія костей содержащихъ жиръ или мозгъ. Самое лучшее украшеніе первобытнаго европейца (по нашимъ понятіямъ крайне убогое) составляли лошадиные зубы. Эти зубы просверливали, нанизывали въ рядъ на нить и носили на шеѣ, какъ носятъ наши дамы свои жемчужныя ожерелья.

Одежду эти грубые сыны каменнаго періода носили изъ звѣриныхъ шкуръ (преимущественно шкуры медвѣдя). Въ этихъ одеждахъ они выползали изъ своихъ логовищъ охотиться за оленями и пещерными медвѣдями. Охотились они въ лѣсахъ или по отлогостямъ горъ. Что охота была преимущественно на оленей и пещерныхъ медвѣдей — доказывается огромнымъ количествомъ костей этихъ животныхъ, найденныхъ въ пещерахъ, и конечно кости эти—остатки обѣденнаго стола первобытныхъ обитателей пещеръ. Между тѣмъ какъ мужчины охотились, женщины и дѣти собирали лѣсные плоды, коренья, грибы, яйца птицъ, лишаи и т. п. Домашнія занятія женщинъ состояли въ томъ, что онѣ сшивали теплое платье костяными иглами при помощи каменныхъ ножей, замѣнявшихъ наши ножницы, или же вязали изъ ситовника сѣти для рыбной ловли. Мужчины, конечно, охотились большими, часто огромными толпами, потому что въ первобытныхъ лѣсахъ часто можно было встрѣтиться съ пещернымъ львомъ, который величиною и крѣпостью превосходилъ теперешняго тигра, или же съ неменѣе громадною пещерной гіеной. Какъ и во времена Юлія Цезаря, въ то время жили уже въ дѣвственныхъ лѣсахъ *допотопный быкъ, висентъ, шелхъ* (иначе называемый исландскимъ исполинскимъ оленемъ) и *оленъ*. Представителями толстокожихъ животныхъ, водившихся тогда въ хвойныхъ лѣсахъ, служатъ: *длинношерстный носорогъ, красношерстный слонъ, мамонтъ*. Но этихъ колоссальныхъ звѣрей первобытный европеецъ большею частью оставлялъ въ покоѣ, потому что онъ не умѣлъ дѣлать никакого употребленія изъ великолѣпныхъ бивней тогдашняго мамонта; онъ не могъ даже подозрѣвать возможности издѣлій изъ слоновой кости. За симъ и мясо этого животнаго было столь же безвкуснымъ, какъ и мясо современнаго намъ слона. Лакомымъ кусочкомъ считались только хоботъ и языкъ мамонта. И вотъ изъ-за этого-то лакомаго праздничнаго куска предпринималась иногда и охота на мамонта. Конечно, сравнительно ничтожными орудіями тогдашніе охотники не могли бы свалить громадное животное. Они выкапывали ямы, устраивали западни, въ которыя и попадался звѣрь. (Этимъ способомъ еще и въ настоящее время африканскіе негры ловятъ слоновъ). Но какой бывалъ праздникъ, когда удавалось свалить въ яму громадное животное. И старъ, и младъ, и женщины и дѣти опрометью спѣшили къ мѣсту удачной ловли,—посмотрѣть съ дикою радостью, какъ будутъ убивать отчаянно рычащаго звѣря. Зрѣлище бывало, дѣйствительно, дикое и страшное. Огромная толпа бросала въ проваливщееся животное камни, или скатывала ихъ съ высоты; кололи его гарпунами, копьями и т. д., пока животное не издыхало, обливаясь кровью.

Вотъ подобную сцену и представляетъ прилагаемый нами рисунокъ.

Въ наукѣ есть мнѣніе, высказанное д—ромъ Вайландомъ, что первобытный европейскій народъ (пра-народъ) Ледяного періода былъ родственъ *лаппамъ* (Лапландцамъ) живущимъ теперь съ своими оленями на сѣверѣ. Въ незапамятныя времена этотъ народъ долженъ былъ удалиться на глубокій сѣверъ, тѣснимый нахлынувшими съ востока массами другихъ народовъ. Напротивъ, извѣстный изслѣдователь пещерныхъ остатковъ, *В. Бойдъ Гаукинсъ* отождествляетъ первобытныхъ европейцевъ съ *берберами*, къ которымъ принадлежали также гуанхи Канарскихъ острововъ, и остатки этого народа можно найдти теперь въ *Баскахъ*, обитающихъ въ долинахъ Пиреней, а также въ населеніи нѣкоторыхъ французскихъ провинцій. Съ этимъ же первобытнымъ народомъ долженъ быть родственны темнокожіе *уэльзы*, живущіе теперь въ Англіи, въ графствѣ Девбигшейръ.

Важнѣйшія мѣста, гдѣ находятся пещеры, слѣдующія: пещеры *Лесеталя* въ Бельгіи, пещеры *Дордоньс* во Франціи, пещеры *Кента* и пещеры *Сомместшейра* въ Англіи, пещеры *Шелькинга*, недалеко отъ Ульма, Рогенбургскія и Вестфальскія пещеры, находимыя въ Моравіи, а также множество пещеръ у насъ на прибрежьяхъ крымскаго полуострова. Народная фантазія окружила эти древнія, грозно-таинственныя жилища разными сказаніями. По этому поводу даже существовали догадки о древнихъ людоѣдахъ, жившихъ въ нынѣшней Бельгіи, потому что въ тамошнихъ пещерахъ находятъ раздробленныя (для цѣлей пищи) и обугленныя человѣческія кости... Но въ настоящее время догадки эти отвергнуты какъ несостоятельныя.

Пери, тоскующая о небѣ.

(Статуя Табакки).

Древне-персидскій миѳъ Пери часто встрѣчается и играетъ вообще довольно видную роль въ народныхъ сказаніяхъ востока. Какъ извѣстно, по религіи древнихъ грековъ, на землѣ происходитъ постоянная вражда добрыхъ духовъ съ духами зла. Главные представители первыхъ—это прекрасныя по образу и благодѣтельныя по дѣяніямъ Пери, представители вторыхъ, это злобные безобразные Дивы. Въ старинныхъ сказаніяхъ Персовъ Пери играютъ туже роль, какъ въ сказкахъ Западной Европы феи или добрыя волшебницы, оказывающія покровительство всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ.

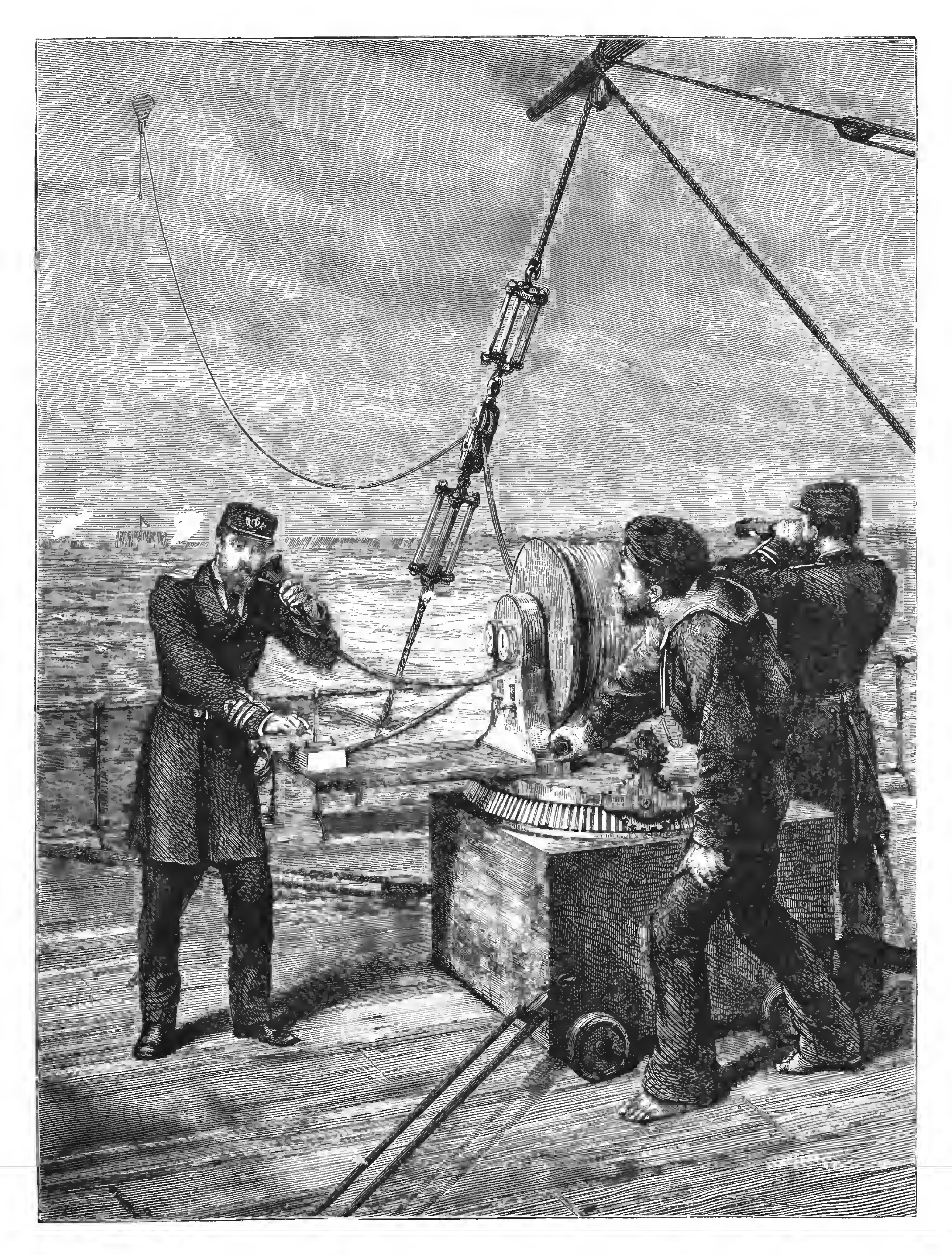
Съ востока миѳъ о Пери перешелъ и въ область европейской поэзіи и искусства. Знаменитѣйшіе поэты и художники вдохновлялись имъ въ своихъ произведеніяхъ; но особенно пользуется общеевропейской извѣстностью поэма англійскаго поэта Томаса Мура „Лалла-Рукъ", въ которой миѳическій образъ Пери является въ самой роскошной и обаятельной формѣ. Часть этой поэмы неподражаемо переведена на русскій языкъ нашимъ поэтомъ Жуковскимъ и озаглавлена имъ „Пери и Ангелъ". Въ этомъ отрывкѣ изображена Пери, какъ духъ, томящійся и жаждущій открыть себѣ завѣтныя райскія двери, для нея пока замкнутыя.

„Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ.
Ей слышалось: въ той сторонѣ
За неприступными горами
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи.
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверзты двери
На крылья одинокой Пери,
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена...

Но вотъ ангелъ, оберегающій входъ въ рай, сжалился надъ несчастной Пери и посовѣтовалъ ей запастись достойнымъ даромъ, открывающимъ райскія двери. Пери повинуется, и затѣмъ начинаются ея странствованія по свѣту для отысканія достойнаго дара, открывающаго райскія двери. Сначала она слетаетъ на берега священнаго Инда, и здѣсь ея взорамъ пред-

Бѣдняжка. Картина Л. Дешана, грав. Панемакеръ сынъ.

Примѣненіе аэростата къ военнымъ дѣйствіямъ. По рисунку Gr., грав. Рашевскій.

ставляется страшное зрѣлище: властитель Ганзы, духъ войны, протекъ по этой живописной странѣ и обратилъ ее въ пустыню; по всюду среди роскошной природы, на бархатныхъ лугахъ валяются лишь одни обнаженные, безобразные трупы и

„Дыханье смерти заражало
Дыханье чистое цвѣтовъ".

Здѣсь Пери добываетъ каплю крови одного героя, безстрашно пожертвовавшаго жизнью за отечество и съ этой драгоцѣнной каплей несется на небо; но двери рая неподвижны и что бы быть впущенной въ рай, отъ нея требуются еще другіе дары. Пери направляетъ свой полетъ къ Африкѣ, къ вершинамъ лунныхъ горъ, но, увы! и этотъ край, столь богатый чудесами природы и искусства, опустошила страшная чума и повсюду были разбросаны ея безчисленныя жертвы. Здѣсь Пери удается уловить предсмертный вздохъ юной дѣвы, пришедшей дать послѣдній поцѣлуй своему умирающему милому.

„И Пери, къ небу свой полетъ
Направивъ, въ даръ ему несетъ
Сей вздохъ любви, себя забывшей
И до конца не измѣнившей.

Но и этотъ даръ оказывается еще недостаточнымъ, чтобы открыть для Пери двери рая. Она опять пускается въ путь на новые подвиги добра и на новые поиски дара достойнаго райскихъ селеній. Она летитъ въ Палестину, спускается на берега Іордана и здѣсь-то встрѣчаетъ одного преступника, закоснѣлаго въ злодѣяніяхъ, который, почувствовавъ раскаяніе, молится и плачетъ... плачетъ въ первый разъ въ жизни. Пери приблизилась къ нему, и поддерживая его ослабѣвшую голову и утѣшая его, собираетъ въ свою руку эти горячія слезы чистосердечнаго глубокаго раскаянія. Съ этими слезами летитъ она къ дверямъ рая—и не напрасно. Рай для нея сталъ доступенъ.

Уже предъ ней почти пропала
Земля; и Пери угадала!
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она взглянула
„Прости земля!"... и улетѣла.

Талантливое произведеніе итальянскаго художника Табакки можетъ служить по своей замѣчательной экспрессіи прекрасной иллюстраціей къ поэтическому разсказу Мура.

А. Н.

Бѣдная дѣвочка.

(Картина Дешама).

Каждый возрастъ имѣетъ свои радости, каждое положеніе—свои удовольствія. Какъ бы ни тяжела была жизнь для нѣкоторыхъ, а все таки и въ ней найдутся минуты если не счастія, то по крайней мѣрѣ забвенія. Въ противномъ случаѣ жизнь, которая вся заключается въ погонѣ за счастіемъ, была бы невозможна. Само собою разумѣется, каждый изъ людей ищетъ своего счастія, различно понимая его. Одинъ хочетъ только наслажденій въ жизни, и всю любовь свою ограничиваетъ только самимъ собою; другой чувствуетъ себя счастливымъ когда дѣлаетъ счастливыми другихъ.

Предъ вами на рисункѣ дѣвочка, кормящая своихъ кроликовъ. Повидимому бѣдняжка наслѣдовала въ жизни незавидную долю. Вся обстановка ея обличаетъ крайнюю нищету: кругомъ паутина, солома; на самой дѣвочкѣ—лохмотья. Порваный воротъ платья обнажилъ грудь ребенка, истертые, обтрепанные рукава прикрываютъ руки только по локоть. Ноги босыя, а растрепанные волосы ясно доказываютъ, что ихъ не касается заботливая рука матери. Словомъ, во всемъ видны бѣдность, страданіе... Но бѣдное дитя не помнитъ горечь своего положенія и въ настоящую минуту даже счастливо. Она принесла свѣжую траву своимъ любимцамъ-кроликамъ и съ наслажденіемъ смотритъ, съ какимъ аппетитомъ они поѣдаютъ ее. Улыбка удовольствія скользитъ по истомленному лицу дѣвочки, глаза опущены на любимцевъ. Бѣдняжка чувствуетъ себя счастливой и гордой, найдя существа болѣе себя слабыя, которымъ дорога ея любовь и заботливость о нихъ. Кролики видятъ, что она для нихъ дѣлаетъ, и платятъ ей своей привязанностію. Они знаютъ ея голосъ и весело сбѣгаются на ея зовъ.

Рисунокъ этотъ сдѣланъ съ картины Дешама, бывшей на Парижской выставкѣ 1877 года.

Примѣненіе аэростата къ военнымъ дѣйствіямъ.

Знаменитый англійскій историкъ Бокль, столь популярный еще въ недавнее время и у насъ, авторитетно предсказалъ въ своей Исторіи Цивилизаціи, что войнъ въ Европѣ болѣе быть не можетъ, и что послѣдняя война (Севастопольская) только потому и вспыхнула, что столкнулись между собою двѣ малоцивилизованныя страны—Россія и Турція.

Такое предсказаніе популярнѣйшаго въ свое время писателя, оказалось, однако, до нѣкоторой степени преждевременнымъ: не распродалось еще достаточнаго количества изданій его Исторіи Цивилизаціи, какъ вспыхнула война между Австріей и Пруссіей (ужъ, кажется, цивилизованныя страны) и засимъ, спустя нѣкоторое время—новая, значительно сильнѣйшая война, между Пруссіей и Франціей (это-ли не разсадникъ цивилизаціи!), потомъ опять война между Россіей и Турціей и теперь опасеніе за войну между Россіей и Англіей.

Такъ въ пятнадцать, двадцать лѣтъ со времени произнесенія авторитетнаго предсказанія англійскимъ историкомъ, почти всѣ государства Европы передрались одно съ другимъ (Испанія даже сама съ собою).

Ошибся, слѣдовательно, достопочтенный историкъ, придавъ такъ много значенія цивилизаціи. Но что же можетъ дать Европѣ миръ и можетъ ли она имѣть его когда-нибудь?

Вопросъ этотъ въ высшей степени сложный и едва-ли можетъ быть на него положительный отвѣтъ. Можно утвердительно сказать только то, что никакихъ признаковъ предстоящаго (хотя бы въ далекомъ будущемъ) прекращенія войнъ современная жизнь не представляетъ. Напротивъ, всѣ государства, какъ будто, только о томъ и заботятся, какъ бы получше вооружиться.

Есть такое мнѣніе, что вооруженіе, идя все далѣе и далѣе, достигнетъ наконецъ такого состоянія, когда нельзя уже будетъ объявлять войну, ибо ея объявленіе будетъ равносильно обоюдному истребленію. Можетъ быть и такъ, но далеко еще до этого. На всякое ухищреніе есть возможность другого ухищренія, значительно сильнѣйшаго. Одинъ приготовитъ пушку такую, которая по сотнѣ пудовъ будетъ заразъ выбрасывать зарядовъ, другой въ отвѣтъ на это не только такую же пушку сдѣлаетъ, но и защиту отъ ея ударовъ устроитъ. Такъ почти дѣлаютъ уже и теперь и все таки драться не перестаютъ.

Предъ нами картинка войны въ будущемъ. Быть можетъ это будущее уже и очень недалеко, по крайней мѣрѣ судя по прогрессу въ примѣненіи открытій науки къ военному дѣлу, пожалуй, что и недалеко до того времени, когда и воздухоплаваніе примѣнятъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительная участь науки и ея тружениковъ: сидятъ они надъ нею безкорыстно, съ любовію занимаются изученіемъ явленій природы, открываютъ, изслѣдуютъ ея силы и въ концѣ концовъ изслѣдованія ихъ вдругъ оказываются примѣнимыми, напримѣръ, къ тому, какъ бы половчѣе и побольше истребить людей. Здѣсь, въ этой плачевной участи чистой науки, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, царитъ тотъ же неумолимый законъ борьбы двухъ началъ—добра и зла. На сколько сильнѣе одно, на сколько слабѣе другое—въ этомъ вся задача и въ ихъ взаимной борьбѣ—вся жизнь.

Въ тѣ мрачныя времена, которыя намъ суждено переживать, несомнѣнно зло болѣе сильно, чѣмъ добро, и все то, что только могъ до сихъ поръ изобрѣсти пытливый человѣческій умъ, все теперь направляется къ примѣненію для военныхъ цѣлей. Электрическія проволоки проводятъ отъ пушки къ пушкѣ и соединяютъ такимъ образомъ ихъ сотни для одновременнаго удара, полевые телеграфы примѣняютъ тоже къ военнымъ дѣламъ, химію, физику, механику и т. д. всю науку заставляютъ служить военнымъ цѣлямъ.

Удивительная участь науки, казалось бы, ничего въ себѣ иного не заключающей, кромѣ самаго чистаго добра. Но не такъ ли было всегда и не изыскивалъ ли доисторическій обитатель земного шара всевозможные способы для того, чтобы нанести наибольшій вредъ своему непріятелю?

Далеко мы ушли отъ этого доисторическаго обитателя и пришли къ такому состоянію, въ которомъ, начинаемъ, наконецъ, видѣть, какая громадная разница между способами истребленія, существовавшими въ то время, и между тѣми, какія есть теперь.

Но за то какая же разница въ удобствахъ жизни, какое примѣненіе науки къ благосостоянію человѣка, въ особенности того, который полошче...

Примѣненіе воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ, есть, конечно, новый шагъ въ изысканіи способовъ примѣнять науку *къ настоящему дѣлу.*

Просвѣщенные мореплаватели нашли, что современное изобрѣтеніе—телефонъ, тоже весьма удобно для войны, въ особенности если съ корабля пустить воздушный шаръ для наблюденія за непріятельской крѣпостью. Наблюдатель, поднявшись (при избранномъ направленіи вѣтра) на извѣстную высоту, какъ разъ надъ непріятельской крѣпостью, можетъ отлично спустить на нее опредѣленное количество динамита, пожалуй хоть двадцать-сорокъ пудовъ и дать знать въ этотъ моментъ на корабль—убирайте, молъ, меня, поскорѣе въ сторону, при помощи быстраго притягиванія каната паровой машиной, а я пока спустивъ тяжесть на непріятельскую крѣпость, открою клапанъ своего воздушнаго шара, да вверхъ ринусь, какъ птица.

Такъ просвѣщенный мореплаватель предполагаетъ примѣнить къ военнымъ дѣйствіямъ воздухоплаваніе.

Но, говорятъ, нѣтъ такого хитреца, на котораго не нашелся бы другой, могущій его перехитрить. Не успѣетъ коварный сынъ Альбіона пустить первый шаръ на воздухъ и воспользоваться имъ для вреда непріятелю, какъ сотни непріятельскихъ тоже

воздушныхъ шаровъ взлетятъ вверхъ—и пойдетъ баталія! Схватятся въ воздухѣ два противника и взаимно навредивъ другъ другу, полетятъ внизъ головами. Будутъ, конечно, и такія схватки, въ которыхъ одна сторона окажется сильнѣе и способнѣе навредить, въ то время какъ другая будетъ этого лишена.

И закричитъ командующій непріятельскимъ шаромъ:

— Сдавайся, а то сейчасъ же прострѣлю твой шаръ и полетишь торчмя головой внизъ.

Не безъ хитрости будетъ и тутъ: сдастся, пожалуй, врагъ, но иной разъ и для того только, чтобы составить компанію въ полетѣ внизъ, т. е. сдавшись, успѣетъ навредить врагу.

Словомъ, повторится тоже, что дѣлается теперь на сушѣ и на морѣ, съ тою лишь разницею, что схватки будутъ въ воздухѣ и полеты внизъ головой получатъ болѣе грандіозные размѣры. И въ то время, когда, напримѣръ, будутъ между собой вести борьбу два враждебные шара, стараясь каждый выплыть на такое мѣсто, откуда удобнѣе сбросить на непріятельскія укрѣпленія динамитъ, въ это время снизу въ крѣпости или на кораблѣ будутъ раздаваться команды:

— Цѣльси вѣрнѣе, цѣльси прямо въ шаръ.

— Нельзя, ваше-скородіе, своего можно пристрѣлить...

А тамъ, въ воздухѣ, схватка идетъ все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе: жарятъ изъ ружей, изъ револьверовъ: вотъ уже два-три героя летятъ внизъ головами.

— Пали! пали скорѣе: непріятельскій шаръ приближается сюда, пожалуй динамитъ сброситъ...

— Никакъ нѣтъ, ваше-скородіе, ушелъ кверху-съ, нечего напрасно и зарядъ тратить.

И уйдетъ иной разъ непріятельскій шаръ подальше отъ противника, видя что бой не равный, а противникъ пожалуй и въ погоню пуститься и, конечно, будутъ не разъ происходить схватки въ воздухѣ, въ родѣ той, какая была на морѣ при встрѣчѣ парохода „Весты“ съ турецкимъ броненосцемъ.

Все это, пока предположенія, но едва ли уже онѣ далеки отъ нашего времени. Едва ли не близко то время, когда на гостинницахъ появятся вмѣсто существующихъ теперь, такія надписи:

„Гостинница для прилетающихъ“.

И когда наступитъ это время, какая плачевная участь постигнетъ всѣ наши дороги, желѣзныя, шоссейныя, пароходныя и всякія иныя. Весь складъ жизни измѣнится, всякія таможни, заставы и тому подобныя преграды покончатъ свое существованіе. Словомъ—воздухоплаваніе перевернетъ, такъ сказать, вверхъ дномъ все то, что до настоящаго времени съумѣлъ создать человѣкъ для охраненія своихъ интересовъ отъ покушенія на нихъ другого ему подобнаго.

Д. Стахѣевъ.

Стихотворенія.

Весной.

Вѣтерокъ набѣгаетъ волною,
Вольно дышитъ усталая грудь,
Торопись ароматной весною
Отъ суровой зимы отдохнуть.

* * *

Въ этомъ царствѣ гранита и елей
Коротка золотая весна.
Но за то послѣ грозныхъ мятелей
Какъ свѣтла, животворна она.

* * *

Вѣрь, мой другъ, что природой самою
Зажигаются страсти въ груди,—
Наслаждайся роскошной весною,—
Много вьюгъ предстоитъ впереди!

Г. С—скій.

I.

Я тихимъ шагомъ ѣду
Черезъ поля и лѣсъ;
Листву, цвѣты—все залилъ
Веселый блескъ небесъ.

* * *

Меня дремота клонитъ,
Мечта несется къ *ней*,
И тѣни мнѣ киваютъ
Изъ-за густыхъ вѣтвей;

* * *

Киваютъ, скачутъ, пляшутъ,
Съ гримасами снуютъ,
И какъ туманъ рѣдѣя,
Мелькаютъ тамъ и тутъ....

(*Изъ Гейне*) **П. Г—ъ.**

Внутреннія извѣстія.

Въ виду продолжающихся политическихъ переговоровъ Россіи съ Англіей и Австріей по восточному вопросу, результатъ которыхъ пока еще неизвѣстенъ, мы удерживаемся отъ сообщенія разнорѣчивыхъ толковъ объ этомъ предметѣ и ограничиваемся помѣщеніемъ въ настоящемъ номерѣ извѣстій изъ нашей внутренней жизни.

Очевидцы дѣйствій нашей полевой почты на театрѣ войны, передаютъ, что въ Букарештъ простая корреспонденція доходила только на 12 или 13 день, и чѣмъ дальше въ Болгарію, тѣмъ прогрессивнѣе возрастаетъ медленность въ движеніи корреспонденціи. По газетнымъ извѣстіямъ въ Болгаріи, напр, *въ ноябрѣ* раздавались солдатамъ денежныя письма, прошедшія чрезъ Унгены *въ іюнѣ*. Это всего только въ одномъ переходѣ отъ Систова! Можно представить, что дѣлалось въ болѣе отдаленныхъ пунктахъ. Но всегдашняя медленность въ дѣлахъ повидимому составляетъ нашу русскую особенность, замѣтную во всемъ и вездѣ. Такъ сообщаютъ, что за послѣднее время купечество встрѣчаетъ затрудненія со стороны администрацій желѣзныхъ дорогъ саратовской, грязе-царицынской, моршанско-сызранской, которыя стали выдавать квитанціи только на имя предъявителя, прекративъ выдачу квитанцій именныхъ. Главное же общ. рос. жел. дорогъ не находитъ возможнымъ товары, адресованные на предъявителя квитанцій, передавать въ Петербургѣ на Калашниковскую пристань. Отправка по саратовской линіи почти со всѣхъ станцій до Саратова, теперь производится чрезвычайно медленно за недостаткомъ вагоновъ. Такое замедленіе представляется особенно существеннымъ въ виду вскрытія Волги и подхода къ Саратову новыхъ партій товаровъ, по прибытіи которыхъ проволочка въ отправкѣ грузовъ угрожаетъ неисчислимымъ ущербомъ торговлѣ, если не будутъ приняты мѣры.

Изъ дѣйствій, указывающихъ на то, что опасенія войны еще не миновали, обращаетъ на себя вниманіе состоящееся Высочайшее повелѣніе, которымъ назначено призвать изъ запаса флота потребное число нижнихъ чиновъ и сформировать изъ нихъ три флотскихъ экипажа. Два въ Кронштадтѣ и одинъ въ Николаевѣ. При формированіи означенныхъ экипажей, численный составъ рогъ каждаго экипажа будетъ около 200 чел.

За симъ укажемъ на одно изъ распоряженій равительства: отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ изложено гг. губернаторамъ разъясненіе Правительствующаго Сената о томъ, что за лицами пересылаемыми въ Сибирь по приговорамъ обществъ или административнымъ порядкомъ, имѣютъ право слѣдовать дѣти, не достигнія гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года, за исключеніемъ вышедшихъ въ замужество дочерей, къ которымъ означенное право относиться не можетъ, и что на общество должны быть обращены не только издержки по удаленію исключеннаго изъ общества, но и издержки на слѣдованіе за нимъ его семейства.

Газеты сообщаютъ, что Русское Общество пароходства и торговли приступило къ постройкѣ новыхъ пароходовъ въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ. Въ числѣ строющихся пароходовъ сооружается пароходъ большихъ размѣровъ, предназначающійся для дальняго плаванія.

Въ Одессѣ ходятъ слухи, что пріостановившуюся постройку желѣзной дороги въ Болгаріи (на Систово, Тырново, Ямболь и Бѣлу) намѣрены возобновить въ скоромъ времени, для чего уже поѣхали русскіе инженеры.

Добыча золота на частныхъ промыслахъ въ Восточной Сибири, какъ видно изъ вѣдомостей главнаго управленія Восточ. Сиб. въ 1877 г. составляла 1811 пуд. 69 золот. 92¼ доли, болѣе противъ 1876 года на 381 п. 60 зол. 1¼ дол. Всѣхъ рабочихъ въ 1877 г. было занято на пріискахъ 31,272 чел. а въ 1876 г. 26,219 чел.

Въ кассѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, какъ сообщаютъ, обнаруженъ недостатокъ суммъ до 2 мил. р. (около 200 т. ф. стерл.), изъ процентныхъ бумагъ вспомогательнаго капитала. Прискорбный фактъ этотъ въ связи съ растратою суммъ, обнаруженнаго въ обществѣ Взаимнаго Кредита (о чемъ мы въ

свое время уже сообщали), невольно наводить на грустныя размышленія о характерѣ нашего времени въ нравственномъ отношеніи.

Опубликованъ Высочайшій указъ объ учрежденіи особеннаго знака отличія подъ названіемъ „знака отличія Краснаго Креста“. Знакъ этотъ установленъ въ награду женщинамъ посвятившимъ себя служенію на пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Получившія этотъ знакъ отличія никакому денежному взносу не подлежатъ. Знакъ имѣетъ двѣ степени: первая—эмалевый красный крестъ въ кругломъ золотомъ ободѣ; вокругъ обода, на лицевой сторонѣ, изображена надпись: „за попеченіе о раненыхъ и больныхъ воинахъ“; а вторая степень: такой же крестъ, но въ кругломъ серебряномъ ободѣ, съ такою же надписью. Обѣ степени знака носятся на груди, на лѣвой сторонѣ въ петлицѣ, на лентѣ ордена святаго Александра Невскаго.

Въ заключеніе сообщаемъ, что Персидскій шахъ прибудетъ на русскую границу 20 апрѣля. Шаха сопровождаетъ свита въ 18 человѣкъ. Изъ европейскихъ столицъ онъ посѣтитъ прежде всего Петербургъ. На встрѣчу ему въ Джульфу ѣдетъ князь Меньшиковъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Иркутскъ. Г. Поп—ву.** Вы пишете:

На билетикѣ съ конфекты,
Прочиталъ когда то я:
„Для любви одной природы,
Я съ на свѣтъ произвела.“
Презабавное двустишье,—
Но однако-же его
И теперь не позабылъ я...
Удивляюсь отчего?

Но еще удивительнѣе, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и совершенной памяти Богъ знаетъ что пишетъ, да еще и стихами.

2. **Учителю И. Коров—ому.** Ребусъ невѣрно составленъ. О другихъ работахъ, не видя ихъ, сказать ничего не можемъ.

3. **Елабуга Дм. Ив. Стах—ву.** Или письмо не дошло до васъ, или въ числѣ нашихъ добродѣтелей, нѣтъ той, которая называется безпристрастіемъ.

Русскіе типы: Странникъ.
Оригинальный рис. И. Панова, грав. Е. Шмидтъ.
— Лѣтомъ по монастырямъ, а зимой больше по купечеству. Душеспасительно, а на счетъ теперича, трапезы—обильно.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 20 Апрѣля 1878 г. Тип. Веддинга, Англ. пр. № 10.

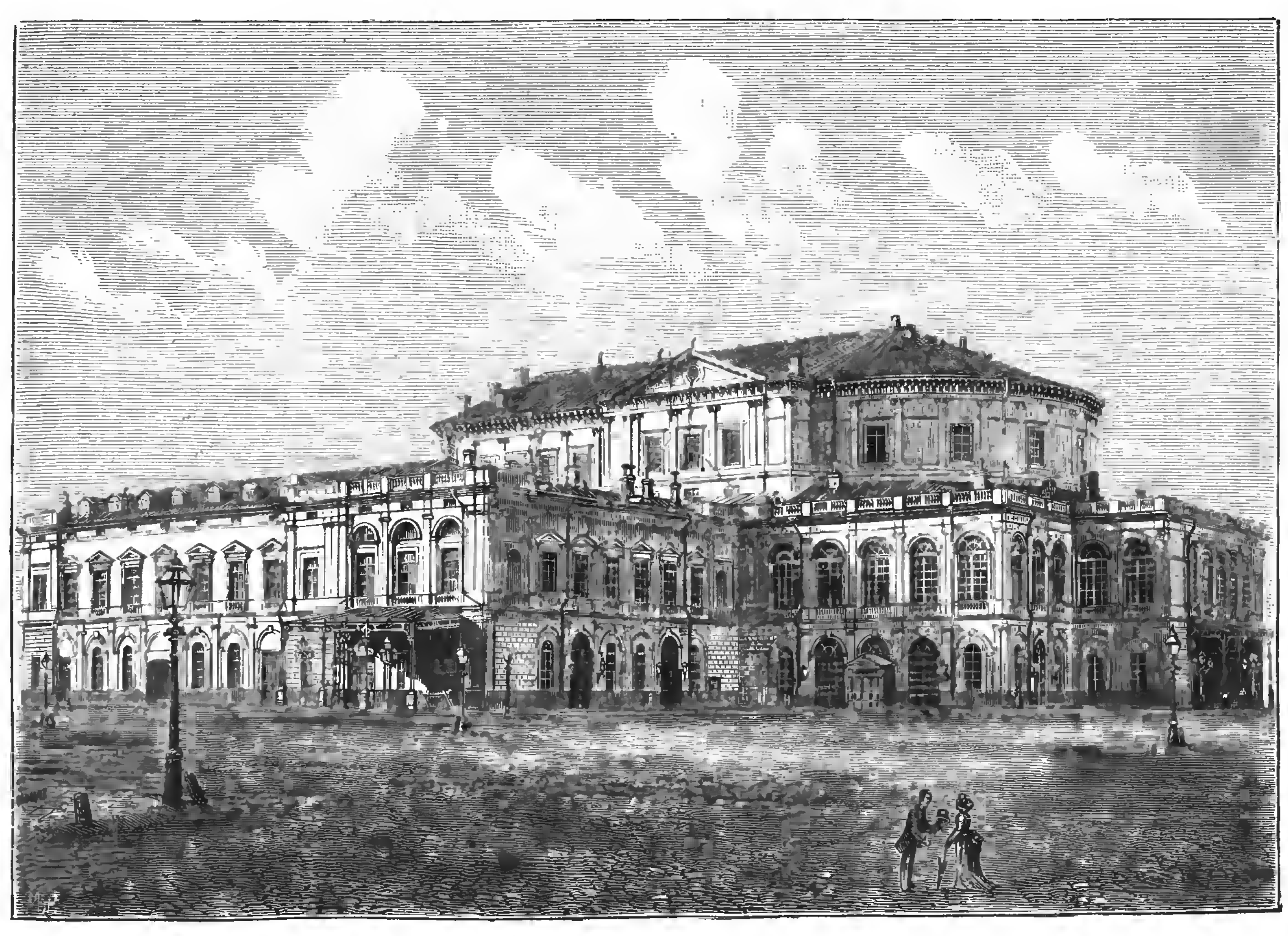
№ 18 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 1 Мая 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ съ 35 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 39 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Маріинскій театръ въ Петербургѣ.

Императорскій Маріинскій театръ въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Маріинскій театръ въ Петербургѣ.

Рисунокъ, изображающій видъ Маріинскаго театра въ Петербургѣ, даетъ намъ поводъ привести здѣсь нѣсколько свѣдѣній о времени возникновенія театровъ въ нашей столицѣ.

Первый театръ въ Петербургѣ открытъ былъ при Петрѣ I. Петръ любилъ театральныя представленія и придавалъ имъ большое значеніе въ смыслѣ вліянія на нравы. Театръ, бывшій въ Москвѣ при его отцѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и заброшенный послѣ его кончины, былъ тотчасъ же возобновленъ Петромъ, какъ только онъ получилъ возможность для этого. Для представленій въ Петербургѣ Петръ пригласилъ изъ Данцига странствующую труппу актеровъ, подъ управленіемъ Іоганна Кунита, и сдѣлалъ распоряженіе для „ученія комедійнымъ дѣйствамъ" набирать разныхъ приказовъ подъячихъ, строго наказывая, чтобы они были „комедьянту Ягану Куншту въ томъ ученьи послушны".

Репертуаръ Кунштовой труппы былъ разнообразенъ: въ него входили различныя нѣмецкія, французскія и итальянскія піесы, хотя въ переводѣ на русскій языкъ онѣ подвергались своеобразной передѣлкѣ. Какъ образецъ переводовъ того времени, приводимъ названіе одной французской піесы: „Жодалетъ, или самый свой тюрмовый заключникъ". По этому можно судить, каковы были переводы!

Петръ, впрочемъ, не довольствовался переводными піесами и пожелалъ, чтобы Куништъ составилъ ему комедію изъ русской жизни, на тему *Побѣды и врученія великому государю крѣпости Орѣшка.*

Кромѣ того во время представленій большихъ піесъ Государь велѣлъ вставлять интермедіи, гдѣ выводились типы современныхъ личностей и нравы того времени. Въ нихъ осмѣивались подъячіе, любившіе чужими руками жаръ загребать, приверженцы старины, ненавистники просвѣщенія и т. д. и т. д. Со смертью Великаго Петра театръ закрылся до воцаренія Анны Іоановны, при которой была выписана итальянская труппа пѣвцовъ и въ Зимнемъ дворцѣ стали даваться оперныя представленія.

Въ 1737 г. стараніями танцмейстера Ланде былъ устроенъ первый балетъ. Въ 1756 г. Императрица Елисавета Петровна, страстно любившая всякія увеселенія, издала указъ объ открытіи Россійскаго театра, назначивъ директоромъ Сумарокова и первымъ актеромъ Волкова. Волковъ, какъ извѣстно, былъ сынъ костромского купца, по смерти отца переселился въ Ярославль, а съѣздивъ въ Петербургъ и увидя нѣсколько театральныхъ представленій, онъ захотѣлъ самъ устроить свой театръ въ Ярославлѣ, набралъ товарищей, и начали они разыгрывать различныя произведенія Сумарокова. Вѣсть объ ярославскомъ театрѣ дошла до столицы. Елисавета пожелала увидѣть эту труппу и приказала ее выписать изъ Ярославля. По желанію Императрицы способные были оставлены въ Петербургѣ и отданы въ „Рыцарскую Академію" для обученія языкамъ и словесности. Не легко было Сумарокову справляться въ своей должности директора Россійскаго театра. Сумма, отпускаемая на содержаніе театра въ количествѣ 5000 р. была недостаточна, сборы также были крайне незначительны, приходилось изыскивать средства для поддержанія труппы. Директору надо было заботиться и о сценической обстановкѣ, и о костюмахъ, и музыкантовъ пріискивать, когда придворные музыканты были заняты въ другомъ мѣстѣ и не могли играть въ театрѣ. На Сумароковѣ же лежала обязанность сочиненія піесъ для сцены. Сумароковъ жаловался. Здѣсь кстати вспомнить слова изъ одного его письма: „Я,—писалъ Сумароковъ,—Россіи больше сдѣлалъ услуги по театру, нежели французскіе и итальянскіе актеры, и меньше ихъ получаю".

Изъ этого видно, что не только въ наше время, но и тогда, такъ сказать, съ самаго основанія театра, наши русскіе артисты не пользовались тѣми преимуществами, какими пользовались и до сихъ поръ умѣютъ пользоваться у насъ артисты иностранные.

Французская труппа при Елисаветѣ получала 25 т. р. асс. въ годъ Дворъ давалъ ей и музыкантовъ, декораціи, свѣчи. Первое время для нея отведенъ былъ одинъ изъ флигелей дворца, а впослѣдствіи построенъ деревянный театръ у Полицейскаго моста (на мѣстѣ д. Елисѣева). Французская труппа пользовалась особымъ благоволеніемъ Елисаветы и посѣщеніе франц. спектаклей было обязательно для всѣхъ высшихъ сановниковъ.

Итальянская труппа балета съ директоромъ Лакателли была поставлена на ряду съ лучшими, какіе были тогда въ Парижѣ и Италіи. Представленія этой труппы давались въ Придворномъ театрѣ у Лѣтняго Сада. Русская труппа не имѣла своего помѣщенія и опредѣленнаго времени, играла то на итальянской, то на французской сценѣ.

При Екатеринѣ II, петербургскіе театры получили особенно свое развитіе. Основано было театральное училище; данъ новый штатъ театру; начата постройка *каменнаго* театра, теперь извѣстнаго подъ названіемъ *Большого*; былъ устроенъ эрмитажный императорскій театръ. Вообще въ то время явилось множество домовыхъ театровъ, изъ которыхъ особенно славился театръ—итальянская опера буффа кн. Юсупова. При Лѣтнемъ садѣ былъ устроенъ такъ называемый театральный комедіантскій домъ для представленія комедій, оперъ и трагедій; у Синяго моста комедіантскій анбаръ, для кукольныхъ представленій: комедіантскій домъ въ Морской, вольнаго комедіанта.

Такимъ образомъ въ Петербургѣ все увеличивалось число театровъ, и въ настоящее время, собственно въ городѣ, мы имѣемъ: Большой театръ, для итальянскихъ, оперныхъ и балетныхъ представленій: Александринскій, для драматическихъ спектаклей; Михайловскій, предназначенный для французской и нѣмецкой труппъ, театръ-Буффъ, циркъ Чинизелли и Маріинскій театръ, видъ котораго представленъ на нашемъ рисункѣ въ этомъ № „Нивы".

Маріинскій театръ находится противъ Большого театра, на Театральной площади. Прежде на мѣстѣ его былъ деревянный циркъ. Пожаръ уничтожилъ его и въ 1860 г. построено было новое каменное зданіе театра. Архитекторомъ былъ Кавосъ. Въ театрѣ имѣется 5 ярусовъ ложъ, 476 креселъ и около того же числа остальныхъ мѣстъ. Зрителей можетъ помѣщаться до 2 т. Наружный видъ Маріинскаго театра простъ, безъ всякихъ лѣпныхъ украшеній, но тѣмъ не менѣе очень красивъ, внутри —онъ отличается роскошью. Потолокъ расписанъ фресками, барьеры ложъ обиты бархатомъ голубого цвѣта и украшены позолотой. Кромѣ того устройство ложъ самое удобное; онѣ дѣлятся на два отдѣленія, въ первомъ, выходящемъ въ зрительную залу, помѣщаются стулья, во второмъ, сзади, диванъ, угольный столикъ и зеркало. Правда, говорятъ, что такое удобство, доставляемое театромъ зрителямъ и въ особенности посѣтителямъ ложъ не совсѣмъ хорошо отзывается на артистахъ: театръ теряетъ въ звуковомъ отношеніи. По общимъ отзывамъ, нашимъ пѣвцамъ не легко пѣть на сценѣ Маріинскаго театра, такъ какъ звуки съ этой сцены не распространяются по залу и ложамъ съ достаточною свѣжестью и чистотой и выходитъ глухими, требуя отъ пѣвца болѣе значительныхъ усилій, чѣмъ это было бы нужно на другой сценѣ. Тому назадъ лѣтъ семь, восемь ропотъ на недостатки сцены Маріинскаго театра въ звуковомъ отношеніи, дошелъ наконецъ до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и приступлено было къ исправленію сцены. Оказалось что подъ ней мирно покоился много много лѣтъ мусоръ: кирпичъ, ломанная известь, камни и т. п. вещи, способствующія убиванію звука. Мусора этого было вывезено изъ подъ сцены многія сотни возовъ. Послѣ этой очистки сцена немного оживилась, но вѣроятно еще есть недостатки, до сихъ поръ не усмотрѣнныя въ этомъ зданіи и мѣшающія правильному распространенію звуковъ по залѣ и ложамъ. Именно, нужно желать, чтобы эти причины были устранены, какъ устранены напримѣръ подобныя причины въ Большомъ театрѣ, гдѣ поютъ итальянцы. Но объ этомъ предметѣ уже много было писано и говорено у насъ, и приверженцы родной оперы неразъ имѣли случай возмущаться предпочтеніемъ, какое оказывается итальянцамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи прекрасно устроенный для пѣнія Большой театръ. Да ужь такъ у насъ издавна ведется, что свое не такъ цѣнится, какъ заграничное, и какъ бы ни были хороши наши пѣвцы, а все же приглашаются итальянцы и извѣстная часть публики все таки предпочитаетъ слушать ихъ нежели русскихъ пѣвцовъ, не смотря на то, что иной разъ пѣніе итальянцевъ неизмѣримо ниже пѣнія пѣвцовъ русской оперы.

Z.

Господинъ Бржестинскій

(Типъ).

(Окончаніе).

Добрыхъ верстъ двѣнадцать легло между домомъ и нами, а мы все также летѣли впередъ, не спрашивая ни у кого дороги, что называется безъ царя въ головѣ. Наконецъ даже Бржестинскому стало сомнительно— и онъ, увидавъ въ одномъ поселкѣ мелочную лавку, рѣшился сдѣлать здѣсь привалъ.

Это была одна изъ тѣхъ лавченокъ, которыя въ неисчислимомъ количествѣ разбросаны по захолустьямъ матушки Россіи, и не миновали и Финляндіи. Когда я, расправляя отъ долгаго сидѣнья ноги, вошелъ въ нее —меня такъ и обдало запахомъ кожи, керосина, теплаго хлѣба и стеариновыхъ свѣчъ. Помѣщеніе мага-

зина оказалось гораздо обширнѣе, чѣмъ это можно было предполагать по наружному виду. Здѣсь было все уставлено и увѣшано товарами: даже на потолкѣ не было пустого мѣста: отовсюду спускались уздечки, рукавицы, пояски, колокольчики. Тутъ были и кадки съ мукой и банки съ залежавшимся мармеладомъ, и ситцы съ необыкновенными букетами, и выборгскіе крендели, и писчія принадлежности. Прикащикъ оказался чистокровнымъ русакомъ и обстоятельно разсказалъ все, что нужно Бржестинскому. Оказалось, что до „кормилицы" ѣхать надо еще верстъ десять, если не больше, что лавочникъ ее знаетъ лично, что она ѣздитъ къ нему иногда за говядиной, тамъ она живетъ въ кухаркахъ, и что по всѣмъ признакамъ будетъ завтра. Бржестинскій заохалъ, ѣхать было далеко, да при томъ у лошади оголовокъ расшатался, а Женѣ спать захотѣлось. Рѣшились остаться пить чай въ лавочкѣ, а кормилицѣ написать письмо.

Дали бумаги, и панъ красивымъ почеркомъ (кажется у всѣхъ поляковъ красивые почерки) началъ писать:

„А мы къ тебѣ было, Катерина, поѣхали. Ѣхали, ѣхали—и не доѣхали. Поѣзжай ты къ намъ: куда—то тебѣ лавочникъ скажетъ, а мы въ тебѣ имѣемъ нужду"...

Помѣстились мы пить чай на крылечкѣ, выходившемъ на задній дворъ, поставивъ въ сторону лошадь и задавъ ей корму. Цибуль тотчасъ-же освободилъ насъ отъ непріятнаго сосѣдства, выгнавъ двухъ свиней меланхолически чесавшихъ о притолку свои закорузлыя спины и изрѣдка изъ-подлобья похрюкивавшихъ. Откуда-то выглянуло три поросенка, но при видѣ собаки съ визгомъ кинулись прочь, прыгая какъ зайчата черезъ кучи навоза.—Чай оказался отвратительнымъ, и по увѣренію Марьи Людовиковны пахнулъ раками. Въ сущности онъ Богъ его знаетъ чѣмъ пахнулъ и отъ чего,—отъ особеннаго-ли сорта, отъ тинистой воды, или отъ стакановъ, покрытыхъ какой-то корой, неотмывавшейся не смотря на всѣ усилія нашей хозяйки.

— Это мы тебѣ, Бржестинскій, обязаны, что пьемъ такую мерзость, обратилась она къ мужу.

— Да, не совсѣмъ намъ удалось сегодня наше partie de plaisir, замѣтилъ Бржестинскій, нимало не теряя однако веселости.—Но все-жь таки промялись, проѣхались.

— А что-же, сударь, вы на кокахъ сегодня будете? спросилъ лавочникъ, стоявшій въ дверяхъ.

— На кокахъ?... Марья Людовиковна,—а вѣдь оно точно—сегодня коки.

— У насъ даже очень много публики нашихъ съѣзжается, замѣтилъ лавочникъ.—И все самая чистая... Юханскіе господа, съ мызы сосѣдней, завсегда тамъ, Балалаевы... Опять же генералъ Лутугинъ съ семьей. Дачники изъ мѣстъ отдаленныхъ даже значительно прибываютъ...

— Какіе это коки? спросилъ я.

— А это чухонскіе, отвѣтилъ онъ.—Русскіе еще черезъ двѣ недѣли...

— Можетъ вы не знаете, что то значитъ коки, пояснилъ Бржестинскій.—Это есть кулленбергъ доморощенный: огни жгутъ, пиво пьютъ, пѣсни поютъ.

— Да по какому-же случаю сегодня?

— Вѣдь завтра-же Ивановъ день по ихнему: вѣдь они папы Григорія придерживаются, не по юліанскому счисленію живутъ... По нашему, малороссійскому, это будетъ Ивана Купала.

— Почему же по вашему?

— А какже-жъ... Я цѣлыхъ три года на Украйнѣ прожилъ, управляющимъ на заводѣ графа Переметьева... Гдѣ я не былъ—вы спросите!..

* * *

Такъ какъ „коки" лежали намъ по дорогѣ, то мы и рѣшили заѣхать посмотрѣть на нихъ. Свѣтлая сѣверная ночь уже совсѣмъ спустилась на землю, все окутавъ своей бѣлесоватою дымкой, когда мы выѣхали изъ поселка. Узкій серпъ мѣсяца сіялъ блѣдной полоской, сіялъ надъ темнѣвшимъ лѣсомъ, что мрачнымъ строемъ обступилъ и надвинулся на пылкую гладь дороги. Лошадь шла тою удивительной выѣздкой, которую только и можно встрѣтить въ Финляндіи,—медленнымъ шагомъ поднимаясь въ гору, и во весь духъ спускаясь подъ гору, не смотря ни на какіе уклоны и повороты, ловко минуя встрѣчныя рытвины, камни. Когда мы спускались съ горы внизъ къ рѣчкѣ, гулко шумѣвшей въ тишинѣ ночи, тамъ, гдѣ плотина спирая, воду, давала маленькій каскадъ, и въѣзжали на мостъ,—сырой, холодный туманъ водяныхъ испареній охватывалъ насъ; но стоило подняться въ гору—и снова сухость сосноваго бора обдавала накопившимся за день тепломъ.

Марья Людовиковна все продолжала ворчать:—И зачѣмъ такія глупыя поѣздки устраивать"! Супругъ, не отвѣчая, попрыгивалъ на облучкѣ: теперь ему сидѣть было жестковато, такъ какъ шалью закутали Женю, совсѣмъ раскисшую, сонную.

На одномъ поворотѣ лѣсъ внезапно началъ рѣдѣть, мельчать, и скоро перешелъ въ кустарникъ, пологой волной скатывавшійся въ ложбину. За ложбиной, на противоположной горѣ пылалъ огромный столбъ пламени, взбрасывая совершенно перпендикулярно вверхъ снопы огненныхъ охлопей, почти не давая дыма, ровно теплясь въ безвѣтреномъ воздухѣ, словно гигантская свѣча.

— Вотъ они, коки! крикнулъ Бржестинскій, дернувъ возжами.—Гляди—коки, коки! обратился онъ къ Женѣ, задремавшей на моихъ колѣнахъ, и сдѣлавъ пальцами „козу" шутливо началъ бодать ее въ грудку.—Она слабо улыбнулась, съ трудомъ открывая заспанные глазки...

На „кокахъ", оказалась масса народа, и окрестныхъ поселянъ и дачниковъ. Мѣсто празднества приходилось на холмѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ перепутья трехъ дорогъ, изъ которыхъ двѣ перекрещивались, а одна, добѣжавъ до перекрестка, сливалась съ ними. Все свободное пространство вокругъ холма, между кустами и деревьями, было запружено колясками, фаэтонами, телѣжками, дрогами, дрожками, верховыми лошадьми. Въ воздухѣ стоялъ тотъ смутный говоръ, какимъ всегда сопровождаются подобныя сборища. Мы сошли, вмѣшались въ толпу, и стали пробираться къ самымъ кокамъ. Громадныя копны и пирамиды, хвороста, сучковъ, смоляныхъ бочекъ разбрасывали цѣлое море огня, обдавая жаромъ и свѣтомъ толпу.

Вокругъ маленькаго костра толкался хороводъ съ такой заунывной монотонной пѣснею, что за душу тянуло, слушая ее. На скамейкахъ, наскоро сколоченныхъ и поставленныхъ для этого случая, сидѣли рядами молоденькія дачницы, а вокругъ нихъ вьюнами вились безусые и безбородыя „кузены" и „хорошіе знакомые на правахъ друзей дома". Барышни поеживались не то отъ холода, не то отъ кокетства, кутались въ тальмы, играли глазками, и дѣлали видъ что сморкаются, распуская при этомъ тонкій запахъ, mille fleurs.—Неизмѣнный англичанинъ съ неизмѣннымъ биноклемъ тоже откуда-то попалъ сюда, и такъ внимательно смотрѣлъ на горѣвшій хворостъ, что даже отвѣчать ему было некогда на болтовню его спутника: онъ только головой кивалъ да кряхтѣлъ, изрѣдка переводя глаза съ огня на свои сапоги изъ нечерненной кожи. Подъ елью пьяненькій кучеръ—изъ русскихъ—откалывалъ „во всю" трепака, затыкая своимъ танцемъ за поясъ всѣ чухонскіе хороводы. Вокругъ слышалась русская рѣчь. Чухны совсѣмъ какъ-то стушевались—трудно было замѣтить, что это ихъ національный—праздникъ.

— Вотъ такъ пиво! кричалъ мнѣ Бржестинскій, пробираясь чрезъ толпу.—Вы пили здѣшнее пиво?.. Не пи-

ли?.. Ну такъ выпейте. Одна бутылка съ ногъ сшибетъ... Чортъ знаетъ что за пиво!..

Онъ повелъ меня къ буфету, выстроенному „окультурившимися“ финами. Ряды опустошенныхъ бутылокъ доказывали удивительную прожорливость толпы, такъ какъ число ихъ было колоссально.—Въ жизнь не пилъ

— А вѣдь я завтра въ Петербургъ ѣду, внезапно сказалъ онъ:—въ пять часовъ утра вставать надо, чтобы на машину поспѣть.

— Это зачѣмъ еще въ Петербургъ? спросила Марья Людовиковна.

— Надо, душечка, надо, таинственно отвѣчалъ онъ,

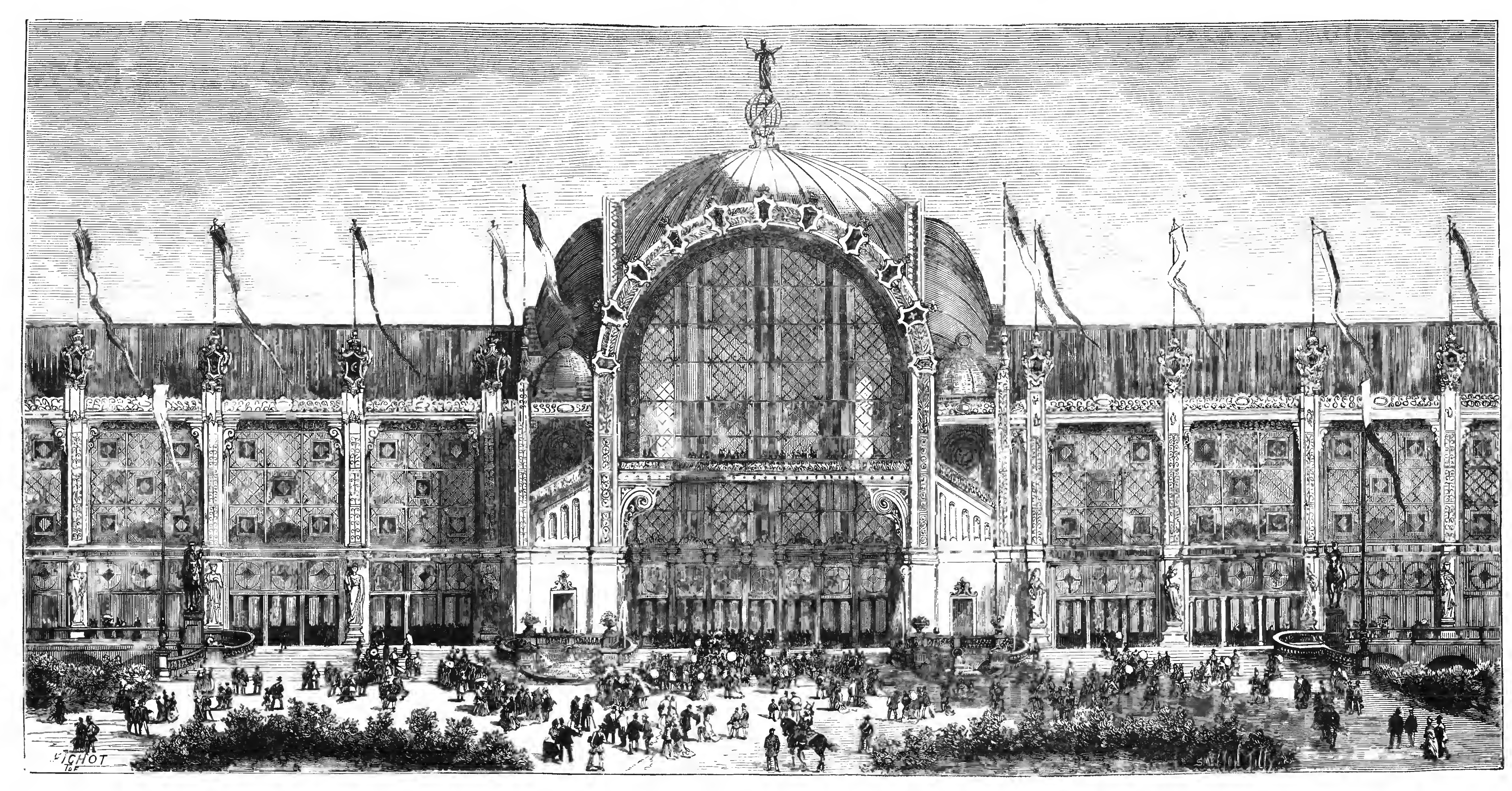
— Ѣдемъ завтра вмѣстѣ: я васъ довезу сюда въ тележкѣ, вы останьтесь и рисуйте здѣсь, а я дальше поѣду, на станцію. По рукамъ?

Я согласился.

— Какже ты поѣдешь,—начала Марья Людовиковна,—когда у тебя...

— Идемъ чай ко мнѣ пить и ѣдемъ,—сказалъ онъ.

Впрочемъ чай пить оказалось некогда: въ пору только къ самому поѣзду добраться—верстъ за двадцать. Опять зазвонилъ колокольчикъ, только на передкѣ вмѣсто Бржестинскаго сидѣлъ финнъ, еле-еле согласившійся по случаю праздника вести ѣздока за двойную плату.

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 г. Видъ зданія съ Марсова поля. Рис. Фишо, грав. Смитонъ.

такого пива... Ни въ Баваріи, ни въ Австріи, удивлялся панъ.

* * *

Только насильно оторвали мы его отъ буфета, далеко уже за полночь, и уговорили ѣхать домой. Впрочемъ про него нельзя сказать, чтобы онъ хоть даже немного былъ выпивши...

— Вы надолго-ли ѣдете? спросилъ я, радуясь, что избавляюсь отъ милаго сосѣдства.

— Дня на три, не больше... Нѣтъ,—а видъ-то каковъ, а!.., говорилъ онъ, поворачивая меня въ сторону, развѣ не хорошъ?

— Хорошъ,—не могъ не согласиться я.—Видъ былъ, правда, хорошъ.

— А,—ты этого не понимаешь,—круто оборвалъ онъ ее,—для того, что ты есть женщина, скудельный сосудъ.

И хвативши возжами уставшую лошадь, онъ сердито сталъ насвистывать задорный мотивъ m-me Angot.

На слѣдующее утро онъ разбудилъ меня чѣмъ свѣтъ едва самъ успѣвъ вздремнуть отъ вчерашней прогулки.

Утро чудное было, жаворонки звонко заливались въ вышинѣ, воздухъ былъ такой теплый, ароматическій. Бржестинскій словно ребенокъ радовался каждому цвѣточку, чуть не плакалъ.

— А можете вы мнѣ двадцать пять рублей размѣнять, вдругъ выпалилъ онъ на самой серединѣ краснорѣчиваго потока о красотахъ природы, хватаясь за кар-

манъ.—У меня все крупные... нечѣмъ чухонцу заплатить...

Я вынулъ порт-монэ.

— Вотъ тебѣ разъ, продолжалъ онъ шаря въ карманахъ: назадъ придется ѣхать—бумажникъ дома оставилъ... Ай-яй,—и поѣздъ я пропущу, а мнѣ къ двѣнадцати часамъ быть въ городѣ необходимо... Будьте столь любезны—дайте мнѣ... Я какъ пріѣду возвращу... Коли вамъ понадобится,—у жены возьмите до моего пріѣзда...

Отказать было не удобно: я поморщился и далъ. Онъ разсыпался въ благодарностяхъ, и спустивъ меня съ телѣжки, крикнулъ:

— Жену безъ меня навѣщайте,—ей бѣдной скучно!..

Онъ премило раскланялся, и вскорѣ густой столбъ пыли, скрылъ отъ меня его сдобную фигуру.

* * *

Вечеромъ я отправился къ Марьѣ Людовиковнѣ, захвативъ съ собой альбомъ на случай, если удастся накинуть головку ея, или Жени Цибуль встрѣтилъ меня въ саду какъ стараго знакомаго, весело помахивая хвостикомъ, и ласково посматривая прямо въ глаза. Тутъ-же была и Женя, возившая въ тачкѣ безголовую замшевую куклу въ розовомъ кисейномъ платьѣ, съ прямыми какъ у покойника ногами, и растопыренными руками. Она глянула на меня по своему обыкновенію изъ-подлобья, и съ улыбкой хлопнула грязной рученкой по протянутой ей ладони.

— Мама дома? спросилъ я.

— Дома, одѣвается... Мы купались съ ней...

Я посмотрѣлъ на ея голову: мокрые кудри, слѣпившись колечками, крутились вокругъ бѣленькаго лба. На сучкѣ сосѣдняго дерева висѣла сырая простыня.

— Bonsoir, monsieur, раздался въ это время голосъ съ балкона. Я приподнялъ шляпу и пошелъ къ ней.

— Merci, что зашли, сказала она.—Ну что вы утромъ—Бржестинскаго видѣли?

— Какъ-же.—Вмѣстѣ съ нимъ до коковъ доѣхали...

— Онъ вамъ не говорилъ, на долго-ли поѣхалъ?

— Онъ вчера сказалъ, что дня на три.

— Ну, значитъ, на недѣлю, если не больше... Вы чаю напьетесь съ нами?.. Ну, вотъ и прекрасно: я сейчасъ велю самоваръ давать.

Она перешла на другой конецъ балкона, сказала что-то прислугѣ, и мелькомъ взглянувъ на Женю, остановила ее въ попыткахъ лѣпить изъ песка формочки на спинѣ Цибуля.

— Вы не повѣрите, заговорила она, опускаясь противъ меня на скамейку, и принимаясь за какую-то работу,—вы не повѣрите, что это за человѣкъ Бржестинскій—совсѣмъ безалаберный! Вѣдь вотъ теперь спросите—зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ,—спросите, зачѣмъ? Прочиталъ въ газетахъ о какой-то помадѣ растительной, такъ поѣхалъ покупать, что бы волосы не лѣзли... Сумасшедшій!..

Она нервно задергала иголкой, бросая недовольные взгляды.

— Станиславъ Антоновичъ кажется нигдѣ не служитъ? спросилъ я, чтобы прервать неловкій разговоръ.

— А спросите отчего? Вотъ намъ—за дачу нечѣмъ заплатить, мы въ лавочку должны, и мяснику, и зеленщику... Онъ уѣхалъ,—намъ три рубля въ домѣ оставилъ. Если онъ тамъ замѣшкается, что мы съ Женей кушать будемъ—я и не придумаю.

Она совсѣмъ по дѣтски развела руками, съ недоумѣньемъ глядя на меня.—Эгэ-ге, подумалъ я, и вдругъ мнѣ пришелъ почему-то на память безсмертный гётевскій стихъ:—«Das also war des Pudels Kern!» *)

— Вѣдь какъ это у насъ все быстро, снова начала она, чисто выговаривая каждое слово и сильно грасируя:—ну давно-ли,—годъ тому назадъ мы по Невскому на такихъ рысакахъ ѣздили, что страшно было посмотрѣть,—разъ даже чухонку съ молокомъ переѣхали,—а теперь еле концы съ концами сводимъ, съ дачи съѣхать въ городъ не съ чѣмъ, да и не пустятъ—кругомъ должны. Женька въ одномъ платьицѣ цѣлое лѣто бѣгаетъ, а онъ въ городъ за полтораста верстъ ѣздитъ помаду покупать.. Когда я за него замужъ въ Парижѣ шла—онъ такимъ богачемъ казался—ужасъ. Въ Ниццѣ первые мѣсяцы мы жили, такъ онъ тамъ въ рулетку двадцать тысячъ франковъ проигралъ и не поморщился, а теперь... Вотъ смотрите,—онъ въ началѣ лѣта подарилъ мнѣ браслетъ...

Она слегка приподняла рукавъ блузы. На ея сухой, изящной ручкѣ сверкало жемчугами и рубинами какое-то чудо ювелирнаго искусства.

— Ну, къ чему это? Вѣдь къ осени заложить придется,—иначе отсюда не выпустятъ... А вѣдь онъ сколько стоитъ! Вы посмотрите, какой онъ тяжелый.•

Она сняла его съ руки и подала мнѣ.

— Я на правой рукѣ не ношу—шить нельзя, руку оттягиваетъ, а ужь на фортепьяно совсѣмъ играть нельзя.

— А вы играете? машинально спросилъ я, совершенно пораженный этой внезапной откровенностью.

— Плохо,—вотъ у Жени слухъ хорошъ,—такая крошка, а что угодно запомнить и съиграетъ. Учить ее надо, хорошихъ професоровъ взять, а гдѣ деньги?..

Она закрѣпила узелкомъ и откусила нитку.—Знаете,—хоть вы бы ему поговорили, что такъ нельзя... онъ васъ такъ любитъ, можетъ послушаетъ.

— Помилуйте, мы такъ недавно знакомы...

— Ахъ у него все это такъ скоро,—вчера не знакомы, сегодня лучшій другъ, завтра опять... Женя! гдѣ ты? иди сюда, въ саду сыро—сейчасъ чай будетъ.

Женя, топая ноженками, взошла на балконъ.—Ну, какая ты противная дѣвочка, нахмурилась Марья Людовиковна:—давно-ли купались, а руки какъ у трубочиста. Поди сейчасъ вымойся.

Черезъ минуту она явилась съ чистыми лапками.

— Знаете что? боязливо сказала она мнѣ,—нарисуйте мнѣ машину.

— Фу,—развѣ можно! остановила ее мать:—ты словно папа, такая-же навязчивая...

Я обѣщалъ ей нарисовать машину, если она посидитъ немного спокойно и дастъ срисовать съ себя портретъ.

Набросокъ привелъ въ восторгъ Марью Людовиковну сходствомъ. Я принялся за изображенье локомотива, а Женя, навалившись грудью на сложенныя на столѣ рученки, близко наклонилась ко мнѣ, не слушая уговоровъ матери, что скоро спать пора.

* * *

Бржестинскій пріѣхалъ не черезъ недѣлю, какъ предсказывала жена, а дня черезъ два. Явился онъ тотчасъ-же ко мнѣ нахмуренный, недовольный.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Канальи и мерзавцы, сурово отвѣчалъ онъ—обѣщаютъ, обѣщаютъ, а на дѣлѣ нѣтъ ничего...

— Да вамъ что нужно? спросилъ я, думая преимущественно о растительной помадѣ.

— Мѣсто ищу,—денегъ надо. Предлагаютъ мѣсто въ тысячу двѣсти, такъ я такого не хочу, мало... Черезъ недѣлю опять поѣду. Я на отдыхъ сюда вернулся, погуляемъ за это время съ вами...

— А я завтра уѣзжаю, рѣшительно сказалъ я, испуганный дальнѣйшимъ знакомствомъ, и положившій во что бы то ну стало бѣжать отъ него.

— Н-ну?!.. Онъ остановился, какъ будто сконфузившись.—Погостите еще!..

— Не могу,—дѣла....

— Вы меня извините, торопливо заговорилъ онъ,

*) „Такъ вотъ что въ пуделѣ таилось!"

глядя неопредѣленно въ пространство:—я денегъ теперь не могу вамъ отдать. Вы мнѣ вашъ городской адресъ оставьте, я вамъ доставлю на домъ...

Я далъ ему адресъ. Онъ вдругъ повеселѣлъ.

— Ну, а сегодня намъ надо partie de plaisir устроить... Я васъ завербую на цѣлый вечеръ и вы не вырветесь... Я лодку возьму и мы на щуку поѣдемъ,— и ружье возьмемъ, можетъ утка подвернется... Надоже, чортъ возьми, хоть немного послѣ петербургской пыли вздохнуть!..

И вечеромъ, точно, мы поѣхали.

* * *

Узкая, глубокая рѣчка, шириной почти въ размахъ веселъ, свѣтлой лентой вилась по долинѣ, и давая крутые завороты, пробѣгая мѣстами подъ нависшими вѣтвями столпившихся къ водѣ деревьевъ, мѣстами среди луговъ необозримыхъ, впадала въ широкое, горѣвшее закатомъ озеро. Я сѣлъ за весла, Бржестинскій помѣстился съ жерлицей на кормѣ, а жена его съ дочкой—по серединѣ. Цибуль бѣжалъ рядомъ съ нами по берегу, прыгая съ кочки на кочку, перелѣзая заборы, продираясь сквозь кусты, вспугивая куличковъ. Когда мы выѣхали въ озеро, онъ кинулся въ воду, проплылъ за нами съ версту и былъ наконецъ втащенъ за шиворотъ въ лодку, гдѣ и не преминулъ тотчасъ отряхнуться, спрыснувъ какъ изъ пульверизатора, насъ и всю лодку. Вечеръ былъ прозрачный, тихій; гладкія, стекляныя полосы озера вспыхивали золотыми огнями заката. Утки поминутно шныряли надъ тростниками, приводя въ неистовый трепетъ, повизгивавшаго Цибуля. Ружья Бржестинскій не взялъ: Марья Людовиковна не позволила, категорически объявивъ, что надо „или съ ружьемъ или съ ребенкомъ ѣхать“. За то рыба клевала превосходно: сперва попались двѣ щучки на острый якорекъ жерлицы, потомъ, когда мы стали на озерѣ въ тростникахъ, и закинули удочки, мелкая рыба стала клевать поминутно. Въ садкѣ лодки слышался ужаснѣйшій садомъ, и m-me Бржестинская увѣряла, что щуки всю мелочь поѣдятъ...

Послѣ заката, Бржестинскій присталъ къ берегу и объявилъ, что будетъ варить уху: у него всѣ припасы были уже приготовлены. Живо устроили козлы, развели огонь, и принялись за варево.

— От-то уха будетъ! восклицалъ онъ каждую минуту.—И перецъ, и лукъ, и лимонъ—все есть... Жаль, что хереса не захватилъ изъ города... А ночка-то ночка!—лучше украинской, то есть въ своемъ родѣ...

А ночка была такъ хороша, что мнѣ даже Бржестинскій не казался такимъ противнымъ какъ всегда.

— Вотъ бы посѣвернѣе намъ забраться, говорилъ онъ,—къ Торнео. Тамъ солнце совсѣмъ не заходитъ, только спускается къ горизонту—поѣдемъ туда, пани, посмотримъ...

— На чей счетъ? возразила она.

— На нашъ, на нашъ собственный, несмутившись отвѣтилъ онъ.—Не теперь, такъ будущимъ лѣтомъ можно; денегъ у насъ куры клевать, какъ говорится, не будутъ...

— Что ты болтаешь-то!..

— Чьто я болтаю, то я знаю... Письмо вечеркомъ мнѣ принесли изъ Варшавы... Разумѣешь?.. Теперь какія обстоятельства политическія. Сербія, добровольцы...

— При чемъ-же тутъ добровольцы? спросилъ я.

— А сочувствіе... сочувствіе народное... Войны всѣ хотятъ, весь народъ. Газеты читаете?..

— Ну такъ что-же.

— Въ случаѣ войны, мнѣ мѣсто обѣщано... Компанія одна, все наши дѣятели, свои... Тутъ жалованье не большое, а доходцы. (Онъ щелкнулъ языкомъ).—И заживемъ мы съ тобой, Марья Людовиковна, чортъ возьми! накупимъ ковровъ, картинъ, платьевъ, и въ михайловскомъ театрѣ ложу тебѣ абонирую, и Патти будетъ, и Лукка, и скачки, и парады—все смотрѣть будемъ...

— Когда-жь это будетъ? недовѣрчиво спросила она.

— А какъ только армія наша тронется къ Турціи,—такъ и будетъ, а можетъ и раньше, а будетъ это такъ вѣрно, какъ то, что естемъ Бржестинскій.

— Да ты можетъ лжешь? наивно сказала она.

— А будь я проклятъ, коли лгу... Э-эхъ! выкупаться-бы передъ ухою... Здѣсь, за кустомъ: не хотите-ли?

Я отказался.

— Ну я одинъ буду.—Марья Людовиковна,—ты не смотри—мы съ Цибулей покупаемся...

Онъ зашелъ за кусты и началъ раздѣваться.

Марья Людовиковна молча сидѣла, очевидно задумавшись надъ сообщеніемъ мужа. Я поглядывалъ вокругъ: все было такъ тихо. Я люблю сѣверныя ночи, эти чудныя ночи, съ несбѣгающею съ неба зарею...

Сколько разъ съ ружьемъ на челнокѣ выѣзжалъ я въ такую ночь на охоту въ сѣверныхъ заливахъ и озерахъ, и сколько чудныхъ часовъ провелъ я подъ нетемнѣвшими, блѣдными небесами. Выѣзжаешь послѣ заката, когда небо все еще пламенѣетъ, горитъ, разливается зыбучимъ моремъ огня... Станешь потихоньку гдѣ нибудь въ прогалинкѣ межъ камышей, умостишься недвижно на удобномъ пунктѣ, чтобъ кругозоръ былъ широкій, а самаго тебя не видно было, и молча выжидаешь перелета. Западъ медленно, постепенно тухнетъ. Долго золотятся и алѣютъ края далекихъ тучекъ, темнѣя, тускнѣя: и сами онѣ теряютъ прозрачность, густѣютъ, синѣютъ. Легкая сырость подымается съ воды, укутывая мѣстами чащи тростника своимъ бѣлымъ покровомъ. Крики денныхъ птицъ умолкаютъ; гдѣ-то далеко-далеко дергачъ кричитъ во ржи, изрѣдка свиснетъ куликъ, или свистомъ хлыста отдастся крикъ водяной курочки. Небо синѣетъ; звѣздочка зажглась въ вышинѣ, и мерцаетъ, переливается разными цвѣтами. Тѣни сгустились и легли черными пятнами въ густой зелени прибрежныхъ деревьевъ; какая тутъ трескотня идетъ,—насѣкомыя, наперерывъ другъ другу задаютъ ночной концертъ, и въ недвижномъ воздухѣ неумолкаемо стоитъ шипяще-звенящій звукъ этой трескотни. Вода не шелохнетъ: какъ зеркало ровной, застывшей поверхностью дремлетъ она, и развѣ рыба играя, пуститъ по ней кругъ, который разливаясь все шире и шире, чуть слышнымъ плескомъ разольется о камни, что черными макушками выглянули изъ подъ воды. Что-то шелохнуло: куличекъ выпорхнулъ. Пафъ! Пафъ! раздается двойной выстрѣлъ, обдавая на мгновенье огнистымъ блескомъ и лицо и руки. Птица кувырнувшись шлепается въ воду, будоража ее предсмертными судоргами; молочно-бѣлые клубы дыма плавно стелятся надъ водой, цѣпляясь за камыши и за кампи.—„Пиль!“ раздается звучно въ тиши, и слышится глухой, шумный прыжокъ собаки въ воду.—На слегка потемнѣвшей лазури неба высыпаютъ звѣзды одна за другой: ярко блеститъ Большая Медвѣдица, мерцаетъ и мигаетъ поясъ Оріона; сіянье ихъ не ярко—онѣ не могутъ спорить съ зарею. Изъ за далекаго лѣса медленно выплываетъ красный дискъ луны, съ каждой минутой блѣднѣя и желтѣя. Теплый вѣтерокъ налетитъ съ запада, шевельнутся полною тростники, закиваютъ мохнатыми верхушками. Все затихло, птицы, насѣкомыя замолкли,—ночь вступила въ свои права...

Бѣжитъ часъ за часомъ; становится свѣжей. Восточный край неба начинаетъ алѣть, наливаться свѣтомъ. Прибрежныя птицы стали чирикать, утки стаями заносилось вдали. Острой, влажной струйкой налетаетъ предразсвѣтный холодокъ, разгоняя сгустившійся туманъ ночи. Ясно обозначается даль: рельефно выступаетъ абрисъ далекихъ холмовъ, деревьевъ, церквей. Какія-то мошки съ бѣлыми крылышками заносились роями надъ водой и стали липнуть ко всему: и къ платью.

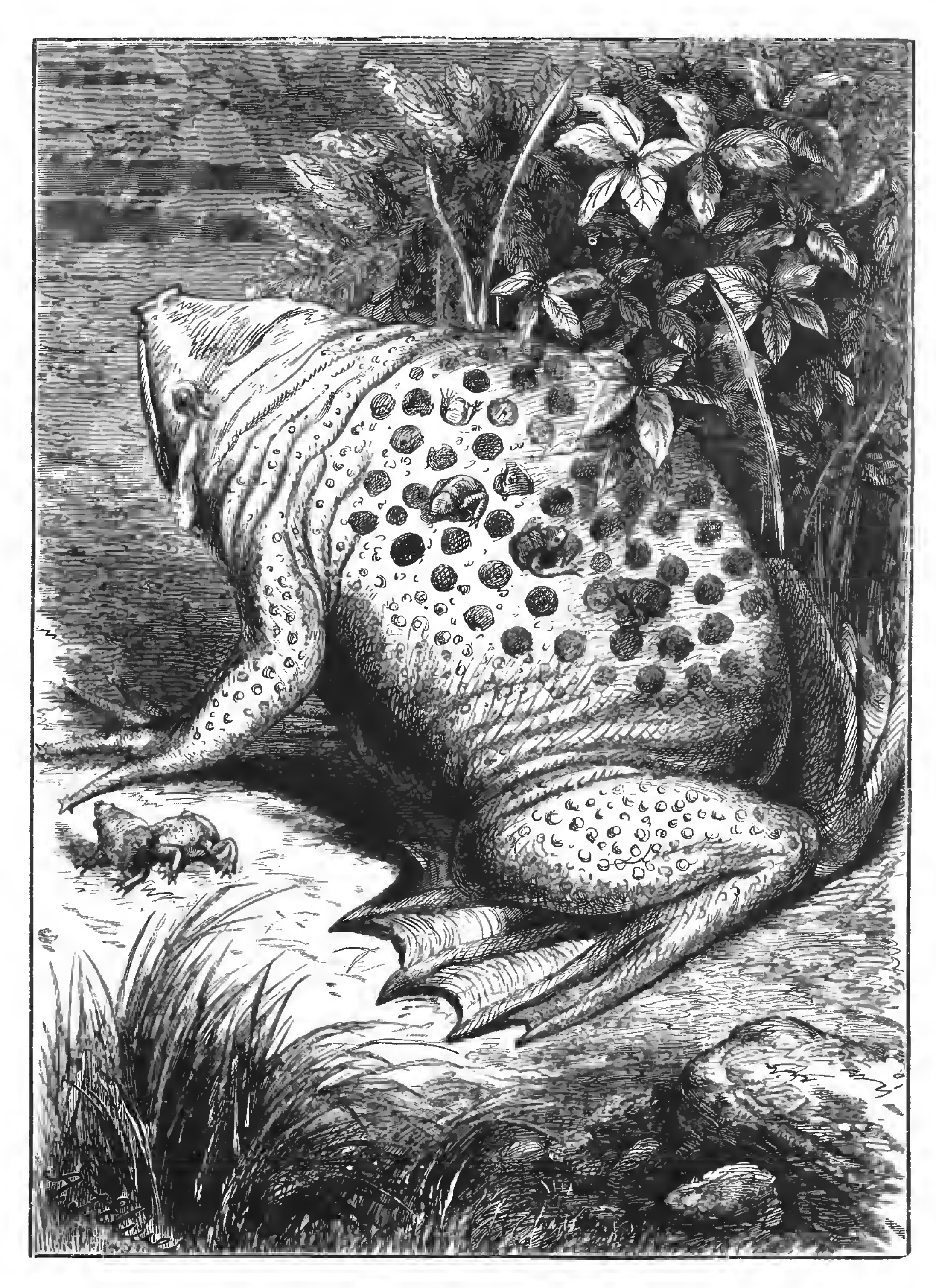
и къ лицу, и къ лодкѣ. Большая муха, что зовется въ народѣ коромысломъ, шурша проносится мимо. Звѣзды одна за другой стали гаснуть, и только Венера переливчатымъ волшебнымъ блескомъ горитъ и не хочетъ умирать въ волнахъ золотого утренняго свѣта. Зашевелились рыбаки: быстро минуя камни подъ ловкими ударами шестовъ, несется ихъ челнокъ по заливу и слѣдъ, острымъ угломъ разбѣгаясь изъ подъ кормы, будоражитъ спокойную поверхность. Проснулись стрижи и быстро рѣютъ надъ водой, проносясь мимо самой лодки... А востокъ съ каждымъ мгновеніемъ все больше пламенѣетъ и золотится. Вотъ невыносимо яркимъ блескомъ запылало одно мѣсто на этомъ огнистомъ фонѣ, свѣтлой звѣздочкой блеснулъ край солнца и теплымъ лучемъ скользнувъ надъ водою, обдалъ жизнью пробуждающуюся окрестность...

— А уха-то готова! раздался возлѣ голосъ выкупавшагося Бржестинскаго. Я опомнился... Та-же тихая ночь стояла вокругъ...

— Заживемъ, заживемъ, Марья Людовиковна, снова заговорилъ онъ обнимая жену, и вкусно цѣлуя ее.— Да еще какъ заживемъ-то!..

На другой день я уѣхалъ. Предсказаніе его кажется исполнилось. Хотя ни онъ у меня не былъ, ни денегъ не присылалъ, но я его встрѣтилъ зимой на великолѣпныхъ рысакахъ: онъ посмотрѣлъ на меня, но должно быть не узналъ, такъ какъ не поклонился... Потомъ я случайно услышалъ, что онъ представитель, или коммиссіонеръ какой-то компаніи, что-то такое поставляющій въ нашу армію...

П. С—ній.

Пипа или Суринамская Жаба.

Обѣденная пора. Картина Л. Кнауса. грав. Г. П. Гуль.

Пипа или Суринамская жаба.

Въ высшей степени своеобразная порода Суринамскихъ жабъ носитъ характеристическое латинское названіе Asterodactylus Pipa (что значитъ: *жаба съ звѣзчатыми пальцами*). И въ самомъ дѣлѣ, всмотрѣвшись внимательно въ прилагаемый рисунокъ, читатель увидитъ, что пальцы переднихъ ногъ разсматриваемой нами жабы снабжены весьма красивыми и правильными звѣздочками. Для чего эти звѣздочки и насколько онѣ необходимы для общей организаціи животнаго—рѣшить трудно.

Суринамская жаба вмѣстѣ съ другими родственными ей породами жабъ, водящихся въ Африкѣ, образуетъ особое семейство *безъязычныхъ* (Aglossa). Всѣ разновидности этой породы жабъ имѣютъ своимъ общимъ характеристическимъ признакомъ безобразное, почти четыреугольное и крайне сплющеное тѣло, широкую голову съ заостренною оконечностью, напоминающею рыло свиньи. Засимъ, голова жабы такъ плотно срослась съ туловищемъ, что даже нельзя замѣтить линіи, раздѣляющей эти двѣ части. Переднія ноги животнаго развиты слабо и снабжены 4-мя пальцами, (украшенными, какъ сказано выше, звѣздами), напротивъ, заднія ноги развиты весьма сильно и снабжены плавательною перепонкою, соединяющею 5-ть пальцевъ. Эта плавательная перепонка у старыхъ жабъ сильно сморщена, бородавчата, а у самокъ снабжена ячейками. Засимъ и у самца и у самки подобныя же бородавчатыя перепонки находятся по обѣимъ сторонамъ нижней челюсти и свѣшиваются отъ угла рта (см. рис.).

Что особенно дѣлаетъ отвратительною Суринамскую жабу—такъ это сильно выпученные глаза животнаго, расположенные почти у края челюсти. Безобразные глаза эти едва-едва способны двигаться. У самца же безобразіе увеличивается огромнымъ кадыкомъ, образующимъ треугольную хрящеватую сумку. Челюсти лишены зубовъ; языка нѣтъ вовсе. Окраска кожи у самца и самки буровато-черная, крайне непріятная на видъ, еще болѣе усиливающая отвращеніе.

Подобно другимъ породамъ лягушечныхъ (Batrachia), суринамская жаба мечетъ свою икру въ водѣ. Самецъ оплодотворяетъ развивающіяся яички, кладетъ ихъ ва морщинистую бородавчатую спину самки и втираетъ ихъ. И вотъ вслѣдствие то этого тренія и раздраженія кожи самки, на спинѣ ея образуются ямочки или клѣточки для каждаго яичка. Наблюдатели-зоологи, замѣтили, что образовавшаяся для каждаго яичка клѣточка представляетъ шестиугольную форму и напоминаетъ собою ячейку пчелинаго улья, и какъ ульевая ячейка, такъ и клѣточка на спинѣ жабы, плотно закрывается. Въ этихъ клѣточкахъ молодые зародыши жабы, переживаютъ всѣ превращенія, пока не сдѣлаются способными для самостоятельной жизни. И тогда клѣточки растрескиваются: уже развившіяся молодыя животныя, сначала довольно робко просовываютъ въ трещину свои головы или ноги, а затѣмъ, на всегда оставляютъ свои кельи.

Все это читатель ясно видитъ на нашемъ рисункѣ. На спинѣ оплодотворенной самки-пипы нѣсколько клѣточекъ уже растреснулось. Изъ нѣкоторыхъ клѣтокъ выползаютъ развившіяся животныя. Процессъ этотъ, если преодолѣть отвращеніе, представляется въ высшей степени занимательнымъ.

Интересныя наблюденія сообщилъ о процессѣ оплодотворенія суринамскихъ жабъ, ученый зоологъ *Ферлинсъ*. Онъ неоднократно наблюдалъ, что самки семейства этихъ жабъ, кладутъ свои яица въ пескѣ. Послѣ этого на мѣсто кладки яицъ со всею поспѣшностью приходитъ самецъ, захватываетъ кучу положенныхъ яицъ своими задними ногами и кладетъ ихъ на спину самки. Положивъ же, онъ оборачиваетъ свою спину къ спинѣ самки, съ усиліемъ трется нѣсколько разъ по всей поверхности спины и затѣмъ на нѣсколько времени оставляетъ самку. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, онъ снова возвращается, опять возобновляетъ процессъ тренія; такъ продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не оплодотворитъ всѣхъ яичекъ на спинѣ самки. 82 дня спустя, послѣ этого, въ клѣточкахъ кожи оплодотворенной самки развивается отъ 60—70 дѣтенышей, тогда они оставляютъ мать, начиная самостоятельную жизнь. И вотъ освобожденная отъ дѣтенышей жаба трется о камни и деревья чтобы спустить съ себя кожу съ разорванными дѣтородными клѣточками и получаетъ новую кожу. Всѣ эти факты интересны въ томъ отношеніи, что доказываютъ сообразительность животныхъ и цѣлесообразность того порядка, по которому разныя семейства животныхъ пользуются своею средою.

Про всѣ породы жабъ, какъ извѣстно, распространено много суевѣрныхъ сказаній и это не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ; главною причиною этихъ чисто нелѣпыхъ басней издавна служила, конечно, отвратительная наружность жабы. Кожа всѣхъ рѣшительно породъ жабъ покрыта бородавками. Эти бородавки представляютъ железистыя образованія и выдѣляютъ изъ себя клейкую жидкость. За симъ у каждой породы жабъ по обѣимъ сторонамъ шеи находятся большія пористыя железы (glandulae parotis), выдѣляющія острую жидкость (у описанной нами Суринамской жабы этимъ железамъ соотвѣтствуютъ кожистыя образованія, спускающіяся къ обоимъ угламъ рта). Эта жидкость выдѣляется изъ железъ въ наибольшемъ изобиліи въ то время, когда жаба бываетъ разсержена.

Жабы вообще двигаются медленно, какъ говорится,ползаютъ, и конечно, не могутъ, подобно лягушкамъ, быстро удаляться, если ихъ преслѣдуютъ. Замѣчали, что если преслѣдовать жабу, то она останавливается неподвижно, сильно надувается (къ чему способствуетъ растяжимость и эластичность ея кожи) и тогда изъ ея кожи выдѣляется бѣлая, непріятнопахучая жидкость. Въ болѣе же опасныхъ случаяхъ преслѣдованія нѣкоторыя породы жабъ могутъ испускать на далекое разстояніе вонючую урину (подобно какъ изъ насоса). Все это выдѣленіе разныхъ вонючихъ жидкостей служитъ для жабъ единственною защитою противъ преслѣдующихъ враговъ. Что жабы кусаются—это нужно отнести къ разряду нелѣпыхъ басней, такъ какъ ни у одной породы жабъ нѣтъ зубовъ. На зиму жабы погружаются въ спячку, удаляясь въ разныя пустыя подземныя углубленія, или прячась между камнями. Жабы довольствуются весьма скуднымъ питаніемъ, и если сохранять въ тѣлѣ жабы убыль питательныхъ веществъ искусственнымъ задержаніемъ испаренія, то животное можетъ пробыть безъ пищи нѣсколько мѣсяцевъ. Существуютъ издавна сказанія, что жабъ находили живыми рабочіе въ каменьяхъ (разбивая молотомъ эти камни). Оттого-то явилось нелѣпое народное сказаніе, что жабы могутъ самоизвольно родиться въ камнѣ и жить безъ воздуха. Но если жабъ, дѣйствительно, и находили внутри камней, заключенными со всѣхъ сторонъ, то и это явленіе объяснить нетрудно. Находили жабъ въ известковыхъ камняхъ и это потому, что сначала растворенная, а потомъ отвердѣвшая известь заперла дыру въ камнѣ. Въ эту дыру вползла жаба для зимовки, когда природное гнѣздо или углубленіе въ известковомъ камнѣ было еще открыто. Но потомъ (весною) сначала растворенная, а потомъ сгустившаяся известь заперла животному выходъ и оно осталось внутри камня. Но все таки, такъ какъ известковый камень вообще пористъ, то воздухъ могъ извнѣ проходить внутрь камня и жаба плѣнница, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могла дышать, и рабочіе, разбивъ камень, могли найдти жабу живою.

Пипы, къ числу которыхъ принадлежитъ помѣщенная на нашемъ рисункѣ и описанная выше, составляютъ совершенно особую породу жабъ, отличающуюся именно *плоскимъ тѣломъ и оригинальнымъ способомъ процесса дѣторожденія*, тоже описаннымъ выше. Другія же породы жабъ названы зоологами *Бухо* и отличаются выпуклою фигурою тѣла.

Замѣтимъ въ-заключеніе, что *Суринамъ*, гдѣ водится въ изобиліи порода описанныхъ жабъ—находится въ экваторіальной Америкѣ въ Гвіанѣ. Эта колонія отличающаяся плодородіемъ, (хотя не совсѣмъ здоровымъ климатомъ),—колонія, изъ за которой долго спорили между собою англичане, французы и, наконецъ, голландцы.

Парижская Выставка 1878 г.

Въ настоящее время Парижъ, всегда по обыкновенію полный суеты и громаднаго уличнаго движенія, еще болѣе оживленъ и болѣе суетливъ. Начало этого усиленнаго движенія относится къ 1-му мая по новому стилю, съ этого дня открыта въ Парижѣ Всемірная выставка. Въ „Нивѣ" прошедшаго года мы имѣли случай дать нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія объ этой выставкѣ (см. „Ниву" 1877 г. № 7). Въ настоящее время, на основаніи свѣдѣній имѣющихся въ печати, можно сообщить объ этой выставкѣ слѣдующее:

Зданія, въ которыхъ помѣщается всемірная выставка, занимаютъ громадное пространство на Трокадеро и Марсовомъ полѣ, по обѣ стороны р. Сены, соединяясь между собою Іенскимъ мостомъ. Надобно отдать справедливость удачному выбору мѣста; со всѣхъ боковыхъ галлерей открывается восхитительный видъ на Парижъ.

Изъ хаоса, навезенныхъ отовсюду матеріаловъ въ настоящее время на холмѣ Трокадеро и на Марсовомъ полѣ воздвиглись удивительные павильоны, галлереи; выросли изящные парки съ озерами и холмами.

Зданія на Марсовомъ полѣ граничатъ съ одной стороны р. Сеной, съ противоположной—зданіемъ Военной школы (Ecole Militaire); съ боковъ—улицей Вурдонэ и ул. Сюффренъ. Глав-

ный входъ (Vestibule principale) устроенъ со стороны р. Сены Онъ отличается своимъ богатымъ видомъ, своей роскошною отдѣлкой передъ всѣми другими входами. По срединѣ выставки идутъ галлереи изящныхъ искусствъ, прерываемыя въ центрѣ павильономъ города Парижа. Прежде, на мѣстѣ этого павильона предполагался садъ съ кіоскомъ и бассейномъ, но проектъ подвергся измѣненію. Павильонъ сдѣланъ изъ желѣза и стекла, и назначенъ вмѣщать въ себѣ отдѣлы изящныхъ искусствъ, публичныхъ работъ, центральной администраціи, народнаго просвѣщенія, пожарной команды и проч. Все въ немъ относится собственно къ городу или лучше сказать къ префектурѣ Сенскаго департамента.

Для устраненія неизбѣжной монотонности въ длинныхъ галлереяхъ, расположеніе залъ для изящныхъ искусствъ сдѣлано съ выступами и различными углубленіями. Противъ галлерей для изящныхъ искусствъ съ одной стороны идутъ отдѣленія иностранной половины Выставки. Фасады ихъ, отличаясь каждый изъ нихъ своей оригинальностію, тѣсно примыкаютъ одинъ къ другому. За отдѣленіями тянутся иностранныя галлереи машинъ и дополнительныя пристройки, аннексы. Всѣ эти аннексы назначены преимущественно для сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, молочнаго производства и т. п. Предъ ними пестрѣютъ цвѣточныя клумбы, гряды овощей. Зданія аннексовъ представляютъ вторую линію національныхъ фасадовъ и также характеристичны. Каждое зданіе соотвѣтствуетъ своему отдѣлу на главной линіи.

Съ другой стороны залъ для изящныхъ искусствъ идутъ французскій отдѣлъ и галлерея французскихъ машинъ съ дополнительными галлереями машинъ и съ помѣщеніями управленія Выставки, лазарета, почты, телеграфа По бокамъ зданія Выставки находятся рестораны, буфеты. Между ними рестораны Дювала и Ганглова занимаютъ первое мѣсто по своему устройству, отличающемуся большимъ блескомъ и громадностію размѣровъ. Это самые большіе рестораны Марсова поля.

Зданія выставки на другой сторонѣ Сены, на вершинѣ Трокадерскаго холма, хотя и не такъ велики, но за то въ архитектурномъ отношеніи задуманы гораздо тщательнѣе чѣмъ воздвигнутыя на Марсовомъ полѣ. Они переживутъ выставку и составятъ великолѣпное украшеніе Парижа. Центральный дворецъ вмѣщающій въ себѣ между прочимъ театральную залу на 7000 мѣстъ, оканчивается флигелями, изъ которыхъ каждый образуетъ половину эллипсиса. Флигеля эти въ свою очередь заканчиваются башнями и заключаютъ въ себѣ крытую галлерею въ 42 фута ширины. Передъ ними распланирована открытая терраса для гулянья подъ навѣсомъ, придерживающимся колоннами изящной работы. Такая же терраса, но съ болѣе высокими колоннами, окружаетъ центральное зданіе. Отъ подножія ея стремится съ холма водопадъ, ниспадая по уступамъ въ большой бассейнъ. На вершинѣ водопада поставлена группа, представляющая Францію, привѣтствующую четыре страны свѣта. Паркъ Трокадеро вмѣщаетъ въ себѣ кіоски, ротонды, акваріумы, шале, оранжереи.

Познакомивъ читателей приблизительно съ общимъ расположеніемъ выставки, мы даемъ нѣсколько подробностей относительно устройства частей на сколько имѣемъ въ настоящее время подъ рукою данныхъ.

Фасады зданія на Марсовомъ полѣ, и задній и передній сходствуютъ между собою; разница та, что одинъ изъ нихъ, обращенный къ р. Сенѣ, отдѣланъ съ большей роскошью. На углахъ фасады заканчиваются павильонами съ куполообразными крышами. Почти такого же рисунка, какъ и угольные, входные павильоны по срединѣ фасада. Они менѣе вознесены. Въ основѣ арки павильона главнаго входа, Vestibule principale, со стороны Сены устроены хоры, откуда открывается видъ на Трокадеро. Надъ куполомъ павильона главнаго входа поставлены громадные часы съ четырьмя циферблатами и маятникомъ круговаго вращенія, изображающимъ земной шаръ. На право и на лѣво отъ главнаго входа идетъ рядъ щитовъ съ гербами главнѣйшихъ народностей. Подъ каждымъ гербомъ внизу соотвѣтствующая колоссальная статуя, представляющая Россію, Англію, Италію, Грецію и т. д. Передъ фасадомъ, обращеннымъ къ р. Сенѣ, нѣсколько ниже фасада, устроена эспланада, съ холмами, живописно усаженными деревьями, съ прудами, обрамленными неправильныхъ формъ клумбами цвѣтовъ и растеній. Павильонами различныхъ красокъ и очертаній. Двѣ шоссированныя дороги ведутъ на Іенскій мостъ чрезъ Сену. Съ эспланады къ зданію выставки сдѣланы—роскошный подъѣздъ и широкія ступени съ каменными тесаными перилами. Непосредственно отъ главнаго входа, въ ряду отдѣленій иностранной половины выставки, занимаетъ большую часть мѣста Англія. За Англіей слѣдуетъ относительно небольшихъ размѣровъ зала Соединенныхъ Штатовъ, далѣе—Швеція, Норвегія, Италія. Относительно участія на Всемірной Выставкѣ Германіи нѣкоторое время существовали большія сомнѣнія. Германія отказывалась принять участіе на этой Выставкѣ по причинамъ, которыя, впрочемъ, можно объяснить еще неулегшимися и неуспокоившимися между Франціей и ею, отношеніями, вызванными недавней между ними войной; но въ настоящее время Германія рѣшилась принять участіе въ Парижской выставкѣ, причемъ послѣдовало обоюдное, между ею и Франціею соглашеніе не помѣщать на выставкѣ картинъ, относящихся ко времени франко-прусской войны.

Фасадъ итальянскаго отдѣла сдѣланъ изъ terra cotta съ великолѣпными орнаментами и невольно приковываетъ вниманіе. За Италіей—Японцы построили удивительныя ворота изъ цѣльнаго ясеня, въ видѣ огромныхъ лакированныхъ бревенъ. Китайцы нарѣзали и накрасили на своемъ фасадѣ великое множество различныхъ фигуръ, съ изображеніями рыбъ, драконовъ, тигровъ. За Китайскимъ отдѣломъ красуется фасадъ въ мавританскомъ стилѣ, принадлежащій Испанскому отдѣлу. Австро-Венгрія соорудила длинную колоннату съ арками и статуями подъ ними. Русскій фасадъ, представляющій деревянную избу съ теремами и башенками, безпристрастно говоря, одинъ изъ лучшихъ, особенно выигрывая отъ сосѣдства съ полнымъ безвкусія фасадомъ Швейцаріи—состоящаго изъ рѣшетокъ и перилъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, подъ небольшой колокольней, имѣющій видъ гриба на тоненькомъ стебелькѣ. Все изъ тесанаго камня, съ мраморными колоннами. Чудными орнаментами и фронтономъ съ изящными медальонами, возвышается роскошный фасадъ Бельгіи, стоющій, бакъ говорятъ, до 2 мил. Фасадъ Греціи напоминаетъ собой лучшій архитектурный стиль новыхъ аѳинскихъ построекъ. Фасады Анама. Туниса, Персіи такъ тѣсны между собою, что ихъ трудно отличить одинъ отъ другого. Португальская постройка представляетъ богатство лѣпной работы. Фасадъ Голландіи строгій и мрачный.

Изъ аннексовъ, отдѣльныхъ построекъ, прежде всѣхъ бросается въ глаза пестрый куполъ португальскаго аннекса съ яркими желтыми и синими квадратиками, составляющими крышу, увѣнчанную короной. Русскіе имѣютъ два аннекса—сарайчикъ съ стеклянной крышей и замѣчательно типическимъ фронтономъ въ видѣ полукруга съ орломъ на верху и миніатюрную избушку. Аннексъ Бельгіи съ башенками и стрѣльчатыми куполами. Далѣе слѣдуютъ другіе аннексы, пока не встрѣчается громадное англійское отдѣленіе, въ видѣ простой темнозеленой галлереи, наполненной множествомъ преносодныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Тутъ лучшіе экземпляры паровыхъ плуговъ, молотилокъ, жатвенныхъ машинъ, сѣялокъ. Всюду имена Бургеса, Говарда, Рансома, Симса и т. п.

Самые большіе рестораны, какъ сказано выше — Дюваля и Ганглова. Они могутъ вмѣщать въ себѣ до 2 тысячъ человѣкъ. При входѣ въ нихъ прежде всего дается карта, затѣмъ по занятіи мѣста подаютъ приборъ (5 сантимовъ) и карту кушаній съ цѣнами. Обыкновенно выборъ большой. Цѣны довольно умѣренныя: супъ 20—25 сант., мясное блюдо 35—70 сант., дессерты 20—30 сант. Полбутылки вина обыкновеннаго 45, бутылка высшаго сорта вина отъ 1 ф. 10 сант. до 4 фр. Гарсонъ отмѣчаетъ на картѣ точку противъ поставленной печатной цифры взятаго кушанья; карта эта предъявляется въ кассѣ, гдѣ по ней подводится итогъ, принимаются деньги и на ней кладется штемпель. При выходѣ карта эта передается контролеру. Обѣдъ стоитъ около 2 фр. 50 сант, (около 1 руб.). Въ Трокадеро замѣчательны рестораны Испанскій, Американскій и Англійскій. Въ свое время мы потщимся доставить читателямъ обстоятельныя свѣдѣнія о Выставкѣ, т. е. о ея внутреннемъ содержаніи, которое пока еще не выяснилось. Теперь мы скажемъ, что на постройку зданій Марсова поля, не считая отдѣльно стоящихъ построекъ, употреблено болѣе милліона пудовъ желѣза. Расходовъ на предпріятіе по декрету 18 октября 1876 года было разсчитано 35 милліоновъ франковъ (точно: 35,314.000), доходы оцѣнены въ 25 милл., государство доплачиваетъ 10 милл.

1-го ноября прошлаго года сенаторъ Кранцъ представилъ слѣдующій балансъ:

Общіе расходы (администрація, награды, праздники) 5,495 т. франк. Работы лѣваго берега 23,850 т. фр., работы праваго берега 11,450 т. фр., непредвидѣнныхъ и дополнительныхъ работъ 4,000 т. фр. Итого 44,795 т. фр., т. е. передержки около 9½ мил, фр. Но въ дѣйствительности этой передержки не будетъ. Лишніе 3 милл., истраченные на Трокадеро, заплатитъ г. Парижъ, а съ другой стороны приходъ увеличился сверхъ предположенія и представляетъ цифру minimum въ 33.865 т. франковъ.

Недавно опредѣленъ былъ составъ коммисіи жюри, и нашему отечеству, какъ говорятъ, отведено очень скромное мѣсто, второе съ конца, по числу представителей. Общее число экспертовъ раздѣлено по различнымъ государствамъ слѣдующимъ образомъ: Франціи—300, Англіи—76, Австріи—50, Бельгіи—40, Америки—33, Италіи—27, Испаніи—26, Швейцаріи—26, Россіи—25 и Китая—3.

Ор.

Городъ Обдорскъ и его область.

Видъ г. Обдорска.

Лишь только путешественникъ приближается къ 62 градусу сѣверной широты, то его тотчасъ же поражаетъ видоизмѣненіе сибирскаго ландшафта; растительность проявляется здѣсь уже не въ видѣ дремучихъ непроходимыхъ тайгъ, состоящихъ изъ огромныхъ сосенъ, кедровъ, лиственницъ, ели и пихты, но ползетъ по тундрѣ въ формѣ одинокихъ сосенъ и березокъ. Далѣе мѣстность становится еще безотраднѣе, еще пустыннѣе и холодная почва едва способна чтобы производить тощіе кустики осинника. За Обдорскомъ и эта жалкая растительность окончательно исчезаетъ, и между ледяными кочками кой-гдѣ пробивается одна лишь щетинистая, бѣлесоватая травка. Здѣсь въ тундровыхъ прибрежьяхъ Ледовитаго океана и въ трясинахъ, зыбунахъ, болотахъ по Оби и ея притокамъ лишь одинъ олень, запряженный въ легкія нарты можетъ пролагать путь и такіе пути, идущіе зигзагами въ разныхъ направленіяхъ, называются въ народномъ говорѣ не иначе какъ олеными дорогами. Тутъ кругомъ постоянно царитъ глубокая, мертвящая, ужасающая тишина, изрѣдка лишь нарушаемая или лаемъ одинокаго песца, или крикомъ бѣлой совы. Въ этихъ широтахъ сонная и мутноводная Обь вскрывается не ранѣе іюня, а въ августѣ земля уже снова покрывается снѣжнымъ покровомъ. Солнце здѣсь постоянно свѣтитъ тускло и скупо грѣетъ, и небо туманно и облачно. Около мыса Хе, 400 верстъ ниже города Обдорска, вся растительность состоитъ уже изъ одного грубаго мха. Здѣсь на берегу Сѣвернаго океана, по безжизненнымъ тундрамъ, жалкія племена Самоѣдовъ и Тунгусовъ влачатъ свое тупое, безотрадное, почти скотское существованіе. Питаясь исключительно рыбой, доставляемой имъ въ изобиліи океаномъ. Но оставимъ эту печальную гиперборейскую область—эту грань міра, жизни и творенія и вернемся къ городку Обдорску, въ которомъ еще замѣтно біеніе жизненнаго пульса и гдѣ среди суровой природы, человѣкъ хотя и съ трудомъ, но все таки проявляетъ свои способности и стремится къ совершенствованію. Обдорскъ по самоѣдски Сане-Харатъ, т. е. мысъ-городъ, отстоитъ отъ Березова въ 375 верстахъ и расположенъ на правомъ, высокомъ берегу рѣки Полуя, близъ ея впаденія въ Обь. Основанный въ 1595 году этотъ городокъ имѣетъ нынѣ до 200 жителей обоего пола, большею частью тобольскихъ и березовскихъ мелкихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Въ лѣтнюю пору всѣ жители Обдорска выселяются съ своими семействами на рыбные промыслы, на дальній сѣверъ и всѣ дома городка, которыхъ здѣсь, мимоходомъ сказать, не болѣе полусотни, заколачиваются на глухо до осени, когда съ замерзомъ рѣкъ рыболовы-хозяева съ богатой добычей возвращаются къ родному очагу.

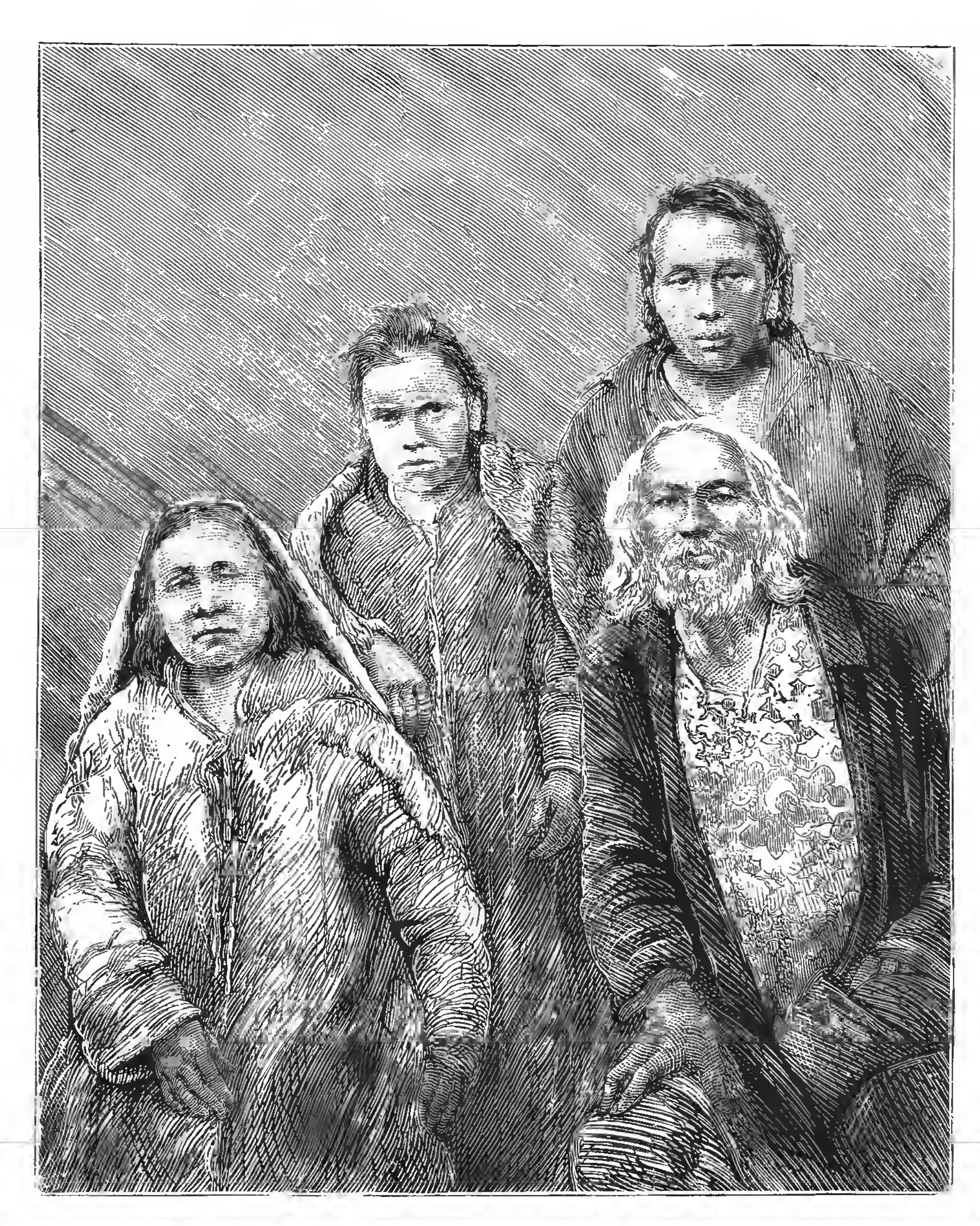

Лапландская дѣвушка.

Лапландская женщина.

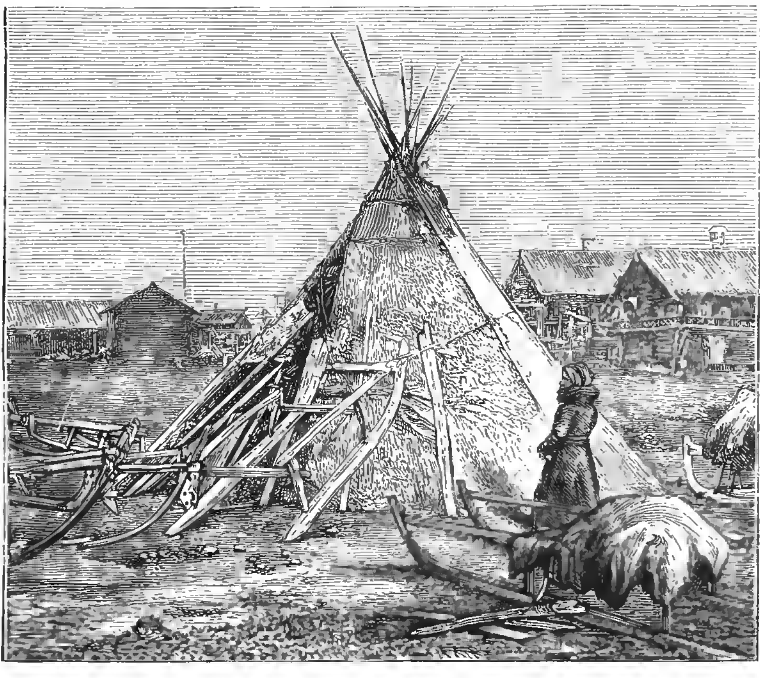
Конечно, исторія Обдорска со времени его основанія, какъ пустыннаго, дальняго поселенія не можетъ быть богата событіями особенной важности. Окруженный при началѣ деревянными укрѣпленіями и башнями, уничтоженными въ 1807 г. по совершенной ихъ безполезности, этотъ городокъ составляетъ нынѣ особое земское отдѣленіе Березовскаго округа, и его тихая, безмятежная жизнь лишь однажды въ году необычайно оживляется, и все населеніе городка начинаетъ тогда суетиться и хлопотать, принимая многочисленныхъ гостей самыхъ разнообразныхъ народностей и типа, стекающихся сюда для обмѣна своихъ мѣстныхъ произведеній. Это горячее время для Обдорска настаетъ съ начала въ немъ ярмарки, т. е. съ 20 го декабря, и продолжается до половины января, такъ что, попавъ въ это время въ Обдорскъ, невольно изумляешься, откуда могла взяться жизнь и движеніе въ этомъ вѣчно-пустынномъ уголкѣ дальняго сѣвера. На Обдорской ярмаркѣ постоянно кишитъ до 10,000 человѣкъ какъ инородцевъ такъ и русскихъ торговцевъ, а амбаровъ для храненія товаровъ строится здѣсь болѣе сотни. Товары эти привозятся заблаговременно лѣтомъ на судахъ, приплывающихъ въ Обдорскъ изъ Тобольска и состоятъ преимущественно въ ржаной мукѣ, табакѣ, сукнахъ яркихъ цвѣтовъ, красномъ товарѣ и въ разныхъ металлическихъ, какъ крупныхъ такъ и мелкихъ издѣліяхъ. Всѣ эти продукты рабочаго труда и цивилизаціи обмѣниваются здѣсь на естественныя произведенія, которыя въ изобиліи доставляются сюда сибирскими инородцами, причемъ, конечно, всѣ выгоды обмѣна остаются на сторонѣ русскаго торговца, съумѣющаго ловко надуть добродушнаго ди-

Старшина изъ племени Обскихъ самоѣдовъ съ тремя туземцами.

Русскій лоцманъ изъ деревни Варандеи.

Остяцкая деревня и палатка самоѣдовъ.

каря—остяка или самоѣда. Обдорскъ, поселеніе дальней Сибири, по отзыву всѣхъ путешественниковъ, довольно красиво, особенно когда смотришь на него со стороны рѣки, откуда видна какъ на ладони его изящная деревянная церковь и группа чистенькихъ деревянныхъ домиковъ. Эта приходская церковь построена во имя апостоловъ Петра и Павла и изображенная на нашемъ рисункѣ, въ числѣ другихъ церковныхъ принадлежностей хранитъ, между прочимъ, какъ драгоцѣнность, принесенные ей въ даръ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Гасфортомъ, посѣтившимъ Обдорскъ въ 1853 г., Евангеліе въ серебряномъ окладѣ и серебряный вызолоченный крестъ. Кромѣ этого приходскаго храма существуетъ здѣсь походная церковь здѣшней миссіи, имѣющей своей высокою цѣлью обращеніе въ христіанство здѣшнихъ инородцевъ остяковъ и самоѣдовъ, и эту церковь переносятъ въ самые отдаленные мѣста инородческихъ стойбищъ. Въ Обдорскѣ же учреждена миссіонерская школа, въ которой обучаются остяцкіе и самоѣдскіе мальчики. Но нужно сознаться, что не смотря на всѣ усилія миссіонеровъ, христіанство распространяется въ средѣ инородцевъ весьма медленно и что по быту и по образу мыслей здѣшніе и крещенные Остяки и Самоѣды остаются по прежнему язычниками.

Для доказательства этой истины достаточно хоть поверхностно познакомиться съ обычаями и вѣрованіями какъ одного, такъ и другого племени. Остяки значительно развитѣе самоѣдовъ. Они живутъ уже не въ чумахъ, этихъ человѣческихъ жилищахъ самаго первобытнаго типа, но въ деревянныхъ юртахъ или бревенчатыхъ хижинахъ, которые они строятъ преимущественно въ лѣсахъ по близости рѣкъ, такъ какъ лѣтомъ Остякъ исключительно занимается рыбной ловлей, а зимой отправляется въ тайгу на охоту за звѣремъ. Остяки тихи, скромны, молчаливы, услужливы, честны и гостепріимны. На женщинахъ у нихъ лежитъ исполненіе всѣхъ тяжелыхъ работъ и жена работаетъ до поту лица въ глазахъ мужа, спокойно сидящаго на полу поджавъ ноги, флегматически покуривающаго трубочку и сонно глядящаго на огонекъ, такъ какъ у него еще есть запасъ хлѣба и водки и потому, по его мнѣнію, работать нѣтъ никакой надобности. Число крещенныхъ остяковъ не превышаетъ 2,000, но всѣ они христіане болѣе по имени. Верховнымъ божествомъ все таки остается у нихъ *Торымъ*, при чемъ они боготворятъ еще множество разныхъ другихъ мелкихъ божковъ добрыхъ и злыхъ и не перестаютъ питать суевѣрное уваженіе къ горамъ, камнямъ и деревьямъ. Такъ они купаются въ морѣ для общенія съ водянымъ божествомъ, бросаютъ въ воду для него куски металловъ и даже топятъ ему въ жертву оленей—единственное свое имущество. Остякъ христіанинъ хотя и оказываетъ знаки уваженія православному священнику, но притомъ не забываетъ и своего шамана, который остается его постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ. Въ заключеніе же можно сказать объ Остякахъ, что при всемъ умственномъ мракѣ, грубости и нищетѣ этого племени, все таки оно находится въ лучшемъ положеніи, нежели истинно жалкіе, истинно несчастные Самоѣды.

Самоѣды были извѣстны русскимъ еще въ XI вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтопись Нестора, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они и нынѣ ничѣмъ не разнятся отъ первобытнаго своего типа. Живутъ они какъ дикари, въ грязныхъ чумахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ трехсаженныхъ шестовъ, заостренныхъ съ одного конца, а съ другого сведенныхъ въ одно общее гнѣздо. Лѣтомъ эта утлая основа покрывается берестой, а зимой оленьими шкурами. Что же касается до способа ихъ питанья, то онъ совершенно гармонируетъ съ другими ихъ привычками первобытнаго человѣчества; теплую оленью кровь они пьютъ чашками, а мясо ѣдятъ сырое, ловко отрѣзывая его ножемъ у самаго рта, оставляя женщинамъ и дѣтямъ одни голые, безобразные оглодки. Они придерживаются многоженства и слѣдуя преданіямъ древняго шаманства, признаютъ, что верховное божество Нумъ, сотворившій небо и землю и до сихъ поръ управляетъ всѣмъ міромъ и приносятъ ему въ жертву бѣлыхъ оленей. Для огульныхъ жертвоприношеній избирается преимущественно островъ Вайгачъ на Бѣломъ морѣ, считающійся священнымъ какъ у Самоѣдовъ, такъ и у Остяковъ и называемый ими Хоіадея, т. е. страна кумировъ. Мелкіе же кумирчики Самоѣдовъ, или такъ называемые Хоче, не пользуются особенно большимъ почетомъ и ихъ даже очень часто сѣкутъ за неисполненіе своихъ прямыхъ обязанностей. Самоѣдки находятся еще въ болѣе униженномъ и угнетенномъ состояніи, нежели Остячки, такъ какъ женщина, по убѣжденію Самоѣда—существо нечистое, и всякій предметъ, чрезъ который она переступитъ, требуетъ немедленнаго очищенія. Для родильницъ же всегда отводится особый, такъ называемый, нечистый чумъ. Страсть къ пьянству у Самоѣдовъ почти повальная и не бываетъ пирушки, на которой бы гости не перепились до безумія и не передрались бы до полусмерти. Кромѣ того это бѣдное племя замѣчательно неряшливо и нечистоплотно и вслѣдствіе этого разнаго рода накожныя болѣзни свирѣпствуютъ здѣсь повсемѣстно и конечно по недостатку врачей и по невѣжеству мѣстныхъ докторовъ-шамановъ эти болѣзни грозятъ современемъ окончательно уничтожить и безъ того слабосильное племя.

Рисунки, приложенные къ нашей статейкѣ, а именно видъ Обдорска и типы инородцевъ, заимствованы нами изъ иллюстраціи къ путешествію на нашъ сѣверъ англійскаго моряка капитана Виггенса, который воднымъ путемъ добрался до города Енисея и кромѣ того объѣхалъ все прибрежье океана, населенное самоѣдскимъ племенемъ. Встрѣтивъ въ Енисеѣ самый радушный пріемъ, Виггенсъ поѣхалъ обратно тѣмъ же открытымъ имъ путемъ, захвативъ съ собою большой грузъ мѣстныхъ произведеній и унося съ собою гордое сознаніе, что ему отчасти тоже удалось сблизить путь торговыхъ сношеній между своей родиной и такимъ богатымъ и во всемъ изобильнымъ краемъ, какимъ по справедливости слыветъ наша Сибирь. О путешествіи Виггенса мы, между прочимъ, имѣли уже случай упомянуть, говоря объ открытіи воднаго пути изъ Сибири въ Европу. (См. „Ниву“ 1878 г. № 4).

А. Н.

Обѣденная пора.

(Рисунокъ Кнауса).

Говорить о достоинствахъ художественныхъ произведеній Кнауса, значило бы повторять то, что давно извѣстно. Достаточно упомянуть имя этого знаменитаго художника—и произведеніе, по поводу котораго будетъ упомянуто это имя, уже получитъ общій интересъ.

Для тѣхъ, кто знакомъ съ работами г. Кнауса, нѣтъ надобности и вспоминать его имя: произведеніе само скажетъ имя своего творца. Нужно замѣтить, что это свойство имѣютъ большая часть художественныхъ произведеній и стоитъ только нѣсколько поглубже зайти въ міръ искусства, чтобы получить способность узнавать автора произведенія по присущимъ ему особенностямъ, по манерѣ писать, по выбору сюжетовъ, по тонамъ красокъ и т. д.

Произведенія г. Кнауса замѣчательны и нѣжностію тоновъ и прелестью всѣхъ частностей, не говоря уже объ удивительной правильности рисунка.

Помѣщенное въ этомъ номерѣ произведеніе знаменитаго художника изображаетъ обѣденную пору, когда богатое аппетитомъ пернатое населеніе фермы получаетъ порцію вкусной пищи отъ щедротъ заботливой ихъ попечительницы.

Политическія и внутреннія извѣстія

Въ срединѣ и концѣ недѣли Пасхи положеніе дѣлъ отличалось прежнею неопредѣленностью. Шансы мирнаго исхода дѣла уменьшились еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Британія выразила рѣшимость *послать свой броненосный флотъ* (изъ 20 броненосцевъ) въ Балтійское море. Мы остановились у самыхъ воротъ Константинополя; но это не помѣшало Англіи занять Дарданеллы и Босфоръ, хотя не за долго передъ тѣмъ, даже наканунѣ того, Лондонскій кабинетъ и увѣрялъ насъ, что никакой враждебной демонстраціи со стороны Англіи не будетъ.

Тысячу первый разъ Англія явилась вѣроломною, хотя тысячу первый разъ увѣряла насъ въ своей искренности. Событія доказали, что для англійскаго своекорыстія не существуетъ никакихъ границъ...

Нашъ Санъ-Стефанскій договоръ нисколько не уважается шовинистскою Англіей; онъ, въ лицѣ Биконсфильда, и, какъ увидимъ ниже, министра *Гарди*, безусловно осуждается; Австро-Венгріею, конечно, тоже по причинамъ яснымъ для каждаго; Франція и Италія совершенно безучастны къ нашему договору тамъ, гдѣ онъ не касается выгодъ той и другой державы, и лишь коснется выгодъ—такъ та и другая (Франція и Италія) готовы возстать во всеоружіи противъ договора и его результатовъ; особенно это нужно сказать относительно Италіи. Остается одна Германія, слабо примыкающая къ Санъ-Стефанскому договору со стороны вытекающихъ изъ него интересовъ гуманности и общеевропейскаго блага; но сильнѣе и усерднѣе хлопочущая о мирномъ соглашеніи на основаніи другихъ мотивовъ, кромѣ гуманныхъ. Князь Бисмаркъ, этотъ всемогущій кормчій Германіи *заболѣлъ*, одновременно съ нашимъ государственнымъ канцлеромъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Горчаковымъ. Такимъ образомъ теченіе европейскихъ дѣлъ, несомнѣнно замедлилось неожиданною остановкою энергіи и дѣятельности первоклассныхъ государственныхъ людей Европы.

Обратимся къ нашимъ административно-военнымъ новостямъ.

Главнокомандующій дѣйствующею арміей, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій и Главнокомандующій Кавказскою арміею, произведены въ генералъ-фельдмаршалы, первый съ увольненіемъ по болѣзни, согласно его желанію, отъ должности главнокомандующаго дѣйствующею арміей и съ оставленіемъ, затѣмъ, обоихъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ должностяхъ и званіяхъ.

Генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ Тотлебенъ назначается главнокомандующимъ дѣйствующею арміей, со всѣми правами, властью и преимуществами, главнокомандующему въ военное время предоставленными, и съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ Непокойчицкій, назначается членомъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ членомъ военнаго совѣта, въ званіи генералъ-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ. Генералъ-лейтенантъ князь Имеретинскій—начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Вмѣстѣ съ симъ генералъ-адъютантъ *Лорисъ-Меликовъ* возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи.

Турки весьма плохо соблюдаютъ условія мирнаго договора. Они не очищаютъ, какъ того требовала Россія, крѣпостей Варны и Шумлы и укрѣпляютъ Буюкъ-Дере.

Въ Родопскихъ горахъ происходятъ ожесточенныя сраженія между турками и инсургентами. Скрывшіеся здѣсь турки составляютъ остатки арміи Сулеймана-паши и удалились сюда въ концѣ прошлаго года, во время перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы.

Переговоры между пашею главною квартирою и начальствомъ англійскаго флота *относительно удаленія войскъ обѣихъ сторонъ отъ Константинополя* (остановившіяся было на праздникахъ) въ концѣ прошлой недѣли начались вновь.

Въ Индіи Британское правительство сосредоточило всю свою энергію на приготовленіи къ войнѣ. Всѣ туземные индѣйскіе полки оно стремилось довести, за прошлыя недѣли, безъ промедленія, до полной полевой численности. На оружейныхъ заводахъ шла работа день и ночь, не прерываясь даже по воскресеньямъ.

Въ ознаменованіе признательности къ подвигамъ нашихъ войскъ въ войну противъ турокъ въ 1877 и 1878 г. установлена медаль, для ношенія на груди, на лентѣ, составленной изъ Андреевской и Георгіевской. Медаль эта, свѣтлобронзовая—жалуется всѣмъ чинамъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, темнобронзовая—лицамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, но въ боевыхъ дѣйствіяхъ не бывшимъ, и серебрянная—собственно тѣмъ, которые состояли въ войскахъ, защищавшихъ перевалъ на Шипкѣ и находились въ Баязетѣ во время осады.

Въ-заключеніе сообщаемъ, что С.-Петербургскій градоначальникъ генералъ-адъютантъ Треповъ, произведенъ въ чинъ генерала отъ кавалеріи съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

Правительственныя сообщенія.

Принимая въ соображеніе: что по силѣ 121 статьи *Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій* (изд. 1876 г.) запрещаются сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ; что по 243 статьѣ того же закона запрещается всѣмъ и каждому: носить оружіе (кромѣ тѣхъ, кому законъ то дозволяетъ или предписываетъ), а также не стрѣлять въ домахъ, дворахъ, на улицахъ и площадяхъ; что не смотря на точныя указанія закона, въ обществѣ распространены превратные толки объ обязанностяхъ полиціи противодѣйствовать нарушителямъ общественнаго спокойствія, —Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ объяснить во всеобщую извѣстность, что дѣйствующими законами повелѣно: 1. Когда соберется народъ въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ, то полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ, а въ случаѣ нужды требовать содѣйствія отъ мѣстныхъ батальоновъ или командъ (Уст. о пред. и пресѣч. прест. изд. 1876 г.). 2. Полиція имѣетъ надзоръ, чтобы никто, въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ, ничего не предпринималъ. Она пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную (тамъ же статья 129). 3. Въ случаѣ покушенія, клонящагося къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ губернское правленіе и губернатора, не допускать приведенія таковаго покушенія въ исполненіе и смирить нарушителя покоя по мѣрѣ данной ей власти, въ чемъ всякъ, по силѣ и возможности, обязанъ ей содѣйствовать (тамъ же статья 130). 4. Полиція наблюдаетъ, чтобы благочиніе, добронравіе, порядокъ и все предписанное закономъ для общей и частной пользы было исполняемо и сохраняемо, а въ случаѣ нарушенія приводить всякаго, не смотря на лицо, къ исполненію предписаннаго закономъ (тамъ же статья 131).

Смѣсь.

Видъ земли съ луны. Если бы на лунѣ были жители, то они видѣли бы на своемъ небѣ колоссальную звѣзду, постоянно стоящую на одномъ мѣстѣ. Эта звѣзда—земля; она казалась бы въ двѣнадцать разъ больше солнца, и появлялась бы *полноземліемъ, полу-земліемъ, ново-земліемъ, первой четвертью*, и т. д. Тѣ изъ жителей луны, которые жили бы въ центрѣ видимаго съ земли круга луны, постоянно видѣли бы землю на зенитѣ въ формѣ большого неподвижнаго небеснаго тѣла, среди другихъ движущихся звѣздъ. Жителямъ другихъ пунктовъ луны, земля была бы видима подъ угломъ, увеличивающимся по мѣрѣ отдаленія центра отъ луннаго диска.

Жителямъ луны земля должна представляться гораздо красивѣе, чѣмъ намъ луна; земля давала бы имъ свѣтъ въ тринадцать разъ сильнѣе того, что мы имѣемъ отъ луны во время полнолунія; въ своемъ суточномъ вращеніи вокругъ своей оси, она каждой своей точкой обращалась бы къ лунѣ. Земля непремѣнно должна казаться съ луны нѣсколько зеленоватаго цвѣта, вслѣдствіе громадности пространства, занимаемаго на ней водой и насыщенной водой атмосферы. Однако, отъ времени до времени на ней показывались бы широкія желтыя или сѣрыя полосы. На восточной сторонѣ земного диска сначала выяснились бы легкіе контуры Кордильеровъ, въ видѣ длинной цѣпи *); потомъ далѣе появилось бы на нѣсколько часовъ большое зеленое пространство, это—великій океанъ. Затѣмъ виднѣется два сѣрыхъ пятна, тѣсно граничащихъ другъ съ другомъ—Новая Зеландія; дальше выступаетъ Австралія, вмѣстѣ съ Борнео, Явой и Филиппинскими островами. За этимъ слѣдуетъ сѣрая гигантская Азія, съ своими бѣлыми степями на сѣверѣ. Вотъ и Африка, съ бѣловатой Сахарой, какъ бы перерѣзывающей ее; къ сѣверу отъ нея зеленая поверхность—Средиземное море; за нимъ сѣрая Европа. Теперь твердая земля исчезаетъ и открывается почти безконечный Атлантическій океанъ. Великолѣпная панорама!

Земля могла бы служить для жителей луны лучшимъ хронометромъ, вслѣдствіе ея равномѣрнаго движенія, она показывала бы время точнѣйшимъ образомъ. На лунѣ, вмѣсто того, чтобы сказать, напримѣръ: „девять часовъ“, могли бы говорить: „три четверти Абиссиніи“, вмѣсто „сейчасъ будетъ столько-то“—„Франція, вмѣсто „двѣнадцать часовъ ночи“—„Римъ“, и т. д.

Земля съ успѣхомъ замѣнила бы также и календарь, потому что, какъ уже сказано, она является въ различныхъ фазахъ. Когда у насъ полнолуніе, на лунѣ „ново-земліе“, и наоборотъ. Мы видимъ то полную луну, то ея части, тогда какъ съ луны дискъ земли всегда представляется полнымъ; измѣняется только сила свѣта. Между тѣмъ какъ на лунѣ все представляется намъ въ спокойномъ равномѣрномъ свѣтѣ, на землѣ происходитъ безпрестанное измѣненіе свѣта, даже окружающая ее атмосфера находится въ постоянномъ движеніи. Одинъ день земля закутана облаками, и на лунѣ видятъ одинъ ровный бѣлый свѣтъ; на другой день воздухъ чистъ и прозраченъ: весь кругъ кажется тогда чудесной мозаикой; великолѣпный зеленый цвѣтъ чередуется съ другими, отчетливо выступающими пятнами.

Изъ этого движенія и вѣчной измѣнчивости жители луны заключили бы пожалуй, что земля необитаема. Судя по ихъ планетѣ, они даже непремѣнно должны бы были такъ думать, такъ какъ сами они жили бы въ вѣчно одинаковой атмосферѣ. Они могли бы думать, что никакое живое существо не можетъ выдерживать тяжесть земной атмосферы? Какъ можетъ существовать что-либо живое на этихъ безконечныхъ зеленыхъ пространствахъ земли, на водѣ? Вообще развѣ возможна жизнь на планетѣ, которая вертится съ такой непостижимой скоростью! Кромѣ того всѣ существа на землѣ должны бы быть лишены всякаго вѣса, иначе какъ же могли бы онѣ держаться между неподвижными и подвижными элементами: слѣдовательно—заключилъ бы по своей логикѣ обитатель луны—земля *должна* быть необитаема.

Въ Ташкентъ присланъ изъ Каракола интересный экземпляръ ствола дерева, называемаго аса-муса, т. е. въ русскомъ переводѣ: „посохъ Моисея“. По туземнымъ преданіямъ Моисей посохомъ именно изъ этого дерева извлекъ воду изъ скалы, во время странствованія израильтянъ по пустынѣ. Такимъ же посохомъ, во время перехода евреевъ черезъ Чермное море, онъ раздѣлилъ воды; вслѣдствіе этого туземцы считаютъ это растеніе священнымъ и употребляютъ его на дѣланіе посоховъ мулламъ. Достойно вниманія одно изъ качествъ этого дерева: когда растеніе стоитъ на корню, оно весьма хрупко, такъ что для сломки его не нужно никакого инструмента, можно прямо ломать руками, а при срѣзываніи оно свободно поддается простому ножу; но когда стволъ высохнетъ, оно дѣлается твердымъ до такой степени, что тоненькую палочку, въ діаметрѣ менѣе 1/2 вершка, почти невозможно переломить. При употребленіи на дрова, аса-муса или посохъ Моисея даетъ много пламени и сильный жаръ. Оно растетъ въ горахъ Тяньшаня, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть ключи (сазъ).

*) Какъ намъ видѣются лунные Карпаты къ западу отъ озера Буръ.

Рис. Кившенко, грав. Рашевскій.

Раненый воинъ.

Съ милою женою
Воинъ разставался,
Бодро, безъ печали
Въ городъ возвращался.

Можетъ быть на сердцѣ
И щемило горе,
Да не выдалъ въ словѣ,
И спокойномъ взорѣ!

Пѣлъ онъ громко пѣсни,
Да шутилъ—смѣялся,
Съ орденомъ вернуться
Съ боя обѣщался.

Прибылъ въ полкъ свой воинъ,
Тамъ ужь все готово;
Царскаго лишь только
Ожидали слова.

Наступило время—
Изъ родного края
Двинулося войско
Къ берегамъ Дуная.

Жаркое, большое
Началося дѣло..
Шелъ онъ въ бой ужасный,
Шелъ спокойно, смѣло!

Сыпалися пули,
Кровь лилась рѣкою,
Мѣтился онъ въ турокъ
Твердою рукою.

Уложилъ удалый
Османлисовъ много...

Вдругъ проклятой пулей
Раздробило ногу.

Скоро бой горячій
Подошелъ къ развязкѣ...
И поползъ нашъ воинъ
Тихо къ перевязкѣ.

— Что, братъ, сильно раненъ,
Пуля, знать, свалила?
— Нѣтъ, сказалъ смѣясь онъ.
Только укусила.

Ни слезы, ни вздоха—
Словно нѣтъ и боли...
Боже, сколько силы,
Сколько крѣпкой воли!

Царства-исполина—
Руси, рать святая!
Честь тебѣ и слава,
Слава вѣковая!

Слава, что страдальцамъ,
Вынесшимъ невзгоду,
Ты даруешь счастье,
Радость и свободу!

И теперь, и прежде—
Съ братскою любовью,
Многихъ ты спасала
Собственною кровью!

Честь тебѣ и слава,
Слава вѣковая—
Царство безъ предѣла,
Русь моя родная!

А. Кругловъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Истинный, настоящій міръ, въ которомъ мы живемъ, есть наше сердце. Все, что оно въ себѣ хранитъ—дѣйствительность. Стремленіе же къ тому, что внѣ его—туманъ, сонъ, развѣвающійся, какъ дымъ. (*Гутервекъ*).

Вихремъ мчатся мимо насъ годы. Мы не видимъ, откуда прилivъ, и не знаемъ, куда онъ стремится—видимъ какъ годы проходятъ, но не замѣчаемъ, какъ мы сами измѣняемся; время же между тѣмъ мало по малу похищаетъ силы человѣка, какъ вихорь общипываетъ листья съ деревьевъ. (*Вальтеръ-Скоттъ*).

Я зналъ одну женщину, немножко гордую, которая клялась, что не выйдетъ замужъ ни за священника, ни за протестанта, ни за ирландца, и кончила тѣмъ, что вышла замужъ за ирландскаго протестантскаго священника. (*Франклинъ*).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Дозволено цензурою СПБ. 28 Апрѣля 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 19 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 8 Мая 1878 г.

Зданіе Института въ Парижѣ.

Подъ общимъ названіемъ Института Франціи разумѣются въ настоящее время *пять академій*, соединенныхъ вмѣстѣ, въ *изящной литературы*; 3) *Академія Наукъ*; 4) *Академія Изящныхъ искусствъ*, и 5 *Академія политическихъ и нравственныхъ*

Видъ зданія Парижской Академіи наукъ, искусства и литературы. Рис. Меоль, грав. Дерой.

одномъ великолѣпномъ зданіи. Названія этихъ академій слѣдующія: 1) *Французская Академія*; 2) *Академія надписей и* *наукъ*. При Бурбонахъ и Луи-Филиппѣ этимъ академіямъ, за исключеніемъ 1-й, былъ усвоенъ эпитетъ „Королевскихъ“.

Первая французская академія основана кардиналомъ Ришелье. У Ришелье былъ фаворитъ, нѣкто Боароберъ, большой поклонникъ литературы и отчасти поэтъ. Вотъ этотъ-то Боароберъ иногда посѣщалъ кружокъ писателей. Въ этомъ кружкѣ разбирались и комментировались всѣ выдающіяся явленія тогдашней французской литературы. Нескромный Боароберъ какъ-то въ минуту откровенности сообщилъ Ришелье о собраніяхъ литературнаго кружка. Проницательный кардиналъ сейчасъ сообразилъ, что, кромѣ политики, онъ еще обезсмертитъ свое имя покровительствомъ наукѣ и литературѣ. Онъ сейчасъ же поручилъ Боароберу - предложить товарищамъ—не согласятся ли они принять покровительство его эминенціи и сдѣлать свои собранія изъ частныхъ и интимныхъ оффиціальными и общественными съ особымъ уставомъ, съ правами и привиллегіями. Когда Боароберъ сообщилъ товарищамъ предложеніе Ришелье— тѣ выслушали его почти съ огорченіемъ, такъ какъ съ этихъ поръ ихъ собранія уже теряли для нихъ интимный характеръ. Но дѣлать было нечего. Отклонить покровительство Ришелье значило оскорбить его и подвергнуться большой опасности. Явилась 1-я Французская академія. Число ея членовъ было сначала незначительно (до 40). Въ іюлѣ 1638 г. новое учрежденіе получило санкцію. Затѣмъ были учреждены въ 1663 и 1666 годахъ и другія академіи или, точнѣе, особыя отдѣленія общаго учрежденія. Въ началѣ существованія Академіи засѣданія ея происходили на частномъ помѣщеніи одного изъ членовъ академіи, именно Конрарда, занимавшаго постъ королевскаго секретаря и только при Людовикѣ XIV засѣданія начали происходить въ Луврѣ.

Въ такомъ состояніи находилось это учрежденіе до бурнаго времени великой французской революціи, до 1792 года. Въ этотъ годъ всѣ академіи прекратили свое независимое другъ отъ друга существованіе и соединены въ одно цѣлое, не носившее, однако, опредѣленнаго названія до слѣдующаго 1793 года. Это былъ *третій* годъ (annus III) по французскому республиканскому счисленію и въ этотъ годъ была провозглашена конституція, и эта послѣдняя учредила по своей собственной иниціативѣ, „національный институтъ Франціи“, въ кругъ обязанностей котораго входило „отмѣчать и обнародывать научныя открытія, развивать и совершенствовать науки и искусства“. Затѣмъ, закономъ 1795 года весьма опредѣленно создана и утверждена организація этого института. Онъ былъ разчлененъ на 4 отдѣльныхъ класса, каждый съ строго-опредѣленными функціями. Тогда же институтъ былъ помѣщенъ въ бывшемъ дворцѣ кардинала Мазарини, гдѣ онъ помѣщается и до сихъ поръ. Этотъ же 1795 годъ былъ, какъ извѣстно, годомъ образованія французской директоріи, заступившей мѣсто національнаго конвента.

Организованный при директоріи, съ дѣленіемъ на 4 класса институтъ показался удовлетворительнымъ Наполеону I. Онъ ничего не сдѣлалъ для его преобразованія. И только уже послѣ паденія Наполеона упомянутые 4 класса преобразовались въ 5 самостоятельныхъ академій, связанныхъ, однакожъ, взаимно въ томъ смыслѣ, что своею совокупностью онѣ составляли институтъ.

Каждая академія, входящая въ составъ института, имѣетъ свое независимое управленіе и свои фонды, которыми она имѣетъ право располагать соотвѣтственно своимъ спеціальнымъ цѣлямъ. Но секретаріатъ, дѣйствія общаго управленія, собранія и пріобрѣтенія не имѣющія спеціальнаго характера, составляютъ безраздѣльную принадлежность всего института, т. е. всѣхъ 5-ти академій. Уже во времена реставраціи Бурбоновъ и въ царствованіе Луи-Филиппа всѣ академіи состояли подъ непосредственнымъ и спеціальнымъ покровительствомъ короля. Тотъ же почти характеръ имѣло дѣло это при Наполеонѣ III, и теперь правительство Французской республики сохраняетъ свое важное вліяніе на дѣятельность академій.

Кромѣ спеціальныхъ принадлежностей каждой изъ академій, есть и принадлежности общія для всего института, а также и общіе фонды, независимо отъ фондовъ спеціальныхъ. И вотъ для управленія-то этими общими фондами и принадлежностями періодически избирается на опредѣленный срокъ особое бюро или общая коммисія изъ 10-ти членовъ, по два изъ каждой академіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Для управленія же спеціальными фондами и принадлежностями, каждая академія избираетъ свое спеціальное бюро или коммисію. Каждый годъ происходитъ общее торжественное засѣданіе всѣхъ 5-ти академій.

Что касается литературной дѣятельности академіи, то она опредѣлилась во Франціи вскорѣ послѣ основанія этого учрежденія кардиналомъ Ришелье. Это—очищеніе литературнаго вкуса общества путемъ улучшенія и разработки языка. Правда, что послѣдній есть стихія, не поддающаяся нашему произволу; но несомнѣнно и то, что улучшеніе литературнаго языка совершается посредствомъ художественныхъ литературныхъ произведеній, появленіе которыхъ само обусловливается глубокимъ и всестороннимъ наблюденіемъ и изученіемъ языка, идущаго впередъ объ руку съ развитіемъ идей.

Зданіе дворца, гдѣ помѣщается институтъ, замѣчательно своимъ монументальнымъ характеромъ и принадлежитъ какъ и Пале-Рояль (Palais Cardinal) Ришелье, къ числу немногихъ старинныхъ зданій Парижа, которыми французы дорожатъ по многимъ историческимъ воспоминаніямъ. Затѣмъ при жизни кардинала Мазарини въ этомъ дворцѣ были собраны неисчислимыя сокровища, накопленныя скупымъ Мазарини, путемъ насилія и притѣсненій. Во дворцѣ, говорятъ, не было комнаты, стоющей менѣе *30 тыс. золотыхъ*. Здѣсь были собраны самыя дорогія произведенія искусства изъ области литературы, живописи и промышленности. Знаменитая библіотека Мазарини вмѣщала въ себѣ 35 тысячъ томовъ съ замѣчательно рѣдкими экземплярами, собранными за огромныя деньги.

Словомъ, дворецъ Мазарини считался чуть ли не восьмымъ чудомъ свѣта!

Существуетъ сказаніе, что въ послѣдніе дни своей жизни почти умирающій Мазарини приказывалъ возить себя изъ комнаты въ комнату и прощался съ накопленными сокровищами: „придется все это оставить“, говорилъ онъ, вздыхая.

Духовникъ Мазарини, напутствуя министра къ смерти, совѣтовалъ ему покаяться, если какія сокровища пріобрѣтены беззаконно.

— Ахъ! Я рѣшительно всѣмъ обязанъ милостямъ короля.

— Это такъ,- возразилъ духовникъ,—но не все же дано королемъ. Есть, конечно, присвоенное вашею эминенціей и безъ королевской милости. Это надо *различить*.

— Различить? Для чего же?

— Для того, чтобы дары короля сохранились здѣсь и послѣ вашей смерти, а остальное...

— Что? Что остальное?...

— Остальное... Нужно отдать у кого взято...

— А! Ну такъ тогда нужно все отдать... съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ кардиналъ.

Этотъ разсказъ про Мазарини до сихъ поръ вспоминается при взглядѣ на роскошное зданіе Парижскаго института, изображенное на прилагаемой къ этой статьѣ гравюрѣ.

Стр.

Письменный человѣкъ.

(Очеркъ).

Поздняя осень. Густой туманъ сплошною массою покрываетъ улицу, пролегающую по окраинѣ города. По одну сторону улицы обрисовываются изъ-за тумана громадныя зданія какого-то завода, по другую тянется почернѣвшій отъ времени и непогоды заборъ. Грязь, слякоть, въ воздухѣ сыро и холодно.

Около заводскихъ воротъ стоитъ толпа рабочихъ въ разношерстныхъ костюмахъ и разныхъ возрастовъ. Расположились они какъ пришлось: одинъ, прислонившись къ забору, стоитъ тихо-смирно и ежится отъ холода, мурашками пробѣгающаго по тѣлу, другой по той же причинѣ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ прогулки, слоняясь изъ одного мѣста въ другое и вызывая охотниковъ „погрѣться“ съ нимъ на кулачкахъ, многія натуры неподвижныя сидятъ рядышкомъ, въ полной увѣренности, что такъ будетъ потеплѣе... Не смотря на разность своего расположенія, возраста и одѣянія, всѣ находятся однако въ одномъ и томъ же состояніи—ожиданія манны небесной, долженствующей появиться въ видѣ какой либо „работишки“ изъ завода,—но если-бы, помимо завода, работишка спустилась откуда либо изъ другого мѣста, хоть съ неба, то и за это сказали бы всѣ большое спасибо.

Въ толпѣ преобладаетъ элементъ петербургскаго рабочаго люда и затѣмъ пришлаго крестьянства. Рабочій людъ, то есть истые петербургскіе рабочіе, какъ люди вкусившіе уже плодовъ „чивилизаціи,“ одѣты тоже по „чивилизованному“ и при томъ не по сезону: тутъ можно замѣтить и франтовски сшитую визитку, лѣтъ десять тому назадъ сидѣвшую на плечахъ какого либо приличнаго джентльмена и неизвѣстно какими путями въ совершенно измѣненномъ, вывороченномъ видѣ перешедшую къ рабочему, и тощее лѣтнее пальто съ плисовымъ воротникомъ буро-желтой окраски, и наконецъ французскую „блюзу“ на россійскій выговоръ, поверхъ которой надѣтъ сюртукъ засаленный до невозможности

разобрать ни первоначальный, ни послѣдующій цвѣтъ его, съ таковыми же брюками... На пришломъ крестьянствѣ сидятъ или армяки, или полушубки съ семидесятью семью заплатами—одѣяніе, во всякомъ разѣ болѣе фундаментальное, чѣмъ французская „блюза“ или франтовски сшитая визитка...

Отъ нечего дѣлать перебрасываются они словами: при чемъ то поднимается общій разговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ—кто словомъ, кто тѣмъ, что молча слушаетъ, иной однимъ смѣхомъ и пр., когда сообща говорить наскучаетъ, разбиваются на группы и каждая группа обламываетъ свою собственную тему. Приходя къ воротамъ каждый день впродолженіи извѣстнаго времени, рабочіе коротко ознакомились другъ съ другомъ и даже узнали подноготную всѣхъ и каждаго вслѣдствіе ежедневныхъ разговоровъ. При этомъ, само собою, выдѣлились изъ толпы и разсказчики, и юмористы, и даже резонеры. Каждый изъ такихъ выдѣлившихся составлялъ (то есть это выходило само собою) вокругъ себя группу болѣе склонныхъ слушать именно его, а не другого.

Вонъ посреди одной группы стоитъ молодой парень, съ засаленной манишкою на груди и въ коротенькомъ пиджакѣ неопредѣленнаго цвѣта. Онъ безпрерывно говоритъ, словно отъ этого дѣлается ему теплѣе. Слушатели его то и дѣло смѣются. У парня имѣется въ памяти неистощимый запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, фактовъ и небывальщинокъ, къ которымъ онъ приправляетъ съ своей стороны достаточную дозу юмора.

— Вотъ однова сижу я въ курильнѣ, разсказываетъ онъ, и кручу папироску. Еще и бумагу стащилъ у писаря изъ конторы. Вдругъ прибѣгаетъ начальникъ къ моему станку, а меня нѣтъ... Гдѣ онъ, Митрій Горностаевъ? спрашиваетъ. Рабочіе говорятъ, ушелъ, молъ, туда-то. Сейчасъ прибѣгаетъ туда. А я только что скрутилъ папироску да сижу и курю. Ты это, говоритъ, что тутъ да тутъ все сидишь? не говорилъ я тебѣ, чтобъ ты находился всегда при своемъ мѣстѣ? Я, говорю, вашскоблагородіе, сію минуту—и то нахожусь на своемъ мѣстѣ, потому это мѣсто для куренія отведено, а я теперича курю...

Слушатели громко смѣются.

— Такъ ты думаешь что вышло?

Всѣ разѣваютъ рты. Кто-то замѣчаетъ:

— Изъ завода тебя прогнали.

— Нѣтъ ничего. Штрафъ только взялъ, окаянный, это за слова, значитъ, мои.

— Не будь востеръ на языкъ!—

Въ отвѣтъ на этотъ разсказъ никто ничего не возразилъ, не похвалилъ, не обругалъ—всѣ какъ-то сосредоточенно задумались, вспоминая можетъ быть тоже подобное что нибудь изъ своихъ отношеній къ гг. управляющимъ...

II.

Въ это время къ толпѣ рабочихъ подошелъ мущина среднихъ лѣтъ... На немъ поношенное на ватѣ пальто, къ двумя заплатами на спинѣ, клѣтчатыя узенькія брюки, на головѣ блиномъ фуражка съ помятымъ козырькомъ. Изъ-за пальто выглядываютъ воротнички бѣлой рубашки, отъ времени, впрочемъ, обратившейся въ грязно-сѣрую... Подбородокъ хотя выбритъ, но уже давно успѣлъ обрости колючею щетиною...

Тихо и скромно подходитъ онъ и, поклонившись толпѣ, останавливается около забора. На его поклоны немногіе отвѣчаютъ тѣмъ же, большинство какъ будто не обращаетъ вниманія.

Подошедшій человѣкъ, занявъ мѣсто около забора, какъ будто уже боится съ него сходить и стоитъ такимъ образомъ нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ. Онъ очевидно, стѣсняется и новыхъ незнакомыхъ ему лицъ и новой обстановки, въ которую попалъ, можетъ быть, совершенно неожиданно. Простоявъ добрыхъ полчаса у забора въ молчаніи, онъ наконецъ рѣшается заговорить.

— Позвольте васъ побезпокоить и спросить, вѣдь это заводъ... обращается онъ къ сосѣду и указываетъ пальцемъ на заборъ.

Сосѣдъ оглядываетъ его съ ногъ до головы и отвѣчаетъ:

— Аль не видишь.

Спросившій умолкаетъ и нѣсколько конфузится. Потомъ тихонько поднимаетъ глаза кверху и смотритъ на ворота, въ ожиданіи встрѣтить тамъ вывѣску, на которой было бы написано, что здѣсь заводъ. Вывѣски не оказывается. „Какже онъ сказалъ: аль не видишь... почему же можно видѣть“... думаетъ про себя Архипъ Калистратовъ (такъ звали этого человѣка) и въ недоумѣніи крутитъ себѣ усы... Затѣмъ также деликатно и несмѣло задаетъ своему сосѣду другой вопросъ:

— Позвольте мнѣ полюбопытствовать, вѣдь здѣсь нанимаютъ рабочихъ на заводъ?

— А то гдѣ же еще,—отвѣчаетъ сосѣдъ. Знамо, здѣсь.

— А можетъ быть, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ...

— Поди къ другому заводу, тамъ будетъ въ другомъ мѣстѣ...

— Нѣтъ, а здѣсь?

— А здѣсь вотъ—здѣсь. Аль не видишь, стоимъ дожидаемся.

Калистратовъ снова умолкаетъ и обращаетъ взгляды на противоположный заборъ. За заборомъ виднѣется пустырь, заваленный грудами наноза. Дальше за пустыремъ огороды... а за огородами ничего уже не видать... Въ эту даль Калистратовъ устремляетъ пристальный взглядъ и смотритъ такъ нѣсколько минутъ, ни о чемъ собственно не думая. Очнувшись, онъ снова всматривается въ толпу рабочихъ и начинаетъ кое что замѣчать. Замѣчаетъ онъ, что въ одной группѣ то и дѣло смѣются и острятъ, въ особенности парень въ пиджачкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Прислушиваясь къ ихъ говору, онъ далѣе видитъ, что рабочіе той группы никому не даютъ спуску, каждаго разбираютъ по косточкамъ и, кромѣ своихъ собственныхъ персонъ, чуть не каждаго прохожаго, особливо изъ простонародья же, поднимаютъ на смѣхъ... Калистратовъ старается вовсе не смотрѣть въ ту сторону, чтобы не обратить на себя ихъ вниманія. „Какъ бы не подняли на смѣхъ“, проносится въ его головѣ мысль,—страшная и безпокойная для него мысль, которая пугаетъ его воображеніе. Чтобы еще болѣе оградить себя отъ глазъ этой кучки людей, онъ дѣлаетъ три-четыре шага назадъ въ глубину воротъ и здѣсь начинаетъ прислушиваться къ говору другой группы рабочихъ. Разговоръ привлекаетъ его вниманіе. Въ самой серединѣ сидитъ рабочій пожилыхъ лѣтъ, онъ чинно повѣствуетъ своимъ слушателямъ о томъ, что онъ долгое время работалъ въ стале-литейномъ заводѣ молотобойщикомъ и получалъ восемь гривенъ въ день, что работа эта хотя и тяжелая, но однако онъ не можетъ сказать, чтобы изъ всѣхъ тѣхъ работъ, которыя онъ исполнялъ въ своей жизни, какая-нибудь другая была легче этой... Слушатели его такъ же серьезны и пасмурны, какъ и самъ разсказчикъ. Постоялъ Калистратовъ возлѣ этой кучки и вслушавшись въ разсказъ молотобойщика, онъ обращается къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, объ комъ это вы сейчасъ разсказывали?

Молотобойщикъ и его слушатели поднимаютъ головы и удивленно смотрятъ на Калистратова.

— Да вѣдь ты слухалъ.

Калистратовъ конфузится. Онъ, дѣйствительно „слухалъ“, но все таки почему-то не совсѣмъ достаточно уразумѣлъ, про кого именно рабочій разсказывалъ.

Евреи въ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи. Рис. Сѣдовъ, грав. Кохъ.

Русскій отдѣлъ на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Большой столовый серебряный плато, работы Сазикова въ С.-Петербургѣ.
Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Пуцъ.

— Про начальника, добавляетъ послѣдній.

— Гмъ, гмъ, гмъ... усиленно произноситъ Калистратовъ и моргаетъ глазами. Рабочіе смотрятъ на него. Онъ кашляетъ, нерѣшительно мнется на одномъ мѣстѣ, чуть-чуть краснѣетъ, опять кашляетъ.

— Работалъ я на заводѣ чугунныхъ издѣлій... спустя нѣсколько минутъ начинаетъ монотонно молотобойщикъ.

— Вы говорите чугунныхъ издѣлій... позвольте узнать, что это именно? скромно спрашиваетъ Калистратовъ, уже оправившійся отъ смущенія.

— Заводъ такой, отвѣчаетъ разсказщикъ.

— Нѣтъ, чугунныхъ издѣлій именно, что это такое? еще скромнѣй повторяетъ Калистратовъ.

— Говорятъ же тебѣ, заводъ такой... нетерпѣливо поясняетъ молотобойщикъ.

— Работа начиналась у насъ,—продолжалъ онъ,—въ шесть часовъ утра и оканчивалась въ девятомъ вечера. Разъ назначили работу производить въ воскресный день и будто объявленіе вывѣсили. А мы объявленія не видали и не вышли. Послѣ того распоряженіе вышло: которые не явились на работу въ воскресный день, тѣмъ иль штрафъ, а коли кто не хочетъ штрафа, тому разсчетъ. Насъ человѣкъ девять взяли разсчетъ...

— Очень любопытно освѣдомиться, почему же это разсчетъ? съ участіемъ спрашиваетъ Калистратовъ.

Молотобойщикъ смотритъ на него, нѣкоторое время молчитъ и затѣмъ рѣзко отвѣчаетъ:

— Тебѣ же говорятъ, кому штрафъ, кому разсчетъ, какъ знаешь,—экая безтолочь... Ни на какомъ заводѣ не работалъ, знать...

— Нѣтъ, я работалъ на заводѣ... нерѣшительно заявляетъ Калистратовъ.

— Это и видать...

Спустя нѣсколько минутъ снова слышится монотонный голосъ молотобойщика.

— Работалъ я кочегаромъ на заводѣ... Въ мастерской было одиннадцать печей и каждая жарилась каменнымъ углемъ. Жара очень донимала, и до того даже, что въ Обуховской пролежалъ два съ половиною мѣсяца... Онъ помолчалъ нѣкоторое время и потомъ, вздохнувъ, добавилъ:

— Получалъ рубль серебра въ день...

Онъ смолкъ. Слушатели тоже минуту другую помолчали и потомъ стали перебрасываться между собою нѣсколькими словами по поводу слышаннаго, больше въ формѣ подтвержденія разсказанныхъ фактовъ. Калистратовъ слушалъ и въ душѣ его слова „получалъ рубль серебра въ день“ возбуждаютъ сильнѣйшее недоумѣніе.

— Сколько вы сказали получали, позвольте узнать? спрашиваетъ онъ.

— Рубль, нехотя отвѣчаетъ молотобойщикъ.

— Неужели рубль? удивляется Калистратовъ и еще болѣе недоумѣваетъ.

— Такъ что же тебѣ еще врать что ли стану.

— Нѣтъ, я такъ говорю, какъ бы извиняясь, продолжаетъ Калистратовъ.

— Когда я находился, мнѣ ни копѣйки не давали... Даже послѣ съ меня вытребовали плату за каждый день, заявляетъ онъ.

— Да ты гдѣ работалъ-то? въ свою очередь тоже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ молотобойщикъ.

— Нѣтъ, я про больницу говорю.

— Такъ что-жь. Нѣчто ты тамъ работалъ?

— Не работалъ... Я только такъ говорю: однимъ даютъ по рублю серебра въ день, а другимъ нѣтъ...

— Это гдѣ?

— Въ больницѣ-то.

— Ничто ты тамъ лежалъ?

— Вылежалъ.

— Такъ аль тебѣ тамъ денегъ давали?

— То-то мнѣ не давали, я говорю.

— Такъ; а то тебѣ еще денегъ давать?!

— А какже, если я такой же человѣкъ?!

— Да эдакъ бы и всякій запросилъ. Вона, чего захотѣлъ. Давали бы ему денегъ изъ больницы!.. Много бы охотниковъ нашлось, кабы эдакъ-то... Губа-то у тебя, видно, не дура...

Рабочіе искренно хохочутъ.

У Калистратова показываются слезы на глазахъ. Толпа вдругъ утихаетъ. На заводѣ раздается оглушительный ревъ гудка, возвѣщающаго объ окончаніи работъ. Изъ воротъ выходитъ мастеръ, къ которому тотчасъ обращается толпа съ просьбами о какой либо „работишкѣ“.

III.

Случай изъ-аа „рубля серебра въ день“ производитъ на Калистратова подавляющее впечатлѣніе. Заявленной имъ претензіи рабочіе порядкомъ дивятся... Въ свою очередь и Калистратовъ не мало поражается высказаннымъ со стороны рабочихъ взглядомъ, по которому выходитъ, что однимъ людямъ слѣдуетъ давать въ больницѣ по рублю серебра въ день, а другимъ не слѣдуетъ,—взглядомъ, исключающимъ всякое понятіе о равноправности... Но ни та, ни другая сторона не замѣчаетъ, что въ ихъ разговоръ замѣшалось недоразумѣніе, которое обыкновенно выражается поговоркой: „одинъ говоритъ про Фому, а другой про Ерему.“

Разъ судьба его бросила къ заводскимъ воротамъ, Калистратовъ находитъ нужнымъ тотчас же хоть чуть-чуть ознакомиться съ рабочими, а для этого вступить съ ними въ разговоръ и хоть немного черезъ то сблизиться... Между тѣмъ въ результатѣ послѣ всякаго разговора получается не сближеніе, а еще большая отчужденность. Почти всякій вопросъ съ его стороны кажется рабочимъ или неидущимъ къ дѣлу, пустымъ, или прямо смѣшнымъ.

Одинъ рабочій, только что пріѣхавшій изъ деревни искать въ столицѣ работы, разсказываетъ, какъ онъ по пріѣздѣ пошелъ съ двумя своими земляками на городъ поглядѣть и какъ послѣ этого осмотра вдругъ замѣтилъ, что земляки его „куда-то затерялись и по нонѣ не находятся...“ Толпа смѣется надъ этимъ разсказомъ простофили, потерявшаго своихъ земляковъ.

Калистратовъ тоже заинтересовывается этою „потерею“ и первымъ дѣломъ считаетъ нужнымъ обратиться къ разсказщику съ такимъ вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, въ какомъ же мѣстѣ вы ихъ потеряли?

— Да аль у тѣ ухъ нѣтъ, вѣдь ты слухалъ...

— Такъ это земляки ваши, говорите, затерялись?

— Затерялись, отвѣчаетъ тотъ.

— Вы ихъ потеряли, или они васъ потеряли?

Разсказщикъ молчитъ. Калистратовъ продолжаетъ.

— Вѣдь это смотря по тому, кто кого потерялъ. Если вы ихъ, вы должны объявку въ полицію подать, если они,—они...

— На кой шутъ?

— Чтобъ васъ отыскали.

— Коль я и такъ самъ по себѣ, чего меня отыскивать.

— Вѣдь это вы про себя такъ говорите. А они говорятъ теперь другое.

— И пущай говорятъ.

Калистратовъ ничего на это не находится сказать и стыдливо умолкаетъ...

Чувствуетъ онъ, что передъ ними стоитъ стѣна, которую онъ не въ силахъ перелѣсть, не смотря на свое сильное желаніе и даже на то, что въ его рукахъ какъ будто имѣются всѣ необходимыя средства для того... Что онъ не говоритъ, все большею частью оказывается

не впопадъ. Подладиться подъ рабочихъ и поставить себя на одну доску съ ними ему никакъ не удается.

Все замѣчается какая то неестественность. Заговариваетъ онъ о такихъ предметахъ, о которыхъ говорятъ сами рабочіе и которые, кажется, больше всего интересуютъ ихъ, и все таки у него ничего не вытанцовывается. Толпа наконецъ начинаетъ смотрѣть на него не то недовѣрчиво и подозрительно, не то какъ-то неопредѣленно. Этотъ послѣдній взглядъ въ особенности смущаетъ его. Вслѣдствіе его онъ старается съ еще большимъ усиліемъ поддѣлаться и, такъ сказать, ассимилироваться съ толпою, стушевывая свою личную индивидуальность до нуля, и въ результатѣ получается еще худшее, чѣмъ прежде... Тогда онъ умолкаетъ... Но стоять среди толпы людей постоянно молча, по меньшей мѣрѣ, жутко. Развернуться же съ этими людьми по своему, такъ, какъ онъ развертывается съ людьми одинаковаго съ нимъ положенія и званія, онъ не рѣшается пока... Ему кажется, что, разъ попавъ въ среду рабочихъ, онъ тотчасъ же и самъ долженъ обратиться въ такого же рабочаго, интересоваться тѣмъ, чѣмъ они интересуются, высказывать согласное съ ихъ мнѣніями и взглядами, однимъ словомъ, собственное „я" стереть, а на мѣсто его поставить другое „я," склеенное изъ того, что составляетъ внутренній міръ каждаго рабочаго. Тогда только, думается ему, онъ станетъ какимъ же рабочимъ, какъ и стоящіе у воротъ, и они примутъ его за своего... Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ видитъ онъ, выходитъ одинъ конфузъ, что не мало удивляетъ его и ставитъ положительно въ тупикъ, какъ неразрѣшимая загадка... Пробуждается наконецъ въ немъ сильнѣйшая злоба на всю толпу собственно за ея непониманіе, а толпа все таки по прежнему только косится да, когда случится, подсмѣивается... „Уйти, уйти"... шепчетъ ему внутренній голосъ... „куда?" вслѣдъ за тѣмъ раздается другой и заставляетъ смириться духомъ. ибо уйти некуда, нужно здѣсь быть, дожидаться, пока не примутъ на заводъ... Калистратовъ злится, но крѣпится, негодуетъ на что-то, но своего негодованія не высказываетъ... „Отчего они не вѣрятъ, что я работалъ уже на заводѣ, и говорятъ, что я лгу? Они говорятъ: гдѣ тебѣ... Онъ негодуетъ и въ концѣ концевъ доходитъ до невозможнаго морального состоянія...

Въ это время изъ заводскихъ воротъ выплываетъ толстая и жирная фигура заводскаго мастера въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и въ цилиндрѣ на головѣ. Среди рабочихъ проявляется движеніе... Каждый наровитъ, вытѣснить другого, первымъ дѣломъ о себѣ заявить и для себя попросить работишки. Мастеръ оглядываетъ толпу горделивымъ взглядомъ и важно шествуетъ далѣе.

Въ эту минуту въ Калистратовѣ видна нѣкоторая рѣшительность, которой раньше небыло. Раньше, онъ обращался къ мастеру съ такою-же просьбою какъ и всѣ другіе, ищущія работы: „ваше степенство, небудетъ ли какой работишки у васъ?" Теперь онъ смѣлѣй проталкивается сквозь толпу, подходитъ къ мастеру и рѣшительно начинаетъ:

— Второй годъ живши безъ средствъ и какъ поэтому случаю привелъ себя въ изнуреніе по недостатку собственнаго пропитанія, въ надеждѣ на будущее снисхожденіе, и какъ по сю пору не вижу сего, то не соблаговолите ли принять въ разсужденіе мое покорнѣйшее прошеніе въ отношеніи подходящихъ занятій, осмѣлюсь васъ обезпокоить?

Мастеръ останавливается и оглядываетъ его. Всѣ прочіе вдругъ умолкаютъ.

— Ты раньше гдѣ работалъ?

— Бывъ продолжительное время на излеченіи въ Обуховской больницѣ и какъ раньше того въ здоровомъ состояніи по письменной части промышлялъ, то лишился и мѣста и пропитанія вслѣдствіе того, а потому рѣшилъ къ труду обратиться за неотысканіемъ подходящихъ занятій по моимъ способностямъ... а посему осмѣлюсь просить и утруждать...

— На заводѣ никакомъ не работалъ? продолжаетъ мастеръ.

Калистратовъ колеблется: сказать да, работалъ,—ложь, сказать нѣтъ, опять ложь по отношенію къ рабочимъ, которыхъ онъ увѣрялъ даже въ томъ, что работалъ на заводѣ...

— Бывъ съ измалѣтства пріученъ къ письменности и какъ лишившись средствъ къ пропитанію остался безъ занятій по моимъ способностямъ, то на первый разъ осмѣлюсь просить дать мнѣ назначеніе хотя бы и чернорабочаго, заявляетъ онъ.

Немного подумавъ, мастеръ говоритъ:

— Въ чернорабочіе ты не годишься, коль ты по письменной части. Къ тебѣ надо еще другого чернорабочаго приставлять. А по письменной части всѣ мѣста у насъ заняты...

— Но я, осмѣлюсь доложить вамъ, страдаю по недостатку собственнаго пропитанія, выражаетъ Калистратовъ.

— Что-жь дѣлать-то.

Калистратовъ отходитъ прочь и останавливается, чувствуя неловкость. Кто-то изъ рабочихъ вслѣдъ ему пускаетъ:

— И шелъ-бы по своей письменной части, чѣмъ работу отбивать у другихъ.

Мастеръ проходитъ. Толпа уныло глядитъ ему въ слѣдъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ совсѣмъ изъ вида не скрывается. Наступаетъ продолжительное молчаніе. Каждый занятъ своими мыслями. Всѣмъ какъ-то не-по-себѣ.

— Эхъ-ма!.. со вздохомъ произнесъ кто-то.

— Ребята, а гдѣ-жь тотъ, что по письменной части?

— А вонъ онъ стоитъ, возьми его, отвѣчаютъ за разъ нѣсколько рабочихъ и киваютъ головой.

— Ей, письмоводитель! кричитъ одинъ, мотая головой Калистратову. Иди сюда къ намъ! Чего ты боишься. Аль мы не люди, что ты поодаль отъ насъ. Тоже и ты теперь на одной линіи съ нами. Подходи сюда ближе, теплѣй будетъ...

Веселый тонъ этого крика оказываетъ дѣйствіе на всю толпу. Она тотчасъ стряхиваетъ съ себя унылое настроеніе и замѣняетъ его обыкновенною, спокойною покорностію судьбѣ.

Въ слѣдъ за этимъ, изъ толпы раздается еще нѣсколько голосовъ по направленію къ Калистратову:

— Вправду, чего ты... Подходи... Чтожь что ты по письменной части... Со всякимъ случается...

Калистратовъ медленно подходитъ и косо озирается кругомъ, какъ будто опасаясь какой засады, въ которую его заманиваютъ...

— Ты бы эдакъ давно. А то куралеситъ себѣ чего-то тамъ... Что брехать-то понапрасну, видимое дѣло, ты не рабочій... Ты письменный человѣкъ, вотъ кто ты. Чего стыдиться-то. Коль-бы ты воръ иль мошенникъ какой былъ. А то что-же: я по одной части, ты по другому производству, у всякаго, значитъ своя работа...

Рабочіе поддакиваютъ:

— Вѣстимо... Отъ сумы да отъ тюрьмы и то нельзя отказываться... Всяко случается... Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ...

Калистратовъ нѣсколько пріободряется, пріятно пораженный новымъ тономъ, которымъ заговорили съ нимъ рабочіе. Вообще вся толпа, послѣ обращенія Калистратова къ мастеру, вдругъ какъ-то сразу измѣняетъ свое отношеніе къ нему съ неопредѣленно-недовѣрчиваго на вполнѣ сочувственное... Всѣ даже интересуются узнать объ его судьбѣ. Онъ разсказываетъ, но въ разсказѣ его не замѣчается ни тѣни желанія поддѣлаться подъ рабочихъ; онъ становится на свою „точку"... Онъ даже самъ не замѣтилъ, какъ это съ нимъ случилось...

— Какъ ты къ работѣ нашей еще не привыченъ: такъ пойдемъ со мной, говоритъ одинъ изъ рабочихъ, я тебѣ все укажу. На этомъ заводѣ я ужь работалъ... Опосля того въ деревню па время меня вытребовали... Теперь вотъ вчера мастеръ сказалъ мнѣ, чтобъ подождалъ недѣльку, а тогда возьметъ... Ему, говоритъ, надо будетъ человѣкъ пять народу... Вотъ я тебѣ тогда укажу какъ работать..

Калистратовъ соглашается и въ душѣ очень радъ.

— Мастеръ сказалъ, не гожусь, замѣчаетъ онъ.

— Выучишься... Это онъ такъ только говоритъ, потому ему не надо... А какъ понадобится, такъ и они тоже не очень разбираютъ, иди только работай. Тамъ такія мѣста есть. Не на станкѣ, а другое: либо смазывать машину, аль масла подливать... Пока не присмотришься...

Потомъ слышатся еще разные совѣты и пожеланія:

— Аль бы тебѣ въ сторожа. И жить тамъ на заводѣ. Получалъ бы себѣ шестнадцать рублей въ мѣсяцъ безъ всякихъ хлопотъ...

— Да тебѣ бы въ надсмотрщики, вотъ что. Вотъ развѣ что дѣла только не знаешь. А то посматривалъ бы себѣ, ходилъ по мастерской.

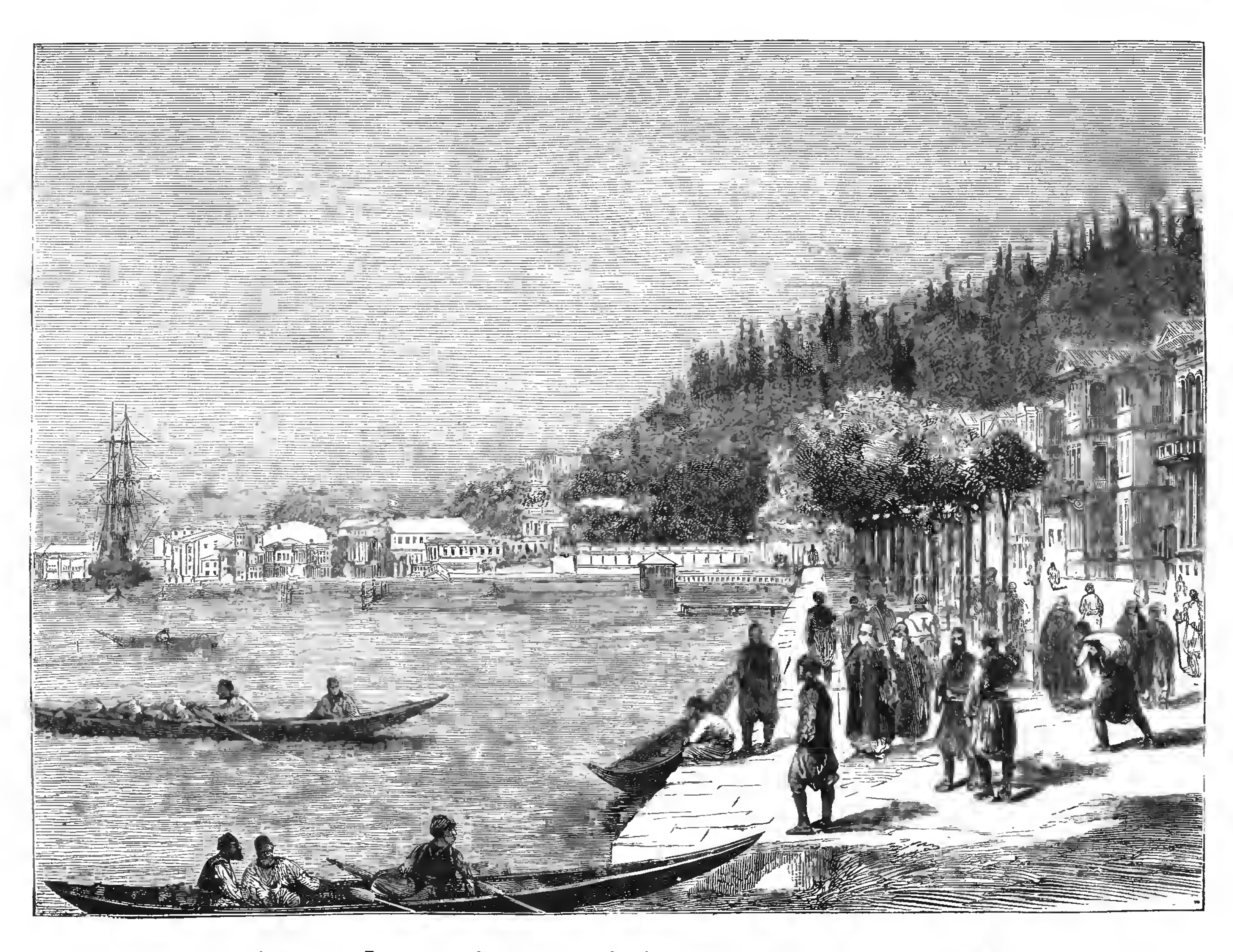
— Тебѣ что. Ты лучше въ писаря просись, вотъ что. И лучше и не надо ничего, братецъ ты мой. Житье тебѣ будетъ въ писаряхъ... Покой тебѣ первымъ дѣломъ... И работы никакой... Сиди себѣ въ конторѣ да води перышкомъ по бумагѣ...

Послѣ разныхъ совѣтовъ и предположеній, всѣ наконецъ рѣшаютъ на томъ, что лучше всего „въ писаря“ и на этомъ успокоиваются... И Калистратовъ вполнѣ соглашается съ тѣмъ, что лучше „въ писаря“...

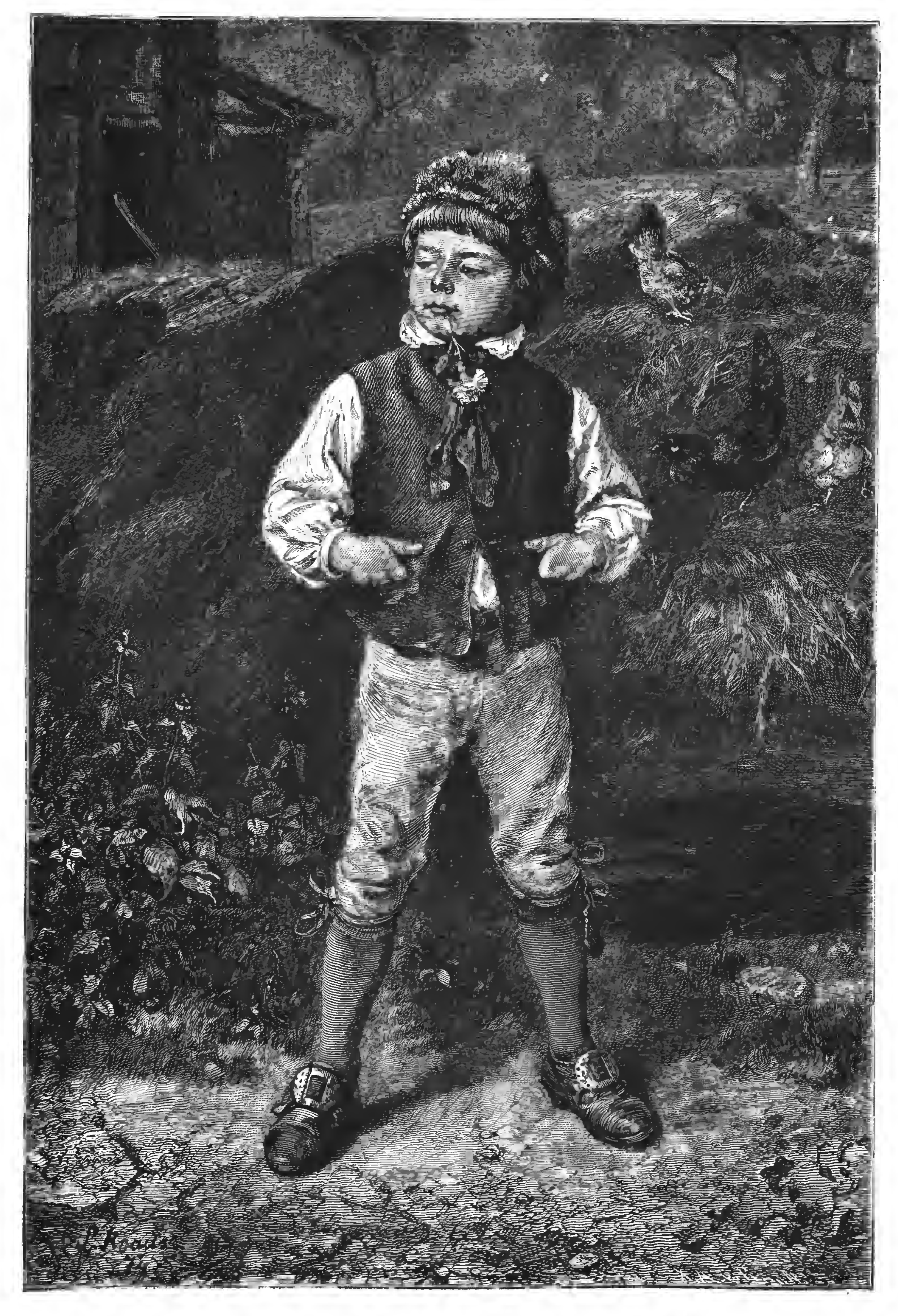
IV.

Отношенія между „письменнымъ человѣкомъ“, Архипомъ Калистратовымъ, и толпою стоящихъ у заводскихъ воротъ рабочихъ устанавливаются болѣе или менѣе дружественныя. Всякое недовѣріе, подозрительность и пр. исчезаютъ. Калистратовъ окончательно перестаетъ стыдиться и конфузиться. Теперь онъ чувствуетъ себя какъ дома, или по крайней мѣрѣ совершенно свободнымъ и въ своей сферѣ... Онъ наконецъ и самъ дѣлается разсказчикомъ да притомъ еще такимъ, къ которому рабочіе прибавляютъ эпитетъ „знатный“... Архипъ Илларіонычъ (рабочіе освѣдомились объ его отчествѣ) возвышается въ своихъ собственныхъ глазахъ... Толпа проситъ его разсказывать про войну, —онъ очень занятно разсказываетъ про войну.., Просятъ его разсказать про походъ, - онъ разсказываетъ про походъ... При этомъ, въ видѣ заключенія, категорически заявляетъ, что онъ можетъ разсказывать про всякую войну и про всякій походъ, потому что въ свое время служилъ военнымъ писаремъ при штабѣ...

Толпа наконецъ начинаетъ чувствовать нѣкоторое почтеніе и уваженіе къ Архипу Илларіоновичу... А послѣдній начинаетъ понемножку подниматься все выше и выше...

Общій видъ Гавани въ Буюкдерѣ на Босфорѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Деревенскій богатый наслѣдникъ. Картина Л. Кнауса. грав. Ротъ.

— А то я вамъ могу разсказать, какъ я въ одинъ прекрасный день. попу на ризу наступилъ, заявляетъ Архипъ Илларіонычъ, стоя среди рабочихъ.

— Ну-ка валяй, соглашаются рабочіе.

— Покурить! поднявъ кверху указательный палецъ, внушительно замѣчаетъ Архипъ Илларіонычъ и крутитъ изъ табачной пыли папироску.

— Спичку! произноситъ онъ почти тономъ приказа, свертывая въ это время папироску.

Кто то изъ рабочихъ чиркаетъ спичкой и подноситъ ему, причемъ, видя, что изъ папироски табачная пыль сыплется наружу, замѣчаетъ:

— Ты ее слюнями побольше...

— Ладно, знаемъ.

Кончается интересный разсказъ о томъ, какъ Калистратовъ наступилъ нечаянно попу на ризу, и рабочіе съ сожалѣніемъ заявляютъ:

— Только-то и всего.

— Хорошенькаго по немножку, отвѣчаетъ Калистратовъ.

— Мало. Катай про походъ.

— Вотъ не хотите-ли я вамъ про амурскій походъ разскажу... спрашиваетъ Архипъ Илларіонычъ и такъ какъ всѣ тотчасъ же изъявляютъ согласіе, то начинаетъ разсказывать и вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ прерываетъ свой разсказъ вопросомъ:

— Не найдется ли у кого, господа, пятачка на рюмочку водки... Очень холодно...

Рабочіе молчатъ. Одинъ изъ веселыхъ замѣчаетъ.

— Ты валяй опять про сраженіе, мы и нагрѣемся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Не будетъ ли у кого, господа. Вотъ не слыхали-ли, какъ алжирскій король хотѣлъ вступить на французскій престолъ,—очень любопытная исторія.

— Ну-ка, начинай.

— Не могу. Кабы выпить, тогда бы началъ.

Молчаніе. Кое кто изъ рабочихъ отходитъ въ сторону. Калистратовъ ежится въ своемъ пальто, стараясь какъ бы укрыться отъ холода... Погода сырая, туманная... Въ воздухѣ что-то въ родѣ дождя, похожаго на снѣгъ... Улица пустынна... Мрачныя заводскія стѣны кажутся еще мрачнѣе и производятъ впечатлѣніе подавляющей тоски... Изъ-за стѣнъ торчатъ громадныя трубы, выпускающія глыбы дыма, который, впрочемъ, смѣшиваясь съ туманомъ, дѣлается въ немъ не такъ замѣтнымъ... Изъ-за стѣнъ же доносится глухой гулъ заводскихъ паровиковъ и машинъ... Уныніе и жуткость замѣчается и въ массѣ рабочаго люда.. Часть изъ нихъ укрывается отъ дождя подъ воротами и стоятъ вплотную... Другая половина лишена и этого блага, но за то она старается вознаградить себя хотя разсказами про амурскій походъ и т. п.

— Чтожь, господа, нѣтъ ли у кого? повторяетъ Калистратовъ и своимъ вопросомъ многихъ выводитъ изъ сонливости.

— Давай грѣться. Становись насупротивъ меня, предлагаетъ одинъ и становится въ извѣстную позицію...

— А ты знаешь англійскій боксъ? спрашиваетъ Архипъ.

— Ну-ка, покажи...

Калистратовъ показываетъ. Рабочіе смѣются.

— Нѣтъ, это что, аглицкій боксъ. Это не такъ занятно...

— Самая благородная борьба, замѣчаетъ Архипъ Илларіонычъ.

— Чтожь, господа, ни у кого не найдется пятачка? раздается голосъ Калистратова. Разсказалъ бы вамъ про алжирскаго короля...

— Ребята, чтожь... дадимъ ему что ли? Ты, письмоводитель, не обманешь?

„Письмоводитель“ крестится. Ему собираютъ пять копѣекъ и отдаютъ. При этомъ ужъ за одно рѣшаютъ сообща купить цѣлую сороковку въ складчину, кто пожелаетъ.

Покупаютъ и выпиваютъ. На тощій желудокъ водка очень дѣйствуетъ, въ особенности на „письменнаго человѣка“. Онъ становится развязнѣе и говорливѣе. Когда сороковка осушается, онъ заявляетъ, чтобы покупали другую... Желающихъ не оказывается... Калистратовъ снова напоминаетъ... Напоминаніе его остается безплоднымъ.. Онъ требуетъ... Рабочіе смѣются... Тогда онъ вдругъ грозно и повелительно заявляетъ, повышая голосъ:

— Покупай еще, чортъ васъ дери... Даромъ что-ли я вамъ разсказывалъ про алжирскаго короля...

— За алжирскаго короля тебѣ данъ пятачекъ,—недаромъ... отвѣчаютъ ему.

— Покупай, сволочи!.. кричитъ онъ спустя нѣсколько минутъ.

Рабочіе переглядываются. Архипъ Илларіонычъ продолжаетъ требовать и ругается...

— Да что ты ругаешься-то, эй? замѣчаютъ нѣкоторые.

— Я кто вамъ?.. Я вамъ писарь, свиньи вы эдакія... продолжаетъ тотъ.

— Когда еще будешь... слышится въ отвѣтъ.

— Я вамъ всѣмъ штрафовъ наставлю по рублю серебра...

— Вотъ тебѣ на, что это онъ расходился...

— Мужичье! невѣжи! я человѣкъ благороднаго званія, а вы этого въ своемъ невѣжествѣ не понимаете... Вы полагаете, чортъ васъ дери, что я ужь ровня вамъ... Дурачье!.. сиволапые мужики!.. палитъ „письменный человѣкъ“.

Рабочіе смѣются.

— Зюзя... ишь какой!.. Экъ его пробрало... Его ребята, холодной водой надо окатить...

— Негодные!.. только что по нуждѣ крайней пришелъ сюда къ воротамъ, а то бы наплевать на васъ всѣхъ... Я человѣкъ благороднаго званія и по письменной части промышляю, а они—въ сторожа меня... подлецы!..

„Письменный человѣкъ“ повертывается и идетъ прочь отъ воротъ... Затѣмъ останавливается, оглядывается назадъ и кричитъ: негодяи! Идетъ далѣе, снова останавливается и снова кричитъ: мерзавцы!.. Затѣмъ, пошатываясь, завертываетъ за уголъ и скрывается изъ вида... Въ слѣдъ ему сыплется со стороны рабочихъ:

— И иди по своей письменной части. Ктожь тѣ запрещаетъ...

— Журавль длинноногій, еще ругаться вздумалъ.

Такъ ушелъ Архипъ отъ завода и больше тутъ не появлялся.

Однажды какъ-то, уже спустя полгода, идя вечеромъ по улицамъ Петербурга, двое рабочихъ встрѣтили Архипа. Онъ, конечно, не узналъ въ нихъ своихъ давнишнихъ сотоварищей по ожиданію „работишки“ около завода, такъ какъ разставшись съ ними еще разъ десять-двадцать „пробовалъ“ найдти работу и столько-же разъ терялъ ее вскорѣ послѣ того, какъ получалъ возможность „выпить“.

Въ то время когда подходившіе рабочіе поровнялись съ нимъ, онъ тихо проговорилъ:

— Позвольте васъ просить, одолжите бѣдному человѣку на пропитаніе...

Рабочіе подали и зашагали далѣе. Но пройдя нѣсколько шаговъ, припомнили:

— Вѣдь это Архипъ, письменный человѣкъ, помнишь... сказалъ одинъ и оглянулся назадъ.

— Да. Онъ, надо-быть.

— Онъ, онъ.

— Ишь какая судьба человѣку, смотался вѣдь вовсе.

— Такая, значитъ, ему планида. **П. В—овъ.**

Къ рисункамъ.

Евреи.

Евреи, повсюду влачащіе съ давняго времени жалкое существованіе, составляли, какъ извѣстно, когда-то одно цѣлое неразсѣянное, какъ теперь, по всему лицу земли племя.

Но когда это было и сколько уже тысячелѣтій отдѣляетъ евреевъ настоящаго времени отъ той древней жизни, когда предки ихъ имѣли отечество! Евреи, какъ извѣстно, ведутъ свое происхожденіе отъ Авраама. Годы, къ которымъ относится жизнь этого библейскаго старца уходятъ далеко за время до Рожд. Христ., именно за 2.000 лѣтъ. Не приводимъ здѣсь въ подробностяхъ столь извѣстныхъ всему міру ветхозавѣтныхъ сказаній о прошлой жизни этого народа; припомнимъ здѣсь лишь нѣкоторыя черты изъ нея.

Евреи переселились изъ Мессопотаміи въ землю ханаанскую или Палестину. Вѣра въ единаго Бога и обѣтованіе будущаго наслѣдія переходили отъ Авраама къ сыну его Исааку, къ Іакову и 12 сыновьямъ его. Во время неурожая въ Ханаанѣ Іаковъ, какъ извѣстно, переселился въ Египетъ къ сыну Іосифу. Въ Египтѣ евреи жили 430 лѣтъ и число ихъ достигло до 2½ мил.

Оставивъ Египетъ, они отправились въ землю обѣтованную, достигли ее и раздѣлились на 12 колѣнъ. (Это раздѣленіе евреевъ относится къ половинѣ XV вѣка до Р. Х.).

При ѳеократическомъ устройствѣ еврейскаго государства, т. е. при сосредоточеніи всей власти управленія въ рукахъ духовенства, дѣйствовавшаго отъ имени Бога вѣчнаго, какъ невидимаго государя, колѣно Левитовъ было самымъ важнымъ и имѣло въ своихъ рукахъ власть церковную, судебную и гражданскую. Послѣ этой эпохи продолжавшейся около 350 лѣтъ, евреи избрали себѣ царя. Саулъ былъ первымъ ихъ царемъ. Послѣ Саула настало славное царствованіе Давида (1058—1018 г. до Р. Х.) Изъ числа двадцати царей Іудейскаго царства изъ дома Давида хотя нѣкоторые отличались добродѣтелями (наприм. Іосафатъ—917—892, Асса—809—758, Езекія—726—696, Іоссія—639—608), но большинство ихъ уклонялось отъ религіи и правилъ своихъ предшественниковъ. Они не были въ состояніи противустоять силамъ Египта, Ассиріи и Вавилона, и дѣлались данниками то тѣхъ, то другихъ. Паденіе ихъ дошло, наконецъ до того, что царь вавилонскій Навуходоносоръ въ 586 г. до Р. Х. взялъ Іерусалимъ и сжегъ его. Онъ ослѣпилъ послѣдняго царя ихъ Седекію и взялъ въ плѣнъ знатнѣйшихъ гражданъ. Съ такъ называемаго плѣненія вавилонскаго именемъ евреевъ стали называть и прочіе племена Іудеевъ.

Въ настоящее время евреи живутъ разсѣянно по всей землѣ, но преимущественно въ Европѣ. Не касаясь здѣсь подробностей, относящихся къ тому времени, когда они разсѣялись по всему свѣту, замѣтимъ что всѣ эти подробности главнымъ образомъ сосредоточиваются на двухъ фактахъ: на поселеніи евреевъ въ той или другой мѣстности и на выселеніи ихъ изъ нея вслѣдствіе гоненія на нихъ, вызывавшагося ими же, или, вѣрнѣе сказать, свойствомъ ихъ житейскихъ правилъ и отношеній къ лицамъ другого племени. Появленіе евреевъ въ Россіи относится къ давнему времени. Уже въ VII и VIII вѣкахъ евреи встрѣчались въ значительномъ числѣ по теченію Волги и Дона. Въ X в. евреи являются въ Кіевѣ и вооружаютъ противъ себя русское духовенство. На западѣ Россіи они появились въ Польшѣ, оттуда проникли въ Литву и русскія земли. Въ Могилевѣ они вызвали безпорядки, такъ что польское правительство должно было принять мѣры къ ихъ выселенію.

Въ настоящее время значительное число евреевъ населяетъ юго-западный край. Въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ существуютъ цѣлыя улицы и кварталы еврейскіе, другіе гор., какъ наприм., Бердичевъ, Динабургъ—почти исключительно заселены ими.

Въ болѣе многолюдныхъ мѣстахъ ихъ поселеній есть синагоги, впрочемъ, у евреи каждый домъ можетъ служить мѣстомъ богослуженія. Главные праздники евреевъ кромѣ субботы—пасха, пятидесятница, кущи, праздникъ очищенія, обновленія новый годъ. Надъ новорожденными младенцами совершается обрѣзаніе.

Какъ было за много вѣковъ до настоящаго времени, такъ и теперь Талмудъ составляетъ для евреевъ весь кодексъ вѣроученій и нравственныхъ поступковъ.

Жизнь евреевъ строится на основаніи Талмуда. Талмудъ опредѣляетъ всѣ случаи жизни, и евреи, если и встрѣчаютъ въ немъ кой какія ограниченія и запрещенія, то умѣютъ и отыскать основаніе всѣмъ своимъ и незаконнымъ поступкамъ. Въ видахъ удовлетворенія чувственности еврей съ такимъ же ухищреніемъ относится къ своему закону какъ и въ обыденныхъ своихъ гешефтахъ.

Наприм. законъ запрещаетъ совершать нѣкоторыя дѣла днемъ, и еврей закрываетъ въ своемъ домѣ ставни, чтобы сдѣлать ночь.

Талмудъ дорогъ еврею тѣмъ, что не подрываетъ его эгоистическихъ инстинктовъ. По Талмуду народъ еврейскій единственный народъ, любимый Богомъ и вѣрно ему служащій. Талмудъ исключаетъ изъ обязанностей еврея нѣкоторыя занятія, какъ напр. земледѣліе, и предписываетъ, чтобы каждый отецъ училъ своего сына какому нибудь ремеслу. Въ Талмудѣ сказано: „кто употребитъ сто эху (15 к.) на торговлю, тотъ будетъ имѣть къ своему столу ежедневно мясо и вино, а кто употребитъ ихъ на занятіе земледѣліемъ, тому придется довольствоваться лукомъ да солью. Заповѣдь любви къ ближнему учитъ оказывать эту любовь только своему единоплеменнику еврею и положительно запрещаетъ оказывать помощь гою (не еврею). Гой не есть ближній, гоя можно ограбить и убить. По понятіямъ еврейскихъ вѣроучителей имущество неевреевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ еслибъ оно было найдено въ пустынѣ: оно принадлежитъ первому, кто его захватитъ. Талмудъ рѣшительно запрещаетъ отдавать деньги гою безъ процентовъ, и въ одной молитвѣ говорится, что—Божія заповѣдь брать проценты съ чужого человѣка.

Только внѣшнія обстоятельства, жизнь среди другихъ народностей въ чуждой странѣ, не даютъ простора еврейской нравственности и вынуждаютъ ихъ маскироваться и хитрить.

Евреи не признаютъ за малымъ исключеніемъ ни правительства страны, ни ея законовъ, такъ какъ управляются своей общиной—кагаломъ. Они обращаются къ государственному суду только если это касается ихъ интересовъ. Отрицая неприкосновенность собственности гоевъ, евреи безцеремонно запускаютъ руки всюду, откуда не ожидается явной опасности и совершаютъ самые наглые обманы и надувательства. Пускаются въ ростовщичество, шинкарство, арендаторство, кражи. Массы факторовъ и маклеровъ устраиваютъ гешефты и „шпекуляціи“ и вездѣ снуютъ отыскивая случая поживиться на чужой счетъ.

Смотря на евреевъ, невольно думается, что бы было съ ними, еслибъ снова образовалось еврейское царство? Лишенные возможности наживаться на счетъ не еврейкаго племени и незнакомые ни съ сельскохозяйственною ни съ заводскою промышленностію—они въ концѣ концовъ исчахли-бы отъ постоянной нужды или бы снова разсѣялись по лицу земли, чтобы жить на счетъ другихъ племенъ. Таковы свойства евреевъ, и такова участь всѣхъ тѣхъ племенъ среди которыхъ они поселяются

Изображенные на нашемъ рисункѣ евреи представляютъ собою типы своего племени, забравшагося въ Среднюю Азію. Физіономіи ихъ, какъ можно судить по рисункамъ, все тѣ-же, какъ и вездѣ, только костюмъ нѣсколько напоминаетъ востокъ.

Это племя по всей своей разбросанности по всему свѣту и при всемъ томъ гнетѣ, который ему приходится переживать въ воздаяніе за его паразитскія наклонности,—все таки необычайно живуче и сохраняетъ впродолженіе столькихъ вѣковъ почти въ полной неприкосновенности всѣ свои родовыя свойства, какъ въ физическомъ такъ и въ духовномъ отношеніи. Въ этотъ долгій періодъ еврейскаго скитанія по лицу всей земли исчезнули съ нея цѣлые народы, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, иные выродились, слившись съ чуждыми имъ племенами, а евреи остаются по прежнему евреями. Зависитъ это нѣкоторымъ образомъ отъ того, что они вполнѣ отдѣляютъ себя отъ всѣхъ другихъ племенъ и остаются всегда замкнутыми въ себѣ самихъ, не сливаясь браками съ лицами другого племени. Это, понятно, весьма важное условіе, въ особенности, когда оно еще такъ строго выполняется, но это во всякомъ случаѣ не все, въ чемъ заключается живучесть еврейскаго племени—это одно изъ главныхъ его сторонъ, но не она одна охраняетъ, плодитъ и множитъ еврейство. Есть какіе-то иные задатки, быть можетъ данные этому племени собственно для того, чтобы оно дальше сохранялось на землѣ, для цѣлей такъ-же неизвѣстныхъ, какъ неизвѣстны, напримѣръ, цѣли, для которыхъ существуютъ въ природѣ различные паразиты.

И замѣчательно: гдѣ бы еврей не находился въ Европѣ ли въ центрѣ ея современной цивилизаціи,

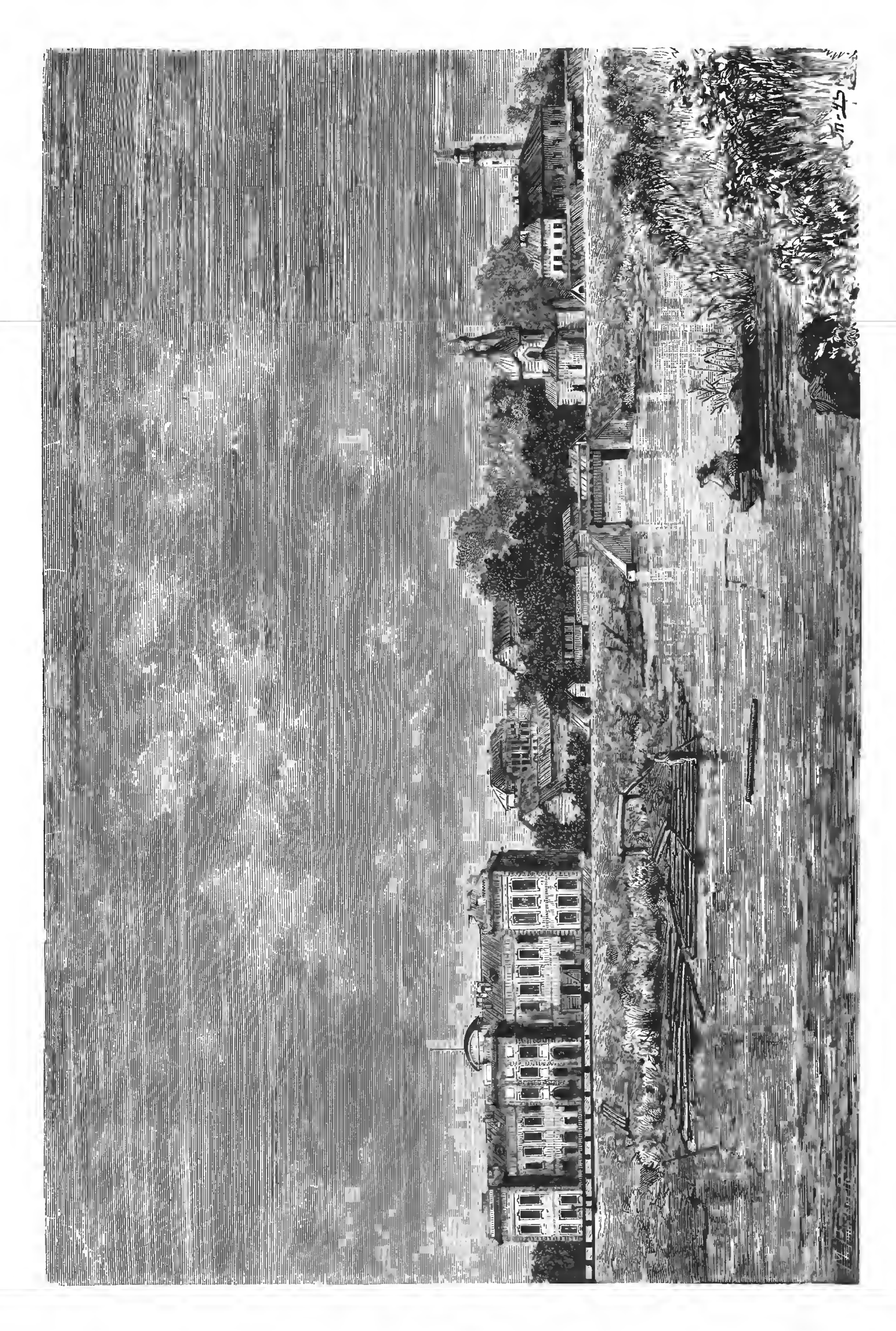
—Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта,
Гдѣ такъ измѣнчива народная волна...

или среди восточныхъ народовъ, гдѣ такъ самовластно всѣмъ управляютъ нравы, обычаи и вѣрованія востока—еврей вездѣ все тотъ-же еврей. Нужды нѣтъ, что въ Парижѣ или въ Берлинѣ онъ ходитъ одѣтымъ по послѣдней модѣ, онъ все тотъ-же и никакъ ему не скрыть (хотя во многихъ случаяхъ онъ и старается объ этомъ) своего еврейскаго происхожденія.

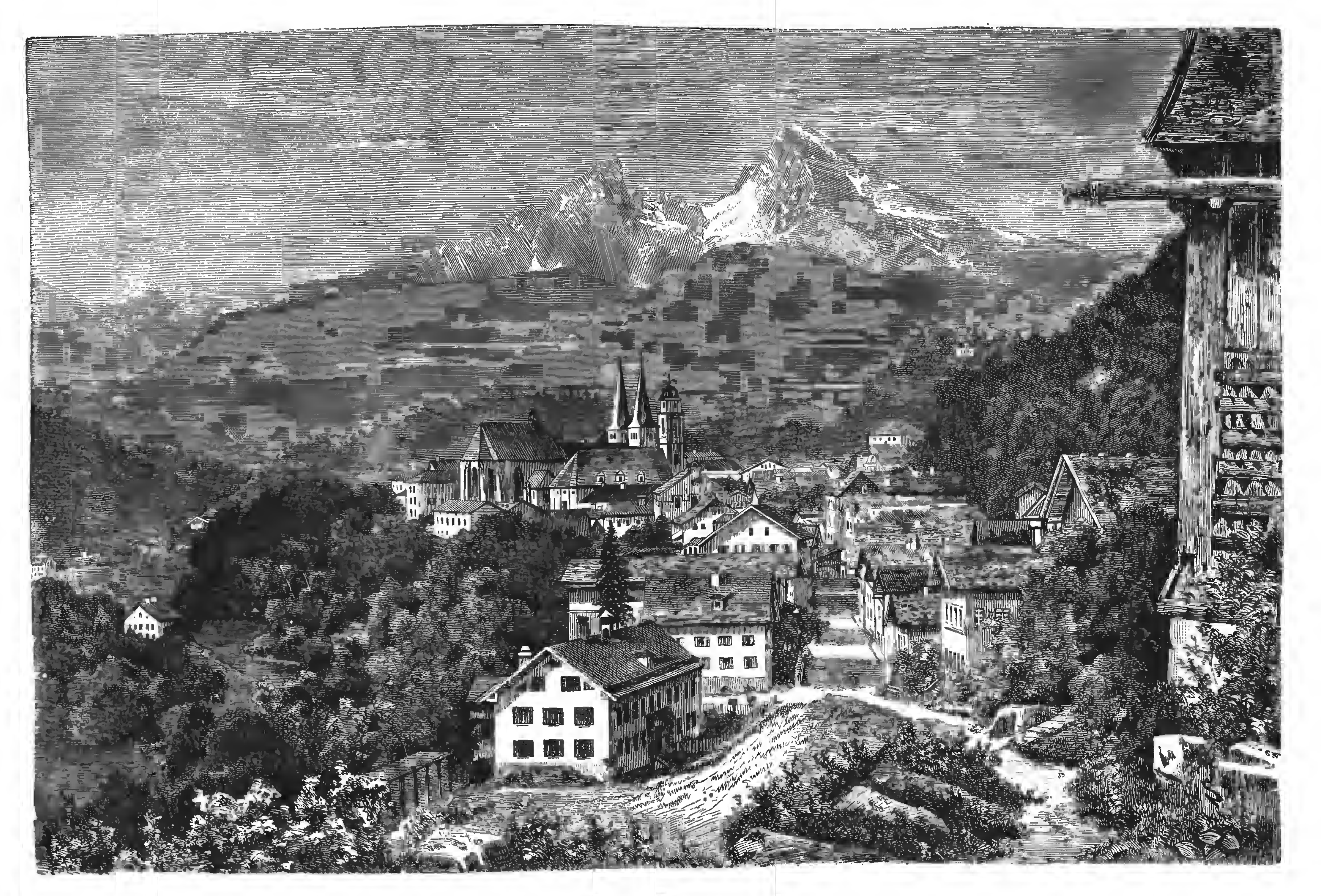
Z.

Ваза изъ серебра работы Спб. мастерской Сазикова.

Въ числѣ многихъ изящныхъ произведеній, посланныхъ на нынѣшнюю Парижскую Всемірную Выставку изъ мастерской придворнаго фабриканта В. И. Сазикова, особенно замѣчательна великолѣпная серебрянная ваза, рисунокъ которой мы прилагаемъ при настоящемъ номерѣ „Нивы“. Это художественное произведеніе было заказано офицерами лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка для поднесенія своему командиру, графу Илларіону Ивановичу Воронцову-Дашкову. Общій рисунокъ вазы составлялъ архитекторъ Н. Набоковъ; модели сатировъ работалъ покойный скульпторъ Меннертъ; лѣпка кон-

Видъ города Ораніенбаума, близъ С.-Петербурга. Рис. П. Гнѣдичъ, грав. Рашевскій.

Видъ Берхтесгадена въ Южной Баваріи. Рис. Р. Штиллеръ, грав. Бренд'Амуръ.

ныхъ фигуръ и барельефовъ и компановка ихъ принадлежитъ художнику Лансере. Вся крышка вазы украшена чеканнымъ узоромъ въ римскомъ стилѣ, а верхъ ея увѣнчанъ конной статуей гусара. Верхняя часть вазы соединяется съ нижней фигурами сатировъ и тутъ же вокругъ нихъ идетъ искусное по отдѣлкѣ плато съ чарами, имѣющими форму древнихъ языческихъ жертвенниковъ. Античному виду всей вазы еще способствуетъ мастерская оксидировка металла, при которой болѣе выдается отчетливое выполненіе деталей. Барельефы находятся какъ въ верхней, такъ и въ нижней части вазы и представляютъ различныя сцены изъ бивуачной и боевой жизни кавалериста. Внизу вазы, кругомъ всего пьедестала, идетъ длинный рядъ вычеканенныхъ фамилій тѣхъ офицеровъ, которые поднесли этотъ подарокъ своему любимому начальнику. Размѣръ вазы въ вышину 16, а въ длину 20 вершковъ, вѣситъ около ста фунтовъ, а цѣнность ея опредѣляютъ болѣе чѣмъ въ 10,000 рублей.

Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь, что фирма Сазиковыхъ существуетъ уже съ конца прошлаго столѣтія (съ 1793 года). Въ настоящее время оборотный капиталъ этой фирмы достигаетъ 400.000 рублей; употребляется въ теченіе года серебра на издѣлія до 10,000 фунт., мастеровъ работаетъ на фабрикѣ до 100 человѣкъ.

Буюкдере.

Постоянное увеличеніе европейскаго населенія въ Константинополѣ, особенно замѣтное со времени Крымской войны, повлекло за собою и значительное расширеніе прежнихъ границъ этой столицы, такъ что многія окрестныя селенія вошли въ черту ея и сдѣлались предмѣстьями. Все прибрежье Золотого Рога и Босфора застроилось цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ виллъ и лѣтнихъ дворцовъ, красивыхъ кіосковъ, а также кофеенъ и отелей, гдѣ европейскій путешественникъ можетъ найти по своему вкусу вполнѣ комфортабельное помѣщеніе, что большая рѣдкость на мусульманскомъ востокѣ. Со здѣшнихъ береговъ открываются прелестные виды, а вѣтерокъ, дующій со стороны Чернаго моря, умѣряетъ лѣтній жаръ до пріятной прохлады, такъ что въ самый сильный зной термометръ опускается здѣсь иногда на десять градусовъ ниже нежели въ Перѣ и потому неудивительно, что почти все зажиточное, столичное населеніе спѣшитъ на эти берега, чтобы пользоваться здѣсь живительной прохладой, а многіе богатые негоціанты даже держатъ особые пароходы, которые каждый вечеръ привозятъ ихъ сюда отдохнуть и освѣжиться. Самымъ же любимымъ мѣстомъ лѣтняго отдохновенія всей европейской колоніи давно сдѣлалось преимущественно Буюкдере (по тур. большая долина), гдѣ почти всѣ европейскіе посланники имѣютъ свои виллы. Это предмѣстье Константинополя расположено полукругомъ на Европейскомъ берегу Босфора, въ шести или восьми миляхъ отъ Чернаго моря и очень красиво съ виду, такъ какъ его изящная набережная украшена цѣлымъ рядомъ богатыхъ зданій, между которыми особенно замѣчателенъ по красотѣ постройки лѣтній дворецъ русскаго посланника, а позади зданій виднѣются величавыя возвышенности покрытыя густою зеленью лимонныхъ рощъ и виноградниковъ. Вообще растительность этой плодородной мѣстности иногда достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Такъ, здѣсь существуетъ нѣсколько платановъ, изумительныхъ по своей величинѣ. Одно изъ этихъ гигантскихъ деревьевъ принадлежитъ саду мѣстнаго отеля и въ вѣтвяхъ его устроена большая бесѣдка. Другой платанъ, который по богатству своей листвы и громадности вѣтвей можетъ назваться цѣлымъ лѣсомъ, растетъ въ долинѣ, на концѣ главной улицы Буюкдере. Въ огромномъ его стволѣ встрѣчаются такія широкія трещины, что они образуютъ настоящія пещеры, въ которыхъ свободно разводятъ костры окрестные пастухи и погонщики. По народному преданію, подъ этимъ платаномъ стояли лагеремъ войска крестоносцевъ и потому его обыкновенно называютъ платаномъ Готфрида Бульонскаго.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что помимо своего значенія, какъ мѣстности прелестной по климату и мѣстоположенію Буюкдере можетъ еще играть роль и важнаго стратегическаго пункта въ случаѣ начала военныхъ дѣйствій въ виду Константинополя. Англичане, быть можетъ, именно въ виду этого (вѣрнѣе—чтобы только найти предлогъ) заявили протестъ противъ выбора Буюкдере мѣстомъ для отправки нашихъ войскъ на судахъ въ Россію чрезъ Черное море.

Деревенскій богатый наслѣдникъ.

Какъ важно выступаетъ этотъ мальчуганъ. Закусивъ сорванную гвоздику и заложивъ руки въ карманы жилетки, онъ, можетъ быть, даже незамѣтно для самаго себя, копируетъ старшихъ: гвоздика въ этомъ случаѣ замѣняетъ ему коротенькую трубочку, которую, не выпуская изо рта, любитъ посасывать кто-нибудь изъ его старшихъ; руки, запущенныя въ карманы жилета, тоже уложены туда въ незамѣтномъ подражаніи старшимъ. Все въ его фигурѣ говоритъ, что онъ живетъ въ состоятельномъ семействѣ и подобно своимъ старшимъ чувствуетъ себя властелиномъ надъ всѣмъ, его окружающимъ. Онъ король среди соломы и травокъ двора; курицы, утки, гуси, бараны—его подданные, надъ которыми онъ имѣетъ право жизни и смерти. Его костюмъ щеголеватъ, шапка красиво откинута на затылокъ, галстукъ распущенъ изъ-подъ воротничка бѣлой рубашки и большія пряжки сверкаютъ на его башмакахъ. Все указываетъ, что въ той семьѣ, среди которой выростаетъ этотъ будущій хозяинъ, есть достатки и ихъ не жалѣютъ на то, чтобы хорошо одѣть мальчика и не только доставить ему этимъ удовольствіе, но и самимъ налюбоваться на него. Онъ, можетъ быть, единственный сынъ и любимецъ семьи: на него положены вся любовь, всѣ старанія родныхъ, его балуютъ, и сосѣдніе мальчики не смѣютъ задирать съ нимъ, а напротивъ, послушны ему.

— Командиръ, говорятъ они втихомолку съ насмѣшкой про него, а сами все сдѣлаютъ какъ онъ захочетъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ оказывается ихъ командиромъ.

На сколько все это вредно или полезно вліяетъ на образованіе характера мальчика—рѣшить не легко. Бываетъ такъ, что при подобныхъ условіяхъ выростаютъ прекрасныя дѣти, бываетъ и такъ, что при самыхъ строгихъ правилахъ воспитанія, при самомъ тщательномъ наблюденіи надъ развитіемъ и образованіемъ характера и направленіи его по строго-научнымъ методамъ, выростаютъ хлыщи и лѣнтяи. Это не такъ легко рѣшить, какъ думаютъ многіе слишкомъ вѣрующіе въ неотразимую силу педагогіи. Если бы въ самомъ дѣлѣ существовали строго опредѣленныя правила воспитанія, ясно указывающія, что вотъ *такъ* нужно воспитывать *каждаго* мальчика, *такія* вотъ именно мѣры необходимы для *каждаго*—тогда чего бы легче: взялъ себѣ книжку и дѣйствовалъ по ней. Такъ и дѣйствуютъ многіе воспитатели, не мудрствуя лукаво—и выходитъ изъ ихъ воспитанія иной разъ, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ что.

Но какой же въ концѣ концовъ выводъ изъ всего нами сказаннаго? Выводъ, полагаемъ, тотъ, что недостаточно одной книжки, которая бы статьями и параграфами указывала *какъ* нужно воспитывать, а необходимо главнѣйшимъ образомъ самимъ воспитателямъ смотрѣть за собою и своимъ примѣромъ воспитывать другихъ, а не придерживаться того извѣстнаго правила, по которому:

„Учить, какъ жить, я пять тысячъ беру,
А жить, какъ учу—десяти не возьму.

Все это мы сказали, впрочемъ, вовсе не для того, чтобы входить въ весьма сложные и весьма глубокой осторожности требующіе вопросы о воспитаніи. Насъ только навелъ на эти мысли прекрасный мальчуганъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Другой глубокомысленный человѣкъ, смотря на него, пожалуй, подумаетъ:

— Эдакой балованный мальчикъ ростетъ, а вѣдь во всемъ виновато богатство—не будь его, былъ бы чудесный изъ него работникъ.

Да, можетъ быть иной разъ и богатство виновато; а иной разъ, пожалуй, и нѣтъ. И тотъ, кто поторопится высказать рѣшительное заключеніе, всего скорѣе можетъ оказаться въ положеніи того человѣка, про удачный отвѣтъ котораго часто говорятъ: „попалъ пальцемъ въ небо“. **Д. Стахѣевъ.**

Г. Ораніенбаумъ.

По невысокимъ волнистымъ холмамъ южнаго берега Финскаго залива, верстахъ въ сорока отъ Петербурга, какъ разъ противъ Кронштадта, разсыпалась на какой-нибудь квадратной верстѣ группа чистенькихъ домиковъ, перемежаясь купами садовъ. Иные дома всѣ затонули въ зелени и только кажутъ свою узорную вышку изъ-за вершинъ деревьевъ, иные скучились, приформились, вытянулись въ строй, образовали улицу. У самаго берега высится красивое каменное зданіе вокзала Балтійской желѣзной дороги. Нѣсколько въ сторонѣ—церковь, безъ всякихъ претензій, маленькая, деревянная. Неуклюжая колонна торчитъ возлѣ. Надъ городомъ тишь да гладь—это Ораніенбаумъ.

Уголокъ этотъ каждое лѣто процвѣтаетъ: масса дачниковъ изъ Петербурга и Кронштадта съ ранней весны забирается по всѣмъ окрестнымъ закоулкамъ, переполненнымъ всевозможными дачами, отъ самыхъ роскошныхъ апартаментовъ, до простыхъ чухонскихъ избушекъ, кое-какъ выклеенныхъ обоями. Причины этого наплыва—во первыхъ, прекрасный здоровый воздухъ, во вторыхъ—очень удобныя купальня, которыя здѣсь нѣсколько громко именуются „морскими“ и наконецъ—сравнительная дешевизна дачъ, далеко превосходящихъ своимъ картиннымъ мѣстоположеніемъ парголовскія, новодеревенскія, кушелевскія и другія вмѣстилища небогатаго слоя петербургскаго населенія. Жизнь здѣсь несравненно проще, „натуральнѣе“, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, ближе подходитъ къ деревенскимъ нравамъ. Здѣсь дачницы по утрамъ не стѣсняясь идутъ купаться въ бѣлыхъ капотахъ, съ распущенными волосами, прикрывая, впрочемъ зонтикомъ свои лица отъ встрѣчныхъ мущинъ. Здѣсь нѣтъ того пошлаго элемента, который царитъ въ иныхъ пунктахъ петербургскихъ окрест-

ностей, вслѣдствіе переполненія ихъ этой рассой. Здѣсь можно встрѣтить и роскошныя англійскія закладки, и скромный тарабанъ, и извощика съ дырявымъ кузовомъ дрожекъ. Здѣсь даже сплетни не выползаютъ наружу, можно все лѣто прожить бокъ-о-бокъ съ сосѣдомъ и не знать какъ его фамилія и какимъ бракомъ онъ предпочитаетъ жить—гражданскимъ или законнымъ.

Здѣсь выработалась какая-то своеобразная, исключительная атмосфера жизни, къ которой такъ привыкли постоянные обитатели, что кромѣ своего „Рамбова“ знать больше ничего не хотятъ.—„Помилуйте,—восклицаютъ они,—да здѣсь рай земной. Вокругъ затишье, мѣстность красивая, виды на взморье превосходные, на каждомъ балконѣ à la pointe сидишь. Въ городѣ два раза въ недѣлю театръ, въ саду оркестръ Гунгля, и до Петербурга всего полтора часа ѣзды,—чего же еще надо?“

Дѣйствительно, и театръ и музыка въ Ораніенбаумѣ очень порядочныя. Да оно иначе и быть не могло, публика столичная, избалованная, на какой нибудь сбродъ не польстится. Въ силу этого обстоятельства ораніенбаумскій театръ (довольно изящное зданіе въ русскомъ стилѣ)—видѣлъ на своихъ подмосткахъ лучшихъ представителей провинціальныхъ сценъ и даже въ видѣ исключительныхъ случаевъ, въ бенефисы, такихъ артистовъ, какъ В. В. Самойловъ. Сборы, смотря по времени и труппѣ, конечно, различны—но въ общемъ, повидимому, удовлетворительны... Театръ въ Ораніенбаумѣ—гордость „туземцевъ“ и „пика“ сосѣднему Петергофу, имѣющему пустое театральное зданіе...

— А главное купанье, купанье! кричитъ „рамбовецъ“. Купанье, точно, *иногда* бываетъ очень порядочное, но только иногда. Когда вода въ „морѣ“ доходитъ до пояса купающимся, они наивно восклицаютъ: „У, какъ глубоко сегодня!“... О постоянной глубинѣ залива предоставляю судить читателямъ.

Мѣстныя купальни—будочки въ видѣ избушекъ на курьихъ ножкахъ, далеко заброшенныя въ „морѣ“ и соединенныя съ берегомъ мостками, укрѣпленными на воздушныхъ жердочкахъ. Въ этихъ будочкахъ раздѣваются и по кривымъ лѣстницамъ спускаются на открытый просторъ залива. Дно здѣсь то песчаное, то глинистое, мѣстами поросшее подводною травою и камышемъ, которымъ здѣсь кормятъ коровъ. Гранитныя обломки приличныхъ размѣровъ щедро вкраплены въ землю, указывая на близость своей родины—Финляндіи.

Ораніенбаумъ—однолѣтокъ Петербургу, имѣетъ нѣкоторое историческое значеніе въ событіяхъ прошлаго столѣтія. Въ эпоху завоеванія Ингерманландіи, на мѣстѣ его лежала груда грязныхъ чухонскихъ избенокъ, вѣроятно того же типа, какъ и теперешнія окрестныя избы, крытыя соломой, съ разшатавшимися, непроходимо грязными скотными дворами. Въ числѣ другихъ даровъ императора Петра, это мѣсто отошло во владѣніе свѣтлѣйшаго Меншикова. Здѣсь онъ задумалъ устроить себѣ мызу, заложилъ себѣ дворецъ, нѣсколько западнѣе рѣчонки Коростн, впадающей въ заливъ и назвалъ эту мызу Ораніенбаумомъ. Работа закипѣла, насиженныя гнѣзда полетѣли съ мѣстъ: дворецъ быстро росъ, отстраивался, обсаживался, и затѣи временщика дошли наконецъ до того, что у дома былъ выкопанъ бассейнъ съ каналомъ до моря, чтобы Петръ, частенько навѣщавшій постройки на Котлинѣ (всего верстахъ въ восьми отъ мызы), могъ на томъ же катерѣ подходить прямо къ дому любимца на обратномъ пути въ столицу. Устроили дорогу въ Петергофѣ, гдѣ тоже частенько бывалъ государь, и Ораніенбаумъ сталъ свидѣтелемъ постоянныхъ дружественныхъ встрѣчъ Петра съ Меншиковымъ, на котораго драгоцѣннымъ дождемъ сыпался ливень отличій. Онъ видѣлъ лучшіе дни славы и величія своего основателя.

Послѣ смерти Петра, Ораніенбаумъ уже имѣлъ видъ города. Сюда Меншиковъ, ставшій опекуномъ Петра II, привозилъ ребенка царя на блистательные праздники, дававшіеся въ честь его. Фейерверки, иллюминаціи затопили своимъ свѣтомъ юный городъ, но не могли удержать князя на высотѣ его величія. Роковой 1727 годъ унесъ все его счастіе, величіе: Государь не пріѣхалъ на торжественное освященіе ораніенбаумской церкви, вопреки своему обѣщанію; Меншиковъ осмѣлился стать на царское мѣсто, подъ балдахинъ съ императорскимъ гербомъ. Это послужило мотивомъ его ссылки.

Ораніенбауму грозила участь сдѣлаться „захудалымъ“ мѣстомъ, но по какимъ-то счастливымъ для него обстоятельствамъ этого не случилось. Елисавета назначила его мѣстожительствомъ Петра III. Петръ переѣхалъ сюда съ супругой и задумалъ преобразить городъ въ крѣпость съ переименованіемъ его въ Петерштадтъ. Опять поднялась работа, ломка. Впрочемъ никакихъ серьезныхъ укрѣпленій не возвели и теперь отъ нихъ остались одни ворота.

Въ 1780 года Ораніенбаумъ получаетъ уѣздъ и сходитъ съ подмостковъ исторической сцены. Начинается рядъ однообразныхъ, ничѣмъ не замѣчательныхъ годовъ, изрѣдко нарушаемый какимъ нибудь ужаснымъ пожаромъ. Онъ начинаетъ переходитъ изъ рукъ въ руки отъ Александры Павловны къ Михаилу Павловичу, отъ Михаила Павловича къ Еленѣ Павловнѣ. Великолѣпный дворецъ воздвигается на мѣстѣ мызы Меншикова. Наконецъ въ 1849 году онъ остался за штатомъ, причисленный къ Петергофскому уѣзду, каковымъ и пребываетъ до настоящаго времени. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ его оживила желѣзная дорога, и конечно онъ никогда не имѣлъ того привлекательнаго вида, какъ теперь.

П. Г.

Берхтесгаденъ.

Мѣстечко Берхтесгаденъ принадлежитъ къ самымъ очаровательнымъ мѣстностямъ южной Баваріи: оно лежитъ среди великолѣпнаго ландшафта въ германскихъ альпахъ. Во времена прежней германской имперіи мѣстечко это было самостоятельной церковной областью знатныхъ и могущественныхъ пробстовъ Берхтесгаденъ, владычество которыхъ окончилось въ 1803 году. Это церковное княжество, занимающее пространство въ 8 квадратныхъ миль, имѣетъ 8900 жителей; только шестая часть земли обработывается здѣсь, все же остальное пространство—лѣсъ, скалы, вода и горы. Берхтесгаденъ — одинъ изъ самыхъ красивыхъ и величественныхъ пунктовъ альпійскаго міра, окруженъ со всѣхъ сторонъ горными исполинами. на западѣ разстилается Каменное море (1938 метровъ надъ уровнемъ моря) съ вершинами: Шенфельдшпитцъ (2722 мет.). Гундстодъ (2600 м.), Ватцманнъ (2740 м.), Гохкальтеръ (2684 м.); на юго-востокѣ—Гёлль (2500 мет.), на сѣверо-востокѣ - Унтерсбергъ (1655 м.). Здѣсь нѣтъ ни долинъ, ни равнинъ; сильное, суровое населеніе этой области занимается преимущественно солянымъ промысломъ, скотоводствомъ, рубкою и сплавомъ лѣса, фабрикаціей ящиковъ и другихъ деревянныхъ издѣлій, и особенно рѣзьбою изъ дерева, слоновой кости и оленьяго рога; рѣзныя издѣлія здѣсь доведены до высокой степени совершенства и составляютъ выгодную статью дохода. кромѣ того иностранцы, привлекаемые дикою, величественною природою, стекаются сюда массами и доставляютъ жителямъ тоже не малый заработокъ. Желѣзная дорога доходитъ до сѣверной границы этой области. Самое мѣстечко Берхтесгаденъ, ютится на небольшой, открытой террасѣ на южномъ склонѣ Унтерсберга, у подошвы котораго сливаются Рамзаусскій и Кенигзесскій Ахъ. Хорошенькіе домики мѣстечка, въ которомъ всего одна улица, разбросаны по этой терассѣ, лежащей на высотѣ 622 мет. надъ уровнемъ моря. Берхтесгаденъ въ 1800 душъ служитъ мѣстопребываніемъ для окружнаго начальства и Ландгерихта. Въ центрѣ мѣстечка возвышается обширный монастырь, прежняя резиденція пробстовъ, въ настоящее же время королевскій замокъ, и старинная готическая монастырская церковь, построенная въ XII в. Около нихъ группируются: двѣ довольно большихъ церкви, францисканскій пріютъ, королевская вилла, нѣсколько красивыхъ дачъ частныхъ лицъ, рисовальная школа и школа для рѣзчиковъ, и двѣ гостинницы, къ сожалѣнію очень дорогія и мало комфортабельныя. Соляной рудникъ и соловарня Фраценрейтъ—единственныя достопримѣчательности мѣстечка, за то природа здѣсь восхитительна, окрестности Берхтесгадена изобилуютъ очаровательными, величественными видами. Первое мѣсто по красотѣ занимаютъ: прозрачное, зеленое озеро Кенигзее, красивѣйшее изъ германскихъ озеръ, длиною въ 2 мили, а шириною въ ½ м., окруженное почти со всѣхъ сторонъ крутыми утесами, достигающими до 8000 ф. высоты, къ юго-западу отъ него находится другое великолѣпное озеро, Оберзее, лежащее среди мраморныхъ скалъ; далѣе слѣдуютъ Ватцманъ, Рамзау, Вимбахкламъ, Зейссенбергкламъ и другіе горные великаны этой страны. Кто желаетъ поближе ознакомиться съ горной природой этой мѣстности и ея красотами, тому удобнѣе всего остановиться въ Берхтесгаденѣ, очаровательномъ мѣстечкѣ, изображенномъ на нашей картинкѣ, такъ какъ оно лежитъ въ самомъ сердцѣ страны.

Щ.

Электрическое перо Эдисона.

Американскій профессоръ Эдисонъ, уже извѣстный изобрѣтеніемъ фонографа, недавно изобрѣлъ интересный приборъ, названный имъ „электрическимъ перомъ“.

Важность этого новаго изобрѣтенія въ настоящее время опредѣлить еще весьма трудно, но несомнѣнно, что ему предстоитъ блестящая будущность. Посредствомъ этого электрическаго пера можно напечатать, примѣрно до 5,000 копій текста, рисунковъ, чертежей или нотъ. Процессъ этого воспроизведенія можно изучить въ *5 минутъ* и практиковаться въ короткое время настолько, чтобы воспроизвести электрическимъ перомъ отъ 300 до 500 копій въ часъ.

Это изобрѣтеніе много обѣщаетъ выгодъ дѣловымъ людямъ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что новое изобрѣтеніе Эдисона не можетъ вытѣснить изъ употребленія литографическія работы или же другія спеціальныя соприкосновенья съ литографіей искусства; несомнѣнно, однако, что оно будетъ большимъ конкуррентомъ и литографіи, и упомянутымъ искусствамъ. Въ этомъ можно уже убѣдиться, лишь только обратить вниманіе на быстроту и многочисленность, съ которыми возможно, электрическимъ перомъ, распространять копіи оригинала, и притомъ съ такою дешевизною... Уже съ августа 1876 года

электрическое перо Едисона и принадлежащій къ нему такъ называемый „размножающій“, прессъ были въ употребленіи въ Америкѣ. А въ настоящее время тотъ и другой нераздѣльные аппараты введены въ Англіи, Канадѣ, Франціи, Австраліи, Бразиліи и другихъ земляхъ, такъ что въ настоящее время болѣе чѣмъ 5,000 подобныхъ инструментовъ находятся въ дѣйствіи. Собственно въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ аппаратъ Эдисона успѣлъ стяжать себѣ такое общее одобреніе, что его можно найдти во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ штатовъ, во всѣхъ бюро американскихъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и въ бюро другихъ компаній, въ университетахъ, въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, въ страховыхъ обществахъ и т. д. Во всѣхъ штатахъ Америки изобрѣтеніе Эдисона патентовано.

Аппаратъ состоитъ изъ электро-магнитной машины, вставленной въ раму. Къ машинѣ придѣлана заостренная на концѣ трубка. Внутри трубки находится обыкновенная игла, прикрѣпленная къ полоскѣ. Игла весьма быстро движется вверхъ и внизъ, и притомъ прикрѣплена къ эксцентрически вращающемуся стержню. И вотъ посредствомъ этого-то движенія возбуждается электрическій токъ, и проходитъ онъ двумя проволоками, изолированными между собою и обмотанными тканью. Ткань должна быть достаточно гибка и мягка, для того, чтобы не представлять никакого или же весьма малое препятствіе движеніямъ пишущаго. Электрическій токъ проходитъ, посредствомъ проволокъ, изъ электрической баттареи машины къ перу, и посредствомъ придѣланныхъ магнитовъ дѣлается электромагнитнымъ токомъ. Если приведенное такимъ образомъ въ движеніе перо, держать вертикально и дѣлать легкій нажимъ на бумагу, на которой назначено писать и видоизмѣнять направленія движеній пера,—то *произойдутъ безчисленныя пунктированныя линіи*. Происхожденіе этихъ линій обусловливается неимовѣрно быстрымъ движеніемъ иглы (*133 раза въ секунду*).

И вотъ этимъ то способомъ получается весьма тонкій бумажный шаблонъ, или, выражаясь еще болѣе технически, „станца“ и съ помощью этого шаблона уже весьма легко воспроизвесть извѣстное число *факсимиле* съ оригинала. Для этой цѣли употребляютъ *пресующій* аппаратъ, составляющій принадлежность изобрѣтенія Эдисона. Прессъ этотъ состоитъ изъ металлическаго базиса или подставки (она имѣетъ форму совершенно гладкой металлической доски, служащей подкладкою для листа, на которомъ хотятъ печатать). Рама, соединенная съ прессомъ крючками и снабженная пружинами, въ которой укрѣпляется шаблонъ, въ то время, когда кладется получающій оттискъ чистый листъ,—ударяетъ на доску пресса. За симъ по шаблону проходитъ мягкій валецъ, пропитанный разжиженными чернилами, и отъ этого маленькія дырочки или углубленія пунктира наполняются краскою, а этотъ пропитанный чернилами пунктиръ теперь уже легко переносится на подложенную внизу бумагу.

Какъ результатъ этой процедуры, получается точное факсимиле или копія съ оригинала. Напечатанный листъ отнимается и замѣняется новымъ и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не получается требуемое число копій.

Самая баттарея состоитъ изъ такъ называемыхъ *хромовыхъ* элементовъ, снабженныхъ особымъ подъемнымъ клапаномъ для того, чтобы поднимать ихъ жидкость, цинкъ и уголь, составляющіе избытокъ и которые безъ этого были бы непроизводительно разъѣдены кислою жидкостью. Электрическое перо и прессъ Едисона приготовляются подъ различными №№ и слѣдовательно различныхъ величинъ; соотвѣтственно этому опредѣляется и величина печатаемыхъ электрическимъ способомъ копій и различная цѣнность машинъ, стоющихъ 80 и 90 руб.

На прилагаемыхъ нами двухъ рисункахъ изображены какъ внѣшній видъ самаго аппарата съ держимымъ въ рукѣ электрическимъ перомъ, такъ и печатающій или размножающій пунктированные факсимиле прессъ, для большей ясности и наглядности представленный раскрытымъ.

Аппаратъ этотъ уже появился въ Гамбургѣ и вѣроятно скоро будетъ продаваться въ Петербургѣ.

Библіографія.

«Казанскій Литературный Сборникъ», изданный въ пользу крестьянъ казанской губ. пострадавшихъ отъ неурожая. Казань 1878 г. цѣна (540 стр.), 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к. Склады изданія: *въ С.-Петербургѣ* въ книжн. магазинѣ Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л. 7, и *въ Казани* у книгопродавцевъ А. А. Дубровина, А. С. Дубровина, и въ магазинѣ „Восточная Лира“.

Всякая книга, изданная съ благотворительною цѣлью, заслуживаетъ уже по цѣли своего изданія того, чтобы на нее обратили вниманіе; но въ данномъ случаѣ книга, заглавіе которой мы выписали выше, заслуживаетъ вниманія и по своему содержанію. Издана очень удовлетворительно и содержаніе ея весьма разнообразно—и нельзя не замѣтить, представляетъ немало интересваго. Выписываемъ здѣсь оглавленіе этой книжки.

Отъ издателей-сотрудниковъ.—Въ деревнѣ—Къ вопросу о неурожаяхъ.—Не разсуждай, а исполняй!—На Волгу.—На пчельникѣ.—Курослѣповъ—Страничка изъ жизни пятидесятыхъ годовъ.—Казанская періодическая пресса („Заволожскій муравей“).—Карлъ Федоровичъ Фуксъ и его время.

Смѣсь.

Въ храмѣ Юноны въ Олимпіи при раскопкахъ нашли статую *работы Праксителя*, которой есть описаніе у Павзанія. Статуя эта представляетъ Меркурія держащаго на рукахъ Вакха. Она сдѣлана изъ мрамора и ни сколько не пострадала отъ времени.

Извѣстный капитанъ *Павелъ Бойтонъ* недавно, именно 22 марта с. г., успѣшно переплылъ Гибралтарскій проливъ. Отправившись утромъ изъ Тарисы, на берегахъ Испаніи, чрезъ 17 часовъ онъ прибылъ въ Танчеръ, въ Африкѣ. Ему пришлось выдерживать безпрестанную борьбу съ морскими теченіями, но онъ, однакожь, неподвергся нападенію акулъ, хотя и встрѣтилъ ихъ не мало во время своего семнадцати часоваго плаванія.

Въ Манчестеръ доставлена *изъ Америки машина*, которая возбуждаетъ теперь всеобщее вниманіе. Машина эта сшиваетъ проволокою брошюры, книги, тетради и проч. Исчисляютъ, что стоимость этой проволоки дешевле нитокъ. Сшитыя такимъ способомъ книги весьма удобно раскрываются и уже сами собою закрываются. Работаетъ машина быстро и можетъ сшить въ часъ до 2000 брошюръ.

Драгоцѣнные камни, приготовленные искусственнымъ путемъ. Въ Парижѣ много шуму надѣлало искусственное произведеніе натуральныхъ драгоцѣнныхъ камней, изъ семейства корундовъ—яхонтовъ. Открытіе это принадлежитъ гг. Фреми и Фейлю. Камни приготовляемые ими по своей тождественности съ натуральными камнями, не могутъ быть названы поддѣльными: *они совершенны и своими внутренними, химическими свойствами.* Способъ приготовленія означеныхъ камней Фреми и Фейлемъ такой: смѣсь алюмината свинца съ кремнеземомъ накаливается въ доменной печи. Красно калильная температура поддерживается около 24 дней. Отъ сильнаго жара чистый глиноземъ отдѣляется отъ свинца и кристализуется въ ромбоэдры. Получается безцвѣтный корундъ (яхонтъ) почти не уступающій алмазу; если же къ кристаллизующемуся безцвѣтному корунду прибавить извѣстную долю двухромокислаго кали, то получится рубинъ, если же кобальта—то сафиръ. Видимо, что съ прибавленіемъ другихъ окрашивающихъ примѣсей, цвѣта камней могутъ разнообразиться до чрезвычайности, и могутъ получаться какъ самые дорогіе, такъ и дешевые камни.

Парижскіе ювелиры пришли въ совершенный ужасъ отъ новаго открытія и выступили съ колективнымъ заявленіемъ что это изобрѣтеніе только выдумка праздныхъ людей. Парижская же академія наукъ признала тождество искусственныхъ сафировъ и рубиновъ съ настоящими. Это открытіе конечно, произведетъ громадный упадокъ въ цѣнности драгоцѣнныхъ камней—и, понятно, недаромъ такъ перетрусили парижскія ювелиры, услышавъ о поразившей ихъ новости.

Международная ассоціація мошенниковъ. Римское полицейское управленіе разослало полиціямъ всѣхъ большихъ городовъ Европы, въ томъ числѣ и петербургскому градоначальству. сообщеніе объ открытомъ въ Римѣ притонѣ международныхъ мошенниковъ, имѣющихъ свои филіальныя отдѣленія во всѣхъ столицахъ и большихъ городахъ Европы. При сдѣланномъ въ квартирѣ одной дамы (стоявшей во главѣ этой преступной ассоціаціи) обыскѣ, найдено множество брилліантовъ и другихъ драгоцѣнностей, на коробкахъ которыхъ красуются фирмы ювелировъ Петербурга, Брюсселя, Мадрида, Венеціи, Берлина, Парижа и проч. Мошенничество было, повидимому, организовано въ большихъ размѣрахъ, и между филіальными отдѣленіями ассоціаціи въ различныхъ городахъ происходилъ постоянный обмѣнъ добычи, такъ что краденныя въ одномъ государствѣ драгоцѣнности сбывались въ другомъ. Судя по всему, общество это дѣйствовало уже болѣе пяти лѣтъ. Итальянская полиція обращается къ полицейскимъ управленіямъ всѣхъ столицъ и большихъ городовъ Европы съ просьбою о содѣйствіи въ поимкѣ членовъ международной ассоціаціи мошенниковъ.

(Продолженіе на стр. 337, 338, 339 и 340).

До́ма.

(Изъ А. Шультса).

Въ вечерній часъ, какъ передъ сномъ
Начнутъ молиться дѣти,
Люблю я слушать у дверей
Всегда молитвы эти.

Благоговѣйно я стою,
Безшумно у порога...
Чиста, свѣтла молитва та
Передъ престоломъ Бога!

Пока не кончатъ—не войду,
Святыни не нарушу,
И слезы облегчатъ мою
Растроганную душу.

Войду—и тутъ объятья ихъ,
Ихъ дѣтскій лепетъ милый
Мнѣ сердце трогаютъ всегда
Съ неотразимой силой.

И звѣзды въ комнатку глядятъ,
Какъ силъ небесныхъ очи,
И миръ нисходитъ въ душу мнѣ
Въ тиши безмолвной ночи.

Н. Боевъ

Политическія и внутреннія извѣстія

Въ Англіи на прошлой недѣлѣ вѣсы клонились въ пользу мира. Министерство внутреннихъ дѣлъ передало королевѣ Викторіи за 17,000 подписей промсморію, въ которой выражено сожалѣніе по поводу созыва резерва и высказана просьба, чтобы Королева употребила свое вліяніе въ пользу собранія конгресса, въ видахъ сохраненія европейскаго мира. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ промеморію, находятся герцоги Уэстминстерскій и Брэдфордскій, многіе перы, епископы, члены палаты общинъ, выдающіеся духовныя лица и писатели. Но *Англія*, понимаемая въ смыслѣ представительницы общественнаго мнѣнія, интересовъ справедливости, международной равноправности и гуманности, и *англійское* современное министерство—двѣ противоположности. Поэтому воинственныя демонстраціи всетаки существуютъ. Остъ-индскія войска Англіи переправляются въ Европу, Англія выразила уже намѣреніе заключить конвенцію съ египетскимъ хедивомъ для безпрепятственнаго пропуска Остъ-Индскихъ войскъ черезъ Египетъ, на случай войны. Далѣе, Англія всѣми силами противится очисткѣ Батума и уступкѣ этой крѣпости Россіи.

Нѣкоторые политики вачертываютъ такой планъ для рѣшенія восточнаго вопроса. Политическое вліяніе должно раздѣлиться между всѣми европейскими державами; въ раздѣлѣ будутъ участвовать не только Россія, Англія и Австрія, но также Италія и Франція. Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ округлятся. Боснія отойдетъ къ Сербіи, Герцеговина къ Черногоріи, Болгарія, какъ самостоятельное цѣлое, сохранитъ свою самобытность, подъ верховнымъ вліяніемъ Россіи; Италія будетъ контролировать неприкосновенность Адріатическаго побережья; Франція позаботится о той же неприкосновенности и вмѣстѣ съ Англіей и Италіей будетъ стараться держать Россію отрѣзанною отъ Эгейскаго моря. Какъ ни произвольна и отчасти нелѣпа комбинація международныхъ интересовъ, заключающаяся въ этомъ планѣ, но въ ней коечто проглядываетъ, и прежде всего, страстное желаніе отрѣзать Россію отъ Эгейскаго моря. Это составляетъ, дѣйствительно, одно изъ больныхъ мѣстъ европейскаго руссофобства. Но если существуетъ европейскій планъ отрѣзать Россію отъ Эгейскаго моря, то уже и цѣлость Болгаріи становится безсодержательною фразою. Нѣтъ, пока всѣ планы и комбинаціи въ настоящее время крайне преждевременны. Намъ кажется, что но силѣ вещей выйдетъ не та комбинація, какую предлагаютъ. Результаты минувшей нашей славной войны ни въ какомъ случаѣ не погибнутъ, хотя бы снова ихъ пришлось защищать оружіемъ...

Судя однако по отрывочнымъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, и если принимать эти извѣстія за вѣрныя, почва соглашенія между Россіею и Англіею представляется довольно надежною—такъ что грозныя демонстраціи въ родѣ призыва войскъ изъ Индіи, конвенціи съ Египтомъ и посылка флота въ Балтійское море играютъ тутъ роль Биконсфильдовскихъ аксессуаровъ, для вящей важности. Англія, говорятъ иностранныя извѣстія, не соглашается съ нами только въ *двухъ* пунктахъ: по вопросу о *Батумѣ* (на Малоазіатскомъ берегу Чернаго моря) и о *границахъ Болгаріи*.

Англія всѣми силами настаиваетъ, чтобы Батумъ былъ оставленъ за Турціей, и за симъ, чтобы установленіе границъ Болгаріи было строго согласовано съ „этнографическими условіями", т. е. чтобы новая граница Болгаріи не захватывала областей, населенныхъ греками, чтобы Болгарія, слѣдовательно, была совершенно *отрѣзана* отъ Эгейскаго моря (и вотъ этимъ именно путемъ намѣревается Англія и Россію *отрѣзать* отъ Эгейскаго моря, какъ сказано выше) и прилегающая сюда часть Албаніи оставалась бы внѣ предѣловъ Болгаріи. Мы знаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о провинціяхъ *Румеліи, Ѳракіи и Македоніи*, которыя именно и отдѣляютъ Болгарію отъ Эгейскаго моря и въ которыхъ дѣйствительно существуетъ греческій элементъ, только не чистый, а смѣшанный. Албанію же раздѣляетъ отъ Македоніи огромная рѣка *Вардаръ*. Всякій, взглянувъ на карту, легко можетъ убѣдиться, что опасенія Англіи крайне странны. Какимъ образомъ Болгарія (или, что тоже. Россія) поглотитъ громадное пространство между рѣкою Марицей и Эгейскимъ моремъ, да еще перескочитъ р. Вардаръ, къ западу, чтобы захватить огромное пространство Албаніи до Адріатическаго моря? Биконсфильдъ и его братія опасаются, чтобы Турція не утратила непрерывной территоріальной связи съ остающимися въ ея распоряженіи владѣніями. Да, какъ это ни странно, а Англія боится исправленія границъ Болгаріи изъ-за другого страха, что Россія отниметъ у излюбленной ею Турціи оставшіяся у ней провинціи Ѳракію, Македонію и Румелію!.. Греки здѣсь не причемъ, но такъ какъ греки и греческая самостоятельность могли служить Англіи предлогомъ для теперешняго образа дѣйствій, то она такъ и горячится изъ-за греческихъ интересовъ теперь и разжигаетъ грековъ, тогда какъ прежде удерживала ихъ отъ войны.

Но не только Греція, а и Румынія находится въ настоящее время подъ покровительствомъ Англіи. Недавно парламенту англійскому представлена дипломатическая переписка, касающаяся Румыніи. Эта переписка содержитъ въ себѣ депеши министра Когальничано къ румынскимъ агентамъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, а также депеша лорда Салисбери, въ которой положеніе Румыніи представляется крайне *опаснымъ*, потому что Бессарабія занята русскими, и румынское правительство каждую минуту можетъ быть вынуждено удалиться въ Малую Валахію. Лордъ Салисбери хлопочетъ, чтобы Румынія имѣла своего представителя на конгрессѣ (если таковой состоится?)

И такъ, вотъ тѣ тревожные элементы, которые выставляются теперь Англіею, повидимому, съ откровенностью: *Цѣлость Турціи, обусловливаемая непрерывностью ея территоріи до Эгейскаго моря и приурочиваемая сюда же неприкосновенность Греціи, удержаніе Батума за Турціей, во имя той же цѣлости послѣдней*. Наконецъ—*цѣлость Румыніи*. Это явные, осязательные элементы спора, результатомъ котораго будетъ или разрывъ, или соглашеніе. Скрытыхъ же элементовъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, много, мы еще не знаемъ.

Вопросъ объ очищеніи турками крѣпостей Варны, Шумлы и Батума, за истекшую недѣлю нѣсколько подвинулся впередъ. Турки какъ будто стали податливѣе. Какъ ни противорѣчивы получаемыя до сихъ поръ на этотъ счетъ извѣстія, однако вѣрнымъ представляется то, что Батумъ уже не представляется чѣмъ-то неприкосновеннымъ, что о немъ ведутся переговоры. Недавно отправились въ Батумъ два турецкіе комисара. Наши войска занимаютъ въ окрестностяхъ Батума укрѣпленный пунктъ Ливану. За симъ изъ Варны понемногу выступаютъ турецкія войска; нѣсколько варненскихъ войскъ недавно вступило въ Константинополь. На счетъ *Шумлы* еще прежде получено было извѣстіе, что Порта въ вопросѣ о Шумлѣ подчиняется требованію Россіи, хотя и не рѣшается очищать Варну и Батумъ.

Изъ Берлина на прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что Германскій Императоръ Вильгельмъ 24-го апрѣля (6-го мая) принималъ нашего военнаго агента, генерала Рейтерна, который, по слухамъ, привезъ Императору Вильгельму собственноручное письмо Его Величества Государя Императора.

Наши войска еще находятся у *Санъ-Стефано* и новыя подкрѣпленія нашихъ войскъ на прошлой недѣлѣ высаживались также въ *Бургасѣ* (не много къ сѣверу отъ Мраморнаго моря). Сѣвернѣе же изъ *Галаца* въ *Журжево* продолжается доставка нашихъ резервныхъ войскъ. Въ Журжево уже прибыло 10,000 нашихъ резервовъ. Что касается англійскаго флота, то значительная часть его стоитъ въ Измидѣ. Въ Измидъ то и дѣло прибываютъ транспорты съ боевымъ матеріаломъ.

Таково положеніе вещей. Ясно, что несмотря на надежды на миръ, высказываемыя преимущественно въ дипломатическихъ сферахъ, шансы на миръ представляются крайне слабыми, въ виду фактовъ противоположнаго свойства. Сами событія не замедлятъ вскорѣ показать, что должно быть и какъ должно быть...

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ недавно погашено на 5,000.000 долларовъ государственныхъ бумагъ.

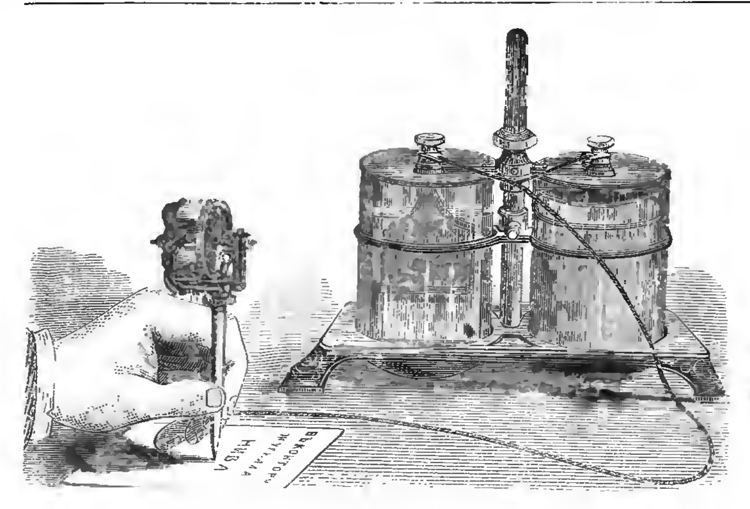
Генералъ-фельдмаршалъ великій князь Николай Николаевичъ 22 сего апрѣля прибылъ въ С.-Петербургъ.

22 апрѣля великая княжна Анастасія Михайловна помолвлена съ наслѣднымъ великимъ герцогомъ Макленбургъ Шверинскимъ, Фридрихомъ-Францемъ.

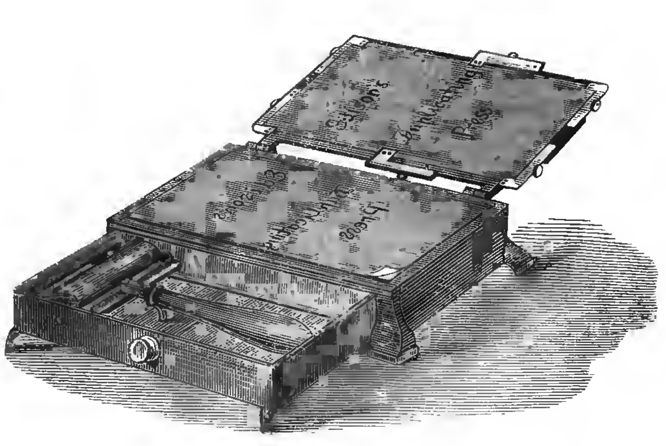
Изъ внутреннихъ извѣстій считаемъ нужнымъ указать на слѣдующія: Изъ Кахетіи доходятъ свѣдѣнія о новомъ волненіи, распространившемся въ послѣднее время въ Дагестанѣ. Лезгины и дидойцы ждутъ новой войны и готовятся къ возмущенію. Населеніе Кахетіи, какъ пограничное, обыкновенно первое страдаетъ отъ ихъ нападеній; но этому оно запасается оружіемъ и порохомъ, изъ деревень высылаются караульные отряды, слѣдятъ зорко за пріѣзжими горцами и пр.

Положеніе населенія казанской губ. возбуждаетъ серьезныя опасенія. Земство получило въ видѣ ссуды отъ правительства изъ общаго продовольственнаго капитала 600 т. р. но этого вспомоществованія оказалось недостаточно и земство поставлено въ необходимость обратиться съ ходатайствомъ о новой ссудѣ. По исчисленію эта ссуда должна превысить 1 мил. р. Значительность суммы наводитъ на горькія думы. Удастся-ли ходатайство о такой большой ссудѣ и если удастся, то до выдачи ссуды пройдетъ значительный промежутокъ времени, а между тѣмъ что дѣлать съ полями, которыя требуютъ яровыхъ посѣвовъ?

Къ навигаціи въ Западной Сибири имѣется слѣдующее количество пароходовъ. На обскомъ бассейнѣ болѣе 35 пароходовъ, которые въ прошлые года совершали рейсы по Оби, Тоболу, Турѣ, Томи и по Иртышу, между Тюменью, Тобольскомъ, Томскомъ, Обдорскомъ, Ялуторовскомъ и Семіярскою пристанью. Во время разлива пароходы доходятъ до Бійска, Маріинска, Кузнецка, Ачинска, Кургана, Ирбита и даже доходили до китайской границы по Иртышу и по озеру Норзайсанъ. Собственно на Тоболѣ срокъ навигаціи оффиціально опредѣленъ отъ весенняго вскрытія до 15 сентября, съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, владѣльцы мельницъ пользуются правомъ от-

Электро-магнитное перо Эдисона. (См. въ этомъ № стр. 335).

Размножающій прессъ къ электро-магнитному перу Эдисона.

крывать судопроходы за особую установленную съ судовщиковъ плату.

Засимъ сообщаемъ слухъ о томъ, что будто лазы готовятъ протестъ къ державамъ противъ присоединенія ихъ къ Россіи и что 1,500 лазовъ изъ окрестностей Батума намѣрены противиться вступленію русскихъ въ Батумъ. Судя по свѣдѣніямъ, заключающимся въ мѣстныхъ газетахъ, слухъ этотъ мало вѣроятенъ. Лазы—народъ грузинскаго племени; если, сверхъ чаянія, и въ самомъ дѣлѣ готовится нѣчто подобное, то это нужно приписать постороннимъ интригамъ.

Ариѳмогрифъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. русскій городъ.

2. 3. 6. насѣкомое.
1. 6. 3. 4. 6. для того, чтобъ не узнали.
2. 3. 2. 4. 6 трава.
3. 2. 5. 6. птица.
4. 6. 3. 4. 6. у военнаго.
1. 6. 1. 6. мать.
2. 4. 2 членъ тѣла.
3. 2. 3. 4. 6. только для ребенка.
4. 2. 3. 6. и у ребенка, и у дѣвицы, и у земли, и у китайца, и у смерти.

РЕБУСЪ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Какъ бы жалокъ былъ человѣкъ, еслибы не старался достигнуть вышечеловѣческаго. (*Линней*).

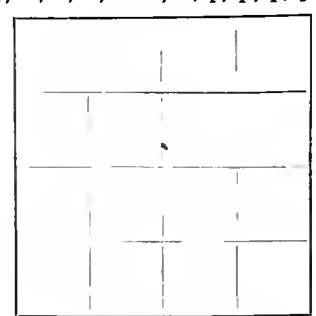
Есть три добрыхъ дѣла: посадить дерево, выстроить домъ, выростить и воспитать дитя. (*Зороастръ*).

Человѣкъ, который никогда не совершаетъ преступленія, не нуждается въ сводѣ законовъ. (*Солонъ*).

Задача.

Размѣстить въ шестнадцати клѣткахъ квадрата слѣдующія 16 буквъ:

а, а, а, а, а, у, ы, к, м, м, н, н, р, р, р, р.

Изъ этого размѣщенія должны получиться четыре слова, которыя можно читать слѣва на право и сверху внизъ.

Рѣшенія, какъ этой задачи, такъ и ариѳмогрифа съ ребусомъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Песни Л В.** Вы пишете:

Не вернется время счастья,
Не обниметъ онъ тебя,
Не укроетъ отъ *напастья*,
О, ты бѣдное дитя!

Не имѣемъ чести знать, къ кому относится ваше восклицаніе: „бѣдное дитя!" но смѣемъ увѣрить васъ, что по справедливости достоинъ его тотъ, кто такъ безжалостно ломаетъ русскій языкъ.

2. **Невскій, Бар. Нек—ону.** Указывая на то, что часто дарованія убиваются невниманіемъ къ нимъ литературы, вы однако умолчали о томъ, что имѣющіе дарованіе сами часто себя убиваютъ, напримѣръ, согласованіемъ такихъ риѳмъ:

Порывы сердца и души,
Всѣмъ имъ должны сказать прости...

Какая звучная риѳма!

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 20 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 15 Мая 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Генералъ адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій, сынъ царевича Имеретинскаго, уроженецъ Московской губерніи, родился въ 1837 г. Образованіе получилъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ.

Окончивъ курсъ наукъ, князь Имеретинскій на 19 году изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ на службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ конно-піонерный полкъ, а два года спустя, по собственному желанію, былъ переведенъ на Кавказъ въ 14-й гренадерскій грузинскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ.

На Кавказѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и походахъ противъ горцевъ и вездѣ выказывалъ свою необычайную храбрость, отличался военными доблестями. Въ 1858 году князь Имеретинскій былъ прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса для приготовленія къ поступленію въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Пройдя весь курсъ Академіи, онъ поступилъ на службу въ бывшій департаментъ Генеральнаго Штаба, но въ немъ онъ оставался недолго и былъ причисленъ вскорѣ къ Генеральному Штабу съ назначеніемъ въ штабъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Во время польскаго мятежа въ 1863 году, князь Имеретинскій былъ посланъ въ распоряженіе начальника кавалеріи гвардейскаго варшавскаго отряда.

Отличившись во многихъ дѣлахъ по усмиренію польскихъ мятежниковъ, князь Имеретинскій получилъ чинъ капитана, съ назначеніемъ исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго гвардейскаго варшавскаго отряда, а въ слѣдующемъ 1864 г. произведенъ въ полковники, съ утвержденіемъ въ занимаемой имъ должности и съ оставленіемъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Въ 1865 г. князь Имеретинскій, на основаніи Высочайше утвержденнаго 2-го іюня того же года, мнѣнія Государственна-

го Совѣта, признанъ имѣющимъ право на титулъ свѣтлости, Всемилостивѣйше пожалованный потомкамъ царей Имеретіи. Чрезъ два года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба командующаго войсками при гор. Варшавѣ, а спустя за симъ нѣкоторое время, былъ опредѣленъ состоять для особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа.

Въ 1867 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству Государю, а въ 1869 г., (на 32 году жизни), произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Императора. Въ 1873 году князь Имеретинскій сдѣланъ начальникомъ штаба Варшавскаго военнаго округа; въ этой должности онъ оставался около двухъ лѣтъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ, а вслѣдъ за упраздненіемъ этой должности въ 1876 г., былъ отчисленъ за штатъ и оставался бездѣятельнымъ до начала послѣдней войны Россіи съ Турціей, когда состоялось его назначеніе командующимъ 2-ю пѣхотной дивизіей.

Вообще, какъ можно видѣть изъ этой біографіи, князь Имеретинскій большую часть службы былъ начальникомъ различныхъ штабовъ, изъ чего слѣдуетъ заключить о его практическомъ знаніи штабной службы.

Въ дѣлѣ покоренія Плевны и плѣненія Османа-паши князь Имеретинскій былъ однимъ изъ главныхъ соучастниковъ. Онъ взялъ штурмомъ Ловчу и тѣмъ, можно сказать, подготовилъ паденіе Плевны. За взятіе Ловчи Александръ Константиновичъ получилъ генералъ-лейтенанта съ утвержденіемъ въ должности начальника 2-й пѣхотной дивизіи. Съ назначеніемъ генерала Тотлебена начальникомъ обложенія Плевны, князь Имеретинскій былъ назначенъ къ нему начальникомъ штаба и за взятіе Плевны получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ настоящее время Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, состоявшемуся 16-го апрѣля, генералъ-лейтенантъ князь Имеретинскій назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и начальникомъ штаба дѣйствующей дунайской арміи, на мѣсто ген. Непокойчицкаго, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

Князь Имеретинскій женатъ на дочери камергера Двора Его Императорскаго Величества графа Мордвинова, фрейлинѣ Государыни Императрицы. Z.

Экзаменъ.

(Разсказъ изъ сельской жизни).

Въ ясный весенній день тройка измученныхъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ, медленно тащилась по грязной улицѣ села Буреломъ, расположеннаго на крутой горѣ, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ рытвинами и водомоинами. Несмолкаемыя пѣсни жаворонковъ, журчаніе ручьевъ, отдаленный и временами какъ бы совсѣмъ исчезавшій шумъ рѣки, отчаянный крикъ людей, толпившихся съ граблями и вилами на недавно прорванной плотинѣ—все это свидѣтельствовало о наступленіи такъ называемой весенней „распутицы“, съ понятіемъ о которой соединяется все то, что можетъ дать хотя какое-нибудь представленіе о невылазной грязи, о зажорахъ и оврагахъ съ застрявшими въ нихъ экипажами, о снесенныхъ полою водою мельницахъ, анбарахъ, паромахъ съ народомъ и т. п.

Появленіе тарантаса въ селѣ Бурепомахъ заставило крестьянъ выступить изъ домовъ и они немного дивились, какимъ это чудомъ баринъ добрался до ихъ села, не утонувъ гдѣ нибудь въ оврагѣ и даже не искалѣчивъ ни одной лошади, такъ какъ они были увѣрены, что въ такую пору нигдѣ нѣтъ проѣзда ни конному, ни пѣшему и что во время распутицы „не рѣка топитъ человѣка, а лужа“.

— Эй! подите кто нибудь сюда! крикнулъ баринъ, дѣлая знакъ рукой.

Тарантасъ немедленно окруженъ былъ народомъ, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ на всякій случай запаслись дрекольями, съ цѣлію облегчить дальнѣйшее путешествіе незнакомца.

— Какъ тутъ проѣхать къ училищу? спросилъ баринъ.

— А вотъ видишь, ваше благородіе... сейчасъ возьми ты въ поле, потомъ, значитъ, мимо барскихъ одоньевъ...

— Что городишь? Они тамъ не проѣдутъ! перебилъ молодой парень въ бѣлой рубахѣ: аль не знаешь, въ Ерохиномъ переулкѣ надо будетъ отпрягать пристяжныхъ, а коренная не вывезетъ... Запрежде, ваше благородіе, была прямая дорога на мельницу...

— Экій, братецъ ты мой! теперь ея и званія нѣту... теперь тамъ страшная колдобина... вотъ что...

— Надыть взять пониже кабака, а тамъ, къ примѣру, мимо старостина пчельника, забрать къ церкви...

— Къ церкви дальше! Зачѣмъ имъ туда? Вчера Митюха ѣздилъ за виномъ лугомъ... на кузню...

— Погоди, я сяду съ вами на козлы! продолжалъ парень...

— Поѣзжай на Косолапаго! на огородника! раздались голоса, когда тарантасъ началъ трогаться.

— Ванюха! трафь на церковь!..

Когда тарантасъ уже приближался къ училищу, въ домѣ Буреломскаго дьякона происходила мирная бесѣда между худощавымъ сельскимъ учителемъ, сидѣвшимъ у раствореннаго окна, и хозяиномъ, который только что возвратился изъ церкви и помѣщаясь на трехногомъ диванѣ, курилъ папиросу. На кругломъ столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Вѣрите, отецъ дьяконъ,— говорилъ учитель,— иногда бываетъ такая скука—не знаешь куда дѣваться, особливо зимою...

— Отъ одиночества,—замѣтилъ хозяинъ: а кто въ этомъ виноватъ? Женились бы...

— А средства-то гдѣ?

— Позвольте,—внушительно ударяя ладонью по столу возразилъ хозяинъ: о какихъ средствахъ вы говорите? Не стыдно ли вамъ? Вѣдь вы получаете жалованье?

— Да развѣ это жалованье—восемь рублей въ мѣсяцъ?

— Прекрасно! однако вы ни въ чемъ нужды не терпите: одѣты, обуты... А когда женитесь, у васъ каждый кусочекъ будетъ цѣлъ... Вы знаете пословицу: не съ богатствомъ жить, а съ человѣкомъ... Я самъ такъ-то думалъ прежде, что мнѣ съ приращеніемъ семейства не хватитъ дьяконскихъ доходовъ, а вотъ живу не хуже людей. Дѣтей всѣхъ пристроила царица небесная, остались на рукахъ только три дѣвки...

Въ это время на улицѣ раздался звонъ колокольца. Учитель не замѣдлилъ выглянуть въ окно и, спустя минуту, проговорилъ:

— Кого это Богъ несетъ? Что за притча? Батюшки! вдругъ вскрикнулъ онъ: да вѣдь это членъ училищнаго совѣта... Ѣдетъ на экзаменъ... Прощайте, отецъ дьяконъ!...

— Выкушайте стаканчикъ чайку...

— Ну, васъ совсѣмъ. До чаю ли теперь. Я побѣгу черезъ дворъ задами...

Учитель опрометью выбѣжалъ изъ горницы, а хозяинъ, подсѣвши къ окну, принялся разсматривать проѣзжаго.

Тарантасъ остановился у дома священника. По случаю наступившаго праздника, Лазарева Воскресенья, въ домѣ отца Пармена происходило мытье половъ, сопровождавшееся оглушительнымъ крикомъ бабъ, гроханьемъ стульевъ, укладокъ сундуковъ, хлясканьемъ мочалокъ и т. д. Батюшка сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный банками съ цвѣтами и въ безпорядкѣ разставленною мебелью, держа въ рукахъ епархіальныя вѣдомости. Заслышавъ колокольчикъ, онъ торопливо вышелъ въ сѣни и, тотчасъ же возвратившись въ домъ, взволнованнымъ голосомъ заговорилъ:

— Эй, дѣти! кто тамъ? Скорѣй подайте мнѣ рясу...

экзаменаторъ пріѣхалъ... Примите хоть банки-то изъ кабинета... Господи батюшка! народу полонъ домъ, а некому рясу почистить... и вѣшалка не пришита...

— Куда въ этакую грязь чистить? обметая въ углу паутину замѣтила хозяйка: авось придешь изъ училища—такой же будешь...

— Куда придешь? вѣдь членъ-то къ намъ пріѣхалъ.

— И что это, прости Господи, въ какое время выдумали экзамены: человѣкъ ѣдетъ-тонетъ, того и гляди смерть получить...

— Напрасно васъ не пригласили въ педагогическій совѣтъ, возразилъ батюшка, расчесывая волосы: приготовьте-ко что-нибудь закусить, да къ обѣду сварите карпію... А что, черезъ оврагъ доску-то положили?

— Кому класть-то? Бабы полы моютъ, а работники свинью палятъ.

— Нѣтъ! Я вижу, ни одного моего распоряженія не исполняется...

Появившагося въ передней гостя отецъ Парменъ провелъ, черезъ узкій простѣнокъ, въ свой кабинетъ, гдѣ уже водворенъ былъ нѣкоторый порядокъ.

— Извините, пожалуйста,—говорилъ онъ заискивающимъ тономъ: у насъ такой хаосъ... Знаете-ли, праздникъ на дворѣ... по дому кое-что справляемъ...

— Напротивъ, батюшка, вы меня извините: признаться, я и не думалъ безпокоить васъ... Сначала я пріѣхалъ въ училище, но тамъ никого не нашелъ...

— Какъ? А учитель-то гдѣ-же? По крайней мѣрѣ сторожъ долженъ находиться тамъ неотлучно...

— Рѣшительно никого нѣтъ.

— Этакіе безпорядки! Эй, Марья! сходи сейчасъ къ отцу дьякону и спроси, нѣтъ ли тамъ учителя: если онъ у него сидитъ, скажи, чтобы немедленно шелъ въ училище, молъ господинъ ревизоръ пріѣхалъ на экзаменъ... Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло, обратившись къ гостю продолжалъ батюшка: вѣроятно учитель возмечталъ, что, по случаю распутья, вы не пріѣдете, а потому отпустилъ учениковъ по домамъ и отправился къ своей невѣстѣ; такъ какъ слухъ прошелъ, что онъ сватается за дьяконову дочь... Вообще въ послѣднее время онъ частенько сталъ уклоняться отъ исполненія служебныхъ обязанностей...

— Вы мнѣ позволите закурить? вынимая сигару спросилъ экзаменаторъ.

— Сдѣлайте милость! Дѣти! подайте спички!.. Осмѣлюсь предложить,—понизивъ голосъ и наклонившись почти къ самому уху гостя, произнесъ батюшка,—не соблаговолите ли съ дорожки закусить, чѣмъ Богъ послалъ?

— Если будете такъ добры... Признаюсь, порастрясся таки порядкомъ: представьте себѣ, отъ Куркина всего шесть верстъ, ѣхалъ четыре часа... Вы не можете себѣ вообразить, что за убійственная дорога! съ версту я шелъ пѣшкомъ...

— Т-с-с-с... качая головою произнесъ батюшка: какъ васъ Господь донесъ?

— Ну, а что, какъ вашъ учитель насчетъ нравственности? Благонадеженъ?

Батюшка задумчиво посмотрѣлъ на потолокъ, глубоко вздохнулъ и, поближе подсѣвши къ гостю, началъ:

— Какъ вамъ сказать? Вреднаго пока ничего не замѣтно... правда, любитъ немного пофрантить, но это я объясняю тѣмъ, что онъ сватается за дьяконову дочь... Относительно спиртныхъ напитокъ нельзя сказать, что бы онъ къ нимъ былъ приверженъ... простого онъ не употребляетъ, а красное... Но тѣмъ не менѣе недавно былъ такой случай. На второй или третьей недѣлѣ поста я пришелъ въ школу, дѣло было вечеромъ. Учителя не было дома, онъ былъ по обыкновенію у дьякона... Въ качествѣ надзирателя школы, я сталъ разсматривать ученическія тетрадки... вдругъ мнѣ попадается письмо...

— Чье?

— Рука учителя.

— Какого же содержанія?

— А вотъ я вамъ сейчасъ прочту...

Хозяинъ досталъ изъ шкатулки письмо и, снова сѣвши на стулъ, прочиталъ:

„Любезный другъ Анатолій!

Пользуясь досугомъ (по случаю масляницы), хочу описать тебѣ мое житье-бытье въ Буреломахъ, хотя жизнь сельскаго учителя тебѣ до нѣкоторой степени извѣстна. Я счастливѣе другихъ въ томъ отношеніи, что моя школа отапливается на счетъ графа Б. Жалованья (какое слово!) получаю сто рублей. Все остальное, кажется, тебѣ извѣстно: и тѣсное помѣщеніе, и атмосфера, пресыщенная сѣроводородомъ, и отсутствіе человѣческаго общества. За все это учитель долженъ быть человѣкомъ самой высокой нравственности. Познакомился было я съ однимъ ветераномъ, родившимся въ 1770 году—интереснѣйшій типъ! Но, къ сожалѣнію, онъ живетъ въ шинкѣ, и чтобы не погубить своей репутаціи, я долженъ былъ бросить это знакомство. Томимый убійственной скукой, я завелъ скрипку, но настоятель церкви запретилъ мнѣ играть на ней...

— Это дѣйствительно! сказалъ батюшка, выразительно взглянувъ на гостя: я запретилъ... Онъ разыгрывалъ свѣтскія пѣсни, а вы изволите знать, прилично ли сельскому наставнику подавать собою дурной примѣръ ученикамъ?..

— Я съ вами согласенъ, проговорилъ экзаменаторъ. Батюшка продолжалъ.

„До сего времени въ моей школѣ жила, вмѣсто сторожа старуха. (Она когда-то нянчила нашу попадью). Эта старуха отравляла мнѣ каждое воскресенье, когда я вздумаю напиться чаю до обѣдни. Обо всемъ, что дѣлалось въ школѣ, она доносила батюшкѣ. А между тѣмъ она сама не отличалась особенною строгостію нравственныхъ правилъ и ее не мѣшало бы, по выраженію Гоголя, возвести въ перлъ созданія: на свадьбѣ она съумѣетъ пропѣть подблюдную пѣсню и готова пролиться въ слезахъ на похоронахъ какого нибудь богатого мужика. За то, ничего не дѣлая, живетъ припѣваючи: чего только у ней нѣтъ въ кладовой? И поросячья головка, и заячья шкурка, и чаекъ, и сахарокъ, и тютюнъ, и Лафермъ. Она все эксплоатируетъ, всѣмъ заправляетъ. Прежде она заправляла школой и моимъ предшественникомъ, потомъ почти поработила меня. Не дай Богъ имѣть такой тещи... Слава Богу, ее смѣнили. На ея мѣсто поступилъ отставной солдатъ, который пьетъ горькую... Относительно моихъ занятій съ учениками не знаю, что тебѣ сказать? Гдѣ эти благіе учителя, которые бы могли исполнять священный завѣтъ: „блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ". Самый хорошій учитель, при настоящемъ положеніи школы, довѣренной нашему апатичному земству, можетъ ли сказать, что честно служитъ родинѣ и общественному благу? Да и могутъ ли быть полезны учителя, не имѣющіе матеріальнаго обезпеченія и не рѣдко спасающіеся зимой отъ холода *въ печкѣ*. Это фактъ. Я знаю одно село, гдѣ учитель *преподаетъ уроки изъ печки*.

— Вѣроятно, онъ намекаетъ на село Борбоски, замѣтилъ отецъ Парменъ: тамъ дѣйствительно есть такая школа.

— А я полагалъ, онъ говоритъ о Рогачевкѣ или Селезневѣ: въ этихъ селахъ школы тоже не отапливаются...

„Въ прошломъ году, продолжалъ читать батюшка,—я искалъ себѣ мѣсто сельскаго учителя. Въ селѣ Заморайскомъ я зашелъ въ школу и вотъ что тамъ встрѣтилъ: скамейки для учениковъ поломаны, окна вабиты тряпками, полъ земляной; среди избы стояла покрытая классной доской, лохань для коровы; на учительской

кафедрѣ лежалъ кочетыгъ съ лаптемъ. За перегородкой, въ чуланѣ, служившемъ кабинетомъ учителя, стояли мѣшки съ картофелемъ, съ потолка спускалась веревка, на которой висѣла свиная туша"...

Батюшка остановился и, складывая письмо, съ усмѣшкой проговорилъ:

— Да-съ, такъ вотъ каковъ нашъ учитель... Тоже пускается въ критику... хе-хе-хе...

— Положимъ, есть такія школы, замѣтилъ гость: но зачѣмъ же надъ ними подтрунивать?..

— Именно! объ этомъ скорбѣть надо, а не смѣяться... тѣмъ паче сельскій наставникъ долженъ вести себя тише воды, ниже травы.

— А вотъ мы посмотримъ, какъ ученики будутъ отвѣчать на экзаменѣ, сказалъ пріѣзжій.

Послѣ завтрака батюшка и экзаменаторъ отправились въ школу, помѣщавшуюся на берегу рѣки, въ зданіи волостного правленія, гдѣ уже собралось сельское начальство, которое приглашено было на экзаменъ, въ качествѣ ассистентовъ.

Когда ученики съ помощію батюшки и учителя пропѣли „Царю небесный", экзаменаторъ обратился къ нимъ съ привѣтствіемъ:

— Здравствуйте, ребята!

— Здорово, дяденька! простодушно отвѣчали ученики. Батюшка съ укоризной покачалъ на нихъ головой и что-то шепнулъ учителю.

Учитель въ отвѣтъ на это только пожалъ плечами и съежился какъ то, предчувствуя, видимо, что-то недоброе.

Экзаменаторы помѣстились въ переднемъ углу за небольшимъ столомъ; старшина и сельскій староста скромно сѣли въ сторонѣ, у окна. Учитель стоялъ сбоку экзаменаторовъ, напротивъ учениковъ.

Типы изъ комедіи Н. Гоголя „Ревизоръ".

Половой изъ гостинницы. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Вдова унтеръ-офицерша.

Рис. Віола, грав. Жаіе.

— Прикажите начать съ закона Божія? отнесся отецъ Парменъ къ члену училищнаго совѣта.

— Я полагаю, отвѣчалъ послѣдній.

Къ столу вызванъ былъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати.

— Пименовъ! началъ батюшка: скажи намъ, какъ читается первая заповѣдь?

Мальчикъ почесалъ затылокъ и едва слышно зачиталъ: „азъ есмь Господь Богъ твой“, и пр.

— Что такое азъ? спросилъ батюшка и, видя, что

— Чѣмъ они отличались одинъ отъ другого?

— Исавъ былъ въ шерстѣ..,

— Экой, братецъ мой, ты глупый: развѣ можно такъ говорить? Въ шерсти кто бываетъ?...

Мальчикъ упорно молчалъ, переступая съ ноги на ногу.

— Что-же ты безмолвствуешь? спросилъ священникъ.

Мальчикъ почесалъ затылокъ и пугливо взглянулъ на учителя, вздохнувъ глубокимъ вздохомъ. Учитель,

Типы изъ комедіи Н. Гоголя „Ревизоръ“.

Городничій Сквозникъ Дмухановскій и его подчиненные. Рис. Віола, грав. Лансенъ.

мальчикъ не отвѣчаетъ, сталъ наводить его:—вотъ, напримѣръ, говорится въ писаніи, и ты часто въ церкви заслышишь: азъ уснухъ, спахъ, возстахъ... или: азъ есмь лоза истинная...

— Спросите что нибудь изъ священной исторіи, предложилъ членъ совѣта батюшкѣ и шепотомъ прибавилъ: я боюсь опоздать домой... вы знаете, какова дорога-то, ночью голову сломишь...

— Сію минуту! Какъ звали дѣтей Исаака?

— Исавъ и Іаковъ.

казалось, хотѣлъ проникнуть глазами непосредственно въ его голову, что-бы возбудить въ ней отвѣтъ на заданный вопросъ. Ему было едва-ли не болѣе жутко. чѣмъ мальчику, такъ какъ онъ по выраженію лица экзаменатора уже предугадывалъ, чѣмъ окончится для него самого этотъ экзаменъ.

— Ну-ко опиши мнѣ лошадь! спросилъ членъ совѣта.

— Лошадь имѣетъ красивую голову, гибкую шею, и четыре ноги съ копытами, подкованными желѣзными

подковами, длинный хвостъ, которымъ она отмахивается отъ оводовъ.

— Отъ слѣпней! поправилъ священникъ.

— Что-жь, по твоему лошадь, такъ съ желѣзными подковами и родится? спросилъ экзаменаторъ.

— Незнаю, прошепталъ ученикъ.

— Этакого отвѣта одобрить невозможно, укоризненно замѣтилъ священникъ.

— А что такое квасъ?

— Напитокъ.

— А хлѣбъ?

— Наѣдки!...

Экзаменаторы разсмѣялись.

— Это наши бабы такъ говорятъ „наѣдки"! Кто скажетъ, обратился отецъ Парменъ къ ученикамъ: что такое хлѣбъ?

— Пи—щ—а! хоромъ отвѣчали ученики.

— Хорошо!...

— Спросите изъ ариѳметики, обратился членъ совѣта къ учителю, который немедленно приказалъ мальчику написать на доскѣ задачу на вычитаніе. Мальчикъ не могъ разрѣшить ее и потупя голову стоялъ передъ экзаменаторами, межъ тѣмъ какъ одинъ изъ сельскихъ начальниковъ успѣлъ уже погрузиться въ объятія Морфея, всхрапывая на всю избу. Даже самъ членъ совѣта начиналъ чувствовать утомленіе; онъ перестать спрашивать ученика, предоставивъ повѣрку его умственнаго развитія батюшкѣ, которому сильно хотѣлось добиться рѣшенія ариѳметической задачи. Но мальчикъ упорно молчалъ; онъ былъ до того сконфуженъ, что не замѣчалъ, какъ учитель показывалъ ему два пальца, въ которыхъ заключался отвѣтъ.

— Плохо, Пименовъ, плохо! Говорилъ батюшка: вотъ если бы ты учился хорошо, мы тебѣ дали бы свидѣтельство, и ты прослужилъ бы въ солдатахъ только четыре года, а теперь долженъ прослужить цѣлыхъ шесть...

Мальчикъ чуть не плакалъ съ горя, что онъ такъ долго будетъ отбывать воинскую повинность.

По оканчаніи экзамена членъ училищнаго совѣта пошептавшись о чемъ-то съ священникомъ, объявилъ учителю, что онъ не доволенъ результатами его занятій съ учениками и проситъ *оставить* Буреломское училище. Въ отвѣтъ на это учитель ни слова не сказалъ и только вздохнулъ, уныло понуривъ голову.

Вечеромъ учитель отправился въ домъ отца дьякона проститься, такъ какъ онъ намѣренъ былъ оставить Буреломы на слѣдующій же день и уже успѣлъ приготовить дорожную сумку и палку.

— Что это значитъ? взволнованнымъ голосомъ спрашивалъ дьяконъ: нѣтъ ли тутъ какихъ интригъ? Вѣдь это ни начто не похоже!

— Теперь уже все кончено! Прощайте Анемаиса Петровна, говорилъ учитель румяной дѣвицѣ въ ситцевомъ платьѣ:—не поминайте лихомъ...

— Богъ съ вами! Анатолій Сергѣевичъ, едва слышно произнесла дѣвушка, прикладывая къ глазамъ платокъ.

— Клянусь вамъ, что я ничѣмъ не виноватъ... Сами знаете, я человѣкъ подначальный... противъ рожна трудно прать... До свиданія, отецъ дьяконъ... Пожалуйста, не вините меня...

— Что вы, что вы! Мы любили васъ, какъ родного... Куда-же вы теперь направляетесь?

— Въ село Старые Пискари... къ дядѣ... тамъ проведу святую недѣлю...

— А потомъ?

— На Ѳоминой я отправлюсь искать себѣ мѣсто на желѣзной дорогѣ...

На другой день, рано утромъ, учитель съ сумкой за плечами вышелъ изъ Буреломъ.

Н. Успенскій.

Къ рисункамъ.

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

Графъ Несельроде, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, весною 1824 года получилъ отъ новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Воронцова, письмо. Письмо это касалось одного изъ чиновниковъ одесской губернаторской канцеляріи, Александра Сергѣевича Пушкина, высланнаго изъ Петербурга на югъ за кой-какія провинности. Воронцовъ настаивалъ, что-бы Пушкина перевели изъ Одессы куда нибудь въ другое мѣсто, вслѣдствіе такихъ соображеній:

„..Сюда, особенно въ періодъ купаній, набирается очень много поклонниковъ поэзіи Пушкина. Они, превознося его похвалами, только способствуютъ затмѣнію его головы: онъ воображаетъ себя великимъ поэтомъ, а въ сущности только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона"...

Письмо произвело надлежащее дѣйствіе, Пушкина признали неисправимымъ, дали ему отставку, и пригласили его прослѣдовать черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ въ Псковскую губернію, въ деревню его родителей; при этомъ съ него была отобрана подписка, что ни въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ останавливаться онъ не будетъ. Поэтъ получилъ 529 рублей на дорогу отъ казны и 30 іюля того же года покинулъ берега Чернаго моря.

Черезъ десять дней онъ уже подъѣзжалъ къ своему сельцу. Это было небольшое помѣстье, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Святогорскаго Успенскаго монастыря, съ небольшимъ низенькимъ флигелемъ, замѣнявшимъ барскій домъ, на берегу небольшого озера, изъ котораго вытекала рѣченка Сороть. Здѣсь проживали родные его: отецъ, мать. Первая встрѣча была, конечно, самая радостная. Но радость была не продолжительна.

Маркизу Паулуччи, мѣстному начальнику, поручено было установить надзоръ надъ непокорнымъ поэтомъ. Роль опекуна въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ, и принялся до того дѣятельно исправлять свою обязанность, что запретилъ всякія сношенія сына съ родными, сталъ распечатывать его письма. Александра Сергѣевича это возмутило до-нельзя, произошло нѣсколько сценъ между отцемъ и сыномъ... Кончилось все тѣмъ, что онъ обратился въ Петербургъ къ Жуковскому съ просьбой измѣнить какъ нибудь его ужасное пребыванье, такъ какъ долѣе выносить онъ не въ силахъ. Разрывъ съ родными произошелъ полный, наконецъ они уѣхали изъ деревни, оставивъ въ Михайловскомъ его одного, прекративъ всякія сношенія avec ce monstre, ce fils dénaturé...

Пушкинъ остался одинъ, и только похаживалъ къ нему изрѣдка монахъ изъ сосѣдняго монастыря, для увѣщаній. Здѣсь открылось ему полная возможность сосредоточиться на трудѣ, цѣликомъ отдаться своей музѣ. Онъ велѣлъ запереть всѣ комнаты домика, занялъ для себя только одну, которая служила ему и спальной, и столовой, и рабочимъ кабинетомъ, велѣлъ топить только эту комнату, и залилъ на покоѣ. На другомъ концѣ дома осталась еще одна жилая комната, гдѣ засѣдала цѣлая толпа ткачихъ и швей, засаженныхъ за работу еще старыми господами. Соединительнымъ звеномъ обѣихъ половинъ была старая няня поэта, Арина Родіоновна, появлявшаяся то тамъ, то тутъ, умѣвшая и „разговорить" своего насмурнаго питомца, и муштровать лѣнивыхъ дѣвокъ. Жизнь потекла мирно, тихо; могучій талантъ сталъ постепенно крѣпнуть, пока не достигъ наконецъ геніальный высоты.

Много милыхъ, задушевныхъ чертъ, и въ запискахъ самого Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, дошло до насъ объ его деревенской жизни. Здѣсь, въ тиши, онъ доканчивалъ свое образованіе, изучалъ русскій языкъ и старину, записывалъ сказки, пѣсни, что разсказывала и пѣла ему его няня, и тѣмъ пополнялъ свои недостатки „проклятаго французскаго воспитанія". Знаешь мои занятія,—писалъ онъ своему брату,—до обѣда ѣзжу верхомъ, по вечерамъ слушаю сказки... Что это за прелесть,—что ни сказка—поэма".—Порою пріѣзжали къ нему пріятели, товарищи по лицею. Первымъ, послѣ того какъ онъ остался одинъ въ деревнѣ, пріѣхалъ къ нему Пущинъ. Пушкинъ вспоминаетъ объ этомъ пріѣздѣ въ своей извѣстной элегіи:

...поэта домъ опальный
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ,
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ!..

Но, конечно, не часты были эти *дни лицея*, чаще проходили они скучной, однообразной вереницей.

Поэтъ пишетъ:

Печаленъ я, со мной друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,

Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ:
Знакомаго не слышно приближенья
И милаго душа моя не ждетъ.

Но время отъ времени монотонная жизнь нарушалась внезапными наѣздами товарищей. Въ разное время перебывали у него Пущинъ, князь А. М. Горчаковъ, теперешній канцлеръ, баронъ Дельвигъ. Къ лѣту-же въ семейство Осиповыхъ, съ которыми Пушкинъ былъ знакомъ, пріѣхалъ гостить Языковъ, жившій въ Тригорскомъ—въ близость разстоянія (Михайловское отъ Тригорскаго отдѣлялось двумя верстами), еще болѣе сблизила обоихъ поэтовъ. Они вмѣстѣ гуляли, читали, спорили, и Языковъ вспоминаетъ съ восторгомъ эту пору. Часто видятся мнѣ во снѣ, говоритъ онъ—

тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ въ далекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское одинъ
Вольтеръ, и Гёте, и Расинъ—
Являлся Пушкинъ знаменитый,
И ту площадку, гдѣ въ тѣни
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила,
Оселокъ сердца и души,
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность перейдетъ...

Въ Михайловскихъ стихотвореніяхъ, нерѣдко упоминается о „чашѣ съ виномъ“,—что быть можетъ объясняется тоской Пушкина. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на „минутное забвенье горькихъ мукъ“, но никогда ей чрезмѣрно не предавался. Онъ весь былъ поглощенъ своимъ геніемъ, написавъ здѣсь 4—6 главы „Евгенія Онѣгина“, „Цыганъ“, „Графа Нулина“, и наконецъ—„Бориса Годунова“. Легкость его творчества въ эту пору достигла удивительной высоты. Такъ онъ *въ два утра* написалъ своего Нулина... Стройность и строгость стиля „Бориса“ объясняется упорнымъ долгимъ трудомъ автора надъ матерьялами, ничѣмъ не развлекаемаго, оставшагося въ деревнѣ въ совершенномъ одиночествѣ, только „съ няней своей и трагедіей“. „Я пишу и вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Пушкинъ о *Борисѣ*...—Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ. Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить“.

Въ Михайловскомъ Пушкинъ составилъ себѣ ту великолѣпную библіотеку, которой онъ былъ обязанъ своимъ многостороннимъ развитіемъ. Знакомый не только съ французскимъ, нѣмецкимъ, но съ англійскимъ и итальянскимъ языками, онъ свободно вчитывался въ произведенія геніевъ, творилъ многое подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Кто станетъ отрицать, что *Годуновъ* могъ явиться только подъ вліяніемъ Шекспира, что „*Полтава*“ не навѣяна Байрономъ? Но въ тоже время онъ собиралъ народныя пѣсни, въ зипунѣ толкался среди народа, прислушивался, записывалъ. Главнѣйшимъ-же источникомъ народной поэзіи все таки оставалась Ирина Родіоновна.

Личность Ирины Родіоновны такъ тѣсно связана съ личностію поэта, что невозможно говоря о его пребываніи въ Михайловскомъ, не говорить о ней. Это была полная, совсѣмъ сѣдая, почтенная старушка, домовитая, милая, страстно любившая своего питомца. Языковъ, обращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ ней, такъ обрисовываетъ этотъ добродушный типъ:

Свѣтъ Родіоновна! забуду-ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,—
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены,—
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта...
Какъ сладостно святое хлѣбосольство
Нашъ баловало вкусъ, и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ,—красою древнихъ лѣтъ,—
Ты взбирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный—
И легкіе часы летѣли беззаботно!

И какъ была напугана она, когда однажды Пушкинъ внезапно былъ отозванъ въ столицу! Одна изъ сосѣдокъ его по Тригорскому, такъ разсказываетъ этотъ случай:

„1-го и 2-го сентября 1826 года, Пушкинъ былъ у насъ; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкинъ былъ особенно веселъ. Часу въ 11-мъ вечера, сестры и я проводили Александра Сергѣевича по дорогѣ въ Михайловское... Вдругъ, рано, на разсвѣтѣ, является къ намъ Ирина Родіоновна... Прибѣжала она вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лицо и плечи: бѣдная няня плакала на взрыдъ... Изъ распросовъ оказалось, что вчера вечеромъ, не задолго до прихода Александра Сергѣевича, въ Михайловское прискакалъ какой-то не то офицеръ, не то солдатъ (впослѣдствіи оказался фельдъегерь).—Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву, Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель, и черезъ полчаса его ужь небыло“.

Извѣстно, что произошло въ Москвѣ: тотчасъ по пріѣздѣ онъ былъ представленъ императору Николаю Павловичу. Произошло искреннее объясненіе въ Кремлевскомъ дворцѣ.

— Скажи откровенно, Пушкинъ, спросилъ императоръ,—принялъ-ли бы ты участіе въ возстаніи 14 декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, ваше величество, отвѣтилъ онъ.—Всѣ мои друзья были въ рядахъ заговорщиковъ, я не могъ не быть съ ними, и благодареніе Творцу, что отсутствіе мое спасло меня отъ гибели.

— Довольно ты нашалилъ на своемъ вѣку, возразилъ государь,—пора остепениться. Съ этого времени я буду твоимъ единственнымъ цензоромъ. Посылай ко мнѣ все, что ты напишешь.

Пушкину дозволено было остаться въ столицѣ.

Спустя десять лѣтъ Пушкинъ опять посѣтилъ Михайловское, но все уже измѣнилось къ этому времени. Такъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія.

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужь десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ дозоровъ.

Ирина Родіоновна умерла въ разлукѣ съ своимъ поэтомъ. Годъ спустя сошелъ въ могилу и онъ, раненый на смерть Дантесомъ. Тѣло его было перевезено въ Святогорскій монастырь, и погребено въ могилѣ, заранѣе имъ приготовленной. Неуклюжій памятникъ изъ бѣлаго мрамора поставленъ надъ нимъ, вокругъ него чугунная рѣшетка. Вокругъ все поросло бурьяномъ и крапивой, такъ что съ трудомъ можно пробраться черезъ нихъ и разобрать надгробную надпись:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный—
Къ нему не заростетъ народная тропа...

А самаго домика въ Михайловскомъ нѣтъ и слѣда: о немъ никто не позаботился... Не такъ чтутъ память своихъ поэтовъ европейскіе народы, и въ этомъ случаѣ мы отъ нихъ далеко, далеко отстали.

П. Гнѣдичъ.

Валкирія.

(Картина Ганса Макарта)

Изъ смутныхъ сказаній о скандинавскомъ язычествѣ, всего яснѣе выступаетъ вѣра древняго сѣвернаго человѣка въ Валкиріи, въ неизбѣжность судьбы и въ необходимость—быть храбрымъ и умереть на полѣ брани, умереть въ полной вѣрѣ въ то, что Валкиріи перенесутъ его съ этого браннаго поля въ небесное жилище бога Одина—Валгаллу.

Сила и отвага являлись необходимыми условіями скандинавскаго быта; онѣ же были и основными элементами въ миѳическихъ вѣрованіяхъ. Болѣе всѣхъ уважался богъ войны Одинъ или Вотанъ, который посылалъ небесныхъ, воинственныхъ дѣвъ Валкирій на поле брани, чтобы тамъ оказывать покровительство и защиту храбрымъ, а въ случаѣ ихъ доблестной смерти приводить ихъ въ Валгаллу, гдѣ бы они проводили загробную жизнь въ постоянныхъ пирахъ, и поединкахъ, ласкаемые сво-

ими веселыми покровительницами. Рай былъ доступенъ лишь для однихъ храбрецовъ; въ адъ же, въ царство Геллы ссылались всѣ люди робкіе или умершіе отъ старости и отъ болѣзни. Естественная смерть презрительно называлась смертью на соломѣ (Strâdod). Вѣра въ то, что по смерти храбрый удостоится почетнаго мѣста въ Валгаллѣ, поддерживала духъ каждаго въ самыя трудныя, даже въ предсмертныя его минуты.

— Ассы зовутъ меня къ своимъ пирамъ, такъ поетъ герой одной скандинавской саги,—о смерти моей нечего жалѣть. Пора кончать; вотъ уже является и Дизиръ, высшее существо посланное Одиномъ, чтобы провести меня въ его дворецъ; весело ухожу я къ Ассамъ пить медъ на почетномъ мѣстѣ; протекли часы моей жизни и смѣхомъ встрѣчаю я смерть.

И только испускаетъ духъ такой герой, какъ за нимъ является Валкирія и ведетъ его въ жилище Одина.

Валкирія—этотъ грандіозный типъ безсмертной женщины, а шается съ мнѣніемъ Фрики и уничтожаетъ свое приказаніе, данное Валкиріи Брунегильдѣ, защищать Зигмунда и дать ему возможность побѣдить врага. Но Брунегильда, сочувствуя влюбленнымъ, является въ этомъ случаѣ ослушницей Вотана. Она всѣми силами помогаетъ Зигмунду въ битвѣ и охраняетъ его жизнь, но въ рѣшительную минуту самъ Вотанъ является на подмогу врагу—и Зигмундъ падаетъ подъ ударами послѣдняго. За свое ослушаніе Брунегильда подвергается мщенію разгнѣваннаго Вотана и по его рѣшенію, она лишается своей божественности и со временемъ должна испытать надъ собой власть смертнаго, власть человѣка. Изрекши такой приговоръ Вотанъ погружаетъ Валкирію въ глубокій сонъ и опоясываетъ ее огненнымъ, волшебнымъ поясомъ, снять который невозможно, не употребивъ для того сверхъ-человѣческихъ усилій. Но и отомщая Брунегильдѣ, Вотанъ все таки отдаетъ должную справедливость величію ея души и считаетъ ее добродѣтельнѣйшимъ

Домъ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ, въ селѣ Михайловскомъ. Рис. на деревѣ Гнѣдичъ, грав. В. Пуцъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ амазонки. Она безстрашна среди кровавой сѣчи, но она нечужда вѣжнаго чувства и даже способна на братскую любовь къ человѣку. Такова Валкирія и таковою изобразилъ ее извѣстный современный германскій художникъ Макартъ своею могучею кистью.

Всматриваясь въ эту энергическую, вдохновенную фигуру невольно представляется привлекательный образъ Брунегильды, Валкиріи, выведенной на сцену геніальнымъ композиторомъ и вмѣстѣ поэтомъ Рихардомъ Вагнеромъ въ его знаменитой? музыкальной драмѣ „Кольцо Нибелунговъ".

Первая часть этой драмы называется Валкирія. Въ этой части Зигмундъ изъ рода Вользунговъ т. е. изъ рода обреченнаго богами на великую славу и великія страданія, полюбилъ и похитилъ Зиглинду, супругу Гундинга. Отецъ ея Вотанъ хочетъ защитить влюбленныхъ отъ мести и преслѣдованія, но жена его Фрика, настаиваетъ на томъ, что бы оскорбитель святыни брака былъ лишенъ жизни. Вотанъ послѣ колебанія сoглаи совершеннѣйшимъ существомъ. Отдѣляя Валкирію пламенемъ отъ остальнаго міра, онъ произноситъ слѣдующія вещія слова:

„Пусть огонь палящій
„Жжетъ все вокругъ утеса,
„Пусть великимъ страхомъ
„Смертнаго объемлетъ.
„Пусть отъ Брунегильды
„Робкой убѣгаетъ.
„Нуженъ ей мужъ мощный,
„Кто мощнѣй Вотана"!

Такой высокой идеалъ женщины, выведенной Рихардомъ Вагнеромъ въ своей музыкальной драмѣ не могъ кажется воплотить въ болѣе могучей и очаровательной живописной формѣ, чѣмъ та въ какую облекъ его Гансъ Макартъ. **Н.**

Валкирія. Картина Ганса Макарта, съ фотогр. грав. Г. Кезенбергъ Крей.

Нѣсколько типовъ изъ „Ревизора" Гоголя.

„Ревизоръ" Гоголя, эта наша знаменитая первоклассная комедія, удовлетворяющая вполнѣ всѣмъ требованіямъ искусства, давно уже не давалась на родной сценѣ съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ когда-то шла она въ тѣ, увы, давно уже прошедшіе годы, когда русская сцена нашихъ обѣихъ столицъ славилась артистами.

Въ настоящее время съ появленіемъ на сценѣ Александринскаго театра такого превосходнаго актера, каковымъ является г. Новиковъ, „Ревизоръ" Гоголя снова привлекаетъ въ театръ многочисленную публику, спѣшащую видѣть образцовую русскую комедію въ превосходной роли городничаго.

Въ виду этого помѣщаемъ на страницахъ „Нивы" нѣсколько типовъ изъ комедіи „Ревизоръ" и въ дополненіе къ нимъ приводимъ здѣсь изложеніе содержанія этой комедіи.

Понятно, что въ настоящее время ни для кого изъ нашихъ читателей „Ревизоръ" Гоголя не можетъ быть такимъ литературнымъ произведеніемъ, о которомъ они въ первый разъ узнаютъ только изъ нашего описанія. Комедія извѣстна всей Россіи и не въ видахъ ознакомленія съ нею мы помѣщаемъ здѣсь изложеніе ея содержанія, а именно потому, что изложеніе приводимое нами здѣсь изъ статьи покойнаго Дудышкина (помѣщенной въ № 9 „Отеч. Запис." 1847 г.) даетъ совершенно ясное понятіе о значеніи этой знаменитой нашей комедіи.

„Ревизоръ" Гоголя,—говоритъ онъ,—есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи. Міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ, взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ—пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлилась на двѣ половины: въ одной предъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовства, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился наконецъ въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились и во главѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ. Но они лица второстепенныя, дополняющія только тѣ ужасы и бѣдствія, которые могутъ постигнуть преступнаго городничаго; они увеличивали его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ.

И такъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену, потому что на улицахъ грязь, потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались подарить ему новую, хотя и видѣли, что старая никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ, потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ.

Волшебный пріѣздъ ревизора освѣтилъ всю прошедшую жизнь города и его настоящее ощущеніе; каждый начинаетъ дѣйствовать по своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ часть только одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно выработанное лицо, но вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы.

Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается, въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ и Библіотека съ Сумбекою; онъ несетъ дичь и даже самъ не можетъ понять, что говоритъ... Между тѣмъ каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго города; личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ его глазахъ. Наконецъ Хлестакова задабриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, что и на свѣтѣ его не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ". Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу.

— Валяй въ колокола, коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми.

Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами: онѣ были подавлены скромной жизнію уѣзднаго города; но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи, городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ.

— Потому что случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ впереди: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ: всѣ дожидаются, все эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій. Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!

Все, что роилось въ душѣ городничаго, все высказано отъ избытка счастія. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть души его и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! Городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости, посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это были пустяки. Посмотрите въ третій разъ эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ—городничій, который „тридцать лѣтъ живъ на службѣ, котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ"!

Во время этого бѣснованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса и пьеса кончена—кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. Послѣ этой комедіи вы ихъ знаете.

Испугъ.

(Картина Зюса).

Маленькіе птенчики мирно разгуливали среди зелени, поигрывая одинъ съ другимъ и незамѣтно отбились отъ „старшихъ", быть можетъ, занявшихся въ это время добываніемъ лакомаго кусочка для этихъ же самыхъ птенцовъ. Не замѣтили и сами птенчики, что „старшіе" гдѣ-то ужъ не въ близкомъ разстояніи и, пожалуй, если бы и замѣтили, то не обратили бы на это вниманія. Дѣло то вновинку еще, какъ говорится, только безъ году недѣля прошла съ того времени, какъ они на свѣтъ-то Божій появились: все ново и все занимаетъ, и травка-то кажется какимъ-то чудомъ съ того свѣта и листочки на кустахъ чѣмъ-то необыкновеннымъ... Но вдругъ и какъ разъ-то въ самой срединѣ разгуливавшихъ птенцовъ показывается изъ-подъ земли что-то ужасное, ничѣмъ непохожее на кусточки и листики зелени. Это *что-то* выползаетъ на верхъ и такъ пугаетъ своимъ появленіемъ птенцовъ, что они, какъ говорится, только давай Богъ ноги. Вотъ содержаніе картины Зюса, превосходной во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ, начиная съ фигуры крота, удивленнаго въ свою очередь испугомъ птенцовъ и доходя до послѣдней мелочи въ рисункѣ.

С.

Сандомиръ.

Сандомиръ одинъ изъ древнѣйшихъ польскихъ городовъ, находится въ 24-хъ верстахъ отъ Родома, при р. Вислѣ. Начало свое онъ ведетъ еще со временъ языческихъ, а названіе получилъ отъ того, что здѣсь нѣкогда творились судъ и расправа для всего окрестнаго населенія. Въ 1139 году Сандомиръ сталъ столицей удѣльнаго княжества подъ скипетромъ Болеслава Кудряваго. Въ 1205 году часть его сжегъ Романъ, князь Галицкій, а въ 1241 и 1260 годахъ онъ выдержалъ двукратный набѣгъ татаръ, послѣ котораго отъ него остались развалины. Покинувъ развалины, жители переселились ближе къ гористому берегу Вислы и этому вновь возникшему городу по привиллегіи 1286 года было дано Лешакомъ Чернымъ магдебургское право, онъ освободился на много лѣтъ отъ податей, ему были дарованы богатыя пажити; здѣсь же были устроены постоянныя ярмарки, открыты генеральные суды; кромѣ того городу было позволено чеканить свою собственную монету, имѣвшую обращеніе во всей сандомирской землѣ. Вскорѣ городокъ такъ разросся и укрѣпился, что третій набѣгъ татаръ въ 1287 году былъ мужественно отраженъ самими жителями. Сандомиръ пользовался всегда благоволеніемъ польскихъ королей (Казиміръ Великій, Ягелло, Сигизмундъ Августъ и Стефанъ Баторій), не скупившихся для него, на разныя привиллегіи и льготы, наравнѣ съ Краковымъ, Познанью и Львовымъ.

Къ Россіи Сандомиръ перешелъ въ 1815 году съ учрежденіемъ Царства Польскаго, а нынѣ считается уѣзднымъ городомъ Радомской губерніи и имѣетъ не болѣе 5000 жителей. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ древнихъ зданій Сандомира—это его ратуша, представленная на нашемъ рисункѣ. Постройка эта, какъ полагаютъ, эпохи Казиміра Великаго, очень красивой, своеобразной архитектуры, древне-итальянскаго стиля, стоитъ теперь особнякомъ, величественно возвышаясь среди жалкихъ домишекъ ее окружающихъ. Все зданіе выстроено изъ кирпича; лишь углы его и окна облицованы тесаннымъ

камнемъ; изъ кирпича же выведены украшенія, имѣющія закругленную сторону и совершенно закрывающія крышу. Среди этихъ нѣсколько неуклюжихъ орнаментовъ видны круглые амбразуры, обложенные тесаннымъ камнемъ, а на углахъ крыши красуются небольшія, четырехугольныя башенки. Почти посрединѣ главнаго фасада зданія, возвышается массивная башня въ четыре этажа, изъ которыхъ два нижніе—четырехугольные, а два верхніе—осьми-угольные. На ней нѣкогда существовали часы и все зданіе было увѣнчано куполомъ. Стѣны ратуши толсты и массивны, и лишь небольшое количество оконъ весьма несиметрично прорубленныхъ, даетъ свѣтъ внутреннимъ заламъ, которыхъ приходится лишь по двѣ на каждый этажъ зданія, не считая двухъ обширныхъ сѣней. Эти залы ратуши весьма обширны и покрыты сводами, украшенными гербами города. Верхній этажъ служитъ помѣщеніемъ для магистрата, а въ нижнемъ хранится городская казна. Тутъ же помѣщается весьма хорошо сохранившійся архивъ, содержащій въ себѣ много любопытныхъ и цѣнныхъ документовъ.

Н.

Библіографія.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта, для употребленія въ школѣ и дома. На 28 раскрашенныхъ листахъ, составленъ по атласу д-ра Амтора, и употребительнѣйшимъ руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Н. Штраухомъ. (Карты проэктированы и рисованы В. Исслейбомъ). С.-П.-Бургъ 1878. Цѣна 1 р. 20 к.

На этотъ атласъ мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей „Нивы". Доступный по цѣнѣ, онъ не только удовлетворительно, но можно сказать изящно изданъ. Отличительною чертою изданія является, во первыхъ, крупный и весьма четкій шрифтъ надписей, въ большинствѣ подобныхъ изданій совершенно неразборчивыхъ, а во вторыхъ, какъ мы сказали выше, изданіе это отличается отъ всѣхъ другихъ атласовъ своею изящностію и необыкновенною дешевизною. Кто болѣе или менѣе знакомъ съ имѣющимися у насъ въ продажѣ географическими атласами, для того предлагаемый атласъ будетъ просто рѣдкостію. Говоримъ это безъ преувеличенія, конечно принимая притомъ во вниманіе дешевизну изданія. Печатанъ атласъ красками весьма чисто и тщательно. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что при печатаніи его не употреблялся литографскій способъ, а исключительно только типографскій и съ перваго-же взгляда на изданіе видно, что напечатано оно не въ Россіи, а за-границей, ибо у насъ, пока еще на такое мастерство умѣнья мало.

Смѣсь.

Солнечный телеграфъ. Недавно заговорили о новомъ открытіи въ области телеграфнаго искусства, которое ни въ какомъ случаѣ не вытѣснитъ, конечно, электрическаго телеграфа, но дополнитъ его и замѣнитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда устройство послѣдняго почему-либо затруднительно. Кромѣ того этотъ новый телеграфъ можетъ быть устроенъ между двумя мѣстностями въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и для этого ничего не требуется, кромѣ того, чтобы ярко свѣтило солнце.

Извѣстенъ фактъ, что окна, сильно освѣщенныя солнцемъ, свѣтятся иногда на нѣсколько верстъ. Особенно бросается въ глаза это явленіе при солнечномъ закатѣ, и когда освѣщенныя зданія находятся на возвышеніи: на большомъ разстояніи ничего уже не видно отъ самаго зданія, все еще видна блестящая точка отъ оконъ, въ которыя ударяетъ солнце. Эффектъ этого явленія еще увеличивается, если вмѣсто обыкновенныхъ стеколъ будетъ вставлено зеркало.

Отсюда легко могла явиться мысль воспользоваться рефлектированными солнечными лучами для подаванія сигналовъ. Такъ и дѣлали еще въ глубокой древности. Флотъ Александра Великаго на обратномъ пути изъ Индіи шелъ черезъ Персидское море при помощи зеркальныхъ сигналовъ. Во время осады Севастополя осажденные давали сигналы также при помощи солнечныхъ лучей. Но давно извѣстный принципъ никогда еще не былъ возведенъ въ систему. Подаваніе сигналовъ посредствомъ солнечныхъ лучей нашло наибольшее примѣненіе при землемѣрныхъ работахъ, тригонометрическихъ съемкахъ, при чемъ по методѣ, введенной знаменитымъ математикомъ Гаусомъ, измѣрялись разстоянія въ двадцать и больше миль. Между Лейпцигской обсерваторіей и Брокеномъ недавно была устроена, въ видѣ опыта, такая система сигналовъ.

Геліостратъ, какъ называется употреблявшійся при этихъ измѣреніяхъ зеркальный инструментъ, который какъ бы выбрасывалъ изъ себя солнечные лучи, дозволялъ однако же передачу весьма ограниченнаго числа знаковъ; о разговорѣ между двумя крайними станціями, о передачѣ словъ не могло быть и рѣчи. Заслуга развитія принципа и основанія на немъ вполнѣ пригодной телеграфной системы, принадлежитъ чиновнику индо-персидскаго телеграфа, Генри Мансу, который устроилъ чрезвычайно простой аппаратъ, „Мансовскій геліографъ" или „солнечный телеграфъ", работающій точно также какъ электрическій телеграфъ, само собою разумѣется, только когда свѣтитъ солнце. Аппаратъ состоитъ изъ треножника вышиной около $1^1/_2$ метра, на которомъ находится вращающееся зеркало отъ 10 до 25 сант. въ діаметрѣ, нѣсколько винтовъ и зрительная труба. Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь техническія подробности, тѣмъ болѣе что безъ рисунковъ онѣ были бы не совсѣмъ понятны. Спеціалистовъ, интересующихся этимъ, отсылаемъ къ англійск. газетѣ: „Times". Превращеніе солнечнаго свѣта въ знаки производится аппаратомъ вслѣдствіе того, что онъ разлагаетъ солнечные лучи на различной длины линіи и точки и посредствомъ зеркала передаетъ ихъ наблюдателю на другой конечной станціи. Солнечные лучи, въ какомъ бы положеніи ни находилось солнце, всегда могутъ быть передаваемы въ желаемомъ направленіи посредствомъ снабженныхъ зеркалами вспомогательныхъ аппаратовъ. Весь аппаратъ вѣситъ около 5 фунтовъ. Въ Индіи съ нимъ уже работали весьма успѣшно, въ Лондонѣ также уже телеграфировали имъ съ башни церкви Св. Петра и Павла въ Хрустальный дворецъ. Въ скоромъ времени намѣрены устроить станціи на Гибралтарѣ и на Марокканскомъ берегу; такимъ образомъ Африка и Европа соединятся телеграфомъ, устройство котораго равняется нулю, такъ чтобы привести его въ дѣйствіе, стоитъ только установить аппараты на двухъ опредѣленныхъ пунктахъ, откуда они были бы видимы одинъ другому.

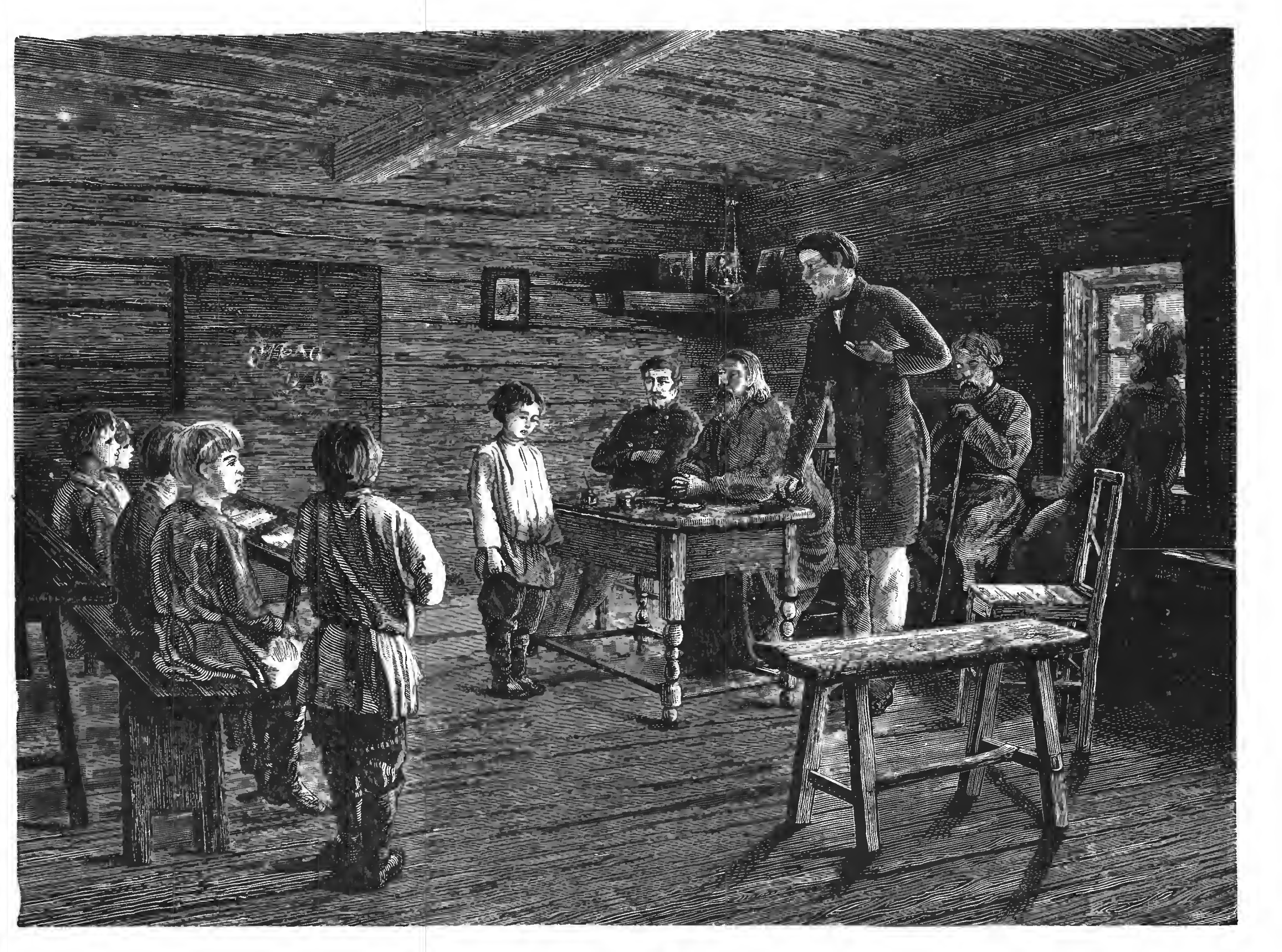
Прекрасно, скажутъ многіе, но солнце свѣтитъ вѣдь не всегда, и съ его исчезновеніемъ падаетъ вся система, кромѣ того еще вовсе непримѣнимая ночью! Это возраженіе имѣло бы вѣсъ, если бы дѣло шло о замѣненіи электрическаго телеграфа солнечнымъ; но объ этомъ никто и не думаетъ. Между тѣмъ есть много случаевъ, гдѣ примѣненіе новаго телеграфа можетъ принести огромную пользу. Укажемъ на огромныя области Америки, Азіи, Африки, гдѣ солнце свѣтитъ почти постоянно; съ развитіемъ цивилизаціи въ этихъ странахъ, солнечный телеграфъ окажется весьма полезнымъ. Въ Перу, Египтѣ и проч. онъ можетъ быть устроенъ теперь же безъ дальнихъ разговоровъ. Наконецъ это неоцѣненная вещь для военныхъ цѣлей. Непріятель осаждающій, напримѣръ, крѣпость, разрываетъ телеграфную проволоку и въ одну минуту прерываетъ всякое сообщеніе. Онъ не можетъ этого сдѣлать съ солнечнымъ телеграфомъ. Также рекогносціонные отряды, далеко отошедшіе отъ главной арміи, могутъ посредствомъ его посылать быстрыя свѣдѣнія о своихъ развѣдкахъ. Наконецъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ проведеніе проволокъ для электрическаго телеграфа, постройка станцій, содержаніе чиновниковъ слишкомъ дорого, чтобы могло окупиться, новый солнечный телеграфъ какъ нельзя болѣе удобенъ. Въ случаѣ какой либо порчи въ подводныхъ телеграфныхъ проволокахъ, что случается довольно часто, опять таки является съ своими услугами „солнечный писецъ", геліографъ, и въ этой второстепенной роли помощника электрическаго телеграфа, онъ навѣрное и пробьетъ себѣ дорогу въ свѣтъ.

Пчелы, ихъ жизнь, хозяйство и смышленность.

I.

Обширное семейство пчеловодныхъ насѣкомыхъ, наука раздѣляетъ на *2 подсемейства*. *Первое* заключаетъ въ себѣ не въ собственномъ смыслѣ пчелъ, а медоносныхъ насѣкомыхъ, строющихъ себѣ гнѣзда въ землѣ. Этотъ видъ насѣкомыхъ не имѣетъ удлиненнаго рыльца, какъ у пчелъ въ собственномъ смыслѣ слова. Живутъ они не семействами, а отдѣльно (что рѣзко противорѣчитъ правамъ настоящихъ пчелъ) и не имѣютъ рабочихъ. Онѣ протачиваютъ себѣ гнѣзда-логовища даже въ самой твердой, каменистой почвѣ. Къ видамъ этого подсемейства принадлежатъ, напримѣръ: 1) *земляная* или песчаная пчела; 2) тонко-тѣлая пчела; 3) пчела-гробокопатель, строющая узкія, въ формѣ трубокъ, гнѣзда въ землѣ и 4) шелковистая пчела, строющая въ землѣ ячейки (внутренность ихъ она выстилаетъ вырабатываемымъ ею веществомъ, подобнымъ шелковой ткани).

Второе подсемейство заключаетъ въ себѣ пчелъ, какъ общественныхъ, такъ и одиноко живущихъ. Эти насѣкомыя напоминаютъ пчелъ только общимъ типомъ и организаціей, но не нравами и образомъ жизни. Сюда относятся *шмели-паразиты*, из-

Экзаменъ въ сельской школѣ. (См. въ этомъ № стр. 342). Картина Манизера, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. К. Вейерманъ.

Испугъ. Картина Зюса, рис. на дер. Гейтландъ, грав. О. Ротъ.

вѣстныя всѣмъ *осы*, за симъ Anthophora, строющія себѣ трубчатообразныя гнѣзда въ глинѣ, пескѣ, землѣ и въ дуплахъ деревъ; далѣе—*стѣнная* пчела строющая себѣ въ формѣ наперстковъ ячейки въ глинѣ и землѣ (см. нашъ рисунокъ 3, гдѣ изображены выпуклыя кувшинообразныя гнѣзда этого насѣкомаго, заложенныя въ стѣнѣ): древесная пчела, вытачивающая себѣ гнѣзда въ деревьяхъ. На рисункѣ 1-мъ изображены сдѣланныя внутри дерева, раздѣленныя на нѣсколько ярусовъ, замысловатыя гнѣзда этой пчелы; наконецъ сюда же принадлежитъ пчела *закройщица листьевъ* или „листорѣзка“, вьющая свои гнѣзда (имѣющія форму наперстковъ) изъ древесныхъ листьевъ, преимущественно изъ листьевъ розъ, предварительно разрѣзывая эти листья и складывая ихъ въ формѣ сегментовъ. На нашемъ рисункѣ 2-мъ изображены рѣжущія листья пчелы и самое гнѣздо, устроенное изъ листьевъ.

Къ числу ихъ также относится и интересная пчела, строющая свои гнѣзда въ стѣнахъ домовъ, *пчела-молотокъ* (рисунокъ 4). Но все это пчелы не въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. не *медоносныя* пчелы.

Медоносная пчела въ разныхъ странахъ носитъ согласное общее популярное названіе *домашней* пчелы. Не смотря на множество разновидностей, обусловливаемыхъ и разнообразіемъ климатовъ разныхъ странъ, порода медоносныхъ пчелъ имѣетъ и общіе характеристическіе признаки. Цвѣтъ этихъ полезныхъ насѣкомыхъ изъ-бура-черный, красновато-желтый, сѣрый или буроватый. На задней части живота проходятъ поперечныя сѣровато-желтыя, нѣсколько стягивающія тѣло, полоски, характеристичныя для обширнаго семейства пчелъ. Вся пчелиная община раздѣляется на 3 категоріи: *самцовъ*, *самокъ* и *рабочихъ* (или, точнѣе, пчелъ-работницъ, потому-что самцы-трутни обыкновенно ничего не дѣлаютъ). Сожительство этихъ трехъ категорій напоминаетъ нѣчто въ родѣ правильно устроеннаго государства. По сельско-хозяйственной терминологіи государство это называется *ульемъ* или *роемъ*. Максимумъ жителей этого роя или маленькаго государства составляетъ 6—8,000 самцовъ или *трутней*, отъ 10—30,000 *рабочихъ* и всѣмъ этимъ громаднымъ царствомъ управляетъ только *одна матка* или *царица*. Въ то время, когда еще познанія царства насѣкомыхъ были у сельскохозяевъ крайне неудовлетворительны, трутней обыкновенно считали за самокъ. Въ настоящее время уже каждый, хотя не много опытный пчелякъ-хозяинъ можетъ различить трутня отъ рабочей пчелы. Отличительнымъ признакомъ трутня служатъ большіе близко отстоящіе другъ отъ друга глаза, отсутствіе жала, особаго устройства ротъ и гладкія (лишенныя волосъ) заднія ноги. Рабочія же пчелы, по внѣшнему виду, отличаются отъ трутней тѣмъ, что меньше ростомъ, снабжены жаломъ и глаза ихъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ и обусловливается широкая лобная часть головки рабочей пчелы. За симъ у рабочихъ пчелъ, не въ примѣръ трутнямъ, въ высшей степени развиты заднія оконечности и покрыты густыми волосами, представляющими въ увеличительное стекло родъ твердой щетины. На концѣ заднія оконечности вообще снабжены двумя сильно загнутыми острыми когтями. Покрытыя щетиною заднія оконечности, составляютъ *собирающій аппаратъ* пчелы (т. е. именно этой частью своего организма насѣкомое собираетъ съ цвѣтовъ и деревъ медоносный сокъ). Что касается матки или царицы пчелъ, то у ней подобнаго „медособирающаго аппарата“ нѣтъ. Кромѣ того, ея отличительнымъ признакомъ служитъ также удлиненное брюшко.

Трутни суть пчелиные самцы. Каждый трутень можетъ соединиться съ маткою только одинъ разъ и засимъ онъ умираетъ.

Если община пчелъ хорошо устроена, то зимою у нихъ трутней *вовсе* не бываетъ. Выводиться трутни начинаютъ передъ *роевою порой*. Въ это время пчелы уже начинаютъ дѣлать такъ называемую *поновку*, т. е. лѣпить новые соты; а когда большая часть свободныхъ ячеекъ уже бываетъ занята пчелиными яйцами, то пчелы начинаютъ строить что называется *трутневые пласты* съ большими, крупными ячейками. Но это бываетъ въ ульяхъ со старыми матками. Напротивъ, тѣ пчелы, у которыхъ матка молодая, почти вовсе не строятъ трутневыхъ гнѣздъ и не выводятъ трутней. Въ сдѣланныя уже трутневыя ячейки матка кладетъ трутневыя или неоплодотворенныя яйца, такъ что трутни выводятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и матки, и рабочія пчелы, но только срокъ ихъ вывода *совершенно другой*

Трутень выводится слѣдующимъ процессомъ. Изъ положеннаго яйца, черезъ три дня, выклевывается червячекъ; онъ растетъ 6-ть сутокъ и за симъ пчелы плотно закрываютъ ячейку. Въ этомъ состояніи заключенія трутень находится цѣлыхъ *15* сутокъ и затѣмъ выходитъ наружу. Поэтому для вывода трутня, считая со времени кладки яйца, требуется 24 дня. Нѣсколько опытному пчеловоду весьма легко отличить въ пчельникѣ трутневыя ячейки, потому что на нихъ бываютъ крышки выпуклыя или горбатыя.

Цвѣточную пыль, собираемую пчелою, наши русскіе пчелохозяева называютъ *взяткомъ*, *пергою*, *цвѣтнемъ*, *хлѣбиной*. Пчела приноситъ ее въ улей на ножкахъ, въ видѣ шариковъ, а потому и существуетъ въ нашемъ народѣ поговорка, что пчелки идутъ съ *ножкой* или *несутъ обножку*. Принесенную цвѣточную пыль рабочія пчелки складываютъ въ приготовленныя заранѣе ячейки, смѣшиваютъ немного съ медомъ и затѣмъ уминаютъ головой. Эти наполненныя пергою или хлѣбиною ячейки почти всегда остаются открытыми; только въ рѣдкихъ случаяхъ пчелы наливаютъ медъ поверхъ перги и запечатываютъ ячейку. Цвѣтъ взятка бываетъ разный: красный, синій, бѣлый, желтый, смотря по тому, съ какихъ цвѣтовъ онъ взятъ. Его пчелы употребляютъ сами въ пищу и кормятъ имъ также своихъ взрослыхъ червячковъ. Преимущественно же для воспитанія *дѣтвы* (изъ которыхъ потомъ выходятъ матки) пчелы употребляютъ бѣлую жижу, приготовляемую внутри ихъ самихъ. Замѣчательно, что упомянутая бѣлая жижа дается только пчелиному червячку (или куколкѣ), которому суждено быть маткою Около этой-то маточной куколки всегда замѣчается въ обиліи бѣлая жижа; слѣдовательно маточныхъ куколокъ пчелы кормятъ сытнѣе. Около обыкновенныхъ же пчелиныхъ червячковъ, изъ которыхъ безразлично могутъ выйдти и трутни и рабочія пчелы,—бѣлой жижи замѣчается гораздо меньше. На народномъ нашемъ языкѣ эта пищевая жижа обыкновенно называется *кашкою* или *молочкомъ*.

Кромѣ цвѣтня или перги, пчелы приносятъ на своихъ ножкахъ въ улей и *клей*. Этотъ клей состоитъ изъ смолы, которую пчелы собираютъ съ деревьевъ, а особенно съ древесныхъ почекъ. Въ концѣ лѣта пчелы особенно много приносятъ клея въ свой улей. Пчелы весьма умно и разсчетливо замазываютъ этимъ клеемъ щели улья, употребляя его или чистый, или смѣшивая съ воскомъ.

Что касается *меда* въ собственномъ смыслѣ слова, то его пчелы приносятъ въ улей тоже *внутри себя*. Въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только слегка подавить пчелу, прилетѣвшую со взятка, при этомъ изо рта у пчелки выйдетъ капелька свѣтлой жидкости. За симъ, что касается воска, то пчелы не приносятъ его готовымъ, а вырабатываютъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Подобно тому, какъ, напримѣръ, у млекопитающихъ отъ питательнаго корма отлагается въ тѣлѣ жиръ, такъ у *сытыхъ пчелъ* отлагается въ тѣлѣ *воскъ*. Отъ отложенія воска брюшко пчелы замѣтно увеличивается и она дѣлается крупнѣе. Воскъ въ это время можно замѣтить у пчелы и безъ увеличительнаго стекла. Тотчасъ же можно замѣтить, что за каждымъ кольцомъ на нижней сторонѣ брюшка, какъ будто въ сумкѣ, лежитъ тоненькій, прозрачный какъ стекло, листочекъ воска; иногда листочекъ этотъ разростается уже слишкомъ и дѣлается довольно толстымъ. Замѣчено, что въ каждомъ пчелиномъ ульѣ, гдѣ рой принимается строить гнѣздо, можно найдти на полу улья прозрачные восковые листочки, подобные мелкой рыбьей чешуѣ. Для болѣе обильнаго наростанія воска, пчелъ нужно всегда хорошо кормить, и опытомъ найдено, что для выработки *одного фунта воска*, пчеламъ нужно съѣсть *восемь фунтовъ меду*, другими словами: нужно пчеламъ съѣсть на 2 рубля меду, чтобы выработать на 1 рубль воску...

Медоносная пчела, подобно многимъ полезнымъ животнымъ, не аборигенка европейская: она пришла въ Европу изъ Азіи, и именно изъ Сиріи. Эту послѣднюю страну, по согласнымъ свидѣтельствамъ древнихъ писателей, нужно считать настоящею *родиною* медоносной пчелы. Отсюда это насѣкомое распространилось по всей Европѣ, Африкѣ и большей части Азіи (кромѣ Ост-Индіи и около лежащихъ острововъ). Въ Сѣверную Америку пчела перевезена съ 1675 года. Тамъ она распространилась на огромное разстояніе и одичала. Въ Индіи пчелъ не было, и до какой степени индійцамъ были чужды эти насѣкомыя—видно изъ того, что индѣецъ называетъ пчелу *„мухою бѣлыхъ“* (т. е. мухою, свойственною бѣлымъ людямъ). Въ Южную Америку (въ Бразилію) пчела ввезена только что въ 1845 году, а въ Австралію и того позднѣе.

Обращая вниманіе на различіе породъ медоносныхъ пчелъ въ разныхъ странахъ, нужно замѣтить слѣдующія разновидности: а) *Китайская пчела*, б) *Африканская пчела* и в) *пчела Лигурійская* родомъ изъ Верхней Италіи и Граубюндена. Послѣдняя порода пчелъ важнѣйшая для всѣхъ странъ Европы.

Лигурійская пчела и теперь считается лучшею во всей Европѣ, и ею-то стараются улучшать свои ульи лучшіе пчеловоды-хозяева. Эта порода пчелъ привилась и у насъ въ Россіи у нашихъ лучшихъ пчеловодовъ.

Пчеловодство составляло исконный промыселъ нашего населенія. Извѣстно, что въ древности наши князья брали даже дань съ подчиненныхъ племенъ *медомъ* и *воскомъ*, что указываетъ на богатство естественныхъ пчельниковъ и ульевъ въ дуплахъ деревъ въ обширныхъ лѣсахъ древней Руси. Но мы не вдаемся здѣсь въ этотъ предметъ, такъ какъ, строго говоря, онъ относится спеціально къ народной нашей промышленности. Интересующагося этимъ предметомъ читателя отсылаемъ къ прекрасной книгѣ профессора Бутлерова: „*Пчела, ея жизнь и главныя основанія толковаго пчеловодства*“.

Перейдемъ къ сообщенію послѣднихъ наблюденій о нравахъ и жизни пчелъ.

II.

Жизнь и привычки пчелъ, весьма занимательныя сами по себѣ, издавна давали поводъ къ разнообразнымъ, страннымъ толкованіямъ, причемъ значительную роль играла, конечно.

фантазія и обобщеніе весьма недостаточныхъ наблюденій и фактовъ. Въ новѣйшее время, по поводу надѣлавшей шуму теоріи Дарвина и по поводу оживленнаго возбужденія вопроса о „разумѣ животныхъ“,—наблюденія ученыхъ съ особою настойчивостью направились на изученіе жизни и привычекъ такъ называемыхъ „общественныхъ“ насѣкомыхъ, напримѣръ, *муравьевъ* и пчелъ (о привычкахъ и инстинктѣ муравьевъ мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ журналѣ за прошлый 1877 г. См. „Нива“, №№ 22 и 28-й). Одинъ изъ новѣйшихъ наблюдателей жизни и привычекъ пчелъ, германскій ученый г. Шуманнъ, послѣ долговременныхъ настойчивыхъ наблюденій надъ пчелами, пришелъ къ весьма опредѣленнымъ выводамъ. При своихъ наблюденіяхъ, г. Шуманъ задался *четырьмя* категоріями вопросовъ, именно: 1) *Для чего работаютъ пчелы?* 2) *Какое значеніе имѣетъ царица пчелъ?* 3) *Какъ происходитъ распредѣленіе работъ?* 4) *Происходитъ ли между пчелами разговоръ, обмѣнъ мнѣній, сношенія, или же дѣятельность ихъ совершается по инстинкту?* За симъ, въ видѣ обобщенія, г. Шуманъ связываетъ предложенные вопросы въ одинъ: если въ дѣятельности пчелъ существуютъ признаки разумности, разсчитанности, порядка, то сознаютъ ли сами эти насѣкомыя, что они дѣйствуютъ разумно, разсчитанно, по плану? или же они служатъ только „слѣпыми орудіями“ напередъ предопредѣленной разумности? Г. Шуманъ своими наблюденіями пришелъ къ разрѣшенію вопроса въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ отрицанія высшаго пониманія и разсчета у пчелъ. И вотъ на какихъ соображеніяхъ.

Вся работа пчелъ сводится только на періодъ выводки малыхъ пчелъ, или *дѣтвы*. Внѣ этой выводки, или внѣ споспѣшествованія скорѣйшему развитію дѣтвы, *перестаетъ* дѣятельность пчелъ; слѣдовательно пчелы работаютъ только для молодого потомства. О себѣ же и о запасахъ на зиму эти насѣкомыя заботятся весьма мало, или вовсе не заботятся. Слѣдовательно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ простымъ инстинктомъ. Это же явленіе, замѣчаемое въ привычкахъ всѣхъ животныхъ, превосходно передается нѣмецкимъ словомъ Trieb (побужденіе). Это, въ самомъ дѣлѣ, непреодолимое побужденіе, заставляющее каждое животное заботиться о своихъ дѣтенышахъ и охранять ихъ до періода ихъ полнаго развитія. Животное въ этомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно и, если хотите, разумно, но само животное не знаетъ, что оно поступаетъ разумно и цѣлесообразно и въ этомъ состоитъ существенное отличіе инстинкта отъ разума. Дальнѣйшими фактами, вынесенными изъ наблюденія жизни пчелъ, г. Шуманъ убѣждаетъ въ своей мысли вполнѣ. Инстинктъ птицъ, напримѣръ, при высиживаніи ихъ птенцовъ совершенно сходенъ съ инстинктомъ пчелъ при выводкѣ ихъ дѣтвы. Какъ скоро въ гнѣздѣ уже нѣтъ болѣе дѣтей, птица перестаетъ носить туда кормъ: точно также, коль скоро нѣтъ выводки въ гнѣздахъ, пчелы перестаютъ *носить медъ*. Разница, однако, въ томъ, что птицы сами кладутъ яица, тогда какъ у пчелъ, живущихъ огромными семействами, обязанность *класть яица* возлагается на *одну* пчелу, на царицу. Остальныя пчелы-работницы заботятся о кормѣ выводковъ и самой царицы. Но эта царица пчела только и знаетъ, что кладетъ яица, а объ остальномъ уже нисколько не заботится. Есть, слѣдовательно, строгая, хотя безсознательная спеціализація работы у пчелъ. Доказательствъ этого, выведенныхъ изъ наблюденій,—масса. Вотъ налетѣлъ пчелиный рой и спустился гдѣ либо, хотя бы въ дупло дерева. Въ первую же ночь весьма поспѣшно начинается постройка сотовъ или ячеекъ; устраиваются они непосредственно надъ леткомъ, или дырой, ведущей въ улей. Послѣ совершенія постройки начинаются хлопоты о маткѣ или царицѣ. Если есть старая матка, уже оплодотворенная (что бываетъ передъ роеніемъ), то она тотчасъ же начинаетъ класть яица, а весь улей начинаетъ ревностно работать, увеличивая постройку сотовъ и добывая питаніе для дѣтвы. Но если матка не оплодотворена, то послѣ первой постройки сотовъ въ ульѣ, работа прекращается. Всѣ ожидаютъ, пока матка будетъ оплодотворена и начнетъ кладку яицъ, и какъ скоро совершится оплодотвореніе матки, начинается ревностная работа въ ульѣ. Въ случаѣ же, если матка окажется безплодною, то опять-таки прекращается работа и пчелы или разсѣеваются, улетая изъ улья, или вымираютъ, потребивши весь пищевой запасъ. Напротивъ же, въ случаѣ оплодотворенности матки, работы пчелъ въ ульѣ не прекращаются, пока не высидятся пчелиныя дѣтки, что совершается въ *теченіе трехъ недѣль*, какъ это извѣстно всѣмъ пчеловодамъ. Засимъ—попробуйте перенести изъ одного улья въ другой выводковь или дѣтву (въ улей, въ которомъ нѣтъ дѣтвы), въ немъ тотчасъ начинается работа, которой не было до перенесенія въ улей выводковъ. Какъ нельзя болѣе ясно, стало быть, что одинъ прирожденный инстинктъ заставляетъ пчелъ работать. Внѣ воспитанія выводковъ пчелы, сколько извѣстно, никогда не работаютъ, а тѣмъ менѣе могутъ разсчетливо и сознательно запасать медъ на зиму.

Изъ сказаннаго сейчасъ ясно вытекаетъ отвѣтъ и на *другой* вопросъ, предложенный г. Шуманомъ, именно: какое у пчелъ назначеніе для такъ называемой *„царицы“* или *матки?*

Царица пчелъ—единственная способная къ оплодотворенію самка въ пчелиномъ ульѣ, и ея *единственная* задача состоитъ только въ томъ, чтобы класть яица. Никакой распорядительной роли, какъ напрасно утверждали прежде да утверждаютъ и теперь еще—пчелиная матка не играетъ. Она служитъ только средоточіемъ роя, и притомъ замѣчательно, что для каждаго роя или улья бываетъ только одна матка. Рой пчелъ вылетаетъ, напримѣръ, изъ улья, чтобы основать новую колонію. Тогда, построивъ наскоро соты или гнѣзда, первымъ дѣломъ новоколонизавшагося роя бываетъ: *выбрать* матку для кладки яицъ. Случается иногда, что являются и *двѣ* матки; но онѣ никогда въ одномъ ульѣ не уживаются и одна изъ нихъ непремѣнно умертвитъ другую, и въ этой враждѣ двухъ матокъ остальныя пчелы не принимаютъ участія. Засимъ—какъ скоро осталась одна матка безъ соперницы, начинается кладка яицъ и спокойная работа рабочихъ пчелъ. На самое кладущую яица матку пчелы не обращаютъ вниманія; онѣ не замѣчаютъ даже, когда она вылетитъ изъ *улья* и если похитить изъ улья матку (какъ это можно сдѣлать при особомъ устройствѣ ульевъ), то безпокойства и тревоги между пчелами не произойдетъ, и если произойдетъ, то вовсе не отъ похищенія матки, а въ силу самой тревоги, нарушившей работу. Но вотъ еще замѣчается какая черта: если матка стара или недостаточно заботится о кладкѣ яицъ или о выводкахъ, то пчелы *убиваютъ ее*. Какой же отсюда выводъ? Только тотъ, что всѣ отношенія пчелъ къ своей царицѣ тѣсно связаны съ отношеніемъ къ выводкамъ. Внѣ этого пчелы, повидимому, нисколько не заинтересованы въ существованіи своей царицы.

Теперь слѣдуетъ отвѣтъ на третій вопросъ: почему существуетъ дѣленіе работъ въ ульѣ, чѣмъ это дѣленіе регулируется? Тщательныя наблюденія доказали, что обитатели улья раздѣляются на *двѣ* части: а) на *заботящихся о выводкахъ* и б) на *собирающихъ медъ*. Остальная спеціализація и организація работъ, какъ то сторожка улья, носка воды—составляетъ плодъ недостаточно твердыхъ наблюденій. Улей сторожатъ *обѣ* сейчасъ указанныя категоріи пчелъ, а воду носятъ пчелы-медоносицы, никакой особой спеціализаціи не существуетъ. Матка кладетъ яица, старшія пчелы собираютъ медъ, младшія часто только что вылупившіяся пчелки заботятся и о выводкахъ, и о маткѣ. Выводка и возрастаніе продолжается до 14 дней; остальное время жизни пчелы принадлежитъ обычной работѣ. Но случается такъ, что въ какомъ либо ульѣ отъ старости помираетъ матка и помираетъ въ самое горячее время дѣятельности пчелъ. Тогда, какъ извѣстно практическимъ пчеловодамъ, въ ульѣ можно пособить горю: вложить въ улей облитую воскомъ дощечку съ пчелиными яичками. Но успѣхъ этой операціи все таки зависитъ отъ того, сколько времени пчелы были безъ матки? Если не долго, если находятся на лицо вылупляющіяся пчелиные выводки, то изъ этихъ выводковъ является новая способная къ оплодотворенію матка и дѣло идетъ на ладъ. Но если уже прошло 14 дней послѣ смерти старой матки, то изъ молодыхъ уже вылупившихся пчелокъ ни одна не позаботится о положенныхъ яичкахъ—дѣло не клеится и подобный улей большею частью долженъ погибнуть, если впрочемъ не принять нѣкоторыхъ осторожныхъ мѣръ, придуманныхъ умными пчелохозяевами...

Если въ самый разгаръ пчелиной работы, перенести улей на другое мѣсто, нѣсколько отдаленное отъ прежняго, то не бывшія при переноскѣ улья пчелы возвращаются съ добычей все таки на прежнее мѣсто. Ни одна такая пчела не прилетитъ въ перенесенный на новое мѣсто улей и въ три дня всѣ эти пчелы разсѣются. Въ перенесенномъ ульѣ останутся только выводки; послѣ трехъ дней они уже успѣютъ вылупиться изъ яицъ и нѣсколько развиться. Такъ какъ мы взяли для нашего опыта самое горячее время, то улью въ смыслѣ убыли отъ разлетѣвшихся пчелъ не сдѣлается никакого вреда (потому что въ горячее время роенія ежедневно выводится изъ яичекъ до 1000 пчелъ), но за то сборъ меду прекратится.

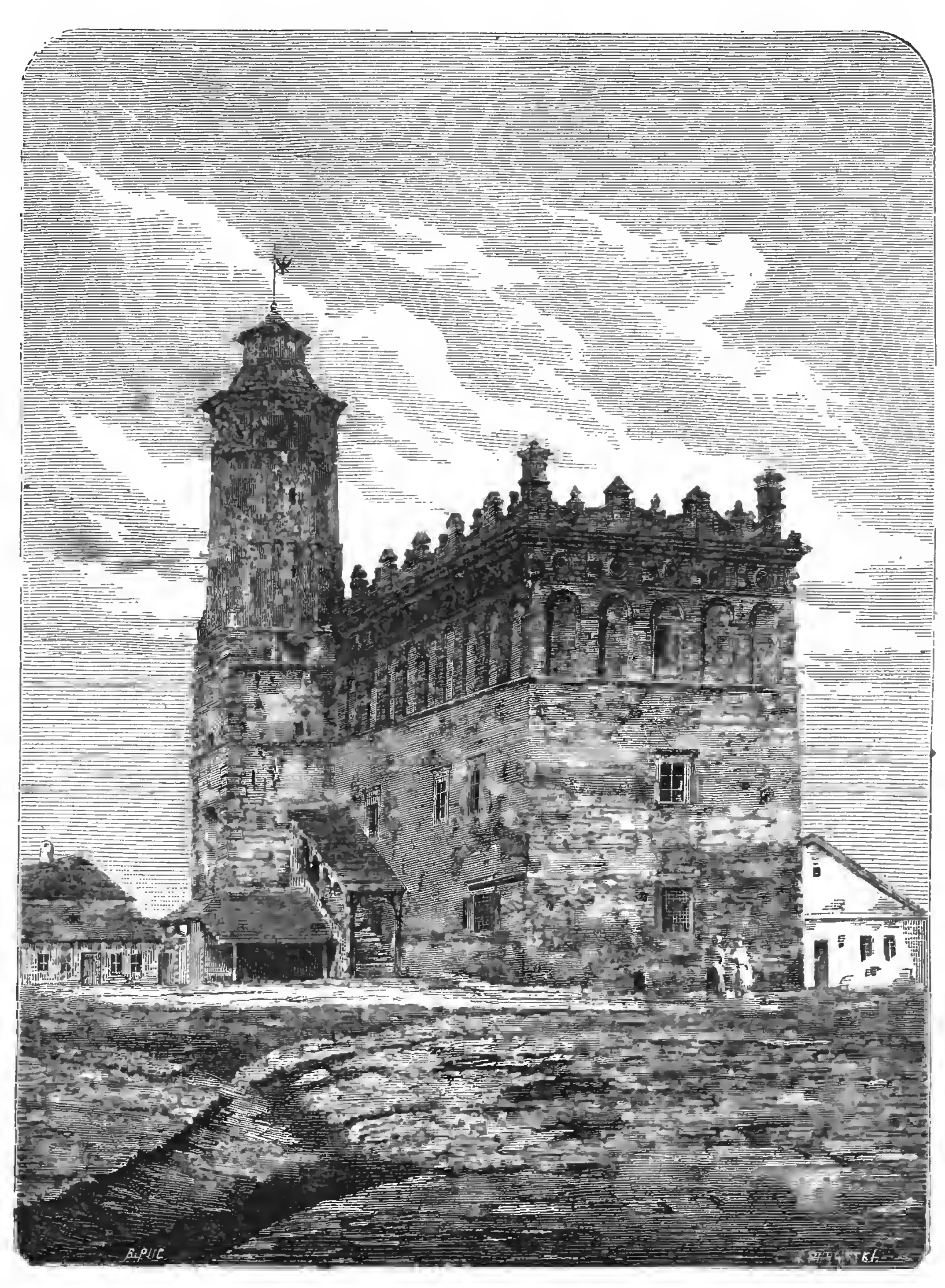
Теперь ясно, что приведенные примѣры вполнѣ отвѣчаютъ на вопросъ объ *распредѣленіи* и, якобы, разсчитанной организаціи *работъ между пчелами*. Все дѣло въ томъ, что молодыя пчелы имѣютъ неопредѣленный врожденный инстинктъ *заботиться о выводкахъ* и *маткѣ*, а старыхъ и развившихся пчелъ такой же инстинктъ побуждаетъ *собирать медъ*. Теперь и вопросъ: сознательно ли молодыя пчелы заботятся о маткѣ—рѣшается отрицательно, и это потому, что самыя молодыя пчелки, не пріобрѣвшія никакой опытности, заботятся о выводкахъ. Если даже заставить всѣхъ пчелъ улетѣть изъ улья, если взять изъ него матку, а оставить выводки, то развивается новое пчелиное потомство, среди котораго является новая матка и заботящіяся о ней молодыя пчелы... Что это, спрашивается, какъ не инстинктъ, разъ навсегда прирожденный организму пчелы и дѣйствующій по разъ навсегда опредѣленному плану, причемъ насѣкомое, подобное пчелѣ, является только пассивнымъ исполнителемъ плана... Въ связи съ этимъ разрѣшается также вопросъ и о пчелиныхъ запасахъ на зиму. Эти запасы дѣлаются совершенно безъ всякаго разсчета. Если въ ведряное лѣто кормъ, или, какъ выражаются пчеловоды, *взятокъ*, хорошъ, то пчелы, по обилію цвѣтовъ въ полѣ, разумѣется, дѣлаютъ большіе запасы меду, остающіяся, независимо отъ потребленія, и на зиму. Но если взятокъ плохъ, то пчелы же безъ всякой разсчетливости съѣдаютъ и этотъ скуд-

ный взятокъ, чтобы голодать зимою, и часто действительно гибнутъ съ голоду. Ясно, слѣдовательно, что пчелы собираютъ нисколько не разсчитывая и не заботясь, весь ли медъ будетъ потребленъ или еще будетъ остатокъ. Старыя и малыя пчелы и царица, правда, неуклонно исполняютъ свои обязанности. Но каждый возрастъ дѣйствуетъ по прирожденному ему инстинкту.

За симъ: имѣютъ ли пчелы сношеніе между собою? есть ли у нихъ разговоръ?..

У пчелъ мы замѣчаемъ три категоріи проявленія хлопотъ, заботъ и трудовъ въ ульѣ: *сохраненіе улья, вскормленіе выводковъ* и *защиту выводковъ и улья.* Что касается перваго, то, по обстоятельномъ наблюденіи, сейчасъ же можно убѣдиться, что пчелы заботятся лишь о томъ, чтобы у нихъ была *матка*, не заботясь о томъ, та или другая будетъ матка *). Разъ матка не исполняетъ своего назначенія—ее умертвятъ. Намъ говорятъ, что если похитить пчелиную матку изъ улья, то улей придетъ въ крайнее безпокойство. Пчелы, особенно же постоянныя спутницы матки, своими щупальцами сообщатъ другъ другу вѣсть о печальной пропажѣ; по мѣрѣ распространенія вѣсти между всѣми, приходитъ въ ужасную тревогу весь улей. Такимъ мнѣніемъ маткѣ придается какой-то генеральный штабъ изъ сопровождающихъ ее пчелъ.

Нужно замѣтить, что разсказъ о пчелахъ, якобы сопровождающихъ царицу, имѣетъ свое основаніе только въ томъ, что матку сопровождаютъ пчелы, дающія ей кормъ, такъ какъ сама принимать пищи она не можетъ, и это дѣлаютъ только самыя молодыя пчелы; а такъ какъ матка ежедневно кладетъ до 1,000 яицъ, то и понятно, что для ея корма никогда не можетъ быть недостатка въ молодыхъ пчелахъ, и она не умретъ съ голоду. Но эти молодыя пчелки весьма близоруки и несообразительны: часто онѣ долго ищутъ матку, неся ей пищу, обыскиваютъ всѣ гнѣзда. Случается, что матка вылетитъ изъ улья и тогда-то, послѣ безплодныхъ поисковъ по закоулкамъ, молодыя пчелки поднимаютъ тревогу, которая выражается въ особыхъ звукахъ, выражающихъ *приманку* и *зовъ*. На этотъ сигнальный шумъ слетаются и другія пчелы, и вотъ тогда-то и поднимается тревога въ ульѣ, и тревога эта происходитъ отъ того, что кормящія пчелки не нашли матку и стали звать ее, а на этотъ зовъ слетѣлись другія, и весь рой вмѣстѣ началъ искать матку. Нужно замѣтить, что въ этой тревогѣ не принимаютъ участія полевыя рабочія пчелы, носильщицы меда.

Ратуша въ Сандомирѣ. (Радомской губ). Рис. Гуравскій, грав. Пуцъ.

*) Т. е. нѣтъ заботы объ отдѣльномъ индивидумѣ, заботы, составляющей признакъ разумности.

(Продолженіе на стр. 357, 358, 359 и 360).

Рис. 1) Деревянныя ячейки пчелъ, строющихъ свои гнѣзда въ деревьяхъ.

Рис. 2) Пчелы водящіяся на розахъ (пчелы закройщики).

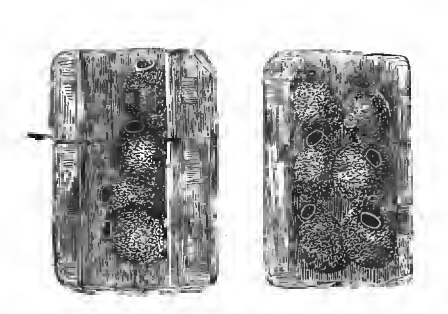

Рис. 3) Выдолбленныя ячейки пчелъ въ стѣнахъ зданій.

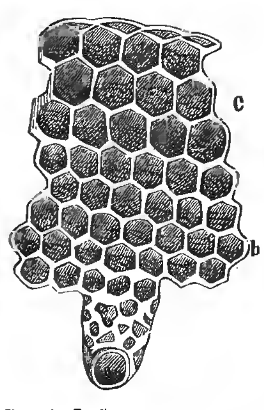

Рис. 4) Ячейки или соты устроиваемыя пчелами.

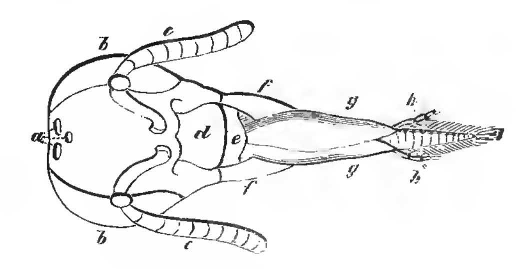

Рис. 5) Схематическій рисунокъ головы рабочей пчелы. а) Три рядомъ лежащіе глазка на лбу. б) Два стороннiе или такъ называемые сѣтчатые глаза. в) Щупальцы (сломанныя). г) Головной щитъ. д) Косая нижняя губа. е) Верхняя челюсть. ж) Нижняя челюсть. з) Разчлененныя губныя щупальцы, и) Языкъ, покрытый волосками.

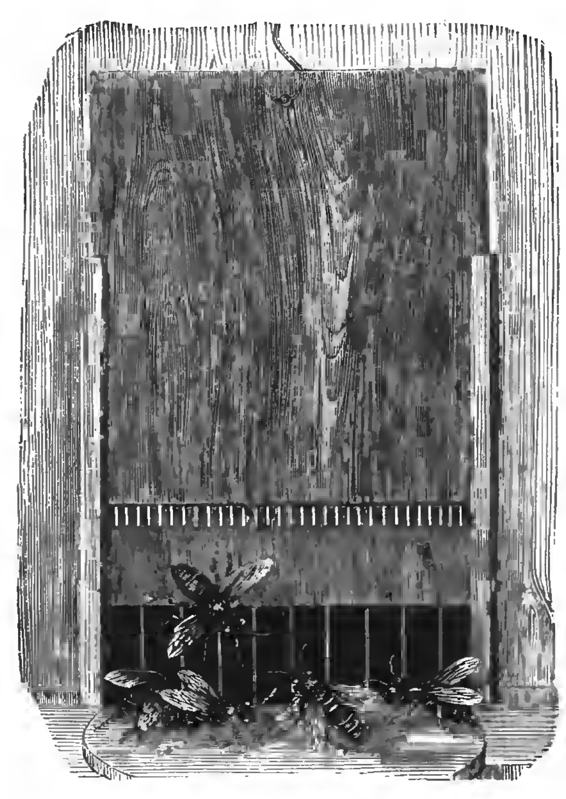

Рис. 6) Пчелы, сторожащія входъ въ улей или летокъ.

Рис. 7) Гирлянды пчелъ, возвратившихся съ полевой добычи.

Этимъ фактомъ за-разъ объясняются *двѣ* интересующія многихъ вещи: *во первыхъ*, что тревога пчелъ по поводу похищенія матки является не тотчасъ послѣ этого похищенія; она поднимается тогда, когда пчелки несущія пищу, обыщутъ всѣ уголки, а это требуетъ часто продолжительнаго времени. *Во вторыхъ*: и эта тревога по поводу похищенія матки является далеко не всегда, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда улей совершенно и безусловно готовъ къ роенію. Иногда, однако, даже совершенно не сообщается рою о вылетѣ матки. Здѣсь, слѣдовательно; только и можетъ быть рѣчь объ *инстиктивномъ исканіи* и *зовѣ* вылетѣвшей матки.

Затѣмъ, надо сказать и то, что не только молодыя пчелы кормятъ матку; но и вообще часто кормятъ другъ друга. При кормленіи медомъ, у пчелъ, дѣйствительно, употребляется особый языкъ. Одна пчела извѣщаетъ о присутствіи меда, другія являются на зовъ. Тутъ, конечно, играютъ роль и щупальцы. Ощупывая цвѣточную пыль другъ на другѣ, пчелы иногда плотно цѣпляются другъ за друга, образуя сплошную массу, что̀ изображено на одномъ изъ нашихъ рисунковъ.

Наконецъ нужно сказать, что пчелы сторожатъ *) свой улей весьма тщательно! Сторожевая пчела не допуститъ, чтобы какое-либо чужое насѣкомое проникло въ летокъ улья. Пчелы расположены въ ульѣ всегда такъ, что передовые ихъ ряды сидятъ у самаго летка. Если передняя сторожевая пчелка замѣтитъ, что что-нибудь шевелится или какое-нибудь насѣкомое летитъ около отверстія летка, снаружи, то сейчасъ же вылетаетъ изъ улья, освѣдомиться. Если окажется, что это пролетаетъ *оса* или шмель, или другое непріязненное насѣкомое, то пчелки единодушно заграждаютъ летокъ, чтобы не пустить непріятеля. Иногда завязывается ссора, возникаетъ драка; тогда на выручку вылетаютъ другія пчелки изъ улья, и шумное сраженіе продолжается до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ побѣжденъ. Если шумъ произведетъ *своя* пчела-подруга, летящая въ свой улей, то послѣ шумнаго недоразумѣнія, вскорѣ все успокоивается. Если же въ летокъ наровитъ влетѣть пчела изъ чужого улья съ цѣлью грабежа, то эту пришлицу общество пчелъ встрѣчаетъ *какъ врага*, и опять таки происходитъ ожесточенное сраженіе. Но является вопросъ: какъ же пчелы отличаютъ пришлицу отъ своей подруги? Вотъ на этотъ то вопросъ отвѣчать не легко. Но, во всякомъ случаѣ, *не щупальцами* отличаютъ пчелы свою сожительницу отъ чужой пришлицы, а по признакамъ, къ которымъ пчелы привыкли. Своя пчела съ увѣренностью и прямо летитъ въ летокъ и спокойно ползетъ въ гнѣздо. Чужая же летитъ невѣрно, подозрительно жужжитъ, неувѣренно и блуждая ползетъ. Вотъ всѣ эти признаки возбуждаютъ подозрѣніе пчелъ въ ульѣ. Притомъ надо прибавить, что пчелы своего улья возвращаются на свое логовище съ ношею меду. И именно благодаря этому признаку, пчелы распознаютъ своихъ отъ чужихъ. Это ясно изъ того, что если даже чужая пчела влетитъ въ улей съ ношею меду, то не происходитъ никакой тревоги. За симъ вѣрность этого предположенія доказана была многими опытами, сдѣланными г. Шуманомъ. Тѣ же многочисленные опыты г. Шумана доказали, что пчела *не узнаетъ* даже своего улья, если онъ поставленъ на другое мѣсто. Даже улей, поставленный ниже обычнаго мѣста, производитъ въ пчелкахъ смятеніе; насѣкомыя эти не могутъ сообразить, что въ этомъ случаѣ съ ихъ домовищемъ не произошло никакой перемѣны.

Общій выводъ все таки тотъ, что пчела поражаетъ насъ выдающимися порядками своей общины, въ которой есть видимая организація и цѣлесообразное устройство, и это происходитъ, конечно, отъ удивительнаго инстинкта этихъ насѣкомыхъ. Устройство пчелиной общины носитъ печать чрезвычайнаго ума; но есть-ли у каждой пчелы въ отдѣльности сознательныя понятія и есть-ли все, ими производимое, результатъ такихъ понятій—это весьма трудно рѣшить. Наблюденія всего болѣе склоняются къ тому, что все, создаваемое ими, есть только послѣдствія ихъ инстинкта. **Стр.**

*) *Пчелы, стерегущія матокъ, или входъ въ улей* изображены на 6 рисункѣ.

Политическія и внутреннія извѣстія

Если можно еще предотвратить войну Россіи съ Англіей, то путемъ миролюбиваго соглашенія между Англіей и Россіей и другими государствами, заинтересованными въ государствахъ Балканскаго полуострова и желающихъ дѣлежа этихъ государствъ. До сихъ поръ у насъ съ Англіей, дѣйствительно, проявилось-было обоюдное соглашевіе, но оно имѣло предметомъ только отступленіе нашихъ войскъ отъ Дарданеллъ на значительное разстояніе, причемъ Англія обязывалась оставить Галлиполи. Въ началѣ прошлой недѣли ходили слухи объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Санъ-Стефано къ Адріанополю. Планъ этотъ входилъ и въ общія соображенія новаго главнокомандующаго Дунайскою арміей, генерала Тотлебена. Генералъ Тотлебенъ отступленіе нашихъ войскъ отъ Санъ-Стефано ставилъ въ зависимость отъ одновременнаго съ этимъ очищенія турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, но переговоры объ этомъ кончились ничѣмъ и операціонный планъ нашъ за Дунаемъ измѣняется, слѣдовательно, изъ осторожно выжидательнаго въ рѣшительный и энергическій. Наши вожди пріобрѣли, слѣдовательно, убѣжденіе, что отступленіе наше отъ Санъ-Стефано нисколько не повлечетъ за собою одновременнаго же отступленія англичанъ изъ Галлиполи и очищенія турками крѣпостей, и что подобное обѣщаніе есть просто англо турецкая уловка, которая послужитъ лишь къ большему сосредоточенію англійскихъ войскъ въ Галлиполи. Согласно съ этимъ твердымъ рѣшеніемъ, наши войска принялись сооружать въ окрестностяхъ Санъ-Стефано *новые окопы* и вооружать ихъ *крупповскими орудіями*. Но генералъ Тотлебенъ продолжаетъ все-таки энергически требовать у Порты очищенія Шумлы, и наша главная квартира вовсе не имѣетъ въ виду удаляться въ Чаталджу. Въ Константинополь, съ нашей стороны назначенъ новый посолъ, князь Лобановъ-Ростовскій. На прошлой недѣлѣ онъ уже прибылъ на мѣсто своего назначенія въ Константинополь.

Англія (искренно-ли—другой вопросъ), признавая возможность мирнаго соглашенія съ Россіей, продолжаетъ требовать со стороны послѣдней уступокъ. Объ этихъ требованіяхъ мы уже знаемъ, но въ послѣднее время онѣ формулируются нѣсколько короче: это—сильная урѣзка Болгаріи и исправленіе новой русско-турецкой границы въ Малой Азіи. За симъ Англія называетъ дѣйствіе Санъ-Стефанскаго договора „слишкомъ сложнымъ“ и стремится устранить эту „сложность“. Существуютъ уже и комментаріи, что Англія понимаетъ подъ словомъ „излишняя сложность“. Вѣдь въ общемъ смыслѣ извѣстно, *какимъ путемъ* можетъ устранить Англія излишнюю сложность дѣйствія Санъ-Стефанскаго трактата—это захватомъ Дарданеллъ и Галлиполи... Да мало этихъ захватовъ: и Красное море она стремится прибрать къ своимъ рукамъ: недавно Англія купила землю близь *Портъ-Саида* для устройства *каменноугольной* станціи. Но Англія и до этого времени владѣла важнымъ пунктомъ на берегу Краснаго моря—*Аденомъ*, а теперь уже будетъ имѣть *два* пункта на обоихъ берегахъ: не значитъ ли это брать самоизвольно въ свои руки ключъ отъ Суэцкаго канала и гдѣ же послѣ этого международное значеніе знаменитаго канала?

Возстаніе въ дикихъ, грозныхъ и скалистыхъ Родопскихъ горахъ еще продолжается и теперь, повидимому, почти съ неослабѣвающей энергіей; такъ, инсургенты Родопскихъ горъ въ недавнее время были значительно подкрѣплены албанцами; происходили и происходятъ все новыя и новыя стычки. Для замиренія возстанія учреждена коммисія, но она до сихъ поръ не дала никакого результата. Родопское возстаніе, очевидно, пріобрѣло себѣ прочную почву, оживляется надеждами, получаетъ въ себя новые элементы, а въ такихъ случаяхъ коммисіи уже безсильны. Никакая коммисія не являлась мудрымъ Эдипомъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

Независимость, саморазвитіе, самоуправленіе государствъ Балканскаго полуострова—развитіе строго вытекающее изъ національной идеи, само собою усмирило бы эти бурные, бродячіе, неуживчивые элементы. Но въ томъ-то и дѣло, что опека государствъ разноплеменныхъ, въ родѣ Австріи, всегда мѣшала и мѣшаетъ національному развитію... Странная судьба славянскихъ балканскихъ племенъ, продолжающаяся столько вѣковъ. Никакъ не могутъ выпутаться изъ узъ опеки, часто совершенно непрошенной..

И воинственное расположеніе Порты представляется въ настоящее время достаточно рельефнымъ. Разъ это явствуетъ изъ того, что Порта упорно медлитъ вывести свои войска изъ крѣпостей. Нечего уже и говорить, что Порта совсѣмъ не протестовала противъ вступленія англійскаго флота въ Мраморное море и Дарданеллы, хотя по всякимъ правамъ, обязана была протестовать. Наконецъ Порта въ настоящее время дѣлаетъ заемъ, причемъ страннымъ образомъ Портѣ, неимѣющей почти никакихъ экономическихъ рессурсовъ, оказывается довѣріе банкировъ... Уже подписано на 700,000 фунт. стерлинг. турецкаго займа. По условію, турецкое правительство уплачиваетъ своимъ кредиторамъ 12% роста и 2% коммисіи. Гарантіею займа служатъ таможенные доходы за 15 мѣсяцевъ...

На прошлой недѣлѣ все европейское общество было крайне взволновано возмутительнымъ преступленіемъ — покушеніемъ на жизнь Германскаго Императора Вильгельма, имѣвшимъ мѣсто въ Берлинѣ. Подробности этого гнуснаго поступка слѣдующія. Когда императоръ въ 3½ часа проѣзжалъ вмѣстѣ съ своей дочерью, великой герцогиней Баденскою, въ открытомъ экипажѣ по „Unter den Linden“, то внезапно раздались одинъ за другимъ три выстрѣла, сдѣланныхъ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Экипажъ остановился и императоръ поднялся тогда съ своего мѣста спросивъ: „не въ меня ли это стрѣляли“? Вообще хладнокровіе не покинуло маститаго императора и онъ послѣ этого продолжалъ заниматься дѣлами, не желая отлагать срочные доклады. Стрѣлявшимъ въ императора оказался нѣкто Гедель, фабричный рабочій, принадлежавшій къ партіи соці-

алъ-демократовъ. Негодованіе на этотъ гнусный замыселъ всеобщее. Адрессы и поздравленія Германскому Императору, по случаю избавленія отъ опасности, съ тѣхъ поръ имѣются отъ всѣхъ государствъ съ самыми искренними и горячими выраженіями уваженія къ маститому государю.

Достойно упоминанія, что во время поздравленія его прусскимъ министерствомъ, Императоръ, упомянувъ объ извѣстныхъ событіяхъ 1848 г., выразилъ твердое убѣжденіе, что важная задача правительства „не допустить, чтобы революціонные элементы взяли верхъ и, главнымъ образомъ, заботиться о томъ, чтобы народъ не утратилъ религіи“.

Во Франціи недавно г. Гамбетта принялъ званіе президента бюджетной коммисіи. При этомъ бывшій диктаторъ въ своей рѣчи старался высказать мысль, что въ военномъ отношеніи Франція должна ограничиваться только „оборонительными силами“ что Франція должна остаться и останется „вѣрною великимъ принципамъ, дѣлу мира и цивилизаціи“.

По извѣстіямъ изъ Лондона, въ Америку *постоянно прибываютъ русскіе матросы* и ожидаютъ тамъ себѣ назначеній на случай войны. Наше русское крейсерство, благодаря уже открывшимся общественнымъ пожертвованіямъ, принимаемымъ по иниціативѣ Августѣйшаго покровителя этого добраго намѣренія, Государя Наслѣдника Цесаревича, обѣщаетъ большое развитіе. Это предпріятіе весьма популярное, народное и въ высшей степени желательны его успѣхи. Наши крейсеры будутъ вредить купеческимъ кораблямъ всемогущей на морѣ Англіи. Да и въ случаѣ мира нашъ крейсерскій добровольный общественный флотъ будетъ флотъ постоянный и, благодаря ему, намъ уже не будетъ нужды платить цѣлые милліоны фрахта иностранцамъ.

Пріѣздъ персидскаго шаха ожидается вскорѣ. Вотъ какъ между прочимъ Москва собирается его чествовать. Ему приготовляется торжественная встрѣча. Со станціи желѣз. дор. до Кремля шахъ поѣдетъ въ такъ называемой золотой каретѣ, шестерней, въ англійской упряжи; свита же шаха въ открытыхъ ландо. Помѣщеніе для шаха назначено въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Золотая карета и 16 парадныхъ экипажей для городскихъ разъѣздовъ, а также 30 лошадей изъ придворныхъ конюшенъ доставлены для шаха въ Москву изъ Петербурга. Театральное управленіе готовитъ къ пріѣзду его блестящее хореографическое представленіе на сценѣ большого театра.

А вотъ и другой образчикъ чествованія, нетребующій никакихъ комментаріевъ. Въ Москвѣ въ ресторанѣ Эрмитажъ въ концѣ Великаго поста давался обѣдъ въ честь знаменитаго поставщика сапогъ для нашей арміи, г. Малькіеля. Обѣдъ этотъ давали крестьяне Тверской губ. въ благодарность г. Малькіелю, взявшему подрядъ у правительства и передавшему часть этого подряда имъ. На обѣдѣ присутствовало 10 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было два интендантскихъ чиновника. Угостить этихъ десять человѣкъ стоило не мало, не много, а цѣлую тысячу рублей! Въ числѣ блюдъ подавались компотъ изъ ананасовъ и земляника со сливками,—по 8 руб. за тарелку. Каковы то были тѣ сапоги, которыхъ поставка дала возможность поставщикамъ такъ бѣшено кидать деньги.

Какъ слышно, въ одно изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, внесенъ проэктъ, по которому министръ юстиціи будетъ имѣть право удалять по своему усмотрѣнію не благонадежныхъ присяжныхъ повѣренныхъ.

26 апрѣля, въ 1-е отдѣленіе петербургскаго окружнаго суда поданъ кассаціонный протестъ по дѣлу Вѣры Засуличъ, обвиняемой въ покушеніи на убійство генералъ-адъютанта Трепова. Протестъ писанъ товарищемъ прокурора окружного суда Кесселемъ, поддерживавшимъ обвиненіе на судѣ и заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ поводовъ для кассаціи рѣшенія присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу. Однимъ изъ существенныхъ кассаціонныхъ поводовъ приведенъ отказъ суда въ просьбѣ товарища прокурора о прочтеніи справки, при которой приложена была копія съ предписанія градоначальника на имя управляющаго домомъ предварительнаго заключенія, по которому содержавшійся тамъ арестантъ Боголюбовъ былъ наказанъ розгами. Неправильность въ постановкѣ вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ, тоже находится въ числѣ поводовъ для кассаціи.

Въ Петерб. Обществѣ Взаимнаго Кредита обнаружена новая растрата суммъ. Фабрикантъ Торнтонъ считалъ за Обществомъ до 200,000 р., сумма же эта оказалась записанною въ выдачу по чекамъ г. Торнтона. Онъ потребовалъ предъявленія ему чековъ, но чековъ не оказалось. По этому дѣлу начато судебное слѣдствіе.

Правительство наше допустило въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ, жиротопленіе изъ миногъ въ низовьяхъ Волги, отъ Камышина до истока Бузани у Лебяжинской станицы, въ зимнее время отъ 1-го декабря до 15-го января.

Въ заключеніе приводимъ здѣсь интересныя свѣдѣнія о томъ, сколько въ Россіи выпито въ 1877 году шампанскаго вина. Оказывается, что всего въ этомъ году ввезено его въ Россію только 198,272 бутылки, между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ ему 1876 г. было ввезено этого вина въ Россію 1,570,914 бутылокъ. Ну, скажите, пожалуйста, не ужасающая ли это цифра. Видя такую удивительную умѣренность въ употребленіи шампанскаго, выразившуюся въ русскихъ людяхъ въ 1877 году, по сравненію съ 1876 годомъ, намъ остается только пожелать, чтобы въ 1878 году привозъ этого вина уменьшился на такое же количество, какъ въ 1877 г. противъ 1876 года.

Въ № 96 „Прав. Вѣст.“ напечатано слѣдующее знаменательное заявленіе, которое, конечно найдетъ живѣйшее сочувствіе во всѣхъ слояхъ русскаго народа:

„Прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ того дня, когда наши геройскія войска, совершивъ почти безпримѣрные въ исторіи подвиги и пронеся со славою русскія знамена изъ края въ край непріятельской земли, стали лагеремъ у самыхъ стѣнъ его столицы. Мирный договоръ былъ подписанъ и вся Россія уже готовилась радостно встрѣтить своихъ сыновъ-героевъ.

Но въ то самое время, когда наши бывшіе враги подписывали миръ, вблизи нашихъ войскъ, на водахъ Мраморнаго моря, появились грозные военные корабли сильнѣйшей морской державы. На крайнемъ западѣ Европы начали быстро и открыто готовиться къ войнѣ. При изобиліи денегъ приготовленія эти достигли громадныхъ размѣровъ. Исполненіе мирнаго договора нашего пріостановилось.

Никакой врагъ на землѣ не страшенъ для Россіи. Въ Россіи есть многочисленное христолюбивое воинство и многомилліонный народъ, тѣсно сплоченный вокругъ Престола. Въ Россіи всегда были, есть и будутъ, и Пожарскіе, и Минины. Дѣло Мининыхъ собирать силы, дѣло Пожарскихъ—устраивать и руководить оборону, а когда нельзя обойтись безъ нападенія, то и умѣть отыскать у противника слабыя стороны, чтобы заставить его призадуматься.

Въ настоящее время, если бы Богъ судилъ Россіи новою войною пожать плоды войны минувшей и обезпечить навсегда только что освобожденныхъ братьевъ по кресту, всѣ наши силы должны быть направлены къ нападенію въ открытыхъ моряхъ и океанахъ.

Съумѣютъ ли нападать наши моряки? Съумѣютъ—на то они русскіе люди. Имъ нужно дать хорошія быстроходящія суда въ изобиліи, и они найдутъ у могущаго явиться новаго врага его больное мѣсто. Десятки судовъ подъ командою удалыхъ морскихъ офицеровъ, разсыпавшись по морскимъ торговымъ путямъ новаго противника, остановятъ его мировую торговлю, а стоитъ этой торговлѣ остановиться на одинъ лишь мѣсяцъ—груды золота, которыми онъ такъ кичится, начнутъ быстро таять.

Устройство добровольнаго флота и сборъ пожертвованій на это русское дѣло Высочайше разрѣшены. На средства, какія будутъ собраны, пріобрѣтутся въ разныхъ портахъ суда, которыя выйдутъ въ море по первому слову. Чѣмъ скорѣе они будутъ пріобрѣтены и готовы—тѣмъ лучше. Хочешь мира—будь готовъ къ войнѣ.

Дѣло добровольнаго флота не есть дѣло временное, а дѣло постоянное. Суда этого флота въ мирное время будутъ служить мирнымъ цѣлямъ; снявши орудія, они возьмутъ на себя доставку тѣхъ милліоновъ пудовъ разныхъ товаровъ отъ насъ и къ намъ перевозимыхъ, за провозъ которыхъ русскіе люди, за неимѣніемъ своего торговаго флота, платятъ иноземцамъ десятки милліоновъ рублей ежегодно. Этимъ путемъ собранныя деньги даже могли бы впослѣдствіи времени постоянно возвращаться жертвователямъ, а на случай нежданной войны будетъ у насъ готовый флотъ для защиты и для нападенія.

Если у нашего противника золота болѣе чѣмъ у насъ, то нѣтъ того народа въ мірѣ, который любилъ бы свою родину болѣе чѣмъ мы, русскіе люди, любимъ свою родную Россію, своего Отца-Царя, и горе тому, кто въ этомъ усомнится. Теперь, когда нашъ Царь-Отецъ разрѣшилъ устройство добровольнаго флота, подъ надзоромъ Своего Сына-Цесаревича, на защиту нашего отечества, понесемъ наши пожертвованія щедрою рукою, отъ избытка и отъ скудности, съ крестнымъ знаменіемъ, помня, что мы всѣ готовы, если врагъ вызоветъ, вновь стать грудью, какъ одинъ человѣкъ, на защиту нашего честнаго праваго дѣла—а на начинающаго Богъ.

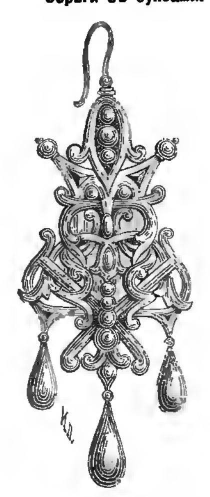
Пожертвованія принимаются. *въ С.-Петербургѣ*, въ Аничковскомъ Дворцѣ, у Покровителя всего дѣла добровольнаго флота, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; для приносящихъ свои пожертвованія пріемъ назначенъ отъ 11-ти до 3-хъ часовъ пополудни.

Для лицъ, которыя будутъ посылать свои пожертвованія по почтѣ, адресъ слѣдующій:

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, на дѣло устройства судовъ добровольнаго флота, отъ такого-то, въ С.-Петербургъ.

Кромѣ того пожертвованія принимаются: *въ Москвѣ*: 1) въ московскомъ главномъ комитетѣ, при управленіи московскаго генералъ-губернатора; 2) въ правленіи общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, на Воздвиженкѣ, домъ граф. Комаровской; 3) у казначея главнаго комитета И. Я. Лямина (Ильинка, домъ купеческаго банка). *Въ другихъ городахъ*: 1) въ мѣстныхъ комитетахъ по сбору пожертвованій и 2) въ правленіяхъ мѣстныхъ отдѣленій общества для содѣйствія русскому торговому мореходству“.

Серьги съ букеами.

Въ этихъ серьгахъ помѣщено нѣсколько буквъ, составляющихъ имя одного героя изъ трагедіи Шекспира. Объясненіе дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ «Нивы».

Мысли замѣчательныхъ людей.

Первый законъ властителей—самому исполнять всѣ законы. *Генрихъ IV.*

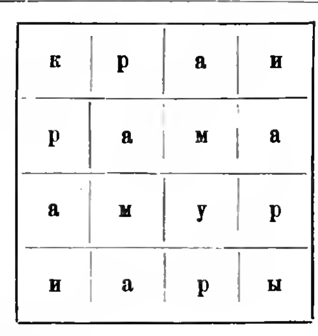
Скромное есть изящное покрывало добродѣтели,—она возводитъ на степень славы.

Не откладывай до вечера того, что можешь сдѣлать утромъ. *Ж. Ж. Руссо.*

Благочестіе есть величіе души.

Что можетъ быть выше того, какъ управлять своими чувствами, покорить ихъ подъ иго закона и останавливать наклонность природы, всегда быстро стремящуюся къ злу. *Массильонъ, епископъ.*

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 19 „Нивы“:

к	р	а	и
р	а	м	а
а	м	у	р
и	а	р	ы

Рѣшенія ариѳмогрифа и ребуса, помѣщенныхъ въ № 19 „Нивы“.

Ариѳмогрифъ: Москва.

Ребусъ: Геній человѣка поразителенъ. Онъ въ горахъ прологаетъ тонели, залетаетъ за облака и даже спускается на дно морское.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

4. Мамадышъ. Д. Хлѣб—ову. Не можемъ для васъ ничего сдѣлать и искренно совѣтуемъ не безпокоить себя и другихъ.

5. Л. А—ву. Почеркъ у васъ хорошъ, но въ стихахъ недостаетъ смысла. Беремъ на выдержку слѣдующія строки:

Жители неба съ восторгомъ внимаютъ
Небесныя пѣсни пѣвца своего,
Безчисленнымъ хоромъ ему повторяютъ
И чтутъ сотворившаго Бога его.

Кто поетъ, и кто слушаетъ, и кто кого сотворилъ: Богъ ли пѣвца или пѣвецъ Бога—это задача, которую разрѣшить мы не беремся.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Дозволено цензурою СПБ. 12 Мая 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 21 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 22 Мая 1878 г.

Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Генералъ-лейтенантъ, академикъ Г. Гельмерсенъ.

50-тилѣтній, 23 апрѣля празднованный, юбилей академика Гельмерсена — юбилей его научной и служебной дѣятельности, есть фактъ достойный общественнаго вниманія. И русская наука, и русское общество послали свой привѣтъ маститому юбиляру.

Гельмерсенъ получилъ свое высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ онъ и посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ, — спеціально-же — ориктогнозіи и геогнозіи, и оказалъ вскорѣ такіе успѣхи, что еще въ бытность его студентомъ ему сдѣлано было Дерптскимъ университетомъ порученіе: *опредѣлить абсолютную высоту истоковъ Волги.*

Окончивъ университетскій курсъ 22 лѣтъ отъ роду (въ 1825 г.), Гельмерсенъ, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, Морицемъ фонъ-Энгельгардтъ, сдѣлалъ геологическое путешествіе на *Уралъ*, а по возвращеніи, согласно съ желаніемъ Энгельгардта, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Гофманомъ (геологомъ), рѣшился посвятить себя

Генералъ-лейтенантъ, академикъ Г. Гельмерсенъ.
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

геогностическому изслѣдованію Россіи въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Для этой цѣли, Гельмерсенъ поступилъ въ горное вѣдомство, и по желанію тогдашняго министра финансовъ, графа Канкрина, молодымъ ученымъ поручено было изслѣдовать геологическія свойства южнаго Урала. Такъ какъ подобное изслѣдованіе, въ это время было дѣломъ очень новымъ, то, для большаго регулированія изысканій, молодыхъ ученыхъ сопровождалъ и профессоръ Энгельгардтъ. Весною 1828 г. были геологически обслѣдованы окрестности Оренбурга и южная часть башкирской области до г. Златоуста. Зиму съ 1828 на 1829 изслѣдователи провели въ Оренбургѣ, и весною, въ Міасскѣ, по приказанію министра Канкрина, дождались знаменитаго А. *фонъ-Гумбольдта*, тогда путешествовавшаго по Сибири и возвращавшагося съ Алтайскихъ горъ на Уралъ. Знакомство съ однимъ изъ величайшихъ геніевъ нашего вѣка, благотворно подѣйствовало на всю

послѣдующую дѣятельность Гельмерсена и Гофмана. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гумбольдтъ хвалилъ министру Канкрину способности знанія и усердіе молодыхъ ученыхъ, и совѣтовалъ послать ихъ для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу, въ Германію.

И вотъ Гельмерсенъ и Гофманъ, отправленные въ Германію, въ теченіе 1½ года, слушаютъ лекціи знаменитнѣйшихъ профессоровъ того времени: Густава и Генриха *Розе*, *Митчерлиха*, *Вейсса*, *Эрмана* и Карла *Риттера* (знам. географа). Стараніями Гумбольдта они были введены въ кружокъ Леональда фонъ-*Буха*, *Тагендорфа* и другихъ знаменитостей того времени. Въ 1830 г. Гельмерсенъ и Гофманъ посѣтили столь поучительную для геологовъ *Саксонскую Швейцарію*, за симъ *Эругебиргс*, *Богемскій лѣсъ* и *Гарцъ*. 1832 годъ Гельмерсенъ, уже отдѣльно отъ товарища, посвятилъ, при Бовнскомъ университетѣ прилежному изученію петрографіи. За симъ, кончивъ свою заграничную командировку, Гельмерсенъ вмѣстѣ съ Гофманомъ, въ томъ-же 1832 г. возвратились въ Россію, что-бы уже исключительно и основательно посвятить себя изученію родной почвы.

Съ этого то времени начинаются неутомимыя геогностическія работы Гельмерсена на Уралѣ и по всѣмъ мѣстностямъ Россіи. Мы отмѣтимъ лишь важнѣйшіе факты этой дѣятельности. Съ 1830—35 годъ, Гельмерсенъ, вооруженный огромнымъ и основательнымъ знаніемъ, обстоятельно изслѣдовалъ пласты и петрографію хребтовъ Уральскаго и Алтайскаго, а также Киргизскую степь. Результаты этого изслѣдованія оказались столь богатыми, что они были, обнародованы Гельмерсеномъ въ спеціальномъ изданіи „Beiträgen zur Kenntniss des Russischen Reiches“ (Приложенія для знакомства съ Россіей). Въ этомъ изданіи участвовалъ и знаменитый *Эрнстъ фонъ-Беръ*.

Уральскій хребетъ былъ посѣщаемъ Гельмерсеномъ неоднократно. Спустя 30 лѣтъ, послѣ перваго посѣщенія, онъ вновь посѣтилъ его въ 1865 году. На этотъ разъ, пунктомъ изслѣдованія былъ сѣверо-восточный склонъ Урала; и здѣсь близь имѣній *Всеволожскаго* и *Лазарева*, Гельмерсенъ открылъ залежи каменнаго угля и изслѣдовалъ южное продолженіе находящагося здѣсь каменнаго бассейна. Въ виду интереса, представляемаго этимъ краемъ въ геогностическомъ отношеніи, по мысли и иниціативѣ Гельмерсена, составлена была геогностическая карта этой мѣстности (профессоромъ Горнаго института, инженеромъ Моллеромъ). Въ 1870 г. Гельмерсенъ, по порученію правительства, снова посѣтилъ Уралъ (сѣверную часть хребта), для того, что-бы изслѣдовать цѣлесообразность направленія желѣзной дороги.

Въ 1841 году Гельмерсенъ былъ командированъ въ губерніи: Тульскую, Калужскую Орловскую, для изысканія тамъ залежей каменнаго угля. Съ этихъ поръ начинаются изслѣдованія Гельмерсеномъ каменнаго бассейна и залежей. Многократно нашъ ученый ѣздилъ для научныхъ указаній въ извѣстныя разработываемыя залежи: въ имѣніи графа Бобринскаго въ *Мальевкѣ*, въ *Таварковѣ* и въ разныхъ мѣстностяхъ Рязанской губ., а также къ Донежскому мѣстонахожденію угля и въ другія болѣе южныя мѣстности Россіи. На западѣ же, въ Польшѣ, Гельмерсенъ изслѣдовалъ каменноугольныя залежи мѣстечка *Домбровой*.

Объ ученыхъ *изданныхъ* трудахъ Гельмерсена нужно упомянуть слѣдующее: Въ 1841 г. вышла *первая* геологическая карта Европейской Россіи, составленная Гельмерсеномъ. Эта карта удостоена была отъ императорской академіи наукъ Демидовской преміи. Въ 1865 г. вышла новая геологическая карта Россіи, составленнан нашимъ ученымъ; а въ 1873 г. явилось новое изданіе этой карты.

Въ 1850 г. Гельмерсенъ напечаталъ статью объ артезіанскомъ колодцѣ, вырытомъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ Ревелѣ. Въ этой статьѣ нашъ ученый, основываясь на непрерывномъ и совершеннѣйшемъ однообразіи расположенія геологическихъ пластовъ отъ Ревеля до Ладожскаго озера, *первый* высказалъ мысль о возможности бурявить артезіанскіе колодцы въ Петербургѣ. И дѣйствительно, предположеніе Гельмерсена блистательно оправдалось, такъ какъ подъ надзоромъ его, дѣйствительно, при постройкѣ зданія экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, на дворѣ этого зданія, выкопанъ артезіанскій колодезь, дающій ежедневно 259,000 ведеръ чистой воды съ малымъ содержаніемъ солей.

Въ 1864 году Гельмерсенъ издалъ популярное сочиненіе „Геологія въ Россіи“, въ которомъ указываетъ на важность и необходимость для нашей страны государственнаго геологическаго учрежденія, подобнаго, напримѣръ, англійскому „Geological Survey“, но эта мысль до сихъ поръ еще ждетъ исполненія.

Въ 1864 г., по иниціативѣ Гельмерсена, изслѣдованы соляныя залежи и соляные ключи Пермской системы, а также залежи мѣдной руды той же системы, геологами Барботъ-де-Марни и Моллеромъ. Въ 1865 году Гельмерсенъ обнародовалъ подробныя свѣдѣнія о геологическомъ строеніи окрестностей Петербурга и объ измѣненіи устьевъ Невы. Вмѣстѣ съ этимъ Гельмерсенъ не переставалъ заниматься вопросами: о періодѣ глетчеровъ, о эрратическихъ валунахъ, о такъ называемыхъ дилювіальныхъ образованіяхъ въ Россіи.

Цѣлыхъ 25 лѣтъ (съ 1838-63 г.) Гельмерсенъ былъ инспекторомъ Горнаго Института и уже цѣлыхъ 34 года состоитъ членомъ Императорской Академіи наукъ.

Торжество юбилея маститаго академика въ существенныхъ чертахъ состояло въ привѣтственныхъ пожеланіяхъ юбиляру счастія, въ передачѣ адресовъ и произнесеніи рѣчей. Сначала прочтено было привѣтственное письмо министра финансовъ Рейтерна, въ которомъ письмѣ содержалось причисленіе юбиляра къ почетнымъ членамъ торговли и мануфактуръ совѣта. За симъ былъ прочитанъ на латинскомъ языкѣ адресъ отъ Императорской Академіи Наукъ. Представителемъ Горнаго Института былъ директоръ этого учрежденія генералъ Кокшаровъ, прочитавшій привѣтственный адресъ Горнаго Института на русскомъ языкѣ. Далѣе прочелъ рѣчь отъ имени Дерптскаго Университета профессоръ г. *фонъ-Эттингенъ* и при этомъ передалъ юбиляру, отъ имени Дерптскаго Университета, почетный дипломъ доктора минералогіи и геогнозіи и затѣмъ ученую статью, спеціально напечатанную при Дерптскомъ Университетѣ къ дню юбилея Гельмерсена, озаглавленную „Ueber Steinschiffe“ (О судахъ, сдѣланныхъ изъ камня). Статья эта составлена профессоромъ Гревингкомъ. Послѣ этого ректоръ С.-Петербургскаго Университета, профессоръ Бекетовъ, преподнесъ юбиляру дипломъ почетнаго члена С.-Петербургскаго Императорскаго Университета; подобные же дипломы поднесъ юбиляру и академикъ Ф. Шмидтъ отъ Университетовъ Казанскаго и Кіевскаго. Потомъ тайный совѣтникъ Семеновъ поднесъ г. Гельмерсену отъ имени его 280 друзей и почитателей съ ихъ фотографическими портретами цѣнный альбомъ, переплетенный въ голубой бархатъ. Академикъ Шренкъ сообщилъ юбиляру, что ассигнованъ спеціальный капиталъ въ 2500 рублей, названный *капиталомъ Гельмерсена* и назначенный на преміи за лучшее сочиненіе по геологіи. Далѣе былъ прочтенъ адресъ Рижскаго политехническаго общества и общества естествоиспытателей въ томъ же городѣ. Экспедиція Государственныхъ бумагъ, зданіе которой обязано Гельмерсену прорытіемъ на принадлежащемъ къ этому зданію дворѣ знаменитаго артезіанскаго колодца, также прислала къ юбиляру своего депутата, для выраженія благодарности и пожеланій счастья. Библейское общество также имѣло своихъ представителей въ генералъ-адъютантѣ баронѣ Майендорфѣ и адмиралѣ фон-Мирбахѣ. Вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, тайный совѣтникъ Семеновъ, прочиталъ рескриптъ президента этого Общества, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Привѣтствія и поздравленія прислали также общества Императорское Русское Минералогическое и Общество естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ.

Стр.

Стихотворенія.

I

Не долго длились наши встрѣчи
У тихихъ водъ въ тѣни аллей,
Но и за звукъ единой рѣчи,
За бѣглый взоръ твоихъ очей,

* * *

За то, что хоть одно мгновенье
Я прожилъ, вѣря и любя,—
Небесныхъ силъ благословенье
Я призываю на тебя!

Ф. А.

II

Къ чему уста такъ жаждутъ поцѣлуя,
И сердце радостно стучитъ въ моей груди?
Къ чему мечты, заманчиво рисуя,
Сулятъ мнѣ счастіе, блаженство впереди,

* * *

Ужели смертному, въ земной удоли,
Возможны радости безъ горечи и слезъ?
Кому, блаженствуя, безъ ѣдкой боли
Любовью сладостной упиться удалось?..

И. Р.

Несудьба.

(Разсказъ Бертольда Ауербаха)

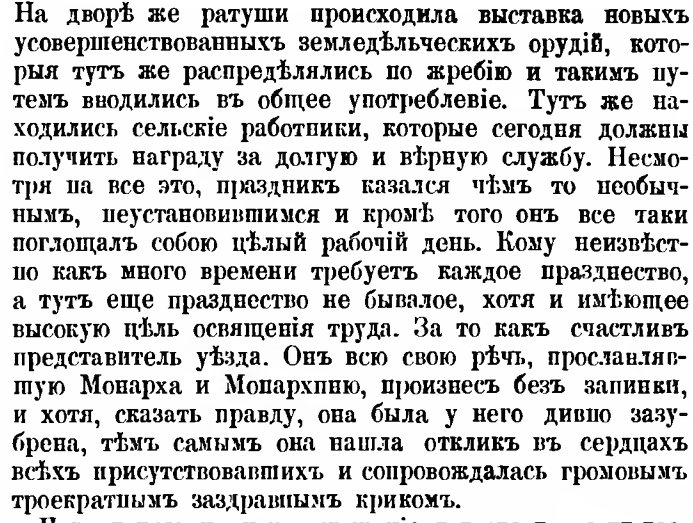
Сказать по правдѣ, онъ далеко не былъ красавцемъ. Да кто же и будетъ требовать красоты отъ мущинъ въ его лѣта? Довольно уже и того, что сѣдая борода обрамлявшая его физiономiю очень шла къ его бѣлосоватому кафтану мельника: въ этой сѣдой бородѣ можно было даже заподозрить присутствiе мучной пыли; но за то у него щеки были такiя красныя, а глаза такiе блестящiе хотя можетъ быть на этотъ только день по случаю праздника. Впрочемъ никто бы не ошибся, давъ ему полсотенки лѣтъ; расчетъ имъ сдѣлать очень не трудно: послѣ шести лѣтъ солдатской службы, девятьнадцать лѣтъ три мѣсяца въ работникахъ у мельника; итогъ выходитъ вѣрный. Таковъ то онъ.

А она? Она также была не красавица, но за то рослая и сильная въ работѣ: съ виду не особенно привѣтливая, а скорѣй даже суровая, она не обращала ни на кого особеннаго вниманiя и мало заботилась о томъ, — обращаютъ ли на нее вниманiе другiе. Носила она чепецъ по обычаю этой подгорной мѣстности, а такихъ подгорныхъ селенiй, мимоходомъ сказать, въ этомъ уѣздѣ очень много и...

Да, бишь, вѣдь надо еще разсказать, почему оба мои героя очутились внѣ дома и еще въ срединѣ недѣли облеклись въ праздничные наряды.

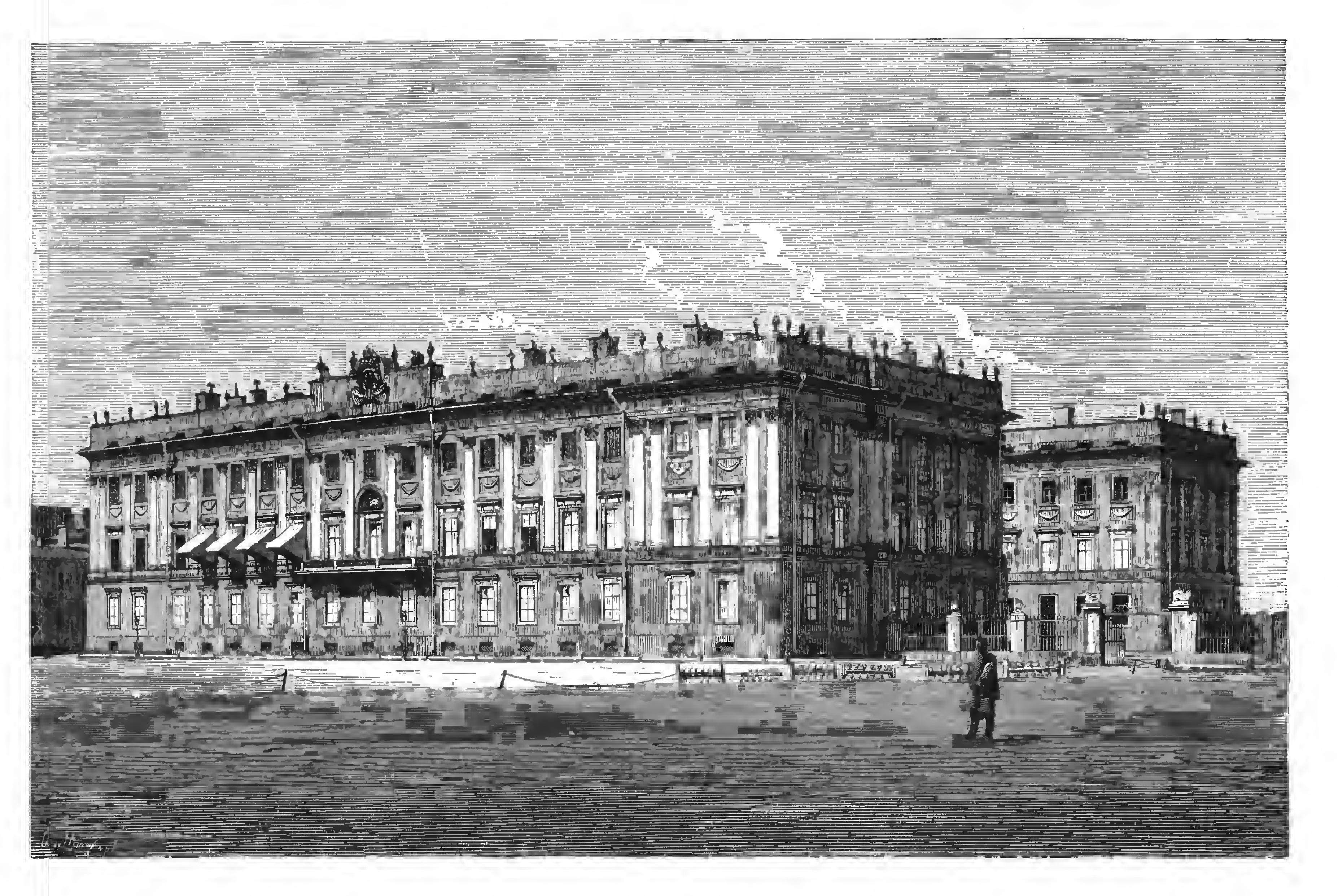
На башнѣ городской церкви развѣваются флаги; дома тоже украшены флагами; съ горы лежащей позади города то и дѣло раздаются залвы изъ крохотныхъ пушекъ; слышится звукъ трубъ смѣшанный съ трелями кларнета и раскаты могучаго „ура“ Въ уѣздномъ городкѣ нынѣ праздникъ сельскихъ хозяевъ. Назначенный для этого день былъ тепелъ и ясенъ, выставленные въ прекрасномъ порядкѣ сельскiе продукты можно сказать ласкали зрѣнiе, лошади, волы, коровы и телята были вычищены на славу и тихо стояли подъ испытующимъ взглядомъ оцѣнщика раздающаго призы: и лишь только тогда начинали упрямиться, когда имъ смотрѣли въ зубы, чтобы освѣдомиться объ ихъ лѣтахъ,

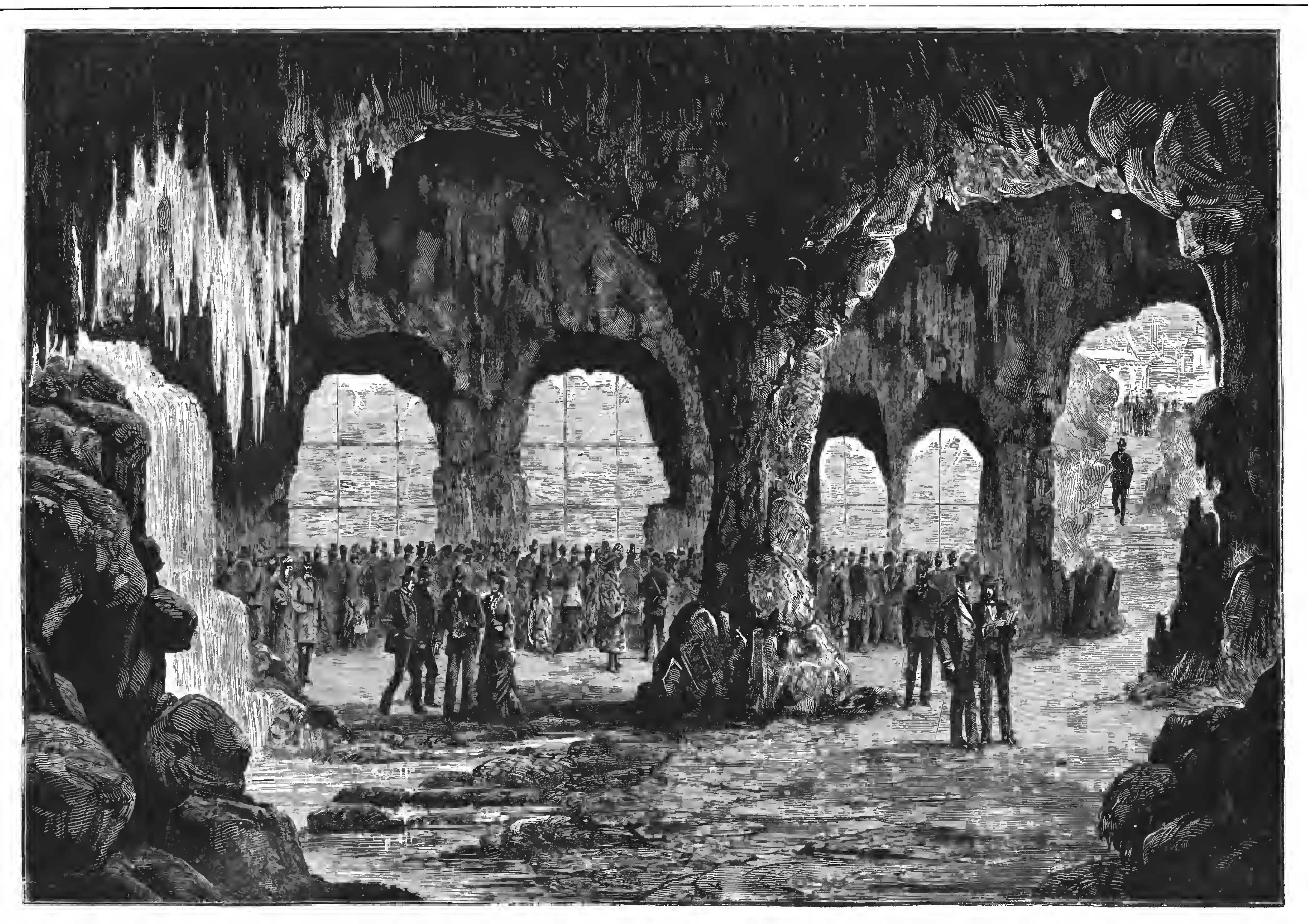
На дворѣ же ратуши происходила выставка новыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудiй, которыя тутъ же распредѣлялись по жребiю и такимъ путемъ вводились въ общее употребленiе. Тутъ же находились сельскiе работники, которые сегодня должны получить награду за долгую и вѣрную службу. Несмотря на все это, праздникъ казался чѣмъ то необычнымъ, неустановившимся и кромѣ того онъ все таки поглощалъ собою цѣлый рабочiй день. Кому неизвѣстно какъ много времени требуетъ каждое празднество, а тутъ еще празднество не бывалое, хотя и имѣющее высокую цѣль освященiя труда. За то какъ счастливъ представитель уѣзда. Онъ всю свою рѣчь, прославлявшую Монарха и Монархиню, произнесъ безъ запинки, и хотя, сказать правду, она была у него дивно зазубрена, тѣмъ самымъ она нашла откликъ въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ и сопровождалась громовымъ троекратнымъ заздравнымъ крикомъ.

Передъ праздничнымъ угощенiемъ господъ,—а къ господамъ, въ этомъ случаѣ, принадлежали и мужики—сочлены сельско-хозяйственнаго ферейна — происходило еще празднество другого рода. Раздавались награды слугамъ, избраннымъ со всего уѣзда. Послѣ того какъ провозглашены были имена увѣнчанныхъ наградами и розданы почетные отзывы и подарки, для угощенiя слугъ накрытъ былъ особый столъ. Впрочемъ вся эта церемонiя не отличалась особеннымъ весельемъ, такъ какъ увѣнчанные наградами хотя и не были чужды другъ другу, но за то порядкомъ завидовали одинъ другому. Еще хорошо, что одна парочка развеселяла компанiю и служила мишенью для ея остротъ. Это была та самая парочка, описанiемъ которой я началъ свой разсказъ. Онъ былъ работникъ мельника изъ ближайшаго подгорья по имени Адамъ Меуле, а она служанка крестьянина, живущаго также въ долинѣ, но съ противуположной стороны, по прозванiю Ева Шленкинъ, которые служили оба у своихъ господъ девятьнадцать лѣтъ—а Адамъ еще дольше тремя мѣсяцами. Когда уѣздный начальникъ, украшенный большимъ орденомъ, превозгласилъ оба имени въ залѣ ратуши, то при этомъ сановникъ разсмѣялся такому рѣдкому совпаденiю, что доблестные слуги назывались одинъ Адамомъ а другая Евой и его смѣху вторило все собранiе. Одни лишь они увѣнчанные наградами не смѣялись; напротивъ того они оба смотрѣли очень пасмурно, потупя взоры внизъ и даже почти злостно поглядывая другъ на друга; при этомъ каждый изъ нихъ думалъ втихомолку: „Чтобъ тебя! Вѣдь нужно же тебѣ называться такъ, а не иначе.“

Уѣздный начальникъ держалъ длинную рѣчь, касательно ухудшенiя прислуги и упадка ихъ привязанности къ господамъ, увеличенiе потребности въ слугахъ и общей страсти служить въ городѣ и особенно скучи-

Мраморный дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Квитнигъ.

Всемірная выставка въ Парижѣ: Подземный акваріумъ. Съ рисунка П. Б., грав. М. Рашевскій.

ваться на фабрикахъ. Онъ говорилъ почти какъ проповѣдникъ громящій прихожанъ обличительною рѣчью направленною противъ такихъ ослушниковъ, которые не посѣщаютъ церковь и не ходятъ туда слушать его громовые проповѣди. Но такъ какъ лучшее достоинство въ самой лучшей рѣчи,— это то что она всегда имѣетъ конецъ, то такой же конецъ имѣла и рѣчь нашего администратора, тѣмъ не менѣе заслуживпая общія похвалы всего сановитаго и достопочтеннаго собранія.

Адамъ и Ева какъ старѣйшіе сидѣли за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, одинъ подлѣ другого. Но Адамъ поспѣшилъ заботливо наклониться на своемъ стулѣ немного вправо и при этомъ обтеръ ротъ своею широкою, дюжею рукою какъ бы желая тѣмъ выразить: пу-съ начинать такъ начинать; что до насъ то мы готовы. И не теряя времени, изъ подносимыхъ блюдъ онъ бралъ себѣ значительную долю, желая придать тѣмъ побольше смѣлости своей сосѣдкѣ, которая о немъ тутъ же подумала: признаться онъ не изъ особенно вѣжливыхъ. И чтобъ дать ему урокъ приличія, Ева передала блюдо слѣдующему своему сосѣду, а потомъ уже взяла свою часть. Адамъ и Ева за столомъ ни проронили ни одного слова но за то проходились больше по части яствъ и питій. Каждый изъ нихъ приступилъ къ обѣду въ дурномъ расположеніи духа, но мало по малу онъ пришелся имъ по вкусу. Ихъ вилки быстро работали и какъ будто выражали собою: „нѣтъ-съ я не буду глупъ, и выкажу себя во чтобы то ни стало“.

Одинъ изъ представителей администраціи, присутствовавшій на этомъ пирѣ рабочаго люда провозгласилъ тостъ за здравіе Монарха—отца отечества и всѣ эти мущины и женщины были счастливы уже тѣмъ, что имъ дали хоть одинъ разъ случай покричать отъ всей души. Но при этомъ всѣ слышали, что лишь одинъ Адамъ вмѣсто общаго заздравнаго крика „Hoh!“ закричалъ ура! и когда опять всѣ смолкли, то слышно было какъ онъ сказалъ обращаясь къ своему сосѣду: я шесть лѣтъ служилъ какъ вѣрноподданный и съ честью вышелъ въ отставку. Онъ хотѣлъ этимъ публично высказать, что для солдата нѣтъ другого торжественнаго крика, какъ только „ура.“

На этомъ торжественномъ обѣдѣ слугъ играла даже и музыка. Когда же встали изъ-за стола то всѣ вообразили, что за тѣмъ послѣдуютъ танцы и въ такомъ предположеніи каждый прихорашивался, обдергивался и держалъ себя молодцемъ. Но по программѣ праздника музыка по окончаніи обѣда должна была прекратиться. И послѣ этого, получившимъ награды, ничего не оставалось дѣлать, какъ только отправиться каждому во свояси. Большая часть отправилась къ станціи желѣзной дороги. Живущіе въ сторонѣ отъ чугунки были очень рады этому случаю, чтобы потолкаться на станціи и отъ разныхъ людей слышать лестныя поздравленія въ полученіи награды.

Адамъ видѣлъ какъ Ева вошла въ лавочку мелкихъ товаровъ. При входѣ ея туда зазвенѣлъ колокольчикъ и этотъ звонъ раздавался все громче и громче и такъ пронзительно какъ будто онъ подзывалъ его. Онъ также направился къ лавочкѣ. Къ стати въ лавочкѣ продаются и сигары. Онъ зашелъ за сигарами, Ева же покупала шелковую косынку съ красными и желтыми разводами и бахромкой. Она уже сторговалась—и по своему всегдашнему правилу выторговала тридцать пфениговъ противъ требуемой цѣны, не смотря на завѣренія торговки, что у нихъ товаръ продается безъ всякой уступки—когда Адамъ вдругъ совершилъ нѣчто великое, перейдя на другую сторону прилавка и сказавъ:

— За косынку плачу я.

Ева свысока посмотрѣла на него и проговорила:

— Не понимаю, зачѣмъ это. Желая имѣть вещь, я могу и сама заплатить за нее.

— Прикажете завернуть? спросила торговка.

— Нѣтъ, я тотчасъ же ее надѣну.

— Войдите въ комнату, сказала улыбаясь торговка тамъ есть зеркальце.

Ева вошла въ комнату, а Адамъ вышелъ изъ лавки, даже не закуривъ сигары. Онъ ждалъ нѣсколько времени на улицѣ и тутъ то встрѣтилъ такого знакомаго, въ вѣрности къ нему котораго не могъ сомнѣваться. Громко тотъ его привѣтствовалъ, бросился стремительно къ Адаму, но обласкать его ему не удалось. Адамъ отстранялъ его отъ себя и говорилъ ему:

— Довольно, довольно Мелакъ. Зачѣмъ ты не остался у своего хозяина? Или тебя оттуда уже прогнали? По дѣломъ тебѣ. Останься ты у меня, былъ бы сытъ всегда до отвалу.

Песъ лишь облизывался и началъ съ раскаяніемъ

головою, какъ будто каждое изъ этихъ привѣтливыхъ словъ, было ему понятно.

Но вотъ звонокъ звякнулъ снова; дверь лавки опять отворилась и Ева вышла на улицу. Она посмотрѣла на право и на лѣво и когда увидѣла, что Адамъ пошелъ по направленію къ городу то повернула въ противуположную сторону. Рослый, съ сѣрыми и черными полосами Мелакъ, какъ будто понявъ взглядъ своего господина побѣжалъ вслѣдъ за Евой и залаялъ; какъ будто онъ хотѣлъ ей высказать прямо въ лице: о дура, дура! Что то ты такая сердитая? у этого малаго славная душа и ты даже не стоишь того, чтобы онъ обращалъ на тебя вниманіе, о ты дура, дура деревенская!

Но она казалось не умѣла, подобно собакѣ, достаточно оцѣнивать слѣдившаго за ней господина. Адамъ же думалъ: эта должно быть твердая въ правилахъ, основательная служанка такъ какъ она не оборачивается, не обращаетъ никакого вниманія на лай собаки и какъ бы ни въ чемъ не бывало идетъ своей дорогой.

И въ это время въ головѣ его уже созрѣло рѣшеніе. Что ему за охота гоняться за пожилой длинноногой деревенской прислужницей, которая даже не скажетъ: спасибо! когда ей предлагаютъ подарокъ?

Онъ свиснулъ въ слѣдъ собаки и закричалъ:

— Мелакъ, назадъ!

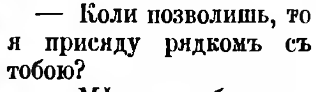
У него былъ могучій голосъ, который былъ бы къ лицу любому командиру; онъ обернулся и пошелъ по направленію къ городу. Но вдругъ внезапно, будто услышавъ за спиною зовъ, онъ сдѣлалъ снова оборотъ и пошелъ своей дорогой. Желто-голубая косынка виднѣлась ему еще издалека. Она была снята уже съ головы и развѣвалась какъ будто маня за собою. Но вотъ косынка съ ея обладательницей исчезла вдругъ изъ виду. Но онъ все шелъ дальше. И видитъ онъ, что она сидитъ на холмистой окраинѣ дороги подъ яблоней, на которой обильно висѣли румяные плоды. Онъ хотѣлъ пройти мимо. Но въ трехъ шагахъ онъ нея, онъ услышалъ какъ яблоко упало съ яблони. Онъ обернулся и видя какъ яблоко скатывается по травѣ съ холмика сказалъ:

— Могу ли я тебѣ поднести яблочко.

— Оставь его, пусть лежитъ; что падаетъ само, то уже источено червемъ.

— Можетъ быть по твоему я и самъ червивый?

— Этого я не сказала. Человѣкъ—не яблоко.

— Коли позволишь, то я присяду рядкомъ съ тобою?

— Мѣста свободнаго довольно; садись сколько хочешь.

Онъ подсѣлъ къ ней, а Мелакъ легъ передъ ними обоими и съ удивленіемъ смотрѣлъ на своего господина. Такимъ онъ его, еще никогда не видывалъ. Но какъ казалось, онъ не пускался въ дальнѣйшія размышленія, такъ какъ послѣ быстраго и значительнаго взгляда, положилъ голову между обоими своими лапами и закрылъ глаза. Отношенія другъ къ другу сидящей передъ нимъ парочки не возбуждали въ немъ ни малѣйшаго любопытства.

— Что выиграла ли ты что нибудь въ лотереѣ? спросилъ Адамъ.

— Нѣтъ. А ты?

— Также нѣтъ.

— Ну а билетъ то у тебя былъ?

— Нѣтъ.

— Ну и у меня его не было.

И они оба засмѣялись а смѣхъ всегда имѣетъ хорошее дѣйствіе даже и въ средѣ старыхъ слугъ.

— Тебѣ не помѣшаетъ, что я посижу здѣсь нѣсколько времени? началъ опять Адамъ.

— Это мнѣ все единственно. Мы здѣсь оба люди чуждые другъ другу, а мнѣ отвѣчать за себя ни передъ кѣмъ не приходится какъ только передъ самой собою.

— Живы ли у тебя еще родители?

— Нѣтъ.

— Знаешь ли я приберегъ себѣ на черный день семьсотъ гульденовъ.

— Что же это хорошія деньги,—замѣтила она.

— У тебя никто не сидитъ на шеѣ? спросилъ онъ ее.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— А то, что нѣтъ ли у тебя кого нибудь, кто бы высасывалъ твой карманъ?

— Ты спрашиваешь глупости.

— Мнѣ охота знать, нѣтъ ли у тебя разной родни или кого другого, кому бы ты должна удѣлять изъ твоихъ трудовыхъ денегъ.

— Нѣтъ.

— Такъ значитъ и у тебя въ сохранной кассѣ есть малая толика?

— Эка штука—ты уже хочешь знать слишкомъ много!

— Не хочешь сказать такъ и не надо; принудить тебя къ этому никто не въ правѣ.

Она громко засмѣялась, но это былъ далеко не добродушный смѣхъ, и все продолжая смѣяться, она отвѣчала:

— А вѣдь это право почитай удивительно: у тебя семьсотъ гульденовъ и у меня тоже семьсотъ гульденовъ; Меня зовутъ Евой, а твое имя Адамъ.

Собака проснулась лишь только произнесено было имя Адама и громко залаяла. И надо сказать правду, что она залаяла очень кстати. Такъ какъ Адамъ не зналъ что сказать дальше или можетъ быть боялся высказать то, что у него было на умѣ. Но въ то время какъ онъ успокоивалъ пса, успокоился онъ и самъ и снова повелъ рѣчь:

— Люди говорятъ, что я не изъ особенно умныхъ; это можетъ быть и правда. Хозяинъ мой и всѣ, которыхъ я знаю—а знаю я многихъ такъ какъ хожу каждую недѣлю на хлѣбный рынокъ—всѣ умнѣе и хитрѣе меня, но все таки у меня не совсѣмъ пустая башка...и я не совсѣмъ простофиля.

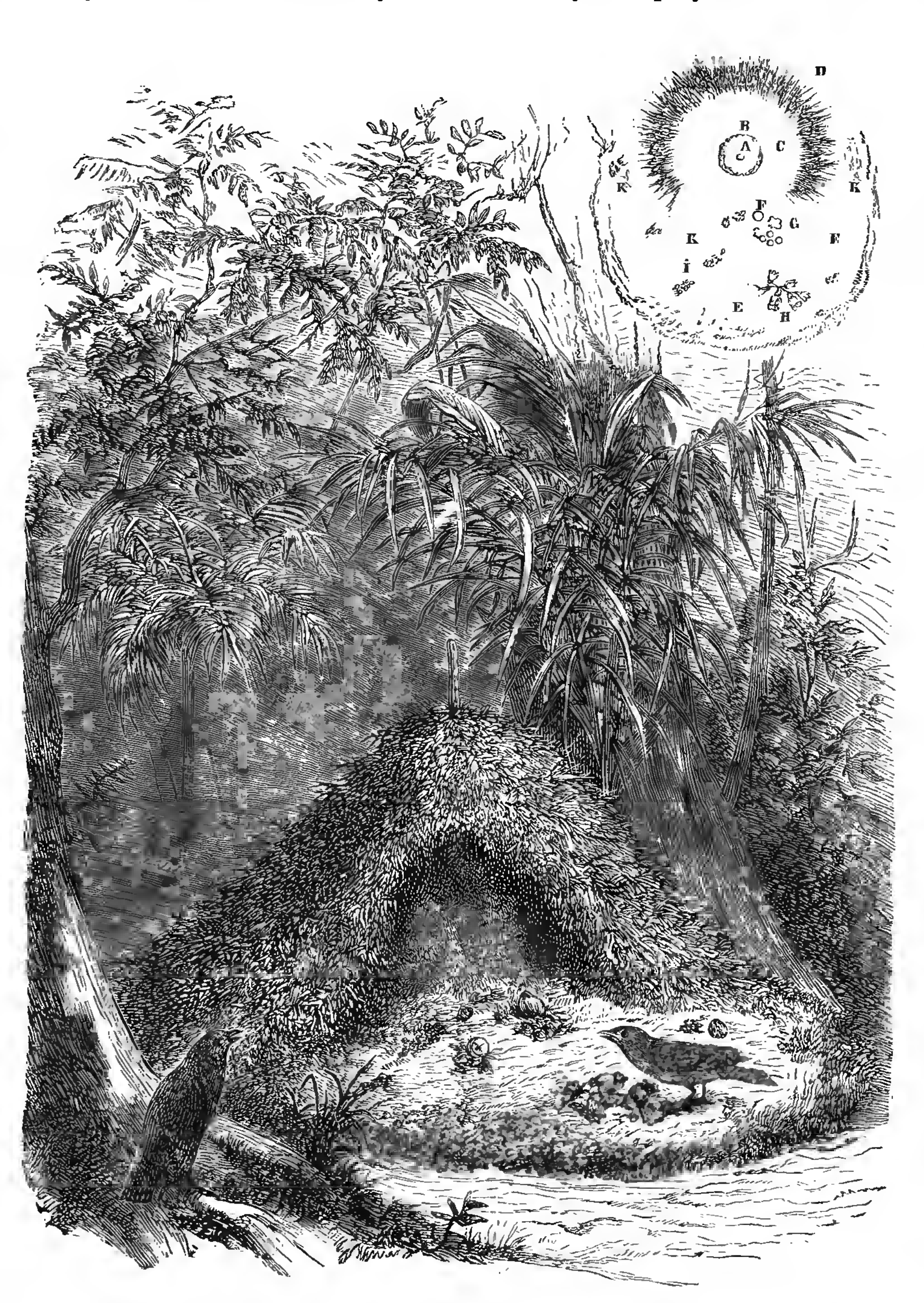
Тутъ онъ замолкъ, чтобы дать время высказаться ей и дѣйствительно помолчавъ она сказала:

— Кто тебя принимаетъ за простофилю, тотъ ошибается.

Онъ громко засмѣялся, а Мелакъ сопровождалъ его смѣхъ лаемъ; и этотъ смѣхъ его трудно было отличить отъ лая.

И вырвавъ стебелекъ травы и взявъ его въ зубы Адамъ продолжалъ:

— Я могъ бы тебѣ кое что сказать... Ты за то на меня не будешь сердиться?

Райская птичка-садовникъ. (Amblyornis inornata). Рис. Э. Шмидтъ, грав. К. Вейерманъ.

— Ручаться не могу, потому что не знаю что ты скажешь.

— Видишь ли, съ такими деньгами, если бы ихъ сложить вмѣстѣ, мы могли бы начать кое что. Если же къ тому еще прибавить четыре дюжія, рабочія руки, то ужъ смѣло можно расчитывать на покупку маленькаго деревенскаго хозяйства. Я уже давно думалъ махнуть въ Америку, да что толку... одинъ какъ перстъ... все одинъ, да одинъ... ну теперь ты подумай.

— Я уже передумала. Мнѣ это не съ руки.

— Отчего такъ? Развѣ у тебя кто есть?

— Нѣтъ никого!

— Или можетъ быть у тебя есть ребятишки?

— Сказать правду, былъ одинъ, мальчикъ, да къ счастію умеръ; отъ такого дурнаго отца не нужно, чтобы и дѣти рождались на свѣтъ.

— Кто же былъ отцемъ?

— Работникъ на мельницѣ. Онъ уже давно женился.

Адамъ снялъ шапку и опять ее нахлобучилъ, лице его изрѣдка подергивалось во всѣ стороны, брови его ощетинились, онъ шевелилъ губами какъ будто что-то сосалъ, то онъ смотрѣлъ вверхъ на дерево, какъ будто тамъ на сучьяхъ сидѣлъ кто либо и съ нимъ бесѣдовалъ: наконецъ онъ протянулъ:

— Такъ то-съ. А я скажу, продолжалъ Адамъ, что въ моихъ глазахъ ты все равно, что вдова.

Лицо Евы почти стало красивымъ, когда она раскраснѣвшись проговорила:

— Благодарю тебя.

— Я не знаю за что.

— Ты сказалъ хорошее слово, и я тебѣ за него всегда буду благодарна; оно мнѣ милѣе чѣмъ то, если бы ты мнѣ подарилъ теплый платочекъ.

За тѣмъ длилось долгое молчаніе.

— Что же тебѣ хорошо въ услуженіи? спросилъ наконецъ Адамъ.

Вѣра въ силу науки.

— Нельзя-ли, господинъ лекарь, вылечить нашего бѣднаго барашка.

Оригин. рис. Кившенко; грав. Пуцъ.

— Да, а тебѣ?

— Да, конечно, но я думаю...

— Что же ты думаешь? Говори, я тебя теперь буду охотно слушать.

— Я думаю, что намъ слѣдуетъ еще разъ какъ нибудь сойтись.

— Что-жь это можно. Но какъ я слышала, мы живемъ далеко другъ отъ друга.

— А развѣ мы не можемъ жить другъ отъ друга такъ близко, какъ сидимъ теперь?

— Не знаю, понимаю ли я тебя?

— Да, ты меня хорошо понимаешь, но что ты на это скажешь?

— Я? Да то, что тысячу разъ тебѣ благодарна за предложеніе. Но я поклялась, что во всю жизнь не сойдусь ни съ однимъ мущиной.

— Въ этомъ случаѣ нельзя давать клятвы.

— Ну не говори...

— Зачѣмъ же ты встаешь? Развѣ я тебя чѣмъ нибудь оскорбилъ?

— Нѣтъ ничѣмъ, ничѣмъ. У тебя честные виды. Да хранитъ тебя Богъ.

— Подожди же, надо же мнѣ пожать тебѣ руку на прощанье, закричалъ Адамъ.

Обернувшись, она только махнула рукой и продолжала путь почти бѣгомъ.

Адамъ сидѣлъ на холмикѣ, какъ прикованный. Онъ смотрѣлъ на удалявшуюся женщину, пока глаза его не затмились слезами. Далѣе онъ ничего болѣе не видѣлъ и даже не замѣчалъ какъ по лицу его текли эти свѣтлыя слезы. Она же пришла даже въ испугъ, когда увидѣла, что свои слезы утерла своей прекрасной, шелковой косынкой...

Вечеромъ Адамъ спускался съ горы вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ до постоялаго двора, гдѣ ихъ поджидали бѣлые кони мельника.

Часомъ раньше уѣхала и Ева съ другими слугами своихъ хозяевъ, по дорогѣ идущей въ гору, до станціи, гдѣ ихъ ожидали лошади вороной масти.

Вечерній осенній туманъ волновался и носился клубами какъ на нижнемъ пути, такъ и на верхнемъ пути, потоки журчали и здѣсь, журчали и тамъ.

Черные кони шли своей отдѣльной дорогой; бѣлыя же лошади—своей отдѣльной дорогой.

— О если бы мы увидѣлись десятью, пятнадцатью годами раньше! думалъ Адамъ.

— Ахъ, если бы мы увидѣлись съ нимъ годами десятью раньше! думала Ева.

И больше они не видѣли другъ друга.

Онъ сохраняетъ сигары, которыя не куритъ; она бережетъ косынку съ красными и желтыми разводами, которую не носитъ.

И день перваго ихъ свиданія и перваго разговора другъ съ другомъ былъ днемъ послѣдняго свиданія.

Къ рисункамъ.

Мраморный дворецъ В. К. Константина Николаевича.

Мраморный дворецъ, составляющій въ настоящее время собственность Великаго Князя Константина Николаевича, находится на Дворцовой Набережной р. Большой Невы. Главнымъ фасадомъ своимъ онъ обращенъ на набережную р. Большой Невы, на противоположной сторонѣ которой находится въ этомъ мѣстѣ здавіе Петропавловской крѣпости. Этотъ Мраморный дворецъ, будучи построенъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, до сихъ поръ отлично сохраняется и остается однимъ изъ прекрасныхъ зданій Петербурга. Особенность его составляетъ то, что онъ сдѣланъ изъ мрамора, бронзы и желѣза. Нижній этажъ обложенъ тесаннымъ дикимъ камнемъ, верхніе же два—разноцвѣтнымъ полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ. Наружныя украшенія состоятъ изъ вазъ, пилястръ и гирляндъ, сдѣланныхъ также изъ мрамора. Стекла въ окнахъ зеркальныя, вставленныя въ бронзовые, позолоченные переплеты, бронзовыя же и рѣшетки на большихъ балконахъ. Внутреннее убранство дворца отличается богатствомъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ обои замѣнены облицовкою изъ ляписълазури и яшмы. Превосходная живопись и роскошныя драпировки украшаютъ стѣны. Ванны во дворцѣ устроены восточная и русская.

Постройка Мраморнаго дворца относится ко времени царствованія Императрицы Екатерины 2-й, къ 1783 г. Проектъ зданія принадлежитъ архитектору Гваренги. Императрица Екатерина назначила этотъ дворецъ въ даръ князю Григорію Григорьевичу Орлову, какъ благодарность за оказанныя имъ заслуги государству, о чемъ свидѣтельствовала самая надпись на зданіи, сдѣланная по повелѣнію Императрицы и заключавшаяся въ слѣдующихъ двухъ словахъ: „зданіе благодарности“.

Дворецъ этотъ могъ вполнѣ назваться прекраснѣйшимъ памятникомъ щедрости Екатерины, но постройка дворца продолжалась тринадцать лѣтъ, и когда она была окончена, Орловъ умеръ въ Москвѣ (13-го апрѣля 1783 г.). Такимъ образомъ хозяинъ не успѣлъ и пожить въ своемъ роскошномъ дворцѣ.

По смерти Орлова Государыня купила у его наслѣдниковъ дворецъ въ казну, и въ немъ имѣлъ пребываніе послѣдній король Польскій, Станиславъ Понятовскій. Онъ оставался въ немъ до своей смерти. Послѣ него Императоръ Павелъ приказалъ сдѣлать во дворцѣ нѣкоторыя измѣненія и отдалъ это зданіе въ собственность Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, который въ свою очередь сдѣлалъ нѣкоторыя въ немъ перемѣны и улучшенія. Такъ, напримѣръ, по его приказанію, въ Мраморномъ дворцѣ была устроена оружейная, заключавшая въ себѣ много рѣдкостей, собрана была коллекція картинъ, устроена библіотека изъ книгъ, выбранныхъ барономъ Корфомъ въ царствованіе Анны Ивановны и Елисаветы Петровны и купленныхъ потомъ Екатериной 2, для тогдашняго наслѣдника Русскаго престола Павла Петровича. Великій Князь Константинъ Павловичъ умеръ, и Мраморный дворецъ опустѣлъ, дорогія вазы и зеркала, удивлявшія своимъ великолѣпіемъ посѣтителей, перенесли въ другіе дворцы; точно также перенесли и большую часть роскошной мебели, вышитой шелками и шерстями съ вензелевыми буквами Екатерины Великой. По смерти Великаго Князя Константина Павловича, Мраморный дворецъ, по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 6-го марта 1832 года, назначенъ Великому Князю Константину Николаевичу, во владѣніи котораго и находится въ настоящее время.

Къ этому дворцу примыкаютъ нѣсколько другихъ зданій, служащихъ для помѣщенія чиновниковъ и дворцоваго штата. Такъ рядомъ съ дворцомъ, въ одну линію, на восточной сторонѣ построенъ большой домъ, отдѣленный отъ дворца открытой площадью, имѣющею около 25 саж. длины и обнесенной желѣзной рѣшеткой на гранитномъ пьедесталѣ. Въ этомъ домѣ устроены квартиры для дворцеваго штата, кромѣ того манежъ и разныя хозяйственныя помѣщенія.

Z.

Парижская Всемірная Выставка.

Парижская выставка, о которой мы уже имѣли не разъ случай помѣщать статьи въ „Нивѣ“, открылась, какъ извѣстно, 1-го мая, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Самый городъ въ этотъ день съ ранняго утра принялъ праздничный видъ. На улицахъ развѣвались трехцвѣтные флаги, пестрѣли ковры, на рѣшеткахъ балконовъ были выставлены транспаранты и различные звѣзды, гирлянды, арабески для газоваго освѣщенія. Весь Парижъ, можно сказать, высыпалъ на улицы и въ 12 часовъ уже стоило неимовѣрнаго труда добраться до выставки. Выставка была открыта президентомъ республики, который прибылъ на выставку въ сопровожденіи особъ нѣсколькихъ европейскихъ царственныхъ домовъ. На всемъ пути отъ Елисейскаго дворца до зданія выставки, по которому слѣдовалъ кортежъ высокихъ особъ, гремѣла военная музыка и по бокамъ были выстроены полки. Подъ громомъ выстрѣловъ съ эспланады Инвалидовъ и форта Монъ-Валеріанъ показалась первая карета кортежа, сопровождаемая пикерами, въ которой сидѣли адъютанты маршала, а вслѣдъ за нею парадная карета президента республики и герцогини Маджентской, съ сопровождавшими ихъ генералами. Музыка заиграла маршъ „Vive la France“, сочиненный Гуно и карета маршала подъѣхала къ парадному подъѣзду дворца Трокадеро, украшенному цвѣтами и флагами. Въ залѣ маршалъ Макъ-Магонъ сказалъ нѣсколько словъ по поводу открытія выставки, потомъ было объявлено о пожалованіи ордена Почетнаго Легіона лицамъ, принимавшимъ участіе въ постройкѣ означенной выставки, а затѣмъ весь кортежъ отправился на Марсово поле. Іевскій мостъ чрезъ Сену былъ весь устланъ великолѣпнымъ краснымъ ковромъ, ковры же покрывали и центральную аллею парка до главнаго входа vestibule principale, гдѣ маршалъ и царственные гости были встрѣчены депутатами и сенаторами. Стеченіе народа было громадное.

Нынѣшняя Парижская всемірная выставка служитъ торжествомъ Франціи. Она блистательно доказываетъ собою, какъ быстро оправилась Франція послѣ того ужаснаго погрома, какимъ была для нея война съ Германіей 1870—1871 г. и время коммуны 18-го марта.

Но съ этимъ политическимъ успѣхомъ обѣщаетъ быть такимъ же блистательнымъ и успѣхъ матеріальный. Нынѣшняя выставка превосходитъ собою Выставку 1867 г. Дворецъ Трокадеро поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, это чудо архитектуры. Зданія на Марсовомъ полѣ включаютъ въ себѣ много чудесъ въ отдѣлахъ изящныхъ искусствъ, механики и промышленности. Видъ этихъ зданій уже былъ помѣщенъ на страницахъ „Нивы“.

Выручка съ входныхъ билетовъ на выставку, говорятъ, уже за первые десять дней превзошла всѣ ожиданія. Приливъ иностранцевъ чрезвычайно великъ и, какъ видно, въ концѣ концовъ приметъ громадные размѣры.

Между тѣмъ внутреннее устройство выставки еще не кончено; не успѣли всего додѣлать къ означенному сроку и теперь пока публика осматриваетъ только наружный видъ зданій.

На нашемъ рисункѣ, помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы“, представленъ акваріумъ на Трокадеро, составляющій одинъ изъ тѣхъ предметовъ на выставкѣ, которые особенно привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Акваріумъ этотъ занимаетъ поверхность 2,800 метровъ, онъ устроенъ на мѣстѣ бывшихъ каменоломенъ и камни эти пошли на его устройство. На поверхности земли онъ представляетъ красивыя груды скалъ, образующія бассейны; эти бассейны наполнены рѣчными рыбами, такимъ образомъ видимыми подъ открытымъ небомъ, также какъ и съ боковъ внутри.

Необыкновенное впечатлѣніе производятъ на зрителя помѣщенные наклонно и переполненные водою бассейны. Они изливаются изъ одного въ другой, образуя великолѣпный рядъ каскадовъ. Чрезъ акваріумъ переброшено шесть мостовъ, кромѣ того, два моста ведутъ къ центральному шалѣ, гдѣ помѣщается гидравлическая машина, снабжающая бассейны водою. Внутренность акваріума состоитъ изъ двухъ подземныхъ помѣщеній, заключающихъ въ себѣ, кромѣ мѣстъ для публики, 24 бака, раздѣленные на 262 стекла. Расположеніе и устройство баковъ производятъ поразительный эффектъ. Войдя въ подземное помѣщеніе акваріума, посѣтитель оказывается какъ бы въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ: тутъ, такъ сказать, рядомъ съ нимъ, отдѣленные отъ него только однимъ стекломъ, плаваютъ въ массѣ воды разнообразныя рыбы и тутъ же, въ этомъ подземномъ царствѣ, льется каскадомъ вода, съ шумомъ разсѣкаясь о гребни камней. Этотъ каскадъ имѣетъ грандіозный видъ.

Надѣясь еще не разъ имѣть случай сообщать нашимъ читателямъ свѣдѣнія о Парижской выставкѣ, помѣщаемъ здѣсь имѣющіяся пока свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ произведеніяхъ, представленныхъ на эту выставку.

Въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ на Парижской всемірной выставкѣ, привлекаютъ вниманіе оригинальностью рисунковъ серебряныя и золотыя издѣлія Овчинникова, Хлѣбникова, Сазикова и друг. (Изъ работъ Сазикова, красующихся на Парижской Всемірной выставкѣ, въ „Нивѣ“ была помѣщена въ рисункѣ превосходная вещь—именно серебряный плато. См. „Ниву“ № 19). Также заслуживаютъ всеобщаго одобренія на выставкѣ малахитовыя вазы Демидова, удивляющія при томъ всѣхъ своими колоссальными размѣрами. Обращаетъ на себя вниманіе и коллекція пушныхъ товаровъ Грюнвальда, который въ своей витринѣ собралъ не только всѣхъ мѣхоносцевъ, отъ медвѣдя до горностая включительно, но и присоединилъ къ нимъ, для разнообразія, чучела тетерева, бекасовъ и куропатокъ. Шелковыя и шерстяныя ткани и богатое сырье, присланное двумя стами восьмьюдесятью экспонентами, систематично и по возможности изящно размѣщено и тоже, конечно, остается не безъ вниманія со стороны посѣтителей Выставки, хотя въ этомъ случаѣ, т. е. въ выдѣлкѣ шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій, намъ не легко конкуррировать съ Европой, по преимуществу представительницей фабричной промышленности. Другое дѣло—наше сырье, ну здѣсь мы господа перваго разряда; но за то, чѣмъ лучше наше сырье, чѣмъ больше оно обращаетъ на себя вниманія Европы, тѣмъ обиднѣе, что распорядиться этимъ богатствомъ мы небольшіе мастера—и отдаемъ его Европѣ.

Много навезено на выставкѣ русскихъ напитковъ и лакомствъ. Всего 305 экспонентовъ съ спиртными и другими питательными продуктами. И какихъ тутъ нѣтъ названій! Война и здѣсь оставила слѣды: есть бутылки съ портретами Гурко и Скобелева — сладкіе ликеры, нисколько не оправдывающіе, впрочемъ, своихъ названій. По военной части есть походная кухня полковника Лишина, двухколесная телѣга для раненыхъ Шмидта. Есть педагогическій отдѣлъ. Морское Министерство, кажется, ничего не выставило. Модели лодочекъ все мирныя, есть большая лодка для спасенія утопающихъ, Боярскаго. Изъ казенныхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ педагогическихъ и учебно-техническихъ вѣдомствъ, есть горное, которое занимаетъ мѣсто меньше Демидова. Франція имѣетъ казенныя выставки (Севрская мануфактура, казенные лѣса и т. п.), въ Англіи на первомъ планѣ коллекція индійскихъ драгоцѣнностей принца Уэльскаго; у насъ же наоборотъ, даже государственный флагъ встрѣчается рѣже коммерческаго, хотя и попадается иногда странное сочетаніе казеннаго элемента съ частнымъ. Напримѣръ, у насъ есть четыре телеграфные столба (полковника Герварта), химическимъ способомъ предохраненные отъ атмосферическихъ и теллурическихъ вліяній; коммерческій флагъ украшаетъ ихъ сверху, а снизу поставлены коротенькіе верстовые столбики, убійственно похожіе на нѣсколько десятковъ тысячъ верстовыхъ русско-сибирскихъ столбовъ.

Ор.

Райская птичка-садовникъ. (Amblyornis inornata).

Всѣмъ конечно извѣстно, что птицы иногда обнаруживаютъ много ума и сообразительности, особенно при постройкѣ гнѣздъ, порой весьма замысловатыхъ какъ по плану такъ и по выполненію. Въ этихъ сооруженіяхъ онѣ часто проявляютъ не только искусство, но даже изящный вкусъ и любовь къ красивой и симетричной формѣ. Любопытный примѣръ такой пернатой любительницы изящнаго представляетъ райская птичка Amblyornis inornata, водящаяся въ Новой Гвинеѣ. Туземцы называютъ ее Туканъ-Кобонъ, т. е. птичка-садовникъ и не безъ основанія, такъ какъ она дѣйствительно при сооруженіи себѣ гнѣзда, устраиваетъ около него родъ миніатюрнаго садика. Нужно при этомъ сказать, что Amblyornis самая неприглядная изъ всѣхъ породъ райскихъ птичекъ; крылья ея не окрашены въ яркія цвѣта, а представляютъ лишь различныя сочетанія сѣраго цвѣта, а величиной она не болѣе какъ съ горлицу. Но зато своимъ умомъ и сообразительностью, какъ строитель и садоводъ, она обращаетъ на себя невольное вниманіе. Вотъ какъ описываетъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, способъ постройки гнѣзда этой породой райскихъ птичекъ. „Прежде всего, говоритъ онъ, Amblyornis выбираетъ ровное, гладкое мѣсто, возлѣ какого нибудь маленькаго деревца, стволъ котораго не толще палки и около послѣдняго кладетъ основаніе своему гнѣзду въ формѣ низкаго конуса съ небольшимъ внутреннимъ углубленіемъ. Къ вершинѣ этого главнаго столба, на которомъ зиждется вся постройка, прикрѣпляются еще другія подпорки идущія кругообразно и состоящія изъ вѣтокъ разныхъ растеній. Кромѣ того большое количество палочекъ кладется еще поперечно въ разныхъ направленіяхъ, чтобы придать всей постройкѣ еще болѣе прочности; незадѣланнымъ остается лишь небольшое отверстіе, служащее для входа. Между внѣшней стѣнкой сооруженія, сложенной изъ вѣтвей, и внутреннимъ конусомъ, устроеннымъ изъ мха, замѣчается узкое пространство для круговаго прохода. Листья вѣтокъ, употребляемыхъ для постройки, при этомъ остаются въ цѣлости и образуютъ сплошную, непроницаемую массу. Соорудивъ домикъ, птичка приступаетъ къ планировкѣ садика. Для этой цѣли передъ постройкой она устраиваетъ изъ мха родъ лужайки, которую тщательно очищаетъ отъ травы, камешковъ и другихъ по ея мнѣнію некрасивыхъ и негодныхъ предметовъ и на этомъ то очищенномъ мѣстѣ раскладываетъ различные цвѣтные плоды преимущественно яркіе, бросающіеся въ глаза. Болѣе красивые помѣщаются около самаго входа и вѣроятно что самецъ ежедневно обновляетъ ихъ чтобы тѣмъ доставлять эстетическое наслажденіе своей пернатой подругѣ. Здѣсь въ числѣ украшеній можно найти и прелестные фіолетовые плоды Гарциніа, и желтыя Гарденіи, и розовые, имбирнаго растенія Scitamineа, а также красивые цвѣты съ кустарника Agapeles Amblyornidis. Тутъ же встрѣчаются разложенные симетрически разные грибы и даже насѣкомые. Все что уже завяло и попортилось отнесено въ сторонку и тамъ брошено какъ негодный соръ. Мѣстные жители—Папуасы, встрѣчая на пути подобныя затѣйливыя постройки райской птички, никогда не раззоряютъ ихъ, но всегда осторожно ихъ обходятъ, если онѣ заслоняютъ имъ дорогу. Прилагая рисунокъ гнѣзда, которое сооружаетъ Amblyornis, мы обращаемъ еще вниманіе читателя на маленькій планъ, помѣщенный въ верхней части гравюры. На этомъ планѣ литера A обозначаетъ средній столбъ. B коническое основаніе гнѣзда, C входъ, D окружность крыши, E садъ, F плоды гарцинія, G плоды Гарденіи, H цвѣты кустарника Agapetes Amblyornidis, I плоды имбирнаго растенія, KK мѣсто куда сбираются завядшіе плоды и листья.

Кромѣ строительной способности Amblyornis владѣетъ еще замѣчательнымъ даромъ—воспроизводить въ совершенствѣ крикъ и пѣніе различныхъ птицъ и потому называется жителями Новой Гвинеи еще и другимъ именемъ—Бурну Гуру т. е. птица-учитель.

А. Н.

Вѣра въ силу науки.

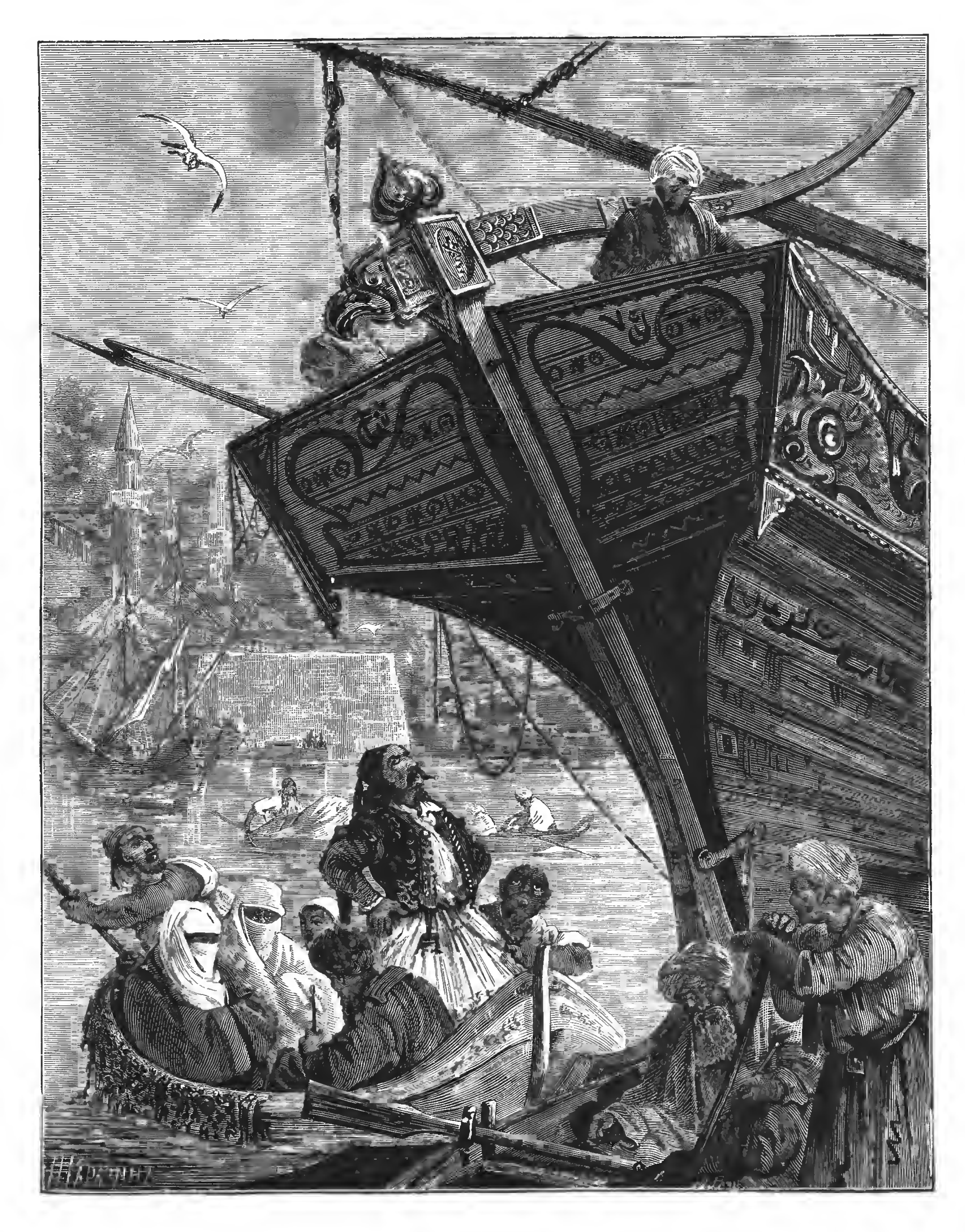
Играли, играли дѣвочки со своимъ барашкомъ и доигрались до того, что оторвали ему голову. Визгъ, слезы и упреки.

— Это вотъ все ты виновата, упрекаетъ старшая: я говорила, что онъ больше не хочетъ ѣсть, а ты говоришь, хочетъ, и отнимаешь. Ну, вотъ теперь, какъ угодно, такъ и корми...

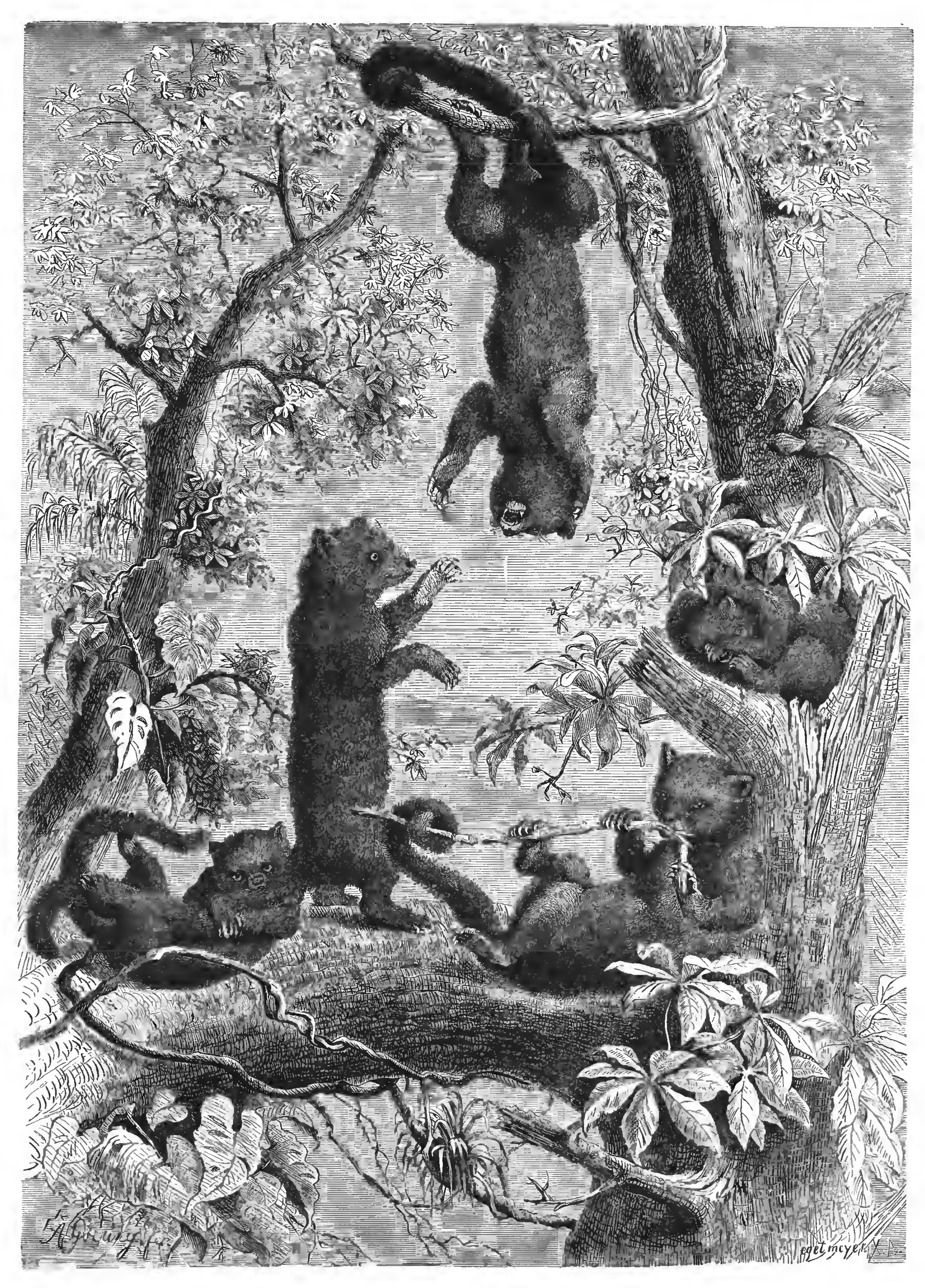
Младшая плаксиво утираетъ слезы и упорно все таки повторяетъ все тоже.

— Барашекъ хочетъ ѣсть, хочетъ, хочетъ...

— Но какъ же ты его будешь кормить, когда у него головы нѣтъ...

У Константинополя, въ водахъ Босфора. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Длиннохвостый или лазящій медвѣдь. (Cercoleptes caudivolvulur).
Рис. А. Герлнгъ, грав. Тегетмейеръ.

— Я не знаю, какъ... Его нужно полѣчить.. Какъ же онъ безъ головы будетъ!..

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ! Вотъ хорошо! восклицаетъ старшая,— въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, какая ты умница, поощряетъ она младшую, пойдемъ, пойдемъ вотъ сюда. Прошедшій разъ, я помню, когда у насъ аммшка заболѣла, мама тоже отправляла ее къ лекарю—и онъ вылѣчилъ. Вотъ онъ здѣсь живетъ, вотъ, вотъ тутъ...

Дѣвочки, довольные своей счастливой мыслію, идутъ торопливыми шагами къ домику, гдѣ обитаетъ ветеринаръ. Оказалось, что и найдти его не трудно: онъ самъ на лицо—сидитъ себѣ подъ тѣнью дерева. Увидали его дѣвочки и перетрусили немного: можно-ли, думаютъ, къ нему подойти. Младшая уже опять начала подносить свои кулачки къ глазамъ и отирать слезы, сколько и отъ непонятнаго страха при видѣ лысой фигуры лекаря, столько же и отъ воспоминаній о недавней цѣлости барашка.

— Не плачь, не плачь, наставительно замѣчаетъ старшая, не плачь, а то онъ разсердится и лечить не будетъ...

Подошли онѣ къ лекарю, и старшая съ нѣкоторою впрочемъ робостію спросила:

— А не можете-ли вы, господинъ лекарь, вылечить намъ барашка?..

Лекарь сначала было нахмурился, подозрѣвая насмѣшку надъ его спеціальностію, но взглянувъ на дѣтей, понялъ, что горе ихъ совершенно искреннее. Младшая такъ плаксиво хмурится, старшая же полна такой вѣры въ силу науки, что бѣдный лекарь самъ опечалился, видя голову барашка отдѣленною отъ его туловища. Глядя на нихъ, онъ можетъ быть вспомнилъ о своемъ дѣтствѣ, вспомнилъ себя такимъ же юнымъ и легко довѣряющимся, и невольно сравнивъ свое настоящее съ прошлымъ, пожалѣлъ о немъ.

Вотъ содержаніе картинки простенькой по своему замыслу, но наводящей на сопоставленіе одного съ другимъ періодовъ жизни человѣческой: періода полной вѣры, періода дѣтской жизни, про которую поэтъ сказалъ:

„Ангелъ надежды цвѣтами
Сыплетъ на вашемъ разсвѣтѣ!..

И періода того душевнаго состоянія, о которомъ поэтъ говоритъ:

Встрѣтилъ тебя—и на мигъ предо мной
Юность мелькнула, пахнуло весной...

У Константинополя, въ водахъ Босфора.

Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы—вотъ слова, которыя теперь всего чаще встрѣчаются и въ политическихъ телеграммахъ и въ газетныхъ статьяхъ и въ частныхъ разговорахъ. Весь интересъ въ настоящее время сосредоточенъ въ этихъ пунктахъ. Нашъ рисунокъ, соприкасающійся своимъ содержаніемъ тоже съ тѣми, всѣхъ теперь интересующими мѣстами, даетъ намъ случай разсказать о современномъ положеніи дѣлъ въ Константинополѣ.

Не смотря на упадокъ духа населенія Константинополя, военная партія неутомимо преслѣдуетъ свою цѣль—защиту Константинополя. Турецкая армія, которой ввѣрена оборона столицы, дѣлится на три корпуса, расположенные по линіи, идущей отъ Макрикіоя, близъ Санъ-Стефано, до Чернаго моря. Одна линія охраняетъ собственно Стамбулъ, другая прикрываетъ сѣверный берегъ Золотого Рога съ Перой и Галатой, третья охраняетъ Босфоръ и сооруженныя на европейскомъ берегу его укрѣпленія, преимущественно форты Мезоръ-Бурну и Румили-Кавакъ. На лѣвомъ крылѣ боевого расположенія войскъ, предназначенныхъ для обороны столицы, т. е. вдоль линіи, тянущейся отъ Макрикіоя до Сладкихъ Водъ, сосредоточено 9 бригадъ или 54 батальона пѣхоты при 24 баттареяхъ, 1,500 чел. конницы, что составляетъ около 50,000 чел. и 144 орудій. Помимо операціонной арміи формируется еще резервная, въ составъ которой поступаютъ возвращающіеся изъ Россіи плѣнные турки. Вообще численность турецкихъ силъ, расположенныхъ подъ Константинополемъ, простирается до 80,000 чел., а у Галлиполи 25,000 чел. съ соотвѣтствующей артиллеріей.

Населеніе города, кажется, начинаетъ понимать, что Турція стала игрушкой Европы и нѣкоторые уже теряютъ надежду на возможность удержаться въ Европѣ.

Уступкою Порты на русское требованіе сдачи крѣпостей, настойчиво повторяемое генераломъ Тотлебеномъ, создано странное положеніе. Порта извиняетъ уступку тѣмъ, что дворецъ былъ встревоженъ. Дворецъ говоритъ, что онъ совсѣмъ не былъ встревоженъ и порицаетъ за уступчивость Садыка и Савфетъ пашей. Въ штатскихъ турецко-оффиціальныхъ сферахъ продолжается подпольная борьба партій. Министерство попрежнему настаиваетъ на назначеніи Акифа-паши (вооружившаго мусульманъ во время болгарскаго избіенія) на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а во дворцѣ интригуетъ это мѣсто для себя молодой Саидъ-паша 2-й, окончательно разошедшійся съ кабинетомъ Садыкъ-паши. Корреспондентъ „Daily News“ такъ описываетъ разговоръ, слышанный имъ въ одномъ изъ читальныхъ залъ въ столицѣ.

Распивая кофе и покуривая сигары или *наргиле*, съ поджатыми ногами, сидѣли на коврахъ вокругъ стѣнъ, съ виду похожіе на чиновниковъ Порты турки и вели такой разговоръ.

— Все погибло для насъ. Европа оставляетъ насъ, и если Англія въ концѣ концовъ не придетъ къ намъ на помощь и не возвратитъ намъ положеніе, которое мы занимали до войны, мы погибли. Съ установленіемъ автономіи въ нашихъ европейскихъ провинціяхъ и съ присоединеніемъ къ Россіи части нашей азіатской территоріи, мы теряемъ много мѣстъ, которыя служили намъ главною поддержкою жизни.

— Да,—прибавилъ другой,—наше положеніе тѣмъ болѣе печально, что въ Азіи немусульманское населеніе, еслибъ только смѣло, возстало бы противъ султана. Арабы, вы знаете, эфендп, дурнымъ глазомъ смотрятъ на наше управленіе и жалуются, что имъ не позволяютъ занимать общественныхъ должностей; нѣкоторые даже доходятъ до того, что смотрятъ на насъ какъ на узурпаторовъ и дерзаютъ говорить, что они не признаютъ падишаха за таковаго, потому что онъ не потомокъ пророка.

— Да, это правда,—сказалъ третій, — Англія, одна Англія можетъ спасти насъ. Но,—прибавилъ онъ,—я не вѣрю, что Англія одержитъ верхъ надъ Россіей, хотя война и должна вызвать европейскій пожаръ; и если христiане будутъ убивать другъ друга, то исламъ вѣроятно будетъ въ состояніи вернуть свои прежнія владѣнія.

Вообще теперь побѣжденная Турція разнствуетъ съ Турціей, подавившей сербское возстаніе или опоясывавшейся для борьбы съ русскими. Въ настоящее время нерѣдкость слышать самыя крѣпкія выраженія противъ администраціи, и заптіи, слыша подобныя рѣчи, высказываемыя публично, не рѣшаются вмѣшиваться. Въ кафэ и на базарахъ, гдѣ турки съ обычною своей лѣнью наслаждаются сидѣньемъ и бесѣдуютъ о дѣлахъ политики, зачастую слышишь, какъ они критикуютъ далеко не мягкимъ языкомъ дѣянія правительственныхъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ. Бранитъ ихъ и простой народъ.

— И за что эти ракаліи чиновники взимаютъ съ насъ двойные налоги!

— Эти налоги идутъ пашамъ, чтобы они разжирѣли еще больше, выражаетъ свое неудовольствіе народъ.

— То и дѣло увеличиваютъ сборы.

— Неужели они предполагаютъ, что мы стали богаче когда война кончилась? Не лишились-ли мы на войнѣ своихъ родственниковъ и не удѣлили-ли мы нашу послѣднюю пару? А теперь мы еще должны болѣе платить за все!

Цѣны въ настоящее время увеличены въ Стамбулѣ на хлѣбъ и недавно, напримѣръ, удвоена пошлина за проѣздъ по мосту чрезъ Золотой Рогъ.

Этотъ мостъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

Движеніе по мосту громадно, онъ всегда биткомъ набитъ людьми отъ ранняго утра до заката солнца. До удвоенія пошлины доходъ съ моста получался отъ 30 до 36 тыс. піастровъ въ день, теперь эта сумма удвоилась и еслибъ въ этой странѣ не господствовала всюду система обмана и обиранья, получаемый доходъ былъ бы громаденъ. На каждомъ концѣ моста стоитъ деревянная будка, у которой находится 6—7 сборщиковъ пошлины. Одѣты они въ бѣлые каленкоровые кафтаны, похожіе на ночныя рубашки. У кафтановъ (вѣрнѣе—блузъ) широкіе рукава, въ которые и опускаются деньги, собираемыя съ проходящихъ и проѣзжающихъ по мосту. Когда рукавъ достаточно наполнился, сборщикъ отправляется въ будку и опоражниваетъ содержимое на столъ, у котораго сидитъ придворный чиновникъ, одѣтый въ форму морского офицера. На обязанности офицера лежитъ укладываніе этихъ денегъ въ мѣшки. Ну, разумѣется, въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого контроля и обыкновенное дѣло, что большинство служащихъ на мосту, начавши карьеру бѣдняками, обзаводятся вскорѣ домами и даже гаремами. До смерти Абдулъ-Азиса доходъ со Стамбульскаго моста принадлежалъ султаншѣ Валидѣ, матери султана (которая, надобно сказать, имѣла громадное состояніе). Теперь сборъ поступаетъ въ Морское министерство, такъ какъ матери султана нѣтъ въ живыхъ.

Жены солдатъ, убитыхъ въ послѣднюю войну, до сихъ поръ не могутъ выхлопотать себѣ хотя бы части раціоновъ, получавшихся ихъ мужьями. Каждый день несчастныя женщины собираются возлѣ дома чиновника, раздающаго раціоны и каждый день пока уходятъ ни съ чѣмъ.

Цѣлыя улицы въ Константинополѣ, прежде населенныя мусульманами, теперь перешли во владѣніе иностранцевъ, что ясно замѣтно по отсутствію жалюзи на окнахъ домовъ. Еще недавно на каждаго христіанина въ Стамбулѣ смотрѣли подозрительно и съ презрѣніемъ, если только не оскорбляли открыто на улицахъ, теперь же нѣтъ ничего подобнаго.

Положеніе Султана невеселое. Такъ, напримѣръ, недавно онъ рѣшился показать себя войску. Съ блестящей свитой, на чистокровномъ арабскомъ конѣ, онъ выѣхалъ изъ Гильдизъ-Кіоска и отправился въ Маслакъ. Тамъ было сосредоточено до 50 тысячъ войска и въ теченіе 2 часовъ производилось ученье и парадъ. Разныхъ малозначущихъ „ура“ было конечно вдо-

воль, но впечатлѣніе, произведенное султаномъ на войско, было весьма неблагопріятное для падишаха. Дѣло въ томъ, что султанъ Абдулъ-Гамидъ пристрастился въ послѣднее время къ шампанскому; больной, изнѣженный организмъ не выноситъ этой отравы и еще не старый по годамъ Гамидъ теперь пожелтѣлъ и скорчился какъ шестидесятилѣтній старикъ.

Абдулъ-Гамидъ имѣетъ очень мало приверженцевъ; большинство имъ недовольно за неудачный исходъ войны, его презираютъ и ненавидятъ. Къ его противникамъ относятся и всѣ лица, лишившіяся своихъ мѣстъ во время его управленія. Всѣ ждутъ и желаютъ государственнаго переворота. Затрудняются только вопросомъ о назначеніи преемника Абдулъ-Гамиду, такъ какъ одинъ изъ кандидатовъ на престолъ страдаетъ бѣлой горячкой, а другой считается крайне необразованнымъ и порочнымъ человѣкомъ. Разумѣется, что въ такомъ незавидномъ положеніи бѣдному Гамиду нельзя не опасаться, чтобы и его не постигла участь Абдулъ-Азиса. Одинъ корреспондентъ такъ описываетъ могилу этого убитаго султана.

Я зашелъ,—пишетъ онъ, чтобъ поглядѣть на гробницу Абдулъ-Азиса. Бѣлый, громадный мраморный камень—и больше ничего нѣтъ, только одна простая феска зарѣзаннаго султана украшаетъ гробницу. Рядомъ съ ней саркофагъ падишаха Махмуда. На немъ драгоцѣнное покрывало изъ чернаго бархата, роскошно расшитое чистымъ серебромъ. На изголовьѣ тоже феска, но съ громадной бриліантовой звѣздой.

На счетъ Сулеймана-паши говорятъ, что его обвиняютъ въ государственной измѣнѣ и оскорбленіи величества. Доказано, будто бы, что англичане подкупили Сулеймана и что послѣдній приказалъ своему адъютанту Гамиду-Беку захватить султана и перевезти его въ Муданію или на островъ Тенедосъ.

Въ общемъ, положеніе города самое тревожное, много страха, предположеній и противорѣчій и изъ всего этого одинъ только выводъ: полная неизвѣстность о томъ, что будетъ завтра.

Длиннохвостый или лазящій медвѣдь.

(Cercoleptes caudivolvulur).

Это странное животное жителями Венесуэлы называется *Cuchi-Cuchi* или *Mono de Noche* (ночная обезьяна). Во всей тропической Америкѣ распространена эта порода животныхъ. Густые, первобытные тропическіе лѣса служатъ обычнымъ убѣжищемъ лазящаго медвѣдя. Днемъ это животное обыкновенно спитъ въ глубокихъ дуплахъ старыхъ деревъ, и вообще его чрезвычайно рѣдко путешественники замѣчали на свободѣ. Вообще зоологи ближе могли познакомиться съ этими интересными животными только въ человѣческихъ жилищахъ, и это потому, что они легко приручаются и бываютъ любимы за свой веселый нравъ.

Длиннохвостый медвѣдь, по общему типу своего строенія (относительно напр. скелета) занимаетъ средину между обыкновеннымъ медвѣдемъ и куницею; величина его, однако, не болѣе обыкновенной домашней кошки. Уже самые рослые экземпляры бываютъ не болѣе 2¾ фута въ длину (около 1½ аршина), но и при этой длинѣ болѣе половины занимаетъ хвостъ животнаго, которымъ оно цѣпляется за вѣтви деревъ. При хожденіи животное ступаетъ всею ступнею, и оттого кажется крайне низкорослымъ. Вообще наибольшая вышина его не болѣе 7 дюймовъ (до ключицы). Шкура животнаго изъ-желта-свѣтло-сѣрая, подъ старость измѣняющаяся въ красный цвѣтъ; и за симъ у старыхъ же животныхъ, отъ затылка до самаго хвоста вдоль спины тянется рѣзко очерченная темная полоска. Глаза большіе, круглые коричневаго цвѣта и крайне выразительные; голова короткая, рыло тупое, ноги весьма подвижны.

Вотъ въ общихъ чертахъ и все описаніе внѣшняго вида этого интереснаго животнаго. Не смотря на свою малую фигуру, оно на первый разъ сильно напоминаетъ фигуру медвѣдя въ миніатюрѣ (какъ уже можно судить по прилагаемому рисунку); да и самыя движенія животнаго сильно напоминаетъ движенія медвѣдя, за тѣмъ звѣрекъ охотно ѣстъ все съѣдобное, что опять-таки напоминаетъ медвѣдя. Но пойманный и живя въ неволѣ, звѣрекъ этотъ особенно любитъ каштаны и часто съѣдаетъ ихъ столько, что наконецъ, сваливается и какъ бы погружается въ спячку. О способѣ размноженія этихъ миніатюрныхъ медвѣдей до сихъ поръ неизвѣстно ничего достовѣрнаго; но предполагаютъ, что самка производитъ на свѣтъ только по одному дѣтенышу.

Лазящаго медвѣдя можно изловить только случайно, если его въ расплохъ застать на деревѣ въ лѣсу, или срубить это дерево, или же его можно легко взять въ дуплѣ дерева, потому что звѣрекъ сильно боится свѣта и днемъ совершенно безпомощенъ (оттого-то его такъ и легко взять при срубкѣ дерева). Охотившіеся въ лѣсахъ Америки разсказываютъ, что во время ночлега въ тропическомъ лѣсу часто можно слышать звукъ голоса лазящаго медвѣдя; это нѣчто въ родѣ лая и нѣжнаго, слабаго свиста. Но если соберется въ одно мѣсто цѣлая толпа такихъ животныхъ, то можетъ произвесть порядочный шумъ. Отыскивая себѣ ночью пищу, звѣрекъ лазитъ по вершинамъ деревъ съ большою ловкостью, при чемъ ему много помогаетъ его цѣпляющійся хвостъ. Иногда, среди глубокой, тихой ночи, эти звѣрьки осторожно спускаются на крыши охотничьихъ шалашей. Шелестъ пробуждаетъ охотниковъ.—„А! это Cuchi-cuchi (кучи-кучи)!“ догадываются они. И всю ночь звѣрьки шалятъ и рѣзвятся на деревьяхъ; но передъ восходомъ солнца они прячутся въ свои логовища, въ дупла старыхъ деревъ, причудливо обвитыхъ ліанами, и тогда рѣзвые звѣрьки пропадаютъ. Всякій слѣдъ ихъ исчезаетъ, пока опять не настанетъ ночь.

„Во время моего странствія чрезъ Кордильеры“, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Америкѣ,—я везъ съ собою изъ Венесуэлы много этихъ милыхъ животныхъ, по странному сходству съ извѣстнымъ прототипомъ (т. е. Мишкой) названныхъ медвѣдями, и имѣлъ множество удобныхъ случаевъ наблюдать ихъ. Они были до того милы и забавны, что съ ними можно было удобно коротать безсонныя ночи. Не смотря на свою довѣрчивость и способность быть ручнымъ, звѣрекъ этотъ все-таки ищетъ удобнаго случая, какъ бы вырваться на свободу, а потому его ночью нужно держать на привязи. Днемъ выбираетъ онъ самыя тѣнистыя мѣста, что-бы, свернувшись въ плотный клубочекъ, крѣпко заснуть; но звѣрька, все таки легко разбудить, какъ скоро принесешь ему что поѣсть: много поглощаетъ его вмѣстительный желудокъ; при этомъ маленькій лакомка вытягивается и высовываетъ свой длинный, тонкій языкъ (языкъ у звѣрька длиннѣе, чѣмъ голова) изъ своей довольно вмѣстительной пасти. Но при этомъ сейчасъ же можно замѣтить, что свѣтъ животному крайне непріятенъ: оно тщательно старается закрыть лапками свои прекрасные каріе глаза; да даже и тогда, когда звѣрекъ привыкнетъ къ свѣту, онъ все-таки кажется какимъ-то обезкураженнымъ, какъ будто хочетъ сказать: „ну, зачѣмъ вы лишили меня покоя!“ Ѣстъ звѣрекъ всегда съ аппетитомъ, и на его завтракъ или обѣдъ посмотрѣть весьма интересно. Принесенный ему съѣдобный кусокъ онъ хватаетъ своими передними лапками, а если кусокъ слишкомъ длиненъ, то захватываетъ его и задними лапками и обвиваетъ длиннымъ хвостомъ; за симъ ложится на землю, на полъ, или удаляется къ стѣнѣ и ѣстъ свой обѣдъ съ изумительнымъ проворствомъ, и до того забавный звѣрекъ бываетъ занятъ процессомъ ѣды, что можно его взять за хвостъ и поднять на воздухъ, онъ какъ будто и не почувствуетъ, а будетъ продолжать ѣсть, пока не насытится. Но какъ скоро будетъ удовлетворенъ его аппетитъ, звѣрекъ дѣлается нетерпѣливымъ и безпокойнымъ, и если его держать за хвостъ то всѣми силами старается освободиться, и, освободившись, поспѣшно уходитъ въ свое логовище. Ища убѣжища днемъ отъ свѣта, звѣрекъ часто заползаетъ въ широкій рукавъ какой либо одежды и здѣсь засыпаетъ, прижавъ при этомъ лапки къ глазамъ и положивъ конецъ хвоста на голову.

Охота поиграть и порѣзвиться у этихъ животныхъ необыкновенно велика; поэтому-то ночью они ни минуты не остаются спокойными, развѣ ужь необыкновенно плотно поѣдятъ. Если же не утомленъ звѣрекъ пищею, то постоянно рвется поиграть и жадно ищетъ предмета игры. Передъ своимъ хозяиномъ звѣрекъ (если онъ приученъ) становится на заднія лапки, и тогда животное, если только представить, что у него нѣтъ хвоста, напоминаетъ настоящаго медвѣдя въ миніатюрѣ. Маленькій медвѣдь вскарабкивается къ своему хозяину на колѣни, обнюхиваетъ все его платье, какъ будто прилежно ищетъ чего-то; каждую пуговку, каждую дырочку на сюртукѣ, забавный звѣрекъ старательно обнюхиваетъ; а если дать ему волю, то онъ безъ церемоніи подвергнетъ тщательному изслѣдованію и ощупыванію (языкомъ) голову, волосы, уши и носъ своего патрона. Если звѣрька хозяинъ удалитъ отъ себя на нѣкоторое разстояніе, то онъ начинаетъ звать его, издавая звукъ въ-родѣ свиста или лая, и ожидаетъ, оставаясь на мѣстѣ, пока не придутъ къ нему. Случается, что звѣрекъ задѣваетъ своимъ длиннымъ хвостомъ за предметы, находящіеся въ комнатѣ, и если ему удастся освободиться, то онъ ревностно начинаетъ обслѣдывать что находится въ комнатѣ. Разъ, (продолжаетъ цитуемый нами путешественникъ) — я не досмотрѣлъ, и уже спохватился тогда, когда мой медвѣдь свернулъ у птичьяго чучела головку и успѣлъ проглотить ее. Бѣда была въ томъ, что чучело я пропитывалъ растворомъ мышьяка и дѣйствіе яда не заставило себя долго ждать. Мой звѣрекъ, терпя страшныя мученія, вытянулся въ судорогахъ—и тогда сдѣлался злымъ, началъ коситься. Я осторожно взялъ его за шею, раскрылъ ему ротъ и влилъ столоваго масла... Онъ нѣсколько времени гнѣвно шипѣлъ, какъ шипятъ разсерженные гуси; за тѣмъ успокоился, черезъ 24 часа оправился и, опять, какъ ни въ чемъ не было, принялся за прежнія шалости...

„Весьма забавенъ былъ звѣрекъ, когда, бывало, невзначай помѣшаешь ему во время его обѣда. Тогда онъ торопливо оставлялъ ѣду и удивлялся, но, подождавъ минуту и убѣдясь, что опасности нѣтъ никакой, онъ снова торопливо возвращался къ своей маисовой кашѣ и своимъ бананамъ. Но послѣ этого уже было трудно его испугать, такъ какъ онъ постоянно съ осторожностію оглядывался. Я даже пріучалъ этихъ животныхъ къ акробатству и довольно искусному хожденію на канатѣ. Съ каната звѣрекъ весьма искуснымъ и быстрымъ прыжкомъ бросался на мою грудь, и за симъ снова цѣплялся за канатъ. Случалось, что иногда, между другими предметами, я оставлялъ на полу кружку, наполненную водкой. Замѣтивъ это

звѣрекъ бросался съ своего каната къ кружкѣ,—опустивъ голову; прежде всего онъ тщательно обнюхалъ кружку, затѣмъ медленно поднялся, обхватилъ ее передними лапками, но испуганный запахомъ виннаго спирта, отскочилъ назадъ, нѣсколько разъ чихнулъ и потомъ съ весьма забавной миной, пустился на новое обслѣдованіе кружки. На этотъ разъ, обхвативъ кружку передними лапками, звѣрекъ опустилъ въ нее языкъ; затѣмъ обвилъ кружку хвостомъ и поставилъ себѣ на спину. Водка, конечно, вылилась и часть спирта попала звѣрьку въ носъ. Тогда онъ началъ страшно чихать, бросилъ кружку и пошелъ отряхаться къ своему канату. Черезъ нѣсколько минутъ игривый звѣрекъ принялся за новые проказы.

„Съ другими животными маленькій медвѣдь играетъ охотно. Разъ я привелъ къ нему маленькую собаку, которая конечно залаяла на него. Звѣрекъ сначала, повидимому, не обратилъ на это вниманія; потомъ сталъ на заднія лапки, а передними лапками сталъ дѣлать собакѣ знаки, пока та довѣрчиво приблизилась. Тогда началась забавная дружелюбная игра. Оба животныя забавно схватывались, расходились и снова скакали другъ на друга. Мой медвѣдь, однако, какъ-то, въ увлеченіи, укусилъ собаку въ чувствительное мѣсто, и она удалилась.

Не всегда также можно довѣрять скромности маленькаго медвѣдя, бѣдныхъ птичекъ, напримѣръ голубей. Онъ ихъ душитъ. Выходитъ, что, несмотря на свои привлекательныя качества и способность быть ручнымъ, звѣрекъ этотъ, нѣсколько кровожаденъ.

Нашъ рисунокъ представляетъ нѣсколько длиннохвостыхъ медвѣдей, въ моментъ ихъ забавной акробатической игры на вѣтвяхъ дерева. Стр.

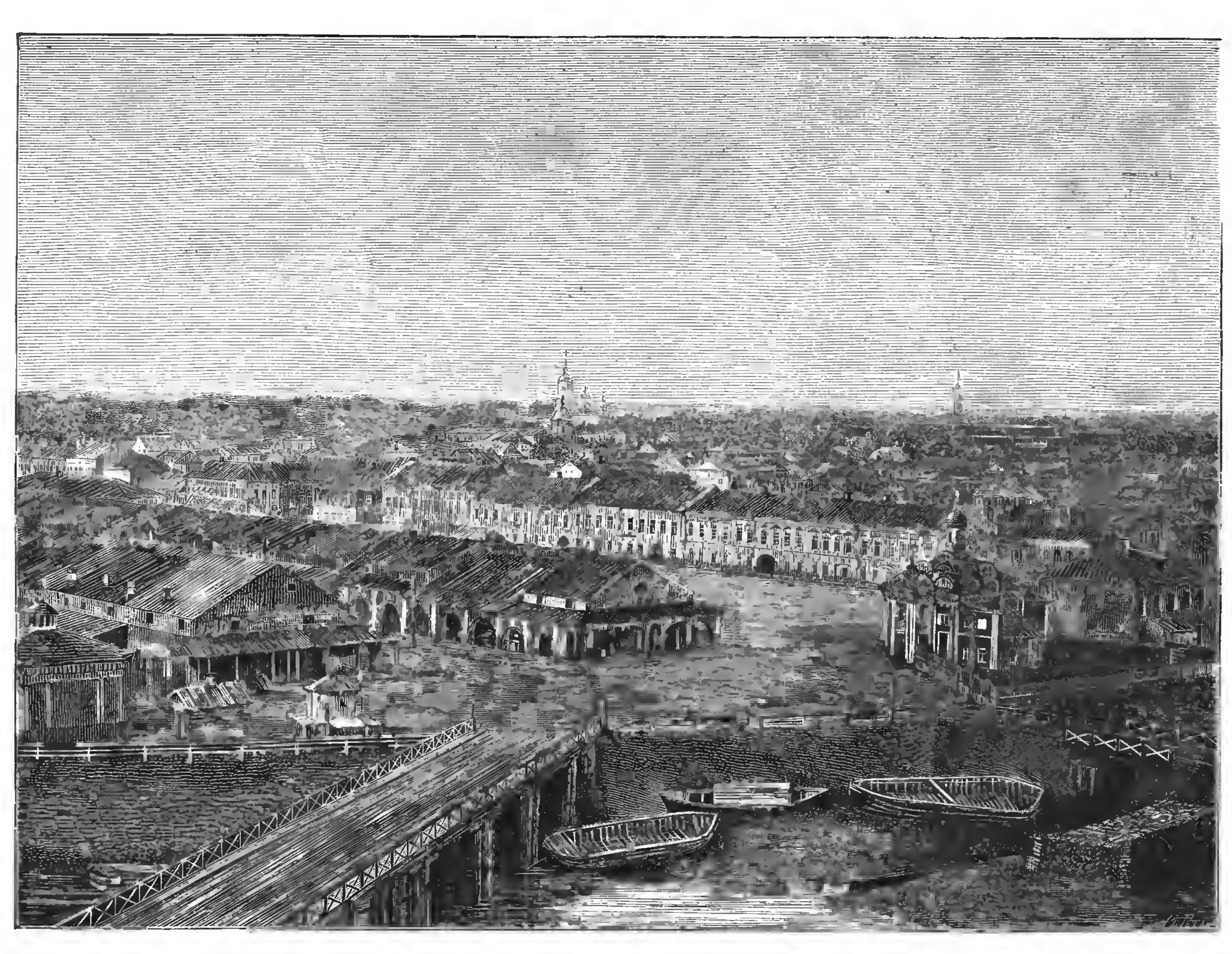
Старая Русса и ея минеральныя воды.

Городъ Старая Русса находится въ западной части Новгородской губ. въ разстояніи 90 верстъ отъ Новгорода. Географическое положеніе его подъ 57°59, сѣв. шир. и подъ 40°31, восточной долготы. Расположенъ на равнинѣ. Рѣки—Порусь, Полисть и Перерытица, раздѣляютъ городъ на нѣсколько частей. Климатъ перемѣнчивый, но здоровый. Особенно часты сѣверо-восточ. и сѣверо-западный вѣтры.

Городъ Старая Русса одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи. Основаніе его относится къ концу IX или къ началу X столѣтія. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ (Ист. Государ. Россійск. Карамзина т. I, прим. 70) упоминается, что городъ Старая Русса основанъ скифомъ Русомъ, правнукомъ Іафеѳа, и братомъ Словена. Братья эти отличались своей храбростію и, какъ говорится въ лѣтописи, оставивъ отчизну ходили по *странамъ вселенныя*, обозрѣвая безмолвныя пустыни, какъ *орлы быстрокрылатые*. 14 лѣтъ искали они селенія по сердцу себѣ и наконецъ пришли къ озеру *Мойску*. Тамъ волхвованіе открыло имъ, что это мѣсто должно быть для нихъ отечествомъ. Словенъ поселился на рѣкѣ Мутной и основалъ городъ Словенскъ, назвалъ рѣку Мутную—Волховомъ, а озеро—Ильмеромъ, въ честь сестры своей Ильмеры. Русъ-же основавъ городъ Руссу и назвалъ протекающія чрезъ ту мѣстность рѣки—одну Порусью въ честь жены своей, у другую Полистою, въ честь дочери.

Входя въ составъ владѣній Новгорода, во время удѣльнаго періода, жители Старой Руссы отдѣлились отъ него и начали было свою самостоятельную политическую жизнь, но это было не долго и Старая Русса скоро снова слилась съ своей метрополіей. Много пришлось Старой Руссѣ выстрадать въ многіе годы. 1471 годъ памятенъ для Старой Руссы пожаромъ и разрушеніемъ, произведенными нашествіемъ Іоанна III. Въ 1533 Старая Русса терпѣла отъ моровой язвы. Съ 1609 по 1625 г. пришлось выносить набѣги шведовъ и литовцевъ. Въ 1656 г. въ Руссѣ снова появилась моровая язва и на этотъ разъ эпидемія продолжалась цѣлые 5 мѣсяцевъ, безпощадно губя все населеніе, такъ что изъ жителей уцѣлѣли только немногіе. Въ память своего избавленія, оставшіеся въ живыхъ соорудили деревянный крестъ, до сихъ поръ находящійся въ Ильинской часовнѣ на Ильинской ул. и постоянно привлекающій богомольцевъ. При образованіи военныхъ поселеній, Старая Русса сдѣлана окружнымъ городомъ. 1830 г. опять полонъ кровавыми событіями, которыми выразилось возмущеніе поселянъ. Съ

(Продолженіе на стр. 377, 378, 379 и 380).

Общій видъ города Старой Руссы (Новгородской губ.). Съ фотографіи грав. Рашевскій.

1857 г. гор. Старая Русса считается уѣзднымъ городомъ Новгородской губ.

Нѣкоторые памятники старины до нынѣ сохраняются въ Старой Руссѣ, такъ напр. Спасскій мужской монастырь, основанный въ 1191 г. Деревянный крестъ, о которомъ сказано выше. Надписи на нѣкоторыхъ колоколахъ, также свидѣтельствуютъ о своей давности. Есть колокола, вылитые во время двудержавія, другіе въ царствованіе Бориса.

Въ настоящее время значеніе Старой Руссы составляютъ ея минеральные источники и грязи, которыхъ цѣлебное дѣйствіе, неподлежитъ никакому сомнѣнію. По множеству фактовъ исцѣленія разныхъ болѣзней, едвали было бы ошибочно назвать Старорусскія минеральныя воды, одними изъ первыхъ послѣ Кавказскихъ водъ въ Россіи.

Галлерея муравьевскаго источника въ Старой Руссѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Врачебное свойство Старорусскихъ водъ обнаружилось относительно недавно, гораздо позднѣе основанія города. Правильное купанье водами началось сколько извѣстно, въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1830 году утверждены были проэкты изслѣдованія водъ и устройства ваннъ. Въ 1836 г. былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ баронета Вилліе. Первыя ванны устроены въ 1837 г., затѣмъ въ слѣдующіе годы открыто заведеніе для парового солено-минеральнаго леченія, съ отдѣленіемъ для грязныхъ ваннъ. Построено каменное зданіе воксала, расширенъ паркъ, вырыты артезіанскіе колодцы. Впрочемъ, какъ говорятъ, буреніе перваго артезіанскаго колодца было произведено въ 1830 г. Въ Старой Руссѣ находится 5 минеральныхъ источниковъ, изъ которыхъ три добыты посредствомъ артезіанскихъ колодцевъ, солено-минеральная вода такъ называемаго „директорскаго источника“, находящагося теперь въ часовнѣ, прозрачна; при нагрѣваніи ея ощущается запахъ хлора; отъ присутствія свободной угольной кислоты она

Прудъ изъ воды муравьевскаго источника въ Старой Руссѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

играетъ подобно шампанскому. Температура ея отъ 9° до 10° Реомюра. Муравьевскій источникъ бьющій фонтаномъ въ огромной каменной чашѣ, поставленной въ галлереѣ близь воксала; заключаетъ въ себѣ болѣе свободной угольной кислоты; вода его горько-соленаго, менѣе остраго вкуса. Температура до 11°, Цельсія. (На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представленъ наружный видъ галлереи съ Муравьевскимъ источникомъ). Избытокъ-же воды Муравьевскаго источника собирается въ прудѣ, окруженномъ деревянной сквозной галлереей. (См. второй рис.). Избытокъ воды Директорскаго источника спускается въ озерко, находящееся позади купальныхъ построекъ. Изъ этого же озерка добывается и минеральная грязь для ваннъ. Въ застоявшейся водѣ озерка прежде всего улетаетъ свободная угольная кислота, и осѣдаютъ углекислыя соединенія извести, магнезіи, закиси желѣза и сѣрно-кислая известь, образующія первыя и основныя части минеральной грязи. На поверхности ея прозябаютъ нѣкоторыя растенія, а различные животные организмы, каковы каморы, виды діатолій, случайно попадая въ воду, также входятъ въ составъ грязи. Впрочемъ, замѣтимъ для всего пугающихся женщинъ, обиліе желѣза и въ особенности брома и хлора дѣлаютъ невозможнымъ существованіе животныхъ въ грязяхъ и соленоминеральной водѣ, и потому имъ нечего бояться, когда приходится брать грязные ванны. Для усиленія дѣйствія ваннъ въ нихъ прибавляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще маточный разсолъ, остающійся послѣ выпариванія соленой воды.

Кромѣ ваннъ солено-щелочныхъ и грязныхъ при Старорусскихъ минеральныхъ водахъ устроены хвойныя и паровыя ванны. Стоимость ваннъ различна. Солено-щелочная—40 коп. минеральной грязи—70, хвойная 50 и т. д. Старорусскія воды

и грязи употребляются во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, англійской болѣзни, ревматизмѣ, подагрѣ, параличѣ, въ хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, нервныхъ страданіяхъ, въ катаррахъ и т. д. Сообщеніе Старой Руссы съ Москвою и Петербургомъ—по желѣзнымъ дорогамъ—Николаевской, Новгородской и Старорусской.

Теперь мы переходимъ собственно къ описанію города и устройству водъ, находящихся въ управленіи доктора Рохеля.

Не веселое чувство, чувство тоски охватываетъ пріѣзжающаго въ Старую Руссу. Не смотря на то, что съ перваго раза городъ кажется чистенькимъ и рѣчки съ перекинутыми чрезъ нихъ мостами, казалось, должны бы были придавать красивый и веселый видъ городу—тѣмъ не менѣе все производитъ впечатлѣніе чего-то безжизненнаго, невыносимо скучнаго.

Скверно вымощенныя булыжникомъ улицы, а иныя поросшія травой, покосившіеся и совсѣмъ представляющіе развалины дома рядомъ съ новенькими постройками; одиноко торчащія въ каждомъ дворѣ ивы и березы—и пустота, пустота... Все это наводитъ на грустныя мысли и тягостныя чувства. Лишь изрѣдка простучатъ дрожки, которыя, надобно отдать справедливость, лучше петербургскихъ—всѣ на лежачихъ рессорахъ,—пройдутъ обыватели съ ведрами за водой, выйдетъ на крылечко своей лавчонки еврей часовщикъ и всё тутъ. Такова уличная жизнь Старой Руссы.

Старорусцы ведутъ торговлю, сплавляя пеньку; но отдача квартиръ для пріѣзжающихъ лечиться составляетъ доходную статью для большинства старорусскихъ домовладѣльцевъ. Высокія цѣны, назначаемыя ими за свои помѣщенія, ясно говорятъ о ихъ желаніи какъ можно болѣе поживиться на счетъ больныхъ. Тѣмъ не менѣе домохозяева рѣшительно не обращаютъ вниманія на устройство своихъ квартиръ и на доставленіе хотя какого нибудь удобства для пріѣзжихъ.

Отправляющіеся купаться въ Старую Руссу и расчитывающіе найти помѣщеніе, хотя сколько нибудь напоминающее дачу—ошибутся въ расчетѣ, и бывалаго человѣка занесетъ въ Руссу только необходимость—несомнѣнно цѣлебныя воды. Единственное лѣсное мѣсто въ Старой Руссѣ это паркъ, гдѣ находятся воды, а между тѣмъ положеніе Руссы въ холодной полосѣ Россіи и частые сѣверные вѣтры дѣлаютъ зачастую не удобными прогулки въ паркѣ: приходится оставаться дома, а въ домахъ у Старорусцевъ не найдешь ни террассъ, ни садовъ. Ихъ узенькіе балкончики нависли надъ скучными и пыльными улицами, ихъ вербы сиротѣютъ на заднихъ дворахъ, прикрывая собою нѣсколько грядокъ съ разсаженной клубникой или огородными овощами. Гоняясь за новинками въ дѣлѣ туалета, выписывая наряды изъ столицъ, Старорусцы вовсе не думаютъ объ удобствахъ въ помѣщеніяхъ, о лучшей мебели, даже о порядочномъ столѣ. Въ Старой Руссѣ не возможно найти квартиру со столомъ, и пріѣзжающимъ приводится или самимъ заводиться хозяйствомъ или томиться въ кухмистерскихъ въ ожиданіи, когда двѣ-три служанки въ состояніи будутъ разнести обѣдъ на нѣсколько десятковъ требованій, или же за двойныя цѣны питаться крошечными порціями въ ресторанѣ при вокзалѣ. Мало того, дома многихъ Старорусцевъ переполнены клопами и поэтому, нанимая квартиру, надобно заботиться не о пріисканіи удобствъ хорошаго помѣщенія, а какъ бы только не попасть на клоповникъ, хотя Старорусцы и успокоиваютъ на этотъ счетъ: „клопы не медвѣдь—не съѣдятъ" говорятъ они и увѣряютъ, что ужь у нихъ „такой климатъ", что отъ клоповъ трудно уберечься. Все стремленіе домохозяевъ—какъ можно меньше давать и какъ можно больше брать. Надобно видѣть, съ какою жадностію накидываются они на пріѣзжающихъ! И правду сказать, что и стоить-же имъ душевныхъ мукъ ожиданіе отдачи своихъ квартиръ. Въ извѣстный часъ прихода поѣзда, домохозяйки всѣ высыпаютъ за ворота. Полныя нетерпѣнія и тревоги, онѣ начинаютъ ходить взадъ и впередъ. Отлично зная часъ прихода поѣзда, онѣ все таки справляются одна у другой, точно ли этотъ часъ и незапаздываетъ ли поѣздъ. Вотъ поднялась пыль въ концѣ улицы. Ѣдутъ желанные. Пущей тревогой забились сердца, зорко всматриваются домохозяйки, стараясь узнать, кто именно ѣдетъ—богатый ли, семейный-ли, или напротивъ, надобно будетъ маленькую квартирку, одну комнату... Показались извощичьи дрожки, все ближе и ближе, но ахъ—дрожки пустыя! А вотъ быстро несется тройка, громко звенятъ колокольчики—ну, это не сюда, это проѣзжіе мимоѣздомъ, чрезъ городъ. Но вотъ еще кто-то ѣдетъ! О, радость, это, наконецъ, желанные! Обложенные саками и картонками, безпокойно осматриваются пріѣзжающіе по сторонамъ на наклейки въ окнахъ... Ищутъ квартиры! О, если бы можно, хозяйки схватили бы лошадей подъ уздцы и остановили ихъ у своихъ домовъ! Но вся надежда на извощиковъ, и если извощики остались довольны назначенной имъ наградой за доставленіе квартиранта, домохозяйкамъ придется показывать свои помѣщенія во всемъ ихъ воображаемомъ блескѣ. Сіяя, улыбаясь, не своимъ, но необычайно мягкимъ голосомъ будутъ объяснять онѣ нанимателямъ прелесть своихъ помѣщеній и просить за это, разумѣется, не дешевую же цѣну. Обдернетъ заботливой рукою хозяйка свѣсившуюся скатерть со стола и неискусно прикроетъ рваныя ея части, задвинетъ ломаный стулъ, чтобы не замѣтили, начнетъ успокоивать, что рваныя ширмы можно зачинить, а кровать замѣнить болѣе надежной. Обѣщаетъ хозяйка даже воду и угли для самовара доставлять, и доктора отрекомендовать своего знакомаго, прекраснаго доктора. Хлопочетъ хозяйка, изъ силъ выбивается, нахваливая, а къ извощикамъ на улицѣ въ это время подходитъ другая домовладѣлица-сосѣдка и убѣждаетъ къ ней привезти квартирантовъ и увѣряетъ, что у ней только и хорошо, и что она не надуетъ какъ сосѣдка на водѣ и угляхъ и на всемъ другомъ. Такъ и томятся хозяйки, пока, наконецъ, нужда не загонитъ къ нимъ постояльцевъ и не наступитъ ихъ время похвастаться одна предъ другою, что весь домъ занятъ. и только уже такъ по привычкѣ или же изъ чувства постоянной ничѣмъ не удовлетворяемой жадности ругнутъ онѣ своихъ квартирантовъ, что скупые и не цѣнятъ одолженій и услугъ.

Воды Старорусскія въ началѣ своего устройства находились въ вѣдѣніи казны; лѣтъ 10 тому назадъ они были сданы въ арендное управленіе доктора Рохеля. Говорятъ, что въ годъ сдачи водъ было предложено старорусцамъ взять воды въ городское управленіе, но они на отрѣзъ отказались отъ предложенія, хотя теперь въ этомъ и раскаиваются. Получивъ аренду, г. Рохель получаетъ въ тоже время отъ правительства ежегодную субсидію въ 12 т. р. с.

Для арендатора обязательно доставленіе леченія водами всѣмъ военнымъ и содержаніе части разрушеннаго за ненадобностію солевареннаго завода для выработки маточнаго разсола.

Въ свое десятилѣтнее управленіе водами г. Рохель, повидимому и по разсказамъ, ничего не сдѣлалъ для улучшенія устройства водъ. Говорятъ, что паркъ теперь даже хуже, чѣмъ былъ прежде. На ванны арендаторъ увеличилъ цѣны, прислугѣ уменьшилъ жалованье. Передаемъ это, конечно, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ нами на мѣстѣ во время посѣщенія минеральныхъ старорусскихъ водъ. Но на сколько эти дѣйствія доктора Рохеля вызывались необходимостію—этого мы не знаемъ: быть можетъ на такой образъ дѣйствій онъ имѣетъ свои болѣе или менѣе уважительныя причины.

На водахъ всѣ постройки деревянныя. Вообще здѣсь, какъ видно, дерево предпочитается другимъ матеріаламъ, вѣроятно за дешевизну. Самыя ванны также деревянныя, окрашенныя. Домики, вмѣщающіе въ себѣ ванны, собраны на площадкѣ парка, возлѣ вокзала и источниковъ. Ванны раздѣлены по отдѣленіямъ. Въ каждой ванной комнатѣ имѣется печь для поддержанія одинаково теплой температуры во всякую погоду; впрочемъ, это только такъ говорится, и послѣ ваннъ зачастую, если не позаботиться самому купающемуся, приходится скакать, чтобы согрѣться... Тѣмъ болѣе, что и за цѣлостью стеколъ въ окнахъ ванныхъ комнатъ не всегда наблюдается. Отыскиваніе прописанныхъ ваннъ также сопряжено для купающихся съ нѣкоторыми затрудненіями. На домикахъ, вмѣщающихъ ванны, дощечекъ съ надписями, какія именно въ этомъ отдѣленіи ванны, не имѣется. Больные обыкновенно узнаютъ одинъ отъ другого, гдѣ и какія ванны. Для выдачи билетовъ на ванны имѣется контора, открытая только въ извѣстные часы дня. По заведенному порядку, на каждомъ билетѣ выписывается фамилія купающагося, содержаніе ванны, мѣсяцъ и число выдачи билета. Билетовъ выдается ограниченное число, по израсходованіи которыхъ купающійся снова долженъ обращаться къ врачу, брать отъ него квитанцію на полученіе билетовъ, снова являться въ контору и снова получать билеты. Подробныя расписанія на каждомъ билетѣ, вписываніе билетовъ въ книгу, отмѣтка часовъ на особомъ листѣ—все это беретъ много времени, и три конторщика не въ состояніи съ точностію выполнить требованія. Въ этой же конторѣ, при выдачѣ первыхъ билетовъ на ванну, вручается билетъ на танцовальные вечера, обязательный для всѣхъ. Съ одинокаго получается 4 рубля за такой билетъ, съ семейнаго 10 р. Слѣдствіемъ постоянной суеты въ конторѣ являются недоразумѣнія и ошибки.

Практикующихъ врачей на водахъ нѣсколько, изъ нихъ всѣ почти пріѣзжіе. Самъ директоръ водъ, докторъ Рохель, принимаетъ больныхъ только въ извѣстные дни и извѣстные часы. Заболѣлъ, напримѣръ, кто нибудь изъ паціентовъ г. Рахеля не въ положенное время, то стоитъ величайшихъ трудностей добиться посѣщенія г. Рохеля, хотя само собой разумѣется, что въ каждомъ правилѣ есть исключенія и въ этомъ случаѣ являются нѣкоторые счастливцы, для которыхъ г. Рохель измѣняетъ свои обычаи.

Счастливцамъ вообще вездѣ хорошо, а несчастному нигдѣ не везетъ. Идетъ, напр., не въ опредѣленное время за совѣтомъ къ доктору мужичекъ съ котомкой за плечами. Подходитъ къ воротамъ парка. (Докторъ Рохель живетъ въ вокзалѣ парка).

— Эй, ты, куда ты лѣзешь! кричитъ сторожъ у воротъ.

— Да вотъ къ доктору, недужится шибко. Изъ-за 40 верстъ пришелъ.

— Знаемъ мы васъ, кричитъ сторожъ, наровите какъ бы украсть чего, вотъ вы зачѣмъ сюда лѣзете!

— Да что же онъ у васъ въ паркѣ-то украдетъ? замѣчаютъ со стороны, развѣ скамейки, такъ и тѣ такія тяжелыя, что одному ихъ и не уволочить...

— Ступай вонъ, нечего тутъ толковать! кричитъ свое сторожъ.

— Да мнѣ бы только доктора. Говорятъ, помогаютъ здѣсь.

— До васъ ему, какже! Ступай, тебѣ говорятъ, вонъ! Докторъ завтра въ 6 часовъ вечера принимаетъ, а теперь не лѣзь понапрасну. Здѣсь вашему брату не мѣсто.

Эта сцена видѣна лично нами во время посѣщенія старорусскихъ водъ въ прошедшемъ 1877 году.

Паркъ, гдѣ находятся ванны и источники, весьма не великъ и съ скудной растительностью, которую не трудятся даже скрасить цвѣтами. Въ павильонѣ парка, противъ вокзала, играетъ оркестръ музыки, состоящій изъ 20 человѣкъ. Въ вокзалѣ два раза въ недѣлю даются танцовальные вечера въ пустомъ едва меблированномъ залѣ. На каждый стулъ приходится нѣсколько кандидатовъ. Въ паркѣ же устроена маленькая гимнастика, кегли, на прудѣ окруженномъ галлереей держатся три лодки. Въ деревянномъ зданіи театра даются представленія заѣзжей труппой, платящей извѣстную сумму арендатору водъ за помѣщеніе. Кстати сказать, что при водахъ имѣется нѣсколько домовъ, отдача которыхъ составляетъ такую доходную статью для арендатора. Въ галлереѣ при вокзалѣ устроена читальня и библіотека. Первая всегда грязна, а во второй нельзя найти ничего касающагося описанія мѣстныхъ водъ. Любопытный пріѣзжій какъ бы не хотѣлъ узнать о водахъ, у кого бы не спрашивалъ, ничего не узнаетъ и какъ узнать, когда самъ г. Рохель положительно заявляетъ, что больнымъ нѣтъ надобности въ знаніи и слѣдуетъ только имѣть вѣру. Оно, конечно, вѣра скорѣе приводитъ къ счастію, а знаніе открываетъ многое, что скрыто подъ чудной завѣсою той вѣры, которую рекомендуетъ г-нъ арендаторъ старорусскихъ минеральныхъ водъ.

Z.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Въ началѣ и даже во все продолженіе прошлой недѣли вопросъ о мирѣ и войнѣ ставился въ зависимость отъ миссіи нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова. Сущность этой миссіи до сообщенія ея оффиціальнымъ путемъ, для насъ покрыта тайною, и совершенно неумѣстно предрѣшать тѣ вопросы, которые считаются существенными для мира и которые составляютъ суть дипломатическаго порученія графа Шувалова. Графъ Шуваловъ былъ въ Петербургѣ, и на пути заѣхалъ въ Берлинъ. На пути изъ Петербурга въ Лондонъ, графъ заѣзжалъ снова въ Берлинъ. Что изъ этого послѣдуетъ—пока неизвѣстно.

Англичане сильно задѣты русскою энергіей въ сооруженіи добровольнаго общественнаго флота, устраиваемаго на пожертвованія. Какъ! кичливо восклицаетъ всемогущій морской Левіаѳанъ,—эта Россія, которую я могъ бы раздавить на морѣ,—осмѣливается противопоставить мнѣ *силу*, именно на той стихіи, которая болѣе всѣхъ сподручна мнѣ!.. Вотъ почему, Англія, увѣряя въ своемъ миролюбіи, или по крайней мѣрѣ не воинолюбіи, не перестаетъ усиленно вооружаться. До такой степени страстно и порывисто начинаютъ идти эти приготовленія, что Англія забываетъ самыя элементарныя правила государственной мудрости и осторожности... Приготовленія все идутъ и идутъ, не останавливаясь. Индійскія войска продолжаютъ переправляться въ Европу черезъ Суезскій каналъ.

Въ послѣднее время, тѣмъ болѣе усилилась англійская энергія въ вооруженіяхъ и приготовленіяхъ, что успѣхи нашего крейсерскаго флота представляются обезпеченными. Такъ въ Филадельфіи, по достовѣрнымъ слухамъ, образовалось акціонерное общество „Russo-American-Priva-Teering-Company“ для снаряженія каперовъ. Говорятъ, акціи этого общества довольно охотно берутъ голландцы. Интересовалъ также за прошлую недѣлю вопросъ: какое положеніе приметъ Вашингтонскій кабинетъ въ вопросѣ о *снаряженіи крейсеровъ въ Американскихъ гаваняхъ*. Теперь выяснилось, что американское правительство предоставило покуда иностраннымъ агентамъ полную свободу въ этомъ отношеніи, телеграфировавъ во всѣ приморскіе города Америки сообщенія въ томъ смыслѣ, что „хотя, въ силу Вашингтонскаго договора, Сѣверо-Американскіе штаты и Англія обязались, по возможности, *препятствовать сооруженію* въ своихъ гаваняхъ каперовъ, предназначающихся противъ державъ, съ которыми они находятся въ мирѣ, но такъ какъ война между Англіей и Россіей еще не началась, то обѣ названныя державы (Англія и Россія) могутъ, безъ нарушенія договора, снаряжать каперскія суда въ Сѣверо-Американскихъ гаваняхъ“. Въ виду все болѣе и болѣе усиливающейся вѣроятности войны между двумя великими государствами, скромный доселѣ вопросъ о крейсерахъ пріобрѣтаетъ громадную, почти всемірную важность. За симъ наши въ послѣднее время заняты переговорами о покупкѣ морскихъ пароходовъ въ Нью-Іоркѣ.

На прошлой недѣлѣ сдѣланы передвиженія нашихъ войскъ ближе къ Константинополю *на нѣсколько километровъ* разстоянія. Операція эта произвела сначала большое безпокойство въ Англіи. Англійскій флотъ, стоявшій въ *Измидѣ*, отвѣтилъ на наши движенія угрозою перейдти въ *Тузлу*, т. е. къ сѣверу и ближе къ Константинополю. Намъ неизвѣстно, при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ совершилось передвиженіе нашихъ войскъ, такъ какъ на этотъ счетъ нѣтъ оффиціальныхъ свѣдѣній и намъ приходится довольствоваться сообщеніями иностранныхъ газетъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе достойныя довѣрія извѣщаютъ, что мы *выставили противъ сооруженныхъ вблизи Константинополя верковъ соотвѣтствующее число орудій большого калибра*. Для характеристики дѣла надо прибавить, что кромѣ воздвиженія укрѣпленій съ турецкой стороны, вблизи Константинополя, подъ командою генерала Османа-паши, (оборонявшаго Плевну) сформирована уже 100,000-ная армія. Что касается британскаго флота, то всю прошлую недѣлю ждали его передвиженія къ Принцевымъ о—вамъ, расположеннымъ косою линіей къ сѣверо-западу отъ Тузлы. Ожиданіе это тѣмъ болѣе, казалось, имѣло основанія, что въ самомъ Константинополѣ *неспокойно*. Есть партія желающая низверженія султана Гамида, и по случаю бывшаго 9-го мая возстанія части городского населенія въ пользу султана Мурада, онъ (Мурадъ) теперь перевезенъ изъ Константинополя въ Малую Азію.

Волнуются и многочисленные бѣглецы-магометане, ищущіе въ Стамбулѣ пріюта. Недавно сборище этихъ бѣглецовъ сдѣлало шумную попытку подать султану коллективное прошеніе, но полиція разсѣяла толпу. Касательно подробностей передвиженія нашихъ войскъ къ Константинополю, нужно прибавить, что 15,000 нашихъ войскъ передвинулись отъ *Калликрати* до *Кучукъ-Чекменджэ*; кромѣ того произведены поступательныя движенія отъ *Сильворіи* на *Калликрати*. Ходили даже слухи, что наши инженеры намѣрены соорудить каналъ отъ Чекменджійскаго озера къ морю, чтобы облегчить туда доступъ судамъ.

По поводу настойчивыхъ слуховъ объ отправкѣ британскаго флота въ Балтійское море заговорила наконецъ и *Швеція*. Въ политическомъ мірѣ Швеція занимаетъ такое второстепенное мѣсто, что мы вообще мало знаемъ объ общемъ центрѣ тяготѣнія ея политики, о ея парламентскихъ преніяхъ и т. д. Но вотъ, по поводу воинственныхъ англійскихъ демонстрацій, получаютъ интересъ и совѣщаніе шведскаго сейма. Въ недавнемъ своемъ засѣданіи шведскій сеймъ вотировалъ кредитъ *въ 2 милліона кронъ, на расходы по охраненію нейтралитета*. Во второй же палатѣ сейма, депутатъ Гудинъ обратился къ правительству съ запросомъ по поводу слуховъ о переговорахъ съ Берлиномъ относительно входа Британскаго флота въ Балтійское море. На этотъ запросъ шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ слѣдующее: „Ни одна держава не предлагаетъ считать закрытымъ Балтійское море; но еслибъ, вопреки всѣмъ видамъ на миръ, все таки вспыхнула война, то шведское правительство убѣждено, что нейтралитетъ Швеціи былъ бы признанъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ 1854 году. Для поддержанія нейтралитета королевства, шведское правительство потребовало отъ палаты ассигнованія кредита въ 2.000,000 кронъ, для поддержанія вышеупомянутаго нейтралитета королевства.

Что касается другой сопредѣльной съ Швеціею державы, имѣющей ближайшее отношеніе къ Балтійскому морю, именно Норвегія, то норвежское правительство заявило, что оно не станетъ требовать отъ стортинга (норвежск. сейма) ассигнованія кредита, такъ какъ, въ силу норвежскихъ законовъ, король можетъ принять мѣры для охраненія нейтралитета страны и помимо стортинга.

Къ числу военныхъ новостей прошлой недѣли принадлежитъ и та, что по приказанію князя Карла, вся румынская армія сдѣлала *наступательное движеніе къ востоку вдоль Карпатовъ* и заняла слѣдующія позиціи: 1-я дивизія расположилась подъ *Тырговишти*, 2-я у *Питаша*, 3-я у *Златины*, 4-я у *Крайовы*. Резервная же армія останется съ позиціонными орудіями къ *Калафату*.

Что касается возстанія въ Родопскихъ горахъ, то оно не прекращается. За прошлую недѣлю были тамъ неоднократныя стычки.

Нашъ новый посолъ при Оттоманской Портѣ, князь *Лобановъ-Ростовскій*, 6 (18) мая вручилъ султану въ торжественной аудіенціи свои вѣрительныя грамоты, а 8 мая изъ Скерновицъ въ Петербургъ прибылъ знаменитый русскій вождь, покоритель Кавказа, генералъ-фельдмаршалъ князь А. И. *Барятинскій*.

Есть извѣстіе, что вскорѣ вступитъ въ Болгарію 11-й корпусъ нашей арміи.

Франція приготовилась вскорѣ праздновать столѣтнюю годовщину Вольтера. При этомъ уже теперь разгорается ажитація клерикаловъ, добивающихся конфискаціи сочиненій Вольтера или покрайней мѣрѣ *перваго* тома, въ которомъ содержатся ожесточенныя нападки на клерикаловъ. Клерикалъ м-г. Дюпанлу въ засѣданіи французскаго сената уже сдѣлалъ предложеніе въ этомъ смыслѣ.

Чрезвычайный и полномочный посолъ въ Лондонѣ, генералъ-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ выѣхалъ изъ Петербурга обратно 6-го мая. Въ тотъ же день выѣхалъ за границу и ге-

нералъ-адъютантъ Треповъ. Разстроенное здоровье вынудило его просить Государя Императора объ увольненіи отъ должности петербургскаго градоначальника, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Постъ С.-Петербургскаго градоначальника, занялъ генералъ-маіоръ Зуровъ, который находится въ столицѣ и былъ уже принятъ Государемъ Императоромъ. За симъ сообщаемъ газетное извѣстіе, что графъ Паленъ оставляетъ постъ министра юстиціи, а состоящій теперь въ должности товарища министра государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ князь Ливенъ, займетъ мѣсто графа Палена.

Здоровье генералъ-лейтенанта М. И. Драгомирова, какъ извѣстно раненаго пулей въ ногу подъ Шипкой, теперь уже возстановлено. Онъ въ настоящее время въ Петербургѣ и получилъ должность начальника Академіи Генеральнаго Штаба.

Персидскій Шахъ прибылъ въ Петербургъ 12-го мая. Дома въ этотъ день были украшены флагами, и масса публики тѣснилась по обѣимъ сторонамъ Невскаго вплоть до самаго Зимняго дворца. Въ Зимнемъ дворцѣ была приготовлена Шаху торжественная встрѣча, и Государь Императоръ изволилъ въ предшествіи двора проводить Шаха въ приготовленные для него въ Старомъ Эрмитажѣ покои. Не лишнимъ считаемъ по этому случаю напомнить, что такъ какъ сосѣдъ Турціи и Россіи Персидскій Шахъ связанъ съ нами дружбою, то возможно, что Россія заключитъ по случаю возможной войны съ Англіей оборонительный и наступательный союзъ съ Его Величествомъ Персидскимъ Шахомъ.

Отъ свѣдѣній о торжествѣ перейдемъ къ свѣдѣніямъ совершенно противоположнаго характера. Такъ напр. любопытныя цифры получаются изъ собранныхъ данныхъ о числѣ пострадавшихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. По свѣдѣніямъ „Жур. Мин. Пут. Сообщ." всѣхъ пострадавшихъ съ 1 декабря 1876 по 1 декабря 1877 г. по всей сѣти нашихъ желѣзн. дорогъ было 1,442 чел. изъ нихъ 484 поплатились жизнію, а 958 получили ушибы и увѣчья. Число убитыхъ, слѣдовательно, составляетъ немного болѣе одной трети всего числа пострадавшихъ. Замѣчательно, что наименьшее число пострадавшихъ приходится на февраль, а наибольшее на августъ. На 1000 верстъ приходилось пострадавшихъ въ минувшемъ году 75 чел. Наиболѣе часты несчастія на дорогахъ: козлово-воронежско-ростовской, кіево-брестской, ландварово-роменской, рыбинско-бологовской и одесской.

Уходя далѣе отъ линій желѣзныхъ дорогъ, а именно въ Уфимскую губ. узнаемъ новость тоже не веселаго свойства. Въ понедѣльникъ 1 мая, около трехъ часовъ пополудни, въ Мензелинскѣ вспыхнулъ пожаръ. Къ пяти часамъ городъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, горѣлъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ, представляя видъ огненнаго моря. Никакая помощь была не мыслима; такъ какъ почти всѣ постройки деревянныя. Всѣ присутственныя мѣста сгорѣли; больница, телеграфная станція, тюрьма, церкви—все сдѣлалось жертвой огня. Сколько при этомъ погибло людей и погибъ-ли кто—неизвѣстно.

По сбору пожертвованій на образованіе русскаго крейсерства выразилось всеобщее сочувствіе. Повсемѣстно во всей Россіи, начиная съ большихъ торговыхъ центровъ и уходя въ даль въ малозначительные уѣздные города—вездѣ щедрой рукой посыпались пожертвованія. Каждый несетъ свою щедрую по силѣ лепту: есть суммы въ сотни тысячъ рублей, приносимые отдѣльными лицами, есть суммы по нѣскольку сотенъ тысячъ, жертвуемыхъ торговыми центрами, есть суммы въ десятки тысячъ. Перечислять ихъ здѣсь, значило бы поименовывать не только большую часть нашихъ русскихъ городовъ, но и въ отдѣльности множество лицъ, щедро жертвующихъ сотнями и десятками тысячъ рублей на дѣло русскаго крейсерства.

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

1. **Тула М. Суш—ову.** Въ стихотвореніи «Къ ней» вы пишете:

Послушай право не мучь меня,
Въ награду дамъ тебѣ коня,
И быстро ѣзди ты на немъ,
Какъ скоро я пишу перомъ.

Не только скоро, а скоропалительно! И второпяхъ вы даже не объяснили, дарите-ли коня своей милой потому, что у васъ конскій заводъ, или потому, что она амвзовка?

2. **М. Свислочь. Гродн. губ. Г. Якубчику.** Благодаримъ за присылку. Второй и третій помѣстимъ, а первый неудобенъ: очень ужъ простъ.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.

Дозволено цензурою СПБ. 19 Мая 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 22 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 29 Мая 1878 г. Цѣна втого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Александринскій театръ въ С.-Петербургѣ.

Императорскій Александринскій театръ въ СПБ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Александринскій театръ, въ С.-Петербургѣ.

Въ Петербургѣ только одинъ театръ для русскихъ драматическихъ представленій, именно—Александринскій театръ. Онъ помѣщается на площади того же имени, позади памятника Екатерины II. Главный фасадъ его обращенъ къ Невскому проспекту, украшенъ портикомъ о шести колоннахъ и группой Славы, вылитой изъ бронзы и утвержденной на фронтонѣ. Портики подобнаго же вида находятся съ правой и лѣвой стороны театра. Внутреннія стѣны и потолокъ театра отдѣланы рельефами; барьеры ложъ, кресла и мѣста за креслами обиты бархатомъ краснаго цвѣта. Зрительный залъ въ Александринскомъ театрѣ имѣетъ 5 ярусовъ. На балконѣ 36 мѣстъ, креселъ въ девяти рядахъ 231, мѣстъ за креслами 183, въ галлереѣ 4 яруса 151 и въ 5 ярусѣ 390 мѣстъ. Всѣхъ зрителей вмѣстится въ театрѣ до 1700 чел. Спектакли даются каждый день, около 300 въ годъ, въ томъ числѣ бенефисныхъ около 20. Субботніе вечера отдаются нѣмецкой труппѣ для нѣмецкихъ представленій, которыя въ другіе дни недѣли чередуются съ французскими спектаклями на сценѣ Михайловскаго театра.

На мѣстѣ Александринскаго театра въ 1801 г. сначала былъ построенъ деревянный театръ для Итальянской труппы Казасси. Впослѣдствіи итальянская труппа была распущена, а зданіе куплено казной и получило названіе „Малаго театра“. Нынѣшній театръ отстроенъ въ 1832 г. по проекту архитектора Росси. О времени основанія театровъ въ Петербургѣ мы уже имѣли случай говорить въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ нашего журнала, помѣщая рисунокъ, изображающій видъ Маріинскаго театра (см. „Ниву“ с. г. № 18, стр. 305 и 306). Но говоря по поводу помѣщаемаго въ этомъ номерѣ „Нивы“ рисунка, изображающаго Александринскій театръ, нельзя не высказать сожалѣнія о томъ состояніи русской драматической сцены, въ какомъ она находится уже съ весьма долгаго времени. Полагаемъ, что причины этого заключаются именно въ томъ, что русская драматическая сцена не имѣетъ конкурренціи и находится, такъ сказать, подъ покровительствомъ, что всегда и вездѣ вредно, ибо покровительство гдѣ бы и въ чемъ бы оно не проявлялось, всегда дѣйствуетъ на покровительствуемаго растлѣвающимъ образомъ. Только одна самостоятельность развиваетъ силу, а въ искусствѣ тѣмъ болѣе. Въ настоящее время весь составъ Александринской сцены, за самымъ малымъ, можно сказать ничтожнымъ исключеніемъ, только потому и можетъ еще привлекать къ себѣ публику, что ей дѣваться некуда. Оперу публика слушать не умѣетъ и смотритъ въ ней только одно дѣйствіе, что, положимъ, смѣшно для посторонняго наблюдателя, но для публики, ѣдущей въ оперу *смотрѣть, а не слушать*, все таки эта опера скучна. Значитъ, нужно или въ циркъ, или въ Александринку. Только благодаря этой такъ-сказать безвыходности положенія скучающаго и ищущаго зрѣлищъ петербуржца, Александринскій театръ всегда полонъ. Мало того, онъ при настоящемъ порядкѣ вещей представляетъ для желающихъ получить входные билеты даже большія затрудненія, такъ какъ число этихъ желающихъ постоянно превышаетъ количество имѣющихся въ театрѣ для зрителей мѣстъ. Все это доказываетъ, что одинъ драматическій театръ для Петербурга недостаточенъ, въ особенности если еще имѣть въ виду, что въ составѣ петербургской публики считается 85 процентовъ русскихъ. Настоятельная необходимость въ сценѣ выразилась тѣмъ, что въ настоящее время во всѣхъ столичныхъ клубахъ даются русскіе драматическіе спектакли нѣсколько разъ въ недѣлю. Клубы такимъ образомъ являются какъ бы приватными театрами. Впрочемъ, оффиціальнаго признанія театрами клубныя сцены не имѣютъ и самые спектакли, даваемые на нихъ, представляется анонсировать какъ угодно, но не драматическими спектаклями.

Нужно замѣтить, что театры: Большой, Маріинскій, Михайловскій, Александринскій, Каменно-Островскій (въ которомъ представленія идутъ съ іюня по августъ) и Красносельскій (открытый съ половины лѣта до конца лагерной стоянки войскъ въ Красномъ Селѣ)—всѣ находятся въ вѣдѣніи Министерства Двора и считаются придворными. Кромѣ этихъ театровъ есть еще театръ въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ въ Эрмитажѣ, гдѣ временно даются разнообразные спектакли, но онъ существуетъ исключительно для Императорской фамиліи и знатныхъ лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору.

На все число Императорскихъ театровъ въ столицѣ имѣется 6 труппъ: русская драматическая, русская оперная, итальянская оперная, балетная, французская и нѣмецкая драматическая. Всѣхъ артистовъ и артистокъ болѣе 500 человѣкъ. Собственно русской труппы около 100. Всѣхъ же служащихъ въ театральномъ вѣдомствѣ 1118 человѣкъ, въ томъ числѣ мужчинъ 483 и женщинъ 635. Общій сборъ съ русскихъ спектаклей простирается до 250 тысячъ рублей. Какова сумма содержанія, получаемаго нѣкоторыми изъ артистовъ, болѣе или менѣе талантливыхъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Напримѣръ, В. В. Самойловъ, въ бытность свою на сценѣ, получалъ съ бенефисомъ до 11,000 руб. въ годъ, П. В. Васильевъ, тоже въ настоящее время неучаствующій въ петербургской драматической сценѣ, получалъ до 8,000 руб. Сколько получаютъ содержанія другіе артисты, не оставившіе до сихъ поръ сцены Александринскаго театра навѣрное сказать не можемъ, но за то утвердительно можемъ сказать, что подобныхъ Самойлову и Васильеву на сценѣ теперь нѣтъ ни одного. Въ настоящее время на этой сценѣ болѣе другихъ достоенъ званія артиста Сазоновъ, совершенствующійся съ каждымъ годомъ и оставляющій далеко позади себя остальныхъ своихъ товарищей.

Весенній театральный сезонъ обыкновенно бываетъ занятъ дебютами. Пріѣзжающіе актеры пробуютъ свои силы на сценахъ Петербургскихъ театровъ и не далѣе двухъ недѣль тому назадъ въ числѣ дебютантовъ на Александринской сценѣ оказался одинъ изъ талантливыхъ артистовъ, обратившій на себя особенное вниманіе публики. Этотъ талантливый артистъ Новиковъ, и о немъ мы уже имѣли случай упоминать на страницахъ „Нивы“, а именно по поводу помѣщенія нѣсколькихъ типовъ изъ комедіи Гоголя „Ревизоръ“ (см. „Ниву“ № 20 стр. 350). Новиковъ, какъ и многіе подобные ему дебютанты, до сихъ поръ игралъ на провинціальныхъ сценахъ. Появившись на сценѣ Александринскаго театра, онъ вызывалъ постоянно рукоплесканія. Дебюты г-на Новикова кончились тѣмъ, что онъ принятъ въ число актеровъ Александринскаго театра и конечно при такомъ артистѣ Александринская сцена нѣсколько поживится. Но какой же нужно имѣть талантъ для того, чтобы быть принятымъ въ число актеровъ Александринскаго театра. И кто знаетъ, одинъ ли только сценическій талантъ нуженъ для этого, при помощи ли его крѣпко держатся на своихъ мѣстахъ многіе изъ такихъ актеровъ Александринской сцены, каждый выходъ которыхъ на театральные подмостки возбуждаетъ въ публикѣ ропотъ или смѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что театральная дирекція руководится въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію театрами цѣлями болѣе или менѣе оправдываемыми обстоятельствами настоящаго времени, т. е. что отсутствіе талантовъ не отъ нея зависитъ; но позволяемъ себѣ держаться того мнѣнія, что при казенномъ управленіи театрами невозможно воспитаніе талантовъ. До сихъ поръ всѣ лучшіе актеры русской сцены являлись не изъ театральнаго училища, а съ провинціальныхъ сценъ: провинціальная сцена, какъ свободная отъ казеннаго управленія, была до сихъ поръ воспитательницей талантовъ. Слѣдовательно, нужно желать, чтобы столь давно ожидаемое разрѣшеніе на устройство частныхъ театровъ было наконецъ дано

Кромѣ того необходимо желать, чтобы весь порядокъ постановки на сцену піесъ былъ значительно измѣненъ.

Извѣстно ли, напримѣръ, читателю, какія мытарства переживаетъ авторъ драматическаго произведенія, рѣшившійся добиваться постановки его на сцену. Если онъ еще при этомъ новичекъ въ своемъ дѣлѣ и въ знаніи „практическихъ“ условій жизни, то какія муки придется ему вынести прежде чѣмъ добиться того, чтобы его піеса была по крайней мѣрѣ хотя прочитана.

Для этого прочтенія піесу слѣдуетъ представить въ литературно театральный комитетъ, учрежденный собственно съ тою цѣлію, чтобы выбирать для сцены произведенія, достойныя постановки.

Приходитъ такой новичекъ въ этотъ самый литературно-театральный комитетъ. Комитетъ тутъ же неподалеку отъ театра и находится именно въ томъ домѣ, гдѣ жительствуетъ директоръ репертуарной части. Приходитъ новичекъ и сразу его обдаетъ канцеляріей.

— Нужно піесу представить въ четырехъ экземплярахъ.

— Это для чего же такъ много? робко спрашиваетъ новичекъ.

— Нельзя, порядокъ: два экземпляра въ цензуру, одинъ къ вамъ, одинъ для сцены...

— Но вѣдь піеса еще не одобрена; быть можетъ ее забракуютъ, тогда куда-же мнѣ столько экземпляровъ...

— Это ваше дѣло; а я менѣе четырехъ принять не могу.

Ну, положимъ, это дѣло такъ или иначе устроилось, написались копіи, представлены онѣ снова въ канцелярію.

— Ну-съ, когда же я могу придти за отвѣтомъ? спрашиваетъ новичекъ.

— Ну, не скоро...

— А какъ, напримѣръ?

— Да надо ждать, когда получится отвѣтъ изъ цензуры, тогда только можно представить для прочтенія въ комитетъ, иначе онъ піесъ не читаетъ. Согласитесь, что это основательно: для чего онъ будетъ трудиться, когда піесу могутъ забраковать въ цензурѣ.

— Справедливо. Но въ такомъ случаѣ позвольте я въ цензурѣ похлопочу самъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Хлопочетъ новичекъ въ цензурѣ и скоро выхлопатываетъ разрѣшеніе. Тамъ не задерживаютъ: можно—можно, нельзя—отказываютъ и конецъ. Довольный летитъ онъ въ литератур-

ный комитетъ и ждетъ недождется, когда-то „ласковый“ чиновникъ канцеляріи театральнаго комитета выйдетъ къ нему для объясненій. Наконецъ, онъ выходитъ.

— Ну-съ, вотъ получилъ, цензура разрѣшила, восторженно говоритъ авторъ піесы.

— Хорошо-съ.—спокойно отвѣчаетъ на это чиновникъ,—позвольте піесу, я ее присоединю „къ дѣлу“.

— Но когда же она будетъ прочтена Комитетомъ?

— Не могу навѣрное сказать...

— Но примѣрно?

— Понавѣдайтесь мѣсяцевъ чрезъ шесть...

— Что-о? удивленно спрашиваетъ авторъ.

— Мѣсяцевъ, говорю, чрезъ шесть.

И узнаетъ авторъ чудеса необычайныя: піесы читаются по очереди, піесъ представляется много и очереди конца не видно. Очередь эта нарушается различными болѣе или менѣе имѣющими законность основаніями. Такъ, напримѣръ, чѣ піесы, представляемыя актерами, какъ выбранныя ими для своихъ бенефисовъ, читаются не въ очередь. Такихъ актеровъ съ Петербургской и Московской сценъ конечно является въ годъ изрядное число и не успѣетъ Комитетъ дочитать послѣднюю бенефисную піесу текущаго года, какъ этотъ годъ уже окончился и начинается слѣдовательно, новый рядъ бенефисовъ, а піесы въ архивѣ канцеляріи комитета по прежнему себѣ лежатъ.

Такъ томятся души драматическихъ писателей, представляющихъ свои піесы въ литературно-театральный комитетъ не чрезъ актеровъ, а лично.

Слѣдовательно, піеса можетъ появиться на сценѣ только тогда, когда ее выберетъ для своего бенефиса актеръ. Онъ, значитъ, цѣнитель достоинствъ піесы и—въ немъ все спасеніе для автора: выберетъ актеръ піесу для своего бенефиса—появится она на сценѣ, не выберетъ—нѣтъ ей тамъ мѣста.

Нормаленъ-ли такой порядокъ и можетъ ли актеръ, да еще такого театра какъ Александринскій, быть рѣшителемъ судебъ піесы и руководителемъ вкуса публики, конечно, всегда какъ и теперь нуждающейся въ этомъ руководительствѣ.

Вотъ гдѣ упадокъ сцены, вотъ что требуетъ радикальной передѣлки. Измѣните весь этотъ порядокъ, и тогда будутъ на сценѣ и піесы дѣльныя и драматическая сцена поднимется изъ того низменнаго состоянія, въ какомъ она теперь находится если, конечно, прибавить къ этому разрѣшеніе на открытіе частныхъ драматическихъ театровъ.

Д. Стахѣевъ.

На берегахъ Лены.

(Разсказъ).

Тотъ случай, который послужилъ содержаніемъ этого разсказа и далъ возможность сгруппировать въ немъ нѣкоторыя черты изъ жизни въ Якутской области на берегахъ далекой Лены, въ дѣйствительности былъ именно такимъ, какимъ мы здѣсь его передаемъ. Но прежде чѣмъ приступить къ самому изложенію нашего разсказа считаемъ все-таки нужнымъ предупредить читателя, что случаи, подобные изложенному, конечно, не составляютъ постоянныхъ явленій въ жизни на берегахъ далекой Лены, а есть почти исключенія, характеризующія тѣмъ не менѣе складъ жизни, какъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, взятыхъ въ отдѣльности, такъ и вообще жизнь въ тѣхъ далекихъ и потому интересныхъ для насъ мѣстахъ.

И такъ приступаемъ къ изложенію самаго разсказа.

I.

На отлогомъ берегу р. Лены раскинулось маленькое село Витимъ. Нѣсколько неурожайныхъ годовъ подърядъ и плохой уловъ звѣрей, которымъ занимаются жители ленскаго края, совсѣмъ разорили крестьянъ села Витимъ. Нужда ихъ сдѣлалась такъ велика, что начальство вынуждено было хлопотать о назначеніи имъ вспомоществованія отъ казны. Вспомоществованіе это наконецъ было ассигновано и поручено исправнику для выдачи тѣмъ изъ бѣдняковъ, которыхъ крестьянская сходка признаетъ особенно нуждающимися.

На сходку, составившуюся по этому случаю, собралась вся деревня; каждому хотѣлось получить вспомоществованіе, каждый доказывалъ свое право на пособіе.

Между крестьянами на сходкѣ былъ одинъ, по имени Савватѣй Ильичъ; хотѣлъ и онъ, что бы признали его въ числѣ тѣхъ, которымъ нужна будетъ помощь, но у Савватѣя Ильича была лошадь, а имющіе лошадь лишались права на вспомоществованіе.

Вотъ собственно объ этомъ-то Савватѣѣ Ильичѣ и будетъ нашъ разсказъ.

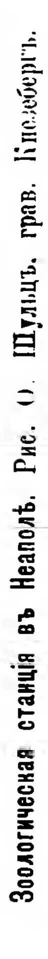
Савватѣй Ильичъ былъ мужикъ лѣтъ подъ 50. Въ своемъ селѣ онъ не пользовался особеннымъ почетомъ, но почему-то всѣ крестьяне и волостные не звали его иначе какъ Савватѣй Ильичъ.

Никто не могъ дать себѣ отчета, почему одного его зоветъ онъ Савватѣемъ Ильичемъ, а другихъ невеличаетъ, не смотря на то, что другіе, имѣли кажется болѣе правъ на почетъ; а Савватѣй Ильичъ не служилъ ни головой, ни старостой, не былъ богатъ; взять хоть бы по уму—и по уму онъ, пожалуй, хуже другихъ, при томъ никто никогда никакого совѣта, ни худаго, ни добраго, отъ него не слыхивалъ. На сходку-ли придетъ и голосу не подастъ, а только посидитъ, постоитъ, посмотритъ въ полъ и уйдетъ вонъ, такъ что чрезъ нѣсколько времени на сходкѣ даже споръ начинается:

— Куды у насъ дѣвался Савватѣй Ильичъ? спрашиваетъ одинъ. — Чаво ты, да Савватѣя Ильича вовсе небыло, отвѣчаетъ другой. — Вотъ ишпо, небыло, да эвотъ, онъ подлѣ Ивана стоялъ. — Ну, чего ты, да я, поди, не слѣпъ: Иванъ отъ стоялъ, а подлѣ него Пахомъ стоялъ. — Ну, видно, сватъ, ослѣпъ. — Вотъ тебѣ на! да Сеньку-то десятникомъ выбирали, Пахомъ поди, подлѣ Ивана кричалъ: „не въ очередь“? — Пахомъ-отъ, Пахомъ кричалъ, да Пахомъ-отъ сидѣлъ эвотъ на скамейкѣ, а Савватѣй-отъ Ильичъ стоялъ подлѣ Ивана. И такимъ образомъ споръ тянется долго; потомъ закладывается на полъ-штофа, и оказывается, что Савватѣй точно былъ и стоялъ подлѣ Ивана, да только и самъ Иванъ его незамѣтилъ. Савватѣй былъ молчаливъ до крайности и ужъ разговорится не много, бывало, только въ такомъ случаѣ, когда его задѣнутъ за живую струну, или когда Савватѣю на умъ придетъ какая нибудь штука, которая, по какому-то странному случаю, доставляла ему величайшее удовольствіе. Иногда Савватѣй придетъ изъ лѣсу.—Что такъ скоро, Савватѣй Ильичъ? спрашиваютъ его. — Скоро! по неволѣ скоро, какъ медвѣдь тебя за ляшки возьметъ, скажетъ Савватѣй Ильичъ. — А гдѣ медвѣдь? спрашиваетъ подзадоренный звѣреловъ. — Будь онъ проклятъ! такъ вѣдь, и напыхнулъ... я за дерево, а онъ ко мнѣ. Ну, чего я тутъ съ нимъ сдѣлаю, ухалъ, ухалъ, да ужь кое какъ ушелъ, лѣшева скотина! — Да гдѣ же медвѣдь-отъ, Савватѣй Ильичъ? — Да вотъ, мое-то зимовье только минуешь, да по чудницѣ-то пройдешь версты двѣ, такъ тутъ все истолочено по снѣгу-ту. Подзадоренный промышленникъ беретъ товарищей, идетъ—и хоть бы одинъ медвѣжій слѣдъ оказался. Такія штуки, доставляющія удовольствіе Савватѣю Ильичу, разумѣется, выкидывались рѣдко, потому что, выкидывая ихъ часто, онъ могъ бы лишиться вѣры. Ростомъ Савватѣй Ильичъ былъ, довольно высокъ, на лицо худощавъ; наморщенный лобъ и опущенные всегда книзу глаза, придавали ему угрюмый видъ; лицомъ, не знаю, былъ ли онъ бѣлъ, былъ ли онъ смуглъ, но только лицо его всегда было въ грязи; а когда онъ выходилъ съ промысла, такъ лицо его принимало цвѣтъ зимовейнаго потолка; волосы были длинные, никогда нечесаны и стояли дыбомъ; жена смолоду ему часто говорила, что у него каждый волосъ своимъ домомъ живетъ, а рожа на котелъ похожа; но Савватѣй Ильичъ на это всегда отвѣчалъ, что медвѣдь не моется, а люди его боятся; и вслѣдствіе ли этой философіи или, просто, по нежеланію, но онъ все-таки не мылся ни въ какіе дни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ.

Русскій отдѣлъ на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ: „Возвращеніе крестьянина домой“, картина А. Корзухина, рис. на деревѣ Зеиповъ, грав. Рашевскій.

Зоологическая станція въ Неаполѣ. Рис. О. Шульцъ. грав. Кнезебергъ.

Однимъ словомъ, Савватѣй Ильичъ былъ человѣкъ оригинальный. Начнетъ ли онъ какое дѣло, всегда оно идетъ у него не съ того конца какъ у людей; пойдетъ ли въ промыселъ, всегда выкинетъ такую штуку, какая другому никогда и въ голову не придетъ: либо олень попадетъ у него въ медвѣжью пасть, либо онъ выдру на деревѣ убьетъ, и разскажетъ, бывало, съ такой серьезной миной, что нѣтъ возможности и не вѣрить.

Жена Савватѣя Ильича была лѣтъ 45 и звалась, просто, Лисавета. Она была средняго роста, полная, смуглая и веселая баба, но съ мужемъ всегда была серьезна и постоянно бранила его, несмотря на то, что мужъ мало слышалъ то, что она говорила. Начнетъ она ругать его, онъ свое дѣлаетъ и какъ будто не слышитъ, что она говоритъ. И только ужь если жена надоѣстъ, такъ Савватѣй Ильичъ выйдетъ вонъ изъ избы и примется работать что нибудь во дворѣ.

Въ домѣ всѣмъ распоряжалась Лисавета. Зачастую она не даетъ Савватѣю обѣдать, онъ и не проситъ; не дастъ ужинать, онъ ложится безъ ужина. Домъ, скотъ, всѣ пожитки назывались „Лисаветины", а имя Савватѣя Ильича упоминалось только въ случаяхъ, собственно его касающихся, какъ напримѣръ, на сходкахъ, гдѣ онъ являлся всегда нѣмымъ совѣтникомъ и рѣдко зналъ, что тамъ дѣлалось, или въ подводахъ, гдѣ ямщикомъ былъ ужь собственно Савватѣй Ильичъ и проѣзжающіе били ужь самого Савватѣя Ильича.

Объявивъ своей женѣ о неудачномъ для него исходѣ крестьянской сходки и сказавъ, что помощь назначается только тѣмъ крестьянамъ, которыя неимѣютъ лошади, Савватѣй Ильичъ сталъ просить поѣсть.

— Поѣсть! закричала жена:—поѣшь ты у меня подлѣ сытаго столба! нѣтъ, ты наперво пойди, коня найди, да потомъ и поѣшь. Иди-ка лучше къ Авдѣеву, да проси коня до промыслу.

— Дастъ тебѣ Авдѣевъ коня! возразилъ Савватѣй Ильичъ.

— Ну, такъ сиди: безъ ѣды и безъ коня, да на одномъ своемъ конѣ все и сдѣлай: и пашню спаши и подводы сгоняй.

— Безъ коня не будешь.

— Да гдѣ ты его найдешь?

— Найду.

— Да, сами навялятъ коня!.. смотри, что бы не навялили, съ дуру-ту. Хмъ... Небось, молъ, навялятъ; мнѣ, молъ, объ чемъ думать.

Долго бы кричала Лисавета, да Савватѣй Ильичъ не сталъ ее слушать и ушелъ во дворъ, а вернувшись въ избу чрезъ нѣсколько времени онъ что-то долго шепотомъ объяснялъ Лисаветѣ, результатомъ чего было то, что Лисавета на этотъ разъ стала приготовлять ужинъ Савватѣю Ильичу, а онъ въ это время занялся сборами повидимому въ далекій путь. Разобралъ винтовку, промылъ ее, смазалъ масломъ, сложилъ, приготовилъ смазки, налилъ пуль, сложилъ ихъ въ мѣшочекъ, насыпалъ въ натруску пороху и все вмѣстѣ повѣсилъ въ сѣняхъ, на спицу; потомъ собралъ иголки, нитки, заплаты для одежды и обуви и все сложилъ въ особый мѣшочекъ, и также повѣсилъ на спицу, къ винтовкѣ; приготовилъ огниво, трутъ, кремень, выточилъ ножъ и топоръ. Затѣмъ поужинавъ, повздыхалъ, помолчалъ и отправился на ночлегъ, въ почтовый домъ, ожидать свою пятую очередь; однакожъ съ намѣреніемъ плыть даже на третей очереди потому что, кромѣ своей пятой, за нимъ было 2 очереди изъ прошедшей округи.

На Ленѣ, какъ извѣстно, другого сообщенія нѣтъ кромѣ плаванія по рѣкѣ, и ямщики, отправляющіе свои „очереди", замѣняютъ въ тоже время и лошадей, работая въ гребляхъ.

II.

Утомленные работой цѣлаго дня, крѣпко спали въ ямской почтовые ямщики, но не спалось Савватѣю Ильичу, онъ лежалъ съ открытыми глазами и повидимому что то обдумывалъ, пока ночь не угомонила и его. Рано утромъ, еще до восхода солнца, въ ямскую вбѣжалъ ямщикъ и громко закричалъ:

— Эй ямщики!—подводы!

При словѣ „подводы", четверо ямщиковъ, въ числѣ которыхъ и Савватѣй Ильичъ, подняли головы. Одинъ изъ нихъ, растопыривъ пальцы въ видѣ граблей, причесывалъ волосы, но послѣ минутнаго старанія не привелъ ихъ въ лучшій порядокъ; другой обѣими руками сгребъ голову, гримасничая самымъ несноснѣйшимъ образомъ: третій, запустивъ подъ рубаху руку, скребъ немилосердно спину. Пришедшій ямщикъ повторялъ „вставайте! подводы наплыли"! „надо три ямщика". Пробудившіеся ямщики толкали своихъ непробудившихся товарищей и также кричали: „вставайте! подводы наплыли". Ямщики въ крѣпкомъ снѣ не слышали ихъ восклицаній и спали бы еще долго, но Савватѣй Ильичъ соскочилъ съ постели, запнулся за спавшихъ еще подлѣ него товарищей и чуть некувыркомъ сдѣлалъ три отчаянныхъ скачка до переборки, по ногамъ ихъ и самъ уткнулся въ переборку. Разбудившіеся отъ этого ямщики привстали съ своихъ мѣстъ; вытаращивъ глаза, дико посмотрѣли они во всѣ стороны и почесывая себя двумя пятернями, молча начали одѣваться, отдуваясь отъ удушливой атмосферы, наполнявшей ямскую. Звуки частой зѣвоты съ окончаніями на ух-ху-ху, и эх-хе-хе раздавались по всей избѣ и отъ множества голосовъ сливались въ одинъ невнятный гулъ.

Наконецъ человѣкъ пятнадцать ямщиковъ гурьбой отправились къ лодкѣ. Хотя и знали они, что для лодки требуютъ только три ямщика, но ужь по ленскому обычаю нельзя не выйти всѣмъ и не поглазѣть на проѣзжающаго. Узнать, кто проѣзжаетъ, каковъ на видъ, въ чемъ одѣтъ, есть ли на плечѣ нагайка и много ли въ лодкѣ вещей—составляетъ нѣкоторую страсть ленскаго мужика. Ни одинъ изъ нихъ не пропуститъ случая узнать новое лицо. Продираясь, сквозь густую толпу собравшихся ямщиковъ, даже мальчишки стараются попасть впередъ, что бы только посмотрѣть въ глаза проѣзжающаго и осмотрѣть кругомъ его—собаку, если только есть у проѣзжающаго собака, или узнать за сколько лошадей платитъ онъ прогоновъ или ѣдетъ по бланкѣ, безъ прогоновъ. Ни который изъ всѣхъ этихъ предметовъ особенно не интересуетъ мужика или мальчишка, но онъ хочетъ только узнать хоть что нибудь—собственно ли лица проѣзжающаго касающееся, собаки ли его или вещей,—лишь бы только узнать, и тѣмъ удовлетворить свое любопытство.

Ямщики тихо подходили къ лодкѣ, но сердитый видъ усатаго проѣзжающаго, заставилъ ихъ ускорить шаги. Въ три минуты были переложены въ другую лодку коверъ, подушка и чемоданъ. Проѣзжающій, съ огромной деревянной трубкой, надѣтой на плетеный изъ волоса чубукъ, съ черешневыми наконечниками и небольшимъ янтарнымъ мундштукомъ, стоялъ уже посреди лодки. Савватѣй Ильичъ, схвативъ весло, первый пробрался въ корму и сѣлъ на самомъ концѣ лодки. Громкія возраженія ямщиковъ противъ третей очереди, неправильно будто бы присвоенной Савватѣемъ, были отражены страшнымъ потокомъ довольно крупныхъ словъ, касающихся какъ личности ямщиковъ, такъ и ихъ родителъницъ, съ примахиваньемъ нагайки проѣзжающаго. Савватѣй Ильичъ молча остался на своемъ мѣстѣ, и уже заправлялъ лодку носомъ въ рѣку, такъ что двое гребцовъ кое-какъ успѣли вскочить въ лодку.

Быстро пустилась она по раздольному потоку ленскихъ водъ, мирно текущихъ по каменистому руслу, и невзволнованныхъ ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка. Все было тихо, только бряцанье колокольчика, при-

вязаннаго къ веслу и равномѣрный тихій стукъ веселъ, сливаясь съ веселымъ чириканьемъ птичекъ и однообразнымъ звукомъ кукушки, раздающимся гдѣ-то въ вершинѣ хребта, являли признакъ жизни. Усатый проѣзжающій чрезъ четверть часа уже спалъ; Савватѣй Ильичъ флегматически разсматривалъ алочи (якутская обувь), надѣтыя на его ногахъ и держалъ направленіе лодки прямо, съ мысу на мысъ; ямщики, услышавъ сонные звуки проѣзжающаго, начали грести гораздо тише: лодка подавалась медленнѣе.

Черезъ три часа приткнулась она къ пристани, у станціи и—новая толпа ямщиковъ нахлынула къ берегу. Трое приплавившихъ ямщиковъ получили прогоны и отправились завтракать: кто къ куму, кто къ свату, а кто къ свояку.

Спустя часа два ямщики, приплавившіе пріѣзжаго, стали собираться въ обратный путь. Смотрятъ, Савватѣя нѣтъ. Пошли справиться въ ту избу, куда онъ ушелъ покормиться и окрикнули его:

— Савватѣй Ильичъ?

— На што его? раздался изъ избы женскій голосъ.

— Идти надо ужь домой.

— Да онъ давно ужь совсѣмъ ушелъ.

— Куды?

— Домой ушолъ давно ужь, только позавтрикалъ да и пошолъ, маленько погодя.

— Куды же онъ ушолъ? спрашивалъ себя ямщикъ, и отправился къ другому окну.

— Не здѣсь ли Савватѣй Ильичъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣту.

— Куды же онъ ушолъ? опять спросилъ себя ямкъ,—не къ Ивану ли? и пошелъ къ Ивану.

– Нѣтъ ли здѣсь Савватѣя Ильича? спросилъ онъ у Иванова окна.

– Да кто тамъ? спросилъ въ свою очередь хриплый руппй голосъ.

– Я.

– Ты, Иванушко?

– Я, бабушка. Не здѣсь ли Савватѣй Ильичъ?

– Да вы пошто здѣсь?

– Въ подводахъ приплыли.

– Кого приплавили, Иванушко?

– Чиновникъ какой-то—по казенной части.

– А!.. Чиво, уплыли ужь?

– Уплыли, бабушка! А Савватѣй-отъ Ильичъ былъ асъ?

– Нѣтъ, не былъ, батюшко.

мщикъ отошелъ отъ окна и размышлялъ—гдѣ спро- Савватѣя Ильича. Постоялъ немного—и отправ ся въ почтовый домъ, гдѣ ждалъ его товарищъ.

— Идетъ? спросилъ товарищъ Ивана.

— Нѣтъ! онъ домой ужь ушелъ, говорятъ. Я всю деревню обѣгалъ—нигдѣ нѣту.

— Чиво онъ, дикуетъ видно!?

— Кто его знаетъ.

— Да лодку-ту двое-ли што-ли поведемъ?

— Да кто же поведетъ, што не двое... Пойдемъ... дѣлать-та нечего.

И ямщики съ лодкой отправились домой, пробираясь подлѣ утесовъ, поругивая частенько Савватѣя Ильича и насылая на него то чо,та, то дьявола.

Между тѣмъ по грязной, горной дорогѣ пробирался Савватѣй Ильичъ, перелѣзая съ горы на гору и перескакивая черезъ лужи и ручьи, образовавшіеся отъ тающаго снѣга; часа три прошло, какъ онъ неровными шагами тихо двигался впередъ, опираясь на толстую сосновую палку. Никакой особенной думы не было замѣтно на его постоянно мрачномъ лицѣ; глаза также видѣли дорогу на два съ половиною аршина впередъ: голова, какъ и прежде, была опущена книзу и, отъ усталости, при каждомъ движеніи ногъ перекачивалась вправо и влѣво. Съ половины дороги Савватѣй Ильичъ своротилъ въ сухой и рѣдкій боръ, залегавшій почти до самаго селенія, и шелъ уже по землѣ, совершенно высушенной солнцемъ, чтобы скрыть шаги свои. Не доходя до дому версты три, онъ остановился, понюхалъ табаку и легъ подъ вѣтвистую сосну.

Солнце зашло за полдень, и весенній теплый вѣтерокъ чуть-чуть колыхалъ высокія сосны, мрачно осѣнявшія Савватѣя Ильича, протяжно выхрапывающаго, съ присвистомъ въ обѣ носовыя отдушины.

Ни единаго облачка не было видно на небѣ: чистая, ясная лазурь разстилалась по всему небосклону. День былъ прекрасный! Отрадно видѣть такой день въ Сибири, послѣ вьюгъ, мятелей и непогодъ! Душа радуется смотря на ясное солнце, оживляющее природу! Четыре мѣсяца только, въ которые видишь землю, поросшую травой—и радуешься, какъ дитя! Сердце учащенно бьется, мысли летятъ въ поле!

Уже вечеромъ проснулся Савватѣй Ильичъ; осмотрѣлся заспанными глазами, опять понюхалъ табаку и опять заснулъ, впрочемъ на этотъ разъ храпъ понизилъ на нѣсколько тоновъ, и носовыя отдушины издавали только шумъ, какъ кузнечный мѣхъ, опущенный послѣ раздуванья горна. Савватѣй спалъ уже не такъ крѣпко и часто пробуждался, до тѣхъ поръ, пока солнце совсѣмъ не закатилось. Тогда онъ всталъ, еще понюхалъ табаку, и опять пошелъ куда-то...

III.

На слѣдующій день, утромъ, часу въ восьмомъ, съ улицы раздался стукъ въ окно къ Лисаветѣ и молодой, звонкій голосъ закричалъ:

— Ей!

— Кого надо? спросила Лисавета изъ избы.

— Савватѣй Ильичъ пусть идетъ на очередь.

— Да онъ гдѣ?

— Гдѣ!.. А я-та почемъ знаю—гдѣ.

— Да онъ вчера въ подводы уплылъ.

— Уплылъ.

— Такъ не пришелъ-ли што-ли?

я почемъ знаю.

въ почтовой-та нѣту-ли што-ли?

ѣту.

ямщики-та?..

— мщики вчера пришли.

— Такъ гдѣ же онъ?

— Не знаю.

— А кто плавалъ?

— Сенька, Ванюха, да онъ.

— Да они чиво говорятъ?

— Не знаю.

И съ этимъ словомъ разговаривающій пошелъ далѣе.

Минутъ черезъ пять Лисавета вошла въ ямскую съ озабоченнымъ лицемъ, и хотѣла только слезнымъ тономъ разспрашивать Семена и Ивана, какъ послѣдній нахлынулъ на нее цѣлымъ потокомъ неудовольствія.

— Вишь ты, твой-отъ муженекъ вчера, какъ лодку тянуть, такъ онъ и пѣшкомъ по хребту ударился, а мы, съ Семеномъ, вдвоемъ и прудили лодку-ту весь станокъ. Вишь, лѣшево дитя, на очередь, такъ скорѣе и наровитъ, какъ бы согнать впередъ другихъ, а назадъ лодку вести, такъ онъ и тягу... Нѣтъ, постой, въ другой разъ у меня онъ лыжи-та не смажетъ: я его одного запру въ бичевку. Здоровъ, чортъ, стянетъ!

— Да ты чиво, Иванъ, по какому хребту онъ пошелъ?

— По какому хребту!.. извѣстно по какому—по какому дорога-та идетъ?

— Да онъ куда по хребту-то пошелъ?

— Къ чорту пошелъ.

Лисавета смутилась немного, но тотчасъ же оправилась.

— Ты чего, Иванъ,—Богъ съ вами—къ какому черту онъ пойдетъ!

— Къ лѣсному.

Мужики захохотали.

— Што ты—Христосъ съ нами.—Да онъ теперь-то гдѣ?

— Гдѣ!.. Я, чиво, хвостомъ за нимъ бѣгалъ што-ли! Пойди, да сама и ищи, гдѣ.

— Да онъ какъ пошелъ-то, ты разскажи.

Разсерженный Иванъ молчалъ, Лисавета приставала къ нему, упрашивая плаксивымъ голосомъ разсказать о мужѣ.

— Да ты, Иванъ, разскажи пожалуйста хорошенько, ты чаво—Богъ съ тобой—только чертыхаешься... Онъ не потерялся ли гдѣ, али медвѣдь ужъ ненапыхну́лъ-ли?

Иванъ еще немного помолчалъ, но, кажется, плачевный голосъ Лисаветы заставилъ его нѣсколько смягчиться, и онъ заговорилъ.

— Да мы пришли на станокъ-отъ, онъ пошелъ завтрикать; мы съ Семеномъ тоже пошли завтрикать; позавтрикали, теперича, да и отдохнули; я ишшо сдремпулъ, присунулся маленько. Ну, и пошли въ почтову; пришли, а его тутъ нѣтъ. Я побѣжалъ къ Лукѣ—онъ тутъ завтрикалъ-та—его, говорятъ, нѣту; онъ, говоритъ, ушолъ давно ужъ—только позавтрикалъ. Я ищо кинулся туды, суды — нѣту, да и только... Да я, почесь, всю деревню обѣжалъ, а его не могъ таки найдти. Ну, мы теперича, съ Семеномъ, чиво же, думаемъ ждать его—когды дождемся; онъ, можетъ, по хребту одинъ ушелъ вотъ и жди. Ну, мы, съ Семеномъ, посудачили, посудачили да и пошли съ лодкой-то однѣ домой.

— Чаво это, батюшки мои свѣты! это чиво же будетъ!? завопила Лисавета:—Чаво же это будетъ, кумъ Степанъ?.. А?.. Его вѣдь искать надо.. Кумъ Степанъ подите пожалуйста... это чиво же?.. А?.. подите! Мужикъ-отъ какъ потеряться! Сватъ Ѳедоръ! Кузьма! Подите, Христа ради!

— Мы почтову-то на кого бросимъ? Мы поди па очереди, сказалъ кумъ Степанъ.

— А какъ подводы? вопросительно прибавилъ сватъ Ѳедоръ.

— Да онъ чаво, домой-то не пришелъ што-ли? спросилъ Иванъ.

— Како пришелъ! опять завопила Лисавета:—кабы пришелъ-то, такъ куды-бы дѣвался. Чаво ты Богъ съ тобой!

— А въ самомъ дѣлѣ, ребята, на его не напалъ-ли медвѣдь.

— А можетъ и заблудился

— Чаво ты!—заблудился! по дорогѣ-то заблудился? онъ, чиво, маленькой што-ли?

— А можетъ и въ самъ-дѣлѣ—медвѣдь.

— Да чиво же, что не медвѣдь! Медвѣдь теперича изъ берлогу вышелъ, а ягодъ нѣту—звѣрь голодной... Чиво друго—что не медвѣдь?

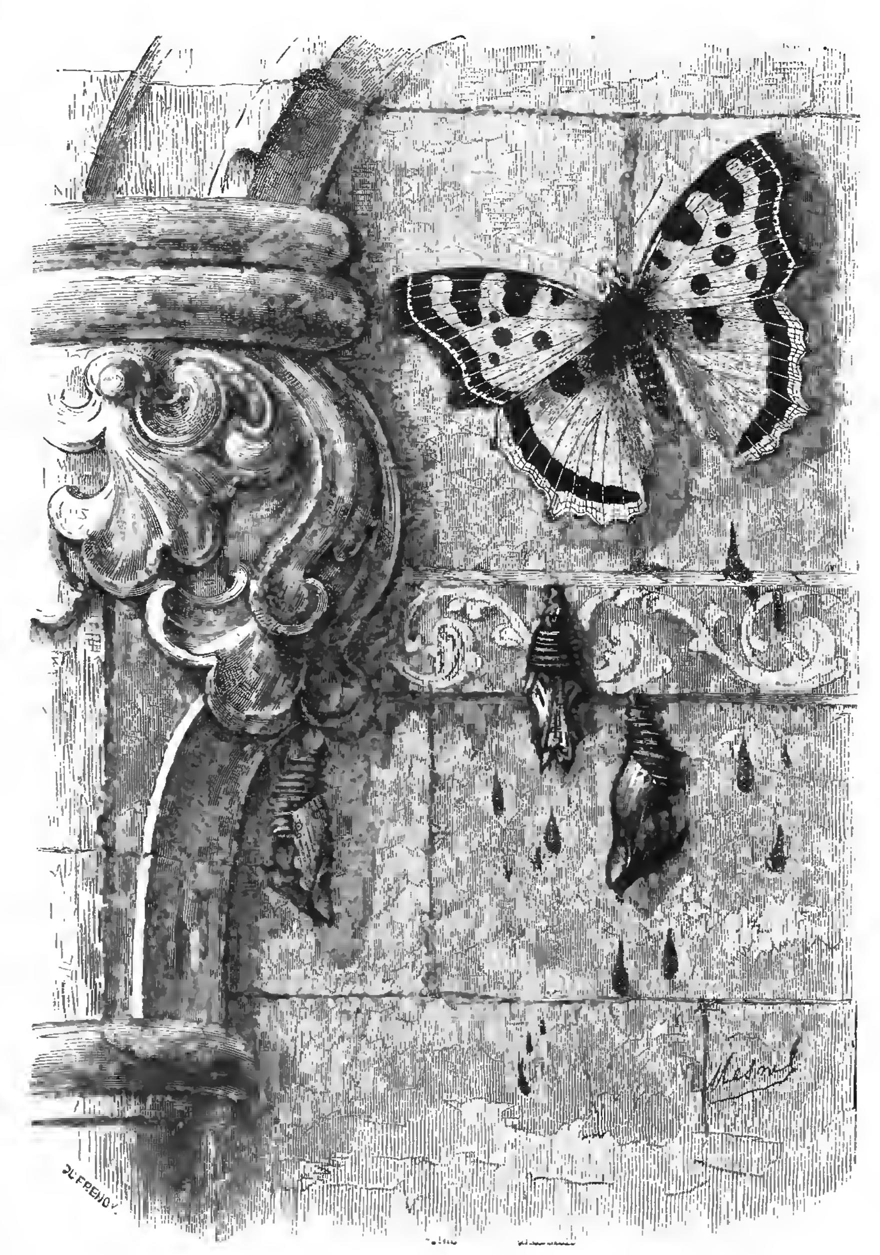
— Эка, парень, а? Если какъ онъ въ Романовъ зашелъ—тутъ ему притонъ—ну и напыхнулъ. Чиво ты съ нимъ тутъ сдѣлаешь?

— Чаво сдѣлаешь! На меня осенесь какъ нагрянулъ... да, вѣдь, такъ къ горлу и лѣзетъ!.. Я—ухать, ухать, ухать... стоитъ, да и только, лѣшево дитя, языкомъ только мелетъ... плюетъ, такъ брызги только летятъ, а самъ на заднихъ лапахъ...

— Ну, чаво же, ушелъ?

— Ушелъ, да сколько, теперече, онъ меня проморилъ-то!.. Мнѣ попался сукъ—я объ деревину колотилъ, колотилъ, а самъ все ухаю, а самъ все ухаю — да ужь до рукъ доколотился, сукъ хрупкой такой, только осколки летятъ!

— Ну, да ты чаво же, сватья Лисавета? сказалъ Кузьма:—ты пойди, да въ волость объяви—нарядятъ искать, да и только... найдутъ теперече, людей въ заимкѣ много. Мнѣ кабы пе подводы-то, дакъ я бы никого и не спросилъ, пошелъ бы да и только.

Кровавый дождь Большой многоцвѣтницы. Рис. Мекель, грав. Дафранги.

— Да знамо, што кабы не подводы-то, такъ чиво тутъ, пошли бы да и только—прибавилъ кумъ Степанъ.

— Да у меня, кабы не на очередь, такъ и я бы... взялъ бы винтовку... да и барда, сказалъ Иванъ:—вотъ Семену, такъ таки можно, онъ на очередь согналъ.

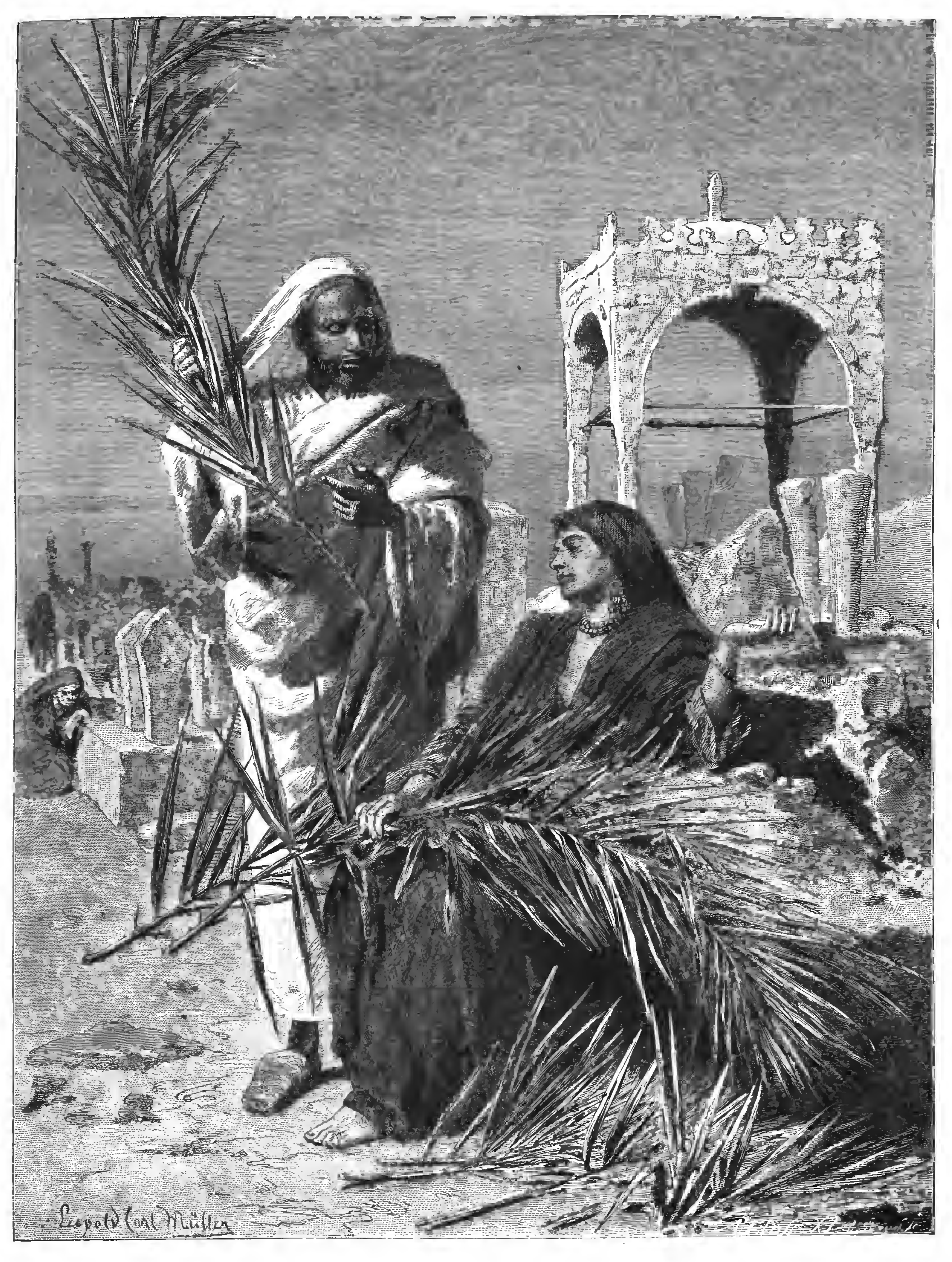
— Очередь согналъ! закричалъ Семенъ:—а ты не согналъ?.. ты же со мной мѣстѣ согналъ?.. У тебя, вѣдь одна очередь-то!

— О-дна о-че-редь-то! передразнилъ Иванъ.

— Знамо, што одна, да у меня, поди, ишшо пашнята не начиналась.

— А третево дня чиво пахалъ?

— Чи-во па-халъ!—Пахалъ! разумѣется, что пахалъ,

Арабское кладбище въ Каиро. Рис. Леопольдъ Мюллеръ, грав. Клосъ.
(Изъ изданія Гальбергера „Египетъ“ Эберса.

да, значитъ, не посѣялъ. Чаво, я сушить землю-ту пахалъ ли-што-ли?

— Сушить землю! То-то, сушить землю! Ты только на чужу повѣть любишь вилами-то указывать, а до самого дошло, такъ ты и на понятный дворъ! Ахъ, ты оскаляпина!

— Иди, иди, кума Лисавета, въ правленье, этто теперече ты ничего не добьешься.

— Да чего добьешься-то, когда народъ не простой, знамо, што не добьешься.

Лисавета, повѣсивши голову, пошла въ правленье, а за нею Иванъ и Семенъ убрались поспѣшно по домамъ.

(Продолженіе будетъ).

Н. Т.

Къ рисункамъ.

Возвращеніе крестьянина домой.

(Картина А. И. Корзухина).

Въ числѣ русскихъ художественныхъ произведеній, находящихся на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, и картина А. И. Корзухина „Возвращеніе крестьянина домой“. Картина эта имѣетъ несомнѣнныя достоинства не только по своему выполненію, во многомъ прекрасному, сколько по замѣчательно вѣрному, душевному отношенію художника къ избранному имъ для своей картины сюжету.

И въ самомъ дѣлѣ, для того, что бы увидѣть, въ крестьянской обстановкѣ тѣ нѣжныя черты прекрасныхъ душевныхъ движеній, которыя такъ глубоко скрываются за окружающей ихъ грубой обстановкой,—нужно быть мастеромъ своего дѣла и, главное, имѣть самому чуткую душу, отзывчивую на чистыя душевныя движенія. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ по поводу содержанія картины, рисунокъ съ которой помѣщается въ настоящемъ номерѣ „Нивы“.

Возвратился домой крестьянинъ. Ѣздилъ вѣроятно въ далекую дорогу и всего скорѣе „былъ въ извозѣ“, т. е. доставлялъ грузъ изъ одного торговаго города до другого.

Въ семьѣ радость, и дѣти всего болѣе счастливы: навезъ имъ тятька подарковъ, и пряниковъ, и бубликовъ, и ленточекъ, и платочковъ... Вѣдь, почитай, цѣлый годъ невидался съ семьей, какъ въ извозъ уѣхалъ. Маленькій мальчуганъ, что по полу ползаетъ, родился безъ него и старшая дѣвочка ужь совсѣмъ большая стала. Ей отецъ и подарки получше привезъ, ну а средненькой-то довольно и бубликовъ: у нея и на нихъ глазенки разгорѣлись, и приподнявъ края рубашки, она полна ожиданіемъ, скоро-ли тятька вручитъ ей плѣнительную связку этихъ, такъ ее очаровавшихъ крендельковъ. Обстановка кругомъ непривлядная. Обмотанная люлька виситъ по срединѣ избы, и обтрепанныя занавѣски въ углу, едва прикрываютъ полушубки и дырявыя подушки на скомканной постели; но сегодня въ этой бѣдной обстановкѣ веселый праздникъ, пріѣздъ хозяина. Торопится хозяйка согрѣть самоваръ, чтобы угостить дорогого гостя, о которомъ такъ долго и такъ часто день за днемъ ночь за ночью она думала. Про эти думы поэтъ такъ говоритъ:

„Лѣто онъ жилъ работаючи,
Зиму не видѣлъ дѣтей;
Ночи о немъ помышляючи,
Я не смыкала очей.
Ѣдетъ онъ, зябнетъ, а я то печальная
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.
Веретено мое прыгаетъ, вертится,
Въ полъ ударяется...“

И въ это время долгой зимней ночной работы въ воображеніи ея рисуется образъ мужа: онъ

...пѣшъ идетъ въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.“

Теперь, когда онъ, кормилецъ и поилецъ родной семьи, опять съ ними, нѣтъ и вопроса о томъ, на долго-ли онъ воротился,—теперь только радость свиданія, забылись тревоги и муки трудовой жизни и дышется легко и привольно среди родной семьи, всей собравшейся въ кучу.

— Ай да тятька! никого не обдѣлилъ, всѣхъ помнилъ, обо всѣхъ заботился...

Такъ говоритъ старшая дочурка, любуясь на привезенный подарокъ.

— Ахъ вы, свѣтики вы мои чудесные! Я то о васъ... можетъ... кажинну ночь... Голубчики!..

И онъ едва договариваетъ эти слова прерывающимся голосомъ: онъ переживаетъ счастливѣйшія минуты жизни, минуты чистѣйшихъ душевныхъ наслажденій.

Вотъ содержаніе картины, составляющей по нашему мнѣнію, одно изъ лучшихъ произведеній г. Корзухина.

Д. Стх...

Зоологическая станція въ Неаполѣ.

Многія изъ самыхъ важныхъ проблемъ зоологіи — представляется возможнымъ разрѣшить только тщательнымъ изученіемъ извѣстныхъ породъ морскихъ животныхъ. Зоологъ прежде всего находитъ до того важнымъ ознакомленіе съ формами этихъ въ высшей степени своеобразныхъ морскихъ организмовъ, что пребываніе на морскомъ берегу считаетъ необходимою частью своего образованія.

Два года тому назадъ, — говоритъ натуралистъ Дорнъ,—у меня у самого пробудилось сильное желаніе познакомиться съ міромъ морскихъ животныхъ, прежде всего на Шотландскомъ, потомъ на Сицилійскомъ берегу. На этомъ послѣднемъ я, въ сообществѣ съ нѣсколькими друзьями, съ особеннымъ стараніемъ изучалъ исторію развитія низшихъ животныхъ. Нѣкоторые интересные вопросы были тогда разрѣшены, но огромная часть нашихъ задачъ не могла быть принята въ разсчетъ, и вотъ почему:—добываніе и переноска животныхъ, постройка необходимыхъ акваріевъ, недостатокъ въ спеціальной по этому предмету литературѣ и, наконецъ, недостатокъ мѣста для работъ и недостатокъ инструментовъ поглощали столько времени, требовали столько часто безплодной энергіи, столь часто и сильно затрудняли нормальный ходъ изслѣдованій, что мы должны были все болѣе и болѣе съуживать кругъ нашихъ наблюденій. Что случилось съ нами въ Мессинѣ, то обыкновенно случается каждый годъ съ значительнымъ числомъ изслѣдователей. Многіе изъ насъ были даже въ гораздо худшемъ положеніи, потому что при кратковременности остановокъ не могли найдти ни одного рыбака для удовлетворенія потребностей своей спеціальности, не могли устроить даже необходимаго акварія для содержанія и культивированія морскихъ животныхъ.

И сколько, благодаря этому, было потеряно богатыхъ плодовъ и вѣрныхъ результатовъ для нашей науки!.. Что могло-бы быть сдѣлано, если бы юные, ревностные изслѣдователи и адепты науки, вмѣсто пустыхъ полуразвалившихся хижинъ на берегу моря и вмѣсто невѣждъ-рыбаковъ, пользовались надежными руководителями и хорошими помѣщеніями!..

Я думалъ-думалъ,—говоритъ далѣе г. Дорнъ,—и остановился, наконецъ, на мысли сдѣлать слѣдующіе шаги.

Вопервыхъ, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Мессины для нашихъ преемниковъ заготовилъ сѣти, акварій и карты и т. д., засимъ я рѣшился скопить въ Германіи маленькій капиталъ, чтобы соорудить домъ съ помѣщеніями для научныхъ занятій. Далѣе: наблюдая хорошо удавшіеся акваріи на континентѣ, я пришелъ къ мысли снабдить новое зданіе подобнымъ же, хотя бы и малымъ акваріемъ, съ тѣмъ, чтобы на деньги, получаемыя съ публики за входъ, содержать лабораторію и дѣлать другія необходимыя издержки. Планъ этотъ приведенъ въ исполненіе, и даже шире, чѣмъ предполагалось сначала: вмѣсто маленькаго акварія въ Мессинѣ, представилась возможность соорудить большой акварій въ Неаполѣ.

Счастливымъ исполненіемъ этого плана я почти исключительно обязанъ щедрости моего отца.

Первоначальный планъ Дорна: доходами съ акваріума составлять бюджетъ для лабораторіи, не осуществился, потому что число посѣтителей акварія было далеко не такъ значительно, чтобы давать достаточные сборы. Не смотря на то, достигнутые результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Зданіе это занимаетъ пространство въ 7.000 квадр. футовъ и состоитъ изъ а) этажа, занятаго погребомъ; б) земляного этажа и в) перваго (верхняго) этажа. Въ земляномъ этажѣ прежде всего бросаются въ глаза три большихъ цистерны, могущія вмѣстить массу воды въ 300 кубич. метровъ. Изъ этихъ-то цистернъ большую часть дня и цѣлую ночь накачивается вода какъ въ акваріумъ, такъ и въ находящійся въ лабораторіи бассейнъ. Накачивается *постоянно* вода для того, чтобы непрерывно снабжать животныхъ потребною долею кислорода, зимою тепломъ, а лѣтомъ прохладой. Но въ цистерны выливается обратно изъ бассейна столько же воды, сколько влилось въ него, такъ что все движеніе представляетъ правильную циркуляцію. Но если сдѣлана большая трата воды, то накачивается насосомъ новая вода изъ моря. Регулированіе теплоты обусловливается тѣмъ, что изъ 3-хъ цистернъ, поперемѣнно, каждая находится безъ дѣйствія 48 часовъ, такъ что чрезъ это температура воды зимою возвышается, а лѣтомъ понижается. Накачиваніе воды производится многими насосами, дѣйствующими паромъ, и машины эти находятся внѣ зданія, на западной его сторонѣ. Сообщеніе между названными цистернами и резервуаромъ насосовъ устроено посредствомъ сложной системы трубокъ. Кромѣ насосовъ, машинъ и цистернъ, земляной этажъ содержитъ въ себѣ еще воздушный насосъ, дѣйствующій паровой аппаратъ, кухню и нѣсколько кладовыхъ.

Земляной этажъ соединяется съ погребнымъ этажемъ двумя

лѣстницами. Почти все это отдѣленіе занято акваріемъ, доступнымъ для публики. Обширная зала акварія крайне проста; безъ всякихъ украшеній. Южная, сѣверная и восточная сторона залы, а равно и свѣтлая центральная часть залы, заняты большими бассейнами, въ которые проведена вода посредствомъ каучуковыхъ трубокъ. Отливающаяся отсюда назадъ вода переходитъ изъ перваго бассейна во второй, изъ второго въ третій и т. д. до конца каждаго ряда, гдѣ (въ концѣ этого ряда) вода, наконецъ, собирается посредствомъ общей отводной трубки и отводится въ цистерну. Особенно хорошо устроенною представляется циркуляція. При этомъ устройствѣ зимою, попеременно, могутъ оставаться безъ дѣйствія насосы на періодъ времени въ 12 часовъ, а лѣтомъ на періодъ времени въ 6 часовъ; но отъ этой перемежки работы животныя, находящіяся въ акваріи, не терпятъ никакого неудобства. Широкая лѣстница ведетъ (на право отъ входа въ акварій), въ верхній этажъ. Отсюда, прежде всего, посѣтитель приходитъ въ удобное помѣщеніе (loggie), расположенное надъ акваріумомъ, а отсюда онъ попадаетъ въ главное помѣщеніе этажа, въ большую лабораторію. Эта послѣдняя помѣщается въ залѣ, расположенной на сѣверной сторонѣ. Въ этой залѣ могутъ заниматься до 12 человѣкъ изслѣдователей. Зала снабжена удобными столами, расположенными рядомъ вдоль бассейна, который снабжается водою посредствомъ насоса, находящагося въ машинномъ отдѣленіи, такъ что вода можетъ проводиться сюда строго сообразно потребностямъ занимающихся. За симъ, въ этой же залѣ находится рядъ шкафовъ, для выставки консервированныхъ или препарированныхъ животныхъ, а надъ шкафами еще возвышается галлерея, въ которой теперь помѣщается библіотека. Но впослѣдствіи эта галлерея будетъ служить для выставки коллекціи животныхъ и вообще научныхъ принадлежностей, приведенныхъ въ систему. Для библіотеки же будетъ отведенъ особый узкій залъ, вышиною въ 25 фут.; свѣтъ въ этотъ залъ будетъ достигать изъ лабораторіи; отъ солнца же эта зала весьма искусно защищена. Но кромѣ этихъ залъ, въ описываемомъ нами этажѣ находится значительное число лабораторій, могущихъ каждая вмѣстить до 3-хъ изслѣдователей. Наконецъ, есть рабочая комната для ассистентовъ учрежденія, кладовыя и т. д. Вотъ въ этихъ-то маленькихъ залахъ постоянно занимаются студенты, принадлежащіе ко всѣмъ націямъ, между ними есть и наши соотечественники.

Такъ, благодаря настойчивости, благородной энергіи и любви къ наукѣ, возникло по иниціативѣ г. Дорна это благородное учрежденіе.

Бабочка vanesse, (Большая многоцвѣтница.)

Всѣхъ извѣстныхъ видовъ бабочекъ насчитываютъ до 15000, хотя нѣкоторые предполагаютъ, что число всѣхъ видовъ бабочекъ, существующихъ на земномъ шарѣ доходитъ до 200 т.

Виды бабочекъ чрезвычайно разнообразны и нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны красотой своихъ крыльевъ, отливающихъ всевозможными оттѣнками красокъ съ чудесной разрисовкой пятенъ и полосокъ. Линней раздѣлилъ бабочекъ на *денныхъ, сумеречныхъ и ночныхъ*. Многія изъ бабочекъ носятъ названія тѣхъ растеній, которыми питаются, напр. крапивница, капустница и т. д. На нашемъ рисункѣ представлена бабочка Большая многоцвѣтница, относящаяся къ семейству Ванессъ или углокрылыхъ. Цвѣтъ большой многоцвѣтницы сверху красно-желтый, а снизу темно-коричневый; съ пятнами, по бокамъ, кромѣ того, идетъ черная каемка, пересѣкаемая желтыми поперечными полосками. Особенность этихъ бабочекъ составляетъ выдѣленіе ими при выходѣ изъ куколокъ (называемыхъ въ зоологіи *хризалидами*) красной жидкости. Когда нѣсколько бабочекъ выходитъ въ одно и тоже время и на одномъ и томъ же мѣстѣ, то это мѣсто дѣлается какъ бы покрытымъ каплями крови. Эта особенность бабочекъ послужила для многихъ суевѣрнымъ страхомъ и выдѣленіе ею красной жидкости получило названіе „кроваваго дождя". Есть нѣсколько случаевъ, когда появленіе такихъ капель было причиной смущенія жителей той мѣстности, гдѣ были они усмотрѣны.

Большая многоцвѣтница по наступленіи поры выхода ея изъ куколки въ настоящее насѣкомое, обыкновенно оставляетъ деревья и прикрѣпляется къ стѣнамъ, къ косякамъ дверей, къ карнизамъ различныхъ построекъ. Увидѣвъ пятна, выдѣленныя бабочками, легковѣрные люди, приходятъ въ ужасъ, объясняя себѣ это явленіе тѣмъ, что выпалъ кровавый дождь.

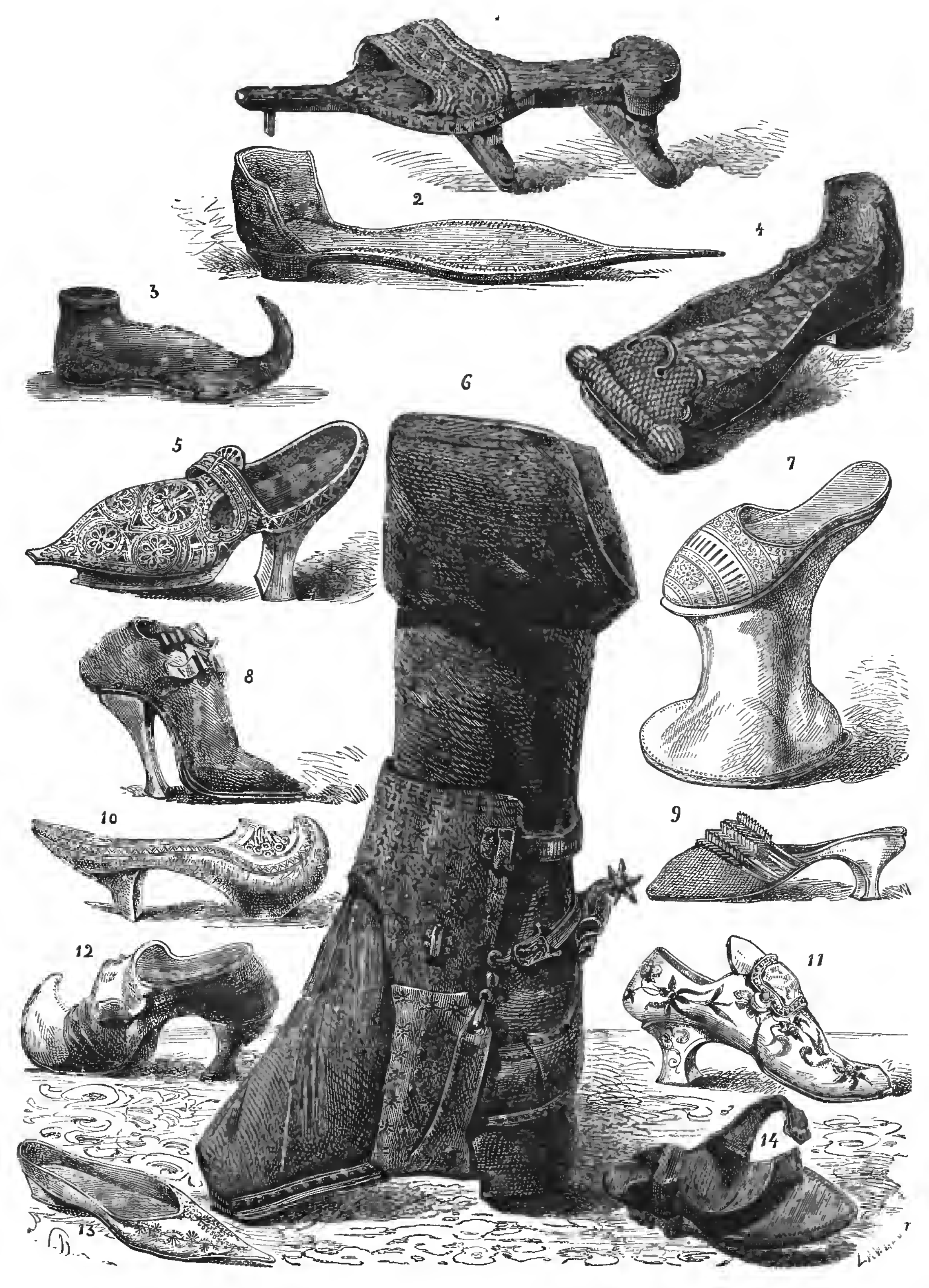
Приводимъ описаніе случая въ Провансѣ, во Франціи, въ 1608 году. Случилось что, въ одной мѣстности на большомъ протяженіи появились въ громадномъ количествѣ капли кроваваго цвѣта. Духовенство не задумалось объяснить это явленіе чудомъ и только одинъ бывшій при этомъ ученый, замѣтивъ множество бабочекъ порхавшихъ по окровавленной мѣстности, обратилъ на нихъ вниманіе. Скоро на опытѣ онъ доказалъ народу его заблужденіе: собралъ нѣсколько куколокъ въ ящикъ— и чрезъ нѣсколько времени всѣ увидѣли, что выходящія изъ куколокъ бабочки оставляли по себѣ капли красной жидкости. Случаевъ такихъ можно привесть нѣсколько.

Большая многоцвѣтница больше всѣхъ другихъ бабочекъ изъ семейства Ванессъ, можетъ служить предметомъ страха, такъ какъ особенно много выдѣляетъ капель кроваваго цвѣта.

Арабское кладбище въ Каиро.

Египетъ—эта страна чудесъ и сокровищница первобытной мудрости до сихъ поръ не потеряла своей обаятельной силы; увлекаемые ея великими историческими судьбами и грандіозными памятниками, еще и теперь сотни ученыхъ туристовъ стремятся посѣтить берега Нила, чтобъ подивиться всѣмъ диковинкамъ древняго царства фараоновъ и побродить среди многочисленныхъ и любопытныхъ развалинъ. Но даже и при самомъ бѣгломъ и поверхностномъ взглядѣ на роскошь и величіе древняго Египта невольно поражаешься жалкимъ состояніемъ, этой страны въ настоящее время. Въ ней одно лишь великолѣпно—это древніе обломки и развалины. Все же новое, вновь воздвигнутое вблизи нихъ, и смѣшно и жалко, тѣмъ болѣе что тутъ же среди этихъ мизерныхъ зданій новаго Египта виднѣются грандіозные силуэты пирамидъ—этихъ чудесъ древне-египетскаго зодчества, которыя просуществовавъ тысячелѣтія оправдываютъ мѣстную поговорку туземцевъ: „все боится времени, но самое время боится пирамидъ". Неизмѣнными памятниками сѣдой, первобытной древности остаются нынѣ почти однѣ эти пирамиды, да многоводный Нилъ, который и теперь также катитъ свои свѣтлыя волны какъ катилъ ихъ во времена Моисея. Нѣтъ сомнѣнія, что климатъ и природа остались здѣсь почти тѣ-же, какими они были въ эпоху посѣщенія Египта отцомъ лѣтописанія Геродотомъ; долина Нила очаровательна и плодоносна по прежнему, но люди обитающіе въ ней нынѣ, мало напоминаютъ древнихъ Египтянъ, какъ по своимъ нравамъ, такъ и по своимъ обычаямъ: ни одна черта ихъ характера не воспроизводитъ древняго типа энергичной и трудолюбивой народности. Напротивъ того, нынѣшніе обитатели Египта, Феллахи, какъ послѣдователи Ислама, внесли въ страну фараоновъ всѣ недостатки ихъ общественнаго устройства и національнаго характера. Въ этихъ мѣстахъ разрушительныя наклонности Сарацинъ проявились всего ужаснѣе. Чего не трогали Персы и Греки; что пощадили римляне и христіанскіе фанатики то было окончательно стерто съ лица земли изувѣрными поклонниками ислама. Такъ изъ развалинъ разрушеннаго Мемфиса построенъ былъ цѣлый городъ Каиро на противоположномъ берегу Нила. По мнѣнію арабовъ, часто выражаемому ими въ ихъ народныхъ сказкахъ, Каиро такъ красивъ что кто его не видѣлъ, тотъ не видалъ ничего хорошаго, но по свидѣтельству путешественниковъ изящные обломки древности не въ силахъ придать красоты безобразнымъ и безпорядочнымъ постройкамъ этого новаго города. Если смотрѣть на него издали или съ возвышенія, то онъ дѣйствительно производитъ пріятное впечатлѣніе когда надъ оболочкой тонкаго, прозрачнаго воздуха виднѣются сады и группы бѣлыхъ зданій съ плоскими крышами и высокими минаретами. Но войдя въ городъ, видишь тѣ же безобразія, которыя встрѣчаются во всѣхъ другихъ городахъ мусульманскаго востока:—цѣлый лабиринтъ кривыхъ и узкихъ улицъ и даже самая главная улица Муски, считающаяся бульваромъ въ Каиро, не можетъ похвалиться широтою и правильностью, хотя въ ней сосредоточивается вся роскошь, весь блескъ и вся торговля города. Пестрая, разнообразная, смуглолицая толпа снуетъ и толкается съ громкимъ крикомъ, пока не услышитъ топота коней и повелительнаго голоса *саисовъ*, возвѣщающихъ приближеніе какой нибудь важной особы. *Саисы*, т. е. туземные скороходы, повсюду предшествуютъ своему повелителю и во время пути кричатъ во все горло: Берегись! подтверждая свои слова подчасъ бранью и ударами палки. Эти отборные, быстроногіе молодцы получаютъ весьма щедрое вознагражденіе, но отъ постоянной бѣготни и крика часто страдаютъ грудными болѣзнями и вообще недолговѣчны. Конечно богачи, покровители Саисовъ живутъ въ красивыхъ и просторныхъ домахъ, но за то остальное населеніе города кучится преимущественно въ трущобахъ и развалинахъ. Внѣ города, вы встрѣтите, еще болѣе печальную, еще болѣе безобразную картину; самая страшная нищета господствуетъ во всей той мѣстности, гдѣ прежде царили довольство и роскошь. Мѣстные жители деревень—Феллахи до того бѣдны, что позволяютъ себѣ ѣсть мясо лишь раза два въ годъ, а въ другое время постоянно питаются лишь однимъ сырымъ лукомъ да хлѣбомъ самаго дурного качества. Жилища ихъ построены изъ земли и кирпичныхъ обломковъ и представляютъ изъ себя рядъ низкихъ кургановъ, очень похожихъ на логовища дикихъ звѣрей. Для топлива и приготовленія пищи, это бѣдное, невѣжественное племя часто даже профанируетъ бренные останки древнихъ Египтянъ, безжалостно сожигая высохшія муміи. Влача тупую и жалкую жизнь, феллахи и къ смерти относятся довольно равнодушно и съ покорностью переносятъ появленіе чумы весьма часто посѣщающей стогны новаго Египта. Въ такое бѣдственное время мѣстныя кладбища быстро разростаются и еще болѣе увеличивается ихъ безпорядочность и скученность. Въ этомъ отношеніи новому Египту можно было бы во многомъ поучиться у древняго. Извѣстно что древніе Египтяне обладали цѣлымъ городомъ, спеціально предназначенымъ для смертныхъ, гдѣ были воздвигнуты обширныя гробницы, храмы и особыя зданія предназначенные для бальзамированія труповъ. Нынѣшнія же арабскія кладбища даже и въ такихъ большихъ городахъ, какъ Каиро, представляютъ ни что иное какъ безпорядочные ряды

мелкихъ могилъ отмѣченныхъ лишь безобразными, покривившимися отъ времени столбиками какія встрѣчаются вообще во всѣхъ мусульманскихъ усыпальницахъ. Пальмовыя вѣтви, приносимыя родственниками и друзьями, составляютъ единственное украшеніе непригладной гробницы бѣднаго феллаха.

Образцы европейской обуви минувшихъ столѣтій.

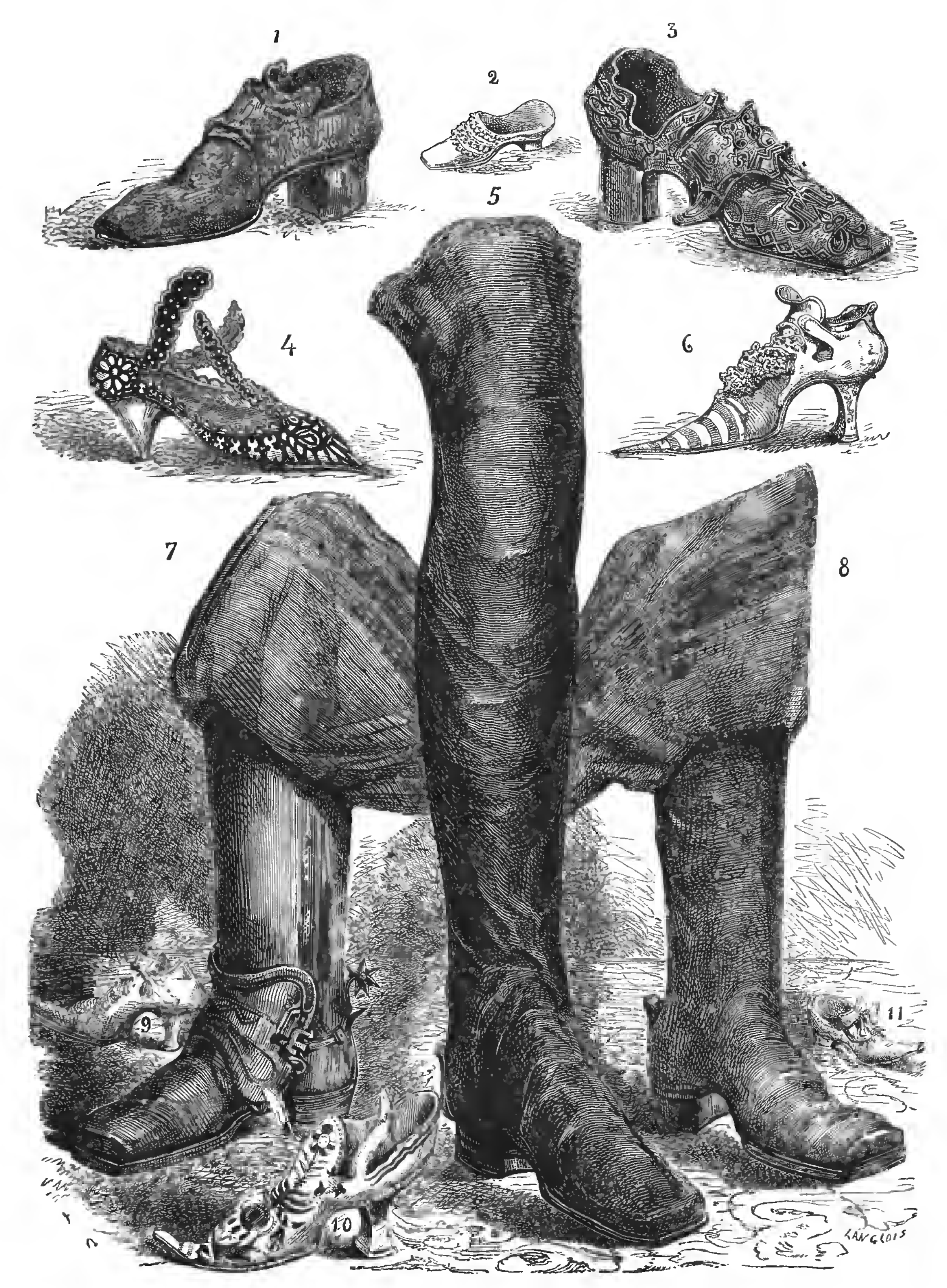
1) Верхній башмакъ съ ходулями (XV вѣка). 2) Благородный башмакъ (XV вѣка). 3) Дальнѣйшее развитіе того же башмака. 4) Обыкновенная обувь средневѣковаго ландскнехта. 5) Придворная обувь (XVII вѣка) при дворѣ Генриха IV во Франціи. 6) Сапогъ для верховой ѣзды, принадлежащій отдаленной древности. 7) Венеціанская дамская обувь (въ XVII вѣкѣ). 8) Обувь знатной дамы въ половинѣ (XVIII вѣка). 9) Дамская туфля временъ первой французской революціи 10). Деревянный верхній башмакъ благородной дамы эпохи Людовика XV. 11) Модный башмакъ венеціанской дамы (XVIII вѣка). 12) Деревянный башмакъ половины (XVIII вѣка). 13) Атласный башмакъ придворнаго въ эпоху Францска I. 14) Простонародный деревянный башмакъ (XVIII вѣка).

Помѣщаемый нами рисунокъ, изображающій арабское кладбище въ Каирѣ, заимствованъ нами изъ изящнаго изданія „Египетъ въ картинахъ и разсказахъ“ предпринятаго въ настоящее время Георгомъ Эберсомъ извѣстнымъ египтологомъ и авторомъ многихъ романовъ, изъ жизни, древняго, Египта. Къ живому, краснорѣчивому и богатому фактами тексту своего новаго изданія. Эберсъ прилагаетъ множество прекрасныхъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими художниками Германіи, и какъ добросовѣстно и съ какимъ талантомъ послѣдніе исполняютъ свою нелегкую задачу, объ этомъ можно судить по прилагаемой нами, изящной, гравюрѣ съ рисунка Леопольда Мюллера, помѣщенной Эберсомъ во второмъ недавно вышедшемъ въ свѣтъ выпускѣ его иллюстрированнаго описанія древняго и новаго Египта.

Н.

Обувь разныхъ эпохъ европейскаго общества.

Страннымъ кажется и трудно даже на первый разъ вѣрить, что такой постоянный элементъ человѣческой одежды какъ обувь, подвергается всѣмъ видоизмѣненіямъ прихотливой моды. Въ концѣ XV вѣка, въ эпоху соотвѣтствующую у насъ на Руси царствованію Ивана III, въ Европѣ носили сапоги и башмаки болѣе или менѣе заостренные на концѣ и своею ф рмою часто напоминавшіе птичій клювъ. (См. на прилаг. рисункахъ 1-й таблицы фигуры 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю). Шитыя украшенія этой обуви часто бывали крайне вычурны. Представляемыя на этихъ рисункахъ странныя формы обуви относятся къ XV вѣку. 2-я фигура на нашихъ рисункахъ (1-я табл.) представляетъ особенно до поразительности странную форму башмака, напоминающую носъ *пилы-рыбы*. Конечно, башмакъ этотъ былъ не удобенъ для ходьбы. Не менѣе поражаетъ странностью и 3-я фигура. Читатель видитъ на ней довольно изящную дугообразную линію подъема, какъ будто разсчитаннаго на античную, красивую ногу. Но дойдя до пункта окончанія пальцевъ, эта красивая линія вдругъ направляется кверху и образуетъ собою настоящій рогъ носорога. Для чего придумана эта странность и вычурность—трудно рѣшить. Но еще страннѣе форма башмака, представляемая 1-ю фигурою. Этотъ башмакъ уже ни на что не похожъ, не представлялъ никакого удобства для ходьбы и, по всей вѣроятности, употреблялся для предохраненія нижней обуви отъ грязи и замѣнялъ мѣсто нашихъ ка-

Образцы европейской обуви минувшихъ столѣтій.

1) Мѣщанскій или буржуазный башмакъ съ клюшами (XVIII вѣка). 2) Дѣтскій башмакъ эпохи Екатерины Медичи. 3) Башмакъ придворнаго тойже эпохи. 4) и 10) Дамскіе башмаки двора Людовика XV. Короля Франціи 5) Сапогъ для верховой ѣзды (XVI вѣка). 6) Дамскій башмакъ эпохи Екатерины Медичи. 7) Сапогъ-котелъ для верховой ѣзды (эпохи Людовика XIV). 8) Сапогъ-бочка для верховой ѣзды (XVI вѣка). 9) Дамскій башмакъ эпохи Людовика XIV. 10) Полубашмакъ принца изъ эпохи Людовика XIII.

лопъ. Это дѣйствительно подтверждается документальными извѣстіями. 4-я фигура представляетъ туфлю, обутая въ которую нога могла быть спокойною. Эта туфля съ широкимъ и спокойнымъ носкомъ была весьма удобна, и какъ увидимъ ниже, пользовалась большимъ употребленіемъ. Судя по оставшимся намъ документальнымъ свѣдѣніямъ о старинной обуви, мы должны здѣсь прибавить, что напримѣръ башмакъ, изображенный на нашей 2-й фигурѣ, былъ въ старинной Европѣ модною обувью какъ буржуазнаго сословія, такъ и привиллегированныхъ классовъ. Разница была только въ томъ, что длина остраго носка у буржуазіи простиралась до длины одного пальца, а длина носка для благороднаго сословія была гораздо больше. Длина острія носка въ обуви служила такимъ образомъ признакомъ благороднаго происхожденія, и чѣмъ благороднѣе былъ человѣкъ, тѣмъ длиннѣе былъ острый носокъ его башмака. Но для ходьбы этотъ башмакъ съ горизонтальнымъ заостреннымъ носомъ былъ страшно неудобенъ, и вотъ отчего носъ стали потомъ загибать кверху. Такимъ образомъ третья фигура нашихъ рисунковъ представляетъ только дальнѣйшую фазу или ступень развитія башмака, изображеннаго на второй фигурѣ. Эта обувь съ загнутымъ кверху (а иногда и всторону) носкомъ носитъ въ народныхъ старинныхъ сказаньяхъ названіе *„птичьяго клюва“* или *„собачьяго хвоста“*. Въ Индіи еще и по сію пору носятъ подобные башмаки. Стало быть и вообще эта обувь весьма древняя и наши предки по языку удержали свои древнѣйшія традиціи. Что касается до башмака, изображеннаго на фигурѣ 4-й, то онъ носилъ названіе *„сплющеннаго носа“* и былъ любимою обувью средневѣковаго крѣпостнаго народа, *кнехтовъ* или *ландскнехтовъ*. Эта обувь для ландскнехта была тоже, что для нашего крестьянина лапти или наши національные просторные *сапоги-ковчеги*, въ которые можно удобно засунуть ногу, обернутую даже въ *три онучи*. На старинныхъ рисункахъ, изображающихъ средневѣковыхъ кнехтовъ, постоянно видны на ихъ ногахъ этого рода башмаки (сплющенные носы). Къ категоріи такихъ же башмаковъ (съ ходулями) принадлежитъ и изображаемый 7-ю фигурою нашихъ рисунковъ. Но этотъ башмакъ позднѣйшей формаціи. Его носили въ XVI вѣкѣ въ Верхней Италіи знатныя венеціанскія дамы! Этотъ дамскій башмакъ носилъ весьма не поэтичное названіе *коровьей ноги*, и, конечно, отнималъ отъ ноги дамы всякую красоту и привлекательность. Но въ томъ то и дѣло, что неестественное, поражающее, смѣшное и было главнымъ конькомъ моды XVI столѣтія.

Въ слѣдующемъ XVII столѣтіи европейская обувь, правда, нѣсколько отрѣшилась отъ дикаго безобразія въ родѣ коровьихъ ногъ, но и тутъ она поражаетъ насъ странностью. На 5 фигурѣ (I табл.) читатель видитъ украшенный изящною рѣзьбою и отчасти прорѣзной деревянный башмакъ начала XVII вѣка, бывшій въ большой модѣ во Франціи, при дворѣ *Генриха IV*. Но это былъ верхній башмакъ, облекавшій внутренній (опять-таки, стало быть, замѣнялъ наши колоши). Далѣе XVIII вѣкъ снова поражаетъ насъ своею модною дамскою обувью. Въ фигурѣ 8-й (I табл.) читатель видитъ самый модный дамскій башмакъ, какой носили въ срединѣ XVIII вѣка. Съ трудомъ вѣрится, чтобы обувшаяся въ такую обувь дама могла прямо стоять на ногахъ... По всей вѣроятности хожденіе при этомъ совершалось болѣе «на цыпочкахъ», какъ напримѣръ. ходятъ нѣкоторыя четверорукія (обезьяны). Фигуры 10-я, 11, 12 и 14 (первой таблицы рисунковъ) представляютъ различныя варіаціи обуви тоже изъ XVIII вѣка. Фигура 10-я (I табл.) представляетъ изящный, деревянный, *верхній* башмакъ придворной дамы вѣка Людовика XV. Фигура 11-я (I табл.) изображаетъ модный верхній башмакъ венеціанской дамы XVIII вѣка. Башмакъ этотъ сшитъ изъ бѣлой кожи; рисунки цвѣтовъ на немъ вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ, а арабески вышиты серебромъ. Фигура 12-я (I табл.) представляетъ деревянный башмакъ XVIII вѣка снабженный спереди заостреннымъ носкомъ въ формѣ рога. Въ фигурѣ 14-й (I табл.) виденъ простой, грубый рабочій башмакъ той же эпохи (XVIII вѣка).

Но въ особенности представляются курьезными, монументальные *„верховые сапоги“* прежнихъ европейцевъ. Читатель видитъ изображеніе такого сапога на I-й таблицѣ рисунковъ (въ самой срединѣ I табл. рис. фигура 6-я). Этотъ образецъ сапога для верховой ѣзды археологи вообще относятъ къ весьма отдаленному времени. Сшитъ этотъ сапогъ изъ чудовищно-толстой кожи; на передкѣ же и на подъемѣ нашиты другіе слои кожи (именно подошвенной). По бокамъ же этотъ сапогъ даже снабженъ желѣзными полосами (шинами) вѣроятно для того, чтобы защищать ногу всадника отъ удара оружіемъ. Такіе сапоги были, правда, не въ мѣру тяжелы и носить ихъ могли только люди геркулесовскаго сложенія,—но за то и такая обувь дѣйствительно была прочна—и дѣйствительно защищала ногу всадника отъ раненія оружіемъ.

Гораздо болѣе гибкимъ и удобнымъ къ обуванію представляется другой сапогъ, тоже повидимому *всаднической*. (Смотр. II-ю таблицу рисунка фигуры 5-й). Въ такіе сапоги обувались военные люди въ XVI вѣкѣ, если хотѣли ѣхать на охоту, въ путешествіе или просто на прогулку. Дѣлались такіе сапоги изъ лучшей и самой гибкой кожи; плотно прилегали къ лодыжкѣ и колѣнной чашечкѣ. Голенищи доходили выше колѣна и часто прикрѣплялись подъ колѣнкомъ пряжками. Изъ этого образца прекрасной, удобной, легкой и раціональной обуви вскорѣ произошла другая обувь, такъ называемые *сапоги-бочки* (См. фиг. 8, во II таблицѣ рисунка). Верхній расширенный край этихъ сапогъ служилъ всаднику вмѣсто мѣшка или кармана; но за симъ даже и эта форма сапогъ выродилась потомъ въ странную, неудобную и тяжелую форму (см. фиг. 7 II таблицу) называемую *сапогъ-кошель* или *сапогъ-насосъ*. Такіе сапоги носили французскіе всадники (кавалерія) въ эпоху Людовика XIV, въ первый періодъ его царствованія. Но за симъ еще и изъ этой формы обуви развилась другая, болѣе удобная чѣмъ ея образецъ, именно современные намъ военные *сапоги-пушки* (цилиндры).

Но въ противоположность сапогамъ, уже съ эпохи Людовика XV, особенно же съ половины и съ конца XVIII вѣка, башмаки мало по малу, утрачиваютъ свою уродливость и становятся болѣе изящными и красивыми. Такъ, фиг. 9 (I таблицы рисунк.) представляетъ намъ уже весьма изящную хотя и вычурную дамскую туфлю, временъ *1-й французской революціи* (1-го періода революціи, слѣд. времени Конвента). Туфля эта изящно сшита изъ сафьяна; на передней подъемной части снабжена тройнымъ рядомъ складокъ лентъ, окрашенныхъ въ національные цвѣта, принятые тогдашнею Франціей. Фигура 13-я той же I *таблицы* представляетъ атласный башмакъ французскаго придворнаго временъ Франциска I-го Короля Франціи. Этотъ башмакъ, какъ видитъ читатель, вѣренъ тогдашней тенденціи въ обуви—*остроконечнымъ носкомъ*.

Послѣ короля Франциска I во Франціи произошелъ на долгое время значительный застой въ развитіи моды, въ особенности моды на обувь, этотъ застой продолжался до XVIII вѣка, и къ періоду этого застоя относятся образцы модной обуви, изображенные на фиг. 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 9-й, 10-й и 11-й II *таблицы* нашихъ рисунковъ. Фиг. 1-я изображаетъ мѣщанскій или буржуазный башмакъ съ клюшами; фиг. 9-я дамскій башмакъ изъ эпохи Людовика XIV. Фигуры 4-я и 10-я изображаютъ дамскіе башмаки двора Людовика XV, короля Франціи.

Въ фигурѣ 11-й читатель видитъ полусапожокъ одного принца изъ временъ Людовика XIII французскаго. Какъ видитъ читатель, Франція уже въ старинные годы была законодательницею европейскихъ модъ и общихъ видоизмѣненій въ костюмахъ.

Пріютъ для женщинъ-работницъ въ Нью-Іоркѣ.

3-го апрѣля (по нов. стилю) былъ наконецъ открытъ въ Нью-Іоркѣ основанный умершимъ 2 года тому назадъ богачемъ-милліонеромъ *Александромъ Т. Стюартомъ* домъ дешевыхъ помѣщеній для женщинъ-работницъ. По различнымъ обстоятельствамъ, на отстройку этого дѣйствительно колоссальнаго дома употреблено почти *9 лѣтъ*. По смерти А. Т. Стюарта уже были почти отстроены внѣшнія части зданія, но во внутренней части постройки еще оставалось довершить многое, такъ что у вдовы покойнаго Стюарта и у его душеприкащика, *Рихтера Гильтона*, было поглощено на постройку все время, вплоть до весны истекающаго года.

Громадное зданіе это,—матеріалами для постройки котораго служили только камень и желѣзо (построенное по плану недавно умершаго архитектора *Джона Келлума* въ стилѣ эпохи Возрожденія), находится на 4-й главной линіи, пересѣкающей Нью-Іоркъ между 32-й и 33-й улицами. Постройка имѣетъ *восемь* этажей, достигаетъ, по этому, громадной высоты и стоила, въ общей суммѣ 3,700,000 долларовъ *). Главный входъ, снабженный прекраснымъ коринескимъ порталомъ, находится напротивъ 3-й главной улицы, на передней сторонѣ зданія, занимающей длину въ 61 метръ; обѣ же стороны фасада, окруженныя *тремя* улицами, занимаютъ протяженіе въ 63 метра. Окрашено зданіе въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ и только нижній этажъ отличается темнобурою окраской; колонны фасада красноватымъ своимъ цвѣтомъ напоминаютъ шотландскій гранитъ. Все зданіе, образующее съ внутренней стороны открытый четыреугольникъ, окружаетъ дворъ, крытый мозаикообразно, разноцвѣтнымъ мраморомъ. Въ срединѣ двора возвышается фонтанъ; высота бьющей изъ послѣдняго воды достигаетъ 12½ метровъ. Около фонтана расположены прекрасно воздѣланные цвѣтники, перерѣзанные въ разныхъ направленіяхъ дорожками. Вечеромъ это пространство освѣщается канделяброю, сдѣланною съ величайшимъ вкусомъ на одной изъ парижскихъ фабрикъ. Особенно эффектно магическое освѣщеніе отъ канделябры при наступленіи темноты.

Обширный и величественный входъ ведетъ въ контору дома. Напротивъ входа возвышается широкая желѣзная главная лѣстница; за симъ, еще кромѣ четырехъ удобныхъ лѣстницъ, устроенныхъ по сторонамъ отъ главной, въ верхній этажъ можно подниматься 5-ю большими паровыми подъемными машинами или элеваторами. Домъ заключаетъ въ себѣ 502 комнаты для посѣтителей или гостей, и изъ числа этихъ комнатъ 115 съ двумя окнами, отдаются въ наемъ за 12 долларовъ (15 р. 84 к.) съ человѣка въ недѣлю, со столомъ. За симъ слѣдуютъ 34 помѣщенія меньшихъ по размѣру, но тоже въ 2

*) *Долларъ* американскій на наши деньги, приблизительно, 1 р. 32 к.

окна, отдаются по 10 долларовъ (13 р. 20 коп.) съ работницы въ недѣлю. Затѣмъ слѣдуютъ 353 комнаты одноконныхъ, отдающихся отъ 6—7 долларовъ въ недѣлю. Низшая цѣна (6 доллар. въ недѣлю) берется если двѣ жилицы помѣщаются въ одной комнатѣ. Самая низшая наемная плата не бываетъ, слѣдовательно, *ниже* 6 долларовъ, т. е. 7 руб. 92 коп. на наши деньги. Но само собою разумѣется, что такая наемная плата за помѣщеніе американской женщины-работницы представляется слишкомъ высокою и въ дѣйствительности, бѣднѣйшія изъ американскихъ работницъ не могутъ пользоваться „дешевыми" помѣщеніями Стюарта. Этотъ примѣръ, конечно, весьма поучителенъ для инициаторовъ и предпринимателей разныхъ филантропическихъ учрежденій. Наблюдая, въ самомъ дѣлѣ, среднюю высоту рабочей платы нью-йоркской работницы, мы увидѣли бы, что *только немногія* изъ работницъ, работающихъ въ магазинахъ и лавкахъ, въ состояніи заработать въ недѣлю *6 долларовъ*, (7 р. 92 коп. или можетъ быть, около 8 рублей) Теперь, если работница отдаетъ весь свой недѣльный заработокъ за помѣщеніе и пищу, то ей все таки нужно еще одѣться обуться, платить за стирку бѣлья и т. д. Можно положительно сказать, что всѣ женщины и дѣвушки, работающія на американскихъ фабрикахъ и получающія низкую рабочую плату, совершенно лишены возможности пользоваться „филантропическимъ" учрежденіемъ Стюарта. Помѣщеніями въ Стюартовскомъ домѣ могутъ пользоваться только работницы, получающія наибольшую рабочую плату и могущія жить съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Фабричныя же, дѣйствительно бѣдныя, работницы такъ и останутся жить въ грязныхъ казармахъ, какъ жили до сихъ поръ. Но даже и для *состоятельныхъ* работницъ представляются въ Стюартовскомъ домѣ большія неудобства, потому что нанимающія подвергаются различнымъ часто обременительнымъ ограниченіямъ въ пользованіи помѣщеніемъ. Напримѣръ, домовыми правилами запрещается каждой нанимательницѣ имѣть съ собою *кошку, собаку* или другое какое-лицо любимое животное. Даже невинныя птички—*чижики* неизъяты изъ этого жестокаго остракизма. Засимъ строго запрещена стирка бѣлья и платья въ комнатахъ; запрещено также имѣть излишнюю мебель, сверхъ присвоенной каждой комнатѣ по домовымъ правиламъ. Но самое тяжелое запрещеніе налагаемое Стюартовскимъ правиломъ состоитъ, въ томъ, что никакой дѣвушкѣ или женщинѣ не позволяется имѣть *швейную машину*, хотя-бы наемщица комнаты была швея; слѣдовательно у работницы отнимается скудный излишекъ ея заработка. Точно также запрещаются и другія рабочія машины. Далѣе: никакой посторонній посѣтитель или посѣтительница по правиламъ не имѣютъ права войдти въ нанимаемыя комнаты, хотя бы на это было согласіе всѣхъ жилицъ, взятыхъ вмѣстѣ. Теперь представьте, что число всѣхъ жилицъ въ домѣ простирается до 700 (даже болѣе). И всему этому громадному числу жилицъ запрещено принимать постороннихъ, даже родственниковъ. А вѣдь мало-ли бываетъ въ жизни экстренныхъ случаевъ необходимости свиданій, напр. помощи вовремя болѣзни и т. д.

Наконецъ, пріемомъ наемщицъ завѣдуетъ особый начальникъ или директоръ. Принимаетъ онъ только тѣхъ наемщицъ, которыя снабжены хорошими рекомендаціями и свидѣтельствами. Тотъ же начальникъ уполномоченъ исключить изъ помѣщенія (за нарушеніе правилъ или даже по своему личному усмотрѣнію) какую угодно жилицу въ какое угодно время.

Это мы сейчасъ исчислили довольно тяжелыя неудобства Стюартовскаго помѣщенія для женщинъ-работницъ. Теперь объ удобствахъ. Удобства эти представляются громадными, если принять въ разсчетъ, что все Стюартовское зданіе совершенно обезопашено отъ огня, такъ сказать *не сгараемо*, потому что все оно построено изъ *желѣза* и *камня*! (только нѣсколько рамъ въ нѣкоторыхъ этажахъ—деревянныя). Въ этомъ отношеніи, никакое учрежденіе въ мірѣ, ни въ старое, ни въ новое время, не можетъ сравниться съ Стюартовскимъ учрежденіемъ, засимъ всѣ комнаты зданія меблированы прекрасно, освѣщены въ совершенствѣ и въ высшей степени изящны, что весьма хорошо дѣйствуетъ на расположеніе духа наемщицъ. Съ особою же элегантностью меблированы большія залы или такъ называемыя *парлуры*. Главная столовая устроена и убрана съ великолѣпіемъ, весьма просторна и находится въ первомъ этажѣ (бель-этажѣ). Вся столовая, утварь и сервизы состоятъ изъ самаго изящнаго дорогого фарфора и серебра. Столовыя скатерти всѣ камчатныя, полы вездѣ мраморные (изъ мраморныхъ квадратныхъ плитъ). Во второмъ этажѣ, надъ столовою находится, такихъ же размѣровъ комната, убранная еще съ большимъ изяществомъ. Это общая зала для всѣхъ жилицъ. Въ этой залѣ дорогіе ковры покрываютъ весь полъ. Всѣ столы, стулья и зеркала прекрасной формы и самой тонкой изящной работы. Диваны и кресла снабжены превосходными пружинами. Далѣе великолѣпіе залы довершаютъ исполинскія вазы и дорогія картины, поступившія сюда изъ частной галлереи покойнаго Стюарта. На колоннахъ и кронштейнахъ поставлены превосходные мраморные бюсты; много есть и изящныхъ произведеній изъ слоновой кости и другихъ дорогихъ вещей. Даже если со стороны изящества разсматривать маленькія одноконныя жилыя комнаты, оплачиваемыя 6-ю долларами—то и тутъ есть чѣмъ полюбоваться: дорогіе ковры постель съ матрацомъ, снабженнымъ превосходными пружинами, мраморный столъ, пару буковыхъ стульевъ, шкафъ для платья, умывальный аппаратъ, изъ котораго во всякое время можно получить теплую и холодную воду.

Кухоннымъ дѣломъ зданія завѣдуетъ извѣстный знатокъ кулинарнаго искусства *Эдуардъ Шульхеръ*, бывшій въ послѣдніе три года главнымъ поваромъ перваго отеля въ Саратогѣ, извѣстномъ мѣстѣ американскихъ купаній. Меню приготовляемаго въ Стюартовскомъ домѣ обѣда не уступитъ любой первоклассной гостинницѣ. Часы для пищи распредѣлены такъ: *Первый* завтракъ (отъ 6½ до 9 часовъ утра); *второй* завтракъ, или такъ называемый „Лунчъ" (отъ 12—2 часовъ); далѣе *полдникъ* (отъ 5—8 ч. вечера). Оцѣненные отдѣльно, фриштикъ стоитъ *35 центовъ* *), „лунчъ" *25 цент.*, полдникъ *50 цент.* Далѣе: превосходное помѣщеніе для ваннъ снабжено всѣми удобствами, Въ особомъ отдѣленіи зданія (гдѣ помѣщаются и погреба) находятся просторныя прачечныя, сушильни, гладильни и въ особенности замѣчательна колоссальная кофейная зала, снабженная двумя гигантскими печами для приготовленія печенья. Даже свѣтильный газъ служащій для освѣщенія всѣхъ посѣщеній фабрикуется въ самомъ зданіи. Зданіе запирается въ 11½ часовъ ночи. и около этого же времени гасится газъ во всѣхъ комнатахъ. За излишнее потребленіе газа назначена особая плата.

Наконецъ, въ зданіи находится прекрасная библіотека расположенная въ 3-мъ этажѣ. При открытіи зданія въ библіотекѣ уже находилось 2,500 томовъ и огромная часть газетъ и журналовъ.

Будущее, конечно, не замедлитъ показать, оправдаетъ-ли учрежденіе Стюарта возложенныя на него громадныя, можетъ быть преувеличенныя, надежды или нѣтъ. При многихъ достоинствахъ, это учрежденіе страдаетъ и многими чувствительными недостатками, на которые мы указали выше, и главный недостатокъ, конечно тотъ, что заведеніе Стюарта совершенно недоступно настоящимъ бѣднымъ женщинамъ (заработывающимъ въ недѣлю менѣе 6 долларовъ), а только достаточнымъ, относительно обезпеченнымъ. Этотъ недостатокъ, впрочемъ не новъ. Имъ страдаютъ и страдали многія изъ прекрасныхъ благотворительныхъ учрежденій, напр., у насъ, русскихъ.

Стр.

Весеннія почки сирени.

Теперь, когда расцвѣтаетъ сирень, небезъинтереснымъ считаемъ помѣщеніе этого рисунка, на которомъ изображено слѣдующее:

1-я фигура рисунка представляетъ оконечность сиреневой вѣтки, на которой симметрически парно расположились двѣ распускающіяся почки. На почкѣ находящейся справа, листовидныя пластинки, означенныя цифрами 1 и 2, составляютъ листочки чешуекъ, подобно оболочкѣ желѣзнаго панцыря охраняющихъ жизнь растительнаго зародыша, такъ что подъ этою защитою уже не проникнетъ къ зародышу жестокій врагъ, вродѣ зимняго мороза, и не разрушитъ нѣжную ткань начинающейся жизни. Вышеупомянутыя чешуйки располагаются по парно и въ этомъ расположеніи замѣчается строгій законъ и порядокъ, такъ что, по симетрическому расположенію 2+2, 1+1 находятся въ одномъ и томъ же направленіи. Обыкновенно чешуйки, покрываются смолистымъ веществомъ, которое въ особенности предохраняетъ нѣжныя части растительнаго зародыша отъ холода. Буква в, показываетъ сѣдалище прежняго листа, на мѣсто котораго въ минувшее лѣто выросла почка. Такимъ образомъ листъ составляетъ матернее лоно, изъ котораго рождается растительное дитя, образуется почка. Если при наступленіи холодной осени, зародышъ сохраняется хорошо на вѣткѣ, тогда листъ спокойно отпадаетъ на землю.

2-я фигура—продольный разрѣзъ почки. Почка представляетъ миніатюрную колыбель зародыша: закутанная чешуйками, цвѣточная кисть сирени и зародыши листьевъ закрыты и тщательно охраняются. Какъ скоро наступаетъ май, цвѣточная кисть сирени развивается и благоухающіе цвѣтки прорываютъ свой покровъ на встрѣчу солнцу.

На оконечности вѣтки, на которой сидитъ почка, мы различаемъ *кору r древесину h и сердцевину m.* При этомъ легко замѣтить, что кора находится въ связи съ почкою и эта связь необходима, такъ какъ почка получаетъ свое питаніе изъ клѣтчатой оболочки, находящейся непосредственно подъ корою.

Фигура 3-я—поперечный разрѣзъ почки. Внутри замѣтны маленькіе цвѣтки цвѣточной кисти, не замѣтны только покрывающіе ихъ листочки.

4-я фигура рисунка представляетъ кусочекъ вѣтки и рубчикъ, (мѣсто отпавшаго листа). Отчетливо видимыя на вѣткѣ *три* подковообразныя линіи показываютъ, что преимущественно въ мѣстахъ этихъ линій проникали изъ вѣтки въ листъ растительные сосуды, доставлявшіе листу пищу. Эти сосуды осенью умираютъ, а отъ того и древесный листъ торяетъ свою прекрасную зеленую окраску, дѣлается желтымъ или краснымъ и падаетъ отъ дуновенія вѣтра на землю.

Что же такое почка сирени и почки вообще?

*) Центъ = 1/100 доллара.

Почки вообще—маленькія дѣти растительнаго царства, помогающія растенію въ его общихъ строительныхъ работахъ. Осенью одновременно отпадаютъ листья, и сѣмена и начинаютъ свое странствованіе для основанія новыхъ растительныхъ колоній, и этою колонизаціей растительный родъ все крѣпнетъ и крѣпнетъ. Если обращать вниманіе на отношеніе почекъ къ сѣменамъ, то нужно сказать, что онѣ близкіе между собою *сродственники* и *сработники*. Разница въ томъ, что почки остаются дома и охраняютъ растительное жилище, или, точнѣе, растительную дѣтскую, а зернышки сѣмянъ, странствуя, служатъ для основанія колоній и распространенія растительнаго рода въ другихъ мѣстахъ.

Усовершенствованія фотографіи *).

Алхимики среднихъ вѣковъ долго отыскивали философскій камень и жизненный элексиръ; первый для превращенія неблагородныхъ металловъ въ золото, второй—съ цѣлью возвращать молодость. Стремленія ихъ остались безуспѣшными, точно такъ же, какъ и труды новѣйшихъ искателей perpetum mobili. Тѣмъ не менѣе они не даромъ трудились, не даромъ запирались въ уединенныя лабораторіи, подальше отъ людскихъ взоровъ, видѣвшихъ въ нихъ чародѣевъ, маговъ и волшебниковъ. Они положили основаніе цѣлой наукѣ — химіи. Хотя своими открытіями алхимики, въ большинствѣ случаевъ, сами не съумѣли воспользоваться, за то ихъ позднѣйшіе послѣдователи, люди науки, примѣнили къ дѣлу то, что долго лежало подъ спудомъ, подъ слоемъ пыли уединенныхъ лабораторій.

Алхимикъ Кабриціі Аквапендентскій въ XIV столѣтіи открылъ, что хлористое серебро измѣняется отъ дѣйствія свѣта—чернѣетъ. Открытіе это, въ продолженіи почти двухъ послѣдующихъ столѣтій, не имѣло примѣненія, не смотря на то, что въ немъ лежалъ, такъ сказать, зародышъ фотографіи. Въ 1777 году шведскій химикъ Шеель занялся изслѣдованіемъ дѣйствія лучей солнечнаго спектра на соль хлористаго серебра, а французъ Шарль примѣнилъ опыты Шееля къ сниманію силуэтовъ. Силуэтами Шарля однако нельзя было пользоваться, такъ какъ хлористое серебро отъ дѣйствія свѣта чернѣетъ, а изобрѣтатель и не думалъ заняться отысканіемъ способа удержать изображеніе, т. е. закрѣпить его, или какъ говорятъ фотографы, фиксировать. Вслѣдъ за Шарлемъ въ 1802 году англичанинъ Уэджвудъ изслѣдовалъ другую соль серебра и нашелъ, что бумага, намоченная растворомъ этой соли, подъ дѣйствіемъ лучей солнца быстро чернѣетъ.

Всѣ эти первыя попытки фотографіи не привели изобрѣтателей ни къ какому результату, такъ какъ ни одному изъ нихъ не удалось открыть способа сохранять снимка, никто изъ нихъ не открылъ фиксажа. Честь этого открытія принадлежитъ французу Никифору Ніепсу. Изображенія, получавшіяся на пластинкахъ Ніепса, были очень туманны и безъ опредѣленныхъ контуровъ, но тѣмъ не менѣе онѣ были закрѣплены. Ніепсу же принадлежитъ и честь открытія геліогравюры, т. е. полученія посредствомъ фотографіи такихъ пластинокъ, съ которыхъ можно дѣлать оттиски типографскимъ способомъ. Усовершенствованіе открытія Ніепса принадлежитъ также французу—Дагеру, давшему фотографіи право гражданства. Дагеръ былъ знакомъ съ Ніепсомъ, былъ одно время даже его компаньономъ и очень хорошо зналъ, что для приданія рельефа и силы полученнымъ на асфальтѣ изображеніямъ послѣдній употреблялъ пары іода. Простая случайность, разсѣянность Дагера, была причиной открытія. Дагеръ оставилъ серебряную ложку на іодированной пластинкѣ и увидѣлъ, что на ней получился ея оттискъ. Свое открытіе онъ сообщилъ Ніепсу, но старикъ отнесся къ нему недовѣрчиво и отчасти ревниво. Не смотря на то, Дагеръ дѣятельно продолжалъ свои занятія и результатомъ трудовъ его явился Дагеротипъ. Фотографическій способъ Дагера или дагеротипія заключается въ слѣдующемъ: тонкую высеребрянную мѣдную пластинку тщательно полированную замшей, подвергаютъ, въ темномъ ящикѣ, дѣйствію паровъ іода, отчего на поверхности образуется іодистое серебро—соль чувствительная къ свѣту. Такую пластинку вкладываютъ въ камеръ-обскуру, предварительно наведенную на снимаемый предметъ. Чрезъ нѣсколько минутъ іодъ выступаетъ на свѣтлыхъ мѣстахъ, а темныя мѣста, остаются неизмѣненными. Затѣмъ пластинку, опять же въ темномъ мѣстѣ, держатъ надъ парами ртути, которая садится на свѣтлыхъ, освобожденныхъ отъ іода мѣстахъ, и придаетъ имъ бѣловатый цвѣтъ. Чтобы предохранить такую пластинку отъ дальнѣйшаго почерненія на свѣту, ея обливали поваренной солью, которая, соединяясь съ іодистымъ серебромъ, оставшимся въ темныхъ, тѣневыхъ мѣстахъ, смывалась водою. Это открытіе хотя и надѣлало въ свое время много шуму, но дагеротипы были очень несовершенны а главное не долговѣчны. Ртуть имѣетъ свойство быстро испаряться, отчего изображенія на дагеротипѣ исчезаютъ и смотрящій на него, вмѣсто желаемаго, видитъ въ зеркальной поверхности полированной пластинки свой собственный портретъ. Кромѣ того несовершенство камеръ-обскуръ дѣлало время съемки чрезвычайно продолжительнымъ, отчего лица выходили мало похожими на оригиналы.

Впослѣдствіи уже не Дагеръ, а дальнѣйшіе совершенствователи его открытія, дошли до болѣе красивыхъ и болѣе прочныхъ снимковъ.

За Дагеромъ, переходной ступенью къ новѣйшему способу фотографіи, слѣдуетъ признать способъ Тальбота; онъ первый далъ возможность получать съ одного стекла нѣсколько оттисковъ. Тальботъ сталъ работать на бумагѣ пропитанной солью азотнокислаго серебра. Прикладывая къ такой бумагѣ древесный листъ, онъ, чрезъ посредство свѣта, получалъ на ней обратное изображеніе, т. е. негативъ: всѣ мѣста, на которыя дѣйствовалъ свѣтъ становились черными, а тѣ, которыя были закрыты, оставались свѣтлыми, такъ что листъ выходилъ бѣлый на черномъ фонѣ и понятно, что тамъ, гдѣ онъ былъ прозрачнѣе, бумага чернѣла больше, чѣмъ въ мѣстахъ менѣе прозрачныхъ, такимъ образомъ получался не только контуръ или силуэтъ листа, но и всѣ его жилки и ихъ развѣтвленія. Тальботъ съумѣлъ получить съ этого обратнаго, или негативнаго снимка прямой или позитивный; для этой цѣли онъ дѣлалъ его прозрачнымъ и, положивъ на листъ бумаги, покрытый растворомъ азотно-кислаго серебра, выставлялъ на свѣтъ, отчего получалось прямое изображеніе листа—позитивъ.

Въ 1841 г. Тальботъ опубликовалъ свои опыты и изобрѣтеніе свое назвалъ каллотипомъ. На свои изслѣдованія онъ потратилъ 7 лѣтъ усидчиваго труда; но ему точно также, какъ и его предшественникамъ, не удалось улучшить свое открытіе на столько, чтобы оно могло сдѣлаться популярнымъ, это досталось на долю родственника Ніепса—Ніепса де-Сенъ-Виктора. При перепечатываніи съ бумажныхъ негативовъ, позитивы выходили пестрыми, неровными и шероховатыми, такъ какъ каллотипъ не могъ спорить съ дагеротипомъ, хотя и имѣлъ предъ послѣднимъ то преимущество, что давалъ возможность съ одного снимка получать нѣсколько оттисковъ. Ніепсъ де-Сенъ-Викторъ первый замѣнилъ бумагу стекломъ. Чтобы получить изображеніе, онъ накрывалъ стеклянную пластинку слоемъ альбумина, насыщеннаго іодистымъ серебромъ. Этотъ новый способъ фотографіи, новый важный шагъ въ ея развитіи, хотя и давалъ хорошій результатъ, но былъ мало кому доступенъ, такъ какъ требовалъ большой тщательности въ работѣ и большихъ познаній въ химіи; вслѣдствіе чего дагеротипъ и для него былъ сильнымъ конкурентомъ.

Въ 1851 году Легрей предложилъ, вмѣсто альбумина, обливать стеклянную пластинку колодіономъ. Это послѣднее открытіе сдѣлало фотографію общедоступной, а новѣйшія ея усовершенствованія дали возможность снимать не только предметы неподвижные, но и тѣ, которые находились въ движеніи,—дали возможность получать снимки моментальные.

Существенная часть коллодіона есть пироксилинъ, т. е. хлопчато-бумажный порохъ, или взрывчатая вата. Вещество это легко растворяется въ смѣси спирта съ эѳиромъ и даже на стеклянной пластинкѣ тонкій ровный слой, обращающійся, отъ испаренія жидкости, въ пленку. Въ коллодіонъ вводятъ іодистыя и бромистыя соли. Облитую такимъ колодіономъ пластинку опускаютъ въ растворъ азотно-кислаго серебра въ водѣ, отчего на ней образуется слой іодистаго и бромистаго серебра.

Открытіе коллодіона совершенно вытѣснило изъ употребленія дагеротипъ, но фотографы, тѣмъ не менѣе не остановились на этомъ и постоянно стремились и стремятся къ дальнѣйшему усовершенствованію фотографіи. Новѣйшія открытія дали возможность заниматься ею не только спеціалистамъ, но и людямъ мало знакомымъ съ ея практикою. Въ настоящее время туристы и ученые путешественники могутъ, взявъ съ собою камеру съ объективомъ и треножникъ, снять что имъ вздумается, и возвратясь изъ путешествія, предоставить дальнѣйшую обработку снимковъ опытнымъ фотографамъ. Удобство этого открытія говоритъ само за себя, а сущность самаго дѣла мы постараемся изложить вкратцѣ.

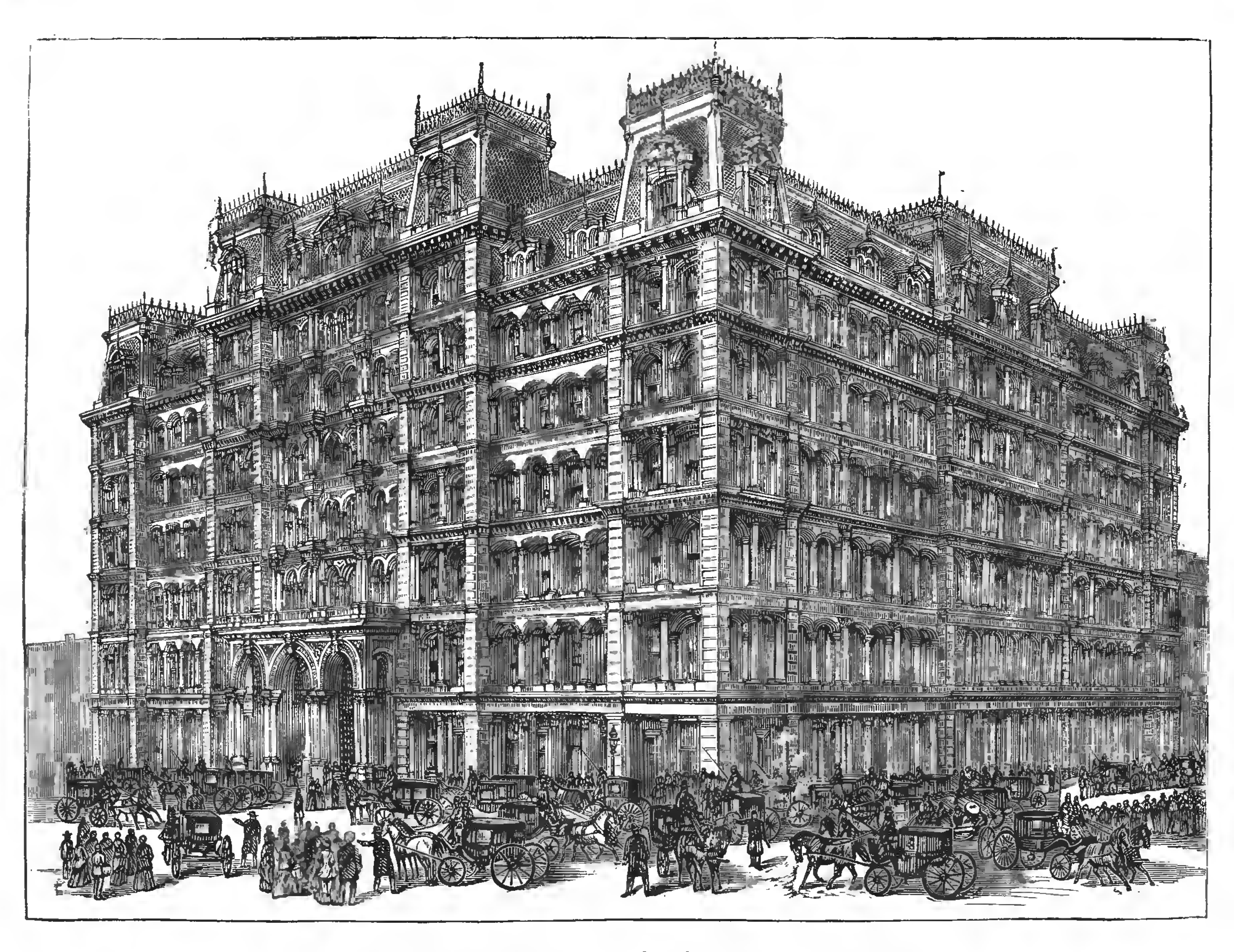
Покрытая коллодіономъ и опущенная въ растворъ азотнокислаго серебра стеклянная пластинка, по вынутіи его, можетъ быть годною для сниманія весьма короткое время—всего нѣсколько минутъ, именно до тѣхъ поръ, пока она не засохнетъ. При сниманіи темныхъ, мало освѣщенныхъ предметовъ, какъ-то: внутренностей зданій, копій съ старинныхъ картинъ и т. п., необходимо увеличивать время съемки, а скорая порча пластинокъ не даетъ возможности этого дѣлать. Хотя разными средствами и достигли сохраненія влажности въ пластинкахъ на болѣе продолжительный срокъ, но все же это не развязало руки фотографа; для его работъ необходима была полная лабораторія. Давно уже чувствовалась потребность замѣнить влажныя пластинки сухими и притомъ такими, чувствитель-

*) Въ этомъ очеркѣ мы коснулись только чистой фотографіи, оставивъ въ сторонѣ примѣненіе ея къ типографскому и литографскому дѣлу.

(Продолженіе на стр. 397, 398, 399 и 400.)

ность которыхъ къ свѣту была бы достаточна. Много было изобрѣтено, такъ называемыхъ, сухихъ способовъ, много ихъ было перепробовано, но всѣ они, имѣя большую или меньшую свѣточувствительность, въ значительной степени уступали способу мокрому, да кромѣ того свѣжеприготовленныя пластинки были всегда чувствительнѣе лежалыхъ, которыми, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совсѣмъ нельзя было пользоваться. Парижское фотографическое общество назначило премію въ 1000 франковъ за лучшій сухой способъ. Честь этой преміи получилъ нѣкто Шардонъ; его способъ хотя и давалъ очень хорошіе результаты, но свѣточувствительность пластинокъ сохранялась незначительное время; чрезъ мѣсяцъ пластинки становились мало годными къ употребленію. Бельгійское фотографическое общество тоже назначило конкурсъ на лучшій сухой способъ и премія недавно присуждена Л. В. Варнерке.

Варнерке приготовилъ особаго рода жидкость—эмульсію, работа на которой даетъ самые блестящіе результаты. Обмытыя эмульсіей стеклянныя пластинки сохраняются неопредѣленное время и чувствительность ихъ къ свѣту такъ велика, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ въ этомъ пластинкамъ, приготовленнымъ мокрымъ способомъ.

Пріютъ для женщинъ-работницъ въ Нью-Іоркѣ. Грав. К. Вейерманъ.

Эмульсія приготовляется слѣдующимъ образомъ: пироксилинъ растворяется въ смѣси спирта и эфира; въ этотъ растворъ Варнерке вводитъ бромистый цинкъ (соль, по опытамъ, самая чувствительная къ свѣту), азотно-кислое серебро и царскую водку. Количество составныхъ частей и способъ ихъ смѣшенія будетъ опубликованъ Бельгійскимъ фотографическимъ обществомъ и мы поспѣшимъ подѣлиться этой новостью съ читателями „Нивы“, а пока любителямъ и фотографамъ совѣтуемъ обратиться за готовой эмульсіей въ магазинъ фотографическихъ принадлежностей Ширлъ, въ Большой Конюшенной, или къ самому изобрѣтателю, Льву Викентьевичу Варнерке въ Лондонъ, по слѣдующему адресу. L. Warnerke. London. 10. S. E. Linden Grove, Peckham Pye.

Изобрѣтеніе эмульсіи чрезвычайно важно въ дѣлѣ развитія фотографіи, но главная заслуга Варнерке заключается въ приготовленіи сухихъ пленокъ, совершенно замѣняющихъ стеклянныя негативныя пластинки. Пленки приготовляются изъ той же эмульсіи, но самый способъ ихъ приготовленія пока составляетъ секретъ изобрѣтателя. Въ продажѣ онѣ имѣются или въ видѣ длинныхъ лентъ, намотонныхъ на валикѣ особаго устройства косетки, либо въ пачкахъ дюжинами, наглухо заклеенныя между цинковыми пластинками и переложенныя листиками желтой бумаги, предохраняющей отъ снѣта. Пленка наклеена на мѣловой бумагѣ и простымъ отмачиваніемъ обратной стороны скипидаромъ легко можетъ быть съ нее снята и наложена на стеклянную пластинку для печатанія позитивовъ. При насъ Варнерке отправилъ извѣстному нашему путешественнику въ Азіи Пржевальскому свой фотографическій аппаратъ съ пленками. Въ каждой косеткѣ находится до 100 штукъ негативныхъ пленокъ; имѣя ихъ, Пржевальскій можетъ снять 100 видовъ, или типовъ, а для проявленія прислать косетку въ Петербургъ. По мѣрѣ снимания, лента съ верхняго валика касетки наматывается на нижній, а чтобы не сбиться, въ крышкѣ касетки имѣется желтое окошечко, а на пленкахъ, послѣдовательные номера. Цѣна пленокъ весьма значительна, она разсчитывается по квадратнымъ дюймамъ и обходится почти въ пять разъ дороже стоимости одинаковой съ нею размѣрами мокрой пластинки. Принявъ во вниманіе удобство работы, о цѣнѣ не стоитъ говорить.

Что же касается до эмульсіи, то вѣроятно въ скоромъ времени каждый фотографъ въ состояніи будетъ приготовить ее у себя въ лабораторіи.

Предъ обливаніемъ эмульсіей стеклянной пластинки, края ея надо смазать растворомъ каучука въ бензинѣ, это необходимо во избѣжаніе отставанія слоя отъ стекла при проявленіи изображенія.

Самое проявленіе пластинокъ, покрытыхъ эмульсіей, или пленокъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ *).

*) Обратная сторона пленки, отрѣзанной отъ ленты, смачивается водою и приклеивается къ стеклу.

Прежде всего надо сдѣлать сухой слой удобопроницаемымъ для жидкостей, т. е. смочить его, этого достигаютъ обливаніемъ пластинки спиртомъ и промываніемъ водой до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся жирные потоки; затѣмъ въ рюмочку берутъ (на ½ пластинку):

15 граммъ насыщеннаго раствора углекислаго аммiака (растворъ этотъ, если поза была продолжительна, лучше разбавлять водою), въ который вливаютъ 10 капель раствора бромистаго кали въ водѣ (1 часть бромистаго кали на 8 частей воды). Этой смѣсью обливаютъ пластинку нѣсколько разъ и затѣмъ въ нее прибавляютъ отъ 10 до 20 капель раствора пирогалловой кислоты въ спиртѣ (1 часть пирогалловой кислоты на 8 частей спирта). Послѣ обливанія послѣдней смѣсью начинаетъ проявляться изображеніе. Усиливаніе и фиксажъ обыкновенные.

Громадный успѣхъ новѣйшаго развитія физики привелъ недавно къ разрѣшенію почти сказочной проблемы: открыта возможность фотографической съемки предметовъ съ натуральными цвѣтами, со всѣми теплыми рефлективными оттѣнками!..

Для этого дѣлаются *три* фотографическіе снимка на *трехъ* пластинкахъ: на *красной, голубой* и *желтой*. Эти пластинки предварительно обработываются разными чувствительными къ свѣту веществами. Всѣ остальные оттѣнки красокъ получаются посредствомъ сдавливанія указанныхъ трехъ пластинокъ съ другими пластинками, окрашенными въ лазоревые цвѣта. Тогда получаются чистые свѣтовые тоны, въ точности соотвѣтствующіе солнечному спектру. Это сдавливаніе или взаимное прессованіе пластинокъ совершается также какъ и при хромотипіи. Отсюда видно, что открытіе это имѣетъ громадную цѣну не только для фотографіи, какъ воспроизводящаго искусства, но и вообще проливаетъ громадный свѣтъ на физическое ученіе о *цвѣтахъ* и *краскахъ*, какъ результаты разложенія цвѣта. **Е. В.**

Политическія и внутреннія извѣстія

Съ начала прошлой недѣли были сообщенія о конгрессѣ, въ видѣ слуха. Въ половинѣ недѣли, стали получаться вѣсти болѣе опредѣленнаго характера, напримѣръ, о томъ — что собраніе конгресса нужно считать обезпеченнымъ, что онъ *соберется въ Берлинѣ* и днемъ открытія его засѣданій нужно считать 30-е мая (11-е іюня). Со стороны Англіи послѣдовалъ отвѣтъ, что представителемъ ея на конгрессѣ будетъ маркизъ *Салисбюри*. За симъ въ Берлинѣ получено извѣстіе о пріѣздѣ туда графа *Шувалова* (нашего посла въ Лондонѣ), графа *Андраши* (представителя Австріи) и *Ваддингтона* (представителя Франціи. Германскій императоръ Вильгельмъ отложилъ свою обычную лѣтнюю поѣздку на воды въ Эмсъ, останется въ Берлинѣ и будетъ *лично* принимать европейскихъ уполномоченныхъ, имѣющихъ прибыть на конгрессъ. Зала для этого собранія европейскаго ареопага назначается въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ. По этому же случаю при Берлинскомъ дворѣ приготовляются большія празднества.

Съ своей стороны Порта вручила англійскому и французскому посламъ *два* документа, которые будутъ также сообщены прочимъ державамъ и предъявлены конгрессу. Въ одномъ изъ этихъ документовъ изложена сущность переговоровъ, которые *предшествовали* подписанію Санъ-Стефанскаго договора. Въ этомъ же документѣ весьма подробно говорится о затрудненіяхъ, съ которыми приходилось *бороться* (?!) турецкимъ сановникамъ, ведшимъ съ Россіею переговоры. Во второмъ же документѣ въ подробности изложена программа реформъ, которыя подлежатъ введенію въ Оттоманской имперіи.

Что касается собственно Австріи, то, до фактическаго открытія конгресса, она торопится „устроить свои дѣла". Такъ недавно графъ Андраши представилъ венгерской делегаціи отчетъ о положеніи дѣлъ. Делегація приняла этотъ отчетъ, постановила отпечатать его и раздать делегатамъ. Этой же венгерской делегаціи, вслѣдствіе запроса, графъ Андраши обѣщался въ скорости предъявить подлинный текстъ Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, обѣщалъ также сообщить и возраженія Австріи на нѣкоторые пункты договора. Затѣмъ графъ Андраши уже въ Австрійской делегаціи Рейхсрата прочелъ изложеніе положенія дѣлъ и старался выяснить мотивы уже прежде выраженной имъ надобности въ кредитѣ. „Австро-венгерская монархія,—провозгласилъ при этомъ Андраши, должна быть готова ко *всякимъ случайностямъ*, она не должна становиться въ нравственную зависимость отъ другихъ государствъ. Могутъ возникнуть затрудненія, которыя, даже при общемъ соглашеніи по европейскимъ вопросамъ на конгрессѣ, будутъ угрожать *австрійскимъ интересамъ* (?!). Въ чемъ же однако должна состоять эта австрійская готовность ко всякимъ случайностямъ? Въ отвѣтъ на это представляется усиленіе Австріею войскъ въ Далмаціи и Трансильваніи и сосредоточеніе силъ для обезпеченія сообщеній. Одинъ изъ австрійскихъ армейскихъ корпусовъ уже двинутъ для расположенія въ восточной Галиціи. Къ Македонскимъ и Албанскимъ берегамъ отправлено, со стороны Австріи, два панцырныхъ судна. И такъ, оставляя въ сторонѣ свое національное пристрастіе, Австрія должна бы была сказать, что она готова и къ войнѣ, и къ миру, смотря по тому, на которой сторонѣ представится болѣе выгодъ въ смыслѣ пользованія результатами минувшей Русско-турецкой войны.

И въ Англіи военныя приготовленія не прекращаются. Недавно Палата Общинъ приняла въ специальныхъ преніяхъ законопроектъ о *дополнительномъ кредитѣ* на *индійскія войска*, безъ особаго голосованія. Огромное башенное судно „Монархъ" недавно отплыло въ Средиземное море. Впрочемъ, нѣкоторыя лондонскія газеты не перестаютъ настойчиво говорить о шансахъ на миръ. Лондонское агентство Рейтера извѣстило о пунктахъ англійскаго соглашенія съ графомъ Шуваловымъ. По этому извѣстію, размѣры новой Болгаріи сокращены менѣе чѣмъ *на половину* противъ первоначально предположеннаго объема. За симъ Россія допустила также значительныя ограниченія въ Арменіи. Сдѣлки для совершенной *отмѣны* (?) военнаго вознагражденія со стороны Турціи также будто бы намѣчены въ общихъ чертахъ. Все это, однакоже, если не безусловныя измышленія лондонскаго телеграфическаго бюро, тенденціозность котораго всѣмъ извѣстна, то здѣсь во всякомъ случаѣ возможны преувеличенія. Чѣмъ же, наконецъ, покрыть Россіи свои военныя издержки по мобилизаціи своей арміи черезъ огромное пространство, на переходъ черезъ Дунай, черезъ Балканы и т. д. И какое международное право можетъ оправдать такую исключительную любезность къ туркамъ? и т. д.

Снова ходятъ упорные слухи о грозящемъ вспыхнуть возмущеніи въ Константинополѣ противъ султана Абдулъ-Гамида. Партія низверженнаго султана Мурада представляется въ настоящее время сильною, хотя оффиціозныя константинопольскія газеты и отрицаютъ существованіе даже хотя какой бы то ни было партіи мурадистовъ. Населеніе Константинополя, въ особенности фанатическій элементъ его, друзья старой Турціи, вспоминающіе прежнюю славу ислама и блескъ его оружія, въ высшей степени недовольно настоящимъ положеніемъ вещей и лучше готово видѣть на престолѣ полусумасшедшаго Мурада, чтобы дѣйствовать его именемъ—чѣмъ слишкомъ уступчиваго, по мнѣнію истыхъ турокъ, Абдулъ-Гамида.

За симъ, 13 батальоновъ войскъ изъ состава гарнизоновъ Варны и Шумлы, прибыли недавно въ Константинополь. Этотъ фактъ говоритъ въ пользу фактическаго очищенія турками крѣпостей, обусловленное Санъ-Стефанскимъ договоромъ и котораго давно уже требовалъ генералъ Тотлебенъ. Нѣкоторыя телеграфическія сообщенія заставляютъ предполагать, что нашъ генералъ принялъ въ этомъ отношеніи весьма энергическія мѣры. Соотвѣтственно приказанію Тотлебена, отъ 11-го корпуса, занимающаго линію Журжево-Бухарестъ, 5 баттарей выступили въ Разградъ, и эти баттареи были подкрѣплены другими отрядами нашихъ войскъ. И вотъ, по всей вѣроятности, эти-то энергическія передвиженія русскихъ войскъ и заставили турокъ поторопиться очищеніемъ крѣпостей.

Комитету для сбора пожертвованій на крейсеры доставленъ отъ имени петербургскихъ частныхъ банковъ безпроцентный авансъ *въ два милліона рублей* для начатія немедленныхъ заказовъ. Такого рода крупное облегченіе дѣлу, требующему безотлагательныхъ мѣръ, конечно, очень кстати, хотя и кромѣ этихъ двухъ милліоновъ капиталъ, образующійся изъ пожертвованій на устройство крейсеровъ растетъ весьма быстро: пожертвованія идутъ, какъ мы уже имѣли случай сообщать, со всей Россіи и отъ частныхъ лицъ въ отдѣльности, и отъ городовъ и разныхъ обществъ.

Читатели наши уже знаютъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Теперь, судя по газетнымъ сообщеніямъ, нужды этихъ крестьянъ въ глазахъ у каждаго: на улицахъ Казани встрѣчаются крестьянскія дѣти почти голыя; единственная одежда—едва прикрывающая ихъ наготу рваная рубашка. Къ увеличенію бѣды нынѣшней весной вода въ Волгѣ вошла въ свою норму гораздо ранѣе, чѣмъ случалось прежде, такъ что плоты не успѣли воспользоваться такимъ кратковременнымъ половодьемъ и, какъ слышно, изъ нихъ ни одинъ не дошелъ до города, поэтому цѣны на дрова теперь уже поднялись, а къ зимѣ повышеніе цѣнъ на нихъ ожидаютъ въ громадномъ размѣрѣ, чего особенно страшится бѣдный людъ. Таково положеніе дѣлъ въ этой мѣстности, что-то Богъ дастъ дальше и чѣмъ все это кончится. Вообще говоря, неурожаи, пожары, волки—суть постоянные виновники нашихъ народныхъ бѣдъ; но на сколько самъ народъ виновенъ въ неурожаѣ и въ истребленіи его даже волками, этотъ вопросъ не легко разрѣшить но что онъ самъ виноватъ въ пожарахъ—это несомнѣнно. О пожарахъ этихъ и о количествѣ убытковъ ими причиняемыхъ мы не разъ уже имѣли случай говорить въ Нивѣ. Теперь сообщаемъ на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, что въ апрѣлѣ настоящаго года было въ Россіи 1393 пожара и сумма убытковъ, ими причиненныхъ простирается до 1.250,000 руб. И это въ одинъ мѣсяцъ! Такое безпощадное истребленіе народ-

наго добра идетъ изо дня въ день, изъ года въ годъ—и кого же за него винить, какъ не самихъ себя.

Здоровье государственнаго канцлера, князя Горчакова, еще не поправилось, напротивъ даже нѣсколько ухудшилось новыми припадками подагры съ значительною болью.

Персидскій Шахъ выѣхалъ изъ Петербурга 16 мая провожаемый тѣмъ же почетомъ, какимъ былъ встрѣченъ. Онъ спѣшитъ на парижскую выставку, составляющую отчасти цѣль его поѣздки. Непосредственно изъ Петербурга шахъ направляетъ свой путь на Варшаву, которая, во время первой поѣздки его по Европѣ, осталась въ сторонѣ.

Извѣстный конечно всей Россіи баязетскій герой маіоръ Штоквичъ (портретъ котораго и описаніе его геройскаго подвига былъ помѣщенъ въ № 38 „Нивы" 1877 г. стр. 601—602). 11 мая имѣлъ вторичную аудіенцію у Государя Императора и получилъ два цѣнные подарка: портретъ Государя Императора въ изящной отдѣлкѣ и перстень съ вензелевымъ изображеніемъ, осыпанный весьма цѣнными брилліантами.

Другой, не менѣе извѣстный по своимъ заслугамъ, но по волѣ Провидѣнія уже сошедшій съ арены человѣческой дѣятельности на землѣ, генералъ Гейманъ умеръ, какъ мы имѣли случай сообщать, въ Эрзерумѣ. Этому герою предполагается поставить памятникъ въ Ерзерумѣ, и Тиф. Вѣст. сообщаетъ, что разрѣшеніе открыть подписку на сооруженіе этого памятника уже дано.

Въ заключеніе нашихъ извѣстій и въ предупрежденіе путешествующихъ по харьковско-азовской дорогѣ сообщаемъ о дерзкихъ воровствахъ на этой дорогѣ.

Въ ночь съ 26 на 27 апрѣля ѣхали въ вагонѣ I-го класса 3 пассажира изъ Харькова на югъ. Когда они уснули, то были обкрадены до-чиста. Сакъ-вояжи съ вещами вынесены, сумки съ деньгами отрѣзаны, верхнія платья, коими они прикрывались, исчезли, и даже у одного пассажира вытащено изъ-подъ подушки ружье, которое онъ положилъ такъ, что одинъ конецъ его загораживалъ входъ въ купэ, а другой былъ подъ подушкой. Когда пассажиры проснулись, то нашли фонари погашенными и двери вагона открытыми. Нѣтъ сомнѣнія, что воры употребили въ дѣло хлороформъ. Вѣроятно опасаясь, чтобы отъ сильнаго дѣйствія хлороформа пассажиры не умерли, воры оставили двери отворенными, чтобы хлороформъ вышелъ.

И такіе случаи, какъ разсказываютъ, не есть исключительные. Остается пассажирамъ—или спать по очереди или же требовать дежурнаго кондуктора. Во всякомъ случаѣ подобныя явленія требуютъ того, что бы на нихъ было обращено серьезное вниманіе тѣхъ, кому объ этомъ слѣдуетъ вѣдать.

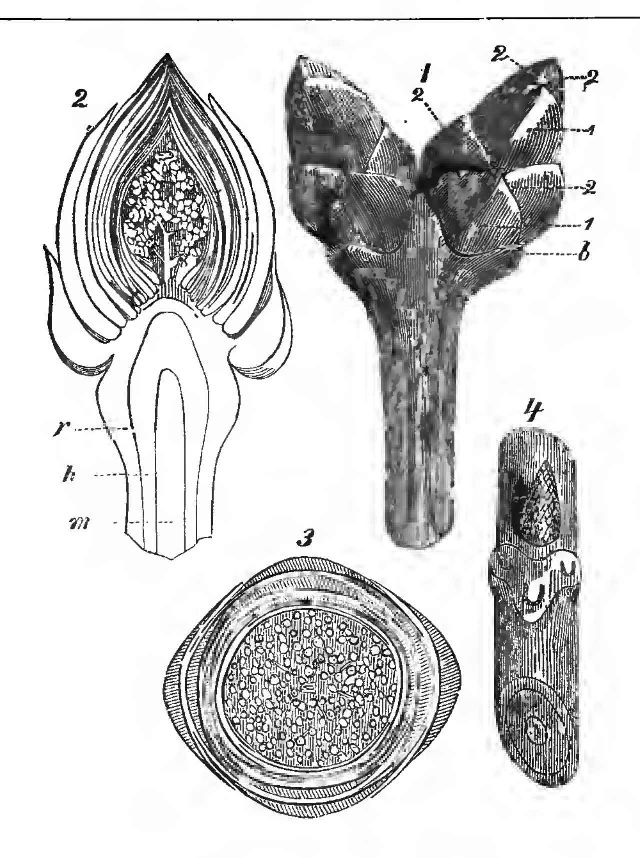
Листъ былъ уже спущенъ въ машину, какъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о вторичномъ покушеніи на жизнь германскаго Императора Вильгельма.

Въ воскресенье 21-го мая, въ $2^1/_2$ часа дня, во время прогулки Императора, въ него были сдѣланы выстрѣлы изъ дома, находящагося „подъ Липами". Выстрѣловъ было сдѣлано два—оба выстрѣла дробью. До 30 дробинъ проникло въ лицо, голову, обѣ руки и спину. Ни одна изъ ранъ, впрочемъ, не указываетъ на опасность для жизни Императора. Его Величество страдаетъ отъ сильной боли, но ни на одну минуту не терялъ сознанія. Въ городѣ, само собою разумѣется, страшное возбужденіе. Злодѣй, покусившійся на жизнь Императора, по слухамъ, оказывается докторомъ Нобилингомъ. Совершивъ преступленіе, онъ покушался на самоубійство.

Ходъ коня. Шахматная задача.

ло	ми	не	нной	тъ по	нін	бъ-дни	да
нныхъ	сѣ	сни	ни	вѣж	ле	є̄ры	н
сю	сти	ля	глу	отъ	те	въ от-	дѣ
ни	тель	рца	пи	наха	побу	на	нто
тво	ео	пца	дите	ля	усы	литъ	нто
ска	вда	лъ	ба	отъ	ла	ла	деждъ
ни	доу	взы	довъ	му	по	женъ	межъ
ли	н	судь	зей	бла	тэу	ніэ	сли

Рѣшеніе этой задачи будетъ помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ.

Весеннія почки сирени. (См. стр. 395).

Ариѳмогрифъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. славянинъ.

3. 7. 4. 5. союзъ.
6. 5. 8. 2. и не торопись.
7. 3. 9. грязь.
8. 5. 4. 5. 6. 9. это у свѣчи.
1. 5. 6. 5. 8. 9. животное.
6. 7. 4. 5. городъ и хозяйственное строеніе.
8. 7. 3. 9. рѣка въ Африкѣ и мужское имя.
3. 7. 6. 5. музыкальный инструментъ.
6. 2. 8. 5. рѣка въ Европѣ.
8. 7. 8. 5. женское имя.
8. 2. 4. 5. членъ тѣла.
6. 5. 1. 5. подчиненное существо.
6. 5. 8. 5. бываетъ и легкое, бываетъ и смертельная.
1. 5. 6. 7. 8. 9. теперь его мало боятся.

РЕБУСЪ.

в столице-

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

4. Саратовъ. Н. Пышев—ому Изъ вашего стихотворенія Къ „Волгѣ" беремъ слѣдующія строки:

Волга хороша восточною зарею,
Когда летитъ къ ней *птицъ толпа;*
Хотѣлъ бы и за ними улетѣть,
Но Волги брегъ крутой.

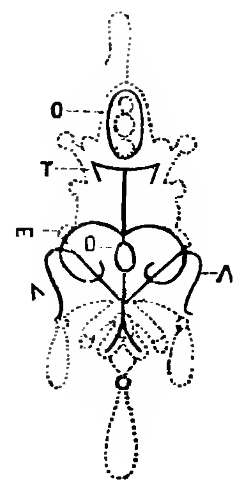
Положимъ, это препятствіе устранимо: можно найти поудобнѣе бережокъ, и благословясь, пуститься въ путь дорогу; но болѣе труда предстоитъ вамъ въ борьбѣ съ другими препятствіями, которыхъ, судя по вашему правописанію, едва ли вы въ состояніи когда либо преодолѣть. Такъ вы пишете:

Лиютъ слезы градомъ у меня,
Какъ вспомню о своей недолѣ.

Что же это льютъ ваши слезы?

Или: А Волга все шумитъ, реветъ,
Заботъ людскихъ не знаетъ?
Ахъ, если-бы слышала она,
Кто горько такъ надъ ней рыдаетъ.

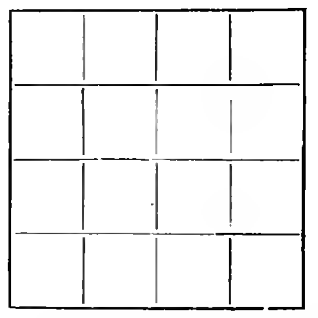
Желаніе, конечно, неисполнимое, но если бы въ самомъ дѣлѣ Волга могла слышать ваши стихи, то едва-ли-бы одобрила ихъ.

Эти серьги съ буквами были помѣщены въ № 20 «Нивы» и заключаютъ въ себѣ слово: Отелло.

Задача.

Размѣстить въ 16 клѣткахъ слѣдующіе 16 буквъ:
б, б, ѣ, у, у, с, л, л, т, т, о, о, о, к, к, к.

Изъ этого размѣщенія должны получиться четыре слова, которыя можно читать слѣва на право и сверху внизъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 26 Мая 1878 г.

№ 23 | 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 5 Іюня 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ съ 33 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 17 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

В. И. Васильевъ.

Русскіе оперные спектакли на сценѣ Маріинскаго театра закончились нынѣшней весной значительно позднѣе, чѣмъ это бывало въ предыдущіе годы. Окончившись послѣднимъ, бывшимъ въ концѣ апрѣля, спектаклемъ, на которомъ была поставлена „Рогнѣда“, опера покойнаго Сѣрова, русская оперная сцена считалась закрытою впредь до осеннихъ спектаклей. Но пріѣздъ персидскаго шаха далъ возможность любителямъ русской оперы быть еще на двухъ ея спектакляхъ, данныхъ собственно для царственнаго гостя, пожелавшаго услышать русскую музыку. Понятно, что мы, русскіе, имѣя возможность не только предъ персидскимъ шахомъ, но предъ всѣмъ свѣтомъ хвалиться русскою музыкой, предложили царственному гостю послушать произведенія нашего безсмертнаго композитора М. И. Глинки. Къ сожалѣнію, время посѣщенія Петербурга персидскимъ шахомъ, совпавшее съ закрытіемъ русскихъ оперныхъ спектаклей и съ

Владиміръ Ивановичъ Васильевъ I. Пѣвецъ Русской оперы въ СПБ.
Рис. и грав. А. Нейманъ.

отъѣздомъ нѣкоторыхъ изъ пѣвцовъ въ отпускъ не дало возможности поставить всю оперу „Русланъ“ а ограничиться только нѣсколькими ея актами, также не дало возможности поставить оперу „Жизнь за Царя“ во всей ея музыкальной красотѣ, то есть съ лучшими исполнителями партій этой оперы. Такимъ образомъ, царственный гость, посѣтившій въ прошедшемъ мѣсяцѣ нашу столицу, хотя и имѣлъ случай отчасти познакомиться съ нашею славною русскою оперой, но во первыхъ „Руслана“ онъ слышалъ не всего, а „Жизнь за Царя“ не при тѣхъ исполнителяхъ, при которыхъ эта опера является во всемъ блескѣ своихъ музыкальныхъ достоинствъ.

Въ этой оперѣ, какъ извѣстно всей Россіи, со славою исполнялъ въ продолженіи многихъ лѣтъ знаменитую партію Сусанина покойный О. А. Петровъ и исполнилъ ее почти 300 разъ (если неошибаемся, 294). Послѣ него достойнымъ преемникомъ и лучшимъ изъ всѣхъ бравшихся и

до сихъ поръ берущихся за это партію пѣвцовъ, былъ и есть Владиміръ Ивановичъ Васильевъ I, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ нашего журнала. Партія Сусанина, исполняемая этимъ знаменитымъ пѣвцомъ, производитъ на слушающаго необычайное впечатлѣніе по своей удивительной художественной силѣ и красотѣ. Но необходимо припомнить, что Владиміръ Ивановичъ Васильевъ, не будучи въ другихъ роляхъ выдающимся исполнителемъ ролей (т. е. не въ вокальномъ, а сценическомъ отношеніи), здѣсь, въ роли Сусанина, является образцовымъ актеромъ. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что Сусанинъ, созданный В. И. Васильевымъ, отличается отъ типа, созданнаго покойнымъ О. А. Петровымъ большею, такъ сказать, простотою, тогда какъ Сусанинъ покойнаго О. А. Петрова напоминалъ собою отчасти стариннаго русскаго боярина. Справедливость требуетъ добавить. что Сусанинъ О. А. Петрова нѣсколько величественнѣе и красивѣе чѣмъ Сусанинъ В. И. Васильева, но у этого послѣдняго онъ ближе къ чистому народному типу. Разница между обоими все таки незначительная, и намъ, имѣвшимъ случай долго слушать обоихъ пѣвцовъ въ исполненіи этой партіи, трудно дать предпочтеніе одному предъ другимъ: покойный О. А. Петровъ былъ замѣчательно хорошъ и В. И. Васильевъ тоже очень хорошъ.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что царственный гость, посѣтившій нашу столицу, не имѣлъ случая услышать В. И. Васильева именно въ роли Сусанина: впечатлѣніе, производимое игрою и пѣніемъ этого артиста въ роли Сусанина—остается у слушающаго, если не на всю жизнь, то на долгіе, долгіе годы.

Помѣщая его портретъ, сообщимъ здѣсь біографическія о его жизни и дѣятельности свѣдѣнія.

Владиміръ Ивановичъ Васильевъ происходитъ изъ духовнаго званія. По окончаніи своего образованія онъ поступилъ на гражданскую службу, въ которой былъ не долго. Обладая замѣчательнымъ голосомъ, онъ не разъ обращалъ на себя вниманіе знатоковъ и любителей пѣнія. Вслѣдствіе этого, онъ рѣшился посвятить себя сценической дѣятельности; съ этою цѣлію онъ началъ свои занятія у профессора пѣнія Фредерика Риччи, который въ то время приглашенъ былъ дирекціею императорскихъ театровъ, и въ качествѣ ученика послѣдняго пѣлъ публично въ сборномъ спектаклѣ, составленномъ изъ учениковъ Риччи. па Михайловскомъ театрѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ принятъ на службу въ русскую оперу; затѣмъ онъ ѣздилъ за границу для усовершенствованія себя въ драматическомъ пѣніи, гдѣ занимался подъ руководствомъ брата Риччи, извѣстнаго композитора. Возвратившись изъ заграницы, В. И. Васильевъ продолжалъ свою сценическую дѣятельность въ Маріинскомъ театрѣ, и исполняетъ до сихъ поръ главныя партіи въ оперномъ репертуарѣ.

Голосъ г. Васильева basso-profondo, необыкновенно сильный и рѣдкій по красотѣ тэмбра. Ноты его голосоваго регистра на всемъ протяженіи гаммы необыкновенно звучны, ровны и сочны. Лучшими ролями его обширнаго репертуара нужно считать, безъ сомнѣнія, партіи: Лепорелло въ „Донъ-Жуанѣ“, Гаспара въ „Фрейшюцѣ“, Вальтера въ „Карлѣ Смѣломъ“, Бертрама въ „Робертѣ“, Сусанина въ „Жизни за Царя“ и мног. друг. Г. Васильевъ служитъ украшеніемъ нашей оперной сцены, и потеря его для послѣдней была бы незамѣнима въ полномъ смыслѣ, благодаря отсутствію и рѣдкости такихъ голосовъ не только у насъ, но и на европейскихъ сценахъ. **Л. С.**

На берегахъ Лены.

(Разсказъ).

(Продолженіе).

Въ Волостномъ правленіи былъ сильный говоръ и шумъ: голова разбиралъ тяжбу о двухъ смежныхъ поляхъ. Въ это время въ правленье вошла Лисавета, съ сильно натертыми глазами, такъ что по краснотѣ ихъ можно было подумать. что Лисавета долго и горько плакала.

— Къ тебѣ, батюшко, Ѳедоръ Еѳимовичъ пришла, начала Лисавета плачевнымъ голосомъ, и утирая рукавомъ глаза

— Чего ты, Лисавета, о чемъ плачешь?

— Чиво, батюшка Ѳедоръ Еѳимовичъ, мой-отъ Савватѣй-отъ Ильичъ потерялся!

— Чего ты баба грезишь?! Куды потеряется Савватѣй Ильичъ?

— Како, батюшко, грезить! Вчера, слышь ты, поплылъ онъ въ подводы на Пеледуй, ну, и ничего. Приплыли это сказыватъ Иванъ, приплыли онѣ на Пеледуй-отъ да и пошли по фатерамъ. Только Иванъ да Семенъ пришли въ почтову, да и побѣжали скликать моего-то, а онъ, говорятъ, ушелъ ужъ; ну, онѣ туды, сюды кинулись—нѣту, говорятъ, и не видали, а, говорять, надо быть, по хребту домой ушелъ. Иванъ съ Семеномъ-то и пошли въ лодкѣ-то, домой, вдвоемъ, а моего-то и теперь нѣту.

— Да рано вчера-то онѣ уплыли?

— Какъ не рано—чѣмъ свѣтъ спали ишшо, когда подводы-то, слышь ты, наплыли.

— Такъ гдѣ же онъ?

— Богъ его знаетъ. Мужики-то говорятъ, медвѣдь надо быть, въ Романовомъ натолкался—тутъ притонъ имя... Я ужь глаза-то всѣ потеряла.

Лисавета закрылась рукавомъ и утирала слезы.

— Чево плакать-то можетъ ишшо найдется.

— Да какъ не плакать, Ѳедоръ Еѳимовичъ! Кожу же плакать-то какъ не мнѣ! Кто у меня теперь землю-ту спашетъ, али подводы-то сгоняетъ? кто дровъ-та нарубитъ, али сѣна поставитъ? Совсѣмъ пропащая сирота—хоть по міру иди! Андрюшка-та—да чево ишшо онъ на четырнадцатомъ-то году, какой человѣкъ: пашню-ли спашетъ онъ теперь, али въ подводы поплыветъ? Чего я теперь...

И Лисавета опять заплакала, закрывшись рукавомъ.

— Ну, чего, ребята! обратился голова къ мужикамъ:—думать-то нечего, соберитесь-ка человѣкъ десять-поболыше, да возьмите ружья да рогатины... Надо искать, вѣдь мужика-то! Идите-ка теперь же. Такъ-таки до хребту и ступайте да слѣдите: теперь дорога грязная, какъ разъ на слѣдъ набредете. Ну, ну, ну! Не копайтесь же, мѣшкать-то нечего! Да ямщиковъ-то разспросите!

Мужики пошли изъ правленья вонъ и Лисавета направила шаги свои прямо, къ дому. Лицо ея было озабочено не на шутку; глаза сдѣлались шире обыкновеннаго и неподвижно смотрѣли впередъ, съ выраженіемъ страха; мысли были заняты словами: „теперь дорога грязная, какъ разъ набредете на слѣдъ“—Ну что, думала она: если въ самомъ-дѣлѣ набредутъ да пойдутъ по слѣду? Оно гдѣ хоть и потеряется, слѣдъ на сухомъ мѣстѣ,—да народъ промышленной и пойдутъ съ собаками—заберутъ жирье, да на грязи опять таки найдутъ слѣдъ. Что тогда будетъ? Лисавета до самаго вечера была занята этими мыслями и день провела очень тревожно. Вокругъ дома она старательно заравняла въ этотъ день всѣ слѣды. Узнавши предъ сумерками о возвращеніи мужиковъ, она скорыми шагами пошла узнать, что нашли мужики, и сильно тревожилась: сердце ее билось, тѣло содрагалось, какъ бы отъ электрической искры, лицо блѣднѣло, глаза округлились и отъ страха сдѣлались болѣе. Въ это время увидѣвшій ея сказалъ бы, что Лисавета сильно испугана потерей мужа и горе ее неподдѣльно. Андрюшка и двѣ небольшія дочери шли за ней.

— Чево, батюшки?... спросила она возвратившихся мужиковъ, разговаривавшихъ около почтоваго дома.

— Чево, тетка Лисавета, сходили да и пришли, довольно равнодушно отозвался одинъ изъ толпы.

— Чево же нашли-то?

— Да ничего и не нашли, а такъ вотъ сходили, только промялись, да день потеряли.

— Да, вотъ, вишь ты, кума Лисавета! сказалъ мужикъ среднихъ лѣтъ съ клинчатой бородкой:—дошли мы, теперь, отсюда по дорогѣ. Ну, вотъ и шли да смотрѣли на дорогу, а слѣдовъ все нѣту. Только подходимъ къ Романову—а солнышко ужь въ половинѣ дня —подходимъ, теперече, а тутъ слѣдья, въ здѣшнюю сторону, будто въ алочахъ, али въ сарахъ кто прошелъ.

Ну, мы подошли ишшо впередъ—слѣдъ все съ Пеледую сюды и идетъ; ну, мы воротились опять по слѣдуто—дошли, а тутъ онъ поворотилъ на право, да прямо въ боръ—мы все по нему, мы все по нему, да вплоть до бору, а какъ въ боръ-отъ зашли, тутъ все сухо, и слѣдъ потеряли. Мы кинулись: кто по-бору, кто позадь бору, жиры забирать—а все нѣту, все нѣту... Да, вотъ, эдакъ-то все, почесь, до сумерекъ и проваландовались.

— Да, вѣдь, и диво! отозвался еще одинъ:—мы обошли кругомъ весь боръ, а слѣду даже ни какого нѣту, какъ будто онъ въ бору остался, али изъ бору вылетѣлъ, какъ глухарь.

— Я такъ думаю, ребята, что надъ нимъ подиковался кто, въ недобрый часъ.

— Да чево ты думашь! Силиверстъ-старикъ покойникъ разсказывалъ же, какъ блудилъ-то: иду, говоритъ, все дорога, все дорога, а тутъ вдругъ трущоба, такъ что свѣту невидать; а все, говоритъ, шелъ по дорогѣ.

— А изъ бору, ребята, вѣдь, только и выходу, что въ деревню; а тамъ, по ельнику, снѣгъ, куда ни пойди —все снѣгъ, слѣдъ бы ужь попался.

— Въ деревню! знамо, что въ деревню выходъ, да изъ деревни-то куда бы онъ дѣвался, кабы вышелъ? Вотъ, почитай, двои сутки ужь, теперече...

— А я такъ думаю, ребята: не въ бору ли гдѣ онъ остался.

— Чево ты? Въ бору остался! Въ бору-то за полъверсты человѣка видно.

— Такъ какъ, вѣдь, ребята, не суди, а куда ему дѣваться изъ бору? Если хоть бы на медвѣди положить, такъ медвѣжьяго слѣду нѣтъ—видно, вѣдь, было бы; гдѣ снѣгъ, гдѣ грязь—все ужь слѣдъ бы остался, хоть кругомъ бору-то.

— Не знаю, ребята, что и судить! Тутъ ума не приложишь!

Съ каждой минутой предположенія все смѣнялись, но видимой догадки никакой не являлось. Толпа все прибывала: народъ, освободившійся отъ дневныхъ работъ, стекался къ одному мѣсту. Лисавета причитала о своемъ потерявшемся Савватѣѣ Ильичѣ, дѣти Лисаветы плакали и заглушали ее причитанья. Мужики стояли съ винтовками и рогатинами, на всѣхъ лицахъ выражалось уныніе. Наконецъ Лисавета съ дѣтьми отправилась домой, сопровождаемая цѣлой гурьбой дѣвокъ и бабъ. Мужики пошли объявлять головѣ. Улица осталась пустая.

Въ слѣдующія два дня розыски были столь же безуспѣшны и сильно озадачивали мужиковъ. Наконецъ розыски кончились,началось слѣдствіе. Пріѣхалъ засѣдатель, и народъ началъ стекаться къ допросамъ.

Лисавета грустила и плакала. Слезы ее выгоняла остановка пашни. Исправникъ еще непріѣзжалъ. Наконецъ, съ помощію головы Лисавета уговорила своего свата спахать для нея пашню, обѣщаясь уплатить за это деньгами, которыя общество хотѣло выхлопотать ей у исправника. Дочери Лисаветы ходили съ распущенными косами, въ знакъ траура по погибшемъ отцѣ.

IV.

Странно и смѣшно смотрѣть на бѣдную деревеньку съ волостнымъ правленіемъ, какъ она встревожится пріѣздомъ исправника или засѣдателя. Лишь только кто нибудь скажетъ о пріѣздѣ того или другого, какъ въ ту же секунду пропадетъ обыкновенное выраженіе лицъ, исчезнетъ спокойствіе. Нѣкоторыя лица побледнѣютъ, нѣкоторые, напротивъ, покраснѣютъ и точно вытянутся; глаза округлятся и примутъ выраженіе испуга, губы отдуются.

Сильнѣе при этомъ забьется и сердце. Каждый мужикъ дѣйствіемъ какой-то невидимой силы приметъ согбенное положеніе, какъ будто исправникъ или засѣдатель сидитъ у него на плечахъ или хочетъ сѣсть за пазуху. Десятники, ямщики и просто мужики забѣгаютъ по всей деревнѣ, перекликаясь съ улицы въ улицу. Въ первый часъ пріѣзда исправника непривыкшему человѣку покажется, что въ деревнѣ по крайней мѣрѣ пожаръ или забрело въ нее нѣсколько медвѣдей.

Такой переполохъ случился и въ деревнѣ Витимѣ. Видя бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ мужиковъ, десятниковъ съ палками, скачку верховыхъ лошадей въ хомутахъ и сѣдлахъ, Лисавета выбѣжала за ворота и закричала: „кто пріѣхалъ“? зная навѣрное, что переполоха безъ причины быть не могло. Трое бѣгущихъ въ одинъ голосъ отвѣчали ей: „исправникъ“! Лисавета тотъ часъ вернулась домой, повязала голову старымъ, затасканнымъ платкомъ, надѣла шушунъ, повязала его ситцевымъ платкомъ, скрученнымъ въ видѣ бичевки и отправилась къ лодкѣ исправника, подумывая крѣпко: какъ-то она явится, какъ-то станетъ просить и какъ при этомъ съумѣетъ заразъ наскучить исправнику и потомъ уже, послѣ сильнаго жеста и крика его: „замолчать!“—съумѣетъ замолчать и болѣе не натягивать всѣхъ силъ своихъ и не натирать глазъ до крастноты и слезъ. Тихимъ шагомъ, повѣсивъ голову и съ опечаленнымъ видомъ подошла она къ лодкѣ. Лодка исправника была заперта по случаю явки головы. Лисавета взошла на лодку и не входя во внутрь четыреугольной каюты, стала въ носовой части. Наконецъ, двери отворились. Вышелъ голова и за нимъ показался исправникъ, мущина средняго роста, въ шерстяномъ коричневомъ халатѣ, съ глиняною трубкою на аршинномъ черешневомъ чубукѣ.

— Что ты, старуха? спросилъ исправникъ.

Лисавета вздрогнула, не смотря на то, что такой вопросъ должна была ожидать. Потомъ быстро кинулась она къ ногамъ исправника, и собравъ всѣ свои силы закричала:—Батюшко! Ваше высокоблагородіе!—закричала такъ громко, что стоявшіе около лодки ямщики испугались и сильно подернулись на своихъ мѣстахъ.

— Вставай, старуха!.. да молчи, чтобы твоего крику я не слыхалъ! сказалъ исправникъ.

Лисавета встала.

— Какъ же мнѣ, ваше высокоблагородіе, не плакать!.. Мужъ-отъ мой Савватѣй Ильичъ потерялся!

— Какъ потерялся? равнодушно спросилъ исправникъ.

— Да Богъ его знаетъ, ваше высокоблагородіе! ужь ума не приложимъ.

— Какъ это было? спросилъ исправникъ тутъ же стоявшаго голову.

— Ваше высокоблагородіе! вамъ донесено ужь объ этомъ изъ правленья—что неизвѣстно куда потерялся, это тотъ самый и есть.

— Да, да, да, помню, помню. Ну, а слѣдствіе что же?

— Да его благородіе, господинъ засѣдатель, спрашивалъ ужь.

— Ну, и что же?

— Не могу знать-съ. Мужики показали что не нашли.

— Такъ ты старуха, что же отъ меня-то хочешь?

— Да чего хотѣть, ваше высокоблагородіе! Мнѣ теперь и пашню-то нечѣмъ спахать и подводы-то некому сгонять, да и хлѣба-то купить не нашто.

— Такъ что же—я-то?

— Да не будетъ ли милости, ваше высокоблагородіе?

— Дѣти большія у тебя?

— Сынокъ-отъ, вотъ ужь, четырнадцатой годъ пошелъ, а тутъ все дѣвки.

— Скотъ есть?

— Конь, да корова, три овцы, четвертую-то ныньче же вотъ продала, не нашто было и хлѣба-то купить.

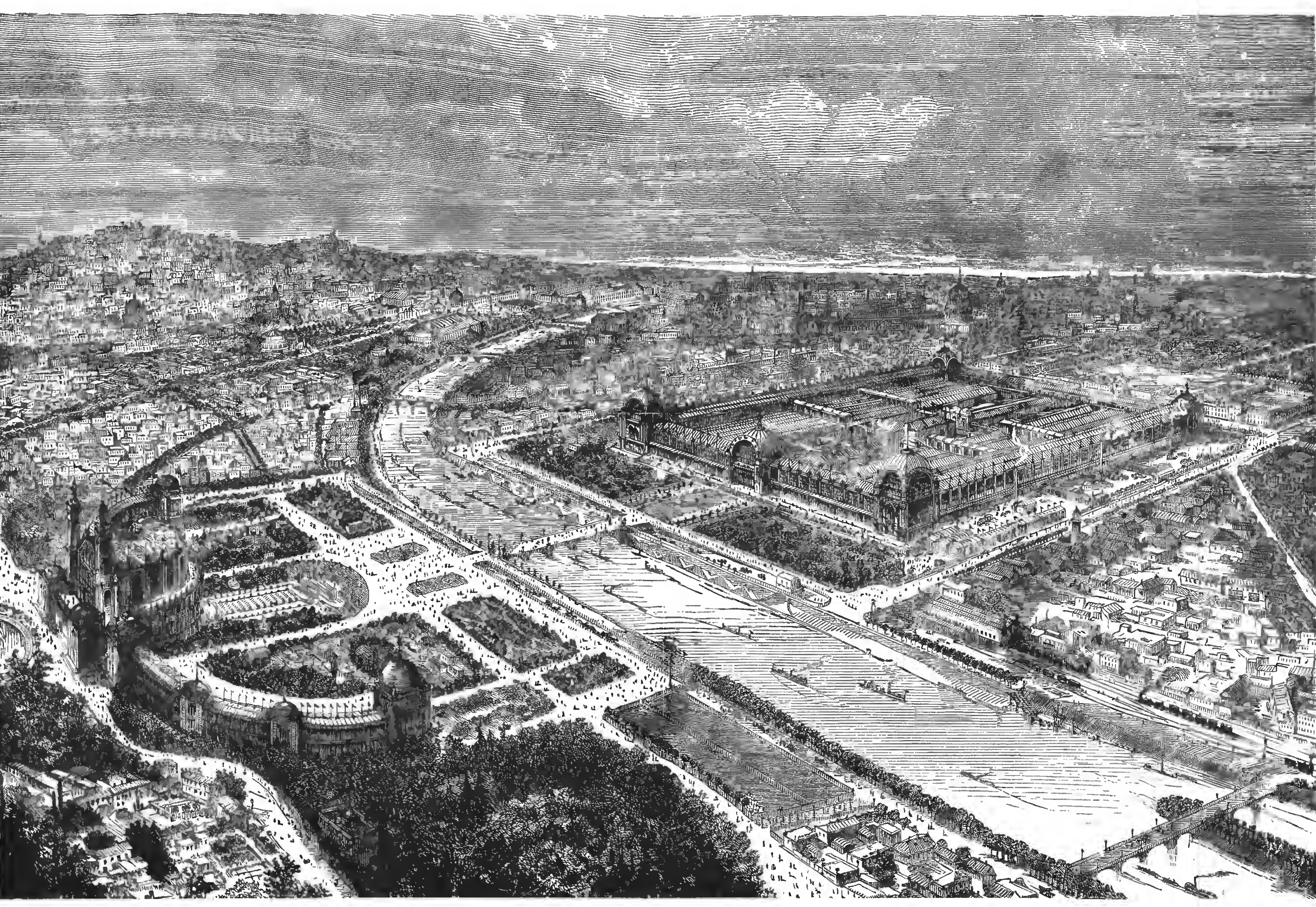
— Эй!.. Вы, народъ! Подите сюда! закричалъ исправникъ.

Стоявшіе около лодки ямщики подошли ближе.

— Каково, зажиточно живетъ она? спросилъ исправникъ мужиковъ.

Крестьяне Смоленской губерніи на полевыхъ работахъ. Рис. В. А. Беръ, грав. Боте.

Видъ съ высоты птичьяго полета всѣхъ зданій Всемірной Выставки въ Парижѣ и ея окрестностей. Рис. К. Дюшенъ, грав. Дежанъ.

— Како, ваше высокоблагородіе, зажиточно! извѣстны наши-то пожитки.

— Конь, да корова только.

— Дѣти малы.

— Подводы гонять нечѣмъ.

— За пахоту заплатить нечѣмъ. Я, вотъ, взялся спахать, а денегъ еще не видалъ не копѣйки.

— Такъ сколько же, вы думаете, нужно дать ей, чтобы спахать, и до осени прогонять? спросилъ опять исправникъ.

— Да какъ сколько, ваше высокоблагородіе, надо, сами знаете.

— Нашему брату и Богъ знаетъ сколько бы понадобилось, да гдѣ возьмемъ.

— Ну, такъ что же, пятьдесятъ рублей будетъ довольно?

— Хм... Пятьдесятъ рублей! Ловко, парень!..

— Слава Тебѣ, Господи! Да это еще не деньги?

— Какъ не довольно, ваше высокоблагородіе!

— Да на эти деньги можно коня купить и работника нанять до осени.

— Ну, такъ вотъ тебѣ помощь отъ казны. Бери и моли Бога за доброе начальство, которое такъ заботится о васъ... Да еще знай, что такой помощи никто не получалъ и не получитъ... За особенное твое несчастіе и въ обезпеченіе малыхъ дѣтей это тебѣ дается.

Лисавета взяла деньги и опять бухнула въ ноги исправнику, и ужь довольно спокойно проговорила:

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе! Вѣкъ за васъ буду Бога молить.

Мужики съ умиленіемъ посматривали на исправника и Лисавету.

— Ну, а ты, голова, смотри, чтобы она вела себя хорошо, по дому разстройства не сдѣлала, пашню бы спахала и подводы бы отганивала исправно.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! Буду смотрѣть.

Исправникъ скрылся въ лодку, Лисавета пошла домой, за ней голова и сватъ, пахавшій для нея землю.

V.

Въ половинѣ іюля въ одинъ прекрасный день— если только день можно назвать прекраснымъ, когда солнце часто прячется за облака, выходитъ, озаряя лучами какой нибудь одинъ лоскутъ земли, опять прячется и опять выходитъ, когда на западѣ нависла черная туча, угрожая тотчасъ надвинуться на гуляющихъ, и окатить всѣхъ благотворной, но не совсѣмъ радостной влагой, которая въ пять минутъ проберетъ до костей... Дѣйствительно-ли прекрасенъ такой день вообще—не знаю, но въ Сибири, и на Ленѣ особенно, въ половинѣ іюля этотъ день можно назвать прекраснымъ: и такъ, въ такой прекрасный день порядочная толпа молодежи радужными цвѣтами пестрѣлась за деревней, на ровной площадкѣ, покрытой мягкимъ ковромъ душистой зелени. Тутъ можно было насчитать десятка четыре, или около этого, молодыхъ деревенскихъ ребятъ и дѣвушекъ весело играющихъ въ хороводъ съ припѣвомъ веселыхъ пѣсенъ. Беззаботливость видна была на всѣхъ лицахъ, стѣсненія, робости нигдѣ не было замѣтно.

Въ это время по дорогѣ, отъ лѣса, какой-то усталый, или больной путникъ, опираясь на длинную сосновую палку, кое какъ передвигалъ ноги, направляя шаги свои мимо хоровода. Путникъ былъ высокъ ростомъ, черенъ какъ арабъ, пасмуренъ и, повѣсивши голову, смотрѣлъ внизъ; всклокоченныя, длинныя его волосы висѣли прядями. Путникъ, никѣмъ не замѣченный, подходилъ къ шумному хороводу, и на освѣщенномъ выглянувшимъ солнцемъ маленькомъ пригоркѣ явился всей своей мрачной фигурой, привлекшей вниманіе хоровода. Большая часть толпы оглянулась на усталаго путника и опять продолжала свою веселую пѣсню:

Я во этомъ хороводѣ,
Я во этомъ веселомъ
Скакала, плясала...

Но видно было, что пѣсня не такъ плавно продолжалась, какъ началась до появленія путника. Нѣсколько глазъ поминутно обращались къ пригорку, какъ будто стараясь кого-то узнать въ усталомъ путникѣ. Наконецъ, пѣсня кончилась. Путникъ только что спустился съ пригорка, сильно упираясь палкой. Толпа какимъ-то невольнымъ влеченіемъ вся устремлялась въ ту сторону, сердца у всѣхъ забились симпатіей къ путнику и начались догадки:

— Кто это, ребята?

— Богъ его знаетъ.

— Можетъ, бродяга больной.

— Како бродяга, вишь, безъ котомки.

— Чево же, ребята, будто походка знакома?

— Знакома и есть.

— Будто какъ Савватѣй Ильичъ?

— Походка-то походитъ, да откуда возмется-то онъ?

— Да пойдемте смотрѣть.

— Пойдемте.

— Ну, такъ взапуски?

— Валяй!

И нѣсколько молодыхъ ребятъ пустились на встрѣчу путнику, изо всей силы стараясь перегнать другъ друга— вотъ ужь близко, бѣгутъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы смять несчастнаго; но старикъ, не измѣняя шага, все движется впередъ. Толпа бѣжитъ потише; крики, шопотъ, унялись, и молодежь остановилась. Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на путника, и никто не говоритъ ни слова. Путникъ первый, приподнявши повиснувшую голову, дрожащимъ голосомъ кое-какъ произнесъ:

— Здравствуйте, ребятушки!

— Дядя Савватѣй, ребята! Савватѣй Ильичъ! Савватѣй Ильичъ! Савватѣй Ильичъ идетъ! Савватѣй Ильичъ вышелъ! закричали молодые люди. Дѣвушки оставили мѣсто хоровода и бѣжали къ Савватѣю Ильичу. Наконецъ вся толпа обступила его и остановила. Вопросы посыпались со всѣхъ сторонъ и, не ожидая отвѣтовъ, смѣнялись новыми, а Савватѣй Ильичъ только посматривалъ на всѣхъ блуждающими, мутными глазами, видя невозможность отвѣчать, и сѣлъ на влажную траву съ тяжкими стонами и болѣзненными вздохами. Нѣсколько ребятишекъ пустились въ деревню, обгоняя другъ друга и прискакивая на одной ногѣ при каждомъ удобномъ случаѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ вѣсть о Савватѣѣ Ильичѣ распространилась по всей деревнѣ и всѣ—малыя и большія, старыя и молодыя, вышли съ разныхъ концовъ улицы и скорыми шагами направились къ площадкѣ. Всѣ спѣшили какъ можно скорѣе увидать Савватѣя Ильича, какимъ-то чудомъ оставшагося въ живыхъ. Вновь прибывшіе пробирались ближе къ предмету любопытства и расталкивали локтями прежде прибывшихъ. Лисавета съ дѣтьми была ближе всѣхъ къ нему, но особенной радости въ лицѣ своемъ не показывала; дѣти то плакали, то смѣялись и ласкались къ воскресшему отцу. Общій шумъ продолжался долго. Въ это время говорили всѣ заразъ и никто ничего не слушалъ, и затихли уже тогда, какъ какой-то старческій, но довольно еще звучный голосъ прокричалъ: „молчите, дайте распросить мужика!“ Говоръ началъ ослабѣвать и потомъ затихъ, только чуть внятный шопотъ раздавался кое-гдѣ. На всѣхъ лицахъ выразилось особенное вниманіе и любопытство слышать, что будетъ разсказывать Савватѣй Ильичъ, а Савватѣй Ильичъ только кряхтѣлъ и охалъ.

— Ну-ка, Савватѣй Ильичъ, разскажи: гдѣ ты былъ эстолько время,—началъ тотъ же старческій, но звучный еще голосъ: я ужь за упокой души твоей молилъ Богу, да и панафиду по тебѣ давно уже отслужили, а ты вотъ, слава Тебѣ, Господи, вышелъ.

— Да можетъ... ваши-то... молитвы и вывели, кое-какъ произнесъ Савватѣй Ильичъ.

— А гдѣ-же ты былъ-то, разскажи?

Савватѣй Ильичъ прижалъ руку къ груди и на полуоборотъ подавая голову вправо и влѣво, покачивалъ ее сверху внизъ съ тихимъ, но тяжкимъ болѣзненнымъ стономъ.

— Не можешь, что-ли? скажи Савватѣй Ильичъ. Уведетъ молодежь-то домой тебя—отдохни.

— Ой!. въ брюхѣ-то у меня... пусто... Шутка-ли... два мѣсяца... прожить на каменной... просвиркѣ!

— Чего ты грезишь! на какой каменной просвиркѣ?

— Ой!.. пусто.

Услышавъ во второй разъ, что въ брюхѣ Савватѣя Ильича пусто, двѣ молодыя дѣвушки побѣжали въ деревню за припасами, вскричавши только: „сейчасъ, Савватѣй Ильичъ, принесемъ ѣсть“.

— Да гдѣ-же ты каменную-то просвирку ѣлъ?

— У хозяина-то своего и ѣлъ.

— У какого?

— У лѣснова-то.

Многія перекрестились и вполголоса произнесли: чуръ меня, Христосъ со мной! Старикъ, распрашивавшій Савватѣя, тоже снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Да ты въ умѣ-ли? Богъ съ тобой! Ты разскажи все: какъ ушелъ и гдѣ жилъ.

— Ой, не могу!.. И Савватѣй Ильичъ отъ изнеможенія легъ на траву.

Народъ разошелся по площадкѣ, въ ожиданіи дѣвушекъ съ припасами. Любопытство всѣхъ было сильно затронуто неясными отвѣтами Савватѣя Ильича и никто не хотѣлъ уйти. Всѣ на площадкѣ остались въ надеждѣ услышать длинный разсказъ Савватѣя Ильича о бывшихъ съ нимъ приключеніяхъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ посматривали въ ту сторону, откуда должны были возвратиться дѣвушки. Наконецъ обѣ онѣ показались съ узелками и быстро прибѣжали. Тотчасъ же Савватѣю Ильичу предложили булки, лепешки, творогъ со сметаной, рѣдьку, морковь, брюкву, рѣпу; но старикъ прибралъ все къ себѣ, отломивъ небольшой кусокъ лепешки и отдѣливъ немного творогу со сметаной въ глиняной чашкѣ для Савватѣя Ильича. Все прочее онъ оставилъ у себя изъ опасенія, чтобы Савватѣю Ильичу не было вредно отъ избытка пищи послѣ долгой голодухи, или, какъ говорилъ старикъ, „не обурдомажило бы его“. Савватѣй Ильичъ поднялъ голову, сѣлъ и началъ ѣсть творогъ съ сметаной, въ прикуску съ лепешкой, намазанной масломъ и довольно черствой. Съ каждымъ глоткомъ замѣтно дѣлался онъ живѣе, и кончивъ отложенную порцію, пожелалъ еще. Старикъ далъ ему кусокъ лепешки вдвое менѣе съѣденнаго и дозволилъ съѣсть съ творогомъ. Все другое, какъ-то: рѣдька, морковь и проч. строго были запрещены. Савватѣй Ильичъ съѣлъ вторую порцію, потомъ вынулъ табакерку и понюхалъ табаку; но никто не удивился, что у Савватѣя Ильича въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ не вывелся табакъ изъ табакерки. Отправляясь въ подводы, казалось бы не могъ же онъ взять запасъ на два мѣсяца.

— Ну, каково теперь, Савватѣй Ильичъ? спросилъ старикъ.

— Ничего, мало-мало получше стало, сказалъ Савватѣй Ильичъ болѣе твердымъ голосомъ.

— Такъ разскажи-ка, гдѣ же ты былъ.

— Ой, отцы родные! Гдѣ я былъ,— не дай Богъ никому бывать.

— Ну, гдѣ же? Н. Т.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

Къ рисункамъ.

Всемірная Выставка въ Парижѣ.

Читатели наши уже знаютъ, что дворецъ Парижской всемірной выставки на Марсовомъ полѣ представляетъ продолговатое зданіе. Боковыя стороны этого зданія состоятъ изъ галлерей, идущихъ параллельно. Лѣвая сторона (отъ главнаго входа со стороны Іенскаго моста) занята выставкой французскихъ произведеній, правая отдана подъ иностранные отдѣлы, изъ которыхъ каждый заканчивается своимъ національнымъ фасадомъ.

Этотъ рядъ иностранныхъ отдѣловъ носитъ названіе „Avenue des Nations“, и въ этомъ же ряду помѣщается и нашъ русскій отдѣлъ, видъ фасада котораго прилагается въ этомъ № „Нивы“.

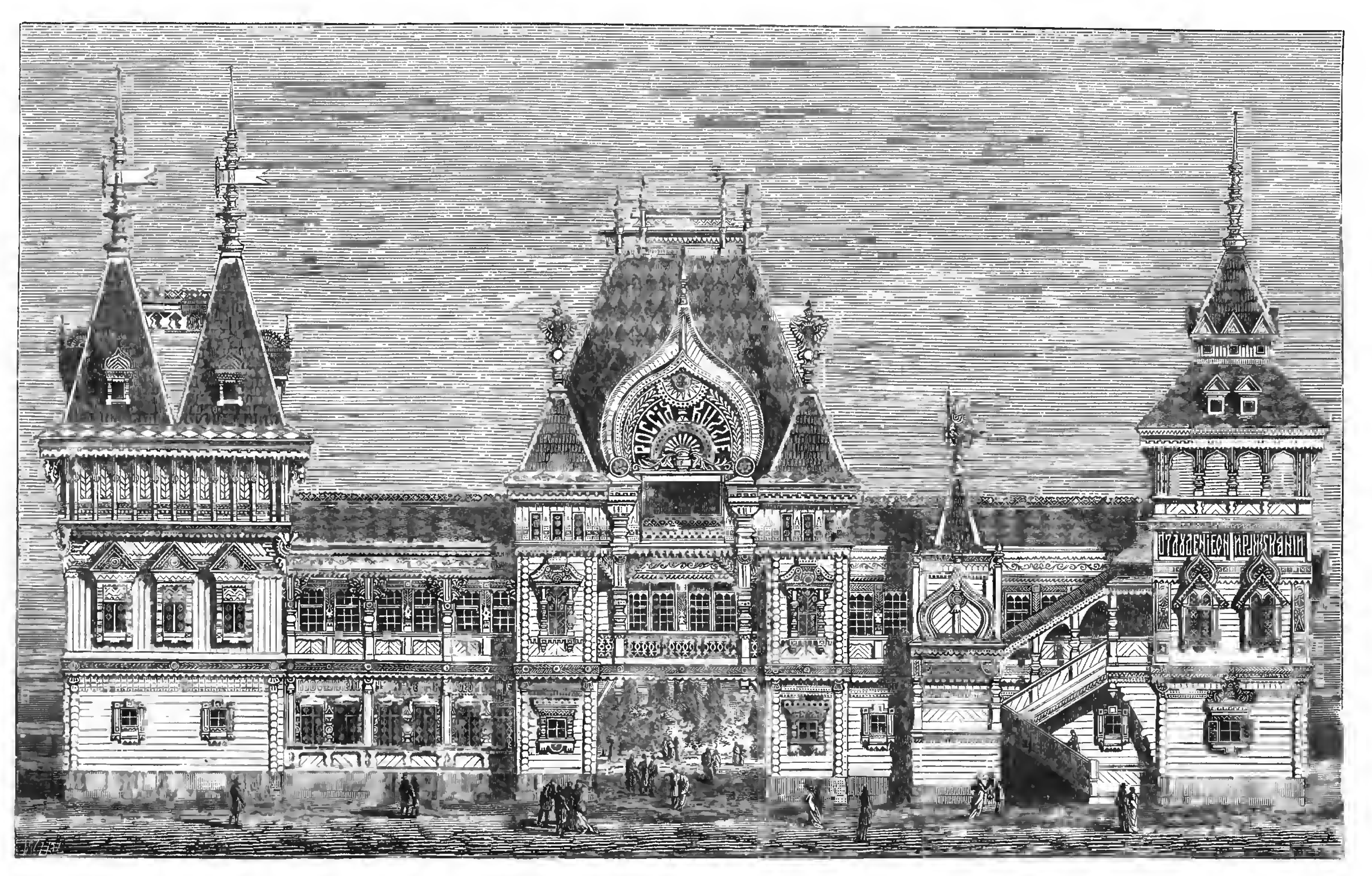
Русскій фасадъ, по проекту архитектора Ропнета, сдѣланъ въ видѣ избы и терема, соединенныхъ вмѣстѣ. Въ сущности онъ простъ, но это простота искусно приноровлена въ его пользу съ точки зрѣнія общаго вида и главнаго характера. Такъ по крайней мѣрѣ отзываются о немъ французы. Онъ состоитъ собственно изъ трехъ частей, павильоновъ, бревна которыхъ тщательно обтесаны, покрыты политурой и ловко приложены одно къ другому. Все зданіе фасада обвито галлереями, витыми лѣстницами и украшено причудливой рѣзьбою. Средній павильонъ имѣетъ галлерею, украшенную бѣлой холщевой драпировкой, съ разноцвѣтнымъ шитьемъ: тутъ и традиціонные гусики, и человѣчки, и коньки, и елочки, и т. д. Словомъ—все эстетическое миросозерцаніе подмосковной Руси. Съ боковъ центральнаго павильона возвышаются два крайніе. Крыши ихъ имѣютъ видъ куполовъ и украшены фронтонами въ византійскомъ стилѣ. Эти византійскіе фронтоны давнымъ давно составляютъ достояніе нашей старинной русской архитектуры. Такъ, напримѣръ, они украшаютъ Десятинную церковь въ Кіевѣ и кромѣ того, ихъ можно встрѣтить на многихъ храмахъ въ Москвѣ, построенныхъ даже и не въ очень давнее время. Такъ архитекторъ Тонъ ввелъ ихъ въ постройку храма Спасителя въ Москвѣ. Они собственно сами по себѣ недурны, только справедливость требуетъ замѣтить, что здѣсь на выставкѣ, въ соединеніи съ куполами боковыхъ павильоновъ, они теряютъ свою оригинальную красоту. Въ боковые павильоны ведутъ витыя лѣстницы съ рѣзными перилами. Но, надобно сказать, что рѣзьба вообще неудачна, груба, хотя дѣлана видимо съ претензіей на изящество. Да ее же и употребляли во зло: всюду налѣпили, все хотѣли ею украсить и этимъ только повредили общему виду. Перила галлерей и лѣстницъ также сдѣланы тяжелыми, не совсѣмъ искусными.

Кажется, что у насъ вообще замѣчается отсутствіе умѣнья дѣлать архитектурныя украшенія легкими и съ должной соразмѣрностью во всѣхъ частяхъ. Такъ и въ устройствѣ нашего фасада глазъ сразу видитъ необыкновенную высоту крышъ сравнительно съ высотой самаго зданія; точно также бросается въ глаза излишество острыхъ угловъ. Таковы, откровенно говоря, тѣ недостатки нашего русскаго фасада, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза именно по обилію на фасадѣ излишнихъ украшеній и отсутствію соразмѣрности частей ихъ. Но все таки въ общемъ своемъ видѣ фасадъ нашего отдѣла недуренъ и особенно выигрываетъ отъ сосѣдства съ безвкусными зданіями фасадовъ Австро-Венгріи и Швейцаріи.

Въ русскомъ отдѣлѣ есть много предметовъ заслуживающихъ вниманія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы также упоминали въ нашихъ статьяхъ о выставкѣ, теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ вещахъ въ русскомъ отдѣлѣ, о которыхъ имѣемъ болѣе положительныя свѣдѣнія. Къ наилучшимъ произведеніямъ русской фабричной промышленности относятся бронзовыя вещи фабрики Шопена, высоко стоящія какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по изяществу исполненія. Кромѣ bronze d'ameublement, тутъ можно видѣть и чисто художественныя произведенія. Изъ салонной бронзы первенство принадлежитъ канделябрѣ, въ видѣ огромной фарфоровой вазы на бронзовомъ пьедесталѣ, съ множествомъ бра, въ которыхъ вмѣщается почти до 100 свѣчей. Съ прекрасными поддѣлами изъ сибирскихъ камней заставляютъ собой любоваться малахитовыя вещи: большія и маленькія вазы, столы съ досками изъ малахита, такой же каминъ, украшенный спереди и съ боковъ гирляндами изъ разныхъ камней, рельефно выступающихъ на черномъ фонѣ ониксовыхъ досокъ. Каминъ этотъ положительно можно назвать роскошнымъ, хотя и за нимъ не можетъ быть признано свойство изящнаго. По крайней мѣрѣ такъ отзываются. За малахитами стоятъ рояли Беккера, восхищающіе какъ мягкостію и силою тона, такъ и ровностію звуковъ во всѣхъ регистрахъ.

Несомнѣнно заинтересуютъ знатоковъ дѣла наши гальванопластическія работы. Обратятъ на себя вниманіе и прекрасныя фотографіи.

По мѣрѣ полученія рисунковъ съ предметовъ, имѣющихъ мѣсто въ нашемъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ, мы будемъ сообщать читателямъ на сколько возможно подробныя свѣдѣнія. Вообще въ наши статьи о выставкѣ постараемся внести все, что въ особенности будетъ останавливать на себѣ внима-

Всемірная выставка въ Парижѣ: Русскій отдѣлъ. Фасадъ русскаго зданія на выставкѣ, построенный по проекту архитектора Роппета. Рис. Вири грав. Квирингъ.

Геній Искусствъ. Горельефъ надъ главнымъ входомъ въ Луврскій дворецъ въ Парижѣ. Рис. Жоль-Ловэ, грав. Л. Шапонъ.

ніе. А такихъ вещей, само собою разумѣется, будетъ не мало, такъ какъ выставка представляетъ собою весь итогъ того, что выработано въ средѣ наукъ и промышленности, начиная съ давнихъ временъ развитія цивилизаціи и кончая современными открытіями и усовершенствованіями.

Греки въ своемъ фасадѣ, напримѣръ, представили домъ Перикла, и эта постройка уноситъ зрителя въ отдаленныя историческія времена. Фасады Китайскаго и Японскаго отдѣловъ знакомятъ съ странами древней цивилизаціи. Строго мавританскій стиль виденъ въ роскошномъ Испанскомъ фасадѣ съ изящными вызолоченными украшеніями, съ мавританской колоннадой, служащей главнымъ входомъ.

Англійскій павильонъ выстроенъ въ британскомъ стилѣ временъ королевы Елисаветы. Португальскій фасадъ изображаетъ монастырь того изукрашеннаго архитектурнаго стиля эпохи Renaissance, въ которомъ бѣдность замысла искупалась, на первый взглядъ, роскошью деталей. Есть уголокъ, переносящій въ Африку нашихъ дней и того времени, какой она была восемь вѣковъ тому назадъ.

Небольшіе оригинальнаго вида тунисскіе и марокскіе павильоны выстроены совершенно на тотъ же образецъ, какъ строились въ древности и понынѣ строятся въ Тунисѣ. Тутъ встрѣчается тоже, что покупалъ когда-то у богдадскаго купца Гарунъ-аль-Рашидъ: тѣ же иголки, чаши, украшенныя инкрустаціей, ковры, ящички, ожерелья изъ цехиновъ, браслеты филиграновой работы. Классическая страна изящныхъ искусствъ—Италія, построила чудное зданіе съ самымъ гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ: бѣлаго, розоваго, зеленаго, краснаго и синяго... Самый фасадъ украшенъ блѣдно-розовыми барельефами изъ терра-котты, а внутренность портика—бѣлыми мраморными статуями и медальонами на синемъ фонѣ.

Тутъ, на выставкѣ, можно видѣть и такія сокровища, какъ напр. Индѣйская корона, сдѣланная изъ золота самой высшей пробы и усыпанная самымъ крупнымъ жемчугомъ и брильянтами. Особенно замѣчательны громадной величины изумрудныя привѣски и удивительно чистой воды брильянтъ, вправленный въ средину короны. Въ Индѣйскомъ же отдѣлѣ есть чайный сервизъ, сдѣланный изъ чистаго серебра и украшенный тончайшей горельефной работой; у ободковъ чашекъ, блюдечекъ и чайниковъ по матовой полоскѣ, отчеканены слоны въ перемежку съ пальмами и арабесками. Этотъ сервизъ поднесенъ былъ принцу Уэльскому во время посѣщенія имъ Индіи.

Въ помѣщеніи хрусталей и стеколъ выставленъ громадный хрустальный павильонъ на 6-ти колоннахъ, всего вышиной метра въ 4. По срединѣ возвышается статуя Меркурія изъ посеребренной бронзы, кругомъ массивная хрустальная рѣшетка превосходной работы.

Въ сферѣ изящныхъ искусствъ на выставкѣ собрано все, что создано прекраснаго и замѣчательнаго современными художниками всѣхъ странъ и національностей. Тутъ чудныя статуи, превосходныя картины, вазы, фарфоровые цвѣты замѣчательной работы.

Тутъ-же чудеса механики, громаднѣйшія пушки, усовершенствованные земледѣльческіе аппараты, тутъ и предметы гончарнаго дѣла и такія вещи какъ напр. выставка Мальяра Au lit de Paris. Это обыкновенный мягкій диванъ, обитый очень изящной матеріей: опрокидываете спинку—является постель; выдвигаете ящикъ—разъ, два, три,—хорошенькое lavabo съ посудой; еще ящикъ—ночной столикъ со всѣми принадлежностями; далѣе—туфли, халатъ и въ довершеніе два кресла. Все это раздвигается и убирается меньше чѣмъ въ минуту. На выставку, можно сказать, собрано все, что есть замѣчательнаго въ искусствѣ и промышленности.

На Выставкѣ же откроется и международное музыкальное состязаніе. Многія иностранныя государства выслали сюда представителей искусства. Англійское хоровое общество предполагаетъ дать 17—18 и 20 іюля концерты. Концертъ Американцевъ назначенъ на 4 іюля. Оркестръ миланскаго театра „La Scala" дастъ пять концертовъ. Студенты Университетовъ Упсалы и Христіаніи дадутъ два концерта. Мадритское симфоническое общество посылаетъ въ Парижъ 100 музыкантовъ.

Крестьяне Смоленской губерніи.

Смоленская губернія образована при первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 году. Она граничитъ къ сѣверу съ Тверской губерніей, къ востоку съ Московской и Калужской, къ югу съ Черниговской, къ юго-востоку съ Калужской и Орловской, къ юго-западу съ Могилевской, къ сѣверо-западу съ Витебской и Псковской. Обиліе водъ, протекающихъ по Смоленской губерніи, доставляютъ ей средства къ судоходству и удешевленію вмѣстѣ съ удобствомъ способовъ сообщеній. Всѣ рѣки кромѣ того имѣютъ плоскіе берега, отчего весною сильно разливаются и такимъ образомъ увлажняютъ почву. Земля здѣсь и по самому составу плодороднѣе, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ Россіи, хотя и здѣсь успѣхъ хлѣбопашества обусловливается удобреніемъ. Въ общей сложности, въ хорошій годъ собирается по губерніи при жатвѣ третье или четвертое зерно; кромѣ ржи, овса и ячменя здѣсь сѣется пшеница, греча, ленъ и конопля. Лучшимъ по хлѣбородію признается Краснинскій уѣздъ, жители котораго засѣваютъ много пшеницы, а крестьяне Смоленскаго уѣзда приготовляютъ большое количество такъ называемой Смоленской крупы. Вообще въ нѣкоторыхъ уѣздахъ въ урожайные годы хлѣба собирается достаточно не только для собственнаго потребленія, но и для вывоза; значительные запасы его отправляются съ пристаней Порѣцкой и Бѣльской въ Ригу и съ Гжатской въ Петербургъ. Много хлѣба идетъ и на пивовареніе и винокуреніе. Въ Гжатскомъ и Рославскомъ уѣздахъ сдѣланы опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ. Гжатскъ же занимается выдѣлкой гвоздей. Вязьма славится своими пряниками и коврижками. Смоленскъ приготовляетъ сухіе конфекты и различныя варенья. Жители Рославскаго и Ельнинскаго уѣздовъ выдѣлываютъ колеса, разную деревянную посуду, гонятъ деготь. Болѣе другихъ славятся своей промышленностію жители Гжатскаго и Сычевскаго уѣздовъ. Въ первомъ занимаются также сыровареніемъ, во второмъ работаютъ свекло-сахарные заводы.

Нашъ рисунокъ представляетъ цѣлую крестьянскую семью на полевыхъ работахъ. Художникъ, быть можетъ, очарованный красотою и живописностію мѣстныхъ женскихъ нарядовъ, воспользовался ими для своей картины. Этимъ, положимъ, она очень выиграла въ смыслѣ ея живописности, но за то отступила отъ правды. Кто же не знаетъ, что во время полевыхъ работъ не до щегольства и не до нарядовъ, сберегаемыхъ всегда для праздничныхъ дней. Но такое отступленіе художника отъ правды не нарушаетъ ея въ смыслѣ вѣрности изображенія этихъ нарядовъ; они только надѣты не во время, а дѣйствительно таковы и, нельзя не замѣтить, очень красивы.

Ор.

Геній Искусствъ.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ превосходный рисунокъ, изображающій Генія Искусствъ, составляетъ снимокъ съ горельефа, находящагося надъ главнымъ входомъ въ Луврскій дворецъ въ Парижѣ.

Нужно ли объяснять достоинства этого превосходнаго произведенія, когда онѣ здѣсь во очію предъ нашими глазами. Всѣ детали рисунка, всякая линія его—безукоризненно прекрасны, полны жизни, силы и красоты. Не говоря уже о нѣжности очертаній и въ тоже время ихъ выразительности и необычайно точной опредѣленности, нужно удивляться, до какой степени въ общемъ это произведеніе отличается красотою, производя поразительное впечатлѣніе.

Этотъ горельефъ работы Мерсіе. Онъ признается образцовымъ произведеніемъ, и французы по справедливости гордятся имъ. Работы Мерсіе не имѣютъ нужды въ похвалахъ и нѣтъ ему надобности о нихъ заботиться: его талантливыя произведенія достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Нужно замѣтить, что Мерсіе уже давно пользуется заслуженною славою. Его „Давидъ", въ стилѣ Микель-Анжелло уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе любителей искусства; за симъ другое его произведеніе, „Побѣда", тоже достойнымъ образомъ возвеличило его имя. По отзывамъ знатоковъ это произведеніе, высокое по мысли и замѣчательное по выполненію, можетъ считаться вполнѣ образцовымъ. Судя по прилагаемому къ этому номеру рисунку, изображающему Генія Искусствъ, можно составить себѣ приблизительно мнѣніе о томъ, каковы должны быть другія произведенія этого художника, видимо выдающагося изъ ряда своихъ собратовъ по искусству.

Стихотворенія.

Золотыя звѣзды тихо
Ходятъ въ синей вышинѣ,
Чтобъ уснувшихъ не встревожить
Въ полуночной тишинѣ.

* * *

Свои лиственныя уши
Наострилъ зеленый лѣсъ:
Горы сонныя объятья
Протянули до небесъ.

* * *

Чу! въ тревожномъ моемъ сердцѣ
Дивный звукъ услышалъ я:
Былъ ли голосъ то подруги,
Или трели соловья...

(*Изъ Гейне*). П. Левенбергъ.

Эласмотерій

(Ископаемый носорогъ).

Въ январѣ настоящаго года датскій консулъ въ С.-Петербургѣ, г. Паллизенъ, обратился чрезъ посредство академика *Л. И. Шренка* въ Академію наукъ съ приглашеніемъ осмотрѣть кости животныхъ, присланныя его другомъ г. *Кноблохомъ* и вытащенныя рыбаками, неводомъ, изъ Волги около деревни Лучки, въ 15 верстахъ отъ Сарепты. Первоначальный осмотръ этихъ костей взялъ на себя академикъ *А. А. Штраухъ*. Въ числѣ ихъ,— кромѣ бедра и зубовъ мамонта и обломка черепа первобытнаго быка, остатковъ очень часто находимыхъ почти на всемъ протяженіи Россіи,—оказался громадный черепъ поразительно странной, совершенно невиданной формы. Одного взгляда на зубы этого черепа, впрочемъ, было достаточно для опредѣленія его принадлежности къ такъ называемому *эласмотерію*, первобытному животному, отъ котораго до сихъ поръ съ достовѣрностію ничего не было найдено, кромѣ нижней челюсти и зубовъ. Нужно замѣтить, что такихъ, описанныхъ и поименованныхъ по одной какой либо кости или зубамъ, животныхъ въ настоящее время насчитывается не мало. Не даромъ знаменитый сэръ *Чарльзъ Лайель* сравниваетъ современныя наши познанія о первобытныхъ животныхъ съ книгою, изъ которой вырваны почти всѣ страницы, а на остальныхъ только кое-гдѣ сохранились отдѣльныя строчки или даже только отдѣльныя слова и буквы.—Всякая новая находка въ области палеонтологіи, ученія о первобытныхъ организмахъ, пополняющая эти отрывочныя свѣдѣнія, уподобляется открытію памятника древности съ историческими письменами. Конечно, не всѣ такія находки въ одинаковой степени интересны; ибо большинство ихъ представляетъ лишь повтореніе уже извѣстнаго. Какъ историкъ, такъ и палеонтологъ, само собою разумѣется, особенно дорожатъ тѣми памятниками древности, которые разливаютъ неожиданный свѣтъ на важныя проблемы, рѣшенія коихъ тщетно добивались спеціалисты. Къ категоріи такихъ именно памятниковъ въ области палеонтологіи и относится найденный нынѣ полный черепъ *эласмотерія*. Поэтому недаромъ наши ученые забили тревогу при видѣ научнаго клада, и не даромъ о немъ заговорили въ газетахъ. Возникли опасенія, какъ бы драгоцѣнная находка не ускользнула изъ рукъ академическаго музея, гдѣ смѣло могла бы соперничать, по своей важности, съ прославившимися во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ скелетомъ мамонта, цѣлою головою ископаемаго носорога, найденной въ замерзшей почвѣ Сибири, и съ полнымъ остовомъ исполинской морской коровы, водившейся до конца прошлаго столѣтія около острововъ Берингова моря. Что, если богатые наши соперники англичане, столь охотно скупающіе самыя дорогія достопримѣчательности всѣхъ странъ для Британскаго музея въ Лондонѣ, отобьютъ у Россіи новѣйшій научный кладъ, ибо заплатить за него тысячу или болѣе фунтовъ стерлинговъ для нихъ было бы безразлично? Къ счастію, опасенія эти оказались вполнѣ излишними, такъ какъ г. *Кноблохъ*, будучи извѣщонъ о научномъ значеніи и цѣнности его присылки, не изъявилъ ни малѣйшаго желанія извлечь изъ нея матеріальныя выгоды, и съ полнымъ безкорыстіемъ принесъ черепъ *эласмотерія* въ даръ зоологическому музею Академіи наукъ, отказываясь даже отъ возврата ему издержекъ, понесенныхъ имъ на пріобрѣтеніе черепа отъ мѣстныхъ рыбаковъ и пересылку его. Въ Россіи столь крупныя научныя пожертвованія, въ противоположность другимъ странамъ, какъ Англія и Сѣверо-Американскіе штаты, къ сожалѣнію, составляютъ большую рѣдкость. Поэтому Академія, вполнѣ естественно, сочла недостаточнымъ ограничиться однимъ лишь изъявленіемъ г. *Кноблоху* оффиціальной благодарности, но приняла на себя также ходатайство объ испрошеніи ему Высочайшей награды.

Въ настоящей статьѣ мы постараемся по возможности популярнѣе изложить результаты новѣйшей палеонтологической находки, сдѣланной г. *Кноблохомъ*. Съ этою цѣлью обратимся прежде всего къ краткому обзору того, что до сихъ поръ было извѣстно объ *эласмотеріи*.

Между различными предметами, принесенными въ даръ музею московскаго университета бывшимъ директоромъ нашей Академіи наукъ княгинею *Екатериною Романовною Дашковой*, находилась половина нижней челюсти какого-то весьма крупнаго животнаго. Въ 1806 г. маститый зоологъ *Г. Фишеръ* подвергъ эту кость изслѣдованію и вполнѣ основательно приписалъ ее неизвѣстному до того времени ископаемому животному. Животное это, по его мнѣнію, представляло нѣчто среднее между носорогомъ и слономъ. Совершенно своеобразное устройство зубовъ, составленныхъ какъ бы изъ продольныхъ складчатыхъ пластинокъ эмали, побудило его наименовать вновь открытаго звѣря *эласмотеріемъ* *), что въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „животное съ пластинками". Предположенное *Фишеромъ* полное видовое названіе *Elasmotherium sibiricum* впослѣдствіи измѣнено однимъ изъ французскихъ ученыхъ въ *Elasmotherium Fischeri*, такъ какъ происхожденіе данной челюсти изъ Сибири не было строго доказано.—Далѣе въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Венгріи и въ одной изъ пещеръ близъ Палермо найдены будто бы зубы *эласмотерія*; но находки эти, за отсутствіемъ описанія и рисунко[illegible] остаются пока подъ сомнѣніемъ. За то нѣсколько позже, нашимъ путешественникомъ графомъ *А. Кейзерлингомъ* принесе[illegible] изъ Киргизской степи около Каспійскаго моря обломокъ зуба *эласмотерія*, который и подаренъ имъ академическому музею. Туда же гораздо позже, уже въ шестидесятыхъ годахъ, поступили еще три зуба, изъ которыхъ одинъ открытъ въ губерніи Харьковской и два въ Саратовской. Въ послѣдней, наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найдена также и полная нижняя челюсть *эласмотерія*. Она описана профессоромъ Петровской земледѣльческой академіи *Траутшольдомъ* и хранится въ кабинетѣ этого учебнаго заведенія. Этимъ самымъ нами представленъ перечень уже всѣхъ собранныхъ въ музеяхъ достовѣрныхъ остатковъ *эласмотерія*.

Такимъ образомъ до настоящаго времени объ одномъ изъ самыхъ колоссальныхъ представителей первобытной фауны Россіи съ достовѣрностію почти ничего не было извѣстно, и найдены были только его нижняя челюсть и нѣсколько зубовъ. Правда, безсмертный *Кювье*, руководствуясь анатомическимъ соотношеніемъ органовъ, высказывалъ о возможности воспроизведенія по одному только зубу полнаго образа первобытнаго животнаго; но заявленіе это, къ сожалѣнію, далеко не чуждо увлеченія. Такъ напр., на основаніи наличныхъ скудныхъ матеріаловъ, рѣшительно нельзя было составить себѣ никакой опредѣленной картины о цѣломъ *эласмотеріи*. Можно было сказать

---

*) Въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, 14-го марта, с. г. академикъ Брандтъ сообщилъ о найденномъ черепѣ животнаго (до-дилювіальнаго періода), названнаго *эласмотерій*. Въ сообщеніи академика Брандта было между прочимъ слѣдующее:

«28-го февраля сего года, г. *Кноблохъ*, принесъ въ даръ зоологическому музею Академіи Наукъ черепъ первобытнаго эласмотерія.

«Въ исторіи зоологическаго музея Академіи до сихъ поръ не было примѣра столь значительнаго и важнаго приношенія, какое сдѣлалъ г. Кноблохъ. Нашъ академическій музей по справедливости гордится сохраняющимися въ немъ скелетами *мамонта, сибирскаго носорога, морской коровы*, предметами, равныхъ которымъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ музеѣ, ни въ музеяхъ другихъ частей свѣта. Но какъ ни драгоцѣнны для науки сейчасъ упомянутые предметы, въ отношеніи рѣдкости они все-таки должны уступить мѣсто полученному теперь черепу эласмотерія, этого сотоварища сибирскаго носорога, но превосходящаго его по величинѣ. Остатки вышеназванныхъ животныхъ, въ несовершенномъ, конечно, видѣ, находятся во многихъ другихъ музеяхъ; но черепъ эласмотерія въ той формѣ, въ какой обладаетъ имъ теперь нашъ музей, *нѣчто совершенно новое въ наукѣ*. Единственные до сихъ поръ существовавшіе остатки эласмотерія состояли только въ *обломкахъ задней части черепа* и въ нижней челюсти. Остатки эти не позволяли составить ни малѣйшаго понятія о цѣломъ черепѣ животнаго, которое, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ чрезвычайно странное образованіе формъ. Кругъ нашихъ понятій о формѣ и о строеніи первобытныхъ млекопитающихъ животныхъ поэтому, значительно расширился.

«Въ научномъ отношеніи принесенный намъ въ даръ черепъ эласмотерія имѣетъ неоцѣненную важность. Нужно прибавить къ этому, что нашъ черепъ прекрасно сохранился, такъ что большіе европейскіе музеи, напримѣръ Британскій, или музей Соединенныхъ Штатовъ, были бы не прочь пріобрѣсть черепъ эласмотерія, даже за самую высокую цѣну. Мы считаемъ нашимъ долгомъ замѣтить, что г. Кноблоху очень хорошо было извѣстно, какъ это ясно видно изъ письма къ г. Паллизену, присоединеннаго къ посылкѣ, что черепъ эласмотерія составляетъ предметъ чрезвычайной рѣдкости, что его нѣтъ ни въ какомъ музеѣ. Не смотря на это, г. Кноблохъ преподнесъ нашему музею дорогую находку совершенно безденежно, и даже отклонилъ вознагражденіе за издержки, которыхъ ему стоило пріобрѣтеніе черепа отъ мѣстныхъ рыбаковъ, а также транспортировка черепа въ С.-Петербургъ. Было бы желательно, чтобы у насъ такое безкорыстное и патріотическое отношеніе къ интересамъ науки и нашихъ отечественныхъ музеевъ встрѣчалось чаще.

«Многіе важные и драгоцѣнные для науки остатки животныхъ еще погребены въ земныхъ пластахъ, изъ которыхъ состоитъ обширная степная поверхность Южной Россіи. Нѣкоторые изъ этихъ остатковъ, отъ времени до времени, и теперь являются наружу, даже безъ раскопокъ, а просто случайно, благодаря обрыву береговъ или землянымъ работамъ; но эти найденные остатки обыкновенно теряются снова, такъ какъ на мѣстѣ ихъ находки недостаетъ лицъ, которыя могли бы обратить на нихъ надлежащее вниманіе.»

*) Отъ греческихъ словъ: elasmos-пластинка и therion-животное.

только одно, а именно, что нижняя челюсть его и по величинѣ и по формѣ напоминаетъ носорога; между тѣмъ какъ зубы, составляющіе столь важный зоологическій признакъ, противорѣчатъ этому сходству. На вопросъ о подобающемъ *эласмотерію* мѣстѣ въ зоологической системѣ, о сходствѣ его съ тѣми или другими млекопитающими можетъ пролить надлежащій свѣтъ только новѣйшая счастливая находка цѣлаго черепа этого животнаго.

Подробнаго описанія черепа *эласмотерія*, какъ нѣчто слишкомъ спеціальное и интересное лишь для лицъ близко стоящихъ къ дѣлу науки, мы здѣсь не приводимъ, ограничиваясь описаніемъ главнѣйшихъ характерныхъ его признаковъ. Наибольшая длина черепа равняется аршину съ четвертью, наибольшая вышина, вмѣстѣ съ нижнею челюстью $^3/_4$ аршина, ширина же (тоже наибольшая) 9 вершкамъ. Особенность черепа, болѣе всего поражающая зрителя, заключается въ присутствіи на лбу громаднѣйшаго костянаго бугра, подъ видомъ купола или каравая, возвышающагося надъ уровнемъ остальнаго черепа на 3 вершка и имѣющаго въ окружности почти полтора аршина. Бугоръ этотъ не массивный, а заключаетъ въ себѣ пустоту, пересѣкаемую по разнымъ направленіямъ, на подобіе губки, костяными перегородками. Пустота его есть ни что иное, какъ часть *лобной пазухи*. Подъ этимъ названіемъ зоологи разумѣютъ полость въ толщѣ лобныхъ костей, образуемую тѣмъ, что наружная и внутренняя ихъ стѣнки отстаютъ одна отъ другой. Лобныя пазухи имѣются, если не ошибаемся, у всѣхъ млекопитающихъ животныхъ; онѣ есть и у человѣка (при чемъ даютъ намъ о себѣ знать при насморкѣ, когда по прямому сообщенію съ носомъ на нихъ распространяется катарръ носовой слизистой оболочки). У нѣкоторыхъ животныхъ, напр. у быковъ, лобныя пазухи достигаютъ необычайнаго развитія, почему голова ихъ имѣетъ очень значительные размѣры, нисколько не соотвѣтствующіе ничтожной величинѣ мозга. Еще больше онѣ развиты у слоновъ и носороговъ, при чемъ сообщаются у

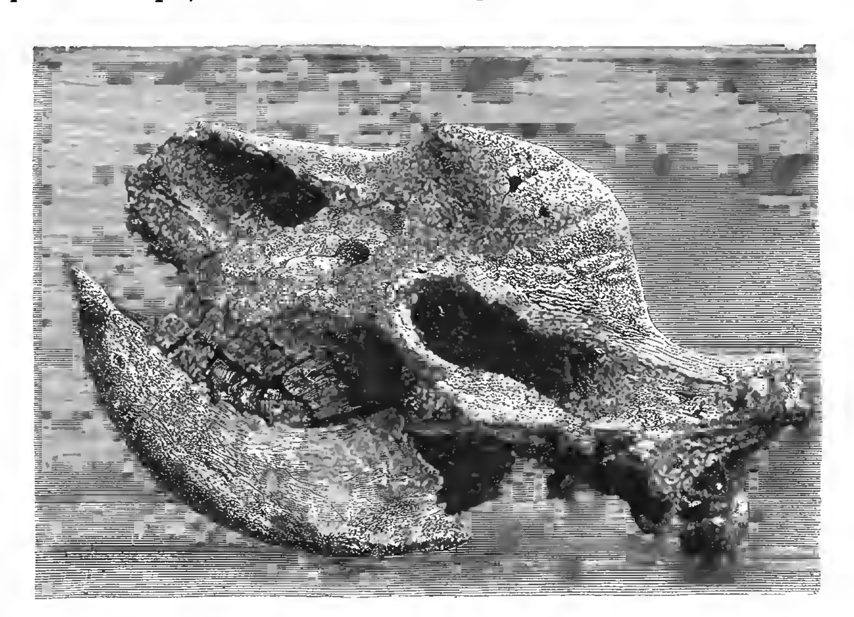

Рис. 2. **Черепъ эласмотерія сбоку, уменьшенный въ 10 разъ.**

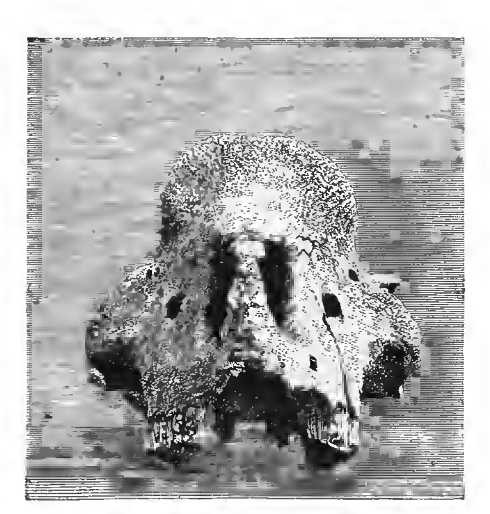

Рис. 3. **Черепъ эласмотерія, спереди, уменьшенный въ 10 разъ.**

Рис. 4. **Зубъ эласмотерія, уменьшенный въ два раза.**

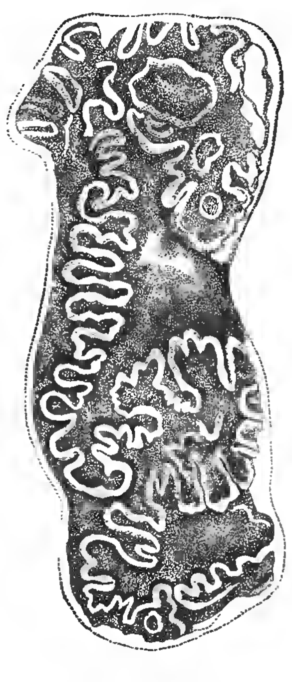
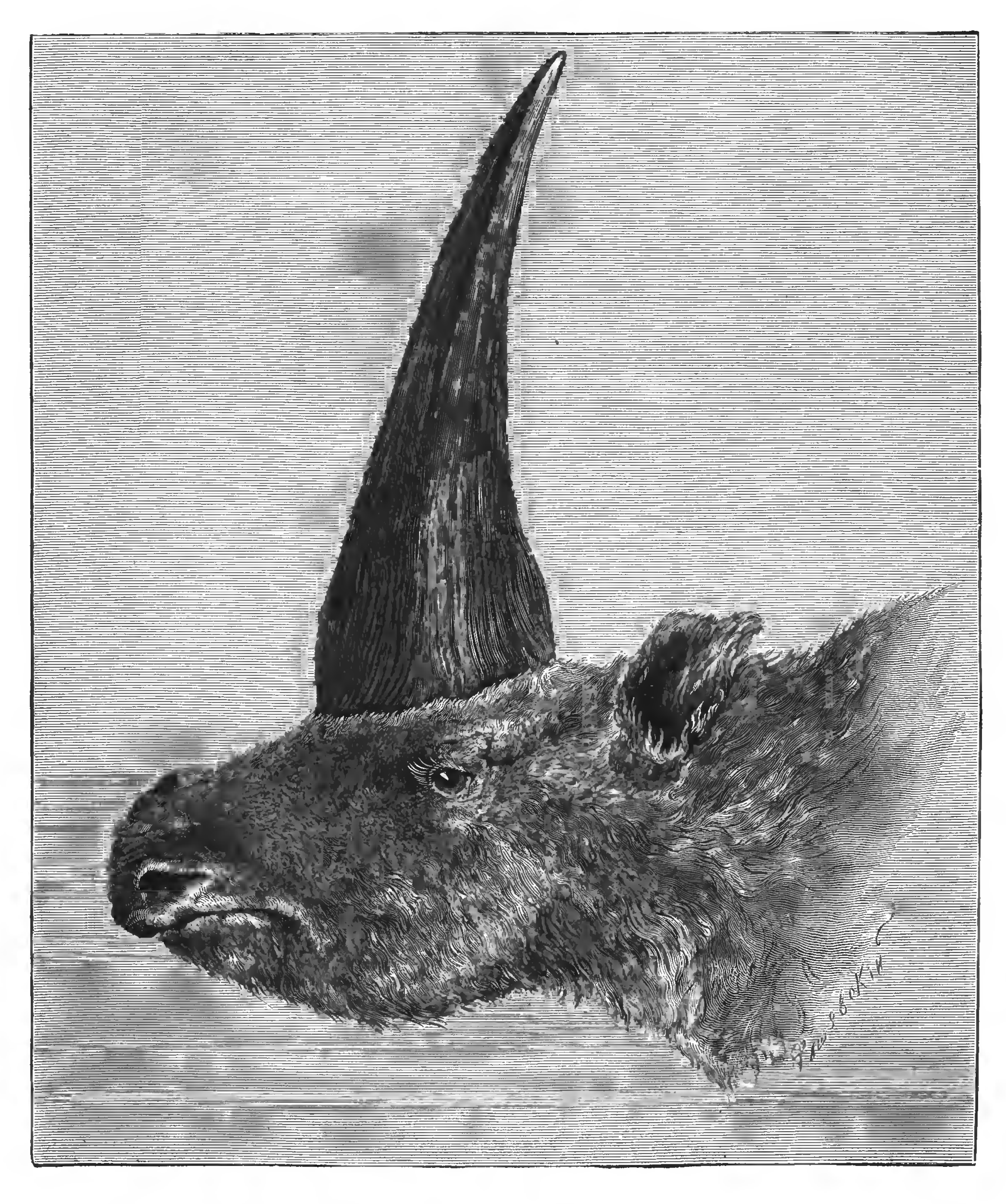

Рис. 5. **Жевательная поверхность зуба эласмотерія, въ естественную величину.**

нихъ съ обширными полостями сосѣднихъ черепныхъ костей. Но лобныя пазухи этихъ животныхъ не могутъ сравниться со свойственными *эласмотерію*, у котораго онѣ, какъ сказано, простираются во внутрь лобнаго бугра: на черепѣ носороговъ соотвѣтствующее ему мѣсто довольно плоское и лишь шероховатое. Здѣсь прикрѣпляется у двурогихъ видовъ второй или задній рогъ. Поверхность лобнаго бугра *эласмотерія* точно также весьма шероховата и испещрена глубокими и широкими бороздами, отпечатками проходившихъ по ней кровеносныхъ сосудовъ. На основаніи аналогіи съ носорогами, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что на лобномъ бугрѣ возвышался рогъ. Крупный калибръ кровеносныхъ сосудовъ, оплетавшихъ бугоръ и оставившихъ на немъ свои отпечатки, даютъ намъ право предположить, что рогъ имѣлъ весьма внушительные размѣры. Длина его, какъ и у нѣкоторыхъ носороговъ, могла превосходить длину всего черепа. Небольшая продолговатая, точно также шероховатая площадка на переднемъ концѣ носовыхъ костей наводитъ на мысль—не существовало-ли у *эласмотерія* еще втораго, передняго или носоваго рога, хотя бы только и зачаточнаго, подъ видомъ низкой роговой пластинки.

Лицевая часть черепа по общимъ очертаніямъ нѣсколько напоминаетъ собою лошадь или жвачущее животное; ибо она сильно сжата съ боковъ, заострена. Особенно узки носовыя кости, столь широкія у носороговъ;—за то самое несомнѣнное сходство *эласмотерія* съ извѣстными видами первобытныхъ носороговъ заключается въ присутствіи у него костяной носовой перегородки. Въ поясненіе къ этому факту надо припомнить, что носовая полость млекопитающихъ вообще дѣлится поноламъ *хрящевою* перегородкою, тою самою, которая и у человѣка выступаетъ наружу, на лицо, своимъ нижнимъ переднимъ краемъ. Весьма рѣзкая анатомическая особенность данныхъ первобытныхъ носороговъ и *эласмотерія*, отличающая ихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ звѣрей, и заключается въ окостенѣніи этой перегородки во всю ея длину и ширину.

Рѣзцовъ и клыковъ, какъ и у настоящихъ носороговъ, у *эласмотерія* не доставало. Впрочемъ въ нижней челюсти спереди два вдавленія представляютъ слѣды луночекъ, въ которыхъ сидѣли молочные рѣзцы. Зубы коренные, въ числѣ пяти съ каждой стороны верхней и нижней челюстей, длиною до $4^1/_2$ вершка. Они торчатъ глубоко въ костяхъ, выступая наружу лишь на вершокъ. Подобно тому, какъ и у взрослыхъ лошадей, корень

Эласмотерій.

Рис. 1. Реставрированная голова животнаго въ $^1/_{10}$ предполагаемой величины.

Рисунокъ произведенъ А. Брандтомъ, грав. Рашевскій.

ихъ на концѣ не замкнутый, при чемъ ширина и толщина зуба по всей его длинѣ одинаковая и весь зубъ состоитъ какъ бы изъ одной только коронки. Строеніе зубовъ,—о чемъ впрочемъ уже было упомянуто,—складчатое, т. е. они составлены изъ складчатыхъ, извивающихся пластинокъ эмали, тянущихся съ одного конца зуба вплоть до другого. На жевательной поверхности складки эмали образуютъ красивую фигуру, напоминающую листья (рис. 4 и 5). Передніе коренные зубы гораздо меньше остальныхъ.

Задняя, особенно затылочная, часть черепа яснѣе всего свидѣтельствуетъ о сродствѣ *эласмотерія* съ носорогами. Какъ теперь оказывается самымъ положительнымъ образомъ, эта часть черепа *эласмотерія* уже давнымъ давно извѣстна, при чемъ экземпляръ ея хранится въ Парижскомъ музеѣ въ Jardin des Plantes. Экземпляръ этотъ найденъ еще въ прошломъ столѣтіи на берегахъ Рейна, въ пескѣ, и поступилъ сначала въ коллекцію знаменитаго основателя френологіи *Галля*. *Кювье*, столь тщательно обработавшій ископаемые остатки подвѣдомственнаго ему Парижскаго музея, почему-то оставилъ обломокъ этотъ безъ вниманія, быть можетъ, приписывая его просто носорогу. За изслѣдованіе его взялся лишь въ сороковыхъ годахъ дармштадтскій ученый *Каупъ*, при чемъ впервые высказалъ предположеніе—не относится ли онъ къ тому самому загадочному звѣрю, нижняя челюсть котораго описана *Фишеромъ* подъ названіемъ *Elasmotherium*. Однако предположеніе это, будучи лишено всякихъ доказательствъ, встрѣтило отпоръ со стороны *Дювернуа*, который и приписалъ рейнскій обломокъ черепа совершенно неизвѣстному животному, названному имъ *твердорогомъ* (*Stereoceros*). Наименованіе это мотивировалось тѣмъ, что на обломкѣ черепа сохранилась небольшая, круто поворачивающаяся кверху задняя часть извѣстнаго намъ нынѣ вполнѣ костяного лобного бугра. Въ шестидесятыхъ годахъ нашъ академикъ *Ѳ. Ѳ. Брандтъ*, публикуя спеціальный трудъ объ остаткахъ *эласмотерія*, челюсти и зубахъ, вернулся къ гипотезѣ *Каупа* и весьма обстоятельно доказывалъ ея справедливость. При этомъ онъ основывался главнымъ образомъ на несомнѣнномъ соотвѣтствіи въ формѣ между сочлененнымъ бугромъ нижней челюсти *эласмотерія* и сочленовной впадиной на обломкѣ черепа Stereoceros. Нынѣ доводы эти, благодаря доставленному г. *Кноблохомъ* полному черепу, дождались блистательнаго подтвержденія.

Относительно строенія черепа *эласмотерія* мы ограничиваемся сообщенными выше краткими указаніями. Во всей подробности черепъ изучается въ настоящее время только что названнымъ ученымъ и описаніе его вскорѣ сдѣлается достояніемъ спеціалистовъ.

Обращаемся къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ. Благодаря новѣйшей находкѣ *г. Кноблоха*, стало съ достовѣрностію извѣстно, что *эласмотерій* дѣйствительно принадлежалъ къ семьѣ носороговъ. То былъ громадный звѣрь, значительно превосходившій своею колоссальностью всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ намъ живущихъ и вымершихъ носороговъ. Судя по размѣрамъ черепа, длина его достигала, приблизительно, отъ двухъ до двухъ съ половиною саженъ. Сдѣлать какія либо заключенія объ общей формѣ тѣла *эласмотерія* по одному черепу, при нынѣшнемъ состояніи науки, было бы рискованно. Раньше открытія костей конечностей нельзя даже сказать, шагалъ ли *эласмотерій*, подобно носорогамъ, на короткихъ, или же, подобно слонамъ и лошадямъ, на болѣе длинныхъ ногахъ? Менѣе туманное представленіе мы имѣемъ о внѣшнемъ видѣ головы; но и тутъ многое остается подъ сомнѣніемъ, что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ приложеннаго къ этой статьѣ идеальнаго рисунка головы. Глаза *эласмотерія*, судя по размѣрамъ глазныхъ впадинъ, вѣроятно, были крупнѣе, нежели у носороговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зрѣніе могло быть болѣе развитымъ. Что морда *эласмотерія* представлялась менѣе широкою, чѣмъ у названныхъ животныхъ, это съ ясностію проистекаетъ изъ формы черепа. О томъ, какой видъ имѣли губы, мы пока судить не беремся; не знаемъ также была ли кожа на головѣ гладкая или складчатая. Голова на рис. I представлена нами покрытою шерстью. Это обстоятельство требуетъ довольно длиннаго поясненія, ибо современные намъ виды носороговъ имѣютъ кожу голую, на которой лишь тамъ и сямъ, особенно у молодыхъ экземпляровъ, торчатъ рѣдкія, одинокія щетины, не бросающіяся въ глаза. Однако тутъ надо принять во вниманіе, что животныя эти обитатели жаркихъ странъ, въ жаркомъ же климатѣ шерсть животныхъ вообще рѣже, менѣе теплая, и проявляется даже наклонность къ полной ея утратѣ. Такъ, напримѣръ, на Канарскихъ островахъ отъ обыкновенныхъ лошадей, а въ тропической Америкѣ отъ обыкновенныхъ собакъ произошли безшерстыя породы. Природа освободила этихъ животныхъ отъ лишней, тягостной для нихъ ноши. Тоже случилось, повидимому, и съ носорогами и слонами, по мѣрѣ распространенія ихъ къ экватору. Первобытные же носороги и слоны (мамонты), водившіеся въ сѣверной Азіи, были покрыты густою шерстью, фактъ, извѣстный съ полною достовѣрностію, ибо случалось находить въ вѣчно замерзшей почвѣ Сибири конечности и даже цѣлые трупы этихъ животныхъ съ мясомъ и кожею. Двѣ ноги, куски кожи и большое количество волосъ мамонта, хранимые въ зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ, служатъ вещественными доказательствами этого факта (см. „Путеводитель по зоол. музею №№ 373—375). Трупы животныхъ съ кожей и внутренностями, находимые въ замороженномъ видѣ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что во времена носороговъ и мамонтовъ существовалъ вѣчно замерзшій пластъ почвы, т. е. о климатѣ весьма суровомъ, въ которомъ животныя съ кожею голою жить бы не могли. Хотя климатъ Европы въ тѣ времена, какъ и теперь, былъ несравненно мягче сибирскаго, но тропическимъ онъ все таки называться не могъ, что доказывается остатками тогдашняго растительнаго и животнаго міра. По мнѣнію многихъ ученыхъ, климатъ Европы въ данный періодъ былъ даже суровѣе нынѣшняго, въ подтвержденіе чего приводится ими тогдашнее далекое распространеніе глетчеровъ въ долины. Какъ бы то ни было, нѣтъ основанія предполагать, чтобы европейскіе мамонты и носороги, въ противоположность сибирскимъ, были лишены шерсти. Отсюда умозаключеніе, по аналогіи, о существованіи шерсти и у *эласмотерія* уже не покажется натяжкой, ибо *эласмотерій* былъ современникомъ носороговъ и мамонтовъ и жилъ при одинаковыхъ съ ними условіяхъ: кости его найдены въ тѣхъ же самыхъ пластахъ земли и въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ.

Черепная полость обличаетъ въ *эласмотеріи* животное съ низкими умственными способностями: полость эта, вмѣщающая въ себѣ мозгъ, какъ абсолютно, такъ и относительно размѣровъ головы, крайне мала. Ловкость и быстрота движеній для *эласмотерія* едва ли мыслимы, если только туловище и конечности, по своей неуклюжести, соотвѣтствовали черепу. Отличаясь громадною силою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ, вѣроятно, крайне неповоротливъ. Въ нашемъ воображеніи при этомъ невольно рисуется громадный звѣрь, спокойно пасущійся или растянутый въ тростникѣ или травѣ и лѣниво пережевывающій траву и вѣтви. (Какъ видно изъ строенія зубовъ, *эласмотерій* несомнѣнно былъ животнымъ травояднымъ). Только какая нибудь опасность, нападеніе соперника, мамонта, носорога или большаго хищнаго звѣря, одна была въ состояніи вывести его изъ апатіи, и тогда онъ съ яростью бросался на противника, стараясь сразить его своимъ грознымъ рогомъ.

Однако, на какомъ основаніи *эласмотерій* принимается тутъ безо всякой оговорки за животное сухопутное? спроситъ, быть можетъ, читатель. На самомъ дѣлѣ, петербургскій черепъ вытащенъ со дна Волги, а парижскій обломокъ найденъ въ руслѣ Рейна, обстоятельства, подающія повидимому поводъ къ предположенію, не былъ ли *эласмотерій* скорѣе животнымъ водянымъ, на подобіе, положимъ, тюленя. Въ отвѣтъ на это возраженіе прежде всего слѣдуетъ указать на несомнѣнное сходство звѣря съ носорогами, животными сухопутными. Далѣе тутъ должны быть приняты во вниманіе еще слѣдующія два соображенія: во первыхъ, сплошь да рядомъ попадаютъ въ воду трупы и сухопутныхъ животныхъ, а во вторыхъ, и это главное, нашъ черепъ *эласмотерія* сохранился до того отлично, что ни какимъ образомъ не могъ пролежать въ водѣ, начиная съ минуты смерти животнаго и по сію пору, т. е. цѣлыя тысячелѣтія. Въ водѣ кости скоро разрыхляются, истираются теченіемъ, треніемъ песчинокъ. Судя по степени своей сохранности, этотъ черепъ могъ пролежать на днѣ рѣки какой-нибудь годъ, много два, не болѣе, съ чѣмъ вяжется и то обстоятельство, что приставшія къ нему нынѣ живущія въ Волгѣ ракушки—экземпляры все молодые. Поэтому несомнѣнно, что черепъ первоначально лежалъ не въ самой рѣкѣ, а въ прибрежномъ пластѣ земли и попалъ въ рѣку лишь впослѣдствіи, при обвалѣ берега. Подобно носорогамъ, слонамъ и другимъ толстокожимъ, *эласмотерій*, вѣроятно, держался по близости воды, потому что нуждался въ ней не только для питья, но и для купанья, а также потому, что охотно валялся въ прибрежномъ илѣ и лакомился, особенно сочною около воды, растительностью. Въ ту эпоху очертаніе береговъ нашихъ рѣкъ было существенно иное: онѣ были гораздо шире теперешняго, представлялись отчасти подъ видомъ ряда соединенныхъ между собою озеръ и болотъ. Въ—теченіе тысячелѣтій рѣчные разливы занесены пескомъ, иломъ, въ который и погребены между прочимъ и кости скончавшихся около береговъ животныхъ. Тутъ-то, въ почвѣ, кости и сохранились до настоящаго времени. Но вода въ нескончаемомъ своемъ круговоротѣ не только строитъ изъ наносовъ новые земные пласты, но раньше или позже ихъ опять и разрушаетъ: берега рѣки подмываются, одна песчинка за другою, одна глыба за другою обрушаются, скатываются въ воду, а съ ними вмѣстѣ порою и покоившіяся, казалось, на вѣчныя времена, въ почвѣ остатки первобытныхъ животныхъ. Такъ, не иначе, было и съ черепомъ *эласмотерія*.

Присланная нынѣ вмѣстѣ съ черепомъ нижняя челюсть не приходится по немъ и, очевидно, принадлежала другому, меньшему недѣлимому,—если угодно, нѣкоторый намекъ на то, что *эласмотерій* попадался не совсѣмъ въ одиночку.

Отечество *эласмотерія*, судя по наличнымъ его остаткамъ, простиралось отъ Каспійскихъ степей и Волги до Рейна, а къ югу доходило до крайней оконечности Италіи. Весьма возможно, что на всемъ этомъ пространствѣ, хотя и съ перерывами, зависѣвшими отъ мѣстныхъ условій, водились *эласмотеріи*. Возможно, даже вѣроятно, что послѣдующими палеонтологическими находками предѣлы географическаго распространенія

этого животнаго еще значительно расширятся и захватятъ также и часть Азіи. Однако за всѣмъ тѣмъ, *эласмотерія*, должно быть, не перестанутъ считать звѣремъ рѣдкимъ, но численности далеко уступающимъ мамонтамъ и носорогамъ, кости которыхъ попадаются весьма часто во всей почти Европѣ и сѣверной Азіи.

На вопросъ, *когда* жили, когда вымерли *эласматеріи*, наука не въ состояніи отвѣтить опредѣленною цифрою лѣтъ. Можно сказать лишь одно, что мы имѣемъ тутъ дѣло со многими тысячелѣтіями, даже съ цѣлыми десятками тысячелѣтій: палеонтологи, какъ извѣстно, не измѣряютъ времени, подобно историкамъ, по мѣсяцамъ и годамъ. Если потому они и относятъ *эласматерія* къ періоду очень близкому къ намъ, то читатель понимаетъ, что близость эта лишь весьма относительная, и на обыкновенное наше мѣрило времени вѣчто чрезвычайно удаленное. Періодъ, въ который жили *эласмотеріи*, носитъ названіе *дилювіальнаго*. Въ этотъ періодъ растительный и животный міръ по общему характеру своему уже очень походилъ на современный намъ. Многія изъ нынѣшнихъ животныхъ существовали уже тогда; такъ изъ числа мелкихъ хищниковъ: россомаха, горностай, хорекъ, куница, выдра, барсукъ, дикій котъ, рысь. Нашъ обыкновенный медвѣдь, нынѣ почти окончательно истребленный въ западной Европѣ, въ дилювіальный періодъ былъ распространенъ тамъ повсюду; подвергаясь меньшему преслѣдованію, онъ достигалъ большой старости и величины, почему остатки его приписываются иными учеными особому, болѣе крупному виду—медвѣдю пещерному. Лось и сѣверный олень водились повсемѣстно. Для пополненія этого перечня животныхъ можно упомянуть далѣе о великорогомъ оленѣ, животномъ, окончательно исчезнувшемъ въ доисторическія времена и отличавшемся своими громадными рогами: разстояніе между крайними оконечностями роговъ его доходило до 12-ти футовъ. Далѣе можно указать еще на нѣсколько породъ быковъ, истребленныхъ гораздо позже, уже во времена историческія. Рядомъ съ этими животными, отчасти тождественными, отчасти очень близкими къ современнымъ европейскимъ, въ дилювіальный періодъ въ нашей части свѣта водились также и нѣкоторые представители нынѣшней тропической фауны: обезьяны, львы, гіены, бегемоты, слоны и носороги. Первобытные виды или разновидности этихъ животныхъ такъ или иначе были приспособлены къ жизни въ умѣренномъ климатѣ, отличаясь отъ нынѣшней своей родни или большею выносливостью или же, какъ замѣчено выше для носорога и мамонта, обладали теплымъ мѣхомъ.

Всѣхъ этихъ животныхъ, вмѣстѣ съ *эласмотеріемъ*, еще засталъ при своемъ появленіи въ Европѣ человѣкъ, человѣкъ не культурный, судьбою котораго занимаются историки, но первобытный или „доисторическій", составляющій предметъ изслѣдованія естествоиспытателей. Убогіе первобытные обитатели Европы, за неумѣніемъ строить себѣ жилища, укрывались въ пещерахъ и здѣсь въ числѣ прочихъ слѣдовъ своей незатѣйливой культуры, стрѣлъ, топоровъ и ножей, выточенныхъ изъ кремня, оставили около очаговъ своихъ и кости животныхъ, на которыхъ охотились. Многія изъ этихъ костей разбиты, очевидно, ради извлеченія изъ нихъ мозговъ, нѣкоторыя обточены съ тою или другою цѣлью; попадаются и такія, на которыхъ нацарапаны различныя изображенія, напр. сѣвернаго оленя или мамонта. При незнакомствѣ съ металлическими орудіями, не легко было первобытному человѣку вести борьбу съ грозными хищниками, съ разъяренными мамонтами, носорогами и *эласмотеріями*. Въ нѣкоторыхъ древнихъ преданіяхъ и пѣсняхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ упоминается о борьбѣ отдаленныхъ ихъ предковъ съ невѣдомыми чудовищами. Принимая во вниманіе, что многія, если не всѣ, миѳическія повѣствованія имѣютъ нѣкоторую историческую подкладку, зоологи пытались въ иномъ изъ этихъ повѣствованій открыть память о томъ или другомъ первобытномъ животномъ. Такъ въ записанныхъ *Радловымъ* образчикахъ народной литературы южно-сибирскихъ татаръ встрѣчается эпизодъ, въ которомъ усматривали указаніе на ископаемаго носорога. Тутъ разсказывается объ убіеніи конемъ громаднаго чернаго быка, имѣвшаго *одинъ только рогъ*. Рогъ этотъ былъ такихъ, будто-бы, размѣровъ и такой тяжести, что нельзя было снести его на рукахъ, и для перевозки его потребовались сани. Его употребляли какъ сосудъ для напитковъ. Нельзя-ли отнести это сказаніе съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, не къ двурогому носорогу, а къ однорогому *эласмотерію*?

Александръ Брандтъ.

Политическія и внутреннія извѣстія

Политическою новостью, или, точнѣе ожидаемымъ политическимъ фактомъ, все еще не перестаетъ быть имѣющій собраться въ Берлинѣ конгрессъ. Нѣтъ сомнѣнія, что приготовленія къ конгрессу въ Берлинѣ шли бы гораздо энергичнѣе, еслибы въ самой Германіи было болѣе спокойно. Взволнованная и потрясенная вторичнымъ покушеніемъ на жизнь своего маститаго Императора—объединителя, Германія уже теперь обращаетъ на внѣшнія дѣла только второстепенное вниманіе. Если выздоровленіе Императора Вильгельма затянется, то перемѣнъ во внѣшнихъ отношеніяхъ Германіи къ другимъ государствамъ, конечно, не будетъ,—такъ какъ управлять государствомъ на время болѣзни Императора будетъ наслѣдный принцъ, и съ этою цѣлію, какъ существуютъ частные слухи, уже учреждается въ Берлинѣ регентство; но сила впечатлѣнія, произведеннаго на Германскій народъ послѣднимъ грустнымъ событіемъ слишкомъ велика. И Германія. поэтому исправивъ свою миссію на конгрессѣ, конечно, займется своими внутренними дѣлами.

Среди европейскихъ приготовленій къ конгрессу, въ частности Россія и Англія уже пришли (судя по телеграфнымъ извѣстіямъ) къ соглашенію по 10-ти главнѣйшимъ пунктамъ, имѣющимъ обсуждаться на европейскомъ ареопагѣ.

Пункты эти слѣдующіе:

1) Учрежденіе *двухъ* болгарскихъ провинцій: одной по сѣверную сторону Балкановъ, подъ властью князя, а другой—къ югу отъ Балкановъ, при чемъ послѣдняя должна быть подчинена губернатору изъ христіанъ и англійскому управленію. 2) Турецкія войска очищаютъ эту вторую провинцію, т. е. южную, и уже болѣе не возвращаются туда. 3) Англія хотя и выражаетъ сожалѣніе по поводу переуступки Бессарабіи, но не противится этой переуступкѣ. 4) Обсужденіе на конгрессѣ международныхъ сдѣлокъ касательно Дуная, оставляетъ за собою Англія. 5) Англія не противится, чтобы Россія обладала въ Азіи Батумомъ; но и Россія, въ свою очередь, даетъ обѣщаніе не подвигать далѣе *впередъ* свою границу въ Азіи. 6) Россія, по ходатайству Англіи, уступаетъ Турціи *Баязетъ*, а Турція за то уступаетъ Персіи провинцію *Лотуръ*. 7) Россія обѣщаетъ не замѣнять денежнаго вознагражденія территоріальными уступками и не вмѣшиваться въ притязанія Англіи, какъ кредитора Турціи. 8) Конгрессу предоставляется принять мѣры къ преобразованію *Эпира*, *Ѳессаліи* и другихъ греческихъ провинцій. 9) Россія заявитъ (на конгрессѣ) о своемъ согласіи на то, что проходъ чрезъ Дарданеллы и Босфоръ остается въ состояніи statu quo. 10) Англія предложитъ на конгрессѣ, чтобы Европа занялась преобразованіемъ Болгаріи и затѣмъ подвергнетъ обсужденію вопросы о занятіи Болгаріи Россіею и о проходѣ русскихъ войскъ черезъ Румынію.

Къ этимъ сейчасъ исчисленнымъ 10-ти пунктамъ предварительно достигнутаго соглашенія между Россіею и Англіей нѣкоторые не безъ основанія относятся скептически, и это потому, что во всѣхъ 10-ти пунктахъ рѣчь идетъ только о сдѣланныхъ Россіею уступкахъ въ отношеніи къ Англіи, а не на оборотъ, такъ что Англія является нѣкотораго рода судьею и рѣшительницею настоящаго спора.

Въ началѣ прошлой недѣли еще не было опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣвій о представителяхъ разныхъ европейскихъ государствъ на конгрессѣ. Со стороны Россіи, одни указывали на графа Шувалова (лондонскаго нашего посла) какъ на представителя и защитника интересовъ Россіи передъ европейскимъ ареопагомъ, другіе—на г. Убри. Выражалось также надежда, что Князь Горчаковъ, успѣетъ, до открытія конгресса, поправить здоровье и прибыть въ Берлинѣ. Представителями *Англіи* на конгрессѣ назначены: Лорды Салисбюри и Биконсфильдъ, *Австріи*—графъ Андраши, *Франціи*—министръ иностранныхъ дѣлъ Ваддингтонъ и *Италіи*, министръ иностранныхъ дѣлъ Корти.

Вслѣдъ за тѣмъ, къ общему удовольствію, берлинскіе оффиціальные бюллетени стали указывать на общее улучшеніе здоровья Императора Вильгельма. (Его портретъ и описаніе злодѣйскаго покушенія на его жизнь, а также и подробности о состояніи здоровья Императора будетъ помѣщены въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Нивы). Хотя все-таки ожидаютъ указа, по которому наблюденіе за государственными дѣлами возлагается на послѣдняго принца. По этому поводу уже состоялось чрезвычайное засѣданіе совѣта министровъ.

Одновремено же съ этими извѣстіями получено извѣстіе и о новомъ энергическомъ требованіи Генерала Тотлебена, чтобы турки *очистили* крѣпости Шумлу, Варну и Батумъ. Въ связи съ этимъ ожидаютъ удаленія Англійскаго флота изъ Мраморнаго моря.

Въ параллель съ этимъ, надо поставить и тотъ фактъ, что Англійская печать единодушно начала высказывать тенденцію о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій, выставляя съ особенною рельефностью ту мысль, что для отвѣтственныхъ министровъ англійской короны именно теперь-то настало время дѣйствовать.

Всѣ эти факты знаменательны. Мы наканунѣ рѣшительныхъ фактовъ и событій.

Въ Петербургской городской думѣ составилось опредѣленіе, по которому иногородные купцы 1-й гильдіи, ведущіе оптовую торговлю, должны быть обложены сборомъ въ доходъ города въ размѣрѣ 25% съ казенной пошлины, платимой петербургскими купцами за свидѣтельства, а съ билетовъ за торговыя

заведенія, также по петербургской нормѣ, въ размѣрѣ 10%. Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы иногородные купцы уплачивали сверхъ того въ городскую кассу и всѣ прочіе сборы, какъ существующіе нынѣ, такъ и могущіе быть впередъ установленными.

При Государственномъ Контролѣ, какъ говорятъ, учреждена особая коммисія для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по выдачѣ процентныхъ прибавокъ къ жалованью служащихъ въ западныхъ губерніяхъ. Существуетъ предположеніе будто бы совсѣмъ вывести изъ практики выдачу процентныхъ прибавокъ къ жалованью.

Изъ новыхъ статей проекта университетскаго устава вводится, по слухамъ, новое правило объ освобожденіи отъ платы за право слушанія лекцій. Предполагается освободить всѣхъ желающихъ избавиться отъ платы, но съ обязательствомъ прослужить полгода по назначенію Министерства Народнаго Просвѣщенія за годъ освобожденія отъ платы. Въ проектѣ новаго университетскаго устава излагаются также правила соисканія наградъ медалями.

Образуется у насъ товарищество для торговли русскимъ керосиномъ за границей, которое предполагаетъ содержать для того въ главнѣйшихъ европейскихъ городахъ склады керосина, доставка котораго можетъ производиться на приспособленныхъ для этой цѣли судахъ съ цистернами.

Въ Петербургѣ будутъ произведены опыты мощенія улицъ посредствомъ машинъ. Мощеніе по этому способу можетъ быть произведено какъ по новому мѣсту, такъ и по старому, т. е. бывшему уже замощеннымъ, только по очисткѣ его отъ камней. Прежде всего грунтъ, предположенный для замощенія, укатывается тяжелымъ металлическимъ валомъ, за которымъ слѣдуетъ металлическое зубчатое гребло, помогающее взрыхленію и еще большему уравненію грунта. По уравненіи пространство засыпается слоемъ песка, что производится посредствомъ особаго механизма. Въ этомъ укатанномъ песчаномъ слоѣ дѣлаются штампомъ гнѣзда для камней. Камни же укладываются руками и затѣмъ мостовая окончательно уколачивается, при помощи той же машины, вставляемой въ нее вмѣсто штампа, металлическою трамбовкою, вѣсомъ отъ 15 до 30 пудовъ.

Соликамское уѣздное Пермской губерніи земское собраніе, открытое 27-го марта, по выслушаніи доклада о недостаткѣ хлѣба на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей въ нѣкоторыхъ волостяхъ уѣзда, уполномочило уѣздную управу ходатайствовать о выдачѣ на этотъ предметъ ссуды изъ продовольственнаго капитала, причемъ разрѣшено управѣ сдѣлать заготовку хлѣба для выдачи нуждающимся.

20-го мая слушалось въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената дѣло Вѣры Засуличъ, поступившее по кассаціонному протесту товарища прокурора на оправдательный приговоръ окружнаго суда. Между мотивами кассаціи главнѣйшіе:—что были неправильно допущены свидѣтели на судъ, что публика громко аплодировала, чѣмъ нравственно вліяла на убѣжденіе присяжныхъ засѣдателей. Послѣ 3-хъ часоваго совѣщанія, судъ вынесъ вердиктъ: „такъ какъ при разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ нарушены были ст. 575 и 576 угол. судопр., то рѣшеніе суда отмѣнить и дѣло перенести для разсмотрѣнія въ Новгородскій Окружный Судъ.

Смѣсь.

Прыганіе чрезъ веревку всегда считалось безвреднымъ упражненіемъ для дѣтей, между тѣмъ слѣдующій случай доказалъ противное. Одна 10-лѣтняя дѣвочка долго страдала головною болью и по временамъ чувствовала необычайную слабость. Лечившіе ее доктора не могли ей пособить и дѣвочку рѣшились, наконецъ, отвезти въ клинику. Стали расспрашивать, какъ она живетъ. Оказалось, что она постоянно прыгала чрезъ веревку и любимая эта забава и была причиной всей болѣзни. Отъ частаго прыганья образовалось шатаніе мозга. Съ этого времени прыганье было запрещено и мало по малу дѣвочка выздоровѣла.

Опыты предохраненія дерева отъ гніенія. Осенью минувшаго года было зарыто въ землю въ весьма сыромъ и болотистомъ мѣстѣ, на Петербургской сторонѣ, нѣсколько бревенъ и досокъ, обработанныхъ частію парами креозота, частію фенола и нефталина. Въ числѣ испытуемыхъ бревенъ и досокъ находилось нѣсколько уже подвергшихся гніенію. По разрытіи оказалось, что большая часть ихъ осталась совершенно неиспорченной, а положенныя уже загнившими сохранились безъ распространенія гніенія. Полагаютъ, что наиболѣе удобною представляется для предохраненія дерева отъ гніенія обработка его парами нафталина.

Изъ Майсора въ Остъ-Индіи телеграфируютъ англійскимъ газетамъ, что послѣдняя народная перепись обнаружила потрясающія послѣдствія голода, а именно 25% населенія или 1,250,000 челов. умерли во время голода и вообще въ сравненіи съ результатами предшествовавшей переписи, число жителей, принадлежащихъ къ неимущимъ классамъ, уменьшилось на 35%.

Мысли замѣчательныхъ людей.

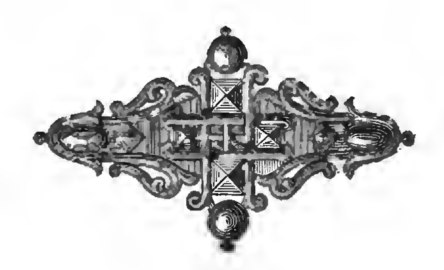
Хочешь ли ты, чтобы чтеніе оставляло въ тебѣ прочныя впечатлѣнія? Ограничься небольшимъ числомъ писателей, проникнутыхъ умомъ здравымъ и питай умъ сущностью ихъ твореній. Быть вездѣ, значитъ нигдѣ не быть преимущественно. Жизнь проведенная въ переѣздахъ доставляетъ много знакомыхъ, но мало друзей. Такова и участь тѣхъ жадныхъ читателей, которые, не любя ни одной книги, пожираютъ ихъ безъ числа. (*Сенека*).

Въ жизни важнѣе обладать достоинствомъ человѣка, нежели наградою за достоинство. Оцѣнятъ его—тѣмъ лучше; не оцѣнятъ—такъ сохрани его въ себѣ безъ награды, оно тѣмъ еще болѣе возвысится. (*Сильвіо Пелико*).

Опасно указывать человѣку на сходство его съ животными, не показавъ его величія; еще опаснѣе раскрыть предъ нимъ величіе его, не давъ увидѣть своихъ недостатковъ, но всего опаснѣе оставить его въ невѣдѣніи на счетъ того и другого. *Паскаль*).

Всѣ великія мысли и страсти рождаются въ уединеніи; въ свѣтѣ ихъ быть не можетъ—тамъ ни одинъ предметъ не имѣетъ времени произвести глубокое впечатлѣніе, тамъ множество вкусовъ притупляетъ силу чувства. (*Руссо*).

Мысли, оставаясь долго въ головѣ безъ всякаго сообщенія, измѣняются и искажаются, только при взаимномъ размѣнѣ онѣ оплодотворяются и сообщаютъ другъ другу жизнь и движеніе. (*Юнгъ*).

Брошь съ буквами.

Въ этой брошн помѣщено нѣсколько буквъ, составляющихъ одно русское женское имя. Объясненіе дадимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Петербургъ. А. П. Вос—уръ. Вы пишете:

Онъ страшныя творилъ опустошенья
Здѣсь теленка онъ терзалъ,
Тамъ вола безъ всякаго *сожрѣнья*
Съ *любви къ искусству* раздиралъ

Это ужь что-то уходящее далеко за предѣлы безграмотности и послѣ этого не будетъ удивительно, такое, напримѣръ согласованіе словъ:

Палуцивъ вашему любезнова атвѣть, велаю ашнарбляться на морового шудью.

2. Омскъ. Е П—у. Вы пишете:

«Хочу и спать, но мнѣ не спится,
Желалъ бы быть веселымъ и,
Такъ опять слеза струей катится
Начну-ли съ кѣмъ нибудь и говорить
Слова мѣшаются мои.

Плохо дѣло: не пишите стиховъ и не медленно отправляйтесь къ доктору.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Д. Стахѣевъ**.

Дозволено цензурою СПБ. 1 Іюня 1878 г. Тип. Ф. Деллинга Англ. пр. № 10.

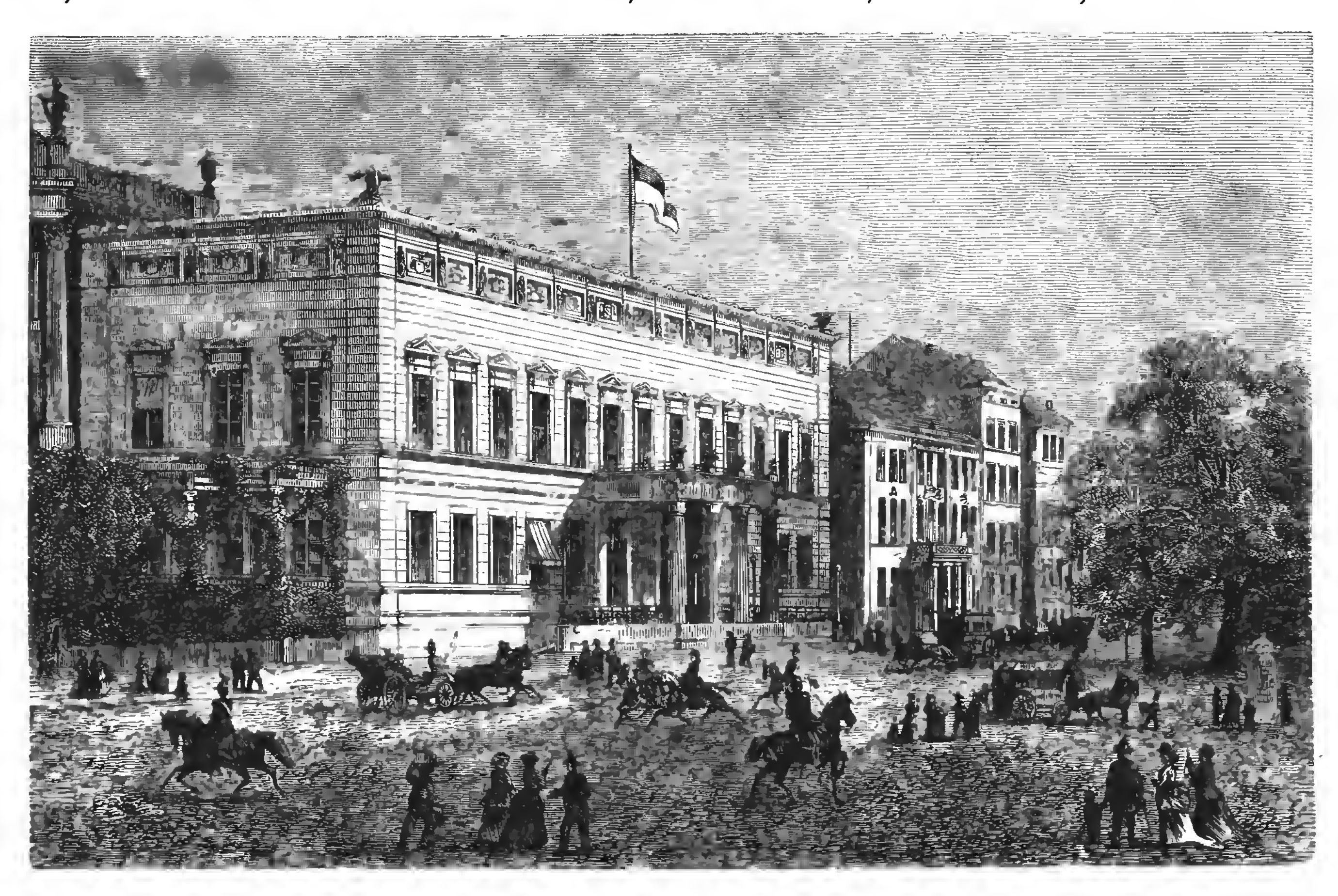

№ 24 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 12 Іюня 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

Вторичное покушеніе на жизнь Германскаго Императора Вильгельма.

Дворецъ Императора Вильгельма въ Берлинѣ. Рис. А. Гаммерле, грав. Рашевскій.

На жизнь благороднаго и пользующагося всеобщимъ уваженіемъ Германскаго Императора Вильгельма было сдѣлано вторичное покушеніе, о чемъ мы вкратцѣ уже сообщили въ № 22 „Нивы“ (см. стр. 399). Въ слѣдующемъ № „Нивы“ мы помѣ-

симъ портретъ этого всѣми уважаемаго маститаго монарха, а теперь, давая на страницахъ „Нивы“ мѣсто рисунку, изображающему тотъ дворецъ Императора Вильгельма, въ которомъ онъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ Берлинѣ, разскажемъ здѣсь о тѣхъ подробностяхъ, которыми сопровождалось злодѣйское покушеніе на жизнь Императора.

Въ воскресенье, 2-го іюня, въ началѣ 3 часа пополудни императоръ Вильгельмъ проѣзжалъ въ открытой коляскѣ по южной сторонѣ „Unter den Linden“. На козлахъ экипажа его былъ кучеръ и егерь. Въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо дома № 18, изъ втораго этажа этого дома раздался выстрѣлъ, ранившій Императора въ щеку. Императоръ схватился за платокъ и поднесъ его къ раненной щекѣ; въ это время послѣдовалъ другой выстрѣлъ, нанесшій ему новыя раны. Выстрѣлы сдѣланы были дробью, нѣкоторыя изъ нихъ въ пробили каску и плащъ Императора, (это отчасти способствовало, уменьшенію силы удара). Въ подушкахъ коляски также засѣло нѣсколько дробинокъ. Императоръ откинулся назадъ въ колясвѣ, но не теряя сознанія, приказалъ ѣхать обратно. Егерь вскочилъ затѣмъ въ экипажъ и сталъ поддерживать государя, который повидимому началъ ослабѣвать отъ потери крови, обильно текшей изъ раны и обрызгавшей во многихъ мѣстахъ внутренность экипажа.

По возвращеніи во дворецъ (изображенный на нашемъ рисункѣ) Императоръ не могъ самъ подняться на лѣстницу и былъ внесенъ въ комнаты егеремъ и нѣсколькими подоспѣвшими слугами. Врачи принялись вынимать дробинки, которыхъ оказалось до тридцати, проникшихъ въ лицо, голову и обѣ руки Императора. Первыми врачами, явившимися для оказанія первоначальной медицинской помощи были, какъ говорятъ, тайный совѣтникъ Лиманъ и докторъ Левинъ. Они констатировали слѣдующія раны: 1) съ внутренней стороны праваго предплечія семь бугорчатыхъ возвышеній, величиною съ горошину, произведенныхъ выстрѣлами дробью; 2) на верхней части лѣвой руки почти до самаго плеча—около двадцати такихъ же ранъ; 3) на затылкѣ 6 ранъ; 4) въ лѣвой части головы и на лицѣ отъ 5 до 6 такихъ же знаковъ. Нельзя было опредѣлить, повсюду-ли засѣли дробинки, такъ какъ нѣкоторыя раны представляли не болѣе какъ царапины кожи; повидимому по этимъ мѣстамъ дробинки только скользнули, но не проникли въ тѣло. По желанію врачей больного перенесли изъ спальни въ голубую комнату дворца, гдѣ принимаются доклады. Проѣздъ отъ зданія оперы до королевскаго дворца заградили. Императоръ во все время сохранялъ спокойствіе и первой заботой его, какъ говорятъ, было приказать, чтобы Императрицѣ и наслѣдному принцу сообщили, что онъ только контуженъ; затѣмъ велѣлъ собрать точныя свѣдѣнія о личности и званіи убійцы и спустя нѣкоторое время уже улыбался и съ своимъ обычнымъ юморомъ спрашивалъ, что станется съ обѣдомъ, заказаннымъ въ честь персидскаго шаха. Послѣ первой перевязки Императоръ потребовалъ, чтобы ему показали каску и шинель. При видѣ каски, пробитой 18 дробинками, отъ которыхъ только одна слегка ранила Императора въ лобъ, онъ грустнымъ тономъ сказалъ:

— Какъ часто ты исполняла долгъ свой, моя старая каска! И теперь ты снова охранила мою жизнь!

Шинель оказалась до такой степени пробитой дробью, что какъ будто она изъѣдена молью.

Вскорѣ во дворецъ прибыли всѣ приближенные государя: министры, послы; въ городѣ было необыкновенное смятеніе, и народъ массами стремился ко дворцу, такъ что полиціи пришлось принимать мѣры для возстановленія движенія по близлежащимъ ко дворцу улицамъ. Толпы народа врывались и въ домъ № 18, изъ оконъ котораго были сдѣланы выстрѣлы. Убійца забаррикадировалъ дверь занимаемой имъ комнаты, но она была выбита. Первымъ вступившимъ въ комнату былъ содержатель отеля Гольтфейеръ, убійца выстрѣлилъ изъ револьвера, причемъ ранилъ его въ подбородокъ и шею, а затѣмъ выстрѣлилъ въ самого себя. Подоспѣвшій за хозяиномъ молодой офицеръ Вильгельмъ, нѣсколькими ударами сабли обезоружилъ убійцу, нанеся ему рану саблей въ голову. Убійца, истекающій кровью, былъ наконецъ обезоруженъ и связанъ, и такъ какъ отъ сильной слабости онъ не могъ самъ идти, его снесли съ лѣстницы до „зеленой кареты“ чтобы отвезти въ зданіе уголовнаго отдѣленія полиціи Еслибы не приняты были полиціей мѣры, то народъ опрокинулъ бы карету и растерзалъ преступника — такъ страшно было вообще противъ него ожесточеніе.

Убійца—небольшого роста, съ рыжей бородой лѣтъ 30 отъ роду, сухощавъ и производитъ непріятное впечатлѣніе. Когда онъ былъ обезоруженъ и стоялъ подъ охраной двухъ полицейскихъ въ углу своей комнаты, съ лицомъ покрытымъ кровью, съ связанными за спиной руками, онъ совершенно равнодушно относился къ тому, что вокругъ него происходило. Комната, занимаемая имъ была небольшая, въ два окна, убранная довольно скудно мебелью, но были въ ней и цѣнныя вещи. Въ запертомъ книжномъ шкафу помѣщалась коллекція хорошо переплетенныхъ книгъ ученыхъ и технологическихъ сочиненій. Коллекція оружія, найденная у убійцы въ моментъ ареста состояла изъ двухъ револьверовъ, весьма изящнаго карабина-револьвера оружейной фабрики Дрейзе, остраго кинжалообразнаго ножа и большого запаса патроновъ.

Въ одномъ изъ ящиковъ его комода нашли хлѣбъ, масло и яйца; въ другомъ было много чистаго бѣлья. Комната преступникомъ была занята съ 1 января.

Преступникъ показалъ, что его фамилія Нобелингъ, и что онъ докторъ философіи. Окончивъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, онъ занимался въ теченіи трехъ лѣтъ практически сельскимъ хозяйствомъ, а потомъ слушалъ съ 1870 по 1872 г. въ Галле лекціи по государственнымъ наукамъ и сельскому хозяйству.

Сдавъ экзаменъ на степень доктора, Нобелингъ два года тому назадъ прибылъ въ Берлинъ и долго искалъ себѣ мѣста. Обращался въ министерство съ просьбой о мѣстѣ, но получилъ отказъ. Онъ былъ рекомендованъ лейпцигскимъ профессоромъ Рошеромъ, извѣстнымъ ученымъ по политической экономіи, совѣтнику министерства сельскаго хозяйства Тилю. Нобелингъ нѣкоторое время занимался въ статистическомъ бюро извѣстнаго германскаго статистика Энгеля, и потомъ сталъ заниматься литературой.

По увѣреніямъ экономиста Тиля, Нобелингъ свѣдущъ по своей спеціальности, но не отличается особенно блестящими способностями.

При допросѣ Нобелингъ сказалъ, „что онъ хотѣлъ застрѣлить Императора; стрѣлялъ же дробью, потому что ей легче попасть въ цѣль, мысль о покушеніи на жизнь Императора не покидала его болѣе уже 6-ти мѣсяцевъ. Къ преступнику, въ тюрьму, была приведена его мать. Изъ свиданія сына съ матерью думали узнать болѣе подробностей, касающихся дѣла покушенія на жизнь Императора, но Нобелингъ отвѣчалъ и матери коротко и не сознаваясь во всемъ. Это была торжественная минута, когда пораженная горемъ женщина обратилась къ сыну съ словами:

— Милый Карлъ, облегчи свою совѣсть, скоро ты предстанешь предъ престоломъ Всевышняго Судьи. Признайся во всемъ, пока еще невоздно“.

Убійца вперилъ въ мать безсмысленный взоръ и не отвѣчалъ сначала ни слова—онъ находился въ безсознательномъ состояніи. Когда онъ пришелъ въ себя, мать спросила его.

— Обѣщали тебѣ, или получилъ ты деньги, если ты застрѣлишь Императора?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ей Нобелингъ.

— Выпалъ ли на твою долю жребій?

Сынъ отвѣчалъ на это только: ахъ, Господи! Тогда государственный прокуроръ въ свою очередь обратился къ убійцѣ съ вопросомъ, не желалъ-ли онъ этимъ восклицаніемъ—ахъ, Господи, отвѣчать утвердительно на вопросъ: Жребій выпалъ на вашу долю?—Да, сказалъ Нобелингъ. Это, слѣдовательно заговоръ? снова спросилъ прокуроръ—Да, было опять отвѣтомъ. Кто-же ваши сообщники?—Этого я не имѣю права сказать.

Послѣ допроса Нобелингъ впалъ въ полное безпамятство.

Далѣе газетныя извѣстія передаютъ, что при арестѣ преступника случилось несчастіе и съ кучеромъ пріѣхавшей за нимъ кареты. Такъ какъ ворота дома № 18 подъ Липами слишкомъ низки, то несчастнаго кучера такъ сильно ударило поперечной балкой, что его пришлось отправить въ больницу въ безсознательномъ состояніи.

За симъ передается разсказъ и о томъ, какъ Министръ Юстиціи Горвицъ желая стереть мокрой салфеткой кровь съ лица Нобелинга, придавилъ опухоль на правомъ вискѣ преступника, происшедшую отъ выстрѣла. Убійца вздрогнулъ и попросилъ не жать такъ сильно. На это Горвицъ замѣтилъ ему:

— А объ Императорѣ вы не подумали, что ему придется выстрадать.

Въ отвѣтъ на это преступникъ опустилъ только глаза.

Въ настоящее время по поводу этого покушенія правительствомъ приняты мѣры для изслѣдованія и собранія свѣдѣній о связахъ, какія имѣлъ Нобелингъ въ разныхъ частяхъ Германіи. Три столичные судебные слѣдователя отправлены въ Саксонію, Вестфалію и Рейнскую Провинцію для производства этихъ изслѣдованій. Оказывается, Нобелингъ посѣщалъ соціально-демократическія сборища и принималъ живое участіе въ преніяхъ, въ особенности при обсужденіи вопросовъ народнаго хозяйства—свободы торговли, покровительственныхъ пошлинъ и улучшенія быта рабочихъ.

Есть подозрѣніе, что онъ находится уже давно въ близкихъ сношеніяхъ съ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ соціальной демократіи, который принадлежитъ къ хорошему обществу и проживаетъ теперь въ Парижѣ. Изъ показаній прислуги, служащей въ № 18 „Unter den Linden“ видно также, что за послѣднее время убійцу постоянно посѣщали рано утромъ лица, принадлежащія, повидимому, къ рабочему сословію. Приходя въ квартиру Нобелинга и уходя оттуда, они старались быть незамѣченными.

„Кельнской Газетѣ“ телеграфируютъ изъ Берлина, что напали на слѣдъ сношеній Нобелинга съ соціалистами въ Парижѣ и въ Давидѣ; оказалось, что у него были двѣ квартиры: одна „Unter den Linden“, а другая въ „Pionier Strasse“.

Оружіе, найденное въ домѣ № 18 „Unter den Linden“, было принесено туда въ ночь съ субботы на воскресенье.

Одна изъ Германскихъ газетъ слѣдующими словами заключаетъ статью свою по поводу ужаснаго преступленія—вторичной попытки убить Императора Вильгельма:

„Правительство исполнитъ свою обязаность и обратиться къ совѣсти націи. Отъ призванныхъ представителей націи оно потребуетъ охраненія общества, которому угрожаетъ опасность, такъ какъ существующіе законы не ограждаютъ его въ достаточной степени. Правительство питаетъ довѣріе къ рѣшимости и преданности, которыя разсчитываетъ встрѣтить во всѣхъ, кто хочетъ сохранить государство и общество“.

Z.

Въ горахъ Кавказа.

Промчалась ночь въ нѣмомъ молчаньи...
Лучъ солнца ярко заигралъ,
И утро въ розовомъ сіяньи
Слетѣло тихо въ царство скалъ...

* * *

Роса сверкаетъ подъ ногою,
Дымятся пропасти кругомъ;
Коза мелькнула надъ скалою,
Запѣла птичка подъ кустомъ.

* * *

Гроза долинъ—кричитъ въ ущельи
Давно проснувшійся орелъ...
На этотъ крикъ въ нѣмомъ весельи
Я вмигъ ружье свое навелъ!

* * *

Вверху снѣга... Внизу, въ ложбинѣ,
Блеститъ серебряный ручей,
И чуть чернѣется въ долинѣ
Деревня съ церковью своей...

* * *

Гремятъ звонки, и пѣсня льется:
То стадо гонятъ по горамъ,—
Но встрѣтить ихъ мнѣ не придется:
Я дикъ и не любъ пастухамъ!

* * *

Но я всесильною судьбою
Въ защиту данъ имъ отъ враговъ:
И звѣрь дрожитъ передо мною,
И много падаетъ орловъ!..

* * *

Когда-жъ стемнѣютъ горъ вершины,
И въ бурѣ скалы задрожатъ,
И съ грознымъ свистомъ внизъ лавины,
Лѣса ломая, полетятъ,—

* * *

Подъ хохотъ бури въ ураганѣ
Тогда погибну первымъ я...
Въ глубокой пропасти, въ туманѣ,
Мнѣ очи высосетъ змѣя...

* * *

Но только солнце бурю смѣнитъ,
Польется пѣсня по горамъ:—
Другой смѣльчакъ меня замѣнитъ,
Пойдетъ по этимъ же слѣдамъ.

С. Богдановичъ.

На берегахъ Лены.

(Разсказъ).

(Окончаніе).

Народъ весь притаилъ дыханіе и съ величайшимъ вниманіемъ обратился къ Савватѣю Ильичу. Настала необыкновенная тишина.

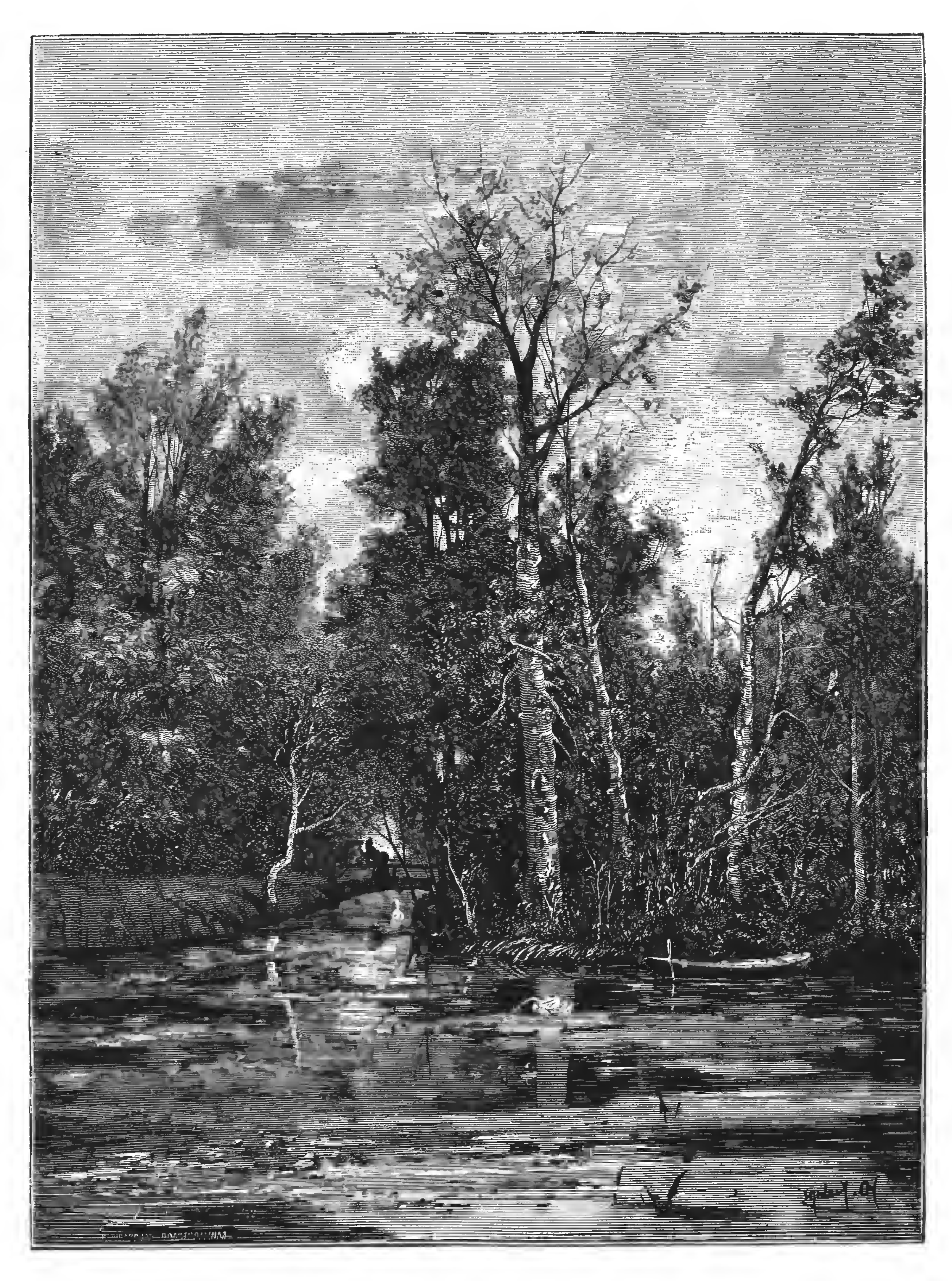
— Вотъ я вамъ скажу,—началъ, помолчавъ, Савватѣй Ильичъ,—пошелъ я, съ Пеледую хребтомъ; ну, и ничего—все иду; прошелъ я, Романовъ ручей, да и поворотилъ въ боръ—знаешь ты,оно по бору-то сушѣе—ну, ничего, опять, иду по бору, да и думаю: дай-ка вплоть до дому по бору-то пойду, а солнце такъ и палитъ; только вдругъ туча навалилась и солнышка не видать стало, а старикъ—Сергѣй будто пеледуйскій—и идетъ ко мнѣ изъ ельнику-то... Я еще подумалъ: откуда Сергѣй взялся? Только подходитъ онъ ко мнѣ—поздоровались, и сѣли на колоду. Ну, ничего, сидимъ, знаешь-ты, отдохнули, понюхали табаку разъ-другой... Я и говорю: какой у тебя табакъ, сватъ Сергѣй, такъ носъ и деретъ, а Сергѣй—ничего. Ну, спрашиваю я Сергѣя: откуда идешь?—Да я, говоритъ, ходилъ петли ставилъ да дрова рубилъ. Мнѣ это и въ голову не пришло—пошто Сергѣй эдаку даль пойдетъ дрова рубить. Ну,опять ничего, сидимъ, а Сергѣй опять и заводитъ: пойдемъ, говоритъ, вмѣстѣ, я, говоритъ, къ вамъ же, въ Витимъ пробираюсь. Вотъ и пошли мы; идемъ, все боромъ, все боромъ; идемъ да и разговариваемъ... Только шли, шли, шли, а собаки и залаяли; ну, говорю, поле, скоро придемъ, а солнце ужь низенько сѣло; подошли ближе, смотрю—поле, да какъ думаю, деревня не наша... думаю, думаю, а старикъ Сергѣй молчитъ. Вотъ, пришли мы, гляжу, на улицу—огородъ жердьемъ обнесенъ, а тутъ зимовье стоитъ, а тамъ домъ, и пространный домъ такой—саженъ десять будетъ. Только я и говорю: „ну, говорю, сватъ Сергѣй, только куда-то мы съ тобой затащились? а Сергѣй, слышь-ты, все молчитъ; вотъ у меня волосы-то шишомъ и стали; вотъ, думаю, только куда-то пришелъ я. Остановился, впередъ ужь не иду, да и смотрю назадъ, а на умѣ-то у меня ужь лыжи смазать; только смотрю назадъ, а за нами такой престрашенной да пpeгустой лѣсъ, свѣту бѣлаго не видно. Ну, думаю дѣло не ладно. Ну, вотъ и сталъ я на одномъ мѣстѣ, а кожу такъ и обдираетъ; дай, думаю, перекрещусь, а рука-то не подымается—стану чего другое дѣлать—рука, какъ рука, хочу креститься—не служитъ... Ну, вотъ тутъ-то ужь и озябъ я, а молитву прочитать—мнѣ и на умъ нейдетъ...

Савватѣй замолчалъ. Всѣ съ удивленіемъ и страхомъ посмотрѣли другъ на друга

Савватѣй Ильичъ, вздохнувъ, продолжалъ: стою я, теперече, на улицѣ; ходитъ скотъ, коровы-то все бурыя, а кони-то все пѣганые; только сталъ показываться и народъ—а Сергѣй мой давно ужь въ домъ ушелъ, ну и меня стали въ домъ звать. Ну, думаю, что будетъ, то и будь—пойду, что во что не хлыснетъ!.. Пошелъ я въ домъ; захожу въ ограду, крыльцо, смотрю, тоже какъ крыльцо; прихожу въ домъ, а Сергѣй мой ходитъ безъ шапки ужь, а на лбу рога, не то чтобы большіе, а какъ тебѣ сказать?... да верха, почитай, эдакъ полтора. Ну, думаю, вотъ тебѣ и Сергѣй, съ рогами какъ у *самого*, значитъ,—лѣснова. Ну, говоритъ, тепериче, онъ мнѣ, Савватѣй Ильичъ, привелъ я тебя па-

Маленькая кокетка. Картина В. Циммера, рис. на деревѣ В. Ренхе, грав. Крейхманъ.

Запущенный прудъ.

Картина Ю. Клевера. Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Пуцъ.

хать пашню, принимайся-ка утро за работу; тамъ, говоритъ. ребята покажутъ тебѣ сохи и бороны. Заведены, говоритъ, у меня не то что у васъ: почипивать, значитъ, нечего, знай паши. Ну, я стою и слова не могу выговорить. Пошелъ изъ дому. а тутъ ужь работникъ меня и повелъ. Вотъ тебѣ соха, говоритъ, къ завтрему. Ну, чего станешь дѣлать?.. Погоревалъ, погоревалъ я, да и пошелъ спать. На утро всталъ, мнѣ и дали каменну просвирку, вотъ эдакъ, почитай, съ кулакъ будетъ. Вотъ тебѣ, говоритъ, на все лѣто будетъ. Взялъ я ее. да и думаю: что много ли наѣшь камень, да и хочу класть въ пазуху, только опять тотъ же и говоритъ „ѣшь!“, ну, думаю, попробую, и сталъ ѣсть; откушу, будто чавкаю, а просвирка все цѣла. Наѣлся я, да и положилъ за пазуху.... Ну, и пошёлъ пахать, да вотъ, эдакъ, почитай, все-то лѣтичко и маялся.

— Ну, чево же, добрая земля-то? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Како добрая—глина да песокъ; а вотъ, нынче, такъ я смотрю—родясь такого хлѣба невидывалъ: колосъ, такъ какъ тебѣ сказать, не соврать?... да четверти, почитай, двѣ будетъ, а солома,—такъ людей невидать.

— Вотъ, это, паря, хлѣбъ!

— Чево говорить! не наши злыдни—колосокъ-отъ другой съ вершокъ не будетъ.

— Ну, а чево же, Савватѣй Ильичъ, такой же таки хлѣбъ, какъ и у насъ?

— Такой, хлѣбъ, какъ хлѣбъ вездѣ. Возьмешь зерно-то, такъ любо смотрѣть.

— Ну, а долго ты досюда-то шёлъ?

— Како долго, утромъ пошёлъ, а теперь, чево еще па́ужина развѣ есть или нѣтъ.

Мужики переглянулись. За этимъ боромъ, на день ходу, у многихъ есть зимо́вья, въ нѣкоторыхъ приходится коротать иногда время по цѣлой недѣлѣ одному.

— А какъ, помнишь ты, Савватѣй Ильичъ, въ которую сторону отсюда—будетъ это?

— Да не запомню таки; я все шёлъ будто по бору.

— А какъ же отпустилъ-то онъ тебя? спросилъ старикъ.

— Кто это? въ свою очередь спросилъ Савватѣй Ильичъ.

— Да Сергѣй-то.

— А, онъ-то? Да пашню-то убрали, ну, онъ и говоритъ: теперь дѣлать нечего, до покосу-то такъ поживи; а вчера-то, да сегодня утромъ, такъ разозлился, что чуть въ шею не прогналъ.

— Да я вчера-то да и сегодня, утромъ, колѣни-то сбила—молилась. сказала сквозь слезы Лисавета. все

— Ну, да именно-таки былъ какой-то день, что онъ было чуть меня не прогналъ.

— А давно? спросилъ кто-то.

— Да, ужь мѣсяцъ, почесь, будетъ, а то и болѣе.

— Смотри же, ребята, это, однако, какъ панафидуто служили, замѣтилъ старикъ.

— Чево ты думаешь, небось, отъ нее, замѣтилъ кто-то.

— Ну, теперь не отдохнулъ ли, Савватѣй Ильичъ? надо пробираться домой.

— Нѣтъ, завопила Лисавета,—какъ, батюшки, хочите, а я безъ молитвы его въ домъ не пущу.

— Ну, такъ чево же, сводимъ его въ церковь, сказалъ одинъ.

— Ей Петруха! закричалъ другой:—бѣги-ка къ отцу Петру, зови въ церковь: отчитать, говори—Савватѣй Ильичъ вышелъ.

Молодой парень скорыми шагами пошелъ къ священнику, а за нимъ и Савватѣй Ильичъ съ своей свитой.

Священникъ былъ ученъ на мѣдныя деньги, какъ говорятъ, и не зналъ, что такое училище или семинарія. Доживая шестой десятокъ лѣтъ, онъ только болѣе вкоренялъ предразсудки въ себѣ и другихъ и Савватѣй Ильичъ имѣлъ полное основаніе быть спокойнымъ на счетъ батюшки. Онъ былъ увѣренъ, что батюшка, и не подумаетъ сомнѣваться въ его похожденіяхъ. Въ этой увѣренности шёлъ Савватѣй Ильичъ въ церковь, думая только о томъ, какъ бы поискуснѣе продолжать свою роль.

Вскорѣ толпа ввалила въ церковь, а за нею явился и священникъ. Молебенъ кончился. Священникъ, снявши облаченіе, подошелъ къ Савватѣю, благословилъ его и всѣ пошли изъ церкви. По дорогѣ, священникъ, желая подробно узнать путешествіе Савватѣя, началъ его разспрашивать; публика снова выслушала разсказъ Савватѣя съ полнымъ вниманіемъ и съ такимъ же горячимъ выраженіемъ участія и страха.

Чтобы окончательно выдержать роли, Лисавета потребовала изъ волости къ Савватѣю двухъ караульныхъ на первую ночь, которые сейчасъ же и были назначены.

Въ домъ Савватѣя нанесли съ разныхъ сторонъ пироговъ, лепешекъ и прочаго. Савватѣй началъ блаженствовать. Пашня была спахана и во дворѣ стояла уже пара лошадей. Черезъ день Савватѣй отправился косить сѣно, и жизнь его пошла обычной чередой.

VI.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ крестьянинъ Козаковъ пришелъ въ свое зимовье. „Что за чортъ!“ сказалъ онъ самъ себѣ: „да здѣсь какъ будто жилъ кто-то?... право жилъ! Да что за чудо, сѣти-то всѣ изорваны.... Какой же дьяволъ изорветъ ихъ?... Смотри-ка, смотри ка! повторялъ онъ себѣ:—чумаки... хмъ... да въ нихъ мучная каша была!.. Вотъ диковина-то! А?.. кому, теперече, быть здѣсь?.. право некому... Бродяга развѣ?.. Нѣтъ,—какой бродяга!—бродяга не пойдетъ—далеко, вѣдь, почитай, день ходу. А! да ужь не Савватѣй ли здѣсь былъ, какъ пропадалъ-то? Да нѣтъ, не можетъ быть. Вѣдь не вралъ же онъ, что у Лѣсного служилъ.. Ну, а кому же опять быть, кому придти сюда? А что человѣкъ былъ, сомнѣнья нѣтъ... Какъ не толкуй, а Савватѣево это дѣло. Больше некому... То-то чудно разсказывалъ... Ахъ ты плутъ, ахъ ты Саватька, Саватька! небось, что выдумалъ.... Смотри-ка ты, каку штуку согнулъ! Ну, ужь и Савватѣй Ильичъ, только послушаю я тебя, какъ ты у чорта пашню пахалъ!

Недѣли чрезъ двѣ Козаковъ возвратился съ промысла. Общій народный голосъ о житьѣ въ казаковскомъ зимовьѣ положилъ на Савватѣя, а Савватѣй только отмалчивался. Мужики бранили себя за то. что кормили Савватѣя, когда онъ имъ гнулъ турусы на колесахъ и сами удивлялись, какъ они могли повѣрить его разсказамъ. Какъ бы то ни было, а жизнь Савватѣя стала лучше, богатство его прибавилось на одну лошадь. Скоро и средство ея пріобрѣтенія стало забываться, какъ, вѣроятно, забывается всякое подобнаго рода дѣло: совѣсть хоть и напоминаетъ иногда, что дѣло не совсѣмъ чистое; но совѣсть у такихъ людей, какъ Савватѣй Ильичъ, должно быть слабый, снисходительный обличитель, потому-что при каждомъ возможномъ случаѣ они опять стараются воспользоватся какимъ быто-нибыло дѣльцемъ, такимъ же, или, пожалуй, хоть и хуже того. Съ пріѣздомъ исправника, пятьдесятъ березовыхъ хоть и сильно надпомнили Савватѣю чортову пашню, но чрезъ недѣлю послѣ этого и этихъ надпоминаній не осталось. Получилъ онъ себѣ кличку „Чортовъ Работникъ“, но это названіе съ каждымъ годомъ становилось привычнѣе, потомъ стало казаться собственнымъ его именемъ, накопецъ превратилось совершенно въ собственное. Но напоминаетъ ли оно ему лѣто 1847 г. и рисуются-ли въ его воображеніи бурыя коровы, пѣганые кони чорта и самъ чортъ съ рожками вершка въ полтора—объ этомъ онъ, послѣ назиданія, даннаго исправникомъ, упорно помалчиваетъ.

Н. Т.

Мѣдные рубли.

(Разсказъ изъ русской жизни XVII вѣка).

I.

Надъ Москвой стояли сумерки и окутывали ее дымкой густого тумана. Погода была теплая, обѣщая раннюю весну. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ сталъ проваливаться и превращаться въ грязныя лужи, расплывавшіяся на солнопекѣ и затягиваемыя отъ ночныхъ морозовъ хрупкой корой льда. О мостовой тогда еще и понятія не имѣли въ стольномъ градѣ Москвѣ, гдѣ грязь на улицахъ нерѣдко ставила пѣшехода въ затруднительное положеніе, съ завязшими едва не по колѣна ногами.

Солнце еще недавно скрылось, окрасивъ западъ красноватымъ отливомъ, а на улицахъ бѣлаго города ужъ было тихо и безлюдно. Обыватели спали, либо сумерничали въ ожиданіи вечерней, грибной трапезы. Постомъ ложились еще раньше обыкновеннаго, чтобы бодрѣе выстоять заутреню, которая начиналась въ третьемъ часу по полуночи, созывая говѣльщиковъ протяжнымъ звономъ колоколовъ, въ храмы Божіи, обновленные послѣ смутнаго времени самозванцевъ, либо вновь выстроенные благочестивымъ государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по примѣру его родителя, избраннаго народомъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, да дѣда митрополита Филарета Никитича.

Только въ боярскихъ домахъ тусклый свѣтъ лампадъ передъ иконами мелькалъ сквозь слюду и телячьи пузыри, замѣнявшіе стекла въ маленькихъ оконцахъ; да и тѣ вскорѣ позакрыли тяжелыми дубовыми ставнями съ крѣпкими запорами: предосторожность, необходимая въ ту пору внезапныхъ безпорядковъ, кулачныхъ боевъ и расправы не совсѣмъ-то подчиненныхъ дисциплинѣ стрѣльцовъ, да другихъ ратныхъ людей, поздно возвращавшихся изъ „кружалъ", къ великому соблазну богобоязненныхъ москвичей, не запираемыхъ и въ постные дни четыредесятницы.

Кое-гдѣ тявкнетъ тощая собаченка, отбившаяся отъ стаи дикихъ псовъ, которые жили у Покровскаго собора св. Василія Блаженнаго, въ оврагѣ, питаясь падалью, сваливаемой туда со всей Москвы; либо замяукаетъ на высокомъ дѣтинцѣ частокола откормленный толстомордый котъ, любимецъ какой-нибудь боярыни, пробираясь къ бѣлой кошечкѣ сосѣдняго дома, забытой сѣнными дѣвками на рѣзномъ, узорчатомъ конькѣ крышки... И опять все замолкаетъ, пока не раздастся рѣзкій звукъ трещотки и протяжный окликъ караульнаго.

Совсѣмъ стемнѣло, когда спокойствіе на улицѣ было нарушено дружнымъ лаемъ спущенныхъ на ночь собакъ, накинувшихся на одинокаго пѣшехода, который шлепалъ по плохо подмерзшимъ улицамъ.

Не обращая вниманія на задорныхъ псовъ, запоздалый путникъ шелъ себѣ неторопливой походкой человѣка, погруженнаго въ глубокую и невеселую думу. По временамъ онъ останавливался и бормоталъ несвязныя рѣчи, такъ что его можно бы было принять за пьянаго, хоть онъ въ тотъ день не только вина, но и ковша браги не выпилъ.

На немъ была надѣта новая овчинная шуба. Когда она распахивалась на груди, то позволяла видѣть бѣлую, тонкаго холста рубашку, расшитую мудренымъ краснымъ узоромъ по краямъ и на воротѣ. Шелковый поясъ съ серебряными наконечниками охватывалъ его станъ, широкіе суконные порты, засунутые въ сапоги съ красными отворотами, да мѣдными бляхами и остроконечная шапка съ мѣховой опушью, довершали нарядъ, доказывавшій достатокъ путника и его щеголеватость. Наружностью онъ былъ высокій, плечистый молодецъ лѣтъ 23, съ красивымъ лицемъ, дышавшимъ отвагою и удальствомъ, съ небольшой русой бородкой и выбивавшимися изъ-подъ шапки кудрявыми волосами. Ѳедотъ Герасимовъ, по прозвищу Качанъ не имѣлъ въ Москвѣ ни роду, ни племени; пришелъ онъ года три тому назадъ изъ Вереи, гдѣ отецъ его служилъ въ приказѣ дьякомъ и считался одной изъ умнѣйшихъ головъ своего города. Жилось дьяку вольготно и доходъ онъ получалъ не малый, но смерть все это перевернула по своему; во время моровою повѣтрія померъ дьякъ и жена его; домъ заколотили, какъ зачумленный, дѣти по людямъ разбрелись, а что осталось отъ родителей—все пропало. Говорили тогда, будто дьякъ свою казну куда-то зарылъ, да не успѣлъ при смерти сыну сказать.

Такъ или иначе, только Ѳедотъ на двадцатомъ году остался безъ средствъ и поддержки; но унывать было не въ его натурѣ. Тогда набирали охотниковъ въ царскую рать стрѣлецкую, и нашъ Качанъ пошелъ въ Москву, искать счастья. Его охотно приняли на службу и вотъ ужъ около трехъ лѣтъ, какъ онъ живетъ въ Стрѣлецкой слободѣ, напротивъ Кремля, за Москвой рѣкою, по наряду правитъ сторожу при Царскихъ дворахъ, при Денежныхъ Дворахъ, у Земскаго Приказа, у Кремлевскихъ воротъ, а иногда и въ Китай-городѣ на торгахъ, коли народу соберется много, или шумъ затѣютъ торговые гости съ покупщиками.

Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ переселенію Качана изъ Вереи въ Москву было то обстоятельство, что въ Москвѣ жилъ нѣкто бояринъ Иванъ Никитичъ Комоловъ, имѣвшій близъ Вереи вотчину.

Въ дѣтствѣ Ѳедотъ со своимъ отцемъ, приказнымъ дьякомъ, часто бывалъ въ вотчинѣ Комолова и игрывалъ съ его дѣтьми, между которыми ему особенно полюбилась маленькая боярышня Даша.

Когда дѣти подросли и Даша стала глядѣть не дѣвочкой, а матерой тринадцатилѣтней невѣстой, ея короткія отношенія съ восемнадцатилѣтнимъ Ѳедотомъ породили толки и предположенія о сватовствѣ. Быть можетъ, отцы о томъ дѣйствительно подумывали, но внезапно обрушилась бѣда: сталъ народъ шибко валиться въ Вереѣ, и бояринъ Комоловъ со всѣми домочадцами поспѣшно уѣхалъ въ Москву, гдѣ и поселился на житье въ богатыхъ хоромахъ.

Дошли до него слухи, что дьякъ Герасимъ Качанъ со всей семьей вымерли, сказалъ онъ „царствіе-де имъ небесное" и забылъ про бывшаго пріятеля. Поплакала Даша о красивомъ и ласковомъ Ѳедотѣ, но долго-то ей плакать не пришлось: отецъ сталъ серьезно поговаривать, что пора-де дѣвку замужъ отдавать—шестнадцатый годъ самая пора... еще года два и старкомъ звать будутъ.

Комоловъ былъ богатъ, вліятеленъ и у царя на хорошемъ счету; жениховъ къ Дарьѣ Ивановнѣ сваталось много, но почему-то всѣ не по нраву приходились разборчивому боярину. О выборѣ и согласіи самой невѣсты, по обычаю того времени, не заботились.

Пока шли разборы, да разговоры про жениховъ, нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову, явился къ Комоловымъ Ѳедотъ Качанъ. Иванъ Никитичъ сначала открещивался, да отплевывался, принявъ молодца за выходца съ того свѣта; но когда Ѳедотъ прочелъ вслухъ „Да воскреснетъ Богъ", осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и расцѣловался съ хозяиномъ, тогда сомнѣнія разсѣялись. Иванъ Никитичъ на радостяхъ велѣлъ принести цѣлый жбанъ крѣпкаго, ароматнаго меду и началъ изъ него черпать серебрянымъ ковшемъ, да подчивать рѣдкаго гостя. Даша вся пополовѣла уви-

дѣвъ того, кого она похоронила въ своемъ сердцѣ. Ѳедотъ возмужалъ и къ его статной наружности очень шелъ нарядъ стрѣльца: длинный суконный кафтанъ, съ разшитой позументомъ грудью, мѣдный кованный шеломъ, сабля, да тесакъ на ременномъ поясѣ съ серебрянымъ наборомъ и бердышъ, родъ сѣкиры на длинномъ древкѣ.

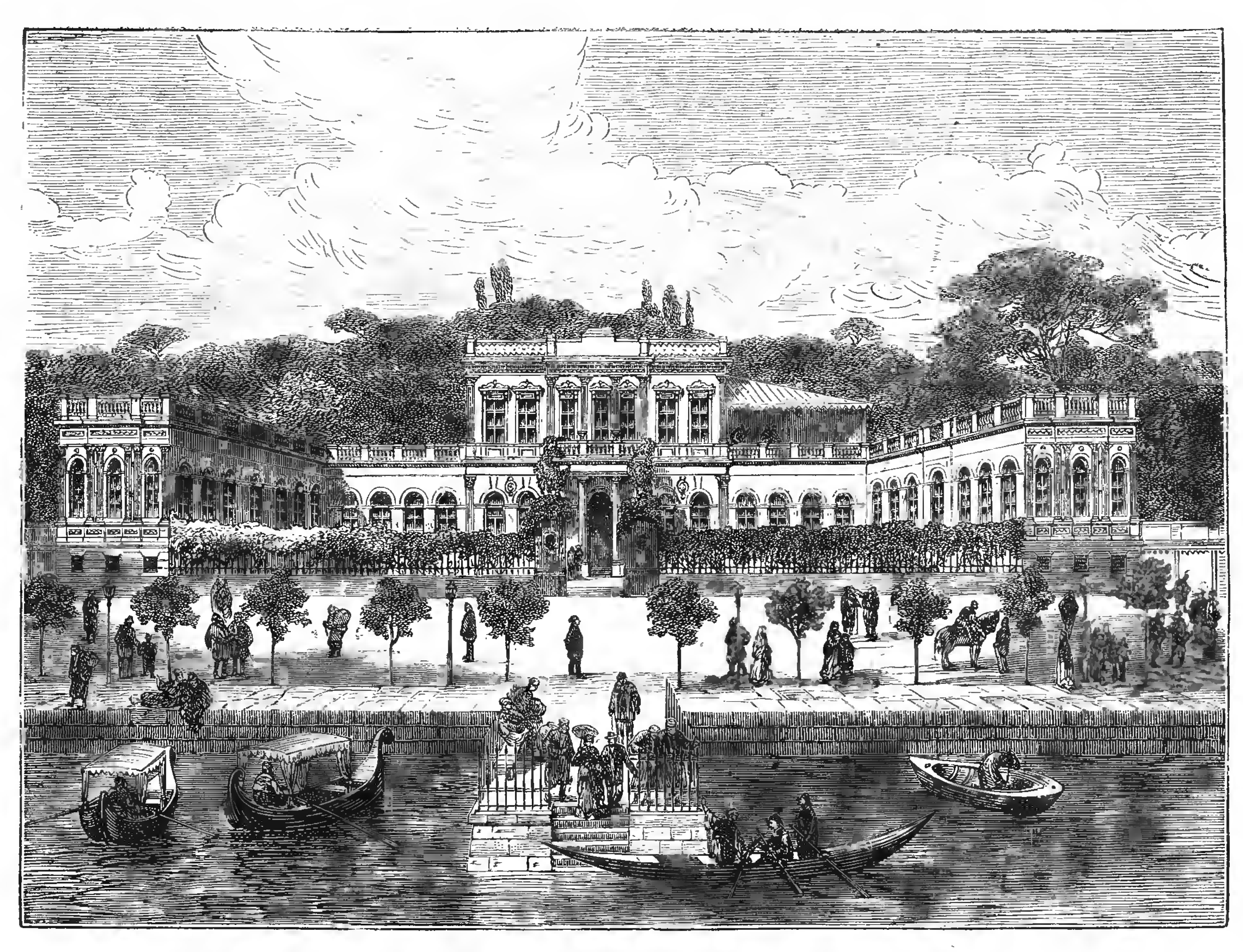
Качанъ показался боярышнѣ однимъ изъ тѣхъ богатырей, про которыхъ ея сѣнныя дѣвки, въ зимніе вечера, сидя за прялкою, пѣвали старыя пѣсни, либо сказки да былины разсказывали. Уснувшая, зарытая въ саванѣ любовь воскресла въ душѣ дѣвушки, а въ сердцѣ Ѳедота зажглась эта любовь яркимъ пламенемъ... и ничѣмъ бы ни затушить, ни вырвать ее!..

Никому не выдавая своихъ тайныхъ мыслей, Качанъ

Ѳедотъ Качанъ, какъ свой человѣкъ-землякъ, хаживалъ по заводу, приглядывалъ да прислушивался и скоро смекнулъ, что кромѣ котельнаго дѣла Комоловъ промышляетъ еще и другимъ дѣломъ, повыгоднѣе... дѣломъ опаснымъ, пахнувшимъ висѣлицей. Качанъ принялъ это къ свѣдѣнію, какъ сильное средство въ случаѣ несговорчивости Ивана Никитича на сватовство съ Дашей.

Улучивъ минуту, Ѳедотъ перемолвился съ боярышней и убѣдился, что съ ея стороны не будетъ препятствія.

— Свѣтъ Дарья Ивановна, выслушай мои рѣчи заповѣдныя... Коли по нраву онѣ тебѣ, обрадуй добра молодца ласковымъ словомъ, а коли не по душѣ, прости Христа ради, что досадилъ тебѣ...

Лѣтній дворецъ русскаго посольства въ Буюкдерѣ (вблизи Константинополя). Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

далъ себѣ зарокъ, взять Дашу волей или неволей. Для приведенія своего плана въ исполненіе, онъ сталъ угождать Ивану Никитичу, который принималъ его ласково и часто совѣтовался съ нимъ про разные вопросы дня и про свои собственныя дѣла.

Иванъ Никитичъ Комоловъ былъ сѣдой, высокій старикъ, еще крѣпкій и бодрый, съ рѣзкими чертами лица и умными, хитрыми глазами. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву, Комоловъ завелъ котельное производство, то есть выливалъ изъ чугуна котлы да сковороды, ковалъ разную желѣзную, оловянную и мѣдную посуду, продавая эти издѣлія на торгахъ. На заводѣ и въ лавкахъ Комолова было много рабочихъ, батраковъ, артельщиковъ и мастеровъ своихъ крѣпостныхъ и наемныхъ.

— Ничѣмъ ты не досадилъ мнѣ, Ѳедотъ Герасимычъ, а разговаривать съ молодцами дѣвицѣ-боярышнѣ зазорно... и рада бы рѣчи твои выслушать, да бѣда, когда увидятъ насъ съ тобой вмѣстѣ... отвѣчала Даша.

— Не боюсь я никого!.. Не съ худымъ я къ тебѣ лѣзу, а по закону хочу въ церкви Господней, подъ честной вѣнецъ стать: люба ты мнѣ пуще свѣта деннаго... безъ тебя мнѣ и день темнѣй ночи сдается... Скажи только, либо глазкомъ глянь поласковѣе, и готовъ я за тебя въ огонь и въ воду...

Даша молчала; алая краска залила все ея хорошенькое личико, голубые глазки притаились за пушистыми рѣсницами, а полная грудь такъ ходенемъ и заходила подъ тонкой сорочкой, унизанной жемчужнымъ бисе-

Всемірная Выставка въ Парижѣ. Итальянскій художественный отдѣлъ. «Африканка» статуя Карона.
Рис. на деревѣ Баллари, грав. Ф. Августъ.

ромъ; бѣлыя руки нервно тормошили золотую ленту, вплетенную въ бѣлокурую косу дѣвичью, а ноги обутыя въ сафьяные черевички съ острыми концами, словно подкосились; сѣла боярышня на лавку, а Ѳедотъ тутъ же присѣлъ и не знаю какъ подластился... Распахнулся дашинъ сарафанчикъ. Ѳедотъ цѣлуетъ бѣлую грудь, румяныя щеки и смѣлыми руками обхватываетъ стройный станъ...

— Молви же, родная касаточка!.. Пойдешь ли за меня замужъ? спрашиваетъ Ѳедотъ.

— Воля отцовская.—шепчетъ Даша,—а я всей душой твоя, хоть сейчасъ бери...

Первый шагъ былъ сдѣланъ, но дѣло Ѳедота нисколько отъ того не подвинулось и онъ сознавалъ всю трудность своего положенія: крутъ нравомъ былъ Иванъ Никитичъ и надо было выждать минуту, когда онъ будетъ въ веселомъ и довольномъ духѣ.

Разъ видитъ Ѳедотъ, что Комоловъ со своими старостами что-то особенно хлопочетъ: на широкомъ дворѣ подводы укладываютъ, боченки да ящики цыновками укутываютъ. „Товаръ вотъ на городъ продалъ: сковороды тутъ, всякая посуда оловянная и желѣзная, жбаны, ковши мѣдные“... объяснилъ Комоловъ.

Ѳедотъ приподнялъ одинъ боченокъ: куда, какъ увѣсистъ.

— Знаемъ мы, какія тутъ блюда да ковши, подумалъ Качанъ, а самъ и виду не показалъ.

Старикъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ и ухмыльнулся.

— Гдѣ ему!.. ничего не вдомекъ, убѣдился бояринъ.

Тяжелые воза со двора съѣхали; ворота дубовые заперли, замки понавѣсили, псовъ съ цѣпей на ночь спустили.

— Пойдемъ поужинаемъ, позвалъ хозяинъ.

Сѣли за вечернюю трапезу, браги да меду выпили; видя веселое расположеніе старика, Ѳедотъ затянулъ давно затверженную жалобу на горькое одинокое житье. Наконецъ рѣшился намекнуть и про Дарью Ивановну.

Въ мигъ измѣнился бояринъ: лицо словно туча, брови насупились, глаза загорѣлись...

— Тьфу ты, поганое сѣмя приказное! Да я тебя паскуднаго холопа за эдакія мышленія ровно гада раздавлю!.. рогатинами велю словно борова лѣсного изувѣчить... бѣсился старикъ.

— Ну не больно-то, пятясь въ уголъ къ двери, сказалъ стрѣлецъ и за тесакъ взялся. Царскаго слугу рогатинами не порютъ, и позорить себя я не попущу...

— Эй, ребята... крикнулъ Комоловъ.

Сбѣжалась боярская челядь.

— Выкиньте этого пса паршиваго на улицу...

Не успѣлъ Качанъ занести руку съ обнаженнымъ тесакомъ, какъ холопья со всѣхъ сторонъ его ухватили и поволокли.

— Помни Комоловъ товаръ-то, что въ боченкахъ отправилъ... Кабы слова твои охальныя поперегъ глотки тебѣ не стали... грозилъ Качанъ, но холопья выволокли его на улицу и толкнули прямо въ грязь.

Не взвидѣлъ свѣту Ѳедотъ отъ подзатыльниковъ да заушинъ холопскихъ и съ помятыми боками еле ноги унесъ отъ комоловскихъ хоромъ въ слободу свою Стрѣлецкую.

В. Политковскій.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Вольтеръ.

Въ настоящемъ 1878 году исполнилось сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго французскаго писателя, Вольтера, скончавшегося въ Парижѣ 30 Мая 1778 года.

Память этого знаменитаго ученаго, поэта, драматурга и публициста Парижъ достойнымъ образомъ почиталъ 30 Мая, т. е. въ день исполнившагося столѣтія со дня его смерти.

Помѣщая по этому случаю на страницахъ Нивы портретъ этого знаменитаго энциклопедиста, сообщимъ здѣсь свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности.

François Marie Arouet de Voltaire родился въ Шатне, деревнѣ близъ городка Со (Sceaux) 20 Февраля 1694 г. Родился онъ такимъ слабымъ, что со стороны родителей было большое опасеніе за его здоровье: они даже не рѣшились крестить его ранѣе, какъ черезъ 9 мѣсяцевъ. По этому случаю одинъ католическій писатель, говоря впослѣдствіи о Вольтерѣ, сказалъ, что невѣріе встрѣтило его у самой колыбели. Отецъ Вольтера, Франсуа Аруэ, былъ нотаріусомъ въ Шатне. Первые уроки Вольтеръ началъ съ своимъ крестнымъ отцемъ Аббатомъ Шатонефъ, а потомъ поступилъ въ Коллегіумъ Людовика XIV, которымъ завѣдывали тогда іезуиты. Уже здѣсь, съ ранняго дѣтства, среди занятій и игръ съ товарищами, въ Вольтерѣ начало обнаруживаться его остроуміе, и онъ началъ писать стихи. Нѣкоторыя изъ его первыхъ стихотвореній такъ понравились извѣстной Нинонѣ Ланкло, что она пожелала видѣть самого автора и въ своемъ духовномъ завѣщаніи назначила ему 2.000 франковъ на покупку книгъ. Изъ Коллегіума Вольтеръ былъ переведенъ въ училище правовѣдѣнія, такъ какъ отцу страстно хотѣлось видѣть сына на дипломатическомъ поприщѣ, но Вольтеръ не оправдалъ его надежды и вмѣсто занятій юридическими науками предался изученію словесности. При посредствѣ своего крестнаго отца Вольтеръ познакомился съ высшимъ обществомъ и быстро усвоилъ его направленіе, которое состояло въ то время изъ самаго пустого легкомыслія, стремленія обращать въ шутку и насмѣшки самыя высокія истины вѣры и разума. Къ этому времени относится первая трагедія Вольтера *Эдипъ*. Отецъ, думая отучить сына отъ страсти къ сочинительству, выхлопоталъ ему мѣсто при французскомъ посольствѣ въ Голландіи (1713 годъ). Но въ Гаагѣ Вольтеръ завелъ любовную интригу—влюбился въ дочь одной француженки. Послѣдствіемъ этой интриги было то, что выхлопотанное для него мѣсто при французскомъ посольствѣ въ Гаагѣ отъ него ускользнуло или, говоря короче, посланникъ предложилъ Вольтеру оставить службу и удалилъ его изъ Гаага. Отецъ, конечно былъ очень недоволенъ такими успѣхами своего сына на службѣ, и не легко далось сыну примиренія съ отцомъ. На это примиреніе отецъ согласился только тогда когда, сынъ рѣшился принять мѣсто у одного прокурора.

Вольтеръ не могъ долго сдерживаться, принуждать себя къ нелюбимому дѣлу, и вскорѣ оставилъ мѣсто у прокурора, уѣхалъ въ имѣніе къ одному богатому интенданту финансовъ, Комартену, другу его отца. Живя въ замкѣ Комартена, онъ познакомился съ его отцомъ, почтеннымъ старикомъ, бывшимъ въ молодости при дворѣ Генриха IV.

Старикъ съ энтузіазмомъ разсказывалъ изъ своего прошлаго, о „добромъ королѣ“ и достойномъ его Министрѣ Сюлли—Вольтеръ слушалъ эти разсказы, и они такъ увлекли его, что подъ ихъ вліяніемъ онъ началъ писать свою „Генріаду“. Разсказы о старомъ дворѣ дали ему идею и для его „Siècle de Louis XIV“. Остроуміе Вольтера и его писательскій талантъ уже достаточно сдѣлались извѣстными и на первый разъ оказали ему весьма пріятную услугу. Случилось такъ, что въ это время кѣмъ то написана была сатира противъ Людовика XIV, въ ея сочиненіи заподозрили Вольтера и вслѣдствіе этого засадили его въ Бастилію, въ которой и назначено было ему просидѣть около года. Такимъ образомъ, за вину другого онъ попалъ въ заключеніе; но находясь въ немъ онъ не унывалъ, продолжая заниматься своими работами. Сидя въ заключеніи, Вольтеръ писалъ свою „Генріаду“ и кончилъ „Эдипа“. Когда подозрѣніе въ написаніи сатиры на Людовика XIV не оправдалось, Вольтеръ, высидѣвъ, однако довольно продолжительный срокъ въ Бастиліи былъ выпущенъ изъ заключенія и даже получилъ пенсію, назначеніемъ которой власти, повидимому, хотѣли загладить свою вину предъ невинно пострадавшимъ молодымъ писателемъ.

Вскорѣ по выходѣ изъ Бастиліи Вольтеръ измѣнилъ свою фамилію Аруэ на Вольтера. Поставленная въ 1718 г. на сцену его трагедія „Эдипъ“ имѣла блистательный успѣхъ, доставила автору знакомство со многими высоко-поставленными лицами и ввела его въ аристократическій кругъ. Затѣмъ, замѣшанный въ какой то политической интригѣ, Вольтеръ былъ высланъ изъ Парижа и снова возвращенъ по случаю постановки на сценѣ новой трагедіи его „Артемира“, на этотъ разъ впрочемъ освистанной (1720 г.). Спустя нѣсколько времени Вольтеръ отправился путешествовать съ одной дамою въ Голландію и Брюссель и во время этой поѣздки познакомился съ Руссо, котораго прежде зналъ лишь по его сочиненіямъ. Впрочемъ при этомъ личномъ знакомствѣ рѣзко выразилась разность взглядовъ и направленій двухъ великихъ писателей. Встрѣтившись самымъ дружественнымъ образомъ, они разошлись, можно сказать, непримиримыми врагами. По возвращеніи въ Парижъ Вольтеръ провелъ нѣсколько времени въ замкѣ президента Де-Мезона, оканчивая Генріаду. Новая трагедія его

Маріамна, представленная въ 1724 г., подверглась участи Артемирѣ. Вольтеръ принужденъ былъ передѣлать ея развязку и кончилъ Генріаду. Чтобы узнать о трагедіи мнѣніе людей образованныхъ, Вольтеръ рѣшился прочесть ее въ избранномъ кружкѣ цѣнителей литературныхъ произведеній. Ихъ приговоръ оказался такимъ строгимъ, что Вольтеръ въ досадѣ бросилъ рукопись въ пылавшій каминъ. Вліяніе этого приговора о „Генріадѣ“ не было кратковременно. Принявшись за нее снова и окончивъ свой трудъ, онъ долго медлилъ его печатаніемъ, находясь видимо подъ впечатлѣніемъ перваго приговора цѣнителей, и много надъ нимъ работая, старался сдѣлать „Генріаду“ произведеніемъ достойнымъ славы. Пока онъ медлилъ и исправлялъ въ разныхъ мѣстахъ свой трудъ, аббатъ Дефонтель досталъ себѣ ея списокъ, вставилъ въ него многое отъ себя и издалъ въ свою пользу подъ названіемъ „La Ligue“. Изданіе это обратило на себя всеобщее вниманіе и Вольтеръ увидѣлъ какого успѣха можно ждать отъ напечатанія поэмы въ ея настоящемъ видѣ. Онъ даже способствовалъ освобожденію аббата Дефонтеля изъ темницы, заключеннаго туда за присвоеніе себѣ чужого труда.

Слава Вольтера росла и увлекаемый ею, а всего болѣе силою своего таланта, онъ продолжалъ работать и писалъ одно за другимъ драматическія произведенія, это, впрочемъ не мѣшало ему посѣщать высшее общество, хотя посѣщенія эти послѣ одного случая, показали ему въ настоящемъ свѣтѣ его великосвѣтскихъ знакомыхъ. Случай этотъ убѣдилъ, что посѣщенія высшаго общества могутъ доставлять ему столько же непріятности, сколько и удовольствія. Это происшествіе, кажется, имѣло нѣкоторое вліяніе и на дальнѣйшее направленіе его умственной дѣятельности. Случай этотъ въ біографіяхъ Вольтера разсказывается такъ: Вольтеръ сказалъ какую-то колкость одному Кавалеру Рогану. Роганъ приказалъ слугамъ отколотить Вольтера. Вольтеръ жаловался, но на его жалобу не обратили вниманія, Вольтеръ сталъ учиться стрѣлять, желая вызвать Рогана на дуэль; родственники Рогана начали преслѣдовать пылкаго поэта и его засадили въ Бастилію; выпустивъ чрезъ 6 мѣсяцевъ подъ условіемъ оставить Францію. Это вооружило Вольтера противъ высшаго сословія и расширило цѣль его трудовъ, которую потомъ онъ преслѣдовалъ неутомимо.

Переѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ въ Англію (1726 г.), Вольтеръ ознакомился съ деизмомъ англійскихъ писателей—Болингброка, Шефтсбюри, Коллинса. Плодомъ его пребыванія въ Англіи были Lettres philosophiques или Lettres Anglaises. Здѣсь же началъ Вольтеръ новую трагедію „Брутъ“, напечаталъ Генріаду и приготовилъ матеріалы для исторіи Карла XII. Чрезъ три года Вольтеръ снова пріѣхалъ въ Парижъ, по ходатайству друзей, испросивъ себѣ дозволеніе возвратиться.

Въ 1730 г. умерла славная въ то время комическая актриса Лекуврерт; духовенство отказывалось похоронить ее по обряду христіанства—Вольтеръ написалъ острую сатиру и на сей разъ спасся отъ тюрьмы только тѣмъ, что скрылся въ Руанъ и жилъ тамъ нѣкоторое время подъ именемъ англичанина. Когда гроза стихла, онъ возвратился въ Парижъ и занялся постановкой на сцену своихъ новыхъ піесъ, усердно работалъ, но ѣдкостію пера, своевольнымъ образомъ мыслей то и дѣло навлекалъ на себя непріятности. Его преслѣдовали, обращались къ правительству съ просьбою запретить нѣкоторыя изъ его сочиненій и наказать дерзкаго сочинителя. Его Lettres philosophiques были публично сожжены. Вольтеръ, наконецъ, рѣшился самъ оставить Францію и дать время пройти тревожнымъ слухамъ. Въ это время онъ встрѣтился съ ученой г-жой Дю Шатне, поселился въ ея замкѣ Cirey и сдѣлался ея неразлучнымъ другомъ. Г-жа Дю Шатне убѣдила Вольтера заняться точными науками. Вольтеръ согласился съ ней и усердно принялся за изученіе; вскорѣ онъ написалъ „Elements de la Philosophie de Newton (1738) и сочиненіе объ *огнѣ* на задачу, предложенную Парижской Академіей, но сочиненіе не было принято, награда досталась другому, и Вольтеръ убѣдясь, что на этомъ поприщѣ онъ не сдѣлаетъ ничего выше посредственности, снова предался исключительно литературнымъ трудамъ. Въ замкѣ Сирси онъ написалъ „L'enfant prodigue“, Магомета, Discours sur l'homme и т. д. и началъ свою переписку съ наслѣдникомъ прусскаго престола, впослѣдствіи—великимъ Фридрихомъ. Г-жа Дю Шатне была настоящимъ геніемъ хранителемъ Вольтера; она старалась всѣми силами удалить отъ него всякія непріятности, на которыя онъ безпрестанно наскакивалъ. Изъ замка Сирси Вольтеръ уѣзжалъ такъ часто, что нѣтъ возможности прослѣдить всѣ его поѣздки, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя дѣлались тайно. Въ 1740 г. умеръ Фридрихъ Вильгельмъ, и Фридрихъ II имѣлъ свиданіе съ Вольтеромъ въ замкѣ герцогства Клеве. Послѣ того Вольтеръ пріѣхалъ въ Берлинъ. Но Фридрихъ отправился въ силезскій походъ и Вольтеръ снова возвратился въ Францію. Въ Лиллѣ онъ отдалъ на сцену своего Магомета (1741 г.); въ Парижѣ эта піеса была задержана. Чрезъ три года Вольтеръ ее напечаталъ и посвятилъ папѣ Бенедикту XIV. Первосвященникъ осыпалъ автора похвалами, наградилъ его медалью. На парижской сценѣ Вольтеръ поставилъ „Меропу“ и эта піеса произвела необычный шумъ восторга. Это было настоящее торжество Вольтера. На вызовы автора—Вольтеръ показался въ ложѣ маршальши Билларъ и партеръ настоялъ, чтобы прекрасная падчерица поцѣловала въ знакъ благодарности счастливаго драматурга. Это былъ первый вызовъ автора предъ публику, вошедшій съ того времени въ обычай. Франціи въ это время угрожала война съ Англіей и Австріей, а Вольтеру было поручено отправиться ко двору Фридриха съ тайнымъ порученіемъ узнать его намѣренія относительно Франціи. Вольтеръ исполнилъ порученіе съ успѣхомъ; Фридрихъ обѣщалъ свою дружбу и Вольтера благосклонно приняли при французскомъ дворѣ, однакожъ онъ всетаки не могъ добиться желаннаго имъ прочнаго значенія при дворѣ. Завистники увѣрили Г-жу Пампадуръ, что для нея славнѣе покровительствовать старику Кребильону, несправедливо забытому, чѣмъ *пустому и дерзкому остряку*,—и Кребильонъ былъ предпочтенъ, а Вольтеръ съ досады уѣхалъ изъ Версаля въ Со. Впрочемъ, во время его пребыванія при дворѣ, онъ былъ, въ 1746 г., сдѣланъ членомъ французской академіи, въ чемъ прежде ему два раза отказывали, Автора Меропы облекли званіемъ исторіографа Франціи и Камеръ-Юнкера, хотя ему и было уже слишкомъ 50 лѣтъ.

Въ 1749 году, по смерти своей ученой пріятельницы, въ последніе годы измѣнившей своему другу для Сенъ-Ламбера, Вольтеръ покинулъ опустѣвшій замокъ и, чтобы разсѣять горе, принялся за работу, устроилъ у себя небольшой театръ, репетируя Ореста и „Rome sauvée“. При этомъ онъ познакомился съ Лекеномъ, который сдѣлался актеромъ Вольтера, а Вольтеръ—поэтомъ Лекена. Каждый изъ нихъ былъ обязанъ другому частію своей славы. Между тѣмъ Фридрихъ не переставалъ звать Вольтера въ Берлинъ и Вольтеръ, наконецъ, рѣшился отправиться ко двору прусскаго государя. Онъ прожилъ въ Пруссіи три года, пользуясь самымъ высокимъ почетомъ, былъ возведенъ въ званіе камергера, получилъ 22,000 ливровъ содержанія, украшенъ былъ орденомъ „pour le merite“. За все это онъ занимался пересмотромъ литературныхъ произведеній короля и бесѣдами съ нимъ. Казалось бы Вольтеръ достигъ желаннаго положенія, но онъ былъ сварливаго, непокойнаго нрава и сначала поссорился съ Монертюи, а потомъ не поладилъ съ самимъ королемъ, и въ 1753 г. оставилъ Пруссію. Услышавъ, что его „Pucelle d'Orleans“ вооружила противъ него французское правительство, онъ не рѣшился ѣхать въ Парижъ, а поѣхалъ въ Лейпцигъ, оттуда въ Готу, и потомъ чрезъ Савойю проѣхалъ въ южную Францію, въ Швейцарію. Перессорившись въ Женевѣ съ тамошними властями, онъ захотѣлъ купить себѣ помѣстье, чтобы жить въ совершенной независимости. Эти помѣстья были Turney и Ferney. Въ Фернеѣ Вольтеръ провелъ всю остальную свою жизнь. Въ Ферней къ нему начали собираться со всѣхъ концевъ Европы многочисленные его почитатели. Ученые, поэты, дамы, даже владѣтельныя особы ѣхали сюда засвидѣтельствовать свое почтеніе знаменитому старику. Вольтеръ привелъ Ферней въ прекрасное положеніе, отдѣлалъ замокъ, осушилъ кругомъ болота и зажилъ въ немъ вельможею, не оставляя своихъ литературныхъ занятій.

Здѣсь въ Фернеѣ Вольтеръ далъ прекрасное образованіе родственницѣ знаменитаго Корнеля, написалъ въ ея пользу „Commentaires sur Corneile“ и выручку отдалъ ей въ приданое (1760 г.)

Онъ 20 лѣтъ провелъ въ Фернеѣ, не переставая напоминать о себѣ прекрасными работами. Надобно замѣтить, что за это время Вольтеръ написалъ болѣе сочиненій, чѣмъ сколько плодовитѣйшимъ авторамъ удается написать въ цѣлую жизнь. Между рядомъ серьезныхъ и важныхъ работъ, онъ не упускалъ случая сердиться и браниться. Сдѣлавъ себѣ нѣсколько мишеней, онъ безпощадно цѣлилъ въ нихъ, наживая такимъ образомъ враговъ.

Переписываясь съ Великимъ Фридрихомъ, Вольтеръ велъ переписку съ другой великой личностью XVIII вѣка—русской Императрицей Екатериной (въ 1769 г.). Интересно прослѣдить въ этой перепискѣ взглядъ Вольтера на Турцію и на наши къ ней отношенія. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ, именно отъ 28-го декабря 1769 г., Вольтеръ пишетъ: „Я не пророкъ—сохрани меня Боже отъ этого, но давно уже сказалъ, что если Турецкая имперія должна быть когда-нибудь истреблена, то истреблена русскими.“

Главнымъ предметомъ переписки Вольтера съ Екатериной была русско-турецкая война, окончившаяся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Вольтеръ въ этой перепискѣ являлся горячимъ врагомъ турокъ и почти въ каждомъ письмѣ къ Екатеринѣ угонаривалъ ее вести войну съ Турціей до конца. „Не довольно того,—убѣждалъ онъ,—чтобы вести счастливую войну съ этими варварами и окончить ее какимъ-нибудь миромъ, не довольно того, чтобы смирить ихъ—должно навсегда изгнать ихъ въ Азію. Поспѣшите окончить оба великія творенія—Наказъ и изгнаніе турокъ—чтобы я имѣлъ удовольствіе сказать объ нихъ Петру Великому, котораго скоро увижу на томъ свѣтѣ.“

Турокъ Вольтеръ язвилъ и въ стихахъ и въ прозѣ и съ негодованіемъ говорилъ о томъ, что „въ этой проклятой Оттоманской имперіи столько народовъ принимаютъ участіе“. Не

должны ли, — писалъ онъ, — всѣ европейскіе государи отомстить Оттоманской Портѣ за то, что она всегда нарушаетъ право народное съ такимъ грубымъ высокомѣріемъ?

Онъ совѣтуетъ не давать туркамъ отдыха и сопровождаетъ этотъ совѣтъ заключеніемъ: „Никогда побѣдители той страны, которой нынѣ владѣютъ турки, не давали времени отдыхать своимъ непріятелямъ“.

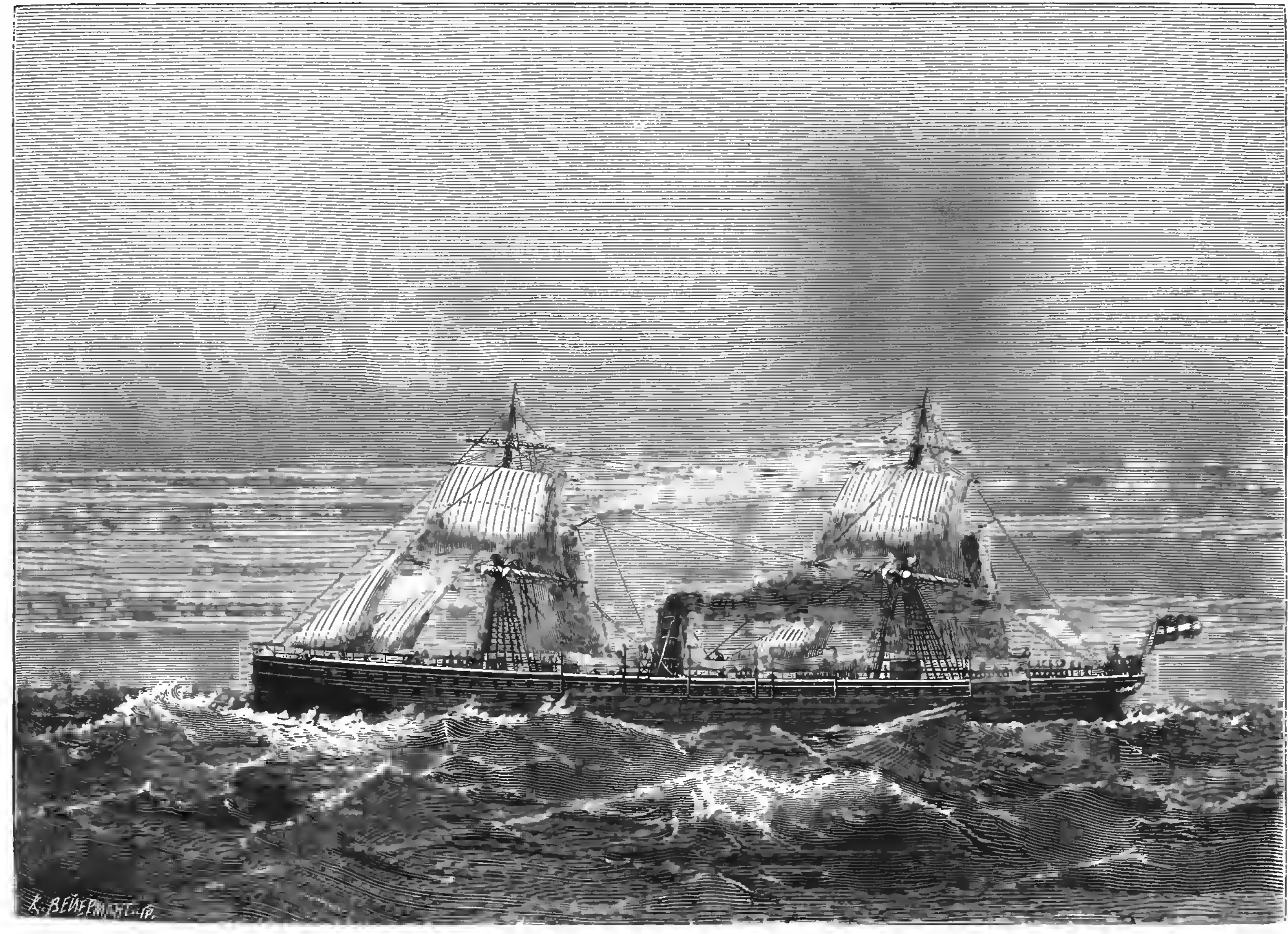
Въ письмѣ его встрѣчаются такія слова, достойныя замѣчанія: „для солдатъ вашихъ нѣтъ различія годового времени. Они могутъ въ октябрѣ взять Бендеры и идти къ Адріанополю въ ноябрѣ мѣсяцѣ.“

Мы привели здѣсь эти слова, имѣющія современное значеніе, хотя и сказанныя Вольтеромъ сто лѣтъ тому назадъ.

Наконецъ племянница Вольтера уговорила дядю съѣздить въ Парижъ въ 1778 г. Этотъ пріѣздъ было настоящее торжество Вольтера, его приняли съ почестями, къ нему являлись съ поздравленіями, Академія и театръ выслали къ нему депутаціи. На представленіи его „Ігене“ на сценѣ былъ поставленъ увѣнчанный бюстъ его. Восхищенный старикъ по окончаніи піесы былъ вынесенъ на рукахъ изъ театра до кареты. Толпа провожала его до дверей квартиры. Дряхлый Вольтеръ былъ растроганъ такимъ торжествомъ и волненіе отразилось на его уже слабомъ здоровьи. По порученію Академіи онъ однакожъ занялся еще исправленіемъ словъ на букву *а* для словаря. Напряженіе силъ при этомъ трудѣ усилило болѣзнь и Вольтеръ впалъ въ безсонницу. Слишкомъ большой и частый пріемъ опіума ускорилъ разрушеніе стараго тѣла. Спустя три мѣсяца по прибытіи въ Парижъ, Вольтеръ умеръ 30-го мая 1778 года. Духовенство лишило его христіанскаго погребенія и тѣло Вольтера тайно отвезено было въ Сельеръ, бернардинское аббатство, гдѣ аббатъ Мевью съ племянникомъ погребли его въ одной изъ капеллъ церкви. Въ 1791 году прахъ Вольтера торжественно перевезенъ въ Парижъ и погребенъ въ Пантеонѣ. Библіотека его была пріобрѣтена послѣ его

Марія-Франсуа-Аруэ-Вольтеръ. (По поводу 100-лѣтняго юбилея со дня его смерти).
Рис. А. Нейманъ. грав. К. Вейерманъ.

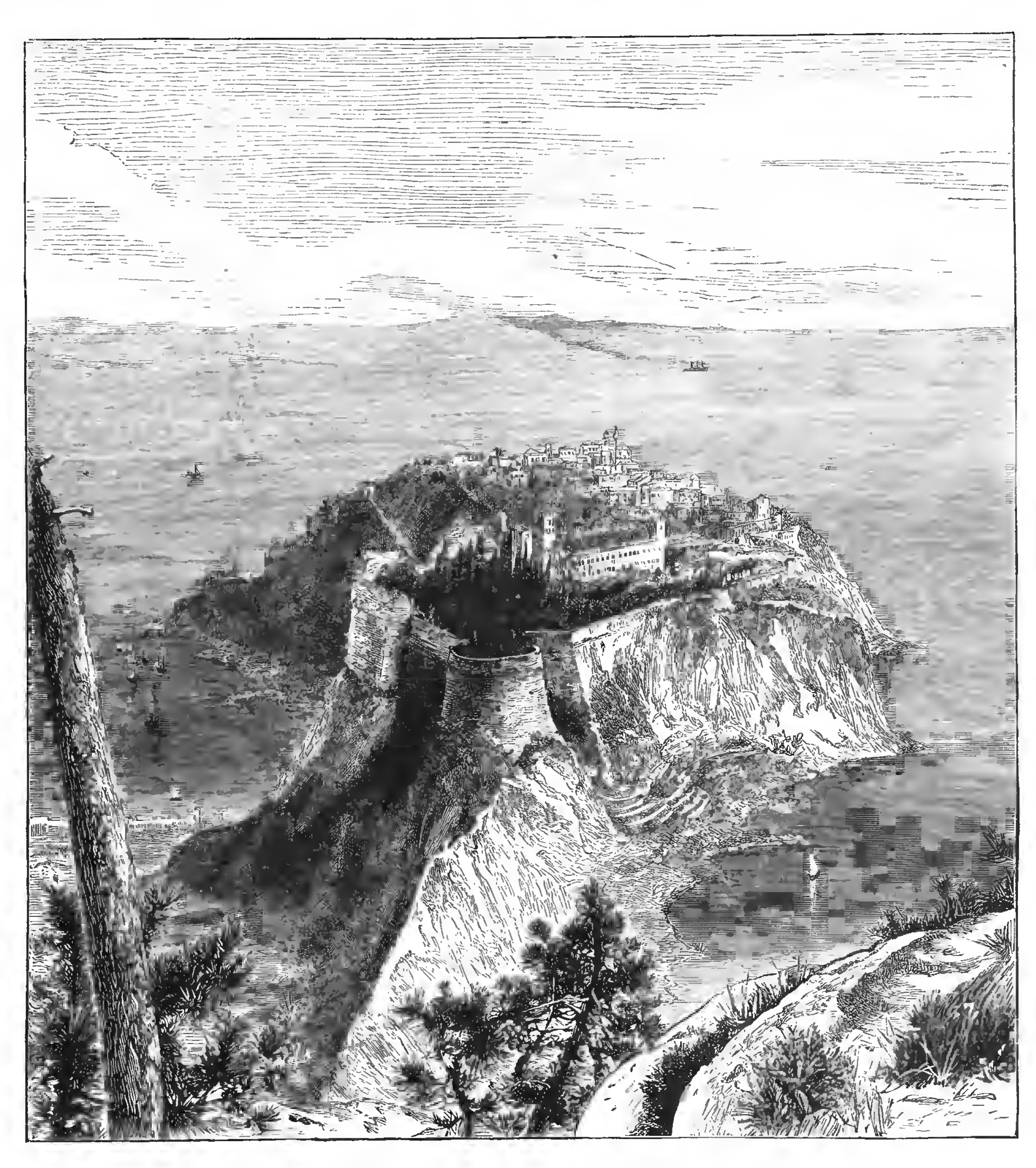

Общій видъ Гамбургскаго парохода „Цимбрія“, съ которымъ отправились 600 русскихъ моряковъ изъ Ревеля въ Америку. Рис. Петерсенъ. грав. К. Вейерманъ.

смерти Екатериною Великою и имѣла помѣщеніе въ зданіи Эрмитажа въ Петербургѣ. Въ настоящее время библіотека Вольтера помѣщается въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ находится и статуя Вольтера, обращающая на себя вниманіе сколько по извѣстности лица, ею изображаемаго, столько же (если не болѣе) по своимъ замѣчательнымъ художественнымъ достоинствамъ.

Едва ли былъ другой писатель, пользовавшійся такимъ высокимъ значеніемъ въ образованномъ мірѣ, какъ въ свое время Вольтеръ. Имя Вольтера, имя Фернейскаго мудреца, было именемъ представителя философіи XVIII вѣка, хотя блестящее, изящное изложеніе философскихъ вопросовъ шло у Вольтера сти онъ выразилъ или въ небольшихъ статьяхъ, или въ сочиненіяхъ смѣшаннаго содержанія.

Вольтера всего правильнѣе отнести къ числу деистовъ, т. е. людей, хотя и признающихъ бытіе Божіе, но не принимающихъ внутренняго отношенія верховнаго существа къ міру и дѣйствій промысла Божія, направляющаго всѣ событія міра къ премудрымъ цѣлямъ бытія (Филос. лекс. т. I, стр. 523). Въ понятіяхъ о познаніи Вольтеръ слѣдуетъ началамъ сенсуализма, бывшаго въ модѣ въ XVIII вѣкѣ. Слѣдуя Локку, опровергавшему декартово ученіе о врожденности идей, Вольтеръ не только повторяетъ это опроверженіе, но еще растворяетъ его солью своего сарказма.

Городъ Монако. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

рука объ руку съ недостатками, именно отсутствіемъ обширности и плодотворности философскаго взгляда. Самые высшіе вопросы философскіе онъ излагаетъ иногда крайне поверхностно и неосновательно. Отсюда происходитъ его неосновательное и поверхностное понятіе о духѣ христіанства. Далѣе Вольтеръ не занимается систематическимъ развитіемъ ни цѣлой науки философіи, ни какихъ-либо частей ея, но предлагаетъ свои размышленія, безъ строгой наукообразной формы, только о нѣкоторыхъ вопросахъ философскихъ, по разнымъ поводамъ представлявшимся ему въ жизни. Сужденія свои о главнѣйшихъ предметахъ философскаго изслѣдованія, какъ то о познаніи, о Богѣ, о душѣ, о свободной волѣ и нравственно-

Самымъ мрачнымъ пятномъ въ умственной дѣятельности Вольтера есть его безумная вражда противъ христіанства; говоримъ—безумная, потому что въ этой враждѣ онъ противорѣчитъ тому же разуму, во имя котораго такъ блистательно иногда дѣйствовалъ, что безъ дальнихъ размышленій, единственно по слѣпому увлеченію, свойственному только поверхностнымъ умамъ, не хотѣлъ или не умѣлъ отличить остатковъ средневѣковыхъ злоупотребленій римской іерархіи отъ божественнаго христіанства.

Въ связи съ поверхностнымъ взглядомъ на основныя истины философіи, (которыя онъ сознавалъ въ умѣ и представленіи, но отрицалъ сердцемъ) былъ и личный характеръ Вольте-

ра. Хотя онъ всѣми силами старался къ исправленію ложныхъ понятій о правосудіи, о преступленіи, къ смягченію безчеловѣчной жестокости наказаній, нерѣдко даже способствовалъ или къ освобожденію отъ заслуженныхъ наказаній, или по крайней мѣрѣ къ облегченію участи несчастныхъ жертвъ; но эти благородныя черты характера были потемнены въ немъ множествомъ дурныхъ сторонъ, недостойныхъ честнаго человѣка.

Празднованіе публично столѣтія со дня кончины Вольтера было воспрещено, вслѣдствіе чего рѣшили придать празднованію частный характеръ. Празднество ограничилось сходками въ театрѣ de la Gaîté и американскомъ циркѣ. Тѣмъ не менѣе публика съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась къ юбилею и выражала свое вниманіе вывѣшивая національные флаги, раскупая на расхватъ брошюры о Вольтерѣ, его біографію, портреты. Зрительная зала театра была переполнена народомъ. Но срединѣ сцены стоялъ бюстъ Вольтера, украшенный живыми цвѣтами. Обѣ боковыя стороны сцены были убраны трофеями изъ трехцвѣтныхъ знаменъ. У подножія бюста былъ поставленъ столъ, предназначенный для ораторовъ. По обѣ стороны бюста стояли депутаты, сенаторы, члены института, представители печати.

Первымъ произнесъ рѣчь Спюллеръ; рѣчь эта была посвящена историческому значенію Вольтера и громадному вліянію его на умственное и политическое развитіе Франціи и Европы. Затѣмъ говорилъ президентъ торжества Викторъ Гюго. Онъ указалъ преимущественно на борьбу Вольтера съ клерикалами и его заслуги въ этомъ отношеніи.

Празднество въ Американскомъ циркѣ устроено было по почину парижскаго муниципальнаго совѣта. И здѣсь была масса народа, и здѣсь спускались флаги. На сценѣ возвышался пьедесталъ съ надписями философовъ, современниковъ Вольтера. Предъ пьедесталомъ стояла статуя славы, съ надписью: „Вольтеру—праведному судьѣ". За пьедесталомъ—древній галлъ и современный рабочій, указывающій на „право человѣка". Около пьедестала возвышалась статуя Вольтера. Предсѣдательствовалъ Лоранъ Пиша, произнесшій рѣчь. Торжество закончилось кантатой, сочиненной на этотъ случай въ честь Вольтера и церемоніальнымъ шествіемъ всѣхъ зрителей предъ статуей Вольтера.

Замѣчательно, что приготовленная ко дню юбилея біографія Вольтера была составлена съ клерикальной точки зрѣнія. Слѣдовательно, строго говоря, оффиціальное празднованіе юбилея знаменитаго писателя не было ему сочувственно.

Маленькая кокетка.

(Картина Циммера).

Картинка эта даетъ возможность представить себѣ слѣдующую сцену.

Сидятъ крестьянскія дѣти въ полѣ, забрались подъ тѣнь дерева и развлекаются по-деревенски чѣмъ Богъ послалъ: травку щиплютъ, камешки собираютъ цвѣточками любуются и т. п. Идетъ день часъ за часомъ, ни скучно, ни весело.

— Пѣсню бы что ли дѣвушки запѣть, говоритъ одна.

— И что ты, глупая, какая тебѣ пѣсня: тутъ часто господа гуляютъ, услышать, осудятъ...

— Да вѣдь теперь, вишь ты, нѣтъ никого,—кто же будетъ осуждать...

— И впрямь, что и такъ то сидѣть—тоскливо больно чево-то...

Но только что дѣвочки приладились новизжать „Ночки темны", какъ показалась вдали барыня, да такая важная—шлейфъ въ два аршина и зонтикъ на отлетѣ. Смолкли на первомъ же словѣ пѣвуньи и притаились подъ деревомъ:

— Гляди, гляди, шепчетъ одна другой—гляди, хвостище распустила, ровно сорока...

— Гляди, гляди надъ головой-то крышка какая...

— Это зонтикъ... Ишь ты какая штука пестрая!..

— А идетъ-то, идетъ-то, ровно гусыня какая...

Проходитъ барыня мимо, не обращая вниманія на дѣтскіе пересуды, а можетъ быть и вовсе неслыша ихъ. Вотъ она уже ушла и скрылась изъ виду, а дѣвочки все еще смотрятъ ей вслѣдъ, пересуждаютъ, да пересмѣиваютъ „господскія забавы". И вдругъ одна изъ нихъ поспѣшно подымается съ своего мѣста, заботливо осматриваетъ окружающую ее мѣстность, и отыскавъ лопушникъ, сооружаетъ себѣ изъ его широкаго листа нѣкоторое подобіе такого зонтика, съ какимъ только что „прокозыряла" мимо шедшая барыня. Появилась невѣсть откуда длинная юбка, можетъ быть даже принесенная съ собою подъ тѣнь дерева «для работы» — и вотъ, благодаря этой дѣтской юбкѣ образовался шлейфъ—и деревенская кокетка „козыряетъ" по полю на подобіе городской барыни къ общему удовольствію своихъ деревенскихъ подругъ.

Таково содержаніе картинки, немудрой по сюжету, но очень милой по исполненію.

Запущенный паркъ.

(Картина Клевера).

Г. Клеверъ весьма плодовитый и по своему весьма талантливый художникъ. Помѣщаемый въ этомъ номерѣ «Нивы» рисунокъ съ картины «Запущенный паркъ» обратилъ на себя въ свое время вниманіе публики и, кромѣ присужденной за него художнику медали, вызвалъ много одобреній со стороны цѣнителей искусства. Произведенія этого художника появляясь ежегодно на выставкахъ, быстро находятъ себѣ покупателей, и въ самомъ дѣлѣ онѣ достойны того, чтобы ими любоваться и, при имѣніи средствъ, пріобрѣтать ихъ въ собственность. Но справедливость требуетъ сказать, что сюжетъ своихъ картинъ г. Клеверъ очень часто повторяетъ, варіируя ихъ весьма незначительно. Правда, онъ воленъ въ этомъ и можетъ разрабатывать сюжетъ сколько ему вздумается, измѣняя въ немъ лишь нѣкоторыя частности и повторяя по нѣсколько разъ одно и тоже—все таки такое повтореніе самого себя не указываетъ на богатство фантазіи, и это очень жаль, потому что при той вѣрности тона, какою владѣетъ г. Клеверъ и при томъ умѣньи передавать сильно и живо природу, онъ могъ бы весьма далеко пойдти. Смѣемъ, однако, надѣяться, что отъ этого художника будетъ еще впереди прокъ и современемъ онъ разовьется на столько, что не будетъ повторять самого себя по нѣсколько разъ, а явится въ цѣломъ рядѣ произведеній оригинальныхъ, своеобразныхъ и полныхъ жизни.

Видъ зданія Русскаго Посольства въ Буюкдерѣ.

Въ № 19 Нивы с. г. (см. стр. 328) былъ помѣщенъ общій видъ Гавани въ Буюкдерѣ и описаніе этой мѣстности. Теперь помѣщая рисунокъ изображающій видъ зданія нашего Русскаго Посольства въ Буюкдерѣ, сообщимъ въ дополненіе къ сказанному слѣдующее: На юго-востокѣ отъ Буюкдере находится деревня Метуаръ-Бурну (Шигцъ кладбища). Вотъ съ этого мѣста начинается длинная и узкая долина, въ сѣверной части которой находится много цѣлительныхъ ключей. Ключи эти террасообразно возвышаются другъ надъ другомъ и прежде служили мѣстомъ леченія и прогулокъ турецкихъ султановъ. Въ настоящее время ключи тоже привлекаютъ значительное число пріѣзжающихъ. Вода въ этихъ источникахъ чиста и свѣтла, какъ кристаллъ. Всѣ эти цѣлебные ключи берутъ свое начало въ городахъ, возвышающихся позади зданія для лѣтняго помѣщенія нашего русскаго посольства. Зданіе же это смотритъ своимъ главнымъ фасадомъ на западъ, къ Босфору, отъ котораго оно отдѣляется прекрасною набережною, въ 18-ть метровъ ширины и построено на мѣстѣ, подаренномъ нашему посольству султаномъ 50 лѣтъ тому назадъ. 18 лѣтъ тому назадъ зданіе перестроено за-ново. Фасадъ его исполненъ въ стилѣ эпохи Возрожденія; общій планъ постройки имѣетъ форму подковы. Вокругъ возвышаются террассы и на нихъ разбитъ величественный, амфитеатромъ возвышающійся паркъ. Разныя приспособленія и службы для нашего посольскаго персонала находятся въ разныхъ частяхъ парка, а отчасти расположены по линіи бульвара. Вообще нужно сказать, что зданіе нашего посольства занимаетъ самую лучшую часть мѣстности. Отсюда видно много гордо возвышающихся горъ и между прочимъ знаменитая—*Исполинова гора* (по-турецки *Шумадагъ* гора Осія).

Во время Крымской войны сейчасъ описанное зданіе нашего посольства (тогда еще старой постройки) было обращено турками въ госпиталь. Чтобы не случилось чего либо подобнаго въ минувшую войну, нашимъ правительствомъ приняты были мѣры, и зданіе нашего посольства было отдано подъ защиту Германскаго уполномоченнаго въ Турціи, принца Рейсса.

Африканка, статуя Карона.

Между многими произведеніями искусства на Парижской выставкѣ обращаетъ на себя вниманіе въ итальянскомъ отдѣлѣ, среди скульптурныхъ работъ и статуя Карона „Африканка", рисунокъ которой мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ нашего журнала.

Имѣя намѣреніе помѣстить еще нѣсколько рисунковъ со скульптуръ итальянскаго отдѣла, находящихся на Парижской выставкѣ, мы дадимъ о нихъ отзывъ въ свое время, теперь же ограничиваемся указаніемъ на замѣчательное достоинство статуи Карона „Африканка". Въ ней главнымъ образомъ достойна вниманія прекрасная позировка фигуры, такъ свободно и въ тоже время красиво посаженной.

Фигура полна жизни и, судя по рисунку, въ мраморѣ она должна производить необыкновенно сильное впечатлѣніе, вызываемое именно тѣмъ, что вопитъ названіе правды въ искусствѣ. Здѣсь мраморъ одухотворенный, дышущій въ каждомъ мускулѣ.

Но при видѣ такой силы таланта, какая замѣчается въ художникѣ-мастерѣ этой статуи, нельзя не пожалѣть что онъ ограничился не большимъ сюжетомъ, каковъ въ сущности заключаетъ въ себѣ статуя, изображающая „Африканку". Впрочемъ, въ этомъ случаѣ критика не имѣетъ права заходить за предѣлъ того, что не представлено еще ей на обсужденіе; она должна оставаться только въ предѣлахъ даннаго предмета. Этотъ предметъ т. е. въ настоящемъ случаѣ, статуя „Африканка" по нашему мнѣнію, произведеніе превосходное и впол-

нѣ достойно того, чтобы на нее было обращено вниманіе любителей искусства. Нельзя впрочемъ, не замѣтить, что типъ, избранный художникомъ для своей статуи, пестрого вѣревъ африканскому; но въ этомъ случаѣ художникъ дорожилъ красотою лица и, видимо, чисто африканская красота женскаго лица не согласовалась съ его художественными задачами.

Пароходъ «Цимбрія».

Помѣщаемъ рисунокъ, изображающій видъ того парохода, путешествіе котораго изъ Европы въ Америку возбудило столько толковъ и предположеній въ европейской печати, а въ особенности въ Англіи. Пароходъ этотъ называется „Цимбрія". Онъ превосходно устроенъ, быстръ на ходу и роскошно отдѣланъ внутри. Зала декорирована тяжелыми занавѣсками и украшена бронзою съ зеркалами по стѣнамъ, столомъ по срединѣ, сервированнымъ хрусталемъ и серебромъ. Среди мягкихъ дивановъ въ углу залы помѣщается изящное піанино. Лучи солнца освѣщаютъ это зало чрезъ свѣтлые люки; вечеромъ зало горитъ огнями ламп и канкетъ. Кромѣ зало на „Цимбріи" есть еще отдѣльныя гостинныя, библіотека, а кабинеты для помѣщеній пассажировъ имѣютъ въ себѣ все, что можно желать для удобства. Пароходъ этотъ двухъ-мачтовый. Машина его имѣетъ 2000 лошад. силъ; длина парохода 350 фут. ширина 42½ фута; нахожденія въ водѣ—около 35½ футовъ; грузу онъ принимаетъ 300 тоннъ (т. е. 180.000 пудовъ). Пароходъ этотъ принадлежитъ гамбургско-американскому пароходному обществу и построенъ въ Грипоклѣ У. Кайнертъ и Ко.

Путешествіе его въ Америку сопровождалось слѣдующими обстоятельствами.

31-го марта онъ бросилъ якорь въ одномъ изъ Балтійскихъ портовъ. На другой день, взявъ нѣсколько сотъ каютныхъ и палубныхъ пассажировъ, онъ ушелъ въ море. На берегу никто ничего не зналъ о немъ, да и большая часть пассажировъ едва ли знали, куда они ѣдутъ. Начальство надъ всѣми пассажирами было въ рукахъ одного лица, въ распоряженіе котораго предоставилъ себя и свое судно и самъ капитанъ парохода.

Балтійское море Цимбрія прошелъ при самой благопріятной погодѣ, но Нѣмецкое море не любезно встрѣтило гостей, впрочемъ, никто изъ пассажировъ „Цимбрія" не испугался угрозъ моря. Пловцевъ болѣе смутила смерть одного изъ палубныхъ пассажировъ, которая произошла отъ воспаленія легкихъ. Погибшаго товарища похоронили какъ всегда принято хоронить на морѣ: гробомъ была парусина и балластина, могилою—море. Это горестное событіе огорчило на нѣкоторое время путешественниковъ, но жизнь шла своимъ чередомъ и дальше и дальше шелъ пароходъ. Обогнувъ сѣверъ Англіи, онъ вышелъ въ океанъ. Тутъ въ теченіи трехъ дней онъ долженъ былъ выдержать качку. Затѣмъ наступило хорошее, спокойное плаваніе и пассажиры принялись за устройство увеселеній. Составили литературно-музыкальные вечера. Пѣли, играли. Такъ шла ихъ жизнь на пароходѣ. Въ страстную субботу по счисленію пароходъ находился у береговъ Америки, въ 40 миляхъ отъ группы островов Mount Desert. Пассажиры „Цимбрія" въ эту ночь отпраздновали наступленіе дня Свѣтлаго Христова Воскресенія и утромъ (16-го апрѣля), пароходъ „Цимбрія" бросилъ якорь въ бухтѣ S. W. Harbourn, въ штатѣ Мэнъ. Въ первое время съ парохода никто не съѣзжалъ на берегъ, исключая только посылокъ на почту и телеграфную станцію. Мѣстное населеніе недоумѣвало на счетъ пассажировъ и ихъ образа дѣйствій, газеты не знали что имъ сказать, и только одна изъ газетъ положительно заявила, что на пароходѣ русскіе матросы и офицеры.

Съ прибытіемъ на „Лабрадорѣ" капитана Сѣмечкина и другихъ флотскихъ офицеровъ, разсѣялась тайна, окружавшая плаваніе „Цимбріи". Переодѣтые въ частныя платья офицеры и матросы, прибывшіе на „Цимбріи", оказались дѣйствительно русскими, отправленными въ Америку для образованія экипажа русскихъ крейсеровъ.

Въ настоящее время мэнскія газеты сообщаютъ о русскихъ морякахъ слѣдующія свѣдѣнія: русскіе офицеры совсѣмъ освоились съ своимъ положеніемъ и мѣстною жизнію. Послѣ 12½ часовъ каждый свободный отъ службы можетъ ѣхать на берегъ куда угодно. Они опиваются молокомъ; быть можетъ потому, что водки нѣтъ на берегу, такъ какъ штатъ Мэнъ принадлежитъ къ обществу трезвости, что внесено въ законы штата. Вина или водки здѣсь не достанешь (за каждый проданный стаканъ этого продукта три мѣсяца тюремнаго заключенія). Русскіе матросы очень удивлены этимъ и никакъ не могутъ помириться съ такимъ закономъ. За то катаются верхомъ—моряки всѣхъ странъ особенно любятъ этотъ родъ удовольствія, разъѣзжаютъ на прекрасныхъ шлюпкахъ подъ парусами, ходятъ на охоту и изучаютъ практически англійскій языкъ; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе счастливые, сдѣлали личныя знакомства, и по этой отрасли знанія дѣлаютъ большіе успѣхи у хорошенькихъ миссъ. Русскимъ здѣсь повидимому очень хорошо живется и они, надо полагать, не прочь постоять здѣсь подольше. Но пароходъ „Цимбрія" зафрахтованъ всего на два мѣсяца и очень можетъ быть, что въ настоящее время онъ также таинственно исчезъ изъ Америки, какъ и появился тамъ.

Княжество Монако.

Только съ величайшимъ вниманіемъ, чуть ли не съ помощію микроскопа можно отыскать на картѣ Европы, на юго-востокѣ Франціи маленькое государство, носящее названіе Монако. Основаніе этого маленькаго княжества относится къ глубокой древности. Такъ, Діонисій Галикарнаскій, Діодоръ Сицилійскій, Амміонъ Марцеллинъ и др. писатели относятъ происхожденіе Монако къ отдаленному времени. Они разсказываютъ, что нѣкто Геркулесъ, по однимъ грекъ, по другимъ египтянинъ, разбилъ царей испанскаго и піемонтскаго и завладѣлъ на берегу моря утесомъ, на которомъ аборигены воздвигли ему храмъ. По общему мнѣнію этотъ именно утесъ и названъ у Страбона и Тацита Геркулесовой гаванью. Со времени императора Оттона II княжествомъ этимъ владѣла фамилія Гримальди. Въ началѣ XVI столѣтія Гримальди поручили себя покровительству Испаніи; но испанскій гарнизонъ введенный въ городъ, хотѣлъ присвоить себѣ чрезмѣрную власть и князь монакскій сталъ просить себѣ покровительство у Франціи. Въ 1641 г. онъ заключилъ въ Веронѣ договоръ съ Людовикомъ XIII и изгналъ чужеземцевъ изъ Монако. Въ 1793 г. Монако было присоединено къ французской республикѣ, но паденіе Наполеона и парижскій миръ 1814 г. измѣнили положеніе вещей. Монако было возвращено его бывшему владѣльцу на прежнихъ условіяхъ зависимости отъ Франціи. Трактатами 1815 г. оно было подчинено покровительству сардинскаго короля, который имѣлъ право содержать въ немъ гарнизонъ, но при этомъ власть монакскаго князя оставалась неограниченною. Въ настоящее время княжество Монако находится подъ властію Карла III, изъ фамиліи Торниги-Гримальди. Въ государствѣ этомъ насчитывается до 3 т. жителей; вся его территорія—высокія скалы, на которыхъ и возвышается столица; какъ во всѣхъ прибрежныхъ мѣстахъ Средиземнаго моря, здѣсь воздухъ чистый и здоровый; зима самая милосердая, да почти что и неизвѣстная, а жары лѣта умѣряются береговыми вѣтрами. Растительность такова, какую и слѣдуетъ ждать въ такомъ климатѣ. Здѣсь растутъ лѣса апельсиновые, лимонные, оливковые, зрѣютъ фиги и лавровыя деревья придаютъ скалѣ Монако видъ вѣчной весны.

Пріятный климатъ, восхитительная природа съ давнихъ поръ привлекаетъ путешественниковъ въ государство Торниги-Гримальди, больныхъ, слабогрудыхъ, зябкихъ людей, боящихся снѣга и мороза. Но княжество Монако въ послѣднее время получило большую извѣстность и вовсе не потому, что климатъ и мѣстоположеніе княжества весьма полезны для слабогрудыхъ, а по другой причинѣ, ничего общаго съ климатами и мѣстностію княжества не имѣющей.

Эта причина, привлекающая массу публики въ Монако—рулетка.

Доброму принцу владѣющему въ настоящее время княжествомъ Монако въ одинъ прекрасный день вдругъ пришла мысль основать въ своей столицѣ рулетку, изгоняемую отовсюду въ Европѣ. Въ первый же годъ учрежденія дало прекрасные результаты: число пріѣзжихъ увеличилось до 30 т. и съ того времени рулетка" царствуетъ донынѣ, содержа государство. Налогъ съ рулетки доходитъ до 550 т. франковъ изъ которыхъ добрую сумму властитель княжества Монако поцарски расходуетъ въ Парижѣ.

По мѣрѣ того какъ число игроковъ увеличивалось въ Монако уменьшался пріѣздъ больныхъ, искавшихъ поправленія своего здоровья въ благорастворенномъ воздухѣ страны. Въ настоящее время смѣло можно сказать, что здѣсь уже не встрѣчается болѣе людей послѣдней категоріи. Если нѣкоторые и говорятъ, что они больны, то это просто потому что имъ совѣстно сознаться въ настоящей цѣли своей поѣздки. Теперь всѣ ѣдутъ въ Монако играть. Рулетка богиня, которой поклоняются въ Монако и дворецъ Монте-Карло (Monte-Carlo)—ея храмъ.

Нерѣдко здѣсь оставляется все состояніе и въ концѣ концевъ болѣе безхарактерный оставляетъ здѣсь и жизнь. Былъ случай убійства въ самомъ залѣ рулетки. Игра моментально прекратилась, по умирающій былъ вынесенъ, пятна крови тщательно замыты и чрезъ нѣсколько минутъ голосъ крупьера снова выкрикивалъ:

— „Господа, начинайте вашу игру".

Посохъ для туристовъ и занимающихся ботаникою, изобрѣтенный Гербомъ.

Туристамъ, которые съ путешествіями соединяютъ и научную любознательность, (напримѣръ ботаническія изслѣдованія, собираніе растеній для гербаріевъ и пр.)—этимъ туристамъ Пильницкій аптекарь Гербъ недавно сдѣлалъ цѣнный подарокъ—посохъ, изображенный съ его деталями на нашемъ рисункѣ. Для практическаго употребленія изобрѣтеніе Герба въ высшей степени цѣлесообразно; потому что путешествующій съ такимъ посохомъ имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя пособія и инструменты. Вы, напримѣръ, во время путешествія, отдалились отъ вашихъ сотоварищей на значитель-

ное разстояніе, (напримѣръ съ цѣлію видѣть особенности растительной жизни въ какой либо мѣстности)—тогда въ вашемъ распоряженіи находится свистокъ или сигнальная трубочка, которую вы найдете внутри посоха. Свистокъ этотъ слышенъ на весьма далекое разстояніе, и самая трубочка его придѣлана къ рукояткѣ *a*, какъ это видно на рисункѣ. За симъ въ посохѣ же вы найдете и компасъ (фиг. *b b*), вдѣланный въ рукоять посоха, на случай если вы, напримѣръ, заблудились и вамъ нужно узнать направленіе мѣстности. Далѣе, въ рукояткѣ же посоха придѣланъ и микроскопъ, съ стеклами-объективами (*c*) и благодаря этому, можно дѣлать на мѣстѣ микроскопическія наблюденія надъ насѣкомыми и растеніями. Фигура *d* на нашемъ рисункѣ представляетъ сосудъ, наполненный эѳиромъ или хлороформомъ, въ которыхъ можно мгновенно умерщвлять насѣкомыхъ; сосудъ этотъ помѣщается внутри посоха. Далѣе, внутри же посоха въ верхней его части помѣщается: термометръ *e* и минутные часы (*f*), позволяютъ путешественнику дѣлать наблюденія измѣненій температуры и времени. На нижней части посоха особою закрѣпкою утвержденъ искривленный ножъ (*g*); въ этой же части привинчена лопатка для выкапыванія растеній во время ботаническихъ экскурсій (*h*). И ножомъ, и лопаткою можно пользоваться весьма удобно потому что ихъ можно отвинтить во всякое время. Лопатка особенно полезна для собиранія водяныхъ растеній въ болотахъ, а ножъ—для рѣзанія вѣтвей. Для занимающихся же минералогіей къ посоху придѣланы еще маленькіе молотокъ и топорикъ для разбиванія горныхъ породъ при минералогическихъ изслѣдованіяхъ. Для экономовъ—хозяевъ, сверхъ этой коллекціи, прилагается еще крючекъ для привинчиванія его къ разнымъ предметамъ, напр. къ дереву, чтобы повѣсить платье. На нижней оконечности посоха придѣлано желѣзное твердое остріе, на которое могутъ надежно опираться путешествующіе, если имъ придется восходить на Глетчеры. Цѣлое прекрасно дополняютъ масштабъ, служащій для измѣреній по сантиметрамъ. Все сейчасъ описанное дѣлаетъ посохъ г. Герба весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для путешественниковъ. Въ добавокъ нужно сказать, что этотъ же посохъ можно удобно превратить въ дождевой зонтъ. Покупателямъ можно обращаться съ требованіями посоха г. Герба къ Братьямъ Эберштейнъ въ Дрезденѣ (Altmarkt, 12).

Смѣсь.

Туалетное богатство европейскихъ императрицъ и королевъ. Самыми изящными кружевами въ Европѣ обладаетъ *Изабелла*, ех-королева Испаніи. Цѣна ея кружевъ доходитъ до многихъ милліоновъ марокъ *) и составляетъ настоящій музей. Изабелла обладаетъ кружевами всѣхъ родовъ, всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Самою дорогою вещью нужно считать ленту аленсонскихъ кружевъ, цѣна которой опредѣляется въ *100,000 марокъ*. *Англійская королева Викторія* блистаетъ богатствомъ кашемировыхъ шалей. Королевѣ принадлежатъ индійскія шали, для выдѣлки которыхъ нужно было 20 лѣтъ и которыя теперь уже не ткутся на индійскихъ фабрикахъ, такъ какъ секретъ выдѣлки уже потерянъ. Нѣкоторыя изъ этихъ шалей вытканы изъ нитей золота и богато вышиты жемчугомъ и алмазами. И эти сокровища оцѣниваются многими милліонами; но королева Викторія не пользуется ими и со времени смерти супруга носитъ изысканно-простой туалетъ. *Австрійская Императрица Елисавета* обладаетъ самыми великолѣпными смарагдами, которыми когда либо украшала себя женщина. Прекраснѣйшее и полнѣйшее собраніе рубиновъ принадлежитъ *великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской*, внукѣ нашего Русскаго Императора Павла I. Несравненнаго достоинства бирюза и жемчугъ принадлежатъ Русской Императорской фамиліи, тогда какъ англійскій королевскій домъ обладаетъ великолѣпнѣйшими сапфирами.

Охота на волковъ въ древней Франціи. Въ одной старинной „книгѣ для охотниковъ" находятся слѣдующія замѣчанія, доказывающія, какой страшный бичъ для Франціи составляли въ прежнее время волки. Цѣлое епископство Туль, напримѣръ, было одно время страшно опустошено этими хищными животными. Волки дерзко нападали на людей въ поляхъ и по проселочнымъ дорогамъ и пожирали ихъ. Для предотвращенія этой напасти епископъ Фрошеръ учредилъ трехдневный постъ и благочестивыя путешествія на богомолье. Наконецъ самолично, во главѣ охотничьяго отряда, сдѣлалъ охоту на волковъ. Охота была весьма счастлива результатами. Ратникъ-епископъ могъ съ справедливою гордостью похвалиться, что онъ собственною рукою убилъ *200 волковъ*. Но за симъ, уже много лѣтъ спустя, во Франціи снова появилось такое множество волковъ, что для вооруженія противъ нихъ потребовалось увеличеніе податей и установленіе новыхъ податей, покамѣстъ не собралась сумма, достаточная для снаряженія большой охоты. Каждая французская провинція должна была выставить охотниковъ на волковъ, или такъ называемыхъ луветьеровъ (louvetiers). Король Францъ I возвысилъ луветьеровъ до государственныхъ должностей. Корпорація луветьеровъ имѣла своего предсѣдателя въ лицѣ такъ называемаго *государственнаго эгермейстера охоты на волковъ* или „великаго луветьера Франціи" (grand louvetier de France). Благодаря энергическимъ мѣрамъ этихъ государственныхъ чиновниковъ и въ особенности короля Генриха IV, разумные законы объ охотѣ мало по малу организовались и усовершенствовались до такой степени, что въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ волки были истреблены окончательно. Но еще въ началѣ царствованія Людовика XIV, во время жестокихъ зимнихъ холодовъ, при глубокомъ снѣгѣ, масса голодныхъ волковъ сдѣлала нападеніе на многочисленный отрядъ драгунъ при *Понтальe*, въ *Юры*. Эти хищныя животныя были въ то время такъ истощены голодомъ, что рѣшились на геройскую и такъ сказать послѣднюю битву съ вооруженными людьми. Хотя драгуны мужественно сопротивлялись бѣшеному нападенію этихъ животныхъ и сабельными ударами и пистолетными выстрѣлами положили на мѣстѣ болѣе тысячи волковъ, но и со стороны драгунъ пало громадное число людей. Было страшное зрѣлище. Павшіе драгуны были съѣдены вмѣстѣ съ своими лошадьми... И этотъ случай наполнилъ большую часть французскихъ провинцій страхомъ и ужасомъ. Многіе путешественники по горамъ справедливо опасались, что если волки дали страшное сраженіе драгунамъ, вооруженнымъ съ головы до ногъ, то чего же нужно ожидать людямъ, невооруженнымъ или слабовооруженнымъ?..

*) Марка на наши деньги 30 (съ небольшою дробью) копѣекъ, или 30,87.

Форменная одежда нынѣшнихъ ратниковъ будетъ, какъ пишутъ немногимъ отличаться отъ формы ополченія, бывшаго въ севастопольскую кампанію. Фуражка изъ темнозеленаго сукна съ краснымъ околышемъ, надъ которымъ посреди тульи прикрѣпляется изъ желтой мѣди крестъ; концы лепестковъ его обведены матовою полоскою; въ центрѣ креста находится вензель Государя Императора; на лепесткахъ надпись: „за вѣру и царя". Для нехристіанъ крестъ замѣненъ правильной восьмигранною бляхою, посреди которой также вензель Государя, окруженный лавровымъ вѣнкомъ; по краямъ бляхи надпись: „за Царя и Отечество". Далѣе двубортный кафтанъ чорнаго, темнозеленаго, сѣраго или коричневаго сукна, смотря потому, какой цвѣтъ найдетъ болѣе удобнымъ земство; на красныхъ погонахъ кафтана будетъ напечатанъ желтой масленой краской № дружины. Шинель обыкновенная солдатская изъ сѣраго сукна. Вооруженіе будетъ состоять изъ ружья и шанцовыхъ инструментовъ: топора, лопаты, молотка. Офицерское платье той же формы, какъ и у простыхъ ратниковъ; только кафтаны будутъ съ пришитыми полами, а у ратниковъ солдатъ полы кафтана цѣльныя. На офицерской фуражкѣ, того же цвѣта, какъ и у ратниковъ, на околышѣ будетъ офицерская кокарда надъ ней золоченый крестъ; кафтанъ съ золотыми погонами, эполеты золотые. Шаровары одного цвѣта съ кафтаномъ, носятся всегда въ сапоги.

Дешовое угощеніе Императора. Императоръ Карлъ IV объѣзжалъ однажды со своею многочисленною свитою Шпейерскій округъ и выразилъ желаніе отобѣдать въ одномъ замкѣ, въ которомъ жилъ одинъ изъ его чиновниковъ. Объ этомъ фактѣ сохранилось въ старинной Шпейерской хроникѣ слѣдующее весьма забавное извѣстіе, которое приводимъ мы дословно: „Лишь только императоръ вступилъ въ зданіе, тотчасъ же приказалъ хозяину замка какъ можно скорѣе накрыть столъ для закуски, не дѣлая, однакоже, большихъ издержекъ. Смѣтливый хозяинъ придумалъ ловкую штуку; онъ велѣлъ согнать въ одну кучу всѣхъ свиней этой деревни и *обрѣзать всѣмъ имъ хвосты и уши*. Операція эта совершилась при страшномъ визгѣ несчастныхъ жертвъ. Хвосты и уши принесены были въ кухнѣ замка и здѣсь весьма искусно сварены и зажарены на разнообразные манеры, и поданы къ завтраку. Завтракъ вышелъ хотя на скорую руку, но сытный, и всѣ остались довольны. Однако же, Императору и его свитѣ показалось страннымъ: отчего они ѣли только хвосты и уши, и Императоръ спросилъ управляющаго замкомъ о причинѣ этого. Тотъ отвѣчалъ: „Ваше Величество! Въ торопливости и съ меньшими издержками я не могъ предложить другого угощенія, потому что если бы убить нѣсколько свиней или другой скотины и приготовить изъ нихъ мяса завтракъ, то дѣло вышло бы слишкомъ мѣшкотнымъ да и издержки были бы большія. Я же придумалъ самое безъубыточное для этого средство: ибо число свиней у подданныхъ Вашего Величества осталось тоже самое, недостаетъ имъ только хвостовъ и ушей—утрата, стало быть, вышла весьма не большая, да и Ваше Величество и благородные господа насытились.—Этотъ отвѣтъ и хитрая выдумка управляющаго замкомъ весьма понравились императору.

(Продолженіе на стр. 433, 434, 435 и 436.)

Политическія и внутреннія извѣстія.

На конгрессъ уже собрались важнѣйшіе представители международныхъ совѣщаній. Прибыли въ Берлинъ: нашъ государственный канцлеръ, князь А. М. *Горчаковъ*, къ общей радости всѣхъ русскихъ совершенно оправившійся отъ недавней болѣзни, прибыли въ Берлинъ также графъ *Шуваловъ* и г. *Убри*, со стороны Франціи прибылъ ея представитель, министръ иностранныхъ дѣлъ г. *Ваддингтонъ*, вскорѣ пріѣдутъ въ Берлинъ представители Англіи и Австріи.

Въ новомъ дворцѣ Германскаго имперскаго канцлера, князя Бисмарка, идутъ чрезвычайно спѣшныя работы по приспособленію помѣщенія для засѣданія конгресса. Телеграфомъ сообщены подробности объ этихъ помѣщеніяхъ. Взойдя по парадной лѣстницѣ, посѣтитель вступаетъ въ сѣни, отсюда дверь ведетъ прежде всего въ комнату, которая предназначена для секретарей конгресса. Изъ этихъ комнатъ ходъ въ *залу засѣданій* конгресса; зала эта отличается обширными размѣрами и отдѣлана съ большимъ вкусомъ свѣтлыми обоями съ золотыми украшеніями. Столъ для засѣдающихъ будетъ имѣть форму подковы. Въ срединѣ внѣшней стороны стола этого назначено мѣсто для Германскаго имперскаго канцлера, князя Бисмарка. Съ одной стороны отъ залы конгресса, рядомъ съ секретарскою комнатою, находятся двѣ конференцъ-залы, въ которыя на время могутъ удаляться члены конгресса. По другую сторону залы засѣданій конгресса устроенъ буфетъ и отсюда сдѣланъ выходъ на открытую площадку съ колоннами, выходящую въ садъ.

Въ Берлинѣ, вообще, господствуетъ теперь всеобщее оживленіе, напоминающее, по разсказамъ старожиловъ, дни Вѣнскаго конгресса 1815 года. Въ Берлинъ понаѣхало множество иностранцевъ, а также прибыло множество корреспондентовъ, въ особенности англійскихъ и австрійскихъ. У домовъ въ которыхъ остановились уполномоченные державъ поставлено по двое часовыхъ. Секретарями конгресса, кромѣ г. *Радовица*, будутъ: графъ *Гербертъ Бисмаркъ*, сынъ князя Бисмарка и секретарь французскаго посольства, графъ *де-Муи*.

Со стороны Турціи, сколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ, представителями на конгрессѣ являются г. *Каратеодори* (изъ грековъ?), возведенный при этомъ въ званіе паши, вторымъ же представителемъ *Мехемедъ-Али-паша*; со стороны Румыніи представители *Братіано* и *Когальничано*; со стороны Греціи—министръ иностранныхъ дѣлъ—*Деліанисъ*, въ сопровожденіи начальника отдѣленія греческаго министерства, г. *Влахоса*. Вся греческая министерская печать, при отъѣздѣ г. Деліаниса замѣчательно оживилась. Появился огромный рядъ статей, въ которыхъ указывается, что *единственное* рѣшеніе греческаго вопроса состоитъ въ присоединеніи *Эпира*, *Ѳессаліи*, *Македоніи* и *Крита* къ Греціи (!). Маленькая страна, колыбель древнихъ героическихъ эллиновъ, какъ видите, уже заранѣе высказываетъ замѣчательную прыткость, даже не участвовавъ въ минувшей кровопролитной войнѣ. Интересно будетъ видѣть, насколько-то европейскій ареопагъ найдетъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ удовлетворить желанія Греціи... Впрочемъ, еще недавно самый вопросъ о допущеніи Греціи на конгрессъ оставался только открытымъ вопросомъ, да и вообще нѣтъ еще положительныхъ извѣстій, чтобы Греціи позволено было принять формальное участіе въ преніяхъ конгресса, хотя министръ Деліанисъ и питалъ твердую надежду на благопріятное разрѣшеніе этого вопроса. Многіе ожидали, что представитель Греціи явится не активнымъ участникомъ въ преніяхъ конгресса, а займетъ пассивное наблюдательное и выжидательное положеніе.

Русскіе типы: Линейный казакъ.

Рис. В. Верещагинъ, грав. Г. Кохъ.

Въ виду значительныхъ и многосложныхъ хлопотъ съ конгрессомъ, въ Германіи распущенъ Имперскій парламентъ. Новые парламентскіе выборы предполагается назначить въ концѣ будущаго іюля, послѣ чего въ скоромъ времени должно послѣдовать и созваніе парламента. Во время будущаго избирательнаго періода союзный совѣтъ выработаетъ законопроекты, подлежащіе внесенію въ парламентъ. Законопроекты эти будутъ въ особенности направлены противъ соціальной демократіи, изъ среды которой вышли два неудавшіяся гнусныя покушенія на жизнь маститаго Германскаго Императора...

Здоровье Германскаго Императора за послѣднее время значительно поправилось. Къ державному старцу возвращается бодрость силъ, аппетитъ и сонъ, раны заживаютъ; опухоль на правой рукѣ опадаетъ. Императоръ уже въ состояніи вставать съ постели и сидѣть въ креслѣ.

Кровопролитное возстаніе въ Родопскихъ горахъ, о разныхъ перипетіяхъ котораго мы уже не однократно имѣли случай сообщать, близится къ окончанію, потому что, по слухамъ, всѣмъ возставшимъ, которые положатъ оружіе, обѣщана съ нашей стороны амнистія. Относительно внутреннихъ новостей Турціи извѣстно, что знаменитый обороною Плевны Османъ-паша назначенъ маршаломъ дворца, съ оставленіемъ въ званіи командующаго войсками. За симъ слухъ, произведшій въ недавнее время значительную сенсацію въ политическомъ мірѣ, слухъ о „меморандумѣ“, который послала Порта европейскимъ державамъ и въ которомъ она жаловалась на „давленіе“, оказан-

ное русскими со времени переговоровъ о Санъ-Стефанскомъ мирномъ договорѣ,—турецкое правительство недавно отвергло и заявило, что если и существовалъ подобный меморандумъ, то онъ *подложный*, что Порта никогда и ни къ кому не обращалась съ подобнымъ документомъ. Со стороны критскихъ или кандіотскихъ инсургентовъ продолжаются нападенія на турецкія регулярныя войска. Недавно 5,300 инсургентовъ напали на турокъ при селеніи Кольвое и принудили ихъ отступить къ приморскимъ городамъ. Ободренные этою значительною побѣдою, кандіоты рѣшились продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся *присоединиться къ Греціи*.

За симъ и по вопросу о сдачѣ намъ Турціею крѣпостей, путемъ иностранной печати, за прошлую недѣлю стало извѣстно, что совѣтъ турецкихъ министровъ постановилъ уступить настоянію Россіи относительно сдачи крѣпостей именно въ томъ смыслѣ, что Шумла будетъ очищена, а Варна останется занятою турецкими войсками. Наши русскія войска продолжаютъ удерживать прежнія позиціи.

Въ будущемъ нашемъ обозрѣніи, по всей вѣроятности, получится возможность сообщить нѣкоторыя данныя о дѣятельности конгресса, о ходѣ обсужденій и сущности самыхъ вопросовъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества, отъ 9 мая 1878 г. на основаніи статьи 9, утвержденнаго 1 января 1874 г. устава о воинской повинности, повелѣно для пополненія арміи и флота призвать въ 1878 г. въ предписанномъ уставомъ о воинской повинности порядкѣ, двѣсти семнадцать тысячъ человѣкъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій призывъ освобождающія отъ службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени.

Во второй половинѣ настоящаго года въ губерніяхъ: Уфимской, Оренбургской и Астраханской вводятся мировыя судебныя установленія, отдѣльно отъ общихъ за исключеніемъ мѣстности, занимаемой кочующими калмыками, съ соблюденіемъ при томъ слѣдующихъ правилъ: Мировые судьи въ губерніяхъ Оренбургской и Астраханской назначаются отъ Правительства изъ числа лицъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ, закономъ указаннымъ.

Въ Петербургѣ съ Сентября 1878 г. открываются высшіе женскіе курсы. Курсы эти раздѣляются на отдѣленіе наукъ словесныхъ и на отдѣленіе физико-математическое. Курсъ ученія трехъ-годичный. Посѣщающія курсъ дѣлятся на постоянныхъ слушательницъ и вольноприходящихъ. Въ число первыхъ принимаются окончившія курсъ въ женскихъ гимназіяхъ, или имѣющія свидѣтельства на званіе домашней наставницы. Постоянныя слушательницы обязаны посѣщать лекціи, участвовать въ практическихъ занятіяхъ и подвергаться экзамену; вольныя слушательницы могутъ заниматься или на всѣ предметы, или по выбору, на отдѣльные. Плата за слушаніе всѣхъ лекцій опредѣляется въ 50 р. За слушаніе отдѣльныхъ предметовъ плата не должна въ сложности превышать 50 р. Желающія записаться на курсы должны представить до 2-й половинѣ августа свои бумаги учредителю курсовъ профессору Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину (Знаменская улица д. № 38).

Преподавателями предполагаются быть профессоры: Бестужевъ-Рюминъ, Бекетовъ, Менделѣевъ, Вагнеръ, Владиславлевъ и друг.

Въ Кіевѣ также предположено открыть высшіе женскіе курсы въ концѣ августа или началѣ сентября, курсъ—двухъгодичный. Въ настоящее время идетъ рѣчь о пріобрѣтеніи помѣщеній для занятій. Годичная плата назначена также въ 50 р., а за каждый предметъ отдѣльно 5 р. Распорядительный комитетъ имѣетъ пока въ своихъ рукахъ всего 500 р. собранныхъ самими женщинами еще тогда, когда былъ возбужденъ вопросъ объ организаціи высшихъ курсовъ. За отсутствіемъ всякихъ другихъ источниковъ комитетъ намѣренъ обратиться къ частной благотворительности.

Новогородская узкоколейная желѣзная дорога теперь доведена до Старой Руссы. Постройка ея начата въ 1876 г. и въ настоящее время окончена. 23 мая изъ Петербурга отъ Министерства путей сообщенія выѣхала особая правительственная коммисія для осмотра вновь выстроеннаго участка. Съ открытіемъ желѣзно-дорожнаго пути, вѣроятно, прекратится пароходное сообщеніе, небезопасное въ весеннее и осеннее время по бурному въ эти времена года озеру Ильменю.

Собраніе акціонеровъ Рязанской дороги, какъ слышно, ассигновало 500.000 р. изъ запаснаго капитала на постройку дома для московскихъ рабочихъ, жившихъ до сихъ поръ на наемныхъ квартирахъ, которые сгорѣли во время громаднаго пожара у Краснаго Пруда; ассигнованію такой суммы на предметъ устройства помѣщеній для рабочихъ, конечно можно порадоваться, и дай Богъ, чтобы только помѣщенія эти были построены соотвѣтственно гигіеническимъ цѣлямъ. Если же къ этому еще прибавить желаніе улучшенія общаго положенія рабочихъ Рязанской дороги при переходѣ ихъ въ новыя и даровыя квартиры будущаго огромнаго зданія Рязанской дороги въ Москвѣ, то дай Богъ побольше такихъ домовъ.

Носятся слухи, что въ высшихъ административныхъ сферахъ возникъ вопросъ объ образованіи особаго министерства полиціи. Разработка вопроса поручена особой комисіи. По слухамъ новое министерство, не замѣняя собою ни одного изъ министерствъ, нынѣ существующихъ, и не будучи возобновленіемъ бывшаго министерства полиціи, сосредоточитъ въ себѣ главное управленіе полиціей въ обширномъ смыслѣ слова. Къ нему отойдутъ всѣ части изъ состава тѣхъ министерствъ, которыя имѣютъ какую бы ни было связь съ полиціей. Прежде всего министерство внутреннихъ дѣлъ выдѣлитъ изъ себя департаментъ полиціи исполнительной, а министерство юстиціи передастъ туда, въ качествѣ судебной полиціи, весь институтъ прокурскаго надзора, который и будетъ значительно преобразованъ съ тѣмъ, чтобы обязанность преслѣдованія по всякаго рода преступнымъ дѣяніямъ лежала всецѣло на обвинительной власти, не исключая и тѣхъ случаевъ, по которымъ, въ настоящее время въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ требуется участіе одного изъ полицейскихъ агентовъ.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ въ Петербургѣ не проходитъ ни одного дня, чтобы не было дождя. Погода относительно холодная, сирени еще не цвѣтутъ, но трава роскошная, пышная, свѣжая. Изъ Нижегородской губерніи пишутъ, что тамъ также прекрасные озимые хлѣба, а вишни своимъ цвѣтомъ буквально покрыли сады. Если не будетъ засухи, вслѣдствіе которой можетъ напасть на деревья червь, то урожай вишни будетъ необычайный.

Какъ сообщаютъ. въ непродолжительномъ времени появится въ продажѣ медаль, назначеніе которой—увѣковѣчить въ русскомъ народѣ великое событіе совершившагося освобожденія христіанъ изъ подъ власти мусульманъ.

Медаль эта, на отчеканку которой и распространеніе въ публикѣ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, имѣетъ съ лицевой стороны изображеніе Государя. въ профиль, увѣнчанное лаврами съ надписью вверху: Божіей милостію Александръ II Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, внизу: Царь—Освободитель, а подъ надписью:—19 февраля 1878 г. На оборотѣ медали крестъ въ сіяніи надъ полумѣсяцемъ съ надписью вверху „Сѣющіе со слезами будутъ пожинать съ радостью“, стихъ, служившій девизомъ для болгаръ при первой борьбѣ ихъ противъ ига мусульманскаго: внизу—„Въ память освобожденія болгарскихъ братьевъ“.

Цѣна медали умѣренная и 20% съ валоваго сбора отъ продажи жертвуется въ пользу комитета поданія помощи вдовамъ и сиротамъ павшихъ воиновъ.

Не безъинтереснымъ считаемъ сообщить, что художникъ профессоръ Семирадскій доставилъ на всемірную Парижскую выставку, кромѣ знакомой многимъ картины „Свѣточа христіанства при Неронѣ, еще двѣ большія картины, содержаніе которыхъ также заимствовано изъ жизни древнихъ римлянъ. Первая картина представляетъ сибарита любителя въ нерѣшимости, что купить себѣ: дорогую-ли чашу греческой рѣзьбы. или красивую женщину—невольницу. Другая картина изображаетъ одинъ изъ видовъ эксплуатаціи общественной благотворительности въ древнемъ Римѣ и носитъ названіе „пострадавшій отъ кораблекрушенія.“ Но отъ этого извѣстія о произведеніи искуства перейдемъ къ сообщенію свѣдѣній тоже о произведеніяхъ искусства, но только уже совсѣмъ иного рода. А именно слѣдующаго: Въ Одессу 17 мая доставленъ съ театра войны грузъ, заключающійся въ вещественныхъ доказательствахъ различныхъ злоупотребленій по продовольствію арміи во время войны. Грузъ принятъ тщательно упакованный и опечатанный. Въ немъ находится овесъ зеленѣе сушонаго горошка, хлѣбъ сырости такой, о которой не можетъ составить себѣ понятія невидавшій его; сухари на половину съ землею (буквально), мука съ десятью процентами рожковъ (спорынья), спиртъ въ 35° крѣпости и т. п. По словамъ „Новор. Телегр.“ всѣхъ привлеченныхъ къ отвѣтственности по этому дѣлу пока до 300 человѣкъ, изъ которыхъ до 40 полковниковъ и другихъ чиновъ.

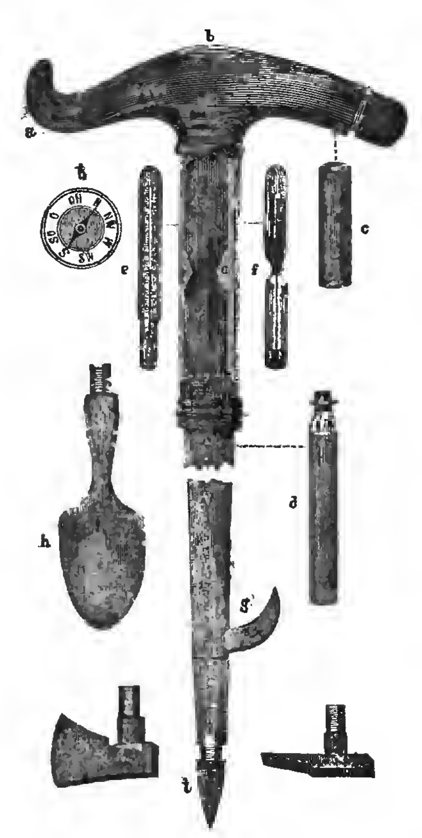
Въ г. Саратовѣ съ 8-го по 15-е сентября устраивается выставка съ конкурсомъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, орудій, а также домашнихъ животныхъ. На выставку допускаются только животныя изъ предѣловъ Саратовской губерніи. На конкурсъ же—сельско-хозяйственныя орудія и машины русской и иностранной работы, какъ изъ Саратовской, такъ и другихъ губерній и изъ заграницы. Общество назначаетъ отъ себя преміи и медали и, кромѣ того, надѣется на поддержку въ этомъ отношеніи со стороны вольно-экономическаго общества.

Ея Императорское Величество, Государыня Императрица, въ настоящее время находится въ болѣзненномъ состояніи. Болѣзнь началась 25-го мая. Послѣдній бюллетень, за подписью лейбъ-медика Боткина, отъ 1-го Іюня, о состояніи здоровья Государыни Императрицы извѣщаетъ:

„Ея Величество провела ночь довольно спокойно; вчера появился апетитъ: лихорадочное состояніе хотя незначительное, но продолжается; мѣстныя явленія постепенно улучшаются; дыханіе становится глубже и рѣже; остается еще довольно значительная слабость“.

Бывшій С.-Петербургскій градоначальникъ, генералъ-адъютантъ Треповъ, въ настоящее время находящійся въ Висбаденѣ, подвергся параличу обѣихъ ногъ.

Новое изобрѣтеніе.

Посохъ для туристовъ и занимающихся ботаникою, изобрѣтенный Гербомъ. (См. стр. 431). Грав. К. Вейерманъ.

Рѣшенія задачъ.

Рѣшенія арнемогрифа, ребуса и задачи, помѣщенныхъ въ номерѣ 22 „Нивы":

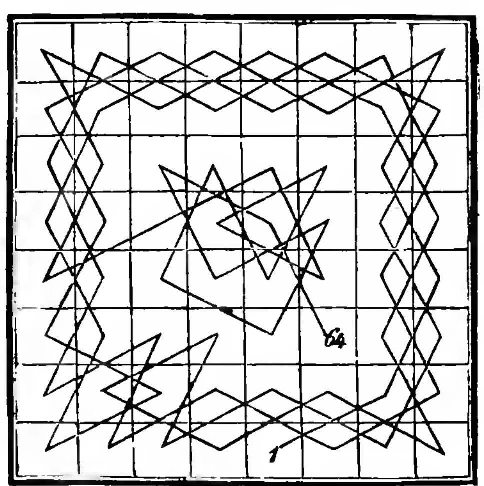
Аріемогрифъ: „Болгаринъ".

Ребусъ: Въ настоящіе дни всѣхъ занимаетъ вопросъ о войнѣ.

Рѣшеніе задачи.

к	л	у	б
л	ѣ	т	о
у	т	о	к
б	о	к	с

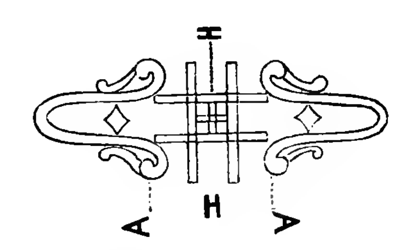
Рѣшеніе шахматной задачи, ходъ коня, помѣщенной въ № 22.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ.

Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ побудителя нахала.

А. С. Пушкинъ.

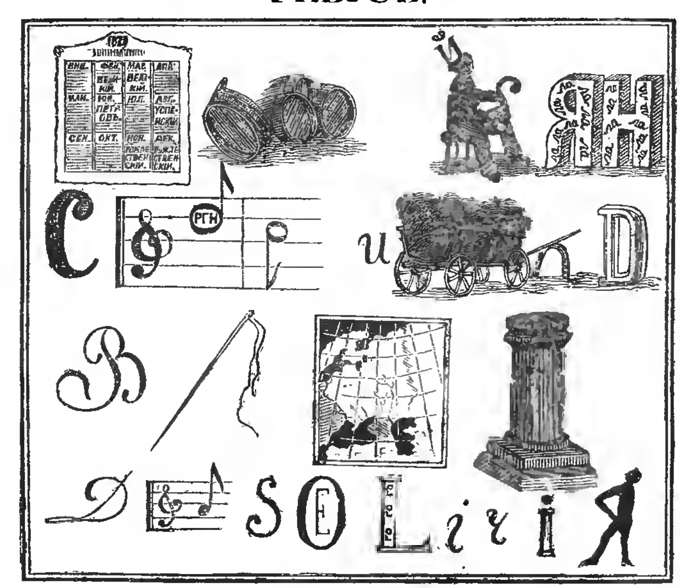
Эта брошь съ буквами была помѣщена въ № 23 „Нивы" и заключаетъ въ себѣ слово Анна.

ЗАДАЧА.

Путникъ нашелъ въ лѣсу камень. Замѣтивъ на немъ надпись, онъ хотѣлъ взять его съ собой, но при поднятіи камень отъ ветхости развалился на множество кусковъ. Путникъ собралъ эти куски и послѣ долгихъ трудовъ сложилъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они здѣсь представлены, и прочиталъ надпись. Содержаніе этой надписи будетъ сообщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы".

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Нижній Новгородъ. Н. Лавр—ову. Ваши стихи болѣе чѣмъ странны. Вы пишете:

Мнѣ не страшны снѣга вѣковые,
Не боюсь я суровой зимы,
Мнѣ не страшны и звѣри лѣсные,
Пускай воютъ и злятся они!

Много безстрашія, но мало поэзіи и много неточности въ выраженіяхъ; такъ, слова: „воютъ и злятся" одинаково относятся и къ снѣгамъ и къ звѣрямъ.

Но всего лучше послѣднія строки:

Посмотрѣлъ на нее ненаглядный—
И такъ крѣпко обнялись они,
Что ни вьюги, ни буйные вѣтры
Разлучить ихъ никакъ не могли.

Вообще вѣтры и вьюги въ вашемъ стихотвореніи являются, наконецъ, побѣжденными, хотя и уносятъ живыхъ людей съ собою. Но не смотря на это, мы все таки находимъ, что такая *иносказательная* поэзія—не поэзія, а результатъ праздной траты времени, обнаруживающій въ авторѣ весьма скудное знакомство съ настоящей поэзіей.

Заявленіе

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою СПБ. 9 Іюня 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 25 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 19 Іюня 1878 г.

Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, Графъ П. А. Шуваловъ, русскій посолъ при Великобританскомъ дворѣ.

Фамилія Шуваловыхъ одна изъ самыхъ видныхъ въ Россіи. Съ нею связаны блестящія страницы въ исторіи нашего просвѣщенія. Всѣмъ памятны современники Ломоносова И. И. Шуваловъ и П. И. Шуваловъ. Въ 1873 г. скончался въ Карлсбадѣ одинъ изъ маститыхъ слугъ Россійскаго престола, графъ *Андрей Петровичъ Шуваловъ*, ревнитель народнаго просвѣщенія, учредитель нѣсколькихъ образцовыхъ школъ и т. п. Маститый старецъ оставилъ двухъ сыновей, проявившихъ такую блестящую дѣятельность въ настоящее время. Одинъ изъ нихъ, генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, въ качествѣ начальника штаба войскъ гвардейскаго корпуса и Петербургскаго военнаго округа, явилъ себя героемъ минувшей русско-турецкой войны, проявивъ особенную доблесть при Горномъ Дубнякѣ. Другому изъ Шуваловыхъ генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи и члену государственнаго совѣта, Петру Андреевичу, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“, выпалъ блестящій жребій быть дипломатомъ въ наше трудное и рѣшительное для отечества время. Постъ посланника при Великобританскомъ дворѣ въ теперешнее переживаемое нами время можетъ назваться пробнымъ камнемъ дипломатическаго искусства.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, графъ П. А. Шуваловъ, русскій посолъ при Великобританскомъ дворѣ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Постъ россійскаго посла при Великобританскомъ дворѣ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ занялъ съ октября 1874 года. До этого же времени посломъ нашимъ въ Лондонѣ былъ тайный совѣтникъ графъ Ф. Ив. Брунновъ. По пріѣздѣ графа Шувалова въ Лондонъ, ему отведено помѣщеніе въ одномъ изъ лучшихъ пунктовъ британской столицы, въ Четамъ-Гоузѣ на Бельгревъ-Скверѣ. Вообще, начиная съ самаго вступленія въ обязанности посла, графъ Шуваловъ поль-

зовался огромнымъ уваженіемъ государственныхъ людей Великобританіи. Особенное же уваженіе питалъ къ нашему послу лордъ Дерби, вышедшій въ отставку, какъ помнитъ читатель, вслѣдствіе крайне шовинистскихъ выходокъ Дизраэли-Биконсфильда. По отзывамъ лучшихъ и искреннѣйшихъ органовъ англійской печати, отношенія нашего посла къ лорду Дерби были самыя откровенныя, искреннія, дружественныя. Дерби нѣсколько консерваторъ, сторонникъ мира, противникъ Дизраэлевскаго шовинизма, высоко цѣнилъ блестящія дипломатическія достоинства графа Шувалова, его глубокій политическій тактъ. Вмѣстѣ съ симъ, и все высшее лондонское общество, вся родовая британская аристократія относилась къ нашему послу съ глубокимъ уваженіемъ. Обширное истинно-европейское образованіе графа Шувалова было единодушно признано англійскимъ обществомъ и оцѣнено по достоинству. Въ концѣ 1875 года, какъ извѣстно, вспыхнуло герцеговинское возстаніе. Трудно было для истыхъ западниковъ въ то время предвидѣть, что эта небольшая искра разгорится въ огромный пожаръ. Графъ Шуваловъ своимъ глубокимъ, просвѣщеннымъ дипломатическимъ умомъ, конечно, и въ это время понималъ вѣроятныя послѣдствія этого возстанія, и тутъ-то онъ проявилъ государственную мудрость, представивъ въ истинномъ свѣтѣ правое дѣло. Но при этомъ западная печать (по преимуществу англійская) уже совершенно по своему толкуетъ образъ нашего посла. Англійскія газеты, обыкновенно, изображаютъ нашего посла „рьянымъ противникомъ славянофильства, какъ системы, старающейся провести свои убѣжденія въ дѣйствіе. „Только съ славянской точки зрѣнія"—говоритъ англійская пресса,—„возможно оправдать участіе русскихъ добровольцевъ въ войнѣ Сербіи съ Турціей и за симъ самую войну Россіи съ Турціей. Англійская печать замѣчаетъ, что минувшая наша война съ Турціею, будто бы, не согласовалась съ убѣжденіями графа Шувалова. Англійская печать утверждаетъ далѣе, что наша война съ Турціею была дѣломъ *ультрарусской*, славянофильской партіи (какъ будто въ самомъ дѣлѣ у насъ славянофильская партія, если таковая существуетъ, можетъ измѣнять событія по своей волѣ). Этой же воображаемой славянофильско-рьяной партіи англійская печать приписываетъ рьяное желаніе возжечь войну съ самою Англіей во чтобы то ни стало.

Какъ бы то ни было, но уже самый тотъ фактъ, что англійская пресса вліяніе Графа Петра Андреевича Шувалова противополагаетъ вліянію какой-то старорусской партіи, доказываетъ то уваженіе, какимъ пользуется нашъ посолъ на западѣ Европы. Война съ Россіею въ высшей степени не желательна для самой Англіи, такъ какъ, въ виду усложненія дѣлъ въ Индіи, надолго подорвала бы ея рессурсы и, быть можетъ, сильно парализовала бы морское могущество Британіи. Вотъ почему въ Англіи всѣ благомыслящіе органы единодушно привѣтствуютъ мирный исходъ во многихъ было усложненій въ отношеніяхъ между Англіей и Россіей по поводу Санъ-Стефанскаго договора, и такой мирный поворотъ дѣла относятъ ко времени поѣздки нашего посла въ Петербургъ.

О поѣздкѣ этой мы уже упоминали въ нашихъ политическихъ обозрѣніяхъ. Она имѣетъ огромное современное значеніе и она-то, конечно, повела за собою неотлагательное рѣшеніе, чтобы конгрессъ состоялся въ Берлинѣ. Нашъ посолъ, какъ извѣстно, еще на пути въ Петербургъ заѣзжалъ къ князю Бисмарку. За симъ, получивъ въ Петербургѣ отъ правительства надлежащія инструкціи, Графъ Шуваловъ оставилъ Петербургъ 6 (18) минувшаго мая, и за симъ мы уже знаемъ, что съ этого момента весь узелъ и интересъ событій былъ сосредоточенъ на приготовленіяхъ къ европейскому конгрессу, а по англійскимъ толкованіямъ—къ мирному улаженію восточныхъ затрудненій,—улаженію, основанному на *умѣренности* требованій со стороны Россіи... Эта англійская догадка, конечно, крайне преждевременна; мы, съ своей стороны, не можемъ предрѣшать этого важнаго вопроса. Если Россія и уступила Англіи въ чемъ либо или уступитъ на конгрессѣ, то это будетъ строго согласно съ интересами Россіи, ея достоинствомъ.

Мѣдные рубли.

(Разсказъ изъ русской жизни XVII вѣка).

(Окончаніе).

II.

Двѣ ночи и два дня бродилъ Ѳедотъ по московскимъ улицамъ, словно помѣшанный, безсвязно бормоталъ ругательства и проклятія, грозился извести лютаго ворога и горько, безутѣшно плакалъ о потерѣ своего счастія. „Даша! Даша!.. Не въ добрый знать часъ полюбилъ я тебя, заколдовала ты меня, изъ добраго молодца Каина предателя сдѣлала: за хлѣбъ, за соль, да за ласку, готовъ я твоего родителя загубить... доносчикомъ промежь добрыхъ людей прослыть!..

Сознавая, что поступалъ противъ совѣсти, гнушаясь доносовъ и подпольной мести, Качанъ былъ не въ силахъ совладѣть съ собой: не могъ разлюбить Дашу, а мысль, что она достанется другому, приводила его въ ярость. Словно бѣсъ шепталъ ему: „Раззори родное гнѣздо и выхвати птенчика... Убей орла—и орленокъ будетъ твой"... Поровнявшись съ большимъ домомъ на той же улицѣ, гдѣ были и комоловскія хоромы, запоздалый путникъ остановился въ нерѣшимости: идти или не идти?... Затѣвать или не затѣвать?..

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, Ѳедотъ махнулъ рукой и быстро подойдя къ воротамъ, стукнулъ богатырскимъ кулакомъ въ калитку. Собаки на дворѣ подняли свирѣпый лай, послышались шаги и басистый голосъ, унимавшій четвероногихъ сторожей.

— Кто стучится?.. Откликнись!.. Изъ какихъ ты будешь? окликнули Ѳедота.

— Свой, дядя Ермолай! Отворяйся, впускай Качана!

— А, это ты Ѳедотъ Герасимычъ! Ладно, отопру!..

Загремѣли ключи, заскрипѣли засовы и калитка отворилась на полъ-аршина; псы было кинулись на Качана, но получили острастку отъ дюжаго мужика дворника.

— Лѣзь!.. пригласилъ онъ запоздалаго гостя.

Ѳедотъ пролѣзъ подъ цѣпь, которая придерживала калитку такъ, что въ нее надо было пролѣзть едва не ползкомъ.

— Тебѣ хозяина, что-ль? спросилъ Ермолай.

— Хозяина!.. Не спитъ еще? тоже спросилъ Ѳедотъ.

— Полунощницу читаетъ, отвѣчалъ Ермолай. Иди въ хоромы... чай, дорогу знаешь...

Ѳедотъ поднялся по узкой лѣсенкѣ, повернулъ въ сѣняхъ на право, въ потемкахъ ощупалъ дверь, обитую войлокомъ и вошелъ въ просторную горницу, выбѣленную известью и расписанную цвѣтами да птицами, устланную циновками, съ дубовыми лавками кругомъ стѣнъ и массивнымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ хозяинъ и читалъ толстую книгу въ кожаномъ корешкѣ, при свѣтѣ восковой свѣчи и нѣсколькихъ лампадъ, висѣвшихъ предъ иконами въ переднемъ углу и по стѣнамъ.

Артамонъ Акимычъ Свиньинъ, плотный мужчина среднихъ лѣтъ, съ черной окладистой бородой и суровымъ выраженіемъ лица, былъ заклятый врагъ Комолова. Между ними шли давнишнія ссоры изъ-за знатности рода, дававшаго право на торжествахъ и въ Думахъ боярскихъ сидѣть на высшемъ мѣстѣ, ближе къ царю, отъ чего эти споры и назывались мѣстничествомъ.

Комоловъ и Свиньинъ были равны по дворянству и заслугамъ, но Иванъ Никитичъ получилъ первенство потому, что послѣдовалъ новому ученію патріарха Никона, а Артамонъ Акимычъ, какъ крѣпко державшійся старой вѣры, отшатнулся отъ Двора и сталъ въ ряды недовольныхъ нововведеніями въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ. Тогда только что началась та глухая и упорная борьба, дошедшая впослѣдствіи до такихъ жестокихъ размѣровъ.

— Ѳедотъ Герасимычъ!.. какими путями къ намъ пожаловалъ? А я думалъ, что ты съ Комоловымъ-то совсѣмъ отъ насъ отбился, обновщился!.. Постой-кось, никакъ ты не въ стрѣлецкомъ одѣяніи?.. Да чтой-то ты жмешься, да ежишься?.. Ай не домогается?.. выспрашивалъ хозяинъ гостя.

Ѳедотъ помолился на иконы, затѣйливо украшенныя

цвѣтами изъ тафты, серебряными кованными убрусами и вѣнцами изъ камней самоцвѣтныхъ, съ жемчужнымъ бисеромъ. Потомъ гость поклонился хозяину и на обѣ стороны, хотя кромѣ ихъ двоихъ никого не было въ горницѣ.

— Не бѣда, Артамонъ Акимычъ, что я одѣяніе другое надѣлъ, дабы никто меня не узналъ; а вотъ бѣда, посватался не въ часъ да не ладно. ну и вскючили добра молодца такъ, что во вѣкъ не забудешь трепки холопской... вздохнулъ бѣдный Качанъ.

— Ой-ли? такого молодчика забраковали! Чудно чтой-то!.. Ну-кось повѣдай, какъ дѣло вышло?

— Все наша простота да любовь, а пхняя спѣсь да гордость!.. А ты вели-кось, бояринъ, поставить на столъ медку покрѣпче, позабористѣй, а тамъ мы съ тобой сядемъ рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ... сказалъ Качанъ, снимая шубу и уныло опускаясь на лавку. Хозяинъ исполнилъ желаніе гостя; подали имъ жбанъ меду сыченнаго, каравай съ изюмомъ-кишенцомъ, соленые грибы, огурцы и вяленую рыбину.

— Ну! вкушай во здравіе!.. вы люди ратные, вамъ не грѣхъ и рыбкой побаловаться... А вотъ какъ разскажешь что и какъ, авось еще и дѣло твое выгоритъ... ободрялъ Артамонъ Акимычъ.

Ѳедотъ молча зачерпнулъ меду, выпилъ цѣлый ковшъ, отломилъ кусокъ каравая, закусилъ груздемъ да сочнымъ лещемъ и наконецъ повѣдалъ о своемъ неудачномъ сватовствѣ, добавивъ:

— Не люба мнѣ, Артамонъ Акимычъ, доля моя одинокая; не люблю я и кулаки слугъ лихихъ комоловскихъ; а пуще того не любы мнѣ мѣдныя побрякушки ..

— Какія мѣдныя побрякушки? навостривъ уши спросилъ Свиньинъ.

— А вотъ какія побрякушки, Артамонъ Акимычъ, что воровскими-то рублевиками прозываются!

— Кому они любы, Ѳедотушка? Много они вреда понадѣлали, много и народу неповиннаго загубили... Казнить бы воровъ надотъ, да не изловишь ихъ... говорилъ Свиньинъ, устремивъ на Качана испытующій взоръ.

— Изловить можно... разсѣянно молвилъ Ѳедотъ.

— Гдѣ же ты ихъ, воровскіе-то рубли видѣлъ? спросилъ опять Свиньинъ, заинтересованный словами гостя.

— Видѣлъ я... началъ было Ѳедотъ и вдругъ остановился.

— Вотъ что, Артамонъ Акимычъ, скажу я тебѣ, но съ уговоромъ: чего запрошу—то мнѣ и дать!..

— Ладно, Ѳедотъ Герасимычъ, вотъ тебѣ крестъ: что спросишь—твое будетъ... и Свиньинъ, вынувъ изъза пазухи крестъ, набожно помолился и поцѣловалъ его.

Качанъ вполнѣ повѣрилъ этой клятвѣ.

— Воровскіе рубли куетъ Иванъ Никитичъ Комоловъ: я видѣлъ намедни, какъ онъ 6 подводъ отправилъ съ боченками; а въ боченкахъ тѣхъ эти проклятые рубли накладены... объявилъ Качанъ—и холодный потъ выступилъ на его поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Свиньинъ спросилъ глухимъ голосомъ.

— Не брешишь-ли ты? Не со зла ли ты на Комолова-то поклепъ взводишь?..

— Вотъ-тѣ Христосъ! Отсохни моя рука десная!.. побожился Ѳедотъ.

— То-то!.. смотри Качанъ! Знавалъ я твоего родителя и хлѣбъ-соль съ нимъ важивалъ; жалко бы мнѣ, кабы ты въ бѣду попался: силенъ Комоловъ! Коли не докажешь доносъ... знаешь: неправому доносчику—первый кнутъ!.. предупреждалъ Свиньинъ.

— Докажу!.. ты только похлопочи, чтобы на него не медля и врасплохъ накрыть, на заводѣ и въ подвалахъ все отыщемъ, завѣрялъ Качанъ.

— Ну, теперь говори, много ли тебѣ изъ добра воровского надо за это выдѣлить? спросилъ бояринъ.

— Не надо-ть мнѣ ни синь-пороху! сгинь, пропади воровское добро!.. Мнѣ только дѣвку... боярскую дочь Дарью Ивановну отдай!.. торопливо и страстно говорилъ Ѳедотъ.

— На что она тебѣ? покачалъ головой Артамонъ Акимычъ.

— Въ жены! твердо молвилъ Качанъ.

— Опальнаго отца дочь тебѣ не пара! ты любую дѣвку изъ честной семьи взять можешь. Да вотъ хоть-бы Дуниху—племянницу мою по женѣ возьми: дѣвка не чета энтой, что ростомъ, что дородствомъ, что достаткомъ—всѣмъ невѣста завидная!.. Право-слово! плюнь ты на Дашку Комолиху, не вяжись ты съ воровскимъ племенемъ... уговаривалъ Артамонъ Акимычъ; но Ѳедотъ и руками замахалъ, упрямо возражая:

— Ты обѣщалъ... крестъ цѣловалъ!.. Ничего мнѣ не надоть... Дашу!.. Дашу мнѣ отдайте!..

Свиньинъ ударилъ его рукой по ладони.

— Инъ будь по твоему: любовь зла—полюбится сатана пуще яснаго сокола!.. Бери Дашку Комолиху!..

Успокоенный Качанъ сталъ совѣтоваться, какъ поступить съ доносомъ.

— Завтра какъ разсвѣнетъ, иди прямо къ Приказному Двору, гдѣ Сыскная и Приказная Палата, стань у воротъ и затяни казенную пѣсенку: „караулъ!"... а я тамъ уже буду и все обдѣлаю... научалъ его Артамонъ Акимычъ.

Въ то время, если кто хотѣлъ донести или пожаловаться на кого, то выходилъ на площадь и кричалъ „караулъ".

Когда Ѳедотъ ушелъ, бояринъ Свиньинъ самодовольно молвилъ про себя: „Попался, миленькій; давно я про него домекалъ, да доносить самому боязно было, пущай Ѳедотъ ломитъ: вывезетъ—ладно, а не вывезетъ—пропадетъ молодецъ!"...

Пора была смутная и безпокойная...

Тринадцатилѣтняя война истощила Московское государство и поглотила много денегъ да жизней человѣческихъ безъ добрыхъ результатовъ и выгодъ.

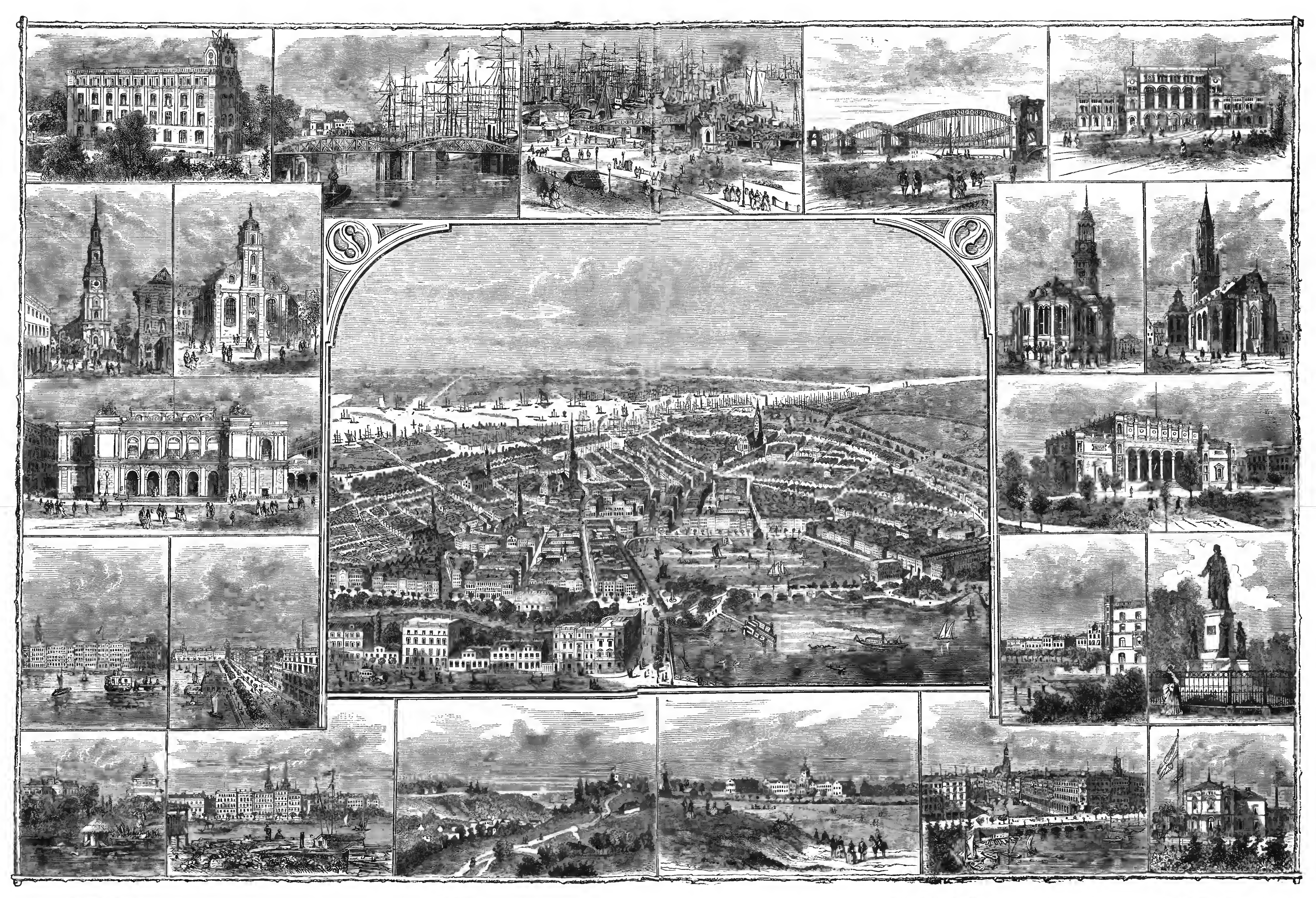
Неудачный походъ подъ Ригу, Малороссійскія смуты, пораженія князя Трубецкаго подъ Конотопомъ, князя Хованскаго подъ Полонкою, боярина Шереметьева подъ Чудновымъ навели ужасъ и уныніе на Москву.

Обѣднѣла казна царская, не доставало средствъ на содержаніе ратныхъ людей и по совѣту боярина Ртищева въ 1656 году Государь Алексѣй Михайловичъ рѣшился испытать выпускъ мѣдныхъ рублей вмѣсто серебряныхъ.

Тогда въ Россіи еще не знали о существованіи бумажныхъ денегъ и какъ всякое нововведеніе, мѣдныя деньги съ нарицательной цѣной серебряныхъ были приняты недовѣрчиво. Еще первые два-три года они ходили и принимались за товаръ, но потомъ стали быстро понижаться въ цѣнѣ, такъ что въ 1658 году дошло до того, что за одинъ рубль серебряный требовали 12 мѣдныхъ. Небывалыя цѣны на всѣ жизненные, необходимые припасы тяжелымъ гнетомъ давили бѣдный людъ.

Указъ за указомъ являлись отъ Государя, запрещавшаго подпимать цѣну на товаръ и понижать значеніе мѣдныхъ рублей; но голосъ царя и всѣхъ образованныхъ людей того времени оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Къ довершенію несчастія, явилось множество денегъ поддѣльныхъ, или какъ ихъ тогда называли. „воровскихъ". что окончательно подорвало значеніе мѣдныхъ рублей.

Напрасно слѣдили за мастерами этихъ воровскихъ рублей, за котельниками, серебрянниками, оловянниками; напрасно по малѣйшему подозрѣнію сажали въ тюрьмы, пытали и казнили, при чемъ, разумѣется, пострадало много людей невинныхъ, по доносамъ изъ-за личныхъ ссоръ.

Домъ для моряковъ.
Церковь Св Екатерины.
Малая Михайловская церковь.
Биржа.
Набережная рѣки Альстера.
Зоологическій садъ.
Улица стар. Юнгфернстегъ.
Рѣка Альстеръ.
Гавань.
Предмѣстье Бланненезе и Штюльбергъ.

Общій видъ города Гамбурга и его окрестностей.

Пріютъ Шредора.
Мостъ черезъ Эльбу.
Большая Михайловская церковь.
Улица новая Юнгфернстегъ.
Мостъ черезъ Резендамъ.
Музей искусствъ.
Станція ж. д. парижской.
Церковь Св. Іакова.
Памятникъ Шиллеру.
Гостиница Вицель.

Народъ былъ недоволенъ и глухо волновался, обвиняя царицыну родню Милославскихъ, да бояръ Ртищева, Шорина, Матюшкина, Кадашева и другихъ, въ потворствѣ дѣлателямъ воровскихъ денегъ.

Весной 1662 года ждали отъ черни погрома и доносы сыпались на измѣнниковъ да воровъ.

Въ это время Ѳедотъ Качанъ поссорился съ бояриномъ Комоловымъ и по примѣру другихъ рѣшился на доносъ.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ совѣтовался съ Артамономъ Акимычемъ, на одномъ изъ монетныхъ дворовъ, гдѣ теперь Охотный рядъ, происходило большое движеніе; длинными рядами стояли обозы и между ними хлопотали люди: думные, приказные, стрѣльцы, рабочіе при монетномъ дворѣ, подводчики и прочіе. Это привезли царскую мѣдь для чекана и ее принимали назначенные для того думные дворяне, дьяки, цѣловальники и головы, выбранные изъ людей богатыхъ и почетныхъ.

Боченки скатываются въ склады и словно нѣтъ имъ конца... Надсмотрщики апатично сидятъ на скамьяхъ и молча выслушиваютъ счетъ боченковъ, а дьяки записываютъ счетъ въ книги. У воротъ стоятъ на караулѣ нѣсколько стрѣльцовъ и толкуютъ про пріемку и порядки на денежныхъ дворахъ. Народъ тѣснится возлѣ стрѣльцовъ и жадно вслушивается въ ихъ рѣчи, чтобы разнести ихъ по Москвѣ съ прикрасами и прибавленіями.

— Чудно мнѣ, какъ это цѣловальники умудряются деньги-мѣдяшки заграбастывать... сказалъ молодой стрѣлецъ, по прозванію Соколка.

— Какъ добываютъ-то? Эхъ парень! простъ ты коли не разумѣешь! Я вотъ таки послужилъ лѣтъ десятокъ и приглядѣлся добропорядочно ко всему, а ничего для меня мудренаго нѣтъ, хотя и штуки у нихъ подведены зѣло измѣнныя... возразилъ пожилой, высокій и дюжій стрѣлецъ, по имени Кузьма Ногаевъ.

— Гораздъ ты лясы точить!.. А ну-ка скажи, коли вѣдаешь больше другихъ, обидѣлся Соколка.

— Отчего не разсказать, не извѣтъ какой, а сущую правду: вотъ, къ примѣру, привезена мѣдь государева и должно ей быть два ста боченковъ не малыхъ, а ихъ тутъ десятка четыре лишнихъ будетъ!.. Отъ чего это? спросятъ старосты, дьяки, аль сотники... А отъ того-де, что боченки поменьше попались, либо не туго накладены, ну и не вошла мѣдь въ два ста боченковъ... А дѣло-то иное: бояре накупили мѣди у шведа да у ляха и съ государевой вмѣстѣ на денежный дворъ приставили. Сдадутъ въ чеканъ, отчеканятъ: опять имъ же принимать! Потребное число въ казну сдадутъ Цареву, а лишекъ по своимъ домамъ развезутъ... Еще иную воровскую измѣну творятъ: мѣдь-то съ оловомъ мѣшаютъ, да на заводы котельные отправляютъ, тамъ и чеканятъ рубли поддѣльные... Не вѣришь? Вотъ погоди, ужо какъ стемнѣетъ, мы воровъ-то изловимъ... разсказывалъ Кузьма.

— Инъ ладно!.. изловите нашихъ раззорителей, царевыхъ ослушниковъ, подпольниковъ!..

Выйдя отъ боярина Артамона Акимыча, Ѳедотъ Качанъ встрѣтился съ своими товарищами стрѣльцами и перекинувшись съ ними условнымъ словомъ, пошелъ задами да переулками, которые были такъ пустынны ночью, что не только троимъ, можно бы спрятаться и цѣлой толпѣ людей. Обождавъ немного, товарищи услыхали топотъ лошадиный и побрякиванье бубенцовъ. Вскорѣ показался обозъ съ возами, прикрытыми рогожами.

— Комолова боярина лошади... шепнулъ Ѳедотъ.

Кузьма Ногаевъ вышелъ на середину переулка и словно небрежно спросилъ:

— Что везете, родимые?..

— Сѣмя льняное на маслобойню... отвѣчали подводчики.

— А никакъ сѣмя-то у васъ въ боченкахъ? опять спросилъ Ногаевъ.

— Проваливай!.. Что лѣзешь?.. сердито крикнулъ одинъ изъ провожатыхъ, въ нахлабученной до самыхъ глазъ шапкѣ.

Стрѣлецъ Кузьма выругался крѣпкимъ словомъ и отошелъ къ товарищамъ. Обоз проѣхалъ мимо ихъ. они послѣдовали издали и удостовѣрились, что возы въѣхали въ комоловскія ворота.

III.

На утро чѣмъ свѣтъ наши стрѣльцы подошли къ Приказному Дому, гдѣ помѣщалась Сыскная и Допросная Палата; остановясь у воротъ, они громко крикнули: „караулъ!“...

Ворота отворились и доносчиковъ повели въ Допросную, гдѣ и записали ихъ показанія.

При этомъ присутствовалъ и бояринъ Артамонъ Якимычъ Свиньинъ, который горячо настаивалъ, что бы обыскъ учинить не мѣдля. Нарядили стражу, писцовъ да приставовъ и нагрянули на неждавшаго бѣды Комолова. Все еще было тихо извнѣ и внутри огромнаго двора боярскаго затѣйливо изукрашеннаго и размалеваннаго: на дворѣ, обнесенномъ высокимъ тыномъ, съ желѣзными пѣтушками да конями по угламъ были навалены груды боченковъ, еще не убранныхъ съ вечера. Удары прикладами и бердышами въ запертыя ворота, переполошили боярскихъ холопьевъ. „Кто стучитъ?“, спросили они.

— Царевы ратные люди! Отворяйтеся! Коли добромъ не впустите, запоры посшибаемъ, а ослушниковъ батожьемъ побьемъ, отвѣчали незваные гости, которыхъ поспѣшили впустить. „Гдѣ бояринъ?“ спросилъ Свиньинъ.

— Бояринъ—отъ? Вѣстимо въ хоромахъ!.. Да вамъ на что его? спросилъ старикъ-ключникъ.

— Что тутъ съ нимъ раздабаривать! Обыскивай ребята вездѣ въ хоромахъ, въ подвалахъ и въ службахъ, гдѣ воровскіе рубли чеканятъ, распорядился Думный Дьякъ.

— Да чего далече искать?... Вотъ они боченки-то! указалъ Ѳедотъ на прикрытую цыновками поклажу съ мнимымъ льнянымъ сѣменемъ.

Сыщики усердно принялись за дѣло; перервали перешвыряли всѣ домашнія принадлежности; обшарили всѣ укромные уголки и выволокли на свѣтъ Божій чеканы, мѣдь, деньги попорченныя при отливкѣ и разные инструменты для производства воровскихъ рублей. Все это сваливалось на дворѣ въ кучи; стрѣльцы ругались и вязали оторопѣвшихъ челядинцевъ, половина которыхъ поразбѣжалась, да попряталась.

— Ищите самаго-то! напомнилъ Свиньинъ,—и съ толпой сыщиковъ вошелъ въ домъ.

Во время этой суматохи, Ѳедотъ пробрался въ дѣвичій теремъ, не встрѣтивъ ни души на пути. Двери были не заперты, сѣнныя дѣвки забились по чуланамъ, да чердакамъ, а Даша спряталась за пологомъ своей кровати.

— Даша!.... крикнулъ Ѳедотъ, входя въ свѣтелку. Отвѣта не было. Ѳедотъ оглядѣлся, прислушался и замѣтилъ шорохъ за кроватью, отдернулъ пологъ. „Выходи родная, это я!... Не бойся ни чего“.... ободрялъ онъ трепещущую дѣвушку.

— Ѳедотъ Герасимычъ!... Кто это на дворѣ-то? Чего имъ надо?.. Разбойники, аль крамольники? выйдя изъза полога, спросила Даша, указывая изъ окна на сыщиковъ.

— Не разбойники, не крамольники, а слуги Государевы!.. отвѣчалъ Качанъ. „Родитель-то твой воровскіе рубли дѣлалъ: онъ измѣнникъ и воръ..... Ему будетъ казнь и смерть лютая!... Иди со мной, коли не хочешь вмѣстѣ съ нимъ сложить свою головушку на

плаху"... И онъ, схвативъ дѣвушку за руку, потащилъ ее къ выходу.

— Постой, погоди! упиралась она. „Кто донесъ на батюшку?... Не ты ли, по насердкѣ?... Коли ты, прочь отъ меня, лиходѣй!..." и она оттолкнула озадаченнаго Ѳедота.

Ѳедотъ повалился къ боярышнѣ въ ноги. „Прости, Христа ради!... Не губи себя.... Что сдѣлано, того не воротишь.... Теперь поздно..... Не я, такъ другіе донесли бы и не миновать тебѣ съ нимъ погибели...." плакалъ молодецъ, видя что сопротивленіе дѣвушки можетъ навлечь на нее ужасныя пытки и позорную смерть.

— Пропадать такъ вмѣстѣ..... Я отца не покину..... твердила ополоумѣвшая отъ отчаянія Даша.

Въ сѣняхъ послышались шаги и голоса.

— Идутъ!.... Тебя ищутъ.... вскочивъ на ноги, шепнулъ Качанъ. „Схватятъ тебя, цѣпями бѣлыя руки скуютъ, колодку желѣзную на шею лебединую надѣнутъ... ременными плетьми тѣло нѣжное изорвутъ... клещами огнемъ пытать будутъ... На позоръ-стыдъ дѣвичій отдадутъ... Косы повыдерутъ... Голову на плахѣ отрубятъ!..." говорилъ Ѳедотъ задыхаясь и прижимая боярышню къ горячей груди.

Ужасная картина позора и мученій подломила всю волю Даши: она, какъ подкошенный колосъ, покачнулась, глаза закатились и голова, какъ у безжизненнаго трупа, тяжело налегла на плечо Ѳедота.

Сорвавъ пологъ съ кровати, онъ обвилъ имъ дѣвушку совсѣмъ съ головой, взвалилъ ее на плечо и какъ поклажу съ добромъ, потащилъ по хорошо извѣстнымъ ему закоулкамъ боярскаго двора.

Только что онъ вышелъ въ одну дверь терема, другая съ шумомъ распахнулась и ввалились стрѣльцы съ обыскомъ: „Куда она запропастилась, воровская дочь такая—разъэдакая?..." галдѣли сыщики и взломавъ сундуки да укладки, запустили жадныя руки въ алмазныя и жемчужныя украшенія боярышни...

Черезъ нѣсколько дней совершилось Московское правосудіе XVII столѣтія!... Бояринъ Иванъ Никитичъ Комоловъ, съ отрубленной рукой и головой, висѣлъ у позорнаго столба на лобномъ мѣстѣ Красной Площади.

Удовлетворенная кровавой казнію чернь, разграбивъ домъ Комолова потѣшалась, надругаясь надъ его обезображеннымъ трупомъ. Вотчины и цѣнное имущество преступника отписали въ казну. Дочь его поискали, потомъ забыли... Даша какъ въ воду канула.

Мѣсяца черезъ два Ѳедотъ Герасимовъ Качанъ объявилъ своимъ товарищамъ-стрѣльцамъ, что привезъ жену изъ Клина, куда онъ ѣздилъ въ побывку.

Смутились и притаились на время дѣлатели воровскихъ рублей, но совсѣмъ не унялись, а продолжали втихомолку чеканку и выпускъ фальшивыхъ денегъ, которыя появлялись въ огромномъ количествѣ. Народъ роптал; толпы черни сбирались на Московскихъ улицахъ, ругаясь и угрожая боярамъ: Милославскимъ, Шоринымъ, Ртищевымъ и другимъ подозрѣваемымъ въ укрывательствѣ виновныхъ.

Утромъ 25 Іюля 1662 года, солнце, только что показалось изъ-за зубчатыхъ стѣнъ Кремля, какъ на Срѣтенкѣ собралась кучка народа и горячо о чемъ то спорила. Прохожіе и проѣзжіе изъ любопытства останавливались и кучка все росла да росла.

Тутъ были и горожане и крестьяне подгородныхъ деревень, привезшіе на торгъ свои сельскіе продукты; были и посадскіе, торговые люди и разные ремесленники. Было нѣсколько стрѣльцовъ и въ томъ числѣ Соколка да Ногаевъ. Пуще всѣхъ ораторствовали подъячіе, извлекавшіе пользу изъ общественныхъ смутъ, между ними особенно выдѣлялся Ивашка Крапива.

— Эхъ, православные! до чего мы дожили, разглагольствовалъ крупныхъ размѣровъ краснорожій нижегородецъ Мартынъ Жердинскій. „Истинно послѣднія времена пришли, конецъ міру!... Мѣдь да олово за мѣсто серебра ходитъ, да честной народъ губитъ!"...

— На то воля Божія и власть Государева, примирительно замѣтилъ сотскій Лучка Жидкій.

— Милославскій, да Ртищевъ, да Шоринъ, всему дѣлу воровскому зачинщики... подхватилъ Жердинскій.

— Нечего тутъ по пусту галдѣть! Идемъ, братцы, прямо къ Царю въ Коломенское, будемъ челомъ бить да милости просить, предложилъ Кузьма Ногаевъ.

По дорогѣ къ нимъ приставали любопытные и ратные люди.

По лѣтамъ добродушный и богомольный Царь Алексѣй Михаиловичъ, живалъ въ своемъ дворцѣ села Коломенскаго, откуда онъ предпринималъ, часто пѣшкомъ, со своей семьей и придворными странствія на богомолье по Монастырямъ подмосковнымъ и ближнихъ городовъ обителямъ.

Въ памятный день 25 Іюля онъ праздновалъ рожденье и имянины одной изъ своихъ дочерей.

Посреди Литургіи, вбѣжали Царскіе отроки и извѣстили приближенныхъ: „Идетъ-де народъ толпою великой, безоруженный, но съ криками про Милославскихъ да Ртищева!"...

Отецъ Царицы, Илья Данилычъ Милославскій, испугался и доложилъ Государю. Выглянули изъ окна Церкви: гилевщики валили безпорядочно и шумно по селу и даже на Царскій дворъ.

— Царевичи и царевны идите къ Государынѣ въ хоромы... а ты Илья Даниловичъ и другіе, кого крамольники ищутъ, спрячьтесь тамъ же... распорядился царь, а самъ остался дослушивать обѣдню.

Царица Марья Никитишна по нездоровью не была въ церкви; прибѣжали отецъ ея и дядя, ведя плакавшихъ царевенъ, изъ которыхъ только одна царевна Софія сохраняла мужество и не плакала.

Марья Ильинишна была лицомъ благообразна и нравомъ благоувѣтлива; затряслась бѣдная, подкатила ей лихая болѣсть подъ сердце и больше года отъ этого испугу лежала она хворая.

Царь вышелъ къ народу на крыльцо и спокойно съ достоинствомъ спросилъ:

— Вамъ что надобно?

Мартынъ Жердинскій, Лучка Жидкій, да Кузьма Ногаевъ приступили къ нему и, требовали наказанія измѣнникамъ.

— Ступайте съ Богомъ по домамъ: я поѣду въ Москву и все дѣло разберу... отвѣчалъ имъ Государь.

— Дозволь, государь, поучить крамольниковъ... Войска у насъ здѣсь достаточно!.. просилъ князь Хованскій.

— Не хочу, ради праздника, казнить глупыхъ да неразумныхъ... отвѣчалъ кроткій Государь и послалъ Хованскаго успокоить обывателей Москвы, а тамъ ужь безпорядокъ дошелъ до того, что народъ грабилъ дома боярскіе.

Бояринъ Шоринъ успѣлъ укрыться въ Кремлѣ, но гилевщики захватили его сына, отрока лѣтъ 14. „Говори, что отецъ твой измѣнникъ, съ поляками да татарами въ стачкѣ"... Научали они юношу, угрожая побоями и смертью. Посадивъ его на телѣжку, крамольники пошли въ Коломенское и встрѣтились съ возвращавшимися оттуда.

Услыхавъ выдуманную сказку, которую молодой Шоринъ отъ страху повторялъ про мнимую измѣну отца, всѣ снова двинулись къ Коломенскому; напрасно увѣщевали ихъ князь Хованскій и бояринъ Стрѣшневъ, потерявшіе всякое сознаніе, пьяные зачинщики безпорядка ничего не хотѣли слушать.

Государь садился на коня, чтобы ѣхать въ Москву, когда гилевщики ворвались на царскій дворъ и поста-

вивъ передъ царемъ молодого Шорина, заставили его говорить про измѣну отца.

— Выдай измѣнниковъ!.. кричали безумцы, подступая къ царю.

Оскорбленный государь потерялъ всякое терпѣніе: онъ отвернулъ отъ крамольниковъ свое лицо, покрытое облакомъ печали и жалости.

— Прикажи, Государь... умоляли придворные.

Алексѣй Михайловичъ махнулъ рукою въ знакъ согласія и ушелъ во дворецъ.

Приготовленное для охраны Государя войско двинулось на безумцевъ.

Въ переднихъ рядахъ стрѣлецкой рати шелъ Ѳедотъ Качанъ, увидавъ его Кузьма Ногаевъ закричалъ:

— И ты противъ насъ! Измѣнникъ! Воръ!..

эти мѣдные рубли „портученные", то есть натертые ртутью и сдавались неграмотнымъ вмѣсто серебряныхъ. Наконецъ вышелъ указъ „сливать", то есть перетапливать мѣдныя рубли, но не держать ихъ подъ страхомъ строгаго наказанія.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Ѳедотъ Герасимычъ Качанъ, за вѣрную и полезную службу Государеву, былъ пожалованъ вотчиной Клинской Комоловской.

Дарья Ивановна потужила да поплакала объ отцѣ, но любовь мужа и его ласковыя рѣчи постепенно примирили ее съ спокойной и счастливой жизнію матери семейства.

— Пусти меня, Ѳедотушка рòдный, на богомолье пѣшкомъ ко святымъ угодникамъ замаливать грѣхъ

Въ Вагонѣ С.-Петербургской конно-желѣзной дороги. Рис. Кившенко, грав. Рашевскій.

— Замолчи песъ... бѣги пока цѣлъ, отвѣчалъ Ѳедотъ, отталкивая бывшаго товарища.

— Аль въ честь попалъ съ Дашкой Комолихой-то.

Не успѣлъ еще Кузьма вымолвить слово, какъ тяжелый бердышъ Ѳедота ошеломилъ его... Стрѣльцы, драгуны, рейтары врѣзались въ безоружную толпу гилевщиковъ, которые въ страшномъ смятеніи бросились бѣжать.

Многихъ побили и переранили... Иные въ рѣкѣ потонули, а нѣкоторыхъ перевязали и отправили въ монастырь Николы на Угрѣшѣ.

Послѣ сыска и дознаній, болѣе 200 зачинщиковъ гиля перевѣшали и казнили.

Черезъ годъ послѣ коломенскаго гиля вышелъ указъ объ отмѣнѣ мѣдныхъ рублей. Тогда стали являться

родительскій, да твой грѣхъ за погибель его... часто просила она мужа.

— Обожди, голубка, вотъ пойдетъ Государь къ Саввѣ Сторожевскому и мы съ тобой туда-жь отпросимся!.. отвѣчалъ ей Ѳедотъ Герасимычъ.

Пошелъ Царь Алексѣй Михайловичъ съ Царицей Марьей Ильинишной, съ царевичемъ да царевнами, съ боярами да боярынями придворными, молиться Богу на Сторожевскую гору подъ Звенигородъ. Ѳедотъ Герасимычъ тоже туда пошелъ съ своей Дарьей Ивановной и послѣ этого богомолья Дарья Ивановна стала менѣе горевать о смерти отца.

— Словно камень съ меня свалился: знать простилъ Господь наши грѣхи, часто говорила она, вспоминая свое грозное прошлое.

Владиміръ Политковскій.

Вильгельмъ I. Императоръ Германскій. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Къ рисункамъ.

Гамбургъ.

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ Нивы общій видъ города Гамбурга и нѣсколько отдѣльныхъ изображеній, дающихъ понятіе, какъ о характерѣ построекъ этого города, такъ и о его окрестностяхъ мы имѣемъ поводъ разсказать здѣсь исторію города Гамбурга. Но для этого необходимо нѣсколько предварительныхъ строкъ о ганзейскомъ союзѣ, къ которомъ въ свое время принадлежалъ и городъ Гамбургъ.

Ганзейской союзъ городовъ образовался въ XIII вѣкѣ и имѣлъ главною своею цѣлію огражденіе морской торговли отъ пиратовъ Балтійскаго моря. Конфедеративные города приняли названіе городовъ ганзеатическихъ и число ихъ въ исходѣ XIV в. дошло до 64. Ганза, имѣвшая флоты, армію, казну раздѣлилась на 4 квартиры. 1-я, называемая вандальскою, которой центромъ былъ Любекъ, простиралась отъ Гамбурга до конечныхъ границъ Помераніи. 2-я называемая рейнскою, имѣла центромъ Кельнъ, 3-я саксонская,—Брауншвейгъ и 4-я прусская—Данцигъ. Въ числѣ Ганзейскихъ городовъ были нѣкогда и наши—Новгородъ и Псковъ. Торговля производимая этими городами была передаточная, а главными основаніями и правилами союза было покровительство союзныхъ владѣній, обоюдная защита, изъятіе отъ пошлинъ приходившихъ въ ганзейскія гавани кораблей, присылка депутатовъ на общій съѣздъ ганзы. Постоянно отстаивая свою самобытность отъ вліянія другихъ сосѣднихъ государствъ торговля ганзы то упадала, то возвышалась пока утвердилась въ настоящемъ видѣ въ трехъ слѣдующихъ городахъ: Любекѣ, Бременѣ и Гамбургѣ.

Но задолго до основанія Ганзейскаго союза Гамбургъ имѣлъ уже значительное населеніе и славился развитіемъ торговли. Ганзейскій союзъ еще болѣе, конечно, ее упрочилъ и далъ возможность Гамбургу наравнѣ съ другими многочисленными городами, входившими въ союзъ Ганзы, увеличить свое населеніе и торговлю. (Нелишнимъ считаемъ здѣсь указать, интересующимся исторіей Ганзейскаго союза, на превосходное сочиненіе по этому предмету Сарторіуса, оконченное Лапенбергомъ). Собственно основаніе города Гамбурга относится къ началу IX в. Въ то отдаленное время, само собой разумѣется, не столько приходилось заботиться о развитіи торговли, сколько объ огражденіи городовъ отъ нападеній враждебныхъ сосѣдей, стремившихся въ то время къ наживѣ не путемъ развитія мирной промышленности и торговли, а преимущественно при посредствѣ нечаянныхъ нападеній и грабежа. Характеръ этого времени и указалъ Карлу Великому, тогдашнему владѣтелю Германской Имперіи на необходимость постройки на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшній Гамбургъ, крѣпости для огражденія отъ Вендовъ. Въ 810 г. крѣпость была разрушена Вильками, въ 1150 г. въ Гамбургѣ начала развиваться торговля и городъ былъ возведенъ на степень епископства, подъ зависимостію герцоговъ гомптинскихъ. Около 1180 г. Гамбургъ сдѣланъ временно свободнымъ, а въ 1224 г. освобожденъ окончательно. По заключеніи торговаго договора съ Любекомъ, послужившаго основаніемъ Ганзейскаго союза, Гамбургъ оставался независимымъ даже и по уничтоженіи союза. 1618 г. Гамбургъ формально призпанъ вольнымъ имперскимъ городомъ, а въ началѣ слѣдующаго XVIII столѣтія начались внутреннія смуты, неустройства, прекращенныя уставомъ 1712 г.

Тридцатилѣтняя война доставила городу множество жителей, а союзъ съ Сѣверо-Американцами увеличилъ и распространилъ торговлю. Въ 1810 г. Гамбургъ былъ присоединенъ къ Франціи, но въ 1813 г. всеобщее возстаніе жителей принудило генерала Сенъ-Сира очистить городъ. Хотя генералъ Моранъ и осаждалъ его, но безуспѣшно. Гамбургу пришлось нѣсколько разъ выдерживать нападенія французовъ, пока онъ не былъ освобожденъ русскими войсками—31 мая, 1814 года.

Мѣстоположеніе, занимаемое этимъ городомъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Городъ лежитъ на р. Эльбѣ, въ 18 миляхъ отъ устья рѣки. Онъ, какъ извѣстно, и въ настоящее время на столько же важный торговый пунктъ въ Европѣ, на сколько былъ важнымъ во времена ганзейскаго союза. Развитію его торговой дѣятельности, конечно, очень много способствовало и до сихъ поръ способствуетъ удобство водныхъ сообщеній. Р. Эльба протекаетъ подъ самыми стѣнами города и такъ глубока, что во время прилива большіе нагруженные корабли могутъ пройти по ней въ гавань. Въ Гамбургѣ въ годъ перебываетъ до 5,000 большихъ кораблей, и часто по нѣскольку тысячъ судовъ лежатъ на якорѣ въ его гавани. Въ р. Эльбу кромѣ того впадаютъ многими рукавами маленькія рѣчки Билле и Альстеръ и такимъ образомъ водныя сообщенія еще увеличиваются. Альстеръ составляетъ внѣ города обширный бассейнъ, называемый Aussen Alster, имѣющій сообщеніе съ внутреннимъ городскимъ бассейномъ Binnes Alster и приводитъ въ дѣйствіе водяную городскую мельницу въ ул. Poststrasse. Въ Гамбургѣ считается до 300,000 жителей съ предмѣстьями Св. Георга и Св. Павла. Для торговыхъ кораблей въ немъ устроено нѣсколько пристаней.

Во время половодья, когда всѣ каналы и рѣки быстро наполняются и на волнахъ ихъ всплываютъ безчисленныя суда, лодки, барки, шлюпки, нагруженныя всякими сокровищами міра, въ это время у темныхъ наклоненныхъ фронтоновъ домовъ Гамбурга, выходящихъ на канавы и рѣки, отворяются закрытыя дверцы—цѣпи, гремя и громыхая свѣшивается къ каналу, и тысячи неутомимыхъ рукъ начинаютъ выгружать въ кладовыя произведенія полярныхъ странъ, продукты тропическаго пояса—сокровища обѣихъ Индій.

Дома эти, расположенные столь выгодно для торговыхъ дѣлъ, не имѣютъ красиваго вида, большинство ихъ еще давней и дурной постройки, скучены такъ, что домъ непосредственно примыкаетъ къ дому, но купцы ихъ высоко цѣнятъ и покидаютъ эти почернѣвшіе старые дома, въ которыхъ лѣпится пропасть лѣстницъ и лѣсенокъ—только въ крайнихъ случаяхъ.

Самыя красивыя улицы, окаймленныя прекрасными постройками находятся въ срединѣ города, въ такъ называемомъ Новосельи, созданномъ жестокимъ пожаромъ 5 мая 1842 г. Пожаръ этотъ продолжался три дня, обративъ самое средоточіе могучаго города въ груду пепла. Новоселье дѣлаетъ Гамбургъ блистательнѣйшимъ городомъ въ Германіи. Если смотрѣть сверху, то кажется, что видишь предъ собою городъ изъ замковъ—такъ высоко громоздятся каменныя массы и съ такой прочностію выведены ихъ окна, балконы и крыши.

Блистательный пунктъ опустошеннаго пламенемъ и снова возникшаго изъ него Гамбурга образуетъ бассейнъ Альстера, обрамленный съ трехъ сторонъ рядами дворцовъ альстерской плотины, старой и новой Дѣвичьей дороги. Ни одинъ нѣмецкій городъ не можетъ ничего поставить рядомъ съ Дѣвичьей дорогой. Вечеромъ, когда въ голубыхъ водахъ Альстера отражаются тысячи огней ближайшихъ дворцовъ и ресторановъ, кругомъ слышится пѣніе, музыка, чувствуется веселая жизнь, а на водѣ колеблются щегольскія лодки,—то воображеніе переноситъ далеко, на югъ Италіи, въ Венецію. Вообще эта часть города была бы еще прекраснѣй, если бы вмѣсто квадрата, открытаго къ сѣверу, имѣла видъ полукруга, но вѣроятно этого не сдѣлали при новой постройкѣ, руководствуясь соображеніями полезности.

Гамбургъ не одинъ и тотъ же въ различныхъ частяхъ своихъ, хотя одно и тоже біеніе пульса—торговля оживляетъ его по всюду. Улицы положительно кишатъ торговымъ людомъ, какъ пчелиный улей—пчелами. На улицахъ, постахъ, всюду ревётъ, гудитъ, кричитъ, грохочетъ, шумитъ толпа безъ отдыху и перерыва. Даже внутрь земли пробился торговецъ, чтобы и тамъ, ниже мостовой, на одной высотѣ съ уровнемъ каналовъ въ половодье, вести торгъ и богатѣть барышами съ торга. Нельзя не удивляться, какъ многія тысячи проводятъ жизнь свою въ мрачныхъ погребахъ, гдѣ нѣтъ простору и темно и сыро и, вдобавокъ, дозволеніе обитать въ такомъ пространствѣ стоитъ дорого. Впрочемъ нужно оговориться, что не въ одномъ только Гамбургѣ тысячи семействъ помѣщаются въ такихъ подвалахъ, не мало ихъ и въ нашемъ Петербургѣ, не мало и въ другихъ большихъ городахъ стараго и новаго свѣта.

Теперь Гамбургъ щеголяетъ многими постройками и въ смѣси съ уцѣлѣвшими старыми имѣетъ красивый видъ. Указываемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ. Базаръ Гамбурга представляетъ роскошную галлерею. Изъ памятниковъ замѣчательны обелискъ въ память финансоваго писателя Бюша, Памятникъ Герцогу Голштинскому Адольфу, которому Гамбургъ обязанъ своей свободой. Церковь Св. Николая великолѣпнѣйшее новое зданіе. Англиканская церковь замѣчательна по своей высокой башнѣ и обширнымъ подземельямъ. Городская библіотека имѣетъ до 5,000 рукописей, болѣе 250,000 книгъ и обладаетъ многими рѣдкостями, въ нижнемъ этажѣ зданія библіотеки помѣщается богатый музей естественно-историческій.

Новая биржа—замѣчательное строеніе новой конструкціи. Окруженное аркадами, оно заключаетъ въ себѣ до 20 маклерскихъ и друг. конторъ. въ верхнемъ этажѣ помѣщается коммерческая библіотека въ 30,000 томовъ. По сосѣдству съ биржей находится картинная галлерея, впрочемъ еще только обогащающаяся замѣчательными произведеніями. Противъ биржи помѣщается банкъ. Достойны замѣчанія обсерваторія, школа мореплаванія, ботаническій садъ, имѣющій до 14,000 родовъ растеній, главный госпиталь гамбургскій имѣетъ до 1,000 кроватей. Церковь госпиталя украшена картиной Овербека. На одной изъ улицъ Гамбурга именно Koenigstrasse, стоитъ домъ Клопштока, въ которомъ жилъ поэтъ до дня своей кончины.

Знаменитая торговля Гамбурга, начавшаяся развиваться, какъ сказано выше, при распространеніи въ Германіи вольныхъ городовъ и преимущественно ганзейскаго союза, производится обыкновенно оптомъ. Главными статьями торговли служатъ: строевой лѣсъ, красильное дерево, полотно, пряжа, хлопчатая бумага, сахаръ, кофе, вино, книги. Гамбургъ въ торговомъ отношеніи уступаетъ только Лондону и Ливерпулю. Въ Гамбургѣ живутъ консулы почти всѣхъ государствъ земного шара. Къ нему принадлежитъ гавань кукегафенъ при Нѣмецкомъ морѣ. Взаключеніе присовокупимъ, что въ окрестностяхъ этого города, выше по Эльбѣ удивительно плодородная мѣстность; зна-

чительное количество ея занято земляничными полями, на которыхъ этой ягоды ежегодно собирается на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Ор.

Въ вагонѣ желѣзно-конной дороги.

(Картинка петербургской жизни).

Очередной вагонъ конно-желѣзной дороги, стоящій у Технологическаго института, сбирается тронуться въ путь. Накрапываетъ дождикъ. Первымъ входитъ въ вагонъ отставной военный съ скуластой, мрачной физіономіей и въ очкахъ. Вошелъ, отворилъ окно, сѣлъ, сморщился и, доставъ изъ кармана газету „Голосъ“, крикнулъ:

— Кондукторъ! Скоро-ли тронемся?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! У насъ по положенію... Всего двѣ минуты стоимъ, отвѣчаетъ молодой кондукторъ съ нѣсколько испуганнымъ лицомъ.

— То-то по положенію! Деньги по положенію вы брать умѣете, а исполнять законныя требованія публики не хотите!

— Это ужъ не отъ насъ... пробуетъ оправдаться кондукторъ.

— Ну, ну, не разсуждай! Это тебѣ не къ рылу! обрываетъ его военный и, развернувъ газету, углубляется въ чтеніе.

Вагонъ наполняется быстро. Дождь загоняетъ въ него нѣсколько длиннополыхъ сюртуковъ и чуекъ, обыкновенно охотно ѣздящихъ не внутри, а на имперіалѣ. Вошла рыхлая, барыня въ шапочкѣ и пестромъ клѣтчатомъ платкѣ, лизнула нѣсколько разъ языкомъ губы, и ни къ кому особенно не обращаясь, спросила:

— А до Смольнаго меня не довезутъ?

— За деньги, сударыня, хоть на тотъ свѣтъ довезутъ, откликнулась какая-то полупьяная, краснолицая чуйка въ картузѣ и съ носомъ луковицей. Сейчасъ какъ выйдете, извощика цыпъ, цыпъ, цыпъ! онъ васъ за двугривенный къ Смольному и предоставитъ.

— Нѣтъ, я про этотъ вагонъ спрашиваю.

— А этотъ только до Воскресенскаго моста и довезетъ. Слишкомъ жирно отправлять его нарочно для вашей чести и подъ Смольный!

— Молчи, Тихонъ Калинычъ! Держи себя въ деликатной струнѣ, коли съ господами сѣлъ, останавливаетъ чуйку сидящій съ нимъ рядомъ товарищъ и обнимаетъ его за шею, какъ бы стараясь удержать отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Намъ господа разницы не составляютъ. За свой грошъ каждый хорошъ! кряхтя бормочетъ чуйка.

Бокъ о бокъ съ отставнымъ военнымъ помѣстился длиннополый сюртукъ съ постнымъ лицомъ и бородой клиномъ, глубоко вздыхаетъ и наконецъ начинаетъ заглядывать въ его газету, шепотомъ читая что-то по складамъ. Военный отрывается отъ чтенія и строго взглядываетъ на него.

— Почтенный! коли ужъ сѣлъ, то сиди смирно! восклицаетъ онъ.—Нечего кирилицу-то свою тутъ шептать!

— Да я, ваше высокоблагородіе и такъ смирно...

— Какъ же смирно, коли ты шепчешь и дышешь на меня чеснокомъ и лукомъ. Смотри: весь вагонъ провонялъ.

Длиннополый сюртукъ конфузится.

— Это ужь сударь отъ Бога... говоритъ онъ.—Нонѣ день постный. И всего-то я вотъ эдакую головку да два-три перышка...

— Два-три перышка! передразниваетъ его военный. Кто хочетъ ѣздить въ общественныхъ экипажахъ, тотъ долженъ воздерживаться отъ луку и чесноку. Ѣшь по постамъ кашу, что-ли.

— Ваше благородіе, а отъ водки слѣдуетъ воздерживаться? привязывается къ нему чуйка.

— Дуракъ!

— Дуракъ-то, сказываютъ, индѣйскій пѣтухъ, а у насъ взамѣсто перьевъ божій волосъ растетъ.

— А вотъ высадить тебя, такъ и будешь знать!

— Зачѣмъ высаживать? Мы и сами около Пушечнаго двора выйдемъ.

— И удивительно, какъ это сюда пьяныхъ впускаютъ! замѣчаетъ рыхлая барыня.

— Ой? будто ужъ и пьяныхъ? А коли мнѣ, можетъ, самъ военный генералъ изъ своихъ собственныхъ ручекъ поднесъ, да еще чокнулся, да сказалъ: „пей, Тихонъ Калиновъ, за мое здоровье!“ не унимается чуйка.—Неушто передъ генераломъ дерзость свою дѣйствовать, ежели онъ требоваетъ? Вы что: вы, можетъ, повивальную бабку изъ себя составляете, а онъ генералъ и въ эполетахъ!

Углубившійся было въ чтеніе военный опять вздрагиваетъ и опускаетъ на колѣни газету.

— Фу ты, пропасть! восклицаетъ онъ.—Третій разъ начинаю читать рѣчь Биконсфильда и все не могу кончить.—Послушай, обращается онъ къ пьяному: ежели ты сейчасъ не замолчишь, то я не дожидаясь кондуктора и городового, самъ собственноручно тебя въ шею вытолкаю!

— Мерси вамъ, благодаритъ военнаго рыхлая барыня.

Чуйка присмирѣлъ.

— Что, братъ, умыли? поддразниваетъ его сидящій напротивъ молодой человѣкъ въ поярковой шляпѣ и обратясь къ своей сосѣдкѣ, молоденькой дѣвушкѣ съ картонкой въ рукахъ, говоритъ:—Совсѣмъ нынче нельзя прекрасному полу выходить одной безъ провожатаго.

— Да-съ. Особливо по Невскому вечеромъ ужасти какъ хватаются, отвѣчаетъ та. У насъ вчера одна дѣвушка за прикладомъ отъ нашей мадамы бѣгала, такъ съ нее чуть платокъ не сорвали. Все такое головное воображеніе имѣютъ, что будто какая-нибудь идетъ.

— А вы тоже отъ мадамы?

— Да-съ. Я къ одной полковницѣ платье везу. Мы имъ передъ разставляли и бахрому снимали по послѣднему журналу.

— А гдѣ эта полковница живетъ? допытывается кавалеръ.

— Въ Моховой-съ. Мнѣ около Симеона сходить.

— Ну, значитъ намъ по дорогѣ. Вотъ и отлично: я васъ провожу.

— Ахъ нѣтъ, вѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! испуганно произноситъ дѣвушка. Тамъ у меня тетенька живутъ и онѣ съ одного въ лавочку и изъ лавочки болтаются. Бѣда ежели увидятъ!

— Но ежели я учтивымъ образомъ и безъ нахальныхъ маперъ?..

— Все равно мнѣ попадетъ, потому что онѣ до страсти мнительны. Даже и въ Прикащичій клубъ не велятъ ходить. Разъ мнѣ одна знакомая покойница шарфикъ подарила, и то онѣ меня три дня ругали, думали что кавалеръ.

Молодой человѣкъ незамѣтно опускаетъ руку за спину дѣвушки и старается пожать ее за локоть. Полупьяная чуйка пристально смотритъ на него и говоритъ:

— Ты давѣ, бариъ, супротивъ меня орудовалъ, а самъ теперь чего къ дѣвушкѣ-то подъѣзжаешь?

— У тебя, любезный, кажется въ глазахъ двоится, конфузливо бормочетъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, не двоится. Я самъ сейчасъ видѣлъ, какъ ты ее наровилъ тронуть. А еще баринъ! Нѣтъ, я хоть мужикъ-мужикъ, а одначе до своей сосѣдки касательства никакого не сдѣлалъ, а сижу солидарно и безъ искушенія. Эва, около меня какая глыба сидитъ, а я ни Боже мой!..

— Послушай, мужикъ ты эдакій! вспыхиваетъ рыхлая дама. Да какъ ты смѣешь такія слова говорить!..

— Что-жь, я на счетъ прозрачности... Я хвалю ваше здоровье, а не хулю! Да коли бы ежели у меня такая жена!..

— Однако, это ужъ ни на что не похоже! вскрикиваетъ изъ угла вагона до сего времени молчавшій бородатый господинъ въ цилиндрѣ и машетъ рукой съ газетой.—Кондукторъ! Выведи вонъ этого скота! кричитъ онъ, указывая на чуйку. Онъ къ женщинамъ привязывается.

— Не я къ ней привязываюсь, а она сама меня задѣваетъ. Давеча пьяницей обозвала, откликается чуйка. Опять же зонтикомъ по ногѣ три раза...

— Я тебя зонтикомъ по ногѣ?.. Да ты и умъ-то пропилъ! вопитъ барыня.—Господинъ офицеръ, Бога ради, уберегите меня отъ этого мужлапа! проситъ она.

— Четвертый разъ на Биконсфильдѣ!.. бросаетъ газету военный и кричитъ, сжимая кулакъ, на чуйку:—Вонъ пошелъ! Сію минуту вонъ пошелъ! Кондукторъ, тащи его вонъ!

Бородатый господинъ изъ угла вагона грозитъ чуйкѣ палкой. Подходитъ и кондукторъ.

— Послушай, землякъ: безобразно!.. Иди вонъ, коли тебя господа честью просятъ! говоритъ онъ и беретъ его за плечи.

— Вонъ! Вонъ его! требуютъ остальные пассажиры.

Товарищъ чуйки проталкиваетъ его въ двери вагона.

— Пойдемъ, Тихонъ Калинычъ, на тратуарѣ-то лучше. Тамъ по крайности въ стеклянную библіотеку можно зайти! уговариваетъ онъ его. Только легче, легче сходи съ приступочки-то!

Хмѣльная чуйка прыгаетъ на всемъ ходу изъ вагона, но, не удержавшись на ногахъ, растягивается на мостовой.

Н. Лейкинъ.

Вильгельмъ I. Императоръ Германскій.

Нынѣшній императоръ Германіи Вильгельмъ I родился въ 1797 г. 22 марта, слѣдовательно державному старцу уже минулъ 81 годъ отъ рожденія. По старшинству возраста изъ Европейскихъ государей Императора Вильгельма превосходилъ только покойный папа Пій IX, которому было 85 лѣтъ отъ рожденія. Императоръ Вильгельмъ—сынъ короля Фридриха Вильгельма III и принцессы Мекленбургъ-Стрелицкой. Съ ранней юности будущій императоръ сталъ обнаруживать блестящую храбрость и превосходныя качества души. Въ Германскомъ народѣ имя этого государя въ высшей степени популярно, и про него существуетъ столько же легендъ, сказаній, анекдотовъ, сколько, напримѣръ, въ нашемъ народѣ ходитъ сказаній про Императора Александра I. Нѣмецкія иллюстрированныя многочисленныя изданія уже успѣли воспроизвесть многія изъ черть этого государя, событія изъ его жизни, когда онъ былъ еще принцемъ. До 1858 г. (до 9 окт.) въ Пруссіи былъ королемъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, старшій братъ Вильгельма. При немъ разразилась извѣстная мартовская революція въ Берлинѣ; во время этихъ странныхъ бурныхъ дней будущій императоръ Германіи обнаружилъ столько же мужества, твердости, хладнокровія, сколько прозорливости и благоразумія. Тогда-то особенно обнаружилась его реальная высокодаровитая природа, въ противоположность романической и мечтательной природѣ

Передъ купаньемъ. Картина Маньяна, грав. Даміано.

Кукушка въ гнѣздѣ Трясогузки. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

его брата Фридриха Вильгельма IV, которому онъ часто помогалъ своими практическими совѣтами.

Въ 1858 г. короля Фридриха Вильгельма IV постигла душевная болѣзнь, отъ которой онъ уже до самой смерти не оправился. Учреждено было регентство, и регентомъ Пруссіи былъ назначенъ принцъ Вильгельмъ. 2 года спустя, именно 2 января 1861 г., Фридрихъ Вильгельмъ IV скончался и Вильгельмъ вступилъ на королевскій прусскій престолъ подъ именемъ Вильгельма I. Всѣмъ извѣстно, что ровно 10-ть лѣтъ спустя послѣ этого послѣдовало мировое событіе—образованіе Германской имперіи, какъ естественный результатъ соединенія всего нѣмецкаго племени подъ одно знамя для борьбы съ французскимъ шовинизмомъ, остаткомъ бонапартовской системы завоеваній. Извѣстно всѣмъ, что Франція была поражена страшно и глубоко, и германская имперія возникла сама уже собою какъ бы по вдохновенію, вслѣдствіе упоенія величавыми побѣдами, какъ противовѣсъ бывшей шовинистской имперіи французовъ.

Эти лавры блестящихъ побѣдъ раздѣлялъ съ маститымъ королемъ и его сынъ Фридрихъ Вильгельмъ (наслѣдный принцъ) родившійся въ 1831 г. 18 октября. Вслѣдствіе необыкновенныхъ воинскихъ дарованій, обнаруженныхъ принцемъ уже въ ранній періодъ, онъ былъ возведенъ въ достоинство фельдмаршала. Во время австро-прусской войны принцъ впервые развернулъ во всей широтѣ свои военныя дарованія.

Дѣлая сравненіе царствованія императора Вильгельма съ его предшественниками (королями Пруссіи), нужно сказать, что начиная со времени Фридриха II, въ Германіи не существовало правительства, которое было бы столь плодотворно для развитія народа и вмѣстѣ для государственнаго преуспѣянія, какъ именно правительство современнаго намъ Германскаго императора Вильгельма. Но о Фридрихѣ II вставки нужно замѣтить, что, при всемъ своемъ геніи, этотъ великій государь былъ жестокъ, прихотливъ и деспотиченъ. Отъ деспотическихъ прихотей Фридриха II его собственные подданные страдали ни сколько не менѣе, чѣмъ даже ожесточенные его враги. Теперешнему же императору Германіи уже ни въ какомъ случаѣ нельзя сдѣлать малѣйшаго упрека въ деспотизмѣ или произволѣ. Напротивъ, императоръ искренно и глубоко любитъ свой народъ и самъ онъ въ высшей степени заслужилъ любовь народную. Созданіе *единой* Германской имперіи, совершившееся на нашихъ глазахъ, правда, нельзя считать безусловно дѣломъ императора Вильгельма. Этотъ великій подвигъ нужно отнести въ значительной степени на долю Бисмарка и Мольтке. Но въ этомъ же дѣлѣ императору Вильгельму принадлежитъ та громадно важная заслуга (какая рѣдко принадлежитъ въ такой степени главѣ государства), что онъ превосходно умѣлъ воспользоваться дѣятельными силами, не раздробляя этихъ силъ и не противопоставляя ихъ одна другой, чтобы тѣмъ легче обладать надъ ними. Напротивъ, императоръ Вильгельмъ всегда старался взаимно сблизить силы дѣятелей, чтобы тѣмъ легче обезпечить за ними достиженіе общегосударственной цѣли. При этомъ у дѣятелей развивались одинаковая ревность и преданность престолу, одинаковое величіе характера и непоколебимая вѣрность долгу. Вотъ и эта-то рѣдкая самодержавная особенность дѣлала и дѣлаетъ Вильгельма Императоромъ образцовымъ.

Помѣщая на страницахъ „Нивы“ портретъ этого всѣми уважаемаго маститаго монарха, считаемъ нужнымъ напомнить, что подробности злодѣйскаго покушенія на его жизнь помѣщены нами въ № 24 Нивы. Здѣсь же мы можемъ сообщить къ удовольствію всѣхъ искренно уважающихъ достоинства и заслуги царственнаго старца, что здоровье его въ настоящее время находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи.

Въ заключеніе нашей статьи считаемъ, впрочемъ, необходимымъ привести здѣсь слова послѣдней телеграммы, извѣщающей о ходѣ выздоровленія Императора:

Берлинъ, 6 (18) іюня, вторникъ, вечеромъ. Врачи, пользующіе императора Вильгельма, обнародовали слѣдующее объявленіе, въ дополненіе издававшихся бюллетеней и для устраненія распространившихся толковъ:

„Хотя ходъ заживленія ранъ и общій ходъ болѣзни императора и оказался, противъ ожиданія, благопріятнымъ, однако, основанное на этомъ ожиданіе полнаго выздоровленія, предстоящаго, будто бы, въ самомъ непродолжительномъ времени, повидимому, не можетъ, къ сожалѣнію, считаться, при данныхъ обстоятельствахъ, основательнымъ. Императору не только приходится тяготиться безпомощнымъ состояніемъ, причиною котораго служитъ невозможность дѣйствовать обѣими руками, но и вообще полное возстановленіе силъ его можетъ быть достигнуто лишь послѣ долгаго времени; да и на пути къ выздоровленію могутъ еще оказаться нѣкоторыя затрудненія, которыя, какъ можно надѣяться, будутъ преодолѣны хотя и счастливо, однако не безъ трудности для паціента“.

Передъ купаньемъ.

(Картина Маньяна).

Посредственные художники, и въ особенности, наши русскіе, выступая на поприще художественной дѣятельности главнымъ образомъ заботятся о выборѣ для своихъ произведеній „хорошихъ сюжетовъ“, разсматривая выполненіе картины, какъ уже только необходимую принадлежность сюжета. Если же при этомъ художнику удалось прочитать на своемъ вѣку кой что „изъ журналовъ“ да кой что изъ рифмованной прозы „о народномъ горѣ“, то такой художникъ въ простотѣ душевной кладетъ всѣ свои заботы на служеніе „народу“ и начинаетъ малевать картины обличительнаго содержанія: то онъ изображаетъ горе крестьянской семьи, у которой пала послѣдняя корова, причемъ трупъ этой павшей коровы преподносится зрителю на первомъ планѣ картины, то онъ представляетъ немилосерднаго старосту и сотскихъ во время сбора податей съ крестьянъ, причемъ староста и сотскій непремѣнно жирные и сытные люди, а подчиненные имъ собраты — оборванные истомленные нуждой.

Все это, конечно, бываетъ въ жизни и можетъ быть избрано сюжетомъ для картины, тогда только конечно и достойной вниманія, когда „сюжетъ“ ея вѣренъ жизни. Съ этимъ не могутъ, разумѣется, не согласиться художники „обличители“. Но вотъ въ чемъ задача: нужно чтобы избранный сюжетъ былъ живой не только по замыслу, но чтобы въ каждой чертѣ картины, въ каждой складкѣ платья, въ каждомъ движеніи (не говоримъ уже о лицахъ) — вездѣ бы была живая сила, увлекающая зрителя и представляющая ему не только то подобіе жизни, которое задумалъ художникъ изобразить въ своей картинѣ, но ту самую жизнь со всѣми ея душевными движеніями. Вотъ объ этомъ то и забываютъ посредственные художники, увлекаясь лишь одними сюжетами, а не исполненіемъ ихъ. Кромѣ того, разумѣется, нельзя не имѣть въ виду того, что въ искусствѣ есть свои законы, переходить которые нельзя безнаказанно, и то, что въ жизни дѣйствительной можетъ казаться живописнымъ,— въ картинѣ можетъ быть вовсе никуда не годнымъ. Слѣдовательно, мало того, чтобы „зарядиться“ народнымъ горемъ и изображать его въ видѣ павшей коровы, вокругъ которой сидитъ, горюя, крестьянская семья, нужно еще кромѣ этой сцены (увы часто и весьма часто дѣйствительной) нужно еще возсоздать сюжетъ въ художественной формѣ, нужно изобразить его не только такъ, чтобы онъ былъ вѣренъ жизни, но еще и такъ, чтобы онъ имѣлъ свою особую, художественную жизнь.

Все это мы считали нужнымъ высказать по поводу помѣщенной въ этомъ номерѣ „Нивы“ картины Маньяна Посмотрите, много-ли въ ней сюжета: всего то только и есть, что молодая особа собирается купаться. Но какъ этотъ сюжетъ выполненъ, какъ прочувствована въ немъ каждая черта, каждая складка на платьѣ фигуры, не говоря уже о выраженіи лица. Оказывается, что главное—то въ картинѣ не одинъ только сюжетъ, а и выполненіе его и замѣчательно, выполненіе не только въ смыслѣ реальности, но еще, главнѣе всего, вѣрное въ художественномъ смыслѣ. То есть, необходимо сюжетъ прочувствовать, такъ сказать выносить его въ своей душѣ и возсоздать потомъ въ картинѣ. Это возсозданное въ картинѣ будетъ, понятно, взято изъ жизни, будетъ представлять жизнь, но уже не простую съ нея фотографію, а нѣчто новое живое и самостоятельное, родившееся въ душѣ художника. Если художникомъ не будетъ положено всей души въ это выполненіе сюжета для совершеннѣйшаго его оживотворенія, то картина его будетъ удовлетворять только низменнымъ вкусамъ публики.

Помѣщаемая въ этомъ номерѣ „Нивы“ картина Маньяна даетъ, удобный случай выставить на видъ „посредственнымъ“ художникамъ, что главное въ картинѣ не сюжетъ, а отношеніе къ нему художника, его внутренній міръ. Понятно, каковъ міръ у художника, таковы и его произведенія.

Кукушка въ гнѣздѣ Трясогусни.

Каждый изъ насъ знаетъ кукушку, хотя рѣдко кто ее видитъ. Забравшись въ густую вершину высокихъ деревъ, она остается незамѣченной и только отрывистый громкій крикъ ея отчетливо разносится по лѣсу. Простой народъ называетъ кукушку вѣщей и вѣритъ, что кукушка не вьетъ своего гнѣзда съ того времени, какъ однажды занялась его работой въ день праздника Благовѣщенія. Среди народа сложилось и мнѣніе, будто кукушка можетъ предсказывать число лѣтъ жизни того, кто ее объ этомъ спроситъ.

— Кукушка, кукушка, сколько я лѣтъ проживу? обращаются къ ней.

Случается, что вслѣдъ за такимъ обращеніемъ кукушка начнетъ куковать, да вдругъ остановится, а потомъ опять продолжаетъ свои крики и ведетъ ихъ съ перерывами. Извольте тутъ понимать, что это значитъ. Случается и такъ, что за вопросомъ кукушка какъ закукуетъ, да такъ и не останавливается.

— Ну, не сто же лѣтъ я проживу, замѣчаетъ спрашивавшій, теряя вѣру въ справедливость отвѣтовъ кукушки.

Кукушка, какъ замѣчено выше, не имѣетъ гнѣзда и не даромъ ее зовутъ „бездомная лѣнивица“; но нужно сказать, что не одна только кукушка отличается наклонностями—воспользоваться безъ труда чужимъ гнѣздомъ. Въ мірѣ насѣкомыхъ и въ мірѣ птицъ встрѣчаются такія, которыя тоже не имѣютъ своихъ гнѣздъ и занимаютъ жилища, отнятыя ими у законныхъ ихъ владѣльцевъ. Иныя насильно овладѣвъ чужимъ жилищемъ, водворяются въ немъ, другія занимаютъ покинутыя гнѣзда ка-

кого-либо животнаго и поселяются въ немъ, не измѣняя его ни сколько, или же дѣлая кой-какія приспособленія для своего удобства. Наконецъ есть такія птицы, которыя отыскиваютъ чужія гнѣзда лишь для того, чтобы въ нихъ положить свои яйца и скрыться, оставивъ нхъ на попеченіе владѣльцевъ гнѣзда. Къ таковымъ относится и кукушка, занимающая первое мѣсто въ ряду такъ называемыхъ паразитныхъ птицъ. Такія паразитныя птицы, какъ сказано выше, вовсе не строятъ гнѣздъ, а прямо кладутъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ и такимъ образомъ навязываютъ другимъ заботу прокормленія и воспитанія своего птенца. Зачастую выведенная кукушка бываетъ неблагодарна за добро, которое ей дѣлають и безсовѣстно выкидываетъ изъ гнѣзда другихъ птичекъ, чтобы ей одной безраздѣльно получать весь кормъ приносимый ихъ родителями, ея воспитателями. Обыкновенно въ этомъ случаѣ кукушка употребляетъ такой маневръ: забьется подъ котораго нибудь изъ птенцовъ, удержитъ его у себя на спинѣ, да подвинувшись къ краю гнѣзда и вышвырнетъ вонъ. Впрочемъ при избыткѣ корма злой питомецъ остается покойнымъ, хотя и не преминуетъ всегда высовываться первымъ за полученіемъ пищи. Кукушка мать, положивъ яйцо въ гнѣздо какой-нибудь птицы, кормъ которой соотвѣтствуетъ ея корму (обыкновенно въ гнѣзда пзеврицъ, крапивниковъ, трясогусокъ), кукушка наблюдаетъ, будетъ ли насиживать ея яйцо та птица, въ гнѣздѣ которой оно положено. Если случится такъ, что хозяйка гнѣзда замѣтитъ чужое яйцо (а это иногда случается) и не будетъ его высиживать, то кукушка, воспользовавшись новымъ удобнымъ случаемъ, унесетъ свое яйцо въ клювѣ и положитъ его въ другое, тоже, конечно, чужое гнѣздо. Молодая кукушка выходитъ изъ яйца очень слабой, но она замѣтна по своей уродливо-толстой головѣ и большимъ выдающимися глазамъ и чрезвычайно быстро растетъ.

Вообще кукушки безпокойныя птицы, но въ тоже время робкія, избѣгающія общества какъ себѣ подобныхъ, такъ и другихъ птицъ. Только во время кладки яицъ самка дѣлается смѣла и ловко отыскиваетъ подходящее гнѣздо, въ которое она можетъ снесть свое яйцо. Каждый самецъ кукушки обыкновенно выбираетъ себѣ участокъ, въ которомъ не позволяетъ селиться другому самцу. Если кукушку вытѣснить изъ ея лѣсного участка, въ которомъ она имѣетъ свое постоянное мѣстопребываніе и оглашаетъ воздухъ своимъ негармоническимъ „ку-ку“, то она ни въ какомъ случаѣ не оставитъ своего побѣдителя въ покоѣ. Она непремѣнно поселится гдѣ нибудь по близости и будетъ надоѣдать своему побѣдителю ежедневными драками. Иной разъ побѣдитель, сильный настолько, чтобы овладѣть чужимъ участкомъ лѣса для распѣваній своихъ „ку-ку“, оказывается слабымъ въ перенесеніи ежедневныхъ дракъ съ побѣжденнымъ—и оставляетъ завоеванный участокъ. Наблюдая за такими враждебными отношеніями одной кукушки къ другой, невольно приходитъ на мысль сравненіе ихъ жизни съ жизнію двухъ людей подобнаго нрава.

— Ужь если тебѣ удалось меня съ мѣста сжить, то ужь я-же тебѣ за это отплачу: по—ко—ю тебѣ не дамъ, я тебѣ—ѣ отплачу, я тебѣ... Да чтобъ мнѣ ни дна, ни покрышки, да чтобъ я сдохла, ежели я тебѣ не отплачу...

Такъ завываетъ, причитая, какая-нибудь „приживалка“, обиженная другой, ей подобной, и начинаетъ вслѣдъ за симъ мстить ей неустанно, подобно тому, какъ мститъ кукушка своему врагу и кончается, наконецъ, дѣло тѣмъ, что „приживалка“, овладѣвшая мѣстомъ своей соперницы, оставляетъ его.

— Да чортъ съ ней, прости меня Господи, лучше я отъ нее отъ вѣдьмы, уйду и отъ грѣха дальше: вѣдь покою нѣтъ ни день, ни ночь!..

Подобно этому думаетъ, вѣроятно, и кукушка, истомленная, наконецъ, преслѣдованіемъ своей соперницы.

Питаются кукушки насѣкомыми, преимущественно волосистыми гусеницами и своимъ ненасытнымъ желудкомъ оказываютъ пользу лѣсамъ, избавляя ихъ такимъ образомъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. На зиму кукушки изъ нашихъ холодныхъ странъ улетаютъ. Кукушка обыкновенная, или вѣщая (Cuculus canorus) сѣраго цвѣта, сверху темнѣе и съ темными поперечными полосками. У годовалой самки спинка буровато-красная. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что кукуютъ только самцы, а самки-кукушки издаютъ какіе-то особенные звуки. Длина кукушки доходитъ до 14 дюймовъ.

Рисунокъ, приложенный въ этомъ № „Нивы“, представляетъ кукушку въ гнѣздѣ трясогузки.

Семейство трясогузокъ не слишкомъ богато видами. Но всѣ онѣ отличаются чрезвычайно стройнымъ тѣломъ. Самый извѣстный видъ ихъ есть *простая* или *бѣлая* трясогузка (Motacilla alba) достигающая 7½ дюйм. длины. На верхней сторонѣ она сѣрая, задняя часть шеи и затылокъ бархатисто-чернаго цвѣта, горло, глотка и верхняя часть груди черныя, вся нижняя часть бѣлая (Брэмъ, „Ил. Жизнь Живот.“ т. II). Въ Старомъ свѣтѣ трудно найти мѣстности, гдѣ бы не водились трясогузки. У насъ онѣ перелетныя птички.

Трясогузки отличаются необычайной живостью. Онѣ рѣзвы, безпокойны и молча ни минуты не посидятъ неподвижно. Все время птичка бѣгаетъ, вертится на мѣстѣ, а если остановится, то хоть хвостикомъ двигаетъ. Только во время пѣнія и успокоивается. Желая спуститься на землю, она быстро бросается внизъ и надъ самой землей распускаетъ хвостикъ, чтобы ослабить силу паденія. Летаютъ трясогузки быстро, легко и также ловко и проворно бѣгаютъ.

Большинство трясогузокъ охотно строятся по близости людскихъ жилищъ и своей миловидностью и уживчивостію располагаютъ къ себѣ людей. Пѣніе ихъ не особенно хорошо и этимъ онѣ спасаются отъ неволи. Обыкновенная трясогузка любитъ общество себѣ подобныхъ, но также не прочь и подраться, играя и гоняясь одна за другой.

Самая красивая и миловидная изъ семейства трясогузокъ *горная* или *сѣрая*. Зайдетъ она въ воду въ мелкомъ мѣстѣ и старается какъ бы ей не вымочиться и качается, ходя, точно танцовщица какая. Нельзя не пожалѣть, что къ этимъ маленькимъ птичкамъ кладутъ свои яйца кукушки, навязывая имъ вскормленіе своихъ дѣтей на погибель ихъ собственныхъ птенчиковъ. Z.

Парижская Всемірная выставка.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ, изображающій видъ Канадскаго отдѣла на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ, заслуживаетъ по нашему мнѣнію вниманія по своей оригинальности и живописности.

Продолжая такимъ образомъ помѣщать рисунки и статьи, дающіе въ совокупности полное понятіе о Парижской всемірной выставкѣ и надѣясь помѣщать ихъ въ слѣдующихъ номерахъ „Нивы“ по мѣрѣ возможности, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о Канадскомъ отдѣлѣ, не на столько, конечно, значительномъ, сколько интересномъ по своей оригинальности. Но прежде чѣмъ сказать о немъ нужно замѣтить, что часть галлереи на право отъ главнаго входа, ведущая во дворецъ на Марсовомъ полѣ, занята Индійскимъ отдѣломъ, замѣчательнымъ богатствомъ и изяществомъ выставленныхъ предметовъ, большая часть которыхъ, замѣтимъ, составляетъ собственность принца Уэльскаго. Тутъ красуются и прельщаютъ собою золотыя, серебряныя вещи, золотыя ткани, жемчуги, брильянты и дорогое оружіе. За этимъ богатствомъ, заключающимся въ Индійскомъ отдѣлѣ, идетъ отдѣлъ Канадскій. Нагляднѣе будетъ сказать, что тутъ идетъ рядъ фасадовъ, начиная отъ архитектуры замковъ временъ Елисаветы и Стюартовъ до современнаго коттеджа. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія образчики архитектуръ англійскихъ колоній, изъ которыхъ фасадъ Канады не лишенъ оригинальности. Читатель можетъ въ этомъ наглядно убѣдиться: приложенный рисунокъ даетъ точное представленіе его вида.

Первою мыслію англичанъ было взять образцомъ для своего фасада ту часть зданія парламента, которая обращена на Темзу, но впослѣдствіи разочли, что точное воспроизведеніе этой затѣйливой архитектуры будетъ стоить очень дорого, а потому и порѣшили выстроить рядъ павильоновъ, какъ для Соединеннаго королевства, такъ и для колоній.

Находятъ, что съ этнографической точки зрѣнія это даже разумнѣе, ибо большинство публики болѣе заинтересуется незнакомыми образцами Индіи или Канады, чѣмъ видомъ хотя бы и роскошнаго воспроизведенія стиля, но такого, который можно встрѣтить въ Европѣ.

Канадскій фасадъ имѣетъ форму башни съ высоко вздымающейся кровлей. Въ срединѣ базы (основанія) занимающей пространство въ 10 квад. метр., находится самая большая часть сруба, высотой болѣе 30 метровъ. Башня имѣетъ 4 этажа. Въ первомъ изъ нихъ заключаются мануфактурныя произведенія, тогда какъ три остальные включаютъ естественныя произведенія царства минералогіи и царства лѣсовъ.

Лѣсистыя страны болѣе или менѣе навезли сюда все, что ихъ лѣса представляютъ самаго интереснаго.

Можно только упрекнуть, что образцы эти не совсѣмъ выгодно выставлены и искатель интереснаго останется не совсѣмъ доволенъ, изучая различные образцы.

Канада, напротивъ, руководилась другой мыслію, она воспользовалась дарами своей природы, такъ, какъ они заслуживаютъ, и лѣса, употребленные на постройку фасада, просто покрыты лакомъ, такимъ образомъ, что лѣсоводу представляется полная возможность видѣть и даже сосчитать въ каждомъ деревѣ количество его слоевъ.

Любители могутъ изучать роды деревьевъ, составляющихъ лѣса Канады, между которыми отмѣчаемъ слѣдующіе: красная сосна, ясень, мало у насъ извѣстная а у жителей Канады составляющая великолѣпные лѣса, какіе только можно видѣть; извѣстный американскій черный орѣшникъ, который также одинъ изъ царей канадскихъ лѣсовъ; камедное дерево, кедры, пихта и т. д.

Домъ, въ которомъ происходятъ засѣданія Европейскаго конгресса въ Берлинѣ.

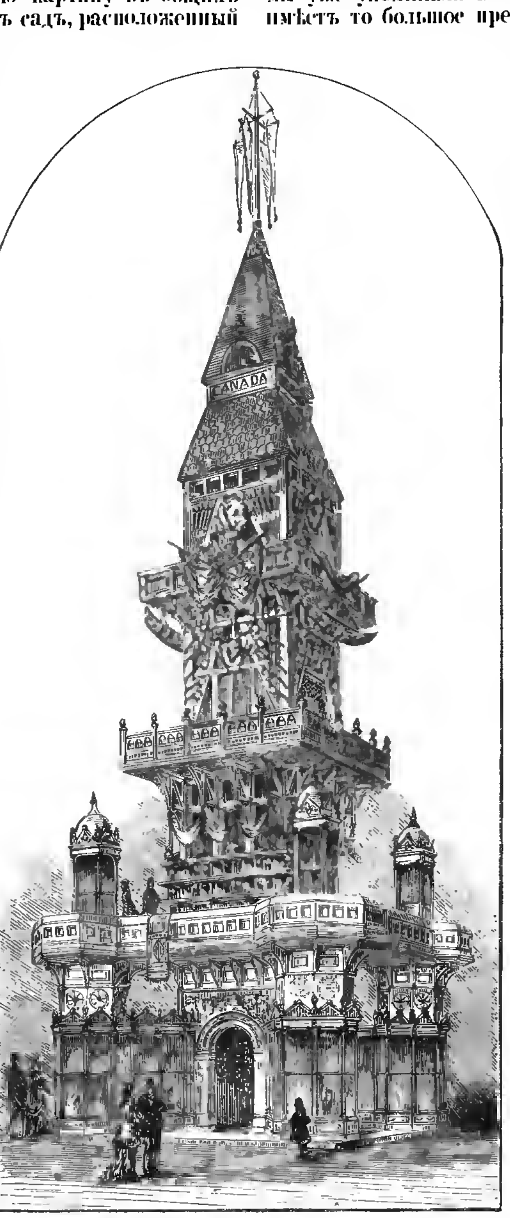
Въ одномъ изъ нашихъ послѣднихъ политическихъ обозрѣній мы уже имѣли случай упомянуть въ общихъ чертахъ о помѣщеніи, въ которомъ происходитъ въ настоящее время знаменитый Берлинскій конгрессъ, собравшій въ свой составъ всѣхъ знаменитостей Европы и имѣющій предсѣдателемъ величайшаго

государственнаго человѣка нашего времени, управляющаго судьбами народовъ—князя Бисмарка. Теперь, по поводу помѣщаемаго нами рисунка, мы должны поговорить нѣсколько подробнѣе о помѣщеніи, въ которомъ происходятъ совѣщанія конгресса.

Домъ, гдѣ происходятъ засѣданія европейскаго конгресса—это бывшій домъ Радзивила, превращенный потомъ въ дворецъ имперскаго канцлера, князя Бисмарка. Одна часть этого дома выходитъ на обширный паркъ, самый лучшій видъ на который открывается съ крытаго стекляннаго балкона. О положеніи парка относительно зданія читатель можетъ судить изъ прилагаемаго рисунка.

Въ иностранныхъ газетахъ по настоящее время зала засѣданій конгресса описана уже отчетливо и со многими подробностями. Мы суммируемъ здѣсь лишь общую картину въ общихъ чертахъ. Какъ только посѣтитель минуетъ садъ, расположенный у передней части дома Радзивила или дворца имперскаго канцлера, то идя влѣво, онъ достигнетъ великолѣпнаго боковаго портала, мраморная лѣстница котораго устлана дорогими коврами. Лѣстница эта ведетъ въ залы засѣданій конгресса. *Первая* изъ комнатъ (или отдѣленій общей обширной залы, которую встрѣтилъ бы посѣтитель, взойдя по лѣстницѣ), это такъ называемая „сторожевая" (дежурная) комната. Эта комната богато украшена пурпуровыми коврами, основный фонъ которыхъ прошитъ изящными золотыми полосками. Мебель здѣсь проста, но весьма изящна; письменные столы палисандроваго дерева. За симъ, сквозь бѣлыя створчатыя двери посѣтитель входитъ въ комнату *для объясненій и пріема*, такъ сказать, дипломатическую гостиную князя Бисмарка. Стѣны здѣсь украшены дорогою рѣзьбою, полъ снабженъ изящнымъ паркетомъ, потолокъ покрытъ богатыми арабесками, невольно приковывающими глаза. Мебель здѣсь самаго чистаго новѣйшаго стиля, обита пурпуровымъ бархатомъ. Украшеніе комнаты дополняетъ огромное зеркало; на ослѣпительномъ алебастровомъ консолѣ этого зеркала стоятъ въ черной оправѣ часы. Вотъ въ этой-то залѣ Германскій канцлеръ принималъ дипломатическихъ представителей всѣхъ европейскихъ державъ, собиравшихся на конгрессъ и, принявъ ихъ здѣсь со всѣми подобающими церемоніями, предписываемыми этикетомъ, препровождалъ ихъ въ самую залу общихъ засѣданій конгресса. Эта общая конгрессная зала представляетъ внушительные размѣры: 12 метровъ высоты, 16 ширины и 19 длины. На каждой сторонѣ, соотвѣтствующей линіи длины, имѣетъ она по 3 окна, украшенныя красными камчатными гардинами и снабженныя бѣлыми богато вышитыми занавѣсами. Съ великолѣпно орнаментированнаго и украшеннаго тамъ и сямъ проходящими золотыми линіями потолка спускается тяжелая позолоченная люстра, имѣющая форму вѣнца и дающая свѣтъ въ 105 газовыхъ рожковъ. По. кромѣ этой люстры, на стѣнахъ залы находятся еще канделябры, такъ что освѣщеніе залы вечеромъ можно смѣло принять въ 205 рожковъ газа. Фризъ, на который опирается потолокъ, украшенъ превосходными арабесками, напоминающими до поразительнаго сходства кардинальскія шапки. Съ обѣихъ сторонъ залы, налѣво, двое дверей ведутъ въ двѣ комнаты, которыя мы описали выше (т. е. дежурную и пріемную). *Направо* же, точно также, двое дверей ведутъ въ залу *частныхъ совѣщаній* и въ столовую. Паркетный полъ въ общей совѣщательной залѣ покрытъ персидскимъ ковромъ, отличающимся рѣдкимъ великолѣпіемъ. Въ срединѣ залы поставленъ столъ, имѣющій форму подковы, передъ столомъ стоятъ 20 креселъ. Столъ сдѣланъ изъ темнаго орѣховаго дерева и покрытъ зеленымъ сукномъ; кресла обтянуты темно-зеленою кожей и снабжены высокими спинками. Нужно замѣтить, что кресло президента ничѣмъ не отличается отъ другихъ креселъ. Изъ другихъ предметовъ, украшающихъ общее зало засѣданій конгресса, нужно еще упомянуть о большихъ стѣнныхъ часахъ въ футлярѣ изъ эбеноваго дерева, полированнаго съ большимъ искусствомъ, а также о большомъ зеркалѣ въ 10 футовъ вышиною (т. е. почти 1½ нашихъ саженъ) изъ стекла самаго высшаго сорта. Рама зеркала украшена изумительно-тонкою рѣзною работою. За симъ если мы выйдемъ изъ общей залы засѣданій конгресса, убранной съ такой изящною простотою, въ двери, находящіяся направо, то мы придемъ въ „залу особыхъ совѣщаній", полъ которой покрытъ свѣтлозелеными коврами, а занавѣсы на окнахъ сдѣланы изъ нѣжно-алой камчатской матеріи. Отсюда двустворчатая дверь ведетъ въ столовую, имѣющую удлиненную форму. Столовая снабжена роскошнымъ буфетомъ. Стѣны отдѣланы въ ней подъ мраморъ и украшены прелестными фресками. Великолѣпныя пальмовыя растенія и большіе подсвѣчники изъ кронгласа дополняютъ устройство столовой. Изъ столовой есть ходъ на крытый стекломъ балконъ. Съ этого то балкона открывается прелестный видъ на паркъ, далеко раскинутый (о паркѣ этомъ мы уже упоминали въ началѣ статьи). Обширный балконъ этотъ имѣетъ то большое преимущество, что на немъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться видомъ парка—и незамочиться отъ дождя.

Таково внутреннее устройство зданія, которое пріобрѣтаетъ теперь всемірную извѣстность, въ которомъ состязаются первѣйшіе европейскіе политическіе ораторы и дипломатическіе мудрецы нашего времени и въ которомъ, наконецъ, такъ сказать, рѣшается судьба Европы.

Всемірная Выставка въ Парижѣ. Башня, представляющая произведенія Канады. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Уродливая голова курицы.

Уродливость тѣлесной организаціи замѣчается не только у человѣка, но довольно часто и у животныхъ, преимущественно домашнихъ, такъ какъ послѣднія представляютъ намъ болѣе случаевъ для наблюденія, нежели животныя хищныя и дикія. По мнѣнію Жуффруа Сентъ-Иллера, настоящаго основателя тератологіи, т. е. науки объ уродливостяхъ, чѣмъ выше организація животнаго, чѣмъ разнообразнѣе въ немъ строеніе органовъ, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ случаи аномаліи и уродливости. Въ этомъ отношеніи млекопитающіяся занимаютъ первое мѣсто, за ними идутъ птицы; рыбы же, пресмыкающіяся и черви очень рѣдко представляютъ какія-либо отклоненія отъ своего нормальнаго типа и такія отклоненія большею частью по своей незначительности ускользаютъ отъ вниманія изслѣдователя и остаются никѣмъ незамѣченными. При томъ еще нужно сознаться, что тератологія лишь въ недавнее время встала на прочную, научную почву и окончательно освободилась отъ разныхъ предразсудковъ и бредней. Такъ въ древности хотя и обращали вниманіе на уродливости, но причину ихъ приписывали гнѣву боговъ и желанію ихъ этимъ способомъ наставить и вразумить человѣка. Отъ этого понятія произошло и самое латинское названіе урода *monstrum*, произведенное отъ глагола monstrare — показывать, наставлять. Въ средніе вѣка уродливость человѣка и животнаго относили большею частью къ вмѣшательству дьявола и уничтожали по возможности эти нечистыя произведенія злого духа. Только въ XVIII столѣтіи начали оказывать болѣе серьезное отношеніе къ вопросу объ уродливостяхъ и стали пытаться хотя и довольно неудачно, объяснить ихъ настоящія причины. Такимъ образомъ тератологія, подобно и другимъ естественнымъ наукамъ, въ своемъ развитіи прошла черезъ три періода: *баснословный*—когда безусловно вѣрили въ существованіе такихъ уродовъ, какъ центавры, сирены, циклопы и сатиры; *метафизическій*—когда ощупью и неумѣло доискивались истины и наконецъ *научный*—когда добытое знаніе приняло форму стройной и достовѣрной науки. Группируя и анализируя факты, Сентъ-Иллеръ доказалъ неопровержимымъ образомъ, что уродливость вполнѣ и исключительно зависитъ отъ условія замедленія или прекращенія правильнаго развитія зародыша. Послѣдующіе ученые еще нагляднѣе доказали истину подобной теоріи; такъ французскій естествоиспытатель Дареетъ искусственно производилъ уродливыхъ цыплятъ, задерживая различными способами ихъ развитіе въ яйцѣ. Подобная остановка въ развитіи обусловливаетъ и ту странную уродли-

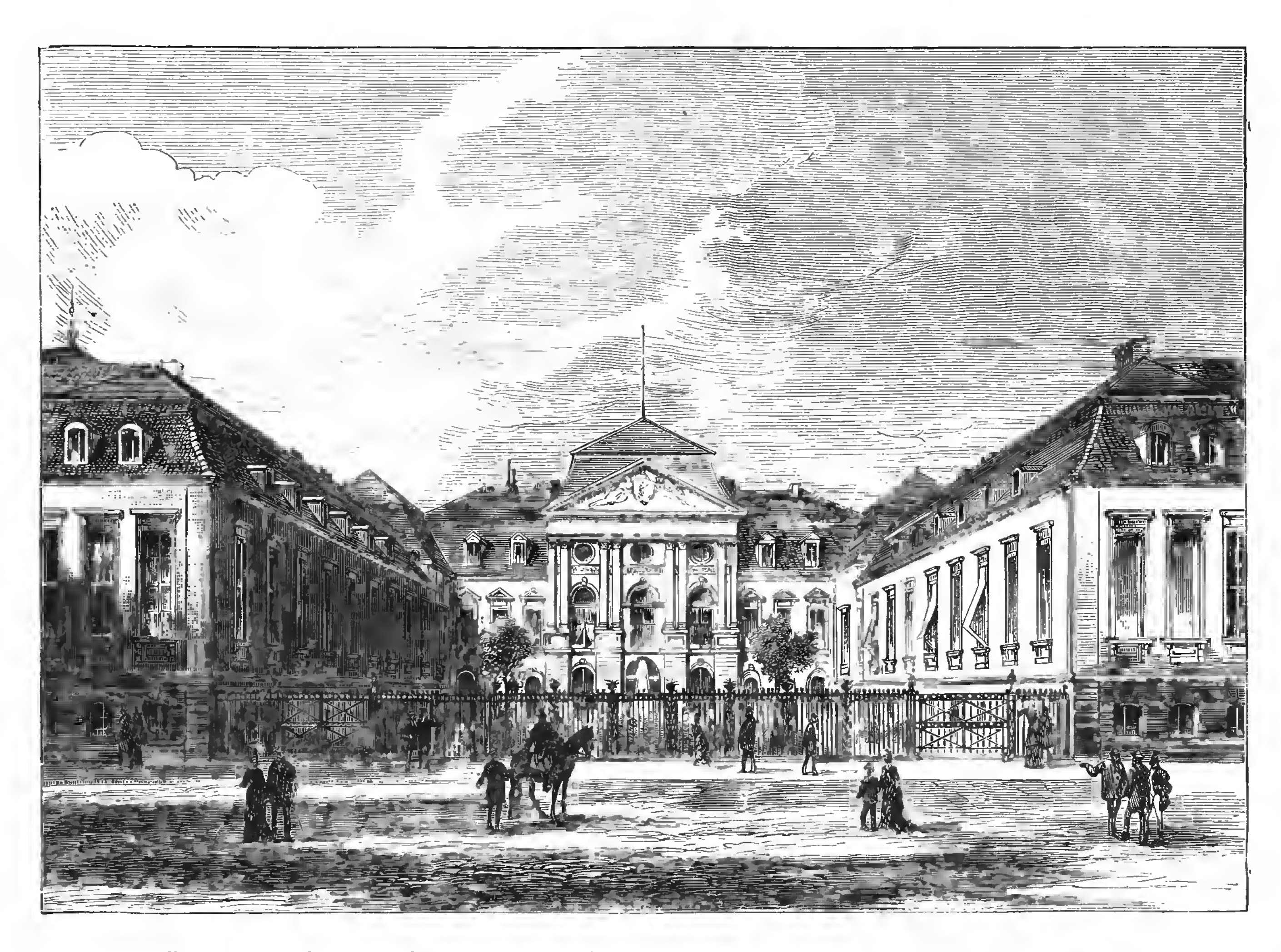
(Продолженіе на стр. 453, 454, 455 и 456).

вость головы курицы, которая представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ. Здѣсь замѣчается полное отсутствіе верхней части клюва, но за то недостатокъ этотъ природа дополнила тѣмъ, что снабдила курицу ргомъ, сформировала языкъ и губы и тѣмъ дала ей возможность принимать пищ, и безъ помощи клюва, когда она изъ яйца вышла такимъ неприглядньмъ уродцемъ на свѣтъ Божій.

Н.

Политическія и внутреннія извѣстія

Конгрессъ открытъ, и 5-го (17-го) сего іюня, на прошлой недѣлѣ, состоялось въ Берлинѣ первое *дѣловое* засѣданіе. Засѣданіе это началось *единогласнымъ* одобреніемъ и принятіемъ правилъ дѣлопроизводства. Однимъ изъ этихъ правилъ постановлено, что по каждому изъ возбуждаемыхъ на конгрессѣ вопросовъ представители державъ будутъ говорить въ слѣдующемъ порядкѣ: Россія, Англія, Австрія, Франція, Германія, Италія, Турція. Непосредственно вслѣдъ за симъ, нашъ посолъ при Великобританскомъ дворѣ, графъ Шуваловъ, выступилъ съ *первымъ* словомъ. Онъ сдѣлалъ историческій обзоръ событіямъ послѣдняго времени, изложивъ причины, вызвавшія войну и многосторонне, со всею основательностью доказыгается поперечнаго дѣленія Болгаріи, чтобы обратить всѣ приморскіе восточные порты въ свои порто-франко. Точно также и Австрія добивается дѣленія Болгаріи на двѣ половины, но одна хочетъ поперечнаго, другая продольнаго дѣленія. Но если уже дѣленіе это неизбѣжно, то ясно—которое изъ нихъ менѣе убыточно для интересовъ Болгаріи и болѣе выгодно для интересовъ русскихъ—это продольное дѣленіе. Съ этимъ послѣднимъ неразрывно можетъ быть связано занятіе нами четвероугольника крѣпостей, который остался бы прочно въ рукахъ турокъ при допущеніи поперечнаго дѣленія Болгаріи. И дѣйствительно, насколько до сихъ поръ извѣстно, наши представители на конгрессѣ *не соглашаются* оставить въ ру-

Конгресъ въ Берлинѣ. Дворецъ Рейхсъ-Канцлера въ Берлинѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

валъ право Россіи на военное вознагражденіе. Далѣе графъ Шуваловъ прочиталъ формулированное заранѣе, по соглашенію съ Англіею, заявленіе, въ которомъ Россія изъявляетъ свое согласіе: а) на *раздѣленіе Болгаріи на двѣ провинціи* и б) на *урѣзку западныхъ и южныхъ границъ Забалканской Болгаріи.* (Этотъ послѣдній пунктъ весьма важенъ и мы ниже приведемъ его по сообщеніямъ лондонской газеты „Globe“, которой сообщеніе, нѣсколько впрочемъ преждевременное и не точное, успѣло уже обратить на себя вниманіе Европы). Но вслѣдъ за рѣчью графа Шувалова послѣдовала уже совершенно неожиданная и удивительная вещь. Представители Германіи, Франціи и Италіи внесли предложеніе о *совмѣстномъ удаленіи русскихъ войскъ до Адріанополя и Англійскаго флота въ Безикскую бухту, на время засѣданій конгресса!..* Это оригинальное предложеніе было, повидимому, неожиданно даже для многихъ членовъ конгресса, потому что обсужденіе его отложено до засѣданія 7-го (19-го) іюня. Начавшіяся было общія оживленныя пренія, послѣ этого предложенія прервались. Самое засѣданіе продолжалось только отъ 2 до 4 часовъ дня. Что касается до дѣленія Болгаріи на *двѣ* части, то Англія домокахъ Порты четвероугольникъ крѣпостей, и въ особенности, крѣпости Шумлу, Варну и Силистрію. Въ случаѣ же необходимости крайней уступки, представители Россіи лишь согласны на дѣленіе на Придунайскую и Забалканскую половины.

Мы сказали выше, въ началѣ нашего обозрѣнія, что лондонская министерская газета „Globe“ обнародовала документъ о раздѣленіи Болгаріи и о соглашеніи по этому поводу между Англіею и Россіей. Документъ этотъ довольно пространный, хотя газета „Globe“ и напечатала его съ значительными сокращеніями и, можетъ быть, измѣненіями (что весьма нерѣдко встрѣчается въ англійскихъ, хотя бы и министерскихъ газетахъ, печатающихъ оффиціальные документы преждевременно), содержитъ 11 пунктовъ и скрѣпленъ подписями нашего посла графа Шувалова и лорда Салисбери. Этотъ документъ, въ существѣ дѣла, есть напередъ въ существенныхъ чертахъ выработанная программа для облегченія *будущаго* соглашенія между Россіею и Англіей, но не самое соглашеніе, ибо въ первомъ же пунктѣ документа сказано, что „Англія отвергаетъ *продольное* дѣленіе Болгаріи, тѣмъ не менѣе, русскій уполномоченный предоставляетъ себѣ право доказывать на конгрессѣ выгоды

такого дѣленія, обѣщая, однако, не настаивать на немъ, въ случаѣ рѣшительныхъ возраженій со стороны Англіи". Далѣе, въ ст. 9-й документа говорится, что Его Величество Императоръ Всероссійскій никогда не намѣренъ былъ *превратить военнаго вознагражденія въ территоріальное приращеніе.* Военное вознагражденіе Россіи не должно нарушать права Англіи какъ кредитора Порты, и въ этомъ отношеніи она должна находиться въ такомъ же положеніи, какъ и до войны. Въ пунктѣ 11 говорится, что правительство ея британскаго величества должно будетъ заявить глубочайшее *сожалѣніе,* если бы Россія рѣшилась *настаивать на Бессарабскомъ вопросѣ* (т. е. вопросѣ объ обмѣнѣ между Румыніею и Россіею Бессарабіи и Добруджи). Вообще, однакоже, Англія (говорится въ томъ же пунктѣ) не будетъ сопротивляться оружіемъ осуществленію этого территоріальнаго обмѣна, тѣмъ болѣе, что и другія державы, подписавшія парижскій трактатъ 1856 года, не расположены поддерживать постановленія вышеозначеннаго договора относительно границъ Румыніи силою оружія. Касательно вопроса о пріобрѣтеніи нами Батума и расширеніи нашихъ мало-азійскихъ границъ на счетъ Арменіи, въ томъ же 11-мъ пунктѣ сказано, что хотя Англія и не будетъ противиться пріобрѣтенію Россіею Батума и удержанію завоеванныхъ въ Арменіи земель, тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть *своего мнѣнія о трудности избѣжать опасности, угрожающей будущему миру со стороны азіатскаго населенія при этомъ расширеніи русскихъ границъ".* Далѣе говорится, что Англія сочтетъ своею важнѣйшею задачею *оберегать Оттоманскую имперію.*

Мы привели наиболѣе рельефное, выдающееся изъ 11 пунктовъ документа, обнародованнаго газетою „Globe". Можно, разумѣется, смотрѣть на этотъ документъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: можно считать появленіе его преждевременнымъ, можно думать, что онъ выпущенъ такъ рано съ тою цѣлію, чтобы возбудить сенсацію въ европейскомъ нообще и въ частности въ русскомъ обществѣ, и тѣмъ косвенно повліять на рѣшеніе дѣла въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ видамъ Англіи. Игнорировать же этого документа нельзя уже потому, что онъ содержитъ множество существенныхъ, характерныхъ и правдоподобныхъ чертъ, хотя и недостаточно выясненныхъ. Въ этомъ смыслѣ мы и приводимъ его, для того и останавливаемся подробно на его содержаніи. За симъ, этотъ же документъ проливаетъ для насъ свѣтъ на дальнѣйшій ходъ преній конгресса. Дѣйствительно, послѣ этого становится понятнымъ, почему день 7-го (19-го) іюня, среда, былъ днемъ разочарованій для многихъ изъ членовъ конгресса. О документѣ соглашенія (точнѣе—программѣ соглашенія) и особенно о сущности документа не знала ни одна держава, приславшая на конгрессъ своихъ представителей. Послѣ появленія документа на страницахъ „Globe", самое единоборство на конгрессѣ начало представляться фиктивнымъ и не имѣющимъ цѣли. Въ глазахъ друзей Англіи значительно пострадало и упало значеніе британской политики. Колоссальный идолъ лорда Дизраэли пошатнулся. Напротивъ, благодаря именно этому же обстоятельству, вліяніе и значеніе Россіи и ея политики на конгрессѣ сильно возросли. Почему это—понять не трудно. Документомъ, такъ нежданно и такъ кстати появившимся, изобличается фальшивая политика англійскихъ министровъ—фальшивая въ томъ, что они во все не стоятъ за священные принципы мира, свободы, равноправности и цивилизаціи, какъ старались увѣрить Европу изо всѣхъ силъ, а просто на просто хотѣли „прибрать къ рукамъ" Турцію. Англія, съ свойственнымъ ей лицемѣріемъ, передъ конгрессомъ постоянно подавала видъ, что она *избѣгаетъ всякаго отдѣльнаго соглашенія на счетъ раздѣла Турціи,* а единственно добивается, чтобы весь восточный вопросъ былъ рѣшенъ европейскимъ ареопагомъ сообща... За симъ, сама же Англія употребила всѣ силы, чтобы добиться у насъ отдѣльнаго соглашенія.

Особенно непріятно подѣйствовало русско-англійское соглашеніе на Австрію, но уже есть слухи, что ловкому лорду Салисбери удалось изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ сюрпризомъ на графа Андраши.

Говорятъ, что и Андраши зналъ о соглашеніи (какъ впрочемъ, только о фактѣ, а не въ подробностяхъ) и это-то обстоятельство и было-де побудительною причиною вооруженія Австріи.

Обсужденіе вопроса о Болгаріи (соотвѣтственно его дѣйствительной важности) заняло на конгрессѣ почти всю прошлую недѣлю.

— Возстаніе турокъ и болгаръ-помаковъ, начавшееся давно уже въ Родопскихъ горахъ, продолжается. Въ настоящее время турецко-мусульманское возстаніе простирается уже за Балканы, до округовъ Габровскаго и Ловчинскаго. Произошло также недавно возстаніе албанцевъ, именно на южной границѣ Черногоріи, на томъ клочкѣ земли, заключающей въ себѣ и портъ Антивари. Этотъ клочокъ земли присоединяется къ героической странѣ для ея территоріальнаго округленія и въ вознагражденіе за ея мужественную борьбу. Но Австрія оказывается сильно недовольною присоединеніемъ Антивари къ Черногоріи. Возстаніе албанцевъ на югѣ Черногоріи, по всѣмъ вѣроятіямъ, возбуждено искусственно, исподтишка, Австріей и Англіей, особенно же послѣднею, которая удерживала Грецію отъ участія въ войнѣ, когда это было нужно, и стала побуждать къ войнѣ, когда это уже стало вовсе не нужнымъ. Да и возстаніе въ Родопскихъ горахъ имѣетъ тотъ же источникъ и причину. Чья-то невидимая, хотя и весьма знакомая рука, уже два мѣсяца тому назадъ старается усложнить и запутать дѣло, сплести новый гордіенъ узелъ...

И вотъ, когда всѣ первоклассныя силы европейской дипломаціи на берегахъ Шпре, повидимому, такъ ревностно работаютъ въ пользу мира, у Черногорцевъ начались ожесточенныя стычки съ турками, и неизвѣстно еще, что предвѣщаютъ эти стычки... не новую ли упорную войну. Впрочемъ, турки недавно очистили нѣкоторые пункты Попова-Поля, чѣмъ, повидимому и устранены недавніе раздоры—но на долго-ли?

— Сѣверный Китай постигъ ужасный голодъ. Не считая двухъ центральныхъ провинцій (Шаньси и Хэнань), отъ засухи пострадали и въ Пекинской провинціи болѣе 20-ти областей и уѣздовъ. Сверхъ того толпы голодныхъ запрудили улицы Пекина, Тяньцзина и другихъ мѣстъ. Обыкновеннымъ продавцамъ съѣстныхъ припасовъ нельзя показаться на улицѣ—голодные отнимаютъ у нихъ силой пищу. Въ Пекинѣ 15 даровыхъ столовыхъ, по большей части раздающихъ пищу только одинъ разъ въ день; желая, однако, отвлечь пришлый людъ изъ внутренняго города, придумали открыть пять новыхъ столовыхъ, но за городскими воротами, съ тѣмъ, что тамъ будутъ кормить два раза.

Здоровье Ея Величества Государыни Императрицы поправляется, и печатаніе бюллетеней уже прекращено.

Статсъ-Секретарь, Тайный Совѣтникъ графъ Паленъ уволенъ отъ должности Министра Юстиціи; на мѣсто его назначенъ и вступилъ уже съ 31 мая въ должность Статсъ-Секретарь дѣйствительный тайный совѣтникъ Набоковъ.

Съ первыхъ чиселъ въ Петербургѣ установилась жаркая погода. Бывшіе предъ этимъ долгое время дожди весьма много способствовали росту травъ. По отзывамъ окрестныхъ жителей урожай травъ нынѣшнее лѣто превосходный и уже теперь (13 іюня) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ косить, такъ какъ травы слишкомъ высоки и недержатся на корнѣ.

Изъ Астрахани извѣщаютъ, что тамъ стоятъ невыносимыя жары; температура доходитъ до 40°. Жизнь въ городѣ, особенно при ѣдкой пыли, тучами носящейся въ воздухѣ, становится невозможною. Извощики выѣзжаютъ на работу не иначе какъ въ очкахъ, изъ боязни потерять зрѣніе, а изъ Варшавы, напротивъ, есть свѣдѣнія о частыхъ буряхъ и дождяхъ. Тамъ, оказывается, такіе идутъ дожди, какъ незапомнятъ самые древніе старожилы. 5 іюня Варшава была просто залита водою. Она, по словамъ газетъ, представляла въ этотъ день видъ Венеціи; говорятъ, что никогда не бывало въ такихъ размѣрахъ озеръ по улицамъ и площадямъ, какъ теперь. Лѣтній театръ въ Саксонскомъ саду былъ такъ залитъ водою, что, по окончаніи спектакля, публика и артисты не могли выйти и сидѣли до часа ночи въ зданіи театра, пока нѣсколько не утихла бушевавшая буря.

Не безъинтереснымъ считаемъ сообщить о помѣщенномъ въ Троицкомъ соборѣ (въ Измайловскомъ полку) среди множества турецкихъ знаменъ большомъ щитѣ, вырѣзанномъ изъ орѣховаго дерева съ гербомъ россійскаго государства въ верхней его части. Щитъ этотъ сдѣланъ изящно и на немъ расположены слѣдующія трофеи, добытыя нашими доблестными войсками въ нынѣшнюю войну съ турками: на самой срединѣ виситъ большой ключъ отъ крѣпости Никополь; направо отъ него два ключа отъ Андріанополя, а налѣво тоже два: одинъ повыше отъ крѣпости Демотика, а второй пониже отъ Дедеагача. Всѣ эти ключи перевиты георгіевскими лентами и снабжены соотвѣтствующими надписями.

Взаключеніе сообщаемъ, что въ настоящее время снаряжается экспедиція изъ Петербурга къ устьямъ Енисея. Въ составъ этой экспедиціи пойдутъ 8 пароходовъ, которые будутъ нагружены товаромъ, а именно: спиртомъ, хлѣбными припасами, селитрою и т. д., а оттуда предполагается вывезти лѣсъ и чай, если путь по Ангарѣ, нынѣ изслѣдуемый, окажется для того удобнымъ. На пароходахъ, будетъ также находиться значительное количество мастеровъ для изслѣдованія канала, долженствующаго разрѣзать полуостровъ Ямалъ, который лежитъ между Обью и Енисеемъ. Къ экипажу, отправляющемуся въ путь экспедиціи, примкнули также представители бременскаго ученаго общества, поставившаго себѣ задачею изслѣдованіе водорослей Карскаго моря. Означенная экспедиція первоначально обогнетъ Норвегію, а затѣмъ уже прямо направится къ устьямъ Енисея.

Насколько полезно снаряженіе такого рода экспедиціи, соединяющей въ себѣ и дѣло изслѣдованія мѣстности въ научномъ отношеніи и дѣло развитія торговли—это само собою разумѣется.

Смѣсь

Исправительный домъ въ Нью-Йоркѣ. Нью-йоркскій исправительный домъ есть одно изъ обширнѣйшихъ учрежденій этого рода въ соединенныхъ штатахъ. Рабочая сила штрафуемыхъ и посаженныхъ въ этотъ домъ, находится, такъ сказать, на откупѣ у предпринимателей, которые каждому работающему арестанту платятъ по 50 центовъ *) въ день. Благодаря этой системѣ откупа рабочей арестантской силы, при исправительномъ заведеніи этомъ устроены: чугунно-литейный заводъ для отливки чугунныхъ печей, шляпная и башмачная фабрики, а также обширная прачечная, въ которой ежедневно занимаются однимъ глаженіемъ бѣлья не менѣе 160 человѣкъ рабочихъ арестантовъ. Каждый изъ нихъ ежедневно выгладитъ 18-ть тонкихъ или 24 сшитыхъ изъ грубаго холста (цвѣтныхъ) рубашекъ. Каждому арестанту дается особый столъ, особый утюгъ для глаженія, особая доска для глаженія грудь, и за симъ дается все остальное, въ чемъ встрѣтится надобность. Утюги, числомъ 80 одновременно накаляются въ 4-хъ нарочно для этой цѣли устроенныхъ печахъ. Смотрятъ за этимъ дѣломъ тоже рабочіе арестанты, они же относятъ вновь утюги въ печь, когда тѣ остынутъ. Нѣкоторыхъ арестантовъ можно причислить къ превосходнымъ глажельщикамъ бѣлья неуступающимъ лучшей мастерицѣ—прачкѣ. Если кто либо изъ арестантовъ заболѣетъ, то такого весьма обязательно и предупредительно лечитъ врачъ спеціально служащій въ исправительномъ домѣ. Врачу этому въ исправленіи его обязанностей помогаютъ многіе изъ понимающихъ дѣло арестантовъ. Послѣднимъ врачъ иногда раздаетъ порученія о приготовленіи разныхъ освѣжающихъ напитковъ. Въ госпиталь исправительнаго дома находится аптека, снабженная всѣмъ необходимымъ; въ аптекѣ этой лекарства приготовляются подъ наблюденіемъ провизора изъ арестантовъ. Не менѣе замѣчателенъ и костюмъ арестантовъ нью-йоркскаго исправительнаго дома. Они одѣваются въ куртки, раскрашенныя правильно идущими бѣлыми и черными полосами, напоминающими шкуру зебры. Такими же полосами раскрашены панталоны и даже колпаки арестантовъ. Чувство, которое испытываетъ арестантъ, въ первый разъ надѣвшій подобный костюмъ, конечно, весьма тяжелое, гнетущее, непріятное чувство (какъ объ этомъ можно слышать изъ устъ самыхъ же арестантовъ).

Уродливая голова курицы. (См. стр. 452).

Вообще арестантовъ содержатъ здѣсь чрезвычайно строго, и можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ другого карательнаго учрежденія, которое съ такою силою внѣдряло бы въ караемаго тяжелое сознаніе, что онъ (по крайней мѣрѣ, на весь періодъ исправленія) не долженъ имѣть *никакой собственной воли.* На упорныхъ, непослушныхъ и строптивыхъ надѣваютъ особого рода позорное украшеніе (на голову). Оно состоитъ изъ обхватывающаго голову желѣзнаго обруча, изъ котораго возвышаются желѣзныя же полосы, соединяющіяся на вершинѣ въ видѣ лиры. Украшенному такимъ вѣнцомъ арестанту трудно повернуть голову. Часто съ такими украшеніями арестанты въ общей залѣ или въ капеллѣ слушаютъ проповѣди и назиданія своего духовнаго учителя или пастора. Чрезвычайно странный видъ представляетъ отправленіе арестантовъ къ обѣду въ общую столовую или на божественную службу въ капеллу. Они идутъ гуськомъ, шагая по строго изученному темпу не уступая въ дрессировкѣ любому солдату. Прибавьте, этотъ длинный рядъ въ пестрыхъ, полосатыхъ зеброобразныхъ—одеждахъ, травное, поразительное зрѣлище!. Новичка-арестанта обыкновенно дрессируютъ весьма прилежно и долго, пока онъ не научится выступать за товарищами гуськомъ въ одинъ темпъ во всемъ совершенствѣ.

*) Центъ = 0,01 долера, составляющаго 1 р. 32 съ небольш. нашихъ копѣйки.

Дрезденское Общество пчеловодства обнародовало недавно любопытныя свѣдѣнія о пользѣ, приносимой пчелами сельскому хозяйству. Общество имѣетъ 17,000 ульевъ, и если положить, что изъ каждаго улья въ день вылетаетъ 10.000 пчелъ, то окажется, что въ общемъ числѣ ихъ вылетитъ 170.000.000. Предполагая далѣе, что каждая пчела улетаетъ и возвращается въ улей 4 раза въ день, получится цифра 680.000.000, что составитъ въ 100 дней 68,000,000,000 разъ. Каждая пчела облетитъ по крайней мѣрѣ 50 цвѣтовъ, что составитъ въ годъ 3,400,000,000,000. Если предположить, что изъ 10 цвѣтовъ оплодотворится 340,000,000,000, полагая, что оплодотвореніе 5,000 цвѣтковъ стоитъ 1 перелетъ, то и тогда пчелы принесли пользы на 68.000.000 пф. или 680.000 марокъ, на это, однако, никто не обращаетъ вниманія. Такимъ образомъ каждый улей приноситъ сельскому хозяйству 40 марокъ пользы.

Голландскіе капиталисты намѣрены заняться осушкой Меридійскаго озера, вблизи Александріи. Хедивъ далъ Голландцамъ позволеніе произвести необходимыя изысканія и обѣщался выдать современемъ концессію на осушку озера. Общество соберетъ капиталъ для осушки въ самой Голландіи и требуетъ, чтобы по окончаніи предпріятія ему было передано въ вѣчное владѣніе ¾ всей осушеной земли, равняющейся приблизительно 280 гектарамъ и что бы оно было освобождено на 50 лѣтъ отъ платежа податей. Остальная же ¼ часть осушеной земли переходитъ въ собственность египетскаго правительства.

Поддѣлки кофе. Въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Александріи и другихъ городахъ существуютъ особыя фабрики, задавшіяся цѣлью подкрашивать различными способами кофейные бобы, чтобы придавать имъ видъ болѣе дорогихъ сортовъ. Поэтому, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло какой либо кофе, необходимо тщательно обмыть его. Всего же больше поддѣлывается молотый кофе, въ которомъ иногда не оказывается даже и слѣдовъ настоящаго кофе. Обыкновенно же къ настоящему молотому кофе подмѣшиваютъ жаренные горохъ, чечевицу, желуди, каштаны, ячмень, рожь, пшеницу, кости голубей, а главнымъ образомъ корни цикорія. Примѣсь названныхъ хлѣбныхъ растеній, равно какъ и цикорія, узнается тѣмъ, что настоящій кофе, какъ бы онъ мелко ни былъ смолотъ, все-таки сохраняетъ характеръ твердыхъ зернышекъ, тогда какъ упомянутыя вещества даютъ мягкій порошокъ, который легко становится тѣстоватымъ, если его растирать между смоченными пальцами. Если настоящій молотый кофе бросить въ стаканъ холодной воды, то по содержанію въ немъ жира онъ долго держится на поверхности и, медленно всасывая воду, медленно же опускается и на дно; напротивъ, цикорій и другія подмѣси жадно всасываютъ воду и быстро опадаютъ на дно. Настоящій жаренный кофе, будучи облитъ холодной водой, лишь мало по малу придаетъ жидкости, которая остается прозрачной, свѣтлокофейный цвѣтъ; подмѣшенный же быстро даетъ темнобурую мутную жидкость. Отваръ настоящаго кофе почти не мѣняется отъ нѣсколькихъ капель іоднаго раствора; отваръ же кофе съ примѣсью содержащихъ крахмалъ веществъ рѣзко синѣетъ отъ іода.

Поддѣлываніе колбасы. Чтобы придать колбасѣ лучшій цвѣтъ, ее подкрашиваютъ небольшимъ количествомъ фуксина, а такъ какъ колбаса составляетъ для нѣкоторыхъ лицъ постоянное и въ теченіи долгаго времени употребляемое пищевое средство, то понятно, что и небольшія количества фуксина не могутъ оставаться безъ вредныхъ послѣдствій. Примѣсь фуксина узнаютъ, погружая колбасу въ алкоголь; если жидкость краснѣетъ, а затѣмъ отъ прибавленія уксусной кислоты снова обезцвѣчивается, то окраска анилиновыми красками не подлежитъ сомнѣнію; чистое мясо не окрашиваетъ алкоголя вовсе; окраска же отъ гэмоглобина крови не изчезаетъ, а увеличивается отъ уксусной кислоты. Примѣсь картофельной муки узнается безъ труда подъ микроскопомъ по зернамъ крахмала, а химически—настаиваніемъ въ теплой водѣ и прибавленіемъ къ настою капли раствора іода. Въ послѣднее время въ Германіи былъ цѣлый рядъ процессовъ, въ которыхъ колбасники приговаривались судомъ къ штрафу за поддѣлку колбасъ кортофельнымъ крахмаломъ или старымъ хлѣбомъ (объѣдками?).

Мысли замѣчательныхъ людей.

Счастье залетаетъ къ намъ, какъ птичка, которая едва коснется кровли людского жилья, и сейчасъ же покидаетъ ее. *(Шекспиръ).*

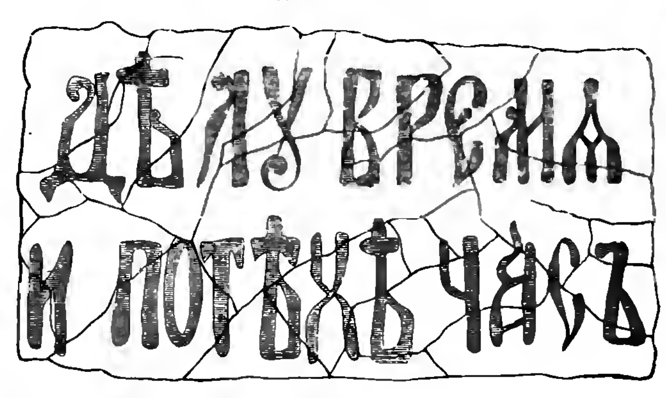
Въ духѣ мы чувствуемъ наше могущество, въ тѣлѣ—наше рабство. Душа наша—подобіе Бога, тѣло—подобно животному. *(Салюстій).*

Рѣшенія задачъ.

Ребусъ въ № 23: Изувѣрства турокъ находятъ себѣ поддержку въ Англіи.

Ребусъ въ № 25: Постыдный гнетъ славянъ свергнутъ и воздвигла Россія пьедесталъ для своего величія.

Задача въ № 25.

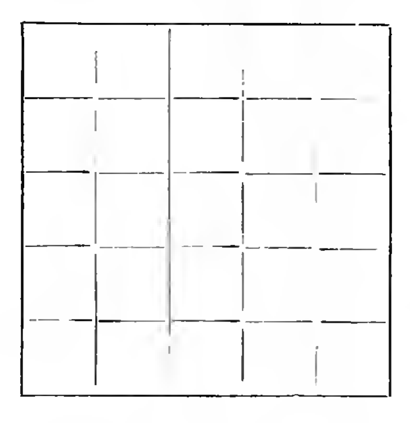

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

ЗАДАЧИ.

Размѣстить въ 25 клѣткахъ слѣдующія 25 буквъ:

а, а, а, а, д, в, т, у, у, и, и, к, к, к, н, н, н, е, е, е, е, л, л, л, л.

Изъ этого размѣщенія должно получиться пять словъ, которыя можно читать слѣва на право и сверху внизъ.

Сабля съ буквами

Въ этой саблѣ помѣщены слова, составляющія фамилію одного изъ героевъ современной войны.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Литейная, д. № 69. Н. Кар—ову.** Вы спрашиваете:

Скажите мнѣ, чѣмъ я страдаю?
Изъ за чего томлюся я?
И день за днемъ все увядаю...
Что жаждетъ страстная душа?
И что за жизнь мнѣ рокъ назначилъ?

Господи! Да мы то почему-же это можемъ знать? Обратитесь къ предсказателямъ. Желаемъ, чтобы въ ихъ приговорѣ было высказано безусловное запрещеніе заниматься вамъ стихотворствомъ.

2. **Москва. А. Торлецкому.** Присланное вами уже имѣется у насъ гравированное.

3. **Петербург. стор. Б. просп. д. № 24. Ф Бер—ину.** Въ вашихъ стихахъ много страннаго, и если все выписывать здѣсь, то недостанетъ мѣста. Беремъ только слѣдующее:

Шмели покоятся въ дуплѣ
Червякъ въ пыли въ неволѣ гнется
И имъ не тѣсно на землѣ...

Ну еще-бы: слава Богу—мѣста довольно.

Далѣе вы, живописуя жизнь шмеля и червяка, начинаете имъ завидовать. Подумайте—кому вы завидуете. Вы пишете:

Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
Имъ все, а мнѣ едва во снѣ
Живая кажется природа,
Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзывъ *подобнаго мнѣ рода.*

Ну, знаете-ли, едва-ли вы что нибудь найдете, тѣмъ болѣе что въ вашихъ стихахъ не только нѣтъ поэзіи, но послѣднія строки ихъ совершенно лишены смысла.

Елисаветградъ. Троф—ову. Ваше стихотвореніе „Послѣднее прости" удивительно по необыкновенной безсвязности мыслей въ немъ изложенныхъ. Такъ, напримѣръ, вы пишете:

„Помню ручей, гдѣ купалась она,
Ну однимъ словомъ точь въ точь,
Какъ морская большая волна,
И я стоялъ и все думалъ о ней...

Опомнитесь, что это вы, Богъ съ вами, сочиняете такое несообразное.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою СПБ. 15 Іюня 1878 г. Тип. Вейдинга Англ. пр. № 10.

№ 26 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 26 Іюня 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Г. Антокольскій.

Скульпторъ Академикъ Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ.

Академикъ, скульпторъ, Антокольскій пользуется заслуженною славою и не только у насъ въ Россіи, но и тамъ на Западѣ, гдѣ, само собою разумѣется, умѣютъ разбирать съ большимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ у насъ, достоинства художественныхъ произведеній и въ особенности по части скульптуры классическихъ образцовъ, которой тамъ громадное множество. Г. Антокольскій получилъ свою обширную извѣстность по окончаніи статуи „Іоаннъ Грозный“. Эта статуя дала ему и званіе Академика С.-Петербургской Академіи Художествъ. Прежнія его работы, предшествовавшія этой статуѣ, ничѣмъ не выдавались изъ посредственности, и лица, близко знавшія въ это время г. Антокольскаго, какъ скульптора, не могли даже подозрѣвать въ немъ такого громаднаго таланта, какой вдругъ и совершенно неожиданно проявился въ немъ при исполненіи означенной статуи. Видно, таково уже свойство его художественнаго таланта, долго въ немъ таившагося и сразу выразившагося въ работѣ, въ высшей степени самостоятельной, полной жизни, красоты и силы. Статуя „Іоаннъ Грозный“ была имъ дѣлана вовсе не по заказу, а исключительно съ тою цѣлью, чтобы добиться какого нибудь опредѣленнаго положенія въ академіи художествъ, тоесть получить отъ нея званіе хотя бы даже просто класснаго художника послѣдней степени. Но академія художествъ не могла удовлетворить желаніе г. Антокольскаго даже и въ то время, когда его знаменитая статуя „Іоаннъ Грозный“ уже красовалась въ одной изъ ея залъ и привлекала въ академію громадную массу публики. Академія Художествъ, руководствуясь своимъ уставомъ, отказывала г. Антокольскому въ его просьбѣ именно потому, что на основаніи ея устава онъ долженъ былъ сдать соотвѣтствующіе экзамены изъ наукъ и только послѣ сдачи ихъ получитъ право на то или другое званіе, даваемое Академіей Художествъ за

Г. Антокольскій. Скульпторъ Академикъ Императорской СПБ. Академіи Художествъ.
Рис. и грав. А. Нейманъ.

успѣхи въ искусствахъ. Требуемыхъ уставомъ академіи экзаменовъ г. Антокольскій не сдалъ и оставался въ странномъ положеніи, нерѣшительномъ до такой степени, что ему оставалось просто выйдти изъ академіи и искать себѣ, какъ говорится, родъ занятій. Будучи по рожденію и по исповѣданію еврей, онъ, конечно, подозрѣвалъ въ нѣкоторой части академическаго общества, какъ того, которое имѣетъ извѣстную начальническую власть, такъ и среди своихъ соучениковъ, собратовъ по искусству, извѣстнаго рода предубѣжденіе противъ себя, какъ еврея, которому просто за просто не хотятъ давать ходу; но такого рода подозрѣніе, весьма естественное въ положеніи г-на Антокольскаго и всякаго другого на его мѣстѣ, было тѣмъ не менѣе совершенно несправедливо. Академія Художествъ сама въ этомъ случаѣ оказывалось весьма въ неловкомъ положеніи. (Впослѣдствіи ей приходилось это не разъ испытывать по поводу подобныхъ же случаевъ, изъ которыхъ укажемъ здѣсь на случай съ покойнымъ пейзажистомъ Васильевымъ, оказавшимся тоже первоклассынмъ пейзажистомъ и тоже не имѣвшимъ возможности выдержать соотвѣтствующаго экзамена). И въ самомъ дѣлѣ, положеніе весьма странное: съ одной стороны академія видитъ передъ собою художника, произведенія котораго по своимъ достоинствамъ можетъ быть названо первокласснымъ, этотъ художникъ оказывается вполнѣ достойнымъ званія академика, а съ другой стороны этотъ же художникъ, какъ не выдержавшій соотвѣтствующихъ экзаменовъ не можетъ получить не только званія академика, но и ровно никакого званія. Богъ знаетъ чѣмъ бы разрѣшилось положеніе г. Антокольскаго и въ какое бы отношеніе сталъ онъ къ Академіи Художествъ, если бы ему случайно не поблагопріятствовали обстоятельства. Мы говоримъ собственно о полученіи званія академика, даннаго г. Антокольскому по волѣ Его Величества, лично удостоившаго работу этого художника-скульптора своимъ вниманіемъ.

Понятно, званіе академика нимало не увеличило, не уменьшило значеніе г. Антокольскаго какъ первокласснаго скульптора; но полученіе этого званія для него, какъ для человѣка, не имѣвшаго опредѣленнаго положенія въ жизни, имѣло все таки кой какое значеніе.

Все далъ ему, конечно, талантъ: и извѣстность, и денежныя средства. Статуя его была куплена для академіи, была заказана для Эрмитажа, для Москвы, для Государя Наслѣдника и для многихъ частныхъ лицъ. Одна эта статуя дала ему работы на нѣсколько лѣтъ.

Рисунокъ, изображающій эту статую былъ помѣщенъ въ свое время на страницахъ Нивы, а именно въ 1871 году (См. Ниву 1871 г. № 19 стр. 294). При этомъ рисункѣ есть обстоятельное описаніе ея достоинствъ и ея значенія въ русскомъ искусствѣ.

Послѣ окончанія статуи „Іоаннъ Грозный“ г. Антокольскій сдѣлалъ статую Петра I-го, но эта работа ему не удалась и прошла совершенно незамѣтной. Въ то время, когда былъ назначенъ конкурсъ на памятникъ нашему великому поэту А. С. Пушкину, г. Антокольскій тоже принималъ въ немъ участіе, но выставленная имъ модель памятника, сдѣланная на скорую руку, не была на конкурсѣ принята, и предпочтеніе было сдѣлано г. Опекушину, по модели котораго памятникъ Пушкину въ настоящее время и сооружается въ Москвѣ.

Въ настоящее время г. Антокольскій живетъ въ Римѣ. Изъ работъ его тамъ исполненныхъ, много было писано о статуѣ Христа; но статуи этой пока еще не было нигдѣ выставлено, и какое она должна занять мѣсто среди художественныхъ произведеній,—объ этомъ пока сказать ничего нельзя.

Взаключеніе сообщимъ, что на Парижской всемірной выставкѣ, въ числѣ замѣчательныхъ скульптурныхъ произведеніи видное мѣсто занимаютъ также и работы г. Антокольскаго; но какія именно работы отправлены имъ на Парижскую выставку—объ этомъ пока еще нѣтъ точныхъ свѣдѣній, которыя мы въ свое время все таки надѣемся сообщить на страницахъ нашего журнала.

С.

Стихотворенія.

I.

Ложатся осеннія краски,
Осыпался бѣдный нашъ садъ—
И стала скупа ты на ласки,
И грустно лазурныя глазки
На дождикъ докучный глядятъ.
Утѣшься! Покровомъ пушистымъ
Падетъ на поляны снѣжокъ
И снова на воздухѣ чистомъ
Зальешься ты смѣхомъ сребристымъ,
И въ глазкахъ блеснетъ огонекъ!

II.

Грянула буря, и лѣсъ ополчился,
Грозно листвой зашумѣлъ,
Съ бурей, грозою онъ смѣло сразился,
Выдержать битву съумѣлъ.
Туча промчалась... И свѣжій, омытый,
Снова задумался лѣсъ,
Снова вкусилъ онъ покой позабытый,
Радуясь миру небесъ.
И надо мной проносилось ненастье,
Я не поникъ головой,
Выступилъ въ бой—и съ тобой мое счастье
Завоевалъ, ангелъ мой!

III.

Я рѣдко вижу васъ; но послѣ каждой встрѣчи
Люблю я вспоминать красивый вашъ нарядъ,
Вашъ каждый жестъ, живыя ваши рѣчи
И вашъ лучистый взглядъ.

Я мало знаю васъ; но съ каждой новой встрѣчей
Мнѣ какъ-то на душѣ становится свѣтлѣй.
И кажетесь вы мнѣ счастливою предтечей
Грядущихъ ясныхъ дней.

Я не влюбленъ въ васъ. Нѣтъ! . Но мнѣ встрѣчать отрадно
Васъ, какъ привѣтствовать іюньскій жаркій день:
Такъ путникъ встрѣтитъ въ зной, желанную имъ жадно,
Заманчивую тѣнь...

Нико Ники.

Часы.

(Разсказъ изъ воспоминаній дѣтства).

I.

— Да вотъ я вамъ исторію разскажу,—началъ X. Какъ хотите, такъ и понимайте. Съ одной стороны разсказъ чисто фантастическій, а съ другой стороны все дѣло объяснить можно просто, и ничего неестественнаго не будетъ. Я никакихъ комментарій дѣлать не буду, пусть каждый изъ васъ комментируетъ какъ хочетъ, я разскажу только то, что было, что случилось со мною въ дѣтствѣ... Если только, конечно, это васъ хоть немного интересуетъ, господа...

Всѣ согласились, что разсказъ долженъ быть несомнѣнно интересенъ, и X., закуривъ сигару, принялся разсказывать.

— Вы и теперь знаете меня, господа, за человѣка нервнаго и впечатлительнаго. Я всегда былъ такимъ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Воспитанье-ли такъ повліяло на меня, комплекція ли у меня была такая,—Богъ знаетъ. Теперь, конечно, я несравненно крѣпче, устойчивѣе, такъ сказать, чѣмъ въ дѣтствѣ; но до чего я прежде былъ впечатлителенъ, вы это увидите сейчасъ, когда я изложу передъ вами фактъ, чуть было не окончившійся для меня очень печально.

Было мнѣ тогда, надо полагать, лѣтъ семь или восемь—точно не упомню. Мальчикъ я былъ худенькій, блѣдненькій, большеглазый, развивавшійся, по выраженію нашего домашняго доктора, „въ ущербъ тѣлесному сложенію“. Читать меня выучили очень рано—чуть ли не по четвертому году, но потомъ заниматься мнѣ запретили, и я до десяти лѣтъ не учился, все только

читалъ,—читалъ да думалъ. Думалъ я очень много,—благо свободно было, я росъ одинъ, другихъ дѣтей со мной не было,—и „думанье" мое было очень страннаго свойства. У меня все какимъ-то ходуномъ ходило въ головѣ, совсѣмъ не такъ какъ у другихъ людей, все въ какомъ-то странномъ, дикомъ порядкѣ укладывалось въ мозгу. Все, что ни окружало меня, весь міръ, вся природа, были освѣщены какимъ-то особеннымъ свѣтомъ,—я на все смотрѣлъ съ своей, особенной, спеціальной, такъ сказать, точки зрѣнія... Представьте себѣ: для меня не существовало предметовъ *неодушевленныхъ*. Вы думаете, я шучу? Смѣю васъ увѣрить, что все, что я говорю, я говорю совершенно серьезно. Для меня все жило, двигалось, имѣло прямое, непосредственное отношеніе ко всѣмъ намъ, и ко мнѣ въ особенности, какую-то неуловимую, таинственную связь. Я провелъ большую часть дѣтства въ Петербургѣ, въ нашемъ старинномъ фамильномъ домѣ, мрачномъ, объемистомъ, съ безконечными амфиладами комнатъ, съ безчисленными лѣстницами и закоулками, съ обиліемъ темныхъ и полутемныхъ уголковъ, среди которыхъ преимущественно и вращалось мое міросозерцаніе. Мнѣ казалось, что кромѣ насъ, хозяевъ и слугъ, жило еще много, много другихъ существъ и въ шкафахъ, и въ сундукахъ, и подъ креслами, и какъ только смеркнется, всѣ они и начинали выражать признаки своего существованія. Во всѣхъ комнатахъ все что-то постукивало, позвякивало, шелестило и шлепало. Въ каждомъ темномъ уголкѣ непремѣнно сидѣлъ кто-то, такой маленькій, скорченный, и такъ неслышно шевелился. Идешь, бывало, изъ свѣтлой комнаты въ темную со свѣчей въ рукахъ, отворишь дверь, видишь, что вотъ промелькнулъ кто-то, убѣгая отъ огня, бросился за дверь, притаился въ темномъ косомъ промежуткѣ между ею и стѣною, а нѣтъ—такъ спрятался за гардиною у окна, благо складки пышныя, до полу. И зналъ я навѣрно этого „кто-то", я зналъ, что это тотъ самый коротенькій, пузатенькій, въ высокомъ колпакѣ человѣчекъ, что былъ нарисованъ въ моей любимой книгѣ съ картинками, сбоку, внизу, на лѣвой страницѣ,—и чернильными пятнами были у него запачканы пальцы. А подъ лѣстницей въ чуланѣ, гдѣ всякая труха была свалена, и днемъ даже лежалъ кто-то, такой длинный, длинный, въ растяжку,—и какъ войдетъ кто въ чуланъ—онъ сейчасъ и спрячетъ свою вытянутую ногу туда, подальше, подъ кардонки и корзинки... Въ каминѣ по вечерамъ что-то странно потрескивало, точно старикъ кашлялъ. На рояли ноты перебирали чьи-то пальцы, медленно поворачивая страницы. А сверху изъ дѣтской было слышно, что по ночамъ игралъ кто-то въ залѣ и на флейтѣ, и на скрипкѣ...

Я всѣмъ домашнимъ разсказывалъ про этихъ старичковъ, маленькихъ человѣчковъ, разсказывалъ какъ о дѣлѣ обыкновенномъ. Но мнѣ въ отвѣтъ говорили: „все это глупости,—нѣтъ тамъ никого",—и въ доказательство вели меня въ темный уголъ. И точно—никого тамъ не было: старичекъ, видя наше приближеніе, успѣвалъ быстро залѣзать подъ шкафъ или диванъ, и на глаза не показывался.

Матушка была чрезвычайно недовольна подобными разсказами, приписывая ихъ разстроенному воображенію, и порою упрекала бабушку за ея сказки, которыя та мнѣ постоянно разсказывала.

II.

У бабушки были чудныя сказки. Право не знаю, откуда она черпала ихъ фантастическіе сюжеты,—сколько я не перерывалъ потомъ сказочную литературу различныхъ національностей—нигдѣ не находилъ точнаго ихъ воспроизведенія. Ни Шехеразада, ни умныя сказки Андерсона, ни Гофманъ, ни Шехеразада XIX столѣтія—Жюль Вернъ—не могли съ ними сравниться. Конечно, быть можетъ и тутъ на меня вліяла впечатлительность дѣтства и бабушкины сказки были въ десять тысячъ разъ хуже Андерсона и Гофмана, но какъ бы то ни было,—я вамъ говорю,—вся сказочная литература была для меня блѣдна, и послѣ сказокъ бабушки впечатлѣнія не производила. Охватъ кругозора этого сказочнаго міра былъ неизмѣримо великъ, по общему своему тону напоминая вторую часть Фауста. Тутъ были и рыцари, и дамы, и короли, и шуты, и жаръ-птицы, и цвѣты, и царевны, и карлики, и кощеи, и грифы. Тутъ былъ и Дантовъ адъ, и шекспировскія эльфы,—однимъ словомъ все, что создало въ разные вѣка человѣческое воображеніе. Все это билось, дралось, сражалось, любило другъ друга, все это жило какой-то своей особенной жизнью, такой-же особенной, какъ и я жилъ, но совсѣмъ не той, какая вокругъ насъ бываетъ...

Порою меня занимала мысль: а гдѣ же живутъ всѣ эти рыцари, медвѣди и дамы? Отчего нѣтъ ихъ вокругъ насъ, отчего гости ходятъ къ намъ во фракахъ, и вмѣсто жаръ-птицъ къ окнамъ прилетаютъ воробьи да галки. И спрашивалъ я бабушку объ этомъ. Бабушка таинственно улыбалась, расправляла оборки платья и говорила: „много будешь знать—скоро состарѣешься. Поживешь,—увидишь и дамъ, и рыцарей, и медвѣдей, и кощеевъ"...

И всегда она такъ неопредѣленно отвѣчала. Помню разъ лѣтомъ мы сидѣли на террасѣ, у себя, въ деревнѣ. Чудный вечеръ былъ. Солнце опускалось въ груду причудливыхъ прозрачныхъ облаковъ, заливало ихъ то золотомъ, то кровью. Облака то принимали форму крѣпостей и бастіоновъ, то слоновъ и верблюдовъ, то обсыпались съ одного края, то вытягивались, то съеживались, то горѣли цѣлыми золотыми городами, разбросанными среди горъ. И вдругъ показалось мнѣ, что именно тамъ, по гребнямъ этихъ воздушныхъ горъ и носятся тѣ самые рыцари, въ этихъ замкахъ и живутъ тѣ красавицы, что это вовсе не облака, а картина далекаго, далекаго чуднаго міра. Я сообщилъ объ этомъ бабушкѣ. Она засмѣялась, по головѣ меня погладила.

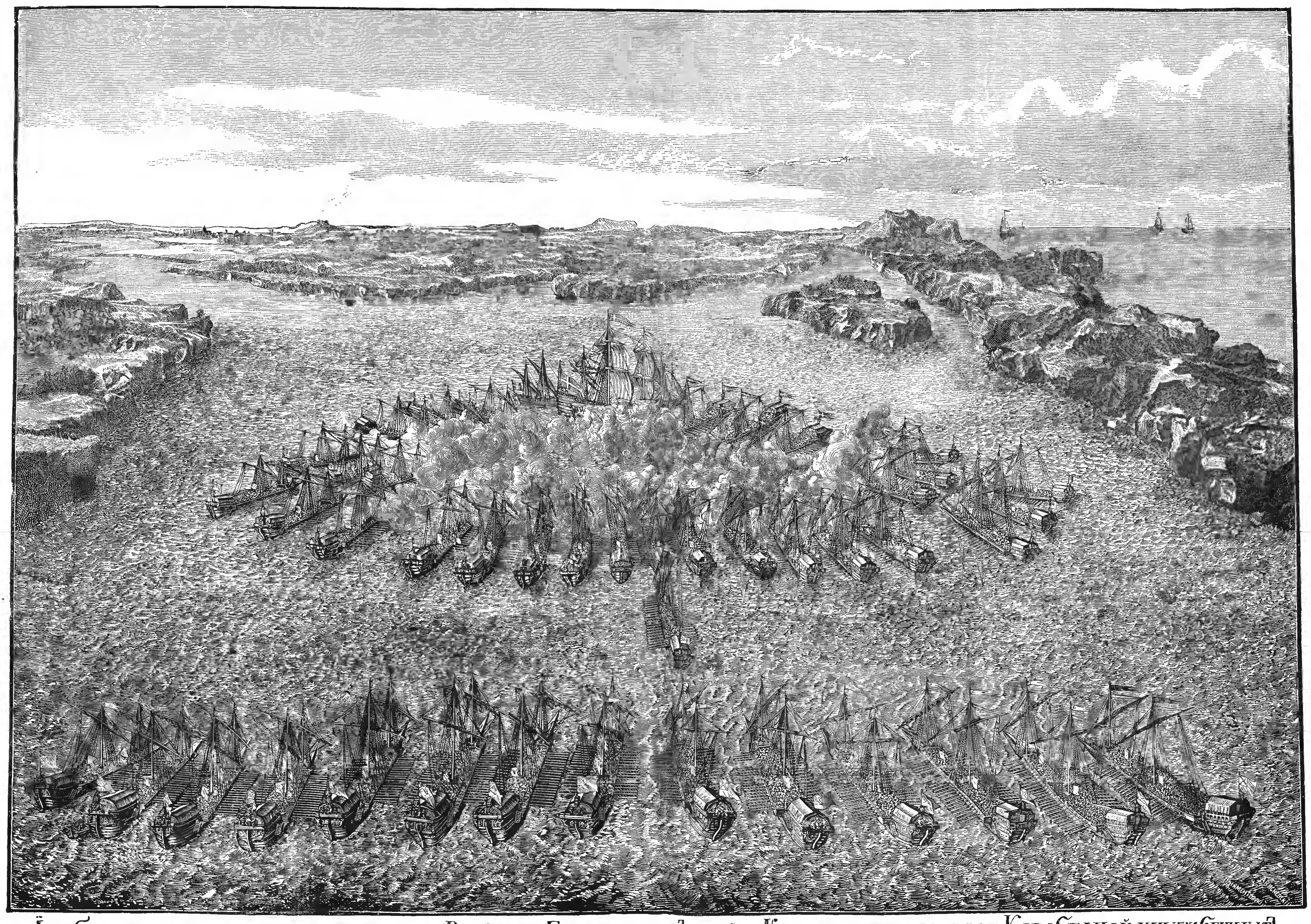
— Далеко залетаешь, дружокъ,—сказала она. Поближе, поближе ищи,—зачѣмъ такъ высоко заноситься...

И я силился „искать поближе". Я чувствовалъ, что и тутъ возлѣ насъ есть что-то странное, необъяснимое. Вотъ, напримѣръ, старые дѣдушкины часы, что въ нашемъ городскомъ домѣ стояли. Я зналъ, что въ нихъ видѣли что-то странное, и что они имѣли нѣкоторую связь съ смертью дѣдушки. Такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ Порфирій. А Порфирій былъ въ моихъ глазахъ авторитетъ, и вотъ почему.

III.

Это былъ единственный человѣкъ, согласившійся со мной отчасти, что у насъ въ домѣ точно водится что-то, только ужъ никакъ не карлики и не кощеи, а просто *онъ*, что на его жаргонѣ значило домовой.. Удостовѣрялъ онъ это какъ очевидецъ: ему не разъ приходилось встрѣчаться съ *нимъ* въ коридорахъ. „Ходитъ, говорилъ онъ,— и все высматриваетъ". Порфирій... впрочемъ виноватъ, вы не знаете, кто это Порфирій и я долженъ прежде всего сказать о немъ нѣсколько словъ.

Порфирій былъ крѣпостной человѣкъ (да впрочемъ у насъ тогда всѣ были крѣпостные), нашъ метръ д'отель, древній лакей, сухой, вытянутый, съ сѣдыми короткими волосами, узкопрорѣзанными глазками и синимъ бритымъ подбородкомъ. Ходилъ онъ въ штиблетахъ и во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, глядѣлъ сурово и съ достоинствомъ, нюхалъ табакъ изъ тавлинки, на которой былъ нарисованъ малиновый замокъ на голубой лужайкѣ, читалъ старыя газеты и книги, далеко отводя руки, закинувъ голову назадъ, и презрительно сощурившись сквозь очки. Говорилъ онъ отрывисто, глу-

Ї зображенїе морской баталїи между Росїйскою Галерною аванъгардїею Которою командовалъ Карабелной шаутъбейнахтъ. І швецкою Эскадрою Под командою шаутъбейнахта эрнъшилта Случившейся у Гангута. Іюля . въ 27 день 1714 году.

Петровскія войны: Морская битва у Гангоута 27 Іюля 1714 г. Точная копія (Факсимиле) съ гравюры на мѣди XVIII столѣтія, грав. Вишневскій и Діамонтовскій.

хо, до того монотонно и съ такими разстановками, что напоминалъ, по сравненію бабушки, воду капающую послѣ дождя съ крыши. Витійствомъ онъ не отличался, но порою, разсказывая мнѣ „дивный случай“ воодушевлялся, и размахивая руками, жестами пособлялъ тому, чего не договаривалъ языкъ. Къ „дивнымъ случаямъ“ у него была страсть, и въ его головѣ было такое громадное складочное мѣсто этихъ случаевъ, что кажется и конца-то имъ не было. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось отъ него дважды слышать одинъ и тотъ же разсказъ,—каждый разъ являлось что нибудь новое. Только каждый разъ онъ начиналъ одними и тѣми же словами. А вотъ, судырь, не слыхали вы удивительное обстоятельство...

Трудно отдать предпочтеніе, чьи разсказы были лучше—бабушки или Порфирія: каждые былъ въ своемъ родѣ хороши. Первые были несравненно болѣе фантастичны, послѣдніе отличались болѣе реальной подкладкой: всегда упоминался годъ, мѣсто, гдѣ произошло событіе, назывались по именамъ всѣ участвовавшія въ немъ лица, такъ что сомнѣнія въ справедливости происшествія и быть не могло. Въ бабушкиныхъ разсказахъ поражало обиліе красокъ, роскошь образовъ. Въ „исторіяхъ“ Порфирія все было мрачно: тутъ были покойники, возставшіе изъ гробовъ, колдуны, двойники, вѣдьмы. И впечатлѣніе, производимое его повѣствованіями, было различно. Слушая бабушку, я обыкновенно лежалъ навзничь на диванѣ, положивъ голову на ея колѣна, машинально блуждая взглядомъ по темному потолку, перерѣзанному узкой полоской свѣта изъ сосѣдней комнаты, вглядываясь въ неясные контуры предметовъ,—и неизъяснимая, блаженная истома охватывала меня. Слушая Порфирія, я сидѣлъ въ его каморкѣ, на кончикѣ сундука, покрытаго краснымъ жиденькимъ ковромъ, и старался не смотрѣть вокругъ: до того страхъ охватывалъ меня. Я не смѣлъ пошевелиться, и какое то дикое чувство боязни и страха волновалось во мнѣ. Порою подъ ушами и въ нижней челюсти чувствовалось какое-то странное ощущенье ломоты, и тогда, боясь оглянуться, я замиралъ на сундукѣ. А вокругъ гнетущая тишь царила, только однообразно звучалъ его голосъ, да маятникъ маленькихъ стѣнныхъ часовъ, засиженныхъ мухами, быстро качался изъ стороны въ сторону. Пламя нагорѣвшей сальной свѣчки такъ и прыгало, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣни всѣ прыгали вокругъ, точно всѣ предметы шевелились. Пріостановится Порфирій, сниметъ нагаръ большимъ и указательнымъ пальцами, оботретъ ихъ объ исподнюю сторону фалды.— и пріостановится прыганье на время.

Порфирій никогда не соглашался со мной на счетъ карликовъ и старичковъ, говоря, что нигдѣ о нихъ „не показано,“ кромѣ книгъ дѣтскихъ, ребятамъ на потѣху, и что все это одно суевѣріе. Когда я ему разсказывалъ про длинный языкъ, что высовывается изъ ящика на чердакѣ, онъ пожималъ плечами и говорилъ: „такъ вѣдь это-жъ *онъ* представляется“. Бабушка, напротивъ, хмурилась, когда я говорилъ ей о домовомъ и неодобрительно качала головой.—„Нѣтъ домовыхъ, нѣтъ,— не вѣрь, дружокъ!“ И никакъ я не могъ помирить ихъ противорѣчія. Порфирій таинственно говорилъ: „онѣ *его* не видали, потому такъ и утверждаютъ, что яко бы его и нѣтъ; а если увидѣть придется—согласятся со мной“.

Я вѣрилъ и бабушкѣ и Порфирію...

IV.

Бабушка очень благоволила къ Порфирію; главная причина этому была та, что онъ былъ камердинеромъ дѣдушки, и дѣдушка умеръ даже, какъ говорится, на его рукахъ. Умеръ дѣдушка чрезвычайнымъ экспромтомъ, чего-то обкушавшись, въ то время какъ ни его жены, ни дочерей не было въ городѣ—онѣ уже отправились въ деревню. Порфирій одинъ ухаживалъ за бариномъ, растиралъ ему чѣмъ-то животъ, сидѣлъ по ночамъ у его постели, самъ догадался послать сперва за докторомъ, а потомъ и за священникомъ, когда дѣдушка „ужь мигать начали“. Послѣднія слова дѣдушки были: „Эхъ, Машки нѣтъ“... что относилось къ бабушкѣ.

Бабушка никогда не могла простить себѣ этого случая: какъ это ее не было при мужѣ во время смерти. Она стала очень религіозна, носить начала только черное, и никогда не смѣялась, развѣ улыбалась порой. Общества она впрочемъ не чуждалась: у насъ былъ постоянный пріѣздъ, и у бабушки были даже „свои“ знакомые, все люди почтенныхъ лѣтъ, со всевозможными знаками отличій. Къ ручкѣ ея подходили всѣ съ почтеніемъ, а она цѣловала всѣхъ въ високъ, просила садиться поближе, вытягивала ноги на узорной скамейкѣ, подкладывала подъ локоть подушку съ кривоногимъ охотникомъ и необычайно страшной собакой, и начиналась благодушная бесѣда, прерываемая то чаемъ, то кофе, подаваемымъ въ тоненькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ съ китайской живописью. Ко всѣмъ одинаково бабушка относилась радушно,—но особенно близкихъ друзей принимала у себя въ будуарѣ. Въ эту комнату, съ мягкимъ краснымъ ковромъ, старинными ширмочками, стѣнами и потолкомъ, обитыми матеріей, съ силуетными портретами и старинною мебелью, допускались очень немногіе и входили туда съ благоговѣніемъ. Только одинъ я не стѣснялся, залѣзая съ ногами на патэ и кресла, да бочкомъ поглядывая на шкапчикъ, стоявшій рядомъ съ шахматнымъ столикомъ: въ этомъ шкапчикѣ никогда не переводились сласти.

Порою въ будуарѣ появлялся Порфирій. Входилъ онъ на цыпочкахъ и останавливался у самой портьеры. Разговоры съ бабушкой продолжались иногда по долгу. Вспоминали старое время, преимущественно „покойничка“, при чемъ оба не то что плакали, а какъ-то странно помаргивали. Я думаю сотни разъ передавалъ ей Порфирій подробности дѣдушкиной смерти, но каждый разъ слушала она со вниманіемъ, точно надѣялась еще что нибудь новое узнать. Смерть дѣдушки, какъ я уже сказалъ, и сблизила невольно бабушку съ Порфиріемъ, но эта же смерть, или вѣрнѣе одно изъ обстоятельствъ смерти, было въ нѣкоторомъ родѣ яблокомъ раздора между ними. И въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны дѣдушкины часы...

V.

Дѣло въ томъ, что въ ночь смерти дѣдушки, большіе старинные часы, въ громадномъ деревянномъ футлярѣ, съ стеклянной сплошной дверцей, стоявшіе въ его кабинетѣ и заводившіеся въ опредѣленные сроки, ни съ того ни съ сего остановились. И еще странная вещь случилась: ключикъ отъ дверцы въ ту же ночь вывалился изъ замка и куда-то затерялся, такъ что ихъ невозможно было завести вновь. Порфирій увѣрялъ, что никто изъ дворни ихъ не останавливалъ, что онъ все время при баринѣ былъ безотлучно. Нѣсколько разъ собирались сдѣлать другой ключикъ, слесарь даже приходилъ однажды, да такъ и не сдѣлали—такъ навсегда они и оставались неподвижными.

Бабушка ихъ не долюбливала, а потому стояли они не у нея въ будуарѣ, а въ небольшой проходной комнатѣ, отдѣлявшей домашнія комнаты отъ пріемныхъ. Это была странная какая-то нелюбовь,—она, идя мимо, съ такимъ отвращеніемъ взглядывала на нихъ, точно это былъ ея заклятый врагъ.

— Отчего вы ихъ не пустите, бабушка, часто спрашивалъ я, и всегда получалъ отвѣтъ:

— Они, мой свѣтъ, до того воютъ во время боя, что всю душу вытянутъ, особливо когда двѣнадцать забьютъ,—конца нѣтъ, ровно колоколъ въ монастырѣ по покойникѣ.

Какъ теперь я вижу эти часы. Циферблатъ у нихъ былъ матовый съ стальнымъ отблескомъ, и на немъ тускло выдѣлялись прямыя, вытянутыя въ струнку римскія цифры. Стрѣлки были тоненькія, узорныя, остановившіяся на безъ четверти три. Маятникъ былъ длинный, громадный, и чечевица его равнялась блюду порядочной величины. „Какъ ходитъ такой,—его и не качнешь“, думалъ я, по долгу просиживая передъ этими часами на скамейкѣ. „И съ чего бы это было имъ останавливаться послѣ дѣдушкиной смерти?“ думалось мнѣ.

— Бабушка, отчего они остановились?

Бабушка съ недовольнымъ видомъ отворачивалась.

— Отчего остановились... Остановилъ кто нибудь.

— Кто?

— Изъ дворни кто-нибудь; можетъ попъ остановилъ.

— Зачѣмъ же онъ остановилъ?

— Чтобъ больного не безпокоить.

Я шелъ къ Порфирію.

— Порфирій, бабушка говоритъ, что кто нибудь изъ дворни дѣдушкины часы остановилъ.

Порфирій тоже хмурился.—Изъ дворни? Да нѣшто дворня была въ то время въ кабинетѣ? Пустилъ бы я кого! Да дворня-то пуще часовъ обезпокоитъ.

— Ну, такъ попъ.

— И попу тутъ нечего останавливать. Онъ таинство пришелъ свершать—чего ему въ часы лѣзть. Да вѣдь онъ до сихъ поръ къ намъ ходитъ, вы спросите у него.

— Такъ отчего-жь они стали?

— Завсегда такъ бываетъ. Какъ хозяинъ въ домѣ умретъ—всѣ часы станутъ.

— А ключъ гдѣ?..

— Попъ въ карманѣ унесъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь вы говорите, что попъ часы остановилъ, значитъ и ключъ онъ взялъ. Вотъ какъ придетъ онъ къ намъ, вы и спросите: „зачѣмъ, молъ, ты ключи крадешь?“ что онъ вамъ скажетъ.

И я опять шелъ къ часамъ и смотрѣлъ на нихъ—не скажутъ-ли, молъ, они мнѣ больше Порфирія и бабушки. Но часы упорно хранили молчаніе,—загадочно висѣлъ маятникъ, загадочно стрѣлки стояли на своихъ мѣстахъ, таинственно темнѣло что-то подъ циферблатомъ и шевелилось; страшно, точно два глаза, смотрѣли изъ-подъ стекла два отверстія для заводнаго ключа, смотрѣли неподвижно, пронзительно—и молчали.

— Выросту большой,—думалъ я,—разобью стекло, а самъ отвернусь, чтобъ осколки въ глазъ не попали, и потомъ толкну маятникъ. Если не заведены они, я заведу и пущу... а то можно алмазомъ стекло вырѣзать.

Сидѣлъ я разъ, мечтая такъ, передъ часами и вдругъ что-то въ нихъ треснуло, да такъ громко, отрывисто. Я затаилъ отъ страха дыханье. Что то звякнуло внутри ихъ, зазвенѣло... Я кинулся со всѣхъ ногъ, вбѣжалъ прямо къ бабушкѣ въ будуаръ и уткнулся въ нее шепча въ ужасѣ: часы, часы!

Бабушка вдругъ поднялась въ перепугѣ.

— Идутъ? спросила она.

— Нѣтъ... трещитъ что-то...

Она зажгла свѣчку и быстро пошла въ проходную. Все было тихо и въ часахъ, и вокругъ нихъ.

— Мнѣ третій день все кажется, точно они ходятъ, словно про себя сказала она. Все маятникъ щелкаетъ.

Она внимательно осмотрѣла все кругомъ и недовольная ушла къ себѣ.

VI.

Бабушка почти никогда не бывала больна и не смотря на свои очень и очень преклонные годы была еще очень бодрой старушкой. Про докторовъ она говорила: ровно сколько родилось людей, столько и умретъ—ужь это вѣрно,—при чемъ же тутъ доктора. Ей отвѣчали, что при помощи медицины можно отдалить по возможности смерть. Она на это махала рукой и говорила: и, батюшка, у меня былъ дядя, что и безъ докторовъ сто два года прожилъ, что говорить!

— Онѣ помрутъ на ходу,—говаривалъ про бабушку Порфирій. Къ нимъ смерть придетъ безъ болѣзни. Болѣзнь ихъ не осилитъ, потому онѣ суставами крѣпки. Они прямой смертью помрутъ.

— Да бабушка не умретъ! возражалъ я ему, живо представляя себѣ ея здоровую фигуру. И я ей говорилъ тоже.

Она смѣялась и гладила меня по головѣ.

— Еще бы! Я до втораго пришествія проживу, меня какъ рѣдкость въ балаганахъ показывать будутъ,—такъ что-ли?

— Нѣтъ, не такъ, сердито отвѣчалъ я.

— А ты знаешь,—говорила бабушка,—что есть люди, что не то что, не умираютъ, а послѣ смерти живы остаются.

— Есть такіе? недовѣрчиво возражалъ я.

— Ивана Андреича знаешь?

— Что басни пишетъ?

— Да.

— Онъ въ прошлое воскресенье три куска пирога съѣлъ.

— Ну вотъ онъ и не умретъ.

— Какъ-же онъ?

— Да такъ вотъ. Ты у него спроси.

Зашелъ къ намъ Крыловъ,—онъ рѣдко къ намъ хаживалъ, но большимъ пріятелемъ бабушки считался. Я къ нему на колѣна сейчасъ.—Иванъ Андреичъ,—бабушка говоритъ, что вы не умрете?

Тотъ усмѣхнулся, качнулъ своей грузной головой.

— Бабушка говоритъ,—повторилъ онъ.—Бабушка твоя...

И не договорилъ старикъ,—поперхнулся отъ чего-то. Да потомъ, когда прощался, долго-долго руку у бабушки цѣловалъ.

Какъ святыня у бабушки въ альбомѣ „Василекъ“ его рукою написанный хранился. Теперь онъ еще сохранился у меня: вы кажется видѣли, господа...

VII.

Разъ бабушка сидѣла на диванѣ, а я по обыкновенію возлѣ вертѣлся. Она вдругъ подозвала меня и посадила рядомъ съ собой.

— Слушай, сказала она строго;—ты все говоришь что я безсмертная, грѣшишь только. Ну такъ вотъ знай-же, что я послѣднюю недѣлю живу, а тамъ конецъ.

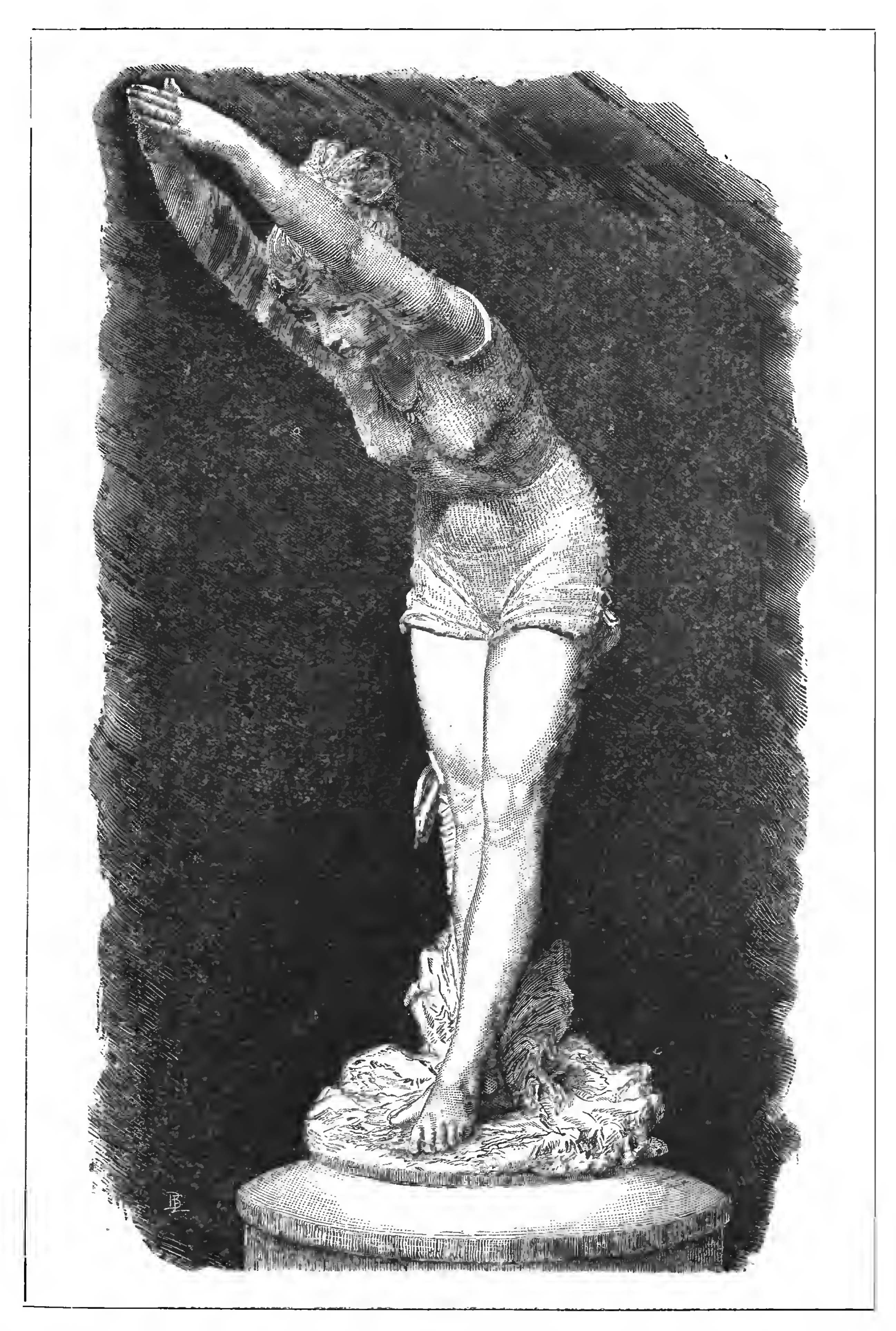
Я такъ и замеръ.

— На будущей недѣлѣ,—въ какой день не знаю, мнѣ конецъ будетъ, я чувствую. Такъ ты вотъ теперь не шали, не прыгай возлѣ меня, я готовлюсь. Смерть вѣдь не шутка. Это кто боится ее,—думать объ ней не хочетъ да не готовится. А я прямо иду, мнѣ не страшна она.

Я кинулся къ ней на шею со слезами. Она серьезно меня отстранила.

— Полно, нечего плакать,—такъ къ слову пришлось,—говорить-то тебѣ не слѣдовало.

На всемъ домѣ отозвалось странное предчувствіе бабушки. Матушка ходила съ заплаканными, красными глазами, Порфирій хмурился, со мною не разговаривалъ, дѣла никакого не дѣлалъ, только отрывисто ворчалъ на слугъ. Прислуга вся тоже ходила какъ въ воду опущенная,—все изъ рукъ у нихъ валилось. Заѣзжіе гости на минуту вносили жизнь, но потомъ, охваченные гнетущей атмосферой нашего дома, узнавши странную новость, умолкали, въ недоразумѣніи сидѣли еще немного и потомъ уѣзжали. Скоро весь го-

Всемірная Выставка въ Парижѣ: Итальянскій художественный отдѣлъ. „Купальщица“. статуя Таббаки, грав. Белларини.

Литературный альбомъ. Сцена изъ драмы: „Натанъ Мудрый“ Г. Лессинга. Рис. Готлиба, грав. Руфъ.

родъ узналъ, что бабушка умирать собралась, и платье бѣлое приготовила и разгладила, и о цвѣтѣ гроба распорядилась. Не знали смѣяться, или плакать,—въ большинствѣ случаевъ только пожимали плечами.

А виновница всей этой кутерьмы была совершенно спокойна. Въ первый день пасхи приняла всѣ визиты, подтвердила, что ее на Фоминой уже не будетъ, и написала собственноручно нѣсколько писемъ на французскомъ языкѣ въ Москву и Парижъ. Потомъ, на третій день праздника она имѣла долгую бесѣду съ какимъ-то лысымъ генераломъ съ подкрашенными волосами и съ адмираломъ такимъ же лысымъ, какъ и генералъ. Говорили они очень много, потомъ пришелъ священникъ нашего прихода, тоже старикъ, у котораго волосы изъ сѣдыхъ перешли въ желтые, и который имѣлъ привычку отворачивать постоянно лѣвой рукой обшлагъ праваго рукава, должно быть для того, чтобъ показать канаусовую подкладку. Что-то писали, читали, запечатывали, должно быть, завѣщаніе. Матушка плакала навзрыдъ, у генерала носъ краснѣлъ, адмиралъ бочкомъ посматривалъ на звѣзды, чтобы скрыть смущеніе, а „батюшка“ нюхалъ табакъ, весь сощурившись отъ наслажденія, и говорилъ: „бываетъ-съ, бываетъ; свыше человѣку показуется“...

П. См—скій.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Къ рисункамъ.

Петровскія войны *).

(Битва у Гангоута 27-го іюля 1714 года).

Послѣ Полтавской битвы, сокрушившей могущество шведовъ, война съ Швеціею еще не кончилась. Шведскій паладинъ уѣхалъ въ Турцію и тамъ возбудилъ войну противъ Россіи. Война эта была несчастлива для Петра. Царь, обманутый своими союзниками, впалъ въ такую же ошибку, какую передъ тѣмъ сдѣлалъ Карлъ XII, вошедши въ Малороссію. Какъ для шведскаго короля обѣщанія Мазепы, впрочемъ весьма неясныя и туманныя, имѣвшія вѣсъ лишь въ глазахъ самаго Карла, были причиной всѣхъ постигшихъ его потомъ несчастій, такъ и Петръ, положившись на красныя рѣчи господарей Молдавскаго и Валахскаго, попалъ въ положеніе, которое могло окончиться для него своего рода Полтавою. Петръ, хотя и не безъ большихъ затрудненій, съумѣлъ выпутаться изъ западни, которую самъ себѣ приготовилъ, и въ этомъ выразилось ясно все его различіе отъ Карла. Послѣдній обладалъ мужествомъ и смѣлостью, которыя граничатъ близко съ дерзостію: по понятію Карла ни передъ какой опасностью отступать было не должно, то есть, встрѣтивъ, напримѣръ, стѣну, надобно было или стѣну отодвинуть, или лобъ объ нее разбить. Петръ, при всемъ своемъ мужествѣ и настойчивости, имѣлъ однако столько гибкости въ характерѣ, что не шелъ никогда противъ невозможнаго, не „пралъ“, какъ говорятъ, „противъ рожна“. Встрѣтивъ неодолимыя препятствія, онъ благоразумно отъ нихъ уклонялся. И въ этой-то гибкости его характера заключается причина, почему прутская неудача была для него только Прутскою, а не Полтавскою и не Переволочненскою. А Полтавскій исходъ могла имѣть эта катастрофа. Вспомнимъ только, что Петръ при Прутѣ съ 38,000 арміей былъ окруженъ турками, имѣвшими въ своемъ распоряженіи 190,000 человѣкъ. Позиція, доставшаяся на долю русскихъ, была одна изъ самыхъ несчастныхъ, къ тому же у русскихъ не было провіанта. Положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ отчаянное! Однакоже Петръ, какъ сказано выше, выпутался изъ этого положенія. Онъ сдѣлалъ большія уступки туркамъ и пошелъ затѣмъ здравъ и невредимъ домой.

Послѣ Прутскаго похода, Петръ по прежнему направилъ всѣ свои силы противъ Швеціи. Еще до войны съ турками Петръ завладѣлъ всею Эстляндіею и Лифляндіею, распространивъ при томъ свое вліяніе и на Курляндію. Послѣ Прутскаго похода война съ Швеціей расширилась: театръ ея раздвинулся до устьевъ Эльбы. Какъ всегда водится, на слабаго много нашлось противниковъ. Кромѣ королей Датскаго и Польскаго, вразумившихся послѣ Полтавской битвы, что они не ладно заключили миръ съ Шведскимъ королемъ, въ войну противъ Швеціи,—прямо или косвенно, втянулись: король Прусскій, герцоги Голштинскій и Мекленбургскій и курфирстъ Ганноверскій. Кромѣ того и Англія съ Франціею, а за Англіею и Голландія, нашли, что до этой войны есть имъ дѣло. При силѣ союзниковъ и истощеніи Швеціи казалось бы, сѣверной войнѣ должно было скоро окончиться. Но вышло то, что въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ: союзники, сильные своими средствами, страдали отъ недостатка единодушія и согласія. Каждый изъ союзниковъ наровилъ притянуть себѣ лакомый кусочекъ на счетъ ли шведовъ, или просто на счетъ своихъ сосѣдей. Благодаря этому обстоятельству истощенные шведы, безъ главы въ управленіи, могли еще долго держаться противъ грознаго союза. Напрасно Петръ приглашалъ своихъ сотоварищей по союзу дѣйствовать единодушно. Союзники были согласны только въ одномъ: просить отъ Петра войска и *ефимковъ*. Петръ не отказывался помогать имъ, сколько могъ: его войска постоянно дѣйствовали въ Помераніи; давалъ онъ, смотря по пользѣ, отъ того ожидаемой, и деньги: но выгодъ для Россіи было мало: война тянулась, не приводя ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Не мало мѣшали въ этомъ случаѣ Петру и тѣ державы, которыя подъ видами человѣколюбія думали быть посредниками въ распрѣ его со Швеціею, напримѣръ, Англія и Франція. Что касается Англіи, то она находила, что ея торговые интересы пострадаютъ отъ расширенія русскаго господства на Балтійскомъ морѣ. За Англіею тянула ту же пѣсню и Голландія. Французскій же король гнулъ, какъ и всегда, на сторону шведовъ, старинныхъ своихъ союзниковъ и пріятелей. Это называлось посредничествомъ!

Среди такихъ обстоятельствъ Петръ держалъ высоко знамя Россіи. Договариваясь съ союзниками и посредниками, онъ давалъ людей и деньги, дѣлалъ уступки, но какъ скоро видѣлъ, что претензіи друзей и миротворцевъ заходятъ слишкомъ далеко, касаются уже чести Россіи, онъ показывалъ этимъ друзьямъ свой кулакъ. Такъ одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ, имѣвшій случай присмотрѣться къ характеру Петра, говорилъ: „съ царемъ надобно поступать осторожно; онъ желаетъ мира, но враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя“. Этотъ отзывъ дипломата, сдѣланный въ то время, когда намъ хотѣли навязать неблаговременный миръ, сильно подѣйствовалъ въ нашу пользу и охладилъ усердіе браннолюбивыхъ миротворцевъ. Между тѣмъ, чтобы приближать по возможности дѣло къ развязкѣ, Петръ считалъ неизлишнимъ вразумить особыми внушеніями ту державу, которая болѣе всѣхъ упорствовала въ веденіи войны, то есть Швецію. По южную сторону Финскаго залива, все, чѣмъ владѣли шведы, было отъ нихъ уже отнято. Оставалось теперь нанести шведамъ вредъ съ сѣверной стороны залива, въ Финляндіи. На дѣйствія со стороны Финляндіи Петръ смотрѣлъ такъ:

„Итти въ Финляндію не для раззоренія, но чтобъ овладѣть, хоть оной намъ не нужно вовсе удерживать, но двухъ ради главнѣйшихъ причинъ: первое, было бы что при мирѣ уступить... другое, что сія провинція есть матка Швеціи... не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ попуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ“. Въ мартѣ 1712 года велѣлъ Петръ готовиться къ Финляндскому походу; въ концѣ апрѣля галерный флотъ изъ 93 галеръ, 60 карбасовъ и 50 большихъ лодокъ съ 16,000 войска, отплылъ изъ Петербурга въ Финляндію, подъ начальствомъ генералъ-адмирала графа Апраксина; Петръ находился при экспедиціи, какъ контръ-адмиралъ, въ авангардѣ. Экспедиція увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Къ концу августа вся почти Финляндія находилась въ рукахъ русскихъ. Главный городъ Финляндіи Або также былъ занятъ русскими.

Съ такою же точно цѣлію, то есть въ видахъ вразумленія шведовъ, предпринятъ былъ второй большой походъ въ Финляндію въ 1714 году. Въ этомъ году вся Финляндія окончательно была покорена. Сухопутныя силы шведовъ были поражены и въ тоже время часть непріятельской эскадры, фрегатъ и десять галеръ, съ начальникомъ ея контръ-адмираломъ Эреншельдомъ во главѣ взяты были въ плѣнъ 27-го іюля при Гангоутѣ. Героемъ этого дня былъ самъ Государь. Обрадованный, возвратился онъ въ *парадизъ* и былъ произведенъ Сенатомъ въ вице-адмиралы. Это взятіе Эреншельда съ его эскадрою и изображено на настоящемъ рисункѣ. Рисунокъ, конечно, не изображаетъ всѣхъ моментовъ славнаго дѣла; въ немъ, какъ надо полагать, представленъ послѣдній моментъ сдачи. Главнаго же дѣла, предшествовавшаго сдачѣ и условившаго ее, именно перетаскиванія русскими своихъ судовъ чрезъ узкій перешеекъ, на рисункѣ нѣтъ да и быть не могло, если художникъ избралъ другой моментъ.

И. З.

*) Подъ этимъ заглавіемъ были помѣщены въ прошедшемъ 1877 г. на страницахъ «Нивы» описанія трехъ петровскихъ войнъ (см. «Ниву» 1877 г. №№ 5, 8 и 18, стр. 77, 125 и 290). Помѣщаемая въ этомъ номерѣ статья имѣетъ свое отдѣльное и совершенно самостоятельное значеніе; но интересующимся петровскими войнами не можемъ не указать на вышеупомянутыя статьи, заслуживающія по своему интересу серьезнаго вниманія. *Ред.*

Всемірная Выставка въ Парижѣ.

Какъ уже извѣстно изъ рисунковъ и статей, которыя мы помѣщали въ предъидущихъ номерахъ нашего журнала, дворецъ Марсова поля имѣетъ форму параллелограмма. Главный фасадъ, обращенный къ р. Сенѣ, отличается большой роскошью и великолѣпіемъ. Внутренній видъ этого зданія превосходенъ, о чемъ

можно судить по прилагаемому къ этой статьѣ рисунку. Снаружи дворецъ имѣетъ слѣдующій видъ:

На невысокомъ фундаментѣ стоятъ громадные чугунные столбы, поддерживающіе желѣзныя стропила стеклянной крыши. Въ пролетахъ между столбами съ наружной стороны вдѣланы желѣзныя рамы, образующія стѣны. Въ рамахъ же вставлены бѣлыя и блѣдно-голубыя стекла. По угламъ зданія устроены павильоны изъ желтоватаго камня, накрытые чугунными куполами, чрезвычайно легкой архитектуры, чему много способствуютъ громадныя стекла, занимающія двѣ трети ихъ высоты. Надъ главнымъ входомъ сдѣланъ такой же куполъ, какъ и надъ угольными павильонами, но нѣсколько ниже.

Первое, что бросается въ глаза при входѣ во дворецъ Марсоваго поля, что поражаетъ сразу—это часы, поставленные на восьмиугольномъ пьедесталѣ, украшенномъ фигурами и горельефами. Эти часы работы Фарко (Farcot). Маятникъ прикрѣпленъ къ потолку купола и виситъ надъ часами, качаясь при посредствѣ механизма, находящагося въ часахъ. Онъ имѣетъ видъ земного шара и отлитъ изъ вызолоченной бронзы.

Не смотря на массивность дворца Марсоваго поля, архитекторы съумѣли придать ему граціозную форму. Здѣсь мы, какъ говоритъ извѣстный французскій писатель Золя (іюнь, „В. Евр."), наталкиваемся на ту современную архитектуру, въ которой выразится архитектура XIX-го вѣка и ея смѣлыя постройки изъ чугуна и желѣза, такія легкія и вмѣстѣ съ тѣмъ такія солидныя. Это парижскій рынокъ, это наши дебаркадеры, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, приспособленныхъ для пріюта промышленности и искусства всѣхъ народовъ. Ничего нельзя представить себѣ величественнѣе этихъ гигантскихъ павильоновъ, съ стройными колоннами, съ тонкими, но могучими арками, напоминающими дворцы волшебницъ, окаменѣвшія подъ мановеніемъ волшебнаго жезла науки.

Среднимъ числомъ на выставкѣ ежедневно перебываетъ до 40,000 народу. Бываютъ дни, когда число посѣтителей доходитъ до 90,000. Надобно замѣтить, что организаторы выставки исключили изъ своей программы одно изъ средствъ, всегда привлекающихъ публику—именно съ начала открытія на выставкѣ не было совсѣмъ иностранныхъ кафе и ресторановъ. Генеральный комиссаръ Кранцъ вѣроятно не отличается сочувствіемъ къ такого рода учрежденіямъ. Впрочемъ, отсутствіе ихъ сказалось такъ настоятельно, что въ настоящее время уже открываются различныя таверны и кофейны. Изъ нихъ, замѣтимъ, наиболѣе оригинальная венгерская чарда, въ которой играетъ венгерскій оркестръ цыганъ. Это можно сказать курьезъ настоящей минуты; толпа приливаетъ туда безпрестанно и удерживается своеобразною прелестью музыки. Особенно хорошо исполняются венгерскія народныя пѣсни и знаменитая „чарда"—прелестный образчикъ ихъ народной музыки. За венгерской чардой составляетъ привлекательность для публики тунисскій кафе, съ черномазыми музыкантами, играющими на скрипкѣ, формою похожей на башмакъ, смычкомъ, похожимъ на лукъ, и на горшкѣ, открытомъ съ одной стороны и обтянутомъ кожей съ другой. На нѣсколько минутъ даже забавно прослушать монотонные звуки, извлекаемые этими музыкантами изъ ихъ инструментовъ, въ то же время прихлебывая кофе съ гущей, впрочемъ не смотря на гущу, превосходное кофе.

Первоначальная смѣта расходовъ по устройству выставки была опредѣлена въ 35 милліоновъ франковъ, теперь цифра превышена и есть основаніе думать, что она дойдетъ до 50 милліоновъ. Громадные расходы будутъ покрываться доходами, даваемыми выставкой, какъ-то: пошлинами съ ресторановъ, съѣстныхъ припасовъ, доходами съ желѣзныхъ и конныхъ дорогъ, съ омнибусовъ и т. п. и т. п., а также продажею матеріаловъ послѣ сломки дворца на Марсовомъ полѣ.

Дворецъ Трокадеро останется Парижу и составитъ одно изъ обширныхъ и великолѣпныхъ его зданій. Въ результатѣ выставка должна оказаться выгоднымъ предпріятіемъ, особенно со стороны нравственнаго значенія Франціи. Рисунокъ дворца Трокадеро былъ уже помѣщенъ въ Нивѣ (см. № 7 Нивы 1877 г.). Въ дополненіе къ сообщенному нами объ этомъ зданіи выставки не безъинтереснымъ считаемъ добавить слѣдующее:

Дворецъ Трокадеро представляетъ поистинѣ грандіозное зрѣлище. Въ особенности его каскадъ, удавшійся какъ нельзя болѣе.

Каскадъ этотъ начинается у подошвы дворца и падаетъ въ бассейнъ съ высоты 10 метровъ. Резервуаръ, находящійся на терассѣ перваго этажа устроенъ въ видѣ раковины. Самая терасса украшена бронзовыми позолоченными статуями, изображающими части свѣта. Нижній бассейнъ обставленъ статуями изъ позолоченнаго чугуна и представляющими носорога, въ первый разъ фигурирующаго на поприщѣ ваянія, слона, быка крупнѣйшихъ размѣровъ, лошади съ развѣвающейся по вѣтру пушистой гривой. Благодаря таланту Жакмара, носорогъ превосходенъ, натураленъ. Въ нишахъ дворца надъ поверхностью воды поставлены мраморныя статуи „воздухъ и вода". Галлереи, огибающія полукругомъ колоссальную ротонду дворца заканчиваются павильонами, имѣющими на переднемъ фасадѣ по широкому окну, стрѣльчатому вверху. Галлереи эти чрезвычайно красивы, легкость и красоту придаетъ имъ колонада, выдѣляющаяся на красномъ фонѣ задней стѣны. Концертная зала въ ротондѣ Трокадеро одна изъ самыхъ огромныхъ залъ въ Европѣ. Эта зала предназначается для концертовъ, необычайныхъ по числу исполнителей, а также въ ней будутъ, говорятъ, читаться лекціи.

Фонтанъ нижняго бассейна сада Трокадеро самый сильный изъ всѣхъ фонтановъ нынѣ существующихъ. Сады Трокадеро живописны, удивительны собранными здѣсь рѣдкими деревьями. А цвѣточные клумбы льютъ ароматъ и привлекаютъ вниманіе своей искусной обстановкой, своимъ разнообразіемъ. Изъ прекрасныхъ гирляндъ образуются прелестные рисунки. Есть тюльпаны, расположенные такимъ образомъ, что изображаютъ собой гербы, съ украшеніями вокругъ.

Кстати замѣтимъ, въ саду ближе къ Сенѣ, есть анжерская теплица, которая состоитъ вся изъ однихъ цвѣтовъ азалій. Но эти азаліи доведены до удивленія по своему разнообразію. Анжерскіе садовники слывутъ за лучшихъ въ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ до какого чуда доведены азаліи хотя бы въ этой теплицѣ. Одинъ и тотъ же цвѣтокъ имѣетъ до 20 оттѣнковъ. Садовникъ далъ своимъ созданіямъ и разнообразныя названія, между прочимъ имена политическихъ дѣятелей, какъ Макъ Магонъ, Тьеръ и т. п.

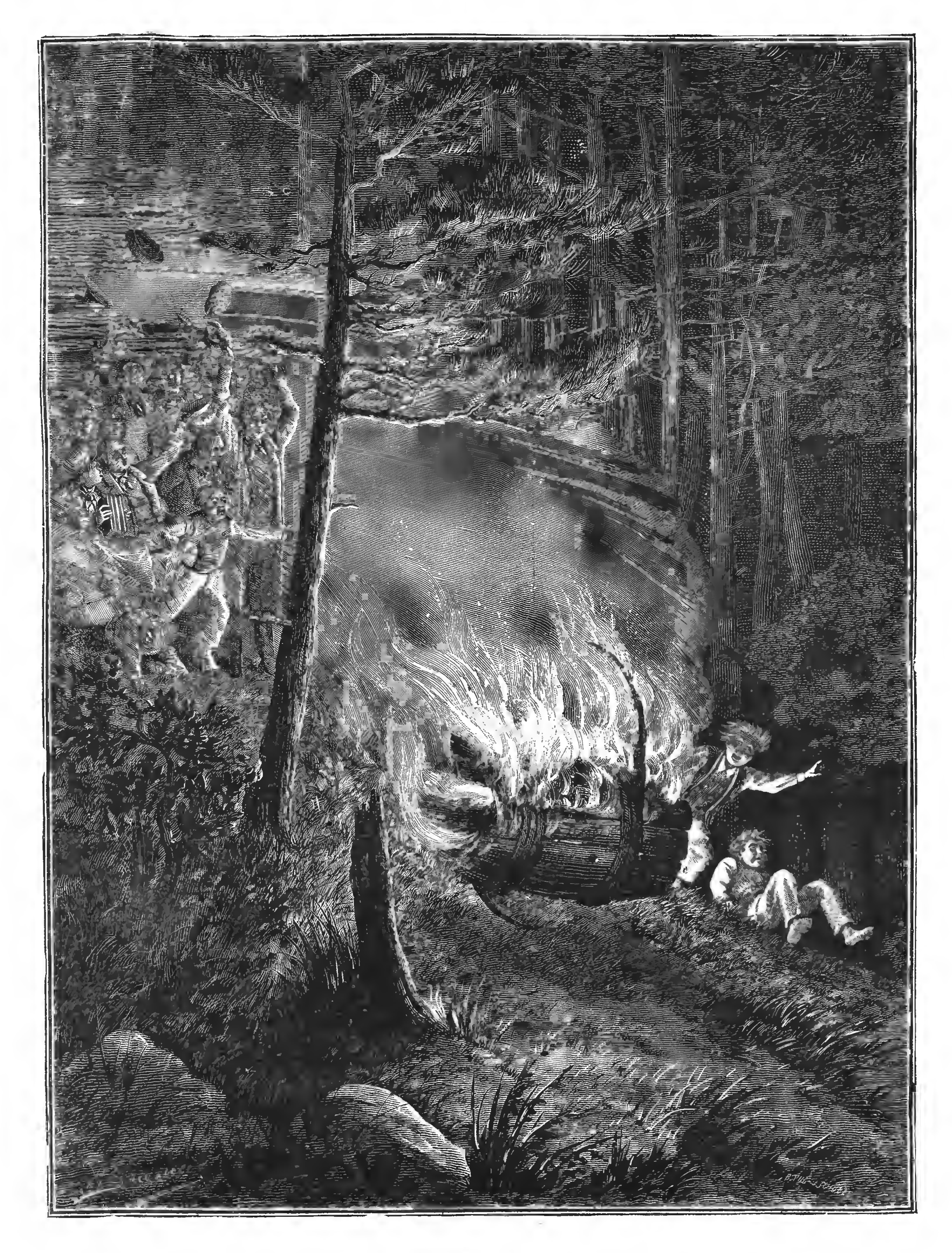
Въ заключеніе нашей статьи, скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу помѣщаемаго въ этомъ № рисунка со статуи Табакки „Купальщица". Статуя эта находится въ Итальянскомъ отдѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣми скульптурными произведеніями, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, помѣщая съ нихъ рисунки на страницахъ Нивы, а именно статуи „Пери" и „Африканка". Пери—работа того же Табакки, какъ и помѣщенная въ этомъ № Купальщица. Африканка, какъ извѣстно, произведеніе рѣзца скульптора Карона. На сколько всѣ эти скульптурныя произведенія лучше одно другого—судить трудно: всѣ они заслуживаютъ того, что бы на нихъ обращено было вниманіе любителя изящнаго. **Z.**

Литературный альбомъ. «Натанъ Мудрый» Лессинга.

Драма Лессинга „Натанъ Мудрый" написана въ 1779 г. Эта драма составляетъ одно изъ замѣчательныхъ произведеній Лессинга. Говорятъ, что изучать Натана значитъ изучать Лессинга. Изучать же Лессинга значитъ изучать великое развитіе германскаго народа, сдѣлавшагося вообще самымъ вѣротерпимымъ. По выраженію нѣмецкихъ критиковъ, Натанъ былъ духовнымъ завѣщаніемъ Лессинга, которымъ онъ завѣщалъ міру сумму истинъ, завоеванныхъ борьбою и мужествомъ. Натанъ мудрый есть евангеліе любви и терпимости, что было самымъ глубочайшимъ и существеннымъ проявленіемъ всего столѣтія. Въ драмѣ этой отражается исторія гуманности въ Германіи со времени появленія этой драмы. Болѣе теплый или холодной пріемъ ея есть барометръ гуманности. Умѣя облекать мысли въ занимательныя, жадно перечитываемыя сочиненія, Лессингъ заставляетъ читателя вглядываться разумно въ дѣло, быть объективнымъ судьей представляемаго факта и выслушивать безъ боязни тѣ положенія, которыя онъ представляетъ. Лессингъ былъ главнымъ въ первомъ поколѣніи тѣхъ дѣятелей, которыхъ историческая необходимость вызвала для оживленія его родины. Между соотечественниками онъ рѣшительно не находилъ соперниковъ въ своемъ вѣкѣ: самъ Фридрихъ II не имѣлъ такого сильнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ. Гете и Шиллеръ только довершали то, что уже было сдѣлано Лессингомъ—ихъ слушали, потому что Лессингъ заставилъ слушать; имъ сочувствовали, потому что Лессингъ заставилъ сочувствовать идеямъ, которыя выражали они,—и все, что было здороваго въ ихъ идеяхъ, было внушено Лессингомъ.

Натанъ собственно не есть драма въ строгомъ смыслѣ и самъ Лессингъ назвалъ свое произведеніе драматическимъ стихотвореніемъ. Прежде чѣмъ излагать содержаніе Натана, приведемъ фактъ изъ жизни Лессинга, предшествующій писанію этого произведенія и характеризующій отчасти и самую личность Лессинга и отношеніе общества къ своимъ великимъ дѣятелямъ. Чтобы спокойно заняться новой работой, драмою Натанъ, Лессингу надобно было достать нѣкоторую сумму денегъ. Ему, любимому обществомъ писателю, послѣ 30 лѣтней дѣятельности не хватало для этого 300 талеровъ. Собирать деньги впередъ по подпискѣ, прежде чѣмъ книга будетъ напечатана—Лессингу не хотѣлось. Если бъ я внезапно умеръ—говорилъ Лессингъ, а сочиненіе не окончилъ—такъ я бы остался долженъ сотнѣ людей, каждому изъ нихъ по гульдену и за этотъ гульденъ каждый изъ нихъ бранилъ бы меня на десять гульденовъ. Лессингъ искалъ гдѣ бы занять денегъ, пока наконецъ, не явился еврей, предложившій требуемую сумму знаменитому писателю. Еврей былъ страстнымъ поклонникомъ Лессинга и за услугу пожелалъ имѣть только собственноручное письмо. Лессинга однакожъ безпокоилъ и такой долгъ его, и по отпечатаніи Натана, онъ просилъ издателя этого сочиненія уплатить долгъ своему кредитору еврею.

Въ прямомъ, честномъ, высокой души евреѣ Натанѣ Лессингъ сосредоточилъ всѣ основные принципы піесы. Его Натанъ весь исполненъ стремленія къ добру, Натанъ богатъ, но

Ночь на Ивана Купала въ Финляндіи. Ориг. рисунокъ А. Васильева, грав. Пуцъ.

Всемірная выставка въ Парижѣ. Внутренній видъ главнаго входа во дворецъ выставки на Марсовомъ полѣ.
Рис. К. Фюшо, грав. Рашевскій.

богатство нажито не притѣсненіемъ или эксплуатаціей, оно слѣдствіе его неустаннаго труда, его ума и довѣрія къ нему другихъ. И Натанъ честно, разумно умѣетъ пользоваться тѣмъ, что имѣетъ. Отношеніе Натана къ своей дѣятельности, къ людямъ его окружающимъ къ жизни вообще дѣлаетъ его свободнымъ и онъ ни въ комъ не заискиваетъ, никого не боится.

Разскажемъ здѣсь содержаніе драмы.

У еврея Натата есть пріемная дочь—Рэха. Натанъ знакомитъ ее съ своими правилами и заботится о развитіи ея ума и сердца. Рэха сама говоритъ о себѣ, что она почти книгъ не читала, все что знаетъ—ей разсказано и разъяснено Натаномъ и она помнитъ по какому случаю и гдѣ разъяснено—отчего такъ и прочно укоренились въ ней ея знанія. „Мой отецъ не очень любитъ холодную начитанность:—она безжизненными знаками тѣснится въ разсудокъ“ — говоритъ Рэха. Натанъ имѣлъ семь сыновей, но они всѣ были замучены христіанами: онъ-же самъ вмѣсто мщенія за это воспитываетъ свою пріемную дочь съ необычайною о ней заботливостью, зная въ то же время, что она не принадлежитъ по рожденію къ еврейскому племени.

Объ этомъ онъ говоритъ такъ:

Моя жена и семь цвѣтущихъ, бодрыхъ
И много обѣщавшихъ сыновей,—
Что въ домѣ брата, гдѣ я ихъ припряталъ,
Они всѣ вмѣстѣ были сожжены.
Три дня, три ночи я въ золѣ, во прахѣ,
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ.—Плакалъ!
Я Бога укорялъ. Я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти... Понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ пріятно
Шепнулъ мнѣ: „все таки есть Богъ, и все,
Что сдѣлано—его опредѣленье.

И когда Натану былъ привезенъ завернутый въ плащѣ ребенокъ, онъ такъ къ этому отнесся:

Взявъ дитя (говоритъ онъ)
Я снесъ его къ себѣ, и на колѣняхъ,
Рыдая, цѣловалъ малютку.
О, Господи!—изъ семерыхъ дѣтей
Хотя одно возвращено мнѣ.

Рэха возросла на рукахъ христіанки Дайи, „наидобрѣйшей Дайи“, по выраженію Рэхи. Однажды Натанъ возвращался изъ поѣздки и узнаетъ, что въ его отсутствіе едва не сгорѣла Рэха. только благодаря какому то плѣнному храмовнику она спасена отъ гибели. Дайя, разсказывая о подвигѣ храмовника, говоритъ. что храмовникъ ни за что не хочетъ принять благодарности отъ Рэхи и на всѣ ея просьбы зайти хотя только разъ, онъ и не слушаетъ и только издѣвается надъ Дайей. Молодой, этотъ храмовникъ привезенъ плѣнникомъ въ Іерусалимъ, и помилованъ отъ казни султаномъ Саладиномъ за поразительное сходство съ умершимъ его братомъ Ассада. Находясь нѣсколько въ экзальтированномъ настроеніи, Рэха видитъ въ своемъ спасеніи нѣчто чудесное, сверхъестественное.

Натанъ, напротивъ, старался ее убѣдить, что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и говоритъ по этому поводу:

Вѣдь чудо величайшее ужь въ томъ:
Что истинно чудесное—и можетъ—
Да и должно обыкновеннымъ быть.
Безъ этого всеобщаго то чуда
Наврядъ бы мыслящій чудеснымъ назвалъ,
Что чудомъ звать одни должны бы дѣти,
Которыхъ только новость поражаетъ,
Необычайность случая.

Натанъ не говоритъ прямо Рэхѣ въ глаза, что ея слова бредъ, и выражаетъ даже какъ бы желаніе согласиться съ ней, что ея спасеніе дѣйствительно чудесно, но только Богъ могъ совершить это чудо и не посылая на то ангела, котораго Рэха хочетъ видѣть въ храмовникѣ. Дайя замѣчаетъ, что нѣтъ никакого вреда въ мысли считать себя спасенной ангеломъ и что такая мысль даже можетъ быть сближаетъ съ божествомъ. Натанъ отвѣчаетъ ей на это слѣдующими замѣчательными словами:

Гордость!
Тщеславье пошлое! Котелъ чугунный
Хлопочетъ, чтобы вынули его
Изъ пламени серебрянымъ ухватомъ,
Что бъ самому серебрянымъ казаться.

Однакожъ Натанъ обѣщается отыскать храмовника, и онъ находитъ его на площади подъ пальмами, куда приходитъ гулять храмовникъ.

Почти страшитъ чудакъ—почти смущаетъ
Суровой добродѣтелью своей.—
И надо жъ человѣку—человѣка
Въ такое затрудненье приводить.
Идетъ. И юноша, а смотритъ мужемъ.
Люблю я этотъ добрый, дерзкій взглядъ
И смѣлый шагъ.—Подъ грубой скорлупою
Навѣрно не такое-же ядро.

Такъ говоритъ Натанъ о храмовникѣ, увидѣвъ его, и проситъ позволенія заговорить съ нимъ. Храмовникъ выражаетъ желаніе, чтобы разговоръ былъ покороче, но когда Натанъ горячо и вмѣстѣ покорно началъ выражать свою благодарность, храмовникъ началъ чувствовать себя смущеннымъ. Натанъ высказываетъ предположеніе, что храмовникъ слишкомъ честенъ и не шелъ къ нему въ домъ на зовъ Рэхи, потому что

Вы знали
Какъ много чувства ожидать могли
Въ спасенной вами дѣвушкѣ,—какъ много
Готовности могли найти въ слугѣ;
Отецъ былъ далеко—и ваше имя
Отъ нареканья вы оберегали.
Боясь ее подвергнуть испытанью,
Боясь побѣды, вы бѣжали, рыцарь.
Спасибо вамъ

И далѣе онъ говоритъ, что повсюду можно встрѣтить людей хорошихъ. и получаетъ въ отвѣтъ отъ храмовника замѣчаніе, что эти хорошіе люди все таки отличаются одинъ отъ другого различіемъ.

Да,—говоритъ Натанъ, различьемъ въ цвѣтѣ кожи,
Въ сложеніи, въ одеждѣ.
Но тутъ еще не велико различье.—
Нѣтъ, по просту людей хорошихъ
Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало.—
Но только надо, чтобъ одинъ другого
Не порицалъ, что бъ терпѣливо наросль
Корявый сукъ сносила—чтобъ верхушка
Не вздумала гордиться, что она
Одна изъ подъ земли не выростала.

Храмовникъ отказывается отъ всякихъ притязаній на благодарность, такъ какъ онъ только исполнялъ свой долгъ, спасая неизвѣстную ему дѣвушку, но соглашается зайти въ домъ къ Натану и въ это свое посѣщеніе плѣняется Рэхой такъ, что рѣшается просить у Натана руки ея. Натанъ не отказываетъ, но въ немъ явилось подозрѣніе—не родственные ли между собой храмовникъ и его пріемная дочь Рэха, которую ему принесли 6-ти недѣльной на воспитаніе отъ погибшаго въ бою отца и скончавшейся матери, и онъ проситъ времени, чтобы раскрыть подозрѣніе. Въ это время Натана требуютъ къ султану. Саладинъ находится въ затруднительныхъ денежныхъ дѣлахъ.

О Саладинѣ говорятъ, что это единственный и настоящій царь, что онъ ненавидитъ нищихъ и хочетъ всѣхъ ихъ уничтожить, „Хотя бы для этого пришлось и самому быть нищимъ“. И что въ настоящее время:

Его казна къ закату солнца
Становится пустѣе пустоты—
И что потокъ не принесетъ по утру,
Глядь, все до капли въ полдень уплыло.

Саладинъ раздаетъ деньги и пока ему не высылаютъ денегъ изъ Египта хочетъ занять у Натана. Саладинъ имѣетъ сестру Зитту.

Саладинъ любитъ играть въ шахматы и зачастую съ умысломъ проигрываетъ большія суммы сестрѣ, которая тайкомъ отъ брата отдаетъ свои деньги на содержаніе двора. Саладинъ встрѣчаетъ Натана и вмѣсто того, чтобы прямо обратиться съ просьбой о деньгахъ онъ вызываетъ Натана на разговоръ: какая религія лучше. Но Натанъ рѣшительно сбиваетъ Султана съ его наступательной позиціи и разсказываетъ ему сказку о волшебномъ кольцѣ. Эта сказка въ высокой степени заслуживаетъ того, чтобы привести ее здѣсь дословно:

„Во дни, давно былые (говоритъ Натанъ).
Жилъ на востокѣ нѣкій человѣкъ,
Который изъ любимыхъ рукъ—въ подарокъ—
Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной.
Въ кольцѣ былъ вставленъ камень драгоцѣнный,
Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ—
И силу тайную имѣвшій: дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кому носить его случалось
Съ надеждой и довѣріемъ Понятно,
Что не снималъ его съ своей руки
Восточный житель никогда, что даже
На вѣки сохранить его рѣшился
Въ своемъ потомствѣ—именно вотъ такъ:
Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство
Любимѣйшему сыну, завѣщая,
Чтобъ этотъ сынъ опять отдалъ его
Тому изъ сыновей своихъ, который
Заслужитъ наибольшую любовь...
И чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ
Въ своей семьѣ, чтобъ не смотря на лѣта,
Одинъ значеніемъ кольца, онъ всѣми
Былъ уважаемъ, какъ глава и князь...
И такъ, переходя отъ сына къ сыну,
Кольцо досталось одному отцу,
Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ
Онъ послушаніемъ равное встрѣчалъ,
И потому и самъ любилъ ихъ равно.

Порой одинъ, порой другой иль третій
Ему казался болѣе достойнымъ
Кольца, и съ кѣмъ изъ нихъ наединѣ
Онъ оставался, тотъ его любовью
И пользовался въ ту минуту больше,
Чѣмъ братья; такъ что каждому изъ нихъ
Онъ обѣщалъ кольцо тайкомъ отъ прочихъ.
Такъ дѣло шло, подходитъ время смерти.
Старикъ приходитъ въ затрудненье.—Больно
Двухъ сыновей обидѣть въ ихъ довѣрьи
Отцовскимъ обѣщаніямъ. Что тутъ дѣлать?
Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ
Свое кольцо, и поручаетъ сдѣлать
Другія два по образцу его.
Онъ проситъ не жалѣть труда и денегъ,
Чтобъ только вышли совершенно схожи
Всѣ три кольца. И это удалось.
Когда къ отцу ихъ принесли, такъ даже
Онъ самъ свое кольцо не могъ узнать.
Довольный и счастливый, призываетъ
Старикъ по одиночкѣ сыновей,
Благословляетъ ихъ по одиночкѣ,
Даетъ имъ по кольцу—и умираетъ...
Едва скончался онъ, приходитъ каждый
Съ своимъ кольцомъ и каждый хочетъ быть
Главою дома. Смотрятъ кольца, спорятъ.
Хотятъ судиться. Тщетно все! не можетъ
Никто изъ нихъ представить доказательствъ
Въ защиту своего кольца.. Почти что
Какъ нѣтъ вѣдь доказательствъ и у насъ
Въ защиту правой вѣры...

Послѣ этого разсказа о кольцѣ, Натанъ самъ предлагаетъ деньги Султану и упоминаетъ при этомъ о храмовникѣ, разсказавъ, какъ онъ спасъ дочь его, Рэху. Саладинъ приказываетъ позвать храмовника, вспомнивъ о его поразительномъ сходствѣ съ братомъ своимъ. Между тѣмъ Дайя, всегда страстно желающая сдѣлать Рэху единовѣркою, вернуть ее къ религіи ея рожденія, успѣла разсказать храмовнику, что Рэха не дочь Натана, но воспитана имъ какъ еврейка. Храмовникъ видитъ въ этомъ насиліе со стороны честнаго Натана, въ немъ подымается религіозная ненависть и вмѣстѣ страсть, и онъ идетъ къ патріарху, посовѣтоваться съ нимъ (этотъ патріархъ—лицо историческое: католическій патріархъ Гераклій, въ дѣйствительности человѣкъ еще худшій, чѣмъ выведенъ въ драмѣ Лессинга). Патріархъ этотъ жестокъ; онъ говоритъ, что надобно сжечь еврея, „хотя бы этотъ еврей, воспитавшій въ своей религіи христіанское дитя и воспитавъ его съ величайшей заботливостью, и любилъ его больше жизни, сдѣлавъ изъ него человѣка, готоваго на все прекрасное, возвышенное“. На это храмовникъ возражаетъ:

А если бъ
Средь бѣдствій нищеты дитя погибло,
Когда-бъ надъ нимъ не сжалился еврей?
Вздоръ (говоритъ патріархъ), ничего не значитъ сжечь еврея
Затѣмъ, что лучше въ бѣдствіяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху спастись. Притомъ же,
Зачѣмъ еврей предупреждаетъ Бога?
Захочетъ Богъ—спасетъ и безъ него.

Храмовникъ не называетъ имени Натана, чувствуя, что слишкомъ далеко зашелъ, но патріархъ уже посылаетъ разслѣдовать дѣло о христіанской дѣвушкѣ, воспитывающейся у еврея. Дѣло это могло бы кончиться дурно для Натана, еслибъ Саладинъ не зналъ его лично. Саладинъ призываетъ къ себѣ обоихъ и храмовника, и Натана, упрекая храмовника въ его горячности и нетерпимости къ другой религіи. Сестра Саладина, Зитта, съ своей стороны услышавъ о спасеніи Рэхи храмовникомъ, и о ея таинственной исторіи рожденія, призываетъ ее къ себѣ во дворецъ.

Саладинъ прежде всего объявляетъ, что Натанъ можетъ прислать за деньгами, такъ какъ караванъ пришелъ—и султанъ вновь богатъ, а затѣмъ хочетъ устроить бракъ Рэхи съ храмовникомъ, но Натанъ быстро его останавливаетъ и разсказываетъ только что имъ сдѣланное открытіе о томъ, что Рэха и храмовникъ—братъ и сестра, дѣти умершаго брата султана, Ассада, слѣдовательно племянники Саладина и Зитты. Натанъ въ подтвержденіе словъ представляетъ книжечку молитвъ, которую ему доставилъ человѣкъ, принесшій 6-недѣльную Рэху на воспитаніе. Эти книжечку носилъ на груди отецъ Рэхи и дѣлалъ въ ней свои замѣтки.

Въ заключеніе Натанъ обнимаетъ храмовника и Рэху, говоря:

Вы оба дѣти милыя мои,
И брата дочери моей могу-ли
Я не считать роднымъ, коль самъ онъ хочетъ.

Саладинъ съ своей стороны также обнимая ихъ, говоритъ:

Что-бъ дѣти брата не были мнѣ близки,
Чтобъ за своихъ дѣтей я не призналъ
Племянниковъ?

Драма на этомъ заканчивается, хотя такая развязка еще со временъ Лессинга считалась одной изъ слабыхъ сторонъ піесы.

Но драма возникла изъ идеи, съ точки зрѣнія идеи надо и относиться къ ней, говоритъ Куно-Фишеръ. И эти идеи основаны на талантливомъ, внимательномъ изученіи человѣка, на любви къ нему.

Рисунокъ, приложенный къ этому № „Нивы“, представляетъ сцену игры въ шахматы султана Саладина съ его сестрой Зиттой. Сестра замѣчаетъ брату, что онъ играетъ разсѣянно и проситъ его взять свой ходъ назадъ.

Ну, видно, говоритъ Зитта, тысячу динаръ не больше,
Я выиграть должна сегодня.
Салад. Какъ?
Зитта. Да, спрашивай еще! Ты такъ прилежно
Стараешься нарочно проиграть,
А это мнѣ не выгодно ни мало.
Не только потому, что такъ играть
Не занимательно, но тоже—развѣ,
Когда тебѣ проигрывала я,
Не въ большемъ выигрышѣ оставалась:
Ты мнѣ дарилъ всегда двойную ставку,
Чтобъ я утѣшилась.

При этой сценѣ входитъ казнохранитель султана и объясняетъ Саладину, что Зитта не только не получала изъ выигрышныхъ денегъ съ брата, но еще содержала весь дворъ, платила сама всѣ издержки.

Переводъ драматическаго стихотворенія „Натанъ Мудрый“ сдѣланъ В. Крыловымъ и напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“. 1868 г. Это первый и единственный переводъ знаменитаго произведенія, занимающаго первое мѣсто въ нѣмецкой литературѣ. Въ настоящее время есть отдѣльное изданіе означеннаго перевода этой драмы.

Взаключеніе необходимо замѣтить, что разсказывая здѣсь содержаніе знаменитой драмы Лессинга „Натанъ Мудрый“, мы могли передать только одни существенныя черты фабулы этой драмы, передать такъ сказать только ея канву, не дающую въ отдѣльности понятія о замѣчательныхъ достоинствахъ этого произведенія, заключеніе о которомъ можно сдѣлать только по прочтеніи его сначала до конца. Чтеніе этой драмы доставляетъ истинное наслажденіе, и по выраженію Куно-Фишера „Натанъ Мудрый“ по справедливости носитъ такое названіе. Эта піеса въ истинномъ и глубокомъ смыслѣ слова, по мнѣнію Куно-Фишера, есть „книга мудрости“.

Ор.

Ночь на Ивана Купала.

Ночь на Ивана Купала—это умирающій отблескъ, языческихъ повѣрій. Очистительные купальные огни—повѣрье дошедшее до насъ изъ глубокой древности, когда огню еще поклонялись, какъ стихіи.

Собственно у насъ, въ Россіи, ночь на Ивана Купала пользуется наибольшей славой на Украйнѣ, преимущественно въ кіевской, полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ. Здѣсь свято до сихъ поръ держатся древніе обряды. Дивчаты убираютъ себѣ головы вѣнками изъ резеды, кануферу, мяты, васильковъ, божьяго дерева, парни тоже увиваютъ шляпы душистыми травами,—и всѣ вмѣстѣ зажигаютъ большое чучело Купалы въ пестромъ платьѣ, съ намистомъ на шеѣ и очипкомъ на головѣ. Потомъ начинается прыганье черезъ пуки соломы и крапивы. Въ хатахъ тоже кладутъ на окнахъ крапиву, чтобы не пустить въ избу нечистыхъ. Все это, конечно, сопровождается пѣніемъ и хороводами. Передъ закатомъ солнца всѣ купаются въ рѣкахъ, а послѣ заката взявшись за руки попарно прыгаютъ черезъ огонь, и коли при скачкѣ пара не разойдется,—вѣрный признакъ, что бракомъ они соединятся.—Скромнѣе, и далеко не такъ поэтично празднуютъ Купалу на сѣверѣ. Да здѣсь и сама природа менѣе располагаетъ къ таинственности: свѣтлыя іюньскія ночи, съ несбѣгающею съ неба зарею далеко не такъ поэтичны какъ мрачныя украинскія зеленовато-фіолетовыя ночи. Но и здѣсь бѣгаютъ съ холмовъ, жгутъ смоляныя бочки, прыгаютъ, поютъ, танцуютъ.

Въ *Стоглавѣ* есть протестъ противъ него. „...Егда ногого мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвы, отъ великаго клокотанія“... Въ наше время праздникъ этотъ и въ особенности же на сѣверѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой прежній характеръ.

Хлопчатникъ и его культура.

О самомъ раннемъ, такъ сказать первичномъ періодѣ исторіи культуры и обработки хлопка, а также о первомъ учрежденіи хлопчатобумажныхъ плантацій намъ ничего неизвѣстно, да и врядъ ли когда будетъ извѣстно. Таинственное покрывало

лежитъ на исторіи этой производительности. За симъ нужно еще замѣтить, что никакое производство, дѣлаемое изъ растительнаго матеріала, не имѣло и не имѣетъ болѣе обширной области распространенія, чѣмъ производство хлопчатобумажное.

Почка хлопчато-бумажнаго дерева.

Цвѣты хлопчатника и положеніе ихъ утромъ и вечеромъ.

Правда, разведеніе хлопка и фабрикація изъ него продуктовъ громаднымъ образомъ видоизмѣняются соотвѣтственно почвѣ и климату разныхъ странъ, но этимъ обстоятельствомъ обусловливается только множество разновидностей хлопка, но ни

Открытый цвѣтокъ хлопчатника, вытряхающій свой плодъ.

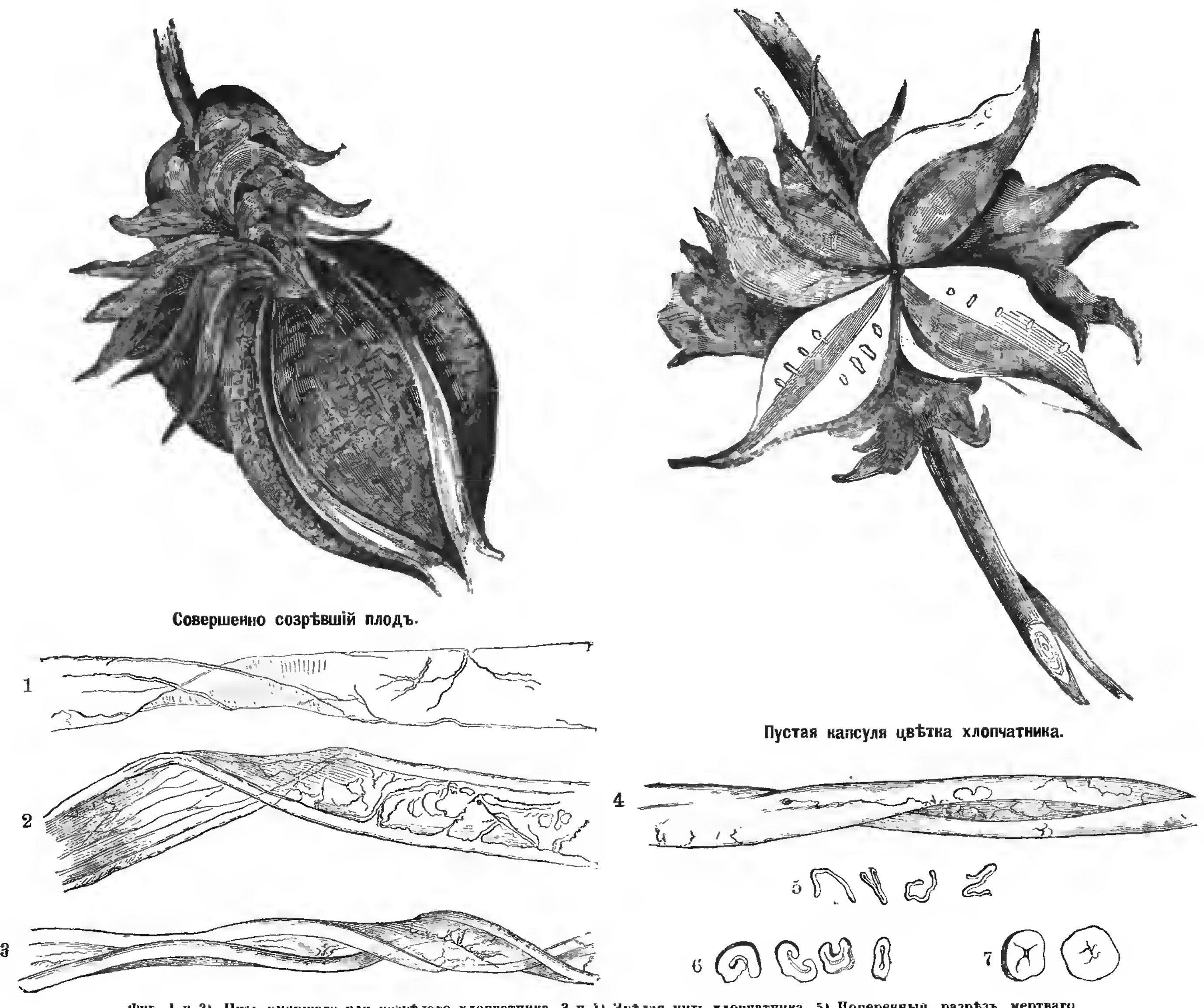
Почти зрѣлый плодъ.

(Продолженіе на стр. 473, 474, 475 и 476).

чуть не съуживается громадная область распространенія его произрастанія и еще болѣе громадная область торговли какъ самымъ хлопкомъ, такъ и приготовленными изъ него продуктами.

Въ Индіи хлопокъ былъ обработываемъ, начиная съ самаго отдаленнаго періода человѣческой промышленности и цивилизаціи, которыхъ самою раннею колыбелью была, какъ извѣстно, эта страна. Индѣйскій хлопокъ и индѣйскіе хлопчато-бумажные фабрикаты были, повидимому, извѣстны всѣмъ восточнымъ народамъ. Многіе изъ этихъ народовъ пользовались индѣйскимъ хлопкомъ, однакоже, самые фабрикаты далеко не достигли такого распространенія, какого слѣдовало бы ожидать. За симъ нужно предположить, что уже съ незапамятныхъ временъ у индусовъ, арабовъ и персовъ ихъ легкія, отличавшіяся величавыми, волнистыми складками одежды приготовлялись изъ хлопчатой бумаги, и принимая во вниманіе жаркій климатъ, хлопчатобумажныя ткани представляли одежду въ высшей степени пріятную для лѣниваго, привыкшаго къ нѣгѣ тѣла восточнаго человѣка. Но даже и при этомъ условіи хлопчатобумажное производство на Востокѣ было слишкомъ незначительно и размѣры фабрикаціи не превышали обыденныхъ домашнихъ нуждъ потребителей. Такое же отношеніе фабрикаціи къ потребленію можно видѣть въ Индіи. Даже и въ наше время почти каждое индѣйское семейство имѣетъ извѣстный участокъ земли, на которомъ воздѣлывается хлопокъ; но собираніе хлопка съ этого участка ограничивается именно только домашними потребностями семейства въ тѣсномъ смыслѣ; весь же остатокъ продукта остается гнить на полѣ непроизводительно. Достойно замѣчанія, что о хлопчатобумажныхъ тканяхъ *не упоминается въ Библіи*, и напримѣръ древніе египтяне, повидимому, никогда не пользовались хлопкомъ, какъ матеріаломъ для одежды, можетъ быть изъ религіознаго предубѣжденія, хотя они должны были быть знакомы съ хлопчатою бумагою и ея тканями отъ сосѣднихъ народовъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ Египтомъ. Но ясно, что египтяне *презирали* какъ хлопчатую бумагу, такъ и приготовленные изъ нея фабрикаты (и обстоятельство это въ высшей степени интересно). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на древне-египетскіе памятники умершихъ, ихъ саркофаги: ни на одномъ надгробномъ древне-египетскомъ памятникѣ не упоминается о хлопкѣ. Обитатели Нильской долины предпочитали носить льняныя ткани, и, конечно, воздѣлывали ленъ. Это подтверждается и микроскопическимъ изслѣдованіемъ оставшихся на муміяхъ одеждъ. Ни одна мумія не обернута въ хлопчатобумажную ткань. Однакоже, въ періодъ завоеванія Египта чуждыми народами, большая часть религіозныхъ предразсудковъ должна была пасть и воздѣлываніе хлопка даже и въ Египтѣ должно было получить извѣстную долю гражданства.

Далѣе, что касается Рима, то въ первый періодъ распространенія христіанства мы видимъ, что бумажныя ткани болѣе или менѣе употреблялись во всей Римской имперіи, а слѣдовательно (принимая во вниманіе всемірное распространеніе римской культуры и римскихъ нравовъ) и самая эксплоатація хлопка не была безызвѣстною тогдашнему образованному міру. Изъ слѣдующихъ за симъ вѣковъ, послѣ распространенія христіанства, до насъ дошло нѣсколько извѣстій о хлопчатобумажной культурѣ. Важно замѣтить, что до времени появленія мусульманства воздѣлываніе хлопка преимущественно сосредоточивалось въ Индіи и Аравіи. Когда же Магометъ изобрѣлъ новую религію и создалъ новое царство,—съ тѣхъ именно поръ и хлопокъ получаетъ весьма важное мѣсто между продуктами торговли. Это явленіе произошло преимущественно потому, что послѣдователи Магомета начали носить одежды изъ хлопчатобумажныхъ тканей и вообще мусульмане вскорѣ прославились искусствомъ приготовлять изъ хлопка *дорогія ткани*. Даже, повидимому, растеніе, производящее хлопокъ, получило у магометанъ священное значеніе. Съ распространеніемъ же мусульманства въ Сѣверной Африкѣ и Южной Европѣ распространились въ лежащихъ въ этихъ предѣлахъ государствахъ и сосѣднихъ съ ними и хлопчатобумажные фабрикаты, и увеличилось ихъ потребленіе. Съ другой стороны, тогдашніе христіане видѣли въ хлопчатобумажныхъ одеждахъ мавровъ существенный

Совершенно созрѣвшій плодъ.

Пустая капсуля цвѣтка хлопчатника.

Фиг. 1 и 2). Нить умершаго или незрѣлаго хлопчатника. 3 и 4) Зрѣлая нить хлопчатника. 5) Поперечный разрѣзъ мертваго волокна. 6) Зрѣлая нить. 7) Поперечный разрѣзъ нити продажнаго хлопка. (Рис. увелич. въ 400 разъ).

признакъ принадлежности къ исламской религіи, и вотъ отсюда-то произошелъ даже предразсудокъ, препятствовавшій употребленію хлопчатобумажныхъ одеждъ христіанскими народами.

Когда Колумбъ открылъ Америку, онъ на многихъ вест-индскихъ островахъ нашелъ дико-растущій хлопокъ; да и вообще распространеніе хлопка *издавна* существовало между народами Средней и Южной Америки, такъ что, напримѣръ, при открытіи Мексико и Перу, они нашли обширное употребленіе хлопчато-бумажныхъ одеждъ въ этихъ странахъ. По завоеваніи Мексико, Фернандъ Кортецъ послалъ въ Европу нѣсколько хлопчатобумажныхъ, преимущественно женскихъ, одеждъ, которыя изумляли тонкостью и красотою работы и вкусомъ въ исполненіи. И вотъ это-то искусство древнихъ мексиканцевъ унаслѣдовали и ихъ потомки (современные намъ). Такъ называемые *„бланкеты“* (покрывала), составляющіе обычную одежду индѣйцевъ, достоинствомъ приготовленія превосходятъ какія угодно хлопчатобумажныя ткани, приготовляемыя на лучшихъ станкахъ лучшихъ фабрикъ цивилизованнаго міра. Такъ называемыя „понхо“, которыя ткутся изъ хлопка, смѣшаннаго съ шерстью, отличаются неподражаемымъ великолѣпіемъ красокъ и огромной прочностью самой ткани. Нерѣдко случается, что такого рода ткань, уже много лѣтъ употреблявшаяся техасскимъ охотникомъ для прикрытія шатра, для украшенія сѣдла, для постели и т. п. и все это во время тропическаго зноя и тропическихъ дождей, и все-таки эта ткань ни чуть не утрачиваетъ блеска и великолѣпія своихъ красокъ (въ особенности же радужныхъ цвѣтовъ по краямъ), а равно и прочно-отдѣлки. Но замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что подобная ткань, свободно пропуская сквозь себя сухой воздухъ тропическаго климата, является въ то же время *непромокаемою* (т. е. не пропускающею сквозь себя воды) и это потому, что всѣ нетли ткани примыкаютъ другъ къ другу до того плотно, что при проникновеніи въ нихъ влаги растительныя и животныя нити ткани тѣсно растягиваются, производятъ сильное взаимное давленіе и такъ сказать выталкиваютъ воду назадъ. Въ особенности же поражаетъ совершенствомъ фабрикаціи такъ называемый *„ребозо“*, или длинный шарфъ, который съ такою прелестью и граціей умѣютъ накидывать на себя мексиканскія женщины. Дамы высшаго класса современнаго намъ мексиканскаго общества имѣютъ „чисто-восточную“ страстную привязанность къ широкимъ одеждамъ, драпирующимъ станъ волнистыми живописными складками и часто эти дамы платятъ громадныя цѣны за великолѣпныя произведенія французскаго или фламскаго фабричнаго станка, но только самымъ богатымъ изъ нихъ удается обзавестись и произведеніями своихъ соотчичей-мексиканцевъ—произведеніями, далеко превосходящими и французскія, и фламскія... И вѣдь эти туземные мексиканскіе фабрикаты приготовляются простою грубою иглою... Привычная рука мексиканца-производителя способна развить такую тонкость и красоту работы, какой не въ состояніи достичь ни одна машина. Если бы мексиканецъ послалъ свой „понхо“ или свой блестящій какъ шолкъ „ребозо“ на какую-либо изъ всемірныхъ выставокъ, то, разумѣется, онъ получилъ бы призъ...

Уже съ начала того періода, съ котораго мы считаемъ свою новую исторію, во Франціи, Италіи и Нидерландахъ стали производиться хлопчато-бумажные фабрикаты въ значительномъ количествѣ; но колоссальное распространеніе этихъ фабрикатовъ въ Европѣ и во всемъ мірѣ начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ Великобританія принялась за этого рода фабрикацію. Но это развитіе хлопчато-бумажной фабрикаціи въ Англіи совершилось лишь съ весьма большою постепенностью. Англичане принялись за эту фабрикацію крайне осторожно, какъ люди, которые еще не вѣрятъ, что у нихъ подъ ногами находится твердая почва. Прежде всего они начали производить ткани изъ *смѣси хлопка со льномъ*; но эта фабрикація не имѣла успѣха. За симъ англичане придумали дѣлать *бумажный утокъ на льняной основѣ*, и только уже впослѣдствіи они стали изготовлять ткани изъ одной бумаги, и въ прочности такого приготовленія долгое время сомнѣвались. Но вотъ когда удалось приготовить первую прочную *исключительно* хлопчато-бумажную ткань, тогда пало и предубѣжденіе противъ хлопка, и тогда же положено основаніе громадному богатству и могуществу Англіи (обстоятельство, быть можетъ, не замѣченное первоклассными политиками и государственными людьми того времени). По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе расширялась въ Великобританіи хлопчато-бумажная фабрикація, весьма естественно, возрасталъ и спросъ на сырой продуктъ для этой фабрикаціи, т. е. на хлопокъ. Для этой цѣли Англія воспользовалась хлопчатникомъ, растущимъ въ ея Сѣверо-Американскихъ владѣніяхъ. Невозможно съ точностью опредѣлить времени, съ котораго стали разводить хлопчатникъ на сѣверѣ Америки; но конечно это было сдѣлано изъ любви къ сельско-хозяйственной культурѣ, и первые кусты хлопчатника были разведены въ садахъ и на поляхъ, но за симъ они акклиматизировались и разрослись въ обширныя плантаціи. До послѣдней четверти прошлаго вѣка, до 1783 года, хлопчатникъ произросталъ въ Сѣверной Америкѣ въ довольно скудномъ количествѣ и плантаціи оставались въ границахъ весьма скромныхъ, но съ 1783 года, со времени изобрѣтенія *Аркрейтомъ* первой ткацкой машины, быстро начала развиваться и культура сырого матеріала, быстро увеличились и расширились плантаціи хлопка, ибо и самый процессъ тканья началъ производиться исключительно машинами. За симъ, съ теченіемъ времени машины же были приложены и къ первоначальной обработкѣ сырого продукта; напримѣръ, изобрѣтена машина для чески хлопка; вмѣстѣ съ этимъ въ огромной степени сократилась и стоимость самого производства хлопчато-бумажныхъ фабрикатовъ.

Къ этому же времени, когда хлопокъ получилъ такое всемірное значеніе для богатства народовъ, начались разсадки новыхъ хлопковыхъ плантацій въ штатахъ Южной Каролины и Георгія. Но все таки произрастаніе продукта въ этихъ и другихъ штатахъ было сначала до такой степени незначительно, что, напримѣръ, въ 1784 году, когда Египетъ и другія части Африки, а равно и Индостанъ, доставили въ Англію весьма мало хлопка, то на 8 кипъ хлопка, прибывшаго въ Ливерпуль на одномъ изъ американскихъ кораблей, наложено было запрещеніе, потому что не вѣрили, чтобы вообще Соединенные Штаты могли производить такое большое количество хлопка. Главною причиною весьма малаго привоза хлопка въ то время, нужно, конечно, считать трудность очистки хлопка, отдѣленіе его сѣмянъ отъ облекающаго ихъ волокна,—трудность, представлявшуюся въ то время огромною. Эта очистка хлопка требовала слишкомъ много времени для того, чтобы во время исполнить самый умѣренный запросъ хлопчатобумажнаго рынка. Вѣдь машинъ для чистки изобрѣтено еще не было; сырой матеріалъ очищался руками, что весьма естественно вліяло и на сильное возвышеніе цѣны матеріала. Но вотъ *Эли Унтней* изобрѣтаетъ особую машину для очистки хлопчатыхъ волоконъ отъ сѣмянъ. Это изобрѣтеніе произвело настоящую эпоху въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, потому что непремѣннымъ его слѣдствіемъ было удешевленіе всего производства. Эли Унтней пришелъ изъ Новой Англіи въ Георгію, и тутъ-то его вниманіе обратилось на понстинѣ плачевный процессъ *ручнаго* отдѣленія сѣмянъ хлопчатника отъ волоконъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль серьезной усиленной работы, машина Эли Унтнея была готова и названа своимъ творцомъ „Saw-gin“. Изобрѣтеніе было до того геніально, устройство его было до такой степени совершенно, что въ существенныхъ своихъ чертахъ машина остается неизмѣненной до сихъ поръ, т. е. такою, какою вышла изъ рукъ Эли Унтнея. Перемѣны сдѣланы лишь ничтожныя, въ мелочахъ.

Трудно исчислить всѣ плодотворныя послѣдствія изобрѣтенія Унтнея. Благодаря ему, въ Соединенныхъ Штатахъ оживились цѣлыя пустыни промышленною жизнью, и вообще это изобрѣтеніе въ немалой степени содѣйствовало процвѣтанію Сѣверо-Американскаго Союза. Но, какъ всегда бываетъ на свѣтѣ, о виновникахъ огромныхъ общественныхъ благодѣяній совсѣмъ забываютъ, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Объ Эли Унтнѣе все забыли, какъ будто его не существовало на свѣтѣ и вся жизнь этого человѣка была безпрерывною цѣпью неудачъ и страданій... Это тѣмъ удивительнѣе, что заслуга Унтнея слишкомъ осязательна и практична. Если изобрѣтеніе Аркрейтомъ ткацкой машины доставило все необходимое для прочнаго и быстраго приготовленія бумажной ткани, то благодаря Унтнею, достигла высокаго процвѣтанія самая культура хлопчатника, и хлопковые рынки наполнились уже очищеннымъ хлопкомъ, продающимся за дешевую цѣну. Продолжительная борьба хлопковыхъ тканей съ другими тканями приведена къ прочному и опредѣленному концу. Хлопчато-бумажный фабрикатъ своею необыкновенною дешевизною, въ самомъ дѣлѣ, вытѣснилъ съ рынковъ другіе фабрикаты, да и за самымъ производствомъ обезпечена постоянная прибыль и выгода, никогда не колеблющаяся въ смыслѣ уменьшенія барышей. Въ самомъ дѣлѣ, общая прибыль отъ вывоза хлопка въ Америкѣ, за періодъ времени въ 60 лѣтъ, увеличилась съ 50.000 до 112 милліоновъ долларовъ *).

Въ настоящее время область хлопчато-бумажныхъ плантацій въ Сѣверной Америкѣ обнимаетъ болѣе *двухъ третей* территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Насажденія хлопчатника громадно протягиваются чрезъ холмы и долины и весьма рѣзко отличаются отъ сахарныхъ плантацій. На каждомъ изъ пунктовъ, съ которыхъ открывается обширный видъ на окружающую мѣстность, находится жилище владѣльца плантаціи, а рядомъ съ нимъ, большею частью близь бьющаго свѣжею водою ключа, расположено извѣстное число помѣщеній для рабочихъ. Дороги, проложенныя среди плантацій хлопчатника, обыкновенно приспособлены къ образованіямъ самой почвы и формы земной поверхности. Иногда дорога змѣеобразно извивается между обработанными полями и лѣсами, къ которымъ еще не прикоснулся ударъ топора...

Приготовленія къ посѣву хлопчатника начинаются въ *январѣ*. За симъ рабочіе, вооружившись тяжелыми дубинами, начинаютъ ломать ими стебли кустовъ хлопчатника, оставшихся отъ прошлогодней жатвы, или же вырываютъ эти стебли совершенно съ корнемъ изъ земли. Высохшіе стебли стаскиваются въ костеръ и зажигаются при наступленіи ночи. И вотъ эта то подготовительная работа вырыванія, стаскиванія и сожига-

*) Долларъ американскій равенъ 1 р. 32 к. съ небольшимъ.

нія стеблей, въ связи съ исправленіемъ загородей на плантаціяхъ, занимаетъ у рабочихъ періодъ времени до конца марта или до начала апрѣля. Съ этого же времени уже начинается вспахиваніе почвы. Прежде всего вспахиваютъ землю плугомъ, дѣлающимъ весьма широко отстоящія борозды (такъ называемыя „водяныя борозды“ или канавы). Взаимное разстояніе этихъ бороздъ другъ отъ друга простирается отъ 5—6 футовъ. Впрягаютъ въ этотъ плугъ здоровыхъ быковъ или муловъ. Послѣ паханья таковымъ плугомъ на пашнѣ образуются маленькія цѣпи холмовъ, по которымъ проходятъ потомъ уже другимъ, болѣе легкимъ плугомъ, и этотъ плугъ дѣлаетъ уже настоящую борозду для посѣва сѣмянъ. Посѣвъ этотъ обыкновенно производитъ дѣвочка, которая идетъ за плугомъ и, изъ своего фартука бросаетъ въ проводимую борозду сѣмена хлопчатника. Брошенныя сѣмена потомъ забораниваютъ, и этою операціей посѣвъ хлопка бываетъ совершенно конченъ. На одинъ *моргенъ* засѣваемаго хлопкомъ поля требуется приблизительно отъ 2—3-хъ *бушелей*. Эти посѣвныя сѣмена, если они не израсходованы на посѣвъ, для фермера не имѣютъ почти никакой цѣны; потому что на каждый годъ обыкновенно получается громадное количество сѣмянъ, и избытокъ ихъ, остающійся послѣ засѣва плантацій, обыкновенно или остается на кормъ скоту, или служитъ для удобренія почвы, или же совершенно непроизводительно сгниваетъ. Если во время посѣва стоитъ благопріятная ясная погода, то спустя отъ 6—10 дней послѣ посѣва, изъ земли показываются уже ростки молодого хлопчатника. И вотъ тогда-то начинается особая работа, называемая по-американски „Scraping“, взрываніе или выравниваніе, имѣющее цѣлію выравнять появившіеся изъ земли побѣги хлопка, вырвать слишкомъ чахлые и запоздавшіе ростки и отчасти для того, чтобы удалить съ молодой плантаціи сорныя травы. Для этой цѣли вдоль борозды проходятъ легкимъ плугомъ и слегка взрываютъ землю. За плугомъ обыкновенно идутъ рабочіе. Они оставляютъ только самые крѣпкіе побѣги и отстоящіе другъ отъ друга почти на 2 фута; остальные же вырываютъ вмѣстѣ съ сорными травами; для вырыванія негодныхъ побѣговъ употребляются особаго рода крючья. Эту работу съ чрезвычайной ловкостью исправляютъ негры, такъ что невольно обращаютъ на себя вниманіе и возбуждаютъ изумленіе каждаго, присутствующаго въ первый разъ при работѣ „Scraping“. Не смотря на то, что крючья, которыми вооружены темнокожіе рабочіе, представляютъ инструментъ грубый, часто испорченный отъ долгаго употребленія, не смотря на то, что множество взошедшихъ ростковъ представляетъ опасность вырвать вмѣстѣ съ негодными ростками и годные, рабочіе умѣютъ съ неподражаемымъ мастерствомъ вырвать „только не нужные“ ростки, даже не прикоснувшись къ тѣмъ, жизнь и ростъ которыхъ они намѣрены щадить.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Политическія извѣстія.

Въ происходившихъ на прошлой недѣлѣ засѣданіяхъ конгресса дѣло шло объ организаціи Болгаріи. Только съ 7-го по числу засѣданія конгресса, состоявшагося въ среду 14-го (26-го) іюня, въ обсужденія конгресса внесены частности и формальности, касающіяся *допущенія второстепенныхъ державъ* (каковы: Греція, Сербія, Черногорія, Румынія) на конгрессъ. Результатомъ было то, что Греція допущена съ *совѣщательнымъ голосомъ*. Разъ это было сдѣлано, зашевелились представители мелкихъ государствъ и народностей Балканскаго полуострова. Румыны и армяне принялись за изготовленіе адресовъ.

Судя по много разъ повтореннымъ телеграфнымъ свѣдѣніямъ, теперь представляется рѣшеннымъ, что *Россія согласилась, чтобы Болгарское княжество имѣло границею линію Балкановъ*. Это уже въ общихъ чертахъ было извѣстно въ началѣ прошлой недѣли, но были весьма не точны детали этого общаго рѣшенія. Теперь оказывается слѣдующее: Англія всѣми силами требуетъ для турокъ не только пограничной балканской черты, но и балканскихъ укрѣпленій, стоившихъ намъ столько крови; по этой южной, Забалканской части Болгаріи будетъ предоставлена *автономія*, или самоуправленіе и въ этой автономной провинціи будутъ расположены не *турецкія войска*, а *туземная милиція* (слѣдовательно и занятіе этими милиціонными войсками южныхъ Балканскихъ проходовъ не представляетъ существенной опасности нарушенія мира). Далѣе: гор. Софія съ своимъ санджакомъ будетъ принадлежать къ этой провинціи, а крѣпость Варна, находящаяся, какъ извѣстно, на берегу Чернаго моря, составитъ главную оборонительную позицію Болгаріи. Съ самой субботы предшествовавшей недѣли т. е. съ 10-го (22-го) іюня, на конгрессѣ выдѣленный изъ общаго плана совѣщаній вопросъ: „*кому обладать Софіей*“— былъ предметомъ почти безпрерывныхъ предварительныхъ переговоровъ. Всѣ сознавали важность вопроса о гор. Софіи, имѣющемъ такое громадное стратегическое значеніе. Послѣ множества возраженій, сдѣланныхъ представителями Англіи и Австріи, нашему представителю графу Шувалову наконецъ удалось-таки достигнуть разрѣшенія вопроса о Софіи именно въ *томъ смыслѣ, какого желала Россія*.

Но при такомъ ходѣ переговоровъ и преній, представители Турціи продолжали оказывать упорство и неподатливость, обнаруженныя ими съ самаго начала засѣданій конгресса. Турціи, во что бы то ни стало, хочется остаться „дунайскимъ“ государствомъ; за симъ она еще сильнѣе упорствуетъ противъ сдачи крѣпостей, особенно же Шумлы, Варны и Батума. Представитель Турціи, *Каратеодори*, оказавшійся *грекомъ* (какъ мы и догадывались въ одномъ изъ предшествовавшихъ нашихъ обозрѣній) даже, въ пылу спора, до того разгорячился и увлекся (это было на 4-мъ засѣданіи конгресса, въ субботу, 10-го (22-го) іюня, когда болгарскій вопросъ впервые выступилъ во всей широтѣ и подробности)—что воскликнулъ: „Eh bien qu'on nous force!“ (Ну, такъ пусть же насъ *силою* заставятъ уступить!). Въ этомъ восклицаніи вылилась вся твердая надежда турка на Англію и Австрію... Жаль только, что по самой уже силѣ вещей, по самому ходу дѣла, открытое заступничество за Турцію является логической безсмыслицей даже съ точки зрѣнія Биконсфильда и Андраши, которые, какъ государственные люди, понимаютъ же, что вдохнуть жизнь въ трупъ нельзя...

Изъ всего хода преній и рѣшеній мы видимъ, что прелиминарный Санъ-Стефанскій договоръ подвергся большимъ ограниченіямъ, можетъ быть еще большія ограниченія потерпитъ онъ въ результатѣ будущихъ преній и рѣшеній.

Въ засѣданіи 14-го (26-го) іюня Бисмаркъ заявилъ (отъ имени всѣхъ державъ) что онѣ *признаютъ*, что *Россія принесла большую жертву европейскимъ интересамъ*, отказавшись, по соображеніямъ политической мудрости отъ позицій, которыя она завоевала своею кровью. Князь Бисмаркъ выяснилъ далѣе, что конгрессъ, съ своей стороны, соглашается на присоединеніе Софіи и Софійскаго санджака къ Болгаріи и что въ этомъ согласіи „заключается признаніе необходимости сдѣлать существенную уступку могуществу русскаго правительства“. Изъ этого видно, что Россіею пріобрѣтена на конгрессѣ твердая почва и значительное вліяніе въ нравственномъ смыслѣ.

Существуетъ не безъосновательное предположеніе, что хотя укрѣпленія на южномъ склонѣ Балканъ рѣшено уступить туркамъ, но что фортъ *Св. Николая* (близь Шипкинскаго перевала) можетъ быть не будетъ сданъ имъ. Для обезпеченія сообщеній между укрѣпленіями на Балканахъ и непосредственными владѣніями, туркамъ, по всей вѣроятности, будутъ предоставлены этапные пункты въ южно-болгарской провинціи. Что касается до офицеровъ болгарской милиціи, которая займетъ южно-балканскія укрѣпленія, то они будутъ утверждаться и назначаться въ должностяхъ *самимъ султаномъ*. Надо замѣтить, что Турція, въ лицѣ своихъ представителей, сильно противится проекту милиціи, имѣющей охранять Балканы, а настаиваетъ на *жандармской стражѣ*. Представители порты почему-то считаютъ эту разницу существенной. При установленіи милиціи или же жандармеріи (безразлично) принципъ признается тотъ, что милиція или жандармерія будутъ избираться изъ той расы, которая въ данныхъ округахъ составляетъ *большинство* населенія. На сколько извѣстно, конгрессъ обсуждалъ уже и срокъ занятія нашими войсками Болгаріи. Срокъ этотъ полагается: 9-ть мѣсяцевъ со времени подписанія Санъ-Стефанскаго договора и 3 мѣсяца на выступленіе войскъ, итого 12-ть мѣсяцевъ.

Что касается Румыніи, то непріязненность къ намъ этой маленькой земли не уменьшается, а повидимому возрастаетъ, благодаря вопросу объ уступкѣ Бессарабіи. Всѣ усилія румынъ до сихъ поръ были направлены на просьбы къ великимъ державамъ о посредничествѣ по бессарабскому вопросу. Но недавно со многихъ сторонъ, и между прочимъ отъ Франціи и Италіи, румыны получили настоятельный совѣтъ: *во что бы то ни стало* войдти по интересующему ихъ бессарабскому вопросу въ соглашеніе съ Россіею.

За симъ, что касается Сербіи и Черногоріи, то наши уполномоченные посовѣтовали представителямъ этихъ земель *войдти въ соглашеніе* съ *Австріей*, которая, съ своей стороны выразила рѣшеніе занять своими войсками Боснію и Герцеговину и получить въ свое вѣдѣніе торговый путь въ западной части Балканскаго полуострова, ведущій къ важному торговому порту Салоникамъ. Для этой-то цѣли, между границами Черногоріи и Сербіи предполагается оставить полосу земли въ *20 верстъ шириною*. Графъ Андраши соглашается на присоединеніе порта Антивари къ Черногоріи. Со стороны Англіи тоже нѣтъ теперь препятствія къ присоединенію къ Черногоріи этого порта, тѣмъ болѣе, что въ Англіи героическая Черногорія пользуется сравнительно большею симпатіею, чѣмъ другія славянскія племена. Представитель Черногоріи, *Божо Петровичъ*, формируя конгрессу желаніе своихъ соотечественниковъ удержать за собою Антивари съ южною плодородною областью, весьма характеристически выразился: „намъ надоѣла поэзія войны въ горахъ... Намъ хочется спуститься во долины и пожить мирно, покойно“. Далѣе, обсуждая положеніе Эпира, уполномоченные конгресса предполагаютъ дать этой области автономію. Вопросъ этотъ еще имѣетъ обсуждаться впослѣдствіи; но уже теперь обнаружились жаркія пререканія между

турецкими и греческими уполномоченными по поводу Эпира. Турки настаиваютъ на неприкосновенности Янины, лежащей въ Эпирѣ, тогда какъ греки ссылаются на греческій характеръ Янины. Всѣ эти споры происходятъ еще внѣ конгресса.

Но между тѣмъ, какъ вся эта масса народностей хлопочетъ объ интересахъ и гарантіяхъ мира и національнаго и племеннаго обособленія,—турки снова принялись за свои звѣрства, которыя, въ данномъ случаѣ они практикуютъ надъ несчастными крестянами (или кандіотами). А также надъ эпиротами и Ѳессаліотами. Недавно, на о-вѣ критѣ, турки напали на деревни Цивару и Армени, сожгли жатву, перебили 20 женщинъ и дѣтей и заняли Армени и приготовились къ нападенію на Апокорону. Что касается Ѳессаліи и Эпира, то тамъ турки безчеловѣчно избиваютъ христіанъ во многихъ мѣстностяхъ. Послѣдніе, съ своей стороны, оказываютъ вооруженное сопротивленіе, и уже, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, выгнали турецкихъ сборщиковъ податей. Существуютъ даже признаки общаго рѣшительнаго возстанія... Не намекаетъ ли все это, что болѣзнь, сдѣлавшаяся хроническою, должна быть вылечена радикальнѣе, чѣмъ это слѣдуетъ съ точки зрѣнія государственныхъ людей, хлопочущихъ прежде всего о *цѣлости* Турціи. Какая горькая иронія!... Въ то время, какъ Биконсфильдъ и Андраши, заручившись безкорыстною уступчивостью и миролюбивымъ согласіемъ Россіи, торжествуютъ ради цѣлости и неприкосновенности Имперіи Османлисовъ,—эта имперія, яко бы европейская, еще (уже тысячу первый разъ) принимается доказывать, что она ничего общаго съ Европою не имѣетъ, и возстановленіе какой либо самобытности развязываетъ ей руки для новыхъ звѣрствъ и что мѣсто Турціи—въ Азіи. Чѣмъ далѣе идутъ событія, тѣмъ болѣе обнаруживается, что Восточный, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ Балканскій вопросъ нельзя рѣшать вполовину.

Критяне, повидимому, рѣшились на упорную, ожесточенную борьбу съ Турціей, съ цѣлію прочнаго соединенія съ греками.

Суммируя на основаніи телеграфныхъ свѣдѣній, существенныя черты всего до сихъ поръ сдѣланнаго берлинскимъ конгрессомъ нужно сказать, что Россія, въ видахъ миролюбія сдѣлала столь значительныя уступки, что при извѣстной заносчивости нашихъ друзей (или что тоже „учителей") во многихъ возбудились опасенія, что наши „друзья" сдѣлаются послѣ этого еще заносчивѣе и что мы все дальше и дальше пойдемъ по пути уступокъ. Но тутъ помогъ сдерживающій и регулирующій голосъ Германіи, и Европа устами князя Бисмарка превозгласила уступчивость Россіи государственною мудростью.

Изъ другихъ имѣющихъ политическое значеніе событій въ Европѣ отмѣтимъ слѣдующее.

Недавно умеръ Ганноверскій король Георгъ, владѣнія котораго, какъ извѣстно, послѣ войны 1866 г. были присоединены къ Пруссіи, а имущество короля конфисковано. Въ настоящее время Пруссія, вслѣдствіе особой сдѣлки, рѣшила возвратить это конфискованное имущество наслѣднику покойнаго короля принцу Эрнсту-Августу Ганноверскому.

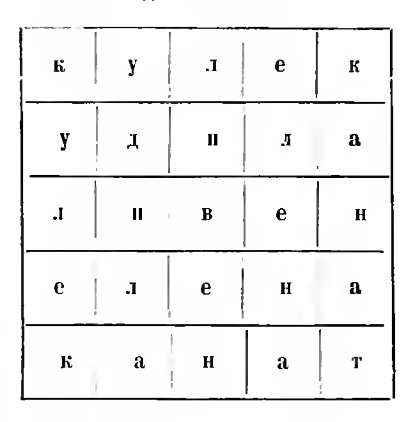
Силы Императора Вильгельма все болѣе и болѣе укрѣпляются, такъ что императоръ можетъ уже ходить по комнатѣ.

Въ городѣ Килшѣ на прошлой недѣлѣ произошли серьезные безпорядки, по случаю взрыва негодованія католиковъ противъ еврейскаго населенія.

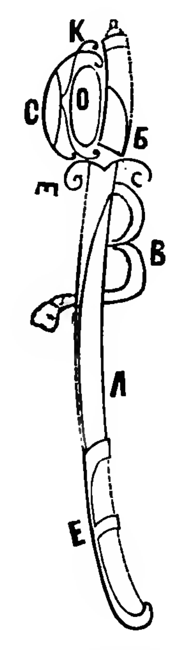
Рѣшенія задачъ.

Ребусъ въ № 25. Началъ за здравіе, а кончилъ за упокой.

Задача въ № 25.

к	у	л	е	к
у	д	и	л	а
л	и	в	е	н
е	л	е	н	а
к	а	н	а	т

Эта сабля была помѣщена въ № 25 «Нивы» и заключаетъ въ себѣ слово «Скобелевъ».

ЗАЯВЛЕНІЕ

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою СПБ. 22 іюня 1878 г. Тип. [illegible] № 10.